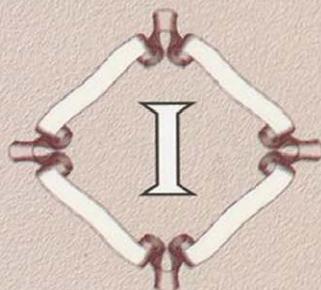

Fəxrəddin VEYSƏLLİ

**SEÇİLMİŞ
ƏSƏRLƏR**

Fəxrəddin Veysəlli

SEÇİLMİŞ ƏSƏRLƏRİ

I

Bakı – – 2009

Redaktor: **F.H.Zeynalov**
filologiya elmləri doktoru, professor

Rəyçilər: **F.Ə.Aslanov**
filologiya elmləri doktoru

S.M.Zeynalova
filologiya elmləri namizədi, dosent

Fəxrəddin Veysəlli. SEÇİLMİŞ ƏSƏRLƏR. I cild.
– Bakı: Mütərcim, 2009. – 660 səh.

V $\frac{4702060000}{026}$ xx-09

ISSN

© F.Veysəlli, 2009

KİTABIN İÇİNDƏKİLƏR

ÖN SÖZ ƏVƏZİ	7
--------------------	---

I bölmə**FONETİKA VƏ FONOLOGİYANIN
XÜSUSİ VƏ ÜMUMİ MƏSƏLƏLƏRİ**

Интерпретация некоторых фонетических терминов	9
Еще раз о минимальной единице членения речевого потока	10
Об эксперименте в фонетике и о некоторых вопросах экспериментальной фонетики	21
О дифференциальных и интегральных признаках фонем	34
О понятии акустического различия в фонетике и фонологии	44
Azərbaycan dili fonemlərinin kombinator təhlili	49
Основные направления современного языкознания	54
Проблема взаимосвязи субстанции и формы в современном языкознании	55
Акустические характеристики азербайджанских смычно-взрывных согласных: /b/, /p/, /d/ и /t/	66
О просодике предложения	74
Yeni qrafika: siz necə düşünürsünüz?	78
Əlifba mədəniyyətin güzgüsüdür	78
Poeziyamızın fonetik qurumuna dair	85
Синтагма как единица интонационно-смыслового членения	91
Müstəqillik və xarici dil: nəzəriyyələr və problemlər	92
Danışqda ədəbi dil norması haqqında	97
К истории проблемы синтагмы в языкознании	102
О некоторых осциллографических характеристиках азербайджанских сонантов на материале односложных слов	116
Вопросы теории языка в трудах проф. М.А.Казем-бека	119
Спорные вопросы азербайджанской фонологии (к постановке проблемы)	131
Dilçilik terminlərinin azərbaycan dilində verilməsi yolları	138
Первый тюркологический съезд - 80 лет спустя	141
I türkoloji qurultay – 80 il əvvəl və sonra və əlifbamızın həll olunmamış problemləri	158
Some remarks about the prosodic structure in Azerbaijani	167

II bölmə VARIATİVLİK

Лингвистические основы определения вариантности гласных фонем немецкого языка	172
Лингвистические факторы, обуславливающие объединение вариантов в инвариантах (на уровне фонем).....	173
Варьирование фонем и проблема обучения правильному произношению.....	175
Фонетическая вариативность и фонемная идентификация.....	176
О некоторых результатах исследования аллофонического варьирования гласных фонем немецкого языка.....	178
Количественная вариация фонем.....	183

III bölmə İNTONASIYA

О некоторых направлениях изучения интонации.....	186
О возможностях линейного членения интонации.....	187
Мелодический компонент терминальной интонации.....	188
Возможно ли линейное членение интонации?.....	192
К анализу фразовой интонации.....	202
Интонационная структура терминальной синтагмы в немецком языке.....	204
Характеристика мелодического компонента терминальной интонации в немецком языке.....	217
Анализ данных опыта по восприятию завершающей интонации немецкого языка.....	225
Проблема фразовой интонации в современной лингвистике.....	239
Две функции фразовой интонации.....	248
Некоторые вопросы интонации азербайджанского языка.....	254
İntonasiyanın bəzi məsələləri.....	264
К вопросу об изучении интонации.....	268

IV bölmə MÜQAYİSƏLİ FONETİKA VƏ FONOLOGİYA

О некоторых вопросах сравнительной фонетики (на материале гласных фонем немецкого, русского и азербайджанского языков).....	279
Alman və Azərbaycan dillərində sintaqm.....	280
Задачи контрастной фонологии в обучении неродному языку.....	286
Некоторые вопросы контрастной фонологии.....	288
Билингвизм и проблемы контрастной фонологии.....	296
Dilimiz - sərvcətimiz. Ana dili, ikinci dil və gənclərimiz.....	297
«Azərbaycanca-İngiliscə lüğət» -leksikoqrafiyamızda yeni mərhələ.....	312

Voraussage und Beseitigung der Interferenzfehler im Sprachunterricht	317
Уровень нормы и орфофония азербайджанского языка	317
Probleme einer konfrontativen Grammatik (behandelt am Material der deutschen und asärbaidshanischen Sprache)	323
Kültür-kontrastiv qrammatika xarici dilin tədrisində yeni mərhələ kimi	336
Kulturkontrastive Grammatik als Vermittler im Sprachunterricht (Vortrag, gehalten in der DAAD-Konferenz in Tbilissi am 21. April 2007)	338
Проблема дискурса в современной лингвистике	347
Bizə hansı qrammatika lazımdır?	358
К вопросу о составе фонем современного азербайджанского языка (Вокализм)	369
О просодике в азербайджанском языке	380
О некоторых лингвистических аспектах перевода	386

V bölmə

ALMAN DİLİNİN FONETİKASI VƏ FONOLOGİYASI

Завершающая интонация в немецком языке (экспериментально-донетическое исследование)	392
Alman dilində bitkinlik intonasiyasına dair	406
Фонема /ç/ в немецком языке	411
Дистрибуция гласных фонем немецкого языка	419
Die phonetische Wissenschaft in der UdSSR und einige Probleme der Phonologie	429
Дистрибутивная характеристика гласных фонем немецкого языка	437
Вариативность гласных фонем современного немецкого языка (экспериментальные данные и теоретические проблемы немецкого языка)	439
«Qərb – Şərq Divanı»nı oxuyarkən	473
Zum Phonembestand des gegenwärtigen Asärbaidshanischen (Vokalismus) ...	475
Probleme der Phonemvarianten in der gegenwärtigen Phonologie	483
Проблема варьирования фонем в современной фонологии	491
Phonem-Variante-Laut: zum Aufbau der phonetisch-phonologischen Sprachebene	502
К критике дихотомической теории описания фонологической системы языка	513

VI bölmə

RESENZİYALAR

«Статистико – информационная типологи тюркского текста»	516
Л. А. Вербицкая. Русская орфоэпия (к проблеме экспериментально - фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы)	518
Л. В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка	521

Интерференция звуковых систем.....	525
Жизнь в науке. К столетию со дня рождения Н.С. Трубецкого.....	529
Alman dilinin fonetikasi.....	535
Azərbaycanca-İngiliscə, İngiliscə-Azərbaycanca sözlük və ifadələr kitabçası. Nikolas Oydi və Famil İsmayılov. Hippokrene byks.	536
Fremdsprache Deutsch. Besprechung.....	548
Лингвистическое наследие проф. М.Т.Тагиева в центре внимания зарубежных ученых.....	550
S. Cəfərovun elmi-pedaqoji görüşləri haqqında (anadan olmasının 100-illiyinə həsr olunur).....	555

VII bölmə

Bölmümüş vətənin bölünməz dili	562
P.О.Якобсон. Детский язык, афазия и общие звуковые законы.....	568
Filoloq – alimlərimiz: Ağamusa Axundov	575
Ümumortaq türk dili: gerçəklik və reallıq	580
Ulu keçmişə güzgü tutan kitab	582
Суверенитет и языковая политика Азербайджана.....	590
Səyadulla Musa oğlu Babayev.....	593
Professor, Doctor Fəxrəddin Yədigar (Veysəlli) – 60.....	596
Штрихи к портрету профессора М.Т.Тагиева	598
Ön söz – 100 il Cəfər Cəfərov	603
İrlandiya səfərindən qeydlər.....	604

AD GÖSTƏRİCİSİ .....

627

ÖZƏK SÖZLƏR .....

635

ÖN SÖZ ƏVƏZİ

Oxuculara təqdim olunan bu cildə ötən əsrin 70-ci illərindən bu yana ümumi, german və türkoloji dilçiliyin nəzəri və praktik məsələlərinə həsr olunmuş və dünyanın müxtəlif məcmuə, jurnal və topluslarında çap etdirdiyi elmi məqalələri ilk nəşr variantında, yəni hansı dildə çap olunmuşdularsa, o dildə də heç bir dəyişiklik və əlavə edilmədən yenidən çap olunmuşdur. Məqalələrlə yanaşı müəllifin həm namizədlük, həm də doktorluq dissertasiyalarının avtoreferatları bu kitabda özünə yer almışdır. Cildə gedən bütün yazılar və məqalələr xronoloji ardıcılıqla düzülmüşdür.

“Seçilmiş əsərlər”dəki məqalə və yazılar beş başlıq altında ümumiləşdirilmişdir:

1. Fonetika və fonologiyanın ümumi və xüsusi məsələləri. Bu bölmədə müəllifin fonetika və fonologiyanın müxtəlif məsələlərinə dair həm nəzəri, həm də tətbiqi xarakter daşıyan fikir və mülahizələrini əks etdirən məqalələri toplanmışdır. Burada dil səslərinin fonematikliyi, dilin fonem sisteminin müəyyənləşdirilməsi, fonem-variant-səs münasibətləri, fonetikanın tədqiqat metodları, dilin üçlü üzvlənməsi-sistem-norma və danışmaq aktı, üzvlənmənin linqvistik mahiyyəti, sintaqm, cümlə prosodiyası və intonasiyası, dixotomik təsvirin xüsusiyyətləri, terminologiya, qrafem-fonem münasibətləri, dilin işarəvililiyi, diskurs və tərcümənin linqvistik problemləri kimi olduqca maraqlı və aktual mövzular şərh olunur və onlara dair müəllifin mövqeyi açıqlanır.

2. “Variativlik problemləri”ni əhatə edən bölmədə variativliyi şərtləndirən amillərdən ibarət problemlərlə bağlı məqalələr toplanmışdır. Müəllifin doktorluq dissertasiyasının fonem variativliyinə həsr olduğunu nəzərə alsaq, bu problemin ona nə qədər yaxın olduğunu təsəvvür etmək çətin olmaz. Ancaq fonem variativliyi haqqında müəllifin ən böyük əsəri beşinci bölmədə verilmişdir.

3. Müəllifin konkret tədqiqat sahələrindən biri də intonasiyadır. Kitabın üçüncü bölməsində intonasiyanın çoxşaxəli təbiəti, funksiyası və sistemi haqqında bilikləri özündə cəmləşdirən məqalələr bu bölmədə toplanmışdır.

4. “Müqayisəli dilçilik” bölməsində müəllifin konfrontativ və kontrastiv dilçiliklə bağlı çap olunmuş məqalələri toplanmışdır. Burada

bilinməz, ana dili və xarici dillə bağlı müəllifin müxtəlif illərdə çap etdirdiyi məqalələr özünə yer almışdır.

5. Respublikamızda germanistikanın ilkin kövrək addımları müəllifin bu sahədə sanbalı tədqiqatları ilə bağlıdır. Onun ötən əsrin 70-ci illərinin əvvəllərində alman dilinin intonasiyası sahəsində başlanan tədqiqatları sonralar bu dilin fonem sisteminin, daha sonra isə «German dilçiliyinə giriş» kimi iri həcmli əsərinin meydana gəlməsilə nəticələndi. Bu bölmədə alman dilinin seqment və superseqment vahidlərinin tədqiqilə bağlı məqalələr də toplanmışdır. Buradakı ən böyük yazı müəllifin doktorluq dissertasiyasının avtoreferatının Leninqrad variantının (1980) yer almasıdır.

6. “Resenziyalar” bölməsində müəllifin müxtəlif alimlərin elmi yaradıcılığına və əsərlərinin təhlilinə həsr olunmuş rəyləri və məqalələri çap olunur.

7. Kitabın axırıncı fəslində müəllifin elm, təhsil, mədəniyyət və müxtəlif alimlərin yaradıcılıqları barədə fikir və mülahizələrini özündə əks etdirən yazıları toplanmışdır.

Yuxarıda deyildiyi kimi, “Seçilmiş əsərlər”in bu cildində yalnız məqalələr və müxtəlif mövzularla bağlı yazılar çap olunur. Onlar çoxsaylı məcmuə və toplularda, respublika və dünya miqyaslı jurnallarda çap olunmuşdur. Onların çoxu biblioqrafik inciyə çevrilmiş və bu gün əldə edilməsi müşkül olan əsərlərdəndir. Bizə müraciətlər olur, burada toplanan məqalələrin tapılması ilə bağlı xahiş edirlər. Təssüf ki, bu gün elektron kitabxanalar bu artan tələbatı ödəmək iqtidarında deyil. Fikrimizcə, bu cür kitablar elmə gələn gənclərə, aspirant və dissertantlara maraqlı mənbə olacaq. Bu kitabda müəllifin ilk məqalələrindən tutmuş püxtələşdiyi indiki dövrdə qələmindən çıxan məqalələrin fərqi və inkişaf meylini ayırd etməyi oxucuların ixtiyarına buraxırıq və ümid edirik ki, elmin indiki səviyyəsində bu kitab öz oxucusunu tapacaq və yeni fikir və mülahizələrin meydana gəlməsinə təkan verəcəkdir.

Kitabın indiki variantını hazırlamaqda mənə kömək etmiş bütün həmkarlarıma, o cümlədən dos.D.Şabanqızına, f.e.n.C.Babayevə və kompüter yığımını həyata keçirmiş E.Əliyevaya, A.Hacıyevaya, Z.Əliyevaya, Z.Quliyevaya və b.-a öz dərin təşəkkürümü bildirirəm.

*F.e.d.prof. Fəxrəddin Yedigər oğlu Vey səlli
Almaniya Germanistlər Birliyinin üzvü*

1 bölmə

FONETİKA VƏ FONOLOGİYANIN XÜSUSU VƏ ÜMUMİ MƏSƏLƏLƏRİ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ*

1. В специальной литературе, а также в учебниках и учебных пособиях по фонетике мы очень часто встречаемся с фактами, когда одно и то же фонетическое явление обозначается одним и тем же термином, или, наоборот, разными терминами обозначается одно и то же фонетическое явление. Наблюдается также смешение и употребление различных фонетических терминов.

2. Установилась традиция называть мягкие согласные в русском языке палатализованными. Она основывается на ложном мнении о том, что «...различие согласных может быть еще и в некоторых дополнительных признаках, накладывающихся на основные. Это прежде всего палатализация и веларизация».

Экспериментально-фонетические исследования, проведенные в этой области, показывают, что ни артикуляционно, ни акустически мягкие согласные не являются твердыми согласными с добавлением признака палатализованности, а имеют специфические характеристики.

С фонологической точки зрения называть русские мягкие согласные палатализованными тем более неверно, что мягкие согласные в системе фонем русского языка являются самостоятельными фонемами, а говорить о палатализации по отношению к ним указывало бы на то, что мягкие согласные образуются на основе твердых. Такие отношения между твердыми и мягкими согласными возможны только в языках, в которых мягкие согласные с фонологической точки зрения действительно не являются самостоятельными фонемами, а выступают в фонологической системе этих языков как варианты соответствующих твердых.

3. Одним из терминов, используемых в лингвистической ли-

---

* Впервые опубликована: «Материалы 4-й РНМК по актуальным вопросам обучения русскому языку в азербайджанской аудитории». Баку, 1973 (в соавторстве с А.А.Гасановым), s.19-20

тературе, является веляризация, которая также ошибочно считается дополнительной к основной артикуляции. Между тем веляризация, как и палатализация, не является результатом дополнительной артикуляции, а характеризует все твердые согласные как основная их артикуляция. В этом смысле нет в русском языке фонологического противопоставления велярных (твердых) и веляризованных (отвердевших) согласных, и поэтому все твердые согласные являются велярными, и нет необходимости в названии веляризованные по отношению к твердым согласным.

4. Следующий важный вопрос – это значение и использование терминов губные и негубные, лабиализованные и нелабиализованные. Огубленность для одних фонем может иметь функциональное значение, для других – нет. В первом случае огубленность будет дифференцированным признаком, во втором – несущественным, возникающим под влиянием других губных фонем. Поэтому фонемы, для которых признак огубленности будет существенным, постоянным признаком, будут фонемами губными или лабиальными, а фонемы, для которых признак огубленности будет несущественным признаком, приобретенным, временным, возникающим под влиянием соседних звуков, будут фонемами лабиализованными (например: [t⁰] в слове /tut/).

ЕЩЕ РАЗ О МИНИМАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЕ ЧЛЕНЕНИЯ РЕЧЕВОГО ПОТОКА*

Человеческая речь, как справедливо доказывает акустическая фонетика, - это континуум акустически неоднородных звуков. Их можно рассматривать как акустические сигналы, разнообразная комбинация которых осуществляет передачу и принятие информации между говорящим и слушающим. Игнорирование материальной стороны языка¹ приводит к неизбежному реляционному объяснению функции языковых элементов, что само по себе атомистично, так как нет отношений вне определенных физических субстратов.

В непрерывном ряду звуков ничего нельзя обнаружить кроме их дискретности. Именно поэтому человек не может декодировать

---

* Впервые опубликована: «Ученые записки АПИЯ им. М.Ф.Ахундова», Серия XII, (о соавторстве с А.А.Гасановым). Баку, 1974, № 1, s. 9-15.

¹ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка: В кн.: «Новое в лингвистике», 1, М., 1960

информацию, закодированную на незнакомом ему языке. «Каждый, кто работал с сонограммами или же видел рентгеновские снимки артикуляции, тот знает, что в сигнале не имеется стационарных сегментов, и попытка сегментировать континуум речи безнадежна с самого начала»¹. Тем не менее, встав на сугубо акустическую точку зрения, можно расшифровать посланную информацию на конечное число дискретных единиц. Акустик легко определит импульсно-шумовую, сегментную, стационарную и квазистационарную части звука, а физиолог не затруднится установить движение отдельных органов, воспроизводящих звуки в данном речевом потоке. Но воспринять они посланную информацию не смогут, если они не обладают кодами данного языка. Именно знание кодов языка создает возможность соотнести означающее с означаемым. Если исходить из акустико-физиологической предпосылки, то в русском слове (kot) мы должны констатировать наличие множества элементов, тогда как лингвистически реализация в данном слове трех единиц не подлежит никакому сомнению. Действительно, акустический первый элемент приведенного слова (к) состоит из импульсивно-шумовой, стационарной и конечной частей, которым соответствуют определенные движения артикуляторных органов (задняя часть языка приподнята к мягкому небу и образует с последним смычку, сомкнутые органы размыкаются под воздействием воздушной струи, лабиализованная окраска конечного участка первого согласного является результатом влияния последующего губного гласного)². Аналогичная картина наблюдается при рассмотрении остальных элементов данного слова.

Таким образом, в звуковом спектре данного слова (kot) можно выделить многообразие акустических моментов, соотносимых с артикуляторными особенностями. Не без основания И.А.Бодуэн де Куртенэ выделял акузму и кенему, понимая под первой совокупность акустических, а под второй – единство артикуляторных особенностей³.

Совершенно естественно, что подобное членение не устраивает лингвиста, так как оно не раскрывает механизма языка. И только пу-

¹ A.V.Isačenko. Der phonologische Status der Intonation (Phonologie der Gegenwart). „Wiener slavistisches Jahrbuch“, 1967. Bd, 7, s. 25.

² Артикуляционно различают в каждом звуке 3 момента: экскурсию, выдержку и рекурсию; по другой терминологии: приступ, имплозию и эксплозию. См.: М. И. М а т у с е в и ч. Введение в общую фонетику. Л., 1948, стр. 77; также: Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960.

³ И.А.Бодуэн де Куртенэ. Избранные работы по общему языкознанию. М., 1963, т. 1, с. 326-327.

тем лингвистического анализа возможно установить границу между звуками, соотносимыми на языковом уровне с определенными лингвистическими единицами, называемыми фонемами. Собственно фонология начинается с поиска определения принципов синтагматического членения речевого потока и выявления того, почему разные звуки идентифицируются как реализации одной единицы, с одной стороны, а сходные – как реализации разных единиц, с другой. Именно с помощью членения определяется фонемный статус того или иного звука.

Несоответствие между фонемами и звуками, в которых реализуются первые, очевидно. Именно это обстоятельство служило известным основанием для тех, кто недвусмысленно заявляет о нерасчлененности речевого потока¹.

И.А.Бодуэн де Куртенэ был первым, кто достаточно четко сформулировал мысль о двояком членении потока речи: а) семасиологическо-морфологическом; б) произносительно-слуховом. При этом фонема, по И.А.Бодуэну де Куртенэ, единица произносительно-слуховая, а не семасиолого-морфологическая, вычленяется из речевого потока произвольно. «Слог может состоять из одной только более мелкой единицы, т. е. может совпадать с нею, но может тоже состоять из двух и даже нескольких более мелких произносительно-слуховых или фонетических единиц, называемых во время использования звуками, а с точки зрения непрерывного существования в индивидуальной психике - «фонемами»².

В названной работе И.А.Бодуэна де Куртенэ имеется такая мысль, которую можно считать теоретической базой дальнейшего развития фонологии. Он объясняет морфологическое членение следующим образом: «Это разложение достигается прежде всего путем сопоставления слов с другими словами, в которых те же части повторяются приблизительно с тем же значением. Сопоставим: /sto/ (что) с kto (кто), tʃevo (чего), ʃ-to (кого), tʃêmu (чему), kâmu (кому), to (то), tâvo (того)... Это сопоставление ведет нас к разделению слова /sto/ на следующие морфологические части или морфемы: /ʃ-to/. При этом

¹ P.Menzerath und A.de Lacerda. Koartikulation, Steuerung und Lautabgrenzung. Bonn-Berlin, 1931; см. также: Н.П.Дукельский. Принципы сегментации речевого потока. М.-Л., 1962.

² И.А.Бодуэн де Куртенэ. Указ.соч., т.II, с.253.

с является только фонетическим элементом с (ʃto-tʃto), имеющегося в /tʃêvo/, /tʃêmu/ и т. д.¹

Здесь имплицитно содержится идея и о противопоставлениях, ставших классической в фонологии, и о морфологическом критерии в членении речевого потока. Будучи звуковой единицей и служащая прежде всего оформлению и опознаванию большей единицы – слов и словоформ, фонема вычленяется из речевого потока только потому, что она потенциально связана со смыслом. При членении речевого потока можно опираться только на смысловые ассоциации. Отсюда и вытекает тот критерий, который называется лингвистическим, иначе морфологическим, и который является одним из краеугольных камней щербовской теории о фонеме.

Любой фонологический анализ начинается с членения речевого потока на отдельные сегменты. Для Щербы и его школы само выявление отдельных фонологических единиц занимает основное место в процедуре фонологического анализа².

Следует подчеркнуть, что для фонологического анализа необходимо сначала выяснить фонологический статус того или иного звука в синтагматике, а затем уже искать принципы, которые позволили бы установить фонологическое тождество и различие множества звуков в парадигматике. Допустим, нам задан звукоряд «ts» в немецком языке. Необходимо теперь выяснить, являются ли они представителями двух фонем или же одной фонемы, т. е. представляет ли собой «ts» монофонемное или бифонемное сочетание.

Искать акустико-артикулярную аргументацию для решения этого вопроса – значит уклоняться от нужного ответа. Тут нужны фонологические доказательства. Для анализа возьмем слово «kurz» /kurts/ - «короткий» и «Kurt's» /kurts/ -- Курта. Употребим эти слова в соответствующих контекстах: /Die Erzählung ist kurz /kurts// (1) и /Kurt's /kurts/ Buch liegt auf dem Tisch// (2). Сочетание (ts) в «Kurt's» и «kurz» фонетически равнозначно, и предполагать в реализации этого сочетания в указанных словах наличие какого-нибудь различия,

¹ И.А.Бодуен де Куртенэ. Указ.соч., с.255. Принцип двоякого членения речевого потока развивается А.Мартине. Единицы смыслового членения (по Мартине, 1-е членение) он называет монемами, а единицы несмыслового членения (по Мартине, 2-е членение)-фонемами. А.Мартине. Основы общей лингвистики. В кн.: «Новое в лингвистике». Т. III, М., 1963. Подробно об этом см.: Ф.Е.Вейсалов. Возможно ли линейное членение интонации? «Уч.зап. АПИЯ им. М.Ф.Ахундов», серия XII, №2, Баку, 1970.

² Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб, 1912; Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960.

хотя бы фонетического, весьма трудно. Даже самый совершенный аппарат вряд ли зафиксирует различие между ними.

Между тем, не подлежит никакому сомнению, что сочетание (ts) в (1) и (2) фонологически разное. В случае (1) компоненты звукосочетания (ts) образуют неделимое целое, так как между ними нет морфологической границы, поэтому естественно, что звукосочетание (ts) представляет собой на фонематическом уровне одну фонему. Напротив, в случае (2) компоненты звукосочетания (ts) не образуют неделимой единицы в морфологической системе немецкого языка, так как между (t) и (s) проходит морфологическая граница. Этот очевидный факт дает основание истолковывать звукосочетание (ts) во втором случае физическим субстратом двух самостоятельных фонем. Несмотря на то, что в обоих случаях мы имеем акустически одно и то же звукосочетание, тем не менее оно в одном случае («kurz» /kurts/) выступает как одна фонема, а в другом («Kurt's» /kurts/) как сочетание двух фонем. Это еще раз говорит о независимости функционального аспекта в фонетике от акустического.

Теперь рассмотрим то же самое звукосочетание в обратной последовательности.

В этой связи остановимся на процедуре фонологического анализа, предложенной автором двухступенчатой фонологии. Пользуясь операторным методом, С.К.Шаумян утверждает, что оба элемента в сочетании (ts) устранимы, причем устраняя каждый элемент, получаем новое слово. «Таким образом, в немецком языке (t) и (s) служат взаимными операторами и притом билатеральными взаимными операторами, поскольку здесь наряду с цепочкой /ts/ возможна также и цепочка /st/, как это мы видим, например, в слове stand /stant/ -- «состояние»¹. Отсюда С.К.Шаумян и заключает, что в немецком языке цепочка (ts) представляет собой физический субстрат двух фонем – фонемы /t/ и фонемы /s/. Мысль С.К.Шаумяна можно сформулировать в упрощенном виде следующим образом: так как существует в немецком языке /t/ и /s/ как самостоятельные фонемы, то отсюда следует, что в цепочке /ts/ они сохраняют свой фонологический статус. Но та же цепочка звуков трактуется относительно испанского языка как субстраты одной фонемы /s/, при этом С.К.Шаумян основывается на принципе устранимости или неустраимости: в сочетании «ts» (tsino) - «китайский» «s» устраним - (tino) «takt», но /«t»/ устраним

¹ С. К. Шаумян. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962, стр. 105. Исходя из этого, можно ts считать физическим субстратом двух фонем (t) и (s), хотя ст невозможно в абсолютном начале. Зато оно встречается в инлауте.

невозможно. В английском языке цепочка звуков «ts» трактуется как субстрат одной фонемы /«s»/, потому что здесь, как пишет С.К.Шаумян, /«st»/ невозможно. Если продолжить анализ, предложенный С.К.Шаумяном, то мы должны констатировать, что в цепочке звуков «ağ» элементы «a» и «ğ» являются субстратами одной и той же фонемы¹. В действительности же, в /ağ/ имеются субстраты двух фонем - гетерогенных. Во-первых, потому, что между /a/ и /Y/ проходит слоговая граница, ср. /ağ/-- /a-ğa/, /dağ/ -- /da-ğa/, /bağ/ -- /ba-ğa/, /yağ/ -- /ya-ğa/, во-вторых, /Y/ чередуется в данном сочетании с соответствующим смычным звонким /g/ в пределах одной и той же морфемы /gulağ/-- /gulagda/, /gulagdan/, /gulağɪ/, в третьих, наряду с сочетанием /ağ/ имеются еще сочетания /oğ/, /uğ/, /ığ/.

Принцип устранимости и неустраимости не в силах решить вопрос о фонологическом статусе того или иного звука. Для выяснения этого вопроса нужен лингвистический критерий. Вернемся к цепочке звуков «st». В парадигматике спряжения глаголов в презенсе можно увидеть, что /«t»/ является носителем определенного грамматического значения, например, /lɜ:ns-t/, /zi:s-t/, /frɑ:ks-t/ и т. д. Между «t» и предшествующей частью слов проходит граница, называемая морфологической. «t» отделяется от предшествующей части слов морфологическим швом, а не артикуляторно-акустическими признаками.

Звуки, относящиеся к разным сторонам морфологической границы, никогда не могут выступать физическими субстратами одной фонемы. Напротив, звуки, относящиеся к одной стороне морфологической границы, могут выступать физическими субстратами как одной фонемы, так и двух фонем. Так, например, в той же парадигме спряжения глаголов в презенсе II лица морфологическая граница проходит между /zi:/ и /st/. Как теперь трактовать цепочку звуков «st» – как физические субстраты одной фонемы или двух фонем. Безусловно, двух, потому что самостоятельность фонемы «t», потенциальная связь ее со смыслом была иллюстрирована выше. Приобретая в одном единственном случае определенную грамматическую функцию, фонема тем самым становится самостоятельной единицей и вычленивается из речевого потока автоматически. Таким образом, признав автономность фонемы /«t»/, мы идентифицируем ее здесь как

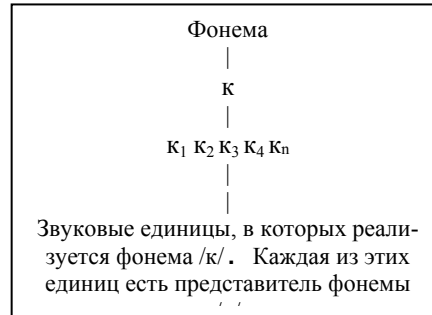
¹ Однако в азербайджанском языке (ağcı) -- «боль» «ğ» устраним; ağı (пчела); но элемент «a» в этом слове устранить невозможно, поскольку в азербайджанском языке невозможны слова типа (ğrı). В азербайджанском языке [Y] в анлауте вообще не встречается.

равную себе. Кроме того, можно «найти» случаи, когда между /«s»/ и /«t»/ в звуковой цепочке /st/, проходит морфологический шов, например, в слове «Gesichts / täuschung». Фонологический статус /n/ в слове /'fe:dərg/n/ или /'ta:fəl/n/ или же [ə] в окончании дательного падежа множественного числа существительных женского рода очевиден. В парадигме спряжения глагола /'kɔmən/ в презенсе и претерите корневые гласные выступают в качестве морфологически значимых единиц.

ед. число в презенсе		ед. число в претерите	
$\left. \begin{array}{l} \perp \zeta \cup 'k\text{ɔ}m/\text{ə} \\ \text{du} \cup 'k\text{ɔ}m/\text{st} \text{ --} \\ \text{e.r} \cup 'k\text{ɔ}m/\text{t} \end{array} \right\}$	kɔmən	$\left. \begin{array}{l} \perp \zeta \cup 'ka:m \\ \text{du:} \cup 'ka:m/\text{st} \text{ --} \\ \text{e.r} \cup 'ka:m \end{array} \right\}$	'ka:men

В существительном /'me:dəl/ морфологическая граница проходит между звонким переднеязычным и редуцированным гласным. Минимальной значимой единицей является /əl/ и /me:d/. Можем ли мы рассматривать «əl» как субстрат одной фонемы? Разумеется, нет. Минимальность этой единицы связана только с морфемой. Выше было установлено, что /ə/ является самостоятельной фонемой, поскольку она может выступать в качестве значимой единицы. Здесь же она этого значения в отдельности не имеет, но в силу того, что может выступать в языке как значимая единица, то отделение его от /e/ несколько не удивительно. Мысль о том, что /ə/ не является самостоятельной фонемой, что оно представляет собой лишь вариант открытого краткого гласного /e/, поскольку /ə/ встречается только в неударном открытом слоге, а /e/ - в ударном и неударном закрытом слогах, должна быть отвергнута самым решительным образом. Из такого утверждения непременно вытекает, что варианты и фонемы совершенно разные вещи, существует столько фонем, сколько вариантов. Между тем понятие фонемы внесено в лингвистику для того, чтобы показать, что разные звуки являются функциональными реализациями одной и той же единицы. Каждый звук, каждый аллофон, всегда является представителем какой-то фонемы. Если взять множество звуков $k_1, k_2, k_3, k_4, k_5, \dots, k_n$, то каждый из них есть и реализация фонемы /k/. Рассмотрение фонемы как класса звуков базируется на неправильном понимании сущности теории фонемы. Сравнение следующих таблиц наглядно покажет нашу мысль:

Ниже приводятся случаи, когда все монофтонги немецкого языка выступают в качестве значимой единицы.

/ɪ/	/a/	/-/
/'bɪnd/ən /	/'band/ən /	/gə' b-ndən /
/zɪ2/ən /	/'za2/ən /	/gə' z-2gən /
/fɪnd/ən/	/'fand/ən/	/gə' f-ndən/
/ɛ/	/a/	/ɔ/
/bɛrg/ən/	/'barg/ən/	/gə' bɔrg/ən/
/œ/	/ɔ/	/ɔ/
/'kœn/ən /	/'kɔn/tə /	/gə/kɔn/t/
/y/	/-/	/-/
/'mys/ən/	/'m-s/tə/	/gə/' m-s/t/
/e:/	/a:/	/e:/
/'le:z/ən/	/'la:z/ən/	/gə/' le:z/ən/
/a:/	/u:/	/a:/
/'fa:r/ən/	/'fu:r/ən/	/gə/' fa:r/ən/
/i:/	/o:/	/o:/
/'i:b/ən/	/'jo:b/ən/	/gə/' jo:b/ən/
/φ:/	/o:/	/o:/
/'vφ:r/ən /	/'ʒvo:r/ən/	/gə' ʒvo:r/ən/
/y:/	/o:/	/o:/
/'ly:g/ən/	/'lo:g/ən/	/gə' lo:g/ən/

Устанавливая фонологический статус того или иного звука в одном единственном случае его реализации, мы не ищем ответа на вопрос, почему та или иная фонема идентифицируется в синтагматике, так, а не иначе. Зная, что /a/, /t/ и /s/ являются самостоятельными фонемами, мы можем выделить их в слове /gast/, в котором каждый звук является представителем соответствующей фонемы, хотя они в

данном слове не имеют ни морфологического, ни лексического значения. Что касается /g/, то оно вычленяется самостоятельно по принципу остаточной выделяемости.

«Самостоятельность фонемы, о которой говорит Щерба, нужно понимать не в том смысле, что она может существовать сама по себе вне слов, а в том, что она выделяется как отдельная единица и в тех случаях, когда не является ни словом, ни морфемой и не имеет никакой морфологической функции, т. е. когда она представляет не лексическую и не морфологическую, а чисто фонетическую единицу»¹¹.

Из анализа материала выяснилось, что «t» является самостоятельной фонемой немецкого языка потому, что она может функционировать и в качестве значимой единицы – морфемы. В данном случае мы о конкретной реализации /t/ ничего не знаем. Мы знаем только, что она равноправная единица фонологической системы немецкого языка, как и другие фонемы. Но из синтагматического анализа нельзя заключить, что в немецком языке имеется только одна фонема «t», хотя из того же анализа известно, что в этом языке нет такого случая, чтобы единственным выражением какой-либо морфемы являлось [t¹], [t⁰] или же [t^v]. Для определения значимости или незначимости рассматриваемых звуковых различий следует обратиться к парадигматическому анализу. Совершенно естественно, что зависимые звуковые различия могут характеризоваться как оттенковые, тогда как независимые звуковые различия относятся к разным фонемам.

Допустим, что нам задан ряд слов из немецкого и русского языков. Необходимо теперь выяснить, является ли признак мягкости/твердости, лабиализованности/-нелабиализованности, аспирированности/-неаспирированности для /t/ дифференциальным или нет. Естественно, что «t» будет анализироваться во всех возможных позициях и комбинациях с другими фонемами. Прежде всего нужно брать позиции абсолютного начала, конца и середины (соотв. анлаут, ауслаут, и инлаут) слова в сочетании с другими гласными.

Приводим таблицу, где даны слова, в которых /t/ встречается в разных позициях.

Таблица 1.		
В анлауте		
немецкий язык	русский язык	азербайджанский язык
'ta:l; 't'e:lər	'tab'el; 'tʊndra	'tar; 'tʊm

¹¹ Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 36.

ˈtʰe:ma; ˈtʰɸ:nən	tˈema; ˈtʰundra	ˈtʰær; ˈtʰɸk
ˈtʰo:bən; ˈtʰy:r	ˈtʰotˈa; ˈtʰikatˈ	ˈtʰelˈ; ˈtʰisbaˈYa
ˈtʰu:x; ˈtʰi:r	ˈtʰip; ˈtʰulˈ	ˈtʰir; ˈtʰyntˈ
	ˈtʰkar; ˈtaçesˈtˈ	ˈtʰor

Таблица 2.

	В инлауте	
немецкий язык	русский язык	азербайджанский язык
ˈta:tən; ˈtʰɸ:tən	paˈtanˈet	сыгˈтыYa aˈta
ˈto:tən; ˈty:tə	taˈtarin	k ^{3/4} t ^{3/4} iˈtˈi
ˈtu:tən; ˈti:təl	ˈtʰotˈa	laˈtoyˈtˈy
ˈtə:tən	tˈeˈtratˈ tˈitul	
	tuˈtovij	

Из таблиц видно, что корреляция по мягкости-твердости для немецкого языка представляет собой зависимое звуковое различие, потому что смягчение /t/ обусловлено позицией: перед гласными переднего ряда /t/ смягчается. Поскольку мягкость немецкого согласного /t/ обусловлена только его позицией перед гласными переднего ряда, то это различие будет фонетическим, оттенковым. Напротив, в русском языке мягкость согласного /tʹ/ не обусловлена позицией данного звука в слове.

Как видно из таблиц, одной немецкой фонеме /t/ соответствует в русском языке две фонемы /t/ и /tʹ/. Их самостоятельность определяется тем, что их реализация не обусловлена позицией. /tʹ/ выступает перед гласным заднего ряда в абсолютном начале, так же как и /t/. Кроме того, они противопоставляются друг другу в одинаковой позиции не только в анлауте, но и в инлауте. Их независимость определяется еще и тем, что они противопоставляются друг другу в абсолютном конце словоформ, где нет никакого влияния последующего гласного.

Таким образом, из парадигматического анализа вытекает очень существенный вывод о том, что корреляция по твердости-мягкости не присуща системе согласных фонем немецкого языка, как дифференциальный признак. Ее проявление строго связано с позицией. Система же согласных русского языка характеризуется наличием корреляции твердости /мягкости/. Ее проявление не обусловлено позицией, потому и различие, которое базируется на этой корреляции, нужно считать фонемным. /t/ относится к /tʹ/ как /f/ к /fʹ/, /v/ к /vʹ/ и т. д. Признак твердости-мягкости проходит через всю систему согласных русского языка.

Так же надо установить, является ли лабиализация согласных в

немецком и русском языках дифференциальным признаком. Анализ показывает, что лабиализация /t/ в немецком языке, так же как и в русском является зависимым признаком.

Таблица 3.

в абсолютном конце	
немецкий язык	русский язык
ˈtɑ:t; ˈg ⁰ u:t	l'ot; s ⁰ ut
ˈt ⁰ u:t; ˈge:t	perx ⁰ ot; s ⁰ ut
z ⁰ y:t; ˈt ⁰ o:t	

Таблица 4.

в абсолютном начале	
немецкий язык	русский язык
ˈta:k; ˈt ⁰ y:r	ˈtab'el'; ˈt'ema
ˈt ⁰ .u:x; ˈti:r	ˈt ⁰ ot'a; ˈt ⁰ undra
ˈt ⁰ o:bən; ˈte:ma	ˈt ⁰ окар'

/t/ в том и в другом языке, под влиянием последующего лабиального гласного лабиализуется. Нет такого случая, чтобы немец или русский произнес /t/ перед гласными /a/, /i/, /e/ лабиализованным, то есть как /t⁰ak/*, /t⁰ir/*, /t⁰ema/*, /t⁰abal/* и т. д. Так как лабиализация согласного /t/ в обоих рассматриваемых языках обусловлена позицией перед лабиальными гласными и не проявляется в других позициях, в данном случае перед нелабиальными гласными, о существовании лабиализованной фонемы /t⁰/, противопоставленной нелабиализованной /t/, как это имеет место в системе гласных, говорить не приходится.

Различие между немецким /t/ и /t'/, между немецким и русским /t/ и /t⁰/ является фонетическим, следовательно, оттенковым. Поэтому /t'/ с точки зрения немецкого, /t⁰/ с т. з. немецкого и русского языков не могут быть рассмотрены в качестве самостоятельных фонем.

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТЕ В ФОНЕТИКЕ И О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ¹

Предлагаемую вниманию читателей работу представляется целесообразным начать с краткого описания задачи и основных этапов эксперимента, ибо от правильного понимания этого вопроса во многом зависят результаты экспериментально-фонетического исследования.

С помощью различных приборов можно изучить произносительно-слуховые аспекты звуковой структуры языка и сделать вывод лингвистического характера. Эксперимент позволяет уловить такие тонкости, которые не доступны на слух исследователю. Не всегда удается, например, определить, как /r/ в азербайджанском языке подвергается оглушению в абсолютном конце слова, тогда как применением регистрирующих приборов можно получить акустическую картину данного явления.

Любому фонетическому эксперименту предшествует определенная теоретическая подготовка. Без глубокой теоретической общей и частнофонетической предпосылки исследователь растеряется во множестве звуковых разнообразий. Он должен уметь хорошо ориентироваться в фонологической системе исследуемого языка и иметь четкое представление о его фонемном репертуаре.

После тщательного изучения существующей литературы по рассматриваемому вопросу составляется программа, в которую включаются слова, содержащие те или иные фонемы данного языка. При этом необходимо, чтобы рассматриваемые фонемы встречались во всех возможных комбинациях.

Например, гласные перед и после всех согласных, в открытых и закрытых слогах, под ударением и в разных заударных и предударных позициях, в абсолютном начале, и в конце слов, морфем и т. д. Для синтагматической же характеристики следует подобрать также случаи, когда гласные встречаются в начале, середине и конце предложения при прочих тождественных парадигматических условиях.

Совершенно ясно, что невозможно обследовать все случаи реализации языковых явлений в речи. Поэтому берут некоторую часть, производят выборку и по ней судят о совокупности. Чем

---

¹ Впервые опубликована в: «Ученые записки АПИЯ им. М.Ф.Ахундова», серия XII, Баку, 1975 г. № 1, с.8-17 (в соавторстве с Дж. С.Ахмедовым).

больше объем выборки, тем ближе к абсолютной истине результат анализа. Точность измерения определяется величиной относительной ошибки, что проверяется статистикой.

Выбор метода при экспериментально-фонетической работе зависит от поставленной задачи. Если в задачу эксперимента входит описание артикуляторных характеристик гласных, то применяют соматический метод: снимаются палатограммы или рентгенограммы (кинорентгенограммы). Для анализа акустических характеристик, например, при необходимости выяснения движения основного тона, интенсивности и длительности записывают материал на магнитную пленку, а после монтажа он переносится на кинопленку или специальную бумагу с помощью осциллографа или интонографа.

Для форматной характеристики гласных снимается «видимая речь» на специальном спектрографе. Интонацию лучше всего изучать на осциллограммах и интонограммах¹.

Важным этапом эксперимента в фонетике является расшифровка и обработка материала. Полученные данные обобщаются с помощью статистики. За множеством вычислений наступает тот этап, когда исследователь ищет языковые факты и делает лингвистические выводы, которые сводятся к объективным характеристикам. Однако объективные характеристики сами по себе не обладают лингвистической значимостью. Фонетическое тождество и различие не определяет еще тождества и различия в функциональном отношении². Для идентификации языковых единиц необходим еще перцептивный анализ и анализ по восприятию. Поэтому мы обращаемся к языковому сознанию говорящих на данном языке (субъективный метод): из подобранных примеров составляется программа, которая представляется аудиторам. Производятся статистические подсчеты по результатам распознавания аудиторами предложенных примеров. Наконец, сопоставляются данные опыта по восприятию с объективными характеристиками. О релевантности выводимых признаков можно говорить лишь в том случае, если совпадают объективные и субъектив-

---

¹Разумеется, для успешного решения того или иного вопроса одного лишь декларативного признания необходимости эксперимента или конкретного вида эксперимента недостаточно. Для этого требуются еще хорошие экспериментаторские навыки. «Записывать тексты, - пишет Л.В.Щерба, - может всякий; хорошо записывать тексты уже гораздо труднее; для того, чтобы стать хорошим экспериментатором, необходим специальный талант». Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. В кн.: В. А. З в е г и н ц е в. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1965, стр. 368-369.

²Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.

ные показатели.

Предложенная схема эксперимента не претендует на какой-либо рецепт. Но несомненным кажется то, что соблюдение этих этапов обуславливает достоверность того или иного утверждения. Об этом свидетельствуют результаты многочисленных экспериментально-фонетических работ.

Несмотря на наличие определенных работ по изучению звукового строя азербайджанского языка, эксперимент не занимает должного места в исследовательской практике в нашей республике. Это отчасти связано с тем, что до последних лет не было лаборатории экспериментальной фонетики и высококвалифицированных специалистов. Широкому применению эксперимента в фонетическом исследовании, безусловно, способствовало бы наличие учебного пособия в этой области.

Книга по экспериментальной фонетике нужна не только для лингвистов-азербайджановедов, студентов и учителей, изучающих звуковой строй родного языка, но и для тех, кто занимается общезыковедческими проблемами тюркских языков. Она представляет определенный интерес также для специалистов других отраслей знания (машинный перевод, автоматическое распознавание речи, теория информации¹, патология речи, фониатрия, сурдопедагогика, фонопедия, логопедия и др.). Поэтому можно приветствовать как первый шаг в этой области появление книги «Введение в экспериментальную фонетику» (Баку, 1970, на азербайджанском языке) З.Х.Таги-заде.

Анализ книги необходимо начать с теоретической предпосылки автора. С этой точки зрения интересным представляется соображение З.Х.Таги-заде относительно фонемного репертуара современного азербайджанского языка.

Так, З.Х. Таги-заде не удовлетворяет то, что число гласных фонем в азербайджанском языке «довели до 15, даже до 18. Тогда как первые результаты проведенных нами на электроакустической аппаратуре-интонографе и спектрографе, построенной на основе современной техники, показывают, что мысль о существовании в азербайджанском языке 9 гласных является неопровергаемой истиной, что было в свое время доказано лингвистами соматическим методом» (стр. 60).

---

¹ Следует отметить, что эти области почему-то не привлекают пристального внимания ученых нашей республики, тогда как в других республиках ведутся интенсивные исследования в указанных отраслях.

Отметим, что без собственного лингвистического анализа одним лишь соматическим методом невозможно определить фонемный репертуар языка. И нам не известны работы по азербайджановедению, в которых содержалась бы подобная попытка, не говоря уже об этапе «доказательства». В плане решения этого вопроса лишены доказательной силы и электроакустические приборы, как бы они ни были оснащены технически. Непонятно, результаты каких экспериментов на интонографе, с помощью которого изучаются акустико-артикуляторные особенности интонации, могли бы служить основанием для высказывания мысли о количестве гласных фонем языка. Нет никакой необходимости стремиться убедить читателя одним лишь декларативным заявлением в выводе, «исходящем из эксперимента», результаты которого неизвестны печати.

Упрек в признании долгих гласных самостоятельными фонемами в азербайджанском языке, сделанный З.Х.Таги-заде (стр. 60) в адрес Ф. Кязимова и А.Ахундова, требует обоснования. Единственный довод, который приводится в пользу существования в азербайджанском языке 9 гласных фонем, заключается в том, что по мнению З.Х.Таги-заде, при установлении фонемного инвентаря языка единичные случаи не могут быть приняты во внимание. Мысль о том, что фонетическое явление может быть признано языковым, если оно распространяется по крайней мере на 90% слов (стр. 61), не соответствует объективному положению вещей. И абсолютно непонятно, откуда выведена эта цифра.

З.Х.Таги-заде утверждает, что большое количество фонем не характерно для языка (стр. 61). Спрашивается, что понимается под словом «большое». Исследователь, который упорно настаивает на количественном анализе, определяющем, по его мнению, все закономерности языка, должен оперировать более дифференцированными количественными атрибутами, чем «большое» и «маленькое». Интересно, является ли для З.Х.Таги-заде «большим количеством» 81 – количество фонем в бзибском говоре абхазского языка¹.

Нельзя согласиться с утверждением, будто наличие вариантов фонем вытекает из интонации (стр. 61): вряд ли можно поставить комбинаторные и факультативные варианты в зависимость от интонации. Такое объяснение делает неопределенным и понятие *интонация*.

Лишено всякого смысла утверждение: «В превращении языка в

---

¹ В. В. И в а н о в. Некоторые проблемы современной лингвистики. «Народы Азии и Африки», 1963, № 4, стр. 176-177.

речь большую роль играет его звуковая система» (стр. 61). И это никак не обуславливает исследование «системы звуков языка в фонетическом и фонологическом аспектах». Из описания З.Х.Таги-заде вытекает, что фонология может заниматься чем угодно, только не собственным объектом. Она изучает и «структуру звуков в словах и морфемах» (?), и «задачи дифференциации и создания звуками смысловых связей», и «закономерности речевых звуков» (стр. 61).

В книге не находим четкой дефиниции и понятия *морфонология*, хотя в рамках данного пособия можно было бы и не затронуть этого вопроса. «Фономорфология или морфонология – это наука, которая изучает фонологический состав слов и морфем, различительные особенности фонем в морфологическом изменении в зависимости от смысла». Приведенная формулировка представляет собой искаженное видоизменение определения, предложенного О.С.Ахмановой¹. Кроме того, данные в виде словарных статей определения лингвистических понятий без какого-либо разъяснения и тем более без определенной логической последовательности и систематизации² вряд ли принесут какую-либо пользу начинающему исследователю.

Изоморфизм предполагает определенное единство и тождество различных единиц структуры языка. Грубо говоря, сущность изоморфизма в данном случае заключается в следующем: то, что есть в фонетике, имеется и в морфологии. Признание этого приводит к нонсенсу: фонетика как наука о звуковых средствах языка занимается именно звуковой его стороной в отвлечении от содержания³. Следовательно, единица этой области (фонема) унилатеральна. Она сама по себе не обладает значением, что признается всеми фонологами. Морфема же как единица более высокого уровня характеризуется билатеральностью – имеет отношение как к плану выражения, так и к плану содержания⁴. Морфема допускает омонимичность, чего не допускает фонема. Следовательно, фонема и морфема – принципиально разные вещи, и поэтому об их изоформизме не может быть и речи.

Единственное, что дает основание говорить о связи между фо-

---

¹ О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 499. («Фономорфология... Раздел языкознания, изучающий связи фонологии и морфологии, исследующий особенности использования фонологических противопоставлений для выражения морфологических различий, имеющий своим предметом фонологическое строение и фонемный состав слов и морфем»).

² Например, в том же абзаце дается и определение синтаксической фонетики.

³ Еще Г.Пауль подчеркивал, что фонетика не имеет дела с содержательной стороной языка. (H.Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1937).

⁴ В иной терминологии, названные единицы имеют и означающее и означаемое. См.: F. d e S a u s s u r e. Cours de linguistique generale. Paris, 1969.

нетикой и морфологией, это чередование, одинаково относящиеся и к фонетике, и к морфологии¹. Именно это пограничное явление заставило Н.С.Трубецкого выделить особую область среди языковедческих дисциплин – так называемую морфонологию². Он же разделяет последнюю на три части: 1) учение о фонологической структуре морфем; 2) учение о комбинаторных звуковых изменениях, которым подвергаются морфемы в сочетании с другими морфемами; 3) учение о чередующихся звуковых рядах, которые выполняют морфологическую функцию³.

Исследование звуковой стороны языка обязательно предполагает изучение интонации, без которой немислима речевая коммуникация. Здесь, так же как и при изучении других звуковых явлений, важную роль играет теоретическое осмысление вопроса. Предложенные З.Х.Таги-заде отдельные высказывания и частые ссылки без какой-либо логической последовательности на авторитетных лингвистов и обобщения не дают определенного представления ни о природе интонации, ни о ее функции и ни о ее месте среди других звуковых явлений. При этом автор часто ограничивается тем, как определяется интонация отдельными лингвистами. Следует подчеркнуть, что важно не само определение интонации, данное исследователями, а то, как они практически решают проблему интонации. Так, в интонационной концепции А.М.Пешковского принципиально важным является не указание на связь ритма и мелодии, а положение о взаимокompенсации грамматических и интонационных средств, названное им «принципом замены», что прочно вошло в современную лингвистику. Между тем в книге З.Х.Таги-заде об этом и не упоминается. Не менее важной является и мысль А.М.Пешковского об известной независимости интонации от синтаксических форм: «Они (интонационные средства – Дж.А. и Ф.В.), так сказать, блуждают по грамматической поверхности языка, и это, несомненно, и удерживает многих лингвистов от включения их в число грамматических признаков. Собственно говоря, даже в случаях тесного сцепления определенных интонаций с определенными формами... особый характер этого средства дает себя знать в том, что те же интонации, как и *всякие другие*, все-таки могут наслаиваться помимо излюбленных ими

---

¹ Идея о различного рода чередованиях восходит к Бодуэну де Куртенэ. Она находит свое отражение в его работе: «Опыт теории фонетической альтернативы». См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 1.

² N. S. T r u b e t z k o y. Sur la morphologie. TCLP, 1929, т. 1.

³ Т а м ж е.

форм на любой формальный субстрат»¹.

Зерном щербовского понимания интонации следует считать не указание на музыкальность звуковой речи, созданную мелодию (стр. 62) – хотя вряд ли можно найти у Л.В.Щербы такое положение, -- а мысль об автономности интонации, высказанную им еще в 1912 году². Кроме того, следует особенно подчеркнуть теорию синтагматического членения предложения, находящего свое выражение в интонации, в связи с чем Л.В.Щерба предлагает выделить новую область фонетики³, названную З.Х.Таги-заде без какой-либо ссылки на Л.В.Щербу фоносинтаксисом. В качестве основной единицы интонационного членения Л.В.Щерба выдвинул синтагму.

Говоря об интонации, нельзя не остановиться на теоретических взглядах А.Н.Гвоздева, который внес существенное уточнение в проблему интонации. Именно А.Н.Гвоздев показал на богатом материале русского языка фонологическую функцию паузы и ударения, являющихся неотделимыми компонентами интонации⁴.

З.Х.Таги-заде приводит из Академической грамматики русского языка (т. II, ч. I, М., 1954) мысль о том что интонация является одним из синтаксических средств связи между словами. Между тем от туда же можно было бы привести более существенную выдержку: «Интонационными средствами устанавливается коммуникативное значение слов в предложении, производится членение предложения и осуществляется его внутреннее единство» (стр. 76).

Так же неудачно акцентируется на отдельных положениях работ западных исследователей. Кстати, напомним, что нет таких ученых, как Вахен, Водарзе, а есть Й.Вахек (Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964), Х.В.Водарц (назовем хотя бы одну его фундаментальную работу по интонации: *H. W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlächischen. Böhlau, 1963*).

Непонятно, о каких работах ведет речь З.Х.Таги-заде, связывая с Пражской школой понятие «фонетическая модуляция». Если имеются в виду работы Ф.Данеша на чешском и английском языках⁵, не

¹ А. М. П е ш к о в с к и й. Интонация и грамматика. В кн.: А. М. П е ш к о в с к и й. Избранные труды. М., 1959, стр. 191.

² Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Санкт-Петербург, 1912.

³ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1963.

⁴ А. Н. Г в о з д е в. О фонологических средствах русского языка. М.-Л., 1949. Почему-то З. Х. Таги-заде ссылается не на эту специальную работу А. Н. Гвоздева, а на «Современный русский литературный язык».

⁵ F. D a n e š. Intonace a véta ve spisovne cestiné. Praha, 1957; Sentence intonation from a functional point of view. "Word", vol. 16, № 1, 1960.

говоря уже о М.Ромпортле, который имеет ряд работ по интонации в общезыковедческом плане¹, то следует самым решительным образом возразить З.Х.Таги-заде, поскольку он приписывает Ф.Данешу чуждую мысль.

Пражские лингвисты добились больших интересных результатов в области исследования интонации. Так, например, С.О.Карцевским установлено 4 типа интонации (интонация симметрии, асимметрии, идентичности и градации)², Ф.Данешем высказана мысль о том, что интонационные средства в любом языке образуют фонологическую систему, где одна интонационная единица противопоставлена другой³.

Понимая под фонологическим изучением интонации изменение физических параметров, З.Х.Таги-заде выбирает ложный путь. Физические параметры интонации подлежат экспериментальному изучению. Что же касается лингвистической сущности интонации, то она может быть установлена только лингвистическим анализом⁴.

Теоретические вопросы, о которых велась речь до сих пор и с которых следовало бы начать книгу, затрагиваются, конечно, на уровне собственного понимания вопросов З.Х.Таги-заде почему-то в параграфе, озаглавленном «Анализ экспериментального материала» раздела «Электроакустический метод». Книга же З.Х.Таги-заде открывается разделом «О статистическом методе в языкознании». Тут же отметим, что содержание раздела не соответствует его названию.

Применение статистики в лингвистических исследованиях имеет целью выявить существующие в языке закономерности приблизить модели языковых явлений к их реальным речевым соответствиям. «Применение статистики (количественных методов) целесообразно только в том случае, если ожидается, что из полученных данных можно сделать содержательные (качественные) выводы. Иными словами, статистика нужна для решения таких задач, которые имеют своей целью выявление определенных *закономерностей*, ибо простой просчет тех или иных явлений ничего раскрыть не может»⁵.

¹ M. R o m p o r t l. Zum vergleichenden Studium der Satzphonetik. "Zeitschrift für Phonetik, allgemeine Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung". 1957.

² S. O. K a r ĉ e v s k i. Sur la phonologie de la phrase. TCLP, 1931. т. IV.

³ F. D a n e š. Intonace a véta ve spisovne cestine. Praha, 1957.

⁴ Подробно о лингвистической сущности интонации и о разных аспектах ее изучения. см.: Ф. Е. В е й с а л о в. Завершающая интонация в немецком языке. Канд. дисс. Баку. 1970.

⁵ Л. Р. З и н д е р и Т. В. С т р о е в а. К вопросу о применении статистики в языкознании. ВЯ, 1968, № 6, стр. 121.

Возражение З.Х.Таги-заде М.А.Черкасскому относительно сингармонизма в тюркских языках не убедительно, поскольку не показано, на каком материале и по какому принципу были подобраны слова для подсчета. Откуда известно, что 13,6% отклонений не содержат в себе ничего существенного в плане качественной характеристики языкового явления, тем более, что анализу подвергнуты всего 600 слов (!) - стр. 7. Впрочем, надо сказать, что З.Х.Таги-заде смешивает простой арифметический подсчет с подлинно математической статистикой. Это видно из дальнейшего изложения, где в таблицах (стр. 55-56, 68, 70) приведены ничего не раскрывающие цифры, простые данные, полученные от вычисления периодов мелодических кривых или от процентного вычисления проанализированных слов. Следует подчеркнуть, что все те абсолютные данные, которыми оперирует З.Х.Таги-заде и которые он называет статистикой, никакого лингвистического значения не имеют.

Для лингвиста важны не столько абсолютные, сколько среднереферентные значения, чего не выводит автор. Кроме того, какой бы мощный ни был математический аппарат, применяемый исследователем, он не может выявить закономерности интонации, движение тона, динамической и темпоральной структуры предложений, если анализ проводится только по одному диктору. Именно так описывается интонационная структура предложения [gælæg gælægæm], который является единственным примером, на который опираются все рассуждения автора об интонации.

Во-первых, по всей вероятности, неправильно, установлена граница между звуками на интонограмме (хорошо было бы привести осциллограммы) указанного предложения, ибо вряд ли длительность /l/ в идентичных фонетических условиях в одном случае достигла бы 100 м/сек, в другом – 60 м/сек¹. Во-вторых, какая ни была длительность ударного /æ/ в /hælæg/, она не может превышать длительность второго /æ/ в /hælægæm/.

Вычисление средней длительности гласного /æ/ в азербайджанском языке (92 м/сек), исходя из 5 случаев его реализации (стр. 57), не имеет никакого лингвистического значения. Ничего не раскрывает и приведенная на стр. 64 голая формула.

Установление акустических коррелятов артикуляторных особенностей элементов речевого сообщения имеет перед собой цель выявить соответствие между накопленными знаниями и физическими

¹ Не может быть, чтобы длительность звука в терминальной синтагме была меньше, чем в прогредивентной, см.: Ф. Е. В е й с а л о в, указ. раб.

характеристиками звука, связи между речеобразованием и акустической картиной. Это явление имеет и техническое приложение: фонетическое описание речи создает оптимальное условие для кодирования и декодирования информации. С этой целью в современной лингвистике широко используют спектрограммы и сонограммы¹, первые из которых получаются на фильтровом спектрографе, а вторые – на Вокодоре. В последнем случае возможно получить акустическую картину произносимого звука, которую называют видимой речью. В результате анализа выясняется, что каждый звук имеет специфические спектры, или присущую ему формантную структуру. Формантами называют те области частот, которые являются необходимыми и достаточными для опознания данного звука.

Тембровое качество гласных связывается разными исследователями с различными факторами. По Гельмгольцу, форманты обусловлены положением органов речи в надгортанной полости, где усиливаются гармонические обертоны, основной же тон усиливается в гортани. Согласно теории Германа, тембр гласного образуется в результате наложения собственного тона надгортанных полостей на основной тон.² Эти теории объединяются тем, что обе они признают определение формант гласных положением органов произношения в надгортанных полостях.

Фонетисты пытались определить форманты гласных на слух (А.Томсон), а также при помощи приборов (Русло, Щерба).

Исходя из того, что гласные отличаются друг от друга как артикуляторно, так и акустически, обычно считают, что F_1 отражает задний резонатор, а F_2 -- передний. Несостоятельность такой постановки вопроса показал Г.Фант: «Обычно считается, что для акустического описания гласных достаточно указать частоты первых двух формант F_1 и F_2 ; но гласный /a/, произнесенный мужским голосом, может иметь те же F_1 и F_2 , что и гласный /a/, произнесенный девочкой. Если эти два гласных тем не менее воспринимаются как разные фонемы, то это, как правило, обусловлено информацией, которая содержится в более высоких формантах и в основной частоте голоса F_0 . Как раз эта информация и отбрасывается, если рассматриваются только F_1 , F_2 . F_3 имеет значение для правильного восприятия только передних гласных, но она может быть использована и для нормализации всех гласных, произнесенных разными дикторами»³.

¹ Г. Ф а н т. Акустическая теория речеобразования. М., 1964.

² Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 177.

³ Г. Ф а н т, указ. соч., стр. 25.

Г.Фант в своей книге приводит на 20 страницах уже обработанные¹ спектрограммы – широкополосные и узкополосные, -- полученные им при помощи «сонографа». З.Х.Таги-заде же не сочел нужным привести хотя бы одну спектрограмму (приведенная спектрограмма /æ/ на стр. 69 ничего не сообщает читателю, так как она еще не обработана), чтобы раскрыть сущность приведенного анализа. А таблица сопоставительной характеристики формант русских и азербайджанских гласных (стр. 70) не имеет ничего содержательного. Во-первых, не указано, каким образом получены данные об азербайджанских гласных. Во-вторых, приведенных З.Х.Таги-заде формантных показателей русских гласных в книге Г.Фанта не находим, хотя автор пишет, что эти данные заимствованы у Г.Фанта. В третьих, очень показательным кажется сделанный из формантного анализа вывод. Разница между формантными показателями русского и азербайджанского /a/

$$\frac{F_2 : F_1}{1,8 \ 2,0} \quad \frac{F_3 : F_1}{3,3 \ 3,3} \quad \frac{F_1 + F_2}{1950 \ 2020}$$

дает основание З.Х.Таги-заде рассуждать следующим образом (см. стр. 70): при произнесении азербайджанского /a/, по сравнению с русским, язык более продвинут вперед. Степень подъема языка одинаковая. При произношении азербайджанского «а» рот раскрывается меньше, чем при русском «а» (!).

К анализу формантных показателей следовало бы применить статистику, а именно χ^2 – критерий, хотя к приведенным З.Х.Таги-заде данным (3,3:3,3; 1,8:2,0; 1950:2020) вряд ли можно применить какую-либо статистику.

Таким образом, проповедуемая в самом начале книги статистика не применена З.Х.Таги-заде ни при изучении звуков, ни при рассмотрении интонации, ни при анализе формантной структуры речи.

Вторая глава книги посвящена акустическому аспекту изучения звуковой стороны языка. Акустический аспект в фонетике необходим, поскольку речь в ее устной форме немислима без звуков, являющихся воспринимаемыми знаками. Звуки образуют материальную оболочку речи, поэтому фонетист должен разбираться в тех вопросах, которые касаются звукообразования в его физическом аспекте. Однако фонетисту достаточно элементарных знаний из области акустической физики,

¹ Форматную структуру гласных шведского и русского языков // Г.Фант вычислил на БЕСК (Бинарная вычислительная машина шведского совета по вычислительной технике).

чтобы хорошо представить себе специфику звуков речи, их отличие от всяких других звуков. Необходимо выяснить, что является источником звуков речи (можно сравнить их со звуками, производимыми на трубах, флейтах), что такое основной и парциальный (обертон) тоны, как измеряется частота основного тона, что такое сила звука, чем она отличается от громкости, что такое длительность, что является единицами измерения этих параметров и т. д.

Вместо того, чтобы коротко и ясно изложить эти вопросы, тем более, что книжка рассчитана на начинающих фонетистов и студентов, З.Х.Таги-заде вдается в необоснованное углубление некоторых физических понятий (интерференция, дифракция, заглушение и отражение звуков и т. п.)¹.

Так как звуки речи являются сложными колебаниями, утверждает З.Х.Таги-заде, имеются, кроме основного тона, еще дополнительные, которые называются парциальными тонами или обертонами (стр.13). Это утверждение не раскрывает сущности ни основного тона, ни обертона, ни их отличия.

Третья глава, содержащая сведения о речевых органах, расширена за счет своеобразных экскурсов в области анатомии и физиологии. Глава о речевых органах в книге по экспериментальной фонетике оправдывает себя и приобретает нужное значение в том случае, если в дальнейшем ведется последовательное сопоставление артикуляторных и акустических особенностей звуков речи, чего мы не находим у З.Х.Таги-заде. Если автор проводил исследования по изучению артикуляторных особенностей азербайджанских звуков и добился определенных результатов, то следовало бы привести в качестве иллюстрации палатограммы и рентгенограммы с лингвистическим их толкованием. При отсутствии подобной работы можно было бы привести данные хотя бы из других исследований по экспериментальной фонетике азербайджанского языка (Ф.Кязимов, С.Садыхов, А.Ахундов и др.).

То же самое можно сказать относительно четвертой главы, где речь ведется о слуховом анализаторе. Автор нигде не говорит о перцептивном плане изучения звуковой стороны языка. Если бы автор проводил маленький опыт по восприятию звуковой азербайджанского языка и приводил бы в книге данные этого опыта, то названная глава не вызвала бы возражения, ибо это способствовало бы понима-

---

¹ См. также приведенный в конце книги в качестве приложения «Словарь некоторых физических терминов, связанных с экспериментом». (А в сноске автор подчеркивает, что некоторые сложные формулы пока не включаются в «Словарь»).

нию механизма восприятия - необходимого компонента речевого общения.

Конечно, читатель мог бы получить все данные о слуховом анализаторе и из работ Л.Р.Зиндера (Общая фонетика. Л., 1960 г.) и Дж.Фланагана (Анализ, синтез и восприятие речи. М., 1969 г.).

Рисунки 9,10,11,12,13,20, представляющие собой фотоизображение отдельных электроакустических приборов и даже уголка подведомственной лаборатории, не содержат в себе никакой информации для читателя и носят рекламный характер.

Подытоживая анализ основных положений книги З.Х.Таги-заде, отметим, что неправильные теоретические предпосылки, нерешенность или неправильное решение главных затрагиваемых в книге вопросов, если и пренебречь допущенной вольностью в отношении стиля изложения (см., например, предисловие, стр. 6,15 и др.) и отсутствием элементарной культуры библиографической техники, могут дезориентировать начинающего фонетиста. Поэтому вопрос о написании учебного пособия по экспериментальной фонетике на азербайджанском языке продолжает оставаться в кругу нерешенных проблем азербайджанского языкознания и ждет своей разработки.

C.S.Əhmədov, F.Y. Veysəlov
Fonetikada eksperiment və eksperimental fonetikanın
bəzi məsələləri haqqında

X Ü L A S Ə

Dilin fonetik quruluşunun eksperiment yolu ilə öyrənilməsi linqvistikanın ən maraqlı sahələrindən biridir. Eksperimenti yüksək səviyyədə aparmaq üçün tədqiqatçı dərin nəzəri hazırlığa malik olmalıdır.

Eksperimental fonetikanın digər mühüm məsələləri ilə birlikdə təcrübədən alınmış materialın necə şərh edilməsinin də böyük əhəmiyyəti vardır. Nəzəri hazırlığı olmayan və eksperimentin qarşısına qoyulan tələbləri bilməyən tədqiqatçı dilçilik üçün dəyərli nəticələr əldə edə bilməz.

О ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ И ИНТЕГРАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ ФОНЕМ¹

Для понимания сути вопроса о дифференциальных и интегральных признаках обычно оперируют примерами из разных языков или фактами одного и того же языка.

Утверждается, например, что в системе гласных фонем немецкого языка /e:/ и /ɛ/ противопоставляются друг другу как две самостоятельные фонемы. Для такого доказательства нередко приводятся квазиомонимы, т. е. строится парадигма звуковых комплексов, различающихся между собой наличием или отсутствием именно /e:/ и /ɛ/. Ср.: /'ɛ:bən/: 'отходить' (о море при отливе) " и /'ɛ:bən/ -- 1. 'гладкий, ровный'; 2. 'только что, именно'; /'ɛ:dən/-- мн. ч. от /'ɛ:da/ и /'ɛ:dən/ 'земной рай) миф"; /'ɛ:dəl/ 'пиявка' и /'ɛ:də/: 1. 'борона'; 2. 'мель на фарватере'. Из анализа таких минимальных пар заключают, что /e:/ и /ɛ/ являются двумя разными фонемами. При этом одни исследователи полагают, что различие в данном случае основывается вне всяких сомнений на признаке открытости и закрытости. Другие исследователи связывают данное различие с признаком долготы и краткости. Признак по долготе и краткости следует считать дифференциальным для системы гласных немецкого языка, поскольку гласная /a:/ и /a/ нарушает симметрию системы по признаку открытости и закрытости. Действительно, /a:/ является единственной гласной фонемой, которая не образует корреляционной пары с /a/ по открытости и закрытости. Все остальные гласные немецкого языка подчиняются принципу: если долгая, значит, она закрытая, или наоборот, если она закрытая, значит, она и долгая.

В русском языке тоже имеются звуки [ɛ] и [e], однако в отличие от немецкого они не служат различению двух минимальных пар. В словоформах /мел/ и /мель/ с фонетической точки зрения имеется два звука [ɛ] и [e]. Однако, как известно, приведенные слова различаются между собой не звуками [ɛ] и [e], а твердостью и мягкостью последующих согласных. В словоформах /мела/ и /мельник/ оба гласных звука первого слова, т. е. открытое [ɛ] и закрытое [e] являются по сравнению с теми же звуками в словах /мел/ и /мель/ долгими, поскольку гласные под ударением произносятся длиннее в полтора

¹ Впервые опубликована в: „Ученые записки“ МВССО Азербайджанской ССР, серия XII, № 2, 1975 г., s.40-47.

раза, чем в безударном положении¹. Что касается противопоставления открытости и закрытости [e] и [e], то надо сказать, что оно так же, как и долгота и краткость, обусловлено позицией в словах и позицией под ударением. Таким образом, из сравнения этих примеров можно заключить, что один и тот же признак выступает в одном языке как дифференциальный, а в другом как интегральный. Иными словами, в одном языке этот признак является различительным, фонологическим (или релевантным, языковым, лингвистическим), а в другом—нерелевантным (или фонетическим, неязыковым, нелингвистическим). Можно привести еще один пример. В китайском языке [ç] и [l] различаются между собой только фонетически, они не противопоставляются друг другу как две фонемы. Поэтому естественно, что различие между ними будет оттенковое, или же фонетическое, интегральное. Китаец, услышав слова *Париж* и *Лондон*, может инденфицировать их как *Палис* и *Рондон*, взаимозаменяя /r/ и /l/ друг другом². В то же время в русском языке невозможна замена /r/ фонемой /l/, поскольку различие между /r/ и /l/ в русском языке является фонологическим. Признак по долготе и краткости является дифференциальным для гласных чешского языка, а для гласных русского или болгарского языков – недифференциальным, т. е. интегральным. Можно проиллюстрировать суть этих понятий на материале одного языка. Если сравнить русские слова /t⁰ut/, /t⁰ok/, /tam/, /t⁰kva/, /t⁰ut/, /ist⁰ok/, /t'aga/ и др., то можно заметить, что появление [t⁰] обусловлено позицией, тогда как /t'/ не зависит от позиций. На самом деле перед лабиальным гласным встречается лабиализованный [t⁰], но /t'/ в русском языке не связано с качеством последующего гласного. Чтобы убедиться в этом, достаточно подобрать слова, где [t⁰] и /t'/ встречались бы в позициях, свободных от влияния гласных. Например, в словах /s⁰ut/ и /s⁰it'/, /t⁰ut/ и /t⁰ot/, /mat/ и /mat'/ согласные /t/ и /t'/ реализованы в абсолютном исходе, поэтому в /s⁰ut/ последний /t/ не лабиализуется, но твердость согласного /t/ в этой позиции сохраняется. Именно на основе сказанного можно утверждать, что признак мягкости и твердости согласного в русском языке является дифференциальным, а признак лабиализованности – иррелевантным, или интегральным.

Разграничение понятий ДП и ИП давно существует в фонетической литературе. Уже в работах представителей классической фо-

¹ Л. В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

² R. Jakobson. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Frankfurt am Main, 1966.

нетики наблюдается склонность к разграничению этих двух понятий. Достаточно упомянуть работу Э.Сиверса,¹ в которой звуковые различия описываются именно на основе этих признаков. Примером может служить описание звуков по активному и пассивному органу или по способу образования и т. д. Ср.: /d/ и /t/ -- переднеязычные, смычные, взрывные; /d/ звонкое, а /t/ глухое. Пол Пасси назвал эти признаки значимыми и незначимыми², О.Брок – этимологическими и фонетическими³, О.Есперсен – внутренне – и внешнеобусловленными⁴. Однако все эти понятия были разработаны на фонетическом уровне. Только бодуэновская школа впервые в истории науки свела теорию отношения бесчисленного множества наблюдаемых звуковых отличий к ограниченному набору единиц, создаваемых говорящим, для обозначения которых сам И.А.Бодуэн де Куртенэ⁵ предложил термин фонемы. Вслед за ним его ученик Л.В.Щерба развил идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ и создал оригинальную теорию фонемы⁶. Интересно, например, что И.А.Бодуэн де Куртенэ считал различие *сад/зад дам нам* (различие поднятия мягкого неба), *сад суд* (различие разных укладов полости рта) семасиологизованно-морфологизованным⁷. «Между тем, – писал И.А.Бодуэн де Куртенэ, – в произносительно-слуховом языке семасиологизуются и морфологизуются не цельные неделимые фонемы, а только их более дробные произносительно-слуховые элементы (кинемы, акузмы, кинакемы) как их составные части».⁸ Более того, не только идея о недвусмысленном разграничении семасиологического и несемасиологического признаков, но и о том, что фонема представляет собой пучок различительных признаков, была высказана тем же И.А.Бодуэном де Куртенэ. В цитированной работе мы читаем: «Фонема – соединение нескольких дальше не разложимых произносительно-слуховых элементов (кинем, акусм, кинакем) в одно единое целое благодаря одновременности всех соответствующих работ и их частных результатов.»⁹ Кинема

¹ E. S i e v e r s. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1901, 5. Aufl.

² P. P a s s y. Petite phonétique comparee. Leipzig, 1912.

³ O. B r o c k. Slavische Phonetik. Heidelberg, 1911.

⁴ O. J e s p e r s e n. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig, 1925.

⁵ И. А. Б о д у э н д е К у р т е н э. Избранные работы по общему языкознанию. М., 1963, т. 1-2.

⁶ Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в количественном и качественном отношении, СПб., 1912.

⁷ Б о д у э н д е К у р т е н э. Введение в языкознание. В кн.: И. А. Б о д у э н д е К у р т е н э. Избр. работы по общему языкознанию. М., 1963, т. 1, стр. 279.

⁸ Т а м же, стр. 279.

⁹ Т а м же, стр. 290.

и акуσμα, по Бодуэну, представляет собой дальше не разложимый произносительный (соответственно акустический) элемент, например, представление работ губ или мгновенного шума, получаемого от взрыва между сжатыми произносительными органами. Итак, для И.А.Бодуэна де Куртенэ смысловозначительным является не сама фонема как единство симультанных признаков, а только ее дробный элемент. Этот тезис, гораздо интереснее и ценнее в научном отношении, не был развит в дальнейшем. О нем не хотят говорить западные лингвисты и особенно некоторые структуралисты. В дальнейшем была развита другая идея того же И.А.Бодуэна де Куртенэ, которая заключается в определении фонемы как пучка ДП, с одной стороны, и выделении или же вычленении самой фонемы из речевого потока методом противопоставления, с другой. Именно метод противопоставления, который господствует в западной лингвистике, и в ряде работ советских авторов, непременно поражает то определение фонемы, которое базируется на смысловом критерии.

Обычно говорят, что смысловой критерий в фонологию был введен акад. Л.В.Щербой и при этом ссылаются на его работу «Русские гласные в количественном и качественном отношении», где он определяет фонему, исходя скорее из смысловых ассоциаций. Но Н.С.Трубецкой, ратуя за разделение фонологии и фонетики на две самостоятельные науки, целиком и полностью опирается на смысловозначительную функцию фонемы. Н.С.Трубецкой определяет фонему через фонологические оппозиции, суть которых сводится к дифференциации значений двух слов через звуковое противопоставление. Оппозиция, по Н.С.Трубецкому, смысловозначительна, если она различает значение двух слов данного языка, т. е. если она включает в себе две разные фонемы. Звук же истолковывается как фонема, если она является членом фонологической оппозиции. Будучи членом фонологической оппозиции, звук становится смысловозначительной единицей¹. Поясним это на примерах: *дом* /dom/ – /tom/ *том*. Эти слова образуют квазиомонимы, или минимальные пары, потому что за исключением начала они звучат одинаково. Различие между ними в плане содержания основывается на различии в их звучании, а именно в противопоставлении /d/ – /t/. При тщательном анализе теории Н.С.Трубецкого возникают следующие вопросы: во-первых, одно неизвестное определяется здесь другим неизвестным: фонема – это один из противостоящих друг другу членов оппозиций, а оппозиция – это противопоставление двух фонем. Для того, чтобы доказать

¹ N. S. T r u b e t z k o y. Grundzüge der Phonologie. TCLP, 1939, s. 30.

ошибочность этого положения, обратимся к логическому аппарату доказательства. Фонему и оппозицию обозначим соответствующими символами /X/ и /U/, а отношение между ними обозначим символом R и тогда получим следующую формулу: /XRU/ или /URX/. И так, |x| и |U| имеет такое же отношение, какое имеется между /U/ и /X/. Но отсюда мы не получим никаких дополнительных сведений относительно сущности /X/ и /U/. Во-вторых, значение слов /dom/ и /tɔm/ различаются не потому, как считает Л.Р.Зиндер, что они в своем звуковом облике имеют разные фонемы, а потому что они отражают разные предметы объективной действительности.¹ В-третьих, откуда нам знать, что в этих словах первые элементы являются разными, если только не исходить из акустического впечатления говорящего, которому, по утверждению Н.С.Трубецкого, нет места в фонологии. Здесь следует отдать должное М.В.Гординой, которая совершенно справедливо пишет: «Для того, чтобы доказать, что начальные [t-k] в словах /tok/ – /pot/ и /kot/ в фонологическом отношении равнозначны конечным, что три гласных из трех разных фонетических положений должны рассматриваться как одна фонологическая единица, надо сначала убедиться в том, что каждое из слов делится на три звуковые единицы, в противном случае просто нечего сравнивать и отождествлять. Иными словами, парадигматическому анализу должно предшествовать синтагматическое, линейное членение.² И, наконец, если даже согласиться с Н.С.Трубецким, что в оппозиции /d:t/ в словах /dom/ и /tom/ противопоставляются друг другу по одному признаку, по признаку глухости – звонкости, то в данном случае они различаются между собой одним лишь признаком. Таким образом, при определении фонемы мы должны опровергнуть смысловой критерий и соотнести последний с дифференциальным признаком или согласиться с И.А.Бодуэном де Куртене.

Между тем из следующего определения Н.С.Трубецкого явно вытекает мысль о невозможности разложения фонемы на какие-то другие единицы. «Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разделить на более краткие, следующие друг за другом фонологические единицы, мы называем фонемой.»³ Здесь привлекается еще один параметр – признак дискретности, который дает основание считать фонему неделимой единицей. Это

¹ Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960.

² М. В. Г о р д и н а. О различных функциональных звуковых единицах языка. Исследование по фонологии. М., 1966, стр. 176.

³ Н. С. Т р у б е ц к о й. Указ. соч., стр. 34.

возможно вывести только исходя из синтагматического анализа. Если основываться на парадигматическом анализе и свести этот анализ к принципу противопоставления, то определение фонемы, как совокупность фонологически существенных признаков,¹ свойственных данному звуковому образованию, представляется логичным.

Почти такое же определение дается содержанию фонемы. Однако и данное определение, хотя оно и предполагает разложение фонемы на признаки, базируется на смысловом критерии при помощи метода противопоставлений. Например, /r/ и /l/ являются в немецком языке разными фонемами, потому что благодаря этим единицам различаются значения слов /rant/ и /lant/, но вот различие между /g/ и /x/, по мнению Н.С.Трубецкого, является иррелевантным, поскольку /g/ и /x/ являются взаимоисключающими. Здесь Н.С.Трубецкой прибегает к дистрибутивному критерию, от которого сразу же отказывается, как только обращается к анализу /h/ и /d/. Последние тоже являются звуками взаимоисключающими, но тем не менее он относит их к разным фонемам на основании того, что между ними нет акустико-артикуляторного сходства. Чтобы найти место в сложной системе оппозиции для случаев противопоставления /h/ и /t/, он предлагает назвать подобные оппозиции косвенно-фонологическими, поскольку каждое из них выступает в непосредственные оппозиции с другими звуками (например, /h:/p/, /h:/l/ или же /d:/p/ и т. д. По фонологической теории Н.С.Трубецкого², нельзя утверждать, является ли /ts/ или же /tj/ в русском языке твердой или же мягкой фонемой, потому что в системе русского языка нет противопоставления указанных фонем соответствующим твердым или мягким. Фонема /g/ в немецком языке получит у Н.С.Трубецкого следующее определение:

		1. смычн. = +
6 (#) --	g	--1 (x) 2. неназ./наз. = +
5 (?) --	g	--2 (2) 3. веляр./палат. = ± ?
4 (?) --	g	--3 (±) 4. губн./веляр. = ± ?
		5. ненапр./напр. = ± ?
		6. звонк./гл. = ± ?

Итак, для фонемы /g/ дифференциальным является признак смычности и ртовости. Однако в любое время можно с полной уверенностью сказать, является ли /g/ звонкой или нет. Определение фонемы как члена фонологической оппозиции, или совокупности, или пучка ДП, принципиально невозможно без признания того, что

¹ Там же, стр. 35.

² Там же, стр. 59.

фонема представляет собой единицу, далее разложимую на другие единицы. На самом деле в оппозиции /d:t/ и /d:d'/ нетрудно заметить, что первый член обеих оппозиций представляет одну фонему с двумя дифференциальными признаками – звонкость и твердость. По сути своей эти признаки являются функциональными, но они воплощаются в определенном физическом свойстве-субстрате. Оба признака выступают как релевантные, потому что они служат различию двух лингвистических единиц. Благодаря этим признакам различаются также и значения слов /dom – tom/, /dima—d'ima/ и т. д. Таким образом, если остаться верным принципу последовательности, мы вынуждены будем признать фонему единицей далее разложимой на мелкие элементы, хотя бы на парадигматическом уровне. Второй вывод, который тесно связан с первым, заключается в признании смысло-различительной функции за дифференциальным признаком, т. е. в конечном счете мы приходим к выводу Бодуэна, о чем говорилось уже выше. Почти идентичное положение наблюдается в ранних работах Р.О.Якобсона. И.Вахек полагает, что приоритет в разработке теории ДП принадлежит Р.Якобсону, при этом он ссылается на статью, изданную им в чешской энциклопедии в 1932 году, где дается следующее определение фонемы: «Фонема..., этим термином мы обозначаем набор тех одновременно действующих свойств, которые используются в данном языке для различения слов разного значения¹. Из этого определения следует, что и Р.Якобсон считал смысло-различительной единицей не фонему, а дифференциальный признак. Идея о том, что фонема является пучком ДП в современном ее виде, развивается Р.Якобсоном и его коллегами². Процедура фонологического анализа языка заключается, по мнению Якобсона и др., в выделении ингерентных и просодических признаков. Совокупность первых трактуется как фонема, а вторых—просодема³. Р.Якобсон и др. полагают, что фонологическая система любого языка может быть описана 12 парами ДП, выведенными ими на основании спектрального анализа⁴. Против универсальности дихотомической теории возражает А.Мартине, мотивируя свое несогласие тем, что проверить ее на фактическом языковом материале невозможно.

---

¹ J. V a c h e k. The linguistic school of Prague. Bloomington -- London, 1966, p. 46.

² R. J a k o b s o n, G. F a n t and M. H a l l e. Preliminary to speech analysis. "Technical Reports", 1953, № 13.

³ R. J a k o b s o n und M. H a l l e. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960.

⁴ П. С. К у з н е ц о в. Проблема ДП. В кн.: «Исследование по фонологии». М., 1966.

Если не коснуться технической стороны этой теории, то предложенная бинаристами система ДП представляет собой следующие пары:

По основн. ист.

1 – гласные—негласные // первичные признаки,

2 – согласные – несогласные // обусловленные источником звука

3 – прерванные - непрерывные // вторичные консонантные

4 – глоттолизированные—неглоттолизированные // признаки, обусловленные источником звука

5 – резкие – нерезкие

по доп.ист.

6 – звонкие – глухие

по резонансным признакам.

7 – компактные – диффузные

8 – низкие – высокие

9 – бемольные (лаб.) – простые (нелаб.) // тоновые признаки

10 – дизянные (палат.) – простые

11 – напряженные – ненапряженные

12 – назализованные – неназализованные

Каждая из этих пар характеризуется своей специфической формантной структурой. Дается артикуляторное и акустическое описание звуков, характеризующихся тем или иным признаком, а также дистрибуция их. Затем строится матрица с плюсами и минусами в точке пересечения соответствующего признака и фонемы. Существенным недостатком данной теории является то, что один и тот же признак характеризует и гласные и согласные. Например, первые два признака применимы в одинаковой степени и к согласным и к гласным. Такое положение вещей объясняется тем, что авторы хотели избавиться от двусмысленного положения сонорных: шумные-согласные – и негласные, сонорные-негласные и несогласные. По существу эта теория утверждает тоже самое, что и классическая фонетика. Ведь в классической фонетике нет четкого разграничения сонантов в системе фонем языка: они близки и к гласным, и к согласным. Авторы дихотомической теории полагают, что имея в своем распоряжении наличие этих признаков, можно описать фонемный инвентарь языка. И здесь совершенно прав П.С.Кузнецов, указавший на недопустимость и невозможность интерпретации фонем языка без знания фонемного состава языка. Не имея определенного знания об инвентаре фонем, вряд ли можно описать систему фонем, предложенных

Р.Якобсоном и др. дифференциальными¹. Мысль о том, что фонологически согласные и гласные различаются на всех языках не подлежит никакому сомнению. Неоспоримо то, что гласные всегда являются слононосителями, тогда как согласные лишены этой функции.

Построив матрицу дифференциальных признаков [S-S¹-S⁰], мы выводим их набор для каждого из них. Вследствие этого следует утверждать, что в русском языке имеется три фонемы, однако никто из авторов не оспаривает наличие в русском языке 2-х фонем. Это еще раз показывает, что сперва определяется фонемный состав языка, затем выводятся ДП. Обратное не в том, что фонемный инвентарь выводим из ДП-ов, наоборот, последнее является способом описания заранее известного фонемного инвентаря. В этом смысле в дихотомической теории нет ничего нового.

Выводы

Фонемы не являются смысловозначительной единицей языка. Фонема представляет собой единицу, разложимую на более мелкие одновременно действующие единицы, называемые ДП. Различительную функцию выполняют ДП, которые существуют как минимальные единицы фонологической системы. В системе языка ДП являются самостоятельной, независимой единицей. ДП – это такой признак, который различает хотя бы одну пару фонем. Так как ДП присущи системе языка, неправомерно искать акустические корреляты ДП. Акустический коррелят, или физическая реальность – это среда, где реализуются ДП. Так как ДП – это единицы языка, то они присущи всем фонемам и проходят через всю систему языка. Зная, что палатальность и непалатальность представляют собой реальный коррелятивный признак, мы можем с полной уверенностью утверждать, что /tʃ/ является твердой фонемой, если даже не найдена для нее соответствующая мягкая пара. То же самое можно сказать относительно русского /п₃/ и т.д. Знание набора ДП облегчает задачу описания реализации фонем в каждом конкретном случае. Зная, что лабиализованность не является ДП согласных фонем русского языка, мы легко можем ориентироваться при описании таких слов, как например, /s⁰ut/, /s⁰ok/ и т.д., сразу определив, что [s⁰] – это вариант твердого, поскольку заранее знаем, что признак лабиальности является интегральным, т.е. приобретенным в результате влияния соседствующего звука. Глубоко ошибочно было бы утверждение о том, что усвоение

¹ П. С. Кузнецов. Проблема ДП. В кн.: «Исследование по фонологии». М., 1966.

набора ДП позволит быстрому обучению иностранному произношению. В этом смысле совершенно прав С.И.Бернштейн, который еще в 1937 году говорил, что для правильной индентификации фонем при обучении иностранному языку необходимо учесть как дифференциальные, так и интегральные признаки. Если мы хотим, чтобы при произношении русских слов слушающий мог декодировать посланную нами информацию в высказываниях /s⁰u't id'o't/ и /s⁰ok fku'snɐ'j/, мы обязательно должны учесть элемент лабиальности при /s⁰/, т. е. произнести /s/ в этих словах как [s⁰].

F.Y.Veysəlov
Fonemlərin differensial və inteqral əlamətləri haqqında

X Ü L A S Ə

Dilin fonem sisteminin tədqiqində differensial əlamətlə yanaşı inteqral əlaməti də nəzərə almaq lazımdır. Differensial əlamət fonem sisteminin özünə məxsusdur. İnteqral əlamət isə fonemlərin reallaşmasında onların bir-birinə qarşılıqlı təsirində yaranan keyfiyyətdir.

Fonem nəzəriyyəsinin işlənilib hazırlanmasında və fonemin müəyyənləşdirilməsində elmi kriteriyaların irəli sürülməsində İ.A.B. de Kurtene'nin rolu hələ kifayət qədər qiymətləndirilməmişdir. N.S.Trubetskoyun fonem nəzəriyyəsi ziddiyyətlərlə doludur və o prinsip etibarı ilə B. de Kurtenedən bir addım da olsun irəli gedə bilməmişdir.

Fonologiyada N.S.Trubetskoyun adı ilə bağlanan qarşılaşdırma prinsipi və fonemin mənaferqləndirici vahid olması fikri əslində daha aydın və məntiqi cəhətdən daha ardıcıl şəkildə İ.A.Boduen de Kurtene və onun ardıcıllarının əsərlərində şərh olunmuşdur. Maraqlı burasıdır ki, İ.A.Boduen de Kurtene mənaferqləndiricilik xüsusiyyətlərini fonemlə deyil, fərqləndirici əlamətlə bağlayır və fonemə akustik və artikulyator elementlərin məcmusu kimi baxır. Dilin fonem sistemi və fonem tərkibi differensial əlamətlərlə yalnız o zaman təsvir edilə bilər ki, dilin fonem repertuarı məlum olsun. Əks təqdirdə hər bir cəhd müvəffəqiyyətsizliyə uğrayır. Differensial və inteqral əlamətlərin müəyyənliyi fonem sisteminin təsviri işini asanlaşdırır.

О ПОНЯТИИ АКУСТИЧЕСКОГО РАЗЛИЧИЯ В ФОНЕТИКЕ И ФОНОЛОГИИ¹

Лингвистическое различие предполагает акустическое. Сколь верным является это утверждение, столь и неверным будет убеждение, предполагающее обратное, т. е. не всякое различие на акустическом уровне соотносимо с лингвистическим различием. Действительно, переднеязычный глухой [r] в азербайджанском языке в слове /gar/ акустически не имеет сходства с переднеязычным сонантом [r] в слове /gara/, но тем не менее они представляют собой в азербайджанском языке варианты одной и той же фонемы. Напротив, между |ɛ| в слове /ɛlan/ и |æ| в слове (æla) имеется определенное сходство, хотя они являются в азербайджанском языке двумя самостоятельными фонемами². Или в кахском диалекте азербайджанского языка имеются случаи, когда [l] и [r] выступают как варианты одной и той же фонемы, несмотря на то, что между ними нет никакого артикуляторного сходства. Так, например, по наблюдению автора, в речи представителей молодого и старшего поколений кахского диалекта азербайджанского языка [l] может легко заменить [r] без того, чтобы не изменилось значение слова и не разрушилось слово в целом. Ср.: /partal/ вместо литературного /paltar/, /gultaldı/ вместо литературного /gurtar'dı/ и т. д. Можно отметить, также в этом диалекте замену [j] на [r]. Ср. /alıjam/, /alıj/, /hælıj/ и т. д.³ Носители северных диалектов современного русского языка употребляют вместо [l] фонему [v]. Женщина из Мурманска произносила в абсолютном конце глаголов в прош. вр. муж. р. фонему [v]. Это явление представлялось сначала как индивидуальная особенность говорящей, однако вскоре было установлено, что эта особенность вовсе не связана с патологией речи наблюдаемого индивидуума. Во-первых, она реализовала во всех других позициях фонему [l] и только в абсолютном конце заменяла фонему [l] фонемой [v], во-вторых, подобное явление имеет место в речи других жителей Мурманска. Однако приведенные как из азербайджанского, так и из русского языков примеры не могут служить основанием для опровержения тезиса, высказанного в начале настоящей работы, что лингвистическому различию обязательно должно соответствовать акусти-

¹ Впервые опубликована в: „Ученые записки АПИЯ им. М.Ф.Ахундова“, серия XII, Баку, 1975, № 3, с. 19-23.

² См.: Л. Р.З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 50.

³ О том, что акустически несходные звуки, как, например, [p] и [л] в японском языке выступают как варианты одной и той же фонемы см.: N. S. T r u b e t z k o y. Gründzüge der Phonologie. TCLP, 1939.

ческое различие. Наоборот, [l] и [r] являются двумя самостоятельными фонемами в кахском диалекте азербайджанского языка, и их реализация в приведенных словах обусловлена закономерностями функционирования фонем данного диалекта. Что касается полной идентификации носителями кахского диалекта приведенных выше азербайджанских слов с наличием в них фонемы [l] в интервокальном положении, то это свидетельствует, очевидно, о том, что они являются одновременно носителями двух фонологических систем - диалекта и литературного языка.

Лингвистическое различие, используемое в низших ярусах для дифференциации двух языковых единиц, не может быть использовано для различия двух единиц высших ярусов. Этот тезис, сформулированный пражцами (идею эту мы находим еще в работе допражской деятельности Р. Якобсона¹), был применен М. Ромпортлом к конкретному языковому материалу².

Суть этого тезиса заключается в следующем. В немецком языке фонетическая природа ударения является динамико-музыкальной, потому что в системе фонем данного языка нет двух пар единиц, противопоставленных друг другу по мелодике и интенсивности. Напротив, противопоставление по долготе и краткости, как известно, является дифференциальным признаком для всех монофтонгов наряду с открытостью и закрытостью. По этой причине противопоставление по долготе и краткости гласных на уровне немецких предложений не является отличающим средством одного интонационного контура от другого. В результате исследования, проведенного по терминальной интонации немецкого языка автором настоящей работы, были обнаружены следующие закономерности. В конечной синтагме, где реализуется терминальная интонация, выражающая законченность мысли, имеется понижение высоты основного тона и интенсивности. Это наблюдалось во всех примерах, подвергнутых экспериментально-фонетическому анализу. Наряду с этим, наблюдалось также определенное замедление в темпе произнесения звуков терминальной синтагмы.³ Вопрос состоит в выяснении того, можно ли интерпретировать замедление темпа как релевантный признак, характеризующий терминальную интонацию. Для ответа на этот вопрос нужно поставить эксперимент, имеющий своей целью исследовать ту же синтагму, но только не с терминальной интонацией, а с другим типом, скажем, с вопросительным. Однако поставленный экспери-

¹ Р. О. Я к о б с о н. О чешском стихе (преимущественно в сопоставлении с русским). Берлин, 1923.

² М. R o m p o r t l. Sprechmelodie und andere satzmelodische Mittel in der Hochlautung. Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Halle-Wittenberg, 1960.

³ Ф. Е. Вейсалов. Завершающая интонация в немецком языке. Канд. дисс. Баку, 1970.

мент показал, что в закрытых слогах не наблюдается замедления темпа в такой степени, как это имело в гласных открытых слогах. Этот очевидный факт позволил сделать вывод о том, что противопоставление по долготе и краткости является сопутствующим признаком при обязательном существовании двух указанных выше признаков - понижения тона и интенсивности к концу терминальной синтагмы. Замедление темпа существует как сопутствующий признак с основными признаками. Сформулируем нашу мысль точнее: темп замедляется в терминальной синтагме потому, что понижается в нем тон и интенсивность. Утверждение обратное было бы неверным. Тот же признак, используемый в немецком языке на фонемном уровне как основной, и на уровне просодии – как сопутствующий, выступает в азербайджанском языке на уровне просодии как основной, а на фонемном уровне – как сопутствующий¹. Предложения /hæli:r/ и r'hæli:rʃ представляют разные коммуникативные типы. Первое употребляется в речи азербайджанцев, как повествовательные, а второе – как вопросительное. На наш взгляд, основными отличительными признаками этих двух идентичных по своему фонемному составу и грамматически одинаково построенных, но выражающих благодаря своей интонации разную коммуникативную направленность предложений, являются длительность и интенсивность.

Замедление темпа и усиление интенсивности в конце вопросительных предложений, в отличие от повествовательных, очень легко определить на слух. Если прослушать несколько раз приведенные выше предложения в случайной последовательности, то можно без всякой фонетической подготовки распознать вопрос или не вопрос. Это возможно только потому, что при прочих тождествах фонетических факторов в отрезках /hæli:r/ и r'hæli:rʃ (одинаковых фонемный состав и одинаковая последовательность фонем) с коммуникативной установкой их соотносимо акустическое различие. Различие в длительности и интен-

¹ Следует отметить, что автор не разделяет точку зрения тех азербайджанских лингвистов, которые приписывают долготе и краткости дифференциальный характер. При всей неразработанности фонологии азербайджанского языка, можно сказать, что выступление долгих гласных позиционно обусловлено, т. е. долгие гласные встречаются только в неударных положениях. Что же касается «saat» и «fel», приводимых некоторыми азербайджанскими лингвистами как представители минимальных пар, противопоставленных «fel» и «saat», то в них, по глубокому убеждению автора, имеется не один гласный, а два по качеству и количеству разных гласных. Слово «фел» произносится вовсе не с долгой [e], в ней имеется [e] и [ɛ], в транскрипции это будет выглядеть так [feil]. Интересно то, что между [e] и [i] проходит, слоговая граница. Это сохраняется и в парадигме этого слова. Ср. /fe:'i:l/i/, /fe:'il5/ и т. д. Такое же положение наблюдается в слове /sa:at/. Понимается, что речь идет о полном стиле. В разговорном же стиле в этих словах произносится один гласный, количественно отличный от того же гласного в /fel/ или же /sat/.

сивности гласных последних слогов создает основу для различения их и в лингвистическом (перцептивном) плане. Таким образом, количество и интенсивность могут быть истолкованы как релевантные признаки для азербайджанской интонации.

Не исключено, что движение тона в них тоже будет отличаться друг от друга. Но это будет, видимо, различие только акустическое, а не лингвистическое¹.

Сопутствующий признак может превратиться в статус функционально релевантной оппозиции. Так, напряженность и ненапряженность была сопутствующим признаком английских смычных, противопоставленных друг другу фонологически, в основном глухостью и звонкостью. Однако по физиологическому закону, управляемому деятельностью голосовых связок, оглушение в абсолютном исходе является естественным. Перед потенциальной или действительной паузой голосовые связки должны ослабевать, следовательно, вибрация их прекращается, что вызывает известное оглушение. Несмотря на такую очевидность физиологического характера, в современном английском языке можно привести много примеров, в которых звонкость в абсолютном конце сохранила свою силу, тогда как в славянских языках произошло оглушение, как только исчезли конечные слабые гласные [ъ], [ь]. Данное оглушение вызвало некоторое увеличение омонимов, например: /prut/ - /prut/; /luk/ - /luk/. Выходит, что вышеуказанный физиологический закон не действителен для английского языка. Несмотря на это, физиологический закон действовал, в результате чего звонкие согласные существенно утратили свою позицию. Поэтому конечные согласные стали различаться не по голосу, а по напряженности. Причиной этого, как предполагает чешский лингвист Р.Крайгович, является потребность грамматической структуры. Увеличенное число омонимов, созданное благодаря утрате звонкости в конечной позиции, допустимо с точки зрения грамматической структуры славянских языков, но недопустимо с точки зрения грамматической структуры английского языка, потому что в английском языке многие грамматические категории различаются в контексте, например: субъект и объект, число и падеж и т. д., тогда как в славянских языках эти категории имеют свои формальные выражения.

Таким образом, в аналитических языках типа английского, контекст является очень перегруженным. В фонологической системе английского языка, ввиду указанной причины, звонкость не утратила свою силу полностью, но этот признак не остался основным: по нужде грам-

---

¹ Для окончательного решения данного вопроса следует провести специальный эксперимент.

матической структуры он стал сопутствующим, сопровождающим или избыточным; ранее сопутствующий – напряженный и ненапряженный превратился в основные признаки, приобрел в системе согласных фонологический статус¹. Другой пример. В системе французских согласных напряженность – ненапряженность является дифференциальным признаком. В противоположность этому, глухость, звонкость сопровождает первый как редундантный. Однако в определенных случаях противопоставление французских согласных по напряженности и ненапряженности снимается, и ранее избыточный признак превращается в фонологический. Ср.: /bis/ – еще раз и /pis/ - pis, где начальные согласные по силе не различаются. Различаются они только по глухости и звонкости².

Различение релевантного и нерелевантного признаков приобретает важное значение при сопоставительном изучении языков. Не менее важно оно также при практическом обучении неродному языку. Обыкновенный носитель языка не дает себе отчета в том, что речь его представляет собой континуум дискретных единиц, характеризующих определенными признаками. Он привыкает с детства говорить так, как говорят окружающие его. Восприятие каждого говорящего воспитывается закономерностями фонологической системы его языка, которая является, по меткому выражению Н.С.Трубецкого, „ситом, через которое просеивается все сказанное“³. Услышав иностранную речь, незнакомый с фонологической системой данного языка человек навязывает ей свои языковые навыки. Азербайджанец не слышит количественного различия немецких гласных, тогда как немец легко улавливает это различие в речи азербайджанца. Или же азербайджанец, произнося русские слова вопросительные предложения без вопросительного слова, чрезмерно удлиняет последний слог в них, если даже он является неударным, тогда как удлинение гласного в русском обусловлено ударностью слога, а выражение вопроса осуществляется повышением тона. Все это имеет фонологическую базу.

Дело в том, что в немецком количественное различие является фонологическим признаком гласных, в азербайджанском это – фонетический факт. Напротив количественное различие в азербайджанском языке является на уровне интонации дифференциальным признаком, тогда как для немецкой интонации оно является сопутствующим признаком, сосуществующим с основным.

¹ См.: И. Вахек. Пражские фонологические исследования сегодня. В кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967.

² R. Jakobson und M. Halle. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960. S. 9.

³ Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, стр. 59.

Выводы

1. Фонологические различие обязательно предполагает акустическое различие. Но не всякое акустическое различие приводит к лингвистическому различию.

2. Релевантный признак, использованный в низших ярусах языка, выступает на высших ярусах, как нерелевантный, и наоборот.

3. В определенных случаях нерелевантный признак приобретает дифференциальный характер, и тогда, использованный ранее дифференциальный признак, превращается в интегральный.

F. Y. Veysəlov

Fonetika və fonologiyada akustik fərqlər anlayışı haqqında

X Ü L A S Ə

Səslərin fonetik cəhətdən fərqlənməsi mütləq akustik fərqi olmasını tələb edir. Lakin hər bir akustik fərq heç də fonoloji fərqi gətirib çıxarmır. Dil strukturasının aşağı yarusunda relevant əlamət kimi çıxış edən əlamət yuxarı yarusda qeyri-relevant əlamət kimi çıxış edir və ya əksinə. Ayrı-ayrı hallarda qeyri-relevant əlamət relevantlıq kəsb edə bilər və ondan əvvəl relevant kimi çıxış edən əlamət inteqral əlamətə çevrilir.

AZƏRBAYCAN DİLİ FONEMLƏRİNİN KOMBİNATOR TƏHLİLİ¹

Tədqiqatın məqsəd və vəzifələri

Şon illərdə Azərbaycan dili fonetika və fonologiyası sahəsində bir sıra məqalə və monoqrafiyalar nəşr edilmişdir. Bu elmi-tədqiqat işlərində dilimizin fonetik və fonoloji xüsusiyyətləri müxtəlif baxımdan işıqlandırılmışdır. Bu cəhəti xüsusilə qeyd etmək lazımdır ki, Azərbaycan dilinin fonem sistemi nəinki ayrı-ayrı məqalələrin², həmçinin elmi faktları və

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: „Azərbaycan dilçiliyi məsələləri (elmi əsərlərin tematik məcmuəsi)“. Bakı, 1981. ADU (Y.K.Kərimov, M.H.Səfərovla müştərək), s. 52-58

² Ф. К я з и м о в. Система гласных фонем современного азербайджанского языка. Изв. АН СССР, «ОЛЯ», 1952. I-XI вып. 4; Е г о ж е. Система согласных фонем современного азербайджанского литературного языка. «Ученые записки» АПИЯ. 1958, вып. 1; С а д ы х о в. Характеристика согласных фонем азербайджанского литературного языка с экспериментальными данными. Труды АГПИ им. В. И. Ленина. 1-XI11, 1960. Е г о ж е. Согласные фонемы в потоке речи, Труды АГПИ им. В.И.Ленина. 1-XIX, 1961; Т. Н и д а у ө т з а д ə. Azərbaycan və ingilis samit fonemlərinin müqayisəli surətdə öyrənilməsi. S. M. Kirov adına ADU-nun «Elmi əsərləri», № 2, 1961; № 3, 1962; Р. К. П о т а п о в а, 3. X. Т а

dərin nəzəri dəyəri müxtəlif baxımdan işıqlandırılmışdır. Bu cəhəti xüsusilə qeyd etmək lazımdır ki, Azərbaycan dilinin fonem sistemi nəinki ayrı-ayrı məqalələrin¹, həmçinin elmi faktları və dərin nəzəri dəyəri ilə diqqəti cəlb edən iri həcmli monoqrafiyaların² da tədqiqat obyektinə olmuşdur. Məhz A. Axundov zəngin dil materialını statistik metodun köməyi ilə öyrənərək Azərbaycan dili fonemlərinin işlənmə tezliyini, onların meydana çıxma ehtimalı qanunauyğunluğunu aşkar etməyə çalışmışdır. Əsər müasir fonologiyanın aktual problemlərindən olan fonemlərin dildə işlənmə tezliyinin, meydana çıxma ehtimalı qanunauyğunluğunun və bir-biri ilə əlaqəyə girməsinin öyrənilməsində dilçiliyimizdə ilkin mərhələ hesab edilə bilər.

Yuxarıda adları çəkilən məsələlərin aktuallığından danışarkən çex fonologiya məktəbinin görkəmli nümayəndələrindən N.S. Trubetskoy göstərir ki, fonemlərin ayrı-ayrılıqda öyrənilməsi, onların arasındakı sistem münasibətlərinin aşkar edilməsi nə qədər mühümdürsə, dilin fonetik quruluşunun tədqiqi üçün fonoloji vahidlərin bir-biri ilə birləşmə qanunauyğunluğunun müəyyənəşdirilməsi də dir o qədər vacibdir³. N.S. Trubetskoy sözünə davam edərək yazır: «Fonem birləşmələrindəki qanunauyğunluqlar dil strukturu üçün heç də dil vahidlərindən az əhəmiyyətli deyildir»⁴. Ümumiyyətlə, bizə qalırsa, bir dilin fonemlərini statistik cəhətdən təhlil etmədən həmin dilin fonem tərkibi, fonemlər sistemi haqqındakı təhlili tam hesab etmək olmaz⁵. Məhz buna görə də fonemlərin kombinator təhlilində statistik üsul aparıcı rol oynamalıdır.

г и з а д е. Акустический анализ современного азербайджанского литературного языка. «Советская фонология», 1970, № 1 и т. д.

¹ Ф. К я з и м о в. Система гласных фонем современного азербайджанского языка. Изв. АН СССР, «ОЛЯ», 1952. XI-XI вып. 4; Е г о ж е. Система согласных фонем современного азербайджанского литературного языка. «Ученые записки» АПИЯ. 1958, вып. 1; С. С а д ы х о в. Характеристика согласных фонем азербайджанского литературного языка с экспериментальными данными. Труды АГПИ им. В. И. Ленина. 1-XI1, 1960. Е г о ж е. Согласные фонемы в потоке речи. Труды АГПИ им. В.И.Ленина. 1-XIX, 1961; Т. Н и д а у ə t z a d ə. Azərbaycan və ingilis samit fonemlərinin müqayisəli surətdə öyrənilməsi. S. M. Kirov adına ADU-nun «Elmi əsərləri», № 2, 1961; № 3, 1962; P. K. П о т а п о в а, З. Х. Т а г и з а д е. Акустический анализ современного азербайджанского литературного языка. «Советская фонология», 1970, № 1 и т. д.

² Ə. М. Д ə м і r ç і z a d ə. Müasir Azərbaycan dilinin fonetikasi. B., 1960; Ə. М. Д ə м і r ç і z a d ə. Azərbaycan dili orfoepiyasının əsasları. B., 1969; Ə. М. Д ə м і r ç і z a d ə. Müasir Azərbaycan dili, 1 hissə. Fonetika, B., 1972; A. A x u n d o v. Müasir Azərbaycan dilinin fonetikasından mühazirələr. B., 1969; A. A x u n d o v. Azərbaycan dilinin fonemlər sistemi. B., 1973; A. K. A л е к п е р о в. Фонематическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971; Грамматика азербайджанского языка. Баку. Müasir Azərbaycan dili, 1 hissə. Fonetika, EA nəşriyyatı, B., 1978 və s.

³ Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии, М., 1960.

⁴ Н. С. Т р у б е ц к о й. Göstərilən əsər, səh. 284.

⁵ A. A x u n d o v. Göstərilən əsər, səh. 203.

Fonem birləşmələrindəki qanunauyğunluqların öyrənilməsi tipoloji dilçilik üçün də böyük əhəmiyyətə malikdir. Bu problemin düzgün izahı həmçinin Azərbaycan dili ilə başqa dillər arasındakı fonetik fərqlərin aşkar edilməsinə və əsil Azərbaycan sözlərinin müəyyənləşdirilməsinə də kömək edər¹.

Məsələn, Azərbaycan dilində birhecalı sözlərdə saıtdən əvvəl və ya sonra üç samitin yanaşı işlənməsi yalnız alınma sözlərdə müşahidə olunur. Müqayisə et: ştraf, şprot, şpris, plyaj, vzvod, verst, tembr, filtr, sprint, sfinks². Azərbaycan dilindən fərqli olaraq rus, alman, ingilis və fransız dillərində birhecalı sözlərdə bir neçə samitin yanaşı işlənməsi adi hal hesab olunur. Yuxarıda verilmiş sözlər bu fikri əyani şəkildə sübut edir.

Bu problemin tədqiqi üçün çıxarışda göstərilmiş lüğətdən birhecalı sözlər seçilmişdir. Həmin lüğətin tədqiqat mənbəyi kimi seçilməsi aşağıdakı səbəblərlə bağlıdır: əvvələn, indiyə kimi əldə Azərbaycan dilinə aid orfoepiya lüğəti yoxdur (yeri gəlmişkən qeyd etmək lazımdır ki, belə bir lüğətin hazırlanması dilçiliyimiz üçün vacib və vaxtı çatmış məsələlərdən biridir), ikincisi, orfoqrafiya lüğəti sözlərin ardıcıl şəkildə verilməsi və kəmiyyətcə əhatəliliyinə görə hələlik əlimizdə yeganə mənbədir. Digər tərəfdən bu və ya başqa səbəbdən lüğətə daxil edilməmiş söz olsa belə, onlar birhecalı sözlər üçün aşkar edilmiş fonem birləşmələri modellərindən kənar qala bilməz.

Tədqiqat qarşısında qoyulan məqsəd dilimizdə mövcud fonem birləşmələri modellərinin konkret dil materialları əsasında müəyyənləşdirilməsi və onların tutumlarının aşkar edilməsindən ibarətdir.

Tədqiqat metodu

Dilçilik ədəbiyyatından fonemlərin kombinator təhlili üçün struktur, semantik, psixo-linqvistik və fərqləndirici əlamətlərə görə təhlil metodlarından istifadə edilir. Hazırkı tədqiqat işində struktur-semantik metoddan istifadə edilmişdir. Psixo-linqvistik tədqiqat metodu subyektiv xarakter daşıyır. Hər hansı bir birləşmənin dildə olub-olmaması danışanın subyektiv münasibətilə müəyyənləşdirilir. Fərqləndirici əlamətlərə görə tədqiqat metodu isə sözdəki və ya birləşmədəki ayrı-ayrı fonemlərin kombinator xüsusiyyətlərini deyil, bu fonemlərə xas olan fərqləndirici əlamətləri sadalamağa xidmət edir. Məsələn, «su» sözündə /s/ və /u/ fo-

¹ Azərbaycan dili fonem birləşmələrindəki qanunauyğunluqların öyrənilməsi SSRİ-nin 50 illiyi adına APXDİ-nin nəzdindəki Eksperimental Fonetika Laboratoriyasının (EFL) tədqiqat planına daxil edilmişdir.

² Bu sözlər «Azərbaycan dilinin orfoqrafiya lüğəti» (Bakı, 1975-ci il, 2-ci nəşri) kitabından götürülmüşdür. Yeri gəlmişkən qeyd etmək ki, lüğətdə belə sözlərin dilimizə şamil edilməsi təəccüb doğurur. Dilçilərimizin həmin lüğətdə verilmiş alınma sözlər haqqında söyləyəcəkləri fikir maraqlı olardı.

nemlərinin əlaqəyə girib həmin sözü əmələ gətirməsini göstərməkdən ötrü bu fonemlərə xas olan əlamətləri saymağa ehtiyac duyulmur. Bu tədqiqatda istifadə olunan struktur-semantik metod ona görə əlverişlidir ki, o həm birləşmənin bilavasitə müəyyən mənaya malik olmasını, həm də birləşmənin fonetik tutumunu nəzərə alır¹.

Lügət üzərində iş zamanı aydın oldu ki, dilimizdəki birhecalı sözlər minimum bir, maksimum altı fonemdən ibarətdir. Tədqiqatın ilkin mərhələsində lügətdə verilmiş bütün birhecalı sözlərin fonem tərkibi müəyyən edilmişdir. Sonrakı iş zamanı bu sözlər tərkibindəki fonemlərin sayına görə minimumdan maksimuma prinsipi əsasında qruplaşdırılmışdır. Ümumiyyətlə, bütün birhecalı sözlərin fonem tərkibi nəzəri cəhətdən aşağıdakı modellərdə özünü göstərir:

Birhecalı sözlərin modelləri və onların fonem tutumu

1	2	3	4	5	6
V	VK	KVK	KKKV	VKKKK	VKKKKK
	KV	KKV	KKVK	KVKKK	KVKKKK
		VKK	KVKK	KKVKK	KKVKKK
			VKKK	KKKVK	KKKVKK
				KKKKV	KKKKVK
					KKKKKV ²

Toplanmış materialın araşdırılması göstərdi ki, yuxarıda verilmiş modellərin heç də hamısına Azərbaycan dilində təsadüf edilmir. Digər tərəfdən isə dilimizdə rast gəlinən modellərin hamısı eyni işləmə tezliyinə malik deyildir. Yuxarıda verilmiş modellərin birincisi bir cəzə sözədən ibarət olduğu üçün onun haqqında bu məqalədə danışılmayacaqdır. Bu model yalnız «o» sözündən ibarətdir. Tədqiqatın nəticələrinin şərhindən əvvəl bir cəhəti xüsusilə qeyd etmək lazımdır ki, birdən altıya qədər fonem tərkibinə malik birhecalı sözlərin sayı nəzəri cəhətdən 6⁶-ya və ya 46656 sözə bərabərdir. Əgər dilimizdə göstərilən miqdarda söz mövcud olardısa və 32 fonemin olduğunu nəzərə alsaq, onda log₂ formulu ilə hər bir fonemin funksional yükünü asanlıqla hesablamaq mümkün olardı: 32 log₂=4,3 bit. Bu o deməkdir ki, dilimizdəki hər bir fonem əgər nəzəri cəhətdən ayrı-ayrılıqda və ya bir-birilə göstərilmiş modellər daxilində qeyri-məhdud şəkildə əlaqəyə girə bilsə, onda hər bir fonemin informativliyi 4,3 bitə bərabər olur³. Lakin elə bu başdan demək lazımdır ki, Azərbaycan dilində yuxarıda göstərilən

¹ H. J. S c h o l z. Untersuchungen zur Lautstruktur deutscher Wörter. München, 1972.

² Məqalədə «K» şərti olaraq samiti, «V» isə saiti bildirir (latın dilindəki "consonant" və "vokal" sözlərinin ilk səslərindən götürülmüşdür).

³ Bit. – İnformasiya nəzəriyyəsində və kibernetikada məlumatın ölçü vahididir. Bax. A. M. Яглом и И. М. Яглом. Вероятность и информация, 2 изд. М., 1960.

sayda birhecalı sözlər yoxdur. Çünki fonoloji, morfoloji, leksik, sintaktik və semantik məhdudiyət nəzəri cəhətdən mümkün olan modellərdə hər cür fonem birləşməsinin işlənməsinə ciddi maneə törədir. Odur ki, Azərbaycan dilindəki fonemlərin informativliyi yuxarıda göstərildiyindən qat-qat azdır.

Tədqiqatın nəticələri

Konkret dil materialının tədqiqi göstərdi ki, birhecalı sözlərdə nəzəri cəhətdən 21 mümkün modeldən dilimizdə yalnız 12-nə rast gəlmək olur. Bunlardan KKV, KKKVKK, KKVKKK yalnız birçə sözdə özünü göstərir (tfu, sprint, sfinks). Eyni zamanda KVKKK və KKKVK modelləri müvafiq olaraq 3 və 5 sözdə özünü göstərir (verst, tembr, filtr, vzwod, plyaj, şpris, şprot, ştrix). KV modeli üzrə lüğətdə cəmi 15 sözə təsadüf olunur (bu sözlər dilimizin öz sözləri olduğundan bunlar haqqında sonra bəhs olunacaqdır).

Toplanmış faktik material göstərir ki, Azərbaycan dili birhecalı sözlərinin mütləq başlanğıcında iki samitin yanaşı gəlməsi dilimiz üçün səciyyəvi deyildir. Ona görə də təsadüfi deyildir ki, KVKKK və KKKVK modellərində işlənən sözlər alınma sözlərdir. Bu modellərdə müvafiq olaraq 21 və 33 sözə rast gəlmək olar.

Ünümüyyətlə, Azərbaycan dilində birhecalı sözlərdə fonem birləşmələrindən danışarkən əsas etibarilə KVK, KVKK, KV, VK və bir də VKK modelləri nəzərə alınmalıdır. Çünki deyildiyi kimi, dilimizə məxsus sözlər əsasən bu modellərdə özünü göstərir. Lakin qeyd etmək lazımdır ki, sonuncu model (VKK) əsasında düzələn sözlərin bir hissəsi ərəb və fars mənşəli sözlərdir.

Azərbaycan dilinə məxsus birhecalı sözlərin böyük əksəriyyəti KVK modelində toplanmışdır. Bu modeldə 584 sözə təsadüf olunur. Bu məqalədə yalnız KVK modelindən bəhs olunacaqdır. Bu sözlərin fonetik mənşəsi 1-ci cədvəldə öz əksini tapmışdır. Məsələn, /a/ samitindən əvvəl 13 sözdə /b/ samiti mütləq başlanğıcda gəlir (bab, bağ, bad, bay, bal, ban, baz, bar, bas, bat, bah, bac, baş). Həmin samit /a/ saitindən sonra mütləq sonluqda yalnız 4 sözdə (bab, qab, kab, tab) gəlir. Qalan samitlər də sait fonemlərdən əvvəl və sonra göstərilən şəkildə işlənir.

Tədqiqatdan görüldüyü kimi, KVK modeli birhecalı sözlərin mütləq başlanğıcında birləşmədə ən çox /a/ saiti iştirak edir. /a/ saitindən əvvəl /j/ və /ğ/ samitlərinə təsadüf olunmur, /r/ samiti yalnız birçə sözdə /a/-dan əvvəl işlənə bilir (ram). Samitlərdən /k/ da /a/-dan əvvəl az işlənən samitlərdəndir.

Ona üç sözdə /a/-dan əvvəl təsadüf olunur.

Qalan samitlər /a/-dan əvvəl 4-dən 11-ə qədər sözdə gələ bilirlər. Göstərilən modeldə saitlər içərisində ən az birləşmə qabiliyyətinə malik

olanı /ö/-dür. Bu sait həmin mövqedə 18 birləşmə yaradır. /ü/ saiti /ö/ saitə nisbətən iki dəfə artıq birləşmə qabiliyyətinə malikdir. Təxminən eyni birləşmə qabiliyyətinə malik olan saitlər bunlardır: /e/ (45), /ı/ (44), /ə/ (73), /i/ (73) və /o/ (74).

Sözlərin mütləq sonluğunda işlənən samitlərə gəlincə demək lazımdır ki, /g/ samiti birləşmədə heç iştirak etmir. /j/ ən az (4), /r/ isə ən çox (60) birləşmədə iştirak edən samitdir. Digər samitlər isə /j/ ilə /r/ arasında çox və ya az miqdarda birləşmədə iştirak edir. Bütün bunlar 1-ci cədvəldə öz əksini tapmışdır.

KVK modeli birhecalı sözlərdə heca nüvəsinin sağ və sol tərəfində gələn samitlərin, həm də nüvəni təşkil edən saitlərin bu və ya digər birləşmədə tam iştirakını nəzərdə tutmaqla tərtib etmək olar¹. Yuxarıda deyilənlərdən fərqli olaraq bu modeldən olan sözləri verilmiş şərti işarələrdən istifadə etməklə asanlıqla bərpa etmək mümkündür. Sözlər bərpa olunarkən sonda gələn samitlərin yarımcingiltili tələffüzünü nəzərə almaq lazımdır.

Biz bu məqalədə yalnız KVK modeli birhecalı sözlərdə fonem birləşmələrindən bəhs etdik. Digər modellərdəki fonemlərin kombinatorikası sonrakı məqalələrdə öz elmi şərhini geniş şəkildə tapacaqdır.

Ф. Е. Вейсалов, Я. К. Керимов, М. Г. Сафаров
Комбинаторика фонем современного азербайджанского языка
РЕЗЮМЕ

Статья представляет как практический, так и теоретический интерес. Разработка этой проблемы позволяет раскрыть закономерности сочетаний фонем, установить вероятность появления той или иной фонемы в билатеральных единицах языка. В статье дается подробный анализ сочетаний фонем языка по модели КВК.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ²

1. Успешное обучение неродному языку, равно как и решение многих задач, стоящих перед современной наукой о языке (машинный перевод, распознавание речевых сигналов, создание аналога

¹ Тахнікі səbəbdən biz cədvəli və qrafiki burada yerləşdirə bilmirik

² Впервые опубликована в: «Республиканский семинар-совещание преп. ИЯ ВУЗов по проблемам совершенствования обучения ИЯ в вузах неязыковых специальностей (мат. совещ. сем.)», Кировабад, 12-24 ноября, 1981 г., с.11.

языковой коммуникации), невозможны без основательных исследований в области звуковой стороны языка. Языкознание с первых дней своего возникновения стремилось определить объект и предмет исследования.

2. Классическое языкознание вплоть до XX века рассматривало звуковую сторону языка как некую область, имеющую физиологическую основу, поэтому и настаивало на изучении звуков в физиологическом аспекте. Подобные концепции связаны с тем, что в XX веке физиология и медицина добились значительных успехов в области изучения физиологии организмов.

3. Поворотным пунктом в языкознании можно считать младограмматическое направление, которое полагает, что на основе звуковых закономерностей можно реконструировать язык – основу, праязык, все родственные отношения между *Tochtersprachen*. Это было шагом вперед, поскольку все это устанавливалось на основе звуковых соответствий и различий

4. Однако главный вопрос современного языкознания был поставлен И.А.Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром. Заслугой этих ученых является то, что они впервые указали на возможность исследования звуковой стороны языка как системы. Именно И.А.Бодуэн де Куртенэ пытался ответить на кардинальный вопрос, почему разные по акустико-артикуляторным свойствам звуки относятся к одной языковой единице и, наоборот, почему акустико-артикуляторно сходные звуки могут быть отнесены к разным языковым единицам.

5. К решению этого основного вопроса современной лингвистики ученые в различных странах подходили и подходят по-разному, что и породило множество школ и направлений в современной науке о языке: а) дескриптивная лингвистика; б) датская глоссематика; в) французский структурализм; г) пражский функционализм и др.

6. В советском языкознании сформировались две школы: а) школа академика Щербы; б) московская школа. Каждая из этих школ исходит из своего понимания вопроса о том, когда два звука следует отнести к одной фонеме и наоборот. В докладе подробно излагаются исходные предпосылки каждого из указанных направлений.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ СУБСТАНЦИИ И ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ¹

¹ Впервые опубликована в: „Структура языка и современные методы ее анализа.“ АГУ, 1986, s. 3-12.

Разработка теоретических проблем, к числу которых относятся, прежде всего, вопросы онтологии языка (определение сущности, природы, функции и места языка среди других явлений) и общие принципы его исследования (философские или методологические аспекты), равно как и решение многих насущных прикладных задач, стоящих перед современной наукой о языке (машинный перевод, распознавание речевых сигналов, создание аналога языковой коммуникации, создание основы конфронтативной и контрастивной лингвистики), включая все аспекты языка (фонологию, морфологию, синтаксис и т. д.), невозможны без фундаментальных исследований системы и структуры конкретных языков. Любая теория, не опирающаяся на факты конкретного языка и языков, лишена права на реальность. Лингвист, называющий себя теоретиком и никогда не исследовавший ни одного явления, присущего конкретному языку, похож на химика, который написал несколько томов книг, ни проведя при этом ни одного опыта.

Сегодня общеизвестно, что каждый из 6000 языков мира отличается от другого по своей системе и структуре. Известно также, что количество воспроизводимых и различаемых человеком звуковых образований теоретически неограниченно, но конкретное использование их в каждом из языков подчинено внутриязыковым законам. Неограниченные звуковые образования объединяются в ограниченное число функциональных единиц, из коих конструируется практически неисчисляемое множество высказываний, хотя принцип выбора, то есть механизм селекции, в общетеоретическом плане не совсем ясен. Доказано, что в языках мира обнаруживаются значительные сходства и различия в организации языковых единиц. Сходства проявляются в том, что во всех языках конститутивными элементами являются, прежде всего, звуковые элементы, образующие строго организованную систему. Во всех языках они функционируют как воспринимаемые элементы, как средство общения, служат взаимопониманию, но все это осуществляется благодаря тому, что конститутивные элементы – фонемы языка выступают не сами по себе, не по принципу «для себя и в себе», а в сочетаниях, комбинациях, произвольных, но регулируемых в каждом языке внутрilingвистическими факторами. Каждый язык имеет не только свою систему единиц, но и правила их сочетаемости, определенные образцы, контролирующие нормальное функционирование системы. В этом заключается одно из фундаментальных свойств языка, которое может быть определено как антиномия константности и вариативности языковой системы.

Языкознание в Советском Союзе и странах социалистического содружества в своих поисках, направленных на раскрытие механизма языка, руководствуется принципами материалистического учения классиков марксизма-ленинизма о единстве формы и содержания, борьбы противоположностей, перерастания количественных изменений в качественные, появления в языке нового в результате борьбы противоречий, которые, как говорил Щерба, «грызут норму». В методологическом отношении важным для современного языкознания является следующее: в преломлении к объекту науки о языке это означает, что язык выполняет свою генеральную функцию – быть средством общения благодаря своей звуковой материи, чем он и отличается от других явлений со свойством знаковости, что он находится в вечном движении и изменении, что причиной любого изменения в системе языка служит внутреннее противоречие в языковой структуре. В познании всех этих свойств марксистское языкознание уделяет большое внимание изучению живых языков, их отдельных аспектов, накоплению опытных данных, их обобщению и теоретическому осмыслению, говоря, иными словами, индуктивный метод в исследовании языка является одним из плодотворных. Один из корифеев современного языкознания, акад. Л.В.Щерба писал: «...выведение из данных в опыте фактов «речи («parole») общего, т. е. «языка как системы» («langue»), является, как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которой стремится каждая наука» (12, 49). Вместе с тем, современное ое языкознание не исключает полезности применения дедуктивного метода, как одного из возможных приемов для разработки основ науки о языке. Однако когда тот или иной метод возводится в ранг абсолютизации, от этого страдает наука в целом.

Немецкий физик, лауреат Нобелевской премии, почетный академик АН СССР Макс Борн справедливо пишет: «Все мы, ученые, должны помнить, что весь опыт базируется на чувствах. Теоретик, погрязший в своих формулах, забывший о явлениях, которые он собирался объяснить – это уже не настоящий ученый, физик или химик. А если своими книгами он загораживается от красоты и разнообразия природы, то для меня он жалкий глупец. Ныне мы достигли разумного равновесия между экспериментом и теорией, между чувственной и интеллектуальной реальностью. И мы должны следить за тем, чтобы такое равновесие сохранилось» (2, 128).

Одной из центральных проблем, в разработке которой в современной лингвистике наблюдается два основных теоретически противоположных лагеря, является вопрос об учете субстанциональных факторов в построении всеобъемлющей теории языка.

Советские ученые и ученые социалистических стран определяют языкознание как науку о языке или языках в их материальном существовании и функционировании их статики и динамики, в глубоком взаимодействии их содержательных и формальных категорий, в их взаимоотношениях во всей их общественной сложности.

В противоположность этому многие зарубежные лингвисты и некоторые языковеды в Советском Союзе, исходя из презумпции, что лингвистика – это теория отношений между языковыми системами, субстанцию (материю) языка выводят за пределы науки о языке. «... лингвистика выводит изучение физической и семантической субстанции конкретных языков за пределы науки о языке... фонетика и семантика не имеют никакого отношения к языку как имманентному объекту» (11, 23).

Такая постановка вопроса восходит к Ф. де Соссюру, но в наиболее полном виде она нашла свое освещение в трудах Л.Ельмслева и его последователей.

Прежде чем перейти к анализу основных положений глоссематиков, у которых субстанция и семантика полностью исключаются из объекта науки о языке, следует остановиться на некоторых исходных моментах структурализма.

Появление структурализма как научного течения в Европе связывают с именем Ф. де Соссюра. В посмертно изданной книге «Курс общей лингвистики», составленной Ш.Балли и А.Сешейе, Ф. де Соссюр противопоставил господствовавшему в то время в Европе историзму младограмматиков идею, согласно которой синхронное описание языка является единственно верным и научным способом. Отметим, что Ф. де Соссюр в своих ранних трудах стоял на весьма близких с младограмматиками позициях. В этом легко убедиться, если сравнить мысль, которой О.Есперсен начинает свою известную книгу „Language: Its Nature, Development and Origin“ с высказыванием Ф. де Соссюра, датированным 1891 годом. О.Есперсен начинает свою книгу со следующего предложения: „The distinctive of the science of language as conceived nowadays is its historical character“.

Теоретическое обоснование историзма как единственно возможного способа описания языка дает Г.Пауль в своей знаменитой книге «Принципы истории языка», являющейся библией младограмматиков.

Ф. де Соссюр утвердил почти такую же мысль: «Чем больше изучаешь язык, тем больше убеждаешься в том, что в языке все – история (разбивка наша. - Ф.В.), т.е., что он является предметом исторического анализа, а не анализом абстрактного, что все, кажущееся в нем органи-

ческим, на деле является несущественным (contingent) и полностью случайным (Notesmecoli es, № 1)» (10, 12).

Такая близость с концепцией младограмматиков понятна, поскольку учеба в Лейпциге, являвшемся центром младограмматиков, не могла не сказаться на формировании взглядов ученого.

Между тем, именно с именем Ф. де. Соссюра связано формирование структурализма, который характеризуется следующими особенностями: изгнанием из практики лингвистического анализа младограмматической методики, атомизма, отказом от объяснений языковых явлений физиологическими и психологическими факторами, отрицанием роли экстралингвистических факторов в описании языка, достижением результатов посредством точности применяемых методов, которые сближают языкознание с естественными науками. Таким образом, структурализм – это течение в языкознании, резко выступившее против историзма и представленное время классическими направлениями (американский дескриптивизм, пражский функциональный структурализм, датская глоссематика) и рядом некоторых современных течений. Под последними подразумеваются различные направления структурализма в формах неогумбольдтианства в его европейской и американской разновидностях. Кредо структуралистов сводится к следующим положениям:

1. Язык – это система отношений, он представляет собой имманентную структуру, то есть он не подвержен воздействию экстралингвистических факторов.

2. Вследствие этого предметом науки о языке является язык в себе и для себя.

3. Язык – это сеть синхронных отношений.

4. Язык – не субстанция, а форма.

5. Язык – это система знаков.

Следует отметить, что в подходе к этим вопросам обнаруживаются расхождения, что, собственно говоря, и послужило основанием для появления новых школ и направлений. Французский лингвист А.Мартине пишет, что о структуре много говорят; но едва ли можно найти двух лингвистов, понимающих под структурой одно и то же.

Как было отмечено выше, глоссематика, созданная Л.Ельмслевым и Брендалем, полностью отрицает субстанциональный момент в описании языка, и потому с методологической точки зрения совершенно неприемлема для марксистского языкознания. Критикуя сторонников точки зрения, согласно которой будто структурно-системные представления являются переходом к новому научному мировоззрению. Т.Павлов пишет: «Следует со всей решительностью и оп-

ределенностью заявить, что такая позиция глубоко чужда принципам диалектического и исторического материализма, основана на непропорциональной абсолютизации роли системно-структурного анализа в познании» (6, 127). Сказанное и обуславливает наш критический анализ основных идей глоссематики.

Дуализм в фонологической системе, успешно развиваемый пражцами, основоположник глоссематики перенес на область содержания. Л.Ельмслев принимал идею о наличии двух планов, план выражения и план содержания, каждый из которых (т. е. как в плане синифии, так и в плане сигнифиант) имеет форму и субстанцию. При этом, по Л.Ельмслеvu, субстанция как плана выражения, так и плана содержания, а соответственно и науки, занимающиеся ими (фонетика и семантика), выводятся за пределы самой лингвистики, в которую входят фонология и грамматика, изучающие формы в плане выражения и плане содержания или отношения их друг к другу (точно также определял объект науки о языке С.К.Щаумян, о чем говорилось выше, на стр. 61). Сам Л.Ельмслев об этом пишет следующее: «Впоследствии я проделал глоссематический анализ ряда весьма несложных структур, взятых из повседневного быта и не являющихся, правда, языками в традиционном смысле этого слова, но удовлетворяющих (частью или полностью) моему определению языковой структуры» (и здесь перечисляются эти структуры: это - световые сигналы на перекрестках улиц для регулирования движения, телефонный диск в городах с автоматическим обслуживанием аппаратов, бой башенных часов, азбука Морзе и т. д.) (3, 110).

Если под субстанцией выражения понимать фонетическую реальность, а под субстанцией содержания – отражение предметов и явлений объективной действительности, то лингвистика в понимании глоссематики полностью абстрагируется от языковой субстанции. Здесь Л.Ельмслев полностью остается верным своему учителю Ф. де Соссюру, который рассматривал язык как систему, сравнивал ее с правилами игры в шахматы. Хорошо сказано по этому поводу у Ф.П.Филина: «Все языкознание... совсем перестает существовать, если из него вынуть субстанцию» (9, 27).

Глоссематика – это абстрактная теория, глубоко продуманная и высоко абстрактная, не требующая наблюдения над конкретными языковыми фактами. Как видно из цитаты, которую можно считать точкой зрения советского языкознания, марксистское языкознание не может признать звуковой характер языка случайным. Ф.Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» связывал происхождение языка с развитием у человека способности

к образованию членораздельных звуков. Такое понимание языка принципиально отличается от субъективно-идеалистического истолкования, где категории отношений отводится центральное место и по которому вещи объявляются как пустое ничто, а единственным способом познания является определение взаимных отношений между ними. В «Философских тетрадах», отметив заслугу Ф.Гегеля в том, что он гениально указал диалектику вещей в диалектике понятий, В.И.Ленин писал: «Совокупность всех сторон явлений, действительности и их взаимоотношения – вот из чего складывается истина» (1, 178).

Связь между формами выражения и содержания достигается законом коммуникации, корреляция на одном уровне соотносится с корреляцией на другом уровне. Отношение между формой и субстанцией Л.Ельмслев называет десигнацией, а субстанцию десигнатумом (вещами и мыслями). Сеть отношений языка, определяемая здесь как предмет структурной лингвистики, понимается как скелет, репрезентируемый между формой звуков и формой значений. Фундаментальным принципом является определение субстанции формой. Глоссематическая «имманентная алгебра» представляет собой систему зависимостей (функций) между понятиями, характеризуемыми взаимными зависимостями. Л.Ельмслев осуществил и раскрыл содержание тезиса Ф. де Соссюра о том, что язык – это форма, а не субстанция и что единственным истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (8, 209), которым и заканчивает свою книгу «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюр.

В этой связи интересно вспомнить письмо Ш.Балли Л.Ельмслеву: «Вы следуете идеалу, сформулированному Ф. де Соссюром в заключительной фразе его «Курса общей лингвистики» (3, 107).

Центральным в глоссематической концепции является понятие функции. Она понимается как внутренняя зависимость, следовательно, определение функции чисто структурное и почти математическое и синонимично с реляционным понятием. Языковые элементы должны быть классифицированы только на базе своей функции, а не на базе своего семантического значения. Определяя функцию как зависимость двух функтивов, а функтив как величину, имеющую функцию по отношению к другим величинам, Л.Ельмслев интерпретирует понятие лингвистической функции так, что это определение занимает середину между логико-математическим и этимологическим значением этого слова.

Термин функции у глоссематиков употребляется как отношение зависимости, как в гомоплановом (внутри содержания и внутри выражения), так и в гетероплановом отношении (в связях между планом выражения и планом содержания). Последнее имеет место между формой содержания и формой выражения, но не между их субстанциональными сторонами.

Без фонетической субстанции невозможно осуществить отождествление элементов, то есть нельзя будет установить, например, соотносится ли [б] в начале и [б] в конце. Передача слов флажками лишена внутренней связи и неспособна передать некоторые фонематические качества, например, открытость и закрытость. Язык выполняет свое назначение, свою коммуникативную функцию благодаря субстанции, а не форме. Исключение субстанции равнозначно исключению языка, тем самым лингвистика лишается своего объекта. На международном конгрессе лингвистов в Осло (1956) Л.Ельмслев вынужден был согласиться с Сиертсеми в том, что исчерпывающее описание языка должно учесть и субстанцию.

В этом смысле языковой знак для глоссематиков выступает как функция двух функтивов (форма содержания и форма выражения), которые являются солидарными и предполагают друг друга, они являются знаками для субстанции содержания и субстанции выражения. Если языкознание до сих пор рассматривало субстанцию выражения как знаки субстанции содержания, то глоссематика рассматривает функцию между обеими формами и как знак для обоих субстанциональных планов.

Поэтому описание знаков должно базироваться на этих функциях во внутриязыковой структуре, а не с помощью физических и психических понятий субстанции.

Содержание и выражение - это нечто большее, чем то, что до сих пор приписывалось этим понятиям, они суть лингвистические абстракции и могут быть описаны в терминах функции и реляции.

В рамках двупланового знакового понятия глоссематика различает как в плане содержания, так и в плане выражения гомоплановые компоненты или фигуры, которые в противоположность знаку не имеют или никакого содержания, или никакого выражения. При анализе плана выражения минимальные единицы – это фигуры выражения, называемые кинемами (пустые единицы), соответствующие приблизительно фонеме пражцев, но называемые не так, потому что понятие фонемы включает в себя звуковые субстанциональные особенности. А в плане содержания мы имеем дело с ограниченным и относительно малым количеством часто повторяющихся фигур со-

держаний, называемых как плеремы (полные единицы). Для слова «отец» такими плеремами будут: одушевленный, человек, мужской и т. д.; соответствующие семантическим маркерам генеративной грамматики. В глоссематике как фонологические (кинемы), так и семантические признаки (плеремы) не подлежат лингвистическому анализу, объединяясь под термином «глоссема». Глоссематика – это нечто иное, как комбинаторика глоссем. Двойное разделение глоссематиков на содержание и выражение, с одной стороны, субстанцию и форму, - с другой, создало путаницу в терминологическом отношении. Американские дескриптивисты под «формой» понимают то, что Ельмслев называет «выражением», причем, в форму они включают как субстанцию выражения, так и форму выражения фонологической структуры, тогда как их «meaning» соответствует глоссематической субстанции содержания.

Излагая основные положения своей теории, Л.Ельмслев неоднократно возвращается к Ф. де Соссюру. «...Реальными языковыми единицами являются отнюдь не звуки или письменные знаки и не значения: реальными языковыми единицами являются, представленные звуками или знаками и значениями, элементы соотношений...» (3, 103). С другой стороны, детали концепции Л.Ельмслова оформлялись под влиянием логической теории языка, развиваемой Вайтхедом, Расселом и Карнапом. Карнап определяет понятие структуры как явление чистой формы и чистых соотношений. Исходя из этого, Л.Ельмслев заключает: «...Каждое должно начинаться с установления соотношений между значимыми в этом отношении единицами... (оно) не будет содержать никаких высказываний о внутренней природе, сущности или субстанции этих единиц» (3, 103). Но в отличие от последних, Л.Ельмслев рассматривает языковой знак с точки зрения выражения и содержания. Чисто методически Л.Ельмслев выдвигает следующие принципы для описания: непротиворечивость, полнота и простота. Итак, философскую основу глоссематики составляет логический позитивизм, он обходит критерий практики, для которого единство бытия и сознания является основным, следовательно, снимается вопрос об адекватности познания. Чистый конвенционализм позволяет ему обходить вопрос с соотносимости его теории с реальностью, но, в конечном счете, он приводит к независимости формы от субстанции, к субъективизму, так как операционалистские определения могут приниматься до того, как исследователь приступает к анализу. Кроме этого, заранее устанавливаемая процедура анализа обуславливается системой условных определений, поэтому и все качества исследуемого объекта оказываются зависимыми

и производными лишь от процедуры анализа. Подтверждение тому следующее положение Л.Ельмслева: теория независима от опыта. Она не включает постулата о существовании и ничего не говорит о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным (4, 274).

Экспериментальные данные никогда не могут усилить или ослабить теорию, они могут усилить или ослабить только ее пригодность (4, 275).

Критикуя теорию Л.Ельмслева, французский лингвист А.Мартине пишет: «Это башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости» (5, 54).

Разумеется, что в зависимости от цели исследования в каждом конкретном случае описания или анализа на передний план могут быть выдвинуты формально-структурные особенности. Но когда такое описание возводится в ранг единственно возможного методологического принципа, претендующего на всеобщее значение, то в таком случае мы сталкиваемся с философскими направлениями. «Философский структурализм с его явными связями с неопозитивизмом, с его принципиальным отрывом от объективной действительности и приматом отношений над материальной субстанцией течение, которое заводит науку в тупик» (9, 27).

«В настоящее время, – пишет В.З.Панфилов, по-видимому, едва ли кто из лингвистов всерьез воспринимает декларации сторонников этих направлений о том, что они (направления) знаменуют радикальную революцию в области теории и что в их рамках будут достигнуты такие результаты в исследовании языков, которые по своей значимости можно будет сравнить с успехами в физике после создания теории относительности и квантовой физики. Многолетняя практика лингвистических исследований приверженцев этих направлений показывала, что эвристическая ценность методов исследования, базирующихся на философских принципах указанных направлений, оказалась весьма скромной и применение этих методов не привело к открытию каких-либо новых, ранее неизвестных, фундаментальных свойств языка как объективного явления. Поэтому возникает вопрос о научной состоятельности философских основ этих направлений и настоятельная необходимость в разработке философских проблем языкознания на базе марксистско-ленинской философии» (7, 3).

Литература

1. Л е н и н В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29. с. 178.
2. Б о р н М. Моя жизнь и взгляды. М., «Прогресс», 1973.
3. Е л ь м с л е в Л. Метод структурного анализа. - В кн.: В. А. Звегинцев: «История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях». М., 1965, с. 107.
4. Е л ь м с л е в Л. Прологомены к теории языка. - В кн.: «Новое в лингвистике». М., «ИЛ», 1960, с. 264-390.
5. М а р т и н е А. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
6. П а в л о в Т. Марксистско-ленинская философия и системно-структурный анализ. «Коммунист», 1969, № 15.
7. П а н ф и л о в В. З. Философские проблемы языкознания. М., «Наука», 1977.
8. С о с с ю р Ф. Труды по языкознанию. М., «Прогресс», 1977.
9. Ф и л и н Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., «Наука», 1982.
10. Х о л о д о в и ч А. А. Предисловие к книге: Ф. де Соссюр. «Труды по языкознанию». М., «Прогресс», 1977.
11. Ш а у м я н С. К. Структурная лингвистика как имманентная теория языка. М., 1958.
12. Щ е р б а Л. В. Очередные проблемы языкознания. - В кн.: «Языковая система и речевая деятельность». Л., «Наука», 1974.

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СМЫЧНО-ВЗРЫВНЫХ СОГЛАСНЫХ |b|, |p|, |d| и |t|¹

1. **Постановка проблемы.** В большинстве языков мира существуют согласные фонемы, противопоставленные по звонкости – глухости. По мнению многих лингвистов, в основе этой корреляционной оппозиции лежит участие в их образовании голоса или вибрации голосовых связок [1, 2].

Такого рода мнение высказывается и в отношении азербайджанских согласных [3, 4]. Исходя из наличия и отсутствия голоса при образовании шумных согласных, А. М. Демирчизаде подразделяет их на звонкие и глухие. К первым он причисляет |b|, |v|, |h|, |ɣ|, |d|, |z|, |ʒ|, |j|, |g|, |ŋ|, а ко вторым – |k'|, |k|, |p|, |s|, |t|, |f|, |x|, |h|, |tʰ|, |ʒ|, |x|. Как видно, в списке звонких нет соответствия глухому согласному |h|, а в списке глухих- фонемам |j| и |ɣ|, правда, рядом в скобках даны их соответствия в виде |k'| и |x'|. Однако вопрос об фонематичности последних А. М. Демирчизаде не рассматривает [4. С. 68].

А. А. Ахундов также придерживается мнения о дифференциальном характере признака звонкость – глухость. «Согласные, в воспроизводстве которых участвуют голосовые связки, называются звонкими, а образованные без голосовых связок называются глухими» [3. С. 171].

Вместе с тем при описании консонантизма азербайджановеды единодушно отмечают, что в определенных позициях различие по звонкости – глухости сильно ослабевает, а в некоторых случаях нейтрализуется и выступает только в глухом качестве. В этой связи интересно привести следующие слова А. А. Ахундова: «В начале слов |b| и |d| произносятся с некоторым оглушением, оно проявляет себя в фазе смычки, т.е. смычка оглушается, а взрыв озвончается» [3. С. 179 – 180]. В конце односложных слов, пишет далее автор, |b| и |d| оглушаются, а в конце многосложных слов выступают как |p| и |t|.

Следует отметить, что в теоретическом плане, говоря о фонетической субстанции, ученые различают полувзвонкие и полновзвонкие согласные, которые имеют место, в частности, и в азербайджанском языке. Последние характеризуются тем, что голос звучит на всем протяжении согласного. При этом согласный может быть в начале звонким, а в конце – глухим, или наоборот [1. С.122].

¹ İlk dəfə çap olunub: “Тюркология”, 5, Баку, 1987, s.104-110. (R.M.İsayeva ilə şərikli)

Что касается фонематичности, то теоретически противопоставление полувзвонких согласных глухим, с одной стороны, и полнозвонким – с другой, вполне возможно. Однако «последний случай (т. е. противопоставление полувзвонких полнозвонким) как будто до сих пор не зарегистрирован ни в одном из описанных языков. Первый же довольно широко известен» [1. С. 122].

В зарубежном языкознании также часто высказывается сомнение в фонематичности признака звонкости и глухости. Так, например, французские лингвисты М. Г. Страка, А. Мартине, Б. Мальмберг и другие склонны отдать предпочтение в образовании звонких согласных такому акустическому корреляту, как сила артикуляции [5 – 7]. А. Мартине утверждает, что звонкость должна рассматриваться вместе с силой артикуляции, так как она сама по себе не может быть определяющим фактором [6. С. 51].

Известный исследователь П. Делатр на материале синтезированной речи приходит к выводу, что при конструировании звонких согласных кроме голоса существенное значение имеют интенсивность взрыва, длительность выдержки соседнего гласного и характеристики переходного участка гласного [8]. Такой же точки зрения придерживается датский ученый Эли-Фишер-Йергенсен, которой удалось при помощи спектрального анализа установить следующие закономерности: интенсивность и длительность выдержки у так называемых звонких согласных слабее и короче чем у соответствующих глухих согласных; далее, длительность гласных в соседстве с [b, d, g], а также и долгота I переходного участка у них больше, чем у [p, t, k] [9].

Таким образом, акустическая природа смычно-взрывных согласных азербайджанского языка и выявление фонологического признака звонкости и глухости должны быть тщательно изучены и пересмотрены в свете последних достижений экспериментально-фонетических исследований.

2. Материал и методика исследований. Для выяснения вопроса об акустической природе фонологической оппозиции согласных пар [b–p], [d–t].

В азербайджанском языке был проведен эксперимент. Необходимость его обуславливается прежде всего тем, что он позволяет выяснить, какой из акустических параметров выступает в качестве дифференциального признака согласных фонем [b–p], [d–t]. Кроме того, этот эксперимент может послужить основанием для сопоставительного рассмотрения согласных азербайджанского и соответствующих согласных изучаемых в республике языков, что очень важно

для построения теории конфронтативной и контрастивной лингвистики. В этом же заинтересована и практика обучения неродному языку в азербайджанской аудитории.

Материалом для настоящего исследования послужили спектрограммы и осциллограммы [10] односложных слов азербайджанского языка, наговоренных двумя дикторами – носителями этого языка – со скоростью движения пленки 19 мм/с (рис.1), на основе которых был построен график (рис. 2) и составлена таблица, которые используются в работе в качестве иллюстративного материала.

Средняя длительность, мс					
Фазы взрыва согласных в превокальной позиции			гласного, следующего за согласными		
Согласный	1-й диктор	2-й диктор	Согласный	1-й диктор	2-й диктор
b	6	7	b	132	118
p	22	15	p	103	90
d	18	11	d	134	139
t	36	26	t	93	100

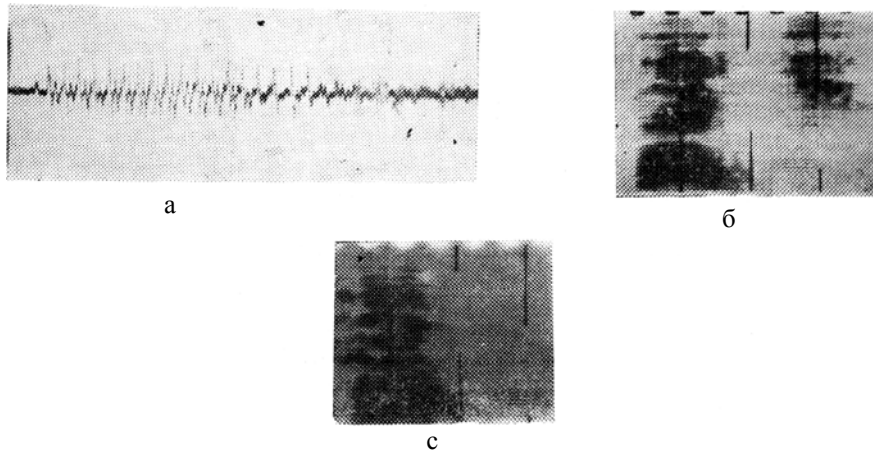

Рис. 1. Слова: а – |bir|; б – |pak|; в – |tab|

Для анализа были взяты сочетания ГС, СГС и СГСС, насколько известно, что фонемы в зависимости от различных позиционно-комбинаторных условий (место в слове и реализация в соседстве с

различными по качеству фонемами) изменяют свои акустико-артикуляторные характеристики.

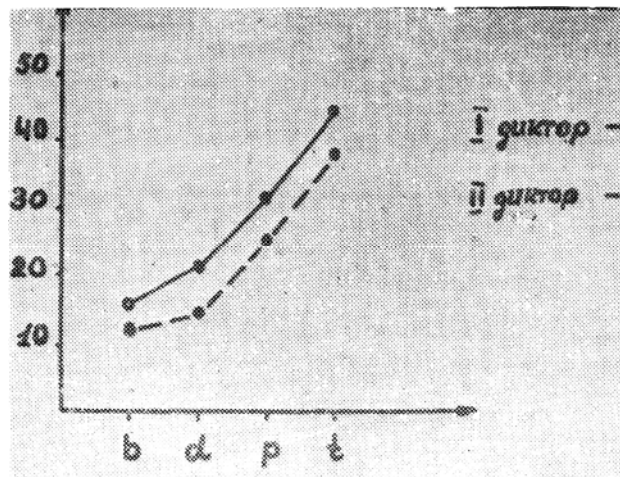

Рис. 2. Средняя длительность согласных

3. Результаты исследования. Целью нашей работы было выяснение следующих вопросов: 1. Какова степень участия голоса в образовании изучаемых согласных? 2. Какова интенсивность взрыва у этих согласных? 3. Какова длительность соседних гласных?

В сочетании СГ и СГС у согласных |p| и |t| в превокальной позиции основной тон не обнаруживается. Согласные в этой позиции характеризуются взрывом при глухой смычке, которая на спектрограмме соответствует нулю. Вслед за акустическим нулем следует взрыв, представленный незначительным количеством высокочастотных шумовых составляющих и отражающий интенсивность этих глухих согласных (рис.1). Интенсивность глухих смычно-взрывных согласных, под которой подразумевается степень затемненности на спектре, зависит от качества как самого согласного, так и соседнего гласного. Если следующий за ними гласный широкий, то интенсивность слабее, если узкий – то сильнее (рис.3). Из рисунка видно, что их интенсивность перед |ü| заметно сильнее, чем перед другими гласными. В то же время взрыв билабиального |p| слабее, чем у переднеязычного |t|. В этой позиции согласные |p| и |t| выступают в своем аффрицированном варианте (рис. 3).

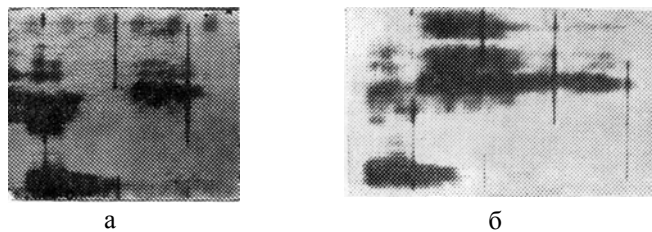

Рис. 3. Слова: а – |tük|; б – |püşk|

В противоположность описанному, на спектрограммах согласных |b| и |d| основной тон отсутствует, наблюдаются только слишком короткие и трудноопределяемые взрывы (рис. 4). Из этого можно сделать вывод, что в азербайджанском языке в абсолютном начале односложных слов в превокальной позиции звонкие смычно-взрывные согласные |b| и |d| по признаку участия голоса не выделяются.

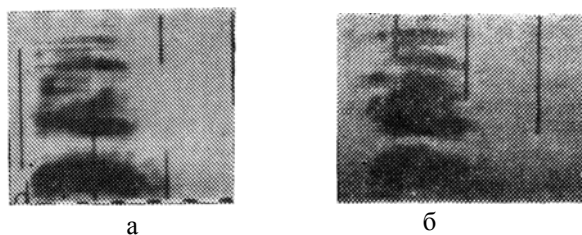

Рис. 4. Слова: а – |dəb|; б – |bəd|

Анализ количественных характеристик сегментов в названных сочетаниях показывает, что меньшую, чем протяженность следующих за ними гласных, длительность имеют не только согласные, но и фаза взрыва (таблица).

Интересно отметить, что глухие согласные по двум параметрам (средней длительности и длительности фазы взрыва) намного превышают соответствующие звонкие, в то время как по длительности гласных, следующих за согласными, звонкие имеют большие показатели (рис. 2). Причем в этой позиции длительность и интенсивность согласных |b| и |d| варьируют в зависимости и от качества следующего гласного (рис. 2, 5): перед узкими длительность согласных меньше, а перед широкими – больше (рис. 4, 5).

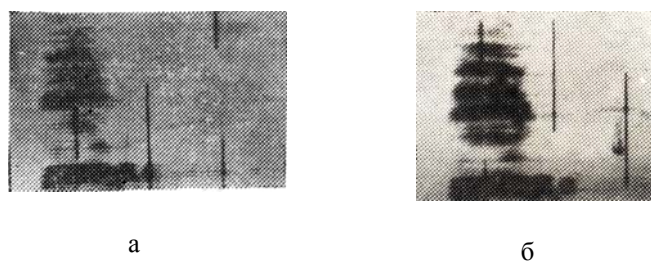

Рис. 5. Слова: а – |bit|; б – |dib|

Таким образом, судя по акустическим свойствам смычно-взрывных согласных, в абсолютном конце в постовкальной позиции для различения так называемых звонких и глухих согласных используется совокупность признаков, материально выраженных в незначительном участии голоса, в характере взрыва и в соотношении длительности предыдущего гласного и согласного. При этом в рассмотренных позициях существенными признаками являются длительность и интенсивность взрыва, длительность предыдущего гласного и открытой фазы (рис. 6).

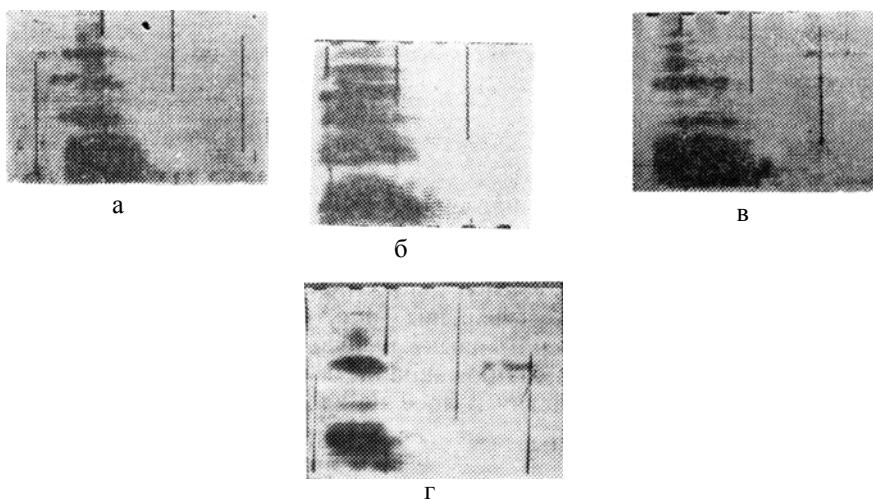

Рис. 6. Слова: а – |tap|; б – |təb|; в – |ad|; г – |at|

Из анализа также следует, что в азербайджанском языке в пре- и поствокальной позиции в односложных словах звонкие смычно-взрывные согласные |b| и |d| противопоставляются соответствующим глухим согласным |p| и |t| не по участию голоса, а по интенсивности и длительности.

|b| и |d| в модели СГСС, т. е. в сочетании с согласными в середине слов, имеют различную спектральную картину. Так, например, на их спектрограммах в случае комбинации со звонкими основной тон присутствует, тогда как в соседстве с глухими он не обнаруживается. В спектре имеется только шумовой участок, что и сближает эти согласные с глухими (рис. 7).

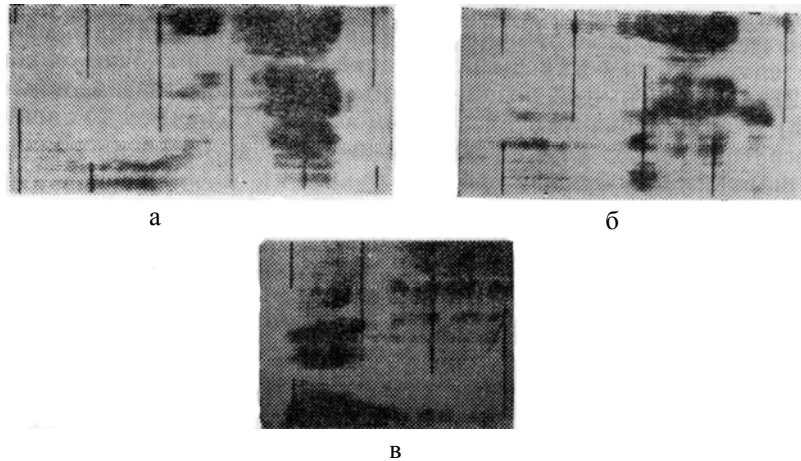

Рис. 7. Слова: а – |həbs|; б – |nəbz|; в – |qüds|

В абсолютном конце в сочетании не только с глухими, но и со звонкими и сонантами на спектрограммах и осциллограммах |b| и |d| основной тон не наблюдается (рис. 8).

В результате анализа экспериментального материала можно прийти к следующим выводам:

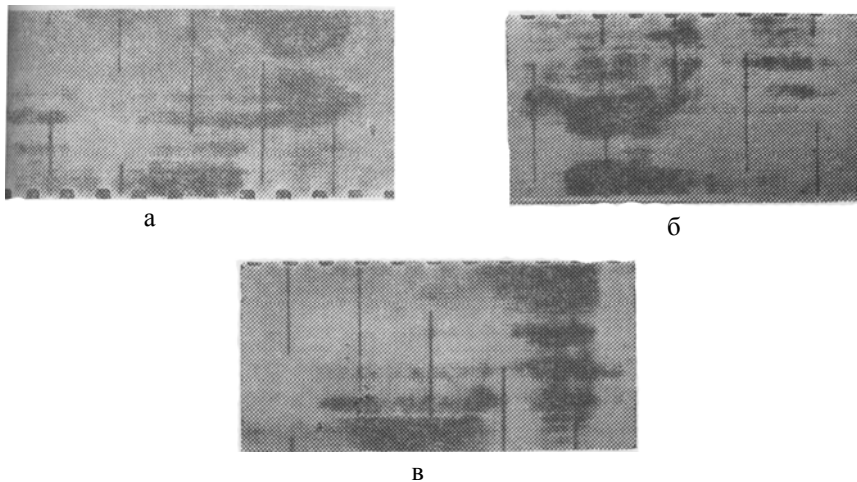

Рис. 8. Слова: а – |qəsd|; б – |kürd|; в – |kürt|

1. Интенсивность и длительность смычно-взрывных согласных зависят от качества как самого согласного, так и соседнего гласного;
2. В азербайджанском языке в абсолютном начале односложных слов в превокальной позиции звонкие смычно-взрывные согласные по признаку участия голоса не выделяются;
3. Длительность фазы взрыва и самого звонкого согласного короче, чем у соответствующих глухих согласных;
4. Гласные, следующие за звонкими согласными, обладают большей длительностью, чем те же гласные, следующие за глухими;
5. В азербайджанском языке в пре- и поствокальной позиции в односложных словах звонкие смычно-взрывные согласные |b| и |d| противопоставляются соответствующим глухим согласным |p| и |t| не по участию голоса, а по интенсивности и длительности;
6. В комбинации с глухими и сонантами |b| и |d| не употребляются.

Примечания

1. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
2. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975.
3. Axundov A. A. Azərbaycan dilinin fonemlər sistemi. Bakı, 1973.
4. Dəmirçizadə Ə. Müasir Azərbaycan dili. Bakı, 1972.
5. Malmberg B. Le système consonnantique du français modern. Leipzig, 1976.

6. Martinet A. Role de la corrélation dans la phonologie diachronique // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1936. T. 6.
7. Straka G. La division des sons du langage en voyelle et en consonnes peut-elle être justifiée? Strasbourg, 1963.
8. Delattre P. Les indices acoustiques de la parole // Studies in French and comparative phonetics. London – Paris, 1968. № 18.
9. Eli-Fischer-Jorgensen. p, t, k et b, d, g français en position intervocalique accentuée. Copenhagen, 1968.
10. Подробно о методике записи и расшифровки экспериментального материала см.: [11-13].
11. Зиндер Л. П. Общая фонетика. М., 1979.
12. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. Л., 1977.
13. F. Y. Veysəlov. Alman dilinin fonetikasi. Bakı, 1980.

An acoustic characteristic of Azerbaijani explosives.

R E S U M E

This research covers the problem of acoustic properties of Azerbaijani explosive consonants in the stream of speech.

The results of spectrographic analysis show that for distinguishing voiced-voiceless explosives number of acoustic parameters are used.

О ПРОСОДИКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹

Под просодикой мы понимаем фонетические характеристики всех без исключения сегментных последовательностей, включая коммуникативные единицы и их составляющие – синтагмы и фонетические слова. Такое понимание в известной степени предполагает синонимичность просодии и интонации. Вместе с тем нельзя не согласиться с Н.Д.Светозаровой, которая считает, что «термин просодии шире, но в определенном отношении и уже термина интонация. Если просодическая структура – это способ организации звуковых последовательностей, начиная со слога /слог, слово, ритмическая группа, синтагма, высказывание/, то под интонацией, по крайней мере в наиболее распространенном сейчас значении этого слова, понимается лишь способ просодической организации синтагм и высказываний. С другой стороны, говоря о просодике, обычно имеют в виду

---

¹Материалы Респ. науч.конференции „Актуальные проблемы изучения синтаксиса совр. русского языка“ (Баку, 19-20 октября 1989 г.), Баку, 1990, s. 62-65.

лишь средства просодической организации речевых единиц, тогда как в понятие интонации / интонации языка, его интонационной системы» входит и содержательный аспект»¹.

Характеризуя фонетическую структуру слова в агглютинативных языках, И.А.Бодуэн де Куртенэ писал: «В туранских языках (тюркских - Ф.Я.) ...все слоги ассимилируются из-за господствующего слова, т. е. подчиняются ему в полном смысле слова»². Опираясь на это, а также на ряд других особенностей тюркских языков, некоторые исследователи отвергают наличие словесного ударения в этих языках. Известный советский тюрколог А.М.Щербак пишет, что споры «о турецком ударении способствовали появлению скептического отношения к возможности окончательного решения этой проблемы и послужили основой для постановки в целом ряде статей вопроса о том, существует ли вообще ударение в турецком языке. Основоположником нового подхода к решению проблемы турецкого ударения явился К.Гренбек. Отметив, что турецкому языку бесспорно присуще характерное движение тона, К.Гренбек указал далее на фонологическую иррелевантность ударения и отсутствие определенного ударения в основной массе турецких слов»³. В своих исследованиях, посвященных просодии казахского языка, А.Джунисбеков доказывает правомерность мысли об отсутствии словесного ударения в тюркских языках, вообще и в казахском, в частности⁴.

Следует отметить, что азербайджанское слово с его сингармонизмом подвергается сильным изменениям, как только оно вступает в сферу фразы, т. е. когда оно выступает в составе предложения. Здесь отдельные слова со своими акцентологическими характеристиками подчиняются правилам интонационного формирования предложений, образуя иерархию суперсегментных особенностей в предложениях, в которых при нейтральном произношении выделены слова, стоящие непосредственно перед предикатом. Об этом свидетельствуют приведенные ниже примеры:

1. /O, kitabı Anara verdi // - Он отдал книгу Анару.
2. /O, Anara kitab verdi // - Он отдал Анару книгу.
3. /Anara kitabı o verdi // - Анару книгу отдал он.

Совершенно очевидно, что данный порядок слов в приведен-

¹ Н.Д.Светозарова. Интонационная система русского языка. – Л.: ЛГУ, 1982, с. 67.

² И.А.Бодуэн де Куртенэ. Резьян и резьяне. – В кн.: Славянский сборник. - СПб., 1876, т. III, s. 222.

³ А.М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. - Л.: Наука, 1970, с. 112.

⁴ А. Джунисбеков. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова. - Автореф. док. дис. - Алма-Ата, 1989.

ных выше примерах обусловлен конситуацией. Действительно, в речевой ситуации, где необходимо констатировать факт, что он отдал книгу Анару, высказывание должно иметь порядок слов, как в первом примере. А если речь идет о том, что он отдал Анару книгу, и ничего другого, то говорящий должен выбрать такой порядок слов, какой во втором примере. И, наконец, если в речевой ситуации необходимо подчеркнуть мысль о передаче им, именно им книги Анару, то употребляется третий вариант. Во всех трех примерах фразовое ударение падает на слово, стоящее непосредственно перед сказуемым. Слово с фразовым ударением образует центр просодической и интонационной структуры высказывания. Просодическая структура азербайджанских односитагменных предложений, выражающих смысловую законченность, имеет следующий тональный контур:

/ ↗ // или / ^ ↗ // или / ↗ / и т. д.

В тех случаях, когда в позиции перед сказуемым употребляется определение, фразовое ударение падает на определяющий компонент сочетания. Ср.:

4. /Anar/ onlarla yol d a rastlaşdı// - Анар встретился с ними на дороге.

5. /Axşam/ bu hadisə b a ş yolda olmuşdur// - Это произошло вечером на главной дороге.

В последнем слове выделено слово /baş/, потому что в данной речевой ситуации необходимо упомянуть место происшествия, а не констатировать совершившийся факт. Если протранскрибировать указанные выше фразы с учетом сингармонических и просодических характеристик, то они получают следующие формулы:

П₁₀- / Г+ í/ +[∨]Г +[∨]Г +[∨]Г' +[∨]Г +[∨]Г +[∨]Г +[∨]Г' //

П₁₂- / Г+ í/ +[∨]Г +[∨]Г +[∨]Г +[∨]Г' / +[∨]Г +[∨]Г +[∨]Г' +[∨]Г +[∨]Г' // ¹.

¹ П – предложение; цифра под ним обозначает количество слогов; Г – так называемый зондергласный. Термин введен в лингвистику Р.О.Якобсоном для обозначения гласного начального слога слова или же последнего слога основы; í – ударный гласный; Г – безударный гласный.

В предложении /Anar onlarla yolda rastlaşdı// так называемый зондергласный берет на себя функцию сингармонической организации, он определяет тембральную окраску всех гласных на протяжении всего предложения, здесь реализованы одинаковые по ряду гласные. А во втором примере роль начального гласного заметно ослабла, так как в предложении нарушен закон сингармонизма. Поэтому функцию фонетической организации предложения берет на себя фразовое ударение, которое во взаимодействии с другими компонентами интонации формирует его как неразложимое целое. В обоих предложениях возможна пауза после /Anar/, /axşam/ и /bu hadisə/, длительность которой может быть совсем незначительной или же достаточно большой, что зависит от конкретных условий реализации этих предложений.

Следует отметить, что системе просодических средств и интонационных противопоставлений на материале азербайджанского языка не изучена полностью. Первые сведения о системном характере интонационных единиц в турецком языке мы находим у западногерманского фонетиста О. фон Эссена. На основе слухового анализа турецкого текста О. фон Эссен приходит к выводу о том, что турецкий язык пользуется тремя интонационными единицами: терминальной, прогрессивной и интеррогативной¹.

В своей работе, посвященной интонации азербайджанского языка, мы писали: "...тернарная классификация фразоразличительных средств Н.С.Трубецкого основывается на том, что повышение и понижение тона в конце предложения, как два активных члена корреляции, возможно потому, что есть еще и третий член, который является нейтральным или пассивным, в данном случае равным". В азербайджанском языкознании преобладает традиционный подход к просодическим средствам, заключающийся в выделении интонационных единиц по цели высказывания. Ясное дело, что такой подход не удовлетворяет строгим принципам фонологического анализа просодики. Поэтому подлинно научное освещение просодической системы и интонационных противопоставлений на материале азербайджанского языка ждет своего решения.

---

¹ Эссен О. фон Сатзинтонатион ин тцркисьщен Лесетехтен. – Зеитсешрифт фцр Моренлэндиссше Эселлсшафт. Виесбаден. 1956.

**YENİ QRAFİKA: SİZ NECƏ DÜŞÜNÜRSÜNÜZ?
ƏLİFBƏ MƏDƏNİYYƏTİN GÜZGÜSÜDÜR¹
(m ü t ə x ə s s i s r ə y i)**

Yazının yaranması bəşəriyyətin mədəniyyət tarixində misli görünməmiş bir inqilab idi. Səsli dildən çox-çox sonralar yaranmış yazı insanların ta qədimdən gen-bol işlətdiyi ikinci ünsiyyət vasitəsidir. İlk əvvəl məlumatın hifz olunması və uzaq məsafələrə göndərilməsi ehtiyacından doğan yazı savadsızlığın tədricən aradan götürülməsində mühüm rol oynamışdır. Hələ yazıya keçməmişdən qabaq insanlar əşyalardan və onların şəkillərindən, habelə, müxtəlif işarələrdən istifadə edərək [nümayiş etdirməklə] olub-keçən hadisələri yada salmağa və bu yolla da canlı dilin yerinə yetirdiyi ünsiyyət funksiyasını müəyyən qədər [az da olsa] icra etməyə çalışmışlar. Bir-birindən uzaq məsafələrdə yaşayan qəbilələr və tayfalar öz soydaşlarına müəyyən xəbərlər çatdırmaq, yadellilərin onlara qarşı fitnə-fəsad hazırladıqlarını bildirmək üçün bir çox işarə növündən istifadə ediblər. Dəvəçi rayonundakı Çıraqqalanın yanında keçəndə həmişə fikirləşmişəm ki, bu qala həm istehkam kimi, həm də ağır günlərdə düşmən üstümüzə hücum edəndə torpağımızın başqa guşələrinə xəbər çatdırmaqda və beləliklə də, düşməyə qarşı xalqı səfərbər etməkdə nə qədər mühüm rol oynayıb. Daim axtarışda olan insan dəri üzərinə məqsədini yazmaqla öz sözlərini uzaq məsafələrə göndərməyə nail olub.

Dillə danışmaq vəhdətdə olduğu kimi, yazıda da iki cəhət vəhdət təşkil edir. Yazı işarələri və onlardan istifadə qaydaları. Bu iki cəhət bir-birilə çulğalaşaraq yazı sistemini əmələ gətirir və son nəticədə mətnin yaranmasına səbəb olur. Yazı işarələrinin - hərflərin, rəqəmlərin, hərfaltı və hərfüstü cizgilərin toplusu yazı inventarı adlanır.

Dəqiq elmlər sahəsində rast gəldiyimiz simvollar və rəqəmlər ya ayrılıqda, ya da bir-birilə əlaqədə saysız-hesabsız anlayışların və mənaların verilməsinə xidmət edir. Burada şərtlilik əsas rol oynayır, məhz şərtlilikdən asılı olaraq bir işarə ən kiçik dil vahidi olan morfemdən tutmuş bütöv bir cümləyə qədər fikri ifadə edə bilər. Qeyd etməliyik ki, qaynar həyatımızda ideoqrafik, piktoqrafik [fikrin şəkillərlə verilməsi] və fonemoqrafik yazılar birgə işlənir. Bu gün mağazaların, teatr binalarının qarşısında asılmış şəkillər, meroda çıxış və girişdə asılmış işarələr, sözlər arasındakı boşluqlar, sözün böyük və kiçik hərflə yazılması buna sübutdur.

Tarixdə ən qədim yazı sistemlərindən olan Misir [eramızdan əvvəl 4-cü minillikdən mövcuddur], şumer [eramızdan əvvəl 3-cü minilliyin başlanğıcından mövcuddur], qədim çin [eramızdan əvvəl 2-ci minillikdən

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: „Ana sözü“ jurnalı, 2. 1990, dekabr, s.31-33.

mövcuddur] və digər nümunələr keçid xarakteri daşıyırdı. Lap qədim dövrlərdən üzü bəri bu yazı sistemləri getdikcə təkmilləşir, daha münasib şəkil alır, ayrı-ayrı işarələr sadələşirdi.

Azərbaycan dilində bizə gəlib çatan ilk yazılı abidələrimiz ərəb əlifbası ilə qələmə alınmışdır (əlifba sözü «əlif» və «be» hərflərinin birləşməsindən götürülərək bir yazı sistemində istifadə olunan bütün hərflərin müəyyən ardıcılıqla düzülüşünə deyilir). Hər hərfin əlifbada öz yeri var. Yazıda hərflərin işlənməsi qaydalarını bir tərəfdən qrafika, digər tərəfdən isə orfoqrafiya öyrənir. Yazı sistemlərinin yaranmasını, onların tipologiyasını öyrənən elm qrammatologiya adlanır.

Yazı sistemlərinin inkişafında yunanların yazısı böyük bir inqilab idi. Yunanlarda hər bir hərf müəyyən fonetik səslə yanaşı, həm də konkret bir rəqəmi bildirir. Məsələn, «a» həfi bir rəqəmini, «i» həfi on rəqəmini, «p» həfi yüz rəqəmini bildirir. Finikiyalıların hərflərini əxz edən yunanlar nəinki samitləri, həmçinin saitləri də ayrıca işarələrlə göstərirlər. Sait və samitlərin hər birini ayrılıqda xüsusi işarələrlə verən yunanlar bəşər tarixində ilk dəfə fonemoqrafik yazını yaratdılar. Bu o demək idi ki, danışqdakı fonem ardıcılığında hər bir fonemin yazıda öz işarəsi olur. Yunanların bu təcrübəsindən latınlar etruskları vasitəsilə bəhrələnmiş və öz əlifbalarını yaratmışlar. İndi cüzi əlavələrlə latın əlifbası dünya xalqlarının qırx faizindən çoxuna xidmət edir (Yunanıstan, Bolqarıstan, qismən Yuqoslaviya və SSSR- dən başqa Avropanın hər yerində, o cümlədən Litva, Latviya və Estoniyada, Amerikada, Avstraliyada, Həbəşistan və ərəb ölkələrindən başqa, bütün Afrikada, Asiyanın bir neçə ölkəsində, o cümlədən Türkiyə, İndoneziya və Vyetnamda latın əlifbası işlənir). Latın əlifbasında əvvəlcə 21, hazırda isə 25 hərf vardır. Qeyd edək ki, respublikamızda 1928-ci ildən 1939-cu ilədək latın əlifbası işlənmişdir.

Məlum olduğu kimi, Azərbaycanın çoxəsrlik mədəniyyət tarixində onuncu yüzillikdən başlayaraq ta 1928-ci ilə qədər ərəb əlifbasından istifadə olunmuşdur. Sağdan-sola yazılan bu yazı sistemi rəngarəng variantlara malikdir. Onlardan ən geniş yayılmışı divani, kufi, reyhani, nəstəliq, şikəstə və sairidir. Qeyd etməliyik ki, ərəb əlifbası öz mürəkkəb yazı üsulu ilə Azərbaycan dilinin fonetik xüsusiyyətlərini adekvat şəkildə əks etdirmir. Bu fikri görkəmli maarif xadimlərimiz dönə-dönə qeyd etmişlər.

Əlifbanın dəyişdirilməsi ideyası Azərbaycanda sovetləşmədən sonra geniş vüsət alır və 1926-cı ildə Bakıda çağırılan I Türkoloji qurultay bu ideyanın həyata keçirilməsini sürətləndirir. 1928-ci ildə latın əlifbası qəbul olunur, təəssüflər olsun ki, bu çox davam etmir, «millətlərin atası» və ona quyruq bulayan yerli məmurlar bütöv bir xalqı dinindən və imanından uzaq saldıqları kimi, dilindən də didərgin salmağa müəssər olurlar. Bu, yalnız bir onilliyin içərisində Azərbaycan xalqının başına açılan

ən ağır müsibətlərdən biri idi. O vaxtdan indiyə qədər biz Kiril əlifbasından istifadə edirik. IX əsrin ikinci yarısında yunan yazı sisteminə əsaslanan Konstantin Kiril Mefodiylə birlikdə yunan, latın və yəhudi əlifbalarından bir neçə hərf əxz etməklə slavyan əlifbasını yaradırlar ki, bundan da hazırda bolqarlar, ruslar, ukraynalılar, belaruslar, qismən də yuqoslavlər istifadə edirlər. Sonralar SSRİ-də yaşayan türk xalqlarını da bu əlifbaya keçməyə məcbur etmişlər.

Qeyd edək ki, I Pyotrün dövründə Rusiyada yazı islahatı keçirilmiş və əlifbaya «Ә», «Я», bir qədər sonra isə «y» və «e» hərfləri əlavə edilmişdir. 1918-ci il islahatı nəticəsində isə təzədən rusların işlətdiyi Kiril əlifbasına daha bir neçə hərf əlavə olunmuş və «ѣ»-in fonetik mənə ifadə etmədiyi hallarda [söz sonunda] işlənməsinə son qoyulmuşdur. Əlifba sahəsində islahatlar və ya yeni əlifbanın qəbul edilməsi əsasən üç prinsipə əsaslanır.

1. Asanlıq. Bu baxımdan ərəb əlifbası bizə qəti əl vermir. Əvvəla, bu əlifba semit dilləri üçün tərtib olunduğundan onun işlənməsində biz azəri türkləri külli miqdarda çətinliklə rastlaşırıq; hərflərin mövqe ilə bağlı müxtəlif yazılması, düz xətt boyunca düzülməsində qrafem fərqlərinin nöqtələrlə verilməsi mətnlərin oxunmasında çaş-başlıq salır. Yaddan çıxarmamalıyıq ki, əlifbada türk dilləri üçün əsas aparıcı fonoloji əlamət saitlərin ahəngi və buna münasib sözüün ya incə, ya da qalın tonda köklənməsidir ki, bu da saitlərlə bağlıdır. Ərəb əlifbası bu xüsusiyyəti əks etdirmir. Bu yazı sistemində sağdan-sola yazmağı da bura əlavə etsək, ərəb əlifbasının bizim üçün nə qədər çətin olduğunu təsəvvür etmək olar.

2. Uyarlıq. Bu prinsip yazı sistemini dilin fonetik və fonoloji qurumunu nə qədər adekvat əks etdirməsindən ibarətdir. Ərəb əlifbasının Azərbaycan dilinin səslənmə xüsusiyyətlərini əks etdirə bilmədiyindən yuxarıda danışdıq. Burada isə onu demək kifayətdir ki, bizim yazıda saitin və samitin yazılışında mövqe fərqləri mövcud olmadığından onları xüsusi işarələrlə göstərməyə də ehtiyac yoxdur. Kiril əlifbasında diqraf-ların çıxarılması və ona 8 hərf (ѣ, ъ, ј, г, ѿ, у, һ, с) əlavə olunması da məhz uyarlıq nəzərə almaqla edilmişdir. Digər tərəfdən uyarlığın özü də dilin fonetik və fonoloji qurumunu nəzərdən qaçıra bilməz. Bizim dilimizdə // fonemi qalın və incə tələffüz olunur (müqayisə et: ləl, lil, eyni zamanda lal, alma və s.). Bu fonetik müxtəlifliyi yazıda xüsusi işarə ilə göstərməyə ehtiyac yoxdur, çünki bu fərq fonoloji mənə kəsb etmir. Bu fərqi verilməsini ahəng qanunu tam mənada nizamlayır. Qalın saitlər cərgəsində qalın, incə saitlər cərgəsində isə incə tələffüz olunur.

3. İqtisadi cəhətdən əlverişli olması prinsipi. Bu baxımdan nə ərəb, nə də Kiril əlifbası bizə sərif edir. Bunu biz irəlidə göstərməyə çalı-

şacağıq. Ümumiyyətlə, əlifba dəyişmək müəyyən xərclər tələb edir, axı bütün çap maşınları, makinalar və s. dəyişməlidir. Ancaq ümumi mədəniyyət dəyərinin əvəzsizliyini nəzərə alaraq əlifbanın bərdəfəlik və tam şəkildə dəyişdirilməsi nə qədər xərc tələb etsə belə, bundan imtina edilməməlidir.

Son zamanlar geniş kütlə çox haqlı olaraq əlifbamızın dəyişdirilməsi məsələsini ortalığa atır. Burada fikirlər haçalanır. Bir qisim israr edir ki, biz ərəb əlifbasına qayıtmalıyıq. Bu fikrin tərəfdarları keçmiş yazı mədəniyyətimizin özümüzə qaytarılmasını və beləliklə, tariximizin qaranlıq səhifələrinə yiyələnmə biləcəyimizi əsas götürürlər. Lakin bu işdə istək və arzu yox, yuxarıda göstərdiyimiz prinsiplər əsas götürülməlidir. Buna görə də, latın əlifbasına keçməyimizi israr edənlərin fikri daha qiymətlidir. Bunu aşağıdakı mülahizələr də bir daha sübut edir.

Hazırda yazıda işlədiyimiz əlifbada 24 hərf Kiril əlifbasından götürülmüş, 8-i isə ona əlavə olunmuşdur. Əlifbamızda saitın uzunluğunu göstərməyə xidmət edən apostrof isə tədricən aradan çıxmaq üzrədir, çünki uzunluq bizim dilimizdə fonoloji əlamət kimi çıxış etmir. Kiril əlifbasının latın əlifbası ilə müqayisəsi göstərir ki, 6 hərf hər iki əlifbada eyni yazılış formasına malik olub, eyni səslənməni verir.

Latın əlifbasında: A a, E e, K k, O o, T t, M m.

Kiril əlifbasında: А а, Е е, К к, О о, Т т, М м.

Bu əlifbaların hər ikisində 8 hərf eyni cür yazılış formasına malik olub, müxtəlif cür səslənir [yuxarıda dedik ki, səslənmədə şərtlik aparıcı rol oynayır, yəni necə qəbul olunursa, o cür də işlənir].

Latın əlifbasında: B b, U u, P p, X x, G g, Y y, H h, C c.

Kiril əlifbasında: В в, И и, Р р, Х х, Г г, У у, Н н, С с.

Göründüyü kimi, hazırda istifadə etdiyimiz əlifbanın işarələri heç də əsaslı şəkildə latın hərflərindən fərqlənmir. Əksinə, bizim hazırkı əlifbamızın hərflərinin yarısına qədəri (14-ü) ya eyni cür yazılıb eyni funksiyanı daşıyır, ya da formaca oxşar olub, müxtəlif cür səslənir. Bura Azərbaycan dilinin xüsusiyyətləri nəzərə alınmaqla 8 hərfin də əlavə edildiyini desək, məlum olur ki, indi işlədiyimiz əlifbanın yalnız 12 hərfi Kiril əlifbasından götürülmüşdür. Deyilənləri nəzərə alaraq əlifbamız üçün latın qrafikasına əsaslanan aşağıdakı layihəni oxuculara təqdim edirik:

Fonemlərimiz	Layihədə nəzərdə tutulan hərflər	Latın	Kirill
/a/	A a	A a	А а
/b/	B b	B b	В в
/e/	E e	E e	Е е
/d/	D d	D d	Д д
/f/	F f	F f	Ф ф
/g/	Q q	Q q	Г г
/h/	H h	H h	--
/i/	İ i	İ i	И и
/j/	J j	J j	--
/k/	K k	K k	К к
/l/	L l	L l	Л л
/m/	M m	M m	М м
/n/	N n	N n	Н н
/o/	O o	O o	О о
/p/	R r	R r	П п
/r/	R r	R r	Р р
/s/	S s	S s	С с
/t/	T t	T t	Т т
/u/	U u	U u	У у
/v/	V v	W w	В в
/z/	Z z	Z z	З з

Layihəyə daha iki hərf əlavə etməklə [C c, Z z] və bir də iki diakritik işarə vasitəsilə [v'] digər fonemlərimizi də yazıda əks etdirə bilərik. «C» hərfi «h» hərfi ilə birləşərək /x/ foneminin, «Z z» hərfi isə /j/ foneminin verilməsinə xidmət edir. Dilimizdəki [ə], [ö] və [ü] fonemlərini vermək üçün layihədəki «A a», «O o» və «U u» hərflərinin üzərinə iki nöqtə qoymaqla göstərmək çox sərfəli olar. Digər tərəfdən dilimizdəki [ʃ], [ç], [g], [c] və [ç] fonemlərini göstərmək üçün layihədəki «Ss», «Gg», «Kk», «Zz», «Cc» hərflərinin üzərinə [v] diakritik işarəsini qoymaqla layihəni tamamlamaq olar. O ki qaldı [ɪ] foneminə, onun üçün xüsusi hərf ayırmağa ehtiyac yoxdur. Layihədəki [ɪ] saitinin ortasından köndələnə bir xətt qoymaqla onu yazıda vermək mümkündür, bu xüsusilə, birinci hecasında [ɪ] saiti olan çoxhecalı sözlər üçün vacibdir. Qalan hallarda isə bu saiti xüsusi işarə ilə göstərməyə ehtiyac qalmır, çünki ahəng qanununa əsasən qalın cərgədə [ɪ], incə cərgədə isə [i] oxunmalıdır.

Beləliklə, əlifbada iyirmi üç hərf və iki diakritik işarədən istifadə etməklə biz latın qrafikası əsasında öz əlifbamızı yarada bilərik, bu, elmi cəhətdən əsaslandırılmış və praktik cəhətdən çox sərfəli bir işdir.

Məlum olduğu kimi, xeyli vaxtdır ki, respublikamızın ictimaiyyəti-ni dərinləndirən maraqlandırıcı bir məsələ - latın qrafikalı əlifbamızın bərpası Azərbaycan SSR Əlyazmaları İnstitutunda yaradılmış «Əlifba» komissiyasının diqqət mərkəzindədir. Komissiya əlifbamızın bərpası ilə bağlı bir çox elmi, nəzəri və praktik məsələni öyrənərək əsaslı nəticələrə gəlmiş və yekdilliklə qərara almışdır ki, xalqımızın sabahı latın qrafikalı əlifbasız keçinə bilməz. Və elə bu səbəbdən də biz mütləq bu əlifbaya qayıtmalıyıq. Doğrudan da, siyasi cəhətdən yetkin demokratik quruma və iqtisadi suverenliyimizə nail olmaq kimi mühüm məsələlərlə yanaşı, dilimizin dövlət dili kimi işlənməsi, o cümlədən latın qrafikalı əlifbaya qayıtmağımız bizim hər birimiz üçün həyati əhəmiyyətli bir məsələdir. Hazırda əlifbamızın bərpası ilə əlaqədar mövcud fikirləri üç qrupa bölmək olar:

1. Şimali Azərbaycanda bəzi adamlar, xüsusilə də yaşlı nəslin nümayəndələri və dindarlar ərəb qrafikasına qayıtmağı tövsiyə edirlər. Cənubi Azərbaycandakı qardaş və bacılarımızın bir qismi də ərəb əlifbasına keçilməsini müdafiə edir. Bu fikrin tərəfdarları ona əsaslanırlar ki, uzun tarixə malik yazı mədəniyyətimiz bu qrafikada təsbit olunub və o taydakı qan qardaşlarımız yalnız bu qrafikanı bilirlər. Eyni zamanda, bu qrafika vasitəsi ilə islam mədəniyyətinə yaxınlaşa biləcəyimiz fikri də ortaya atılır.

Əvvəla, onu deyək ki, o taydakı qardaş və bacılarımızın əksəriyyəti yazmağı və oxumağı bacarmır, ziyalılar isə latın qrafikasını yaxşı bilir, dünyanın müxtəlif ölkələrində latın əlifbasından gen-bol istifadə edirlər. Bu fikrin tərəfdarlarına demək yerinə düşər ki, o taydakı xalq kütləsinin savadlanması işi hələ bundan sonra başlayacaq. Sağlıq olsun, gün gələr, Cənubi Azərbaycanda qardaş və bacılarımız da latın əlifbasının gərəkliyini başa düşürlər. İslam mədəniyyətinə yaxınlaşmağımızı əldə əsas tutanlara isə deməliyik ki, dünya mədəniyyətinin daimi inkişaf yönü latın tərəfdir. Müasir texnikanı, avadanlığı və əsrimizi lərzəyə salan kompüterləşmə kimi yenilik də məhz latında yaranır, başqa ölkələrə buradan yayılır. Bir də ki, qoy bizi düz başa düşsünlər, biz islamdan götürdüyümüzü götürmüşük, təzədən ərəb mədəniyyətinə qayıtmaqla xalqımızın ümumdünya tərəqqi istiqamətində iri addımlar atmağa inanmaq çətindir: Mən deyərdim ki, artıq vaxt gəlib çatıb ki, xalqımız öz dini sitayişlərini və mərasimlərini də öz dilində aparsın. Xalq gözəgörməz Allahı ilə öz dilində danışmalı və öz dilində ibadət etməlidir. Xristian dininə itaət edən xalqların hamısı dinə öz dillərində xidmət edirlər. Biz isə ərəb dilindən hələ də əl çəkə bilmirik. Xalq öz inamını öz dilində etməlidir. Onda xalqın qüdrəti göz qabağında olur. O ki qaldı, çoxəsrlik mədəniyyətinizin ərəb qrafikası ilə bizim nəslə gəlib çatmasına, burada da elə bir müşkül məsələ yoxdur. Əvvəla, tariximizin uzaq qatlarından xəbər verən

mənbələrin, abidələrin və ədəbiyyatımızın ərəb əlifbası ilə yazılmış nüsxələri latın qrafikası ilə çap olunub. Digər tərəfdən də marağı olanların ərəb qrafikasını öyrənəcəyi şübhəsizdir. Bir qrup mütəxəssis keçmişdən qalmışlarımızı müasirləşdirib indiki nəslə çatdırıb bilər. Yaddan çıxartmayaq ki, dilin şifahi qolu daha oynaqdır və daha zəngindir. Ona görə də indiki ədəbiyyatımızın, demək olar ki, müəyyən hissəsi lentə alınıb Azərbaycan Radio və Televiziya Verilişləri Komitəsinin arxivində saxlanılır. İstənilən vaxt onları yazıya köçürmək mümkündür. Müasir çap maşınları bu lent yazılarını birbaşa maqnitafon lentlərindən yazıya çevirmək imkanına malikdir. Bunlar isə, məlum olduğu kimi, latın qrafikası ilə təhəz olunmuşdur.

2. Ziyalılarımızın bir qrupu, xüsusilə gündəlik fəaliyyətində Azərbaycan dilindən az istifadə edənlər və ya heç istifadə etməyənlər nəyin bahasına olursa-olsun indi işlətdiyimiz əlifbanın qorunub-saxlanmasına çalışırlar. Bunların elə bir tutarlı dəlili və sübutu yoxdur. Bu həmin qüvvələrdir ki, vaxtilə bizə hücum ediblər, ağına-bozuna baxmadan xalqa qara yaxıblar, müxtəlif «izmləri» sipər edib bizi damğalayıblar, görkəmli yazıçımızın qanadlı sözlərə dönmüş obrazlı ifadəsindən istifadə edib desək, sapı özümüzdən olan baltalardır, özlərini millət fədaisi kimi qələmə verib həmişə millətin ayağının altını qazanlardır. Lakin cəmiyyətin demokratikləşdiyi bir vaxtda mühafizəkarlar öz məqsədlərinə nail ola bilməzlər, xalq buna yol verməz.

3. Xalq 30-cu illərin qurbanlarına bəraət verilməsini tələb edir. Əlifbamızın latından qoparılıb indiki sistemə keçirilməsi də xalqımızın mənafeyinə vurulan güclü zərbə olduğu üçün onun bərpası çox vacibdir. Elə bu səbəbdən də Azərbaycan SSR Ali Sovetinin Rəyasət heyəti mütəxəssislərdən və ictimaiyyətin nümayəndələrindən ibarət sanballı bir komissiya yaradaraq əlifbamızın bərpası məsələsini bu komissiyaya həvalə etmişdir. Respublika mətbuatında, radio və televiziya verilişlərində əlifbamızın bərpası ilə əlaqədar söylənilən müxtəlif fikirlər saf-çürük edilmiş, çoxlu layihə müzakirə olunmuş və nəticədə belə bir qənaətə gəlinmişdir ki, bir vaxtlar xalqımızın iradəsinə zidd olaraq qadağan olunmuş əlifbamız tezliklə bərpa edilməlidir. Fikrimizcə, bu mühüm və cətin bir işi həyata keçirmək üçün aşağıdakılar nəzərə alınmalıdır:

1. Əlifbamızın bərpası haqqında respublika ali hakimiyyət orqanının müvafiq qərarı, müzakirənin təşkili (qərarla keçidin mərhələləri göstərməlidir).

2. Yeni yazı sistemi layihəsinin müzakirəsində öz fonemlərimizi göstərmək üçün təklif olunan işarələr və qrafemlər bütünlüklə latın əlifbasına əsaslanmalı və şərtlik prinsipi gözlənilməlidir.

3. Əlifbada hərflərin sıralanmasına xüsusi fikir verilməlidir. Bu işdə ixtiyarilik yox, elmilik prinsipi əsas götürülməlidir. Dünyanın fone-

moqrafik yazılarında əlifbada hərflərin düzülüşündə hər hərfin bir rəqəmə uyğun gəlməsi əsas götürülür. Məsələn, «A» hərfi 1 rəqəminə, «B» hərfi 2 rəqəminə, «İ» hərfi 10 rəqəminə və s. uyğun gəlir. Odur ki, «A» birinci, «B» ikinci və s. gəlir.

4. Əlifbamızda hərflərin necə adlandırılacağı da çox ciddi məsələdir. İndiki əlifbada hərflərin adları milli dilimizə uyğun deyildir: a, be, ve, qe, de, el, em, en və s. Yaxşı olar ki, hərflər xalqın işlətdiyi kimi də adlandırılın: a, bı, vı, qı, dı, lı, mı, nı və s.

5. Bərpa olunmuş latın əlifbasına uyğun orfoqrafiya layihəsinin işlənilib hazırlanması mütəxəssisləri ciddi düşündürməlidir.

Əlifbamızın bərpasını bəzi aparat işçiləri hər vasitə ilə qəsdən ləngitməyə çalışırlar. Xərclərin çoxluğu və lazımi maddi-texniki bazanın olmaması isə onların əlində ciddi bəhanədir. Ancaq üzümüzü onlara tutub deyirik: biz şriftləri də, çap maşınlarını da, hətta makinaları da indiyədək kəndən alırıq. Ancaq hamımıza yaxşı bəllidir ki, respublikamızın mətbəələrində latın şriftli çap maşınları var, onları işə salsaq və güclərindən tam istifadə etsək, materiallar latın şriftli çap maşınlarına ötürülsə, burada xərc tələb edən elə bir ciddi iş qalmır. Söhbət olsa-olsa səriştəli yığıcıların çatışmamasından gedə bilər. Bunun üçün isə iki, ya da üç aylıq kurslar açıb kadrlar hazırlanması işini qaydaya salmaq olar.

Əlifbamızın bərpası işi haqq işidir və bu işdə xalq öz istədiyinə gec-tez nail olmalıdır. İnanıram ki, olacaq da.

POEZİYAMIZIN FONETİK QURUMUNA DAİR¹

Azərbaycan klassik şer sənəti və müasir poeziyamız tariximizin dərin qatlarından, yaşı bilinməyən şifahi xalq ədəbiyyatımızın ən gözəl və zəngin örnəyi olan bayatlarımızdan qidalanır. Ədəbi tənqid, ədəbiyyat nəzəriyyəsi, üslubiyyat və poetikaya dair araşdırmalarda ədəbiyyatımızın nəzəri məsələləri, müxtəlif vəznli və müxtəlif biçimli şer nümunələri təhlil olunur,

onların ölçü, bölüm, qafiyə, beyt, misra və s. məziyyətləri çağdaş ədəbiyyatımızın problemləri işığında təsnif və tədqiq edilir, ardıcıl şəkildə öyrənilir. Bu sahədə hörmətli alimlərimiz Mikayıl Rəfil, Cəfər Xəndan, Əkrəm Cəfər və başqalarının cəfəkeş əməyi, onların ədəbiyyatşünaslığımız qarşısındakı xidmətləri unudulmazdır. Biz bu yazımızda poeziyamızın həm ədəbiyyatşünaslıq, həm də dilçilik elmimizin diqqətindən yayınan və bəlkə də, tamamilə unudulan bir

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: „Ana sözü“ jurnalı. № 4-6, 1991. (C. Göyçəoğlu ilə birlikdə). s. 69-72.

qolundan söhbət açmaq istəyirik.

Qeyd edək ki, poeziyanın dil incəlikləri, onun fonetik və fonoloji qurumu başqa xalqlarda çoxdan öyrənilməyə başlanmış, hətta fonetikanın, qrammatikanın və üslubiyyatın bir bölməsi şer sənətinin öyrənilməsinə həsr olunur. Bunun üçün alman, fransız, ingilis və rus dillərinin materiallarına müraciət etmək kifayətdir. Təkcə onu xatırlatmaq yerinə düşər ki, əsrimizin 20-ci illərində R.Yakobsonun çex şeri haqqında əsəri indiyə qədər özünə bərabərini tanımır.

Maraqlıdır ki, fransız şer sənəti metodik və fonetik qurumu baxımdan ayrıca tədris olunur. Etiraf edək ki, bu sahədə bizdə də az-çox iş görülüb. Elə A.Axundovun, M. Cəfərin və b. yaradıcılığını buna misal gətirmək olar. Ancaq təəssüfləndirici haldır ki, poeziyamızın fonetik qurumu dilçi və ədəbiyyatçılarımızın araşdırmalarında bütöv bir sistem kimi götürülmür və bu səbəbdən də alınan nəticələr qənaətbəxş deyildir. Məşhur alim R.Yakobson «Linqvistika və poetika» əsərində yazırdı ki, danışıq qurumları haqqındakı elm linqvistika adlandırıldığından poetikanı axırınının tərkib hissəsi kimi götürmək olar. Adı çəkilən əsərdə R.Yakobson avstriyalı psixoloq-dilçi K.Bülərə əsaslanaraq öz fikrini belə yekunlaşdırır: «Şerin təhlili tamamilə poetikanın səlahiyyətinə aiddir, poetika linqvistikanın elə bir hissəsidir ki, o, poetik funksiyanı dilin başqa funksiyaları ilə əlaqədə götürür».

Şübhəsiz, şerin meydana gəlməsi və formalaşmasında, onun hər hansı xalqa aid olmasından asılı olmayaraq, özümlü fonetik və fonoloji cəhətləri ilə yanaşı (ahəngin, saıtlərin qalın və incə düzümünün gözlənilməsi), bir çox universal qanunauyğunluğu da vardır ki (hecaların sayı, qafiyələrin ahəngi, bənd, beyt və misralara bölünməsi və s.) bunlar dünya xalqlarının şerlərini səciyyələndirən əlamətlərdir. Ümumiyyətlə, şerdə heca, vurğu, fasilə, ritm və intonasiyadan kənar da heç nə qalmır.

Başqa dillərdə olduğu kimi, bizim şerdə də istər heca, istərsə də onun əruz vəznlərində qafiyəsiz şer yoxdur, hətta sərbəst şerin özü də müəyyən mənada qafiyəsiz keçinə bilmir. Heca vəznində yazılan şer nümunələrində hecaların sayı 2-dən 20-yə qədər ola bilər. Əruzda isə ən kiçik misra beş hecadan az olmur. Hər iki vəzndə ən uzun misra on altı hecadan ibarət olur (çox nadir hallarda 20 hecalı misralara da rast gəlinir). Ərəb istilasına qədərki türk şerində heca vəzni aparıcı və yeganə vəzn olmuş və bunun da ən yaxşı nümunələri, qeyd etdiyimiz kimi, bayatlarımızdır. Daha sonralar başqa nümunələr yaranmışdır. Əruz vəzninin türk şerinə birbaşa ərəb poeziyasından, ya da ki türk şerinin öz inkişaf mərhələsində meydana gəlməsi ilə bağlı alimlər arasındakı mübahisələrin təfsilatına varmadan deyə bilərik ki, səkkiz əsrdən artıqdır bu vəzn türklərin poeziyasında özünə möhkəm yer tutub.

Azərbaycan ədəbiyyatşünaslığında əruzun böyük bilicisi Ə.Cəfər

bu vəznin Yaxın Şərq və Orta Asiya müsəlman poeziyasında işlənməsi xüsusiyyətlərini, onun bütün bəhrlərinin təsnifatını zərgər dəqiqliyi və həssaslığı ilə açıqlayır, təhlil edir. Mərhum alimimiz C.Xəndan şerimizdə əruzun 10 bəhri olduğunu qeyd edir. Ə.Cəfər isə bu bəhrlərin sayının 15-ə çatdığını göstərərək, onların poeziyamızda yalnız 12-dən istifadə olunduğunu bildirir. Bütün bəhrlər poetik qəliblərin müxtəlif variantları ilə ifadə edilir. Qeyd etməliyik ki, həmin qəliblərə görə (bəhrlərdə) misraların daxili bölgüsü mənanı qəti nəzərə almır, burada aparıcı prinsip avazlanmadakı daxili formal üzvlənmə əlamətləri (səs tonunun hərəkəti, saıtlərin kəmiyyət və keyfiyyət dəyişmələri, fasilə və s.) əsas götürülür.

Məlumdur ki, şer və musiqidə avazlanma əsasən saıtlər hesabına olur. Ona görə də bu vəzndə müxtəlif bəhrlərdə yazılan şerlərdə heç şübhəsiz ki, saıtlərin fonetik mövqelərlə bağlı dəyişkənliyi bölgülərin misra, beyt və qafiyə ahəngini təşkil edir. XX əsrin son onilliyində dilçilik elmində geniş şaxəli, fundamental tədqiqatlar aparılır, o artıq kibernetika, informatika, riyaziyyat, sosiologiya, fiziologiya, semiotika və s. elmlərlə əlaqədə öyrənilir. Məhz ona görə də R.Yakobsonun dediyi kimi, poetika dilçilikdən kənar qala bilməz.

Fikrimizcə, çağdaş ədəbiyyatımızda əruzun işlənmə dairəsi getdikcə daralır. Bununla belə, hörmətli alimimiz Ə.Cəfər əruzun dilimizin qanunlarına yabançı olduğunu qeyd edərək, təfilələrin vəznlərə tətbiqi məsələsini yüngülləşdirmək məqsədilə, dilimizin imkanlarından istifadə edərək əruzun əvəzinə «əkrəmi» adlı modellər hazırlamışdır. Burada, müəllifin qeyd etdiyi kimi, təkcə «nü» ünsürü mənasız elementdir, qalanları dilimizin leksik vahidlərindən tərtib edilmişdir. Əgər bu islahatı mütəxəssislər qəbul etsələr, o zaman əruzla bağlı bütün çətinliklər aradan qalxar. Amma bu modelin yayılmasına ümid azdır, ona görə ki, indi heca vəznini əruzun sıxışdırır, bu vəzndə süjetli şerlər, poemalar, hətta iri həcmli mənzum romanlar və pyeslər yazılır. Heca vəznində ən gözəl, ehtiras dolu hissləri, incə mətləbləri ifadə etmək mümkündür. Çağdaş yazarlarımızın, demək olar ki, hamısı heca və ya sərbəst vəznlərdən gen-bol istifadə edirlər. Hərçənd əruzun da unutmamaq olmaz, çünki Füzuli və Sabir kimi dühalarımız əruzda özlərinin söz incilərindən böyük sənət xəzinələri qoyub getmişlər. Hörmətli alimimiz Ə.Cəfər vəznin izahı üçün məcazi «fonetik çəki»ni dırnaq işarəsi işlətmədən, lakin sonrakı cümləsində həmin ifadəni dırnaq içərisində verməklə bir az sonra qəliblərin ölçüsünü «ritmik hissələr» termini ilə müəyyənləşdirir. Təəssüflə qeyd etməliyik ki, hörmətli alimimiz vəznin strukturunu dilçilik baxımından dəqiq müəyyənləşdirməyə çox yaxınlaşsa da, onun mexanizmini tam şəkildə açıb göstərə bilmir. Belə ki, fonetik çəki fikrimizcə misranın təfilə tutumu və onun hecalarının sayı, vurğulu

hecaların vurğusuz hecalarla əvəzlənməsi və s. bu kimi fonetik qanunların fəaliyyəti sayəsində məhz əruzun gözəl ahəngi yaranır. «Səslərin xoş nizamla qəliblərdə yerləşməsi» (Ə.Cəfər) məcburi qəlibə salınmanın məhsulu yox, şairin ifadə etmək istədiyi mənadan və şerə xas olan vurğulu uzun saitlərin ahəngi və onlardan sonra cüzi fasilə effektindən yaranan və sanki misranı ritmik qrupa bölən poetik funksiyadan alınan duyğudur.

Məlum olduğu kimi, heca vəznində iki hecalıdan on altı hecalıya-dək şer növü mövcuddur. («Ədəbiyyat nəzəriyyəsi». Bakı, 1985).

Ümumiyyətlə, heca vəznini nəzərdən keçirərkən diqqəti doqquz, on, on bir, on iki və on üç hecalı şer nümunələrinin bölgüsü daha çox cəlb edir, bölgünün burada hansı prinsipə əsaslandığı o qədər də nəzərə çarpmır. Misal üçün bəzi şer nümunələrinin bölgülərinə diqqət yetirək. Məsələn, doqquz hecalı şerin bölgüsü $3+3+3=9$, on hecalılar üçün $7+3=10$ və yaxud $4+3+3=10$, on bir hecalı üçün $6+5=11$ və yaxud $4+4+3=11$ və on iki hecalı şer üçün $3+3+3+3=12$ və yaxud $4+4+4=12$ kimi verilir. On üç hecalı şer misralarının üç bölgüdə olduğu, on dörd, on beş və on altı hecalı şer nümunələrindən verilən belə çoxhecalı misralar isə ancaq ikiyə bölünməsi göstərilir və özü də bircə bölgünün mümkünlüyü aydın olur. Bu cür ziddiyyətli bölgü nümunələri, əlbəttə ki, anlaşılmazlıq yaradır. Bilmək olmur ki, bölgülərin belə prinsip üzrə aparılması hansı elmi mənbəyə əsaslanır.

Fikrimizcə, şair şerini yazır, onun bölgüləri barədə düşünmür, sadəcə olaraq hisslərini, duyğularını misralara köçürür. Sonra isə, onun «məni» rənz kimi hər hansı dinləyici, oxucu və ifaçı üçün müəyyən məna çalarları və intonasiya xüsusiyyətləri ilə qavranılır, dərk olunur və öyrənilir. Misraların yarımmisralara bölünməsi, şübhəsiz ki, sərbəst xarakter daşımayıb, ancaq sadalanan prinsiplərə əsaslanır. Aşağıdakı bölgü bizi necə qane edə bilər?

Qarşıda – yağı var,
Əlində – ağı var.
Atınız – topları,
Titrəsin – qayalar. (S.Vurğun)

Bu bölgü ($3+3=$) fikrimizcə, hər misranın ikiyə bölünməsi təbiidir. Misraların birinci komponentləri ayrı-ayrılıqda vurğulu hecalara malikdir, onlardan ancaq «atınız» felin əmr formasında olduğu üçün vurğu birinci hecanın üstünə, qalan bütün üç sözdə son hecaların üstünə düşür, amma onların yaratdığı ani fasilə misranın mütləq iki hissəyə bölünməsinə tələb etmir. Deyilənlər eynilə aşağıdakı bayatının misra bölgüsünə də aid edilə bilər:

Əzizim vətən yaxşı,
Köynəyi kətan yaxşı,
Gəzməyə qürbət ölkə,
Ölməyə vətən yaxşı.

Misal gətirdiyimiz bənddə $3+4=7$ bölgüsünə riayət edilmişdir. Burada «yaxşı» sözü üç dəfə təkrar olunduğu üçün onun daşdığı informasiyanın çəkisi azalır. Yerdə qalan «əzizim», «vətən», «köynəyi», «kətan», «gəzməyə», «qərib ölkə», «ölməyə» sözləri yüksək ton, vurğu və s. fonetik vasitələrlə qabarıq nəzərə çarpdırıla bilər. Təkrar olunan fonem və morfemlərini təhlil etsək, şerin necə gözəl ahəng və ritm yaratdığı aydın olar. Şerin məhz bu və ya digər xüsusiyyətləri onu nəsrədən fərqləndirir.

Səkkizhecalı misranın ikiye bölünməsinə aid S.Vurğundan gətirilən nümunəyə nəzər salaq:

Min Qazaxda köhlən ata,
Yalmanına yata-yata,
At qan-tərə bata-bata,
Göy yaylaqlar belinə qalx
Kəpəz dağdan – Göy gölə bax.

Biz bu bəndin də yuxarıda adı çəkilən kitabda verilmiş şəkildə ($4+4=8$) bölünməsinə haqq qazandıra bilmərik. Çünki şerin yüksək sənətkarlıqla gözəl təbiət lövhəsi yaratması heç də verilmiş bölgünün sayəsində əmələ gəlməmişdir. Bəndin birinciylə axırıncı misraları ana vətənimizin gözəlliyinin tərənnümüdür. Digər iki misra: «Yalmanına yata-yata» və «At qan-tərə bata-bata» misraları mürəkkəb zərf kimi bölgüyə o qədər də əsas vermir. Deməli, birinci və dördüncü misraların bölgüsü dilimizin məna qurumu yaratması prinsipinə tabe olduğu üçün onu «Min Qazaxda (köhlən ata)», «Kəpəz dağdan (Göy gölə bax)» kimi iki hissəyə, iki sintaqma bölünməsinə haqq qazandırmaq olar. Hərçənd, axırıncı misra bir sintaqmla da tələffüz oluna bilər, burada nitqin nisbi orta sürəti müəyyənedici rol oynayır.

Heca vəznində yazılmış doqquz və on hecalı şerlərin bölgülərində də həmin mənzərə müşahidə edilir:

Oxu, qoy – toqquşsun-buludlar,
Gizlənsin – ulduzlar-mən yanımlar.
Qoy yağsın – gah dolu, -gah da qar,
Üşüyüm – titrəyim, -isdanım. (F.Qoca).
(Bölgü: $3+3+3=9$)

...Qurtarırsa əsgərin-gülləsi,
Silahıdır qəlbinin-kin səsi. (R.Rza).
(Bölgü: 7+3=10; 4+3+3=10)

Sancıb yerə bu sahildə-şerin qızıl bayrağın,
Diz çökərək mən öpürəm-vətənimizin torpağın.
(S.Vurğun).
(Bölgü: 8+8=16)

Yuxarıda gətirilən misraların təhlili göstərir ki, misraların bölgüsü nə tamamilə oxucunun istədiyi kimi, nə də ədəbiyyatşünaslığımızda göstərilən yollarla aparıla bilər. Bu sahənin tədqiqi sistem—norma—uzun (işlənmə) prinsipi əsasında araşdırılmalı, onun qanunları ya qrammatikanın və yaxud da fonetikanın bir bölməsində öz şərhini tapmalıdır. Yuxarıda xatırladığımız kimi, şairdə şer duyumu sanki ana laylası ilə onun ruhuna hopdurulur.

Sərbəst şerin oxunuş tərzində xeyli mürəkkəbdir, çünki misralarda hecaların sayı bərabər olmadığı və qafiyələr tez nəzərə çarpmadığı üçün, mənasına və ritminə diqqətlə yanaşılmalı, öyrədilməsinə ciddi fikir verilməlidir. Dediymiz kimi, sərbəst variant və variasiyalar vəzndə olduğundan daha çox-çox mürəkkəbdir, çünki burada nə süni qəlibə salma, nə də hecaların sayı rol oynayır.

Müşahidələrimizə əsaslanaraq deyə bilərik ki, poeziyanın özünəməxsus fonetik xüsusiyyətləri barədə söylədiklərimiz aysberqin görünən hissəsidir. Yəqin ki, hər bir konkret şer növünün bölgüsü, ölçü və qafiyə xüsusiyyətləri, fonetik, leksik və qrammatik qurumu, onun məna və intonasıya xüsusiyyətləri bütöv halında araşdırılmalıdır. Bu və ya digər konkret janrın müəyyən ölçü, bölgü və heca quruluşundan asılı olaraq, şairin hər hansı bir şerində invariant axtarışı çox çətin və mürəkkəb bir məsələdir.

Akademik L.V.Şerba fransız şerinin fonetik xüsusiyyətlərindən danışaraq, bu bölmənin müxtəlif paraqraflarında fransız şerinin ölçü, bölgü, qafiyə və sair xüsusiyyətlərindən söz açaraq yazır: «Fransız şerinin tarixi bu sahədə sonsuz tərəddüd olduğunu göstərir. Bir qisim süni qayda vardır ki, mahiyyət etibarilə müasir dildə onların heç bir əsası yoxdur». Fransız şerində tez-tez rast gəlinən şer növü İsgəndəriyyədir. Onun misralarında hecaların sayı 12-yə bərabərdir. Bu şer vəzni əruzun bir variantı kimi görünür və fransız poeziyasına Şərqdən keçmişdir. Bu şerlərin misraları iki yarım misraya bölünür və tetrametr adlanır. Şerbanın fikrincə, nəzəri cəhətdən tetrametrin bütün hecaları üzərində vurğu ola bilər və onlar yarım misraların əsas ifadə vasitələridir.

Yakobsonun irəli sürdüyü «Poetik funksiya» termini Şerbanın

vurğulara aid etdiyi ifadəedici funksiya ilə səsləşir. R.Yakobson və L.V.Şerbanın ardınca bir çox başqa alimin müşahidələrinin, müxtəlif xalqların dillərində poeziyanın probleminə çevrilən «Adi oxucu bu və ya digər şerin hansı vəzndə yazıldığını, onu hansı bölgü prinsipinə əsaslanaraq oxumağı haradan bilməlidir?» sualını Azərbaycan şer sənətinə də aid etmək olar.

СИНТАГМА КАК ЕДИНИЦА ИНТОНАЦИОННО-СМЫСЛОВОГО ЧЛЕНЕНИЯ ¹

1. Из всего многообразия терминов, которые служат для обозначения единицы членения речи, таких, как "дыхательная группа", "речевое звено", "речевой такт", "ритмическая группа", "смысловая группа" и пр., вытекает, что данная проблема довольно сложна, и что исследователи в своих трудах ставят какие-то из ее признаков на первое место, но в принципе все эти термины служат одной цели – выявлению единицы членения. Термин "синтагма", несмотря на ее резкую критику со стороны некоторых ученых, все же больше других раскрывает суть явления. В то же время, определение синтагмы, данное Л.В.Шербой, можно считать идеальным.

2. Членение на синтагмы осуществляется благодаря лингвистическим, физиологическим и психологическим факторам, т. к. именно смысловая сторона является одной из ведущих особенностей; вместе с тем, нельзя осуществлять никакую речевую деятельность без вдоха и выдоха, а вся речевая деятельность управляется центральной нервной системой.

3. Объем и длина синтагмы варьируют в зависимости от вкладываемого в нее смысла, контекста, намерения говорящего, ситуации речи, а также от его скорости и стиля. Решающими факторами членения являются лексическое наполнение, интонация и пауза, т. к. внутри синтагмы пауза недопустима, благодаря которым достигается интонационно-смысловая целостность синтагмы.

4. Синтагма как лингвистическая реальность относится как к языку, так и к речи, ибо чего нет в языке, того не может быть и в речи, и наоборот. Поэтому синтагма является единицей членения фраз, сверхфразовых единиц, высказываний на уровне речи, и предложе-

---

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: „Respublikanın müstəqilliyi şəraitində xarici dil mütəxəssislərinin hazırlanması“ („Mövcud vəziyyət və perspektivlər“ mövzusunda Respublika seminar müşavirəsindəki məruzənin tezisləri). Bakı, 1992 (С.Г. Мəmmədquliyevlə birlikdə), s. 51-52

ний и текста на уровне языка. В качестве синтагм могут выступать, в зависимости от вышеуказанных факторов, односложная фраза, субъект, предикат /Н.С.Трубецкой категорически отвергает, что субъект и предикат могут быть рассматриваться как определяемое и определение/ словосочетания, фразеологические единицы, крылатые выражения, различные компоненты сложноподчиненных и сложносочиненных предложений и т. д. быть может, поэтому П.Пасси считал, что дыхательные группы могут включать в себя от 12 до 24 слогов.

5. Синтагмы программируются в зависимости от синтаксических и ассоциативных отношений: при этом краеугольным камнем членения речи или фразы можно считать определяемое и определяющее слова, которые чаще всего составляют основные типы синтагм. В письме же членение достигается пробелами между лексическими единицами и различного рода знаками препинания.

MÜSTƏQİLLİK VƏ XARİCİ DİL: NƏZƏRİYYƏLƏR VƏ PROBLEMLƏR ¹

**(Xəzər Universitəsində 20 may 1995-ci il tarixdə keçirilən
konfrasdakı məruzənin qısa xülasəsi)**

Köləlik zəncirini qırıb ataraq müstəqillik qazanmış respublikamızda həyatın bütün sahələrini əhatə edən və elmi-metodik cəhətdən əsaslandırılmış konsepsiyaya ehtiyac olduğu kimi, xarici dillər sahəsində də xalqımızın gələcək inkişafına yönələn geniş fəaliyyət proqramını işləyib hazırlamağa böyük zəruriyyət yaranıb. Dünya səviyyəsinə çıxmağa layiq, hərtərəfli inkişaf etmiş kadrları xarici dilsiz təsəvvür etmək belə mümkün deyildir. Biz bu gün bütün intellektual gücümüzədən səmərəli istifadə edərək elə inkişaf yolu seçməliyik ki, sabah və birisi gün üçün xalqımızın üzünü ağ eləyən kadrlar hazırlamaq üçün perspektiv planların bünövrəsini qoya bilək. Fikrimizcə, yüksək inkişaf səviyyəsinə çatmış xalqların zəngin təcrübəsindən qidalanmadan, milli gerçəkliyi, adət-ənənəni, millətin düşüncə tərzini və psixoloji-intellektual səviyyəsini nəzərə almayan hər hansı bir fəaliyyət proqramı bizə uğur qazandıra bilməz. Xarici dil konsepsiyası məzmunca respublikamızda xarici dillərin tədrisi, tədqiqi və tətbiqi siyasətindən və bu siyasətin həyata keçməsi üçün fəaliyyət proqramından (nə vaxtdan və hansı məzmununda hansı dilin öyrədilməsi,

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: Xəzər Universiteti. „Xarici dil tədrisinin nəzəri və praktik məsələləri“ konfransı. Bakı, 20 may, 1995-ci il. s. 67-69

dilöyrənmənin hansı mərhələsində analitik və sintetik metodlardan istifadə olunması və s.) və bu proqramın maliyyələşdirilməsindən ibarətdir. Söz yox ki, xarici dil konsepsiyası qarşıya qoyduğumuz məqsəddən çox asılıdır. Xalqların müasir dünya sivilizasiyasına asanlıqla qoşulmaq (dünya xalqlarının intellektual potensialından istifadə, səsdən iti uçaqlarla və ya digər nəqliyyat vasitələri ilə bir ölkədən digərinə getmək imkanının artması və s.) bütün dünyada bir dilin əsas ünsiyyət vasitəsinə çevrilməsi ehtimalını günü- gündən artırır. Ancaq bu ciddi maneələrlə rastlaşan bir fikirdir. Məsəl üçün deyək ki, müstəqillik şəraitində yaşayan Avropa xalqları iqtisadi, siyasi və mədəni inteqrasiyaya can atsalar da, onlardan heç biri öz dillərinin dövlət dili kimi işlənməsindən imtina etmir, əksinə onlardan hər biri öz dilinin təmizliyi və geniş işlənməsi uğrunda mübarizə aparır. Avropa Birliyinə daxil olan dövlətlərin heç biri bu və ya digər xalqın dilinə üstünlük verilməsinə razı olmur. Buna sübut olaraq 1954-cü ildə imzalanmış Avropa mədəniyyət konvensiyasını, Avropa Birliyi şurasının qərar, qətnamə və memorandumunu, habelə 1975-ci il Helsinki Konfransının yekun aktını göstərmək kifayətdir. Həmin sənədlər onlara imza atan bütün dövlətlərin dilində tərtib olunub. Bu o deməkdir ki, ən yüksək səviyyədə dillərdən heç birinin hegemonluğuna və dominantlığına yer verilmir. Buna rəğmən biz tam şəkildə dərk etməliyik ki, respublikamızda xarici dil konsepsiyası istər ölkə daxilində, istərsə də onun hüdudlarından kənarında hər hansı bir ünsiyyət məqamında vəziyyətdən çıxmaq məqsədini güdməməli (deyək ki, səfərə çıxmaq istəyən həmyerlimizin bilet almaq və ya limanda anlaşılmaq məqsədilə öyrəndiyi dil və s.), bu konsepsiya xalqımızın dünya elmi-texniki, ədəbi-mədəni, sosial-iqtisadi və s. irsinə yiyələnmək, uzaq və yaxın qonşuların həyatına müdaxilə edib faydalanmaq, bu yolla da müasir sivilizasiyanın öncül cərgələrinə çıxmaq məqsədini qarşıya qoymalıdır. Bu deyilənlər bir daha sübut edir ki, respublikamızda tədris planları müstəqillik işığında nəzərdən keçirilməli, imperiyadan miras qalmış „ikinci ana dili“ zərərli bir baxış kimi pislənməli, xarici dil anlayışı real kontekstə uyğun dəqiqləşdirilməlidir. Yalnız bundan sonra dilöyrənmədə kəmiyyət və keyfiyyət (dərslərin intensivliyi və məzmunu) məsələlərindən danışmaq olar. Qeyd edək ki, bizim üçün inkişaf səviyyəsi və tarixi yetkinləşmə baxımından nümunə ola biləcək Almaniyada xarici dil bir qayda olaraq 5-ci sinifdən öyrədilir. Bizdə isə təəssüflər olsun ki, elmi-metodik cəhətdən heç bir əsas olmadan „ikinci ana dili“ deyilən bir təsəvvür formalaşmışdır və bu heç bir pedaqoji-psixoloji meyar nəzərə alınmadan birinci və ya ikinci sinifdən, bəzi hallarda isə lap uşaq bağçasından başlayaraq tədris olunur. Məlum məsələdir ki, bu uşağın sonrakı inkişafına çox güclü mənfi təsir göstərir, onun dil dünyasının

formalaşmasında dağıdıcı rol oynayır. Düzdür, Almaniyada da ibtidai məktəblərdə xarici dilləri eksperiment kimi keçirlər, lakin bu oyun və terminlər şəkildə, özü də kitabsız-dəftərsiz və qiymətləndirməsiz olur. Xarici dil konsepsiyasında ana dili (ingilis dilli ədəbiyyatda buna adətən birinci dil deyirlər) və sonrakı dillərin yeri dəqiq müəyyənləşdirilməlidir.

Elmi ədəbiyyatda ümumilikdə dilöyrənmənin iki növü göstərilir: təbii və idarə olunan və ya nəzarət altında dilöyrənmə. Təbii dilöyrənməyə uşaqlıqdan danışmağa öyrəndiyimiz ana dilini misal gətirmək olar. Uşaq doğulduğu gündən onu əhatə edən mühitə ünsiyyət vasitəsi kimi xidmət edən dili eşidir, səslər ümmanından fonem qarşılaşmalarını ümumiləşdirərək fərqləndirir, bu dilin sistem və qurum xüsusiyyətlərini tədricən mənimsəyir. Dünya şöhrətli alim R.Yakobsonun uşaq dili sahəsindəki tədqiqatları buradakı qanunauyğunluqları kifayət qədər araşdırıb üzə çıxartmışdır. Ana dilinin terminoloji baxımdan birinci dil istilalı ilə əvəz olunmasında ciddi məntiq var. Belə ki, birinci dil uşağın valideynlərinin dili olmaya bilər, bu ünsiyyət üçün vacib olan dil deməkdir. Elə bizim Azərbaycanda buna kifayət qədər misal gətirmək olar. Milli azlıqlardan olan əksər ailələrdə valideynlər öz doğma dillərində danışsalar da, uşaqlar ya rusca, ya da Azərbaycan türkcəsində danışirlər.

İdarə olunan və ya nəzarət altında dilöyrənmə özü də iki yerə bölünür: müstəqil dilöyrənmə və müəllimin (repetitorun və məktəbin) planı ilə dilöyrənmə. Burada dilöyrənmə şüurluq prinsipinə əsaslanır və dərslik, dərs vəsaiti, lüğət və digər vəsaitlərin olması vacibdir. Ana dilinə söykənən bu dilöyrənmə qarşılaşdırmaya xüsusi diqqət verir. Məhz bu yolla öyrənilən dillə ana dili arasındakı sistem və struktur fərqləri və oxşarlıqları şüurlu şəkildə izləməklə dilöyrənməni sürətləndirmək olar. Dilöyrənmədə ana dilinə xüsusi əhəmiyyət verilməsini alimlər çoxdan qeyd ediblər (A.Svit, L.V.Şerba, R.Lado və s.). Dil strukturları arasındakı fərqləri ön plana çəkən kontrastiv dilçilik transfer anlayışından gen-bol istifadə edir. Əslində psixoloji istiqaməti əsas götürən bu baxımın məğzi bundan ibarətdir: əvvəl öyrənilən dil sonra mənimsənilənə müsbət, mənfi və sıfır transfer yaradır. Böyük oxşarlıqlar müsbət transfer doğurur; dil strukturları arasındakı oxşarlıqlar az olduqca, mənfi transferlər də çox olur. Mənfi transferlərin doğurduğu səhvlər interferensiya səhvləri adlanır. Tətbiqi dilçiliyin son nailiyyəti sayılan bu nəzəriyyəni bu gün kor-koranə Azərbaycan auditoriyasına gətirmək qeyri-mümkündür, çünki onun yarandığı dil materialı əsasən flektiv dillərdən götürülmüşdür. Məsələ burasındadır ki, qarşılaşdırılan dillər genetik cəhətdən qohum olduğundan, bu nəzəri ümumiləşdirmələrə birmənalı şəkildə yanaşmaq olmaz. İltisafı dillərin realilərini əhatə edən tədqiqatlara bu gün bizim böyük ehtiyacı-

mız var. Başqa sözlə, biz milli auditoriyamızın problemlərini özümüz elmi əsaslarla araşdırıb üzə çıxartmalıyıq. Bəzən deyirlər ki, bizim rus auditoriyası rusların işləyib hazırladığı modellər üzrə işləyə bilirlər. Lakin az-maz müəllimlik təcrübəsi, eşitmə qabiliyyəti və təhliləmə səriştəsi olan hər kəs yaxşı bilir ki, rus təhsillilərin danışıqında kifayət qədər bölgə xüsusiyyətləri və milli çalarlıqlar özünü göstərməkdədir.

Dilöyrənmədə qarşıya qoyulan məqsəd əsas rol oynayır. Eyni zamanda, yəni paralel və bir-birinin ardınca öyrənilən dillərin tədrisi qarşısında müxtəlif məqsədlər durmalıdır. Dilöyrənməyə ayrılan vaxt büdcəsi də çox mübahisə doğuran məsələlərdən biridir. Aydınır ki, dilöyrənmənin ilk mərhələsində məşğələlər intensiv olmalı, vaxt büdcəsi başqa fənlərin hesabına artırılmalıdır.

Xarici dil konsepsiyası elə olmalıdır ki, dillərin öyrənilməsində proporsiya gözlənilsin, yəni elə siyasət yeridilməməlidir ki, zəngin dil daha da zəngin, kasıb isə daha kasıb olsun.

Dil siyasətində fikrimizcə almanların təcrübəsindən faydalanmaq olar. Almaniyada xarici dil konsepsiyası dillərin aşağıdakı bölgüsünü əsas götürür: 1. Davranış dili; 2. Fundamental dil; 3. Ünsiyyət dili və 4. Araşdırma-açma dili.

1. Davranış dili ibtidai məktəbdən və ya məktəbə qədər yaşlarından adamların birgə davranışında və həyatında yarı kortəbii, yarı idarə olunan formada ikidilli ünsiyyətə olan tələbatı ödəmək üçün istifadə edilən ortaq işlək dildir. Məsələn olaraq Borçalı mahalında yaşayan azərbaycanlıların gürcülərlə, Respublikamızın Turaclı vadisində, Quba-Qusar və Xaçmaz bölgələrində milli azlıqlardan olanların öz dilləri ilə bərabər azərbaycanca, habelə, cənub bölgəsində yaşayan milli azlıqlarla azərbaycanlıların ünsiyyətini göstərmək olar. Milli azlıqlardan olanlar öz dilləriylə bərabər Azərbaycan türkcəsini də öyrənirlər, çünki sonralar onlar ölkəmizin ictimai-iqtisadi və mədəni həyatında birgə çalışdıqları vaxt bu dilə ehtiyac duyurlar. Almaniyada çalışan iki milyona yaxın türkün alman həyat tərzinə qoşulması üçün ilk dövrlər onları küçədə, məktəbdə, yolda, mağazada və işdə anlaşılmaq üçün sistemli qrammatika deyil, birgə oynayanda, çöldə-bayırda ünsiyyətə girə bilmələri üçün lazım olan qədər dilə yiyələnmələri vacibdir. Burada məqsəd ondan ibarətdir ki, başqa dildə danışan uşaqlar özlərini yad və sıxıntılı hiss etməsinlər, ilk başlanğıcdan yanlış mühakimələrə və azlığın sıxışdırılmasına heç bir şans qalmasın, moyoritetlə minoritet arasında fərq hiss olunmasın. Belə olduqda diskriminasiyaya yer qalmaz.

Davranış dili bilinçval tədris sistemi olmaqla xarici dildən daha çox ikinci dil kimi xarakterizə oluna bilər.

2. Fundamental dil. Xarici dil artıq 5-ci sinifdən başlayır və o əsaslı şəkildə öyrədildiyindən ona fundamental dil kimi yanaşmaq olar. Adətən

bu dil yüksək elmi-mədəni səviyyəyə çatmış xalqın dili olur ki, bu da bizim ölkədə ingilis, alman, fransız, rus, yapon və s. biridir. Məlumdur ki, respublikamızın çox bölgəsində davranış dilinə ehtiyac olmadığından fundamental dil bizim öyrəndiyimiz ilk xarici dil olur.

3. Ünsiyyət dili. Aydın ki, indiki şəraitdə bir xarici dil azdır, ona görə də ikinci ünsiyyət dilinə böyük ehtiyac və həvəs yaranır. Bu geniş yayılmış, yəni yuxarıda sadaladığımız dillərdən biri ola bilər. Burada məqsəd ondan ibarətdir ki, beynəlxalq aləmdə fəaliyyətdə olan hər bir həmyerlimiz istənilən şəraitdə ünsiyyətə girə bilsin.

4. Araşdırma dili. Nəhayət, göstərilən dillərdən savayı bir dil də öyrənilməlidir ki, bu da dünya xalqlarının mədəniyyətinə və irsinə yiyələnmək, yaxın və uzaq qonşuların tarixi inkişaf prosesilə yaxından tanış olmaq üçün istifadə olunan dildir. Bu, keçmişin dərin qatlarında və çağdaş dövrümüzün dünya üzündə səpələnib qalmış dəyərlərini araşdırmaq, öyrənmək və açmaq üçün istifadə olunan bir dildir. Ona görə də buna açma və ya araşdırma dili deyilir. Məsələyə zaman və məkan baxımından yanaşdıqda daha maraqlı şeylər ortaya çıxır. Zaman baxımından bu qədim türk, yunan, çin və latın dilləri, məkan baxımından isə yapon, hindu, malayziya və digər dünya dilləri ola bilər. Açma və ya araşdırma dilini universitetlərin yuxarı kurslarında müəyyənləşdirmək olar.

Beləliklə, müstəqil respublikamızda xarici dil konsepsiyası geniş və əhatəli, xalqımızın gələcək inkişaf meyllərinə güclü təkan verməyə qadir bir sənəd olmalıdır. Yalnız belə bir sənəd qəbul edildikdən sonra onun reallaşmasından danışmaq olar.

SUMMARY

The aim of this research is to discuss some theoretical and practical problems of the foreign languages teaching under conditions of independence of our republic. In this connection it is necessary to revise the teaching plan and to prepare a new conception of the foreign languages teaching in our republic. It will be put forward four different types of foreign languages:

- a) behaviour language (in early age and for ethnic minority)
- b) fundamental language (the second language)
- c) communicative language (the third language for communicative purpose)
- d) researching language (scientific technical and cultural purpose)

Each of the mentioned above types is undergroundly researched on a number of factors.

DANIŞIQDA ƏDƏBİ DİL NORMASI HAQQINDA¹

Fahrettin Yadigar, 1943 yılı Mayıs ayında Azərbaycan'ın Kürdemir ilçesinin Yenikent köyünde doğdu. 1971 yılında Petersburg'da doktorasını savundu. 1974 yılında doçent unvanı aldı. 70'li yıllardan beri Azərbaycan Yabancı Diller Üniversitesi'nde bölüm başkanlığı, dekanlık, rektörlük görevlerinde çalıştı. Şu anda aynı üniversitede Alman Dilinin Fonetigi, Grameri ve Tarihi Bölümü'nde bölüm başkanı olarak görev yapmaktadır. 1977-78 yılları arasında Berlin'deki Gumbolt Üniversitesi'nde, "Çağdaş Alman Dilinde Ünlü Fonemlərin Varyatifiği" konusundaki profesörlük tezini tamamlayarak Petersburg'ta savundu ve Germanistik alanında Azərbaycan'daki ilk filoloji bilimleri doktoru oldu. 1983 yılından beri profesördür. 25 kadar bilim adamı yetiştirmiştir. 6 kitabı ve 50'nin üzerinde makalesi vardır. Eserleri dünyanın tanınmış bilim dergilerinde yayımlanmaktadır. Prof. Dr. Fahrettin Yadigar'ın çok sayıda Türkoloji çalışması da olmuştur. Özellikle Azərbaycan'da Latin alfabesine geçişte çok büyük katkısı vardır. Bundan başka, edebi dilde ortaya çıkan birçok çağdaş süreçler; norm, varyant, normlaşmanın yanı sıra, dili yozlaştıran yabancı kelimeler, deyim ve ifade tarzları da Prof. Dr. Fahrettin Yadigar'ın bir araştırmacı gazeteci gibi yüksek teorik düzeyde ele aldığı ana dili sorunlarıdır.

Prof. Dr. Fahrettin Yadigar'ın 1997 yılında, "Dilimiz, Qeyrətimiz, Qayğılarımız" isimli bir kitabı yayımlanmıştır.² Kitapta, dil ve vatan sevgisi, dilimiz ve dilliliğimiz gibi meseleler ile birlikte yabancı dilin kulanımıyla ortaya çıkan çeşitli yozlaşmalar da ele alınmıştır.

Bilindiği gibi, XX. yüzyılın kavşağında, bir bilgi çağı olarak bütünleşen dünyamızda çağdaş Türk yazı dilleri daha geniş bir kullanım seviyesine girmektedir. Düşüncemize göre, böyle bir dönemde çağdaş Türk yazı dillerinin başlıca problemleri olarak aşağıdakiler söz konusu olabilir: Edebi dilin yazılı ve sözlü kollarının etkileşimi ve hem geçmişe, hem günümüze, hem de geleceğe göre belirlenen genel bir dil kültürü anlayışı; gerek yazılı dilde, gerekse konuşma dilinde norm, varyant ve normlaşma meseleleri; yabancı dillerden kelime alımı ve bu kelimelerin kodifikasyonu (yabancı sözcüklerin ana dilin ses uyumu, morfem ve söz dizimine uydurulması) vs. Günümüzde çağdaş Türkiye Türkçesinde de dile giren alıntı kelimelerin kodifikasyonu ve karşılıklarının bulunması, gelenek-

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: „Türk lehceleri ve edebiyatı dergisi.“ Ankara, 1997, 16. S. 13-17.

² Fəxrəddin Yadigar. Dilimiz, Qeyrətimiz, Qayğılarımız. "Maarif" Nəşriyyatı, Bakı, 1997, 175 s.

sel imle, teleffuz ve gramer yanlışlıklarının yanı sıra edebi dilde norm, varyant, normlaşma gibi meseleler de artık ele alınmaktadır.¹ İşte, edebi dilin hem yazılı, hem de sözlü ifadesinde dil normlarının genel dil bilimindeki bilinçle belirlenmesi bakımından Prof. Dr. Fahrettin Yedigâr'ın söz konusu kitabındaki "Danışıda Edebi Dil Norması Haqqında" isimli makalesinin aynen yayımlanmasının faydalı olacağını düşünüyoruz.

Son vaxtlar Azərbaycan dilinin ədəbi tələffüz norması haqqında çox danışılır. Əsas məsələ bundadır ki, hazırkı biliklərimiz səviyyəsindən çıxış etsək, normanı necə müəyyən edə bilərdik? Ümumiyyətlə, ədəbi tələffüz norması dedikdə nə başa düşülür?

Cəmiyyətdə insanların çoxşaxəli fəaliyyətini nizamlayan qayda-qanunlar mövcuddur ki, bunlara əməl olunması vacib sayılır. Adamlar ictimai yerlərdə öz hərəkətlərinə göz qoyurlar, əxlaq qaydalarına əməl edirlər. Ailədə, məişətdə, işdə, ictimai yerlərdə öz hərəkətlərində hamı mədəni olmağa, qəbul olunmuş etiketlərə əməl etməyə çalışır. Məlumdur ki, qəbul olunmuş davranış qaydalarından sapmalar və yayımlar o dəqiqə ətrafdakıların diqqətini cəlb edir, narazılıq dolu söhbətlərin mövzusunə çevrilir. Fərz edək ki, birisi çox eybəcər dəbdə geyinib mərasimə gəlib, digəri konsertə və ya teatra sərxoş vəziyyətdə gəlib. Aydın ki, hər iki halda həmin adam diqqəti cəlb edir, hamının istehzasına, acı gülüşünə səbəb olur. Təsəvvür edək ki, iclasda çıxış edənlərdən biri kəkələyir və ya fizioloji çatışmazlıq kimi pəltəkliyi olmasa da tez-tez çaxır, sözlərin qol-qanadını qıra-qıra danışır. Aydın ki, bu cür nitq adamların diqqətini çəkəcək, istər-istəməz narazılığa səbəb olacaq, həmin nəticəni hamı tənbeh edəcək, bu vəziyyətdə onun çıxışa yazılmasından heç kəs razı qalmayacaq. Eyni sözləri biz aksent səhvləri ilə dolu olan çıxışlar haqqında da deyirik. Hiddətlənirik ki, siyasi və ictimai fəallığımızın artdığı bir vaxtda xalqın içindən gələn bütün ağırları dərinləndən duyan və sözlə onları geniş xalq kütlələrinə çatdırmağa qabil olan nəticələrimiz yoxdur. Bütün bu hallarda biz ümumi şəkildə danışığında mənsub olduğu dilin normalarına riayət etməyən adamları nəzərdə tuturuq. Buradan belə nəticə hasil olur ki, bir xalqın dili həm yazı, həm də danışq baxımından müəyyən qayda-qanun çərçivəsində fəaliyyət göstərir ki, bu qayda-qanunlar yüzilliklər, minilliklər boyu xalqın özü tərəfindən cilalanaraq nəsil-dən-nəsilə ötürülən, hamı üçün zəruri sayılan, eyni zamanda geniş ictimai məna kəsb edən ölçülər və meyarlar məcmusudur. Xalqın geniş ziyalı qrupları bütün dil fəaliyyətində (mətbuatda, kitab nəşrində, radio və televiziya verilişlərində, mühazirə və seminarlarda, iclas və yığıncaqlarda) bu qanunlara ciddi əməl edirlər. Məktəbli imla və inşa yazılarında

¹Mehman Musaoğlu, "Yazı Dilinde Norm, Varyant, Normlaşma ve Dil Bilimi Çalışmaları II", Türk Dili Dergisi, sayı 544, 1997, s. 69-275.

normadan artıq səhvlərə yol verdikdə, onun qiyməti aşağı salınır. Yazısında çoxlu səhvi olan müəllifə nəşriyyat və redaksiyalarda tövsiyə olunur ki, o, yazısını geri götürsün, üstündə işləsin, təzədən makinadan çıxardıb redaksiyaya təqdim etsin. Misalların sayını istənilən qədər artırmaq olar.

Məlumdur ki, danışığ dilində belə bir süzgəc mövcud deyildir. Bu o deməkdir ki, danışığın qəbul olunmuş dil norması çərçivəsində olmasına ciddi nəzarət edən bir qanun yoxdur. Dilin orfoepiya qaydalarını heç bir ölkədə ali hakimiyyət orqanı təsdiq etmir, onu qanun şəklində qəbul etmir. Lakin bu o demək deyildir ki, kim necə gəlmiş danışır. Danışıqda hərc-mərclik hökm sürmür, hər kəs öz danışığında bir ölçünü, bir əndazəni gözləyir. Özü də əksər hallarda da adamlar buna kortəbii nail olurlar. Uşaq yaşlarından öz ətrafında olan böyükklərin və valideynlərinin danışığına qulaq asır, onlar kimi danışır, nəticədə uşaqlarda öz regionlarına müvafiq üslub formalaşır, beləliklə, onlar başqalarının danışığı tərzini əks etdirirlər. Məsələn, qarabağlılar "gələjəm, ma:əlidir ki", qərb rayonlarında "aleram, gələrəm", şəkiliilər "ce:rux, ye:rux", şirvanlılar "iku:nz, gedey-sən, gələysən", qubalılar "aladı, gələtdi" və s. kimi tələffüz edirlər. Qeyd edim ki, deyiləndəki bu cəhətlər hər bir dialekt daxilində adi tələffüz xüsusiyyətləri kimi qəbul olunur və müvafiq dialekt daşıyıcılarının qulağını qıcıqlandırmır. Lakin bu dialekt və ərazi fərqlərinin fəvqündə duran bir deyiliş forması da var ki, bu da ədəbi dilin danışığı normasını təşkil edir. Hazırda alimlər dillərin şifahi formasının mövcudluğunu üçbucağa bənzədirlər. Onun oturacağı ümumxalq danışığı dili, ortasını geniş ünsiyyət dili, zirvəsini isə ədəbi danışığı dili kimi müəyyənləşdirirlər. Aydın məsələdir ki, belə olduqda sırf ədəbi danışığı normasına riayət edənlər bütövlükdə xalqın azlıq təşkil edən hissəsidir. Buraya əsasən ziyalılar - müəllimlər, həkimlər, jurnalistlər, yazıçılar, şairlər, radio və televiziyanın yaradıcı işçiləri, aktyorlar, mətbuat və nəşriyyat işçiləri, tələbələr və s. daxildir. Qeyd edək ki, burada söhbət ana dilində danışanlardan gedir. Bununla yanaşı qeyd edilməlidir ki, bu gün elə ziyalılar var ki, onların danışığı ana dilinin tələffüz normasına qəti uyğun gəlmir, onlar öz danışılarında dialektizmlərdən, əcnəbilikdən xilas ola bilmirlər. Uzun müddət şəhər mühitində yaşayıb yaratmalarına baxmayaraq, belələri yenə də "kafə'dra, İngiltərə, paltük, fəyal, xəlv, fəyaliyyət" və s. tələffüz edirlər. Digər tərəfdən, elələri də var ki, başqa dilin təsirinə uyararaq "al'bom, al'manax, rol'ları" və s. kimi tələffüzü üstün tutur, onlara irad tutanda, etiraz edib deyirlər ki, başqa cür demək düzgün olmazdı. Bu sözlərdə samitin yumşaq tələffüzü, eynilə yuxarıda verilmiş sözlərin bəzisində vurğunun yerinin dəyişdirilməsi müasir Azərbaycan ədəbi tələffüz normasından yayınmaq deməkdir.

Əksər hallarda başqa dillərin təsiri altına düşənlər o dilin qaydala-

rını kor-koranə dilimizə gətirməklə onun şirinliyini və ahəngdarlığını kobud şəkildə pozmuş olurlar: dputat, tleviziya, smetana, Frdovsi, Vagif, Pşa Pşayeviç, qəbul, lyabüt və s. deyənlər əcnəbi deyiliş üslubunu zorla bizə qəbul etdirmək istəyənlərdir. Deyilənlər elə təsəvvür yaratmasın ki, bu əcnəbilik özünü təkcə fonetik səviyyədə göstərir. Bu gün tez-tez rast gəldiyimiz "quş öti", "zədə alıb" və s. kimi ifadələr əcnəbiliyin dilimizə təsirinin bariz nümunələridir. Xalq "toyuq öti", "zədələnilib" deyir.

Qeyd etdiyim kimi, norma dilin bütün laylarında müşahidə olunur. Təəssüf ki, şifahi dilin rəvanlığından söhbət gedəndə çox vaxt tələffüz normasından danışılır. Halbuki məsələ bir qədər mürəkkəbdir. Öncə ona görə ki, yazı ilə şifahi danışmaq arasında çoxlu uyğunsuzluq nəzərə çarpır. Yazı mühafizəkardır, danışmaq isə çevik və canlıdır, həm də yeniliyə qarşı həssasdır və onu tez götürür. Bu gün "dostluq, narlar, gülümsündü, papaq, çomaq, sonra" yazılsa da, deyilişdə bunlar "dossuq, narrar, gülümsündi, papax, çomax, sora" kimi səslənir.

Son dövrlərə qədər dilin şifahi qolunun bütün xüsusiyyətlərini öyrənən elmi orfoepiya kimi müəyyənləşdirirdilər. Bu elə həmin sözün etimologiyasından irəli gəlir. "Ortos" düzgün, dürüst, "epos" isə danışmaq, nitq deməkdir. Bu yunan dilində belədir. Elə bu səbəbdəndir ki, funksional dilçiliyə qədərki elmdə dilin fonetik qurumu (fonemlər, onların birləşmə qaydaları, akustik və artikulyator xüsusiyyətləri) açıqlanır, heca növləri və tipləri müəyyən edilib, vurğu prosodiya və intonasiya əlamətləri sadalanırdı. Sonra da orfoepiya məsələləri, yəni onların işlənmə xüsusiyyətləri qayda şəklində izah olunurdu. Açıqını deməliyik ki, belə sxematiklik dilçilik elminin bugünkü səviyyəsini göstərə bilmir. Məsələ burasındadır ki, son illərin ciddi elmi axtarışları orfoepiyani daha konkret mənada götürməyə imkan verir. Elə ona görədir ki, tələffüz üslublarının qayəsində müvafiq olaraq orfoepiyani dilin fonem sistemini və hər bir sözün fonem tərkibini araşdıran, müəyyənləşdirən bir elm sahəsi kimi götürmək daha məqsədəuyğundur. Sözdə, söyləmə və dönümlərdə, habelə bütövlükdə danışmada bu və ya digər fonoloji vahidin (fonemlərin, vurğunun, prosodiya və intonasiyanın və s.) işlənmə xüsusiyyətlərini öyrənən sahəni orfofoniyanın ixtiyarına vermək çox düzgün olardı. Yəni ənənəvi şəkildə qəbul olunmuş bir elm sahəsi əvəzinə iki, özü də bir-birilə sıx bağlı, eyni zamanda bir-birindən kifayət qədər fərqlənən elm sahəsi yaranmış olur. Orfofoniya orfoepiyadan fərqli olaraq bu və ya digər seqmentin, vurğu və intonasiyanın əlamətlərinin konkret işlənmə xüsusiyyətlərini araşdıraraq şərh edir. Misallara müraciət edək: "Külək, kürək" sözlərində dilimizin dörd fonemi, onlardan /k/ isə iki dəfə təkrar olunur. Ancaq bu sözlərdə birinci yerdə gələn dilortası kipləşən-partlayışlı samitin dodaqlanan, həmin samitin isə sonda novlu dilortası samiti kimi tələffüz olunması Azərbaycan dilinin danışmaq normasının tə-

ləbidir. Əgər bir azərbaycanlı "Kür, külək, kürək" sözlərində başlanğıcda gələn samiti dodaqların iştirakı olmadan deyərsə, yəni "k:ürək, k:ür, k:ülək", onda bu dilimizə yad tələffüz kimi qəbul olunacaq, necə ki, bu gün bəzi diktörlər və aktyorlar "röl" sözünü yumşaq (l') ilə deyirlər. Beləliklə, müasir Azərbaycan dilində samitlərin fonemlər sistemində dodaqlanan və dodaqlanmayan əlamətlərə görə qarşılaşma yaratmamasına baxmayaraq, danışq normasına görə dil samitlərini dodaq saitləri qarşısında dodaqlanan çalarlıqla deyilməsi vacibdir. Elə həmin normanın tələbinə görə saitlər vurğusuz mövqedə güclü reduksiyaya məruz qalır, ya da vurğudan əvvəlki hecəyə, xüsusilə ərəb və fars sözlərində uzun tələffüz olunur. Misallara müraciət edək:

işləyir işliyir a:di a:li

başlayır başlıyır mə:rif sa:bit və s.

Əslində bu dediklərimizdən belə çıxır ki, biz indiyə kimi fonem-səs qarşılaşmasından çıxış etmişik. Elə bu qarşılaşmanın özündə nə isə bir çatışmazlıq var. Həqiqətən də biz indiyə qədər fonetik qurumun şərhində ikili qarşılaşmanı əsas götürmüşük. Lakin əslində biz dolğun və obyektiv şərh üçün üçlü qarşılaşmanı əsas götürməliyik, yəni üç dil səviyyəsindən çıxış etməliyik. Birincisi, bir-birinə qarşı duran fonemlər mövcuddur ki, onlar bir sistem əmələ gətirir. Bu sistemdə hər fonemin öz yeri, öz əlamətləri var. Məsələn, dilimizdə / s / fonemi novludur, diləndir, kardır, çünki ona qarşı duran dodaq və dilaixası samitləri var, həm də onun novlu və kar olduğunu / t / və / z / samitləri təsdiq edir. Lakin bu samitin dodaqlanan olması sistemdən məlum olmur, bu samitə qarşı duran / s / yoxdur. Ancaq danışqda bu samitin dodaqlanan olması adi haldır. Elə ki, dodaq saitlərindən / o, u, ö, ü / əvvəl işləndi, o zaman həmin samit dodaqlanan keyfiyyəti əldə edir. Deməli, sistemdə mövcud olmayan əlamət norma səviyyəsində üzə çıxır. Bunun da nəticəsidir ki, norma səviyyəsində əlamətlər sistem səviyyəsindəkindən daha çox olur. Nəhayət, hər hansı bir fonemin konkret nitq və mətn daxilində çıxış etməsi, bu da real təzahür səviyyəsidir. Beləliklə, sistem, norma və təzahür səviyyələrini aşağıdakı sxemdə daha aydın göstərmək olar.

Fonem	variant	səslər
/ s /	[s ₀]	"s ₁ ", "s ₂ ", "s ₃ "
	[s']	"s _n "
	[s]	təzahür
	norma	

sistem norma təzahür

Səqment və superseqment vahidləri öyrənən elmə fonologiya, onların söz, söyləm, dönüm və cümlə səviyyəsində araşdırılması ilə məşğul olan elmə orfoepiya, konkret işlənmə xüsusiyyətlərini və variantlarını öyrənən elmə isə orfofoniya adı vermək məqsəduyğundur.

O ki qaldı adı çəkilən vahidlərin konkret nitq şəraitində, bu və ya digər fərdin ifasında iştirakına, onların hamısı artikulyator, akustik və perseptiv fonetikanın tədqiqat sahələrini təşkil edir.

Deyilənləri ümumiləşdirsək, bu qənaətə gəlirik ki, normanı ayrıca öyrənməklə biz yeni biliklər səviyyəsinə yiyələnmiş oluruq ki, bu da ənənəvi dilçilikdə qəti nəzərə alınmırdı. Bu yolla biz birinci və sonra öyrəndiyimiz dillərə yiyələnərkə çox mühüm addımlar atmış oluruq.

К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ СИНТАГМЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ¹

Многочисленные исследования и наблюдения ученых различных направлений и школ дали свои положительные результаты в изучении и выяснении природы и происхождения языка, механизма его функционирования на различных этапах развития человеческого общества.

Стратификация структуры языка и выявление ее уровней являются одним из важных открытий в языкознании. В дальнейшем усилие ученых было направлено на установление системы единиц этих уровней. Этому в значительной степени способствовало разграничение языка и речи. В соответствие с этим послесосюрское языкознание выделяет единицы с этическим свойством и единицы с этическим свойством. К первым относятся фонема, морфема, лексема, синтаксема и т. д., а ко второму - их реализация в конкретных речевых актах. В настоящей работе речь пойдет о синтагматическом членении высказывания и терминах его обозначения.

Известно, что синтаксис изучает различные коммуникативные типы предложений, их структуры, функции и принципы их интонационного членения на смысловые единицы - синтагмы и синтаксические конструкции.

Впервые термин "синтагма" встречается у Ф. де Соссюра, который вкладывает в этот термин следующее толкование: "...слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать синтагмами" (1).

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: „Dil və ədəbiyyat“ jurnalı. Bakı, 1999, 4 (22). (С.Гөйсө-
оғлу, D.Şabanqızı ilə birlikdə), s. 5-10.

Далее рассматривая синтагматическое отношение, Соссюр считает, что оно связывает целое с его частями. По мнению автора, типичным проявлением синтагмы является предложение, а оно принадлежит к речи, а не к языку. Из этого напрашивается вывод, что синтагма относится к области речи, однако он категорично утверждает, что синтагма относится к языку¹, а не к речи, к языку надо отнести и все типы синтагм, которые построены по определенным правилам (3).

Чуть ниже он признает, что в области синтагм нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы.

Из сказанного выше можно заключить, что сам автор истолковывает понимание термина синтагмы достаточно противоречиво, считая ее то фактом речи, то фактом языка. Кроме того, вкладываемый в этот термин смысл далек от его современного понимания.

В русском языкознании термин синтагмы встречается впервые у И.А.Бодуэна де Куртенэ. В отличие от Ф. де Соссюра И.А.Бодуэн де Куртенэ понимает синтагму не как научное измышление, а как живую психологическую единицу, не застывшую в однообразии, а только постоянно видоизменяющуюся, все-таки живую, реальную единицу. Это понимание автора не лишено психологизма. „Предложение, - пишет он-, как целое распадается на синтагмы или слова как синтаксические единицы, синтаксические элементы. Отделение синтагм в писанно-зрительном языке достигается на письме посредством пауз или пробелов между писанными словами. Сюда относятся тоже „тире“ или отделительные черточки (-), употребляемые в сложениях слов“ (4). Как видно, определение Бодуэна отличается от современного толкования синтагмы. Правда, он также как и Соссюр связывает ее с языком. Свое толкование „синтагмы“ Бодуэн показывает на примере /Что написана пером, того не вырубишь топором//. Необходимо отметить, что автор синонимично употребляет термины ”фраза“ и ”предложение“. По мнению автора, эту фразу мы разлагаем на следующие значащие слова или дальше неделимые синтаксические единицы (синтагмы): /Что написано пером/ - первая, /того не вырубишь топором// - вторая синтагма. Конечно, членение синтагмы он доводит до самой низшей единицы- фонемы. Но, по его мнению,

---

¹ Многие ученые вслед за Е.Косериу не соглашаются с дихотомическим подходом, мотивируя это тем, что при таком подходе уровень нормы остается за пределами описания. Поэтому они считают правомерным трихотомический подход, при котором выделяют уровень системы, уровень нормы и уровень манифестации (2).

„синтагмы, знаменательные слова, со значением и с морфологической делимостью, с синтаксической точки зрения не делимые единицы: а) постоянные выражения, неизменяемые сочетания нескольких слов, б) слова“ (5).

Известно что труды Бодуэна изобилуют многочисленными неологизмами. В дополнение он дает толкование своих терминов, в том числе и синтагмы. Бодуэн пишет: „Синтагма-слово как морфологический элемент более сложного морфологического целого, т. е. фразы или предложения“ (6).

Короче говоря, Бодуэн считает, что „элементы структуры языка“ наряду с другими единицами могут распадаться и на „синтаксические элементы или синтагмы как части предложения и на еще более крупные синтаксические единства“ (7). Бодуэн под синтагмой иногда понимает словосочетание, а иногда понимает ее как отдельный член предложения.

Сопоставление толкования синтагмы в концепции двух крупнейших лингвистов, которая разработана им независимо друг от друга, показывает, что хотя в корнях имеются некоторые точки соприкосновения, они вкладывают различные толкования в термин синтагмы.

Один из учеников Ф. де Соссюра французский лингвист Ш.Балли, как и многие представители французской школы, проблему синтагмы решает по своему: „Любая совокупность знаков, отвечающая формуле AZ, называется синтагмой, следовательно, синтагмой являются как предложение, так и любая большая или меньшая группа знаков, которую можно свести к форме предложения“ (8). Далее он пишет: „Во всех формах высказывания тема (A) и повод (Z), определяемое (t) и определяющее (t') находятся в отношении взаимозависимости, дополнительности взаимного обуславливания...

Этот род отношения обнаруживается во всех типах синтагм: не может быть члена, который она соединяет с определяемым“ (9). „Следовательно-, продолжает он-, всякая синтагма является продуктом грамматического отношения взаимозависимости, устанавливающегося между двумя лексическими знаками, которые принадлежат к двум дополняющим друг друга категориям. В этом смысле можно сказать коротко: всякая синтагма бинарна (стоит из двух элементов)“ (10).

Основной характерной чертой синтагмы любой формы Ш.Балли считает то, что она свободна, т. е. составляющие ее лексические знаки могут заменяться любым другим знаком той же катего-

рии, от чего синтагма грамматически нисколько не меняется.

Ш.Балли считает, что синтагма может составлять полное высказывание (предложение) или только часть этого высказывания. Но это различие приобретает разное значение в зависимости от того, будем ли мы подходить к нему с дискурсивной точки зрения, с точки зрения реализации речи или с мнемонической и ассоциативной точек зрения.

Из анализа концепции синтагмы Ш.Балли вытекает, что она основывается также на дихотомии языка и речи, но его понимание синтагмы довольно последовательно, на первый взгляд строго, в то же время не лишено противоречия, хотя французский лингвист вкладывает в нее большего смысла, чем свой учитель. Для него синтагмапонятие, очевидно, относительное, она может состоять из одного слова, а также из определяемого и определяющего.

Многие ученые полагают, что членение речи происходит благодаря интонационным средствам и в результате полученную от такого членения единицу можно называть то акцентной, то тонической, то экспираторной (ритмической или респираторной) группой, которое может включать в себя от 1-го до нескольких слогов (11). Из такого понимания механизма членения можно заключить, что оно основывается на фонетических и физиологических факторах. Однако единицу такого членения не называли синтагмой, но в принципе оно было ближе к ее современному пониманию.

П.Пасси разрабатывает свою концепцию членения речи, исходя из понятия дыхательной группы, которая по его мнению может соответствовать элементарной фразе. Кроме того он различает силовую группу, которая соответствует введенному позже М.Граммом понятию ритмической группы /12/.

М.Граммон считает, что основным средством членения является особый характер французского ударения, которое является неизменным признаком французской речи и которое расчленяет фразы на ритмические группы. Будучи минимальной единицей членения на фонетическом уровне, количество их во фразе равно числу ритмических ударений /13/.

Относительно длины ритмической группы и количества слогов в ней точки зрения ученых сильно расходятся.

Почти такое же толкование единиц членения речевого потока мы находим в так называемой дофонологической германистике.

Особо следует отметить в этой области заслуги крупнейшего лингвиста, академика Л.В.Щербы и его последователей. Но примечательным является одно обстоятельство: свое понимание термина

„синтагмы“ Л.В.Щерба изложил в главе „Синтаксическое членение речевого потока во французском языке“ в своей книге „Фонетика французского языка“ (1937), тогда как В.В.Виноградов изложил свою концепцию намного позже в своей статье „Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка“ (14).

Но прежде чем придти к своему определению синтагмы, Л.В.Щерба сравнивает природу ударений в русском и французском языках, где в первом звуковой поток распадается на слова, благодаря тому, что каждое слово выделяется словесным ударением, хотя и в русском языке имеется некоторое число безударных слов, но их немного и они имеют характер подвижных префиксов и суффиксов. Вот почему в русском языке говорится о словесном ударении (15).

Во французском языке ничего подобного мы не наблюдаем. Ударением снабжаются не слова, а группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое. При этом ударение ставится на последнем слоге последнего слова группы, если он не содержит в себе так называемого немого „е“. Все остальные слова группы никогда не имеют собственных ударений. Такие группы, названные Л.Рудэ, П.Пасси и М.Граммом динамическими, дыхательными, ритмическими соответственно, Л.В.Щерба заимствует у них последний термин, „ритмическую группу“, потому что во французском языке нет словесного ударения. Следовательно в отношении этого языка мы можем говорить либо о ритмическом ударении, либо о фразовом ударении (16).

Далее Щерба приводит некоторые правила определения минимума ритмической группы. В этих правилах красной нитью проходит мысль о том, что служебные слова со знаменительным вместе, готовые изречения, определяемые и определяющие, односложные определяющие, стоящие после определяемого, неодносложные определяющие, стоящие после определяемого, составляют самостоятельную ритмическую группу. В связи с этим Л.В.Щерба пишет: „Мы видим, таким образом“ что ритмическое членение французской речи, или иначе, расстановка ритмических ударений, тончайшим образом нюансирует смысл речи. Инстинктивное владение этим аппаратом может получиться либо бессознательно, благодаря жизни в соответственном окружении, либо путем длительного упражнения в тщательном анализе отрывков безукоризненной французской речи, слушаемой на граммофоне или фонографе“ (17).

Впрочем Щерба тут же отвергает вышесказанное и продолжает, что неодносложные определяющие слова, стоящие после определяемого, не составляют с ним одной ритмической группы, в боль-

шинстве случаев нарушает смысловое единство, для восстановления которого французский язык соединяет в одно целое ритмическую группу, которая в процессе речи-мысли выражает в сущности единое смысловое целое. Это достигается легким усилением последнего ритмического ударения и той или другой выразительной интонацией, объединяющей все это целое.

„Это фоническое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и целого ряда их, я называю синтагмой“ (18).

Щербовское определение синтагмы полностью отличается от ее соссюрковского и бодуэновского понимания, но где-то обближает его с Ш.Балли и другими французскими лингвистами, так как вопрос об определяемом и определяющем является краеугольным камнем в теории синтагмы Ш.Балли. Вместе с тем понятие синтагмы намного шире и, как нам кажется, более обоснованно. Потому что оно рассматривается в потока речи и с учетом интонации. Л.В.Щерба пишет: „Некоторые французские фонетики называют синтагму дыхательной группой (*groupe de souffle*). Желая подчеркнуть этим, что внутри подобной группы нельзя сделать паузы для вдоха. Надо, однако, иметь ввиду, что после синтагмы пауза и вдох возможны, но вовсе не обязательны. Поэтому, хотя термин ”*groupe de souffle*“ и не является неправильным, однако, он совершенно скрывает смысловую природу явления“ (19).

На этой же странице он пишет, что термин „синтагму“ он заимствовал у И.А.Бодуэна де Куртенэ с его разрешения, который употреблял его просто в смысле „слово“. Об употреблении этого термина Соссюром, Щерба тогда ничего еще не знал. Во всяком случае Соссюр употребляет этот термин в другом смысле.

По мнению Щербы, синтагма и ритмическая группа совпадают по своим функциям (выражать единое смысловое целое в процессе речи-мысли) и различаются лишь по форме, чем и объясняется вышеуказанное стремление в разговорной речи делать из одной синтагмы одну ритмическую группу. Но он тут же делает следующую оговорку:

„Можно констатировать и в отчетливой речи определенную склонность не ограничиваться объединением ритмических групп в синтагмы, а превращать их в единые ритмические группы в тех случаях, когда они выражают единое понятие, уже существующее в языке, а не единое смысловое целое, возникающее лишь в процессе речи-мысли, как это видно из целого ряда примеров“ (20).

Относительно соотношения синтагмы в русском языке и рит-

мической группы во французском он говорит, что французские синтагмы находят себе полную параллель в русских, которые тоже являются дыхательными группами в вышеуказанном смысле.

В то же время Щерба подчеркивает, что французские ритмические группы не имеют себе аналогов. „Синтагмы как в русском, так и во французском могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями и в конце концов образуют фразу-законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона“ (21).

В разделе „Синтаксическая фонетика“ Щерба употребляет термины „синтагма“ и „ритмическая группа“ синонимично.

Проблема синтагмы рассматривалась также В.В.Виноградовым. В своей фундаментальной работе „Понятие синтагмы в современном русском языке“ он дает глубокий анализ исследований крупнейших зарубежных, русских и советских ученых начиная от Бодуэна, Соссюра, Карцевского, Щербы кончая до Реформатского, Холодовича, Гвоздева, Зиндера и некоторых других ученых, но большое внимание уделяет работам академиков Л.В.Щербы, И.И.Мещанинова и Е.В. Кротевича (22).

После небольшого введения автор переходит к критическому обзору работ по проблеме синтагмы. Он отмечает, что у Бодуэна де Куртенэ синтагма противопоставляется лексеме, т. е. изолированному слову как системе соотносительных и внутренне связанных форм и значений в языке. Ф. де Соссюр называл синтагмами внутренне связанные ряды „последовательных единиц“ - компонентов, входящих в состав отдельных слов, словосочетаний, частей предложения – простого и сложного. Термин „синтагма“ становился универсальным понятием не только синтаксиса, но и морфологии, учения о словообразовании и даже семантики. Он категорически отвергает понятие „синтагмы“ в его соссюрском понимании.

По мнению В.В.Виноградова, теория синтагмы С.И.Карцевского построена на основе ее соссюрского понимания, хотя и более расширена.

Четыре основных вида синтагм в разных их комбинациях (определительные, дополнительные, обстоятельственные, предикативные), которые выделяет С.И.Карцевский, должны исчерпать все виды сочетания слов в строе предложений. Это - схематизм, доведенный до крайнего предела, заключает В.В.Виноградов.

Критикуя А.А.Реформатского, В.В.Виноградов считает, что его понимание синтагмы сближается к теориям Соссюра и Карцевского:

„С понятием синтагмы А.А.Реформатский готов почти целиком отождествить „коммуникацию в языке“ ...Простейшей коммуникативной (синтаксической) единицей является синтагма, которая состоит из двух членов: определяемого и определяющего. Следовательно, синтагма по природе своей основана на подчинении и все синтагматические относятся к подчинению“ (23).

Далее рассматривается синтагматическая концепция А.А.Холодовича, которого он так же подвергает резкой критике: „А.А.Холодович, так же как А.А.Реформатский, распространяет принципы синтагматического анализа на всю сферу подчинительных конструкций“ (24).

Потом автор переходит к анализу теории синтагмы Л.В.Щербы.

„Единственная теория синтагм, пишет он, - это теория, основы которой заложены акад. Л.В.Щербой“ (25). Заимствовав этот термин у И.А. Бодуэна, он вложил в него новое содержание.

В.В.Виноградов приводит цитаты из теории синтагм Щербы, которую мы рассмотрели выше и делает выводы о том, что синтагма - понятие не столько фонетическое, сколько синтаксическое и семантическое. В языке нет зафиксированных синтагм. Синтагмы являются творчеством, продуктом речевой деятельности человека.

Синтагма наполняется конкретным смысловым содержанием лишь в контексте речи. Смысл синтагмы зависит от смысла целого, так как строй и состав синтагм определяются лишь посредством семантического расчленения высказывания. Синтагма - компонент речи, ее простейшая смысловая синтаксическая единица, соотносительная с другими такими же единицами в составе той же речи.

Синтагма как основная семантико-синтаксическая единица речи меняет свой строй в зависимости от своеобразий данного стиля. Синтагма – категория активного и притом стилистического синтаксиса. Всякий литературный текст, по словам Л.В.Щербы, есть до некоторой степени загадка, которая всегда имеет разгадку, зависящую от степени понимания текста, от его истолкования.

Синтагматическое членение речи нельзя смешивать с традиционным делением предложения на „члены предложения“. Однако состав и строй синтагм, общие правила их образования, конечно, зависят от их связей и функций в предложении, от строя предложения и его членов, от принципов образования словосочетаний.

„Нельзя не признать, - пишет В.В.Виноградов, - что понятие синтагмы в работах Л.В.Щербы раскрыто недостаточно полно и не вполне определено. Оно не ограничено от понятия словосочетания.

Не выяснены все возможные виды отношений между синтагмой и предложением“ (26).

То, что другие ученики Щербы называют синтагмами, С.И. Бернштейн называет „звеньями“ или объединенными интонационно и по смыслу „минимальными группами слов“. Более крупных акцентно-интонационных единиц он называет „акцентными рядами“.

Далее В.В.Виноградов анализирует взгляды на синтагму акад. И.И.Мещанинова, считая, что его понимание синтагмы примыкает к теории Л.В.Щербы. „Для Мещанинова „синтагма“ и ритмическая группа – это прежде всего „фонетические объединения“, „фонетические приемы“, в которых получают выражение „синтаксические отношения, оттеняемые говорящим“ – вот: где он отступает от учения Л.В.Щербы о синтагме... Таким образом, И.И.Мещанинов, отмечая разные фонетические признаки синтагмы и опираясь при этом на Щербу, рассматривает синтагму лишь как один из возможных приемов синтаксического выделения слов или групп слов и расчленения предложения. К синтагме, по его словам, нередко прибегают для тончайших нюансов смыслового значения“ (27).

В.В.Виноградов видит сильное влияние идей акад. Щербы на концепцию Е.В.Кротевича. Е.В.Кротевич полагает, что в понятии синтагмы сочетаются три признака: фонетический, лексико-семантический и грамматический. Он предлагает различать главные и второстепенные синтагмы, делить их на несамостоятельные и полусамостоятельные.

По мнению В.В.Виноградова, синтагматическое членение речи наслаивается на понимание синтаксических отношений между членами предложения, основано на нем и нередко семантически восполняет и преобразует его.

Из всего критического обзора современных лингвистических работ, посвященных исследованию синтагмы, можно сделать один существенный вывод, отмечает В.В.Виноградов, что в нашей отечественной науке о языке укрепляется новое семантико-синтаксическое понятие - понятие синтагмы. Оно не навязано языку искусственно и насильственно, - оно соответствует реальным явлениям речи. Синтагма отражает „кусочек действительности“, представляя связной элемент речевого целевого. Это понятие помогает глубже и тоньше вникнуть в синтаксический строй предложения и в его семантику. В синтагматическом членении выражаются тонкие смысловые и стилистические оттенки сообщения. Поэтому выделение синтагм или, вернее, членение на синтагмы всегда связано с точным и полным осмыслением целого сообщения или целевого высказывания. Если

взять одно какое-нибудь предложение, вырванное из контекста, то по отношению к нему можно лишь экспериментально, так сказать, ставить вопрос: как оно может быть расчленено на синтагмы в зависимости от своей семантики, от своего социального назначения и своего осмысления; какие значения и оттенки значений в этом предложении связываются с тем или иным возможным его синтагматическим расчленением (28).

Понятие синтагмы не устраняет понятие словосочетания. Напротив, оно предполагает его.

Таким образом, синтагма ни по объему, ни по составу, и ни по функциональному употреблению в речи не совпадает со словосочетанием.

„Кроме того, - подводит итоги В.В.Виноградов, - понятие синтагмы помогает освободиться от многих предрассудков, проникших в изучение словосочетаний“ (29).

Итак, синтезировав все вышесказанное В.В.Виноградовым, можно сказать, что в своей работе он критикует всех исследователей, кроме Л.В.Щербы. Из анализа его работы вытекает, что понятие синтагмы, разработанное акад. Л.В.Щербой, представляется более обоснованным тезисом и соответствующим сути данного лингвистического явления. Главным тезисом его концепции синтагмы является то, что эту единицу членения он рассматривает как нечто непостоянное /нестабильное/, зависящее от контекста и осмысления. По его мнению, членение на синтагмы помогает вникнуть в строй предложения и в его семантику. Вместе с тем не все высказанные им положения приемлемы. Синтагматическая концепция В.В.Виноградова не очень четко выявляет факторы и / или механизмы, обуславливающие синтагматическое членение, а также не ясно, к какому уровню - языку или речи синтагма относится. Но акад. В.В.Виноградов расширил и дополнил теорию синтагмы Л.В.Щербы новым содержанием.

Один из основателей Московской фонологической школы А.А.Реформатский в своей последней книге „Фонологические этюды“ вновь, спустя почти 20 лет возвращается к толкованию термина „синтагма“. Он категорически отвергает щербовское понимание синтагмы, упомянув, что М.Граммон и Л.В.Щерба запутали дело, и что термин „синтагма“ как термин интонационный - не годится. Он критикует Щербу за то, что при разработке своей теории не обращается к таким ученым как Ф. де Соссюр, Ш.Балли, С.И.Карцевский, которые определяют „синтагму как явление грамматическое. Он пишет: „...является ли синтагма Щербы единицей: а) мысли, б) речи или в)

языка? А ведь эти три области или сферы даже не уровни одной структуры, а разные структуры!“ (29).

Далее А.А.Реформатский говорит о том, что „иным способом использованы воззрения Л.В.Щербы у В.В.Виноградова в вышеназванной статье, где-то он соглашается с ним, но задает вопрос: ”Но все-таки надо прежде всего решить: единицей какого же языкового яруса является синтагма?“ (30), и приводит выводы, сделанные В.В.Виноградовым. „Это высказывание В.В.Виноградова не столько вносит ясность, сколько запутывает дело... Но все-таки остается „ясным“, что „синтагма“ В.В.Виноградова: 1) не фонетическая единица, 2) не соединение двух членов известным отношением... 3) не единица языка (хотя и зависимая от единиц и отношений языка), 4) не то, о чем писал Л.В.Щерба, 5) искать ее следует не в фонетике, не в грамматике, а в стилистике, т. е. скорее всего лингвистике с ней делать нечего, во всяком случае, лингвистике языка“ (30).

А.А.Реформатский солидаризуется с пониманием термина синтагмы С.И.Карцевского: „...комбинации определяемого и определяющего называются синтагмой“ и Б.В.Томашевского: „...синтагмой я называю единицу речи, выделяемую при помощи приемов, родственных школьно-грамматическому „разбору“ предложения...“ (31).

Автор заключает: „Упорство, с которым некоторые американские структуралисты держатся анализа цепи, чтобы избежать в ментализме, нам не представляется обоснованным“ (32).

Из приведенного выше анализа видно, что спустя почти полувековой срок А.А.Реформатский остался верным своей прежней концепции.

Л.Р.Зиндер, развивая идею своего учителя о теории синтагматической основы членения потока речи, пишет: „Учение Щербы о синтагме, вскрывающее семантико-синтаксические основы членения потока речи, лишило всякой почвы понятие ”дыхательная группа“. К сожалению, самый термин „дыхательная группа“ Щерба допускал, хотя и указывал, “что он совершенно скрывает смысловую природу явления.

Синтагма может быть представлена группой слов, связанных между собой по смыслу“ (33).

Всякое синтагматическое членение связано со смыслом, вкладываемым в высказывание говорящим. Связь эта не зависит от произвола говорящего.

Односинтагменное предложение или синтагма, если они не однословные, делятся в речи на наименьшие самостоятельные смысловые единицы языка - слова“ (там же).

Близкой точки зрения придерживаются многие ученики и последователи Л.В.Щербы (М.И.Матусевич, Т.М.Николоева, Е.А.Брызгунова, Л.Л.Буланин, М.В.Гордина, Ф.Я.Вейсалов, Н.Д.Светозарова и мн. другие) (34).

Из всего рассмотренного выше материала можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на многообразия и сложности проблемы понимания термина „синтагмы“ и вкладываемого в него смысла, членение речи и порождаемого в результате данного процесса-текста на какие-то смысловые единицы не вызывает никаких сомнений, так как оно является лингвистической реальностью.

2. Членение на синтагмы осуществляется благодаря лингвистическим факторам, так как именно смысловая сторона является одной из ведущих особенностей языкового общения.

3. Объем или длина синтагмы варьирует в зависимости от вкладываемого в нее смысла, контекста, намерения говорящего и ситуации, а также от темпа или скорости речи. Нельзя пренебрегать и стилем речи. 4. Синтагма как лингвистическое явление относится как к языку, так и к речи, т. к. в речи не может быть то, чего нет в языке и наоборот. Поэтому „синтагма“ является единицей членения фраз, сверхфразовых единиц, высказываний - на уровне речи, также предложения и текста - на уровне языка.

5. Решающими факторами при членении на синтагмы являются лексические наполнения, интонация и пауза, т. к. внутри синтагмы паузы недопустимы, этим же и выражается ее интонационно-смысловая целостность, в рамке одной синтагмы ее интонация линейно не расчленима.

6. Длина синтагмы программируется в зависимости от смысловых, синтаксических и ассоциативных отношений: при этом краеугольным камнем членения речи или фразы можно считать высказанными многими учеными определяемое и определяющее слово, которое чаще всего составляют основные типы синтагм.

7. В качестве синтагм могут выступать однословная фраза, субъект, предикат, один из основных членов предложения, словосочетания, фразеологические единицы, некоторые крылатые выражения, части многосложных синтаксических конструкций. Может быть именно поэтому Л.Р.Щерба и допускал термин дыхательную группу. П.Пасси считал, что дыхательные группы включают в себя от 12 до 24 слогов.

8. Термины „минимальные“ и „максимальные“, а также „одновершинные“ и „двувершинные“ должны быть отвергнуты, потому

что в одном контексте и (или в данной конкретной ситуации) выступает один из вариантов названных синтагм, относительно „одно-“ и „двувершинности“ можно сказать, что различие в синтагматическом членении одной и той же фразы связано с большим числом различного рода ударений, а также со многими другими факторами, служащими ритмико-интонационному оформлению различного рода синтагм.

9. Из всего многообразия терминов, которые служат для обозначения единиц членения речи таких как „дыхательная группа“, „речевое звено“, „речевой такт“, „ритмическая группа“, „силовая группа“, „тоническая группа“, „эспираторная группа“ и т. д. вытекает, что проблема сама по себе является одной из сложных, и что исследователи в своих подходах к решению данной проблемы ставят какие-то из ее признаков на первое место для выявления единиц членения высказывания, но в принципе все они служат одной цели, а именно выявлению и определению синтагмы. Термин „синтагма“ на наш взгляд, все же больше других раскрывает сути данного лингвистического явления.

10. Порожденная линейно человеческая речь, воспринимается в том же направлении по отдельным блокам, частям, словам, синтагмам, фразам и высказываниям, в письме же членение достигается пробелами между словами, различного рода знаками пунктуации. Некоторые лексические единицы не имеют своего собственного значения вне рассматриваемой речевой единицы. Но в основном многие части речи в некоторых ситуациях могут в отдельности составлять самостоятельную синтагму. Это прежде всего имена существительные, глаголы, числительные, некоторые наречия и прилагательные. В таких случаях границы синтагм совпадают с границами частей речи.

Литература:

1. Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 155-162.
2. Ф.Я.Вейсалов. Вариативность гласных фонем современного немецкого языка (Экспериментальные данные и теоретические проблемы). АДД, Ленинград, 1980, с. 7-8.
3. Ф. де Соссюр. Там же, с. 156-157.
4. И.А.Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по языкознанию. М., 1963, т. 2, с.183, 222.
5. Там же. с. 256.
6. Там же. с. 291.
7. Там же. с. 300.
8. Ш.Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языкозна-

- ния. М., 1955, с. 115.
9. Там же.
  10. Там же. с.116.
  11. Ф.Я.Вейсалов. Завершающая интонация в современном немецком языке. АҚД, Л., 1970.
  12. М.Grammont. Traite de phonetique. Paris, 1971.
  13. Там же.
  14. В.В.Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. В кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950.
  15. Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. М., 1937.
  16. Там же.
  17. Л.В.Щерба. Указ. соч., с. 84-85.
  18. Там же.
  19. Там же.
  20. Л.В.Щерба. Указ. соч., с. 86.
  21. Там же.
  22. В.В.Виноградов. Указ. соч.
  23. В.В.Виноградов. Указ. соч., с. 193.
  24. Там же.
  25. В.В.Виноградов. Указ. соч., с. 204.
  26. В.В.Виноградов. Указ. соч., с. 212.
  27. В.В.Виноградов. Указ. соч., с. 222-223.
  28. В.В.Виноградов. Указ. соч., с. 229.
  29. А.А.Реформатский. Фонологические этюды. М., 1975, с. 18-23.
  30. Там же. С. 20, 25, 26.
  31. Там же. С. 27-28.
  32. А.А.Реформатский. Указ. соч., с. 27.
  33. Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. М.,1979, с. 247.
  34. Ф.Я.Вейсалов. Завершающая интонация в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1970; Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., „Просвящение“ 1976; Николаева Т.М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969; Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русской речи. М., 1963; Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970; Гордина М.В. Фонетика французского языка. Л., 1973; Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. М., 1982.

О НЕКОТОРЫХ ОСЦИЛЛОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СОНАНТОВ НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ¹

Одной из характерных особенностей сонантов является сходство их осциллограмм с осциллограммами гласных, выраженных наличием отчетливых колебаний с характерными амплитудами и обертонами. Азербайджанский /l/ имеет на осциллограммах периодические колебания во всех фонетических позициях - в ан-, ин- и ауслaute. Сопоставление осциллографических рисунков /l/ в словах /lat/ и /lal/ показывает, что в первом слове /l/ отличается в количественном и качественном отношении. Как по величине размаха колебаний, так и по характеру начальное /l/ отличается от конечного варианта реализаций данной фонемы. В анлауте /l/ характеризуется регулярными колебаниями, но по амплитуде намного уступает гласным. В соседстве с гласными переднего ряда в превокальной позиции осциллографические рисунки /l/ отличаются от реализации этой фонемы в других позициях, как, например, в слове /lül/. Здесь /l/ имеет очень мелкие кривые амплитуды.

После /a/, перед глухим согласным /t/ в слове /a l t/ амплитуда звучания сонанта почти совпадает с гласным. А в слове /a l p/ степень сонорности /l/ является самой высокой. Здесь, по существу, осциллографический рисунок /l/ мало чем отличается от осциллографического рисунка предшествующего гласного. В слове /i l k/ конечная часть согласного /l/ оглушается в определенной степени под влиянием глухого согласного /k/, и в фазе рекурсии он имеет такие же осциллографические кривые, как у оглушенных согласных. В односложных словах типа /b o l t/, /v a l s/, /v o l t/, /g ə l b/ осциллографические рисунки согласного /l/ слабее, чем в других позициях. Более яркий характер сонорности согласный /l/ имеет в середине односложного слова /s ü l h/, где наблюдается очень четкая и резкая граница между гласным /ü/ и согласным /l/. В этой позиции осциллографический рисунок выдержки сонанта /l/ похож на осциллографический рисунок гласного /ö/. В слове /k l u b/ сонант имеет более яркие амплитудные характеристики. Во всех фазах – в экскурсии, выдержке и рекурсии - он имеет однородные кривые. Отклонения кривых вверх и вниз от нулевой линии одинаковы, т. е. симметричны. В словах /f l a q/, /l l a

¹ İlk dəfə çap olunub: Ф.Вейсалов (Veysəlli). „Dil və ədəbiyyat“ jurnalı. Bakı-2000, 1 (26) (M.Səfərovla birlikdə), s. 9-10.

m/ и /b l a k/ в отличие от /löz/ осциллографические свойства согласного /l/ полностью определяют качество следующих за ним гласных.

При наблюдении сонанта /l/ в аудите мы встречаемся с некоторыми особенностями этого звука. В некоторых односложных словах типа ГС осциллографические рисунки сонанта /l/ в фазе рекурсии не отличаются от осциллографических рисунков глухих согласных. В конечной позиции слов /i l/ и /a l/ сонорный согласный оглушается, а в слове /ə l/ не оглушается.

В односложных словах по модели СГС сонант /l/ в поствокальной позиции проявляется как вполне звонкий согласный. Это наблюдается после всех гласных. В словах такого типа, независимо от превокального согласного звука /l/ сохраняет свою сонорность во всех фазах. Таким образом, осциллографический рисунок согласного /l/ в поствокальной позиции аналогичен его осциллографическому рисунку в превокальной позиции.

Сонант /m/ является одним из наиболее часто встречаемых согласных в односложных словах. По положению губ он идентичен согласному /b/. Различие между этими двумя звуками сводится к изменению положения мягкого неба при артикуляции сонорного звука /l/. Осциллографический анализ односложных слов показывает, что наиболее полно сонант /m/ проявляет себя в превокальной позиции. В словах по модели СГС, оканчивающихся на /z/, /f/ сонанты /l/ и /m/ имеют более периодичные кривые амплитуды, чем в словах с конечными согласными /t/, /s/ и т. д. Сравнивая /m/ в словах /m a z/ и /m a s/, мы наблюдаем различие между вариантами фонемы /m/. В обоих словах сонант находится в превокальной позиции, а именно, перед /a/. В слове /maz/ звук /m/ имеет семь периодичных колебаний, а в слове /m a s/ - всего три. Такое различие, конечно, связано не с тем, будто они «специально» произносятся громче, чем другие, а с тем, что в первом случае возникают более благоприятные условия для усиления звука, нежели во втором (Л.В.Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977). В словах /m a r s/ и /mart/ сонант имеет почти одинаковую картину. Частота основного тона, количество колебаний, степень интенсивности сонанта /m/ в этих словах почти одинаковы. В словах по модели СГСС, как например, /mark/ и /mars/, /marʒ/, и т. д., /m/ имеет слабый рисунок, выраженный в меньшей длительности и слабой интенсивности. Количество колебаний в этих словах достигает всего двух или трех. Негативное влияние на сонорный звук /m/ постпозиционных согласных тут очевидно.

В модели СГСС сонант /m/ реализуется в очень малом количестве слов, и то лишь в заимствованных словах, причем в поствокаль-

ной позиции. При осциллографическом анализе слов такого типа мы встречаемся с некоторыми особенностями сонорного согласного /m/. В словах где /i/ находится между гласными она имеет более яркий рисунок. Такое же положение имеет место в словах /tomb/, /tumb/, /səmt/, /xums/ и т. д. В словах /himn/ и /film/ перед /m/ реализован микрогласный (вокалоид). Сонант /m/ в словах по модели СГС встречается очень редко. Осциллографический рисунок слабее, чем в других позициях. В начале фонации под воздействием соседствующих гласных сонант /m/ проявляет себя в той или иной мере ярче, а в фазе рекурсии он очень ослабляется. Это наблюдается в словах /nəm/, /rəm/, /sim/, /tum/, /xam/ и т. д. Несмотря на то, что в приведенных словах /m/ реализуется после разных по качеству гласных, осциллографические рисунки /m/ совпадают друг с другом. Ослабление сонанта /m/ в абсолютном конце односложных слов видно также в словах по модели СГСС, а в конце фонации амплитуда колебаний сонанта выражена очень низко, она совпадает с нулевой линией. В словах /rəhm/, /fəhm/, /səhm/ рекурсия глухого согласного и экскурсия сонанта так сливаются друг с другом, что весьма трудно определить границу между ними. Осциллографическая картина сонанта здесь характеризуется не периодическими амплитудами колебаний, несимметричными выступами ниже нулевой линии.

В односложных словах сонант /n/ реализуется во всех фонетических позициях так же, как и остальные сонорные согласные, но наиболее часто он встречается в абсолютном конце слов. Независимо от позиции, он сохраняет везде свою сонорность, но степень сонорности в зависимости от позиции разная. В превокальной позиции сонант /n/ регулярно имеет ярко выраженные периодические колебания. При сопоставлении слов /nə/ и /nəsr/, в которых сонант /n/ реализуется в одинаковой позиции, обнаружилось, что в слове /nə/ сонант имеет десять колебаний амплитуд, а в слове /nəsr/ - всего три. По всей вероятности, такое различие можно объяснить законом длины слова (законом Есперсена).

Следует отметить, что, находясь в той же самой позиции, но при соседстве с разными гласными, сонанты имеют разные по своему характеру осциллографические рисунки. На осциллограммах слов по этой модели связь между /n/ и /a/, /ə/ настолько тесна, что невозможно определить точную границу между ними. Напротив, можно четко определить границу между /n/ и гласными /e/, /i/, /a/.

В поствокальной же позиции сильная зависимость характеристик согласного от свойств гласного не замечается. Только в началь-

ной фазе под влиянием рекурсии предшествующего гласного амплитуды колебаний значительно усиливаются, а выдержка звука похожа на рисунок звонких согласных.

Из результатов комбинаторного анализа известно, что /r/ занимает в односложных словах первое место по частоте встречаемости. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что сонант /r/ в начале слова встречается только в заимствованиях арабо-персидского происхождения, так как он не характерен для начала слов азербайджанского языка. Видимо, с этим и связана трудность его реализации в начале слова носителями данного языка. Осциллографические кривые сонанта /r/ в начале слов зависят от качества следующего за ним гласного. Перед /e/, /a/, /ə/ он артикулируется со значительным ослаблением, в то время как перед гласными заднего ряда он проявляет себя более сильно и напряженно. В середине слов, как, например, в /bəɾm/, /bəɾq/, интенсивности и количества колебаний у /r/ намного больше, чем у того же сонанта в словах /dərz/, /barz/, /barş/, /turş/ и т.д.

Оглушение сонанта /r/ в абсолютном исходе слова еще заметнее. В словах /rəɾ/, /pər/, /kür/ сонанты похожи на глухие щелевые согласные. То же самое наблюдается в словах /bar/, /şar/, /gar/, /kar/, /dar/, /kor/ и т. д.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА В ТРУДАХ ПРОФ. М. А. КАЗЕМ-БЕКА¹

У Мирзы Казем-Бека нет специальной книги, в которой систематически излагаются теоретические вопросы общего языкознания, в частности – тюркологии. Однако его «Общая грамматика турецко-татарского языка» [1], а также другие филологические исследования свидетельствуют о том, что ученый глубоко вникал в проблемы теоретического языкознания [2-4]. Несмотря на то, что многогранная научная деятельность М.А.Казем-Бека в литературе освещена достаточно полно [5-8], до сих пор остается малоизученной его лингвистическая концепция. Речь идет прежде всего о теоретической предпосылке, отталкиваясь от которой ученый написал принесшую ему мировую славу «Граматику», а также о проблемах сущности, функции и структуры языка, которые он ставит и решает во многих своих работах. Не менее интересна роль М.А.Казем-Бека в развитии лин-

¹. Впервые опубликована: Ф.Я.Вейсалов (Вейсалли), Д.Ш.Вейсалова. „Türkologiya“ журналы, № 1-2, 2002, s. 3-13.

гвистической мысли в отечественном языкознании и его отношение к языковедам – предшественникам и современникам. В предисловии к I и II изданиям «Грамматики» М.А.Казем-Бек весьма основательно критикует научные положения и выводы ряда европейских ученых и указывает на их ошибки, а этого без достаточно глубоких познаний в области теории языка он сделать, естественно, не мог. И, наконец, что нового внес М.А.Казем-Бек в развитие фонетики и фонологии, лексикологии, морфологии, синтаксиса, в сравнительно-сопоставительное изучение родственных языков и преподавание языка как средства общения? Нам думается, что ответить на каждый из этих вопросов можно будет только после тщательного изучения его лингвистического наследия.

Хотя «Грамматика» М.А.Казем-Бека написана с практической целью, в ней много наблюдений и объяснений теоретического плана. Понятно, она не могла возникнуть, не будь у ее автора целостного подхода к языку. По словам А.М.Демирчизаде, «"Грамматика" Казем-Бека была образцом грамматики нового типа как по научной системе, так и по своей структуре» [4. С. 56]. Она явилась результатом глубоких исследований в области тюркских языков. Сам автор в обращении к Христиану Д.Френу (предисловие ко II изданию) пишет по этому поводу следующее: «Ныне, приступая ко второму изданию сей грамматики, я трудился над ней почти столько же, сколько нужно было для составления нового; я старался переработать ее во всех частях, обогатил две первые части новыми *филологическими исследованиями* (курсив наш. – Ф.В., Д.В.), а третью распространил и переревел в совершенно новую систему» [1. С. XI].

В предисловии как к I, так и ко II изданию М.А.Казем-Бек подробно говорит о спорных положениях и о структурных особенностях «Грамматики». Однако о позиции автора в методологических вопросах мы узнаем из других его работ: из письма к редактору «Современника» и из статьи «Объяснения русских слов, сходных со словами восточных языков» [9. Л. 8]. Несомненный интерес представляют письмо М.А.Казем-Бека, опубликованное в «Вестнике Императорского географического общества» [10], и речь, произнесенная им на торжественном собрании Императорского Казанского университета 1 июля 1836 г. [11].

Говоря о методологическом подходе М.А.Казем-Бека к описанию строя языка, следует остановиться на двух его работах, написанных в 1852 г. М.А.Казем-Бек ясно отдает себе отчет в том, что знание языка и знание о языке – это принципиально разные вещи.

Для написания грамматики необходимо знание языка. Именно поэтому он резко критикует тех ученых, которые берутся писать грамматику незнакомого языка со слов других или же критиковать незнакомое сочинение сидя в своем кабинете. На вопрос о том, может ли филолог описать целую систему различных групп живых родственных наречий (языков. – Ф. В., Д. В.) одного и того же значительного народа, когда он сам и одного из них как следует не знает, ученый отвечает следующим образом: «Появившиеся в Европе... некоторые сочинения хотя не доказали действительной возможности и успеха таких предприятий, однако тем не менее удостоверили нас в том, что человек за все может взяться. Это напоминает мне, как в 1828 году известный Краузе взялся написать грамматику персидского языка, вовсе не зная его азбуки. Он хотел этим доказать справедливость ложной мысли, что истинный филолог владеет ключом всех языков, что ему раскрыты тайные законы языкознания и, следовательно, со слов других он может сочинить грамматику самого необработанного языка, ему вовсе неизвестного. С этой целью он взял грамматику сэра Вильяма Джонса... самое лучшее доселе в этом роде творение, и по ней начал составлять свою с заглавием, по примеру Вигэ... Но после многих трудов филолог убедился в своем заблуждении» [10].

Такого же взгляда М.А.Казем-Бек придерживается при написании своей «Грамматики». В предисловии к ее I изданию он указывает на несостоятельность существующих трудов по турецкому языку и высказывает мысль о необходимости создания такой грамматики, которая бы отражала реальное состояние данного языка и момент его существования. В связи с этим ученый требует, чтобы в научной грамматике соблюдался наряду с другими критерий адекватности описания самому объекту. Достижение этой цели возможно лишь в том случае, если ученый хорошо знает описываемый язык. На этом основании М.А.Казем-Бек отвергает грамматики Гиганова и Троянского, Давидса, Вигье, Комидаса, Гольдермана и других, но высоко отзывается о грамматике Т.Жобера, хотя и она, по его мнению, не лишена недостатков. Прежде всего, труд Т.Жобера является грамматикой собственно турецкого языка и потому не может быть использован для преподавания азербайджанского языка. Ученый остается верен своему принципу: необходимо описывать структуру только того языка, который является предметом обучения. По этой причине М.А.Казем-Бек пишет грамматику и называет ее «Общей грамматикой турецко-татарского языка» (под последним понимался азербайджанский язык).

Итак, прежде чем приступить к созданию научной грамматики,

М.А.Казем-Бек тщательно и глубоко изучает систему и структуру существующих грамматик. Он высоко оценивает, в частности, «Якутскую грамматику», написанную акад. О.Бетлингком, отмечая при этом теоретическую подготовку ее автора. По его мнению, научная грамматика чувашского языка не может быть составлена никем иным, кроме как О.Бетлингком: «...будем ожидать от нашего академика другой грамматики – неизвестного и необработанного еще языка» [12. С. 13].

При функциональном и синхронном описании системы языка М.А.Казем-Бек, в отличие от европейских и российских ученых, исходит из акустико-перцептивных особенностей звуков. Немецкий ученый Э.Сиверс придерживался господствующего в середине прошлого века физиологического подхода к фонетике [13], тогда как М.А.Казем-Бек – реального звучания, при этом он никогда не углублялся в физиологические подробности звукообразования: «В произношении Турецких слов и примеров, приведенных в Грамматике, я не следовал Т.Жоберу, которым принято школьное произношение, и избрал новейшее Константинопольское, исключая довольно количества слов Арабских или Арабского происхождения, употребляемых только учеными: таким словам и выражениям я давал произношение, общее всем школам» [14. С. 16]. Подобная постановка вопроса в корне отличалась от той, которой руководствовались в то время в университетах России и Европы, где все еще были в моде классические языки с их мертвой для XIX в. системой звуковых отношений [15]. Разумеется, изучение живых языков в середине прошлого столетия обуславливалось прежде всего необходимостью расширения сферы влияния России в области экономических и культурных связей в странах Востока. По этой причине преподавание языков в смысле произношения необходимо было максимально приблизить к той норме, которая существовала в тюркских языках.

Говоря об особенностях турецкой произносительной нормы, М.А.Казем-Бек пишет: «Произношение турок есть вообще приятное и гармоническое, особливо в соседстве с Персией и Грецией и на островах... Тюрки не сохранили ни сильных придыханий и ни приступа, которые придают произношению арабов грубость и жесткость» [1]. Это утверждение ученого приобретало огромное значение, ибо многие тогда не имели четкого представления не только о турецком языке вообще, но и о том, что это совершенно другой язык, который не родствен ни генетически, ни типологически с персидским и арабским языками.

Большой заслугой М. А. Казем-Бека является различение им

буквы и звука, что указывает на достаточно высокий теоретический уровень лингвиста середины XIX века. Выделяя отличительные черты Казанской лингвистической школы, И.А.Бодуэн де Куртенэ, основатель этой школы, среди других называет как раз строгое различение буквы и звука: «Это может показаться слишком элементарным, так что, пожалуй, даже смешно говорить об этом. Однако же это далеко немаловажно, если сообразить, что даже некоторые знаменитые лингвисты не в состоянии сладить с этим различием надлежащим образом, а между тем без подобного различения не может быть речи о вполне научном объективном сопоставлении и исследовании фактов языка» [16. Т. 2. С. 51]. Фонетические правила, сформулированные М.А.Казем-Бекем в его «Грамматике» задолго до появления Казанской лингвистической школы [17] и направленные на интерпретацию букв и буквосочетаний, дают нам основание утверждать, что М.А.Казем-Бек был одним из тех ученых, кто стоял у ее истоков.

Первые две главы «Грамматики» посвящены фонетике. В них подробно описывается техника чтения, даются конкретные правила соединения буквенных и диакритических знаков. М.А.Казем-Бек основывается на современных ему правилах произношения и исходит из реальных произносительных особенностей тюркских языков, каковыми он владел как носитель языка. Об этом свидетельствуют приведенные им примеры из азербайджанского и кыпчакского языков.

Судя по этим примерам, мы имеем дело с фонетическими альтернантами, «которые, различаясь между собой фонетически, указывают, однако, на общее историческое происхождение или являются этимологически родственными» (16. Т. 1. С. 274). Кроме таких корреспондентий (термин И.А.Бодуэна де Куртенэ. - Ф.В., Д.В.), т. е. чередований межъязыкового характера, М.А.Казем-Бек выделяет еще чередование внутриязыковое, обусловленное позицией и окружением, например, чередование /в/ и /р/ в конце слов или же в соседстве с глухим согласным /т/ в словах *olub-olup*, *ibtidai- iptidai* и др. (1. С. 7).

Характеризуя графемы арабской графики, М.А.Казем-Бек раскрывает их фонетическое содержание на основе произносительных особенностей тюркских языков, причем, как правило, в регулярном сравнении с европейскими языками, с одной стороны, и с тюркскими, а также с монгольским, чувашским и русским - с другой. Последнее является исключительно результатом филологических исследований самого М.А.Казем-Бека, о которых он упоминает в пре-

дисловии к своей «Грамматике»: «Повсюду усилил филологические примечания, так что... число одних прибавочных, содержащих совершенно новые филологические исследования... простирается до сорока» [18. С. 3].

В этой связи особый интерес представляет сопоставление тюркских языков с русским. Говоря о фарингальном согласном /h/, М.А.Казем-Бек совершенно правильно указывает на его сходство с английским /h/. В русском языке, по его мнению, «соответствующего звука не находится; наши ориенталисты выражают его буквою “х” или “г”, но из употребления можно узнать разницу между звуком этой буквы и буквы «г» [1. С. 9]. М.А.Казем-Бек демонстрирует глубокое знание русской фонетики, и интерпретацию его можно смело назвать фонологической: «В русском языке буквы ”е“, ”ь“, ”я“, ”ю“, которые нельзя выразить на турецком иначе как je, jer, ja, ju, считаются двугласными, но это не мешает нашему определению о турецкой с. Если мы будем разлагать эти двугласные буквы на составные части, то найдем, что первая половина их всегда составляет согласный звук. Например, напомним слово *есть* латинскими буквами *jest* или английскими *jest*, в обоих языках *j* и *u* суть согласные звуки, и одна аналогия этого звука с звуком *j* доказывает справедливость этого...» [1. С. 23].

Приведя пример из работы английского орфоэписта Вакера, М.А.Казем-Бек доказывает, что английские *w* и *y* соответствуют знакам ’ и *s* восточных языков. Выражаясь терминами современного языкознания, здесь мы имеем дело с аллографемой одной и той же графемы, обусловленной позицией в слове или слоге. Ссылка на английский источник, где графемы *w* и *y* выступают в начале слов и слогов как согласный элемент, а в конце слов и слогов – как гласный, т. е. как составная часть дифтонгов, понадобилась М.А.Казем-Беку для того, чтобы указать на возможность графемного варьирования в тюркских языках (хотя они пользуются арабской графикой), с одной стороны, и широкое распространение этого явления в европейских языках - с другой.

Судя по изложенному, М.А.Казем-Бек в вопросе фонетической интерпретации графем намного опередил других ученых, теоретически осмыслив связь между письменной и устной речью и практически правильно решив антиномию языка и речи (все выводы, которые он делает в «Грамматике», основываются на наблюдениях за живой речью носителей языка).

М.А.Казем-Бек вплотную подошел к решению одной из самых принципиальных проблем современной фонологии, а именно опре-

делению языкового единства акустических и артикуляторно различающихся между собой звуков. И он совершенно прав, утверждая, что долгие посредственные и краткие (по его классификации) гласные если не во всех языках, то во всяком случае в ряде языков мира исключительно зависят от употребления, т. е., как мы сказали бы сегодня, - от позиции. На самом деле, в азербайджанском языке долгие гласные встречаются, как правило, в заимствованиях в предупредительной позиции, в русском языке - только в ударной, а в немецком языке - в открытых и условно закрытых слогах под ударением. Ставя долготу и краткость гласных в зависимость от употребления, М.А.Казем-Бек не называет их вариантами одной фонологической единицы, он даже не употребляет такие термины, хотя, по сути дела, - это очень верное толкование вопроса. Об этом также свидетельствует следующее его рассуждение: «Какой русский не знает, что о и е в русском языке могут выговариваться различным образом, как-то в словах: знакомь, зна́комь, топóрь, большо́й, бо́льше, одинь, отъ тогó, есть, ле́дь, в немь и пр. Кто же определил или может определить правила для выговора этих букв в различных случаях разно? Из одного только употребления можно научиться правильному произношению» [1. С. 30]. Итак, по мнению автора, одна и та же графема способна выражать разные фонемы. С другой стороны, фонемное единство не определяется единством графем, и, чтобы его определить, непременно надо обратиться к реальному произношению.

В лингвистической концепции М.А.Казем-Бека значительное место отводится следующим вопросам сравнительно-сопоставительного языкознания:

1. Сравнение генетически родственных и структурно сходных языков. К ним относятся все тюркские языки, монгольский, а также чувашский язык. В предисловии к I изданию «Грамматики» М.А.Казем-Бек пишет: «В моих сравнительных примечаниях, как филологических так и этимологических, иногда я приводил соответственные примеры из монгольского и чувашского языков. Они хотя недостаточны для того, чтобы доказать ближайшее и древнее родство этих языков, в особенности первого, с тюркским, однако могут обратить внимание занимающегося на весьма примечательное сходство, существующее между ними» [14. С. 10; 19]. Сравнительный характер своей грамматики он подчеркивает и в предисловии ко II изданию: «Как все почти приложения в этой грамматике относятся сравнительно к правилам всех известных наречий тюркских, и едва ли пропущено мною какое-нибудь основное правило, то я счел приличнее назвать это второе издание общею грамматикою Турецко-

Татарского языка» [1. С. 7].

2. Сравнение или, лучше сказать, сопоставление отдельных фактов конкретных языков, не находящихся между собой в родственных отношениях. Здесь к анализу привлекаются русский, арабский, немецкий, французский, английский, персидский и другие языки. Обращение к неродственным и родственным языкам имеет целью показать сходство и различие между рассматриваемым явлением в тюркских и в сопоставляемых с ними других языках, причем сходство и различие устанавливаются на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Большое теоретическое значение имеют высказывания М.А.Казем-Бека по конкретным вопросам грамматического строя азербайджанского, турецкого и ряда других тюркских языков. Обобщения ученого относительно частей речи (у него их девять: имя, числительное, прилагательное, местоимение, глагол, послелог, наречие, союз и междометие), конкретных грамматических категорий (рода, числа, падежа имен, спряжения и наклонения глаголов и др.), а также синтаксических правил отличаются высокой точностью. Система грамматических взглядов М.А.Казем-Бека представляется нам оригинальной и глубоко научной. Ученого можно смело назвать пионером в создании грамматической теории тюркских языков.

Значительное внимание уделяет М.А.Казем-Бек сущности, функции и структуре языка. Исходя из анализа его трудов, можно сказать, что исследователь придерживается социального подхода к языку: «Язык народа растет вместе с ним, развивается вместе с его понятиями, обогащается обстоятельствами внутренней и внешней его жизни; совершенствуется его собственными успехами на пути просвещения» [9.С. 120]. Его утверждение, что «язык имеет два элемента – выражение идей внешних представлений и выражение идей внутренней духовной жизни, причем первый составляет богатство языка, а второй – просвещение народа» [9.С. 120], хорошо согласуется с материалистическим пониманием языка, согласно которому язык определяется как единство формы и содержания.

В трудах М.А.Казем-Бека очень часто встречаются такие понятия, как «самобытность языка, закон языка, народный дух» и т. д., причем в подлинно научном освещении: «Сознание необходимости подчинить своему духу, своим собственным законам формальной стройности языка все, что народ приобрел чужого, по каким бы то ни было отношениям, составляет самобытность языка. Здесь часто являются борьба и перевороты в системе языкознания, но самобытность языка узнается там, где народный дух преодолевает все за-

труднения и держится только своего внутреннего закона» [9.С. 120]. Весьма интересным представляется деление языков на самобытные и несамобытные. Первым присуща внутренняя сила, которая подчиняет собственному управлению все, что входит в состав их семейства, в пределы их областей. В качестве примера М.А.Казем-Бек приводит латинский язык в школе у греков, немецкий в школе у латинян, русский в школе у европейцев. Несамобытный же язык характеризуется слабостью духа; образуясь под влиянием чужого, он «не только принужден принимать его слова, его фразы, его речения, но во многом охотно уступает его влиянию, его характеру и даже подчиняет ему свой характер» [9.С. 120]. Это первоначально образовавшиеся живые иностранные языки, «исключая, может быть, немецкий в Европе и китайский в Азии» [9.С. 120].

Самобытен и богат, по мнению М.А.Казем-Бека, русский язык: «Все иностранные слова, вошедшие в состав русского языка, совершенно подчиняются его собственным правилам, его законам, как это более или менее делается вообще в самостоятельных языках: имена склоняются по русскому окончанию, принадлежат тому роду, к какому относится это окончание, мужской род переменяется в женский или средний, и наоборот. Несклоняемые иностранные имена (оканчивающиеся на е, и, у, о, ю) пока еще не усвоены, остаются как бы гостями по тому же закону терпимости, который характеризует и народ русский. Глаголы иностранных языков принимают совершенно русский характер, и иногда в них нельзя вдруг подозревать первоначальное происхождение» [10.С. 2].

М.А.Казем-Бек придает языку как источнику и хранителю информации большое значение. «Давно доказано, - пишет он, - нет лучшего руководителя к достижению истины в исследовании народных древностей, как изучение языков: это единственный путь к сокровищницам знаний, сокрытых в лабиринте невежества» [11.С. 246]. Актуальны и современные требования, предъявляемые М.А.Казем-Бек к исследованию лексических пластов языка. В письме «Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России», адресованном председателю Отделения этнографии Императорской АН Н.И.Надеждину, он выдвигает целый ряд условий для всестороннего изучения лексикона языка, принятого этнографическим отделением АН. М.А.Казем-Бек предлагает исследовать местные тюркские наречия в России и составить собрание слов, заимствованных тюркскими языками у русских или их соседей. Тот, кто будет этим заниматься, должен хорошо знать татарские языки, поэтому к работе целесообразно привлечь

учителя татарского языка. Главные пункты, подлежащие исследованию, - Иркутск, Омск, Оренбург, Астрахань, Казань и Симбирск. Исследователь должен в совершенстве знать изучаемое наречие. Собрание слов следует представить на русском языке в алфавитном порядке (в транскрипции) и с точным обозначением татарского произношения, при этом необходимо указать все сомнительные случаи, т. е. такие, когда не удастся выявить этимологию слова. Не следует брать слова, которые еще не вошли в состав общего разговорного языка. Далее этнографическое отделение должно передать собрание слов одному или двум своим членам для дальнейшей обработки. Теоретически М.А.Казем-Бек предусматривает здесь следующие случаи: 1 – повсеместное употребление во всех тюркских наречиях; 2 – употребление в одной или нескольких губерниях, но не во всех наречиях; 3 – сомнительные случаи, когда точная этимология слов не подлежит выяснению. По последнему пункту в сносках члены комитета при этнографическом отделении могут представить свои замечания [10.С. 5-6].

М.А.Казем-Бек осуждает исследователей, не учитывающих реального положения дел в самом языке, в частности Жобера и Вигье: «Ученый автор (речь идет о Жобере. – Ф.В., Д.В.) выпускал из виду много такого, что в самом деле относится к основам грамматики Турецкой, или распространялся о том, что не принадлежит к Грамматике этого языка. При совершенной моей уверенности в глубоких познаниях этого достойного ученого в Турецком языке, я ничему другому не могу приписать довольно часто встречаемые ошибки в его Грамматике, даже в приводимых им примерах, как только быстроте его работы» [8.С. 6].

Вигье склонен выделить в турецком языке двенадцать склонений и десять спряжений, «основываясь единственно на самых малейших изменениях окончательных звуков, которыми так изобильны все живые языки и которые почти всегда составляют необходимые последствия потребности гармонии звуков. Г-ну Вигье нельзя было избежать такой многочисленности подразделения, потому что он писал Грамматику звуков языка Турецкого, изображая эти звуки буквами чужого языка. Подобным образом он и в Русском языке мог бы отыскать более десяти склонений и двенадцати спряжений» [1.С. 153].

Историческую роль ученого столь широкого диапазона, каким являлся М.А.Казем-Бек, следует рассматривать в плане развития мировой лингвистической мысли. Разработка теоретических основ его лингвистических взглядов, их систематизированное изложение с соответствующими комментариями, а также перевод и подготовка к

изданию на азербайджанском языке собрания его трудов является глубокой данью уважения к памяти этого замечательного человека.

Примечания

¹ Казем-Бек М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846.

² Асланов В. И. М. А. Казем-Бек – языковед // Сов. тюркология. 1970. № 6.

³ Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975.

⁴ Демирчизаде А. Грамматика турецко-татарского языка // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.

⁵ Абдуллаев М. А. Казем-Бек – ученый-мыслитель (1802-1870). Махачкала, 1963.

⁶ Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете: (первая половина XIX в.). Казань, 1972.

⁷ Рзаев А. К Мирза Казем-Бек (1802-1870). Баку: Азернешр, 1965.

⁸ Он же. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек: Жизнь, мировоззрение и научная деятельность. Баку: Элм, 1981.

⁹ Казем-Бек М. А. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков // Изв. II отд. Импер. АН. 1852.

¹⁰ Казем-Бек М. А. Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России // Изв. Этногр. отд. Импер. АН. 1860. Т. 1, от. 6.

¹¹ Он же. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии: Речь М. А. Казем-Бека на торжественном собрании Императорского Казанского университета 1 июля 1836 г. // Науки. 1836. Т. 2, ч. 11.

¹² Письмо М. А. Казем-Бека к редактору «Современника» // Современник. 1852. № 13.

¹³ Sievers E. Grundzüge der Lautphysiologie. Leipzig, 1876.

¹⁴ Казем-Бек М. А. Предисловие к I изд. «Грамматики». Казань, 1839.

¹⁵ Обращение к живым языкам имело и теоретическое значение. Интерпретируя тезис И.А. Бодуэна де Куртенэ -- «изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших», -- И.В.Крушевский назвал это борьбой против археологического направления в лингвистике [16. Т. 1].

¹⁶ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1, 2.

¹⁷ Казанская лингвистическая школа существовала, по словам ее основателя И.А.Бодуэна де Куртенэ, с 1875 по 1883 год. Следует подчеркнуть, что наука не располагает прямыми доказательствами личного знакомства

М.А.Казем-Бека с И.А.Бодуэном де Куртенэ. Есть только косвенные.

Прежде всего, И.А.Бодуэн де Куртенэ 9 ноября 1870 г. защитил свою магистерскую диссертацию на историко-филологическом факультете Петербургского университета (руководителем его был акад. И.И.Срезневский). М.А.Казем-Бек в то время являлся деканом востфака этого же университета. Известно также, что М.А.Казем-Бек участвовал в составлении «Полного словаря русского языка» под руководством того же акад. И.И.Срезневского [2. С. 62-69]. Как нам представляется, работа над магистерской диссертацией, молодой И.А.Бодуэн де Куртенэ не мог не знать М.А.Казем-Бека – одного из крупнейших лингвистов Петербургского университета тех лет. С другой стороны, М.А.Казем-Бек с присущим ему интересом к проблемам языкознания не мог не обратить внимания на И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Далее, говоря о Казанской лингвистической школе, И.А.Бодуэн де Куртенэ называет среди ее сторонников В.В.Радлова, инспектора татарских училищ (речь идет о промежутке времени между 1875 и 1883 гг., т. е. о пяти годах после смерти М.А.Казем-Бека), который был «одним из самых усердных посетителей и участников этого кружка» [16. Т. 2. С. 50]. Конечно же, В.В.Радлов, будучи в хороших отношениях с И.А.Бодуэном де Куртенэ, не мог не рассказать ему о М.А.Казем-Беке, чьим последователем он стал в области отечественной тюркологии.

¹⁸ Казем-Бек М.А. Предисловие ко II изд. «Грамматики». Казань, 1846.

¹⁹ М.А.Казем-Бек решительно отвергает мысль о якобы тюркском происхождении чувашского языка, приписываемую ему неизвестным автором (в статье из июльского номера «Сына Отечества» утверждается, будто М.А.Казем-Бек считает чувашский тюркским): «...я довольно часто распространял свои замечания на слова и формы других родственных языков, сходные или тождественные с тюркскими, и объяснял повсюду, в чем состоят сходство и изменение. На этом основании я приводил примеры точно так же из монгольского, как и чувашского. Значит ли это, что я на эти языки смотрю как на тюркские? Кажется, нет» [12. С. 11]. Монгольский и чувашский языки привлекаются им для анализа с целью доказать «тождество разных представлений звуков», заменяющих друг друга при переходе слов из одного языка в другой и при эвфонических или местных диалектических отклонениях языка, а также «тождество или по крайней мере поразительное сходство слов и грамматических форм монгольского и чувашского языков с тюркскими» [12. С. 11]. «Автор, -- продолжает М.А.Казем-Бек, -- еще яснее мог заметить из направления моих филологических пояснений, что на чувашский язык я смотрю как совершенно на отдельный идиом, принявший в свой состав множество тюркских элементов» [12. С. 11]. А.А.Реформатский, один из крупнейших языковедов бывшего Советского Союза, в своей генеалогической классификации относит чувашский язык к тюркским, указывая при этом на присутствие в нем элементов финского языка [20. С. 424]. М.А.Казем-Бек считает, что при решении вопроса о происхождении чувашей и их языка необходимо быть знатоком финских и тюркских наречий,

иметь отличные знания по антропологии, знать историю и древности Севера и путешествовать среди чувашей [4. С. 12].

²⁰ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФОНОЛОГИИ (к постановке проблемы)¹

Установление фонемного инвентаря, выявление и описание системных отношений фонем как в парадигматике, так и в синтагматике представляют большой интерес не только для фонологов, но и для специалистов других областей, занимающихся непосредственно проблемами речи, передачи и принятия информации и т.д.

Решение вопросов, связанных с фонологической структурой языка, в определенной степени способствует исследованию других ярусов языка, успешному обучению языку и, наконец, развитию прикладной лингвистики. Между тем, уровень наших знаний о фонологической системе и фонетической структуре азербайджанского языка в силу ее малоизученности низок. Будет не преувеличением, если скажем, что исследование звукового строя азербайджанского языка явно отстает от современного уровня лингвистической науки. Имеющиеся работы по азербайджанской фонетике посвящены в основном артикуляторному описанию и акустической характеристике звуков. При этом следует отметить, что исследования ведутся по устарелой с точки зрения современной лингвистики методике. Странным представляется, например, то, что многие работы, в том числе недавно вышедшая на русском языке «Грамматика азербайджанского языка» (Баку, 1971 г.) содержит лишь элементарные сведения о фонетике. Вопрос о просодике, как правило, вообще не рассматривается в фонетике ↓, причем без какого-либо обоснования.

Следует отметить, что книга А.Алекперова² была новым шагом вперед в области изучения фонетической структуры азербайджанского языка субъективным методом. В ней много ценных наблюдений, обоснованных соображений и захватывающих читателя мест.

Некоторые вопросы освещаются с точки зрения, являющиеся совершенно новой для азербайджанского языкознания. Однако и в этой книге мы не находим ответов на спорные и по сей день вопросы

---

¹ Впервые опубликована: "Ümumi dilçilik...". Bakı, 2002, s. 26-34

азербайджанской фонологии.

На современном этапе развития абстрактного мышления намечаются два направления в построении различных фонологических теорий. Первое направление характеризуется тем, что оно признает физическую субстанцию и при определении функционально-лингвистической значимости исходит из артикуляционно-акустической субстанции. Сюда можно отнести пражский функционализм, школу Щербы и Московскую школу.

Второе же направление, утверждает А.К.Алекперов, игнорирует физическую субстанцию и исходит из чистых отношений³. Это алгебраическая теория Ельмслева и дескриптивизм американских фонологов, хотя вряд ли можно отождествлять американский дескриптивизм с датским структурализмом. Принцип акустического сходства и различия у американских фонологов является одной из теоретических предпосылок при установлении принадлежности аллофонов к той или иной фонеме⁴. Этот факт не дает права поставить американских лингвистов в один ряд с датскими структуралистами.

Следует отметить, что между пражским функционализмом и школой Щербы имеется много общих положений, так же как московская фонологическая школа во многом сходится с пражским функционализмом.

Но между московским подходом и подходом школы Щербы к теории фонемы нет ничего общего, как это недвусмысленно утверждают сами представители обеих школ⁵. По своим исходным теоретическим предпосылкам восходят и пражцы, и москвичи, и наконец, сторонники Щербы, безусловно, к Бодуэну. Но в дальнейшем сформировались три самостоятельных подхода к одному и тому же объекту нашей науки.

Некоторые исследователи считают, что москвичи ввели понятие позиции в теорию фонем и тем самым внесли в развитие фонологии важный фундаментальный вклад. На наш взгляд, нет такой теории о фонеме, которая бы пренебрегла понятием позиции. Ведь выявление комбинаторных и позиционных вариантов возможно только вследствие понятия позиции, которые занимает важное место в фонологической концепции И.А.Бодуэна и его последователей.

Другое дело, что сторонники Щербы отправляются от идеи автономности звуковой стороны языка (и не только фонемы!) и рассматривают каждый аллофон как реализацию данной фонемы в данной позиции. В их подходе каждое реальное звучание представляет какую-нибудь фонему, следовательно, путь от звука к фонеме проходит через ее реализацию в определенной позиции в речевой цепи.

Именно поэтому, с точки зрения Щербы, не представляется трудным установить фонемную принадлежность реального звучания в речи. Напротив, московские фонологи заявляют, что морфемное тождество обязательно предполагает тождество фонемы, т. е. морфема обладает всегда стабильным фонемным составом. Например, в первом слоге слов /v[^]d/a/, /vot/, /vad[^]úos/, по концепции москвичей, имеется одна и та же гласная фонема, а именно фонема /o/. Здесь явное противоречие между фонемой и ее реализацией в речи. Так как изменение в фонемной составе морфем явно налицо. Тем не менее москвичи не хотят видеть этого момента и объясняют это изменение сугубо фонетически. Они ищут выход из положения в позиции. В силу этого теория московской школы не может объяснить, какая фонема же реализована вторым номером от начала в словах /s[^] b a k[^]/ или же /t[^] t a r i n/, поскольку они никогда в сильной позиции не встречаются. По идее московских фонологов в слабой позиции происходит дефонологизация дифференциальных признаков, иначе говоря, нейтрализация. Поэтому создается впечатление, как будто бы в языке имеются два вида фонем: сильные и слабые, что само по себе атомистично.

А.К.Алекперов открыто не выражает своего отношения к той или другой школе, тем не менее, его определение фонемы как элемент звукового состава морфемы или неразложимой основы слова (с. 24) дает основание утверждать, что автор разделяет исходные установки московской школы.

Теперь обратимся к вокализму, его составу, принципам классификации и характеристике гласных фонем азербайджанского языка. Большинство азербайджанских фонетистов утверждает, что система гласных фонем насчитывает „девять тембров – не больше и не меньше“ (с. 25). Является ли это утверждение абсолютной истиной? Казалось бы, вопрос поставлен весьма принципиально. Но, к сожалению, многие авторы в том числе А.К.Алекперов, ограничиваются критическим анализом, существующих точек зрения, элиминирую процедуры доказательства существования в азербайджанском языке только девяти гласных.

Полемизируя с Ф.Кязымовым относительно интерпретации отдельных мест из работ Г.Алекберли и А.М.Демирчизаде, А.К.Алекперов приходит к довольно странному выводу о том, что Г.Алекберли фонематичности долгих гласных не доказал, А.Демирчизаде никогда не утверждал о существовании в азербайджанском языке долгих фонем, а Ф.Кязымову удалось «доказать» лишь то, что азербайджанские долгие гласные не являются самостоятельными фонемами (с. 33). Выходит, что если Г.Алекберли и

А.М.Демирчизаде не доказали фонематичность долгих гласных, то всякая попытка описать истинное положение вещей должно быть отклонено? Такой подход автора к фактам азербайджанского языка нельзя считать удачным. Исследователь вправе присоединится к одной из существующих концепций. При таком случае он строит все свое исследование на теоретической базе, защищенной им концепции и демонстрирует на конкретном материале еще раз правоту, удовлетворяющей требование его исследования теории. В противном случае исследователь должен выработать определенную методику, подвергать анализу весь материал и вывести закономерность исследуемого объекта. Если установленные законы приложимы не только к данному материалу, но и к другим, то их можно называть теоретическими предпосылками любого научного анализа объектов подобного рода. У А.К. Алекперова нет анализа конкретного материала и по этому остается загадочным, как он пришел к мысли о существовании в азербайджанском языке девяти гласных фонем. Правда, он часто апеллирует к Г.Алекберли и А.М.Демирчизаде. Но апелляция к отдельным исследователям не может служить основанием для доказательства выдвинутого автором положения. То же самое можно сказать относительно высказывания А.К.Алекперова на с. 37, где он для доказательства своего утверждения об отсутствии долгих гласных в азербайджанском языке ссылается на исследователей других языков.

А.К.Алекперов совершенно справедливо оспаривает метод противопоставления при фонологическом анализе. Действительно, работа с минимальными парами как единственный метод не может быть оправдана. Но отрицая одно, утверждаешь другое. Мы вправе задавать А.К.Алекперову такой вопрос, каким же методом он доказал, что долгие гласные не являются самостоятельными фонемами. Кроме утверждения о том, что число гласных фонем насчитывается девять и что Ф.Кязымов и А.Ахундов неправильно истолковали факт азербайджанского языка, в книге не находим никакого научного анализа гласных. Однако позже выясняется, что оказывается, можно доказать фонематичность того или иного звука только исходя из физиолого-акустических данных. «Что касается фонологического анализа, - пишет А.К.Алекперов, - то он, по нашему мнению, должен исходить из физиолого-акустических данных, рассматриваемых в их системных связях и в структуре слова...» (с. 83). Как говорить в таких случаях, комментарии здесь излишни⁵.

Не вдаваясь в обсуждение этой проблемы, хочется высказать свое мнение относительно долгих гласных азербайджанского языка. Разумеется, что данное высказывание носит гипотетический харак-

тер. Долгие гласные являются в азербайджанском языке или рудиментарными фонемами или инновацией. На современном этапе развития азербайджанского языка нет долгих гласных фонем. Они либо являются пережитками прошлого, либо находятся на пути становления. Первое предположение представляется более реальным.

Гласные фонемы описываются А.Алекперовым в основном по двум признакам: 1. По локальным. Здесь автор различает противопоставление по переднему, заднему ряду и лабиальности / нелабиальности. 2. По степени раствора. Здесь же автор различает противопоставление по верхнему, среднему и нижнему подъему языка.

В этой классификации много неясностей. Во лабиальные /x/, /b/, /a/, /u/, верхние /i/, /i/, /y/, /u/, средние /e/, /ф/, /o/; нелабиальные /i/, /e/, /ə/, /l/, /a/, нижние /0/, /ə/, /a/; гласные – передние /i/, /y/, /e/, /ф/, /ə/, задние /l/, /u/, /0/, /o/, /a/ -первых, гласный /ə/ не может быть отнесена к переднему ряду. Если сопоставить /ə/ с /a/, то первый, несомненно будет передним, если же /ə/ сопоставить с /i/ тогда /ə/ будет задним.

Такое же положение вещей имеет место и при /e/ и /l/. Это подтверждается и акустико – артикуляторными особенностями данных гласных. По этому если исходить из системы гласных фонем азербайджанского языка, то мы должны выделить еще средний ряд. Видимо, автор хотел учитывать модификацию гласных в речевом потоке. Но здесь наблюдается некоторое отступление от принципа симметрии. Ясно, что в абсолютном конце азербайджанских слов /y/, /u/, /o/, /ф/ подвергается некоторой делабиализации. Например, /huzhi/, /oxudi/ и т. д.; их можно было бы отнести и к лабиальным и к нелабиальным. Между тем, гласные /u/, /u/, /o/ /ф/ являются лабиальными, потому что каждая из них противопоставляется в системе гласных фонем азербайджанского языка нелабиальным /i/, /l/, /a/, /e/. Вряд ли можно отнести /l/ к гласным верхнего подема. Что касается знака /^/, обозначающего по мнению автора, позиционный альтернант фонемы /a/, то надо сказать, что здесь автор смешивает фонологическую и фонетическую транскрипцию. Таблица построена с учетом фонологической транскрипции. В слове / a r a n l a r d a n / «из уносящих» фонема /a/ представлена в пяти вариантах. Безусловно, что ни один вариант не сходится с другим. Если записать это слово фонетической транскрипцией, тогда мы должны иметь ровно пять знаков для обозначения каждого варианта в отдельности. А в фонологической транскрипции записывается фонемный состав слов и морфем.

При описании отдельных фонем А.К.Алекперов ограничивает в основном данными собственного наблюдения. Однако данные,

которые опираются на измерение длительности гласных, не могут служить доказательством того или иного положения, поскольку автор оперирует абсолютным значением длительности гласных. Кроме того, они лишены силы доказательства еще потому, что из вычисления длительности гласных в единичных случаях нельзя сделать выводы качественного характера.

Последняя часть, которая посвящена консонантизму азербайджанского языка, свидетельствует о компетентности и аккуратности автора. В этом, как и в предшествующих разделах, А.К.Алекперов указывает на некоторые неточности в изложении вопроса о консонантизме азербайджанского языка разными исследователями. Раздел этот читается с большим интересом. Здесь он обосновывает свое опровержение мнения Н.К.Дмитрева о невозможности объяснения природы /d/ в слове /addim/ и /addamax/ фонетикой тюркских языков.

А.К.Алекперов показывает, что слово /addim/ вовсе не является неразложимым, оно расчленяется на две морфемы /ad/ и /dim/. Исходя из этого, он считает, что здесь налицо биофонемное сочетание. Если два гомогенных согласных встречаются на стыке морфем и между ними проходит морфологический шов, то их надо считать биофонемным сочетанием, а если они встречаются в пределах одной и той же морфемы, то они представляют одну фонему⁶. Именно исходя из этого генерального тезиса, можно упрекнуть А.К.Алекперова, который, на наш взгляд, несправедливо оспаривает факт наличия в азербайджанском языке таких слов, в которых имеется явная геминация.

Если в словах типа /çakgal/, /bakgal/, /sakgal/ и т. д. реализуется сочетание с акустико-артикуляторной точки зрения совершенно различных согласных /kg/, то в словах типа /ama/ -/æli/, /kælæ, и т. д. согласные встречаются в пределах одной и той же морфемы. Действительно, в современном азербайджанском языке невозможно расчленять приведенные морфемы. И апелляция в данном случае к Н.С.Трубецкому не может объяснить истинное положение вещей, поскольку он ссылается на слоговое разложение. Таким образом, мысль А.К.Алекперова о том, что число азербайджанских согласных насчитывается 24, нуждается в уточнении.

Согласные фонемы азербайджанского языка характеризуются, по мнению А.К.Алекперова, следующими признаками: а) по действующему органу; б) по способу действия произносительных органов; в) по акустическому эффекту.

В целом такой принцип классификации не вызывает возражения. Но все же в следующих парах согласных /b/ и /p/, /d/ и /t/, /k/ и

/g/, /f/ и /v/, /s/ и /z/, /š/ и /ž/, /x/ и /ɣ/, /ts/ и /dž/ первые четко отличаются от вторых по акустическому эффекту. Поэтому подводить их в одну графу никак нельзя. С другой стороны, выделение среди преднеязычных альвеолярных и палатальных не соответствует общему принципу классификации, поскольку она называется по действующему органу. Здесь можно было бы указать на дорсальность или же апикальность преднеязычных, что более существенно, чем альвеолярность или палатальность. Кроме того, аффрикаты все-таки не смычные, а смычно-щелевые, что тоже не отражается на таблице (с. 81).

В конце дается характеристика 16 согласных фонем азербайджанского языка: „Почему автор счел нужным проанализировать в отдельности именно эти согласные, сказать трудно. Характеристика отдельных согласных направлена на то, что /к/ и /к'/ в русском языке могут реализоваться как варианты одной и той же фонемы, тогда как в азербайджанском языке они представляют собой самостоятельные фонемы“.

Здесь автор ссылается на отсутствие слов в азербайджанском языке, где бы /к'/ встречался перед гласным заднего ряда. Не вступая в спор с А.К.Алекперовым, скажем только, что самостоятельность /к/ и /к'/ в русском языке также как в азербайджанском языке более чем очевидно.

Дистрибуция русского /к'/ ограничено, так же как и дистрибуция соответствующей фонемы азербайджанского языка. Если согласиться с А.К.Алекперовым, то фонематичность того или иного звука определяется возможностью его вступать в сочетание со всеми другими фонемами языка, тогда-то надо усомниться в самостоятельности не только /к'/, но и многих звуков.

С таким же успехом можно было бы усомниться и в самостоятельности азербайджанской фонемы /ç/. Но достаточно одного случая употребления, чтобы говорить о самостоятельности данной фонемы.

Литература

1. А. Дəмирçизadə. Műasir Azərbaycan dilinin fonetikasi. Bakı, 1960. За истекший период после написания этой работы появилось несколько фундаментальных трудов, посвященных интонации и просодике азербайджанского языка. См. F. Ağayeva. Şifahi nitqin intonasiası. Bakı, 1975; C. Axundov. Azərbaycan dilində sual cümlələri (eksperimental fonetik tədqiqat). Bakı, 1998.

2. А.К.Алекперов. Фонематическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971.
3. А.К.Алекперов. Ук. соч., стр. 30.
4. Г.Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. Москва, 1959.
5. Л.Р.Зиндер. Основные фонологические школы. „ВОЯ“. Уч. записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 354; А.А.Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Москва, 1970.
6. Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. Москва, 1970.
7. Л.Р.Зиндер. Ук. соч.

DİLÇİLİK TERMINLƏRİNİN AZƏRBAYCAN DİLİNDƏ VERİLMƏSİ YOLLARI¹

Heç kəsə sirr deyil ki, çağdaş nəzəri dilçiliyin əsas qaynaqları ilk öncə Avropa dillərində yaranır və sonralar digər dillərdə geniş yayılır. XIX əsrin ikinci yarısından bu yana dünya dilçiliyi yeni-yeni cərəyanların meydana gəlməsilə səciyyələnir. Bunların içərisində İ. A. Boduen de Kurtene və F. de Sössür mühüm yer tutur. Onların bilavasitə iştirakı və güclü təsirlə formalaşan struktur, funksional və pragmatik cərəyanlar çağdaş dilçiliyə özlərilə bərabər küllü miqdarda termin və üsul gətirmişdir.

Elə bunun nəticəsidir ki, bəzən müxtəlif cərəyanlara mənsub iki dilçi bir-birini çətin başa düşür və ya heç başa düşə bilmir. Bu mənada L. Yelmslev məktəbi daha çox fərqlənir.

Praqa funksional məktəbinin görkəmli nümayəndəsi N. S. Trubetskoy Hind-Avropa dillərinin tipoloji xüsusiyyətlərini tədqiq edərək onlara aşağıdakı 6 universal struktur əlamətin xas olduğunu müəyyənləşdirir: 1. Sait ahənginin olmaması; 2. Morfoloji funksiya daşıyan samit əvəzlənməsi; 3. Affiks və fleksiya vasitəsilə sözdüzəltmənin mümkünlüyü; 4. Anlautda samit birləşməsi inlautdan və auslautdan az olmur; 5. Söz köklə başlamaya bilər, yəni söz prefikslə də başlaya bilər; 6. Tranzitiv felin obyektə intranzitiv felin subyektə kimi götürülə bilər (1).

İndi də müasir Amerika dilçisi Harvey A. Dəniyelın dünya dilləri üçün müəyyənləşdirdiyi 9 ümumi əlamətə diqqət yetirək: 1. Uşaqlar dili nəzarətsiz öyrənilir; 2. Dilin işlənməsi müəyyən qaydalara əsaslanır; 3. Bütün dillərdə fonetik qurum (fonoloji sistem), söz ehtiyatı və qrammatik struktur var; 4. Hər bir dil daşıyıcısı öz dialektində danışır; 5. Hər bir dil daşıyıcısının özgülüyü var. 6. Dildəki dəyişikliklər normal sayılır; 7. Dil

---

¹ İlk dəfə çap olunur

insan və cəmiyyətlə bağlıdır; 8. Müxtəlif dillərin öz dəyərləri var; 9. Yazı şifahidən sonra yaranıb (2).

Ümumi və nəzəri dilçilik üçün son dərəcə əhəmiyyətli olan bu iki mənbədən götürdüyümüzün adekvat şəkildə dilimizdə verilməsi o qədər də asan məsələ deyil. Məsələyə diqqətlə yanaşıldıqda iki hal ortalığa çıxır: 1. Dilimizdə özünə vətəndaşlıq hüququ qazanmış bəzi sözlər və söz birləşmələri dilçiliyimizdə gen-bol işlənir. Məs. *sait*, *ahəng*, *morfoloji funksiya*, *dil daşıyıcıları*, *qrammatik sistem* və s. 2. Burada bir sıra söz və söz birləşməsi var ki, onların dilimizə yad olması o dəqiqə nəzərə çarpır. Məs. *affiks*, *fleksiya*, *prefiks*, *dəyər* və s.

Mübaligəsiz demək olar ki, bu terminlərin içərisində ən çox nəzərə çarpanı **dəyər** sözüdür. İlk dəfə F. de Sössür tərəfindən dilçiliyə gətirilən bu kəlmə fransız dilindəki **valeur** sözünün qarşılığıdır. İngiliscə **value**, almanca **Wert**, rusca **ценность** və ya **значимость** sözlərinə uyğun gələn bu söz dilçiliyimizdə əksər hallarda birmənalı şəkildə, həm də F. de Sössür anlamında işlənmir, halbuki bu, çağdaş dilçilikdə mühüm əhəmiyyət kəsb edən anlayışdır. Onu mənə sözü ilə eyniləşdirmək olmaz, dəyər bir sistem daxilində hər hansı bir dil işarəsini başqalarından ayıran xüsusiyyətdir. Başqa sözlə desək, hər bir dil işarəsi (məs. fonem) bütün başqa fonemlərdən təkcə fiziki varlığı (substansiya) ilə deyil, həm də sistemdə xüsusiyyətləri (məs. funksional) ilə fərqlənir və məhz buna görə də fonem həm fərqlənir, həm də fərqləndirir. Elə bu səbəbdən də F. de Sössür substansiyanı deyil, formanı dilçiliyin (*langue*) predmetinə daxil edir. Ümumiyyətlə, İ. A. Boduen de Kurtene və F. de Sössürün dilçilik görüşləri bir sistem kimi götürülməli, terminaloji aparatın açılmasında onların konseptual tərəfi əsas kimi çıxış etməlidir. Təsadüfi deyil ki, dünya dilçiliyində verilən şərhələrdə bu alimlərin işlətdiyi terminlər bir qayda olaraq mötərizə içərisində göstərilir. İkili qarşılaşmada (binar dioxotomiyada) dil (*langue*) və danışmaq (*parole*) bir-birindən fərqləndirildiyi kimi, onlar həm də insanın dil fəaliyyətilə (*language*) bağlı şəkildə götürülür.

Əslində bunları ayırmaq nə N. S. Trubetskoyun fonologiyayı fonetikadan kəskin şəkildə ayırmasını, nə də N. Xomskinin kompetensiya və performansını aydın dərək etmək olar.

Bütün bunlar dünya linqvistik irsinin dilimizə çevrilməsində həmişə diqqət mərkəzində saxlanılmalıdır (3).

İndi də N. S. Trubetskoyun «Fonologiyanın əsasları» adlı fundamental əsərinin dilimizə tərcüməsi zamanı rastlaşdığımız termin problemindən danışmaq istərdik.

Öncə qeyd edək ki, Azərbaycan dilində heç də hər bir terminin qarşılığını tapmaq olmur. Məs., K. Bülerin üçlü qarşılaşmasını fonologiyaya gətirən N. S. Trubetskoy dil işarələrinin ifadə (*Ausdruck*), müraciət

(Appell) və məlumat (Darstellung) vermə funksiyalarını almanca çətinlik çəkmədən işlədib. Göründüyü kimi, biz də onları imkan daxilində öz sözlərimizlə verməyə çalışmışıq. Eyni zamanda distribusiyanı paylanma, oppozisiyanı qarşılaşma, dimenzionu meyar, diskreti bölünməz, valeur-i dəyər və s. kimi sözlərimizlə vermişik.

Amma relevant, arxifonem, invariant, variant, neytrallaşma, korrelyasiya, diftonqoid, privativ, ekvipolent, distiktiv, delimitativ, kulminativ, kontrastiv və s. kimi onlarca sözün dilimizdə qarşılığı olmadığı üçün onları orjinaldakı kimi saxlamağı lazım bilməmişik. Misallardan göründüyü kimi, bəzən sözün kökü saxlanılır, ona öz şəkilmiz əlavə edilərək yeni söz yaradılır (məs., neytral+laşma).

Bəzən də elə olur ki, başqa bir dilə xas olan xüsusiyyətin dilimizə çevirməyin heç mənası yoxdur. Məs. alman dilinin fonetik qurumuna xas sözün və morfemin əvvəlində gələn, morfem sərhədini bildirməyə xidmət edən **knaklautu** və ya ingilis dilinin **triftonqunu** və s. terminləri olduğu kimi saxlamaq, ancaq səhifənin sonundakı çıxarışda həmin dil hadisələrinin şərhini vermək məqsədəuyğundur.

Linqvistik ədəbiyyatın dilimizə tərcüməsi prosesində ortaya çıxan çətinlik təkcə söz mənasının açılması, bu mənanı adekvat şəkildə ifadə edən müvafiq sözün tapılması və ya orjinaldakı terminin saxlanması ilə bağlı deyil. Ciddi çətinliklərdən biri də sintaktik vahidlər arasındakı fərqləri duyub münasib sintaktik strukturu axtarıb tapmaqdır. Alman dililə Azərbaycan dilinin sintaktik səviyyədə qarşılaşmasında birincidə tez-tez budaq cümlələrin, bunun müqabilində isə Azərbaycan dilində feli sifət və bağlama tərkiblərinin çox işlənməsində özünü aydın büruzə verir.

N. S. Trubeskoyun yuxarıda adı çəkilən əsərindən gətirdiyimiz misallarla fikrimizi izah edək: /Da die Verbindungen «Vokal+Nasal» keiner von den drei Voraussetzungen der monophonematischen Wertung entsprechen und da ihre Bestandteile in anderen Stellungen selbständige Phoneme vertreten, so werden sie selbst als Realisationen der Phonemverbindungen «Vokal+Nasal» gewertet// (s. 56).

Tərcüməsi: /Ayrıca götürülmüş a səsi elə bir səs birləşməsində gəlir ki, (aβ və ya βα), bu mövqedə o, müəyyən fonemin kombinator variantı olur, bundan başqa bir də elə mövqedə gəlir ki, bu mövqedə aβ (müvafiq olaraq βα) səs birləşməsi mümkün olmur//.

Beləliklə, elmi ədəbiyyatın tərcüməsi bir nömrəli məsələ kimi bizim qarşımızda durur və bu sahədə biz bütün qüvvələrimizi səfərbər edib adekvat tərcüməyə nail olmalıyıq. Yalnız bu yolla biz metadil problemini həll edə bilərik.

Qeydlər:

1. N. S. Trubetzkoy. Gedanken über das Indogermanenproblem. «Acta Linguistica», Kopenhagen, 1939, 1, 2.
2. Harvey A. Daniel. Nine ideas about language. Virginia P. Clark, Paul A. Eschholz, Alfred F. Rosa. Language. 4. Ed. 1985. p. 249
3. Bu sətirlərin müəllifi R. O. Yakobsonun «Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze», Stockholm, 1949 əsərini rus dilinə və N. S. Trubetskoyun «Grundzüge der Phonologie». TCLP, VII, Prague, 1939 əsərini isə Azərbaycan dilinə tərcümə etmişdir.

ПЕРВЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД - 80 ЛЕТ СПУСТЯ¹

Ровно 80 лет тому назад, а точнее 26 феврал 1926 года в столице Азербайджана Баку состоялся Всесоюзный Тюркологический съезд, который вошел в историю тюркских народов как событие, положившее начало новому историческому курсу в области культуры этих народов. В нем принимало участие свыше 131 делегатов из различных регионов и областей бывшего союза, в том числе из зарубежья: например, проф. Г. Виттек из Австрии, А. Гусейнзаде (Стамбул), Ю.Месарош из Венгрии, В.Радебольд, И. Шабистари из Южного Азербайджана, Т. Менцель из Германии, Ф. Кепрюльзаде (Стамбул). Среди делегатов были такие известные тогда ученые как В.В. Бартольд, А.Е. Крымский, Л.В. Щерба, Н.Ф. Яковлев и др. Из Азербайджана было всего 6 человек. За 8 дней работы съезда были прослушаны около 40-а докладов и многочисленные выступления и прения по докладам.

Отметим сразу, что участники съезда из Азербайджана с самого начала самым решительным образом поставили вопрос о переходе к новому алфавиту. Так, например, Дж. Мамед-заде обосновал преимущество перехода к новому алфавиту в способности его ликвидировать неграмотность в кратчайшее время (Стенографический Отчет Съезда, далее СОС, стр. 242). В то же время делегация из Казани (например, делегат из Татарстана Г.Шараф) был категорически против латинизации. Он сказал, будто С. Агамалыоглы был введен в заблуждение, когда на вопрос В.Ленина «каково отношение крестьян к этому делу?» тот ответил, что доброжелательно. Тогда В.Ленин кратко произнес: «это – революция на Востоке» (СОС, стр. 259). На

---

¹ Впервые опубликована. Вак: «Mütərcim», 2006, s. 16-26.

съезде наблюдалось противостояние трех резко отличающихся друг от друга течений.

1) В первую группу вошли сторонники сохранения старого арабского письма;

2) Вторую группу составили ислахатисты, т.е. которые предлагали внедрить новоарабский (реформированный и практикуемый) алфавит;

3) Латинисты, т.е. горячие сторонники перехода к латинскому письму.

На съезде прозвучали также слова о переходе к русской графике. Сторонники нового латинского алфавита мотивировали свой выбор следующими недостатками старого арабского письма:

1) нет специальных знаков для гласных. Так, например, слово «гзфнр» (лев) не так легко прочесть не арабу. Между согласными можно вставить теоретически любой из 9-и гласных азербайджанского языка;

2) множество точек. Кроме 6 букв этого алфавита все остальные имеют 4 начертания, смотря где стоит буква: в начале, отдельно, соединяется или она с предыдущей, с последующей, с той и другой вместе. Таким образом, набор в этой письменности дойдет до 100 знаков, т.е. где - то более чем 50% против латинского. В качестве примера можно сослаться на слово /kor/ (косой), в котором точка в конце превращает слово в «видящего». В связи с этим интересно напомнит, что халиф посылает в VIII веке своего наместника в Египет и дает ему послание «прибывшего встречаете как подобает», по - арабски «кабиллу». Случайные точки на «б» превратили слово в «кати́ллу», т.е. «умертвите немедленно». Приказ приведен в исполнение и наместника не стало (СОС, стр.271-272);

3) арабский алфавит состоит из 28 -и, а латинский из 26-и букв;

4) буквы не однозначны, они читаются то как гласные, то как согласные. Далее цифры пишутся слева направо, а буквы справа налево;

5) арабское письмо не годно для музыки, так как оно идет по принципу от права налево.

Аргументы против перехода к латинскому алфавиту сводились к тому, будто он затормозит развитие культуры народов, имеющих традицию и опыт в области письма.

Надо сказать, что съезд был внутренне настроен на латинский алфавит, о чем свидетельствуют аплодисменты в знак одобрения этой идеи. Участники съезда очень высоко отзывались об опыте Азербай-

джана в области латинизации. Ведь Азербайджан последовательно внедрял латинизацию уже с 1922 года.

На 12. заседании выступил С.М. Эфендиев, который решительно отверг соображения противников латинизации. Говоря о расходах, он отбил эти доводы, приводя пример из видного латиниста Мирзы Мулким хана, который вычислил, что все расходы на перепечатание всей существующей на Ближнем Востоке литературы равны сумме, которая требуется на постройку одного броненосца (СОС, стр. 285). Затем оратор приводил в качестве примера Германию, где в то время наряду с новым латинским действовал и старый готический алфавит.

О говорил также о том, что арабский алфавит был причиной отсталости, это - господство духовенства, а латынь это - прогресс. Совершенно справедливо отметил С.М. Эфендиев, что переход к латинскому алфавиту усилит факторы культурного процветания, в корне изменит отношение Европы к нам. Другой докладчик из Азербайджана Ф. Ага-заде высказался также за поддержку латинского алфавита. Крымский татарин С. Айвазов тоже высказывался за латынь. Если казахский и киргизский представители предложили принять русский алфавит, то якутский делегат говорил о необходимости создания единого для всех тюркских народов алфавита. А делегаты из Балкари и Карачаева и Калмыкии выступили также за новый, латинский алфавит, хотя их народы прежде пользовались русским алфавитом. Чуваша то же были за латинский алфавит. Кумык Дж. Коркмазов говорил, что латинский алфавит – это революция (СОС, стр.297-99).

Возражая татарскому оратору С. Агамалы оглы, рассказал о древности литературы. Он сказал, что надо создать среду. Физули не имел культурной среды. Вед 50 лет тому назад в театре мужчины играли и женскую роль. А теперь есть актрисы (СОС, стр.300).

В арабском имеется один элемент – палочки. «Если точки снять, останется палочка, больше ничего» (СОС, стр.300).

В латинском есть два элемента: овал и палочка, например, «о» овал, а «а» овал с палочкой.

Г. Шараф в своем выступлении резко напал на известных ученых Л. Жиркова и Н. Яковлева (оба из Москвы), обвинив их в неискренности, так как по его мнению, эти ученые писали одно, но говорили другое. Он также обругал азербайджанских коллег, указав на то, что будто азербайджанская интеллигенция во многом управляется эмиграцией, что многие из них сегодня сочувствуют мусаватскому правительству, которое не было против латинского алфавита, хотя не

было постановления правительство об этом. А эмиграция всегда готова очернить СССР (СОС, стр. 308).

Надо сказать, что к тому времени в Азербайджане, Северном Кавказе и Туркмении уже был принят латинский алфавит.

Умар Алиев, делегат из Крыма, ответил на возражения Т. Шафа и других противников латыни, огласив основные принципы при латинизации. Они сводится к следующим:

1. Для каждой фонемы есть специальные знаки;
2. Знаки должны быть латинскими или произведенными от них с простыми начертаниями, т.е. никаких дополнительных знаков, как это имеет место у нас «ə»;
3. Избегать русских букв;
4. Фонемами считать те звуки, которые имеются в данном языке;
5. Избегать тождественных знаков;
6. Избегать обилия диакритических знаков;
7. Избегать системы дифтонгов;
8. За латинскими знаками оставить их первичные значения;
9. Не вводить для долготы спецзнаков;
10. Избегать знаков для твердости согласных (СОС, стр. 311).

Сразу надо отметить, что только доклад Б. Чобанзаде, который прочитан на 3-ем заседании съезда, целью которого было доказать близкое родство тюркских наречий (языков – Ф.В.), начинает поднимать те актуальные вопросы тюркологии, из-за которых собственно и был созван I Тюркологический съезд, хотя до этого много было сказано об истории, состоянии изученности литератур и языков тюркских народов. Вообще Б. Чобанзаде был одним из немногих делегатов, который очень активно участвовал во многих заседаниях съезда. Вспомним его выступление на 8ом заседании, в котором он поделился мнением о системе научной терминологии. Отметим, что такая непоколебимая позиция стоило ему и многим другим делегатом съезда жизнь в годы репрессии.

Несколько заседаний съезда, в особенности на начальном этапе, были посвящены восхвалению политике КП и советского правительства, достижениям и интернациональной политики Советского Союза.

Наше внимание привлекли доклады Л.В. Щербы об орфографии (шестое заседание) и о новейших течениях в методике преподавания родного языка (XV заседание съезда).

Здесь считаем нужным более подробно останавливаться на основных принципах орфографии, которые в дальнейшем вошли во все теоретические работы и практические пособия по языкознанию.

Л.В. Щерба был к тому времени довольно - таки известный во всей Европе ученый, один из верных учеников И.А. Бодуена де Кур-

тене, разработавший основные положения школы, имя которой было в дальнейшем связано именно с ним. Он отличался своей оригинальностью к теории фонемы. И потому его доклад, так же как и доклад Н. Яковлева, впоследствии ставшего одной из ведущих фигур в формировании московской фонологической школы, заслуживают самого пристального внимания.

Итак, что говорил Л.В. Щерба в своем докладе об орфографии и социальном значении ее принципов.

Л.В. Щерба на очень доступном языке предложил четко разграничивать вопросы алфавита и орфографии¹, которые сводятся к следующему: во первых, это- письмо, т.е. шрифт, форма зрительных знаков; во вторых, это - вопросы алфавита вне орфографии, т.е. это - техники письма, без понимания смысла написанного, иначе говоря, чистые вопросы алфавита; и наконец, как писать и читать разные слова языка, в последнем случае бывают разные принципы и приемы орфографии. Например, в латинском алфавите есть буква «х», которой в немецкой орфографии приписывается значение /ks/, а в азербайджанском языке значение /x/. То, что русская «о» может звучать также как /a/, это уже дело орфографии. Граф, это – кратчайшая линейная единица в составе слов и морфем в записанном буквенном тексте, а графема в системе буквенного письма². Алфавит это - не правило писания. Алфавит это – упорядоченная последовательность визуально отличающихся друг от друга линейных знаков. Чем меньше число знаков в алфавите, тем письмо экономнее. Во многих языках часто пользуется комбинацией знаков для выражения фонологических релевантных различий. Например, немецкий язык пользуется комбинаций «s+c+h» для выражения фонемы /ʃ/, а английский язык обозначает ту же фонему комбинацией «s+h». В таком случае можно избегать ненужных дополнительных знаков. Так, например, в нашем алфавите есть знаки «ə», «ç», «ş» и т.д. Между тем гласный /ə/ азербайджанского языка можно было бы передать через «а» с двумя точками над ним, как это мы делаем при /ö/ и /ü/. Такой подход позволил бы сохранить, с одной стороны, симметрию и, с другой избежать внесения дополнительного знака, типа «ə» в алфавит. Нам представляется, было бы логичнее передать наши фонемы /ʃ/ и /tʃ/ при помощи комбинации, соответственно «s+h» и «c+h». Тогда в нашем алфавите не было бы лишних знаков типа «ç» и «ş». Симметрию надо бы-

¹Ю.С. Маслов. Введения в языкознание. М., 1975, стр. 29.

² Там же.

ло соблюдать и в случаях с «k» и «g». Согласные /k/ и /ħ/ являются среднеязычными, они отличаются друг от друга глухостью и звонкостью. Глухой среднеязычный /k/ мы передали через букву латинского алфавита «k», а его звонкую пару логичнее было бы передать с диакритическим знаком над «k» или с правой стороны, например /kə/ или /k/. То же самое относится к противопоставлению /g/ и //. Оба фонемы - заднеязычные и звонкие. Единственное их различие это – то, что первая смычно – взрывная, а вторая - щелевая. «g» без диакритического знака надо использовать для выражения заднеязычной смычно – взрывной звонкой согласной фонемы /g/, как это принять во многих языках мира, а для её щелевой пары логичнее было бы избрать диакритический знак. Таким образом, нынешний наш алфавит выглядел бы так:

Гласные фонемы и знаки и их обозначения на письме

/a/	«a»
/o/	«o»
/u/	«u»
/i/	«i»
/e/	«e»
/ə/	«š»
/φ/	«ö»
/y/	«ü»
/ɪ/	«ı»

Согласные фонемы и знаки и их обозначения на письме

/k/	«k»
/ħ/	«k'»
/g/	«g»
/ə/	«ğ»
/ʃ/	«sh»
/j/	«j»
/tʃ/	«ch»
/dʒ/	«dsh»

Тогда мы могли бы избегать дополнительных букв «ç», «ş», «ə», «q», и «y».

В таком случае не было бы никаких отклонений от латинского алфавита типа «ç» на четвертом месте, «ş» после «s» и т.д. Это позволило бы избегать трудности в транслитерации и использовании интернета.

Любое фонографическое письмо идеальным считается тогда, когда соблюдается отношение «один к одному».

Таким образом, при принятии алфавита необходимо учесть вопрос монографии, диграфии и триграфии, о многозначности буквенных знаков, имеющих в распоряжении того или иного алфавита.

Переход к новому алфавиту неразрывно связано с орфографическими принципами. Л.В. Щерба в своем докладе определяет 4 принципа: фонетический, этимологический или словопроизводственный, иначе морфологический, исторический и идеографический.

Многие языки предпочитают фонетический, но нет такого языка с чисто фонетическими принципами. Немецкий язык подходит этому принципу 80%. Этимологический или словопроизводственный принцип исходит из: по родства слов и окончаний. Это очень подходит для русского языка. Срв.: просьба → просит, вода → водный, масло, «мясо», потому что они среднего рода: жирное масло, хорошее мясо и т.д.. В азербайджанском языке /gənd – gəndə/, в немецком /Mund – Mundes/. Сегодня сказали бы так: они входят в одну парадигму, потому и на письме соблюдается морфемное тождество.

Исторический принцип базируется на традиции. Мы пишем «iqti-bas», потому что так писали в арабском языке. «Собака» по - русски, потому что так писали традиционно. Английский язык подчиняется в основном этому принципу. Срв.: «night», «light» и т.д.

При идеографическом принципе за основу берется смысловой критерии. Если мир, значит, без мягкого знака, если есть мягкий знак, значит слова женского рода. Срв.: в русском языке /ночь/, но /мяч/. Знак ассоциируется со смыслом, а не со звучанием (СОС, стр.159).

В докладе говорилось о социальном значении этих принципов.

Само собою разумеется, что письмо есть социальный инструмент, больше чем сам язык. Фонетический принцип самый демократичный, он прост и легко. Выучи алфавит и все. Однако здесь есть но. Большинство же руководствуется «единством» языка. В таком случае был бы хаос. Сколько диалектов в Азербайджане, например, /gələ=əm/, /gələсəm/, /gəgəm/. По фонетическому принципу каждый диалект написал бы по своему.

Этимологический (морфологический) принцип хорош, потому что он сохраняет морфемное тождество. Не /qizzar/ и /qızdar/, а /qızlar/, потому что морфемой мн.числа является окончание /lar/lər/. По - русски «с кошкой», «с домом» и т.д.

В других странах (Германия, Франция) идет работа по обучении правильному произношению и грамотному письму. Этимологический

принцип дает объяснение, отвечает на вопрос «почему так, а не иначе?». А фонетический принцип это - обращение внимания на собственное произношение (СОС, стр. 160).

Исторический принцип хорош тем, что он связывает нас с опытом предков, который закреплен в литературе, письме. Пример: англичане сохраняют старую культуру. Л.В. Щерба был сторонником этого принципа. Социальное значение исторического принципа состоит в том, что он хорош для народа с большим культурным наследием (СОС, стр.160).

Идеографический – это принцип наднациональный, а этимологический – наддиалектный (СОС, стр.160).

По мнению Л.В. Щербы, правильнее было бы комбинация фонетического и этимологического принципов, ибо общих правил здесь нет. Жизнь сама должна подсказать самое верное решение (СОС, стр.161).

Вопрос орфографии мучительный и болезненный, для каждого случая, каждого языка решение его по разному, по своему (СОС, стр.161).

Главная цель - не увлекаться чрезмерно фонетическими принципами. Это сделало бы обучение страшно бессмысленным и противным.

Этимологический принцип осмысляет, помогает найти правильный ответ. Логика есть. Реформа русской графики повела к тому, что народ понял, нужно писать грамотно. Этого требует социальная порядочность. Поэтому необходимо найти комбинацию.

Выступающие на прениях, например Л. Жирков, подчеркнули, что каким бы современным не был алфавит, при написании арабизмов и заимствованных слов всегда будут проблемы (СОС, стр.161), а Г. Ибрагимов (Казань), перечислил особенности тюркских языков: сингармонизм, агглютинация, надо взять не только фонетический, но и морфологический принцип. Надо покончить с наречиями; тюркские литературные языки должны согласовывать между собой написание отдельных слов. Ф. Ага-заде же перечислил особенности и преимущество латинского алфавита (СОС, стр.168-169).

Н.Яковлев говорил, что оба принципа надо внедрять, но фонетический будет преобладать у тех, у кого большая традиция (СОС, стр.168).

В заключительном слове по докладу, Л.В. Щерба сказал, что он считает себя не компетентным по вопросу об алфавите, высказывает свои соображения. Это - вопрос национальный, он решается на основе культурно - политических соображений относительно принципов орфографии, существующих в мире.

Он сказал, что иностранные слова особо отличать не надо. Исторический принцип, это – зло и мука. Напр., английская мудрая языковая политика заключается в том, что надо постоянно подгонять язык под существующее положение. Он считает фонетический принцип идеальным, бу-

дучи членом МФА, Л.В. Шерба ратует за введение фонетического принципа (СОС, стр.177).

Преимущество латинского алфавита.

1. Интернациональность; 2. Отвечает всем требованиям науки; 3. Отсутствие диакритических знаков; 4. Отсутствие тождественности и легкая различаемость; 5. Прямострочность; 6. Простота по форме; 7. Возможности отдельного напечатания и связывания в рукописях.

К 10 годовщине ОР надо было устранить неграмотность.

Л. Жирков выступал, а затем продолжал Н. Яковлев. Он говорил, что на Северном Кавказе вопрос о русском алфавите был отвергнут, т.к. он не усвоен и не приемлем для национального чувства этих народов. По этой причине он стоит на латинизации. Киргизы, туркмены не имели письменности. Н. Яковлев поднял вопрос о согласовании алфавита и графем среди тюркских народов. Это культурное сотрудничество народов. (СОС, стр. 319).

Он развил тезис: чем грамотнее народ, тем сложнее переход к новому алфавиту. Наиболее отсталый народ легко переходит к новому алфавиту. Он сравнивает Азербайджан (1, 1,5% национальная грамотность) и Татарстан (25%). Н. Яковлев предложил свою формулу для построения алфавита (СОС, стр. 216-217).

Резолюцию по переходу к латинскому алфавиту огласил Дж. Коркмазов (кумык), которая содержала 2 пункта.

1. Введение нового алфавита съезд считает делом каждой республики и каждого народа; 2. Изучить опыт Азербайджана и других республик и областей, где был введен латинский алфавит (Якутия, Ингушетия, Карачаева-Черкессия, Кабардина, Балкария, Осетия и Чечня). К резолюции присоединилась Башкирия. Татарский представитель ратовал за сохранение обоих шрифтов, (он предложил вопрос оставить открытым, передать 2-му ТС-у, образовать две комиссии – из латинистов и ислахатистов) (СОС, стр. 321).

За резолюцию проголосовали 101, (за Г. Шарафа – 7, воздержались – 9 человек). Затем избрана комиссия для редактирования резолюции в составе 26 человек, из них 2 известных лингвиста – Н. Яковлев и Л. Жирков, в том числе азербайджанцы Г. Джабиев (ред. газ. «Коммунист») Д. Мамед-заде, проф. Б. Чобанзаде. Затем все ушли на торжественное заседание, посвя. 500-летию А. Наваи.

На 14-ом заседании рассматривался вопрос о развитии литературного языка тюркских народов. С основным докладом выступил Ф. Кепрюлзаде, делегат из Турции. Он указал на 2 наречия: первое – это «хакание», т.е. тюркское, которое существовало в Кашгаре, родине Махмуда Кашкарского, сходное с «чигил», «ягма», «аргу», «тохсы» и «уйгур» - это

все те наречие которые существовали до пятого века мусульманской эры; 2-ое западное т.е. огузское наречие: кыпчакское, «емак», «печенегское», «балкарское», в особенности «кыпчакское – емакское» (СОС, стр. 325).

На «хакание» в средней Азии были созданы «Кутадгу – Билик», «Хебетуль – Хакаику», переводы Корана, «Муккадемет – Ульвирд», рассказы об Абу-Муслиме и др. К такого рода произведениям следует отнести также «Диван - ат Люгат». Произведение Ахмеда Есеви (630 г.), хиднеры в стихотворной форме до после монгольского нашествия в Хорезме, т.н. «Бедр-Эддин-Харнав» словарь Кангли, посвященный Джелаледдину Хорезмскому, «Неджун Неыадис» 759 года ест продукты этого наречия. Джагатайское наречие, «Хусрев и Ширин» Хаджи Кутива (в стихотворной форме – 741 г.), «Мухаббет-наме» Хаджи Хаваризми (754), «Джемд-жеме – наме» и «Хусам Кятыб» (770), Мевляна Исхак, Имади Мевлеви, Ахму Ходжа Сарай, Абдул - Меджид, Тунглу-Ходжа, Гюлистан-Туджи (793), Сейфи Сарай (СОС, стр.326).

В VIII веке мусульманской эры огузское наречие распалось на восточно и западно-огузские, т.е. на «Азери» и на анатолийское.

А.А. Самойлович (Ленинград) называет язык, на котором говорят турецкие народы, который распадается на чувашский, якутский, а только остальные, представляют не особый язык, диалекты и говоры единого тюркского языка (СОС, стр.328). Близость между этими диалектами больше чем между славянскими и германскими. Он ссылается на И.Гаспралы. По его наблюдениям идет повсеместное сближение диалектов и говоров. Однако даже при советской власти такого сближения не было, наоборот, сильно углубилось расхождение между отдельными тюркскими языками (СОС, стр.329).

Между прочим в своем выступлении Г. Джабиев возражал против слова «ахип», которое внедрялось вместо «джерейан». Напрасно! Ведь это был одним из тех неологизмов, которые в дальнейшем полностью освоились и закрепились в нашем языке. Затем предлагается комиссия по выработке резолюции в едином языке под руководством акад. С. Олденбурга (Ленинград). В комиссию вошли Р.Ахундов, Б. Чобанзаде, Г. Джабиев (СОС, стр.335).

15-ое заседание посвящено прениям по вопросу о литературном языке.

После этого выступает, уже в третий раз, Л.В. Щерба, который с присущей ему скромностью, говорил о 2-х методах преподавания родного языка: звуковой и метод целых слов, или американской метод. Американский метод базируется на английском языке, имеющий историческую орфографию, к которой очень трудно, если не невозможно применить звуковой метод в его чистом виде. Там правила соответствия письма и

звука неуловимы. Даются слова как идеоглифы, а затем самим обучающимся предлагается упорядочивать эти соотношения (СОС, стр. 339). Звуковой метод приспособлен к фонетической орфографии. Л.В. Щерба сказал, что у нас увлекаются американским методом, потому что в нем соединяется наглядное обучение. При таком методе начинают изучать сначала понятия, вещи, а затем к этому понятию приклеивают ярлык, написание. С педагогической точки зрения это очень ценно, результаты налицо, скорые и хорошие. Звуковой метод в видоизменном виде применен в Ленинграде, который употребляет Монтессори. Суть его в том, что начинают сначала со списывания, т.е. с приемов воспитания моторных элементов и потом списывания различных писем, так что дети после этого свободно различают любое слово, но еще не читают его. Чтение происходит само по себе.

Списывание удручает детей, и толку от него нет, это он возражал против автоматизации навыков письма. Успех будет тогда, когда внимание детей будет сосредоточено на самом языке.

Л.В. Щерба совершенно справедливо указал на то, что обучение орфографии связано с развитием речи. Он говорил, что надо любить язык и тонко понимать его. «Вы все влюблены в свой язык и это есть залог для успешных занятий языком» - подчеркнул он (СОС, стр. 342). Вы все билингвы и это благоприятствующие условия для развития ума, т.е. для сравнения.

Двуязычие с изучением какого-нибудь иностранного языка – это действительно большие условия.

1) В каждом языке мир представлен в своем особом виде, по-разному когда мысль освобождается из плена слова, это великий успех;

2) Уметь писать хорошо. Сознательное отношение к слову, к его подбору;

3) Формальная, - это не только суффиксы, префиксы, это и порядок слов, интонация и т.д., синтаксические формы, например: «А он трах его кулаками», «Я тебя такой трах припищу» (СОС, стр. 344).

В конце создается комиссия по выработке резолюции о методах преподавания родного языке. Отметим, что в резолюции съезда по методике преподавания родного языка были заложены все те идеи и предложения, которые были высказаны Л.В. Щербой.

На 16-ом заседании (06.03.1926) был заслушан доклад С. Ольденбурга, посвященный краеведческой работе среди тюркских народов. Он говорил что, необходимо провести перепись тюркских народов, создать картотеку, подготовить кадров и построить служебные постройки. Надо сказать, что этот доклад не был связан с основной тематикой съезда. Затем выступил Ф. Кеprüльзаде об изучении литературы тюркских языков.

О литературе анатолийско – балканских тюрков выступил Ф. Менцель, профессор из Киля.

На 17-ом заседании с докладом о культурных достижениях тюркско-татарских языков выступил М. Павлович (Москва). Здесь часто были слышны аплодисменты. На примере Азербайджана он показывал рост культурных достижений.

Затем были заслушаны доклад мандатной комиссии и резолюции съезда.

На последнем заседании съезда оглашаются резолюции о новом тюркском алфавите, об изучении тюркских языков и о связях тюркских языков с другими языковыми семьями, о методике преподавания родного языка. Первая принимается единогласно. При голосовании второй резолюции 4 голоса было против, 4 воздержались. Однако разъяснения, данного Б. Чобанзаде по слову «самодавлюющее», что преподавание языка не является подсобным предметом, вторая резолюция принимается также единогласно.

Кроме этого съезд принимает также резолюции о современном состоянии и ближайших задачах изучения истории тюркских народов, о краеведении, об орфографии тюркских языков, об организационной комиссии, о системе научной терминологии тюркских языков. На съезде было принято также постановление этнографической комиссии.

УРОВЕНЬ НОРМЫ И ОРФОФОНΙΑ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА¹

«Значение грамматики организованной системы обучения устной и письменной речи, к сожалению, осознается не сразу и не всеми. Нередко можно услышать утверждение о ненужности системы грамматических понятий и правил в обучении русскому языку. Авторы таких выступлений неоправданно суживают задачу обучения рамками устной ситуативной речи». Из «Предисловия» книги проф. М.Т. Тагиева «Лингвистические проблемы изучения русского языка». Баку, 1986, стр. 3.

Эти слова проф. М.Т. Тагиева целиком и полностью можно отнести к проблеме обучения любому неродному языку и поэтому словосочетание «русскому языку» в его изречении можно смело заменить выражением «любому неродному языку». Именно системный подход, о котором говорит наш соотечественник, может спасти нас от преследования неудач при обучении неродному языку.

При обучении неродному языку мы сталкиваемся с контактированием двух языков, каждый из которых характеризуется своими системно-структурными особенностями. Глубокое изучение этих особенностей является неотложной задачей современной прикладной лингвистики, которую принято называть конфронтативной лингвистикой. Конечной целью ее является построение теоретической базы для изучения сопоставляемых языков¹. Изучение системных отношений языка в Тагиевском понимании слова предполагает как раз всестороннее исследование «грамматически организованной системы» не только неродного, но и родного языка.

За последние десятилетия все чаще и чаще говорят о контрастном языкознании, конечной целью которого является построение теоретической модели, позволяющей прогнозировать ошибки, связанные с интерференцией при обучении неродному языку. По своему характеру взаимовлияние языков можно проиллюстрировать так:

родной язык ↔ изучаемой язык; изучаемой язык ↔ родной язык.

Л.В. Щерба подчеркивал значение сравнения и учет фактора билингвизма при обучении неродному языку. Он полагал, что би-

¹ İlk dəfə çap olunub: BSU. Tağıyev oxuları. Beynəlxalq elmi konfrans (1-2 iyun). Bakı: 2006, s. 46-52.

лингвизм создает благоприятствующие условия для развития ума учащихся².

Само собою разумеется, что конфронтация хороша тогда, когда оба контактирующих языка анализируются с применением одинаковой теории и одинаковой методики, т.к. разные теории на исходе дадут различные данные. Так, например, если мы при описании фонологической системы азербайджанского языка будем опираться на теоретические предпосылки Московской фонологической школы, для которой решающим для фонемного тождества является морфемное тождество, а при описании немецкого языка будем исходить из теории Щербы, где решающим критерием для выделения фонемы из речевого потока является потенциальная связь её с морфемой и приобретение ею таким образом самостоятельности, то, естественно, что результаты такого анализа никогда не будут совпадать, и потому теоретическое построение на основе этих данных не может отвечать элементарным требованиям, касающимся непротиворечивости, простоты и объективности анализа.

Надо сказать, что имеющиеся на сегодняшний день теоретические построения отображают парадигматические или синтагматические отношения на всех уровнях структуры языка. Мы обладаем сегодня достаточно хорошими данными относительно инвентаря единиц на всех уровнях (фонологическом, морфологическом, лексическом, на уровне синтаксических конструкций), т.е. сегодня на достаточно высоком уровне находится таксономическая лингвистика, но она не в силах раскрыть все связи, существующие на функциональном уровне. Так, например, классический труд Н.С. Трубецкого³ несмотря на всю изящность изложения, изобилие языкового материала (в нем описывается звуковой строй свыше 200 языков мира) и великолепие разработанной и применяемой теории, он далеко от идеала, так как в нем не учитывается третий аспект, а именно, аспект нормы, отмеченный еще Л.В. Щербой⁴ и развиваемый Э. Косериу⁵.

Таким образом, настоящее научное описание языка должно исходить не из дихотомического противопоставления языка (*langue*) и речи (*parole*), а тернарного, учитывающего помимо указанных выше аспектов еще и уровень нормы, занимающий промежуточный уровень между языком как система и речью как репрезентация языка⁶.

Именно при таком подходе мы можем объяснить, почему в русском языке гласные фонемы /o/ и /e/ произносятся с дифтонгоидным оттенком в начале своих реализаций. На уровне системы эти гласные противопоставлены всем остальным гласным образуя сис-

тему оппозиций: /a/ # /o/ # /u/ # /ɪ/ # /e/ # /i/. Между тем все гласные фонемы русского языка /i/ и /ɪ/ имеют в экскурсии *i* или *y* -образный переход, пренебрежением которым выдает говорящего как не *native speaker* (не носителя языка). Мы прекрасно знаем, что в азербайджанском языке нет аналогичного явления. Понятие «сита», применяемое Н.С. Трубецким⁷, оправдывает себя, если мы учтем еще и уровень нормы.

В отличие от этого азербайджанскому языку присущ сингармонизм, который проявляет себя именно на уровне нормы, нередко отождествляющийся с гармонией гласных⁸. Сингармонизм целиком относится к уровню нормы. Потому что как таковой он не присущ ни системе фонем и ни физическим экспонентам их в потоке речи. Как только слова выступают в предложении, появляется необходимость учета орфофонических особенностей, заключающихся в том, что каждое слова представляет собою не только последовательность сегментных единицу, но и наличие в нем просодических или надсегментных признаков. Это с одной стороны качество начального или корневого гласного, называемого Р.Якобсоном как зондергласный который как бы задает тон для просодической организации всего слова. Если гласный это один из гласных заднего ряда, т.е., один из /a/ /o/ /u/ /ɪ/ значит, все слово настраивается по твердой окраске, т.е. все последующие в нем гласные и согласные должны быть оформлены на твердой основе. Срв. /lal + lar + dan + smiz -mɪ/ (Вы из глухих).

Здесь все без исключения фонемы фонетически реализованы по твердой основ, потому что первый гласный является фонемой заднего ряда. По орфофоническим нормам азербайджанского языка, в этом примере смягчение согласных фонем исключено. Именно по этой причине непонятна попытка некоторых азербайджанцев, в особенности тех с русским образованием, реализовывать мягкое [l'] в словах /rol'/ (роль), /qol'/ (голь) и.т.п. Такая реализация есть следствие прямого отклонения от нормы.

Мягкий ряд имеет место, когда слово начинается с гласного переднего ряда. Если в первом и корневом слоге реализован один из гласных /e/, /i/, /ɸ/, /y/, /ə/, то все последующие фонемы, реализованные в словах, будут образовать мягкий ряд. Срв.: /əməyə/, /iʃtʃini/, /elliləʁini/ и.т.д.

Если слово начнется со слога с губным гласным, то все последующие в нем фонемы произносятся лабиализованными. Срв. /özümkünü/ (свой), /düzgünlüyünü/ (справедливость) и т.д.

Каждый, кто может контролировать движение своих произносительных органов при произношении этих слов, то легко убедится в том, что участие губ обязательно с самого начала до конца этих слова. Губы растягиваются только к их концу. Это говорит о том, что слова, начинающиеся с губного гласного, продолжают огубленность на всем протяжении произношения, хотя ни один из этих согласных образующих их фонотактику, не является губными. Действительно, не один из согласных /n/, /k/, /d/, /z/, /g/, /l/, /j/ не образуются с участием губ.

Таким образом сингармонизм азербайджанского языка представлен в трех моделях:

1. Начальный или корневой слог представлен одним из гласных заднего ряда: /a, o, u, ı/. Тогда все слово имеет твердый ряд. Срв. /balacalardan/ (из маленьких), /uzunluğunu/ (ее(его) длина) и т.д.

2. Начальный или корневой слог представлен одним из гласных переднего ряда: /e, ə, i, ö, u/. Тогда все слово имеет мягкий ряд. Срв.: /pendiriniz/ (ваш сыр), /ütüsünü/ (его уют).

3. Начальный или корневой гласный представлен либо одним из губных гласных: /o, u, ü, φ/, либо одним из негубных гласных: /e, i, ə, a, ı/. Тогда все слово будет иметь либо огубленный, либо неогубленный ряд. Срв. /düyünü/ (узелок), /odununuz/ (ваш дров) и т.д.

Естественно, что в азербайджанском языке есть слова, которые выходят за рамки этой модели: эти в основном заимствованные слова, сложные слова и интернационализмы. Срв.: /binamus/ (бессовестный), /naümid/ (безнадежный); /respublika/, /traktor/ и т.д.

В огромном большинстве наших слов мы имеем последовательность следующих гласных: /A : ı/, /A : o/, /A : u/, /o : u/, /φ : i/, /φ : 5/, /5 : i/, /y : 5/, /5 : y/ и наоборот⁹.

Вторым неотъемлемым признаком просодики азербайджанского слова является ударность его последнего слога Срв.: /araba'ı/, /araba'lar/, /arabalar'dan/ и т.д.

Как видно из этих примеров и других наблюдений над другими словами при наращении за счет суффиксов ударение переходит на эти суффиксы. Только аффиксы отрицания, получив которых слова превращаются в предложения, перетягивают ударение на предыдущий слог. Другими словами, при фонологическом описании мы не

вправе оперировать примерами /'alma/ (не покупай) и /alma'/ (яблоко) как равноправными словами, потому что первый пример представляет собой парцеллативное предложение с отрицанием, а второй – отдельное слово.

Таким образом, орфофоническое описание просодии азербайджанского слова должно исходить из теории о двувершинности его, из коих одна находится на первом или начальном слоге, а другая расположена на конечном слоге, оформляя его акцентологическую структуру. Первая вершина предопределяет его сингармоническую, вторая же акцентологическую структуру.

Только с учетом теории о двувершинности азербайджанского слова мы можем дать исчерпывающее описание просодики азербайджанского языка, что впрочем составляет актуальную задачу наших лингвистов⁹.

Литература и примечания

1. А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. (I часть). Морфология. Братислава, 1960.
2. Л.В. Щерба. Доклад на I Всесоюзном Тюркологическом съезде. Баку, 1926. Стенографический отчет съезда, стр. 342.
3. N.S. Trubeskoy. Fonologiyanın əsasları. 1939-cu il almanca nəşrindən tərcüməsi, «Son söz» və «Qeydlər» prof. F. Yadiğarıdır. Bakı, 2001. Критика отдельных положений этой книги помещена в разделе «Qeydlər», приложенном к этой книге, стр. 375.
4. Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
5. E. Koseriu. Ümumi dilçiliyə giriş. 1996-cı il almanca nəşrindən tərcüməsi, «Giriş» və «Qeydlər» prof. F. Yadiğarıdır. Bakı, 2006.
6. Такая постановка вопроса была заложена как теоретическая предпосылка в основу нашей докторской диссертации. См. Ф. Вейсалов (Вейсалли). Вариативность гласных фонем современного немецкого языка (экспериментальные данные и теоретические проблемы). АДД, Ленинград, 1980; Он же: Проблемы варьирования фонем в современной фонологии. Вопросы языкознания. М., 1990, №3; Он же: Daşıqda ədəbi dil norması haqqında. «Türk ləhcələri və ədəbiyyatı dərgisi», Ankara, 1997, s. 13-17; см. также: F.J.Vejalov. Phonem – Variante – Laut: zum Aufbau der phonetisch-phonologischen Sprachebene. „Germanistisches Jahrbuch“ 04. GUS. Das Wort. DAAD, s. 143-157.
7. N.S. Trubeskoy. Göstərilən əsər. s. 65.
8. О том, что их надо строго различать см.: Ф.Я. Вейсалли. О просодике в азербайджанском языке. «Уч. записки», БСУ, серия языка и литературы, №1-2, Баку, 2005, стр. 3-9.

9. Там же, стр 5. Следует отметить что идея о двувершинности азербайджанского языка и различении орфоэпических и орфофонических аспектов при описании азербайджанской просодики были нами высказаны еще в начале 80-х годов прошлого столетия. См. F. Veysəlov və başqaları. Eksperimental fonetika. I, II. Bakı, 1980, 1981; Yənə həmin müəllif: Fonetika və fonologiya məsələləri. Bakı, 1993. s, 49-50.

**Norma səviyyəsi və Azərbaycan dilinin orfofonik təhlili
(Xülasə)**

Məruzədə dilin sistem və struktur xüsusiyyətlərinin obyektiv təsviri üçün ənənəvi ikili yanaşma deyil, üçlü yanaşmanın vacib olması fikri irəli sürülür. Üçüncü aspekt kimi norma götürülür və Azərbaycan dilinin orfofonik xüsusiyyətləri ikizirvəlilik işığında təhlil olunur və həmahənglik kimi mühüm prosodik əlamət norma səviyyəsində öz ifadəsini tapır.

**The norm revel and orthophonic analysis of the Azerbaijani language
(Summary)**

In the thichotomy approach is put forward in the objective description of the systemic and structural characteristics of the language unlike the traditional dichotomy. As the third aspect the norm is taken and the orthophonic characteristics of the Azerbaijani language is analysed in the light of two-peakedness and harmony, as an important prosodic feature, is expressed on the level of the norm.

**I TÜRKOLÖJİ QURULTAY – 80 İL ƏVVƏL,
SONRA VƏ ƏLİFBAMIZIN HƏLL OLUNMAMIŞ
PROBLEMLƏRİ¹**

1. Türkoloji qurultayın çağrılmasını şərtləndirən amillər.

Sovetlər birliyi kimi analoqu olmayan bir dövlətin yaranmasında bu birliyə daxil olan xalqların arasında slavyanlardan sonra türkdilli xalqlar çoxluq təşkil edir. Yeni siyasi qurum çar Rusiyasından qalma savadsızlığın aradan qaldırılması üçün mərkəzi hökumətdən qəti tədbirlər görməsini tələb edirdi. Bu da fəhlə və kəndli sinfinin hakimiyyətini möhkəmlətmək üçün dünyaya nümunə ola biləcək mədəni inqilabın ölkə boyunca tez bir müddətdə həyata keçirilməsini vacib məsələ kimi gündəmə gətirirdi. Qurultayın açılışında o zaman hakimiyyətin ən yüksək zirvəsində olan Azərbaycan və Zaqafqaziya MİK-nin sədri S. Ağamalıoğlunun təbrik nitqində bu məsələyə xüsusi yer ayrılmışdı. Qurultayda

¹ İlk dəfə çap olunub: ADU, I Beynəlxalq türkoloji qurultayın 80 illiyinə həsr edilmiş Beynəlxalq konfrans materialları. Bakı, 2008, s. 29-40

R.Axundovun, SSRİ MİK-nin sədri Q.Musabəyovun çıxış etməsi, həmçinin digər natiqlərin açılışdakı təbrik çıxışları tam aydınlığı ilə bir daha təsdiq edir ki, bu qurultay mərkəzi şura hökumətinin şərqdə mədəni inqilab siyasətinin tərkib hissəsi kimi nəzərdən keçirilməlidir: əyalətlərdə iqtisadi tərəqqiyə nail olmaq, savadsızlığı aradan qaldırmaq, yazısı olmayan dillər üçün əlifba yaratmaq yerlərdə çar Rusiyasından qalma geriliyə son qoymaq. Bütün işləri həyata keçirmək üçün belə böyük miqyaslı qurultayın keçirilməsinə ehtiyac vardı. Nəhayət, qurultay yeni yaranan imperiyanın – sovet imperiyasının təbliği üçün son dərəcə əlverişli bir rüpor rolunu oynayır. Qurultaya dəvət almış çoxsaylı nümayəndələr sonra şura hökumətinin, şəxsən İ. Stalinin elmə, təhsilə, maarifə, mədəniyyətə və ən ümdəsi isə türk dilli xalqların yeni mütərəqqi bir dövrə qədəm qoyduğunu dünyanın hər yerində danışacaq və onun nümunə ola biləcəyini əyani şəkildə göstərəcəkdilər. Bunlar qurultaya bəslənən ideoloji ümidlərdən xəbər verirdi. Qurultaya elmi ictimaiyyət daha bir məqsədlə yanaşırdı. Qərb şərqə öyrənirdi, bütün Avropada şərqşünaslıq mərkəzləri yaranırdı. Məs., hələ XIX əsrin ortalarında həmyerlimiz M. Kazımbəylin rəhbərliylə S.Peterburq universitetində şərqşünaslıq fakültəsi yaradılmışdı, onun «Türk-tatar dilinin ümumi qrammatikası»(1839) Avropa şərqşünaslarının stolüstü kitabına çevrilmişdi. Ancaq şərqin qərbə çıxışı hələ də məhdud idi. Qurultay bu sahələrdə boşluqları doldurmaq niyyətini gizlətmirdi.

Təsadüfi deyil ki, qurultayda «Türk xalqlarının tarixinin öyrənilməsinin hazırkı vəziyyəti və yaxın gələcəkdə vəzifələri» haqda məruzəni tanınmış türkoloq akad. V.V. Bartold etdi. Yeri gəlmişkən qeyd edək ki, qurultayın 131 nümayəndəsi arasında dünyanın müxtəlif yerlərindən alimlər vardı (Avstriyadan P.Vitte, Macarıstandan Y.Mesroş, Cənubi Azərbaycandan V.Radebold, İ. Şəbüstari, Almaniyadan Q. Mentsel və N. Pope, Türkiyədən F. Köprülzadə, İstanbuldan Ə. Hüseyinzadə, Rusiyadan tanınmış alimlər akademiklər V. Bartold, S. Oldenburq, A.Krımkiy, professorlar L.Şerba, N. Yakovlev və onlarla başqaları). V.V. Bartold türk xalqlarının qədim tarixini bir daha yada saldı, müxtəlif tarixi kəsiklərdə mövcud olmuş, lakin sonralar itib batmış mənbələri dilə gətirdi, ancaq əsil türkoloqun həm də yunan, ərəb, fars, çin və digər dillərdəki mənbələri dərinlən öyrənməsinin vacibliyini vurğuladı (Qurultayın stenografik hesabatı bundan sonra HSH, s. 22). Onun məruzəsinin əsas ideyalarından biri də o idi ki, türk xalqlarının tədqiqatları öz milli nailiyyətlərini qoruyub saxlamaqla yanaşı, qərb mədəniyyətlərini də mənimsəməlidirlər (HSH, s. 32).

2. Niyə məhz Bakıda çağırıldı qurultay

Birinci Türkoloji qurultayın Bakıda çağırılması təsadüfi deyildi. Hələ N.Nərimanovun dövründə belə bir forumun çağırılması fikri ortalığa qoyulmuşdu. Digər tərəfdən artıq 1922-ci ildən başlayaraq S. Ağamalıoğlunun təşəbbüsü ilə professor B.Çobanzadə Bakıya dəvət edilmiş və latın əlifbasına keçidə hazırlıq işləri görülürdü. Ümumiyyətlə, ərəb əlifbasından qurtulmaq üçün Azərbaycanın görkəmli ziyalıları, o cümlədən M.F. Axundov tutarlı dəlillər gətirərək latın üstünlüyü fikrini dəfələrlə söyləmişdilər. Elə S.Ağamalıoğlunun qurultayda Leninin «kəndlilər bu işə necə baxırlar?» sualını «müsbət» kimi cavablandırması bir daha göstərir ki, bizim o zamankı rəhbərlərimiz latın əlifbasına keçmək fikrini mərkəzdə dəfələrlə müzakirə edibləmiş, partiya və hökumətin bu məsələ ilə bağlı razılığını alıblarmış. Elə buna görə də qurultayın keçirilməsi üçün sosialist inqilabında, xüsusilə də latın əlifbasına keçid sahəsində böyük təcrübəsi olan Azərbaycanın paytaxtı – Bakı şəhəri seçilmişdi.

3. Qurultayda qaldırılan məsələlər

8 gün ərzində (26.02-5.03.1926) qurultay 17 iclas keçirdi. Bu iclasların gündəliyini sadalamaq fikrindən uzağıq. Burada yalnız qurultayda qaldırılan məsələləri aşağıdakı kimi qruplaşdırmaq istərdik.

1. Türk xalqlarının tarixinin, ədəbiyyatının, etnoqrafiyasının, incəsənətinin, mədəniyyətinin keçmişi və hazırkı vəziyyəti baxımından öyrənilməsi (burada akad. V.V. Bartold, Q. Qubaydulin (tatar), G.Mesaros (macar), A.A. Miller, F. Mentsel (Almaniya), M.Pavloviç (Moskva) və s.-nin məruzələrini xüsusi qeyd etmək lazımdır).

2. Türk dillərinin qohumluğu, inkişafı, türkologiyanın nailiyyətləri, türk dillərinin başqa dillərlə qarşılıqlı əlaqəsi (buraya F. Köprülzadə (İstanbul), B. Çobanzadə, N. Pope (Berlin), A. Genko (L., EA), A.Samoyloviç (L.), N.Aşmarin (Bakı), R.Açaryan (İrəvan, bu erməni mərəzəsilə bağlı aşağıda söhbət gedəcək) aid etmək olar).

3. Orfoqrafiya məsələləri (L.V. Şerba (L.), L. Jirkov (Moskva), Q. İbrahimov (Kazan), Ş.Rahimi (Təşkənd), F. Ağazadə (Bakı), A. Baytursun (Qazaxıstan) və s. məruzəçilər bu problemi qaldırıblar).

4. Türk dillərində elmi terminologiyanın prinsipləri (A.Zifeld-Simunyaqi (Estoniya), B. Çobanzadə (Bakı), X. Odabaş (Kırım), H. Zeynallı (Bakı), A.Baytursun (Qazaxıstan) və s.-in çıxışları buna misal ola bilər).

5. Əlifba məsələləri. Qurultayın 9-13-cü iclasları məhz əlifbanın tərtibi, texnikası, habelə qrafika məsələlərinin müzakirəsinə həsr olunub. Qeyd edək ki, bu məsələlərin müzakirəsi tanınmış dilçi – alim N. Yakovlevin (Moskva) məruzəsilə başlanıb. Sonra isə L.Jirkov (Moskva), J.Mamed-zadə (Bakı), Q. Şaraf (Kazan), N. Türyakulov (Moskva), Y.

Əliyev (Dağıstan), B.Berdiyev (Türkmənistan) və başqaları məsələ ilə bağlı qurultayda məruzə ediblər.

6. Ana dilinin tədrisində ən yeni cərəyanlar. L. Şerba (Leninqrad), İ.Lemanov (Moskva) məruzələrində bu məsələni işıqlandırılırlar.

7. Türk xalqları arasında diyarşünaslıq işinin metodları. Bununla bağlı akad. S. Oldenburq (Leninqrad) cəniş məruzə ilə çıxış edib.

Qurultay yeni türk əlifbası, türk dillərinin öyrənilməsi və onların başqa dil ailələri ilə əlaqələri, türk xalqlarının tarixinin hazırkı vəziyyəti və ən yaxın vəzifələri, diyarşünaslıq, türk dillərinin orfoqrafıysı, türk dillərində elmi terminologiya sistemi haqqında qətnamələr və Türkoloji qurultayın etnoqrafik komissiyasının ayrıca qərarını qəbul etdi.

4. Qurultayın əlifba məsələləri üzrə qətnaməsi

Məlumdur ki, qurultay haqqında çox yazılıb və çox söz deyilib (bu yaxınlarda «Ədəbiyyat» qəzetində akad. B. Nəbiyev, müxbir üzv T. Hacıyev və b.). Biz bu bölmədə əlifba məsələləri üzərində bir qədər geniş dayanmaq istərdik. Bəri başdan qeyd edək ki, əlifba ilə bağlı qurultayda 4 istiqamət vardı: 1) islahatçılar; 2) ərəb əlifbasının saxlanılması tərəfdarları; 3) rus əlifbası tərəfdarları; 4) yeni əlifbaçılar, yəni latınçılar.

İslahatçılar bayrağı altında Tatarıstan və Kazaxstan nümayəndələri çıxış edirdilər. Ancaq qurultayda mütləq çoxluq yeni əlifbaçıların tərəfindəydi. Bunu qətnamənin qəbulunda səsələrin bölgüsü təsdiq edir: 131 nümayəndədən 101-i latın əlifbasının qəbuluna, 7-si islah olunmuş ərəb əlifbası variantına, 9-u isə bitərəf qalmışdı.

Yeni latın əlifbasının qəbulunda ən ümdə aimllər arasında. Azərbaycan başda olmaqla 14 türk dilli respublika və vilayətrin təcrübəsi mühüm rol oynadı. Qətnamədə latın əlifbasının ərəb və islah edilmiş ərəb əlifbasından üstünlüyü və texniki, tarixi və mütərəqqi əhəmiyyəti əsas götürülərək qəbul olunması və həyata keçirilməsi hər bir xalqın və respublikanın öz işi olması vurğulanır. 2-ci bənddə isə yeni əlifbanın tətbiqində Azərbaycanın və digər respublika və vilayətlərin təcrübəsinin öyrənilməsi tövsiyə edilir.

Məlumdur ki, bizim Respublika yalnız 1929-cu ildə rəsmi olaraq bu əlifbanı qəbul etdi. Türkiyədə isə 1926-cu ildən latın əlifbası rəsmi şəkildə təsdiq olundu.

Latın əlifbasının üstünlü barədə çox deyilib. İlk öncə bu əlifbada işarələrin sayı azdır (ərəb əlifbasında 28, latın əlifbasında isə 26). Bundan başqa ərəb əlifbasından fərqli olaraq latın əlifbasında sait və samitlər üçün xüsusi işarələrin olması, hər yerdə qrafemlərin eyni şəkildə yazılması (məs., /utan – qtu – yumuldu/, yazı soldan sağa istiqamətindədir (Bu musiqidə də uğurla tətbiq olunan texnikadır, rəqəmlər də belə yazılır-F.V.), latın əlifbası bütün dünyada yayılıb, burada diakritik işarə yox-

dur, hərfələr kifayət qədər fərqlidir, sadədir, çapda ayrı yazılması, əlyazmasında isə birləşdirilməsi mümkündür, qənaətlidir və s. üstün cəhətlər xüsusi olaraq qeyd edilirdi.

Ərəb əlifbasında isə 6 hərfdən başqa digər hərflərin hamısının 4 cür yazılışı var, yazı soldan sağa istiqamətindədir. Bu musiqidə notların yazılmasında ciddi maneələr yaradır. Ərəb əlifbasında bir nöqtənin yeri düz düşməsə söz tamam başqa cür oxunur: kor – gör və s.

Latın əlifbasının əleyhidarları yeni əlifbanın mədəni inkişafa maneçilik törədəcəyini, xalqın tarixi – mədəni irsinin unudulacağını, əlaqələrin üzüləcəyini bəhanə gətirirdilər. Bəzən məsələlərin qoyuluşunda elmi-nəzəri baxımdan anlaşılmaqlar və ziddiyyətlər müşahidə olunur. Çoxları sadələşməsinə əlifbanın dəyişməsinə dilin dəyişməsi kimi başa düşürlər. Halbuki, əlifba simvoldur, yazıda bir-birindən kifayət qədər fərqli şəkli olan kodun işarələridir. Əlbət ki, əlifbanın tez-tez dəyişməsi yaxşı hal deyildir. Ancaq sivilizasiyanın müəyyən mərhələsində zamanın tələbindən qaçmaq olmaz. Bizdə əlifba dəyişikliyinə etiraz edənlər gürcülərin və ermənilərin əlifbasının dəyişməz qaldığını nümunə göstərirlər. Ancaq bu gün hamıya gün kimi aydındır ki, müasir mediya kanallarında bütün informasiya vasitələrinin qloballaşmaya uyğun inkişaf etdiyi bir dövrdə gürcü və erməni əlifbası ilə uzağa getmək qeyri-mümkündür. Biz ikinci dəfə rəsmi şəkildə əlifbanı dəyişdik. Ancaq bizim bugünkü əlifbamız dolğun və qanecedicidirmi?

Əlifbada məsələsində aşağıdakı amillər mütləq nəzərə alınmalıdır: 1) əlifbadakı hərflər, işarələr vizual baxımdan kifayət qədər fərqli olmalıdırlar; 2) imkan daxilində hər bir fonemin öz işarəsi olmalıdır. Belə yazı ideal sayılır. Söhbət mücərrəd mənada eynilikdən gedir, çünki dildə hər bir fonem mövqə və əhatədən asılı olaraq müxtəlif variantlarda çıxış edir. Bu çalarlıqları əlifbanın tərtibçisi nəzərə almamalıdır; 3) əlifba vahid olmalı, yalnız hər bir dilə xas olan fonoloji dəyəri vermək üçün əlavə diakritik işarədən istifadə olunmalıdır. Ancaq daha yaxşı olar ki, bu işarələrin əvəzinə hərflərin kombinasiyasından istifadə olunsun. Məs., almanlar /ʃ/ fonemini yazıda «s+c+h» ilə, ingilislər isə «s+h» ilə verirlər. Və ya /tʃ/ afrikatını almanlar «t+s+c+h», ingilislər isə «c+h» ilə verirlər. Bu cür kombinasiyaların üstünlüyü ondadır ki, latın əlifbasına heç bir işarə əlavə edilmir. Yəni latın əlifbasında 26 hərfdən başqa heç bir yeni işarə artırılmayıb. Biz isə latın əlifbası sandığına «ə», «ş», «ç», «ğ», «ö» və «ü» kimi işarələr əlavə etməklə onu çevirib eləmişik calağ əlifba. Bu cür əlavələr latın əlifbasında hərf düzümünü də anlaşılmaqlar edir. Məs., latın əlifbasının bizim qəbul etdiyimiz variantında A, B, C ardıcılığından sonra gözlənilmədən «Ç» gəlir ki, bunu da heç cür başa düşmək olmur.

Türklər o zaman qabağa düşüb latın əlifbasını rəsmi olaraq qəbul etdilər və biz də növbəti dəfə bu əlifbaya qayıdanda əlifbanı təxminən onlarda olduğu kimi qəbul etdik, ancaq ona /ə/ saitini artırdıq. Deməli, biz öz dilimizin spesifik fonemlərini bildirmək üçün diakritik işarələrə üstünlük verdik. Ancaq bu zaman simmetriyanı pozduq. Əgər «o» və «u» üstündə iki nöqtə müvafiq olaraq incə saitləri bildirirsə, onda «a» üstündə iki nöqtə də /ə/ saitini ifadə edə bilərdi. Bu zaman yeni bir işarədən, yəni «ə»dən qaçardıq və bütövlükdə simmetriyanı gözləmiş olardıq. Eynilə «g» və «ğ»-nın verilməsində də bu Prinsipi tətbiq etmək olardı. İndiki /k/ samitinin ən yaxın cütü olan samiti vermək üçün ona diakritiki şərh əlavə etmək olardı. Onda «g» elə dılarxası kipləşən – novlu samiti bildirərdi, onun cingiltili qarşılığını isə üstünə işarə qoymaqla verə bilərdik. Deməli, əlifbamızda ciddi islahat aparmaq ehtiyacı var. O zaman biz «ə», «g», «ğ» kimi işarələri artıq kimi çıxarıb ata bilərik. Deməli, bu təklif nəzərə alınsa, bizim əlifbamız qismən belə olar:

Fonemlər (saitlər) əlifbadakı işarə fonemlər(samitlər) əlifbadakı işarə

/a/ -	«a»	/k/ -	«k'»
/o/ -	«o»	/g/-	«g»
/u/ -	«u»	/h/ -	«g»
/φ/ -	«ö»	/ʎ/ -	«ğ»
/ə/ -	«ä»		
/i/ -	«i»		

Məsələnin belə qoyuluşu bizim Beynəlxalq yazışmalarımıza, internetdən istifadədə, toponimlərimizin başqa dillərdə, xüsusilə ingilis dilinə transliterasiyasına ciddi köməklik olardı.

Son zamanlar ad və soyadlarımızın başqa dillərə və ya onların başqa dillərdən bizim dilə transliterasiya odunmasına ciddi etirazlar eşidilir. Xaricilər bizim toponimlərimizi pasportda olduğu kimi verməyi tələb edirlər. Əvəllər bunların hamısı rus dili vasitəsilə edilirdi. İndi isə pasport və viza bölməsində oturan məmurlar adlarımızı və soyadlarımızı necə gəldi ingilis dilinə transliterasiya edib sənədə yazırlar. Sonra isə vətəndaşlarımız bu ölkələrin səfirliklərinə müraciət edəndə bürokratik əngəllər üzə çıxır. Məs., əcnəbilərdən «Aleksandr» adlı bir nəfər bizə müraciət edəndə biz onun adını sənəddə elə belə yazdıq. Lakin sonra o bizə iddia ilə müraciət etdi ki, onun adı düzgün yazılmayıb. Görək biz onun adını «Alexandr» kimi yazaydıq. Məsələnin elmi izahını vermək üçün çox enerji və vaxt sərf etmək lazım gəldi. Bu cür aktualıq kəsb edən problemi həll etmək üçün ölkəmizin aidi qurumları (XİN, DİN, ƏN, TN və s) bir yerə yığılıb adlarımızın, soyadlarımızın, yer, küçə, şəhər və

s. adlarının vahid variantda lüğətini sifariş verib çapını təmin etməlidirlər.

Fikrimizcə, I türkoloji Qurultayın əlifba sahəsində qətnaməsini həyata keçirmək bütün türk xalqları üçün latın əlifbasının dəyişikliksiz və əlavəsiz qəbul olunması idi. Bu və ya digər dilin spesifik fonemlərini isə kombinasiya ilə vermək doğru olardı. Məs., türkmən dilindəki /1/ və /4/ samitlərini ingilislər kimi «t+h» kombinasiyası ilə verməklə biz qardaş xalqın yazısını asanlıqla oxuya bilərik.

5. Qurultayın orfoqrafiya və terminologiya haqqında qətnaməsi

Qurultayın geniş müzakirə elədiyi digər məsələ orfoqrafiya məsələsi idi. Bununla bağlı qurultayda 9 bənddən ibarət qətnamə qəbul edilmişdi. Bunlar arasında fonetik və morfoloji prinsipə üstünlük verilirdi. Etimoloji prinsip isə hər bir xalqın ənənəsindən asılı olaraq həyata keçirilə bilər. Ancaq orfoqrafik lüğətlərin və vahid fonetik transkripsiya sisteminin işlənilib hazırlanması da bir vəzifə kimi irəli sürülmüşdü. Təəssüf ki, bunların heç birisi həyata keçmədi.

Qurultayın qətnamələri arasında türk dillərində elmi terminologiya sistemlə bağlı qəbul edilən qətnamə çox önəmli yer tutur. 13 bənddən ibarət qətnamədə çox dəyərli məsələlər qaldırıldı. Məs., elmi terminlərin ümumtürk lüğətinin hazırlanması, bu zaman daha asan və daha anlaşılıq terminlərin seçilməsi tövsiyyə olunurdu.

Qey edək ki, bu məsələ bu gün də aktuallığını itirməyib. Mənim çalışdığım Azərbaycan Dillər Universitetində son zamanlar çoxlu türk tələbələr təhsil alır. Mən «Roman-german dilçiliyinə giriş» fənnindən onlara mühazirə oxuyuram. Onlardan tez-tez şikayətlər eşidirəm.. «Hocam başa düşürük, anlamırıq və s.». Doğrudan da, bu gün Türkiyədə dilçiliyə dair yazılmış əsəri biz çətin başa düşürük, türk qardaşlarımız bizim yazdıqlarımızı, demək olar ki, anlamırlar.

Hələ mən başqa türk dilli xalqlardan danışmıram. Terminlər və deyimlər bəm-başqadır. Bütün bunlar bir daha sübut edir ki, I Türkoloji Qurultayın ümumtürk dili və terminologiyası ilə bağlı qərarları, təəssüf ki, kağız üzərində qaldı.

Heç ümumişlək sözlər də uyğunlaşmır. Məs., bizə ən yaxın olan və tez-tez təmasda olduğumuz Türkiyə türkcəsində söz və ifadələrdə, onların intonasiya və vurğusunda o qədər fərqləri var ki, bunlar türk dillərinin yaxınlaşmasından uzaqlaşmasından xəbər verir. Məs., bizdəki «qatar» sözünü onlar nədənsə qəbul etmirlər, onlar üçün «tren» daha əlverişlidir. «Kuaför», «lokanto», «sokak» və s. yüzlərlə belə sözlər var ki, bənlər ümumtürk dilinin yaranmasında yalnız maneə ola bilər. Biz onlardan «uçaq», «özəl» və s. kimi sözləri götürürük və həvəslə öz aktiv lüğətimizə daxil edirik. Ancaq təəssüf ki, eyni sözləri onlar haqqında deyər bilmi-

rik. İstanbul ləhcəsində vurğunun birinci heca üzərinə keçirilməsi, intonasiya konturunda adətən birinci hecanın yüksək tonla deyilməsi artıq adı hala çevrilmişdir. Türk dilində /ə/ saitinin orfoqrafiyadan çıxarılması da o demək deyildir ki, bu dildə danışanlar həmin saiddən tam imtina ediblər.

Qurultayda gündəmdə olan vahid türk dilinin yaranması ideyası bugünkü gerçəklik baxımdan illüziyadan başqa bir şey deyildir.

Qurultayın 5-ci iclasında (28.02.1926) İrəvandan gəlmiş nümayəndə T.Açaryan çıxışına bu sözlərlə başlayır ki, guya türklər ilk dəfə Ermənistanı 1021-ci ildə girib və az müddətdə bütün Ermənistanı fəth ediblər. Türk dilinin erməni dilinə təsiri böyükdür və bu da özünü onda göstərir ki, guya erməni dilində 4000 türk alınmaları var. Bu elmi cəhətdən yanlış və zərərli fikrə qarşı bütün qurultay boyu heç kim tutarlı cavab verməyib. Həmişə olduğu kimi, biz azərbaycanlılar bir yana, heç cənab F. Köprülzadə də bu fikrə öz münasibətini bildirməyib. Türk arkadaşlarımız bu gün bizə böyük qardaşlıq etmək istəyirlər. Biz onlardan öyrənməyi qəbahət saymırıq, amma Allahı sevərsiniz, bizi də aşağılamayın. Bizim də onlara deyəsi sözüümüz var. Qarşılıqlı sevgi və sayğı ilə konuşmağımız gərək.

Qurultayda qəbul olunan qətnamələrdən biri də ana dili tədrisinin metodikaya həsr olunub. Bu qətnamə 11 bənddən ibarətdir. Burada fonetik və bütöv söz metodlarına üstünlük verilməsi tövsiyyə olunur, ikidilliliyin şagirdlərdə savadın artırılmasında baza olması, qrammatikaya fikir verilməsi, şifahi nitq vərdişlərinin aşılması, tədrisin ilk mərhələsində türk xalqlarının ədəbiyyatına əsas yer ayrılması, ikinci mərhələdə isə başqa türk xalqlarının ədəbi nümunələrindən istifadə olunmalıdır. Bunun üçün xrestomatiyalar tərtib olunmalıdır.

6. Qurultaydan sonra

Qurultay başa çatdı, İnternasional oxundu, nümayəndələr dağılıb getdilər. Türkiyə 1926-cı ildə latın əlifbasını qəbul etdi. Biz isə yalnız 1929-cü ildə rəsmi olaraq əlifbanı qəbul etdik. Əlifba ideyasının tərəfdarları B.Çobanzadə, S. Mümtaz, R. Axundov və digərləri Stalin repressiyasının qurbanı oldular, məhv edildilər. İmperiyanın ideoloqları və onlara quyruq bulayan öz məmurlarımız latın əlifbasını dəyişdirdilər. Qurultayın dilin, ədəbiyyatın və mədəniyyətin dirçəlişinə yönəlik qərarları unuduldu, dilçilikdə «marrizm» tüğyan etməyə başladı.

Təəssüf ki, N.S. Xruşovun vaxtında yaranmış liberallaşmadan Respublikamızın elmi ictimaiyyəti layiqincə yaralana bilmədi. I Türkoloji Qurultayın materialları toplanıb çap olunmadı. Heç bu işə bu gün də başlanılmayıb. Bu gün qurultayın yalnız rus dilində olan məruzə və çıxışların stenoqrafik hesabatından başqa əlimizdə heç nə yoxdur. Azərbaycanın

böyük dilçilər ordusu bu gün də qurultayın materiallarına həsrətdir. M. Kaşğarlımın məlum əsəri bizdə hələ də işıq üzü görməyib.

Düzdür, müstəqillik qazanan kimi biz rəsmi olaraq latın əlifbasına qayıtdıq. Yeni orfoqrafiya qaydaları da təsdiq olundu. Lakin bunların hər ikisi haqqında mətbuatda müzakirə aparılmasına böyük ehtiyac var.

Bu gün vahid ümumtürk dilinin yaranması da gündəmdə olan məsələdir. Ancaq bunlar çox incəliklə və qayğıkeşliklə həll olunmalıdır.

ZUSAMMENFASSUNG

In diesem Beitrag werden die Tagungsmaterialien der I. Türkologietagung, die vor 80 Jahren (26. II. – 5.III.1926) in Baku stattfand, einer kritischen Analyse unterzogen. Die I. Türkologietagung stellte sich das Ziel, das Analphabetentum in entfernten Kreisen vom Zarenrußland, einschließlich der Turksprachenrepubliken (Aserbaidshan, Kasachstan, Turkmenistan, Uzbekistan, Kirgisistan usw.) zu liquidieren und die Frage des Übergangs zum lateinischen Alphabet endgültig zu lösen. An der Tagung nahmen hervorragende Wissenschaftler aus Europa (P. Vittek aus Österreich, G.Metzel und N.Poppe aus Deutschland, J. Mesarosch aus Ungarn) teil. Unter den Delegierten waren weltbekannte Sprach- und Literaturwissenschaftler wie z.B. die Akademiker V.Bartold, S.Oldenburger, A.Krymski, Professoren L.Schtscherba, N.Jakovlev (insgesamt 131 Delegierte). Das 8 Tage dauernde Forum verlief in Baku, weil die Aserbaidshaner seit den ersten Tagen der Errichtung der Sowjetmacht in Aserbaidshan für das neue Alphabet auftraten. Eigentlich das Ringen ums neue Alphabet hatte in Aserbaidhan eine lange Geschichte, nämlich M.F.Achundov, der große Denker des aserbaidshanischen Volkes des XIX Jahrhunderts zeichnete sich als Gegner des arabischen Schriftums aus, äusserte seine feste Stellungnahme zum Lateinischen. Seitdem war dieser Gedanke unter den aserbaidshanischen Intelligenten gang und gäbe. Die lokalen kommunistischen Funktionäre, wie z.B. S. Agamalyoglu und andere setzten sich für die Aufnahme des lateinischen Alphabets in Aserbaidshan ein. Das hatte zur Folge, dass in Aserbaidshan seit 1922 eine Kommission gegründet wurde, an deren Arbeit bekannter Turkologe Prof. B.Tschobanzade, eingeladen nach Aserbaidshan aus der Krim, konsequent teilgenommen hatte. Auf der Tagung wurden 7 Probleme aufgeworfen und diskutiert, die für die Perspektive der Turkologie von erheblicher Bedeutung waren. Es muss gesagt werden, dass die Tagung keine endgültigen Beschlüsse zu keiner von diskutierten Fragen verabschiedet hatte. Es folgten Empfehlungen und Ratschläge zu jeder von diesen Fragen. Die I. Türkologietagung ging zu Ende (Gleich im Jahre 1926 hat man in der Türkei das lateinische Alphabet aufgenommen, die Aserbaidshaner aber haben dasselbe erst 3 Jahre später getan. Leider hat das sich nur bis zum 1939 durchgehalten, weil es durch das Kyrillische ersetzt wurde). Die meisten von aktiven Teilnehmern wurden vom Stalin-Regime verjagt, repressiert und ermordet, darunter auch viele Dichter und Schriftsteller, die diese Initiative unterstützten. Nach der Auflösung der Sowjetunion haben wir der ermordeten Intelligenten gedacht und das lateini-

sche Alphabet in unserer Republik hergestellt. Seit 1992 arbeiten und leben wir wieder mit lateinischem Alphabet. Im Beitrag werden im Weiteren die Probleme besprochen, die mit Nachteilen des gegenwärtigen aserbaidshanischen Alphabets zusammenhängen, wie z.B. die Grapheme „q“, „ə“, „y“ usw.

SOME REMARKS ABOUT THE PROSODIC STRUCTURE IN AZERBAIJANI¹

In modern Azerbaijani the words are characterized by a double-peak, one of them is in the first syllable of the root, the second-in the last syllable of the word.

The first peak determines the quality of the successive syllables. The second peak is connected with the fact whether the last syllable is stressed or not. In the flow of speech the culminative function of stress merges with the delimitative function which is closely connected with the demarkative function, i.e., the stress indicates the quantity and boundaries of the word in the sentence¹. This double-peak prosodic contour is inherent to all the Azerbaijani words, which displays itself in all derivative and relative forms, except some borrowings. It means that in the newly coined words each suffix, which is added to the root and tunes itself to the timbre of the root, becomes stressed, irrespective of its being relative or derivative. Compare:

/bash/ (head) - /bash+chi/ (leader) - /bash+lar/ (heads) -
/bash+lar+dan/ (from heads)
/dagh/ (mountain) - /dagh+li/ (highlander) - /dagh+li+lar/ (high-
landers) - /daghli+li+lar+ın/ (belonging to highlanders) etc².

Such change of the stress causes a strong phonetic reduction in all cases, except the initial syllable of the word. If the sentence stress is at the end of the narrative sentence, it is distinguished neither acoustically, nor articulatorily, due to as the law of cadency functions in this position. According to this law the absence of a sign is perceived as its presence, i.e. despite the fall of the tone at the end, the sentence is perceived as being narrative, though its acoustic-articulatory correlates are not distinguished particularly. Nevertheless, very often examples are displayed as if they serve the basis for speaking about the violation of this rule in Azerbaijani. Compare: /'alma/ (don't buy), /'almadıg/ (we did not buy), /almajažag/ (he

---

¹ İlk dəfə çap olunub. ADU. Dilçiliyin və dillərin tədrisinin aktual problemləri. Beynəlxalq elmi konfrans materialları, 9-10 noyabr, Bakı: 2007

(she) will not buy), /aldınmı?/ (did you buy?), /odumu?/ (is he the same?), /sujumu?/ (do you mean the water?) etc.

The words with negative suffixes in the first case are not words, but parcelling sentences, in the second case we have interrogative sentences formed with the help of the interrogative particle /-mı /⁽⁴⁾.

Consequently, they cannot be taken into consideration because of such a simple reason that they and analogical examples are not words, but syntactical constructions.

In other words, in the first case we have sentences in the negative, in the second case – interrogative sentences. Then it becomes clear that while analyzing the language material one must not mix up various language levels, i.e., the words with sentences.

There are many borrowings in Azerbaijani in which the stress falls on one and the same syllable, even if they are word-building and word-changing suffixes. Compare :

/rədiə/ – /rədiələr/ – /rədiələrdən/
 /òpera/ – /trəktòrda / – /trəktòrdən/
 /trəktòr/ – /kontrəktə/ – /kontrəktlərdən) etc.

Thus, one of the peaks of prosodic features is connected with the stress which in native Azerbaijani words falls on the last syllable of the root and moves on the affix when the word is augmented. According to its acoustic nature word stress in Azerbaijani is expiratory, but the tone component functions as an irrelevant sign. What concerns the temporal component, it is distinct on the sentence level which distinguishes the communicative types of sentences.

The second peak of prosodic structure is on the initial syllable of the root of the word. Thus, each suffix, added to the root, is governed by the vowel of the initial syllable of the root or by the last syllable of the root which is called a special vowel (R.Jakobson names it as Sondervokal) according to the features of row, level and participation of lips. Compare: /adam+lər+dən/ (from people), /iş+çi+nə/ (the worker (I saw the worker)), /yızım+çı+ny/ (the vine-grower (I saw the vine-grower)).

This two peaks form the essence of synharmony which are observed in Azerbaijani wholly or partially.

The following examples can be regarded as complete synharmony:

/ata+lər+dən/ (from the fathers), /uzun+çu+lug/ (chattering), /yızım+çı+lyk/ (viticulture) etc.

In words with complete synharmony vowels and consonants identical in timbre follow each other. Phonetic quality of consonants is condi-

tioned by the quality of the vowel. The examples above may be transcribed like the following:

/A+ǎ₁+ǎ₂+¹a₃/ or / U+ǔ₁+ǔ₂+¹u₃/ or /Y+Ÿ₁+Ÿ₂+¹Ÿ₃/

Partial synharmony is found in words of the type /ushag+lar+dan/ (from the children), /gisas+chı+lar/ (revengers) etc. It is a partial synharmony, as the principle of succession due to the participation of lips and row has been violated. Sometimes the violence of row may be encountered, too. In both cases any suffixal morfem is tuned on the timbre of the final syllable of the root.

Proceeding from such a fact that the Azerbaijani phonemes /o/, /ø/ and /e/ are not encountered in the final suffixes with the exception of the suffix /-jev/ ov/ in some dialectal words, for instance, / koesoev/ (remnant of an unburnt wood), /byloev / (whet-stone) etc. The following succession of vowels are encountered in the Azerbaijani words: /a+a/, /a+ı/, /a+o/, /a+u/, /e+/i/, /e+ə/, /ə+ə/, /ø+ə/, /ø+e/ and vice-versa.

By taking into consideration both of the peaks the syllable structure and prosodic organization the words of the Azerbaijani language may be transcribed like this:

$L_2 = /V + v/$; $L_3 = /V + v + v/$, $L_4 = /V + v + v + v/$, $L_5 = /V + v + v + v + v/$ ³

It is necessary so note that the prosodic structures of the word undergoes great formal changes in the sentence, i.e. the accentological model of the word depends on the intonation of the sentence where it is used, forming hierarchy of alternating rhythmical structure in which the word is conspicuously distinguished when it stands before the predicate. Compare:

/O, kitabı Anara verdi// (He gave the book to Anar)

/O, Anara kitabı verdi// (He gave a book to Anar)

/Anara kitabı o verdi// (It was him who gave the book to Anar)

Depending on the change of the place of the word in the sentence its meaning changes greatly. Traditional grammars analyzed it by changing the place of the stress, calling it a logical stress, though in one and the same pronunciation, the change of the place of the stress is excluded. In reality – where the sentence /Anar kitabı ona verdi// its use with the phrase stress on /**Anar**/ or /**ona**/ or /**kitabı**/ is excluded.

In other words, they exclude one another even if the stress changes its place. In such cases we create a context and situation artificially which vary from usage to usage. Such a technique does not provide the impossibility of the use of one and the same sentences in the same form.

In cases where attributive and other combinations are followed by the predicate, the sentence stress falls on the modifying component. Compare:

/Anar onlarla jolda rastlashdi// (Anar met them on the way)

/Dünün bu hadisə bash jolda olmusdur// (Yesterday this accident happened on the road)

If these sentences are transcribed, then we shall have the following forms:

$S_{10} = /V+v\sigma/ +v\sigma+v\sigma+\sigma\sigma\sigma v+v\sigma+\sigma\sigma\sigma v/v\sigma+v\sigma+\sigma\sigma v//$

$S_{12} = /V+v/ +v\sigma+v\sigma+v\sigma+v\sigma+\sigma\sigma\sigma v/ v\sigma+v\sigma+v\sigma+v\sigma+\sigma\sigma v//$

Thus, the first vowel in this and other examples, the so called special vowel, performs the function of synharmonic organization, predetermines the timbral shade, demanding the use of timbral, identical vowels. In the second example the organizational function weakens because of the violation in the harmony of vowels⁴. Therefore, the function of the phonetic organization of the sentence is fulfilled by the sentence stress which together with other parameters of intonation form the sentence as an indivisible whole.

It must be noted that the special vowel, which predetermines the row and timbre of vowels and consonants, and stress, which as a rule falls on the last syllable of the word, form the two peaks of the prosodic structure of the word, by which Azerbaijani is characterized, may be called synharmony. Such condition of the double peak allows us to give a full description of the prosodic organization and intonational structure of speech acts in Azerbaijani⁵.

Literature

1. For differentiation of the functions of stress see: R.O. Jakobson. Über die Beschaffenheit der prosodischen Gegensätze. „Melanges de linguistique et de Phonologie“. Paris, 1937.

2. Popular Turkologist A.M. Sherbak denies the presence of word stress in Turkic languages. Irrelevancy of stress was also mentioned by K. Greenbek and A. Dzhunisbekov. See: А.М.Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1970, стр.112; А.Джунисбеков. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1989.

3. L-means lexeme, V-special vowel, v – unstressed vowel, v – stressed vowel, the figure under L shows the number of syllables in the sentence.

4. It is necessary to note that the violation of the harmony of vowels in modern Azerbaijani is observed very often. Compare the following proper names:

/Ajsel, Elfad, Ajgün, Kunan/ etc.

5. The first information on the system and structure of intonation in Turkic languages is encountered in the works of the well-known German phonetician. See: O.von Essen. Satzintonation in türkischen Lesetexten. Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft. 1956, s.92. See also: Ф.Я.Вейсалов (Вейсалли). Некоторые вопросы интонации азербайджанского языка. «Уч.записки Министерства Высшего и Среднего Специального Образования Азербайджанской ССР» Серия «язык и литература», Баку, 1976, № 3, стр.26-33.

**Azərbaycan dilində sözlərin ikizirvəlilik nəzəriyyəsinə dair
XÜLASƏ**

Məruzədə Azərbaycan dilində sözlərin prosodik strukturu fonoloji baxımdan ikizirvəlilik nəzəriyyəsi işığında şərh olunur. Elmi-nəzəri ədəbiyyatda adətən ahəng qanunundan danışılır. Eyni zamanda bəzi hallarda sinharmoniya hadisəsindən də söhbət açılır. Ancaq bizim məruzədə ilk dəfə olaraq sözün ikizirvəliliyi nəzəriyyəsi irəli sürülür və misallar əsasında bu nəzəriyyənin mahiyyəti açılıb göstərilir. Bu da ondan ibarətdir ki, sözün birinci və ya kök hecası onun ahəngini, son hecası isə sözün aksentoloji strukturunu müəyyənləşdirir.

**Некоторые замечания о просодической структуре
азербайджанского языка
РЕЗЮМЕ**

В настоящей статье развивается теория двувершинности просодической структуры слов в азербайджанском языке. Одна из вершин находится на начальном слоге, которая предопределяет акустическую окраску слова. Вторая же находится на последнем слоге, которая формирует слова как акцентные единства. Эти вершины образуют сингармонию слова в азербайджанском языке.

ЫЫ бюлмя

ВАРИАТИВЛИК

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВАРИАНТНОСТИ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА¹

1. Успешное обучение неродному языку предполагает не только реализацию освоенных релевантных, но и иррелевантных признаков. Совокупность первых принято называть фонемой. Иррелевантные признаки сами по себе не существуют. Они сопровождают релевантные признаки и являются результатом взаимодействия фонем языка при актуализации языковых единиц. Релевантные признаки + иррелевантные признаки равны новому качеству, которого мы называем вариантом. Благодаря релевантному признаку, обязательно существующему во всех вариантах данной фонемы, мы идентифицируем их как варианты данной фонемы. Напротив, иррелевантный признак позволяет нам определить каждую реализацию той или иной фонемы в виде звуковых экземпляров как варианты данной фонемы. Варианты и инварианты находятся в таком же отношении, в каком находятся язык и текст с одной стороны, система и система в действии (Verlauf), с другой.

2. Иррелевантный признак не существует в языке. Назализованность не присуща системе гласных немецкого языка: в словоформах (māntəl), (mān), (māŋəl), (nāntə) и т. д. как вариант гласной фонемы /a/ функционально связана с позицией между двумя носовыми согласными. Это подтверждается тем, что при реализации гласной /a/ в позиции между неносовыми согласными оттенок назализованности отсутствует, а появляется новый оттенок в зависимости от окружения. В словах (ʃtat) и (ʃtark) мы имеем дело с вариантами, отличающимся акустико-артикулярно от назализованного /ã/, т. е. / a / и /a/. Напротив, открытость функционально не связана с фонетическими условиями, она присуща гласной /a/ независимо от того, где и в каком окружении встречается фонема /a/ в немецком языке.

3. Определение инварианта осуществляется через свои вариан-

¹ Впервые опубликована: «Обучение иностранным языкам в национальной аудитории». (Краткие тезисы докладов 28-29 октября, 1925), Баку, 1975, с. 19-20.

ты, и наоборот. Однако если для определения инвариантов существенное значение имеют принципы сегментации и идентификации, то для определения варианта решающее значение имеют принципы дистрибуции и классификации. Вычленение фонем базируется на лингвистических критериях, суть которых хорошо изложена в теории акад. Л.В.Щербы. Выделенные единицы оказываются отнесенными к одному инварианту, если носители языка идентифицируют их как варианты одного инварианта. В противном случае они распределяются по разным инвариантам.

4. Для установления предела варьирования гласных фонем большую помощь оказывает дистрибуционный анализ. Исходя из этого анализа, в докладе дается классификация вариантов, которым соответствуют определенные акустико-артикуляторные характеристики, выраженные в звуковых экземплярах.

5. Итак, в процедуре фонологического анализа целесообразно выделить три уровня: 1) уровень инварианта; 2) уровень варианта; 3) уровень звука.

Каждый из этих уровней обладает своими параметрами. Уровень инварианта характеризуется релевантностью, уровню варианта присуща, кроме релевантности, еще и иррелевантность. Уровень звука - это нечленимый континуум звуковых волн.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ВАРИАНТОВ В ИНВАРИАНТАХ (на уровне фонем)¹

1. Фонологический анализ начинается с разложения текста на минимальные единицы, представляющие собой лингвистические различия в плане выражения. Будучи реализацией системных отношений языка, текст, который поддается непосредственному наблюдению, содержит в себе многочисленные варианты, акустическими коррелятами которых являются речевые экземпляры – звуки.

Суть фонологического анализа состоит в том, чтобы свести эти многочисленные варианты к ограниченному числу языковых единиц (инвариантов), называемых в лингвистике фонемами.

Установив функциональное различие звуковых единиц, необ-

---

¹ Впервые опубликована: Тезисы докладов респуб. научной конференции на тему: «Актуальные проблемы исследования грамматического строя языка. (22-23 май, 1975). Баку, 1975, стр. 11-13

ходимо дать описание дистрибуции и все возможные комбинации их с другими единицами. Объективные характеристики реализуемых языков инвариантов служат выявлению их акустико-артикуляторных соответствий.

2. Сегментация текста, результатом которой является установление границ между отдельными фонемами, не может базироваться на акустико-артикуляторной основе, ибо с этой точки зрения текст представляет собой непрерывный ряд моторных движений артикулирующих органов, которому соответствует совокупность акустических впечатлений.

Уже на заре развития фонологии ее основоположник И.А.Бодуэн де Куртенэ осознал сложность и в то же время невозможность сегментации речевого потока акустико-артикуляторным критерием. Поэтому он говорил о семасиолого-морфологизованной членимости речевого потока. Эта членимость, по И.А.Бодуэну де Куртенэ, достигается прежде всего путем сопоставления слов с другими словами. В результате сопоставления И.А.Бодуэн де Куртенэ приходит к разделению слова *što* (сопоставляются с *kto-кто*, *sevo-чего*, *kavo-кого*, *seti-чему*, *to-то*, *tavo-того* и т. д.) на морфемы *s-t-o* при этом с является для И.А.Бодуэна де Куртенэ только фонетическим заместителем *s* (*st* вместо *st*¹). Здесь содержится мысль, сыгравшая в дальнейшем определяющую роль в становлении фонологических концепций как Л.В.Щербы, так и пражских лингвистов (ср. принципы выявления отдельных фонем у Н.С.Трубецкого противопоставлением квазиомонимов и у Л.В.Щербы при помощи морфологического критерия). По фонологической концепции Л.В.Щербы, та или иная фонема, реализованная в конкретном акте сообщения в виде звуковых экземпляров, выделяется из речевого континуума благодаря своей функциональной нагрузке, т. е. соотносительности со значимой единицей языка, с морфемой. Ср. «*d^má-dom*» и «*gcl^va-gol^vu*».

3. Выявленные звуковые единицы сводятся к ограниченному набору инвариантных единиц в результате парадигматической идентификации. Именно этот этап анализа позволяет установить фонологическое различие и тождество звуковых сегментов, что определяется не акустико-артикуляторным сходством или различием, а лингвистическим критерием. Благодаря этому критерию можно выяснить, почему разные звуки, акустически не сходные между собой, могут быть отнесенными к одному инварианту, и наоборот. Напри-

¹ Б о д у э н д е К у р т е н э. Введение в языкознание. В кн.: И.А.Бодуэн де Куртенэ. «Избранные труды по общему языкознанию», М., 1963, т. 11, стр. 225.

мер, в русском языке мало сходств между (o), (ʌ) и (a) в слове (golʌva), тем не менее (o), (ʌ) и (a) являются вариантами одной и той же фонемы, потому что различия, наблюдаемые между (o), (ʌ) и (a), связаны с их позицией, с их комбинацией в слове и выполняют одну функцию. То же самое можно сказать и об азерб. (t)-(t'). Напротив, русские (t') и (t) акустически не менее сходны, чем соответствующие азерб. звуки. Темне менее русские /t/ и /t'/ являются двумя фонемами.

4. Классическая фонетика, возникшая на базе изучения буквенных изображений текста и поставившая своей целью реконструировать праязык, не могла решить те проблемы, которые стояли перед наукой. Эти проблемы не могли быть решены даже тогда, когда фонетикой стали заниматься физиологи, медики, и акустики. Современная наука о звуковой стороне языка нашла пути решения многих кардинальных вопросов, так как она исходит из лингвистических критериев. Язык следует описывать при помощи собственно языковых критериев. При этом мы не исключаем, что вполне возможно применение тех методов, которые разработаны другими науками.

ВАРЬИРОВАНИЕ ФОНЕМ И ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ПРАВИЛЬНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ¹

1. Каждая реализация фонемы обязательно связана с определенными условиями, находящимися вне данной фонемы. Именно эти условия заставляют видоизменяться фонему в каждом конкретном случае ее реализации. Для того, чтобы устранить особенности, являющиеся результатом наложения отношений одной фонологической системы на систему фонем изучаемого языка, необходимо учесть все условия, вызывающие варьирование единиц фонологической системы. Это означает, что при наличии определенных знаний о вариативных свойствах обучаемые могут подставить необходимый для данной позиции вариант. Тем самым он будет избегать акцентных ошибок, т. е. обучаемый будет реализовать тот вариант, который необходим в данной позиции или же в данном сочетании.

2. Дифференциация вариантов фонем языка возможна благодаря лингвистическому анализу, т. к. условия, вызывающие варьирование фонем, являются лингвистическими, как например, позиция по-

---

¹ Впервые опубликована: Тезисы докладов VIII республиканской и конференции Актуальные проблемы преподавания иностранных языков, посвящшы 60 летию октябрьской революциш. «Алма-Ата», 1977, с. 52-53

явления той или иной единицы, окружение, контекст и т. д. Хорошо натренированное ухо легко может выделить варианты, тогда как простой носитель языка не в силах их выделить и объяснить причину появления вариантов, но он без труда улавливает неправильную реализацию вариантов фонем и, следовательно, акцентных ошибки представителей других языков, говорящих на его языке.

3. В докладе дается классификация вариантов гласных фонем с учетом их дистрибутивных и комбинаторных особенностей. Доказывается необходимость учета всех вариативных различий при построении учебников и учебных пособий по практической фонетике иностранных языков.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И ФОНЕМНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ¹

1. Решение задач, стоящих перед языкознанием и важнейшей из которых следует считать создание аналога языковой коммуникации, невозможно без обстоятельного изучения комплексного характера речевых сигналов. Именно в естественной речи можно наблюдать акустико-артикулярно-перцептивные особенности речеобразования и восприятия, где наряду с отдельными звуками важное значение имеют так называемые переходные участки между звуками, обусловленные дистрибутивными, позиционными и супraseгментными факторами.

2. Фонемы в процессе коммуникации представлены множеством вариантов, обусловленных правилами функционирования единиц языковой системы и контролируемых самой системой, но не совпадающих с акустико-артикуляторными коррелятами своей реализации.

При таком подходе возникает вопрос, каким же образом тогда слушающий декодирует посланное говорящим сообщение в виде звуковых волн. Ведь единственным объектом для слушающего является непрерывный поток звуков, воспроизведенных его собеседником. Поэтому вопрос об опознании звуковой последовательности, является одним из важных этапов фонологического анализа.

3. В фонологических построениях, ориентирующихся на перцептивный аспект, можно наблюдать два способа фонемной иденти-

---

¹ Впервые опубликована: Материалы Респуб-ой научной конф-ции. «Функциональные конструктивные системы» (18-19 ноября, 1980). Баку, 1985, с. 60-62.

фикации. Первый способ называется эталонным, поскольку услышанное сравнивается с теми эталонами звучания, которые носитель языка хранит в своей памяти. Услышанное звучание идентифицируется с тем эталоном, с которым оно совпадает по своим характеристикам.

При этом следует отметить, что совпадение может быть полным и неполным. При полном совпадении мы имеем дело с отождествлением характеристик услышанного звука с эталоном. Однако в большинстве случаев звука по своим акустико-артикуляторным характеристикам совершенно не похожи друг на друга и, следовательно, признанный человеком эталон /изолированное произношение гласного/ не имеет своего эквивалента. При неполном же совпадении речь идет о том, чтобы у всех аллофонов одной фонемы были инвариантные признаки, отличающие свои варианты от вариантов других инвариантов.

4. Анализ данных опытов по восприятию гласных, вырезанных из состава слов и предложений, показывает, что стимулы из предложения опознаются плохо 30%. Более или менее удовлетворенной опознаваемостью обладают открытые гласные, в то время как закрытые гласные имеют почти нулевой процент опознаваемости. В отличие от этого, намного лучше опознаются гласные, вырезанные из слов 45%. Здесь также как при первой серии опыта, лучше узнаются открытые гласные. Причиной лучшей опознаваемости гласных вырезанных из слов, является относительно меньшей количественной редукция гласных в слове. Таким образом, фонетическая вариативность имеет очень сильное влияние на фонемную идентификацию. Чем сильнее звук видоизменяется, тем меньше процент фонемного опознавания.

5. Анализ показывает, что простой носитель языка плохо опознает или почти не опознает варианты гласных. Этот факт свидетельствует о том, что для восприятия релевантной является не столько информация в данной фонеме, сколько та, которая содержится в соседних фонемах или же в переходных участках сочетаний фонем. Можно полагать, что при учете фонетической вариативности, восприятие базируется на единице, больше чем фонема.

6. Необходимость учета переходных участков доказывается опытом, проведенным на синтезированных гласных. Синтезированные гласные воспринимались как таковые в тех случаях, когда кроме стационарных частей, задавались переходные участки с соответствующим значением F_1 и F_2 с длительностью 40 мсек.

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЛОФОНИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА *

В условиях естественной речи любая фонема характеризуется гораздо большей вариативностью, чем это следует из теоретических представлений. Факторами, вызывающими варьирование фонем языка, являются, с одной стороны, их взаимовлияние, с другой – их позиция в составе единиц высших уровней структуры языка. Немаловажное значение имеет также влияние на фонемы супrasegmentных характеристик речи. Степень влияния этих факторов на аллофоническое варьирование может различаться в зависимости от конкретных условий реализаций. Вследствие этого, в условиях речевой реализации собственно звуковые характеристики оказываются менее устойчивыми и надежными, чем это необходимо для правильной фонемной идентификации. Но и в таком случае восприятие речи человеком не нарушается, так как человек компенсирует недостаточность фонетической информации сведениями о морфологической и синтаксической структуре, а также и смыслом сообщения.

Фонетические характеристики аллофонов находятся в неоднозначной зависимости от отношений фонем друг к другу в системе и от противопоставлений дифференциальных признаков фонем. Это свидетельствует о большей вариативности фонетических характеристик речи, чем, казалось бы, это допускает организация системы фонем. Так, в системе фонем немецкого языка нет противопоставления гласных по признаку "назальный/неназальный". Все немцы реализуют, например, в словах /'man/, /'mo:nt/, /'ne:mən/ и т. д. назализованные гласные [ã:], [õ:], [ẽ:]. Оказавшись в окружении двух носовых согласных, гласные /a:/, /o:/, /e:/ приобретают новое, ранее отсутствовавшее, свойство назализованности, выраженное на спектрограмме в понижении значений Φ_1 и Φ_{11} . Этот признак приобретенный, следовательно, иррелевантный или интегральный, и отличается, скажем, от признака "задний ряд" как релевантного и системообразующего.

Фонему многие исследователи определяют как совокупность дифференциальных или релевантных признаков (Трубетцкой 1939; Якобсон, Фант, Халле 1962). С такой дефиницией можно согласиться лишь частично. Действительно, в парадигматическом плане фонему

---

* Впервые опубликована: Экспериментальный фонетический анализ речи. Проблемы и методы. Под редакцией проф. Л.А.Бондарию. ЛГУ, веш. 2, 1989, s. 70-75

в известном смысле можно назвать пучком дифференциальных признаков. Но с синтагматической точки зрения такая дефиниция будет неполной, так как она не учитывает условия реализаций фонем. Для естественной речи необходимы как дифференциальные, так и интегральные признаки. Последние являются прямым следствием действия фонетической позиции. Если релевантный признак, обязательно существующий у всех вариантов данной фонемы, позволяет нам идентифицировать их как варианты, принадлежащие именно этой фонеме, а не другой, то иррелевантный признак необходим для определения каждой реализации той или иной фонемы как ее вариант в данном контексте (Вейсалов 1980).

Таким образом, полное описание функционирования системы фонем невозможно без учета их вариативности. Кроме того, подход, учитывающий вариативный уровень, как бы вводит фонему в диахронический план. Это позволяет наблюдать в синхронии отживающие и зарождающиеся характеристики фонем и их место в системе. Такой подход важен методологически, так как он позволяет увидеть систему фонем не в статике, а в динамике. С практической точки зрения преимущество подхода, учитывающего вариативность фонем, заключается в качественном улучшении процесса обучения произношению, лечения больных с дефектами речи, а также в оптимальном решении задач, связанных с автоматическим распознаванием речевых сигналов.

Наиболее распространенное в современной лингвистике фонологическое построение, исходящее из противопоставления языка и речи (Trubetskoju 1939), равно как и построение, основывающееся на отношении между звуками (Wängler 1967), предполагает существование некой звуковой базы, обеспечивающей инвариантность этих отношений. Однако, как показали результаты качественного и количественного анализов, в условиях речевой реализации собственно фонетические характеристики сильно редуцируются, вследствие чего идентификация фонем по стационарным участкам оказывается затрудненной (Фант 1970).

Аллофоническое варьирование фонем, как подчеркивалось выше, зависит также и от позиции и комбинации. Поэтому одна из главных задач, стоящих перед синтагматической фонологией,- это установление и описание позиционных и комбинаторных вариантов фонем. Так, анализ фактического языкового материала позволяет выявить следующие варианты гласных фонем современного немецкого языка. (Сначала рассмотрим варианты, установленные в результате дистрибутивного анализа с учетом позиции в структуре слова).

I вариант: $\acute{G}+C$ (или сочетание согласных), где первый поствокальный согласный звонкий или сонант. Гласные фонемы /œ/, /ɔ/, /y/ в этом варианте не представлены.

II вариант: $G+C$ (или сочетание согласных), где первый поствокальный согласный глухой. Краткие гласные /ɜ/ и /ɛ/ в этом варианте встречаются часто, а гласные /ф:/, /œ/, /y:/, и /y/ в этом варианте очень редки.

III вариант характеризуется неударностью гласного и, следовательно, в количественном и качественном отношениях значительной редуцией. Этот вариант перед сочетанием согласных почти не встречается, но может находиться в первом, втором и третьем предупредных слогах. Гласные /y/ и /œ/ в таком варианте не представлены. Остальные гласные выступают в этом варианте чрезвычайно редко.

IV вариант имеет место в интерконсонантном положении, причем согласный, стоящий справа от сочетания, звонкий, а предшествующий согласный может быть либо звонким, либо глухим. В этом варианте богато представлены долгие гласные.

V вариант противопоставлен IV варианту окружением глухих согласных, стоящих непосредственно в соседстве с гласными.

VI вариант отличается от III своей позицией в слове; он встречается в интерконсонантном положении. Комбинаторно этот вариант кратких гласных не имеет большого диапазона. Для долгих гласных он невозможен в открытых предупредных слогах. Гласные /ø/ и /y/ в этом варианте не представлены.

VII вариант реализуется в абсолютном ауслaute слов в препausalной позиции под ударением. Краткие гласные здесь не употребляются, из долгих гласных нет /ф'/ и /y:/. Редко встречаются также и другие долгие гласные.

VIII вариант имеет, так же как и VII, низкочастотную реализацию, встречается в абсолютном исходе слов перед паузой, но в отличие от VII варианта в неударной позиции. Краткие гласные в нем, естественно, не представлены. Из долгих гласных реализуются только /ф:/, /e:/ и /i:/.

Каждый из перечисленных вариантов может получить назализованную окраску в соседстве с носовыми – [ŋ]; лабиализованную в соседстве с губными – [r⁰]; палатализованную в соседстве с переднеязычными – [r]; веляризованную в соседстве с заднеязычными согласными – [r].

Дистрибутивно варианты одной фонемы находятся в отношении комплементарного распределения. Но для определения единства

вариантов основной критерий - не принцип свободного варьирования и не акустическое сходство, а возможность вариантов чередоваться в пределах одной значимой единицы (Зиндер, 1979). Чередование вариантов не приводит к созданию новых слов, оно участвует только в образовании словоформы, а чередование фонем дает новое слово или же разрушает его звуковой облик.

Описанные выше варианты основываются на результатах позиционного и дистрибутивного анализов. Описание же качественного и количественного варьирования гласных фонем опирается на данные спектрального анализа. При этом определяющими факторами выступают комбинаторное влияние предшествующих гласному согласных в зависимости от активно действующих органов и супrasegmentные характеристики. Спектральный анализ позволяет сгруппировать варианты гласных фонем немецкого языка следующим образом.

1. Варианты гласных, реализуемые после губных согласных. В сочетании с этими согласными на спектре гласных /a:, a, e:, ε/ обнаруживается заметный переход, выраженный в понижении значений F1, F2. Заметное понижение начала F2 наблюдается у гласных /i:, í:, í/. Лабиальные гласные такого перехода не имеют, так как они, равно как и губные согласные, произносятся при активном участии губ. Одинаковым по активному органу звукам свойственно отсутствие характерного переходного участка. Следовательно, контраста между гласным и согласным в таких сочетаниях нет; отсутствие контраста позволяет противопоставлять лабиальные гласные в этой позиции нелабиальным, с одной стороны, и самим себе в комбинациях после переднеязычных и заднеязычных согласных – с другой. Первое противопоставление инвариантно, а второе – вариантно. По отношению к нелабиальным гласным /o:/, /ɔ/, /u:/, /ʊ/, /ø/, /ɘ/, /y:/, /y/ не имеют контраста, а по отношению к самим себе в комбинациях после негубных согласных у них самое низкое положение значений F1 и F2 но без заметного начального переходного участка.

2. Варианты гласных, реализуемые после переднеязычных согласных. В сочетании с переднеязычными согласными у гласных /i:, í, y:, y, ø, ɘ, e, a/ нет на их спектре четко выраженного переходного участка. Это объясняется в артикуляторном отношении их гомоганностью. Вследствие этого конфигурация речевого тракта не изменяется. Однако /y: ɰ, ɰ:, ɘ/ обладают переходным участком ввиду участия губ при их произнесении. Что же касается реализации гласных /a:/, /a/, /o:/, /ɔ/, /u:/, /ʊ/ после переднеязычных, то в их спектре на-

блюдается значительное повышение значений F I и F II. Причина этого – в артикуляторной гетерогенности. Артикуляторная гетерогенность всегда вызывает определенный контраст, выраженный в своеобразном переходном участке между членами сочетания. Напротив, артикуляторная гомогенность не вызывает контраста. Условия для реализации гласных здесь те же, что у превокальных согласных.

3. Варианты гласных, реализуемые после среднеязычных согласных /j, ç /. В сочетании с этими согласными на спектре гласных /i:/, /ɪ/, /e:/, /ɛ/, /ø/, /œ/, /y:/, /ʏ/ отсутствует особый переходный участок. Сходство артикуляции у обоих членов сочетания способствует постепенному изменению формы речевого тракта при переходе от согласного к гласному. В то время гласные /a:/, /a/, /o:/, /ɔ/, /ɸ/, /a/ в соседстве с поствокальными /j/ и /ç/ обнаруживают переходный участок, выраженный в повышении значений F I и F II.

4. Варианты гласных, реализуемых после заднеязычных согласных. В соседстве с этими согласными на спектре гласных заднего ряда нет контраста в переходе от согласных к гласным. В отличие от перечисленных выше гласным /i:/, /ɪ/, /e:/, /ɛ/, /y:/, /ʏ/, /ø/, /œ/ в соседстве с заднеязычными согласными свойствен контраст, выраженный в понижении на начальном переходном участке значения F I и F II.

Описанное положение связано с изменением формы речевого тракта при образовании гласных переднего ряда. Спинка языка при произнесении этих гласных в соседстве с превокальными заднеязычными согласными по сравнению с положением перед переднеязычными оттягивается назад, вследствие чего происходит изменение конфигурации речевого тракта. Естественно, что конкретные рисунки отдельных гласных в данной позиции будут отличаться своеобразием, но общая тенденция изменения речевого тракта одинакова для всех.

5. Варианты гласных, реализуемые после назальных согласных. В этой позиции на спектре гласных имеется значительное изменение не только в переходных участках, но и в стационарной части. Назальные согласные артикуляторно характеризуются включением носового резонатора в результате опущения маленького язычка. Оказавшись в соседстве с превокальными /m/ и /n/, гласные получают оттенок назализованности, так как опущенный язычок не успевает подниматься к концу артикуляции согласного. В определенный промежуток времени он остается опущенным, а потом полностью поднимается, чтобы закрыть проход воздушной струи в полость носа.

Вся эта артикуляторная гетерогенность оставляет отпечаток на спектре гласного.

6. Варианты гласных, реализуемые в соседстве с превокальными согласными в зависимости от участия голосовых связок. Контраст на спектре гласных в этой позиции можно назвать, вслед за Л.В.Бондарко, контрастом по основному тону (Бондарко 1977), у гласных в соседстве с превокальными звонкими согласными такого контраста нет, а в соседстве с глухими согласными он выражен в отсутствии основного тона у согласных и наличии его у гласных. Артикуляторно причина этого заключается во включении к выключению действия голосовых связок. Это в равной степени свойственно и сочетаниям типа ГС.

7. Варианты гласных, обусловленные супрасегментными характеристиками. Сюда можно отнести реализацию гласных в неударных позициях. Безударные характеризуются малой длительностью, вызывающей определенное отклонение от той артикуляторной программы, которую выполняет произносительный аппарат при ударных слогах. В результате можно видеть также ослабление интенсивности гласных. На спектре безударных гласных наблюдается значительное понижение значения F1 у открытых и некоторое повышение значения F2 у закрытых гласных. В целом спектры безударных гласных напонидают спектр редуцированного [ə].

Таким образом, в работе доказывается мысль о зависимости выявленных вариантов от позиционных и комбинаторных факторов, а также и от супрасегментных характеристик речи.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ВАРИАЦИЯ ФОНЕМ*

Фонемы языка в реальной речи подвергаются определенным изменениям. Они могут модифицироваться до такой степени, что остаются незамеченными говорящим и слушающим.

Каждая фонема обладает своим вариационным рядом, под которым подразумевается упорядочение количественных значений данной фонемы. Каждая точка в этом ряду представляет саму фонему. Хотя различие между двумя вариационными значениями может быть очень большим, или же значительным, тем не менее носитель языка идентифицирует их, как представители одной значимости (нем. Wert; фр. valeur), на основании того общего, которое присуще

---

* Впервые опубликована. Краткие тезисы доклада зонального совещания... визов Азербайджана, Армении «Грузии» (15-18 ноября) Баку, 1976, с. 15-17

каждому значению или же каждому пункту данного вариационного ряда. Любое значение этого вариационного ряда назовем вариантом, а общее, присущее каждому из этих вариантов – инвариантом. Например, возьмем десять слов немецкого языка, в которых реализована фонема /a:/. Наблюдая длительность данного гласного, мы приходим к следующим показателям, которые сами по себе незначимы, ибо они представляют собой результаты исчисления абсолютных значений.

/a:/ ₁ ;	/a:/ ₂ ;	/a:/ ₃ ;	/a:/ ₄ ;	/a:/ ₅ ;
120 мсек;	130 мсек;	170 мсек;	150 мсек;	160 мсек;
/a:/ ₆ ;	/a:/ ₇ ;			
170 мсек;	100 мсек;			

/a:/₈ = 80; /a:/₉ = 115 мсек; /a:/₁₀ = 120 мсек.

Анализ приведенных цифровых значений показывает, что длительность 10 реализаций фонемы /a:/ колеблется между 170 и 80 мсек. На основании этих данных можно вывести среднюю длительность. Она равна в данном случае 135 мсек. В найденном значении имеется то, что повторяется в каждом из вариантов. Действительно, 80 мсек. входит в значение всех вариантов данного инварианта.

Условия, которые вызывают известные варьирования гласных фонем, можно свести к следующему:

1. Вариативность, обусловленная стилем произношения. Само собою разумеется, что длительность гласного при полном и разговорном стиле будет расходиться существенно /ср. в ha:bəes - ha:ps/.

2. Вариативность, обусловленная окружением данной фонемы. Например, перед сонантами и звонкими согласными вариант гласной фонемы всегда длиннее, чем во всех остальных положениях. Наиболее кратким является гласный в слове перед глухими смычными согласными.

3. Вариативность, обусловленная ударностью слова. В ударной позиции гласный превышает длительность той же фонемы в безударной позиции.

Es wächst hienieden Brot genug,

Für alle Menschenkinder:

Срв:

4. Вариативность, которая обусловлена слоговой структурой слова. В слоге с сильноусеченным акцентом (по Э.Сиверсу – *starkgeschnittener Akzent*) гласный короче, чем в слоге со слабоусеченным акцентом.

5. Вариативность, обусловленная позицией гласного в слове (ан- ин и ауслауте слов и в предложении) в начале, середине и в конце предложения. Доказано, что гласный в конце предложений длиннее; чем в начале.

6. Вариативность, обусловленная качеством самого гласного. Срв. dann - dünn.

7. Вариативность, обусловленная индивидуальными особенностями говорящего. Одни говорящие протягивают слог, другие, наоборот, говорят очень быстро, в результате чего получается сокращение длительности.

В докладе приводятся многочисленные таблицы и рисунки, которые содержат результаты экспериментально-фонетического материала по количественной вариативности гласных фонем немецкого языка.

ЫЫЫ бюлмя

ИНТОНАСИЙА

**О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
ИЗУЧЕНИЯ ИНТОНАЦИИ***

I. Взаимоотношения интонации и синтаксиса впервые в отечественном языкознании были затронуты А.М.Пешковским в его статье „Интонация и грамматика“. Различая 3 вида интонации, он более подробно останавливается на взаимосвязи интонации с грамматическими средствами (А.М.Пешковский различает в интонации две принципиально разные области: а) интонацию мелких единиц, т. е. интонацию слога и такта; б) интонацию крупных единиц – простой и сложной фразы).

II. В структурной лингвистике существуют разные мнения об интонации и ее месте в системе языка. Так, например, изучение интонации по принципу бинарности основывается на том, что фразовая интонация должна изучаться как последовательность двух ступеней тонов. Дискретные элементы языка описываются как системы двойной (бинарной) оппозиции. Сторонники этого мнения полагают, что фразовая интонация – не ступенчатая линия, а конфигурация контрастных точек.

III. Часто интонацию рассматривают, отходя от синтаксических структур. Выявление разнообразных видов коммуникативных единиц (простое, сложное, сложносочиненное, сложноподчиненное с различными придаточными предложениями) выдвигается в этих исследованиях на первый план.

IV. Совсем иной подход у других исследователей. Они берут определенные интонационные контуры и изучают их в зависимости от синтагматического состава, его конфигурации во фразе и семантической завершенности или незавершенности синтагмы.

V. Надо сказать, что интонация имеет двойной характер: а) как способ выражения коммуникативных единиц, их коммуникативного

---

* Впервые опубликована: Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной итогам научно-исследовательских работ за 1967 г. АПИЯ им.М.Ф.Ахундова. Баку, 1968, с.63-64.

содержания: вопрос, ответ, повествование и т. п; б) как способ членения потока речи, помогая выделить в речи завершенные и незавершенные синтагмы.

В последнем смысле представляет интерес изучение интонационных средств выражения завершения. Изучение этих средств в немецком языке и является задачей нашей дальнейшей работы.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛИНЕЙНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ИНТОНАЦИИ*

I. Противопоставление сегментных и супraseгментных (просодических явлений) единиц не исключает возможности некоего линейного членения интонации.

II. В последнее время весьма распространенным является мнение о том, что интонация обнаруживает синтагматическое членение, при котором выделяются три составные части: предтакт, тонаема, которая и определяет функциональную значимость интонации, и затакт (О.Эсен, О.А.Норк и И.Фонад).

III. Парадигматическая точка зрения может быть охарактеризована тем, что единицы интонационного членения образуют определенные парадигматические ряды, характеризующиеся определенными интонационными рисунками или же противопоставлением определенных интонационных контуров (Е.А.Брызгунова, А.В.Исаченко и т. д.).

IV. Спорным и нерешенным является вопрос о связи членения интонации с теми или иными ее компонентами (движение основного тона, сила, пауза, длительность тембр).

Равным образом нерешенным является вопрос о роли каждого из этих компонентов в целом.

---

* Впервые опубликована: Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной итогам научно-исследовательских работ за 1968 г. АПИЯ им.М.Ф.Ахундова. Баку, 1969, с.64.

МЕЛОДИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ТЕРМИНАЛЬНОЙ ИНТОНАЦИИ*

Дать интонации однозначное определение невозможно. Одно определение опирается на лингвистический характер, другое – на акустический, третье - на артикуляторный, поскольку понятие интонации включает в себя как лингвистический, так и артикуляторно-акустический аспекты. Поэтому нельзя найти двух ученых, принадлежащих разным направлениям изучения звукового состава языка, которые бы дали интонации одинаковое определение. В трактовке одних подчеркивается акустический аспект, других – артикуляторный, а третьих - лингвистический. Существуют также принципиальные разногласия относительно включения интонации в тот или иной ярус языка. Выражаясь метафорично, О.Есперсен писал, что интонация является термометром чувств, барометром настроений и скальпелем мысли. Как видно, Есперсен подчеркивал в этом определении эмоциональную сторону речи¹.

Здесь под интонацией подразумевается такое фонологическое средство, благодаря которому отдельные слова в зависимости от контекста и ситуации становятся самостоятельными единицами сообщения или же, сочетаясь по грамматическим правилам данного языка с другими словами, сливаются в одно целое, цементируются в нем (целом) и вместе с последним служат осуществлению коммуникации. Таким образом, с лингвистической точки зрения, интонация цементирует предложение, дает ему коммуникативную направленность, которая несет определенную информационную нагрузку. Интонация образует автономную систему², где одна интонационная единица противопоставлена другой. Являясь одной из таких единиц интонационной системы немецкого языка, терминальный интонационный контур реализуется тогда, когда говорящий не намерен спросить о чем-нибудь или указать на продолжение своей речи, а слу-

* Впервые опубликована: Учен. записки АГУ. Язык и литература, № 5-6, 1970, с.131-134. В настоящей статье излагаются некоторые результаты исследования на тему: «Завершающая интонация немецкого языка», проведенного автором в ЛЭФ при ЛГУ им. А.А.Жданова под руководством проф. Л.Р.Зиндера. Эксперимент проводился на ста предложениях, произнесенных 4-мя немцами. Объем статьи не позволяет пользоваться рисунками, таблицами и графиками.

¹ О. Е с п е р с е н. Lehrbuch der Phonetik. Berlin-Leipzig. 1926.

² Об автономности звуковой стороны, в частности интонации, см.: Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб, 1912; см. также Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960.

шающий, в свою очередь, не только не сомневается в законченности переданной говорящим информации, но и не ждет от него никакого указания на продолжение высказывания.

Совершенно очевидно, что на акустическом уровне существуют какие-то признаки, которые способствуют достижению этой цели. При этом следует отметить, что интонация в линейном отношении не подвергается членению, поскольку она сама по себе не имеет значения, но она потенциально связана со смыслом¹. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнивать такие случаи, когда один и тот же лексический состав может выражать совершенно разные значения. Ср. /*Sie fahren zu ihm*/ /*Sie fahren zu ihm?*/

Что же касается членимости интонации в структурном отношении, то она представляет собой единство мелодических, динамических, темпоральных и тембральных изменений в речи.

Основной теоретической предпосылкой данного исследования служила идея о том, что интонация любого предложения выполняет две функции: внешнефразовую и внутрифразовую. Первая служит коммуникативному оформлению предложения; именно ею отличается вопрос от законченности, законченность от незаконченности. Внутрифразовая функция служит внутренней организации и синтагматическому членению, если таковое имеется. В односинтагменных же предложениях она направлена на выражение эмоциональной стороны высказывания.

Анализ мелодической структуры терминальной интонации показывает, что во всех предложениях в произношении четырех дикторов наблюдается определенное сходство в расположении высоты основного тона. Причем это сходство наблюдается только в одной части предложения, если оно состоит больше, чем из одной синтагмы. А когда предложения совпадают по величине с синтагмой, тогда сходство обнаруживается во всей этой синтагме. Однако может показаться, что это только акустическое сходство. Известно, что акустическое сходство и несходство не определяют лингвистического тождества и нетождества. Но лингвистическое тождество и нетождество не могут быть без того, чтобы не было акустического сходства и различия². Кроме того, характерная черта наблюдалась не только в мелодической структуре, но и в динамической и темпоральной структуре предложений.

¹ Ф. Е. В е й с а л о в. Возможно ли линейное членение интонации? «Ученые записки» АПИ им. М. Ф. Ахундова. Серия языка и литературы, Баку, 1970 (за 1969 год), № 2.

² Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960.

Обработке по вычислению высоты основного тона были подвергнуты осциллограммы всех гласных фонем (в общей сложности 6138). Поскольку абсолютные значения, полученные из вычисления, не позволяют сопоставить данные разных дикторов, были применены для получения средней высоты голоса каждого диктора три способа:

а) по максимальным и минимальным значениям в голосовом регистре каждого диктора;

б) по безударным гласным в начале предложений;

в) по 10 гласным, взятым из всего материала наугад.

Затем из средних значений, полученных в результате применения названных выше трех способов, выведены средневзвешенные значения, которые позволили сравнивать движения тона в различных предложениях в произношении разных дикторов при анализе мелодического компонента учитывалась слоговая структура предложений. Из сопоставления односитагменных предложений с последним ударным, одним заударным и двумя заударными слогами, например /Es blitzt// и /Es blitzte noch// и т. д., выяснилось, что все они характеризуются максимальным понижением частоты основного тона, локализованным на последнем слове. Если предложение кончается ударным слогом, то максимальное понижение тона приходится на этот слог. В случае, когда в конце предложения стоит заударный слог, максимальное понижение частоты основного тона перемещается от ударного на заударный слог. При наличии в конце предложения двух заударных слогов максимальное понижение тона может находиться либо только на последнем слоге, либо тон имеет одинаковый уровень на обоих заударных слогах. Движение тона остается понижающимся, если даже в конце предложения стоит слог, носящий так называемое побочное ударение.

Уровень понижения высоты основного тона в конце предложений является индивидуальным для каждого диктора. В настоящем эксперименте он достигает для мужских голосов приблизительно 100 гц (очень редко ниже 100 гц), а для женского голоса – 200 гц (очень редко ниже 200 гц).

После слога, который является последним ударным слогом в структуре предложения, больше не наблюдается повышение частоты основного тона. Тон стремится к положению, являющемуся постоянным для конца предложения у каждого диктора.

Интересным представляется то, что максимальное понижение частоты основного тона не обусловлено синтаксической структурой. Все разновидности повествовательных предложений характеризуются локализацией максимального понижения высоты основного тона в

конце. Наиболее высокая точка в мелодическом рисунке может находиться в начале или в середине, но общее направление движения основного тона остается понижающимся.

Максимальное понижение тона наблюдается также в побудительных и вопросительных предложениях с вопросительным словом. По локализации максимального понижения эти предложения не отличаются от собственно повествовательных. Однако в рассмотренных побудительных предложениях мелодическая вершина находится в их начале, в то время как у повествовательных она не имеет стабильного положения. Это связано, очевидно, с тем, что в побудительных предложениях коммуникативное ядро расположено в начале.

В предложениях, состоящих более чем из одной синтагмы, последняя синтагма имеет такой же уровень частоты основного тона, как в односинтагменных предложениях. Сравнение последних трех слогов терминальных и прогрессивных синтагм показало, что конец последних лежит либо на уровне начала, либо чуть выше или ниже начала терминальных синтагм, тогда как концу терминальных синтагм присущ более низкий уровень. Если конец прогрессивных синтагм лежит близко к средневзвешенному значению движения основного тона для каждого диктора, то конец терминальных синтагм характеризуется максимальным понижением тона.

Анализ усредненных данных по последним 5-ти слогам терминальных синтагм показывает, что высота основного тона понижается постепенно и наибольшее понижение локализовано на последнем слоге.

Резкое понижение тона внутри предложения свидетельствует о его синтагматическом членении. Но степень понижения не доходит до уровня максимального понижения, характерного для конца терминальных синтагм. Если такой уровень понижения наблюдается внутри предложения, где при другом интонировании проходит синтагматическая граница, то в таком случае мы имеем дело, очевидно, с двумя самостоятельными предложениями. Ср. /Er liegt im Bett/ /Denn er ist krank/ /Er liegt im Bett, denn er ist krank/.

Максимальное понижение частоты основного тона не связано также с лексическим наполнением предложения. Предложения /Die biebe goldene Sonne /Schien durch das Fenster// и /Durch das Fenster/ schien die biebe goldere Sonne// не отличаются друг от друга ни по фонемному составу и ни по коммуникативному назначению. Число фонем в обоих предложениях – 34, оба они повествовательные, но

они отличаются друг от друга перемещением слов и числом слогов в первой и второй синтагме и общей ритмической структурой обеих синтагм. Изменилось, как показал анализ, и мелодическое оформление предложений. Однако общая закономерность, высокий уровень конца первой синтагмы и низкий уровень конца второй, остались неизменными.

Таким образом, анализ мелодического компонента терминальной интонации показывает, что мелодическое завершение связано только с концом предложения. В связи с этим, существующее в литературе утверждение о мелодической завершенности и незавершенности нуждается в уточнении.

ВОЗМОЖНО ЛИ ЛИНЕЙНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ИНТОНАЦИИ?*

В немецком языке, так же как в любом другом языке, имеются два типа явлений, четко противопоставленных и в то же время переплетающихся друг с другом. Несмотря на то, что они присущи разным единицам, в целом они служат одной и той же цели: выступают как орудие, функция которого является коммуникативной. Для осуществления коммуникативной функции необходимо наличие как первого, так и второго явления. Явления первого типа не имеют сами по себе значения, но ассоциируются со смыслом, говоря словами Л.В.Щербы, „(а) в словах к о р о в а, в о д а, ассоциировано с представлением субъекта; (у) в словах к о р о в у, в о д у, - с представлением объекта и т. д.“¹. Благодаря этой способности единицы первого типа обладают „известной самостоятельностью“² и существуют в языке как равноправные наряду с другими элементами.

Единицы этого типа часто называют сегментными, поскольку они выявляются в результате сегментации потока речи. Всякое членение потока речи, которое опирается в конечном счете на лингвистические

* Впервые опубликована: Учен. записки АПИЯ им. М.Ф.Ахундова, серия XII, № 1, кн. 28-35, 1971 (30, 1968).

¹ Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, стр. 6.

² Там же, стр.7; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.

Однако следует отметить, что самостоятельность звуковой стороны признается не всеми учеными. Некоторые фонологи, которые не признают автономность этой области языка, оказываются в безвыходном положении, в частности, при определении того, какая фонема выступает вторым номером в слове „баран“ или шестым в слове „собака“. Ср.: П. С. Кузнецов. К вопросу о фонематической системе современного французского языка. „Ученые записки МГПИ“, т. 5, вып., М., 1941.

тический анализ,¹ определяет составляющие элементы анализируемой системы, несущей некую информационную нагрузку.

Второй тип явлений, часто называемый супraseгментными (просодическими)² единицами, в отличие от сегментных единиц, выполняет в языке совсем другую функцию. Функция супraseгментных единиц заключается в том, что они оформляют, цементируют и направляют сообщаемую информацию и создают условия для правильной аудии сегментных единиц. Их тесная связь определяется тем, что сегментные единицы не могут существовать без супraseгментных, а супraseгментные единицы сами по себе не могли бы выполнить ту функцию, осуществление которой возможно только во взаимодействии обоих явлений.

Л.В.Щерба в названной выше работе указал на то, что интонация существует там, где есть значимая единица, „...вне этих последних (значимых единиц) ее нельзя себе даже представить, точно так же, как невозможно себе представить отверстия для окон без стен“³.

К сегментным единицам относятся те, которые находят свое проявление в звуковом облике, представляющем одну из двух сторон знака. Эти единицы носят название фонем.

К просодическим единицам относятся те, которые характеризуют, с одной стороны, такие единицы, как слова и группы слов, с другой стороны – единицы, обладающие самостоятельностью в коммуникативном отношении как предложения. Тон, ударение, интонация и т. д. являются просодическими единицами и представляют вместе с сегментными единицами многообразие звуковой оболочки.

Выше было сказано, что деление потока речи опирается в конечном счете на лингвистический анализ. И это действительно так, потому что речь человека есть не что иное, как непрерывная последовательность звуков. Эта непрерывная последовательность подвергается членению только при лингвистическом анализе потока речи. Как же это происходит?

Возьмем два предложения:

1. Er sagte, dass der Kampf um den Frieden die Hauptpolitik unserer Regierung ist.

¹ О лингвистическом факторе при членении потока речи. См.: Л. Р. З и н д е р. Учение о фонеме. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 33-38.

² Лингвисты пользуются разными терминами для описания одного и того же звукового факта. Так, например, в качестве термина для описания явлений второго типа употребляют то супraseгментные единицы (т. е. надсегментные, стоящие над далее неделимыми единицами), то просодические.

³ Л. В. Щ е р б а. Указ. соч., стр. 5.

2. Der Kampf um den Frieden ist die Hauptpolitik unserer Regierung.

Первую фразу можно разделить на две значимые единицы, не затрагивая пока вопроса о том, что значимые единицы выражаются означающими. Такое разложение возможно только потому, что каждая часть данной фразы как целого выражает „кусочек“ объективной действительности. Во-первых, „Er sagte“ означает действие 3-го лица в прошедшем времени, вторая же часть данного сложного предложения содержит то, о чем сообщает 3-е лицо. В данном контексте самостоятельное употребление отдельных частей предложения исключено, если иметь в виду именно указанную последовательность содержащихся во фразе дискретных единиц.

Во-вторых, часть „dass der Kampf um den Frieden die Hauptpolitik unserer Regierung ist“ является продолжением мысли говорящего.

Второй пример, в отличие от первого, не содержит таких самостоятельных единиц, но тем не менее разлагается на значимые единицы - на синтагмы. Если в первом примере речь идет о значимости частей сложной фразы, то во втором – о значимости единиц, создавшихся в процессе речи. Следовательно, во втором примере имеются две единицы процесса речи – синтагмы: первая синтагма - „Der Kampf um den Frieden“, вторая синтагма - „ist die Hauptpolitik unserer Regierung“.

Первая синтагма состоит из пяти значимых единиц, каждая из которых имеет свою ценность в данной фразе. Заменить одну единицу другой в данной ситуации нельзя. С точки зрения нормы немецкого языка невозможно заменить в данной речевой цепи „um“ на „durch“ или „den“ на „der“ и т. д. Здесь имеется определенное отношение между соседними элементами, которое находит свое выражение в синтаксическом средстве – управлении. Единицы, составляющие эту синтагму, находятся еще в другом плане в определенном отношении. В этом случае они являются взаимоисключающими, т. е., с точки зрения дистрибуции, значимая единица „um“ не может выступать вместо „den“ или наоборот. Здесь мы имеем дело с парадигматическим отношением.

Членение потока речи на значимые единицы Бодуэна де Куртенэ¹ назвал семасиологически-морфологическим. С точки зрения

¹ И.А.Бодуэн де Куртенэ. Введение в языковедение. Избранные труды по общему языковедению. М., 1963. См. также: А.Мартинес. Основы общей лингвистики. Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3. А. Мартинес называет членение подобного рода первым. [ ] указывает на фонетические слова; ( ) – на слоги, / / - на фонемы.

семасиологически-морфологической Бодуэн де Куртенэ различал фразы, синтагмы и морфемы.

С точки зрения произносительной, фраза „Der Kampf um den Frieden ist die Hauptpolitik unserer Regierung“ распадается на фонетические слова, на слоги и, наконец, на наименьшие единицы – на фонемы.

[(/d/er) (k/a/m/pf)] [(/u/m/) (/d/e/n/) (/f//r:/i/) (/d/ə/n/)] [(/i//s/t/) (/d/i:/) (/h/a/o/p/t/) (/ p̄ /o./) (/l/i./) (/ti//k/)] [(/u/n) (z/ə/) (/r/ə/r/) (/re./) (/g' /i:/) (///-2/)]. Членение подобного рода Бодуэн де Куртенэ называл фонетическим¹.

Если при членении фразы на семасиологически-морфологическом уровне речь идет о значимых, то на фонетическом уровне – о незначимых единицах. Единицы первого членения имеют две стороны: звуковую – план выражения, и смысловую сторону – план содержания, в то время как единицы второго членения находят свое проявление в звуковом облике плана содержания². Единицы первого членения существуют в определенной звуковой форме. Они выражаются в определенном расположении единиц второго членения. При этом количество дискретных единиц в каждом языке ограничено, количество высказываний – безгранично. Достаточно сказать, что в современном немецком языке насчитывается 40 фонем, но неограниченное количество высказываний³.

Это неограниченное количество высказываний идентифицируется благодаря взаимодействию сегментных и супraseгментных единиц. В области означаемых все разнообразие не может характеризоваться специфической интонацией. Синтаксическое разнообразие ха-

¹ И.А.Бодуэн де Куртенэ. Указ. соч.

² А. Мартине. Основы общей лингвистики. Новое в лингвистике. М., 1963. Единицы первого членения А.Мартине называет монемами, а второго членения – фонемами.

О разложении простого повествовательного предложения на синтагмы в современном немецком языке см. также: М. Г. Крайчак. Членение простого повествовательного предложения в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1953.

³ Количество корневых слов в немецком языке насчитывается по данным 1937 года - 21000. Интересен тот факт, что невозможно определить количество высказываний, но можно установить количество слов по всем возможным комбинациям фонемного сочетания. П.Менцерат установил, что в немецком языке чаще всего встречаются трехсложные слова, они составляют $\frac{1}{3}$ часть немецкого лексикона. Затем идут двухсложные. Четырехсложные слова составляют $\frac{1}{6}$ часть, на четвертом месте стоят односложные. Они составляют $\frac{1}{9}$ часть лексикона немецкого языка. Пятисложные составляют лишь $\frac{1}{28}$ часть. Таким образом, 2-, 3-, 4- сложенные слова составляют 82,3 % всех слов немецкого языка. См.: Р. Менцерат. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes, Бонн, 1954. Но такой расчет для высказываний вести нельзя

рактируется комбинацией ограниченного числа интонационных контуров.

Сегментные единицы имеют определенную позицию в речевой цепи, чего не имеют супraseгментные единицы. Иначе говоря, противопоставление сегментных и супraseгментных единиц заключается в том, что первые характеризуются определенной позицией в речевой цепи. Например, в слове /bant/ имеются четыре такие единицы. Каждая из них прикреплена в этом слове к определенной позиции, т. е. первым номером выступает /b/, вторым - /a/, третьим - /n/ и, наконец, четвертым - /t/. Замена одной из них другими единицами, присущими немецкой языковой системе, приводит к полному изменению данного слова. Вставим вместо /b/ /l/, получим новое значение, хотя у означаемого заменена только одна фонема.

Супraseгментные же единицы не имеют такой позиции в речевой цепи. Они располагаются над сегментными единицами, образующими любую фразу и такое расположение важно для их восприятия. Если мы вырежем из любой звуковой оболочки первую единицу, то получится недоразумение. То же самое произойдет при интонационном контуре любого предложения.

Любая фонема, встречающаяся в немецкой речи, с необходимостью должна быть идентифицирована как одна из фонем, существующих в немецком языке, либо как /a/, либо как /e/, либо как /t/ и т. д. Эти сегментные единицы являются необходимой предпосылкой существования языка так же, как и необходимы супraseгментные единицы.

Повышение и понижение основного тона в определенной части фразы не говорит о том, что интонационный контур обладает значением. Графическое изображение интонационного контура фразы есть только лишь описание действия компонентов интонации в данной фразе. Если интонационный контур сам по себе не обладает определенным значением, если он отдельно в языке не функционирует как значимая единица, то рассмотрение его как морфемы нельзя считать обоснованным, так как морфема существует в языке как значимая единица, единица плана содержания, тогда как интонация присуща плану выражения.

Однако в лингвистической литературе высказывается часто мнение, что интонационный контур есть морфема. В частности, один из представителей американской дескриптивной школы Г.Глисон¹

¹ Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1963. По Г.Глисон, в английском языке имеются, кроме дискретных единиц, еще 4 тона, 3 ударения и 2

трактует интонационный рисунок фразы как морфему. Для Г.Глисона и его школы естественно такое определение, что привело их в дальнейшем к поискам составляющих элементов - фонем интонационного контура. отождествление интонационного контура с морфемой приводит их к выводу, что тоны, ударения и паузы, которые в общем-то образуют интонацию, являются не чем иным, как фонемами¹.

Если одни лингвисты и практически, и теоретически объясняют интонационный контур фразы как морфему, то другие выражаются более осторожно. Хотя они не заявляют, что интонационный рисунок есть морфема, но нетрудно понять их концепцию, сходную с Г.Глисоном.

Лингвисты так называемого формального подхода к языковым фактам настаивают на том, что интонация делится на составляющие ее части. Такого принципа членения интонации придерживаются многие фонетисты, в частности, автор нескольких статей по исследованию немецкой и английской интонации, а также специальной книги по фонетике О. фон Эссен.² В Советском Союзе по разработке интонационных моделей по этому же принципу известна работа О.А.Норк³. В трактовке этих авторов членение происходит следующим образом: в каждой фразе констатируется фастигиум, т. е. абсолютная высота движения основного тона. Он и объявляется тонемой. Другими словами, слог, стоящий под синтагматическим ударением, есть не что иное, как тонема. Слоги, предшествующие тонеме, называются предтактами, а слог, следующие за тонемой, обозначаются как затакты. Это можно показать на примере. Возьмем трехсложную фразу /es regnet/. Слог - reg- трактуется как тонема, поскольку в данной фразе он единственный слог, который стоит под фразовым уда-

---

паузы, включенные им в фонемный состав английского языка. Г.Глисон пишет: „Каждое предложение характеризуется и цементируется определенным интонационным рисунком, состоящим из двух, трех или четырех фонем тона и одного завершителя. Интонационные рисунки являются не фонемами, а морфемами“. – Г. Г л и с о н. Указ. соч., стр. 85. Далее: «Морфема есть наименьшая единица грамматики» (там же).

¹ По этому вопросу см.: Л. Р. З и н д е р. Основные фонологические школы. Вопросы общего языкознания. Материалы Республиканского семинара преподавателей общего языкознания. Л., 1967, стр. 82-83.

² О. von Essen. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation, Rattingen, Düsseldorf. 1956; Die melodische Struktur des Ausspruchs im amerikanischen Englisch. Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin, 1961. Н. 3; Allgemeine und angewandte Phonetik, Berlin, 1966.

³ О. А. Н о р к. Основные интонационные модели в современном немецком языке. „Иностранные языки в школе“, № 3, 1964.

рением. -es- рассматривается как предтакт, потому что он предшествует ударному слогу, а последующий слог -net- интерпретируется как затакт.

Идея эта не нова. Достаточно упомянуть Всеволодского Гернграсса¹, который, будучи не лингвистом, а театральным деятелем, описывает интонационные средства выражения мысли, оперируя именно предтактами и затактами. Может быть, стоило бы говорить о подобном членении в агогике речи. А что касается вопроса в лингвистическом аспекте, можно сказать, что такой механистический подход не даст положительных результатов.

В связи с этим возникает сложный вопрос: можно ли делить интонацию на составляющие ее элементы? Можно ли рассматривать тоны и ударения как фонемы? Представляет ли интонация нечто неделимое целое?

Чтобы решить вопрос о том, можно ли делить интонацию на составляющие ее части, следует обратиться к вопросу о критериях членения потока речи вообще. Для этого надо исходить из того положения, которое выдвинул академик Л.В.Щерба еще в 1912 году в качестве лингвистического критерия для членения потока речи. Это положение предполагает деление **только**² через значимые единицы. Фонемное сочетание /vn/ в немецком языке ничего не означает, хотя оно встречается в довольно большом количестве слов, например: /Δn/ /dən/, /vΔn/, /tsΔd/, /vin/ /t/ и т. д. Известно, что каждая из трех единиц, составляющих сочетание /vn/, существует в немецком языке и идентифицируется в разных комбинациях как равная самой себе в любой позиции речевой цепи. Но разлагать /vin/ на значимые составляющие невозможно. То же самое можно сказать об интонации. Интонация, как было указано выше, сама по себе не обладает самостоятельным значением. Она наслаивается на сегментные единицы. Опять-таки тут приходится на помощь лингвистический анализ, посредством которого возможным представляется синтагматическое деление, в зависимости от расположения интонационного ядра во фразе.

Таким образом, лингвистический критерий в определении академика Л.В.Щербы представляет собой ту основу, опираясь на которую можно продолжать описание языковых фактов. Несомненно, членение значимых единиц происходит благодаря существованию супрасегментных единиц. В этом отношении действие супрасег-

¹ В. Гернграсс. Теория речевой интонации. Пб., 1922.

² Л. В. Щерба. Указ. соч.

ментных единиц относительно самостоятельно. Нет ничего удивительного в том, что предложения не есть последовательность изолированных слов. Составляющие его элементы связаны друг с другом и грамматически, и интонационно. В этом отношении грамматические и интонационные средства образуют в целом ту единицу, посредством которой осуществляется коммуникация, при помощи которой передается информация от говорящего к слушающему и воспринимается передаваемое сообщение. С фонетической точки зрения фраза строится при помощи интонации; с грамматической же - при помощи различных грамматических связей. Это не значит, что имеется четкая граница между ними. Об их взаимокompенсации писал в свое время А.М.Пешковский.¹

Интонация дает любой коммуникативной единице целостность и создает условия для полного восприятия. Без нее невозможно само существование языка. И каждое предложение как целое является законченным или незаконченным благодаря присущей ему интонации. Поэтому не следует говорить о линейном членении интонации, а нужно говорить о роли интонации при членении потока речи. Если при грамматическом анализе предложение делится на составные части, связанные друг с другом, то при фонетическом оно распадается на синтагмы, определение которых академик Л.В.Щерба дал более 30 лет тому назад.

Но тем не менее, вопрос о синтагматическом членении является до сих пор спорным и представляет объект многих исследований в современной лингвистике. Так, например, М.Бирвиш² строит все свои интонационные правила с точки зрения единицы фразирования (нем. Phrasierungseinheit). Но Бирвиш далек со своим субъективно-абстрактным определением синтагмы от простой, совершенно четко выраженной дефиниции синтагмы Л.В.Щербы.

Дело в том, что в зарубежной лингвистике часто высказывается мнение о том, что вопрос о синтагме еще не совсем разработан. Действительно, для тех, кто не знаком с достижениями советской лингвистики, с теорией о синтагматическом членении потока речи академика Л.В.Щербы и его учеников³, вопрос о синтагме, ее месте и

¹ А. М. П е ш к о в с к и й. Интонация и грамматика. Избранные труды. М., 1959.

² M. B i e r w i s c h. Regeln für die Intonation deutscher Sätze. Untersuchungen über Akzent und Intonation im Deutschen in: „S t u d i a G r a m m a t i c a“, VII. B., 1996.

³ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. 7-е изд. М., 1963; М. И. М а т у с е в и ч. Введение в общую фонетику. М., 1948; Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960; Л. Р. З и н д е р, Т. В. С т р о е в а. Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка. Л., 1962, стр. 97; М. Г. К р а в ч е н к о. Членение

роли в лингвистике остается первой проблемой, да и в некоторой степени загадкой. Так, Ингеборг Зайдель, выступая на страницах журнала „Романская филология“¹, призывает всех лингвистов к решению проблемы синтагмы. Вот что она пишет: „... проблема синтагм остается нерешенной (нем. *in der Luft hängt*). Понятие „синтагма“ не завоевало себе пока никакого места в грамматиках, оно еще будет дискутироваться“².

Далее автор констатирует, что синтагмами надо считать такие единицы, как „*in der Luft hängen*“, „*Recnung tragen*“, „*Schluß machen*“, „*Gute Reise*“, „*Abschied nehmen*“ и т. д., одним словом, по автору выходит, что синтагмами могут быть только фразеологизмы. Такое истолкование сужает понятие синтагмы и не соответствует щербовскому пониманию синтагмы. По Зайдель напрашивается логический вывод, что синтагма – единица, данная в языке в готовом виде, тогда как Л.В.Щерба исходит из реальной речи.

Таким образом, исходя из простой дефиниции Л.В.Щербы, что синтагма - „фонетическое единство, выражающее ЕДИНОЕ СМЫСЛОВОЕ ЦЕЛОЕ В ПРОЦЕССЕ РЕЧИ – МЫСЛИ (выделяется для того, чтобы противопоставить определение синтагмы, данное Л.В.Щербой, „синтагмам“ – фразеологическим единицам И.Зайдель) и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их“³, можно говорить о синтагматическом членении, об интонационном членении, в результате которого получается единица семантико-синтаксическая.

Для иллюстрации синтагматического членения возьмем фразу /*Das klügste Mädchen macht den dümmsten Streich*// Эту фразу можно расчленить на две синтагмы:

1. /*Das klüstge Mädchen*/
2. /*macht den dümmsten Streich*//.

Почему на две синтагмы, а не на три или четыре или не на одну синтагму? Ответ на этот вопрос очень прост. Логико-смысловое содержание фразы требует именно такого членения данной фразы.

Формальным выражением синтагматического членения является интонация, „обязательно присутствующая в каждом предложе-

---

простого повествовательного предложения в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1953.

¹ *trage zur romanica l. Philologie*. Berlin, 1966, Н. 2.

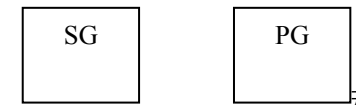
⁴ *I n g e b o r g S e i d*. Zum Syntagmaproblem, там же.

³ Л. В. Щ е р б а. Указ. соч., стр. 122.

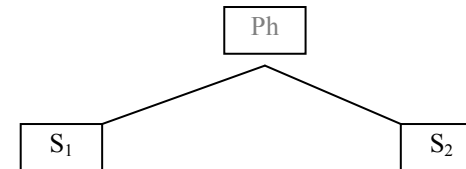
ний¹.

Первая часть произносится с повышением, а вторая – с понижением тона. Кроме того, между ними есть пауза. Если прибавить к этому еще факты, полученные от подхода логического анализа, картина для каждого будет ясна. Другими словами, данная в первой части, так называемая тема высказывания² противопоставляется второй части, что и является ремой, т. е. целью высказывания. Данное „das klügste Mädchen“ может иметь в качестве нового не только „den dümmsten Streich“, но и какое-то другое проявление бытия субъекта. Все эти грамматические и логические соображения приводятся как вспомогательный фактор для дополнения фонетического довода. Однако не следует забывать, что противопоставление тут не только грамматическое или, скажем, логическое, но и фонетическое. Можно это показать наглядно:

Грамматическое структура предложения:

С точки зрения интонационного выражения имеется противопоставление между двумя синтагмами

а) ≠ знак противопоставления; б) SG – группа субъекта; PG – группа предиката; в) Ph – фраза; S₁ – синтагма 1; S₂ – синтагма 2.

В каждой синтагме стоит один слог под синтагматическим ударением. В первой синтагме этим слогом является /kly:/.

Выделение этой части синтагмы необходимо именно потому, что вся функциональная нагрузка лежит в этих трех сегментных элементах, составляющих единицу фонетического уровня, неразложимую с произносительной точки зрения. Иными словами, это выделяется потому, что говорящий хочет подчеркнуть, что не просто де-

¹ Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. Указ. соч., стр. 97.

² К. В о о s t. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955.

вушка, не просто умная девушка, а умнейшая девушка. Грамматически это выделение выражается превосходной степенью прилагательного (klüg), формальный признак которого есть (st) и умлаут коренного гласного.

Итак, суммируя сказанное, можно придти к выводу, что сегментные и супрасегментные единицы тесно связаны друг с другом. Их совместное функционирование осуществляет коммуникативную функцию языка. Будучи незначимыми, супрасегментные единицы наслаиваются на сегментные единицы и вместе с ними представляют звуковую сторону. Супрасегментные единицы не имеют определенной позиции в речевой цепи. Поэтому едва ли можно говорить о линейном членении интонации. Интонация сама по себе не подвергается членению. Она оформляет высказывание и в то же время расчленяет его на синтагмы.

К АНАЛИЗУ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ*

1. При лингвистическом описании фразовой интонации следует различать две её функции: внутрифразовую и внешнефразовую. Само собой разумеется, что обе эти функции взаимосвязаны и одна без другой не может существовать.

2. Внешнефразовая функция фразовой интонации направлена на то, чтобы дать предложению целостность в плане выражения и тем самым осуществить интонацию говорящего. т. е. содействовать звуковому оформлению коммуникативной единицы. Потому и функционирование внешнефразовой интонации не обусловлено ни контекстом, ни ситуацией, ни другими экстралингвистическими факторами. Оно обусловлено только коммуникативным назначением предложения, произнесенного говорящим с определенной целью.

3. В противоположность внешнефразовой функции действие внутрифразовой интонации обусловлено ситуацией и контекстом. Внешнефразовая функция фразовой интонации служит внутренней организации предложений, содержащихся в них слов, синтагматическому членению предложения. Но если синтагматическое членение предложения отсутствует, как например, в односинтагменных предложениях, внутрифразовая функция интонации служит выражению эмоциональной стороны речи.

---

* Впервые опубликована: Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной итогам научно-исследовательских работ за 1970 г. АПИЯ им.М.Ф.Ахундова. Баку, 1971, с.60-61.

В предложении /Die Bücher von heute /sind unsere Taten von Morgen // внешнефразовая функция интонации выражает терминальность, которая заключается в том, что говорящий в лице И. Р. Бехера констатирует, сообщает, но не спрашивает и не намерен продолжать свою речь. Функционирование внутрифразовой интонации находит свое выражение в синтагматическом членении приведенного предложения, т.е. она делит фразу на две синтагмы, которое выдвинул Л. В. Шерба в «Фонетике французского языка» (М., 1963).

Мысль о том, что внешнефразовая функция интонации не обусловлена ситуацией и контекстом, подтверждается следующим примером: /Ych gab das Buch der Schwester meiner Freundin // Как видно, предложение произнесено с терминальной интонацией, акустическими коррелятами которой является понижение тона, уменьшение интенсивности и замедление темпа. Данное положение может быть понято двояко. При одном членении синтагматическая граница проходит после (Buch), а при другом после Schwester Между тем внешнефразовая интонация остается в обоих случаях одной и той же – завершающей. Но внутрифразовая интонация изменяется. В зависимости от этого изменяется и смысловое содержание предложения.

Подобную операцию можно провести на том же примере, изменив его внешнефразовую интонацию, т.е. заменив терминальность на интеррогативность. Мы получаем идентичную картину:

¿ Gab ich das Buch der Schwester meiner Freundin?

¿ Gab ich das Buch der Schwester meiner Freundin?

В предложении же /Ich gab ihm das Buch//, произнесенном как односинтагменное, внутрифразовая интонация служит внутренней организации этого предложения и выражению эмоциональной стороны. Действительно, каждое из слов, входящих в состав данного предложения, можно произнести с собой эмоциональной окраской. Однако от этого не изменится внешнефразовая интонация, т.е. терминальная интонация остается терминальной.

ИНТОНАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНАЛЬНОЙ СИНТАГМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ*

Для описания и классификации единиц плана выражения необходимо исходить из того критерия, который мог бы дать возможность определить место и функцию данной единицы в фонологической системе языка. Таким критерием может быть только лингвистический, так как фонетическое сходство не определяет тождества или различия единиц плана выражения¹.

Так как интонация принадлежит плану выражения, то, безусловно, ею должна заниматься фонетика. Будучи надлинейным явлением, интонация находится в двойном отношении с синтаксисом: с одной стороны, интонация находит свое приложение именно в синтаксической структуре предложения, с другой, через интонацию синтаксическая структура получает определенное оформление, которое создает оптимальные условия для приема и передачи информации.

Именно поэтому Л. В. Щерба предложил назвать эту область синтаксической фонетикой²; минимальной, интонационно неделимой (в линейном отношении) единицей ее является синтагма³. Синтагматическое членение потока речи представляет для описания интонации тот лингвистический критерий, опираясь на который можно разрешить проблемы, связанные с фонологической интерпретацией интонации.

Приняв за основу своей интонационной классификации синтагму, Л. В. Щерба выделил несколько интонационных единиц для французского и русского языков⁴. Их можно объединить в три боль-

---

* Впервые опубликовано: «Ученые записки», АПИЯ, М.Ф.А., серия XII, № 1, Баку, 1972, с. 10-20. Данная статья является частью экспериментально-фонетического исследования, проведенного автором в Лаборатории экспериментальной фонетики им. академика Л. В. Щербы при Ленинградском государственном университете под руководством проф. Л. Р. Зиндера. Пользуясь случаем, автор приносит глубокую благодарность Л. Р. Зиндеру, а также выражает признательность всем сотрудникам лаборатории, оказавшим автору большую помощь при выполнении исследования.

¹ О лингвистическом критерии и его определении при описании единиц плана выражения см.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, ст. 33-74.

² Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. 7-е изд. М., 1963.

³ Связь синтаксиса с интонацией, как известно, всегда подчеркивалась А. М. Пешковским. См.: А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. В кн.: А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1957. Следует отметить, что идея о взаимоемпиции интонационных и грамматических средств проходит как красная нить через все исследование советских интонологов.

⁴ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 125-129.

шие группы. Тогда каждая группа будет репрезентировать несколько вариантов одного и того же интонационного контура. Так например, вопросительные предложения с вопросительным словом представляют собой варианты завершающей интонации. «Если вопросительный смысл фразы,- писал Л. В. Щерба,- вполне выражен грамматическими формами или специальными словами, мелодика фразы может приближаться к утвердительной мелодике»¹.

Видный советский ученый А. Н. Гвоздев, говоря о фонологических средствах русского языка, приходит к выводу, что интонация является таким же фонологическим средством, как и отдельные фонемы. Наряду с вопросительной и повествовательной интонацией, А. Н. Гвоздев выделяет и восклицательную. «Разграниченность повествовательной, вопросительной и восклицательной мелодий совершенно очевидна»². А. Н. Гвоздев исходит из классификации предложений по их коммуникативной направленности.

Ряд советских и зарубежных языковедов стремится выделить на фонологическом уровне три интонационных контура³.

В данной работе автор исходит из того, что в фонологической системе немецкого языка существуют определенные интонационные контуры, количество которых, по- видимому, намного меньше количества фонем. При этом интонационный контур рассматривается как единица, не имеющая сама по себе самостоятельного значения. Его значимость обусловлена тем языковым материалом, с которым интонация формирует информационную единицу – предложение. Такое понимание проблемы опровергает точку зрения некоторых языковедов, у которых интонация отождествляется с морфемой⁴ – знаковой единицей языка, имеющей билатериальный характер.

Надо сказать, что в современном языкознании нет единого понимания термина «интонация». В настоящей статье термин «интонационный контур» употребляется в понимании Л. Р. Зиндера, как линейно неделимая единица, имеющая надлинейный характер, пред-

---

¹ Л. В. Щерба. Там же, стр. 126.

² А. Н. Гвоздев. К вопросу о фонологических средствах русского языка. В кн.: А.Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетке. М. 1963.

³ Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1936; Н. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939; F. Danes. Intonance a v' ta ve spisovne cestine. Praha. 1957; O. von Essen. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Rattigen-Dusseldorf, 1953; Н. Н. Satzintonation des Westlächischen. Böhmlau, 1963.

⁴ О подобном истолковании см.: Ж. Вандриес. Язык. М., 1937.; Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1960.; Е. Antonsen. Suprasegmentals German. «Languag», vol. 42, 3, 1966.

ставляющая собою единство мелодических, динамических и временных изменений в речи⁵.

Однако указанная точка зрения признается не всеми лингвистами. В зарубежной лингвистике под интонацией понимается мелодика – движение тона во фразе. Такова концепция дескриптивистов, таково изложение проблемы у германистов, в частности у немецких лингвистов. В соответствии с общетеоретической интерпретацией всех фонологических единиц Р. Якобсон и М. Халле предлагают выделить ингерентные (внутренние) и просодические дифференциальные признаки (ДП). Интонация (в их терминологии – просодема) рассматривается как пучок просодических ДП – интенсивности, тональности и длительности⁶.

Один из вопросов, стоящих перед данным исследованием, состоит в том, чтобы выяснить, каково влияние контекста на интонацию предложения. Вяснение этого вопроса имеет принципиальный характер, так как в фонетической литературе существует утверждение, якобы интонация изолированно произнесенной фразы резко отличается от интонации той же фразы, изъятый из определенного контекста, т. е. одна и та же единица речевого сообщения имеет разное интонационное оформление в фонологическом плане и разное лингвистическое значение.

Отстаивая такой взгляд, В. А. Артемов, руководитель ЛЭФИПР при МГПИИЯ им. М. Горького, в своей «Экспериментальной фонетике» пишет: «Таким образом, интонация не может быть изучена на материале изолированного предложения. С целью экспериментально-фонетического изучения предложение должно быть взято в контексте»².

Прежде чем перейти к рассмотрению того, существует ли такое различие в фонологическом плане, надо остановиться на уточнении некоторых понятий.

Во-первых, что такое контекст? Контекст – это законченная по смыслу часть текста, где экспрессивная функция выражается максимально и где слова и словосочетания, входящие в его состав, находят свое точное и конкретное определение. Контекст обеспечивает тес-

⁵ Это подробно изложено в кн.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.; он же: Фонология и фонетика. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968. ст. 193 – 231. Такой же точки зрения придерживается А. Мартине. См.: А. Мартине. Основы общей лингвистики. В кн.: «Новое в лингвистике», М., 1963, вып. III.

⁶ R. Jakobson und M Halle. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960.

² В. А. Артемов. Экспериментальная фонетика. М., 1956, ст. 80.

ную связь между содержанием данного предложения и содержанием окружающих его предложений.

Во-вторых, следует отличать от контекста другой, не менее важный фактор, а именно – ситуацию. В отличие от контекста, ситуация есть совокупность обстоятельств, выраженных или не выраженных в речи говорящего.

В-третьих, для правильного решения вопроса о значении контекста при анализе каждого предложения необходимо различать две функции интонационного контура: внешнефразовую и внутрифразовую. Первая функция интонационного контура служит коммуникативному оформлению фразы, вторая – внутренней организации и синтагматическому членению фразы³.

Для выяснения роли контекста в формировании интонационного рисунка фразы был поставлен специальный эксперимент. Материалом для него послужили немецкие предложения различных синтаксических типов с терминальной синтагмой. Терминальная синтагма создает условия для определения той области интонационной структуры, где происходит интонационная завершенность¹, где говорящий дает знать, что его высказывание не требует ответа от слушателя и не предупреждает его о продолжении речи.

Программа экспериментального материала состояла из 40 предложений, произнесенных как в контексте, так и вне контекста. При составлении программы экспериментального материала использованы литературные произведения немецких писателей-классиков и современников. Исходя из принципа интонационно-смысловой завершенности и незавершенности, для эксперимента были избраны:

1. Односинтагменные назывные предложения типа «Paris», «Die Agonie der Angst» и т. д.

2. Двух-, трех-, и многосинтагменные повествовательные предложения типа «Es war eine Nacht», «Es war eine Nacht mit allen Sternen»,

---

³ Эмоциональная сторона интонации здесь не рассматривается. Но это не означает, что для эмоционального выражения существуют специальные средства. Эмоциональная сторона неотделима от интеллектуальной. Различение этих двух уровней порождено абстрагирующим мышлением лингвиста.

¹ «Терминальная интонация» - широко употребляемый в немецкой лингвистической литературе термин, соответствует русскому термину «завершающая интонация»; соответственно, «терминальная синтагма» - это «конечная синтагма», «терминальная фраза» - «завершенная фраза» (в интонационном отношении), «терминальная интонация» – «интонация, завершающая какой-нибудь речевой отрезок». Термины «завершающая», «законченная» и «терминальная» употребляются нами как синонимы для обозначения так называемой «точковой интонации».

«Den Auftrag, der ihm durch Bochow gegeben worden war, hatte er nicht korrekt durchgeführt» и т. д.

Программа была составлена с учетом того, чтобы одна и та же синтагма встречалась в предложении в разных позициях: в начале, в середине и в конце. Для чтения выбранного материала были приглашены шесть дикторов (аспиранты и студенты из ГДР и ФРГ). Запись проводилась в две серии. В первый раз прочитывались предложения в контексте, в другой день – в изолированном виде. Для дальнейшего анализа были выбраны всего два диктора, так как у остальных четырех дикторов наблюдались большие идиолектные отклонения от немецкого литературного произношения. Насколько это было правильно, показал аудиторский анализ. При прослушивании речи лиц, использованных для эксперимента в качестве дикторов, были получены осциллограммы 160 предложений в чтении двух дикторов, 80 в контексте и 80 в изолированном виде. Полученные осциллограммы были подвергнуты обработке, данные которых приводятся ниже².

По осциллограммам спавнивалась физическая интенсивность всех гласных каждого предложения в контексте и вне контекста. Сопоставлены во всех случаях максимальные отклонения от нулевой линии. Кроме интенсивности, сравнивалась абсолютная длительность гласных в мсек., и проученные из изолированно произнесенных предложений данные сопоставлены с данными предложений в мсек., и полученные из изолированно произнесенных предложений данные сопоставлены с данными предложений произнесенных в контексте. Вычислены также колебания высоты основного тона гласных.

D. t.	I D		II D	
	в конт.	изол.	в конт.	изол.
↓	95%	95%	95%	97,5%
→	2,5%	2,5%	2,5%	2,5%
↑	2,5%	2,5%	2,5%	0%

/↓/ - знак понижения высоты основного тона

/→/ - знак ровного движения высоты основного тона

² Ввиду того, что методы и принципы осциллографического анализа широко освещены в литературе, эта часть описания здесь опускается. См. об этом подробнее: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.; Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ. Л.; 1965. M. Grutzmacher und W. Lottermoser. Die Verwendung des Tonhohenschreibers bei mathematischen, phonetischen und musicalischen Aufgaben Akustische Zeitschrift. 2-3, 1937-38.

/↑/ - знак повышения высоты основного тона

Таблица 1 показывает, что у обоих дикторов имеется почти одинаковый %

понижения тона в терминальных синтагмах (и в контексте и вне контекста 95%; 100% =40 предложениям). Различие лишь в том, что у второго диктора, в отличие от первого, нет повышения соответственно % терминальной интонации (на 2,5% больше, чем у первого диктора).

В таблице 2 представлены % уменьшения и увеличения интенсивности ударных гласных терминальных синтагм. Увеличение и уменьшение интенсивности ударных гласных в терминальных синтагмах берется по отношению к тем же гласным в прогрессивных синтагмах. Оказалось, что % уменьшения интенсивности ударных гласных в терминальных синтагмах равен 97,5. Лишь 2,5%, т. е. по одному предложению у каждого диктора, характеризуется увеличением интенсивности ударного гласного терминальной синтагмы.

Таблица 2

J	I D		II D	
	в конт.	изол.	в конт.	изол.
↑	97,5%	97,5%	97,5%	97,5%
↑	2,5%	2,5%	2,5%	2,5%

/↓/- знак уменьшения интенсивности

/↑/ - знак увеличения интенсивности

Однако характер данного исследования потребовал высечь движение тона внутри каждого гласного. С этой целью на осциллограмма гласных в терминальных синтагмах разделена на равные по длительности три части и вычислены колебания высоты основного тона каждого участка этих гласных (см. график 3).

Таблица 3

Д. т.	I Д						II Д					
	в конт.			в изол.			В конт.			в изол.		
Односинт. Предл.	↓	→	↑	↓	→	↑	↓	→	↑	↓	→	↑
всего 12 предл.	10	1	1	10	1	1	10	1	1	11	1	0
2-х синт. предл.												
Всего 20 предл.	20	0	0	20	0	0	20	0	0	20	0	0
3-х синт. предл.												
Всего 6 предл.	6	0	0	6	0	0	6	0	0	6	0	0
4-х синт. предл.												
Всего 1 предл.	1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0
много синт. предл.												
Всего предл.	1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0
М	38	1	1	38	1	1	38	1	1	39	1	0

Таблица 3 показывает, что в 38 случаях из 40 предложений, произнесенных в контексте и вне его, имеется понижение. Лишь в одном случае (у I Д.) в контексте и вне контекста имеется повышение, соответственно равное движению тона (так же как у II Д.). Но у II Д., в отличие от первого, имеется в изолированно произнесенных предложениях только один случай, который характеризуется равным движением тона^{**}

^{**} гц. в н. – герц в начале; гц. в сер. – герц в середине; гц. в к. – герц в конце; гц. ср. – герц средний; мсек. абс. – абсолютная длительность; мсек. ср. – средняя длительность; мм – интенсивность в мм.

^{**} Такое отклонение встречается в предложениях типа «Paris» «Herbst» и т. д., которые произносятся не с абсолютным понижением, а повышением или равным движением тона, что придает им обычно перечислительный оттенок.

Таблица 4

Терм синт.	I Д								II Д						
	Mit allen Sternen														
Гласи	Пол. гцвн: гц. гцвк гцср. мсек мсек Мм гцвн. гцвс гцвк гцср. мсек тсек мм Всрр аб ср. аб ср														
⊥	в КОНТ.	115	154	115	125	40	53	4,2	115	115	143	125	40	78	5
	ИЗОЛ.	113	150	113	125	40	71	7	100	66	166	111	45	83	8,4
А	в КОНТ.	156	185	94	140	50	53	5,7	134	112	134	125	80	78	7
	ИЗОЛ.	130	173	140	142	70	71	9	128	93	104	108	90	83	77,2
Ә	в КОНТ.	130	120	130	133	30	53	3,8	140	160	120	133	30	78	3,4
	ИЗОЛ.	145	180	109	140	50	71	7	107	138	138	105	40	83	4,2
Е	в КОНТ.	130	108	108	111	70	53	5	114	108	100	105	80	78	6
	ИЗОЛ.	125	125	100	116	60	71	8	100	103	111	105	100	83	8
	в КОНТ.	115	115	77	100	40	53	2	108	106	92	100	40	78	2
	ИЗОЛ.	108	108	87	100	70	71	3,8	100	100	100	100	40	83	2

Таблица 5

Терм синт.	I Д						II Д								
	von Friedrich Schiller														
Гласн	пол.	гцвн	гц. всвр	гцвк	гур ср	Мсск абс	мсск ср. мм [I]		гцвн	гц всвр	Гцвк	гцср мсск мск мм()			
6	в конт.	150	103	120	125	40	76	4,8	151	118	98	120	50	91	6,8
	изол.	150	140	110	133	60	96	5	120	120	120	120	50	8,4	7,3
i:	в конт.	150	150	100	33	90	76	4,5	119	142	119	116	100	91	7
	изол.	136	157	136	140	100	90	4	108	131	120	120	80	84	5
⊥	в конт.	106	127	148	28	70	76	4,8	125	138	125	129	90	91	4,5
	изол.	156	120	116	133	90	90	5	151	129	109	128	50	84	4,2
⊥	в конт.	116	116	100	111	90	76	4	125	100	125	116	60	91	6,2
	изол.	150	125	100	116	60	90	6	142	109	131	127	53	84	6,8
ø	в конт.	115	96	96	100	80	76	3,5	104	104	94	100	90	91	5
	изол.	116	83	100	100	90	90	4	113	94	94	100	80	84	5

В приведенных выше таблицах дано сопоставление двух терминальных синтагм по трем параметрам, причем первый (безусловно, основной параметр) – движение тона – вычислен по трем частям. Синтагмы были произнесены в следующих предложениях:

1. Es war eine Nacht / mit allen Sternen //.
2. Kabale und Liebe / von Friedrich Schiller//.

На основе данных 4 и 5 таблиц были построены графики по движению основного тона и интенсивности гласных в каждой фразе.

Приведенные графики показывают движение ОТ (основного тона) в терминальной синтагме, интенсивность и длительность гласных терминальной синтагмы /mit allen Sternen /. Последний ударный слог /ster/ вместе с заударным слогом /nen/ выступает как бы завершителем

синтагмы. Во всех случаях, как в контексте, так и вне контекста завершение происходит именно в этой области интонационной структуры терминальной синтагмы (см. график 1,2).

Вычисление ОТ каждого гласного терминальной синтагмы по трем частям показывает, что понижение тона, указывающее на мелодическое завершение, локализовано в конце предложения. Сравн. гр. 3. График 3 показывает движение ОТ внутри каждого гласного.

В последнем ударном гласном наблюдается не только мелодическое завершение, но и уменьшение интенсивности данного гласного (см. график 4.) Для интонационного завершения характерно понижение тона в последних гласных терминальной синтагмы, уменьшение интенсивности этих гласных и выступление паузы, акустическим коррелятом которой является нуль звука. Все эти признаки реализуются в каждом конкретном случае по-разному. Каждую конкретную реализацию этих признаков можно рассматривать как варьирование интонационного завершения.

После того, как был проведен анализ экспериментального материала, возник вопрос: как соотносятся полученные данные с языковым чутьем носителей языка? Воспринимают ли носители немецкого языка все повествовательные предложения как терминальные, или в реальной речи происходит нечто другое? Эти вопросы нашли свое решение при аудиторском анализе. Аудиторский анализ был проведен в лаборатории. Для анализа были привлечены 8 немцев-студентов и аспирантов разных специальностей. Анализ проводился в индивидуальном и коллективном порядке.

Были вырезаны из магнитной ленты части из предложений – синтагмы (терминальные и прогрессивные), слова, имеющие последний ударный слог предложения и другие отрезки. Аудиторы должны были обозначить результаты прослушивания соответствующими знаками препинания (. ? ! –).

Результаты аудиторского анализа совпадают с результатами экспериментального анализа, имеется незначительное отклонение от ожидаемого результата. Отрезок, изъятый из контекста, воспринимается с такой же интонацией, как и отрезок, изъятый из изолированного предложения. Синтагмы распознаются без затруднений. Носители языка не идентифицируют мелкие отрезки – слова или компоненты сложных слов, изъятых из предложения с завершающей интонацией.

Аудиторский анализ показывает, что носители языка не могут определить, взят ли данный отрезок из контекста или из изолированного произнесенного предложения. Один и тот же отрезок, вырезанный из контекста или из предложения, произнесенного в изолированном виде, не отличался аудиторами: отрезок, изъятый из контекста воспринимается как отрезок, изъятый из отдельного предложения.

Результаты аудиторского анализа представлены в таблице 6.

Анализ всех примеров показывает, что мелодический рисунок имеет во всех случаях сходную форму. Предложение, произнесенное в контексте и вне контексте, не различается по интонационному оформлению. Правда, очень редко совпадают полностью мелодические рисунки одного и того же предложения в контексте и вне контекста. Такого результата нельзя и ожидать, так как известно, что одна и та же единица никогда не произносится одинаково. Таким образом, для внешнефразовой функции интонации контекст никакого значения не имеет.

Иначе обстоит дело с внутрифразовой функцией интонации. Если взять, например, фразу типа «Ich gab dieses Buch der Schwester meiner Freundin» то при сохранении одной и той же интонации, свойственной повествовательному коммуникативному типу, эта фраза в зависимости от контекста и ситуации имеет различное синтагматическое членение.

1. /Ich gab dieses Buch der Schwester / meiner Freundin//

2. /Ich gab dieses Buch / der Schwester meiner Freundin//

Как видно, внешнефразовая функция интонации остается в обоих случаях одинаковой, т. е. фраза оформляется и интонируется с терминальной интонацией, тогда как внутрифразовая функция связана с изменением смыслового выражения высказывания. В первом случае членение соответственно контексту и ситуации происходит после «Buch», а во втором случае – после «der Schwester». Тем самым предложение получает новый смысловой оттенок. Теперь перестроим фразу: во-первых, изменим порядок слов; во-вторых, – внешнефразовую функцию интонации. Получим вопросительное предложение:

1.? Gab ich gab dieses Buch / der Schwester meiner Freundin?

2.? Gab ich gab dieses Buch der Schwester / meiner Freundin?

Получается идентичная картина. В первом случае синтагматическая граница проходит после «Buch», а во втором случае «der Schwester». Заменяя внешнефразовую функцию, мы получаем новый коммуникативный тип (в данном случае терминальность заменена вопросом). Заменяем внутрифразовую функцию – новый коммуникативный тип не возникает.

Таким образом, внутрифразовая функция интонации может измениться при сохранении внешнефразовой функции; выявляется новая коннотация. При этом не нарушается целостность фразы в плане выражения.

№	Отрезки	Результаты															
		I Д								II Д							
		В КОНТ.				ИЗОЛ.				В КОНТ.				ИЗОЛ.			
		.	?	!	-	.	?	!	-	.	?	!	-	.	?	!	-
1	Spiel	2	0	0	6	2	0	6	0	2	0	0	6	3	0	0	5
2	Achtunddreißig	6	0	2	0	6	0	2	0	6	0	2	0	6	0	2	0
3	Herbst	0	2	0	6	0	3	1	4	0	3	0	5	0	4	0	4
4	Erste Szene	7	0	1	0	8	0	0	0	7	0	1	0	8	0	0	0
5	eine graue Zeit	0	1	0	7	0	1	1	6	0	1	1	6	0	2	0	6
6	Li Friedrich Schiller	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
7	In Eupora	7	0	1	0	7	0	1	0	6	1	0	1	5	2	0	1
8	vierter Akt	0	2	0	6	0	1	1	6	0	2	0	6	0	2	1	5
9	Kabale und Liebe	0	0	1	7	1	0	0	7	1	0	0	7	0	0	1	7
10	Es fehlte an allem	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
11	Soll auch begraben sein	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
12	Umden Frieden	0	0	0	8	0	0	2	6	0	0	2	6	8	0	0	0
13	Kann auch B sagen	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
14	Es fehlte an Brot	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8
15	Es fehlte an Licht	0	2	0	6	0	2	1	5	0	2	0	6	0	0	2	6
16	einen Ausflug	7	0	1	0	7	0	1	0	8	0	0	0	8	0	0	0
17	um den Frieden	7	0	0	1	7	0	1	0	8	0	0	0	8	0	0	0

18	Der Tisch ist gedeckt	7	0	1	0	7	0	0	1	7	0	1	0	8	0	0	0
19	Es fehlte an Wasser	0	0	1	7	0	1	0	7	0	0	0	8	0	0	0	8
20	Ich übersetzte den Artikel	0	0	0	8	1	0	0	7	0	0	1	7	1	0	0	7
21	Oben knarrte eine Tür	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8
22	Indem mein Bruder mich hinausrief	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
23	Jemand trat hinein	8	0	0	0	7	0	0	1	8	0	0	0	8	0	0	0
24	Es war eine Nacht	0	0	1	7	0	1	1	6	1	0	1	6	0	0	0	8
25	Es war so still	0	0	1	7	0	1	1	6	1	0	1	6	0	0	0	8
26	Das kommt mir nicht aus dem Sinn	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
27	Mit allen Sternen	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
28	Den Auftrag hatte er nicht korrekt durchgeführt	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0	8	0	0	0
29	М	115	7	10	92	116	9	19	80	117	9	11	87	127	10	7	80
30	Ожидаемый результат	136	0	0	88	136	0	0	88	126	0	0	88	136	0	0	88
31	Отклонение	-21	+7	+10	+4	-20	+9	+19	-8	-19	+9	+11	-1	-9	+10	+7	-8

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЛОДИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ТЕРМИНАЛЬНОЙ ИНТОНАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.*

I. Постановка проблемы

Большинство современных исследователей, занимающихся интонацией немецкого языка, утверждают вслед за О. фон Эссенем, что немецкий язык пользуется тремя интонационными контурами: терминальным, прогредиентным и вопросительным¹.

Несколько иную классификация интонационных контуров можно найти у А. Блоха и Х. Шедлиха. Выражаясь терминами структурной фонологии, А. Блох признает только оппозицию терминальной и нетерминальной интонаций². Терминальный член этой оппозиции является, по Блоху, маркированным, поскольку в нем наличествует признак – понижение тона.

Что же касается интонационного типа, выделенного Н. С. Трубецким под названием «перечислительный»³, то он интерпретируется А. Блохом как комбинаторный вариант нетерминальной интонации.

Из работы Х. Шедлиха⁴ следует, что в немецком языке существует три интонационных контура. Но в его понимании каждый интонационный контур представляет собой последовательность высоко-низкого или низкого-высокого тонов. «Понятие «терминальный» служит для нас исключительно для обозначения последовательности высокого и низкого тонов»⁵.

Надо сказать, что идея о возможности описания фразовой интонации как последовательности двух тональных ступеней была высказана Х. Шедлихом и А. В. Исаченко в их совместной работе по симулированной речи¹.

При классификации интонационных контуров О. фон Эссен так же как и бинаристы, исходит из того, что интонация имеет определенную отвлеченность от конкретного лексического материала и

---

* Впервые опубликована: «Ученые записки», АПИИЯ, им М.Ф.А., серия XII, № 4, Баку, 1973, с. 34-39

¹ O. von Essen. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Düsseldorf, 1956.

² A. Bloch. Intonation und Satzgefüge. «Sprachen-Zuordnung-Strukturen», Den Haag, 1956.

³ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939.

⁴ H. J. Schädlich. Über «terminale» intonation im Deutschen. «Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung» (Steinitz-Festschrift), 1965, 5.

⁵ H. J. Schädlich. Указ. соч., стр. 344.

¹ A. İsaçenko und H. J. Schädlich. Untersuchungen über die deutsche Satzintonation. Berlin, 1965.

синтаксической структуры, благодаря которой один и тот же интонационный контур может реализоваться в нескольких синтаксических структурах или, наоборот, одна и та же синтаксическая структура может иметь разные интонационные контуры.

В настоящей работе исследуется один из таких контуров, а именно контур, выражающий законченность в самом широком смысле этого слова¹.

Под терминальной² подразумевается такая интонация, при реализации которой говорящий не намерен спросить о чем-нибудь или указать на то, что он будет продолжать свою речь; а слушающий, в свою очередь, не только не сомневается в том, что переданная говорящим информация закончена, но он и не ждет от говорящего указания на продолжение своего высказывания. Задача данного исследования заключается в том, чтобы выяснить, какие признаки способствуют достижению этой цели. Если имеются определенные признаки, то возникает вопрос, что это за признаки и в каком месте предложения они локализованы. Совершенно очевидно, что для выяснения этих вопросов следует обратиться к предложению, так как в немецком языке интонация дистинктивна на уровне предложения.

Наряду с этим необходимо решить вопрос о том, привязан ли терминальный интонационный контур к какой-нибудь синтаксической структуре или он может реализоваться в некоторых синтаксических структурах. Вопрос этот имеет принципиальное значение, тем паче, что в литературе существует мнение, что имеется прямая связь между синтаксической структурой и ее интонацией³. Проведенное экспериментально-фонетическое исследование должно было ответить на эти и ряд других вопросов. При этом мы исходим из того, что интонация является линейно неделимой единицей, имеет супraseгментный характер, и в структурном отношении представляет собой единство мелодических, динамических и темпоральных изменений в речи⁴. Такое широкое понимание учитывает не только движение высоты основного тона, но и другие компоненты интонации. Интонация любого предложения имеет две функции: внешнефразовую и внутрифразовую. Внешнефразовая функция интонации направлена на коммуникативное оформление предложения, а внутрифразовая на

¹ Этот контур был определен О. фон Эссенем как терминальный.

² Термин заимствован у О. фон Эссена и употребляется нами как синоним завершающей интонации.

³ Ц. Эримме. Неуццоэустсше Спраьцмелодик алс Эрундлаэе дер Сйнтах «Эерна-нисьщ-романисьще Монатссьщрифт». ХЫЫЫ. Щ. 7/8. Щеиделберэ. 1925.

⁴ Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960

внутреннюю организацию и членение предложения на синтагмы. Кроме того, внутрифразовая функция интонации выражает эмоциональную сторону высказывания.

Синтагматическое членение, предложенное Л. В. Щербой², является единственным возможным в интонационном отношении. Исходя из синтагматического членения, которое осуществляется благодаря действию внутрифразовой функции интонации, мы выделяем в каждом предложении синтагму, в которой реализуется терминальный интонационный контур. В односинтагментных предложениях терминальная синтагма совпадает с предложением, в многосинтагментных предложениях же терминальная синтагма – это та синтагма, которая занимает в структуре предложения последнее место. Например, предложение (Es blitzt) состоит из одной синтагмы, а предложение (Es blitzte und der Regen trommelte gegen die Fensterscheiben) может быть расчленено на две синтагмы и тогда (und der Regen trommelte gegen die Fenstercheiben) выступает в речи как терминальная синтагма.

Такое понимание проблемы не имеет ничего общего с тем, что является основным в работах О. фон Эссена и О. А. Норк³, которые настаивают на том, что интонация сама по себе подвергается линейному членению. О. А. Норк прямо заявляет: «Имея по отношению к общей структуре предложения надсегментный характер, интонационная структура сама по себе представляет единицу, которая может быть членимой линейно»⁴. «Линейное членение интонационной структуры, – продолжает О. А. Норк, – протекает параллельно линейному членению предложения на слоги, так как именно они являются носителями изменений основного тона голоса»⁵.

Нельзя согласиться с такой трактовкой, потому что отстаиваемая О. А. Норк точка зрения основывается по существу на слоговом, а вовсе не на интонационном членении предложения. Поэтому утверждение О. фон Эссена и О. А. Норк о том, что фонологически релевантным является наиболее выделенный слог (в терминологии О. А. Норк – *тонема*), т. е. часть интонационной структуры, которая находится между предтактом и затактом, представляется неубедительным. «Необходимо еще раз подчеркнуть, – пишет О. А. Норк, – что

² Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. 7-ое изд., М., 1963.

³ O. von Essen. Grundzüge der hdt Satzintonation. Düsseldorf. 1965; О. А. Норк. Основные интонационные модели немецкого языка. «Иностранные языки в школе», 1964, №3.

⁴ О. А. Норк. Указ. статья, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 37.

собственно фонологическую значимость как элемент интонационной структуры имеет только тонама»¹. Почти такое же определение находим у О. фон Эссена².

2. Методика исследования

Материалом для анализа служили назывные предложения типа: «Paris», ответные типа. «Alles», побудительные типа. «Schweige», вопросительные предложения с вопросительным словом типа: «Wann beginnen seine Sprechstunden» и повествовательные предложения со всеми разновидностями, взятые из произведений немецких писателей. Некоторые примеры составлены автором настоящей работы и апробированы носителями немецкого языка. В программу были включены одно-, двух-, трех-, четырех- и многосинтагменные предложения. В программе было всего 100 предложений.

В записи участвовало 4 диктора, трое мужчин и одна женщина (аспиранты и студенты из ФРГ и ГДР, находящиеся на учебе в Ленинградском Государственном университете). Запись проводилась в ЛЭФ (Лаборатории экспериментальной фонетки им. акад. Л. В. Щербы при ЛГУ).

Магнитная запись переводилась в осциллографическую при скорости пленки 250 мм/сек (8- шлейфный осциллограф Н- 102, шлейфы 2 и 8).

Полученные осциллограммы были расшифрованы по трем параметрам: мелодике, интенсивности и длительности³. В настоящей работе рассматривается только мелодический параметр.

Так как абсолютные цифры, полученные в результате расшифровки экспериментального материала сами по себе не имеют лингвистического значения, анализ проводился по усредненным значениям, вычисленным среднее, так называемое средне-взвешенное. Средне- взвешенное значение представляется очень существенным для сопоставления данных разных дикторов и разных предложений⁴.

3. Результаты исследования

¹ О. А. Норк. Указ. статья, стр. 37.

² O von Essen. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin 1966, str. 207.

³ Подробные сведения о принципах проведения записи и расшифровки экспериментального материала можно получить в следующих работах: Л. З. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960; Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ, Л., 1965.

⁴ Описание методов вычисления средне-взвешенных значений здесь опускается. Об этом см.: Б. Н. Головин. Из курса лекций по лингвистической статистике. Горький, 1966.

Сперва рассматриваются односитагменные предложения. На рисунке 1 приведены графики движения основного тона трех предложений, в которых последний слог имеет разные положения по отношению к ударению. Первое предложение (*Es blitzt*) оканчивается ударным, второе (*Es blitzte*) – одним заударными, и наконец, третье (*Es blitzte noch*) – двумя заударным слогами. Между тем, все эти предложения характеризуются максимальным понижением частоты основного тона на последнем слоге. Анализ графиков 1, 2, 3 показывает, что максимальное понижение частоты основного тона не связано с ударным слогом. Из первого графика видно, что оно находится на ударном слоге. Однако, как только слоговая структура предложения расширяется за счет прибавления новых слогов, максимальное понижение тона перемещается от ударного на заударный слог (или слоги, если имеются несколько заударных слогов). Что касается вершины мелодической структуры, то она тоже не имеет константного положения в предложении. Она может находиться на безударном слоге, как это видно из первого графика движения основного тона предложения (*Es blitzt*) (на «es») или на ударном слоге (см. гр. 2 из на рис. 1).

Аналогичная картина наблюдается и в многосложных предложениях. В назывном предложении (*Die Agonie der Angst*) предпоследний безударный слог расположен в мелодической структуре (рис. 2) выше, чем последний слог, который является ударным и в то же время завершителем предложения. В произнесении д. К. безударный слог (*der*) образует даже мелодическую вершину (рис.2). Или в предложении (*Er lachte in bitterem Hohn*), в котором последний слог является также ударным, высота основного тона имеет такое же направление (рис.3) как в только что рассмотренных примерах является нисходящим. Предударный слог в них произносился на более высоком уровне частоты основного тона, чем последний, хотя последний слог является ударным.

В предложениях, состоящих из нескольких слогов с конечным заударным элементом, вершина терминальной интонации так же, как мы видели выше, передвигается от конца к началу (рис. 4, 5). Интересно, что мелодическая вершина приходится иногда на неударный слог, что ставит под сомнение утверждение, будто вершина привязана к ударному.

Что же касается максимального понижения частоты основного тона, и то оно находится в предложениях с последним заударным элементом на последнем слове, в данном случае на слоге /e/.

Уровень частоты основного тона остается самым низким в конце предложения и в том случае, если последний слог имеет так называемое второстепенное ударение. Это видно из рисунка 6, на котором дан график движения основного тона предложения (Das klingt beinahe glaubhaft).

Сравнение мелодических структур повествовательных и ответных предложения показывает, что они по мелодическому оформлению не отличаются друг от друга, особенно по последнему слогу. У ответных, как и в повествовательных предложениях, максимальное понижение расположено в конце. Для этого достаточно сравнить побудительные, ответные и повествовательные предложения с одним заударным слогом (ср.: Es blitzte (рис. 1), Schweige (рис.7) и Alles (рис.8)).

Во всех этих примерах имеется определенное сходство, выраженное высоким положением движения тона в первом гласном, низким уровнем движения тона во втором гласном каждого из приведенных предложений. Однако анализ показывает, что в побудительных предложениях в отличие от повествовательных и ответных, мелодическая вершина находится только в начале. Сравнивая рисунки 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, можно увидеть, что только в побудительных предложениях мелодическая вершина находится в начале предложения. Такое положение вещей объясняется, по-видимому, тем, что коммуникативная нагрузка в побудительных предложениях раскрывается уже в начале. С точки зрения локализации мелодической завершенности побудительные предложения не имеют своего специфического оформления. Не имеют также специфической формы мелодического оформления вопросительные предложения с вопросительным словом. На самом деле график движения основного тона предложения (Wann beginnen seine Sprechstunden) на рис. 9 по локализации максимального понижения тона не отличается от рис. 3., на котором приведен график невопросительного предложения. Тем не менее и на третьем и на десятом рисунках уровень частоты основного тона на последних слогах для обоих дикторов один и тот же – 100 – 105 гц, т. е. приблизительно на 25 гц ниже, чем средне-взвешенное значение.

В предложениях, состоящих из двух и более синтагм, анализ проводился путем сопоставления прогрессивной и терминальной синтагм. Причем в трех-, четырех-, и многосинтагменных предложениях бралось сопоставление терминальной синтагмы только с предшествующей ей прогрессивной синтагмой. Для выяснения закономерностей мелодического оформления предложений, состоящих из

двух и более синтагм, необходимо сопоставить движения тона конечных частей обеих синтагм.

С другой стороны, терминальные синтагмы в многосинтагменных предложениях сопоставлялись с односинтагменными предложениями. Например, сравнивая (Oben knarrte eine Tür) и (Oben knarrte eine Tür und jemand trat hinein) можно прийти к такому выводу, что мелодический рисунок не привязан к лексическому материалу, потому что один и тот же лексический состав выступает в первом предложении как терминальная синтагма и максимальное понижение тона находится на ударном гласном /y:/, а во втором предложении этот же лексический состав выступает как прогредиентная синтагма с повышением тона на том же гласном, и максимальное понижение тона перемещается на конечный гласный терминальной синтагмы /ae/ (рис.10).

Высокий уровень частоты основного тона на посленем ударном гласном прогредиентной синтагмы и напротив, максимальное понижение тона на последнем ударном гласном терминальной синтагмы характерны для всех примеров с такой слоговой структурой, независимо от их синтаксических подвидов. Анализ показывает, что терминальная синтагма в разных синтаксических структурах характеризуется максимальным понижением частоты основного тона, локализованным на последнем слове предложения.

Из сопоставления последних трех слогов прогредиентных и терминальных синтагм в неодносинтагменных предложениях видно, что уровень частоты основного тона на последних трех слогах прогредиентной синтагмы (рис. 11). Данное противопоставление заключается в том, что абсолютный конец терминальной синтагмы характеризуется низким положением частоты основного тона, в то время как абсолютному концу прогредиентной синтагмы присуще более высокое положение высоты основного тона, положение, которое либо близко к средне-взвешенному значению, либо выше средне-взвешенного. Наряду с этим на 11 рисунке наблюдается еще одна особенность: интервал по вертикали увеличивается в основном за счет сильного понижения тона на последнем слоге терминальной синтагмы.

Выводы

Анализ мелодического компонента структуры терминальной интонации позволяет сделать следующие выводы:

1. Мелодическая характеристика экспериментального материала, состоящего из 100 предложений с различной синтаксической

структурой, в произнесении четырех дикторов – носителей немецкого языка, показывает, что максимальное понижение частоты основного тона локализовано на последнем слове предложения. При том следует учесть слоговую структуру предложения:

а) если предложение кончается ударным слогом, то максимальное понижение тона приходится на этот последний слог;

б) если предложение имеет в конце заударный слог, то максимальное понижение частоты основного тона перемещается от последнего ударного слога на этот заударный слог. В тех случаях, когда за первым заударным слогом следует еще один заударный слог, абсолютное понижение может переходить на второй заударный слог;

в) если последний слог в предложении несет на себе побочное ударение, то он характеризуется низким уровнем частоты основного тона. При чем интересно то, что предшествующий слог, независимо от ударности или неударности последнего, может находиться с ним на одинаковом уровне частоты основного тона:

2. Уровень максимального понижения частоты основного тона в конце предложения является индивидуальным для каждого диктора. Он остается обычно одинаковым для концов предложений, произнесенных говорящим с терминальной интонацией. В настоящем большинстве случаев достигает для мужских голосов на частотах приблизительно 100 гц (очень редко на частотах ниже 100гц), а для женского голоса – 200гц (очень редко на частотах ниже 200гц).

3. После слога, который является последним ударным в мелодической структуре предложения (но не обязательно последним слогом в предложении, ибо за ним может следовать и заударный слог) больше не наблюдается повышение частоты основного тона. Тон стремится к положению, которое является постоянным для конца терминальной синтагмы у каждого говорящего.

4. Максимальное понижение частоты основного тона в конце предложения не обусловлено его синтаксической структурой, оно зависит от коммуникативного назначения высказывания. Все повествовательные предложения, независимо от их синтаксического типа, характеризуются максимальным понижением частоты основного тона в конце.

5. Общее движение тона в мелодической структуре предложения остается понижающимся, независимо от того, будет ли находиться вершина терминальной интонации в начале, или середине предложения.

6. Вопросительные предложения с вопросительным словом, а также побудительные и ответные предложения не отличаются от

собственно-повествовательных предложений с точки зрения мелодической завершенности. Уровень максимального понижения у них такой же, как у повествовательных. Однако общая линия движения основного тона в побудительных предложениях в отличие от других имеет специфическую черту. В побудительных предложениях мелодическая вершина находится только в начале. Это, по-видимому, связано с тем, что ядро высказывания в таких предложениях находится в начале.

7. Мелодическое завершение не зависит также от лексического наполнения предложения.

8. В предложениях, состоящих более чем из одной синтагмы, мелодическое завершение, выраженное максимальным понижением тона, локализовано в последнем слове терминальной синтагмы. Это утверждение основывается на противопоставлении концов прогредивных и терминальных синтагм.

9. Резкое понижение частоты основного тона внутри предложения свидетельствует о его синтагматическом членении. Но степень понижения основного тона доходит до характерного для конца предложения уровня внутри предложения, где при другом интонировании может проходить синтагматическая граница, то в таком случае мы имеем дело с двумя самостоятельными предложениями с завершающей мелодией.

АНАЛИЗ ДАННЫХ ОПЫТА ПО ВОСПРИЯТИЮ ЗАВЕРШАЮЩЕЙ ИНТОНАЦИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА *

а) Методика исследования

Акустическая характеристика компонентов терминальной интонации (мелодики, интенсивности и длительности) показывает, что между интонациями отдельных предложений имеется определенное сходство, выраженное в понижении частоты основного тона и интенсивности, а также и в замедлении темпа к концу терминальной синтагмы. С другой стороны, объективная характеристика показывает, что нет двух предложений, в пределах которых акустические величины остались бы неизменными. Однако акустическое сходство и различие, как указывает Л. Р. Зиндер, не могут определить тождества

---

* Впервые опубликована: «Ученые записки», АПИИЯ, им М.Ф.А., серия XII, № 1, Баку, 1973, с. 43-53.

и нетождества явлений звуковой стороны в функциональном отношении. «Точно так же, как фонетическое сходство звуков само по себе не определяет их как оттенки одной фонемы, так и фонетическое несходство звуков само по себе не говорит о том, что они представляют разные фонемы. Между глухим боковым щелевым [l] и боковым сонантом [e] сходство на слух весьма отдаленное, а вместе с тем они в русском языке являются оттенками одной фонемы [l]. (l) – встречается только в абсолютном исходе после глухих согласных, например (m'otl) мётл, [l] – во всех остальных положениях. Следует отметить, что в целом ряде языков, например в дагестанских, хантыйском, эскимосском и др., эти же два звука представляют две разные фонемы: ср.: хантыйское «lak» 'гусь' и «lant» 'мука'. (Л. Р. Зиндер, 1950)¹».

Различие и сходство, установленные по объективным характеристикам параметров интонации, недостаточны сами по себе, чтобы говорить о функциональном тождестве и нетождестве и в области интонации, потому что акустический аспект подчинен функциональному аспекту.

Наличие функционального различия предполагает, что оно обязательно воспринимается носителем языка. Поэтому обращение к языковому сознанию говорящего является важным элементом фонетического исследования (Л. В. Щерба, 1958). Обращения к языковому сознанию не означает того, что испытуемому предлагается решать вопрос, который стоит перед исследователем. Опыты по восприятию должны быть поставлены так, чтобы через интуитивное знание языка испытуемым исследователь мог бы видеть определенные языковые факты и закономерности².

В данном случае задача состояла в том, чтобы определить наличие противопоставления терминальной и нетерминальной интонации через языковое сознание носителей немецкого языка и установить, с какими именно акустическими различиями эти характеристики связаны³.

---

¹ Полные библиографические данные приводятся в конце работы. В тексте 3 скобках указывается автор, год издания работы и страница используемых цитат.

² Представляется необходимым отметить, что опыт по восприятию коренным образом отличается от слухового анализа. Отличие опыта по восприятию от слухового анализа в том, что для проведения первого должны быть привлечены только носители языка, тогда как при слуховом анализе владение языком необязательно.

³ Выяснения данного вопроса имеет принципиальное значение не только для лингвистики, но и для других отраслей науки, занимающихся проблемами автоматического распознавания речи.

Для выяснения того, как воспринимают члены немецкого языкового коллектива соответствующие интонационные контуры, был поставлен специальный опыт по восприятию, в котором участвовали 14 немцев в возрасте от 20-и до 30-и лет (8 мужчин и 6 женщин), студентов и аспирантов из ГДР и ФРГ.

В качестве экспериментального материала служили либо целые предложения (односинтагменные), либо синтагмы, либо даже части ее. Принципом отбора соответствующего речевого отрезка было стремление, чтобы был представлен тот интонационный контур, восприятие которого надлежало определить. В опытах по восприятию использовались те же магнитофонные записи, которые были подвергнуты акустическому анализу.

Ниже приводится список предложений, из которых были взяты соответствующие отрезки для прослушивания носителями языка.

1. Herbst (6) von 1938 /1/¹
2. Eine graue Zeit /7/ in Europa /2/.
3. Helen schief an meiner Schulter /3/.
4. Der Kampf um den Frieden /4/ ist die Hauptpolitik unserer Regierung.
5. Es fehlte an Brot /5/, es fehlte an Wasser /19/, es fehlte an Licht /9/, es fehlte an allem /11/
6. Oben knarrte eine Tur /8/.
7. Ein bürgerliches Schauspiel /10/.
8. Es war eine Nacht /18/, mit allen Sternen /12/.
9. Vierter Akt /13/, erste Szene /24/.
10. Ich übersetzte den Artikel /14/, als er an der Tafel schrieb.
11. Sie machten einen Ausflug /15/.
12. Der Tisch ist gedeckt /16/.
13. Die Sowjetunion kŠmpft um den Frieden /17/.
14. Kabale und Liebe /20/ von Friedrich Schiller /28/.
15. Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, dab ish so traurig bin.
16. Ein MŠrchen aus alten Zeiten, das kommt mir nicht aus dem Sinn. /21/ H. Heine.
17. Es war so still /22/, dass ich glaubte die leisen ПerŠusche des Wachsens hören zu können.
18. Wer gestorben ist, soll auch begraben sein /23/.
19. Oben knarrte eine Tur und jemand trat hinein /25/.
20. Ich las das Buch, indem mein Bruder mich hinausrief /26/.

¹ Номера в скобках после отрезков соответствуют номерам в таблице 1.

21. Den Auftrag, der ihm durch Bochow gegeben worden war, hatte er nicht korrekt durchgeführt /27/.
22. Wer «A» sagt, kann auch «B» sagen /29/.
23. Es ist kein Speisesaal, sondern ein Sportsaal /30/.
24. Ich gab dieses Buch meinem Bruder /31/.
25. Durch das Fenster /33/ schien die liebe goldene Sonne /32/.
26. Schön ist die Welt. Die Welt ist schön /34/.
27. Ich erinnere mich bis heute daran, dass es eine seltsame Nacht mit allen Sternen war /35/.

Выделенные части предложений были вырезаны с магнитной ленты и склеены в кольца, для того, чтобы иметь возможность воспроизводить звучание без остановки магнитофона. Аудиторам давался не приведенный список предложений, а список 35 отрезков из них, представленных на соответствующих кольцах (список отрезков см.: табл. 1). По объективным характеристикам 20 из приведенных на таблице 1 отрезков произносилось с терминальной интонацией, 13 – с прогрессивной². Так как при преобразовании 27-го примера сохранились вся терминальная синтагма естественного произнесения, то предполагалась, что она произнесена с терминальной интонацией, ибо по объективным характеристикам существенным является последнее слово.

Кольца были даны на прослушивание с приведенным в таблице 1 порядковым номером. Каждый испытуемый имел перед собой список отрезков в том порядке, как они даны в сводной таблице 1, но не в заполненном виде.

Прослушивание проводилось с помощью магнитофона МЭЗ – 28.

Аудиторы не были ограничены временем. Это делалось для того, чтобы испытуемые имели возможность прослушать предложенный отрезок внимательно в любое количество раз, достаточное для уверенного ответа. Перед опытом испытуемые получали следующие инструкции:

«Сейчас прозвучат отрезки на вашем языке. Я вам назову номер отрезка, и прослушав его, поставьте, пожалуйста, соответствующую»

² Примеры 27, 34, 35 в таблице 1 составлены по другому принципу. 27-й получен за счет опускания придаточного предложения и, склеивания начала, и к концу главного предложения, 34-й образован из конечных частей двух предложений, а 35-1 – путем отбрасывания нескольких слов и перестановки оставшихся слов для получения простого предложения с порядком слов, т. е. из предложения /Ich erinnere mich bis heute daran, dab es eine seltsame Nacht mit allen Størnen war // воспроизведено предлоjenie /Es war eine seltsame Nacht //.

щие знаки препинания, т. е. либо точку, либо вопросительный или восклицательный знак, либо тире. Если вам кажется, что подобное звучание в нашей речи не употребляется, тогда напишите «нет». Временем вы не ограничены».

Выбор знаков препинания, а не каких-нибудь условных фонетических знаков для анализа по восприятию объясняется тем, что, во-первых, не все испытуемые имели фонетическое образование, во-вторых, задача эксперимента не должна была быть известна испытуемым. Поэтому вместо точки и тире для обозначения завершенности и незавершенности, что больше соответствовало бы задаче данного эксперимента, мы выбрали четырехзначную систему знаков препинания.

После получения ответа на каждый отрезок от всех 14 испытуемых, была проведена статистическая обработка данных опыта по восприятию на основе результатов, приведенных в таблице 1.

Прежде, чем перейти к описанию результатов, следует остановиться на таблице 1. Три точки перед отрезками означают, что данному отрезку предшествовала часть, три точки после отрезка обозначают, что за данным отрезком в естественном произнесении следовала определенная часть.

№	Отрезки	Знаки, обозначающие результаты восприятия				Кол-во аудиаторов
		.	?	!	.	
1.	... neunzehnhundert achtunddreißiq	10	—	4	—	14
2.	...in Europa	12	—	2	—	14
3.	Helen schlief an meiner Schulter	14	—	—	—	14
4.	...Um den Frieden...	—	1	—	13	14
5.	Es fehlte an Brot...	—	—	—	14	14
6.	...Herbst...	—	3	5	6	14
7.	Eine graue Zeit...	—	4	—	10	14
8.	Oben knarrte eine Tür	13	—	1	—	14
9.	Es fehlte an Licht..	--	2	2	10	14
10.	...Spiel	6	2	—	6	14
11.	...Es fehlte an allem	14	—	—	—	14
12.	...mit allen Sternen	14	—	—	—	14
13.	Vierter Akt...	—	5	2	7	14
14.	Ich übersetzte den Artikel...	—	1	1	12	14
15.	...einen Ausfluo	13	—	1	—	14
16.	der Tisch ist gedeckt	13	—	1	—	14
17.	...um den Frieden	14	—	—	—	14
18.	Es war eine Nacht...	—	—	1	13	14
19.	...es fehlte an Wasser...	1	—	1	12	14

20.	Kabale und Liebe...	–	–	5	9	14
21.	...das kommt mir nicht aus dem Sinn	12	–	2	–	14
22.	Es war so still...	2	–	1	11	14
23.	...soll auch begraben sein	14	–	–	–	14
24.	...erste Szene	10	–	3	1	14
25.	...jemand trat hinein	12	–	–	2	14
26.	...als mein Bruder mich hinausrief	14	–	–	–	14
27.	Den Auftraq (...) hatte er nicht korrekt	14	–	–	–	14
28.	durchgeföhrt	13	1	–	–	14
29.	...von Friedrich Schiller	14	–	–	–	14
30.	...kaan auch «B» sagen	–	–	2	12	14
31.	...sondren ein Speisesaal	14	–	–	–	14
32.	...meinem Bruder	14	–	–	–	14
33.	...schien die liebe goldene Sonne	1	3	2	8	14
34.	durch das Fenster...	нет	нет	нет	нет	14
35.	Die Welt ist schön	нет	нет	нет	нет	14
	Es war eine seltsame Nacht	254	22	36	146	14
36.	М <u>фактически</u> теоретически	280	0	0	182	14

Отсутствие точек обозначает, что отрезку ничего не предшествовало, соответственно ничего не следовало. Цифры перед отрезками указывают на количество ответов. Например, отрезок /in Europa/, помещенный в таблице под вторым номером, обозначает, что он взят из предложения /Eine draue Zeit/ in Europa//, что этот отрезок был опознан 10 испытуемыми как терминальный, а четырьмя – как отрезок, взятый из побудительного предложения.

б) Результаты исследования

Анализ таблицы 1 показывает, что не все отрезки, произнесенные с терминальной интонацией, имеют строппоцентную идентификацию. Это можно выявить из таблицы, если рассмотреть ее в горизонтали.

С другой стороны, если просуммировать ответы, фиксированные испытуемыми в соответствующей графе, то мы получаем то значение, которое характеризует ту или иную интонацию в целом. Интересно; что сумма ответов для терминальной интонации (см.: таблице по вертикали в графе с точкой и восклицательным знаком — 290) превышает даже ожидаемое значение (280), если учесть и ответы, фиксированные испытуемыми «восклицательным знаком» (36). Если исходить из результатов объективной характеристики, то можно принять ответы, обозначенные знаком (!), за терминальную интонацию, потому что анализ акустических параметров показывает, что предложения с точкой в конце не отличаются от предложений (имеется ввиду побудительные) в конце восклицательным знаком. Тем не

менее ответы, фиксированные в графе «восклицательным знаком», здесь принимаются за отклонение, поскольку в настоящем эксперименте не было ни одного отрезка, взятого из побудительных предложений. Кроме того, среди отрезков, фиксированных аудиторами восклицательным знаком, имеются такие, которые были взяты из прогрессивной синтагмы, как например, /Kabale und Liebe von Friedrich Schiller//. Несмотря на это 5 испытуемых идентифицировали указанный отрезок как отрезок взятый из предложения с терминальной интонацией.

Знак (!) принят нами за отклонение еще и потому, что настоящий эксперимент не имел перед собой задачи исследовать вероятность появления в речи того или иного варианта терминального интонационного контура.

Таким образом, если не считать 36 ответов, фиксированных аудиторами восклицательным знаком, то получаем для терминальной интонации значение 254. Это несколько меньше чем теоретическое значение (280). Это означает, что если все 14 испытуемых опознавали 20 предъявленных отрезков как отрезки, произнесенные с терминальной интонацией, то сумма ответов было бы 280.

Отсюда видно, что имеется некоторое расхождение между вычислительным и теоретическим значением. Для выяснения того, является ли расхождение между теоретическим (280) и вычисленным (254) значениями случайными или существенными, нужно применить инструмент, называемый в математической статистике «х – квадрат критерий – χ^2 ». (О. Фон. Эссен, 1967; Г. Вольф, 1966).

Из математической статистики известно, что если вычисленное значение, то имеющееся расхождение можно признать случайным; если же вычисленное значение превышает табличное, то расхождение признается существенным. Эта гипотеза была проверена на данных опыта по восприятию для терминального и прогрессивного интонационного контуров. (см.: табл. 2).

Вычисление «х-квдрата» Таблица 2

ТН.					
№ отр.	m	m ^x	m - m ^x	(m - m ^x) ²	$\frac{(m - m^x)^2}{m^x}$
1	10	14	-4	16	1,14
2	12	14	-2	4	0,28
3	14	14	0	0	0
8	13	14	-1	1	0,09
10	6	14	-8	64	4,56
11	14	14	0	0	0
12	14	14	0	0	0
15	13	14	-1	1	0,09
16	13	14	-1	1	0,09
17	14	14	0	0	0
21	12	14	-2	4	0,28
23	14	14	0	0	0
24	10	14	-4	16	1,14
25	12	14	-2	4	0,28
26	14	14	0	0	0
27	14	14	0	0	0
28	13	14	-1	1	0,09
29	14	14	0	0	0
31	14	14	0	0	0
32	14	14	0	0	0

20 254 280 8,04

df 20 - 1=30,14

ПН					
4	13	14	-1	1	0,09
5	14	14	0	0	0
6	6	14	-8	64	4,56
7	10	14	-4	16	1,14
9	10	14	-4	16	1,14
13	7	14	-7	49	2,90
14	12	14	-2	4	0,28
18	13	14	-1	1	0,09
19	12	14	-2	4	0,28
20	9	14	-5	25	1,79
22	11	14	-3	9	0,64
30	12	14	-2	4	0,28
33	8	14	-6	36	2,57

13 137 182 15,28

df 13 – 1=21,026

Таблица 2 построена на основе сводной таблицы 1. Во 2-й таблице в первой графе приводятся отрезки с порядковым номером, соответствующим номером в сводной таблице, во второй – наблюдаемое значение (m), в третьей – теоретическое значение (m). Четвертая графа отражает разницу между наблюдаемым (эмпирическим) и теоретическим значениями ($m - m^x$), пятая – разницу в квадрате / $(m - m^x)^2$ /, и, наконец, последняя графа содержит показатель различия между наблюдаемым (эмпирическим) и теоретическим значениями в квадрате, деленной на теоретическое значение $(m - m^x)^2$. По формуле $\chi^2 = S \frac{(m - m^x)^2}{m^x}$ мы находим значение χ^2 .

m^x m^x

Наблюдаемый значение x для терминальной интонации, как видно из таблицы 2, равно 3,04, а для прогрессивной интонации – 15, 28. Получив величину χ^2 , мы должны сравнить ее с соответствующей теоретической величиной, для этого и надо обратиться к таблице. В строке таблицы, соответствующей девятнадцати степеням свободы (у нас было 20 выборок) на 5-ти процентном уровне вероятности имеется величина $\chi^2 = 30, 14$, а двенадцати степеням свободы (у нас было 13 выборок) на 5-процентном уровне вероятности находим величину $\chi^2 = 21, 026$. Сопоставляя вычисленное значение с теоретическим – 8,04 для терминальной интонации, а 15, 28 против 21, 026 для прогрессивной интонации, мы видим, что вычисленное χ^2 намного меньше чем табличное χ^2 . Это дает основание утверждать, что расхождение между эмпирически установленным значением (для терминальной интонации 254, для прогрессивной – 137) и теоретическим (соответственно для терминальной интонации 28, а для прогрессивной – 182, см.таблицу 2) значениями является несущественным.

Таким образом, отрезки, произнесенные с терминальной интонацией, идентифицировались носителями немецкого языка как таковые. То же самое можно сказать относительно прогрессивной интонации.

Данные опыта по восприятию показывают, что существуют некоторые факторы, которые способствуют в той или иной степени правильному восприятию терминального интонационного контура. Остановимся на некоторых из них.

Так, можно сказать, что процент опознаваемости отрезка, предъявляемого аудиторам, прямо пропорционален его длине. Чем длиннее отрезок, тем больше процент опознаваемости. Например, отрезок /Spiel/, взятый из предложения /Ein bürgerliches Schauspiel/ имеет низкий процент опознаваемости – 41%, тогда как в терминальной синтагме /Es fehlte an allem/, взятой из предложения /Es fehlte an

Brot/ es fehlte an Wasser/ es fehlte an Licht / es fehlte an allem// наличие терминальной интонации опознавалось 100%. (См. рис. 1). Такое положение вещей Дж. Фланаган объясняет зависимостью интонации от объема словаря, последовательных и контекстуальных органичений, существующих в сообщении (Дж. Фланаган, 1968, 305 – 309).

Анализ данных опыта по восприятию показывает, что они несколько противоречат акустическим данным. Характеристика акустических параметров показала, что понижение тона, уменьшение интенсивности и замедление темпа имеют место на последнем слове предложения. (Ф. Е. Вейсалов, 1970). Исходя из этих фактов, естественно было бы ожидать полной идентификации терминальной интонации только по последнему слову. Однако, как показывает анализ данных опыта по восприятию, процент опознаваемости терминальной интонации только по последнему слову очень низок. Ср. например, /Spiel/ на 1 рисунке или же преобразованное предложение /Die Welt ist schön/, где последнее слово сохранилось как при естественном произнесении. Тем не менее, процент опознаваемости равен нулю. Отсюда вытекает, что для носителя языка релевантным является не только последнее слово, а вся синтагма в целом, в которой реализуется завершающий интонационный контур.

В некоторых случаях точному опознаванию способствовали семантико-синтаксические факторы. Они как бы подсказывают слушателю интонационное завершение. Например, в синтагмах /soll auch begraben sein/ или /kann auch «В» sagen/ появление модальных глаголов на первом месте и основных глаголов на последнем предупреждает слушателя о том, что интонация данного отрезка не является прогрессивной.

Слушателю остаются только два выбора: выбор либо терминальной, либо вопросительной интонации. Безусловно, с точки зрения структуры предложения, здесь можно было бы ожидать вопросительную интонацию, так как наличие финитной формы глагола на первом месте является обычным порядком слов для общих вопросительных предложений, т.е. для вопросительных предложений без вопросительных слов. Таким образом, сама структура приведенных выше синтагм исключает появление прогрессивной интонации. Выяснение того, имеется ли здесь терминальная или вопросительная интонация, находит свое решение благодаря интонационному оформлению общего облика синтагмы /soll auch begraben sein/ или /kann auch «В» sagen/ как отрезки, произнесенные с терминальной интонацией. Теория С. И. Бернштейна об «общем облике» (С. И. Бернштейн, 1937) находит свое подтверждение и в области интонации. Для правильного опознавания и различения терминальной интонации в приведенных примерах служат не только дифференциаль-

ные интонационные, но и интегральные признаки, в том числе, и структурные.

Зависимость восприятия интонации от синтаксических факторов обнаруживается и в следующем эксперименте. Интересно то, что процент опознаваемости равен 100, если даже в предложении произведено искусственное преобразование, при котором не разрушается звуковой план последней синтагмы. В предложении /Den Auftrag /der ihm durch Bochow gegeben worden war/ hatte er nicht korrekt durchgeführt опускалась середина – придаточное предложение | der ihm durch Bochow gegeben worden war/ и подлежащее главного предложения было склеено с началом |hatte er nicht korrekt durchgeführt|. Вследствие этого преобразования получилась новая модель без придаточной части |Den Auftrag hatte er nicht korrekt durchgeführt|. Все испытуемые идентифицировали наличие терминальной интонации в данном отрезке. А в том случае, когда конечное слово прогредивной синтагмы |Das ist kein Speisesaal| sondern ein Sportsaal/ было поставлено на место /Sportsaal/ в терминальной синтагме /sondern ein Sportsaal/, т.е. получилось /sondern ein Speisesaal/, 85% испытуемых опознавали этот отрезок как прогредивную синтагму, хотя структурное преимущество по наличию союзного слова «sondern» на стороне терминальной синтагмы. После эксперимента на вопрос «почему они поставили тире?» - следовал следующий ответ: «Нам кажется, этот отрезок имеет продолжение, будто бы он взят из предложения /Das ist kein Sportsaal| sondern ein Speisesaal| mit der Zentralheizung|.

Далее был поставлен такой эксперимент. Выделенные части предложений /Schön ist die Welt/ и / Die welt st schön/ были вырезаны с магнитной ленты. Затем часть /Die Welt/ была склеена к части /ist schön/, вследствие чего получилось искусственное предложение /Die Welt ist schön/. Однако при предъявлении испытуемым данный стимул был совершенно не опознан (табл. 1). Такой же результат дал отрезок /Es war eine seltsame Nacht//, сконструированное из предложения /Ich erinnere mich bis herute daran, dabss es eine seltsame Nacht mit allen Sfernen war//. Все испытуемые указали на аномальное произнесение как первого, так и второго примера.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при разрушении звукого облика синтагмы и восстановлении ее синтактико-структурных особенностей, она носителями языка не опознается.

Интересным представлялся еще один момент по восприятию терминальной интонации. Вопрос этот заключался в выяснении того, в какой мере обусловлена идентификация терминальной интонации контекстом?

Положение о двух функциях фразовой интонации и влияние контекста на них, выдвинутое автором данного исследования как ос-

новая теоретическая предпосылка для описания интонации, требовало своего разрешения в перцептивном плане. Поскольку внешнефразовая функция интонации в отличие от внутрифразовой, определяющей внутреннюю организацию и синтагматическое членение, служит коммуникативному оформлению предложения, функционированию ее не зависит от окружения; предложения повествовательного характера остаются повествовательными, а вопросительные – вопросительными независимо от того, в какой контекст они включены (Ф. Е. Вейсалов. 1970).

Проведенный эксперимент по восприятию, результаты которого приведены в таблице 3, показывает, что в действительности, для внешнефразовой функции контекст не имеет значения. Из 28-ми отрезков, приведенных в этой таблице, 10 произнесено по объективным характеристикам с прогрессивной, 18 с терминальной интонацией. В опыте участвовали всего 8 аудиторов, для которых родным языком является немецкий. Эксперимент проводился по описанному выше принципу (См. стр. 43-45), с той лишь разницей, что испытуемые должны были указать, не только то, с какой интонацией произнесен тот или иной отрезок, но и то, взят ли он из предложения, произнесенного в изолированном виде или в контексте. Отрезки взяты из тех же предложений, список которых приведен на стр. 44-45.

На основе таблицы 3 получены данные, отражающие процентное соотношение опознаваемости терминальной и прогрессивной интонаций

По двум дикторам в контексте и вне контекста. Процент опознаваемости терминальной синтагмы, взятой из предложения, произнесенного в контексте, почти совпадает с процентом опознаваемости в терминальной синтагме, взятой из произнесенного в изолированном виде предложения. Терминальные синтагмы из предложений, произнесенных в изолированном виде, опознавались у д. Р. на 2%, а у д. К. на 5% лучше, чем те же синтагмы из предложений, произнесенных в контексте. В противоположность этому, прогрессивные синтагмы, взятые из предложений, произнесенных в изолированном виде, опознавались хуже, по сравнению с теми же примерами из контекста. Процентное соотношение идентификации интонации в контексте и вне контекста дано в таблице 4.

Таблица 4

Процент опознаваемости синтагмы в контексте и вне контекста
(в %)

Д Синт.	Д. Р.				Д. К.			
	ТС		ПС		ТС		ПС	
пол.	в конт.	изол.	в конт.	изол.	в конт.	изол.	в конт.	изол.
%	88	90	97	83	91	96	93	85

Результаты опыта по восприятию показывают, что внешнефразовая функция интонации не зависит от контекста.

Выводы

1. Отрезки, произнесенные по объективным характеристикам понижением тона, уменьшением интенсивности и замедлением темпа в конце, хорошо идентифицируются носителями немецкого языка. Не было случая, чтобы носители немецкого языка опознали терминальную синтагму (но не слово) как прогрессивную, или наоборот. Следовательно, носитель немецкого языка легко отличает терминальную интонацию от прогрессивной.

2. Оpozнание интонации связано с синтагмой, а не со словом. При этом наблюдается прямая пропорциональность между длиной отрезка и процентом его опознаваемости. Чем длиннее отрезок, тем больше процент опознаваемости.

3. В определенных случаях правильному опознанию способствуют синтаксические факторы.

4. При разрушении звукового плана отрезка и восстановлении синтактико-структурных особенностей отрезки не опознаются.

5. Для опознания терминальной интонации наличие контекста не играет роли.

Литература

1. Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.
2. Л. В. Щерба. Субъективный и объективный метод в фонетике. В кн.: «Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике». М., 1958.

3. O von Essen. Einfache statistische Rechnungen in der Phonetik. «Zetschrift für Phonetik, allgemeine Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung». Bd. 20, H. ½, 1967.
4. Г. Вольф. Статистическая обработка опытных данных. М., 1966.
5. Дж. Фланаган. Анализ, синтез и восприятие речи. М., 1968.
6. Ф. Е. Вейсалов. Завершающая интонация в немецком языке: Автореф: канд. дисс. Л., 1970.
7. С. И. Бернштейн. Вопросы обучения произношению. М., 1937.
8. Ф. Е. Вейсалов. Интонационная структура терминальной синтагмы в немецком языке. «Уч зап. АПИЯ им. М. Ф. Ахундов», 1971, № 1.

ПРОБЛЕМА ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ*

Все акустическое многообразие, которое наблюдается в речевом акте, сводится перцептивно к ограниченному числу лингвистических единиц. Отсюда вытекает, что синтаксическое разнообразие выражается определенными интонационными единицами или их комбинацией. Эта точка зрения исходит из определенной автономности звуковой стороны языка являющейся одним из краеугольных камней фонологической теории Л. В. Щербы. «Мы писал, - Л. В. Щерба,—должны признавать известную самостоятельность, выражающуюся в способности вступить в независимые ассоциации за такими элементами, как например, мелодия слова, которая сама по себе не может существовать»¹.

Мысль об известной независимости интонации была высказана также А. М. Пешковским, которого упоминают в связи с высказанной им идеей о взаимокompенсации грамматических и интонационных средств. Однако с лингвистической точки зрения, гораздо более важной представляется следующая мысль А. М. Пешковского: «Они (интонационные средства – Ф. В.), так сказать, блуждают по грамматической поверхности языка, и это, несомненно, и удерживает многих лингвистов от включения их в число грамматических признаков. Собственно говоря, даже и в случаях тесного сцепления определенных интонаций с определенными формами особый характер этого средства дает себя знать в том, что те же интонации, как и всякие

---

* Впервые опубликована: «Ученые записки», АПИЯ, им М.Ф.Ахундова, серия XII, № 2, Баку, 1973, с. 17-23

¹ Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912. стр. 6.

другие, все-таки могут наслаиваться помимо излюбленных ими форм на любой формальный субстрат»².

Но высказывание Л. М. Щербы и А. М. Пешковского остались не замеченными лингвистами самых разных направлений советского языкознания. Идея об автономности звуковой стороны нашла свое отражение частично в области сегментной фонологии. Относительно суперсегментной фонологии она была затронута в общем виде видным советским ученым А. Н. Гвоздевым. Сопоставляя предложения «Он уехал» и «Он уехал?» А. Н. Гвоздев приходит к выводу о том, что как для установления фонем сравниваются слова, различающиеся одним лишь звуком, так и по отношению к ударениям и интонациям производится сопоставление двух речевых единиц, совпадающих фонетически во всех отношениях, кроме одного различия в исследуемом фонетическом средстве, например, в ударении или в интонации³. Отдельные примеры, приведенные А. Н. Гвоздевым в качестве иллюстраций еще раз подтверждают мысль о том, что он был склонен считать интонацию самостоятельной единицей, хотя и не сделал из 7 того надлежащего теоретического вывода.

Не раскрыв сущности этой теории, невозможно говорить о ее достоинствах. В настоящей работе автор стремится показать автономность интонации. Здесь используются результаты исследования по завершающей интонации немецкого языка, проведенного нами в ЛЭФ при ЛГУ им. А. А. Жданова⁴. Кроме того, речь пойдет также о двух функциях. Прежде чем перейти к изложению того, как автор понимает автономность интонации, необходимо остановиться на дефиниции самой интонации. Интонация – это такое фонологическое средство, при помощи которого отдельные слова в зависимости от контекста и ситуации становятся самостоятельными единицами коммуникации или же, сочетаясь по грамматическим правилам данного языка с другими словами, сливаются в одно целое, цементируются в нем и вместе с последними служат осуществлению коммуникации.

Интонационное оформление предложения осуществляется не одним, а единством признаков, которым соответствуют в каждом аспекте свои корреляты, соотносящиеся между собой. Так, на лингвистическом уровне интонации – это соотношение высоких, низких и

---

² А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. В кн.: «А. М. Пешковский. Избранные труды». М., 1959. Стр. 191.

³ А. Н. Гвоздев. О фонетических средствах русского языка. В кн.: «А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике». М., 1963, стр. 142.

⁴ Ф. Е. Вейсалов. Завершающая интонация в немецком языке (Экспериментально-фонетическое исследование). Канд. дисс. Баку. 1970.

ровных тонов и существующих между ними интервалов, сильных и слабых сегментов в речевом потоке, темпоральных моментов и большей и меньшей пауз. Этим соотношениям соответствуют определенные физические параметры и перцептивные характеристики.

Если изобразить их так, чтобы каждый уровень имел свои отчетливо выраженные параметры, то получим следующую таблицу.

Таблица, показывающая соотношение лингвистических, психических и физических параметров таблицу.

Интонация				
Уровень	Параметры			
лингвистический	темп	тон	ударение	пауза
психический	длительность	высота	сила-громкость	прекращения звучания
физический	время	частота	интенсивн.	нуль

Эти параметры взаимосвязаны, в реальной речи не так- то просто провести четкую границу между ними. Взаимодействием этих параметров передается сообщение, о сложности которого простому носителю языка не приходится даже думать. Он привык к установившемуся употреблению интонационных единиц в пределах своего языкового коллектива. Вопрос осложняется еще и тем, что в передаче сообщений, кроме интонации, участвуют еще сегментные единицы.

Предложение (*Die Sonne scheint*) может быть произнесено по-разному. В зависимости от контекста и ситуации каждое слово может быть выделено. Если говорящему конситуация (контекст и ситуация) подсказывает, что нужно подчеркнуть «*die*», чтобы показать род и определенность существительного, то «*die*» выделяется особо / *Die Sonne scheint // (3) (nicht glänzt)*¹. Возможно и интонирование без особого выделения какого-либо слова, входящего в состав данного предложения. *Die Sonne scheint // (4)*. Тогда получается простая констатация явления природы.

¹ Некоторые лингвисты называют подобное выделение логическим ударением, что представляется неверным, потому что то или другое слово выделяется не потому, что этого требует логика, а потому, что это необходимо с точки зрения влияния экстралингвистического фактора на язык (контекст, ситуация, и т. д.).

Вместе с тем, во всех 4-х вариантах произнесения предложения *Die Sonne scheint* // мы имеем дело с одной и той же интонацией. Эту интонацию мы называем терминальной. Это такая интонация, при реализации которой говорящий заканчивает свою мысль, не спрашивает собеседника и не продолжает свою речь, а слушающий, в свою очередь, не сомневается в законченности переданной говорящим информации, не ждет ее продолжения.

Приведенное предложение может быть произнесено с совершенно другой интонацией, хотя месторасположение в нем фонем и морфем прежнее. Здесь можно было бы полагать, что интонация имеет самостоятельное значение. Однако о самостоятельном смысловом содержании можно говорить только в том случае, если рассматриваемое языковое явление действительно имеет значение в отдельности. Но вряд ли можно выразить вопрос одной лишь интонацией, не произнося звуки, составляющие собственно сегментный состав вопроса. Без определенной последовательности фонем нет никакого высказывания. Неучет последнего дал основание некоторым лингвистам считать интонацию морфемой¹.

Сохранив прежний порядок слов в приведенном выше предложении, можно его произнести с не терминальной интонацией а с вопросительной, хотя это в некоторой степени противоречит литературной норме немецкого языка, где общие вопросы имеют дифференцированный порядок слов: на первом месте финитная форма глагола, затем подлежащее. Однако в реальной речи немцев, и особенно в диалогической, часто можно наблюдать общие вопросы, с так называемым прямым порядком слов. «Основным средством оформления «оценочных» вопросительных предложений является наряду с интонацией порядок слов; спрягаемый глагол стоит в этих предложениях, как правило, на первом месте, хотя в некоторых случаях и здесь сохраняется порядок повествовательного предложения, так что вопросительный характер данного предложения выражается лишь интонацией и контекстом; например: «*Hier wohnst du allein?*»².

Следует отметить, что в подобного рода предложениях, вопросительный характер выражается интонацией постольку, поскольку в них наличествуют, кроме интонации, еще и последовательность фонем.

---

¹ Л. Блумфилд. Языка, М., 1968: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. Рассмотрение интонации как морфемы приводит к поиску единиц – фонем составляющих морфем.

² В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. стр. 243.

Таким образом, произнеся /Die Sonne scheint?/ (5) с интонацией, выражающей «оценочное» вопросительное содержание, можно заметить, что тот же самый лексический состав, та же последовательность сегментов и слов, между которыми имеются такие же грамматические отношения, как мы видели выше, стали совершенно другой коммуникативной единицей. Здесь интонация является единственным дифференцирующим средством выражения вопроса. Быть средством выражения не означает иметь самостоятельное значение.

В высказывании (Die sonne scheint/ gewohntich am Fage// (6) интересующий нас отрезок (Die Sonne scheint) произносится не с вопросительной и не с терминальной интонацией, а с прогредиентной³.

С другой стороны в предложениях Die Sonne scheint // (7), /Durch das Fenster scheint die Sonne (8), Die Sonne scheint durch das Fenster (9), Die liebe goldene Sonne scheint durch das Fenster (10), /Durch das Fenster scheint die liebe goldene Sonne (11), или же: / Die liebe goldene Sonne scheint durch das Fenster und beleuchtet die Schilde-reien an den Wänden des Zimmers (12), далее Er sagte das die Sonne scheint (13), Der Schnee taut bald, weil die Sonne scheint// (14) и т. д. как показал проведенный анализ, наблюдается то общее, которое присуще в интонационном отношении разновидностями одного и того же инварианта.

Таким образом, один и тот же речевой отрезок может дифференцироваться и, наоборот, разные речевые отрезки могут не дифференцироваться интонацией. Отсюда и вытекает принцип об автономности интонации. Суммируя сказанное, можно сделать следующий вывод: синтаксис и интонация взаимосвязаны: интонация находит свое применение в синтаксической структуре, а синтаксическая структура становится самостоятельной единицей благодаря интонации. При этом следует подчеркнуть, что функционирование интонации не зависит от лексического материала. Это ясно показывают приведенные выше примеры. Предложения, состоящие из двух слов, имеют функционально такую же интонацию, как и предложения, состоящие из нескольких слов. Ср. (Der Tisch ist gedeckt // Der Tisch in der Mitte ist gedeckt //).

Приведенный эксперимент (в эксперименте участвовало 4 немца) показал, что в конце обоих предложений высота основного тона понижается у мужчин в среднем на 33 гц (у д. М. На 44 гц, у д.

³ Немецкая фонетическая литература различает вслед за О. фон. Эссеном три типа интонации: терминальный, интеррогативный и прогредиентный. См.: O. von Essen Grundzüge der hott Satzintonation Ratinden, H. H. Wängier, Grundriß einer Phonetik des Deutschen. Berlin, 1996.

К. На 24 гц. у д. Р. – на 31 гц.), у женщин – на 72 гц. В конце интенсивность гласных слабее на 0,2 или на 0,3 мм. Средняя протяженность звуков в предложении в среднем на 0,15 м/сек.

В фонетической литературе высказываются различные мнения относительно единицы, в пределах которой функционирует интонация. Один считает такой единицей речевой такт¹, другие – группы слов², третьи – смысловые группы³, четвертые – дыхательные группы⁴, пятые – синтагмы⁵. Здесь нет смысла останавливаться на недостатке той или иной точки зрения. Следует только отметить, что каждый из этих терминов отражает взгляды конкретных исследователей.

Наиболее удачным можно считать термин синтагма, поскольку он предполагает и синтаксическое, и смысловое, и фонетическое единство. Приемлемым делает этот термин также то, что он опирается на речевой процесс, а не на единицы, существующие в языке в готовом виде. Подобно тому, как фонема представляет собой далее неделимую (линейно) единицу языка, синтагма является единственно возможной, далее неделимой единицей для реализации интонации.

Известная самостоятельность интонации предполагает существование системы интонации, наряду с другими подсистемами языка, в которой один интонационный контур противопоставлен другому. В каждом конкретном речевом акте синтагма оформляется по-своему. Манифестация того или иного интонационного контура зависит от ряда факторов, прежде всего, от коммуникативного назначения высказывания, от контекста и ситуации. При том последние существенны для функционирования внутрифразовой интонации. Здесь мы приходим к не менее важному вопросу – возможности членения интонации.

Довольно распространенным является мнение о том, что интонация подвергается линейному членению. Наиболее четко выражено это мнение в трудах немецкого фонетиста О. фон Эссена¹.

Естественно, что признание линейного членения интонации предполагает существование каких-то единиц, меньших, чем инто-

¹ Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

² Щ. Клинешардт унд Э. Клеин. Ёбунэен ин ен?????

³ Д. Жонес. Ан Оуфлине оф енэлисс пшонетиес. Зондон. 1939.

⁴ Пш Либерманн. Интонатион, Перьептион анд Заугеге. МЖТ, 1968.

⁵ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1963; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.

¹ О. von Essen. Allgemeine und angewandte Phonetik. Берлин. 1964; см.: также О. А. Норк. Интонационные модели современного немецкого языка. «Иностранные языки в школе». 1964, №3.

нации. Поэтому выделение предтакта, тонемы и затакта несколько не является противоречивым. Однако насколько это правдоподобно и соответствует объективной действительности? Членение на предтакты (предударный (й) е слог (и) /, тонему /ударный (й) е слог (и) / и закаты /заударный (й) е слог (и)/ не является интонационным. Оно представляет собой деление ритмической структуры высказывания, это только слоговое деление предложения.

Выяснение ударных и неударных слогов, расположения самого сильного слога (в терминологии О. фон. Эссена – кульминационный центр «Schwerezentrum») позволяет установить ритмическую иерархию слогов в структуре анализируемого предложения. Но вопрос о том, насколько важен этот центр для идентификации интонационного выражения как такового, не может быть решен при таком подходе. В результате проведенного опыта по восприятию, в котором участвовали носители немецкого языка молодого поколения, выяснилось, что они не опознают наличия того или иного интонационного контура по ударному слогу, не говоря уже о смысловой стороне, выраженной им.

Для полной идентификации потребовалась единица больше, чем тонема. Из 14 испытуемых никто не опознал стимул (Freund), вырезанный из предложения /Ich gab das Buch meinem Freund // (17), произнесенного с терминальной интонацией, как отрезок, равный самому себе. Напротив, при предъявлении стимула (meinem Freund) из приведенного же предложения, все испытуемые идентифицировали его как таковой. Кроме того, над магнитной записью предложения Ich erinnere mich bis heute daran; dass es eine Nacht mit allen Sternen war // была проведена следующая операция. Она было реконструировано в /Es war eine Nacht mit allen Sternen// (18) и при предъявлении его с указанной последовательностью содержащихся в нем фонем была получена нулевая идентификация. Все испытуемые указали на аномальность предъявляемого стимула. Поэтому связать фонологическую релевантность с главноударным слогом представляется неверным. Для правильной идентификации интонации существенную роль играет конфигурация интонационных средств в пределах той единицы, которая необходима для реализации интонации.

Таким образом, мы приходим к двум выводам, вытекающим из изложенного выше: 1. Интонация сама по себе не подвергается линейному членению: она важнейшее средство для членения предло-

жения на синтагмы¹. 2. Интонация не обладает самостоятельным значением, она лишь потенциально связана со смыслом.

Членение предложения на синтагмы, способствующее правильному пониманию произнесенного, опирается на синтактико-смысловые факторы. С фонетической точки зрения, единственным средством членения является интонация. Интересно выяснить, каким закономерностям языка подчинено интонационное членение. Когда речь идет об интонационном членении, имеется в виду членение предложения на синтагмы, а вовсе не членение самой интонации.

Может показаться, что единственной функцией интонации является то, что она расчленяет предложение на синтагмы. Что же тогда оформляет предложение как целое? Интонация любого предложения имеет с лингвистической точки зрения две противопоставленные друг другу функции. С одной стороны, она оформляет предложение, дает ему коммуникативную направленность, с другой – она расчленяет предложение на мелкие смысловые единицы. Первую функцию целесообразно называть внешнефразовой, а вторую – внутрифразовой.

Само собой разумеется, что в односинтагменных предложениях членимость их исключается. Поэтому внутрифразовая функция интонации в таких предложениях служит выражением эмоциональной стороны речи. Это не означает, что внутрифразовая интонация существует отдельно. Предложение (*Die Bücher von heute / sind unsere Taten von Morgen //* (19) или же (*Die Schule von heute ist unser Schicksal von Morgen //*, (20). (F.Becher) может члениться на синтагматическом уровне на две синтагмы: 1. *Die Bücher von heute/*, II. */ sind unsere Taten von Morgen //*. Такое же положение имеет место во втором предложении: 2. */Die Schule von heute/*, II. */ist unser Schicksal von Morgen//*. В данной речевой ситуации самостоятельное употребление этих синтагм исключено. Синтагмы I в (19) и (20) противопоставлены и в фонетическом, и в синтаксическом, и в смысловом отношении синтагме II в (19) и (20).

Фонетическое противопоставление выражается конфигурацией акустических параметров – высоким и средним положением высоты основного тона на последнем слове первых синтагм и низким положением высоты основного тона на последнем слове вторых синтагм

¹ Школа Л. В. Щербы очень четко проводит границу между двумя видами членения и рассматривает интонацию как нечто не расчленяющееся целое, реализующееся в синтагме. Отличительной чертой учения Л. В. Щербы является также положение о структурной разнородности интонации. См.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Л., 1960.

и низким положением высоты основного тона на последнем слове вторых синтагм, средним уровнем в динамической структуре первых синтагм и уменьшением интенсивности в конце вторых синтагм ускоренным темпом конца первых и замедленным темпом конца вторых синтагм, и наконец, большей паузой и конце предложений и меньшей паузой между синтагмами. В синтаксическом отношении противопоставление их заключается в расположении порядка их в структуре предложения. Семантически же первые синтагмы выражают незаконченную мысль, а вторые – законченную.

Каждая из приведенных выше синтагм может расчлениваться еще в другой речевой ситуации на мелкие, далее неделимые единицы, так называемые минимальные синтагмы¹.

Действие внутрифразовой интонации обусловлено контекстом и ситуацией. В зависимости от них предложения могут расчлениваться поразному. Это особенно проявляется тогда, когда есть в содержании предложения семантическая двузначность. ИмPLICITный параллелизм раскрывается уже в реальной речи действием внутрифразовой интонации. Внешнефразовая функция интонации, в противоположность первой, не связана с контекстом и ситуацией. Действительно, в какой бы контекст не включили и в какой бы ситуации не произносили предложение /Ich gab das Buch der Schwester meiner Freundin// (21), оно всегда останется законченным и повествовательным, если мы хотим передать именно сообщение о том, что делал субъект действия.

Именно в силу своей автономности внешнефразовая интонация в приведенном предложении остается одной и той же при изменении внутрифразовой интонации.

(22) /Ich gab das Buch der Schwester/ meiner Freundin //.

(23) /Ich gab das Buch / der Schwester meiner Freundin //.

Как видно, в зависимости от синтагматического членения изменяется содержание предложения, но не изменяется коммуникативный характер высказывания, находящего свое отражение во внешнефразовой интонации. При произнесении данного предложения с вопросительной интонацией выясняется, что внешнефразовая интонация действует так же, как при терминальной интонации. При вопросительном интонировании данного предложения возможно только двоякое членение.

(24) Ç Jch gab das Buch der Schwester/ meiner Freundin Ğ.

(25) Ç Jch gab das Buch / der Schwester meiner Freundin Ğ.

¹ Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1965.

Независимость от лексического наполнения и синтаксической структуры, от контекста и ситуации (ситуация берется здесь как внешний фактор) позволяет констатировать, что интонация обладает автономностью.

Щербовское учение об автономности звуковой стороны плаузибельно также и в области интонации. И это не увидительно, так как интонация принадлежит к звуковой стороне языка. Поэтому применение этого тезиса к описанию интонаций вполне естественно и закономерно.

ДВЕ ФУНКЦИИ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ*

При лингвистическом описании интонации любого предложения, произнесенного говорящим в коммуникативных целях, следует различать две ее функции: внешнефразовую и внутрифразовую, которые взаимосвязаны и предполагают друг друга.

Внешнефразовая функция интонации предложения направлена на то, чтобы дать ему целостность в плане выражения (чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать предложения, в которых синтаксические связи полностью отсутствуют, например, /ja //, /Nein //, /Berlin //, /Feuer// и т. д.) и тем самым осуществить интенцию говорящего, т. е. содействовать звуковому оформлению коммуникативной единицы. Поэтому функционирование внешнефразовой интонации не обусловлено контекстом и ситуацией (в дальнейшем будет употребляться конситуация) и другими экстралингвистическими факторами. Оно обусловлено коммуникативным назначением произнесенного говорящим предложения.

В противоположность этому действие внутрифразовой интонации обусловлено конситуацией, поскольку одно и то же предложение может быть осмысленно в зависимости от конституации по-разному или получать новый смысловой оттенок. Внутрифразовая функция интонации состоит в способности внутренней организации предложения; благодаря этой функции сцепляются содержащиеся в предложении слова в одно целое и производится синтагматическое членение, способствующее правильному и недвусмысленному пониманию выражаемой в высказывании мысли.

---

* Впервые опубликована: «Ученые записки», АПИЯ, им М.Ф.А., серия XII, № 2, Баку, 1974, с. 13-17.

Однако, следует подчеркнуть, что не все предложения подвергаются синтагматическому членению в линейном отношении, как, например, односинтагменные. В таких случаях функция внутрифразовой интонации несколько суживается, и служит вместе с внутренней организацией предложения выражению эмоциональной стороны речи.

Разграничение двух сторон речи – эмоциональной и интеллектуальной – может показаться на первый взгляд противоречивым, поскольку нет высказывания, в котором отсутствовала бы эмоциональная сторона или наоборот. Это разграничение носит условный характер и действительно, в реальной речи трудно провести четкую границу между эмоциональной и интеллектуальной сторонами ее. Тем не менее данное разграничение представляется вполне оправданным, потому что любое высказывание, содержащее какое-нибудь сообщение, ответ, вопрос, повествование и т. д., независимо от того, какую эмоцию вкладывает говорящий в свое высказывание. Кроме того верно также и обратное. Любая эмоция, содержащаяся в высказывании говорящего, опознается слушающим без особого труда.

Предложение /Die Bücher von heute/ sint unsere Taten von Morgen//, в котором утверждается мысль о значении книг, духовном богатстве человечества, стало самостоятельной единицей благодаря внешнефразовой интонации. Именно внешнефразовая функция оформляет и цементирует данное предложение как законченное. Смысловая законченность создалась за счет реализации терминальной интонации, которая противопоставляется в системе немецкого языка другим интонационным типам не только по своей функции, но и в сфере своей дистрибуции.

Внутрифразовая же функция интонации приведенного примера состоит в том, что она расчленяет предложение на две синтагмы. Таким образом, находя свое выражение в синтаксическом членении предложения, внутрифразовая функция интонации оказывается противопоставленной внешнефразовой функции. Это значит, что одна не может заменять другую, без того чтобы не разрушилось предложение в плане содержания. Следует отметить, что здесь речь о том понимании синтагматического членения, которое выдвинуто акад. Щербой и разработано в дальнейшем его учениками¹.

---

¹ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1963; М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1948; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.

Выше была высказана мысль о том, что внешнефразовая функция интонации не связана с конситуацией, что она обусловлена коммуникативной направленностью единицы речевого сообщения.

Это действительно так. Если взять предложение /Ich gab das Buch der Schwester 'meiner Freundin //, то можно заметить, что оно произнесено терминальной интонацией, акустическим коррелятом которой является понижение тона, уменьшение интенсивности и замедление темпа на гласных последней синтагмы. К этим признакам можно прибавить еще и так называемую терминальную паузу (довольно большой перерыв в звучании); отграничивающую одно предложение от другого, а в изолированных предложениях сигнализирующую о конце предложения. Есть определенное основание предположить, что длительность межфразовой паузы на акустическом уровне больше, чем длительность межсинтагменной паузы².

Как бы не было произнесено предложение при реализации терминальной интонации, внешнефразовая функция ее лингвистически остается одной и той же, она выражает законченность в широком смысле слова.

Говорящий, произнося данное предложение, имеет интенцию передать сообщение в утвердительной форме, а не спросить и не продолжить свою речь. Естественно, что реализация терминальной интонации фонетически будет варьироваться от произношения к произношению, от индивидуума к индивидууму и т. д.

Поэтому акустические параметры терминальной интонации, так же как и других интонационных контуров, будут изменяться от случая к случаю. Но это изменение существенно только на акустическом уровне. На лингвистическом же уровне эти варианты изменения акустических параметров не могут считаться существенными, поскольку характер высказывания в плане содержания не изменяется.

Несмотря на постоянный характер внешнефразовой интонации в предложении, внутрифразовая функция ее может изменяться. Причем изменение происходит не только в плане выражения, но и в плане содержания. /Ich gab das Buch der Schwester meiner Freundin // может быть проинтонировано двояко: в одном случае синтагматическая граница пройдет в зависимости от конситуации после «Buch», тогда «der Schwester meiner Freundin» выступает и грамматически и фонетически как одно целое. Грамматически это выражено словосо-

---

² L. Hegedus. On the problem of the pauses of speech. «Acta Linguistica». Acad. Scientiarum Hungaricae. Budapest. 1953 t.3. fas. 1-2.

четанием в дательном падеже с генетивом. Фонетически же «*der Schwester meiner Freundin*» образует одну синтагму, оформленную терминальной интонацией. Гласный последнего слова предшествующей синтагмы характеризуется повышением или ровное движение тона, усиление интенсивности и ускорение темпа как немаркированные признаки для терминальной интонации, то первая синтагма приведенного предложения будет характеризоваться этими немаркированными признаками, поскольку на стыке синтагмы не наличествует ни один из признаков, присущих терминальной синтагме.

Возможен и другой вариант интонирования предложения /*Ich gab das Buch der Schwester/meiner Freundin*// Тогда синтагматическая граница будет проходить после «*der Schwester*» и «*das Buch der Schwester*» выступает как «*Dativus – Genitivus*». Все характеристики неконечной синтагмы локализуются уже не на «*Buch*», а на «*Schwester*» и «*meiner Freundin*» образует терминальную синтагму, выраженную существительным женского рода с сочетанием притяжательного местоимения «*meiner*».

Между тем внешнефразовая интонация осталась в обоих случаях одной и той же – завершающей. Но внутрифразовая интонация изменилась. В зависимости от этого изменилось и смысловое содержание данного предложения.

С другой стороны, может измениться внешнефразовая интонация при константности внутрифразовой интонации. Это можно проиллюстрировать на том же примере, заменив терминальность на интонацию вопроса (интеррогативность). Правда здесь нужно сделать еще и следующую операцию. Необходимо изменить синтаксическую структуру предложения в соответствии с закономерностями немецкого языка. Немецкая грамматика требует, чтобы финитная форма сказуемого стояла в вопросительном предложении в абсолютном начале¹.

Однако в разговорной речи немало случаев, когда вопросительное предложение не отличается по своей синтаксической структуре от собственно повествовательных. В таком случае единственным отличительным признаком является интонационное средство – внешнефразовая интонация.

Представим себе, что предложение *Ich gab das Buch der Schwester meiner Freundin?* встречалось в немецкой речи именно в

---

¹ R. Blümel. Die Aufgaben der neuhochdeutschen Wortstellungslehre. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur». Halle, 1909, Band XXXV.

такой форме, т. е. формально приведенное предложение является повествовательным, но интонационно-вопросительным².

При сохранении вопросительной интонации данное предложение будет члениться дwoяко:

Ich gab das Buch der Schwester meiner Freundin?

Ich gab das Buch der Schwester meiner Freundin?

Как видно из анализа, внутрифразовая интонация изменяется в зависимости от конституции. Но это изменение не влияет на действие внешнефразовой функции, также как изменение внешнефразовой интонации не влечет за собой изменение в действии внутрифразовой интонации.

К сфере функционирования внутрифразовой интонации следует отнести очевидно все те случаи, когда налицо двухзначность, связанная с перемещением ударения в пределах одного и того же слова.

Действительно, предложения /Der Berg ist//s^{||}teinreieh // и Der Berg ist stein//r^{||}eish

Являются с точки зрения внешнефразовой интонации терминальными. Но внутрифразовая интонация различает два смысловых оттенка. Часто объясняют такие случаи исходя из теорий о контексте или же из дистиктивной функции ударения. Первая мотивировка явно несостоятельна, поскольку контекст сам по себе не может быть лингвистическим знаком. Так как он не знак, а экстралингвистический фактор, то опираться на него при описании языковых явлений не может быть признано верным. Что же касается дистиктивной функции ударения, то она тоже не удовлетворяет лингвиста, потому что для анализа любого яруса должен быть строго ограниченный лингвистический критерий. При описании интонационной структуры предложения мы не можем оперировать словесным ударением, поскольку оно применено к отдельным словам. Различие, которое наблюдается в вышеуказанных предложениях, обусловлено внутрифразовой функцией интонации. Как только слова выступают в синтаксическую сферу употребления, перестает действовать словесное ударение как таковое. Фонетическое оформление отдельных слов подчиняется в речи закономерностям интонационного оформления предложения.

² Анализ можно было бы произвести и на правильно построенном по нормам немецкого предложения Gab ich das Buch der Schwester meiner Freundin? Однако для ясности здесь не производится изменение в грамматической структуре предложения.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что не всегда в реальной речи встречаются предложения, которые характеризовались бы в зависимости от интонационного оформления, семантическим параллелизмом.

В предложениях типа /*Ich gab ihm dieses Buch*//, где имеется только однозначное осмысление и нет синтагматического членения, внутрифразовая функция интонации направлена на внутреннюю организацию данного предложения, на выраженную им эмоциональную сторону. Мы можем изменить внутрифразовую интонацию предложения столько раз, сколько имеется в нем слов. Таким образом, получается шесть вариантов произнесения предложения.

Укажем каждое изменение, каждый вариант двумя палочками сверху перед соответствующим словом.

(1) /*Ich gab ihm dieses Buch* //

(2) / *Ich* "gab ihm dieses Buch //

(3) / *Ich* gab " ihm dieses Buch //

(4) / *Ich* gab ihm "dieses Buch //

(5) / *Ich* gab ihm dieses "Buch //

(6) /*Ich* gab ihm dieses Buch//

Каждый вариант отличается от другого особым выделением одного из слов, входящих в состав данного предложения. Шестой вариант характеризуется отсутствием особого выделения, поэтому его можно назвать нейтральным интонированием.

Как вытекает из приведенных примеров, можно произнести каждое слово в данном предложении с особым выделением. Естественно, что в том контексте, где встречается (1) не может встречаться (2) и т. д.

Однако во всех шести вариантах произнесения указанного предложения фонологически неизменной остается внешнефразовая интонация. Она сцепляет слова в целое и дает этому целому коммуникативную направленность, благодаря которой говорящий выражает относительно законченную мысль. Это еще раз подтверждает высказанное в начале статьи мнение о том, что внутрифразовая интонация может изменяться при сохранении одной и той же внешнефразовой интонации.

Подведем некоторые итоги. При интонационном описании синтаксических структур необходимо прежде всего выяснить признаки, характеризующие внешнефразовую функцию того или иного интонационного контура. После этого можно обратиться к действию интонации внутри анализируемой единицы. Здесь необходимо опре-

делить границу синтагматического членения и тесно связанные с ним смысловые оттенки; особенно это важно в том случае, когда в предложении имеется семантический параллелизм. В однозначных предложениях функция внутрифразовой интонации ограничивается внутренней организацией предложения и выражением экспрессивности в нем.

Выделение внешне – и внутрифразовой функции интонации позволяет анализировать любое предложение с точки зрения его интонационного строения.

X Ü L A S Ə

Hər bir cümlənin intonasiası linqvistik baxımdan 2 funksiya yerinə yetirir. Bir tərəfdən intonasiya söz və ya söz birləşmələrini bir bütövə çevirərək onu (bütöv) kommunikativ vahid kimi formalaşdırır, digər tərəfdən isə həmin kommunikativ vahidi sintaqmlara bölür. Təksintaqmlı cümlədə intonasianın daxili funksiyası həmin sintaqm-cümlənin daxilən təşkilinə və ekspressivliyin ifadəsinə yönəldilir. Hər iki funksiya bir-biri ilə sıx surətdə bağlı olsa da, biri digərinin müstəqilliyinə xələl gətirmir. Məqalədə bunların hər ikisi faktik dil materialı əsasında təhlil edilir.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТОНАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА*

Интонация является одним из важнейших фонологических средств языка, при помощи которого отдельные слова в соответствующих контекстах и ситуациях становятся или сами по себе самостоятельными единицами сообщения (например, Otur. Vaxı и т. д.) или же, сочетаясь с другими словами выдают законченную или незаконченную мысль, вопрос, ответ и т. д. В этом определении подчеркивается только лингвистическая сторона интонации. Что же касается ее эмоциональной стороны, изучение которой занимает в лингвистических исследованиях интонации некоторых фонетиков основное место, то автор этих строк убежден в том, что для выражения эмоциональности не существует специального интонационного средства, тем более, что одно и то же предложение выражает относительно законченную мысль и вместе с ней эмоционально-волевые качества говорящего. С другой стороны, можно исключить из объекта исследования лингвистического характера

---

* Впервые опубликована: «Ученые записки», МВССО Азербайджанский ССР языки литература, № 3, 1976, с. 26-33

изучение эмоциональности, поскольку любое сообщение, содержащее интонационную завершенность и незавершенность, вопрос и ответ, опознается слушающими независимо от того, какая эмоция выкладывается говорящим в его высказывание. Поэтому мы вправе изолировать свой объект исследования и заниматься функционально-структурными особенностями интонации. В этом смысле трудно согласиться с известным немецким исследователем О. фон Эссенем, который видит специфику мелодии в выражении внутренних состояний психических процессов говорящего¹.

Будет ли говорящий – отправитель информации-больным, грустным, веселым, бодрым, будет ли он говорить громко или тихо, во всех случаях поймет слушатель, получатель информации, посланное первым сообщение (yağış yağır) как таковое. В настоящей работе речь пойдет об интеллектуальной стороне интонации.

(yağış yağır) содержит определенную информацию не только потому, что здесь имеется последовательность фонем, но и потому, что фонемы /j/, /a/, /ğ/, /i/, /ş/ и /r/ упорядочиваются по закономерностям фонемного сочетания азербайджанского языка, т. е. /j/ предшествует /a/, сочетание /ya/ и первом и во втором слове появляется перед заднеязычным щелевым звонким /ğ/, сочетание /yağ/ встречается в обоих случаях перед /i/ и, наконец, сочетанию /yaği/ последует в первом слове /ş/, а во втором /r/ образуют благодаря действию супrasegmentных единиц такое единство, такой звукоряд, который необходим для передачи и восприятия информации. Следует отметить, что в случае выбора говорящим /ş/ вместо /r/ получилось бы совершенно иное сообщение, отличающееся по содержанию от первого, хотя в качестве дистинктора выступает один единственный признак – переднеязычность, потому что /r/ в абсолютном конце в речи азербайджанцев полностью оглушается, смычка между кончиком языка и твердым небом переходит в щель.

Однако для того, чтобы указанный звукоряд служил выражением сообщения, который намеревается передать говорящий, необходимо еще существование интонации. Она не занимает определенной позиции в речевой цепи², как отдельные фонемы языка, если конечно, рассматривать речь с внешней стороны как явление линейное³, а наслаивается на весь звукоряд. В этом и заключается одно из особенностей интонации. По мнению Н. С. Трубецкого, фразоразличительные средства (интонация – Ф. В.) отличаются от словоразличительных средств тем, что по-

¹ O. von Essen. Satzintonation in turkischen Lesetexten. Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft, 1956, s. 92.

² А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», т. 3, М., 1964.

³ F. de Saussure. Cours de linguistique generale, Paris. 1969.

следние не являются сами по себе языковыми знаками. «Это принципиальное отличие состоит в том, что фонемы и словоразличительные признаки никогда сами по себе не являются языковыми знаками; они представляют собой лишь часть языкового знака. Наоборот, фразоразличительные средства являются самостоятельными знаками; «предупредительная» интонация обозначает, что предложение еще не завершено, понижение регистра обозначает, что данный отрезок речи не связан ни с предыдущим, ни с последующим и т. д.»⁴.

Вряд ли можно считать интонацию знаком-информатором, т.е. знаком, имеющим билатеральный характер. На самом деле, какое интеллектуальное значение способна выражать сама по себе интонация? Реализация любой мысли, будь она эмоционально насыщена или высказана без всякой эмоции (что маловероятно), возможна только благодаря взаимодействию сегментных и суперсегментных единиц¹. Именно это обстоятельство вынудило А. С. Смирницкого говорить о двухлинейности речи².

Интонация, так же как и любое другое фонетическое явление, представляет собой единицу унилатерального характера. Связь интонации с другими аспектами языка, прежде всего с лексикой и синтаксисом, станет ясной, как только мы будем обращаться к предложению – основной единице синтаксического строя языка, выражающей законченный акт мысли³.

В звукоряде /yağış yağır/ последовательность фонем с двойным повторением 4-х из них отрезана объективная действительность, выраженная в сочетании двух знаков, принадлежащих разным классам слов. Сочетание этих слов базируется на определенных грамматических правилах, выражающих одновременно и синтаксические отношения (субъективно предикатные отношения). Однако /yağış yağır/ превращается в единицу сообщения только тогда, когда она оформляется соответст-

---

⁴ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 254. Трудно согласиться с Н. С. Трубецкой относительно его мнения о знаковости или незнаковости фонемы и интонации. Истолкование Ю. С. Масловым фонемы как языкового знака, причем как: дистиктивного представляется более обоснованным и убедительным. См.: Ю. С. Маслов. Знаковая теория языка. – В кн. «Вопросы общего языкознания» («Ученые записки» МГПИ им. Герцена), Л., 1967.

¹ О взаимодействии сегментных и суперсегментных единиц см.: Ф. Е. Вейсалов. Возможно ли линейное членение интонации? «Ученые записки» АПИИЯ им. М. Ф. Ахундова (серия языка и литературы). Баку, 1971, №1.

² А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, М., 1957.

³ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 39.

вующей интонацией, когда на указанную последовательность фонем наслаивается еще и интонация.

Интонация, также как и фонема, сама по себе не существует, она представляет собою языковой знак унилатерального характера, функционирование ее происходит только в синтаксической сфере – на синтаксической структуре. А синтаксическая структура приобретает самостоятельность благодаря интонации. Отсюда и вытекает двоякое отношение интонации к синтаксису.

Одним из центральных вопросов фразовой интонации является выяснение интонационных противопоставлений в азербайджанском языке. На синтаксическом уровне принято различать по цели высказываний 4 типа предложений: повествовательный, вопросительный, повелительный и восклицательный. Исходя из такой классификации, можно было бы предположить, что число интонационных инвариантов в азербайджанском языке ровно 4. Однако, сравнивая в своем собственном произношении следующие предложения /Nəkim məktəbdə oxuyur/, /Kim məktəbdə oxuyur/ или же /Təganə danışır/ и /nə danışır/, автор этих строк не мог заметить разницы между их интонациями в лингвистическом отношении, является именно конечная часть предложения, так как здесь возникает необходимость сигнализировать, закончена ли фраза или нет⁴. Поэтому нет достаточного основания для противопоставления повествования в широком смысле слова повелительному оттенку, с одной стороны, вопросительного предложения с лексическими средствами (ли, вопросит, местоимения kim? nə? hara? и т.д.) повествованию – с другой.

Конечное число интонационных единиц можно было бы вывести из связи и места предложения в развернутой речи. Тогда следует предположить, что простые (самостоятельные) предложения, сложносочиненные и сложноподчиненные должны иметь свои интонации. На этом основании мы должны довести число интонационных единиц до неисчислимого множества, потому что одна только сложноподчиненная категория имеет десятки типов (если приплюсовать характера с союзом и без союза). В таком случае мы должны допустить, что число интонационных единиц превышает количество фонем, что вызывает сомнение, потому что носитель языка обладает набором ограниченного числа фонетических единиц, что позволяет ему вступать в акт коммуникации в любой ситуации. То, что мы легко научимся говорить на иностранном языке, так это по вышеуказанной причине, т.е. набор грамматических правил настолько ограничен и правила сами настолько абстрагированы,

---

⁴ И. С. Трубецкой. Указ. соч.

что из этого ограниченного набора можно создать неисчисляемое множество высказываний. В этом и заключается принцип экономии языка¹.

Н. С. Трубецкой, говоря о фразоразличительных средствах, выделил три вида интонации: 1. Терминальную, 2. Вопросительную, 3. Прогрессиентную². Он исходил, по-видимому, из законченности и незаконченности мысли, выраженной в предложении непосредственно интонацией. Если даже согласиться с Н. С. Трубецким, то все же остается неясным, почему ему понадобилось выделить особый тип – вопросительный. Ведь вопросительная интонация явно не подводится под принцип, учитывающий бинарность в смысловом отношении, т. е. принцип законченности и незаконченности мысли.

Вопросительное предложение вряд ли можно считать законченным в смысловом отношении, поскольку вопрос требует ответа и тем самым своего смыслового завершения. По всей вероятности, Н. С. Трубецкой исходил в одном случае из формальных признаков – повышения тона в конце общего вопроса и понижения его в конце повествовательного предложения и противопоставил их друг другу, в другом случае из смысловых – законченности мысли в повествовательных и незаконченности ее в случаях, когда мысль говорящего по разным причинам не находит своего смыслового завершения в интонации (например, / В нашем городе... [гастролируют артисты Румынии] /) и противопоставил интонации таких отрезков интонации вопроса, с одной стороны, и интонации повествования, с другой, называя первую прогрессиентной.

Очевидно это обстоятельство и заставило А. Блоха говорить о бинарном противопоставлении интонации¹. Н. С. Трубецкой в письме к Р. О. Якобсону от 31 июня 1930 года писал: «Размышляя о фонологии, пришел к заключению, что в учении о коррелятивных фонемах у нас есть существенные пробелы и недостатки[...]. По-видимому, всякая (а может быть и не всякая) фонологическая корреляция приобретает в языковом сознании форму противопоставления наличия какого-нибудь признака его отсутствию (или максимуму какого-нибудь признака его минимуму). Таким образом, один из членов корреляции непременно оказывается «положительным», «активным», а другой – «отрицательным», «пассивным». По крайней мере, – если противопоставление бинарное... Восприятие обоих противоположных членов как равно активных, равно отклонившихся от нормы в противоположные стороны, возможны лишь там, где наряду с ними существует еще третий член, абсо-

¹ А. Мартине. Принципы экономики в фонетических изменениях. М., 1959.

² Н. С. Трубецкой. Указ. соч.

¹ А. Bloch. *Intonation und Satigefüge, Sprachen Zuordnung und Strukturen*. (Festgabe für E. Zwimer). Nijhoff, 1965.

лютно пассивный или «нейтральный», т.е. только в том случае, где корреляция уже не бинарна, а тринарна!»²

Таким образом, тринарная классификация фразоразличительных средств Н. С. Трубецкого основывается на том, что повышение и понижение тона в конце предложения, как 2 активных члена корреляции, возможно потому, что есть еще и третий член, который является нейтральным или пассивным, в данном случае равным.

Запногерманский фонетист О. фон Эссен тоже исходит из тринарной корреляции при описании интонации турецкого языка.

Для анализа азербайджанской интонации обратимся к звукорядам /onlar oxuyurlar/ и /yağış yağır/, употребляемым говорящим в следующих высказываниях (1) /onlar oxuyurlar/ və yazırlar //, (2) Zalda sakittkdir/, onlar oxuyurlar /, bunlar isə yazırlar//, (3) Onlar oxuyurlar / bunlar isə yazırlar //, (4) /Müəllim, deyir ki, /onlar oxuyurlar//, (5) /Aydındır ki /, onlar oxuyurlar // или же (6) Yağış yağır // (7), /Göy guruldayır /, yağış yağır//, (8) Mən bilirəm ki, /yağış yağır //, (9) /Yağış yağır/, toz yatır //, (10) /O sevinərək əlini əlinə vurub dedi ki/, yağış yağır//.

Подчеркнутые одной линией отрезки представляют во всех случаях одну синтагму. Однако в этих синтагмах функционально репрезентируются разные интонации. В (1), (2), (3), (9) синтагмах выражается незаконченность, хотя конец их в произношении характеризуется перерывом в фонации, что и создает эффект паузы.

Впрочем эффект паузы может создаваться не только перерывом в звучании, но и диапазоном интервалов в мелодической структуре предложения на стыке двух морфем. В (1),(2), (3), и (9) синтагмах тон голоса либо повышается (но ни в той степени, характерной для вопроса), либо остается равным, ли понижается (но не в степени, характерной для терминальной синтагмы).

Амплитуда кривых будет иметь такую же картину, как это наблюдалось в движении основного тона. Темп ускоряется или же остается нейтральным. На конце их появляется маленькое прерывание в звучании или же большой интервал. Графически это можно изобразить следующим образом:

Таблица 1

Вид синтагмы	Параметры	Положение	Примеры
--------------	-----------	-----------	---------

² Р. О. Якобсон. Круговорот лингвистических терминов. – В кн. «Фонетика, фонология, грамматика». М., 1971. стр. 384.

		парам.	
Прогрессирующая	Движение основного тона Интенсивность Длительность Пауза или же интервал между тонами		/Onlar oxuyurlar/... (bunlar işə yazırlar) или же /Yağış yağır/... (toz yatır) //

Таблица 2 показывает положение параметров интонации в терминальной синтагме, в которой выражается законченность мысли.

Таблица 2.

Вид синтагмы	Параметры	Положение парам.	Примеры
Терминальная	Движение основного тона Интенсивность Длительность Пауза		/Onlar oxuyurlar// /Yağış yağır// /Günəş qüruba çəkilir // /şəhərə qaranlıq çökür//

Интонация вопроса противопоставляется другим интонационным контурам азербайджанского языка сильным замедлением темпа к концу синтагмы. При этом тон голоса может или слегка повышаться, соответственно интенсивность усиливается, или они могут оставаться ровными, могут даже и понижаться. В категоричности последнего есть некоторое сомнение, что требует экспериментальной проверки. В целом интонацию вопроса можно представить в следующей таблице.

Таблица 3.

Вид синтагмы	Примеры	Положение параметров	Примеры
Итеррогативная синтагма	Движение основного тона Интенсивность Длительность Пауза		RС Охуyursan f RО həkimdir f RО şairdir/yoxsa yazıçı f

После того как определены интонационные противопоставления, разнообразная комбинация которых передает все синтаксическое многообразие азербайджанского языка, можно перейти к непосредственному анализу фразовой интонации. При анализе фразовой интонации следует различать две функции ее: внешнефразовую и внутрифразовую. Внешнефразовая функция интонации направлена на то, чтобы конституировать предложение, интегрировать входящие в состав предложения слова в целое, дать ему целостность в плане выражения, соответствующую вопросу, законченности или незаконченности в плане содержания. Интегрирование слов, входящих в высказывание, в целое, интонационными средствами как выражение интенции говорящего в соответствующей конситуации может быть рассмотрено как основная фонологическая функция интонации, тогда как второй лингвистической функцией ее можно считать способность интонации расчленить высказывание на единицы, меньше чем предложение, получившее название синтагмы. Разумеется, в отдельных случаях границы синтагмы совпадают с границами предложения.

Из анализа высказывания /Qalın meşə/ yaşıl ot / gözəl quşların nəğməsi/ iti bulaqların qılıtı / havanın təmizliyi insana ləzzət verir / (N. Nərimanov) становится ясным, что содержащиеся в нем слова выражают кусочек объективной деятельности не потому, что они в речевом акте просто сосуществуют как равноправные, а потому, что интонация, внутренне организуя смысловые единицы, интегрирует их в одно целое, давая ему внешнюю оформленность и направленность в коммуникативном отношении. В данном случае говорящий, употребляя это высказывание, имеющее цель констатировать факты природы, передать собеседнику определенное сообщение.

Внешнефразовая функция интонации не обусловлена ни фонетическим положением, ни контекстом и ни ситуацией, в которых интонация реализуется. Она не зависит также от действия внутрифразовой интонации.

В предложении /Bu yaxınlarda Bakıya gəlmiş natiq maraqlı mühazirə ilə dinləyicilər qarşısında çıxış etdi/ реализована терминальная интонация, акустическим коррелятом которой являются понижение тона, интенсивности и ускорение темпа к концу предложения (см. таблицу 2). Таким образом, внешнефразовая функция интонации заключается в фонетическом оформлении предложения и фонологической реализации терминальности. В принципе данное предложение может быть произнесено и другой интонацией, противопоставленной в системе азербайджанского языка терминальной интонации. Тогда получается ζ Bu yaxınlarda Bakıya gəlmiş natiq maraqlı mühazirə ilə dinləyicilər qarşısında çıxış etdi ζ – где внешнефразовая функция интонации заключается в фонологическом оформлении предложения и в фонологической реализации вопроса, акустическим коррелятом которой является повышение тона и интенсивности и замедление темпа (см. таблицу. 3). Этот факт служит доказательством того, что интонация обладает известной самостоятельностью, что она не привязана к лексическому составу и синтаксическим структурам. Внутренней организации и внутреннему членению данного высказывания способствует действие внутрифразовой интонации. Действие внутрифразовой интонации обусловлено фонетическим положением, контекстом и ситуацией, однако она не зависит от внешнефразовой функции интонации. Это значит, что при фонологическом различии в реализации внешнефразовой интонации внутрифразовая интонация может оставаться идентичной или наоборот, но следует подчеркнуть, что обе эти функции тесно связаны, взаимно предполагают друг друга и одна не может существовать без другой.

Например: (1) /Ана / vətən məni çağırır //, (2) /Ана vətən / məni çağırır //, (3)

/ Xatircəm ol / get /. Mirzə /bəlkə Hacı gəldi / buraya başqa adamın gəlməsi qadağandır //, (4) / Xatircəm ol / get Mirzə / bəlkə Hacı gəldi buraya / başqa adamın gəlməsi qadağandır //, (5) Əksər hallarda, müşahidə olunmuş faktlar ümumiləşdirilmir //, (7) /Hələ qatarda ikən / hazırlıq idarəsinin müdürü / Kürdoğlu Səfərlə qarşılaşdı //, (8) Hələ qatarda ikən / hazırlıq idarəsinin müdürü /Kürdoğlu /Səfərlə qarşılaşdı // və s.

В приведенных примерах синтагматическое членение, которое способствует правильному и недвусмысленному пониманию высказывания и которое обусловлено конситуацией и смысловым отношением, осуществляется благодаря действию внутрифразовой интонации.

Внешнелфразовая же функция интонации в них одинакова, состоящая в выражении законченности в виде организованного целого

в речевом акте. Совершенно очевидно, что реализации терминальной интонации в примерах варьируется от произношения к произношению, от индивидуума к индивидууму, от контекста к контексту. Но это вариация чисто фонетическая, а не фонологическая, потому что коммуникативный характер высказывания не изменяется.

При константности внешнефразовой интонации в приведенных предложениях внутренняя организация их может изменяться. Причем изменение происходит не только в плане выражения, но и в плане содержания. Между (1) и (2) имеется существенное различие. Различие это связано не только с их синтагматическим членением, но и с вытекающим отсюда смысловым представлением. Вед значение (1) отличается от (2). В первом случае говорящий обращается к своей матери и оповещает ее, что Родина зовет его, а во (2) случае говорящий не употребляет стимула, по которому можно было бы судить, к кому он он обращается, но вот в отличие от (1) зовет его не просто «родина», а «мать-Родина».

Фонетическим выражением этого смыслового различия является перемещение синтагматической границы, вместе с тем и конфигурации акустических параметров, характерной для прогрессивной синтагмы. Разное синтагматическое членение терминального высказывания имеется (3) и(4),(5), и (6), (7) и (8).

С другой стороны, можно заменять внешнефразовую интонацию при веденных предложениях, сохраняя внутрифразовую константной. Легко можно себе представить ситуацию, где (1) и (2) вводится говорящим в речевой акт с вопросительной интонацией. Тогда синтагматическое членение остается тем же, что было показано выше.

(1) *ç* Ana /vətən çağırır mənî?

(2) *ç* Ana vətən /çağırır mənî?

Аналогичное положение вещей имеется и в других примерах.

Подведем некоторые итоги. Один и тот же лексический состав, одна и та же синтаксическая структура может получить разные интонационные оформления в лингвистическом отношении. Это в определенной степени обусловлено коммуникативной направленностью высказывания.

При интонационном описании синтагматических структур следует выяснить прежде всего признаки, которые характеризуют внешнефразовую функцию того или иного интонационного контура. После этого можно обратиться к действию интонации анализируемых единиц. Внутрифразовая функция интонации служит внутренней организацией и синтагматическому членению предложения. При отсутствии синтагматического членения внутрифразовая интонация слу-

жит выражению эмоциональной стороны высказывания и его внутренней организации. Синтагматическое членение высказывания приобретает важное значение, особенно в том случае, если в предложении потенциально содержится семантический параллелизм.

İNTONASIYANIN BƏZİ MƏSƏLƏLƏRİ*

CANLI danışmaq dilin diskret vahidləri olan fonemlərin qanunauyğun ardıcılığından ibarətdir. Ünsiyyətdə bu ardıcılığın cümlə şəkilinə düşməsində supersegment vastələrin, o cümlədən intonasiyanın rolu inkar edilməzdir. İntonasiya dedikdə biz, danışanın tələffüz etdiyi müxtəlif tonlu, təmbrli və güclü səslərin qanunauyğun ardıcılığı olan elə bir fonoloji vasitəni başa düşürük ki, onun köməyi ilə sözlər və söz birləşmələri bütöv fikrə çevrilir və dinləyən tərəfindən bütöv bir fikir kimi dərk edilir.

Fikir mübadiləsində danışan və dinləyən dil sisteminin digər vahidləri ilə bərabər onun fonoloji vasitələrdən istifadə edərək verilmiş məlumatı dərk etmə vahidlərinə bölür. Şübhəsiz, danışan və dinləyənin hər ikisinin eyni dili təmsil etməsi ünsiyyətin həyata keçməsi üçün ən mühüm şərtlərdən biridir. Biz bu məqalədə dilin fonoloji vastələrindən biri olan intonasiyadan, onun funksiyasından, intonasiya vahidlərindən, məlumatda onun hansı intonasiya vahidi ilə deyilməsindən asılı olaraq ifadə olunan müxtəlif mənə çalarlıqlarından bəhs edəcəyik.

Məlumat dedikdə, müsahibədə müəyyən reaksiya oyatmaq məqsədilə danışanın ifadə etdiyi fikri başa düşürük. Dil sistemi öz-özlüyündə müşahidəyə məruz qalmır. Linqvistik baxımdan müşahidə olunan yalnız dil sistemi əsasında qurulmuş mətnlər və həmin mətnlərdəki leksik, qrammatik və fonoloji qaydalardır. Mətnlər isə, şübhəsiz, obyektiv aləmi əks etdirən cümlələrin ardıcılığıdır. Cümlə, fonem və fonem birləşmələrinin intonasiya vasitələri ilə söz və sözlərdə bir-birinin ardınca düzülməsindən ibarət olub, fonetik cəhətdən iki fasilə arasında gələn nitq parçasıdır. Cümlə dildəki modellərin danışmada təzahür formasıdır.

Cümlə ünsiyyət vahidi kimi intonasiyaya görə bir bütövlük təşkil edir. Onun əvvəli və sonu fonetik cəhətdən fasilənin meydana gəlməsi ilə səciyyələnir. Fasilənin meydana gəlməsinin fizoloji əsası danışmaq cihazının ani olaraq sükunət vəziyyəti alması ilə izah edilirsə, akustik əsası fonasiyanın dayanması ilə əlaqədardır ki, bu da səs spektrində boşluğun yaranmasına səbəb olur. Bu baxımdan fasiləni ən mühüm fonoloji vastələrlə bir sıraya qoymaq düzgün olardı. Lakin fasilə ilə bərabər bir cümlənin digərindən ayrılmasında başqa fonoloji əlamətlərdə çıxış edir. Bunla-

* İlk dəfə çap olunub: "Azərbaycan məktəbi", № 9, 1976, s. 19-23.

ra mətn daxilində iki cümlə qovuşuğunda səs tonunun qalxıb-düşməsi, zəif və güclü olması, habelə tələffüz sürəti nöqtəyi-nəzərindən sərf olunan vaxtın çoxalması və ya azalması aiddir. Göstərilən əlamətlərin hər biri ayrı-ayrılıqda fərqləndirici əlamət kimi çıxış edə bilər. Praqa funksional-struktur dilçilik məktəbinin ən görkəmli nümayəndələrindən biri olan N. S. Trubetskoy fonoloji qarşılaşdırma prinsipini əsas götürərək qeyd edir ki, cümlənin sonunda səs tonunun qalxması fikrin qeyri-bitginliyi ilə əlaqədardır, səs tonunun aşağı düşməsi bitginlik anlayışı ilə bağlıdır.

İntonasiya vastələrinin dil sistemindəki yerinin müəyyənləşdirilməsi, nitq zəncirinin parçalanmasında intonasiyanın rolunun aşkar edilməsi, başqa dil vahidlərindən onun fərqli və oxşar cəhətlərinin tədqiq edilib dəqiqləşdirilməsi, maksimum və ya minimum intonasiya modellərinin aydınlaşdırılması, onların strukturu, funksional təsviri, distribusiyasının öyrənilməsi kimi mühüm problemlər yalnız ümumi dilçilik zəminində linqvistik nəzəriyyənin işlənilib hazırlanması ilə üzvü sürətdə bağlıdır.

İntonasiya cümləni təşkil edən səslərin akustik zəncirini tərkib hissələrinə parçalayan vasitə kimi yanaşmaq olar. Qeyd etmək lazımdır ki, burada intonasiyanın emotiv deyil, məhz intellektual tərəfinin şərhindən söhbət gedir. İntonasiyaya həsr olunmuş əsərlərin bir çoxunda bu iki tərəf bir-birindən ayrılır. İntonasiyanın emotiv tədqiqində məlumatın ekspressivliyi, emosional calarlığı, danışanın qeyri-verbal və fonoloji üslubiyat imkanlarının hansından istifadə edilməsi diqqət mərkəzində durur. Daha doğrusu, intonasiyanın emotiv tədqiqində danışanın daxili psixoloji və mənəvi aləminin, habelə ekstralingvistik cəhətlərin nə dərəcədə intonasiya vasitələri ilə verilməsindən bəhs edilir. Halbuki intellektual baxım məlumatın linqvistik tərəfini, onun informativliyini öyrənir. Hər hansı bir məlumatı vermək üçün danışanın hansı hisləri keçirdiyini bilmək heç də vacib deyildir. Məhz buna görə də emotiv və intellektual aspektin bir-birindən təcrid edilmiş şəkildə öyrənilməsi nəinki mümkündür, hətta vacibdir. İntonasiyanın cümləni təşkil etməsi onun xarici funksiyasına, cümləni tərkib hissələrinə bölməsi isə cümlədaxili funksiyasına aiddir. Real danışmada isə iki tərəf vəhdət şəkilində çıxış edir və onların ayrılması o qədər də asan deyildir.

Ümumiyyətlə, intonasiyanın funksiyasından söhbət edəndə ona cümlənin kommunikativ xarakterini müəyyənləşdirməkdə əsas amillərdən biri kimi yanaşılır. Bir qrup dilçi intonasiyanın əsas funksiyalarından birini dildəki sintaktik tiplərin müəyyən edilməsində görür ki, bu da intonasiyanın əsas funksiyalarından birini dildəki sintaktik tiplərin müəyyən edilməsində görür ki, bu da intonasiyanın müstəqilliyinin şübhə altına alması və onun öyrənilməsində sintaktik prinsipin ilkin olduğunu ön plana çək-

miş olur. İntonasiya sintaksislə sıx surətdə bağlıdır. Bu, hər şeydən əvvəl sintaksisdə yarusun əsas vahidi olan cümlə modellərinin intonasiya vasitəsilə təzahür etməsində özünü biruzə verir. Digər tərəfdən isə intonasiya bu modellərdən kənarında, onların bilavasitə danışıqda təzahürü olan cümlələrdən kənarında mövcud ola bilmir. Lakin bu ikitərəfli bağlılıq heç də sintaktik prinsipə üstünlük vermir.

Digər qrup alimlər intonasiyanın sintaksislə sıx əlaqəsini inkar etmirlər. Amma bununla bərabər onlar intonasiyanın tədqiqi fonologiyanın işləyib hazırladığı metodlarla mümkündür. Bizə elə gəlir ki, bu konsepsiya daha düzgündür. İndi isə intonasiyanın yuxarıda qeyd edilmiş iki funksiyasını göstərmək üçün faktik dil materiallarına müraciət edək:

Tamaşa başlanır.

Bu cümlənin ayrılıqda işlənməsi, şübhəsiz, heç bir təəccüb doğurmur, lakin, buna baxmayaraq, həmin parçanı münasib mətn daxilində götürsək, onun ifadə etdiyi məna daha aydın olar. Müvafiq kontekst daxilində göstərilən misal sərbəst ünsiyyət vahidi kimi çıxış edir ki, bu da danışanın dinləyiciyə müəyyən məlumat çatdırmasından ibarətdir. Digər bir kontekstdə isə həmin parça sərbəst cümlə kimi deyil, bütövün tərkib hissəsi kimi işlənə bilər. Məsələn, «Tamaşa başlanır, salona sükut çökür».

İstər birinci cümlədə, istərsə də ikincidə sözlərin bir-birinə bağlılığı təkcə sintaktik əlaqələrlə deyil, həm də intonasiyanın köməyi ilə mümkün olmuşdur. Birinci cümlədə mübtəda ilə xəbər arasındakı qrammatik münasibət yalnız «ır» formal şəkilçisi ilə deyil, həm də intonasiya vasitəsilə olmuşdur. Burada səs tonunun hər bir danışan şəxs üçün fərdi olan orta səviyyədən başlayaraq yüksəlməsi, birinci sözün son saitindən sonra yavaş-yavaş enməsi və «ı» saitində tamam zəifləməsi və sönməsi «tamaşa başlanır» cümləsinin melodik şəklini təşkil edir. Bununla bərabər intensivliyin və zamanın müəyyən münasibətdə artması və ya azalması, cümlənin sonunda isə səs tellərinin öz fəaliyyətini dayandırması və tələffüzün qurtarması ilə əlaqədar olaraq cümlənin akustik göstəricilərinin sifra yaxınlaşması və nəhayət fasilənin meydana gəlməsi həmin cümlənin intonasiya cəhətdən səciyyəsinə təşkil edir. İntonasiyanın əsas komponentlərindən olan vurğunun isə «ır» hecası üzərinə düşməsi ondan əvvəl gələn hecaların bu heca ətrafında birləşməsinə heç bir maneçilik törətmir. Qeyd etmək lazımdır ki, bəzən vurğuya verilən akustik tərif onun linqvistik mahiyyətinə toxunmur. Klassik fonetikada cümlə vurğusu bir sözün digərinə nisbətən qüvvətli və yüksək tonla tələffüz olunması kimi müəyyənləşdirilir. Yuxarıda qeyd etdik ki, «Tamaşa başlanır» cümləsində cümlə vurğusu ikinci sözün, özü də «ır» hecası üzərinə düşür. Lakin «ır» hecası nə tona, nə də gücə görə o biri hecalardan yüksək və qüvvətli deyildir. Belə olduqda yalnız bir qənaətə gəlmək mümkündür ki, klassik fonetikanın verdiyi tərif düzgün deyildir. Əslində isə məsələ bir qədər

başqa cürdür. Cümlə vurğusu daşıyan sözün daha yüksək tonla və daha qüvvətli deyilməsi yuxarıda dediyimiz kimi vurğunun linqvistik mahiyyətini açmır. Cümlə vurğusu linqvistik baxımdan belə müəyyənləşdirilə bilər. O, cümlədə elə bir mərkəzdir ki, bütün digər sözləri öz ətrafında birləşdirir.

Belə ki, «Tamaşa başlanır, salona süküt çökür» cümləsində birinci sintaqmın intonasiya əlamətləri «Tamaşa başlanır» kimi deyilmiş cümlədəkindən əsaslı şəkildə fərqlənir. Yuxarıda verdiyimiz intonasiya əlamətlərini biz indi «Salona süküt çökür» sintaqmında görə bilərik. Birinci sintaqmın sonuna doğru tonun qalxması və enməsi, intensivliyin güclənməsi və ya zəifləməsi nə həddindən artıq çox, nə də az ola bilər. Çünki səs tonunun sintaqmın sonuna yaxın çox qalxması həmin sintaqmı sual şəklində verə bilər. Çox zəifləməsi isə ona bitkinlik verir. Beləliklə də bitkinliklə qeyri-bitkinliyin və sual şəklini bir-birindən fərqləndirmək qeyri-mümkün olar. Halbuki hər bir danışan, sualı qeyri-bitkinlikdən, qeyri-bitkinliyi isə bitkinlikdən asanlıqla asanlıqla fərqləndirilə bilər. İki və daha artıq sintaqmlı cümlələrin intonasiyasına qeyri-bitkinlik və bitkinlik ifadə edən intonasiya vahidlərinin kombinasiyası kimi yanaşmaq olar. Maraqlı burasıdır ki, nitqin yazılı formasında həmin intonasiya əlamətlərinin böyük əksəriyyəti öz əksini tapa bilmir. Düzdür, sözlər arasındakı məsafə, mövcud durğu işarələri, bəlkə də az və ya çox dərəcədə intonasiyanın göstərə bilər, lakin hər bir cümləyə xas olan ton, intensivlik və zaman əlamətləri nitqin yazılı formasında ifadə oluna bilmir. Şifahi nitqə gəlicə, demək lazımdır ki, intonasiya vasitələri nitq parçasının əvvəlindən sonuna qədər, yəni fasilənin meydana gəlməsində həmin parçadakı səsləri və sözləri müşayiət edir və onları bütöv bir cümləyə çevrir.

İkinci misalda «Tamaşa başlanır» parçası müstəqil bir vahid kimi çıxış edə bilmir, bütövün tərkib hissəsi olur. Məhz buna görə də onun intonasiya şəkli birincidən fərqlənir və təxminən aşağıdakı kimi olur.

T+a+m+a+ş+a b+a+ş+l+a+n+t+r, S+a+l+o+n+a s+ü+k+u+t ç+k+ü+r.

Əgər lent yazısında birinci parçanı ikincinin yerinə qoysaq, onda cümlənin əvvəlki kommunikativ istiqamətdə işləmə bilmədiyini aydın olacaqdır. Buradan intonasiyanın cümlənin kommunikativ tipinin müəyyənləşməsində nə qədər vacib rol oynadığı bir daha aydın olur. İntonasiyanın cümləni təşkil etmə funksiyası özünü təkcə Azərbaycan dilində deyil, onunla struktur qohumluğu olmayan fransız və alman dillərində də göstərir:

/J'écrit// /J'écrit une lettre// /Ich schreibe/ və /Ich schreibe einen Brief//

İntonasiya vasitələrinin göstərilən dillərin strukturunda fəaliyyət sxemi və akustik korrelyatı eyni olmasa da, mahiyyət və funksiya etibarı ilə onlar bir-birinə çox yaxındırlar. Bu oxşarlıq, hər şeydən əvvəl, həmin dillərin bitkinlik bildirən cümlələrində reallaşan intonasiya modellərinin formal və funksional cəhətdən yaxın olmasında özünü göstərir. Azərbaycan dilində müəyyən məlumat vermək məqsədi ilə işlənmiş cümlənin intonasiya şəkli alman dilində həmin məqsədlə işlənmiş cümlə intonasiyasına uyğun gəlir. Bu, o demək deyildir ki, hər iki dildə intonasiya parametrlərinin əyriləri tamamilə bir-birinin üstünə düşməlidir. Əgər alman dilində bitkinlik intonasiyası üçün səs tonunun cümlənin sonuna yaxın enməsi diferensial əlamət kimi çıxış edirsə, Azərbaycan dilində başqa parametr bu funksiyanı yerinə yetirə bilər. Bunu aşağıda müqayisə edək:

Azərbaycan dilində
/O, gəlir// /Tamaşa
başlanır, salona
sükut çökür//

Bu fərqlərin aşkar edilməsi xarici dil öyrənənlərin işini xeyli asanlaşdırır. Çünki məhz belə olduqda ana dilində yad olan dil hadisələri qabarıq şəkildə çatdırıla bilər. Cümlə intonasiyasının xarici funksiyası universal xarakter daşıyır. İntonasiyanın bu funksiyasının yerinə yetirilməsində iştirak etməsi bu və ya digər dilin spesifik xüsusiyyəti ilə bağlıdır.

Hər bir dildə intonasiya tipləri müəyyən bir sistem təşkil edir və həmin sistemdə bir intonasiya digərinə qarşı qoyulur. İntonasiya bütün başqa dil vahidləri kimi müəyyən müstəqilliyə malikdir. Buna görə də eyni intonasiya variantı müxtəlif mətnlərdə və danışq məqamlarında asanlıqla çıxış edə bilər. Bundan fərqli olaraq cümlə intonasiyasının daxili funksiyası universal deyil, bu və ya digər dilin daxili qanunauyğunluqlarına tabedir. Yuxarıda göstəriləni kimi intonasiyanın cümlə daxilində fəaliyyət göstərməsi həmin cümlənin sintaqmlara bölmədən ibarətdir və cümlənin xarici funksiyasından asılı deyildir. Fikrimizi sübut etmək üçün misallara müraciət edək:

1. (Bu) ana uşağına nifrət edir.
2. (Bu ana) uşağına nifrət edir.
3. (Cette mère) deteste son enfant.
4. Cette mère deteste son enfant.

Yuxarıda verdiyimiz cümlələrin işlənməsinə diqqət yetirdikdə, aydın olur ki, həmin cümlələr iki şəkildə bitkinlik intonasiyası ilə deyilə bilər. Onların iki cür intonasiyası ilə deyilməsi və parçalanması cümlə

vurğusu, sintaktik əlaqə, semantik bütövlük, habelə fonetik fasilə ilə əlaqədardır.

Azərbaycan dilindən gətirdiyimiz birinci misalda «bu» nun «ana uşağına» nifrət etməsindən söhbət gedirdisə, ikinci misalda sintaqm «bu» «ana»- dan sonra ifadə olunur və buna görə cümlənin ifadə etdiyi məna tamam dəyişir.

Unutmaq lazım deyildir ki, nitq axınının sintaqlara parçalanması heç də təkcə intonasiya ilə deyil, həm də semantik və sintaktik amillərlə sıx əlaqədardır. Əgər nitq axını parçalanarkən onun məna tərəfi unudularsa, onda dinləyənlə məlumat düzgün çatmayacaq və ünsiyyət baş tutmayacaq. Aşağıdakı cümlənin kommunikativ tipini dəyişmədən onun sintaqlara parçalanmasına nəzər salaq:

(J'ai vecu seul) sans personne avec qui parler veritablement, (jusqu'à une panne) dans desert du Sahara, (il y'a six ans), şəklində cümləni bölmək olmaz, çünki həmin sintaqların intonasiyası düzgün olsa da onların fonetik və məna bütövlüyü pozulur. Odur ki, həmin cümlənin ikinci variantda deyilməsi mənasız söz yığımına çevriləcəkdir.

Fonetik planda sintaqma parçalama əsasən intonasiyanın komponentlərinin qarşılıqlı köməyi ilə yerinə yetirilir. Melodiya, fasilə, vurğu, temp və ritm hər biri müəyyən dərəcədə nitqin parçalanmasında iştirak edir, lakin onların heç də hamısı həmişə eyni dərəcədə yox, müxtəlif şəraitdə özlərini biruzə verirlər. Şübhəsiz ki, burada əsas rolu melodiya oynayır. Mövcud tədqiqatların əksəriyyətində sintaqların melodik xarakteristikasından çıxış edərək, sintaqlara minimal intonasiya vahidi kimi yanaşılır. Həmin minimal intonasiya vahidinin müxtəlif cür xarakteri, onun həcmi, sərhədi, vurğusu daxilində fasilənin qeyri-mümkünlüyü onu vacib tədqiqat obyektinə çevirir.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНТОНАЦИИ*

В настоящей статье не ставится вопрос изложить все существующие принципы изучения интонации. Здесь речь пойдет только о некоторых направлениях изучения ее в современной лингвистике¹.

Изучение интонации начинается со второй половины прошлого столетия, когда лингвисты стали рассматривать фонетику как от-

* Впервые опубликована: «Ус.записки АПИС им. М.Ф.Ахундова», серия XII, № 1, 1971 (за 1968 г.).

¹ Что касается природы и сущности интонации, ее роли и места среди других фонологических средств, об этом можно найти подробный материал в фонетической литературе.

дельную часть грамматики. Но если исследование отдельных звуков имело плодотворные результаты уже в XIX веке, то изучение других особенностей звуковой стороны языков, в частности интонации, достигло известных успехов только в настоящее время.

Было бы неправильно, однако, делать отсюда вывод, что фонетисты не занимались этим вопросом. Видные зарубежные фонетисты, такие, как Э.Сиверс, Т.Зибс, Д.Джоунз, О.Есперсен, В.Фиётор, Г.Клингхардт, Л.Армстронг, М.Граммон и другие уделяли внимание интонации¹, но в отвлечении от ее грамматики.

В русской лингвистике отчетливо противоположную точку зрения занимал А.М.Пешковский, который, в отличие от всех названных выше лингвистов, изучал интонацию в ее неразрывной связи с грамматикой.

Еще в своем «Русском синтаксисе в научном освещении», вышедшем в 1914 г. (первое издание), он обратил внимание на роль интонации. Позднее в специальной статье² он детально рассмотрел вопрос о взаимосвязи интонационных средств с другими синтаксическими средствами. А.М.Пешковский, по существу, заложил основание новому методу изучения интонации.

Одним из важнейших положений А.М.Пешковского было положение об обязательности фразовой интонации. Он писал по этому поводу следующее: «Как мы не можем сказать ни одной фразы, не интонируя определенным, соответствующим природе данного языка образом отдельных слогов и тактов, так же мы не сможем сказать ни одного слога, и ни одного звука даже, не давая ему определенной фразной интонации»³. Аналогично, звук а, отдельно взятый, произносится с определенным утвердительным оттенком. Эта идея послужила главной предпосылкой при разработке некоторых теоретических и практических положений, касающихся фразной интонации.

А.М.Пешковский говорит, что различные фразовые интонации могут иметь совершенно такие же значения, какие имеют все прочие синтаксические признаки. Между ним оказывается «целая сеть»

¹ E.Sievers. Grundzüge der Phonetik. 5., Aufl., Leipzig, 1901; Th. Siebs. Deutsche Bühnenaussprache. Bonn, 1912; O.Jespersen. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig, 1913; D.Jones. Intonation curves. Leipzig und Berlin, 1909; W. Viector. Elemente der deutschen Phonetik, Leipzig, 1923; H.Klinghardt. Übungen im deutschen Tonfall, Leipzig, 1927; L.Arstrong and Ward. A Handbook of English Intonation, London, 1931; M.Grammont. Traite de phonetique. Paris, 1933.

² А.М.Пешковский. Интонация и грамматика. В.кн.: «Избранные труды». М., 1959

³ Там же, стр. 179

сложных взаимоотношений. Отсюда и вытекает известный принцип «замены», характерной чертой которой является взаимоисключение и взаимокompенсация интонационных и грамматических средств. А.М.Пешковский формирует принцип замены так: «Чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения) и, наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже до полного исчезновения)¹.

Принцип «замены» лежит в основе многих исследований в нашем языкознании.

Экспериментально-фонетические работы подтвердили тезис, «указанные правила» А.М.Пешковского, хотя и показали, что полной взаимозамены не происходит². В общем же можно сказать, что положение о тесной связи синтаксиса и интонации прочно вошло в советское языкознание. Как известно, академик Л.В.Щерба ввел в фонетику особый раздел под названием «Синтаксическая фонетика»³. Указанная идея за последние два десятилетия вызвала к жизни большое число исследований об интонации. Они посвящены описанию интонации разных синтаксических структур, выявлению разнообразных видов коммуникативных единиц.

Руководствуясь тем, что основная проблема синтаксиса – проблема предложения – может быть решена лишь при условии учета не только грамматической и интонационной структуры предложения, эти исследования выбирают так называемый «синтаксический путь»: берется какая-нибудь синтаксическая единица (предложения с разным строем – простые, повествовательные, вопросительные, сложные предложения с различными видами придаточных) и устанавливается, какова интонационная структура анализируемой единицы. При этом не только устанавливается интонация, определяемая коммуникативным типом исследуемых фраз, но и утверждается, что существует определенная зависимость между синтаксической природой (например, характером придаточных предложений) и соответствующей интонационной структурой.

---

¹ Там же, с. 179

² М.Петров. Мелодика вопросительного предложения в русском языке. «Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae», т 1. Fasc. 1-3; Л.В.Бондарко. Мелодика неполных бесказуемых предложений в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1960, № 237, с. 87.

³ Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. М., 1963, с. 121-131.

Примером такого рода исследований могут служить экспериментальные работы, проведенные при лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи при МГПИИЯ им Мориса Тореза под руководством проф. В.А.Артемова.

По этому поводу В.А.Артемов пишет: «Изучение интонации различных языков ограничивается в лаборатории МГПИИЯ им Мориса Тореза синтаксической интонацией различных интонационных типов предложений»¹. Кроме того, в указанных исследованиях специальное внимание уделяется интонационному выражению определенных эмоций при произношении соответствующих синтаксических единиц.

В некоторых случаях изучения эмоциональной стороны интонации уводит от синтаксического характера исследований.

В качестве примера можно привести исследование произношения слова – предложения «Осторожно», при котором были установлены 22 различных видов интонации².

Иной взгляд на связь интонации с синтаксисом можно найти у ряда других современных исследователей, исходящих из того положения, что не прямой связи между интонацией и синтаксическим строем предложения. С этой точки зрения, интересно мысль Ф.Р.Данеша, который пишет, что и функции интонаций не имеют синтаксического характера, если мы будем понимать под синтаксисом «теорию грамматических структур»³.

К этому направлению можно отнести известного представителя Пражской лингвистической школы А.В.Исаченко, который посвятил совместно с Г.И.Шедлихом ряд работ изучению немецкой интонации. Основываясь на принципе бинарности, авторы⁴ выдвигают точку зрения, согласно которой интонация должна изучаться как некая последовательность двух тональных ступеней. Эта гипотеза опирается на следующие положения структурной лингвистики⁵:

а) язык – это система дискретных элементов;

¹ В.А.Артемов. Экспериментально-фонетическое изучение звукового состава и интонации языка. «Фонетический сборник». Изд. Тбилисского гос. ун-та. 1959, с. 13.

² Там же.

³ František Daneš. Sentence intonation from a functional point of view. (The nature of intonation and the methods of its analysis. Journal of linguistic Eircle of New York, «Word», 1960, vol. 16, №1, p. 34-64.)

⁴ A.V.İsaçenko und H.J.Schädlich. Erzeugung künstlicher deutscher Satzintonation mit zwei kontrastierenden Tonstufen. Monatsbericht Wissenschaften der Akademie zu Berlin, 1936, s. 365.

⁵ M.Joos. Description of Language Decsing. Jasa, 1950.

б) дискретные элементы языка описываются как система бинарной оппозиции¹;

в) в исследовании фразовой интонации релевантные признаки отличаются от избыточных.

Гипотеза проверяется измерением симулированной фразовой интонации: берется Вокодер – прибор, на котором сперва монотонизируют естественный язык, а потом снабжают его симулированной фразовой интонацией. В отличие от всех других исследователей А.В.Исаченко и Г.И.Шедлих ведут эксперименты при помощи двух тональных ступеней².

Предложение типа «Er plant eine Reise» записывается в исполнении не обученных дикторов с различной интонацией.

1) /Er plant eine Reise/ (нейтральное констатирование)

2) /Er plant eine Reise!/ (контраст: путешествие, а не экскурсия)

3) /Er plant eine Reise?/ (оценочное вопросительное предложение)

4) /Er plant eine Reise.../ (путешествие, которому он долго готовился)

Для того, что получить минимальную пару, сегмент «eine Reise» отрезается и монотонизируется на Вокодере так, что (1) не отличается от (4).

Монотонизированный сегмент приклеивается к отрезанной ленте и определяется, какой слог симулирован высоким, а какой низким тоном.

Высокий тон обозначают (1), низкий (0).

Таким образом, получают следующую конфигурацию тона:

5) $\overline{\text{Eine}} \mid \overline{\text{Reise}}$ 6) $\overline{\text{Eine}} \mid \text{Rei} \ \underline{\text{se}}$

1 1 0 0   0 0 1 0

7) $\overline{\text{Eine}} \mid \underline{\text{Rei}} \mid \text{se}$ 8) $\underline{\text{Eine}} \mid \overline{\text{Reise}}$

1 1 0 1   0 0 1 1

Для проверки того, эквивалентны ли симулированные фразы естественным, а не демонстрировались двум группам аудиторов (20 и 6 студентов, которые заранее получали сведения о различной интонации). Они должны были указать после трехкратного прослушивания на один из этих интонационных типов. Первая группа аудито-

¹ R.Jakobson,G.M.Fant and M.Halle. Prelminaris to peech Analysis.Gambridge. 1955.

² С техникой исследования можно познакомиться: А.В.İsacenko und Н.Ј.Şchädlich. Указ.соч. , с. 365.

В оригинале предложение было произнесено с усилением на слогe «gück», а предшествующие слогe «noch nicht» были слабы по интенсивности.

Авторы рассматривают усиление исключительно как функцию контрастных частот.

Авторы констатируют, что каждая фразовая интонация имеет характерные соотношения тональных ступеней, которые состоят из рядом стоящих точек различных тональных ступеней. Они в свою очередь, группируются вокруг усиленного¹ (ударного) слога («иктуса»)².

Лежит ли энклиза на высоком или низком тоне – это не влияет на характеристику фразовой интонации. Значит, она не релевантна, а избыточна.

А.В.Исаченко и Г.И.Шедлих в конце статьи приходят к следующим выводам.

1. Континуум перехода тональных ступеней, выступающих в естественных фразовых интонациях, надо описать как последовательность дискретных тональных ступеней³. При этом фразовая интонация является не ступенчатыми линиями, а лишь конфигурацией контрастных точек;

2. Для грамматически релевантных фразовых интонации в немецком языке достаточно две ступени тона⁴.

3. Релевантный минимальный контраст обеих ступеней лежит в немецком в квазитоне. Увеличение интервала приведет к избыточности информации. Большие интервалы применяются как средства для выражения экспрессивности.

Контрастное усиление в немецком языке есть не функция интенсивности, а функция основных частот. Описания фразовых интонаций как бинарной системой, по мнению авторов, упрощают лингвистическое исследование в этом плане.

В простейшей схеме стремятся отнести интонацию также и американские дескриптивисты⁵.

Характеризуя их концепцию по этому вопросу, Л.Р.Зиндер пишет: «Так у них идут в один ряд гласные, согласные, ударения, инто-

---

¹ «Усиление» признано аудиторам в предложениях (9), (11), (13) в 100%, в (10) – 85,7%, а в (12) – 71,3%

² Там же, с. 370

³ Там же, с. 370

⁴ Там же, с. 370

⁵ Pike V. Kenneth. The Intonation of American English. Ann Arbor, 1947, Г.Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

национные тоны и т.д. Например, в английском языке 24 согласных, 9 гласных 4 ударения и 4 тона и т.д. – все это называется фонемой. Впрочем, надо сказать, что это, в сущности, чисто терминологически прием: американским фонологам приходится различать «сегментную» и «супрасегментную» фонему. Сегментная фонема – это то, что во всех других школах называется просто фонемой, а супрасегментная – это просодические явления, такие, как ударения и интонация»¹.

В советской лингвистике настоящее время, с одной стороны, вопросы интонации рассматриваются в аспекте учения акад. Л.В.Щербы о синтагме, с другой стороны, намечается стремление к установлению перечней интонационных контуров (тоном), служащих для выражения различных синтаксических структур.

Членение речи на смысловые единицы является одной из центральных проблем в современном языкознании. Если к этой проблеме подходить с точки зрения синтаксической фонетики, то вопрос заключается в том, что следует считать минимальным интонационным единством: предложение или единицу, меньшую, чем предложение.

Среди теоретических работ о членении речевого потока на синтагмы и фразы ведущая роль принадлежит учению акад. Л.В.Щербы и его учеников².

Синтагма, по Щербе – неделимое интонационно-смысловое единство в составе предложения. Следуя за этим учением акад. Л.В.Щербы для того, чтобы изучить роль и функции интонации при членении потока речи, надо определить прежде всего синтагматический состав фразы.

Развивая учение Л.В.Щербы о синтагме, Е.А.Брызгунова ввела понятие «минимальная синтагма», которое определяется следующим образом: «Синтагмы, которые внутри себя не могут допускать дальнейшего членения, мы будем называть минимальными»³.

Определяя синтагматический состав предложения, надо установить его функцию в нем. Не менее значительным при этом является

---

¹ Л.Р.Зиндер. Основные фонологические школы. «Вопросы общего языковедения». (Материалы республиканского семинара преподавателей общего языковедения). «Уч. зап. ЛГПИИЯ им. А.И.Герцена», т. 354, Л., 1967, стр. 83

² Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. М., 1963; М.И.Матусевич. Введение в общую фонетику. Л., 1948; Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. Л., 1979; М.Г.Кравченко. Членение простого повествовательного предложения в современном русском языке. Канд. диссерт. Л., 1953.

³ Е.А.Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. МГУ, 1963, с. 168.

ся семантическая завершенность синтагмы и ее конфигурация во фразе. Это как раз тот критерий, который исходит от функции к форме. Несомненно, здесь учитывается и второй метод (от формы к функции), при помощи которого устанавливается определенное количество интонационных моделей в языке. Как первый, так и второй метод предполагают друг друга.

Интонация рассматривается как средство синтагматического членения, имеющего первостепенное значение для передачи содержания высказывания.

Возьмем такой пример:

1. Mein Vater | ist Arbeiter

Или:

2. Mein seliger Vater | war ein fei Viger Arteiter

Первое предложение может члениться на две минимальные синтагмы. Подчеркнутая одной линией синтагма в первой фразе произносится начинающим, восходящим тоном, тогда как подчеркнутая двумя линиями синтагма произносится с кончающим, нисходящим тоном.

В обеих синтагмах имеется финальная интонация. Первая финальная интонация предупреждает, что смысл логически не закончен. Вторая финальная интонация сигнализирует границу коммуникативной единицы и характеризуется смысловой законченностью.

Интонационный центр всей фразы находится во второй синтагме на том слове, которое носит фразообразующую вершину, потому что вторая синтагма является центром семантической и интонационной завершенности во всей фразе.

Вопрос об установлении различных интонационных контуров рассматривает применительно к русскому языку Е.А.Брызгунова к немецкому – О.А.Норк.

Е.А.Брызгунова устанавливает основные типы интонационных средств, исходя из их физических признаков и функционирования в языке. «Мы видели, что в интонации вопросительного и повествовательного предложений используются одни и те же интонационные средства. Однако в каждом из предложений одни и те же средства используются по-разному и, таким образом, из одного и того же строительного материала возводятся разные здания»¹.

---

¹ Е.А.Брызгунова. Указ. соч. с. 200.

О.А.Норк определяет в немецком языке 12 моделей, причем одна модель отличается от другой либо резким падением или повышением основного тона, либо наличием предтакта или затакта¹.

О.А.Норк также указывает, что функция, дифференцирующая интонацией, делится на две группы в зависимости от того, выражает ли она целостность высказывания или нет:

- 1) интонационные контуры, выражающие завершенность;
- 2) интонационные контуры, выражающие незавершенность.

Фонологическая модификация того или другого контура разнообразна. Оба эти контура могут применяться в пределах одной конструкции. Тогда один является главным, другой – второстепенным.

Кроме того, она выделяет и нейтральный контур, когда один из контуров не выражает ни ту, ни другую функцию.

Следует отметить, что в небольшой статье невозможно изложить взгляды всех лингвистических направлений на изучение интонации, тем более, что изучение интонации в современной лингвистике многоаспектно. Поэтому мы ограничились кратким изложением вопроса.

Правильность той или другой точки зрения выявляется на практике. В этом смысле особенно важны экспериментальные исследования для решения многих спорных вопросов в области изучения интонации.

---

¹ О.А.Норк. Основные интонационные модели в немецком языке. «Иностранные языки в школе», 1964, № 3.

IV бюлмя

MÜQAYISƏLİ FONETIKA
VƏ FONOLOGIYAО НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ФОНЕТИКИ¹(на материале гласных фонем немецкого,
русского и азербайджанского языков)

1. Сравнительно-сопоставительное исследование немецкого, русского и азербайджанского языков показывает, что каждый из рассматриваемых языков обладает системой фонем, характеризующихся определенными признаками. Некоторые из этих признаков являются дифференциальными для фонологической системы одного языка и интегральными по отношению к фонологической системе другого языка. Установление набора дифференциальных и интегральных признаков имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Располагая исчерпывающими данными о наборе дифференциальных и интегральных признаков того или иного языка, можно говорить о решении проблем, связанных с машинным переводом и автоматическим распознаванием речи, с одной стороны, и с улучшением качества преподавания неродного языка, с другой.

2. Гласные фонемы немецкого языка противопоставляются друг другу, наряду с другими признаками, также и по признаку долготы и краткости, который используется для различения двух разных лингвистических единиц. Этот признак можно назвать дифференциальным для системы гласных фонем немецкого языка. Ср., например, /e:/ и /ɛ/ в словах /*ve:zən/ и /*vɛsən/.

3. Тот же признак по долготы и краткости в русском и азербайджанском языках выступает как интегральный на уровне фонем, т. е. как такой признак, который не входит в систему фонем, а приобретен в результате взаимодействия соседствующих фонем или под влияни-

---

¹ Впервые опубликована в: Тезисы докладов Всесоюзного семинара по вопросам методики преподавания иностранных языков: „Теория и практика перевода, сравнительная типология родного и изучаемого языков“, „Интерпретация текста“ на факультетах иностранных языков пединститутов. Ташкент, 24-26 октября 1973.

ем суперсегментных единиц в реальной речи. Например, в системе гласных фонем русского и азербайджанского языков нет такой пары фонем, у которых признак долготы и краткости имел бы смысло-различительную функцию. Но в реальной речи русских и азербайджанцев та или иная гласная фонема может произноситься долго или кратко. В качестве примера можно сослаться на реализацию гласных фонем русского языка в ударном положении: например, в слове "ба-ба" гласный /a/ в первом слоге будет длинее, чем во втором, в азербайджанском языке гласный может удлиняться в последнем слоге вопросительного предложения без вопросительного слова. Ср. предложения /hæli:r// - Он идет и ʒhæli:r? - Он идет?¹

4. Незнание системных отношений, присущих тому или иному языку, приводит к ошибкам при обучении неродному языку. Н.С.Трубецкой рассматривал фонологическую систему любого языка как сито, через которое просеивается все сказанное². Азербайджанцы и русские делают ошибки при произношении немецких гласных, потому что их языковое восприятие не замечает долготы немецких гласных и этот признак получает у них неверную фонологическую интерпретацию.

ALMAN VƏ AZƏRBAYCAN DILLƏRİNDƏ SINTAQM*

Fonetika üzrə qazanılmış bilik şagirdlərə ana dilində və ya öyrəndikləri xarici dillərdə danışarkən tələffüz normalarından düzgün istifadə etmək imkanı verir. Təcrübə göstərir ki, yaxşı tələffüz vərdişləri materialın düzgün başa düşülüb dərk edilməsinə əsaslandıqda daha müvəffəqiyyətlə mənimsənilir. Bu mənada şagirdlərə danışmaq və oxu prosesində cümlələrin sintaqmlara necə bölündüyünü öyrətməyin əhəmiyyəti böyükdür.

Alman dilində işlənən "Alles vergeht, die Wahrheit besteht" cümləsinin tələffüzündə sintaqm sərhəddinin müəyyən edilməsi, cümlədaxili fasiləyə riayət olunması xüsusi əhəmiyyət kəsb edir. Həmin cümlə

¹ Автор настоящей работы не разделяет мнения тех азербайджанских лингвистов относительно существования в азербайджанском языке долгих гласных фонем и в то же время не исключает возможности использования признака долготы и краткости на уровне интонации.

² Н.С.Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, стр. 59.

* İlk dəfə nəşr olunub:Azərbaycan məktəbi. Bakı, 1980, №1 (F.Aslanovla şərikli).

ikisintaqmlıdır. “Vergeht” sözündən sonra edilən sintaqm fasiləsi birinci və ikinci sintaqmlararasındakı sərhəddi müəyyənləşdirir. Əgər həmin cümlə danışılan tərəfindən “Alles/ vergeht, die Wahrheit/ besteht/” kimi tələffüz edilsə, dinləyici cümlənin mənasını düzgün dərk etməyəcəkdir.

Azərbaycan dilində işlənən “Qəhrəman sürücü qocaya yaxınlaşdı” kimi cümlələrin düzgün dərk edilməsi də sintaqm bölgüsündən asılıdır. Şübhəsiz ki, həmin cümləni dinləyən şəxs deyilişindən asılı olaraq, onu müxtəlif formalarda başa düşəcəkdir. Məsələn:

1. /Qəhrəman sürücü/ qocaya yaxınlaşdı//
2. /Qəhrəman/ sürücü qocaya yaxınlaşdı//

Birinci cümlədə sintaqmlararası sərhəd „sürücü“ sözündən sonra keçir və „sürücü“ sözü birinci (natamam) sintaqmın, „qocaya“ sözü isə ikinci-bitkinlik bildirən sintaqmın mərkəzini təşkil edir. İkinci cümlədə isə „qəhrəman“ sözü minimal sintaqmı əmələ gətirir və özü də sintaqmın mərkəzini təşkil edir. Sintaqma bölünmədə sintaqmın mərkəzini təşkil edən, sintaqm vurğusu daşıyan sözün də rolunu qeyd etmək lazımdır.

Beləliklə, sintaqm bölgüsünün dəyişməsi həmin cümlənin semantik, sintaktik və fonetik strukturunun dəyişməsinə gətirib çıxarır.

Aydındır ki, şagirdlərə ifadəli qiraət vərdişlərini aşılayarkən, müəllimlər cümlələrin sintaqmatik bölünməsi məsələsinə də fikir verməlidirlər. Çalışmaq lazımdır ki, şagirdlər danışmaq prosesində meydana çıxan, ümumi mənanın müəyyən bir hissəsini ifadə edən, sintaktik əlaqələrə əsaslanan və fonetik cəhətdən bölünməz bütövü təşkil edən söz və söz qruplarını düzgün şəkildə tələffüz etsinlər.

Dillərin quruluşundan asılı olaraq cümlələrin sintaqm tərkibləri və sintaqmlara bölünməsi də müxtəlif olur. İfadə etdiyi mənadan, fonetik və sintaktik quruluşundan asılı olaraq cümlələr bir, iki, üç və daha artıq sintaqmlı olur. Məsələn:

1. /Ana çay içir// - birsintaqmlı;
2. /Öldü var/ döndü yoxdur// - ikisintaqmlı;
3. /Yaylağa gedənlər/ Qarabulağa baxır/ onun sərin suyundan içirdilər// - üçsintaqmlı;
4. /Qərənfil çay qaynadıb/ meşə kənarında dayanan/ və batmaqda olan günəşə baxan qonaqları/ çay içməyə dəvət etdi// - dördsintaqmlı; və s.

Əsas nitq vahidi kimi çıxış edən cümlələrin sintaqm tərkibləri müxtəlif olduğu kimi, sintaqmların tərkibi də eyni olmur. Sintaqmlar bir, iki, üç və daha artıq sözdən ibarət ola bilər. Məsələn:

- Səhərdir /1/. Şagird oxuyur /2/. Şagird yaxşı oxuyur /3/ və s.

Canlı danışığın məhsulu olan belə vahidlər müxtəlif nitq hissələrinin semantik, sintaktik və fonetik cəhətdən birləşməsilə əmələ gəlir.

Azərbaycan dilində ən çox işlənən sintaqm formalarının bir neçə nümunəsini aşağıda veririk:

1. İsim və feldən əmələ gələn sintaqmlar /Şagird cavab verir//, /Sərvət oxuyur//, /Niyaz isə yazır//.

2. Sifət və isimdən əmələ gələn sintaqmlar: /Yaxşı qonşu uzaq qohumdan irəlidir//.

3. İsim və sifətdən əmələ gələn sintaqmlar: /Qanun amansızdır/, lakin qanundur//.

4. Say və isimdən əmələ gələn sintaqmlar: /İki ildir ki,.../.

5. Əvəzlik və isimdən əmələ gələn sintaqmlar: /Bu fikirlə də/Məşədi Haşım Şərəfnisəgilin qapısını döydü//.

6. Əvəzlik və feldən əmələ gələn sintaqmlar: /Biz bilirik ki.../.

7. İsim /əvəzlik/ və isim /zərf/ və feldən əmələ gələn sintaqmlar: /Etibar kitab oxuyur. O kitab oxuyur. İlqar yaxşı yazır//.

8. Feli sifət tərkibi və isimdən əmələ gələn sintaqmlar: /Reaksiya nəticəsində alınan çöküntü/ təsərrüfat əhəmiyyətli çöküntüdür//.

9. Feli bağlama tərkibindən əmələ gələn sintaqmlar və s.: /Tapşırıqlarını yerinə yetirib/ anasına kömək etdi//.

Xitablar, ara sözlər və ara cümlələr həmçinin müstəqil sintaqm kimi tələffüz edilir.

Alman dilində cümlələrin sintaqm tərkibləri haqqında M.Q.Kravçenko „Müasir alman dilində sadə nəqli cümlələrin bölünməsi“ adlı əsərində ətraflı məlumat verir.

Müasir dilçilikdə sintaqm məsələsi ən ciddi mübahisə doğuran problemlərdəndir. Bu bir tərəfdən sintaqm probleminin lazımi səviyyədə tədqiq edilməməsilə bağlıdırsa, digər tərəfdən dilçilərin bu məsələyə müxtəlif cəhətdən yanaşmaları ilə izah edilir. Məhz bunun nəticəsidir ki, eyni bir dil hadisəsini bəzi dilçilər sintaqm və ya danışıq taktı, digərləri isə ritmik qrup və ya həlqə adlandırırırlar. Bunu nəfəs qrupu (O.Yespersen), fonetik ibarə (Ə.Dəmirçizadə) kimi izah edənlərə də rast gəlmək olur. Sintaqm anlayışını dilçiliyə ilk dəfə İ.A.Boduen de Kurtene gətirmişdir. İ.A.Boduen de Kurteneyə görə sintaqm, ümumiyyətlə, iki dil vahidinin düz xətt boyunca birləşməsindən ibarətdir. O, göstərir ki, fraza tələffüz və eşitmə baxımından bütöv bir fonetik vahidi təşkil edir. Digər tərəfdən həmin vahid fonetik vasitələrin köməyiylə daha kiçik hissələrə bölünür. Beləliklə, İ.A.Boduen de Kurtene təlimində sintaqm bir tərəfdən frazadan kiçik məna qrupu kimi götürülür, digər tərəfdən sintaqm sintaktik vahid kimi şərh edilir.

İsveç alimi F. de Sössürün sintaqm haqqındakı fikri İ.A.Boduen de Kurtenenin sintaqm nəzəriyyəsiindən əsaslı şəkildə fərqlənir. F. de Sössür də İ.A.Boduen de Kurtene kimi sintaqma iki dil vahidinin birləşməsi kimi

yanaşır. Lakin İ.A.Boduen de Kurtenedə sintaqmlar cümlənin fonetik üzvlənməsi nəticəsində baş verir. Digər tərəfdən isə sintaqm özündən kiçik hissələrə bölünməyən vahiddir. F. de Sössürdə isə sintaqm anlayışı iki dil vahidi arasındakı münasibət üçün işlədilir. Belə olduqda düzəltmə və mürəkkəb sözlər (daxili sintaqm), habelə söz birləşmələri və cümlələr də sintaqm adlandırılı bilər. Beləliklə, dildəki iki element arasındakı münasibəti F.de Sössür sintaqmatik münasibət adlandırır.

Buradan aydın olur ki, məşhur alim sintaqmın şərhində dil vahidlərinin düz xətt boyunca düzülüşündə onlar arasındakı münasibəti əsas götürmüşdü. İ.A.Boduen de Kurtene və F. de Sössürün sintaqm haqqındakı fikirləri müasir dilçilikdə geniş yayılmışdır. Ferdinand de Sössür məktəbinin davamçıları olan S.Y.Karsevski öz müəlliminin fikrini inkişaf etdirərək belə qənaətə gəlir ki, sadə sözlər belə sintaqm əmələ gətirir. Onun fikrincə, ayrı-ayrı sözlərdə də başqa sözlərlə münasibətdə iki ideya olduğu üçün onları sintaqm kimi qələmə vermək olar (müqayisə et: дом, хижина, изба, дворец и т. д). Göründüyü kimi, S.Y.Karsevski üçün ifadə edilənlə ifadə olunan arasındakı münasibət sintaqmın yaranması üçün əsas kimi götürülə bilər. Beləliklə, dil vahidləri arasındakı daxili əlaqələr ilə yanaşı dil vahidlərinin səs qabığı ilə onun mənası arasındakı xarici əlaqə də nəzərə alınmalıdır. Şübhəsiz, məsələ belə qoyulduqda ortaya haqlı olaraq belə bir sual çıxır: ifadə edənlə ifadə olunan arasında bilavasitə əlaqə varmı?

Sintaqm məsələsinin həllində F. de Sössür nəzəriyyəsiindən o qədər də uzaqlaşmayan A.A.Reformatski fikrini belə ümumiləşdirir: „Sintaqm bu və ya digər tabelilik əlaqəsilə bir-birinə bağlanan iki üzvün birləşməsidir“ və yaxud „...cümlədə təyinedici üzv nə qədərdirsə, sintaqmın sayı da o qədərdir (müqayisə et: я ем, белый хлеб, домики и т.д.). Misallardan göründüyü kimi, burada sintaqm anlayışı adi morfoloji əlaqəyə əsaslanır. Odur ki, semantik, sintaktik və fonetik bütövlük tamamilə unudulur.

Sintaqmın öyrənilməsində sintaqmatik amili əsas götürən V.V.Vinoqradov F.de Sössür nəzəriyyəsinə qarşı öz münasibətini aşağıdakı kimi bildirir:

„Cəsarətlə təsdiq etmək olar ki, Sössürün sintaqm nəzəriyyəsi tam müvəffəqiyyətsizliyə uğradı. Onu nə canlandırmaq, nə də yeni məzmunla tamamlamaq olar“. Sintaqmı başqa fonetik vahidlərdən fərqləndirən ən mühüm cəhətlərdən biri də onun mənaya malik olması, akad. V.V.Vinoqradovun təbirincə desək, cümlədə obyektiv gerçəkliyin bir parçasını ifadə etməsidir. Ayrı-ayrı sözlər ayrılıqda heç bir mənaya malik deyildir. Sintaqm isə dil sistemində ayrıca vahid kimi mövcud olmayaraq nitq prosesində yaranır və özü də müəyyən məna ifadə edir. Bundan əlavə, sintaqm müəyyən qabığa və sintaktik xüsusiyyətə malik olur. Məsələnin şərhində

birincini əsas götürənlər sintaqmı fonetikanın obyektini, ikincini əsas qəbul edənlər isə onu sintaksisin obyektini kimi şərh etməyə çalışırlar. Sintaqmı müəyyən edən əsas əlamət onun fonetik xüsusiyyətlərə malik olmasıdır. Bu da, hər şeydən əvvəl, sintaqmın özəyini təşkil edən sözün və bu sözün üzərinə düşən vurğunun funksional cəhətdən digər sözləri öz ətrafında birləşdirərək bir bütövə çevirməsində ifadə olunur. Sintaqmı vurğusuz təsəvvür etmək mümkün deyil. Sovet dilçiliyində sintaqm haqqında geniş yayılmış nəzəriyyə L.V.Şerbaya məxsusdur. Onun fikrincə də sintaktik fonetikanın əsasını nitqin intonasiya vasitəsilə üzvlənməsi, yəni nitq vahidinin fonetik, sintaktik və semantik cəhətdən bütövlərə-sintaqmlara bölünməsi təşkil edir.

Sintaqm dil sisteminin fəaliyyətində meydana gələn, yəni dil sisteminə mövcud olmayan vahiddir. Sintaqm fəal prosesin məhsuludur.

L.V.Şerba sintaqm haqqında ilk nəzəri müddəalarını „Fransız dilinin fonetikasi“ əsərində irəli sürmüşdür. Məşhur dilçinin sintaqm haqqındakı təlimini sonralar onun şagirdləri müxtəlif dillərin materialları əsasında inkişaf etdirmişlər. Göstərilən əsərində L.V.Şerba sintaqma belə tərif verir:

„Nitq-fikir prosesində mənacə bölünməz tamı ifadə edən bir və ya bir neçə ritmik qrupdan ibarət olan fonetik vahidi mənə sintaqm adlandırırıram“.

Bu yığcam tərifdən aydın olur ki, L.V.Şerbanın sintaqm təlimində danışıda funksional və maddi aspektlər vəhdət halında götürülür. Sintaqm nə fonetikadan, nə də sintaksisdən təcrid edilmir, əksinə, sintaqm sintaktik, semantik və fonetik hadisələrin məcmusu kimi şərh olunur.

Cümlənin sintaqmlara bölünməsi subyektiv şərhərlə deyil, obyektiv dil normaları ilə əlaqədardır. Bununla əlaqədar kontekst və şəraiti də nəzərə almaq lazımdır.

Sintaqmda bütün elementləri öz ətrafında birləşdirən söz fonetik cəhətdən xüsusilə nəzərə çarpdırılır. Buraya birinci növbədə sintaqm vurğusu daxildir. Sintaqm vurğusu sintaqmda bilavasitə yeni fikir ifadə edən, sintaqmın əsas mənasını özündə əks etdirən sözün üzərinə düşür. Təbiidir ki, belə sözlər sintaqmın fonetik, semantik, habelə kommunikativ mərkəzini təşkil edir. Verilən məlumatın dinləyici tərəfindən düzgün başa düşülməsində əsas ünsiyyət vahidi kimi çıxış edən cümlənin deyilişində danışanın tələffüz normalarına riayət etməsi xüsusi əhəmiyyətə malikdir.

Nitq zəncirinin fonetik üzvlənməsində intonasiya aparıcı rol oynayır. Ona görə də cümlənin sintaqm tərkibi onun intonasiya şəkli ilə üzvü surətdə bağlıdır. Hətta son tədqiqat əsərində cümləyə yox, sintaqma intonasiyanın realizə vahidi kimi baxılır.

Qeyd etmək lazımdır ki, son illərdə alman dili materialı əsasında

sintaktik fonetika sahəsində bir sıra maraqlı tədqiqat əsərləri meydana gəlmişdir. Bu əsərlərdə cümlələrin sintaqmlara bölünməsi, sintaqmın ümumi fonetik xüsusiyyətləri və bu kimi başqa məsələlər bu və ya digər cəhətdən nəzərdən keçirilmişdir.

Azərbaycan dilçiliyində bu, öz həllini gözləyən vacib məsələlərdəndir. Y.Seyidov tamamilə haqlı olaraq qeyd edir ki, sintaqm məsələsi Azərbaycan dilçiliyi üçün yenidir.

Nitq zəncirinin sintaqmlara parçalanması, sintaqmda kommunikativ mərkəzin müəyyənləşdirilməsi həm praktik, həm də nəzəri əhəmiyyətə malikdir. Nitqin avtomatik tanınması kimi mühüm problem, bilavasitə cümlədəki sintaqmların ayrı-ayrılıqda akustik xüsusiyyətlərini, sintaqm vurğusu parametrlərinin işlənilməsindən asılıdır.

Əgər cümlə iki sintaqmlıdırsa, deməli, cümlədə iki kommunikativ mərkəz olmalıdır. Bu da, şübhəsiz sintaqm mərkəzini təşkil edən sözün və ya hecanın müxtəlif fonetik xüsusiyyətlərə malik olması deməkdir. Azərbaycan dilindəki: „O gözəl müğənnidir“ -cümləsi dinləyici tərəfindən danışq yerindən, tərzindən, kontekst və situasiyadan asılı olaraq, başqa-başqa formalarda dərk ediləcək.

1. /O/ gözəl müğənnidir//.

2. /O gözəl/ müğənnidir//.

Başqa bir cümlə:

1. /Qonağı yola salmaq üçün o /vağzala gəlmiş/, qatarın yola düşməsinə gözləmişdir//.

2. /Qonağı yola salmaq üçün o /vağzala gəlmiş qatarın yola düşməsinə gözləmişdir//.

3. /Qonağı yola salmaq üçün /o vağzala gəlmiş qatarın yola düşməsinə gözləmişdir//.

4. /Qonağı yola salmaq üçün /o vağzala gəlmiş qatarın yola düşməsinə gözləmişdir//.

Verilmiş nümunələrdən məlum olur ki, nitq zəncirinin sintaqmlara bölünməsindən asılı olaraq cümlənin ifadə etdiyi ümumi məna da dəyişə bilər. Elə buna görə də verilmiş nümunələr sintaqmlara müxtəlif formalarda bölündüyündən birinci variantların mənası ikincilərindən tam surətdə fərqlənir. Birinci nümunədə „O/ gözəl müğənnidir“, „o“ sözü ayrıca minimal proqredient sintaqm əmələ gətirir. Sintaqmatik fasilə və cümlənin intonasiya strukturundakı dəyişiklik üzvlənməni nizamlayan amillərdəndir. Sonra gələn „gözəl müğənnidir“ sintaqmı bitkinlik intonasiyası əsasında ümumi fikrin tamamlanmasına xidmət edir. İkinci halda isə sintaqm fasiləsi „gözəl“ sözündən sonra yaranır və „o gözəl“ birinci sintaqmı, „müğənnidir“ isə ikinci sintaqmı əmələ gətirir.

Nitq zəncirinin sintaqmlara bölünməsində sintaqm mərkəzlərini təş-

kil edən sözlərin və ya hecaların yüksək tonla, daha gərginliklə deyilməsi, habelə onların tələffüzünə sərf olunan vaxtın başqa heca və sözlərə nisbətən çoxalması və sintaqmatik fasilə təcürbi təhlil zamanı asanlıqla aşkar edilir. Yuxarıda qeyd etdiyimiz xüsusiyyətləri eşitmə təhlili zamanı auditorlar da qeyd edirlər. İkinci halda isə /o gözəl müğənnidir/ sintaqmlar arasında fasilə müşahidə olunmur və cümlə bir bütöv kimi deyilir. Deməli, sintaqmlar arasındakı fasilə mütləq vacib deyil. Belə hallarda sintaqmlar arasındakı sərhəd sintaqmların ton səviyyələri arasındakı intervalların diapazonu ilə müəyyənləşdirilir. Bunu da yalnız obyektiv təhlil nəticəsində müəyyənləşdirmək mümkündür.

Alman və Azərbaycan dillərini öyrənən tələbə və digər şəxslərə nitqin sintaqmlara parçalanmasının, sintaqmlarda sintaqm vurğusunun yerinin müəyyən edilməsinin, danışmada intonasiya vasitələrindən düzgün istifadə edilməsinin öyrənilməsi hər iki dildə sintaqmın nəzəri və praktik cəhətdən nə dərəcədə işlənilib hazırlanmasından asılıdır.

ЗАДАЧИ КОНТРАСТИВНОЙ ФОНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ¹

1. Изучение фонологических моделей языка имеет большое значение для преподавания неродного языка, поскольку контрасты имеются не только в системах фонем контактирующих языков, но и в сочетательных свойствах фонем каждого из языков, которые подчинены в каждом языке своим закономерностям. Поэтому выявление контрастов, связанных с фонотактическим строением каждого из контактирующих языков является очередной насущной задачей контрастивной фонологии. Если из фонем /y:/, /t/ и /r/ можно образовать существующие в немецком языке слова, то по правилам перм. 3 ! = I.2.3. из 6 теоретически возможных образуется только слово /'ty:r/. В азербайджанском же языке из фонем /t/, /y/ и /r/ нельзя образовать ни одного слова, существующего в нем, хотя теоретически комбинация их равна так же как и в немецком языке.

2. Благодаря исследованиям по фонотактической модели возможно предсказать появление в конкретной речевой ситуации того варианта, который связан с данной позицией и комбинацией. Для азербайджанцев, обучающихся немецкому языку, можно предложить

* Впервые опубликована в: Материалы Закавказского зонального совещания-семинара преподавателей иностранных языков высших учебных заведений. Тбилиси, 1982.

все варианты гласных и согласных с их подробной акустико-артикуляторной характеристикой. Так называемые акцентные ошибки связаны в большинстве случаев с неправильной реализацией вариантов фонем языка. Об этом свидетельствует тот факт, что при знании акустико-артикуляторных характеристик отдельных фонем, с которыми студенты подробно знакомятся уже на I курсе, допускаются много ошибок. Причиной этого является то, что азербайджанцы пропускают системные отношения – парадигматические и синтагматические, присущие немецкому языку, через сито своей фонологической системы /Грубецкой Н.С./.

3. Давая вариативные ряды каждой фонемы, мы тем самым создаем обучающимся оптимальные условия для реализации в процессе коммуникации на месте варианта своего языка необходимый вариант изучаемого языка. Сравним следующие ряды вариантов гласного /a:/ в немецком с вариантами гласного /a/ в азербайджанском и русском языках.

Немецкий язык	русский язык	азерб. язык
I. [>ä.]-Alarm, Analyse;	[ь]- водоворот	[ä]-ala
II. [' >ä:]-baden, Laden;	[ь]- голова	[ä]-qadalar
III. [' >a:]-Aas	[æ]- мять	[ä]-xatalar
IV. [' a:]-Papal	[^]- оса	[ä]-taxta
V. [ä.]-Laborant	[a]- а /союз/	[ä]-baba
VI. [' a: #]-Sah da	[a]- таз	[a#]-ana
VII. [ä#]-na, ja	[ä], [æ]- мама, няня	[ä.]-Arif
VIII. [ä:]-Staat	[á]- Валя	[a.]-Asif
IX. [â:]-Babel	[â]- баба	[a]-qaqa
X. [' a:]-Datum	[a]- дан	[ä]-manat
XI. [' a:]-Lagern	[a.]- тара	[a]-kaha
XII. [' ä̃]-mahnen	[^0]- жара	[a]-dadlı

4. Из сравнения следует, что 12 вариантов немецкого /a:/ противостоит 12 вариантам гласного /a/ азербайджанского и русского языков. В немецком языке /a:/ подвергается в основном количественным изменениям, в то время как в азербайджанском и русском языках варьирование проявляется как в качественном, так и в количественном направлении.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНТРАСТИВНОЙ ФОНОЛОГИИ*

Контрастивная фонология как раздел контрастивной лингвистики возникла из практических потребностей, но очень скоро она приобрела статус теоретической дисциплины.

Безусловно, обучение неродному языку начинается с классификации сходных и отличительных черт в структурах родного и изучаемого языков с тем, чтобы выявить причины и источники, порождающие ошибки и трудности в обучении языку. Речь здесь идет о конфронтации фонологических систем контактирующих между собой языков, служащей установлению точек соприкосновения и расхождения между родным и неродным языками.

Сопоставляя инвентари фонем немецкого и азербайджанского языков, можно увидеть, что в обоих языках есть фонемы, во многом сходные между собой по своим акустико-артикуляторным характеристикам, но в каждом из этих языков есть и такие, которые совершенно не похожи друг на друга. Такая предварительная лингвистическая работа в значительной степени способствует эффективному использованию готовых моделей сходств и различий в сопоставляемых языках в процессе обучения.

Следует отметить, что в процессе обучения неродному языку трудности представляют не только реализации фонем, отсутствующих в фонологической системе родного языка, но и те сочетания, которые чужды родному языку. Так, например, трехчленное сочетание согласных в пределах слога и морфемы в азербайджанском языке невозможно, в то время как в немецком языке оно встречается часто. Именно поэтому азербайджанцы, обучающиеся немецкому языку, сталкиваются с огромными трудностями в реализации таких немецких сочетаний, как /mpfst/, /Rtstl/ и /Rnst/ в словах „kämpfst“, „ärztlich“, „ernst“ и так далее¹.

Таким образом, конфронтативная фонология путем систематического и целенаправленного сопоставительного исследования системных и структурных особенностей родного и изучаемого языков, открывает новые возможности для теоретического обоснования и толкования дидактических, психолингвистических и собственно лингвистических проблем, возникающих в процессе обучения.

---

* Впервые опубликована в: „Контрастивная фонетика“. АГУ, 1986. S.16-24

Непосредственными предшественниками конфронтативной фонологии являются представители сравнительного языкознания. В их трудах мы находим много ценных идей и мыслей, затрагивающих те или иные вопросы конфронтативной лингвистики. В отечественном языкознании развитие этой отрасли науки связано с именем М.А.Казем-бека, который в своей „Общей грамматике турецко-татарского языка“ звуковые явления тюркских языков сравнивает между собой или же сопоставляет с аналогичными явлениями из других языков². М.А.Казем-Бек широко использует оба способа. «В моих сравнительных примечаниях, - пишет М.А.Казем-Бек, - как филологических, так и этимологических, иногда я приводил соответственные примеры из монгольского и чувашского языков. Они хотя недостаточны для того, чтобы доказать ближайшее и древнее родство этих языков, в особенности, первого с тюркским, однако могут обратить внимание занимающегося на весьма примечательное сходство, соответствующее между ними».³

Говоря о фарингальном согласном /h/ в тюркских языках. М.А.Казем-бек подчеркивает его наличие в английском языке и отсутствие в русском языке. Отсюда он делает совершенно справедливый вывод, что хотя и ориенталисты передают /h/ при помощи «х» и «г», но из употребления не трудно узнать разницу между ними и азербайджанской фонемой /h/.⁴

Но первый фундаментальный труд в области контрастивной фонологии в отечественном языкознании принадлежит акад. Л.В.Щербе, который своей работой «Фонетика французского языка» заложил основу этому направлению в советском языкознании.⁵

Значительный вклад в разработку проблем конфронтативной лингвистики внесли представители Пражской лингвистической школы. В дальнейшем конфронтативная лингвистика послужила базой для развития целого ряда направлений теории языка, вопросы типологии и универсалий, а также для теории и практики перевода. Говоря о теоретическом значении конфронтативной лингвистики, А.В.Исаченко пишет: «Конфронтация двух и более двух языков теоретически оправдана. Когда исследователь ограничивается изучением лишь одного языка... без оглядки на господствующие в других языках отношения, то он в опасности, так как он не заметит многих существенных черт исследуемого языка»⁶. Другой современный исследователь Е.Косериу формулирует задачу конфронтативной лингвистики следующим образом: «...типичным для конфронтативной лингвистики является вопрос несоответствий в обоих языках»⁷.

Именно изучение несоответствий в фонологических системах

и составляет объект контрастной фонологии, в то время как кон- фронтативная фонология охватывает не только контрасты, но и сход- ства, даже идентичные явления.

Как уже отмечалось, контрасты обнаруживаются не только в системах фонем (в азербайджанском языке 9 гласных против 17 в немецком языке), но и правилах их сочетания. Любой фонологиче- ский анализ начинается с сегментации текста на минимальные еди- ницы, служащие выражению в языке лингвистических различий. Бу- дучи реализацией системных отношений языка, текст содержит в се- бе многочисленные варианты, акустическими коррелятами которых являются речевые экземпляры-звуки. Вся суть дальнейшего фооло- гического анализа состоит в том, что необходимо найти такой крите- рий, который позволяет свести эти многочисленные варианты к ог- раниченному набору языковых единиц (инвариантов), противостоя- щих друг другу в фонологической системе данного языка. Устано- вление функциональных различий и сходств осуществляется при по- мощи дистрибутивного анализа.

Дистрибутивное описание фонемных реализаций позволяет проникнуть в механизм конструирования языковых единиц. Так, на- пример, согласный «р» представлен отдельной фонемой в немецком и азербайджанском языках. Однако немецкая фонема /R/ по своим дистрибутивным и акустическо-артикуляторным характеристикам сильно отличается от соответствующей азербайджанской фонемы [r]. Во-первых, в немецком языке фонема /R/ представлена двумя фа- культативными вариантами: [R] и [r]. Произносительная норма пред- почтение отдает увулярному [R], то есть современное литературное произношение предпочитает [R], в то время, как произнесение пе- реднеязычного, раскатистого [r] считается устаревшим, оно сохрани- лось на сцене и в речи представителей старшего поколения. Кроме того, немецкая фонема /R/ имеет несколько комбинаторных и пози- ционных вариантов. Она в конце слов и после редуцированного [ə] сильно вокализуется и в транскрипции обозначается как [ʌ] или [ʁ]. Подчас гласный перед ней качественно и количественно до неузна- ваемости изменяется. Например, в слове "Uhr"—часы [ˈu:R] глас- ный /u:/ и согласный /R/ сливаются и образуют дифтонгоидный звук – [va].

В противоположность этому, в системе азербайджанского кон- сонантизма фонема /r/ характеризуется переднеязычной, раскатистой артикуляцией, в начале и конце слов сильно оглушается /r/. Ср.: [na r̥, qa r̥].

Во-вторых, в немецком языке фонема /R/ не имеет дистрибутивного ограничения, в то время как в азербайджанском языке функционирование фонемы /r/ сильно ограничено. Так, например, в анлауте азербайджанских односложных слов перед гласными /ö/ и /i/ эта фонема не употребляется, а перед /a/, /o/, /ı/, /i/ она встречается по одному разу. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в указанной фонетической позиции фонема /r/ является часто употребительной. По данным исследования лаборатории экспериментальной фонетики при АПИИЯ им. 50-летия СССР из 1237 односложных слов, которые составляют 2,06 % всего словарного состава азербайджанского языка (1.237:60.000), фонема /r/ имеет 307 реализаций. Реализация немецкой фонемы [R] в односложных словах, которые составляют 2,56 % (1.764:65.000), равна 453⁸. Интересно, что азербайджанская /r/ чаще всего встречается в словах по модели СГС и СГСС (70 и 177 реализаций, соответственно). В немецком языке моделей слов, в которых встречается /R/, в два раза больше, чем в азербайджанском языке. Максимальная частота реализации немецкой фонемы /R/ приходится на ССГС (156 реализаций), в то время как в азербайджанском языке в этой модели /r/ реализовано всего 26 раз. Второе, третье и четвертое места в немецком языке занимают соответственно модели СГСС, СГС, ССГССС (114, 112 и 76 реализаций). За исключением заимствованного слова «Рур» (название реки в Западной Германии), в азербайджанском языке нет слов, в которых в анлауте и ауслауте реализовалась бы фонема /r/, в то время как в немецком реализация /R/ как в начале, так и в конце слов по модели СГС вполне возможна. Сопоставительное изучение дистрибуции немецкой и азербайджанской фонем /r/ и /R/ позволяет сделать вывод о том, что слова со скоплением согласных в начале, середине и конце не характерны для азербайджанского языка. Поэтому не трудно узнать иноязычное происхождение встречающихся в азербайджанской научно-технической и социально-бытовой литературе слов с скоплением согласных. Ср.: dram, gram, prins, şprot, şpris и т. д. В отличие от этого слова с указанной слоговой структурой обычное явление в немецком языке. Об этом свидетельствуют приведенные выше модели ССГС, ССГС, СГСС, ССГССС.

Совершенно очевидно, что при контактировании языков несоответствия и несовпадения выражаются материально, в отклонении от необходимой для данной фонемы артикуляции, непосредственно отражающиеся в акустическом эффекте. Для изучения этих несоответствий в современной фонетике широко используется спектральный анализ. Ниже будут даны результаты спектрального анализа

гласных немецкого и азербайджанского языков. Анализ проводился на динамических спектрограммах, где ось частот расположена по вертикали, ось времени - по горизонтали, а степень затемненности соответствует интенсивности спектра. Он позволяет получить полные сведения об акустико-артикуляторных коррелятах фонемных реализаций, о взаимодействии фонем в потоке речи, то есть о вариативных свойствах, что почти не доступно при традиционных способах анализа звуковой стороны языка. В результате этого анализа выяснилось, что как немецкие, так и азербайджанские гласные обладают ярко выраженной формантной структурой⁹. Для описания спектров гласных можно ограничиваться двумя первыми формантами F_1 и F_2 , которые на спектрах выражены концентрацией энергии в виде затемненных областей. Отметим, что у закрытых гласных обоих языков между $F_{очн.}$ и F_1 провести границу очень трудно, порою даже невозможно, так как первая форманта очень близка к $F_{очн.}$

В каждой формантной области можно выделить такие участки, которые отражают значение формантных характеристик в «идеализированном» виде. Эти участки принято называть стационарными. Кроме этого, на спектре каждого звука выделяют еще и переходные участки, содержащие важные информации о варьировании фонем.

Исходя из формантных характеристик, данных в таблице, нельзя говорить об их непосредственной связи с резонансными свойствами той или иной части надставной трубы, поскольку последняя, как утверждают современные исследователи, действует как единое целое¹⁰. «Тем не менее, - пишет Л.Р.Зиндер, - это не означает того, что частотное положение форманты не коррелирует с положением определенного произносительного органа. Так, изменение значения частоты первой форманты связано со степенью подъема языка, а второй форманты – с перемещением вдоль полости рта. Чем ниже подъем языка, тем выше F_1 ; чем более переднее положение занимает язык, тем выше F_2 »¹¹.

Таблица

Гласные нем. языка F_1 F_2 Гласные азерб. языка F_1 F_2

а 720 1400

/a:/ 700 1300

/ɔ/ 450 1100

/o:/ 420 920

/y:/ 360 910

/a/ 500 1350

/u/ 475 1400

/o/ 465 1100

/y/ 400 1050

/y/ 270 550

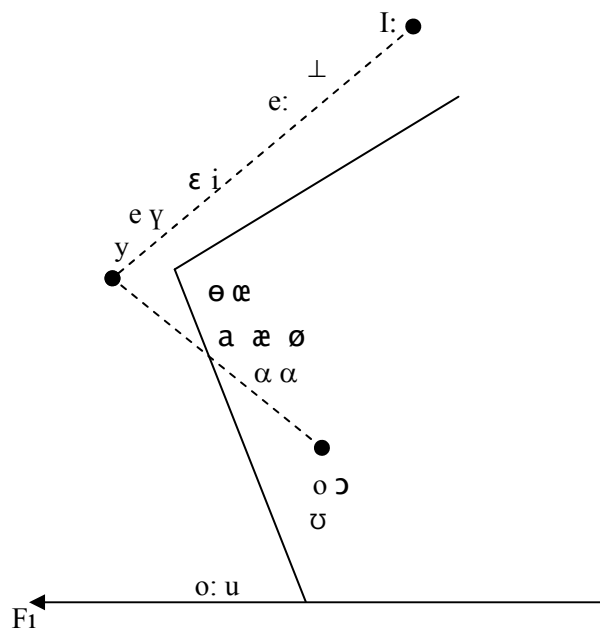
	/œ/ 360 1400
/ф:/ 450 1350	/ф/ 50 1450
	/y/ 390 1560
/y:/ 360 1500	/y/ 250 1650
/ε/ 600 1800	
/e:/ 0 1920	e 365 1550
/i:/ 350 1980	/i/ 240 1700
/ɹ/ 300 2140	ɹ 300 1425

Из сопоставления подсистем гласных немецкого и азербайджанского языков вытекает, что немецкий вокализм на 6 единиц больше, чем азербайджанский. Семи гласным азербайджанского языка /a, o, i, ü, ö, i, e/ противостоят четырнадцать гласных немецкого языка, при этом последние образуют коррелятивные пары по признаку долготы и краткости. Двум азербайджанским гласным фонемам /æ/ и /ɹ/ вообще нет соответствия в немецком языке. В свою очередь, немецкие дифтонги /ae, ao, бф/ тоже не имеют соответствия в азербайджанском языке¹². Итак, подсистемы гласных в обоих языках имеют такие единицы, которые сходны между собой и такие, которые сильно отличаются друг от друга. Не вдаваясь в детальный анализ функционирования гласных в сопоставляемых языках, мы, исходя из данных таблицы, попытаемся указать на качественные сходства и различия между единицами двух систем.

Как отмечалось выше, изменение значения частоты первой форманты F_1 связано со степенью подъема языка, а второй F_2 – с перемещением вдоль полости рта. Анализ таблицы показывает, что все немецкие краткие гласные за исключением /o:/ и /ɔ/ по положению языка имеют F_1 – значения выше, чем у азербайджанских гласных (см. табл.). Следовательно, более высокое положение F_1 говорит о том, что при произношении язык сильнее опущен у немецких гласных, чем у соответствующих азербайджанских гласных. Сильное опущение языка имеет место у азербайджанского гласного /o/, что же касается азербайджанского /ф/, то этот гласный по вертикальному положению сходен с долгим гласным /ф:/ немецкого языка. Азербайджанский гласный /ɹ/ по этому положению полностью совпадает с долгим /i:/ немецкого языка, а /æ/ занимает место между немецкими /ɔ/ и /e:/. Общий вывод, который можно сделать в результате анализа первой форманты гласных, сводится к тому, что немецкие гласные произносятся при более сильно опущенном положении языка, то есть они более открытые, чем азербайджанские гласные. А по ряду, азер-

байджанские гласные /a, ɪ, e, i/ характеризуются произношением при более отодвинутом назад положении, чем соответствующие гласные немецкого языка, поскольку у азербайджанских гласных F_2 – значение меньше, чем F_2 – значение немецких гласных. Напротив, азербайджанские гласные /φ/ и /o/ характеризуются артикуляцией, при которой язык сильно продвинул вперед. Гласный /o/ по горизонтальному положению языка полностью совпадает с немецким гласным /ɔ/. Гласный /o/ по этому признаку имеет одинаковые с немецким /a/, а азербайджанский гласный /ɪ/ по ряду занимает место между немецкими /a/ и /æ/

F11

Таким образом, анализ по F_2 – значению позволяет сделать вывод о том, что немецкие /a/, /v/, /i:/, /ɛ/, /ɔ:/, /ɪ/, /i:/ характеризуются более продвинутым вперед положением языка, чем соответствующие азербайджанские гласные. Но немецкий /a:/ является более задним, чем азербайджанский /a/. При образовании немецких /œ/, /φ/, /y:/, /γ/, язык в меньшей степени продвинул вперед, чем у азербайджанских гласных /φ/ и /П/. Азербайджанский гласный /o/ по ряду полностью

совпадает с немецким кратким /ɔ/. Что касается /æ/ и /ɪ/, то первый гласный по ряду совпадает с немецкими краткими /a/ и /œ/, а у второго – язык занимает чуть более продвинутое положение, чем у тем же немецких гласных. Положение языка по вертикали и горизонтали хорошо иллюстрирует рисунок, где ось координат перевернута с целью наглядно показать расположение F₁- и F₂- значений. Другой характерной особенностью этого рисунка является то, что акустические характеристики гласных, столь интенсивно разрабатываемые в последнее десятилетие, не опровергают классическую мысль о треугольнике гласных фонем, наоборот, они дополняют ее, подтверждая правильность исходной предпосылки артикуляторной фонетики. Итак, высказанные здесь мысли могут пролить новый свет на проблему контрастной фонетики и способствовать развитию базы для более широкой конфронтации фонологических систем языков.

Литература

1. Ф. Е. Вейсалов. Вариативность гласных фонем современного немецкого языка. АДД, Л., 1980.
2. М.А.Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
3. М.А.Казем-Бек. Предисловие к II изданию «Грамматики». Казань, 1839, с.10.
4. М.А.Казем-Бек. Предисловие к I изданию «Грамматики». Казань, 1839, с. 9.
5. Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 7-е. М., 1963. Следует отметить, что в европейских источниках основателями конфронтативной лингвистики без достаточного на то основания считают американских ученых. Sterneman. Zur Komporabilität der konfrontativen Linguistik. WZ der Humboldt-Universität zu Berlin. Ges.-Sprw. Reihe. XXII, 1973, № 3, S.144-155.
6. A. Isačenko. Die russische Sprache der Gegenwart. T. 1, Halle, 1962, 45.
7. E. Coseriu. Über Leistung und Grenze der kontrast. Grammatik, Düsseldorf, 1970, s. 91.
8. F.Veysəlov (Veysəlli) və b. Eksperimental fonetika. ADU, 1981, s. 51-52.
9. Сонанты тоже характеризуются ярко выраженной формантной структурой, тогда как шумные согласные не имеют такой структуры, они выражены в виде точек на очень высоких частотах. Об этом см: Эксериментальная фонетика. F.Veysəlov (Veysəlli) və b. Изд. АГУ, 1981.
10. G. Ungeheuer. Elemente einer akustischen Theorie der Vokalartikulation. Berlin, 1962, s. 80.
11. Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. М., 1979, с. 176.
12. О наличии дифтонгов в азербайджанском языке см.: А.Ахундов. Azərbaycan dilinin fonemlər sistemi. Bakı, 1973.

БИЛИНГВИЗМ И ПРОБЛЕМЫ КОНТРАСТИВНОЙ ФОНОЛОГИИ¹

1. Научная литература, начиная с Г.Пауля, различает две типа языковых контактов. При первом речь идет о двуязычии в широком смысле слова, т.е. когда двуязычие понимается как любое влияние чужого языка (при этом не разграничиваются действительное явление двумя языками и контакт родного языка с чужим языком вследствие изучения какого-либо языка в школе или просто пассивное владение им). Для обозначения этого явления лингвистика вслед за А.Мартине и У.Вайнрайхом применяет термин «языковые контакты», призванный заменить термин «смещение языков» (И.А.Бодуэн де Куртенэ, Т.Шухардт и др.).

Говоря о языковых контактах, следует особо подчеркнуть еще один тип, известный как балканский языковой союз, при котором мы имеем дело с взаимным сближением генетически неродственных языков румынского, новогреческого, болгарского, македонского и албанского.

2. При втором типе языковых контактов, называемом «билингвизмом» или «двуязычием», в данном языковом коллективе имеются и используются две разные языковые системы (фонологические, морфологические, синтаксические) и два разных словаря. При этом можно говорить о двух степенях двуязычия: координативное или полное, субординативное или частное. Координативное или полное двуязычие имеет место в том случае, когда один и тот же коллектив в равной мере использует оба языка, хотя некоторое влияние родного языка вполне допустимо. Оно может быть установлено при тщательном наблюдении на одном из уровней структуры языка. Субординативное или частное двуязычие имеет место в тех случаях, когда мир знаний одного языка передается знаками второго языка, т.е. наличие автоматического переключения на кодовую систему другого языка, с обязательным сохранением акцента родного языка (затруднение субституции чуждых родному языку фонологических единиц и признаков, ошибки акцентологического и грамматического характера и т.д.).

---

*Впервые опубликована в: Тезисы докладов республиканской научной конференции. «Актуальные вопросы развития билингвизма и совершенствования культуры речи в Азербайджане» (Баку, 26-27 января 1990 г.), 1991.

3. С социально-этнической точки зрения необходимо различать двуязычие сверху и двуязычие снизу. Первое встречается в современных промышленных городах, а второе наблюдается в пограничье, где не только отдельные индивиды, но и целые коллективы в силу общественного положения и территориальной близости владеют языками.

4. При любом контакте языков, т.е. независимо от степени двуязычия, обнаруживаются сходные и отличительные черты; последние известны в литературе под названием «контрасты», выявление и систематизация которых применительно к отдельным аспектам языка составляют основные задачи контрастивной лингвистики. Контрастивная фонология, как раздел контрастивной лингвистики, исследует контрасты в системе фонем, их сочетаниях, в акцентологических и интонационных рисунках контактирующих языков. При этом теоретической предпосылкой является принципиальное различие трех уровней: нормы, системы и реализации: последняя включает в себя орфоэпию и орфофонию. Если орфоэпия занимается установлением фонемного состава каждого слова, то орфофония изучает особенности реализации как фонемы, учитывая позиционные, комбинаторные и суперсегментные характеристики, т.е. возможности аллофонического варьирования фонемы.

DİLİMİZ - SƏRVƏTİMİZ ANA DİLİ, İKİNCİ DİL VƏ GƏNCLƏRİMİZ*

I

Bəşər cəmiyyətinin ən mükəmməl ünsiyyət silahı olan dilin mahiyyətini, onun nəzəri məsələlərini obyektiv şəkildə araşdırmaq, müəyyən elmi ümumiləşmələrə gəlmək üçün dilçinin tədqiqat obyektini kimi seçdiyi dilləri bilməsi mühüm şərtlərdəndir. İndi artıq o vaxtlar deyil ki, alim bilmədiyi dilin qrammatik quruluşunu şərh etsin. Məlumdur ki, əsrin əvvəllərində görkəmli dilçilər dilin sistem və struktur xüsusiyyətlərini təsvir olunan zaman daxilində, deyək ki, qədim alman və ya türk dilinin filan əsərdəki mənzərəsini verməyə çalışırdılar. Özü də burada alimin təsvir etdiyi dilləri praktik cəhətdən bilməsi deyil, onun həmin dillərdə mövcud yazılı abidələri və mənbələri daha vicdanla və daha böyük ciddiyətlə araşdırma qabiliyyəti yüksək qiymətləndirildi. Lakin əsrin əvvəllərində İ. A. Boduen de Kurtene və F. de Sössür

---

* İlk dəfə çap olunub: "Ulduz", 1991. № 3. s.3-8.

dilçilikdə inqilabi çevriliş edib göstərdilər ki, linqvistika elmi müasir dillərin sistem və qurum xüsusiyyətlərini tam hüquqla öyrənə bilər, dil mexanizminin açılmasında sinxron tədqiqat metodu diaxron (tarixi) metoddan heç də az əhəmiyyətli deyildir. Məsələnin bu şəkildə qoyuluşu o dövr üçün çox aktual səslənirdi. Əslində bu istiqamət gənc qrammatiklərə qarşı yönəlmiş ciddi bir etiraz idi. Aydınır ki, dilçilikdəki bu yenilik alimlərdən tədqiq etdiyi dilləri praktik cəhətdən yaxşı bilməyi tələb edirdi. O zaman söhbət təkcə bir dilin öyrənilməsindən, həmin dilin hazırkı vəziyyətinin tədqiqindən deyil, ümumiyyətlə, dil nəzəriyyəsinin işlənilməsi və hazırlanmasından gedirdi. Nəzəriyyənin yararlığı isə onun neçə dil materialına söykənməsindən çox asılıdır. İnanmıram ki, bir dilin materialından çıxış edən dilçi böyük nəzəri ümumiləşmələrə gələ bilsin. Buradan belə çıxmasın ki, bir dilin materialı əsasında yaxşı nəzəri hazırlığı olan dilçi sanballı əsər yazsa bilməz. Belə əsərlər yaranır və biz buna çoxlu misal gətirə bilərik. Onlar nəzəri dilçiliyin bu və digər hadisəsinə baxışlar sistemində layiqli yer tuta da bilər, ancaq o, nəzəri konsepsiyasının yaranmasına gətirib çıxara bilməz.

N. S. Trubetskoy «Fonologiyanın əsasları» əsərini yazmaq üçün 200-ə yaxın dilin materialından istifadə etmişdi. Bu əsər dünya miqyasında hələ də özünə bərabərini tanımır.

Məşhur dilçi A. İsaçenko yazırdı ki, iki və daha artıq dilin qarşılaşdırılmasının nəzəri əsası vardır. Əgər dilçi yalnız bir dilin tədqiqi ilə, özü də başqa dillərlə müqayisə etmədən, kifayətlənsə, o, tədqiq etdiyi dilin bir sıra məziyyətini görə bilməz. Dil bilmək, sözsüz, dilçinin müsbət cəhəti sayılmalıdır. Amma orası da məlumdu ki, «praktik cəhətdən bir neçə dil bilən mütləq dilçi olmalıdır» hökmünü vermək düzgün deyildir. Düzdür çox dil bilən adamlar dilə həssas olurlar, dilləri tez-tez mənimsəyirlər, amma iki və ya daha çox dil bilən hər bir kəsi dilçi adlandırmaq olmaz. Anadan gəlmə istedadın yüksəlib mücərrəd elmi anlayışlar səviyyəsində düşünə bilməsi, mühakimələr yürütməsi üçün onun məktəb keçməsi vacibdir. Məktəb sözünü biz geniş mənada götürürük. Tarixdən bizə onlarla və yüzlərlə sənətkar məlumdu ki, onlar illərlə məktəb və ya universitet kəndlərini döyəcləməyiblər, lakin öz ustalarının yanındaca elmin və sənətin ecazkar sirlərinə valeh olublar. Bizim xalq arasında belə sənətkarlar yüzlərlədir. Biz əsla o fikirdə deyilik ki, indiki şəraitdə bizdə istedadlar yetişmir. Sadəcə olaraq onu demək istəyirik ki, dilçilik də bir elm sahəsidir və bu sahənin sanballı mütəxəssisi olmaq üçün istedad azdır, gərək istedadla düzgün yol göstərsin. Bu yolda istedad «bişməli» və püxtələşməlidir.

Son zamanlar ikidillikdən çox danışılır. Ümumilikdə götürüldükdə, ikidillik danışanın iki dildə öz fikrini çətinlik çəkmədən ifadə etmək bacarığıdır ki, burada da tam və nisbi ikidillikdən söhbət gedə bilər. Nəzəri

baxımdan bu o deməkdir ki, iki dil sistemi çarpazlaşmayanda, yəni bir dil o birinə mane olmayanda söhbət tam ikidillikdən gedir. Eyni mənanın iki dildə verilməsində ikinci dil birinciyə tabe olursa və ikinci dilin işarələrinin mənasını birinci dilin sözləri təşkil edərsə, bu qarışıq ikidillik adlanır. Biz deyərdik ki, mütləq mənada tam ikidillikdən danışmaq çətindir. Çünki belə adamlarda yaxşı müşahidə nəticəsində ya fonetik, ya qrammatik (morfoloji və sintaktik), ya da leksik- semantik səviyyədə ana dili normalarından yayınmalara rast gəlmək olar. N. S. Trubetskoyun təbirincə desək, ana dili sistemi ələyə bənzəyir, ikinci dilin sistem xüsusiyyətləri bu ələkdə ilişib qalır.

Bizim aramızda iki, üç və daha artıq dillərdə danışan adamlar çoxdur. İlk baxışdan bizə elə gəlir ki, doğrudan da, onlar hər iki dili eyni rəvanlıqla işlədə bilirlər. Lakin eyni fərdin iki dildə danışğını mizan-tərəzidən keçirsək, görürük ki, bir dil o birisinə nisbətən daha fəal, oynaq, zəngin və rəvandır. Bu da təbiidir, çünki maddi aləmin dərk olunması dillə həyata keçirilir və şübhəsiz, hansı dildə düşünmək və danışmaq dərk olunmanın özünün hansı dildə getməsindən çox asılıdır. Məhz buna görə biz termin kimi ikidilliliyi qoşadillikdən üstün tuturuq. «Qoşa» sözü tamamilə bir-birinin təkrarı olan və ya bütövlükdə bir-birinə oxşayan iki şeyin mövcudluğu deməkdir. «Qoşa» sözünü nə fizioloji, nə də linqvistik baxımdan işlətmək mümkün deyildir. Xalq arasında deyirlər «qoşa qanadlı», «qoşalül» və s. Bu birləşmələrin ikinci tərəfində verilən söz iki şeyin prinsipcə eyniliyindən çıxış edir.

Qeyd etməliyik ki, ikidillilik problemlərinin işlənilib hazırlanmasında həmyerlilərimizin xidməti az olmamışdır. Məgər Nizami, Nəsimi, Fizuli, Xətai, M. F. Axundov, N. Nərimanov, Q. B. Zakir və onlarla başqaları ikidilliliyin əsl mənada bariz nümunələri olmayıblarmı? Məgər yerlilərimiz M. A. Kazımbəy və M. A. Şaztaxlı dünyada ikidilliliyin elmi konsepsiyasını nəzəri cəhətdən hazırlayanlardan deyildiləmi? Hələ ötən əsrin ortalarına M. A. Kazımbəy Rusiyada türkologiyanın möhkəm təməlini qoydu, sonra bu təməl üzərində elə bir möhtəşəm bina ucaldı ki, onun zirvəsini Avropa, Amerika və Asiya universitetlərindən həsədlə və bəlkə də qibtə ilə müşahidə edirdilər. M. A. Kazımbəy özü poliqlot olmaqla yanaşı (görməli alim ona yaxın dil bilirdi) ikidilliliyin nəzəri və praktik məsələlərilə yaxından və ardıcıl məşğul olmuşdur. Dövrümüzdə geniş yayılmış müqayisə və qarşılaşdırma sahələrindəki ideyaların çoxuna onun əsərlərində rast gəlirik. XIX əsrdə təşəkkül tapmış tarixi-müqayisəli dilçiliyin qarşısında duran əsas məqsəd bu və ya digər dil ailələrinə və əsasən hind-avropa dilləri ailəsinə daxil olan dillərin genetik qohumluğunu sübut etmək, bu dil ailəsi daxilində ulu dili bərpa etmək idi. Lakin M. A. Kazımbəyin bu tədqiqat metodu və istiqaməti ilə razı rlmadığı da bəllidir. Onun məqsədi dərs dediyi Kazan universitetin-

də türk dillərinin ruslara öyrədilməsində qarşıya çıxan çətinlikləri aşkar edərək ümumiləşdirmək və onların danışıqında müşahidə olunan səhvləri (bunlara müasir dilçilikdə interferensiya səhvləri deyirlər) doğuran amillərin şüurlu şəkildə aradan qaldırılmasına yönəlmiş qaydalar sistemi işləyib hazırlamaq idi. Hələ o zaman M. A. Kazımbəy çox doğru olaraq dilöyrənmədə ana dilini ön plana çəkirdi. Sonralar bu konsepsiyanın doğruluğunu çoxları təsdiq etdilər. Akademik L. V. Şerba ikidilliliyə ana dili mövqeyindən yanaşaraq göstərirdi ki, ana dilini dərstdən kənar etmək olar, ancaq onu uşaqların beynindən çıxarıb atmaq olmaz.

Lakin təəssüflər olsun ki, həmyerlimiz M. A. Kazımbəyin bu kimi cığıracan fikirləri ikidillilik problemlərinin şərhində hələ də öz layiqli yerini tutmamışdır. Hətta bizim rus həmkarlarımız ikidillilik problemlərinin şərhində hələ də öz layiqli yerini tutmamışdır. Hətta bizim rus həmkarlarımız ikidillilik problemlərinin işlənilib hazırlanmasını əsassız olaraq əsrimizin 50-ci illərindən sonrakı dövrə aid edir və bu sahədəki ardıcılığı amerikalı alimlərinin ayağına yazırlar. Halbuki M. A. Kazımbəy, ondan xeyli sonra isə L. V. Şerba dünyada bilinməyən əsl cığıracanları olublar. Yeri gəlmişkən xalqımızın böyük oğlu M. A. Kazımbəyin xatirəsini əbədləşdirmək üçün respublikamızda dil öyrənilən ali məktəblərdən birinə onun adını vermək vaxtı çoxdan gəlib çatmışdır.

Açıqını deyək ki, biz M. A. Kazımbəyin dilçilik sahəsində zəngin elmi irsini hələ lazımı şəkildə dərindən öyrənməmişik, bu ensiklopedik birlikli alimin ikidillilik haqqında fikir və müddəalarını sistem halında tədqiq etməmişik. 1988-ci ilin sentyabrında türkoqların Bışkəkdə keçirilən V Ümumittifaq qultayında M. A. Kazımbəyin bu sahədəki xidmətlərindən geniş danışıldı və onun nəinki Rusiyada, hətta dünyada ikidilliliyin banisi olduğu faktlarla sübut olundu.

Yuxarıda qeyd etdik ki, iki dil materialından çıxış edən dilçi bir dilin incəliklərini o biri dilin köməyi ilə görə bilir. Hazırda respublikamızda bir neçə dildə danışan və yazan dilçilərimiz az deyildir. A. Axundov, M. Tağıyev, V. Aslanov və başqaları bu qəbildəndilər.

Eyni zamanda həmin alimlər üçün üç dildə yazmaq, ixtisasa dair üç-dörd dildə ədəbiyyatdan istifadə etmək adi haldır. Etiraf edək ki, son dövrlərdə dissertasiyaların rusca yazılması dilimizdə elmi üslubun formalaşmasına ciddi mane olur. Dürğunluq dövrünün bu haqsızlığına son qoymaq lazımdır.

II

Mənə sual verəndə ki, dillərə həvəs Sizdə haradan yaranıb, mən cavab verirəm ki, tələbətlik illərindən. Hələ o zaman məndə fars dilinə böyük həvəs yaranmışdı. Mərhum dilçimiz Q. Bağırovu böyük minnətdarlıqla xatırlayıram. İki il ərzində ev sahibim Səfər dayının köməkliyi ilə mən

bu dildə yazmağı və oxumağı öyrənmişdim. Sonralar mən ondan xeyli faydalanmışam. O ki, qaldı uşaqlıqdan dilə olan həvəsimə, onun öz tarixçəsi var. Dünyaya göz açmağıma üç-dörd ay qalmış davaya yola düşən atam çox keçmir ki, cəbhədə ayağının birini qoyub gəlir. Gəlir və ona 8 oğul və iki qız bəxş etmiş arvadını həyatda görə bilmir. Belə acınacaqlı vəziyyətlə üz-üzə gələn atamı ən çox düşündürən mənim normal böyüməyim idi. Aqlım kəsəndən atam Yedigər kişinin dil haqqında bir neçə kəlamı yadımda qalıb, onlar indi də qulağımda səslənir. Cəbhədəki həyatından danışanda dil bilməyin üstünlüyündən söhbət açıb deyirdi: dil bilmək gözəl şeydir, döyüşlərin qızgın çağında arxadan komanda verilir, irəlidən də almanlar qışqırırdılar, biz isə heç nə başa düşmürdük. Kəşfiyyətə gedəndə elə olurdu ki, lap almanların qulağının dibində olurduq, onların dilini bilsəydik, dediklərini başa düşər, gələcək işimiz üçün xeyli şey götürərdik. O yaralanandan sonra altı ay hospitalda olarkən belə dil bilməzliyinin altını çəkdiyindən danışardı və deyirdi: «evdə də, çöldə də dil bilmək adamın karına gəlir». Odur ki, həmişə bizə nəsihət verərdi ki, «dilləri öyrənin, balalarım».

Məktəbə getdiyim ilk illərdə böyük qardaşım Bəxtiyar məni dildən və ədəbiyyatdan tez-tez imtahana çəkirdi, biliklərimi yoxlayırdı. O, qonşu məktəbdə ibtidai siniflərə dərs deyirdi, ədəbiyyata çox həvəsi vardı. Saatlarla Sabirin şerlərini əzbər söyləyirdi. Elə indi də bu həvəs onda qalır, hərdən şer də yazırdı. Mən deyərdim ki, dilə həvəsi məndə ilk dəfə o oyatmışdı. Sonralar məktəbdə gözətçi vəzifəsində çalışan müharibə əlili atamın əvəzinə qardaşım Şıxalı ilə mən işləyəndə rus dili fənnindən dərs deyən Qalina Kuçmina öz köməyini məndən heç vaxt əsirgəmirdi. O, mehriban və qayğıkeş müəllimə ilə tez-tez rusca danışardıq. Beşinci sinifdən sonra isə məktəbimizə təyinatla alman dili dərslərini aparmağa gəlmiş Kərim Abdurahmanovun, habelə Azərbaycan dili və ədəbiyyatı dərslərini deyən Ziyad müəllimin mənə güclü insani təsirini indi də böyük ehtiramla yad edirəm. O, müəllimlərin hərəsi bir yerdən gəlmişdi: Qalina müəllimə Rusiyadan, Kərim müəllim Şəkiddən, Ziyad müəllim isə Qazaxdan. Onlar əsl fədai idilər. Böyük pedaqoji ustalığa və cəlbədicə xüsusiyyətlərə malik idilər. Mən dillərə vurğunluğu onlardan öyrənmişəm. Onlar danışığımdakı və yazımdakı səhvlərimi düzəltməkdən yorulmayıblar. İnşa və ifadə yazılarımı diqqətlə və böyük qayğıkeşliklə yoxlayırdılar. Elə Kərim müəllimin alman dilindən mənə öyrətdikləri institutda bu fəndən qəbul imtahanında «4» qiymət almağıma kifayət elədi. İnstitutda isə mərhum Nəzakət xanım və mərhum Cəfər müəllimin dil qabiliyyətinə heyran olmuşdum. Onlar düzgün, səlis və nümunəvi nitqi ilə biz tələbələrə çəkinmədən öyrəndiyimiz dildə danışmağa sövq edirdilər.

Burada bir haşiyə çıxmaq istəyirəm: Leningrad Dövlət Univeristetində aspiranturada oxuyarkən elmi rəhbər seçməli idim. O zamanlar bu məsələnin həllində təkcə aspirantın istəyi və arzusu az idi, gərək nəzərdə tutulan elmi rəhbərin də razılığı olaydı. Məşhur alim L. Zinderə, bu

məsələ ilə əlaqədar müraciət edəndə o məni söhbətə tutdu. Xalqımızın görkəmli oğlu Bülbülü xatırladı, Dəmirçizadəni soruşdu, Sadıqdan hal-əhval tutdu və bildirdi ki, ümumiyyətlə, mənim işimə rəhbərlik etməyə etiraz etmir, lakin şərt qoydu ki, mən alman dilinin intonasiyasından referat yazmalı və əgər referat onu əsasən qane edərsə, eyni zamanda referatda məntiqi nəticələrim onun xoşuna gələrsə, razı olacaq. Cəmisi on gün də vaxtım vardı. Bu müddətdə Leninqrad kitabxanalarında ədəbiyyatı ələk-vələk edərək iyirmi beş səhifəlik referatı rusca yazıb ona təhvil verdim. Ertəsi gün məni gülə-gülə qarşıladı. Artıq ərizəmin üstünə rəhbər olmağa dərkənar qoymuşdu.

Açığını deyim ki, institutda təhsil aldığı beş il müddətində əlimizdə ixtisasımıza dair elə bir vəsaitimiz yox idi. Mənbələrdən, lüğətlərdən, başqa kitablardan rus dilində istifadə edirdik. Lüğət üzərində alman – rus-azərbaycanca və ya əksinə istiqamətlərdə işləyirdik. Düzü bu çox çətin yol idi, amma eyni zamanda dilə yiyələnməkdə sərfəli və səmərəli yol idi.

İndi isə tələbələrimizin əlində ana dilində az-çox vəsait var, şərait də əvvəlkindən yaxşıdır, amma buna baxmayaraq başqa sahələrdə olduğu kimi dil öyrənmədə də uğurlarımız o qədər də sevindirici deyildir. Yəqin ki, bu etinasızlığımız özümüzə və tariximizə, keçmişimizə və bu günümüzə laqeyid münasibətin yaranmasına səbəb olub.

Bunun bir sıra obyektiv və subyektiv səbəbi var. Subyektiv səbəbi odur ki, indiki gənclikdə elmə, savada yiyələnmək arzusu yox dərəcəsindədir. Bizim tələbəlik illərimiz böyük yürüş illəri idi, xalqın özünütanınması, oyanması çox sürətlə gedirdi, gənclərin arasında yarışa girmək, hər şeyi dərindən, özü də ilkin mənbələrdən öyrənmək istəyi çox güclü idi. O zaman kitabxanalarda və oxu zallarında mütaliə eləyən əlindən tər-pənmək olmurdu. Təəssüflə deməliyik ki, durğunluq dövrü bu istəyi, bu arzunu öldürürdü, gənclərin irəli çəkilməsi onların şəxsi keyfiyyətlərinə görə deyil, yerlibazlıq, qohumbazlıq və kimin daha çox arxası var prinsiplərinə əsaslananda, cəmiyyətdə sosial ədalətin kobud şəkildə pozulduğu bir dövrdə adamların həyatda hər şeyə inamı itmək üzrə idi. Onlarda bir laqeydlik, bəlkə ucdantutma «böyüklərin» hörmətini qazanmaq, «birncilərin» yanında başı uca olmaq və s. kimi əxlaqi naqislik əmələ gəlmişdi.

III

Əlbəttə, millətin özünü tanıması və dərk etməsi müəyyən tarixi şəraitdə baş verir. Özgələri bizi təhrif edir, sözüümüzü, nəğməimizi, hətta adlarımızı gen-bol işlədir, onlara öz donlarını geyindirir və özlərininki kimi qələmə verirlər. Sözlərimizin sonuna şəkilçi əlavə edərək özünüküləşdirirlər, biz də özümüzü unuduruq, özgələşirik, sonra da ah-uflla təəccüblənirik ki, bəs niyə belə oldu. Axı «dəmirçi» də, «mənlük» də, «səfər» də, «zor» da, «bala» da, «kotan» da, «can» da bizim doğma sözlərimizdir, necə olur ki, onların sonuna, eləcə də bu qəbildən olan yüzlərcə sözüümüzün sonuna şəkilçi «yan» alır və onlar şəkilçi ilə birlikdə başqalarının malına sevrilir. Mən hələ onu demirəm ki, dini, əqidəsi tamam başqa yönümlü, o cümlədən, dil baxımından hind-avropa dilləri ailəsinə mənsub olan bir xalq bizim kimi rəqs edir, bizə oxşar toy- düyün qurur və nəticədə oyun havalarımızı da, xalq mahnılarımızı da, adətlərimizi də, toy- düyün mərasimlərimizi, milli mətbəximizi də və s. və i. a. abır-həya etmədən özlərininki elan edirlər. Mən başqa hind-avropalıların mərasimində çox iştirak etmişəm, onlardan heç birinin bizim kimi rəqs etdiyini, yallı getdiyini görməmişəm. Heç tarix də belə bir faktı göstərə bilməz. Heç vaxt xalqımız bizim dəyərlərimizin qonşular tərəfindən istifadəsinə etirazını bildirməyib. Fikirləşmişik ki, nə paxıllıqdır, qoy götürsünlər, istifadə etsinlər, onsuz da aləm bilir ki, bunlar bizimdir. Bu bizim ürəyi genişliyimizdən, qəlbəaçıqlığımızdan irəli gəlir. Ancaq indi məlum olur ki, bu, sadələvlükdür. Özümüzünküləri göz bəbəyimiz kimi qoruyub saxlamalıyıq, başqalarına və özlərinə «dayı» gözü ilə yox, öz gözləri ilə baxmaq həvəsi oyanmaqdadır. Kitab mağazalarının, kitabxanalardakı oxu zallarının qənşərində maraqla axtaranların sayı çoxalır, dilə də, ədəbiyyata da, tarixə və fəlsəfiyə də maraq artır.

Yenidənqurma dövründə və aşkarlıq işığında biz öz nöqsanlarımızı çox aydın görürük. Mətbuatımız nöqsanlarımızı kəskin tənqid atəşinə tutmaqla bərabər öz səhifələrində bir sıra aktual məsələyə, o cümlədən dilöyrənmənin linqvistik və metodik prolemlərinə çox yer verilməlidir, onlar respublikamızda yaşayan və Azərbaycan dilini yaxşı bilən digər millətlərin nümayəndələrindən tutarlı materiallar versə, çox yaxşı olar. Mən bir dilçi mütəxəssis kimi, yeri gələndə, müsahibin dilində danışmağı alqışlayıram, özüm də bundan çox istifadə elirəm. Ancaq mənim üçün dözülməzdir ki, 100-200 nəfərin çalışdığı kollektivdə bir nəfərin xatirinə hamı ucdan tutma o bir nəfərin dilində danışır. Nəyə görə? Məgər mənim danışdığım dil öz doğma ana dilim, zənginliyi və ünsiyyət imkanları baxımından başqa dillərdən geri qalır? O özünün zəngin və qədim tarixi ilə, onda yazıb-yaradanların sanballığı ilə, mən deyərdim ki, tanınmış dünya dilləri sırasında durur.

Başqa dildə danışmağı bacaran adamın intellektual səviyyəsi, sözsüz, yüksəkdir, ancaq bu səviyyəni öz dilimizin hesabına yox, yeri düşdükcə nümayiş etdirməliyik. Yoxsa, belə olur ki, əmək kollektivləri öz aralarında və icaslarda ancaq təkdilliliyi nümayiş etdirirlər, özü də bunu özlərinə fəxr hesab edirlər. Ona görə də Azərbaycan dilinin işlək dairəsi daralır və nəticədə özümüzü özgədən xəbər almalı oluruq. Məlum olduğu kimi ölkəmiz çoxmillətlidir. Əksər halda iki, üç və daha çox millətin, xalqın və etnik qrupların nümayəndələri bir yerdə yaşayırlar, əslində belə rayonlarda ikidillilik dədə- babadan kök salıb, bu millətlərin nümayəndələri öz dilləri ilə bərabər ərazidə yaşadığı respublikanın da milli dilində danışır, adət və ənənələrinə əməl edirlər. Mən acarların və azərbaycanlıların gürcücə, gürcülərin və rusların azərbaycanca çox rəvan danışdıqlarının şahidi olmuşam. Bu təbii şeydir, içərisində yaşadığı xalqla təmasda olmadan mümkün deyildir. Dillərin belə çarpazlaşdığı şəraitdə biz üçdillikdən danışırıq. Axı bu xalqlar lazım gəldikdə rusca da işlətməyi iqtisadi və mədəni həyatımızda tam xoşbəxtliyə nail ola bilməz. Respublikamızın hazırkı elmi potensialının artan həyati tələbatını nəzərə alaraq tez bir zamanda dilöyrənmənin nəzəri və praktik məsələləri ilə məşğul olmaq üçün mərkəz yaratmalıyıq, buraya talantlı gəncləri cəlb etməliyik.

Məsələnin nəzəri tərəfdən işlənib hazırlanması ilə ölkəmizdə xüsusi laboratoriyalar, kafedralar, hətta institutlar məşğul olur. Lakin bir şeyi qəti yadda saxlamalıyıq ki, tələsik çıxarılan qərarlar pis nəticə verə bilər. Söz yoxdur ki, ölkədə iqtisadi və mədəni əlaqələrin genişləndiyi, siyasi fəallığın ardığı bir dövüdə dilöyrənmə ilə məşğul olan mütəxəssislərin qarşısında böyük imkanlar açılır. Ana dili ilə birlikdə digər dillərin öyrənilməsinə vəsait qoyuluşu artırılmalı, yəni dərsləklər və dərslər vəsaitləri yaradılmalıdır. Elmi mənbələrdən qidalanmaq xarici dilləri bilmək zəruriyyətini ziyalılarımız qarşısında qoyur. Bu gün özünə hörmət edən və bugünün tələbləri səfiyyəsinə durmaq istəyən sanballı alim ən azı 3-4 dili fəal bilməlidir. Fəal dedikdə biz onu nəzərdə tuturuq ki, adam bir neçə dildə sərbəst danışır, yazır, ixtisasına dair ədəbiyyatdan istifadə edir, qeyri- fəal isə mütəxəssisin öz ixtisasına dair ədəbiyyatdan lüğətlə istifadə etməsi bacarığıdır. Ancaq təssüf doğuran odur ki, bəzən adı və фамиyası azərbaycanca səslənən alim öz ana dilində nə danışa bilir, nə də bu dildə yazıya bilər. Burada K. D. Uşiniskinin sözləri yada düşür:

«.. onlardan nə olacaq? Heç nə, yalnız o olacaq ki, uşaq özünə fransız və ingilis təbiyyəti aşılayacaq, valideynlərinin bəcliyi və dəbin axmaq tələbi ilə əbədi olaraq xalqın zəngin mənəvi irsinin ona aid olan hissəsindən mərhum olacaq, o hissəsindən ki, yalnız onunla o vətəninə və xalqına övlad sayıla bilər».

Stalinizmin birbaşa və ya dolayı yolla doğma yurdumuza və doğma dilimizə vurduğu ziyanların sayı-hesabı yoxdur. Xalq öz soykökündən, mənəviyyatından və tarixindən ayrı düşmüşdür. Ana dilində oxumayan uşaqlarımız bir çox xalqın klassiklərini pis yaxşı tanıyır, şair və yazıçılardan danışır, söhbət açır, amma öz xalqının nə bir şairini, nə bir yazıçısını tanıyır, nə də öz mənəvi keçmişindən xəbəri olur. Budur xalqın göz görə- görə özgüləşməsi, özü də ən dəhşətlisi. Şəhərlərimizdə rus məktəblərinə axının nəticəsində əslində öz soykökündən ayrı düşmüş uşaqlar aşağı siniflərdə pis oxumurlar. Bu əsasən kiçik yaşlıların yeni dil sistemilə rastlaşması və həmin dilə olan hədsiz məhəbbətilə izah oluna bilər. Yaşa dolduqca həvəs azalır və nəticədə yuxarı siniflərdə uşaqlar zəifləyir. Məktəbdən sonra həyata atılmaq məsələsi ortaya çıxanda onların savadı zəif olduğundan peşə məktəbini seçirlər. O qədər də sөy tələb etməyən həmin məzunlar doluşurlar məktəblərə, şəhərlərin ictimai işə, rabitə sisteminə, nazirlik və idarələrə makinaçı- katibə ştatlarına.

Şəhərimizdə və xüsusiən paytaxtımızda yaşayan və azərbaycanca danışmağa nəinki həvəs göstərən, hətta ona həddindən artıq ehtinaslıqla yanaşan digər millətlərdən olan gənclərin fiziki əmək tələb etməyən sahələrdə işə, rabitə, nazirlik və idarələrə yardımçı işlərə axınını nəzərə alsaq dil baxımından mənzərənin o qədər də yaxşı olmadığını görürük.

Bununla əlaqədar ortaya məntiqi sual çıxır. Məgər dərzi, makinaçı, dəllək, satıcı, sürücü, çilingər, qaynaqçı, cilalayıcı, tibb bacısı və s. kimi onlarla və bəlkədə yüzlərlə ixtisas üzrə texniki peşə məktəblərinə qəbulu rus dilində aparmağa ehtiyac varmı?

IV

Məktəblərimizdə aşağı siniflərdən rus dili tədris olunur. Lakin istiqamət elə götürülməlidir ki, balalarımız bu dili ana dilinin hesabına yox, ona söykənərək öyrənsinlər. Təəssüflə deməliyik ki, gənclərimizin, əsasən şəhərdə yaşayanların bir çoxunun ana dilini bilməməsinə heç cür haqq qazandırmaq olmaz. Hərçənd ki, bunun ictimai kökləri vardır. Bunun səbəbi xüdpəsənd valideynlərin öz uşaqlarına düzgün istiqamət verə bilməməsindədir. Çoxları elə güman edir ki, uşaqları rusca oxuduqda onların gələcəyi xoşbəxt olacaq, cəmiyyətdə özlərinə layiqli yer tutacaqlar, respublikada da olmasa, ittifaqın başqa şəhərlərində ali məktəbə daxil ola biləcəklər. Bununla gələcəkdə müəyyən bir vəzifə sahibi ola biləcəklər. Bu ideya kökündən yanlışdır və durğunluq dövrünün gənclərimizin psixologiyasına vurduğu ağır zərbədir. Əvvəlcə onu deyək ki, son dövrlər ictimai həyatımızda baş verən köklü dəyişikliklər bir daha göstərdi ki, xoşbəxtlik diplomda deyildir. İndi respublikamızda yüzlərcə gənc əlində diplom işsiz qalıb. İkincisi,

nədənsə bizim xalqda adamların vəzifəyə can atması meyli çox güclüdür. Aydındır ki, insanın xoşbəxt yaşaması onun yalnız tutacağı vəzifə ilə müəyyənləşdirilə bilməz, hərçənd ki, vəzifədə olanların həyat tərzi çox gözqamaşdırıcı və dəbdəbəli olur, gəncləri də şirnikdirən elə bu dəbdəbədir. Məhz buna görə də bəzi valideyinlər xam xəyallara düşərək uşaqlarını rusca oxutmağa çalışırlar. Daha fikirləşməzlər ki, istedad insanın hansı dildə danışması ilə deyil, onun ictimai-faydalı əməyə şüurlu münasibətindən asılıdır. Gənclərimiz bilməlidirlər ki, xalqımızın gələcəyi yalnız bir şeydən asılıdır: işləməyən dişləməz və zəhmət çəkməyən səfasını görməz. İnsan ən böyük səadətə o zaman nail olar ki, o doğma dildə danışan kollektivində çalışsın və ünsiyyətdə olsun. Atalar deyiblər ki, hər oxuyan Molla Pənah olmaz. Balalarımızın hamsının istedad olacağını söyləmək özümüzü aldatmaq olardı. Hər kəs öz zəhməti və düşüncəsi daxilində səadətinə tapmalıdır.

Respublikamızda ikidillik siyasəti yalnız və yalnız ana dilini – respublikanın milli dilini ön plana çəkməklə həyata keçirilməlidir. Bu idarə və müəssələrdə adını azərbaycanlı qoyub, lakin bu dildə bir kəlmə danışa bilməyənləri, eləcə də digər millətlərin nümayəndələrini də düzgün nəticə çıxarmağa, dilimizə, tariximizə, ədəbiyyatımıza hörmətlə yanaşmağa sövq edər. Bu ümumi xalq qayğısı tələb edir. Dürğunluq dövründə respublikanın rayon, şəhər və kəndlərində rəhbər işə irəli çəkilən adamlar məktəbə barmaqarası baxırdılar, öz uşaqlarını şəhərin ən yaxşı məktəblərində oxudurlar. Özləri qonaq evində, ailələri isə Bakıdakı mənzildə yaşayırlar. Nə veclərinə idi, dövlətin maşını, benzini, onlara xidmət edən sürücülər. Kefləri istəyəndə 400- 500 kilometrlik yolu o tərəf bu tərəfə şütüyürdülər. Heç soruşan da olmurdu ki, siz bu yolları nə o baş, bu başa ölçürsünüz. Birdə ki, heç onların uşaqlarına «gözün üstə qaşın var» deyən olurdumu ki, bu cəsarət sahibinin aqibətinin nə ilə qutardığını biz yaxşı bilirdik. Kənd rayon və şəhər məktəblərinin yolunu tanımayan üzdeñnirəq rəhbərlər cammatla rusca danışırđılar. İş o yerə çatmışdı ki, qədim dövrlərdən dilimizin təmizliyi keşiyində yenilməz tunc qaya kimi dayanmış kəndlərimizə yayın qızmarında kostyumda və qalstukda qonaq gələn rəhbər işçilər kənd əməkçiləri ilə onların ana dilində danışa bilmirdilər. Çoxları da buradan belə nəticə çıxarırdı ki, rəhbər rusca danışırđa, deməli, bu belə də olmalıdır. Axı, şəxsiyyətə pə-rəstiş, sonra da durgunluq illəri xalqda itaətçilik hisslərini elə dərindən aşılamişdı ki, onun başqa cür hərəkət etməyə heç imkanı da yox idi. Plan tapşırıqlarının vaxtından əvvəl yerinə yetirilməsi haqqında ağı köpüklə-nə-köpüklənə yuxarılara yalan-gerçək məlumat verən raykom katibinin yadına düşürdümü ki, rəhbərlik etdiyi rayonun sosial-mədəni problemləri üst-üstə yığılıb qalıb, bu problemlərlə bir maraqlansın, məşğul olsun, yolları abadlaşdırđın, məktəb tikdirsin, uşaqlara bağça tikdirsin. Şamaxının

Bağırılı kəndində vaxtı ilə iki mərtəbəli məktəb binası tikilmişdi. Güman etmək olardı ki, uşaqlar bu işıqlı binada necə həvəslə oxuyacaqdılar. Bu bina 70-ci illərin əvvəllərində zəlzələ nəticəsində bir az zədələndi. Sanki elə bu bəs imiş, ikimərtəbəli məktəb o gündən göz dağı kimi qalıb kəndin ortasında istifadəsiz, bunun əvəzində isə mal tövləsi kimi bir balaca dam tikdilər. O vaxtdan kəndin uşaqları bu damda oxuyurlar. Məgər bunu rayonun, kəndin rəhbərləri görmürlərmi, məgər bu binanı təmir edib uşaqların istifadəsinə vermək olmazmı? Məgər buna görə mərkəzdən xüsusi göstəriş olmalıdır?

Ümumiyyətlə, məktəblərimizdə ictimai və dəqiq fənlərin, dil və ədəbiyyat fənlərinin tədrisini kökündən yaxşılaşdırmaq lazımdır. Ümid etmək olar ki, bütün maarif sahəsinin bir nazirlikdə mərkəzləşməsindən səmərəli istifadə etmək mümkün olacaq. Sabahkı gününü düşünməyən xalq yaşaya bilməz. Xalqımızın sabahı isə onun balalarıdır. Xalqın dilinə də, adətini də, tarixini də o balalar qoruyub saxlayacaqlar. Əsassız yerə dərstdən ayrılmasına son qoymaq vaxtı gəlib çatıb, bu işdə ikinci bir fikir ola bilməz. Özbaşınalıq edən rəhbərləri məhkəmə məsuliyyətinə cəlb etmək, onlara qarşı ümumxalq nifrəti yaratmaq, yeri gələndə onları məhşər ayağına çəkmək lazımdır. Bu gün şər əzbərləyən, dil öyrənən hər bir şagirdə yaxşı qayğı göstərilərsə, o, sabah poema yazar, dilimizdə cəhcəh vurur, körpü salar, ev tikər. Xalqa da bu lazımdır.

Bilinqvizmdən və ümumiyyətlə, dilöyrənmənin nəzəri və praktiki problemlərindən danışanda respublikamızda yaşayan digər etnik qrupların nümayəndələrini də unutmaq olmaz, əslində onlar üçdilliliklə – trilingvizimlə rastlaşırlar. Üçdillilik şəraitində çalışsan hər bir kəsə bəllidir ki, üçüncü və daha sonrakı dilöyrənməkdə də ana dilinin aparıcılığı öz qüvvəsində qalır. Yəni dilöyrənmədə, dəxli yoxdur neçənci dil olursa olsun, ana dilinin əsas götürülməsi sübuta ehtiyacı olmayan aksiomdur. Söz yoxdur ki, əvvəl öyrənilən hər bir dil insanın sonrakı dilöyrənməsinə müsbət təsir göstərməyə bilməz. Çünki burada təcrübə də köməyə gəlir, dillər arasındakı əsas fərqləri və oxşarlıqları da tez görmək olur. Çox dil bilən adamın üstünlüyünü sübut etməyə ehtiyac yoxdur. Bir var, müsahiblə onun dilində danışsan, bir də var ki, onunla tərcüməçi vasitəsilə ünsiyyətdə olasan. Burada məşhur Çarli Çaplinin sözləri yada düşür: «Tərcüməçinin köməyi ilə söhbət etmək çox uzaqda olan hədəfə güllə atmağa bənzəyir ki, burada güllənin hədəfə dəymədiyini xeyli gözləmək lazım gəlir». Çox gözəl deyilib. Həyatın müxtəlif sahələrində nişan aldığımız hədəfə vurmaq istəyiriksə, bir neçə dil öyrənməliyik. Bu günkü alim öz ana dili ilə yanaşı ən azı bir xarici dil bilməlidir. Əks təqdirdə biz özümüzü təsdiq edə bilmərik. Son dövrlərin hadisələri bir daha göstərdi ki, xalqımızın qədim və zəngin keçmişini, bu gününü və sabahını dünya miqyasında tanıtmmaq üçün gənclərimizin başqa dilləri bilməsi vacibdir».

Dil məsələsi həmişə adamları düşündürmüşdür. Hələ ötən əsrin axırlarında polşalı göz həkimi L. Zamenhofun esperanto («ümid edən» deməkdir) adlı süni dil yaratmaq ideyası da buna aydın sübutdur. (Sonralar «esperanto» sözünü göz həkimi özünə ləqəb götürmüşdü). Bu dili yaratmaqda məqsəd dil müxtəlifliyini aradan qaldırmaq, bütün xalqların bir-biri ilə ünsiyyətə girmək imkanını təmin etmək olmuşdur. Buradakı «süni» sözü nisbi mənada başa düşülməlidir. Çünki əslində bu dil söz köklərinin 70 faizini roman, 20 faizini german, 10 faizini isə başqa dillərdən götürmüş və iltisacı (türk) dillərin sözdüzəltmə prinsipinə əsaslanaraq küllü miqdarda çapdan çıxmış 40 səhfəlik «UNIO LIBRO» («Birinci kitab») əsərində L. Zamenhof cəmi 2600 söz işlətməmişdi, hazırda isə esperanto dilində 180000-ə qədər söz vardır. İndi esperantoçular bütün dünyada geniş yayılmış cəmiyyətlər yaratmışdır. Lakin bu cəmiyyətlər nə qədər geniş yayılsa da təbii dillərin süni dillə lap bu yaxınlarda əvəz etmək mümkün olduğunu söyləyənlər tezliklə bunun qeyri-real olduğunu başa düşdülər. Məsələ burasındadır ki, ana dilini bizə heç kəs məcburi öyrətmir, biz ona uşaqlıqdan yiyələnirik. Süni dil nə qədər cazibəli olsa da, o, süniliyində qalır və təbii dili əvəz edə bilməz.

Son illərdə həyatımızın bütün sahələrinə rişələnmiş yenidənqurma yaradıcı ziyalılarımızın fəallığına çox güclü təkan vermişdir. İndi hansı sahədə çalışmağından asılı olmayaraq ziyalılarımız nöqsanlardan cəsarətlə, özü də vətəndaş prinsipi allığı mövqeyindən söhbət açırlar. Bu da öz növbəsində bütövlükdə respublikamızda sosial-mədəni quruculuğun sürətlənməsinə müəyyən kömək deməkdir. Bilavasitə bilinçvizimlə əlaqədar olmasa da, bir məsələ üzərində də xüsusi olaraq dayanmaq istərdik. Bu gün şəhər və kəndlərimizdə bizi daha çox narahat edən məsələlər hansılardır?

Sübuta ehtiyacı olmayan həqiqətdir ki, ürəyi xalqla döyünən ziyalı bugünkü qaynar həyatımızı seyr etməklə kifayətlənə bilməz. Yəni yenidənqurma kimi inqilabi prosesdən yan keçmək mümkün deyildir və heç kəs bu işdə öz fədakarlığını əsirgəməməlidir. Köhnə ilə yeninin mübarizəsində hər kəsin, o cümlədən, ziyalının da yeri aydın görünməlidir. Alim dostlarımdan biri durğunluq dövrünə ümumiləşmiş şəkildə qiymət verərək çox haqlı olaraq dedi: «Nə vaxta qədər ki, ziyalılarımızın kənddə və şəhərdə nüfuzu milis sahə müvəkkilindən və ya tarla birqədərindən aşağı olacaq, biz sözün əsl mənasında ziyalı şəxsiyyətini arzu olunan səviyyəyə qaldıra bilməyəcəyik». Düzdür, bizim elə savadlı, dünyagörüşlü ziyalılarımız vardır ki, onların şöhrəti bütün ölkəyə bəllidir. Lakin bunlar ayrı-ayrı fərdlərdir. Söhbət isə, ümumiyyətlə, ziyalı nüfuzuna laqeyd münasibətdən gedir. Ancaq etiraf edək ki, bu gün ziyalı qayğıları səlahiyyətli idarə rəhbərlərini az maraqlandırır və ya heç maraqlandırmır. Mən respublikamızın təbiətinə və torpağına vurğunam və imkan

düşdükcə onun müxtəlif rayonlarına səfərə çıxıram. Gördüklərim isə əksər hallarda məni məyus edir. Hanı əsrimizin sonu səviyyəsində duran yollarımız, hanı bizim müasir tələblərə cavab verən sosial-mədəni obyektlərimiz?! Niyə min illərdən üzü bəri gəlib çatan abidələrimizə münasibət belə acınacaqlıdır? Bəlkə maddi vəsaitimiz imkan vermir? Xeyr, bərəkətli torpağımızda hər şey yetişir, həm də plan tapşırıqlarını artıqlaması ilə yerinə yetiririk. Bəs səbəb nədir? Səbəbi durğunluq dövründə axtarmalıyıq. Altmışın illərdə ziyalı sözünə çox böyük qiymət Verilirdi, ziyalılarımızdan bacarıqlıları, səriştəliləri irəli çəkilirdi. Onlar da öz növbəsində göstərilən ehtimadı doğrultmaq üçün əllərindən gələn hər şeyi edirdilər, çünki onlar yaxşı başa düşürdülər ki, vəzifə müvəqqəti şeydir və nə qədər ki, bu vəzifəni tutmusan, xalqına, elinə və obana vicdanla xidmət etməlisən. Axı sabah vəzifədən çıxandan sonra öz həmyerlilərlə üz-üzə gəlməli olacaqsan. Pis rəhbər olmusansa, onda camaatın üzünə necə baxarsan? Camaat səni daş-qalaq eləməzmi? Bax bu idi o dövrün psixologiyası. Kürdəmir rayonunun Yenikənd kəndində altmışın illərin ortalarında asfalt yol çəkdirəndə, o kənddə hamam, klub, kitabxana, uşaqbağçası, qonaq evi və s. kimi sosial-mədəni obyektlərin salınmasını planlı şəkildə həyata keçirəndə kolxoz sədri vəzifəsində çalışsan, o kənddə doğulmuş, orada boya-başa çatmış, ixtisasca rus dili müəllimi Musa Cəfrov bircə amala qulluq edirdi ki, o da öz kəndinin xoşbəxt gələcəyi uğrunda namusla və qeyrətlə çalışmaq idi. Lakin yetmişin illərin axırına yaxın kadrların seçilməsi və yerləşdirilməsi prinsipləri kobudcasına pozulurdu, kürdəmirli Daşkəsənə, daşkəsənli isə Kürdəmirə rəhbər vəzifəyə göndərilirdilər. Durğunluq dövründə Kürdəmirə daha haralardan rəhbər göndərmənilər. Nəticədə başladı hərə-mərəlik. Çünki rəhbər işə gələn el tanımır, gələn isə hər şeylə hesablaşmır, məlum olmayan bir adam başlayırdı tuğyana. Salınan yollar dağıldı, tikilən binalar çevrildi xarabazarlığa. Gələnlər də boşalan çamadanlarını doldurub göndərilirdilər başqa bir rayonu qara günə qoymağa. Mən Yenikəndə gedəndə tikintisinə küllü miqdarda pul xərclənmiş, indi isə yolun qırağında uçub dağılan yiyəsiz hamamın yanından ürək ağrısı ilə keçirəm. İş o yerə gəlib çatmışdı ki, toy və məclislərimizi bəzəyən milli xörəklərimiz yaddan çıxmışdı, əvəzində isə camaata borş verirdilər. Üstündən də böyük-küçük bilmədən səxavətlə hamıya araq təklif olunurdu. Bir vaxtlar mərhum sənətkarımız Şakirin çalıb çağırdığı məclislərin, Zülfüqarın, Həsərin adamı vəcdə gətirən qara zurnasının səsi gələn toyların əvəzinə işıq gücünə gürldəyən gitara dəbə düşdü. Toylarımızda vaxtı ilə aşığı Əhməd bütün gecəni dastan oxuyardı, Eynulla mahnı və muğam deyərdi, böyükdən kiçiyə qədər hamı diqqətlə qulaq asıb feyziyab olardı, yerlərdən isə «aşığa bir xələt», «ustada bir xələt» səsləri ucalardı. Məni bir ziyalı kimi narahat edən budur ki, niyə adı-sanı bütün respublikamızda iftixarla çəkilən

Eynulla kimi el sənətkarına fəxri ad verilməsin?! Bəlkə bu fəxri ada layiq olmaq üçün xüsusi senz qoyulmuşdur?! Məgər xalq məhəbbəti bu ad üçün azlıq edir? Yoxsa indiki kimi, məclis əhli yeyib-içir, başlar dumanlanır, bir-iki nəfər düşür ortalığa başlayırlar soncuqlaya-soncuqlaya oynamağa. Çalanların da gözü qalır əllərdə, görək onlara daha çox kim şabaş verəcək. Mənim ailəmədə şabaşdan təhqir edici şey ola bilməz. Bu bizim xalqımıza yabançı adətdir. Az müddətdə xalqın illərdən bəri göz bəbəyi kimi qoruyub saxladığı mərasimkeçirmə ənənəsi tamam eybəcər şəkli düşdü. Vaxıtılı qohum-qardaş dost-tanış bir birini görəndə Sevin-cək deyirdilər: «Filan kənddən filankəs məni toya çağırıb deyək ki, Topalhəsənliyə, Qocalıya, Dəyirmanlıya, Yenikəndə, indi isə eşidirsən: Kirov kolxozuna, Çkalov kolxozuna, Moskva kolxozuna toya çağırılmışam». Beləliklə nəinki gözəl adət ənənələrimiz unudulurdu. Hətta adı da, ünvanımız da özgüləşirdi. İlk baxışdan bunlar kiçik görünə bilər, əslində isə xalqın tarixini özündə yaşadan bu adları qoruyub saxlamaq lazımdır. Burada mətbuatımızın da, radio və televiziyanın da xüsusi diqqət göstərməsi lazım gəlir. Bizə elə gəlir ki, yenidənqurmanın indiki mərhələsində durğunluq dövrünün bu eybəcərliklərindən bacardıqca yaxa qurtarmalı, itirilmiş adət və ənənələrimizi ziyalılarımızın köməyi ilə bərpa etməliyik. Gəlin nə qədər gec deyil qaydaq öz məcramıza. Qoy toylarımızdan yenə sevimli aşlıqlarımızın dastanları eşidilsin, müğənilərimizin tar-qavalla, bir də yastı balabanın müşayəti ilə oxuduğu mahnı və muğamlar ucalsın, oyun havalığımız qara zurnada səslənsin plovumuz məclislərimizi bəzəsin. Bunların hamsının özümüzə qaytarılmasında ziyalılarımız olmalıdır.

İndi yenidənqurmada çox yazırlar, bəziləri həmişə olduğu kimi durğunluq dövrünün ətalətindən hamıdan tez çıxıb irəli getməyə can atır, «ön cərgədə getmək», «birincilər» sırasında olmaq, «təpərin çatdı, çatmadı, gərək hər yerdə sən və ya sən» olmaq fürsətini əldən vermək istəmir. Mənə elə gəlir ki, elə bu canatmanın, bu istəyin özü durğunluq dövründən qalmalıdır. Həyat fəlsəfəsi öyrədir ki, hər kəsin öz taleyi, öz qisməti var. Bu həyatda hər kəs bir yay kimi çəkilib, o yayın sıxılıbaçılmasından asılı olaraq, insan cəmiyyətdə özünə yer tutur, o ki, qaldı birinci, yaxud sonuncu, buna yalnız zaman hökm verə bilər. Təcrübə göstərir ki, bu işdə zamandan gözəl meyar yoxdur. Durğunluq dövrü bizdən kənar olmağı, mən yaşda olan nəslin də psixologiyasına o dövrün təsiri olub. İndi biz o psixologiyadan birdən-birə uzaqlaşma bilmirik. Buna da vaxt lazımdır.

Beş ilə yaxındır ki, yenidənqurma və aşkarlıq ömrümüzə və günümüzə daxil olub. Lakin bu keşməkeşli bir dövrdə uğur qazanmaq üçün elmi nəzər və əməli iş təcrübəsi lazımdır. Təcrübəsizliyimiz bizə baha başa gəlir. Yanvar hadisələri, deputatlarımızın süslüyü bu fikirin

doğru olduğunu bir daha sübut etdi. Biz bu gün böyük təəssüf hissi ilə deyirik ki, respublikamızdan gedən deputatların bir çoxu tarixin böyük sınağına davam gətirmədi. Dürğunluq illərinə aşkarlıq işığında nəzər salanda geriliyimizin səbəblərini, amirələniyin xalqımıza nə qədər zərər vurduğunu biz bəzi deputatların təmsalında aydın görürük.

Paytaxtımızda pasport qeydiyyatının dayandırılması ilə bağlı vaxtı ilə Bakı şəhər partiyası komitəsinin çıxardığı qərar neçə-neçə istedadlı gəncin ali məktəblərimizdə və aspiranturada qalib oxumasına maneçilik törətdi, onun əvəzində isə səriştəsiz və zəiflər institutlara doluşmuşdular. Budur, bax düşünmədən verilmiş bir şəxsin iradəsini ifadə edən qərarın xalqa vurduğu ziyan. «Əlaçılar ucqar kəndlərə» şüarı kökündən səhv idi, bu şüarın arxasında hansı niyyətin gizləndiyini görmək üçün lupa lazım gəlmirdi. İndi respublikamızda dilçilik sahəsində çoxlu istedadlı alimlər yetişib. Biz Azərbaycan dilçilər Cəmiyyətinin yaranması haqqında ciddi düşünməliyik, belə bir cəmiyyət yaradılsa, ona mətbuat orqanı yaratmaq hüququ verilməlidir, bu bizim xalqın artan səviyyəsinə bir sübut olmazmı? Respublikamızda bir sıra ixtisas üzrə xüsusi müdafiə şürasının yaradılmasına ciddi ehtiyac var, amma təşkilatlar yerlərdən verilən təşəbbüslərə biganə qalır, bir az da açıq desək, sadəcə olaraq bu iş pəl vururlar. Nəticədə dissertasiya müdafiə etmək istəyən gənclərimiz başqa şəhərlərdə və respublikalarda qapılar arxasında aylarla gözləməli olurlar.

1980-ci ildə Avstriyada fonoloqların II Ümumdünya qurultayı keçirilməli idi. Həmin qurultayın təşkilat komitəsi bu sətirlərin müəllifini də məruzə ilə çıxış etmək üçün oraya dəvət etmişdi. Nazirlikdə o zaman hökm sürən bürokratizm və konservatizm mənim o qurultaya getməyimə imkan vermədi. Uzun gəl-gətlərdən sonra məlum oldu ki, sənədlər Moskvaya gec göndərilib, ona görə də geri qayıdıb. Və ya başqa bir misal. SSRİ EA-nın Fiziologiya və Akustika mərkəzi Leninqrad və Moskva alimlərinin məsləhəti ilə «Eşitmə obrazlarının avtomatik tanınması» üzrə Ümumittifaq sipoziumunu bizim respublikada keçirməyi qərara almışdı. Onu deyim ki, əvvəlki simpoziumlar bütün müttəfiq respublikaların paytaxtlarında, Odessada, Novosibiriskdə və s. keçirilmişdir. Simpoziumda İttifaqın müxtəlif şəhərlərindən 250- yə qədər alim iştirak etməli idi, simpoziumun ikicilidlik materialları burada çap olunacaqdı. Bu simpoziumda 20 nəfərə yaxın adam bizdən məruzə ilə çıxış edəcəkdə. Lakin təəssüflər olsun ki, Azərbaycan KP MK-nin elm və təhsil şöbəsinin sabiq müdiri, Nazirlər Sovetinin keçmiş birinci müavini bu simpoziumun keçirilməsinə icazə vermədi. Sözü düz biz də çox pərt olduq, yoldaşlardan dəfələri üzr istədik və dedik ki, simpoziumu bizdə keçirmək mümkün deyil. Səbəbi səbəbsizlik idi. Burada Sabir yada düşür: «Əcnəbi seyrə balonlarla çıxır, biz hələ avtomobil minməyirik». Qöy bir yana qalsın, avtomobilə

minməyimizə ciddi əngəl törədən durğunluq dövrünü nə qədər tez aradan qaldırısaq, yenidənqurmamız o qədər uğurlu olar.

Qeyd etməliyik ki, indiki gənclərin şüuru da, dərrakəsi də, ağılı və zəkası da səviyyəcə xeyli yüksəkdir. Gənclərimizin mədəni səviyyəsi, hadisələri təhlil edib onlara obyektiv qiymət vermək qabiliyyəti öz hüquq və vəzifələrini düzgün başa düşdüyündən tələbkərligi də artıb. Bunu son dövrlərin hadisələri bir daha sübut etdi. Açıqını deyim ki, neçə vaxt bundan əvvəl gənclərimizlə yaxından tanış olanda, onlarla söhbət eləyəndə məndə saysız-hesabsız suallar yaranırdı: axı bunlar niyə belə mütidirlər, belə qorxaq və acizdirlər? Başqa ölkələrdə gənclərin həddindən artıq ictimai fəallığı müqabilində bizim gənclərin passivliyi ciddi narahatlıq əmələ gətirirdi. Sən demə bu heç də belə deyilmiş, sən demə gənclərimizin içində hər addım təlatümə gəlməyə hazır sakit bir dəniz varmış, bu dənizin sahilinə çəkilmiş iri beton divarlar onun dalğalarını kənara buraxmırmış. Bu beton divarlar, bu yasaqlar bizə keçmişdən miras qalmış repressiya və durğunluq dövrlərinin qadağanları imiş. Yenidənqurma ruhu bu divarı, bu qadağanları süpürüb atan kimi gənclərimiz bütün xalqımız kimi səf-səf mübarizə cərgələrinə düzülərək öz sözlərini bütün ölkəyə və bütün dünyaya elan etmək iqtidarında olduqlarını yekdilliklə bildirdilər. Xalqın ağrısını bütün varlığı ilə gizlətməyə çalışan qüvvələr illərdən bəri yığılıb qalmış problemlərin həllini hələ də ləngitməyə cəht göstərirlər. Gənclərimizin həyatında yaranmış ab-hava durmadan durulmalı, köhnəliyə qarşı bütün cəbhə boyu mübarizəyə sövq edən çağırışlara səs verilməlidir. Yalnız belə olduqda sabahkı uğurlarımızın özülünü bu gün qoya bilərik.

**«AZƏRBAYCANCA-İNGİLİSCƏ LÜĞƏT»
-LEKSİKOQRAFİYAMIZDA YENİ MƏRHƏLƏ***

«...Lüğət xalqın əzəmətli abidəsidir.
Onun keçmişini və indisini əks etdirir».

Y. Qrimm

Bu sözləri böyük alman dilçisi Y.Qrimm öz qardaşı Vilhelmlə birlikdə tərtib etdiyi 32 cildli böyük Almanca lüğətin girişində «onun qarşısında duran məqsəd nədir?» - sualına cavab verərkən yazmışdır. Həmin lüğətin tərtibinə Qrimm qardaşları 1854-cü ildə başlamış və yalnız 1970-ci ildə bu lüğət tam şəkildə çapdan çıxmışdır. Bu sözləri epigrafi kimi götürməklə haqqında söhbət açacağımız «Azərbaycanca-İngiliscə lüğət»-

* İlk dəfə çap olunub: „Azərbaycan məktəbi“, 1997, 3.s.99.

i oxuculara təqdim edərək onun Azərbaycan lüğətçiliyində nə qədər önəmli bir hadisə olduğunu daha qabarıq şəkildə göstərmək istərdik. Onu da qeyd edək ki, leksikoqrafiyada qəbul olunmuş kanonlara görə birdilli lüğətlər, adətən, avtoritar xarakter daşıyır, tərtibçi öz yozumunu ön plana çəkir, ikidilli lüğətlər isə bir dilin sözlə məna anlamını o biri dildə (burada ingilis – F.Y.) oxucuya çatdırmaq məqsədini güdür. Burada tərtibçi özfəaliyyətlə məşğul ola bilməz, istədiyi məna və anlamı seçmək iqtidarında deyil. Tərtibçi maksimum çalışmalıdır ki, ikinci dildə birinci dilin söz anlamının açılmasında uyğun gələn variantı seçsin, birbaşa tərcümə mümkün olmadıqda isə ana dilinin söz, ifadə və dönəmini tərcüməsi verilən dildə daha dolğun və daha uyarlı şəkildə oxucuya çatdırsın.

Fikirimizcə, tanınmış alim Oruc Musayevin rəhbərliyi ilə tərtib olunmuş bu lüğət deyilən tələblərə cavab verir. Məsələn, dilimizdəki, **asanca** sözü bu lüğətdə birinci mənada leksik yolla açılıb. Müqayisə et: **veri tu i:zi, kvayt simpl**, ikinci mənada isə leksik-morfoloji yolla verilib. Müqayisə et: **tu / kvayt i:zili**. Dilimizdəki **asanlıqla** sözü isə yalnız morfoloji yolla tərcümə edilib. Müqayisə et: **i-zi li**. Yeganə fərq ondadır ki, zərflərdə (**asanlıqla və asanca** - ikinci mənada) **-li** sözdüzəldici şəkilçisi ön plana çəkildiyi halda sifət mənasında isə təkə leksik vasitədən istifadə edilib.

Beləliklə, tərtibçilər omonim sözləri bir-birindən ayırmış, onların hər birinin mənasının açılışına (tərcüməsinə) xüsusi məqalə həsr etmişlər. Qeyd etməliyik ki, bu prinsip bütün lüğət boyu gözlənilir və lüğətin redaktoru kitabın quruluşu haqqında məlumat verərkən onu xüsusi qeyd edir. Ümumilikdə götürüldükdə dilimizin hər bir sözünün morfoloji quruluşundan asılı olmayaraq lüğətə baş söz kimi daxil edilməsi lüğətçilik tariximizdə ilk, həm də, mən deyərdim ki, uğurlu addımdır və məhz buna görə də həmin lüğəti fərqləndirən cəhətlərdən biridir. Digər tərəfdən bu prinsip təkə omonimlərə deyil, həm də çoxmənalı sözlərə aiddir. Lüğətdə bir sözün bir neçə qarışıqının verilməsi fellərin mətndən və işlənmə yerindən asılı olaraq tələb etdiyi sözləri ilə və digər əlavə linqvistik informasiya ilə təchiz edilməsi (məhz, felin təsirli olmasını bildirən) (d) işarəsinin cerundu bildirilməsi, ondan əvvəl işlənen sözlərin verilməsi və s. kimi markerlər), lüğətdən istifadəni asanlaşdırır, dili təzə və sərbəst öyrənmək istəyənlərə ciddi köməklik göstərmiş olur. Bunun üçün lüğətin quruluşu haqqında redaktorun verdiyi məlumatla tanış olmaq kifayətdir. Həmin məlumatdan aydın olur ki, lüğətin həcmi imkan vermədiyindən sözlərin heç də hamısının tələffüz qaydaları – transkripsiyası verilməyib. Buraya vurğu işarəsinin müvafiq heca üzərinə qoyulmaması da aiddir. Bizcə, tərtibçilər, xüsusən redaktor, buna ciddi fikir verməli idi. Onun həcmi imkan verməsəydi belə, qeyd etdiyimiz cəhətləri göstərmək çox vacib və əhəmiyyətli olardı. Çünki lüğət, özü də bu tipli iki-

dilli lüğət, həm dərslik, həm dərs vəsaiti, həm də sözlük rolunu oynayır. Belə olduqda onun gərəkliliyi birə beş artardı.

Aydın məsələdir ki, bu bir arzudur və mən çox səmimi şəkildə etiraf edirəm ki, professor O.Musayev bunların hamısını tam ciddiyyətlə başa düşür, lakin sadəcə olaraq nəşriyyat imkansızlığı buna səbəb olub.

Lüğətçilik tətbiqi dilçiliyə aid edilsə də, bunu yalnız nəzəri dilçiliyin və xüsusən də leksikoqrafiyanı dərinlən bilən adam həyata keçirə bilər. Yeri gəlmişkən, qeyd etmək lazımdır ki, lüğətçiliklə lap qədim zamanlardan məşğul olublar. Elə türk dilləri sahəsində böyük Mahmud Kaşğaridən üzü bəri lüğətçilik önəmli bir iş olub.

Lüğət tərtibi ilə zaman-zaman filoloqlarla yanaşı teoloqlar və filosoflar da məşğul olublar. Əvvəllər müəyyən fəlsəfi, dini və elmi-nəzəri traktat və kitablara aid çətin və anlaşılmayan sözlərin şərhini verməyə xidmət edən lüğətçilik, orta əsrlərdə Şərqdə daha geniş yayılıb. Sonralar isə söz leksikası ilə bərabər predmet leksikasını əhatə edən lüğətlər də yaranmağa başlayıb ki, bunlar da əksər hallarda ensiklopedik lüğətlər kimi təqdim edilirdi. Lakin XVIII əsrdən başlayaraq Avropada akademik ikidilli və çoxdilli lüğətlər meydana gəldi. Florensiya akademiyasının lüğəti (1612-ci il), Paris akademiyasının 1694-cü ildə hazırlayıb çap etdirdiyi lüğət italyan və fransız dillərinin qayğı və mədəniyyətini tam nəzarət altında saxlayırdılar. İspaniya akademiyasının məşhur avtoritar lüğəti (1726-1739), ingilislərin lüğəti (bu lüğətdə dilin işlənməsi haqqında S.Conson xeyli maraqlı fikir irəli sürmüşdü – 1755), həmin fikirlərdən bəhrələnən N.Vebsterin Amerikada çap etdirdiyi ingilis-amerikan variantının lüğəti (1757) və Almaniyada K.Dudenin lüğəti (1880) artıq XVIII əsrdə Avropada və Amerikada lüğətçiliyin möhkəm zəmin üzərində təşəkkül tapdığından xəbər verir. Lakin leksikoqrafiya elminin XIX əsrdən başlayaraq sürətlə inkişaf etməsi birdilli lüğətlərlə yanaşı ikidilli lüğətlərin yaranması üçün güclü təkan verdi. Ancaq o da məlumdur ki, ən böyük ikidilli lüğətlər İkinci dünya müharibəsindən sonra yaranmışdır. Düzdür, artıq 1922-ci ildə M.Sandersin redaktorluğu ilə ingiliscə-almanca və almanca-ingiliscə ensiklopedik lüğət həm həcminə, həm də əhatə etdiyi dillərə görə çox önəmli lüğət idi. Sonra H.Bilfeldin rusca-almanca lüğəti çıxdı (1958), bir il sonra isə Z.Villetin ingiliscə-almanca və almanca-ingiliscə ensiklopedik lüğəti 37-ci dəfə işıq üzünə gördü. Digər Avropa dillərində də lüğətlərin əksəriyyəti ikidilli olmaqla əsasən 50-ci illərdən sonra meydana gəlib.

Təəssüf ki, bizim dilimizlə bağlı ikidilli lüğətlərin tərtib edilməsi sahəsində öyünməyə dəyməz. Rusca-azərbaycanca lüğətimizin yaranmasında mərhum alimimiz Ə.Orucovun xidmətləri əvəzsizdir. Azərbaycanca-rusca böyük lüğətimizin yaradıcıları Ə.Orucov və H.Əzizbəyov olsalar da, bu sahədə fundamental lüğətimizin yaradıcısı məşhur leksiko-

qrafımız mərhum M. Tağıyev olmuşdur.

Beləliklə, görürük ki, fransızca-azərbaycanca lüğətimizi M. Əliyeva, almanca-azərbaycanca lüğətimizi mərhum dilçimiz C. Cəfərov yaratsalar da, respublikamızda geniş yayılmış dillərdən biri olan ingilis dili ilə bağlı ikidilli lüğət bu həcmdə və bu dolğunluqda birinci dəfədir ki, işıq üzə görünür. Halbuki lüğəti olmayan xalq yüksək sivilizasiya səviyyəsinə çatmış xalq hesab etmək olmaz. Bu baxımdan haqqında söhbət açdığımız «Azərbaycanca-İngiliscə lüğət» (Bakı, Azər nəşr, 1996) dilimizdə ilk böyük həcmli ikidilli lüğətdir. Bu lüğət bütün türk xalqları tarixində önəmli bir hadisə olmaqla bələdçi rolunu oynayacaq.

Lüğətin tərtibçiləri. Qeyd olunduğu kimi, başda tanınmış anqlist O. Musayev olmaqla respublikamızın yeddi nəfər ingilis dili mütəxəssisi bir amal və bir elmi istiqamət ətrafında birləşərək vahid bir prinsip əsasında lüğəti tərtib edib başa çatdırmış və onu oxucuların ixtiyarına vermişlər (Lüğətin işıq üzə görməsində Ekson Azərbaycan Limitid Şirkətinin xidmətləri xüsusi qeyd olunmalıdır).

Lüğətin həcmi və söz tutumu. 627 səhifəlik (40 çap vərəqi həcmində) lüğət 40 minə qədər söz, xeyli miqdar sərbəst söz birləşməsi, frazeoloji birləşmə və cümlə nümunəsini özündə cəmləşdirir.

Lüğətin qiyməti və əhəmiyyəti. Qiyməti göstərilməsə də, lüğətin çox dəyərli bir mənbə olmasına və tezliklə dil öyrənlərin stolüstü kitabına çevriləcəyinə məndə qəti şübhə yoxdur. O, respublikamızda leksikoqrafiyanın nəzəri və praktiki problemlərinin tədqiqində önəmli yer tutacaq, dilimizin təbliğində və xaricdə öyrədilməsində, mübaliğəsiz deyərdik ki, dəyərli bir mənbə olacaqdır. İngilis dilini öyrənmək istəyən həmyerlilərimizin və bütün türk dünyasının əldən-ələ keçən bir kitabına çevriləcəkdir. Artıq ABŞ-da nəşr olunan «Azərbaycan İnterneyşnel» jurnalında çap olunmuş iki rəy, «Mir» televiziya şirkətinin Moskvadan lüğət haqqında yayımladığı veriliş, Yaponiyanın NHK televiziya kompaniyasının Bakıya gələrək lüğətin redaktoru ilə görüşməsi və lüğətin yazılması haqda sənədli film çəkilməsi və bu filmin ekranlarda nümayiş etdirilməsi («Liberal» qəzeti, № 9. 15 mart, 1997) dediklərimizə əyani sübutdur.

Lüğət kimlərə ünvanlanıb? Dillə məşğul olmağı qarşısına məqsəd qoymuş hər bir soydaşımız xaricdə və ölkəmizdə, fərqi yoxdur, bu lüğətdən bəhrələnəcək, müəllim, tələbə, aspirant, dissertant və sadəcə olaraq hər bir kəsin müraciət edəcəyi bir xəzinədir. Müstəqil ölkəmizin bazar iqtisadiyyatına keçməsi ilə bağlı xaricə əlaqələrin günbəgün inkişaf etdiyindən xarici işgüzar və mədəni dairələrdən olan adamların respublikamıza yönəlmiş daim artan marağı onları dilimizi öyrənməyə vadar edir. Belələri üçün də bu lüğət böyük əhəmiyyət kəsb edir. Bunun üçün lüğətdə öz sözlərimizin də latın qrafikasında və transkripsiyada verilməsi yaxşı olardı (haqqında bəhs etdiyimiz lüğətin latınca variantı nəşrə hazırla-

nır).

Lüğətin strukturu. Lüğət titul vərəqi, tərtibçilərin ön sözü, lüğətin tərtibi ilə bağlı məlumat xarakterli giriş sözü, onun quruluşu haqqında redaktorun informasiyası – şərh, ondan istifadə haqqında şərti işarələr, hər iki dildəki ixtisarlara siyahısı, lüğətin yazılmasında istifadə olunan qaynaqlar, Azərbaycan kiril əlifbası və əlifba sırası ilə düzülmiş sözlük, Azərbaycan coğrafi adları və coğrafi adlar (bunları bir yerdə də vermək olardı – F.Y.) və lüğətin nəşriyyat pasportundan ibarətdir. Tərtibçilərin ön sözündə qeyd edildiyi kimi, lüğətin yaranması üçün nə az nə çox düz 20 ildən artıq vaxt sərf olunmuşdur. Bu da təbiidir, çünki bu gün sanballı lüğətlərin meydana gəlməsi üçün çox vaxt tələb olunur. Yuxarıda adlarını çəkdiyimiz lüğətlər də qısa müddətdə ərsəyə gəlməyiblər. Amma bütün bunlarla yanaşı, deməliyik ki, bu lüğətin çapına sərf olunan vaxt da az olmayıb.

Etiraf etməliyik ki, lüğət tərtibi işi ilə ancaq səbrli, sözün yaxşı mənasında cəfəkeş filoloqlar məşğul ola bilər. Lüğət tərtibi dərin linqvistik biliyi və böyük elmi təcrübəsi olan adamların işidir. Bu mənada tərtibçilərin xidməti çoxdur və onların səriştəsini və elmi-nəzəri hazırlığını heç vaxt azaltmadan deməliyik: bu kollektivin bəxti onda gətirib ki, onlara Oruc Musayev kimi yüksək səviyyəli bir alim rəhbərlik etmişdir.

Fikrimizcə, son dövrlərdə leksikonumuza daxil olmuş və demək olar ki, ümumişlək sözlərə çevrilmiş bir sıra yeni deyim formaları bütövlükdə öz əksini tapmamışdır. Məsələn, **önəmli, ilkili, bölgə, özəl, tərəfdaş, canlı yayım** və sair kimi söz və söz birləşmələri.

Güman edirik ki, lüğətin latın qrafikası ilə nəşrində qeyd olunan kiçik qüsurlar nəzərə alınacaqdır. Bütövlükdə «Azərbaycanca-İngiliscə lüğət» leksikoqrafiya sahəsində xalqımızın əldə etdiyi uğurlardan biri kimi qiymətləndirilə bilər və yəqin ki, daha yaxşı lüğətlərin yazılması leksikoqrafiyamızın gələcək inkişafında önəmli yerlərdən birini tutacaq.

VORAUSSAGE UND BESEITIGUNG DER INTERFERENZFEHLER IM SPRACHUNTERRICHT¹

Die phonetischen Besonderheiten, die beim Erlernen der deutschen Sprache von Asärbaidshanern mit einer Turksprache als Muttersprache auftreten, sollten stets berücksichtigt werden, da im Sprachunterricht Fehler vorkommen, deren Prognostizierung und Beseitigung den Lerneffekt erheblich verbessern können. Die Fehler, die die Asärbaidshaner beim Erlernen des Deutschen als Zielsprache begehen, beruhen hauptsächlich auf den Strukturunterschieden zwischen Deutsch und Asärbaidshanisch:

1. Die asärbaidshanische Sprache verfügt über keine Konsonantenhäufung in der Wortstruktur, wie das für das Deutsche typisch ist;

2. Die asärbaidshanische Sprache betont gewöhnlich die Endsilbe im Wort, während im Deutschen die Betonung relativ frei ist;

3. Das asärbaidshanische Wort ist durch Zweigipfligkeit gekennzeichnet, der erste Gipfel befindet sich im Anlaut des Wortes, der dort vorkommende Vokal bestimmt die Klangfarbe des ganzen Wortes. Das Wort kann entweder hart oder weich realisiert werden, je nachdem, ob ein Vokal der hinteren oder vorderen Reihe in der ersten Silbe des Wortes vorkommt. Der zweite Gipfel beruht auf der Endsilbe, der eigentliche Wortakzent. Die Gipfel bilden die synharmonische Grunglage des Wortes. Die Asärbaidshaner übertragen dies auf die deutsche Sprache, wodurch es zu Interferenzfehlern kommt. Durch Ausspracheübungen werden diese Fehler beseitigt.

УРОВЕНЬ НОРМЫ И ОРФОФОНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА*

«Значение грамматики организованной системы обучения устной и письменной речи, к сожалению, осознается не сразу и не всеми. Нередко можно услышать утверждение о ненужности системы грамматических понятий и правил в обучении русскому языку. Авторы таких выступлений неоправданно суживают задачу обучения рамками устной ситуативной речи». Из «Предисловия» книги проф.

---

* İlk dəfə çap olunub: XII. Internationale Tagung der Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer. 30. Juli bis 4. August 2001. Luzern/Schweiz, S. 179-180.

* İlk dəfə çap olunub: BSU, «Tağıyev oxuları» Beynəlxalq elmi konfrans (1-2 iyun). Bakı, 2006, s. 46-52.

М.Т. Тагиева. «Лингвистические проблемы изучения русского языка». Баку, 1986, стр. 3.

Эти слова проф. М.Т. Тагиева целиком и полностью можно отнести к проблеме обучения любому неродному языку и поэтому словосочетание «русскому языку» в его изречении можно смело заменить выражением «любому неродному языку». Именно системный подход, о котором говорит наш соотечественник, может спасти нас от преследования неудач при обучении неродному языку.

При обучении неродному языку мы сталкиваемся с контактированием двух языков, каждый из которых характеризуется своими системно-структурными особенностями. Глубокое изучение этих особенностей является неотложной задачей современной прикладной лингвистики, которую принято называть конфронтативной лингвистикой. Конечной целью ее является построение теоретической базы для изучения сопоставляемых языков¹. Изучение системных отношений языка в Тагиевском понимании слова предполагает как раз всестороннее исследование «грамматически организованной системы» не только неродного, но и родного языка.

За последние десятилетия все чаще и чаще говорят о контрастивном языкознании, конечной целью которого является построение теоретической модели, позволяющей прогнозировать ошибки, связанные с интерференцией при обучении неродному языку. По своему характеру взаимовлияние языков можно проиллюстрировать так:

родной язык ↔ изучаемой язык; изучаемой язык ↔ родной язык

Л.В. Щерба подчеркивал значение сравнения и учет фактора билингвизма при обучении неродному языку. Он полагал, что билингвизм создает благоприятствующие условия для развития ума учащихся².

Само собою разумеется, что конфронтация хороша тогда, когда оба контактирующих языка анализируются с применением одинаковой теории и одинаковой методики, т.к. разные теории на исходе дадут различные данные. Так, например, если мы при описании фонологической системы азербайджанского языка будем опираться на теоретические предпосылки Московской фонологической школы, для которой решающим для фонемного тождества является морфемное тождество, а при описании немецкого языка будем исходить из теории Щербы, где решающим критерием для выделения фонемы из речевого потока является потенциальная связь её с морфемой и приобретение ею таким образом самостоятельности, то, естественно, что

результаты такого анализа никогда не будут совпадать, и потому теоретическое построение на основе этих данных не может отвечать элементарным требованиям, касающимся непротиворечивости, простоты и объективности анализа.

Надо сказать, что имеющиеся на сегодняшний день теоретические построения отображают парадигматические или синтагматические отношения на всех уровнях структуры языка. Мы обладаем сегодня достаточно хорошими данными относительно инвентаря единиц на всех уровнях (фонологическом, морфологическом, лексемном, на уровне синтаксических конструкций), т.е. сегодня на достаточно высоком уровне находится таксономическая лингвистика, но она не в силах раскрыть все связи, существующие на функциональном уровне. Так, например, классический труд Н.С. Трубецкого³ несмотря на всю изящность изложения, изобилие языкового материала (в нем описывается звуковой строй свыше 200 языков мира) и великолепие разработанной и применяемой теории, он далеко от идеала, так как в нем не учитывается третий аспект, а именно, аспект нормы, отмеченный еще Л.В. Щербой⁴ и развиваемый Э. Косериу⁵.

Таким образом, настоящее научное описание языка должно исходить не из дихотомического противопоставления языка (*langue*) и речи (*parole*), а тернарного, учитывающего помимо указанных выше аспектов еще и уровень нормы, занимающий промежуточный уровень между языком как системой и речью как репрезентацией языка⁶.

Именно при таком подходе мы можем объяснить, почему в русском языке гласные фонемы /o/ и /e/ произносятся с дифтонгоидным оттенком в начале своих реализаций. На уровне системы эти гласные противопоставлены всем остальным гласным,* образуя систему оппозиций: /a/ # /o/ # /u/ # /ɨ/ # /e/ # /i/. Между тем все гласные фонемы русского языка /i/ и /ɨ/ имеют в экскурсии *i* или *y*-образный переход, пренебрежением которым выдает говорящего как не *native speaker* (не носителя языка). Мы прекрасно знаем, что в азербайджанском языке нет аналогичного явления. Понятие «сито», применяемое Н.С. Трубецким⁷, оправдывает себя, если мы учтем еще и уровень нормы.

В отличие от этого азербайджанскому языку присущ сингармонизм, который проявляет себя именно на уровне нормы, нередко отождествляющийся с гармонией гласных⁸. Сингармонизм целиком относится к уровню нормы. Потому что как таковой он не присущ ни системе фонем и ни физическим экспонентам их в потоке речи. Как только слова выступают в предложении, появляется необходимость учета орфофонических особенностей, заключающихся в том, что

каждое слово представляет собою не только последовательность сегментных единиц, но и наличие в нем просодических или надсегментных признаков. Это с одной стороны качество начального или корневого гласного, называемого Р.Якобсоном как зондергласный, который как бы задает тон для просодической организации всего слова. Если гласный это один из гласных заднего ряда, т.е., один из /a/, /o/, /u/, /ɨ/ значит, все слово настраивается по твердой окраске, т.е. все последующие в нем гласные и согласные должны быть оформлены на твердой основе. Срв. /lal + lar + dan + sɨnɨz -mɨ/ (Вы из глухих).

Здесь все без исключения фонемы фонетически реализованы по твердой основ, потому что первый гласный является фонемой заднего ряда. По орфофоническим нормам азербайджанского языка, в этом примере смягчение согласных фонем исключено. Именно по этой причине непонятна попытка некоторых азербайджанцев, в особенности тех с русским образованием, реализовывать мягкое [l'] в словах /rol'/ (роль), /qol'/ (голь) и т.п. Такая реализация есть следствие прямого отклонения от нормы.

Мягкий ряд имеет место, когда слово начинается с гласного переднего ряда. Если в первом и корневом слоге реализован один из гласных /e/, /i/, /f/, /y/, /ə/, то все последующие фонемы, реализованные в словах, будут образовать мягкий ряд. Срв.: /əməyə/, /iştfini/, /elliləgini/ и т.д.

Если слово начнется со слога с губным гласным, то все последующие в нем фонемы произносятся лабиализованными. Срв. /özümkünü/ (свой), /düzgünlüyünü/ (справедливость) и т.д.

Каждый, кто может контролировать движение своих произносительных органов при произношении этих слов, то легко убедится в том, что участие губ обязательно с самого начала до конца этих слов. Губы растягиваются только к их концу. Это говорит о том, что слова, начинающиеся с губного гласного, продолжают огубленность на всем протяжении произношения, хотя ни один из этих согласных, образующих их фонотактику, не является губными. Действительно, не один из согласных /n/, /k/, /d/, /z/, /g/, /l/, /j/ не образуются с участием губ.

Таким образом сингармонизм азербайджанского языка представлен в трех моделях:

1. Начальный или корневой слог представлен одним из гласных заднего ряда: /a, o, u, ɨ/. Тогда все слово имеет твердый ряд. Срв. /balacalardan/ (из маленьких), /uzunluğunu/ (ее(его) длина) и т.д.

2. Начальный или корневой слог представлен одним из гласных переднего ряда: /e, ə, i, f, y/. Тогда все слово имеет мягкий ряд. Срв.: /pendiriniz/ (ваш сыр), /ütüsünü/ (его утюг).

3. Начальный или корневой гласный представлен либо одним из губных гласных: /o, u, ü, f/, либо одним из негубных гласных: /e, i, ə, a, ı/. Тогда все слово будет иметь либо огубленный, либо неогубленный ряд. Срв. /düyünü/ (узелок), /odununuz/ (ваш дров) и т.д.

Естественно, что в азербайджанском языке есть слова, которые выходят за рамки этой модели: эти в основном заимствованные слова, сложные слова и интернационализмы. Срв.: /binamus/ (бессовестный), /naümid/ (безнадежный); /respublika/, /traktor/ и т.д.

В огромном большинстве наших слов мы имеем последовательность следующих гласных: /a : ı/, /a : o/, /a : u/, /o : u/, /ı : i/, /f : 5/, /5 : i/, /ı : 5/, и наоборот⁹.

Вторым неотъемлемым признаком просодики азербайджанского слова является ударность его последнего слога Срв.: /araba'/, /araba'lar/, /arabalar'dan/ и т.д.

Как видно из этих примеров и других наблюдений над другими словами, при наращении за счет суффиксов ударение переходит на эти суффиксы. Только аффиксы отрицания, получив которых слова превращаются в предложения, перетягивают ударение на предыдущий слог. Другими словами, при фонологическом описании мы не вправе оперировать примерами /'alma/ (не покупай) и /alma'/ (яблоко) как равнопарными словами, потому что первый пример представляет собой парцеллативное предложение с отрицанием, а второй – отдельное слово.

Таким образом, орфофоническое описание просодии азербайджанского слова должно исходить из теории о двувершинности его, из коих одна находится на первом или начальном слоге, а другая расположена на конечном слоге, оформляя его акцентологическую структуру. Первая вершина предопределяет его сингармоническую, вторая же акцентологическую структуру.

Только с учетом теории о двувершинности азербайджанского слова мы можем дать исчерпывающее описание просодики азербайджанского языка, что впрочем составляет актуальную задачу наших лингвистов⁹.

Литература

1. А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. (I часть). Морфология. Братислава, 1960.
2. Л.В. Щерба. Доклад на I Всесоюзном Тюркологическом съезде. Баку, 1926. Стенографический отчет съезда, стр. 342.
3. N.S. Trubeskoy. Fonologiyanın əsasları. 1939-cu il almanca nəşrindən tərcüməsi, «Son söz» və «Qeydlər» prof. F. Yadigarındır (Veysəllindir). Bakı, 2001. Критика отдельных положений этой книги помещена в разделе «Qeydlər», приложенном к этой книге, стр. 375.
4. Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
5. E. Koseriu. Ümumi dilçiliyə giriş. 1996-cı il almanca nəşrindən tərcüməsi, «Giriş» və «Qeydlər» prof. F. Yadigarındır (Veysəllindir). Bakı, 2006.
6. Такая постановка вопроса была заложена как теоретическая предпосылка в основу нашей докторской диссертации. См. Ф. Вейсалов (Вейсалли). Вариативность гласных фонем современного немецкого языка (экспериментальные данные и теоретические проблемы). АДД, Ленинград, 1980; Он же: Проблемы варьирования фонем в современной фонологии. Вопросы языкознания. М., 1990, №3; Он же: Danşıqda ədəbi dil norması haqqında. «Türk ləhcələri və ədəbiyyatı dərgisi», Ankara, 1997, s. 13-17; см. также: F.J.Vejsalov. Phonem – Variante – Laut: zum Aufbau der phonetisch-phonologischen Sprachebene. „Germanistisches Jahrbuch“ 04. GUS. Das Wort. DAAD, s. 143-157.
7. N.S. Trubeskoy. Göstərilən əsər. s. 65.
8. О том, что их надо строго различать см.: Ф.Я. Вейсалли. О просодике в азербайджанском языке. «Уч. записки», БСУ, серия языка и литературы, №1-2, Баку, 2005, стр. 3-9.
9. Там же, стр 5. Следует отметить что идея о двувершинности азербайджанского языка и различении орфоэпических и орфофонических аспектов при описании азербайджанской просодики были нами высказаны еще в начале 80-х годов прошлого столетия. См. F. Veysəlov və başqaları. Eksperimental fonetika. I, II. Bakı, 1980, 1981; Yənə həmin müəllif: Fonetika və fonologiya məsələləri. Bakı, 1993. s. 49-50.

PROBLEME EINER KONFRONTATIVEN GRAMMATIK
(behandelt am Material der deutschen
und asärbaidshanischen Sprache)¹

I. Theoretische Überlegungen

Vor drei Jahrzehnten wäre es kaum glaubhaft gewesen, von einer allumfassenden, in allen Richtlinien tief begründeten und praktisch leicht anwendbaren konfrontativen Linguistik – im engeren Sinne – konfrontativen Grammatik – zu sprechen, obwohl tiefgreifende Ideen in grundlegenden Arbeiten von I.A.Baudouin de Courtenay¹ und L.V.Scherba² zu finden sind. Als glänzendes Muster dafür kann das Lehrbuch „Phonetik der französischen Sprache“ von L.V.Scherba gelten, dessen erste Auflage schon vor 70 Jahren erschienen ist. Schon hier wurden die vollständigen phonologischen Systeme zweier Sprachen - Französisch und Russisch, folgerichtig konfrontativ dargestellt.

Es lässt sich von selbst verstehen, dass die Keime der gegenwärtigen konfrontativen Linguistik in der historisch-vergleichenden Sprachwissenschaft zu suchen sind. Schon der Begriff des Vergleichs schließt im bestimmten Sinne die konfrontative Betrachtung von zu vergleichenden Sprachen, hauptsächlich unter diachronischem Gesichtspunkt, ein, obwohl beim Vergleich im traditionellen Sinne nur die verwandten Sprachen einer Analyse unterzogen werden, wobei das Endziel in der Rekonstruktion der strukturell-sprachlichen Eigenschaften der Ursprachen besteht.³ Im Gegensatz dazu beschränkt sich die konfrontative Linguistik nicht auf die genetisch weit voneinander stehende Sprachen, wobei die synchronische Betrachtungsweise vorherrschend ist. Der Zielstellung nach ist die konfrontative Linguistik eine didaktische Sprachdisziplin. Ihre Bedeutung für allgemeine Sprachtheorie ist ohne Zweifel, da viele Fragen der allgemeintypologischen Sprachwissenschaft ohne Konfrontation unter Einschluß aller Ebenen der Sprachstruktur von zwei oder mehreren Sprachen kaum lösbar sind.

Manche ausländische Forscher sind geneigt, die Ideen der konfrontativen Linguistik auf amerikanische Quellen zurückzuführen. Unseres Erachtens ist das durch die Abgeschlossenheit der regionalen Linguistik bis in die 50-er Jahre zu erklären. Ab der 50-er Jahre entfalten sich die Forschungen auf dem Gebiet der konfrontativen Linguistik. Besonders

---

* İlk dəfə çap olunub: Jahrbuch Aserbaidshanforschung 2007. Beiträge aus Politik, Wirtschaft, Geschichte und Literatur. Verlag Dr.Köster Berlin, Band I., Herausgegeben von M. Aghajev (Bochum), R.Sulejmanova (Mainz). (B.Həmzəliyevlə şərikli), s. 75-91.

beachtenswert sind dabei in theoretischer Hinsicht die Arbeiten von A. Isačenko und anderer Wissenschaftler, deren Forschungen als Grundlage für die Konfrontation des Deutschen mit anderen Sprachen dienen.⁴

Eine theoretisch begründete Konfrontation setzt die Feststellung sowohl von Ähnlichkeiten als auch von Unterschieden in den Sprachsystemen der zu vergleichenden Sprachen voraus. Die Letzteren sind besonders wichtig, da nach der allgemeinen Meinung die Fehler von Fremdsprachlern beim Erlernen der Zielsprache durch die Kontraste zu erklären sind.⁵

In diesem Artikel beschäftigen wir uns mit den Kontrasten, die beim Erlernen der deutschen Sprache durch asšrbaidshnische Muttersprachler entstehen und die als Grundlage der Interferenzfehler dienen. Diese Schlußfolgerungen stützen sich auf unsere Beobachtungen in der praktischen Lehrtätigkeit an der Aserbajdschanischen Sprachenuniversität.

Bevor zwei (oder mehrere) zu kontaktierende Sprachen frontal oder im Einzelnen konfrontativ beschrieben werden, müssen vor allen Dingen die Systemverhältnisse in jeder der gegenüberzustellenden Sprachen von Standpunkt der gleichen metodologischen Beschreibungsprinzipien aus dargelegt werden.

Im Folgenden weisen wir auf einige Eigenschaften der deutschen und der aserbajdschanischen Sprache hin, durch die diese Sprachen im Besonderen gekennzeichnet werden. Die Forschungen, die auf die Herausstellung von Ähnlichkeiten und Unterschieden zwischen dem deutschen und dem asšrbajdschanischen Sprachsystem abzielen, müssen auf jeder Sprachebene extra durchgeführt werden. Erst danach folgen theoretische Verallgemeinerungen.

Das phonologische System des Deutschen weist einschließlich wort- und satzphonologischer Besonderheiten folgende Eigentümlichkeiten auf:

Die deutsche Sprache hat 17 Vokalphoneme (14 Monophthonge mit der Gegenüberstellung von relevanten Merkmalen der Qualität und der Quantität) und 23 Konsonantenphoneme (20 Einzelphoneme mit der Gegenüberstellung der relevanten Merkmale des aktiven Sprechorgans, der Stimmbeteiligung und der Bildungsweise), darunter drei Diphthonge und drei Afrikaten, deren Aufeinanderfolge dem Kombinationsprinzip „ein Vokal + bis zu sechs Konsonanten“ in der Silbe untergeordnet ist. Im An- und Auslaut der deutschen Wörter sind die Konsonantenhäufungen bis drei bzw. vier Konsonanten zulässig.⁶

Die deutsche Sprache verfügt über ein reiches System von prosodischen Gestaltungsmitteln zur rhythmisch-dynamisch-melodischen Gestal-

tung der Äußerungen, wobei die prosodischen Mittel in Wort und Satz mannigfaltig miteinander verflochten auftreten.

Sowohl das Wort als auch der Satz sind in der deutschen Sprache so miteinander verknüpft, dass das eine ohne das andere nicht auftreten kann. Dabei ist jedoch das Wort mit seinem eigenen Akzentmodell dem Satz als einer kommunikativen Einheit untergeordnet. Das Wort im Bestand des Satzes verliert seine Eigentümlichkeiten und gewinnt solche Eigenschaften, die für die ganze Satzgestaltung notwendig sind. Mit Karl Boost gesagt, schmilzt das Wort in den allgemeinen Spannungsbogen des Satzes ein.⁷ Diese Modellierung geht von den Prinzipien des Satzbaues aus. Das schließt keineswegs die Analyseweise aus, nach der der Satz als Äußerung betrachtet wird, welche sich in der konkreten Sprechsituation in einzelne Sinneinheiten – phonetisch als Ganzes organisiert und grammatisch auf zulässigen Regeln des gegebenen Sprachsystems aufgebaut – zerlegen lässt.

Ihrer morphologischen Struktur nach ist die deutsche Sprache durch innere und äußere Flexionsmerkmale gekennzeichnet. Die innere Flexion einerseits und die zahlreichen Affixe andererseits sind die Voraussetzung für die Bildung morphologischer Kategorien.

Die deutsche Sprache verfügt bei den Nomen über folgende Kategorien:

- über ein Kasussystem mit vier Fällen, von denen zwei oftmals zusammenfallen (Nominativ und Akkusativ bei Neutra und Feminina),
- über die Kategorie des Numerus mit vier Typen der Bildungsweise,
- über die Kategorie des Genus mit drei Geschlechtern,
- über die Kategorie der Bezogenheit/Nichtbezogenheit (Zin-der/Strojewa),⁸
- über die Kategorie der Komparabilität bei den Adjektiven.

Die deutschen Verben weisen folgende Kategorien auf: Modus, Tempus, Genus, Numerus, Person u.a.

Die sogenannten Hilfsörter sind gewöhnlich amorphe Einheiten und haben dementsprechend keine besonderen Veränderungen in ihrem Formbestand.

Ihrer syntaktischen Struktur nach ist die deutsche Sprache durch eine Reihe von analytisch-synthetischen Baumerkmalen gekennzeichnet. Im Folgenden weisen wir auf einige von ihnen hin.

Für den deutschen Satz ist die Zweigliedrigkeit charakteristisch. Subjekt und Prädikat sind in der Hochsprache inhärente Konstituenten eines beliebigen deutschen Satzes, in partiellativen Sätzen wird die Leerstelle eines dieser inhärenten Satzglieder durch phonetische Mittel ausgefüllt.

Weiterhin ist die Verbalität des Satzes als ein konstitutives Bauelement zu betrachten. Im Grunde genommen ist ein deutscher Satz ohne Prädikat nicht möglich.

Die Modalität ist ein weiteres charakteristisches Baumerkmal des deutschen Satzes.

Als syntaktische Beziehungen müssen traditionell Kongruenz, Anschließung und Rektion hervorgehoben werden. Die Beziehungen zwischen untergeordneten und übergeordneten Teilkomponenten sind streng geregelt, so dass sie im Numerus deutlich ausgedrückt sind. Eine strenge Festhaltung an sprachlichen Gebrauchsregeln von Systemverhältnissen lässt sich bei der Rektion erkennen, wobei die Valenz des Verbs entscheidend ist.

Bei der Hypotaxis ist das Merkmal der Endstellung des finiten Verbs und der Stirnstellung der Konjunktion und ihrer Korrelate als charakteristisches Bauelement zu qualifizieren. Nicht zuletzt muss auch die Rahmenkonstruktion als konstitutives Baumerkmal erwähnt werden, nach der die deutsche Sprache sich von allen anderen, sogar von genetisch verwandten Sprachen, unterscheidet.

Nach diesem allgemeinen Überblick über die Charakterzüge der deutschen Sprache, die uns im weiteren als Grundlage für den Vergleich dienen, wollen wir zur allgemeinen Charakterisierung der asärbaidshanischen Sprache übergehen.

Das Asärbaidshanisch, eine der Turksprachen (ogusische Gruppe, ogus-selçugische Halbgruppe), ist eng mit dem Türkischen und Turkmenischen verwandt. Es ist die Muttersprache der Asärbaidshaner. M.J.Lermontow schrieb: „Asärbaidshanisch ist in Asien so wichtig wie Französisch in Europa“. Heute sprechen etwa 50 Millionen Menschen Asärbaidshanisch, davon über 30 Millionen in Südasärbaidshan und etwa 8 Millionen in Nordasärbaidshan. Außerdem leben Asärbaidshaner in anderen Erdteilen.

Asärbaidshanisch ist die Staatssprache des asärbaidshanischen Volkes. Sie gehört dem gramatischen Bau nach zu den agglutinierenden Sprachen der Welt, wodurch sie sich bereits in einem grundlegenden Merkmal vom Deutschen unterscheidet.

Die asärbaidshanische Sprache hat neun Vokalphoneme mit der Gegenüberstellung der relevanten Merkmale der Reihe und der Hebung /a, o, ɪ, u, e, i, æ, ø, y/ und 24 Konsonantenphoneme mit der Gegenüberstellung der relevanten Merkmale nach dem aktiven Sprechorgane, der Stimmbeteiligung und der Bildungsweise. Im Auslaut der Wörter ist das Merkmal der Stimmbeteiligung nicht markiert. Es wird in dieser Position

vom Merkmal der Stärke des Geräusches begleitet. Traditionell als stimmhaft betrachtete Konsonanten werden im Auslaut schwach (lenis) ausgesprochen, wodurch sie ihren starken Gegenpaaren gegenüberstehen:

schwach – b, d, g, v, z, j, ʒ, ʁ, ʒ, ħ, m, n, l, r, #

stark – p, t, k, f, s, #, ʃ, x, tʃ, kɔ, #, #, #, #, h

Von den Geräuschlauten haben das schwache /j/ sowie auch das starke /h/ keine entsprechenden Gegenpaare nach dem Merkmal der Stimmbeteiligung und des Geräusches. Auch die Sonanten /m, n, l, r/ haben keine stimmlosen Oppositionspaare.

Die asärbaidshanischen Phoneme lassen sich einem festen Prinzip der Aufeinanderfolge unterordnen, nämlich V-K-V-K oder K-V-K-V. Dieses Prinzip bleibt innerhalb eines Morphems im Anlaut der asšrbaidshanischen Lexeme und besonders der Lehnwörter zwei und dreigliedrige Konsonantenverbindungen zulässig (z.B. /ʃpris, ʃtrix, ʃstamp /u.a.).⁹

Den asärbaidshanischen Phonemen ist im Redestrom ein besonderes Merkmal eigen. Sie folgen dem Gesetz der Synharmonie, was für jede der Turksprachen in eigenem Maße zutrifft.

Im Asärbaidshanischen ist ein Wort durch seine Zweigipfligkeit gekennzeichnet, d.h. der Vokal am Anfang des Wortes oder der erste Wurzelvokal (nach Roman Jakobson „Sondervokal“ genannt)¹⁰ bestimmt die Qualität der nachkommenden Vokale und nicht selten die Klangfarbe der Konsonanten im Wort. Dabei kann die Klangfarbenreihe der Konsonanten hart oder weich sein.

Der zweite Gipfel bezieht sich auf die Akzentstelle, die hauptsächlich mit der Endsilbe des Wortes verbunden ist. Dadurch ändert sich erheblich die prosodische Gestaltung des asšrbaidshanischen Wortes, so dass die vorangehenden unbetonten Silben stark reduziert werden, manchmal sogar bis zum vollen Ausfall der einzelnen Vokale.

Dieses prosodische Wortmodell bestimmt in gewissem Sinne die allgemeine Satzintonation voraus, obwohl der Satz auch seine eigenen Besonderheiten aufweist. Diese beziehen sich vor allem auf die Akzentstelle im Satz. In einer normgerechten Rede steht die Satzbetonung unmittelbar vor dem Prädikat des Satzes. Daneben bestehen andere Varianten. Diese hängen mit der realen Sprechsituation, mit der emotionalen Belastung des Gesprochenen zusammen. Relevant für einen asärbaidshanischen Aussagesatz sind melodische und dynamische Komponenten. Bei Fragesätzen ohne Fragewort tritt die Zeitdauer des Aussagezieles als wichtigstes Parameter auf.

Das morphologische System der asšrbaidshanischen Sprache verfügt über die grammatischen Kategorien bei den Nomen: Kasus, Nume-

rus, Possessivität; bei den Verben: Modus, Genus verbi, Tempus, Person, Transitivität / Intransitivität, Reflexivität, Reziprozität; bei den Adjektiven / Adverbien: Komparativität; bei den Pronomen: Person, Kasus; bei den Zahlwörtern: Numerus.

Manche Kategorien sind rein spezifisch, d.h. ihre Funktionssphäre bezieht sich nur auf diese oder jene Wortklasse (Possessivität bei Substantiven, Komparativität bei Adjektiven und Adverbien, Person bei Pronomen und Verben, Modus bei Verben).

Die asärbaidshanische Sprache ist durch ein System von sechs Fällen gekennzeichnet.

Der Numerus hat zwei Bildungsformen. Entscheidend ist hier der Stammvokal. Die hellen Stammvokale fordern die Pluralendung /-lær/, die dunklen aber die Endung /-lar/.

Die Possessivität wird durch drei Formen im Singular und drei Formen im Plural ausgedrückt, die vier allomorphische Endungen haben können. Der Phonembestand der Allomorphe ist wiederum durch die phonetischen Eigenschaften der Stammsilbe bedingt. Die Stammvokale /o, ø, u/ verlangen eine Flexion mit /u/, /a, y/, /a, ɨ/ - a, /æ, i/ - /i, æ/. Vgl:

/at/ – (das Pferd) – /atım/ - (mein Pferd) ← / ata/ - (dem Pferd)

/ot/ – (das Gras) – /otum/ - (mein Gras) ← /ota/ - (dem Gras)

/gız/ – (die Tochter) - /gızım/- (meine Tochter) ← /gıza/- (der Tochter)

/di/ – (der Zahn) – /diyim/ - (mein Zahn) ← /diæ/ - (dem Zahn)

/üz/ – (das Gesicht) – /üzüm/ - (mein Gesicht) ← /üzæ/ - (dem Gesicht)

/un/ – (das Mehl) – /unum/ - (mein Mehl) ← /una/ - (dem Mehl)

/bel/ – (der Rücken) – /belim/ (mein Rücken) ← /belæ/ - (dem Rücken)

/it/ – (der Hund) – /itim/ - (mein Hund) ← /itæ/ - (dem Hund)

/höz/ – (das Auge) – /hözüm/- (mein Auge) ← /hözæ/- (dem Auge)

Die Kategorie der Possessivität wird im Asärbaidshanischen durch besondere morphologische Formmittel ausgedrückt, und zwar durch folgende Suffixe:

/ım⁴ für die erste Person Singular

/ımız/ für die erste Person Plural

Z.B.: /kitabım/ – (mein Buch) : /kitabımız/ – (unser Buch)

/dæftərim/ - (mein Heft) : /dæftərimiz/ - (unsere Hefte)

/guzum/ – (mein Lamm) : /guzumuz/ ← (unser Lamm)
 /üzümüm/ – (meine Weintraube) – /üzümümüz/ – (unsere Weintraube)

/m/⁴ für die zweite Person Singular
 /mız/⁴ für die zweite Person Plural

Z.B.: /kitabın/ – (dein Buch) : /kitabınız/ – (euer Buch)
 /dæftərin/ – (dein Heft) : /dæftəriniz/ – (euer Heft)
 /guzun/ – (dein Lamm) : /guzunuz/ – (euer Lamm)
 /üzümün/ – (deine Weintraube) – /üzümünüz/ – (euere Weintraube)

/ı/⁴ für die dritte Person Singular
 und auch für die dritte Person Plural

Z.B.: /kitabı/ – (ihr, sein Buch) : /kitabı/ – (ihr Buch)¹¹
 /dæftəri/ – (ihr, sein Heft) : /dæftəri/ – (ihr Heft)
 /guzusu/ – (ihr, sein Lamm) : /guzusu/ – (ihr Lamm)
 /üzümü/ – (ihr, seine Weintraube) – /üzümü/ ← (ihr Weintraube)

Der morphologischen Struktur nach ist das Asärbaidshanische durch die Stabilität der Wurzelmorpheme und durch die Mannigfaltigkeit der Flexionsmorpheme gekennzeichnet, die sich im Dativ, Lokativ und Applativ durch zwei, in den übrigen Fällen durch vier Allomorpheme charakterisieren. So hat z.B. der Dativ aller Substantive die Flexionsendung /a/ oder /æ/. Entscheidend ist hier nur die Qualität des Stammvokals. Die hellen Vokale /i, e, æ, ü, ø/ verlangen nach sich ein /æ/, die dunklen Vokale /a, ı, o, u/ verlangen ein /a/. Z.B.:

Nominativ	Dativ
/at/ – (das Pferd)	/ata/ – (dem Pferd)
/ot/ – (das Gras)	/ota/ – (dem Gras)
/un/ – (das Mehl)	/una/ – (dem Mehl)
/gız/- (das Mädchen)	/gıza/ – (dem Mädchen)
Aber	
/it/ – (der Hund)	/itæ/ – (dem Hund)
/üz/ – (das Gesicht)	/üzæ/ – (dem Gesicht)
/hø/ – (der See)	/høæ/ – (dem See)
/sæs/ – (der Laut)	/sæsæ/ – (dem Laut)

Geht aber das Substantiv auf einen Vokal aus, so nimmt es das Verbindungselement /j/ an. Z.B.:

/tælæ/ – (die Falle): /tælæ/jæ/ – (in die Falle)

/tala/ – (die Lichtung) : /tala/j/a/ – (auf die Lichtung)

kürü/ – (der Kaviar) : /kürü/j/æ/ – (dem Kaviar)

/su/ – (das Wasser) : /su/j/a/ – (dem Wasser)

Wollen wir nun im Überblick das asärbaidshanische Verb betrachten. Es hat finite und nichtfinite Formen.

Der Indikativ hat fünf Zeitformen.

Davon treten im Imperfekt zwei Formen auf. Die Endung /dɪ/⁴ bezeichnet eine Abgeschlossenheit der Handlung, von der sich der Hörende selbst überzeugen kann. Die Endung /mɪj/⁴ bezeichnet eine Abgeschlossenheit der Handlung, von der der Hörende nur durch die Aussage einer anderen Person erfahren hat. Diese Form ist selten selbständig zu gebrauchen. Meistens wird sie in Verbindung mit der ersten Form gebraucht /mɪj dɪ/⁴ und ergibt dann einen erzählenden Imperfekt.

Im Futur treten ebenfalls zwei Formen auf. Die Endung /ar/æɾ/ drückt eine Handlung in der Zukunft aus mit der Bedeutung der Wahrscheinlichkeit des Geschehens. Die Endung /aʒag / æʒæk/ drückt eine Handlung in der Zukunft aus mit der Bedeutung der Bestimmtheit des Geschehens.

Die genaue Bedeutung jeder Zeitform hängt aber letztendlich vom konkreten Sprachkontext und der sprachlichen Umgebung ab.

Zum Ausdruck der in der Gegenwart geschehenen Handlungen dient die Zeitform des Präsens mit der Endung /ur / jur/ und folgenden Personalendungen:

Singular	Plural
1. Person – am, - əm	ig ⁴
2. Person –san, -sən	siz ⁴ oder siniz ^{4 12}
3. Person –Nullendung	-lar, -lər

Der Imperativ wird von der zweiten Person Singular ohne Personalendung gebildet. Im Plural jedoch wird die Personalendung der 1. und 2. Person beibehalten. In beiden Numera fällt im Imperativ das Personalpronomen weg.

Ausser Indikativ und Imperativ bestehen im Asärbaidshanischen noch folgende Modi: -a, -ə: z.B. /gedə/ – (er gehe)

/qaça/ - (er laufe)

Wunschform, gebildet durch -a, -ə: z.B. /gedə/ – (er gehe), /qaça/ - (er laufe)

Nicht selten wird die Bedeutung dieser Formen durch die Modalwörter / gərək, gəlsənə, bir, bircə/ verstärkt.

Sollform, gebildet durch /malı / məli/; z.B. /(o) getməli/ (er soll gehen), /(o) qaçmalı/ (er soll laufen)

Notwendigkeitsform, gebildet durch /ası / əsi/ , /jası / jəsi/: z.B./O gedəsidir/ (er muß gehen).

Durch Hinzufügung der Suffixe /idi, oldu/ werden diese Formen zum Ausdruck der Vergangenheit gebraucht. Äußerungen mit dieser Form verneint man nur durch die Negation /dejl/.

Die Form der Bedingtheit, gebildet durch /san / sən/ drückt die Bedingtheit der Vollzogenheit einer anderen Handlung aus und bezieht sich hauptsächlich auf die Zukunft: z.B. /Nə əkərsən, onu da biçərsən/ - (Was man sät, das erntet man)

Durch die Hinzufügung der entsprechenden Zeit- und Personalendungen zu diesen Formen ist es möglich, das ganze Paradigma des Verbs zu bilden.

Bei den Genera verbi der asärbaidshanischen Verben ist das Aktiv merkmallös. Das Passiv wird durch das Suffix /-ıl/ ⁴ gebildet. Trotz seiner Merkmallosigkeit wird die Aktivform im Sprachgebrauch durch Gegenüberstellung mit der merkmalttragenden passiven Form bestimmt, z.B. /O yazır /- (er schreibt) – /O yazıldı/ (er wurde geschrieben).

Die Transitivität der asärbaidshanischen Verben wird durch zwei Formen wiedergegeben. Diese Eigenschaft des Verbs ist nur seinem semantischen Inhalt nach zu bestimmen. Transitiv ist das Verb nur dann, wenn es die Übertragung der Handlung auf das Objekt voraussetzt, z.B. /oxumaq/ – (lesen) – /nə/ (was?); /tikmək/ – (bauen) – nə/ (was?)

Die intransitiven Verben verlangen dagegen kein direktes Objekt. Vgl.: /yatmaq/ – (schlafen) - /nə/ ^{*} (was?); /üzmək/ – (schwimmen) - /nə/ ^{*} (was?)

Die Reflexivverben haben als formales Merkmal das Suffix /-ın/ ⁴, /-an/ ², /-ıl/ ⁴, wobei /j/ als Bindeelement eintritt, z.B.

/yuyunmaq/ – (sich waschen)

/daranmaq/ – (sich kämmen)

/açıldı/ – (hat sich geöffnet)

/söjləndi/ – (hat sich von sich selbst gesprochen)

Bei Reflexivverben weist die Handlung auf das Subjekt des Satzes zurück.

Ausserdem gibt es im Asärbaidshanischen noch eine weitere Verbalform, „İdschbar“ genannt. Sie hat die Bedeutung der Aufforderung zu einer Handlung. Das entspricht im Deutschen einer Prädikatsform mit „lassen“, z.B.:

/Mən ona məktub yazdırdım/ – (ich habe ihn einen Brief schreiben lassen).

Am Beispiel ist ersichtlich, dass diese Form mit dem Suffix /dɪr⁴ gebildet wird.

Bei den reziproken Verben drückt sich das Verhältnis des Subjekts zur Handlung dahingehend aus, dass die Handlung von zwei Agens verwirklicht wird. Als Ausdrucksmittel treten hier folgende Suffixe auf: /-ɪʃ⁴, /-aʃ / -əʃ /, /ʃ/. Z.B.:

/jarıʃmaq/ – (miteinander einen Wettkampf austragen)

/savaʃmaq/ – (miteinander streiten)

/seviʃmæk/ – (einander lieben)

/sözləʃmæk/ – (sich verabreden)

Alle reziproken Verben sind intransitiv. Bei Aufnahme des Suffixes /dɪr⁴ werden sie aber transitiv.¹³

/vuruʃmaq/ – (miteinander kämpfen), aber

/vuruʃdurmaq/ – (jmdn. zu Kampf zwingen)

Ausserdem weist das asŞrbaidshanische Verb nichtfinite Formen auf, zu denen der Infinitiv mit der Endung /maq / mæk/, Partizipien mit der Endung /mıʃ⁴, /an/ən/, /açaq/əçək/, /malı/məli/, /dıq⁴ in adjektivischer Funktion (deklinierbar) oder mit der Endung /ɪb⁴, /anca/əncə/, /araq/ərək/, /dıqça⁴, /ınca⁴, /madan/mədən/, /mamıʃ/məmiʃ/, /çaq/çək/, /alı/əli/, /a/ə/, /maz/məz/ in verbaler Funktion (konjugierbar) gehören.

Die nächstgrößte Wortklasse der asŞrbaidshanischen Sprache ist das Adjektiv / Adverb, das zur Bezeichnung eines Merkmals eines Geschehens dient. Man kann Adjektive / Adverbien auch, wie in der deutschen Sprachwissenschaft, als „charakterisierende Beiwörter“ bezeichnen.¹⁴

Adjektive und Adverbien lassen sich steigern. Es gibt zwei Steigerungsstufen: Komparativ und Superlativ. Der Komparativ wird durch die Hinzufügung der Affixe /-ɪmtɪl⁴, /-mtraq/, /-sov/, /-təhər/, /-ʃın/, /ala-/ , /-ça⁴ zum Stamm der Adjektive gebildet. Der Superlativ entsteht durch die Lexeme /ən, lap, çox, daha, tünd, olduqca/ vor dem Adjektiv / Adverb oder durch die Wiederholung der ersten Silbe des Wortes mit unmittelbarer Veränderung des silbenauslautenden Konsonanten. Vgl.:

Positiv	Komparativ	Superlativ
/qırmızı/	/qırmızımtıl/	/cox/, /ən/, /lap/ /qırmızı/
/tünd/	/qırmızıtəhər/	/ən,cox,tünd/, /qara/
/uzun/	/qırmızımtraq/	lap/ən,cox,daha/ /uzun/
	/alaqırmızı/	
	/qara/ /qaraşın/	
	/uzunsov/	

Der Gebrauch der meisten dieser Wörter in der Funktion des Adjek-

tivs oder Adverbs ist im Satz positionsbedingt. Steht das Wort vor einem Substantiv oder einem substantivierten Wort, so ist es als Adjektiv zu bestimmen. Steht es aber vor einem Verb, so bestimmt man es als Adverb, z.B.: /Qoca qarı bulagdan su götürürdü// (Die Greisin holte aus der Quelle Wasser); /Qarı çox qoca görünürdü//. (Die Frau sah sehr alt aus).

Die asärbaidshanischen Pronomen lassen sich deklinieren. Die Possivpronomen werden durch das Suffix /-k1 / ki/ aus der Genitivform der Personalpronomen gebildet, z.B.: /mən – mənim – mənimki/. Die Reflexivpronomen bildet man durch das Suffix /-üm, -ümüz, -ün, -ünüz, -ü, -ləri/, z.B.: /öz/- (sich), /özüm/- (mich selbst), /özümüz/- (uns selbst), /özün/- (dich selbst), /özünüz/- (euch selbst), /o özü/ (sich selbst), /özləri/ (sich selbst).

Bei den Numeralien unterscheidet man Ordnungs- und Grundzahlwörter. Es gibt auch einen Dualis, ausgedrückt durch das Suffix /mız/⁴, z.B. /ikimiz, üçümüz, altımız, doqquzumuz/.

Bei der Bildung der Grundzahlwörter in der asärbaidshanischen Sprache folgen die Zehner (Hunderter, Tausender ...), zum Schluß die Einer:¹⁵

/on bir/ – (elf)

/yüz on bir/ – (hundertelf)

/min yüz on bir/ – (tausendeinhundertelf)

Die Grundzahlwörter werden durch Hinzufügung des Suffixes /ıncı/⁴ gebildet. Z.B. /birinci/ – (der erste).

Zur Bildung der Bruchzahlen gebraucht man die Suffixe /-dan / -dən/, /-da / də/.

/üçdən biri/ – (ein Drittel)

/üçdə biri/ – (ein Drittel)

Der syntaktischen Struktur nach gehört die asärbaidshanische Sprache zu den Sprachen mit synthetischen Baumerkmalen, d.h. jede syntaktische Bedeutung wird durch einfache Formen ausgedrückt.

Dieses syntaktische Verhältnis kann durch die Formel –

„ein Merkmal = eine Bedeutung“

(Vgl.: / (Mən) kitab oxu – y – ur – am/ – (Ich lese ein Buch) ausgedrückt werden.

Nicht selten kommt auch die Formel vor:

„einige Merkmale – eine Bedeutung“

(Vgl.: /Dünən mən kinoya getmişdim// – (Gestern bin ich ins Kino gegangen.)

Neben den einfachen, sog. synthetischen Ausdrucksmitteln, benutzt das Asärbaidshanische auch analytische Baumerkmale, z.B.:

/Mən yazıb qurtardım// – (Ich habe fertiggeschrieben.)

Die asärbaidshanische Sprache benutzt, wie das Deutsche, als syntaktische Beziehungen Rektion, Kongruenz, Anschließung. Kongruenz besteht zwischen Prädikat und Subjekt in Person und Zahl. Die Rektion muss in jedem konkreten Fall ausgehend von der Semantik des zu regierenden Wortes bestimmt werden.

Sehr verbreitet ist im Asärbaidshanischen die Anschließung. Sie kommt bei ausschließlich allen Wortverbindungen vor. Dabei gibt es drei Typen von substantivischen Wortverbindungen:

Der erste Typ wird durch die reine Anschließung gebildet, z.B.:

/yaxşı oğlan /- (der gute Junge)

/qızıl saat /- (die goldene Uhr)

Der zweite Typ ist ebenfalls durch Aneinanderreihung der Komponenten gekennzeichnet, wobei die zweite Komponente die Endung der Possesivität /-i⁴ erhält, z.B.:

/Məktəb direktoru /- (der Schuldirektor)

/Uşaq bağçası /- (der Kindergarten)

Der dritte Typ wird vom zweiten Typ abgeleitet, indem das Bestimmungswort eine Genitivendung annimmt, z.B.:

/Məktəbin direktoru /- (der Direktor der Schule)

/Ananın kitabı /- (das Buch der Mutter)

Dem asärbaidshanischen Satz ist in der Regel Prädikativität eigen. Das Prädikat nimmt in allen Satzarten Endstellung ein. In der Umgangssprache verwendet man das Prädikat nach dem Prinzip der semantischen Wichtigkeit, d.h. es steht direkt vor dem semantisch wichtigsten Wort.

Hochsprachlich: / O, Anara kitab verdi// oder /O, kitabı Anara verdi//.

(Er gab Anar das Buch.)

Umgangssprachlich: /O, kitabı verdi Anara//.

(Er gab Anar das Buch.)

Ein weiteres Charakteristikum des asärbaidshanischen Satzes ist seine Zweigliedrigkeit. Häufig ist aber ein Ausfall des Subjekts möglich. Das implizite Vorhandensein lässt sich dann an der Personalendung des Prädikats erkennen, z.B.:

/Mən yazıram// – (Ich schreibe)

/Yazıram// – (Ich schreibe)

Im vorgelegten Aufsatz haben wir uns mit der Aufzeigung von Charakteristika des Deutschen und des Asärbaidshanischen beschäftigt. Wir haben versucht, die spezifischen Eigenschaften dieser Sprachen im Allgemeinen zu formulieren, ohne auf Details einzugehen. Eine ins Einzelne gehende konfrontative Beschreibung beider Sprachen bildet den Gegenstand einer selbständigen Untersuchung, deren Ergebnisse den In-

halt der nächsten Kapitel unserer Arbeit darstellen werden.

Anmerkungen zum Text

1. I.A.Boduen de Kurtene. Izbrannye trudy po obščemu jazykoznaniju. Moskva, 1963, t.1,2.

2. L.V.Ščerba. Fonetika francuzskogo jazyka. Moskva, 1937 (1963).

3. Karl/Heinz Wagner. Probleme der kontrastiven Sprachwissenschaft. "Sprache im technischen Zeitalter", 1969, S. 305.

4. A.Isačenko. Qrammatičeckij stroj sovremennogo russkogo jazyka v sopostovlenii s slovackim. 1. Morfologija. Bratislava, 1965.

5. G.Helbig. Zur Anwendbarkeit moderner linguistischer Theorien im Fremdsprachenunterricht und zu den Beziehungen zwischen Sprach- und Lerntheorien. „Sprache im technischen Zeitalter“, 1969, S. 287-305.

6. F.Vejšalov. Lehrbuch der deutschen Phonetik. Baku, 1989.

7. K.Boost. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsbogen. Berlin, 1965.

8. L.R.Zinder, T.V.Stroevea. Sovremennyj neveckij jazyk. Moskva, 1957.

9. Die Kombinatorik der asŠrbaidshanischen Phoneme ist allseitig erforscht worden. Hier verzichten wir aus Platzmangel auf eine ausführliche Beschreibung der kombinatorischen Regeln asŠrbaidshanischer Phoneme. Für Interessanten empfehlen wir: „Eksperimental fonetika“, hrsg. von einem Autorenkollektiv. Baku, 1980/81.

10.R.O.Jakobson. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmamorphologie. 1971. In: Roman Jakobson, Selected Writings. I. Moun-ton, s. 177-235.

11.Beim Gebrauch der Pluralformen der zählbaren Substantive oder ihrer Eigenschaftsbezeichnungen wird zum Stamm die Pluralendung /lar/lər/ hinzugefügt. Z.B.: kitablarımız, kitablarınız, kitabları, dəftərlərimiz, dəftərləriniz, dəftərləri, üzümlərimiz, üzmləriniz, üzümləri. Es ist anzumerken, dass die Substantive mit einem stammauslautenden – dem Vokal in der 3. Ps. Sg. und Pl. einen /ş/-Laut aufnehmen.

12. Veraltet. Hauptsächlich in der Sprache der klassischen Literatur anzutreffen oder im hohen Stil zur Kennzeichnung der Zugehörigkeit literarischer Gestalten zu bestimmten gesellschaftlichen Kreisen.

13. M.Hüseynzadə. Müasir Asərbaycan dili. Bakı, 1973, s. 183-186.

14. J.Erben. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1958, s.103.
15. Obwohl diese Eigenschaften nicht unmittelbar die Morphologie der Zahlwörter betreffen, halten wir es für angebracht, sie an dieser Stelle zu erläutern.

KÜLTÜR-KONTRASTIV QRAMMATİKA XARİCİ DİLİN TƏDRİSİNDƏ YENİ MƏRHƏLƏ KİMİ¹

Xarici həmkarlarımız bizə irad tuturlar ki, biz xarici dilin tədrisini köhnəlmiş tərcümə qrammatikası vasitəsilə həyata keçiririk. Guya biz mədəniyyət və interaktiv təlim metodlarından istifadə etmirik. Bunların hamısı ondan irəli gəlir ki, bizim illərlə istifadə etdiyimiz kommunikativ təlim metodlarından xarici həmkarlarımızın xəbəri yoxdur. Mən məruzəmdə əsaslandırmağa çalışdım ki, biz yarım əsrdən artıqdır ki, yeni dillərin tədrisi ilə məşğuluq və kommunikativ təlim metodu bizim pedaqoji fəaliyyətimizin əsasında durur. Bizim xarici dillərdən program, dərslik və dərs vəsaitlərimiz də məhz bu prinsiplər əsasında tərtib olunur. Bizdə bu məqsədlə tədris planına daxil edilmiş müqayisəli tipologiya və dil-ölkəşünaslıq fənnləri dil tədrisinin bu gün konfransda qaldırılan prinsiplər əsasında aparıldığını bir daha sübut edir. Mən məruzəmdə izah etməyə çalışdım ki, bu gün bizim tədrisimizdə qrammatika quru qaydalar şəklində öyrədilmir, qaydaları verib onları misallarla şərh etmirik, konkret dil materiallarında ümumiləşmələr edərək dilin şüurlu, birbaşa və eşidilib-danışma üsulu ilə öyrədilməsini əsas götürürük. Lakin eyni zamanda vurğuladım ki, biz sənət və peşə məktəbi deyilik, universitet olduğumuzdan və müəllim kadrları hazırladığımızdan bizim məzunlarda filoloji təfəkkür də olmalıdır. Bizim müəllim kadrlarımız ana dili ilə öyrəndiyi dili müqayisə edib fərqli və oxşar cəhətləri üzə çıxartmağı bacarmalıdırlar. Bunun üçün dilin tədrisində şüurluluq prinsipini tətbiq etmək lazımdır. Dili ana dili kimi tədris edənlər unudurlar ki, dili xarici dil kimi tədris etmək tamam başqa şeydir. Bizə bol-bol məsləhət vermək istəyənlər, təəssüf ki, bizim çoxillik təcrübəmizi nəinki öyrənmək, heç onu görmək istəmirlər. Bu da onların xarici dil mütəxəssisləri olmamasından irəli gəlir. Bu gün dilçilikdə aparıcı istiqamət olan törəmə qrammatikası da sxolastik qayda üsulu tətbiq etmir, o hər bir cümlənin alt və üst qatlardakı əlamətlərini aşkar etməyi qarşısına məqsəd qoyur. Danışan və dinləyinin dil səriştəsini və bu səriştənin tətbiq olunmasının sirlərini açib göstərməyi qarşısına məqsəd qoyan bu istiqamət koqnitiv dilçiliyin nailiyyətlərindən, dil öyrənmənin sosial, psixoloji və mədəni faktorlarını nəzərə almağı vacib sayır. Deməli, biz lap əvvəldən düz yolda olmuşuq və indi də düz yoldayıq. Xarici dili şüurlu şəkildə öyrənməyən əzbərçilikdən o yana gedə bil-

¹ İlk dəfə çap olunub: "Azərbaycanda Xarici Dillər" Bakı, 2007, №2, c.102-106.

məz. Məşhur dilçi L.V.Şerba yazırdı ki, ana dilini xarici dil tədrisindən uzaqlaşdırmaq olar, ancaq onu şagirdlərin başından çıxardıb atmaq olmaz.

Biz bu metodun və bu cür qrammatikanın tərəfdarıyıq. Əzbərcilik və assosiativ metod bizim köməyimizə çatmaz. Ona görə də, amerikan alim H. Qlison belə bir sual qoyurdu: “Bizə hansı qrammatika lazımdır? sualı yanlışdır, ona görə də məsələ belə qoyulmalıdır ki, biz iki və daha artıq sistemlərə müraciət etməliyik. Bu həm mədəni, həm dil, həm sosial, həm də psixolinqvistik sistemlərə müraciət deməkdir.

Biz öz məruzəmizin Azərbaycan variantını «Azərbaycan xarici dillər» jurnalının 3-cü sayında çap etdirəcəyik (1976, №3).

Konfransda gürcü və erməni həmkarlarımız öz məruzələrini üzündən oxuduqlarından onların çıxışları diqqəti cəlb edə bilmədi. Sonda bir daha vurğulandı ki, bizə mədəni təsisatları ön plana çəkən əsl kontrastiv qrammatika lazımdır.

Axşam ziyafəti çox təmtəraqlı keçdi. Mən söz alıb Y.V.fon Qötenin məşhur kəlamını xatırlatdım. Şair alman dilində üç modal feldən çox müdrik bir kəlam yaradıb: bacarırsan, həm də istəyirsən, ancaq məcbur deyilsən; istəyirsən, həm də məcbursan, ancaq bacarmırsan; məcbursan, həm də bacarırsan, ancaq istəmirsən. Bu üçlükdə ən dəhşətlisi ikinci məqamdır. Bundan çıxış edərək mən təklif etdim ki, istəyən və bacaranlar var olsun.

Səhərişi gün konfrans öz işini davam edirdi. Baloniya prosensinə keçidlə bağlı problemlər müzakirə olundu, hər bir ölkənin nümayəndəsi bu məsələdə rastlaşdıqları problemlərdən danışdılar. Gürcü nümayəndəsinin çıxışı çox maraqla qarşılandı. Həmin gün saat 13-də nümayəndə heyətimiz Vətənə qayıtdı.

Bir neçə kəlmə də səfər təssüratı haqqında. Gürcülərdə bir mütəşəkillik və oyanış hiss etdim. Sərhəddə onların texniki imkanları çox yüksəkdir. Elə bil Avropa ölkəsinə gedirsən. Sərhəddə kompüter xidmətindən istifadə müasirlikdən xəbər verir. Tbilisidə və ümumilikdə ölkədə təmizlik nəzərə çarpır. Yol boyu və şəhərdə üç gün ərzində birçə yol polisində də rast gəlmədik. Bizim sərhəddə Gürcüstana gedəni bir dəftərə, gələni isə qələmlə bir dəftərə yazırlar.

Beləliklə, qonşu ölkəyə üç günlük səfərimiz başa çatdı. Bir vaxtlar mən Tbilisi Dövlət universitetində german dilləri ixtisası üzrə müdafiə şurasının üzvü idim. Demək olar ki, ayda bir dəfə oraya gedirdim. İndi o illərdən 17 il keçməsinə baxmayaraq gürcülərin universitetində və həyatında elə bir yenilik görmədim.

KULTURKONTRASTIVE GRAMMATIK ALS VERMITTLER IM SPRACHUNTERRICHT*

(Vortrag, gehalten in der DAAD-Konferenz in Tbilissi am 21.
April 2007)

Meine Damen und Herren,

Heute ist es klar, dass nur neue Ideen und Gedanken die erfolgreiche Sprachvermittlung fördern können. Die alten Methoden, mit denen man bis vor kurzem zu arbeiten vermochte, können die wachsenden Sprachbedürfnisse der Sprachlerner nicht befriedigen. Die weltweit entwickelten neuen theoretischen Analyseverfahren machen es sehr bedarfsnötig, die neuen Einsichten in die Fremdsprachenvermittlung zu bringen. Die Grammatik im Mutterspracheunterricht muss sich von der im Fremdsprachenunterricht unterscheiden. Im ersten Fall geht man von der Kompetenz der Sprachträger aus, indem die Grammatik im Fremdsprachenunterricht der Herausbildung der Kompetenz und der Performanz der Sprachlerner dienen soll¹.

Die erste kontrastive Arbeit, die vor etwa 70 Jahren erschienen war, wurde vom hervorragenden Linguisten L.V.Schtscherba geschrieben, in der zwei Sprachen- Russisch und Französisch folgerichtig konfrontativ und kontrastiv dargestellt wurden².

Die gegenwärtige kontrastive Grammatik stützt sich auf die Forschungs-ergebnisse der vorangehenden Linguistik, die schematisch wie folgt verdeutlicht werden kann:

Historisch-vergleichende Sprachwissenschaft

konfrontativ

|

diachronische Sicht

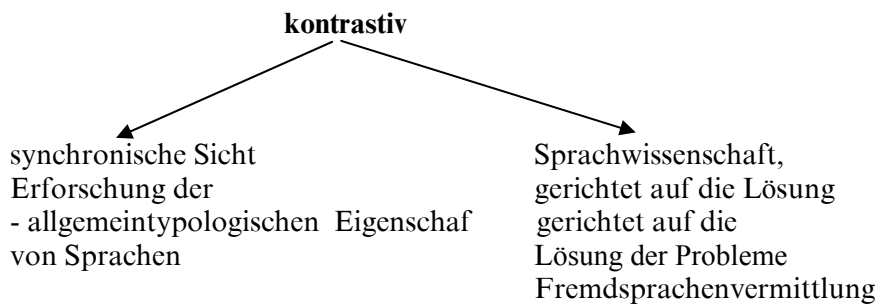
Vergleich der Sprachen mit dem Zweck der Rekonstruktiv der strukturell-sprachlichen Eigensolifanten der Ursprachen

---

* İlk dəfə çap olunub:: DAAD, 22-24 aprel. Tbilisi, 2007.

¹ Jahrbuch Aserbaidshian forschung, 2008.

² Politik, Wivtschaft, Çeseh, Büträge aus und Literarur. Berlin, 2008, S. 267-278.

Bis zur kontrastiven Grammatik waren folgende Arten der Grammatik vorherrschend:

1) Traditionelle, d.h. wie das Denken in funktionierende Erscheinung tritt; 2) strukturelle, d.h. formal-quantitative Analyse des Gesprochenen; 3) Inhaltsbezogene, d.h. die Sprache ist ein Weltbild, die geistige Wirklichkeit einer Sprachgemeinschaft, Feststellung einer einzelsprachlichen Zwischenwelt; 4) Generative Grammatik, d.h. ein Erklärungsmodell, dem eine Theorie zugrunde liegt, deren sich die Menschen beim Sprechen und Hören bedienen; 5) Die Dependenzgrammatik, d.h. die hierarchische Struktur des Satzes sichtbar machen, das Verb als wichtigste Größe zeigen.

Der amerikanische Sprachforscher H.A. Gleason vertritt die Ansicht, nach der es überhaupt keine wissenschaftliche Grammatik gibt. „Die in der Regel gestellte Frage, welche Grammatik sollten wir vermitteln? ist falsch gestellt und er schlägt vor, Einsichten in zwei oder mehrere Systeme zu vermitteln“³.

Die kontrastive Grammatik ist angestrebt, die Fehler von Fremdsprachlern vorauszusagen und zu erklären. Der berühmte Sprachwissenschaftler A.V. Isaçenko deutet mit Recht darauf hin, dass die Unterschiede, die zwischen der Muttersprache und der Zielsprache vorhanden sind, helfen den Fremdsprachlern, das Sprachsystem der zu erlernenden Sprache bewusst und erfolgreich zu beherrschen.⁴

Eine moderne kontrastive Grammatik muss nicht nur die sprachlichen Kontraste (Kontraste auf verschiedenen Ebenen der Sprachstruktur der zu konfrontierenden Sprachen, in unserem Falle des Deutschen als Zielsprache und des Asärbaidshanischnen als Muttersprache), sondern auch Kontraste kulturellen, religiösen und soziolektalen Charakters (z.B. Sprachverhalten, Sitten und Bräuche, gesellschaftliche Faktoren usw) berücksichtigen. Das ist desto wichtiger, wenn man berücksichtigen muss, dass die Sprache unser Bewusstsein, im breiten Sinne des Wortes, unsere Gedanken bestimmt. Unsere Weltansicht gestaltet sich unter dem Einfluss der Sprache aus. Unsere

Sprache drückt die Aussenwelt und unsere Umwelt so, wie wir es uns vorstellen. Wir widerspiegeln unsere Umwelt durch Kategorien, Vorstellungen und Gegenüberstellungen in unserer Sprache.

Der Zweisprachler benutzt das Zeichensystem einer Sprache, wenn er sich ausdrücken will. Will er das in der zweiten Sprache verwirklichen, geht er zum Zeichensystem der zweiten Sprache über, wenn seine Vorstellungen über die Welt sich nicht überschneiden. Die objektive Wirklichkeit wird in jeder Sprache eigenartig kodifiziert. Als Beispiel kann die Benennung ein und desselben Sachverhalts in Deutsch, Russisch, Englisch einerseits und in Asärbaidshanisch andererseits bezeichnet werden: /onkel/, /uncle/ und /əmi, dayı/ bezeichnen den Verwandten von beiden Seiten der Eltern, indem es im Asärbaidshanischen für den Verwandten von väterlichen und mütterlichen Seiten entsprechende Benennungen gibt: /ämi/ und /bibi/ von der väterlichen Seite, /dajı/ und /xala/ von der mütterlichen Seite.

Die eine Sprache Sprechenden verfügen selbstständig über gleiche Kultur. Und die Nichtberücksichtigung der Kulturunterschiede führt oft zu Missverständnissen. Ein Beispiel aus meinem eigenen Leben: es war im Jahre 1978, als ich an Leipziger Universität meine Forschungsarbeit machte. Eines Abends saßen wir in einer Gaststätte und unterhielten uns beim Biertrinken. Da trat ein alter Mann mit dem Stock in der Hand ein und schlug mit dem Stock auf unseren Tisch, ohne irgendein Wort hervorzubringen. Wir konnten anfänglich diese Handlung nicht begreifen und auch sprachlich nicht enträtseln. Es hat sich bald herausgestellt, der Mann wollte uns dadurch fragen, ob der Platz da frei war und ob er sich zu uns setzen durfte. Wir, die Stipendiaten aus der ehemaligen SU, konnten damals die Handlung des alten Deutschen nicht verstehen, weil wir aus einem anderen Land mit anderer Kultur da waren. Aber bei der Wiederholung derselben Handlung wunderten wir uns gar nicht und antworteten auf die non-verbale Forderung des Alten mit der Bejahung.

Wir sagen mit W.von Humboldt, mehrere Sprachen sind in der Tat mehrere Weltansichten⁵. In der Eskimossprache gibt es kein Wort für die Bezeichnung des weiblichen Geschlechts, aber diese Sprache hat unterschiedliche Abarten für die konkrete Bezeichnung des weiblichen Geschlechts. Also die linguistische Relativitätstheorie, die in der Sprachwissenschaft mit den Namen von Sapir und Whorf verbunden ist, hat sich vollkommen nicht nachgewiesen. Obwohl wir im bestimmten Sinne des Wortes vom Isomorfismus der Denkweise sprechen können, doch ist es nicht eindeutig zu sagen, dass alle Völker

über zeitliche, räumliche und materielle Sachverhalte und Begriffe gleiche konzeptuelle Systeme haben.

Bei der Bereicherung des Wortschatzes spielen die Entlehnungen eine wichtige Rolle. Und diese Entlehnungen verdeutlichen die Realität in der Sprache, woher sie gekommen sind. z.B. in der deutschen Äußerung /Die Gipfelkonferenz rief viele Probleme hervor/ ist das Wort /summit/ eine Entlehnung aus dem Englischen. Dieses Wort bleibt bei der Übersetzung ins Asärbaidshanische erhalten, obwohl wir dieses durch unser eigenes Wort wiedergeben können: /zirve/. Aber das ist nicht das direkte Äquivalent des englischen Wortes.

Beim Erlernen des Deutschen hängen bestimmte Schwierigkeiten mit den Unterschieden in Kulturen zusammen. Wir haben nur eine Du- und eine Ihr-Anredeform. Aber die Deutschen benutzen Du, Ihr und extra Sie-Formen. Die Engländer haben überhaupt nur eine You-Form. Wir müssen darauf Acht geben, ob es sich um die Höflichkeitsformen oder einfache Anredeformen handelt. Vgl.:/gəl/, /gəlirsən/, /gəlirsiz/, aber im Deutsch: /Komm!/, /du kommst!/, /ihr kommt!/, /Sie kommen!/. Woher kommen diese Verschiedenheiten? Manchmal ist es nicht leicht, diese Verschiedenheit zu erklären. Hier dürfen die sozialen und kulturellen Faktoren nicht ausgeschlossen werden.

Einen deutschen Satz mit Artikel ist den Asärbaidshanern nicht einfach zu verstehen.

/Der Mann ist krank/(ich kenne den Mann, der krank ist) oder /Der liegende, schlafende, sprechende Mann ist krank) oder /Der Mann, den er mir vorstellen will, ist krank//

Daraus ergibt sich, dass die Unterschiede in der Mentalität, in der Kultur und in der Grammatik einschließlich der Lexik in der Wirklichkeit als verschiedene Varianten der linguistischen Relativität betrachtet werden können. Und diese Verschiedenheiten muss die Grammatik unbedingt in Rücksicht nehmen.

Noch ein Beispiel für die Unterschiede in der semantischen Interpretation der realen Wirklichkeit. Das Wort /blau/ kann ins Asärbaidshanische übersetzt werden als /mavi/ und als /göy/. Bei uns aber ein Teil der Farbe /göy/ fällt mit /grün/ zusammen. /Grüne Wiese/ kann sowohl als /göy tshemen/ und als /yashıl tshemen/ wiedergeben werden.

Der große russische Schriftsteller L.Tolstoj hat in seinem Roman „Krieg und Frieden« die Unterschiede zwischen zwei Völkern durch den Gebrauch der Pronomen ausgezeichnet gezeigt⁶. Wieder ein Spruch von W.von Humboldt: „Die Sprache ist gleichsam die äusserliche Erscheinung des Geistes der Völker; ihre Sprache ist ihr Geist

und ihr Geist - ihre Sprache, man kann sie nie identisch genug denken«⁷. Sie selbst (die Sprache-F.V.) ist kein Werk (ergon), sondern eine Tätigkeit (Energiea)⁸.

Man sagt heute, es gäbe keine primitive Sprache. Aber das heißt nicht, dass alle Sprachen gleich sind. Nicht alle Sprachen sind auch gleichberechtigt. Aber die Sprachen widerspiegeln die Kulturen der diese Sprachen sprechenden Völker. Und eine kontrastive Grammatik soll diese Eigentümlichkeiten berücksichtigen.

Da die Sprache eine Tätigkeit ist, muss der Fremdsprachenunterricht sie „im wirklichen Wesen aufgefasst als beständig und in jedem Augenblick Vorübergehendes« betrachten. Gerade diese Totalität des Sprechens kann nicht ausser Acht gelassen werden.

Unsere kontrastive Grammatik muss immer als ein Hilfsmittel genommen werden, sie hat eine dienende Bedeutung. Sie soll nicht die Beispiele mit Regeln versehen, sondern induktiv von Beispielen zur Ableitung der Regeln führen⁹. Zur gleichen Zeit muss betont werden, dass die Einsichtigkeit zu falschen Schlussfolgerungen führen kann. Z.B. die Bestätigung, dass das Üben in der Fremdsprache liegt, das Denken aber auf die Muttersprache zurückzuführen ist, ist, u.E., einsichtig, denn wir haben mit lebendigen Menschen zu tun und wenn wir ihm das Denken im Fremdsprachenunterricht entnehmen, so wäre er dann mit Robot gleichgestellt. Wir dürfen die Kreativität der Sprache nicht vernachlässigen.

Die Hauptaufgabe der kontrastiven Grammatik besteht in der Erweiterung einer kommunikativen Kompetenz, in der Fähigkeit sich in bestimmten Sprachsituationen adequat und den eigenen Intentionen gemäß zu verhalten.¹⁰

Also es geht um die Differenzen der verschiedenen Soziolekte und Kulturbewertungen im Unterricht. Im Unterricht könnten Sprachbestätigung, Grammatik, Semantik und Pragmatik eine Einheit bilden, wobei die Synthese von sprachlichen Handlungen und der Beobachtung beim Sprechen verwendeten Kategorien und deren auslösenden Wirkungen notwendig ist¹¹.

G.Nickel betont, dass wir verschiedene Modellvermischungen zu unternehmen brauchen.¹²

Die kontrastive Grammatikvermittlung setzt folgende Bedingungen voraus: 1) Die Zielsprache muss durch das Filter der Muttersprache gesehen werden; 2) Die gleichen Sachverhalte können verschieden ausgedrückt werden. Z.B. deutscher Ausdruck /Am Fuße des Berges// wird im Asärbaidshanischen mit /Am Schoß des Berges// wiedergeben; 3) Die Frage muss geklärt werden: was ist schwieriger zu

lernen: Unterschiede oder Ähnlichkeiten?; 4) Der Lernende überträgt seine Sprachgewohnheiten auf die zu erlernende Sprache. Vgl.: /Ich zwei Buch lese// anstatt /Ich lese zwei Bücher//.

Die kontrastiv vergleichende Sprachwissenschaft muss drei Schritte machen:

1. Eine einheitliche Theorie ausarbeiten; 2. Vergleichbarkeit; 3. Vergleich selbst.

Es lässt sich nicht streiten, dass die Übertragung der muttersprachlichen Gewohnheiten auf die Zielsprache zu einem deutlich bemerkbaren Akzent führt, den man unter den Interferenzfehlern zusammenfasst. Das kann auf verschiedenen Sprachebenen sein. Im Folgenden führen wir einige Beispiele dieser Fehler, die die Asärbaidshaner beim Erlernen des Deutschen als Zielsprache begehen:

Auf phonetisch-phonologischer Ebene: anstatt des weichen // wird ein hartes // ausgesprochen: /bal't/ → /balt/. Im Asärbaidshani-schen haben wir zwei Allophone: ein hartes /_1_/ in Nachbarschaften mit den Vokalen der hinteren Reihe und im Auslaut, in übrigen Positionen aber wird ein weiches /_1'_/ realisiert: z.B.: /bala/ # /bələ/ usw. /Rpst/ # /Rp^st/. Vgl.: /herpst/ usw.

Auf morphologischer Ebene:

er
sie } o
es }

Nur Kontext und Umgebung deuten darauf an, worum es sich geht.

Auf syntaktischer Ebene: /Ich (will)soll dieses Buch lesen/--/Ich dieses Buch lesen will//

Auf kultureller Ebene: ¿Schreiben Sie einen Brief?--- ¿Siz məktub jazırsınız? usw.

Unsere langjährige Lehrtätigkeit gestattet uns folgende Kontraste zwischen Deutsch und Asärbaidshani-sch festzustellen:

In der Phonologie:

Im Deutschen:

1. Die Differenzmerkmale der Länge und Kürze, der Geschlossenheit und Offenheit der Vokale sind dem Asärb. fremd. Die deutschen Diphthonge haben keine direkten Entsprechungen im Asärb.

2. Die deutsche Sprache kennzeichnet sich durch drei- und viergliedrige Konsonantenhäufungen im An-, In-, und Auslaut, was für Asärbaidshani-sch nicht charakteristisch ist.

3. Die halblangen Vokale in unbetonten und relativ geschlossenen Silben und Unmöglichkeit der Kurzvokale im Auslaut.

4. Wechsel der sth Konsonanten mit den entsprechenden stl Konsonanten im Auslaut der Wörter und Morpheme.

5. Das Nichtvorkommen der sth Konsonanten vor stl Konsonanten im Inlaut.

6. Die Wortbetonung ist der Natur nach dynamisch-melodisch. Der Stelle nach ist sie relativ frei und beweglich. Vgl.: /me.lo.di'/, aber /me.lo:'di/. Sie liegt gewöhnlich auf der Stammsilbe: /k'ommen/, /bek'ommen/ usw.

7. Auf der Satzebene sind Ton und Intensität relevant. Das Tempo aber ist hier irrelevant, weil dieses Merkmal auf der Phonemebene distinktiv ist.

Im Asärbaidshanischen:

1. Es gibt keine Opposition der Lang- und Kurzvokale. Die Konsonanten kennzeichnen sich eher durch die Stärke und Schwäche als durch Stimhaftigkeit und Stimmlosigkeit Vgl.: /od/# /ot/ .

2. In vorbetonten Silben kommen halblange Vokale vor.

3. In dieser Sprache sind die Reduktion der vorbetonten Silben und Delabialisierung im Auslaut sehr verbreitet.

4. Das asärbaidshanische Wort charakterisiert sich durch die prosodische Zweigipfeligkeit, die als Synharmonie bestimmt wird. Der Anfangsvokal ist für die Stimmführung, der Endvokal aber für die Akzentstruktur des Wortes verantwortlich.

5. In der Regel ist die Endsilbe betont. Die Wortbetonung ist gebunden und beweglich, der Natur nach ist sie dynamisch-quantitativ.

6. Auf der Satzebene ist das Tempo relevant.

In der Morphologie:

Im Deutschen:

1. Reihenfolge der Morpheme: Synsemantische+ autosemantische + Flexionsmorpheme oder autosemantische+ Flexionsmorpheme;

2. Grammatische Bedeutung kann lexikalisch und morphologisch ausgedrückt werden. Vgl.: /die+ Kind+er/, /die+Üb+ung/ usw.;

3. Innere und äussere Flexion: /Garten/# /die Gärten/, /das Kind# die Kinder/ usw.;

4. Drei Deklinationstypen der Substantive und Adjektive

5. Die Adjektive in der attributiven Funktion nehmen alle grammatische Merkmale der nachstehenden Substantive.;

6. Analytische Bildungsweise von Perfekt, Plusquamperfekt und Futurum;

Im Asärbaidshanischen:

1.Reihenfolge der Morpheme: autosemantische +synsemantische. Vgl.:/ata+lar+dan+sınız/. In Entlehnungen ist das Vorkommen der präfixalen Morpheme möglich.Vgl.:/Ümid/ , aber /naümid/ usw.

Die Synsemantika sind immer betont.

2.Jede grammatische Bedeutung wird durch ein selbständiges Mittel ausgedrückt. Vgl.: /ata+lar+dan+sınız/ usw.

3.Keine innere Flexion, d.h. nur äussere Flexion und ein einziger Deklinationstyp.Vgl.:/bostan+dan/ usw.

4.Keine Kongruenz zwischen Attributen und nachstehenden Substantiven.Vgl.:/jaman söz/ usw.

5.Agglutinative Formbildung der Zeitformen.

Auf syntaktischer Ebene:

Im Deutschen:

1.Alle syntaktische Beziehungen :/schöner Tag/, /stolz auf etwas sein/, seltener /Auf gut Glück/

2.Verbalität des Satzes.

3.Zweigliedrigkeit des Satzes.

4.Zweite Stelle des finiten Verbs im Aussagesatz.

5.Rahmenkonstruktion.

6.Voran-und nachgestellte Präpositionen und Attribute. Vgl.:/eine Wiese , schön und grün/ und /eine schöne und grüne Wiese/ oder Nach seiner Meinung/ und /Seiner Meinung nach/ usw.

7.Kongruenz zwischen Subjekt und Prädikat.

8.Stabile Wortstellung /S+P+O/, aber manchmal wird verletzt.Vgl.:/Er kann nach dem Unfall wieder gehen//, aber /Er kann wieder gehen, nach dem Unfall//

Im Asärbaidshanischen:

1.Anschluß und Rektion.

2.Endstelle des finiten Verbs.

3.Vorangestellte Attribute.

4.Verletzung der Kongruenz.

5.Hauptwortstellung: /S +O+P/ usw.

Das sind nur einige Ausführungen, die allseitig in unserer Arbeit dargelegt worden sind¹³

Die kontrastiven Arbeiten aufgrund des taxonomischen Strukturalismus scheitern, weil sie nicht mächtig genug sind, grammatisch wohlgeformte Sätze von ungrammatischen Sätzen zu unterscheiden, die Probleme der Ambiguität zu lösen, verschiedene Sätze miteinander in Beziehung zu bringen.

Die generative Grammatik aber schlägt vernünftige Mittel vor , diese Probleme zu lösen. Für die generative Grammatik ist die Gram-

matik einer Sprache eine endliche Menge von Regeln: $G = R_1, R_2, \dots, R_n$

Jeder Satz ist hier eine bestimmte Reihenfolge der angewandten Regeln:

$S_1 = A(R_a) \dots A(R_b) \dots A(R_k)$, wo A-Anwendung, R – Regel ist.

Die Regeln sind so beschaffen, dass jedem Satz gleichzeitig eine Strukturbeschreibung zugeordnet wird.

Sprachliche Interferenzerscheinungen sind primär Interferenzen zwischen Regeln und Regelsystemen und nicht zwischen Strukturen, wie das der taxonomische Strukturalismus behauptet. Daraus ergibt sich, die Aufgabe der kontrastiven Analyse bestehe im Vergleiche zwischen Regeln und Regelsystemen, und nicht zwischen den davon abhängigen Strukturen.

Literatur

1. G.Helbig. Probleme der deutschen Grammatik für Ausländer. Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1974, S.7.

2. L.V.Schtscherba. Fonetika franuzskoqo yzika. M., 1937. Die kontrastiven Forschungen im Auslande wurden nach den Arbeiten R.Lados, Ch.A.Fergusons und U.Weinreichs in Angriff genommen. R.Lado. Linguistics Across Cultures. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1957; W.G.Moulton. The Sounds of English and German. Chicago: The University of Chicago Press, 1962; U.Weinreich. Languages in Contact. N.-York: Publications of the Linguistics Circle of N.-York 1953. Sixth Printing, The Hague: Mouton 1968. R.Lados unterstreicht, dass die Schwierigkeiten und Nichtschwierigkeiten nur dann erfolgreich festgestellt werden, wenn die Sprache und Kultur des Studenten systematisch erforscht werden. R.Lado. Ebda, S.vii.

3. H.A.Gleason. Linguistics and English Grammar. N.York/Toronto/London, 1965, p.494

4. A.V.İsaçenko. Qrammatičeskiy stroy ruskoqo əzika v sopostavlenii s slovacim. Bratislava, 1968, str.42.

5. W.von Humboldt. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Über die Sprache. Wiesbaden, 2003, S.13.

6. Dj.Layonc. Язык i linqvistika. M., 2004, str.281.

7. W.von Humboldt. Ebda, s.313.

8. Ebda.

9. F.Leisinger. Elemente des neusprachlichen Unterrichts. Stuttgart, 1966, S.251.

10. F.Leisinger. Ebda.

11. W.Mentzel. Die deutsche Schulgrammatik. Paderborn, 1975, S.45.

12. G.Nickel. Papers in Contrastive Linguistics. Cambridge, 1971; R.Lado. Linguistics Across Cultures. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1957; W.G.Moulton. The Sounds of English and German. Chicago: The University of Chicago Press, 1962; U.Weinreich. Languages in Contact. N.-York: Publications of the Linguistics Circle of N.-York 1953. Sixth Printing, The Hague: Mouton 1968.

13. F.Vejšalov/B.Hämsälijeva. Probleme einer konfrontativen Grammatik (behandelt am Material der deutschen und asärbaidshanischen Sprache). In: «Jahrbuch Asärbaidshanforschung 2007». Bd 1, Berlin, 2007, S.78-90.

ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹

Современная наука о языке рассматривает дискурс как важнейшую форму повседневной жизненной практики человека и определяет его как сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста такие экстралингвистические факторы, как знание о мире, мнения, установки и цели адресата, которые необходимы для понимания текста.

Определение понятия «дискурс» представляет значительные сложности в силу того, что оно оказалось на стыке целого ряда научных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и многих других. Тем не менее, можно говорить о том, что благодаря усилиям ученых различных областей теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область, отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки.¹ Современная теория дискурса, как и сам термин «дискурс», восходит к античной риторике, однако она начала складываться в самостоятельную область лишь в середине 60-х годов XX века в рамках многочисленных исследований, получивших название лингвистика текста. Это был период, когда лингвистика вышла за рамки исследования изолированных высказываний (предложений) и перешла к анализу синтагматической цепи высказываний, образующих текст, конституирующими свойствами которого являются завершенность, целостность, связность и др.

---

¹ İlk dəfə çap olunub: «Azərbaycanda Xarici Dillər». №2, Bakı, 2007, S, 12-24 (D.Tarasova ilə şərikli)

Возникновение теории дискурса ознаменовало качественный скачок в развитии науки о языке и выдвинуло сложнейшую задачу – задачу лингвистического описания текста. Возникнув в рамках лингвистики текста, теория дискурса никогда не утрачивала своей изначальной связи с ней, но последовательно шла к дифференциации объекта своего исследования. К разграничению понятий «текст» и «дискурс» с точки зрения форм реализации языка, относительной длины синтагматической цепи, формально-содержательных параметров в тексте связной речи.

Сегодня термин «дискурс» многозначен. Он употребляется различными авторами в различных значениях.² В.Т.Борботько выделяет следующие аспекты дискурса: 1) связной текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная.³ Таким образом, дискурс определяется как текст, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование.⁴

В лингвистической энциклопедии, вышедшей недавно под редакцией Ф.Я.Вейсалли, мы находим следующее определение дискурса: дискурс – нем. Discurs (m), англ. Discourse фр. discourtion, азерб. diskurs, – 1) основное понятие, обозначающее различные аспекты текста. Дискурс – это в американской лингвистике – связной текст (англ. Connected speech), в английской лингвистике – рассказанный текст. В этом смысле дискурс отличается от текста, взятого как формально-грамматическая структура. Дискурс – это когерентный текст, который говорящий строит по отношению к своему собеседнику. Он есть результат интерактивного процесса в социокультурном контексте; 2) анализ, проведенный с целью выявления правды в философском смысле. Широко применяется с 70- годов прошлого века в социо-, психо-этнолингвистике, в когнитивной науке, в языковой философии искусственного интеллекта, в лингвистической социологии, риторике и стилистике».

Лингво-коммуникативный аспект дискурса прослеживается также и в определении Г.А.Орлова, который рассматривает дискурс как категорию /естественной/ речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершеного в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно-цельного произведения

(рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т.п.)⁵ Содержательный аспект дискурса учитывается также и В.А.Кохом; согласно его пониманию, «любой текст (или части текста), который содержит проявления одного и того же конкретного мотива, будет считаться дискурсивным текстом»⁶ Таким образом, адекватная интерпретация высказывания, знания предшествующего в дискурсе, требует знания предшествующего контекста. Из такого понимания «дискурса» можно заключить, что он рассматривается с точки зрения логико-семантического анализа. При этом И.Беллерт утверждает, что семантическая интерпретация любого высказывания (единицы дискурса) представляет собой совокупность следствий или выводов, которые можно сделать на основании данного высказывания. Иными словами, данную точку зрения можно считать интуитивно убедительной, так как трудно не согласиться с тем, что «если некто понимает данное высказывание, то он может сделать вытекающие из него выводы, и наоборот»⁷. Уточняя понятия текста и дискурса, современные исследователи подчеркивают, что текст как языковой материал не всегда представляет собой связную речь, то есть дискурс. Текст есть более общее понятие, чем дискурс; дискурс же, в свою очередь, есть частный случай текста. Поскольку всякий дискурс есть текст, постольку теория дискурса разделила с лингвистикой текста все вопросы, касающиеся сущностных свойств текста как языковой единицы высшего порядка. Текст и дискурс характеризуются общими свойствами завершенности, цельности, связности и др.), а также вопросы, связанные с единицами дискурса, его структурой и способами сегментации. Стремясь дифференцировать понятия дискурса и текста, теория дискурса всегда подчеркивает деятельностный, динамичный аспект языка: понятие дискурс отличается от текста тем, что оно представляет язык как процесс, учитывающий воздействие экстралингвистических факторов в акте коммуникации, и как результат, представленный в виде фиксированного текста. Любая последовательность предложений, - пишет В.А.Кох, - организованная во времени и в пространстве таким образом, что предполагает целое, будет считаться текстом.⁵ Деятельностный, динамичный аспект дискурса восходит к античной риторике, где термин дискурс означал «язык, рассматриваемый в действии, в реальном применении».⁶ Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не то же самое, что моделирование процессов пони-

мания (анализа) дискурса. В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ: те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения он и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, есть еще третья перспектива – рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, местоимения в тексте можно рассматривать безотносительно к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом, просто как структурные сущности, находящиеся в некоторых отношениях с другими частями текста).

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, а также соответствующий раздел лингвистики называются одинаково – дискурс[ив]ным анализом, или дискурс[ив]ными исследованиями. Хотя языковое взаимодействие на протяжении веков было предметом таких дисциплин, как риторика и ораторское искусство, а затем – стилистики и литературоведения, как собственно научное направление дискурсивный анализ сформировался лишь в последние десятилетия. Произошло это на фоне господствовавшей в лингвистике на протяжении большей части 20 века противоположно направленной тенденции – борьбы за «очищение» науки о языке от изучения речи. Ф.де Соссюр считал, что истинным объектом лингвистики является языковая система (в противоположность речи), Н.Хомский призывает лингвистов изучать языковую «компетенцию» и абстрагироваться от вопросов употребления языка.⁸ В последнее время, однако, познавательные установки в науке о языке начинают меняться и набирает силу мнение, в соответствии с которым никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики.⁹

Термин дискурсивного анализа впервые был использован в 1952 году З.Харрисом.⁸ Однако он как самостоятельная дисциплина относится скорее к 1970-м годам.¹⁰ В это время были опубликованы важные работы европейской школы лингвистики текста (Т.ван Дейк, В.Дресслер, Я.Петефи и др.) и основополагающие американские работы, связывающие дискурсивные изучения с более традиционной лингвистической тематикой (У.Лабов, Дж.Граймс, Р.Лонгейкр, Т.Гивон, У.Чейф).¹² К 1980-1990-м годам относится уже появление обобщающих трудов, справочников и учебных пособий.¹²

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, встает вопрос о классификации типов и разновидностей дискурса. Самое главное разграничение в этой области – противопоставление устного и письменного дискурса. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – звуковой, т.е. акустический, при письменном – визуально-графический.

Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался большей популярностью, чем устный, совершенно ясно, что устный дискурс – это исходная, фундаментальная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного. Большинство человеческих языков и по сей день является бесписьменным, т.е. они существуют только в устной форме. После того как лингвисты в 19 в. признали приоритет устного языка, еще в течение долгого времени не осознавалось то обстоятельство, что письменный язык и транскрипция устного языка – не одно и то же.

Лингвисты первой половины 20 века нередко считали, что изучают устный язык (в положенном на бумагу виде), а в действительности анализировали лишь письменную форму языка. Реальное сопоставление устного и письменного дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 70-х годах прошедшего века.¹³

Различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса.¹⁴ Во-первых, в устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронно, а в письменном – нет. При этом скорость письма более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате при устном дискурсе имеет место явление фрагментации: речь порождается толчками, оформленными интонационными единицами, которые отделены друг от друга паузами, имеют относительно заверченный интонационный контур и обычно совпадают с простыми предикациями или синтагмами. При письменном же дискурсе происходит интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Второе принципиальное различие, связанное с разницей в канале передачи информации, – наличие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта в норме нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место вовлечение говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений первого и второго лица, указаний на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, использование жестов и

других невербальных средств и т.д.¹⁵ При письменном же дискурсе, напротив, происходит отстранение говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога. Например, при описании научного эксперимента автор статьи скорее напишет фразу. Это явление наблюдалось только один раз, а при устном описании того же эксперимента с большей вероятностью можно сказать: Я наблюдал это явление только один раз.

Письменная форма языка возникла как способ преодолеть расстояние между говорящим и адресатом – расстояние как пространственное, так и временное. Такое преодоление стало возможно лишь при помощи особого технологического изобретения – создания физического носителя информации: глиняной дощечки, папируса, бересты и т.д.¹⁶ Дальнейшее развитие технологии привело к появлению более сложного репертуара форм языка и дискурса – таких, как печатный дискурс, телефонный разговор, радиопередача, общение при помощи пейджера и автоответчика, переписка по электронной почте.¹⁷ Все эти разновидности дискурса выделяются на основе типа носителя информации и имеют свои особенности. Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 10-15 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный дискурс использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей устного и письменного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором два собеседника «разговаривают» через компьютерную сеть: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активно развивающихся областей современного дискурсивного анализа.

Помимо двух фундаментальных разновидностей дискурса, устной и письменной, следует упомянуть еще одну: мысленную. Человек может пользоваться языком, не производя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия легко наблюдаемых проявлений мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Одно из наиболее известных исследова-

ний мысленного дискурса, или, в традиционной терминологии, внутренней речи принадлежит Л.С.Выготскому.¹⁴

Более частные различия между разновидностями дискурса описываются с помощью понятия жанра. Это понятие первоначально использовалось в литературоведении для различения таких видов литературных произведений, как, например, и новелла, эссе, повесть, роман и т.д. В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко. Исчерпывающей классификации жанров не существует, но в качестве примеров можно назвать бытовой диалог (беседу), рассказ (нарратив), инструкцию по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, проповедь, стихотворение, роман.

Из исследований теории дискурса известно, что Э.Бенвенист и З.Харрис являются теми учеными, которые заложили традицию тождественного обозначения разных объектов исследования: Э.Бенвенист понимает под дискурсом экспликацию позиции говорящего в высказывании, в трактовке З.Харриса объектом анализа становится последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение.^{8;15}

М.Фуко, развивая идеи Э.Бенвениста, предлагает свое видение целей и задач дискурсивного анализа. По мнению М.Фуко и его последователей, приоритетным является установление позиции говорящего, но не по отношению к порождаемому высказыванию, а по отношению к другим взаимозаменяемым субъектам высказывания и выражаемой ими идеологии в широком смысле этого слова.¹⁶

Доминантной тенденцией анализа дискурса во 2-й половине 20 в. становится тенденция интеграции различных аспектов его рассмотрения – вне дисциплинарных барьеров. Теория дискурса конституируется в качестве одного из важнейших направлений постмодернизма, методология которого оформляется на пересечении собственно постмодернистской философии языка, семиотики, лингвистики в современных ее версиях (включая структурную и психолингвистику), социологии знания и когнитивной антропологии.¹⁹⁻²¹

В отличие от историко-философской традиции, понимавшей дискурс как своего рода рационально-логическую процедуру «скромного чтения», т.е. декодирования по мере возможностей имманентного миру смысла, постмодернизм интерпретирует дискурсивные практики принципиально альтернативно: «не существует никакого предискурсивного провидения, которое делало бы его /мир/ благосклонным к нам.²²

Согласно постмодернистскому видению дискурсивных практик, в дискурсе объект не репрезентируется в его целостности, процессуально осуществляется как последовательная (темпорально артикулированная, спекулятивная (семиотически артикулированная) актуализация последнего.²³

Аналогично, в постмодернистской трактовке субъект-субъектных отношений фундированная презумпцией понимания коммуникация уступает место процессуальности вербальных игровых практик и процессуальности дискурсивных процедур.²⁴ В этом плане важнейшим аспектом постмодернистских аналитик дискурса является исследование проблемы его соотношения с властью. Будучи включенным в социокультурный контекст, дискурс, как рационально организованный и социокультурно детерминированный способ вербальной артикуляции имманентно-субъективного содержания сознания, не может быть индифферентен по отношению к власти: «дискурсы ... раз и навсегда подчинены власти или настроены против нее».²⁵

Как субъект-объектное, так и субъект-субъектное отношения растворяются в игре дискурсивных кодов, утрачивая свою определенность: человек как носитель дискурса разгружен в дискурсивную среду, которая и есть тот единственный мир, который ему дан. Единственно возможной в данном контексте гносиологической аналитикой метауровня выступает для постмодернизма анализ самого дискурса: исследование условий его возможности, механизм осуществления его процессуальности, сравнительные аналитики различных типов дискурса и т.п. М.Фуко формулирует по этому поводу так называемое «правило внешнего», которое заключается в том, чтобы идти не от дискурса к его якобы наличествующему внутреннему смыслу, а от проявлений дискурса – к условиям его возможности. Развивая эту идею, М.Фуко фиксирует следующие типы возможных трансформаций дискурсивных практик:

1) деривация (внутридискурсивные зависимости), т.е. трансформация, связанные с адаптацией или исключением тех или иных понятий, их обобщения и т.п.;

2) мутация (междискурсивные зависимости), т.е. трансформация позиции говорящего субъекта, языка или соответствующей предметности (смещение границ объекта);

3) редистрибуция (внедискурсивные трансформация), т.е. внешние по отношению к дискурсу, но не безразличные для его эволюции социокультурные процессы.

Точкой сопряжения разнонаправленных, но конгруэнтных по своей природе действий, совершаемых коммуникантами, является текст. Представление о дискурсе как процесс позволяет анализировать текст как явление статическое, зону погашения сил. Такое понимание текста не является традиционным для русского языкознания, хотя З.Я.Тураева отмечает, что «как некая объективная реальность текст существует в определенных параметрах вне сознания творящего и воспринимающего его субъекта. В этом смысле он представляет собой закрытую систему, для которой характерно состояние покоя».²³ Более традиционной является точка зрения на текст, во-первых, как на факт письменной формы языка; во-вторых, происходит смешение прямого и метонимического значений: термином «текст» описывают фрагмент текста. И.Р.Гальперин предлагает следующее определение текста: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определенную целенаправленность и прагматическую установку».²⁴ Такое определение вполне согласуется со статическим подходом к языку, объектом анализа которого, по меткому замечанию П.Серио, является «язык Адама», эта производимая в одиночестве, лишенная памяти речь».²⁵

Большой объяснительной силой обладает описание текста как промежуточной стадии дискурса, если понимать под дискурсом совокупность речемыслительных действий обоих коммуникантов. В то же время текст как объективно существующий факт действительности может рассматриваться в качестве продукта (результата) дискурса.

Говорить о тексте как продукте дискурса позволяет адаптация в лингвистике базового для наук об интеллекте постулата о квантовом характере мышления. Выделение У.Чейфом 14 в информационном потоке единиц (клауз), соизмеримых с квантами мышления, приводит к представлению о дискретно-волновой природе дискурса. Тем самым, можно предположить, что дискретность – априорное свойство любого дискурса. А деление информационного потока на клаузы происходит независимо от интенций говорящего и коммуникативной ситуации в целом. Непроизвольная и спонтанная дискретность предопределяет в качестве доминантной стратегии говорящего установление связности порождаемого текста: «С точки зрения языковой структуры образование адекватной речевой формы может

мыслиться как процесс порождения высказываний из структурно-релевантных единиц более низкого порядка и их соединения в более крупные блоки, с помощью которых человек способен закрепить и выразить свои мысли».¹⁵ Необходимость трансформации определяется несовместимостью дискретной структуры концепта и поверхностных форм текста; она связана с изменением конфигурации ментального представления в линейную структуру. Трансформация дискретного представления в представление связное – необходимое условие успешности коммуникации: бессвязный текст не может быть адекватно декодирован адресатом. Эта трансформация происходит через установление глобальной и локальной связности дискурса.

Глобальная связность, понимаемая как единство темы (топика) дискурса, устанавливается продуцентом (автором) на начальной стадии разработки дискурса: происходит установление релевантных связей между структурами знаний – репрезентируется связная модель ситуации. Установление локальной связности происходит на стадии формирования текста и требует выявления связей между пропозициями и поверхностными структурами – выявления отношений когезии. Авторские интенции на этой стадии предполагают выбор адекватной поверхностной структуры для экспликации релевантных для продуцента связей между клаузами. Учитывая тот факт, что распределение информации по клаузам при построении дискурса остается неизменным (одна идея на одну предикацию), выбор говорящим поверхностной структуры зависит от таких переменных, как контекст ситуации и лингвистический контекст.

Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, – вопросы структуры дискурса. Следует различать разные уровни структуры – макроструктуру или глобальную структуру и микроструктуру или локальную структуру. Специфическое понимание термина макроструктуры представлено в трудах известного нидерландского исследователя дискурса Т.ван Дейка. Согласно Т.ван Дейку, макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания.¹¹ Различными исследованиями, связанными с макроструктурой дискурса, занимались Е.В.Падучева, Т.Гивон, Т.ван Дейк, А.Н.Баранов и Г.Е.Крейдлин и др. Но об этом более подробно речь пойдет в следующей статье.

Литература

1. Грицанов А.А. Лингвистический словарь. М., 2001.
2. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., Прогресс, 1978.
3. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1981.
4. Орлов Г.А. Современная английская речь. М.: Высшая школа, 1991.
5. Кох В.А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., Прогресс, 1978, с.56.
6. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.
7. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
8. Harris Z.S. Discourse analysis. In: «Language». London, Longman, 1952.
9. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ. М.: Прогресс, 1989.
10. Дюбуа Д. Транскрипция дискурса. М.: Прогресс, 1993.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
12. Чейф У. Дискурс. Сознание и время.-М., 1994.
13. Колшанский Г.В. О языковом механизме порождения текста // Вопросы языкознания. – 1983, №3, с.45.
14. Выготский Л.С. Классификация дискурса. М., 1978.
15. Benveniste E. On Discourse // The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature, Manchester: Manchester Univ. Press, 1985.
16. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине. М., 1996.
17. Hassan I. Joyce, Beckett, and Postmodern Imagination, Tri Quarterly, №34, 1975.
18. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
19. Sperber D., Wilson D. Relevance: communication and cognition. Oxford, 1988. Teun van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998, p.92.
20. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000.
21. Черняевская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: учеб. пособие для вузов. М., 1999.
22. Фуко М. Типы трансформации дискурса. М., Прогресс, 1985.
23. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика)ю М., 1986, с.64.
24. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
25. Серио П. Деревянный язык и его двойник // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999, с.38.

BİZƏ HANSI QRAMMATİKA LAZIMDIR?*

I

Respublikamız müstəqillik əldə etdikdən sonra bizdə dillərin öyrənilməsi yeni mərhələyə qədəm qoymuşdur. Sovet dönəmində rus dili yeganə ünsiyyət vasitəsi kimi götürülürdü və əksər hallarda bu cür yanaşma bütün insanların tələbatını ödəyirdi. Ölkə daxilində bütün fəaliyyət sahələri rus dili vasitəsilə həyata keçirilirdi. Ölkədən kənara çıxmaq üçün isə bir qayda olaraq Moskva seçdiyi kadrları dil baxımından özü hazırlayıb başqa ölkələrə göndərirdi. Bizim respublikadan çox nadir hallarda bu seçimdə iştirak edənlər olurdu. Belə hallarda adətən rusdillilər və bir də Moskvaya əli çatanlar qabağa düşə bilirdilər. Gənclərimizin böyük əksəriyyəti isə rus dili vasitəsilə ittifaq miqyasına çıxırdı, elm, texnika və mədəniyyət sahələrində bu dildən yararlanaraq ittifaqın müxtəlif şəhərlərində təhsil alırdılar. Maraqlı burası idi ki, o zaman gənclərimizin başqa şəhərlərdə təhsil almasını qeyri-adi bir şey kimi qələmə veririrdik, bundan iftixar hissi keçirdiyimizi nəinki gizlədirdik, hətta böyük ruh yüksəkliyi ilə bu məsələlərə həsr olunmuş təmtəraqlı görüşlər keçirirdik. Təəssüf ki, bu prosesdə üç mühüm məsələni unudurduq. Bunlardan biri gənclərimizin xalqımızın ruhundan ayrılaraq kosmopolit ruhda yetişmələri idi. Onlardan bəziləri təhsil aldıkları yerdə ailə quraraq geri qayıdırdılar ki, bu da xalqın etnik tərkibində yad ünsürlərin baş qaldırmasına münbit şərait yaradırdı. Əlbəttə, biz ali məktəbləri öz universitetlərimizdə bitirdikdən sonra ittifaqın qabaqcıl elmi müəssisələrində aspirant və dissertant kimi təhsil alıb yüksək səviyyəli kadr olaraq geri qayıdanları bura aid etmirik. Digəri isə ondan ibarət idi ki, Respublikamızda təhsil ucuzlaşdırılırdı, özümüzdə təhsil alanlar o qədər də yüksək qiymətləndirilmirdilər. Bizim ali məktəbləri bitirənlər ikinci dərəcəli kadrlar kimi dəyərləndirilirdilər. Əslində bu cür yanaşma bu gün də davam etməkdədir. Misal olaraq bu yaxınlarda Fransada təhsil alıb „doktor« kimi Vətənə qayıdan adamlara göstərilən münasibəti göstərmək olar. Respublikamızda təhsilə cavabdeh olan şəxslər həmin adamları elə təqdim elədilər ki, zalda oturan hər bir gənc başa düşürdü ki, burada oxumaq heç nədir. Dəyərli adam olmaq istəyirsənsə xaricə getməlisən. Bəs onda Ölkədə bu qədər ali məktəbləri saxlamağa nə ehtiyac var?!. Ölkəmizdəki təhsilə ayrılan o vəsaitləri verib gənclərimizi xaricdə oxuda bilmərikmi? Fikrimizcə, məsələyə belə yanaşmaq qəti düzgün deyil. Hər bir ölkənin vətəndaşı öz ölkəsində normal boya-başa çatmaq və təh-

* İlk dəfə çap olunub: ADU-nun “Dil və ədəbiyyat” jurnalı. Bakı, 2008, №=2(6), s. 30-44

sil alaraq mütəxəssis kimi yetişmək arzusundadır. Bu onların konstitusiyaya hüquqlarıdır. Bunu unutmamaq olmaz. Üçüncü məsələ isə, bizim ali məktəblərimizə gəlmək istəyənlər yox dərəcəsinə idi. Təkcə Azərbaycan Neft Akademiyasını çıxmaq şərtilə bizim ali məktəblərə nə xaricdən, nə də itifaqın başqa respublikalarından oxumağa gələn olmurdu. Elə ən çox uduzduğumuz məsələ də bu idi, çünki respublikamıza gələnlər həm mədəniyyətimizi öyrənər, həm də bizim öz mədəniyyətimiz yeni mədəniyyət daşıyıcıları ilə təmasda ola bilərdi. Mən bura tarix, musiqi, filologiya, neft sənayesi, səhiyyə, xarici dillər və s. ixtisasları aid edərdim.

İndi hər kəs bir neçə dil bilməyə can atır. Valideynlər və maraqlı tərəflər külli miqdarda vəsait sərf edərək dillərin öyrənilməsinə maliyləşdirir və dilöyrənmədə yeni, mütərəqqi üsulların tətbiq olunmasını həyat özü tələb edir. Odur ki, biz çox çevik siyasət yeritməli, xarici dillərin tədrisini bu dilləri təmsil edən ölkələrin əlinə keçməsinə imkan verməməliyik. Dünyada elə bir praktika yoxdur ki, idarə olunan dilöyrənməni başqa ölkələrin vətəndaşları öz üzərilərinə götürsünlər. Bizdə isə kimin ağılı kəsir, dil kursu açır: almanlar, ingilislər, amerikalılar və s. Onlar da yerli mütəxəssisləri ona görə sıxışdırıb aradan çıxarırlar ki, guya əcnəbilər daha yaxşı tədris metodlarından istifadə edirlər. Əsla belə deyil. Əvvəla, əcnəbilər çox çevik və müasir avadanlıqlardan istifadə edirlər. İkincisi, bizim adamları həvəsləndirirlər ki, kurslara gələnlərə xaricə sənəd verəndə üstünlük veriləcək. Üçüncüsü, yerli-yersiz bizim tədris metodikamızı ilk gündən çıxdaş edərək olmayan yarlığı bizim metodlara yaxırlar, özlərini daha böyük novator kimi qələmə verirlər. Məsələn, onlar bizim heç bir ənənəmizi və əsərlərimizi oxuyub öyrənmədən boynumuza qoyurlar ki, guya biz dərslərdə tərcümə qrammatikasından istifadə edirik, guya biz interaktiv və kommunikativ metodlardan yararlanmırıq və nəticədə bizim fəaliyyətimizi heçə endirərək özlərinin heç bir elmi tənqiddə dözməyən əzbərçilik metodunu bizə sıraya bilirlər. Burada öz başa- bəla, yarımçıq „mütəxəssislərimiz« də gül vururlar, əcnəbilərin ucuz, məzmunuz təbliğatının qurbanı olurlar. Özü də əksər hallarda bizə ağılı öyrətmək istəyənlər xarici dilin öyrənilməsində heç bir səriştəsi olmayan adamlar olurlar. Hətta onlar illərcə Ölkəmizdə yaşayıb fəaliyyət göstərmələrinə baxmayaraq, bizim dilimizdə danışa bilmirlər, çünki onları biz maraqlandırmırıq. Hətta iş o yerə gəlib çatıb ki, Bakı şəhərindəki bəzi ölkələrin səfirliklərinə vətəndaşlarımız müraciət edəndə onlara öz dillərində cavab verirlər. Məs., Fransanın səfirliyi belə praktikadan istifadə edir. Belə vəziyyətə heç bir ölkədə təsadüf edilmir. Bir anlığa təsəvvür edək ki, Fransadakı səfirliyimizə fransız müraciət edir, biz də ona öz dilimizdə cavab veririk. Belə bir hal olarsa, gör bizim o işçinin başına nələr gələr.

Dil öyrənmək bir qabiliyyətdir, mən deyərdim ki, hünərdir. Sovetlər Birliyinin dilöyrətmə sahəsində çox müasir tədris metodları var idi. Onlar görkəmli dilçilər, psixoloqlar və pedaqoqlar tərəfindən işlənilib hazırlanmışdı və tarixin sınağından uğurla çıxmışdı. Təkcə onu demək kifayətdir ki, dünyada kontrastiv qrammatikadan əsəri ilk dəfə görkəmli dilçi L.V.Şerba yazmışdı. Təssüf ki, Qərbdə rus dilində olan mənbələri oxuya bilmirlər. Ona görə də bizdə çoxdan bəlli olan ideya və fikirləri orada illər keçəndən sonra yeni şey kimi qələmə verirlər, onları yeni kimi amerikalı mənbələrindən götürüb öz fəaliyyətlərində rəhbər tuturlar.

II

Bu il (2007 –F.V) aprelin 20-22-də Tbilisidə Qafqaz bölgəsi Respublikaları üçün Alman Akademik Mübadilə Xidmətinin (AAMX) maliyyə yardımı ilə geniş bir konfrans keçirildi. Almaniyanın bu dövlət qurumu bütün dünya üzrə müxtəlif layihələr həyata keçirir və müxtəlif ölkələrdən tələbə, aspirant və elmi işçilərin Almaniya müxtəlif elm sahələri üzrə təhsil almasını və tədqiqat işləri aparmasını maliyyələşdirir. Hazırda bu məqsədlə AAMX-nin 250 milyon avro büdcəsi vardır. Bu təşkilat Qafqaz bölgəsinə də xeyli yardım göstərir. Təkcə 2005-ci ildə AAMX Azərbaycana 108, Ermənistanına 150 və Gürcüstana 288 kvote ayırmışdı. Rəqəmlərlə ilk tanışlıq göstərir ki, bizə ayrılan kvote xeyli azdır.

Tbilisidəki konfransa 300-dən artıq nümayəndə dəvət edilmişdi: bizdən 67, Ermənistandan 90, qalan yerləri isə gürcülər və almanlar tuturdu.

Bir sıra rəsmlərin iştirak etdiyi bu forumda iqtisadiyyat, tarix, siyasət, qermanistika və texnika üzrə 8 bölmə fəaliyyət göstərirdi. Konfransda mən germanistika bölməsində „Kültür-kontrastiv qrammatika xarici dilin öyrənilməsində yeni mərhələ kimi« mövzusunda geniş məruzə ilə çıxış etdim. Məruzəmin qısa məzmunu ilə oxucuları tanış etməklə bizdəki vəziyyətin nə yerdə olduğunu və ümumilikdə dünya miqyasında dillərin necə öyrənilməsi təcrübəsini açıb .östərmək istərdik. Hazırda bu məsələ çox çox önəmlidir.

Deməli, dilçilik elmi yaranandan bu yana dilöyrənmənin əsas yolları araşdırılıb. Həmişə sırf elmi məsələlərlə yanaşı, dilçiliyin inkişafına dilöyrənmənin praktik tələbləri güclü təsir göstərib. İnsanlar klassik dilləri öyrənməklə onların oxşar və fərqli cəhətlərini üzə çıxartmağa çalışırdılar. Orta əsrlərdə universal qrammatikanın yaradılması ideyası irəli sürüldü, lakin məsələ dərinlən öyrənilmədi. Sonra isə Y.Q. Herder və V.fon Humboldt öz orijinal fikirlərilə dilin fəlsəfəsini işləyib hazırladılar. Onlar dil haqqında çox maraqlı və yeni fikirlər söylədilər. Məsələn V.fon Humboldt dili xalqın ruhu, onu xalq ruhunun zahiri görüntüsü adlandırır.

Dilin insanla ətraf aləm arasında aralıq dünyası olması, onu daim hərəkətdə olan orqanon kimi götürməsi, onu əməl deyil(erqon), fəaliyyət kimi dəyərləndirməsi(7,8) və s.fikirləri bu gün yenidən qiymətə minir və müasir alimlər kültür-kontrastiv qrammatika deyəndə tez-tez məhz V.fon Humboldtun bu fikirlərini yada salırlar.

Tarixili-müqayisəli dilçiliyin ən böyük xidmətlərindən biri dillər arasındakı qohumluq əlaqələrini məyyənləşdirməkdən ibarət olmuşdur. Bu da əsasən diaxronik yolla aparılırdı. Başqa sözlə, dilin zamanca dəyişmələri ayrılıqda müəyyən edilirdi, sonra müxtəlif zaman kəsiklərindəki vəziyyətlər müqayisə edilirdi və formal və semantik oxşarlığa əsasən dillər arasındakı qohumluq əlaqələri tapılırdı. Elə buna görə görkəmli alman alimi H.Paul hesab edirdi ki, dilçilik mədəniyyətsünaslıq elmi olmaqla mütləq tarixi olmalıdır. Ancaq İ.A.Boduen de Kurtene və F.de Sössür diaxronik yanaşmanı dilin əsl mahiyyətinin açılıb göstərilməsində lüzumsuz elan edərək bütün dilçiliyi sinxron yanaşmaya yönəldilər və əsas vəzifə kimi dilin sistem və struktur xüsusiyyətlərinin və onun mexanizminin nədən ibarət olmasını araşdırmağı ön plana çəktilər.

Hazırda ənənəvi qrammatika adlanan orta əsrlər dilçiliyi canlı dillərə olan tələbatı tam ödəmədiyindən XIX əsrin axırlarından və XX əsrin əvvəllərinə qədər struktur dilçiliyin formalaşması ilə səciyyələnir.

Amma bununla eyni vaxtda məzmun, asılılıq və törəmə qrammatikaları kimi yeni qrammatik cərəyanlar və məktəblər də yarandı. Struktur istiqamətin aparıcı nümayəndələri L.Yelmslev, H.Qlison və s., funksional dilçiliyin təmsilçiləri Praqa məktəbi, R.Yakobson, N.S.Trubeskoy, A.Martine və başqaları, məzmun qrammatikasının ideoloqları L.Vaysgerber, Y.Triir, V.Porsiq və s., asılılıq qrammatikasının ideyalarını L.Tenyer kimi alimlər işləyib hazırladılar. Törəmə qrammatikası isə N.Xomskinin adı ilə bağlıdır. Keçmiş ittifaqda formalaşan Sankt Peterburq və Moskva məktəbləri dilin struktur və sistem münasibətlərinin öyrənilməsində özünəməxsus nailiyyətlər əldə etmişlər(L.V.Şerba, P.S.Kuznesov, A.A.Reformatski, Y.S.Maslov, L.R.Zinder və b.). Bu deyilənlər xüsusilə dil nəzəriyyəsinə, fonologiyanın inkişafına, dilin sistem münasibətlərinin dərinəndən təhlilinə və s. aid edilə bilər.

Əlbəttə, bu məktəblərin və alimlərin hər biri dilçilik tarixində öz xidmətlərilə iz buraxmışlar. Onların məziyyətlərini açıb göstərmək bu məqalənin vəzifəsi deyil. Biz sadəcə olaraq onların adını çəkməklə göstərmək istərdik ki, bugünkü qrammatikaya dair dilçilik elmi uzun bir yol keçib gəlmişdir. Biz bu yazının başlanğıcında qoyulmuş suala cavab vermək istəyirik: bizə qrammatika lazımdır, lazımdırsa bu hansı qrammatika olmalıdır?

Öncə onu qeyd edək ki, ana dili dərslərindəki qrammatika əsaslı şəkildə xarici dil dərslərindəki qrammatikadan fərqlənməlidir. Birinci

halda söhbət dil daşıyıcısının səriştəsini üzə çıxartmaqdan gedirsə, ikinci halda biz dilöyrənənlərdə dil səriştəsi yaratmaqla bərabər, həm də o səriştəni tətbiq etmək vərdişlərini təmin etməliyik¹.

Görkəmli dilçi L.V.Şerbanın yazmış olduğu ilk kontrastiv əsər rus və fransız dillərinin ardıcıl konfrontativ və kontrastiv təhlilinə həsr olunmuş və həqiqətən böyük tarixi hadisə olmaqla yeni dillərin tədrisini yeni mərhələyə qaldırmaq demək idi². Əslində tarixi – müqayisəli dilçilik dillərin praktik cəhətdən öyrənilməsinə heç bir köməklik göstərə bilmirdi. O əsas fikrini diaxroniyaya yönəldərək dillərin, xüsusilə də ölü dillərin bərpasını həyata keçirirdi. Bununla da ulu dili yaratmaq, dillər arasında qohumluq əlaqələrini bərpa etməklə onların genealoji və tipoloji bölgüsünü vermək məqsədini qarşısına qoymuşdu. Kontrastiv dilçilik isə ilk başlanğıcdan xarici dillərin öyrədilməsi problemlərini ortaya qoyub onların tədrisini yaxşılaşdırmaq üçün səmərəli yollar axtarırdı.

Kontrastiv dilçiliyə qədər qrammatikanın aşağıdakı növləri yarana-raq formalaşmışdı:

1.Ənənəvi qrammatika (məqsədi onu aydınlaşdırmaq idi ki, fikir necə funksiyalaşır); 2.Struktur qrammatika(məqsədi danışılanı formal-kəmiyyət baxımdan təhlil etmək idi); 3.Məzmun qrammatikası (məqsədi dili dünyanın şəkli, onu cəmiyyətin ruhi gerçəkliyi və hər bir dilin fərdi aralıq dünyası olmasını sübut etmək idi); 4.Törəmə qrammatikası (məqsədi əsasında şərh modelini həyata edən nəzəriyyə təşkil edir, həmin modeldən danışan və dinləyən istifadə edir); 5. Asılılıq qrammatikası (məqsədi fəli əsas vahid hesab etməklə cümlənin hierarxik strukturunu göstərməkdən ibarətdir).

Amerikan dilçisi H.qlison hesab edirdi ki, ümumiyyətlə elmi qrammatika yoxdur.«Bir qayda olaraq „biz hansı qrammatikanı tədris etməliyik? sualının qoyuluşu səhvdir, bundansa belə deməliyik ki, „iki və daha artıq sistemlərə baxışları necə öyrətməliyik«.³

Kontrastiv qrammatika xarici dili öyrənənlərin səhvlərini qabaqcadan görüb düzəltmək və onların səbəblərini şərh etmək məqsədini güdür.Görkəmli dilçi A.İsaçenko haqlı olaraq göstərir ki, ana dillilə öyrənilən dil arasındakı fərqlər öyrənilən dilin sistem xüsusiyyətlərini şüurlu şəkildə mənimsəməyə və onu uğurla tətbiq etməyə imkan verir.⁴

Müasir kontrastiv qrammatika təkə dil kontrastlarını deyil, həm də ünsiyyətdə özünü büruzə verən mədəni, dini və sosial fərqləri də nəzərə alır(dil davranışı,salamlaşma, xudahafizləşmə, təşəkkür etmə və s., adət və ənənələr, ictimai amillər və s.). Bu həm də ona görə vacibdir ki, dil insanın şüurunu, dünyagörüşünü, fikir və düşüncələrini müəyyən edən instituttur. Dünyagörüşümüz dilimizin təsiri altında formalaşır, ətraf aləmi beynimizdə əks etdirir. Ətrafdakı hadisə və proseslər dilimizin kateqoriyaları və strukturları ilə öz ifadəsini tapır.

İkidilli adam öz fikir və düşüncəsini ifadə etmək üçün hər dəfə bir dilin işarələri sistemindən istifadə edir. Əgər o, ikinci dildə danışmaq istəyirsə, o zaman o, ikinci dilin işarələr sisteminə keçir. Deməli, obyektiv gerçəklik hər dildə bir cür kodlaşır. Misal olaraq biz qohumluq bildirən sözləri Azərbaycan və geniş yayılmış alman, ingilis və rus dillərində götürə bilərik:

Azərbaycan	Alman	İngilis	Rus
əmi	Onkel	uncle	дядя
dayı	Onkel	uncle	дядя
xala	Tante	aunt	тетя
bibi	Tante	aunt	тетя və

S.

Göründüyü kimi, hind-Avropa dillərində obyektiv aləmin strukturlaşması türk dillərindən olan Azərbaycan dilindən köklü şəkildə fərqlidir. «Bu niyə belədir?» sualına burada cavab vermək istəmirik. Bu tamam başqa məqalənin mövzudur. Burada isə onu qeyd etmək ki, mülkiyyətin bölünməsinin hüquqi əsasları başqa-başqa olduğu ölkələrdə real gerçəkliyin dildə ifadəsində də bu fərqlər nəzərə alınır.

Məlumdur ki, bir dildə danışanlar eyni mədəniyyətə malikdirlər. Mədəni amilləri nəzərə almamaq çox vaxt ünsiyyət anlaşılmazlığına gətirib çıxardır. Bunu öz şəxsi həyatımdan gətirdiyimiz bir misalla nümayiş etdirək. 1978-ci ildə Almaniyanın Laypsiq universitetində tədqiqat təqaüdü aldığım vaxt idi. Bir axşam kafedə oturub pivə içirdik. Qəfildən bir qoca əlində əsa içəri girib heç bir söz demədən əlindəki əsa ilə biz oturan stolu döyələdi. Biz pərt olmuşduq, qocanın niyə belə etdiyini ayırd eləyə bilmirdik. Sən demə qoca bununla soruşmaq istəyirmiş ki, yanımdakı stul boşdurmu, otura biləmi. Biz- o zamankı sovetlər birliyindən gəlmiş gənclər- qoca almanın bu hərəkətini başa düşmədik, çünki biz başqa ölkədən gəlmişdik və tamam başqa mədəniyyətin daşıyıcıları idik. Növbəti dəfə bu hadisə təkrar olanda bizim heç bir çətinliyimiz olmadı.

Başqa bir misal. 1993-cü ildə Təbrizdə olanda ayaqqabı mağazasına girib ayaqqabı almaq istədik. Satıcı ilə xeyli danışdıq, sonra isə qiymətdə bir az güzəşt istədik. O isə başını aşağı –yuxarı tərpətməklə bizə yox cavabı verdi. Biz də elə bildik ki, o bizi mağazadan qovmaq istəyir.

Düşüncədə (mentalitetdə), mədəniyyətdə və leksik səviyyədə də daxil etməklə qrammatikadakı fərqlər həqiqətən də linqvistik nisbiliyin müxtəlif variantları kimi götürülməlidir. Bu müxtəlifliklər danışq aktında özünü aydın büruzə verir. Məsələn, alman dilindəki /blau/ sözü Azərbaycan dilinə bir tərəfdən (mavi), digər tərəfdən isə (göy) kimi tərcümə oluna bilər. Ancaq bizim dilimizdə /göy/ sözü gismən /yaşıl/ sözü ilə yst-yetə düşür. Biz /yaşıl çəmən/, həm də /göy çəmən/ deyə bilərik. Aşağıdakı müqayisə daha aydın təsəvvür yaratmağa kömək edir:

/göy çəmən/ // /yaşıl çəmən//

--- /meyvə/ (alça) // /yaşıl meyvə/(feyxua, alma və s.)

--- /göz/ // /yaşıl göz/

/Göy meyvə/ deyəndə kal, dəyməmiş meyvə nəzərdə tutulursa, /yaşıl meyvə/ birləşməsində /yaşıl/ sözü heç də meyvənin keyfiyyətini, dəyib-dəyməməsini deyil, onun rəngilə bağlı xüsusi növünü bildirir (alça, feyxua və s.). Beləliklə, biz /göy/ sifətini alman dililə müqayisə elədikdə aşağıdakı mənzərəni alırıq:

Azərb.	alm. qarşılığı
/göy/ /kal/(dəyməmiş)	/unreif/
/yaşıl/ (rəng mənasında)	/grün/
/mavi/ (səma, Xəzər)	/blau/

Deməli, işlənmə yerindən asılı olaraq, rəng adı hər bir dildə öz konkret mənasını tapır və bir dildən başqa dilə tərcümə zamanı bu amil nəzərə alınmalıdır. Deməli, /yaşıl almalar/ (grüne Äpfel) , /yaşıl çəmənlər/ (grüne Wiesen), /mavi səma/ (grüner Himmel) kimi tərcümə olunacaq.

Böyük rus yazıçısı L. Tolstoy «Müharibə və sülh» romanında fransız və rus dillərində şəxs əvəliklərinin işlənməsindəki fərqləri çox aydın göstərə bilmişdir.

Mütəxəssislər bu fikirdə yekdildirlər ki, dünyada primitiv dil yoxdur. Amma bu heç də o demək deyildir ki, bütün dillər eynidir. Heç də dünya dillərinin hamısı eyni hüquqlu deyildir. Dillər onlarda danışan xalqların ruhunu əks etdirir. Kontrastiv qrammatika dil özəlliklərini nəzərə alıldığından onu bəzən kültür-kontrastiv qrammatika adlandırırlar.

Dil fəaliyyət olduğundan xarici dil kimi onun tədrisi onu həqiqi varlığında götürməli və ona hər an ötüb keçən reallıq kimi yanaşmalıdır. Danışığın bu canlılığı, təkrarolunmazlığı və bütöv sistemliliyi heç vaxt nəzərdən qaçırılmamalıdır.

Bizim kontrastiv qrammatikamız həmişə yardımçı vasitə kimi olmalı, danışığın genişlənməsinə xidmət göstərməlidir. O, misalları qaydalarla təchiz etməməli, misallardan induktiv yolla qaydaların törəməsinə aparmalıdır(9). Eyni zamanda unutmamaq olmasın ki, xarici dildə məşq etməli, ana dilində isə düşünməliyik. Bu birtərəfli nəticədir, çünki dil öyrənciləri canlı insanlardır və onları düşünməkdən məhrum etsək, deməli , robotla üzləşmiş olarıq. Dilin yaradıcı olmasını heç vaxt yaddan çıxartmaq olmaz.

Kontrastiv qrammatikanın vəzifəsi ünsiyyət səriştəsini genişləndirməkdən ibarətdir, müəyyən danışiq məqamlarına adekvat və dilöyrəninin niyyətlərinə uyğun bacarıq vərdislərinin aşılınması deməkdir(10).

Deməli, tədris prosesində söhbət müxtəlif sosiolekt dəyərlərin nəzərə alınmasından gedir. Bu zaman dil səriştəsi(completence),

performance, qammatika, semantika və praqmatika bir vəhdətdə götürülməlidir. Özü də burada dil fəaliyyətilə danışıqda müşahidə olunan kateqoriyalarına və onların tamamlanmasına yönəlikli hərəkətlərin sintezi əsas götürülməlidir(11).

Belə də çox ehtimal ki, qarışıq model tətbiqi mümkün sayılır(12).

Kontrastiv qrammatika dilöyrənmədə aşağıdakı şərtləri irəli sürür: 1) öyrənilən dil ana dili süzgəcindən keçirilməlidir. N.S.Trubeskoyun «ələk» nəzəriyyəsi burada özünü doğruldur; 2) eyni şeylər müxtəlif cür ifadə oluna bilər. Azərbaycan dilində /dağın ətəyində/ alman dilində /am Fusse des Berges/ (hərfi tərcüməsi: dağın əyağında, yəni /Am Schosse des Berges/, rus dilində isə (u podnoje qori) kimi deyilir; 3) tədrisdə daha çox çətinlik törədən nədir: oxşarlıqlar və ya fərqlər; 4) öyrəncilər öz ana dili bilgisini və vərdislərini öyrəndiyi dilin üzərinə keçirir. Müq. et:

Azərbayc. d. alm. d. ing. d.

/Mən beş kitab aldım// ; /Ich kaufte 5 Bücher//; /I caught 5 books//

Azərbaycanlı öyrəncilər bu dilləri öyrənəndə ismi təkdə işlədirlər. Çoxdan məlumdur ki, ana dilindəki vərdislərin öyrənilən dil üzərinə keçirilməsi aksent səhvlərinə gətirib çıxardır. Bu səhvləri interferensiya səhvləri adı altında ümumiləşdirirlər. Özü də bu səhvlər müxtəlif dil səviyyələrində özlərini büruzə verirlər. Onlardan bəziləri üzərində geniş dayanaq:

İ. Fonetik-fonoloji səviyyədə.

a) yumşaq /_l_/ variantı əvəzinə sərt /_l_/ samit variantı reallaşır.

Azərbaycan dilində samitlər qonşuluqda incə və qalın saitlərin gəlməsindən asılı olaraq sərt və yumşaq variantlarda reallaşırlar. Söz sonunda və fasilədən qabaq sərt samit reallaşır. Alman dilində isə // samiti həmişə yumşaq deyilir. Müq. et:

Azərbayc. d.	alm. d.
/bala/ // /bələ/	/balt/ «bald» (tezliklə)
/dala/ // /dələ/	/bilt/ «Bild» (şəkil)

b) fonem yığımı Azərbaycan dilinə xas olmadığı üçün alman dilinin çoxüzvlü samit birləşməsində azərbaycanlılar birləşmə daxilinə samitlər arasına saitə bənzər ünsür əlavə edirlər. Məsələn:

alm. d.	Azərbayc. d.
/ˈhɛRɪst/ «Herbst»	(payız) /hɛRbɪ st/
/ˈbRi:f/ «Brief»	(məktub) /bɪ Ri:f/

Deməli, alman dilində 2, 3 və 4 üzvlü fonem birləşmələri adi haldirsə, Azərbaycan dilində bir söz daxilində 2, yalnız morfem qovuşuğunda üçüzvlü samit birləşməsi işlənir. Müq. et: /bənt/, /gənt/, /algış/, /kəntli/.

c) Azərbaycan dilində saitlərin açıq/qapalılığı və /uzun/qısalığa görə qarşılaşmaları yoxdur. Alman dilində isə bunlar fonoloji sistemdə relevant əlamət kimi çıxış edirlər. Məs.:

/ *bu:x/(kitab) / *bunt/(əlvən)

/ *bi:nən/ (arılar) / *bınən/(ərzində) və s.

Azərbaycan dilində /binə/, /sinə/, /bulud/ və /bunda/ sözlərində birinci heca açıqdır, ancaq vurğusuzdur. Ona görə də onlardakı saitlər kəmiyyət və keyfiyyət baxımından zəif tələffüz olunur, hətta bəzən güclü reduksiya uğrayır.

ç) alman dilində saitlər vurğusuz və nisbi qapalı hecalarda yarımunun tələffüz olunur, söz sonunda isə ümumiyyətlə gələ bilmir. Azərbaycan dilində söz sonunda /o/ və /ö/ saitləri gələ bilmir. Bundan başqa Azərbaycan dilində söz sonunda dodaq saitləri dodaqsızlaşır. Məs.:

Alm.d.

Azərbayc. d.

/la.bo.'rant/

/ol'dı/

/ *bunt/»Bund»(ittifaq) // / *'bünde/

/gördi/ və s.

d) Alman dilində kar samitlər qarşısında cingiltili samitlər işlənmir. Məs.:

/ *za:gən/, ancaq / *'za:kt/

/ 'li:bən/, ancaq / 'li:pt/ və s.

Azərbaycan dilində tam əvəzlənmə olmur. Məs.:

/zəng/, /zəngsiz/ və s.

e) Alman dilində söz yerinə görə əsasən kök saiti üzərinə düşsə də o, nisbətən sərbəst və hərəkəlidir. Təbiətinə görə o, melodik və dinamikdir, yəni bu komponentlərin güclü qabardılması ilə səciyyələnir. Azərbaycan dilində isə belə qabardılma yoxdur, söz öz həmahəngliyi və prosdemliylə səciyyələnir. Müq. et:

alm.d.

Azərbayc. d.

/me.'lo:diş/--/me.lo.'di:/

/hal'al/, /sün'bül/ və s.

f) Cümlə səviyyəsində alman dilində ton və intensivlik relevantdır. Azərbaycan dilində isə temporal komponent relevantdır. Müq. et:

alm.d. /Wir kommen in Berlin an// (Biz Berlinə gəlirik)

Azərbayc. d. /Biz Berlinə çatırıx//

II. Morfoloji səviyyədə alman və Azərbaycan dilləri arasındakı kontrastları belə ümumiləşdirmək olar.

alm.d. Azərbaycan d.

a) sadə morfem düzümü:

kök morfem + sözdüzəld. + önşəkilçi + kök + şəkilçi sözdəyişdirici şəkilçi

/Ver+stand+en/(anlamaq) /baş+çı+lar+dan/ və s.

b) Qrammatik məna daxili və Qrammatik məna şəkilçilərlə ifadə olunur:

xarici fleksiya ilə ifadə olunur. /Kind+er/ (uşaq+lar)

/uşaq+lar+dan/

/Tochter/(qız)+/Töchter/(qızlar) və s.

c)İsmin 3 hallanması və 4 cəmlənmə tipi var.
İsmin 1 hallanması və 2 cəmlənmə tipi var.

N.der Mann, der Löve, die Frau	a.ana, analar, əl, əllər
G.des ---(e)s,des Löven,der Frau	y.ananın,anaların, əlin, əllərin
D.dem-(e)n,dem Löven,der Frau	y.anaya, analara,ələ,əllərə
A.den-----, den Löven, die Frau	t.ananı,ənaları, əli, əlləri y.anada,analarda,əldə,əllərdə ç.anadan,analardan,əldə, əllərdən

N.die Männer,die Löven, die Frauen,dieVäter
G.der Männer, der Löven,der Frauen,der Väter
D.den Männern, den Löven, den Frauen,den Vätern
A.die Männer, die Löven, die Frauen, die Väter
ç)Sifətlər atributiv funksiyada sifətlər heç bir şəkilçi qəbul etmir,
aid olduğu ismin əlamətlərini qəbul edir.

/gənc oğlan/, /gənc oğlanlar/

/gənc qız/, /gənc qızlar/

/Schöner Mann/, /Schöne Männer/

/gənc şəhər/, /gənc şəhərlər/

/Schöne Frau/, /Schöne Frauen/

/Schönes Bild/, /Schöne Bilder/

d) Mürəkkəb zaman formaları (Perf.,Plusquamperf.və Futur). Bütün formalar iltisəqi yolla düzəlir

/o oxu+y+ur//, /o oxu+du//, /o oxu+y+acaq//, /o oxuyur/,/onlar oxuyurlar/

analitik yolla düzəlir.

/Er hat(hatte)gelesen//(wird lesen//

III.Sintaktik səviyyədə. Üç sintaktik əlaqə var:

a)Bütün sintaktik əlaqələr təmsil olunub:

uzlaşma-/schöner Tag/,/schöne Tage/

idarə-/stolz sein auf et./ (qürur duymaq) /narazı qalmaq (k-dən, nə-dən)

yanaşma-/auf gut Glück/(bəxt ilahi) /daş divar/ və s.

b) Cümlənin felliyi. Xəbərin cümlənin sonunda gəlməsi. /iri gözlü qız mənə baxırdı//

/Onlar məktub yazırlar//

/Sie schreiben Briefe//

c)Cümlənin ikiüzvlüyü

Təyin təyin olunandan əvvəl gəlir və onun heç bir əlamətini qəbul etmir. /Atlar, öküzlər kotana güc verir, gah yeriyr, gah yıxılır, gah durur//
 ç) Xəbərin dəyişən hissəsinin ikinci yerdə gəlməsi
 /Es regnet// (yağır)
 /Er schreibt einen Brief// (O kitab yazır)
 d) Çərçivə konstruksiyası
 Uzlaşma əlaqəsinin pozulması
 /Er hat 2 Wochen abgewartet//
 (O iki həftə gözlədi)
 e) Təyinin və sözlülərin qabaqda və sonra gəlməsi. Əsas söz sırası: /M+T+X/-/Onlar vətənlərini sevirlər// Qoşmalar aid olduqları sözdən sonra gəlir.

/Evə tərəf/, /gün kimi//
 /nach seiner Meinung/ (onun fikrincə)
 /seiner Meinung nach/ (onun fikrincə)
 /Eine schöne und grüne Wiese/ (gözəl, yaşıl çəmən)
 /Eine Wiese, schön und grün/ (çəmən, gözəl və yaşıl)
 f) Sabit söz sırası: /M+X+T/. Məs.:
 /Er kann nach dem Unfall wieder gehen//
 (O qəzadan sonra yenə gəzə bilir)
 Son zamanlar bu qayda gözlənilmir.
 /Er kann wieder gehen, nach dem Unfall//
 (O yenə gəzə bilir, qəzadan sonra)

Taksonomik qrammatikadan fərqli olaraq törəmə qrammatika referensiyalı strukturlar arasında deyil, qaydalarda və qaydalar sistemləri arasındakı fərqlərdə görünür.

O, qrammatikamı qaydaların son çoxluğu kimi təsvir edir. Müq.ət:
 $S=R_1, R_2, R_3 \dots R_n$

Bu zaman hər bir cümlə tətbiq edilən qaydaların müəyyən düzümü kimi götürülür.

$S_1=T(Qa)-----T(Qb)-----T(Qn)$, burada S cümləni, T qaydanın tətbiqini, Q isə qaydanı bildirir.

Beləliklə, kontrastiv təhlilin vəzifəsi strukturlar arasında deyil, qaydalar və onların sistemləri arasında aparılmalıdır.

Ədəbiyyat

1. G.Helbig. Probleme der deutschen Grammatik für Ausländer. Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1974, S.7.

2. Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. М., 1937. Die kontrastiven Forschungen im Auslande wurden nach den Arbeiten R.Lados,

Ch.A.Fergusons und U.Weinreichs in Angriff genommen. R.Lado. *Linguistics Across Cultures*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1957; W.G.Moulton. *The Sounds of English and German*. Chicago: The University of Chicago Press, 1962; U.Weinreich. *Languages in Contact*. N.-York: Publications of the Linguistics Circle of N.-York 1953. Sixth Printing, The Hague: Mouton 1968. R.Lados unterstreicht, dass die Schwierigkeiten und Nichtschwierigkeiten nur dann erfolgreich festgestellt werden, wenn die Sprache und Kultur des Studenten systematisch erforscht werden. R.Lado. Ebda, S.vii.

3. H.A.Gleason. *Linguistics and English Grammar*. N.-York /Toronto/ London, 1965, p.494.

4. A.V.İsaçenko. *Grammatičeskiy stroy russkoqo əzika v sorostavlenii so slovacim*. Bratislava, 1968, str.42.

5. W.von Humboldt. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Über die Sprache*. Wiesbaden, 2003, S.13.

6. Dj.Layonz. *Əzik i linqvistika*. M., 2004, str.281.

7. W.von Humboldt. Ebda, S.313.

8. Ebda.

9. F.Leisinger. *Elemente des neusprachlichen Unterrichts*. Stuttgart, 1966, S.251.

10. F.Leisinger. Ebda.

11. W.Mentzel. *Die deutsche Schulgrammatik*. Paderborn, 1975, S.45.

12. G.Nickel. *Papers in Contrastive Linguistics*. Cambridge, 1971;

R.Lado. *Linguistics Across Cultures*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1957; W.G.Moulton. *The Sounds of English and German*. Chicago: The University of Chicago Press, 1962; U.Weinreich. *Languages in Contact*. N.-York: Publications of the Linguistics Circle of N.-York 1953. Sixth Printing, The Hague: Mouton 1968.

13. F.Veysalov/ B.Həmsəlijeva. *Probleme einer konfrontativen Grammatik* (behandelt am Material der deutschen und aserbaidshanischen Sprache). In: «Jahrbuch Aserbaidshanforschung 2007». Bd 1, Berlin, 2007, S.78-90.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ФОНЕМ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА. (ВОКАЛИЗМ)¹

Постановка проблемы

I.O. Проблема азербайджанской фонологии, в частности сегментных единиц, стала объектом острых дискуссий в ряде исследований за последние десятилетия.¹

Как теоретические, так и экспериментально-фонетические исследования указывают на большие различия полученных результа-

---

¹ İlk dəfə çar olunur. F.Z.Veysalov. Zum Phonembestand des gegenwärtigen Aserbaidshanischen (Vokalismus) In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin, 35, H.5, 1982, s.530-536.

тов. Мнения лингвистов главным образом расходятся из отличительной интерпретации гласных, фонологической оценки звукового состава морфем. Некоторые лингвисты придерживаются взглядов, что азербайджанский язык имеет 18 гласных: из них 16 монофтонгов и 2 дифтонга.²

Эта точка зрения оспаривается другими. Особенно спорным является вопрос о наличии в азербайджанском языке так называемых гтеминатов.³ Эти и другие вопросы азербайджанской фонологии ждут своего решения.

I.I.

Различные результаты, получаемые лингвистами при анализе того или иного материала, могут объясняться следующими фактами:

а) объемом языкового материала, который подвергается фонологическому анализу. Одни полностью исключают иностранные заимствования. При таком предположении становится само собой разумеющимся, что фонологический пуризм приводит к результатам минимального фонемного состава. Здесь речь идет о том, имеем ли мы право исключить из фонологического анализа такие слова как например:

/kal'xoz/-“kolxoz”, /kalektiv/-“kollektiv”, /kamsamol/-“komsomol” (в немецком /bi.o.lo.'gi:/-„Biologie“, /di.a.'lo:k/-„Dialog“, /pi.a.'nist/-„Pianist“, /meç'a:ni.kəR/-„Mechaniker“, /di.ço.to.'mi:/-„Dichotomie“ и.т.д.

Противники пуризма отмечают, что анализ без учета этих слов не может быть принят во внимание, т.к. некоторые из этих и других заимствованных слов стали словами азербайджанского языка.⁴

В отдельных случаях нет даже возможности заменить их собственными словами.

б) теорией, которая должна быть применена. Результат анализа зависит от теоретической предпосылки или от понимания фонемы. Если понимать фонему как движущийся элемент морфемы, то процедура установления фонологической системы будет тесно связана со стабильностью фонемного состава морфемы.⁵ В противоположность этому самостоятельность фонемного состава остается при варьировании морфем константным, если понять фонему как самостоятельную единицу языка, и если фонематичность отдельных звуков установить через ее связь с морфемой в потенции.⁶

в) применяемыми критериями и методами.

Исходя из сильных и слабых позиций можно составить 2 фонемные системы: одна состоит из фонем, реализующихся только в сильных позициях, другая состоит из фонем, реализующихся в слабых

позициях.⁷ В этом случае речь идет об установлении центральных и периферийных систем фонем.

Господствующим методом в азербайджанской фонологии является метод противопоставления квазиомонимов (минимальных пар), который восходит к И.А.Бодуэну де Куртене, который однако без каких-либо доказательств структуральная лингвистика связывает с именем Ф.де Соссюра и Н.С.Трубецкого.⁸

1.2. Один из основоположников фонетики, как научной языковедческой дисциплины, Э.Сиверс с полным правом указал на то, что установление лишь системы звуков является одной из элементарнейших деятельности фонетиста. В противоположность этому великий ученый подчеркнул трудности установления отдельного звука (сегодня-фонеме-ф.в)⁹. Он пишет: „Для того, чтобы получить представление вообще о бесчисленном множестве отдельных звуков, которые определены дифиницией звука, всегда определенное число родственных звуков объединяют в одну группу или категорию и рассматривают их как отдельные звуки. Так, например, в категорию звука „а” относят все те звучания, которые воспроизводятся при определенном положении рта и участии голоса, не принимая во внимание высоту тона, силу и т.д. или отдельные звуковые экземпляры, из совокупности которых абстрагируется „а”. Это обобщение может произойти только в том случае, если игнорировать определенные факторы языкообразования как побочные для дефиниции”.¹⁰

Первые попытки функционального исследования звуковой стороны языка мы находим у самого И.А. Бодуэна де Куртене. В противоположность тем, кто рассматривает язык, как конгломерат структур, по мнению которых, в основе актуальных высказываний лежат эти структуры, И.А.Бодуэн де Куртене видит главную задачу в конфронтации сигнификативных сторон языковых знаков.

Непрерывную последовательность этой двусторонности знаков он попытался показать на том, что единицы коммуникации имеют звуковую материальную форму существования, причем синтагматические и парадигматические отношения самым тесным образом связаны друг с другом. Образование единиц с комплексными формами, а также отношения элементов друг к другу должны быть ясно показаны при анализе языка. В результате применяемых методов следует показать механизм образования единицы с одной стороны, и механизм расположения этих единиц в пределах данной языковой системы, с другой. Иначе говоря, сегментация актуализованных высказываний на единицы и их классификация, обозначаемая в лингвистике как таксономическая, фонемическая, может быть осуществлена раз-

ными операциями и понятиями, которые послужили причиной образования многих школ структурализма, среди которых особо следует отметить Пражскую, Копенгагенскую и Американскую школы.

1.3. Послесиверская фонетика занимается полностью установлением системы, в разработку этого вопроса существенный вклад внесла структурная лингвистика. Между тем, проблеме отдельных звуков, в особенности их выделению уделяется недостаточное внимание. Причем мы здесь отвлекаемся от так называемого Нокус–Рокус анализа через минимальные пары акустико-артикуляторного рассмотрения.

Данная работа ставит себе целью установить статус отдельных гласных фонем, выделить их из непрерывной речевой цепочки через лингвистические критерии. Здесь нужно отметить, что предложенные интерпретации состава азербайджанских гласных фонем только может быть рассмотрены как один из возможных вариантов и по этой причине нельзя принимать его единственно-возможным.

2. Инвентарь азербайджанских гласных.

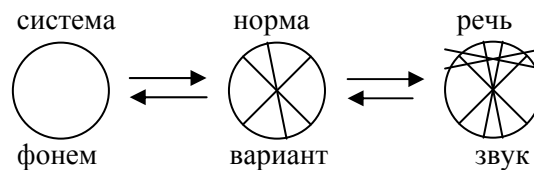
2.0. Разложение непрерывного континуума, опирающееся на акустическо-артикуляторный критерий, не выдерживает критики. Уже Г. Пауль говорил об этом. Он выразился в своей книге „Принципы истории языка” следующим образом: „Подлинное разложение слова на его элементы не только очень трудно, оно невозможно. Слово это не просто следование друг за другом определенного числа самостоятельных звуков, каждый из которых мог бы быть обозначен знаком алфавита, напротив-это, в сущности, всегда непрерывный ряд бесконечного числа звуков...”¹¹ По этой причине выделение фонем из потока речи посредством квазиомонимов совершенно неприемлемо. Такое расчленение с самого начала предполагает статус фонем. При сегментации /b/ и /d/ в словах /b a ş / - „baş” (голова) и /d a ş / - „daş” (камень) посредством механического противопоставления исходят из предположения, что /b/ и /d/ являются двумя самостоятельными различными в языковом отношении единиц, тем самым сторонники этой точки зрения пренебрегают одной из важнейших ступеней фонологического анализа-доказательством самостоятельности отдельных фонем. Из сегментации, которая основывается на акустико-артикуляторном принципе, не вытекает, что может быть определено как фонемой, потому что одной фонемой на акустико-артикуляторном уровне не соответствует совокупность акустических впечатлений и артикуляторных движений. Отсюда вытекает, что формула / акустическая или артикуляционная величина = 1 фонеме /

несостоятельна. В действительности формула выглядит так: несколько акустических или артикуляторных величин = 1 фонеме.

Немаловажное значение имеет также тот исходный момент, по которому синтагматическое членение должно предшествовать парадигматическому анализу.

2.1. Под фонемой мы понимаем звуковой, линейный, дискретный элемент в структурном отношении с симультанно действующими свойствами, выделение которого может быть осуществлено также посредством морфологических критериев и функция которого состоит в том, чтобы сконструировать и дифференцировать формы слов и морфем. Фонема, так же абстрактна, как и морфема или лексема, она отличается от них унилатеральностью и выступает в реальной речи всегда в своих вариантах. Варианты фонемы обусловлены позицией и комбинацией. Эти варианты объединяются в наивысшей степени языковой абстракции в фонему. В противоположность этому звуки являются акустическими волнами, воспроизводимыми говорящим. Фонемы и звуки – это две полярные ступени, между которыми находится ступень варианта. Звук всегда является представителем кокого-нибудь варианта, а последний представитель какой-нибудь фонемы. Эта мысль может быть сформулирована наоборот. Фонема реализуется через варианты, последние через звуки. Фонема есть общее, которое существует в варианте как в особом, это особое находит свое выражение в звуке как в отдельном.

Связь между звуками, вариантами и фонемами можно показать схематически, ссылаясь на Э.Коссеру¹² и Л.А.Вербицкую,¹³ следующим образом.

2.2. Для того, чтобы показать как, собственно говоря, протекает фонологический анализ, мы обратимся к следующим примерам из азербайджанского, русского и немецкого языков.

Азерб.	русск.	немец.
/ãtã/- “ata” (отец)	/brã/-“бра”/	*be:t/-“Beet” (кровать)
/ãt/ã/- ata (лошади)	/vad/ã/-“вода”	/*ze:t/-“seht” (видят)

Поверхностный взгляд на эти слова показывает, что примеры по горизонтали отличаются по смыслу от расположенных примеров по вертикали. Это различие особенно ярко выражено в конечной по-

зиции приведенных примеров. Во второй строке слова морфологически делимы: между последним элементом и предшествующей частью проходит морфологическая граница. В русском слове /vãd'a/ конечное /a/ является показателем им. падежа, ед.ч., ж.р. То же самое /a/ с такой же функцией обнаруживается не только в этом слове, а во всех словах женского рода. Ср.в:

ж.р. ед.ч. м.р. ед.ч.

им. (drugaja) vad/a,dask/a; (balšoj) stol, škaf; (xarošoje) c.p. ед.ч. akno, pole

род. (drugoj) vad/ı,dask/i; (balšova) stola, škafa; (xarošova) akn/a, pol/a

Из анализа вытекает, что простому противопоставлению структуралистов, которые сами по себе не гарантируют однозначность результата, предпочитается всестороннее парадигматическое и синтагматическое противопоставление в системе языка. После этого мы можем дать решительный ответ на вопрос, делим ли данный речевой отрезок.

С другой стороны, приведенные примеры под пунктом I противопоставляются друг другу с точки зрения их употребления в речевой ситуации.

Азерб. /ãtá/- (дат.п. лошади) по смыслу отличается от слова /ãtá/ в им. п. в значении «отец», так что они в конкретном контексте не могут заменить друг друга. /ãt/ã/ «ata» (дат.п.) противопоставляется самому себе в им. падежа /at/-им.п. от «лошади». Этим мы доказываем двуморфемность слова «ata» (дат.п.-лошади). Там, где употребляется /ata/(дат.п.-лошади), форма слова «ata» (им.п.-отца) никогда не встречаются. Это подтверждение равносильно также обратному. Ср.

(Мы кормим лошадь)- /biz_o atá yem veri''rik//-"Biz ata yem veririk"

(Лошадь пасется на лугу)- /at çəmənlıkdə otla''yır/- "At çəmənlıkdə otlayır"

(Каждый отец должен заботиться о своем ребенке)- /Hər bir atá övladının gəyüsinə galma''lıdır//-"Hər bir ata övladının qayğısına qalmalıdır"

(Сын похож на своего отца)-/oğul atas'na oxş'a''yır/-"Oğul atasına oxşayır"

2.3. Факта о том, что между /t/ и /a/ в слове /ata/ (дат.п. от лошадь) проходит морфологическая граница, достаточно, чтобы утвердить, что они не могут быть рассмотрены как физические субстанции

одной фонемы. Самостоятельность /a/ связана с тем, что она может иметь в системе азербайджанского языка определенную грамматическую функцию. Здесь очень заметна связь фонемы со значением. Во всех остальных случаях, когда не возможно установить такую связь со смыслом, не исключается возможность выделения фонемы из потока речи. /a/ как таковая идентифицируется везде на основании дифференциальных признаков, которые содержит в себе акустический спектр этого гласного. Благодаря этой ассоциации со значением звукового представления получают элементы нашего звукового представления известную самостоятельность.¹⁴

Это означает, что /a/ в словах “baş” (голова) и “daş” (камень) как таковое, автоматически выделяется, хотя здесь исключено говорить о непосредственной связи /a/ со значением слова /ata/-«ata» (дат.п.-лошади).

Это мы делаем на основе потенциальной связи фонемы /a/ с грамматическим значением. Между /i/ и предшествующей частью слова /aʃi/- (вин.п. слова «месяц») проходит морфологическая граница. /i/ является самостоятельной морфемой, обозначает вин.падеж существительных с твердыми корневыми гласными. Отсюда видно, что самостоятельность /i/ подлежит сомнению. Встречается /i/ в словоморфемах /aʃi/-«aʃi» (медведь), /daʃi/- “daʃi” (дядя) и т.д., где выделение ее на основе смысловых связей или морфологических отношений полностью исключается, тем не менее она идентифицируется как такое /i/ как в словах /aʃi/-вин.пад. от «aʃi»-месяц. Лингвистическая идентичность /i/ в /aʃi/- вин. пад. от «aʃi»-(месяц), /i/ в /aʃi/- (медведь) и в /daʃi/- “daʃi” (дядя) и т.д. мы доказываем ни акустико-артикуляторным сходством и ни их родством, а лингвистическим анализом. Здесь уместно упомянуть, что о лингвистическом различии можно говорить лишь в том случае, если имеет место акустико-артикуляторное различие.

2.4. Выделение гласных /i/, /y/ /æ/, /o/, /u/ в словах /iti/-“iti” вин.пад. от “it”- (собака), /hʏly/-“gülü”- вин.пад. от “gül”-(цветок), /belæ/-“belə” дат.пад. от “bel”-спина, /o/-им.пад. от личн. мест. “o”-(он), /duzu/-вин.пад. от «duz»-(соль) можно осуществить без особых затруднений по вышеописанному принципу. Трудным является выделение /e/ и /ø/, поскольку они в азерб. языке как самостоятельные морфемы не выступают. Чтобы доказать самостоятельность, обратимся к морфологическому анализу словоформы /uʒalmax₀/ «повышаться». Из анализа /uʒ+a+l+max₀/вытекает, что перед и после /e/ проходит морфол. граница. /l/ является словообразующим элемен-

том. С помощью /l/ образуется из прилагательных II лицо императива глагола. Срв:

/goʒˈa/-“qosa” (старый)- /goʒˈal/-“qosal” (будь старым)

/uʒa/-“uca”- (высокий)- /uʒal/-“usal” (павышайся)

В соответствии с этим можно установить, что /l/ является самостоятельной фонемой азербайджанского языка. Что касается /ø/ и /l/ в словоформах /el/-«el»- (страна), и /øe/-øl-(умри), то их можно доказать по принципу остаточной членимости без каких-либо трудностей. Если /l/ выделяется, то можно рассматривать /e/ и /ø/ в данных примерах как выделяемыми единицами. Но вопрос о том, является ли гласные /y, a, o, ɪ, u, i, e, ə, ø/ в азерб. языке дискретными единицами, остается еще открытым. Если в языке имеются такие случаи, в которых внутри /a/ или других гласных возможна языковая граница, можно утверждать, что они являются разлаживыми. Но фактически в азербайджанском языке не имеется случая, в котором внутри гласных проходила бы морфологическая граница.

Разложимость потока речи на отдельные звуки через морфологическую границу имеет большое значение для обоснования морфологической теории. Смысл предложенного принципа членения, которое основывается на фонологической теории Щербы и его последователей, состоит в том, что выделение каждой фонемы из звукового континуума осуществляется связью фонемы со значением в потенции. Связь фонемы со значением в потенции дает возможность отождествлять звуки как представителей соответствующих фонем, хотя невозможно в большинстве случаев говорить о непосредственной связи фонемы с морфологическим или лексическим значением. «Самостоятельность, о которой говорит Щерба, нужно понимать не в том смысле, что она может существовать сама по себе вне слова, а в том, что она выделяется как отдельная единица и в тех случаях, когда не является ни словом, ни морфемой и не имеет никакой морфологической функции, т.е. когда она представляет не лексическую и не морфологическую, а чисто фонетическую единицу».¹⁵

3.Классификация гласных фонем.

Вследствие синтагматического расчленения выделены следующие гласные фонемы / a, e, o, ɪ, u, i, y, ø, ə/. Главная задача теперь состоит в том, чтобы последить возможность реализации этих гласных и установить систему вариантов, которая выводится на основе принципов идентификации, когда и при каких условиях гласные остаются как таковыми. Вопрос об инвариантах и вариантах гласных-одна из важнейших и тяжелейших ступеней при фонологическом анализе.

Установленные гласные имеют в своей реализации определенное ограничение, так что некоторые из них никогда в конце слова не встречаются. Например, /o/, /ø/, /e/. Другие же растягиваются в открытых безударных слогах. Такие имеют место особенно в словах арабского и персидского происхождения. Срв. /a:ˈgɪl/-“aql”- добрый, /e:lan/-“elan”-объявление и т.д. В передударных словах азерб. гласные сильно редуцируются. Срв. /pˈʃik/-“pişik” (кошка), /pˈʃax/-“biçaq” (нож) и т.д. Итак, если мы в наш анализ включим все возможные позиции и комбинации, то число возможных реализаций увеличится в дюжину раз. Это можно показать на примере следующим образом.

[ä:] [a.] [á] [á#]...позиционные варианты

[â] [a] [a] [a]...комбинационные варианты

Теперь должен обсуждаться вопрос, сможем ли мы рассматривать все эти акустико-артикуляторно разные [a] реализации как самостоятельные фонемы. Здесь важны критерии, которые могут выступать за или против, но которые должны опираться на языковые принципы.

Первый ответ, который мы находим в классической фонологии, звучит так, что все [a]- реализации представляют одну фонему, потому что они акустико-артикуляторно сходны и друг друга исключают, это означает, они распределяются комплементарно. Это мнение можно было бы акцептировать, если бы не было ошибки, которая может быть сформулирована следующим образом. Гласные /a/, /æ/ и /i/ в словах /at/-“at” (лошадь), /æt/-“ət” (мясо), /it/-“it” (собака) исключают также друг друга. Там, где выступает /a/, не встречается /i/. Это вытекает из фонетической транскрипции: /at/, /æt/, /it/. /a/ предшествует твердому [t], напротив, /i/ предшествует мягкому [t¹].

Подробное фонетическое описание отмечает все это. Фонетически рассматриваемые окружения звука /i/ не идентичны. По этой причине они могли бы рассматриваться как варианты одной и той же фонемы. Поэтому необходимо дифференцировать понятие. Окружение ближе и строже. Мы различаем фонологические и фонетические условия. В словах /daʃ/ и /diʃ/ гласные /a/ и /i/ встречаются в фонетически разных, но в фонологически одиноковых окружениях. Под фонологически одиноковым окружением мы понимаем окружение одиноковых фонем. Под фонетическими условиями мы понимаем окружения и позиции, которые определяются как результат коартикуляционных или супrasegmentных условий. Для установления

инвариантности и вариантности можно предложить следующие правила:

1. Если два акустико-артикуляторно разные звуки встречаются в фонетически идентичных или квазиидентичных условиях, при этом если дифференциация смысла налицо, то мы имеем дело с двумя различными фонемами. Срв.

/daʃ/-“daʃ” (камен); /diʃ/-“diʃ” (зуб)

/bol/-“bol” (богатый); /bil/-“bil” (знай)

Фонетические условия здесь различные, но фонематические одинаковые. Кроме этого дифференциация смысла налицо.

2. Если звуки реализуются в фонетически и фонематически одинаковых, но в различных ситуациях и контекстах, тогда эти звуки являются ситуативными, контекстуальными или индивидуальными вариантами одной и той же фонемы.

речевая ситуация /o jazır// - Он пишет.

Здесь следует особо отметить, что так называемые факультативные варианты, выделяемые классической фонологией как один из вариантов фонем, не существует в рамках одной функциональной системы. О факультативном варианте речь может идти только тогда, когда анализу будут подвергнуты не менее двух идиолектов. Носитель языка реализует или одно или другое. Оба у одного говорящего не возможно. Соответственно описание факультативного варианта для литературного языка менее интересно.

3. Если два или более акустико-артикуляторных сходных звука встречаются фонологически в одинаковых, но фонетически в различных условиях, то они могут быть определены как варианты одной и той же фонемы. Срв. /ad/-“ad” (имя), /ada/-“ada” (остров), /adalar/-“adalar” (острова), /adalardan/-“adalardan” (из остров) и т.д.

4. Если два акустико-артикуляторно сходных звука встречаются фонологически следовательно, и фонетически в разных условиях (фонетическая разность обусловлена фонологической разностью), то их можно рассмотреть как варианты одной фонемы. Срв:

/bir/-“bir”(одно), /bar/-“bar”(плод), /nar/-“nar”-(гранат) /qar/-“qar”(снег) и т.д.

ВЫВОДЫ:

Фонологическое рассмотрение языка может быть успешным тогда, если синтагматическое членение речевого контунуума предшествует парадигматическому анализу. В статье обсуждается вопрос о выделении азерб. гласных. После установления фонематичности отдельных гласных через морфологическое членение можно ближе рассмотреть проблему вариативности и инвариантности.

Литература:

1. F.Kazimov. Sistema fonem sovremennoqo azerbaydjanskoqo yazıka. İzv. AN SSSR, Oİy, 1952, tom I, vır.4; A.Axundov. Azərbaycan dilinin fonemlər sistemi. Bakı, 1973.
2. Ə.Dəmirçizadə. Müasir Azərbaycan dilinin fonetikasi, Bakı 1972.
3. A.Axundov. Ukaz. soç.
4. A.Axundov. Ukaz. soç.
5. A.Alekperov. Fonematiçeskaya sistema sovremennoqo azerb. yazıka. Baku, 1971.
6. L.R.Zinder. K voprosu o sostave fonem sovr.nem. yazıka. "Philologica", L.,1973.
7. А.А.Реформатский. Из истории отечественной фонологии, Москва, 1970.
8. Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974 г.
9. E.Sievers. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1901, S.43.
10. E.Sievers.Göstərilən əsər.
11. H.Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1920. S.52.
12. E.Coseriu. System, Norm und Rede. In: "Sprache, Strukturen und Funktionen". Tübingen, 1971.
13. Л.А.Вербицкая Русская орфоэпия. Л,1976.
14. Л.В.Щерба. Указ. соч., стр.115.
15. Л.Р.Зиндер. Общая фонетика, Л. 1960, стр. 36.

О ПРОСОДИКЕ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Просодика² азербайджанского языка, одного из наиболее распространенных тюркских языков, которым свойственна агглютинация, обладает по меньшей мере двумя резко отличающимися друг от друга особенностями, одна из которых проявляется на уровне слова, другая же выступает на уровне высказывания. В первом случае, т.е. на уровне слова, просодическая структура характеризуется двувёршинностью:

1. Центр всех надсегментных (просодических, акцентологических) средств сосредоточен на последнем слоге слова, выполняя одновременно и организующую и кульминативную функции. В составе предложения указанная выше кульминативная функция переплетается с делимитативной функцией. Здесь функция обозначения количества слов (вершинообразующая или же кульминативная функция ударения) тесно связана с функцией обозначения границ слов (демаркативная или делимитативная функция ударения). Такой просодический контур характерен за исключением некоторых суффиксов для всех азербайджанских слов³, со всеми деривативными и релятивными формами. При словообразовании и словоизменении каждый вновь прибавляемый к основе аффикс перетягивает ударение на себя. Срв:

¹ İlk dəfə çap olunub: BSU. Elmi əsərlər. "Dil və Ədəbiyyat" seriyası № 1-2, Bakı, 2005, s.3-9.

² Под просодикой мы понимаем фонетические характеристики всех без исключения сегментных последовательностей, включая коммуникативные единицы и их составляющие – синтагмы и фонетические такты. Такое понимание предполагает синонимичность просодии и интонации. Вместе с тем нельзя не согласиться с Н.Д.Светозаровой, которая считает, что термин «просодия» шире, но в определенном отношении и уже термина «интонация». Если просодическая структура – это способ организации звуковых последовательностей, начиная со слога (слог, слово, ритмическая группа, синтагма, высказывания), то под интонацией, по крайней мере в наиболее распространенном сейчас значении этого слова, понимается лишь способ просодической организации синтагм и высказываний. С другой стороны, говоря о просодике, обычно имеют в виду лишь средства просодической организации речевых единиц, тогда как в понятие интонации (интонация языка, его интонационной системы) входит и содержательный аспект. См.: Н.Д.Светозарова. Интонационная система русского языка. Л., 1982, с.67.

³ Характеризуя фонетическую структуру слова в агглютинативных языках И.А.Бодуэн де Куртене писал: «В туранских языках (тюркских – Ф.В.)... все слоги ассимилируются из-за господствующего слога, т.е. подчиняются ему в полном смысле слова» см.: И.А.Бодуэн де Куртене. Резья и резьяне. В сб.: Славянский сборник. СПб, 1876, т.III, с.222.

daş – daş`lıq – daş`sız – daş`lar – daşlar`dan
 quş – quş`çu – quşçu`luq – quş`lar – quşlar`dan и.т.д.

Но: qa`zır – qa`zırlar – `qazmırlar – `qazmırlarmış и.т.д.

Вследствие этого все слоги, предшествующие ударному аффиксу, сильно редуцируются вплоть до выпадения из речевого потока. При этом вполне возможно, что акустические корреляты ударения в конце слов не имеют особого выделения¹, поскольку слова произносятся либо с терминальной, либо с перечислительной интонацией. Поэтому нередко показатели акустических коррелятов (особенно движение тона и интенсивность²) сильно понижаются.

Однако такое положение вещей не воспрепятствует распознаванию конечных слогов как ударных, так как здесь действует закон каденции. Исключение из этих правил составляют лишь отрицательные формы глагола во всех лицах и числах настоящего, будущего и прошедшего времен, вопросительные частицы (-mı) в четырех вариантах. В отрезках с этими аффиксами ударение падает на предшествующие слоги. Срв.:

`almadım – `almamışam – `almadıq – `almamısan

`almadı – `almamışdı – `almadıq – `almamısınız

`almayacaq – `almayacaqlar – `almayacaqsan

al`dınmı? – `odumu? – `sumu? – `qozmu? и.т.д.

Эти и другие аналогичные примеры представляют собой парцелятивные конструкции. С подлинно научной точки зрения мы не

¹ Основываясь на этом, а также на ряде других особенностей тюркских языков, некоторые исследователи отвергают наличие словесного ударения в этих языках. Известный русский тюрколог А.М.Щербак пишет, что «споры о турецком ударении способствовали появлению скептического отношения к возможности окончательного решения этой проблемы и послужили основой для постановки в целом ряде статей вопроса о том, существует ли вообще ударение в турецком языке. Основоположником нового подхода к решению проблемы турецкого ударения явился К.Гренбек. Отметив, что турецкому языку бесспорно присуще характерное движение тона, К.Гренбек указал далее на фонологическую иррелевантность ударения и отсутствие определенного ударения в основной массе турецких слов». См.: А.М.Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1970, с.112. В своих исследованиях, посвященных просодии казахского языка, А.Джунисбеков доказывает правомерность мысли об отсутствии словесного ударения в тюркских языках вообще и в казахском в частности. По мнению этого ученого функция словесного ударения успешно выполняет словесный сингармонизм. См.: А.Джунисбеков. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1989.

² По мнению А.М.Щербака, тюркское ударение по своей акустической природе является силовым (экспираторным), оно часто, но не всегда, сопровождается повышением тона; его распределение в слове находится в тесной зависимости от фразовой интонации. А.М.Щербак. Указ. соч., с.117.

вправе рассмотреть их в одном ряду со словами как с номинативными единицами языка. Но в этих словоформах, а также во многих заимствованиях (срв.: `опера, `радио, `паспорт, `трактор, про`фессор, `доктор, ав`тобус и т.д.) ударение всегда падает на один и тот же слог, если к ним прибавляются аффиксы – словообразовательные. Срв.:

`alma – `almadıq – `almadığımız – `almadıqlarımız
 `opera – `operalar – `operalardan – `operalarımızdan
 av`tobus – av`tobusçu – av`tobusda – av`tobuslar – и.т.д.

Как видно, слог- носитель просодических характеристик при исходной форме сохраняет свое господствующее положение при наращении. Но в тех заимствованиях, в которых в языке – источнике ударение падает на последний слог и в заимствующем азербайджанском языке оно находится также на последнем слоге, при наращении словообразовательными и словоизменительными аффиксами ударение непременно переходит на конечный слог. Срв.:

dirij`or – dirijor`lar – dirijorlar`dan – dirijor`luq
 rejis`sor – rejissor`lar – rejissorlar`dan – rejissor`luq и.т.д.

Итак, одна вершина в просодической структуре азербайджанского слова приходится на ударение, которое в исконно азербайджанских словах, как подчеркивалось выше, падает на последний слог или на аффикс предикативности или же предшествующий аффиксам отрицания и вопросительности слог¹. Что касается акустической природы ударения, то можно вполне согласиться с утверждением, что оно – экспираторное, а высотный компонент выступает в качестве сопровождающего признака.

2. Центр сингармонистических характеристик расположен на начальном гласном слова или же на конечном гласном основы. Иначе говоря, важной особенностью тюркского слова является то, что в двух– и более двух сложных словах гласные всех последующих слогов подчиняется гласному начального слога или же последнего слога основы, названному Р.Якобсоном зондергласным, по признакам ряда, подъема и огубленности. Этот закон, известный в литературе как сингармонизм, соблюдается в современном азербайджанском языке или полностью или частично (Срв.: ata, atalar, atalardan, uzun, uzunu, uzunçuluq и.т.д.). Здесь имеет место полная гармония гласных и согласных, поскольку во всех слогах реализованы одна и та же гласная

¹ В эмоционально насыщенной речи, в определенных речевых ситуациях, например, в обращении к публике, к сидящим в зале партийцам и комсомольцам (срв.: `yoldaşlar или yol`daşlar и т.д.) имеет место отклонение от нормы, обусловленное апеллятивной функцией ударения.

фонема в своих вариантах и твердые по тембру согласные, обусловленные качеством гласных: /A+a₁+a₂+a₃+y₁+y₂+y₃+y₄/. Частичная гармония гласных имеет место в словах типа «dəmirçilər, üzümçülər»¹, поскольку здесь нарушается закон следования друг за другом гласных по признакам подъема и огубленности. Кроме того в этих словах реализованы мягкие по тембру согласные. Срв.: /ə+i₁+i₂+ə/, /ü+ü₁+ü₂+ə/ и т.д.

Интересно отметить, что статус зондергласного сохраняется в обоих случаях. Причем все гласные азербайджанского языка подчиняется этому закону. Исключения составляют гласные /ə, o, e/, которые по причине своей ограниченной дистрибуции не могут встречаться в аффиксах. В огромном большинстве наших слов мы имеем последовательность следующих гласных: /A:I/, /A:O/, /A:U/, /O:U/, /E:İ/, /E:æ/, /æ:İ/, /θ:æ/, /æ:θ/ и наоборот. Исходя из вышеизложенного азербайджанские слова с учетом слоговой структуры и просодической организации могут быть протранскрибированы следующим образом: L₂= /Г+г/; L₃= /Г+г+г/; L₄= /Г+г+г+г/; L₅= /Г+г+г+г+г/² и т.д. Просодическая структура слова азербайджанского языка подвергается сильным изменениям, как только оно вступает в сферу влияния фразовой интонации.¹ Здесь отдельные слова со своими акцентологическими характеристиками подчиняются фразовому ударению, образуя иерархию суперсегментных особенностей в предложении, в котором при нейтральном произнесении выделены слова, непосредственно стоящие перед предикатом.

¹ Большая буква в транскрипции обозначает зондергласный. Для полной транскрипции можно было бы поставить знак С тв. или мяг. для обозначения согласных (твердых и мягких соответственно).

² Л – обозначает лексему, Г – так называемой зондергласный, г – безударные гласные, г – ударные гласные, а цифра под Л – количество слогов в данной лексеме. При данной транскрипции не учтен факт сильной редукции гласных предударных слогов, а также и делабиализации губных гласных в конце слов, что очень характерно для азербайджанского языка.

¹ Следует отметить, что из тюркских языков турецкий и тувинский характеризуются небной и губной гармонией, казахский – небной, а киргизский губной гармонией. Кроме того гармония гласных имеет место также в тунгусско – маньчжурских и финно – угорских языках. Похожее на гармонию гласных является не начальная гласный, а гласный аффикса, под влиянием которого корневой гласный получает новое качество. Это явление известно в литературе под названием умлаутизации. См.: А.М.Щербак. Указ. соч.; А.А.Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967. Необходимо отметить, что в современных азербайджанских словах, в именах собственных, нет строгого соблюдения гармонии гласных. Срв. /Aysel, Aygün, Kənan, Elşad/ и мн. др. Но морфологическая система с ее богатым словообразованием и словоизменением полностью соблюдает гармонию гласных, по крайней мере по признакам подъема и ряда.

Об этом всидельствуют приведенные ниже примеры:

1. /O kitabı Ana ``ra verdi// – Он отдал книгу Анару.
2. /O Anara ki``tab verdi// – Он отдал Анару книгу.
3. /Anara kitabı ``o verdi// – Анару книгу отдал он.

Совершенно очевидно, что данный порядок слов, в приведенных выше примерах, обусловлен конситуацией (контекстом и ситуацией). В речевой ситуации, где необходимо констатировать факт, что он отдал книгу Анару, высказывание должно иметь порядок слов как в первом примере. А если речь идет о том, что он отдал Анару книгу, говорящий должен выбрать порядок слов как во втором примере. И, наконец, если в речевой ситуации необходимо сказать о передаче им, именно им книги Анару, то употребляется третий вариант. Во всех трех примерах фразовое ударение падает на слово, стоящее непосредственно перед сказуемым. Слово с фразовым ударением образует центр просодической и интонационной структуры высказывания. Просодическая структура азербайджанских односинтагменных предложений выражающих законченность, имеет следующий тональный контур.

В тех случаях, когда в позиции перед сказуемым употребляется атрибутивные сочетания, фразовое ударение падает на определяющий компонент сочетания. Срв.:

4. /Anar onlarla yol``da rastlaşdı// - Анар встретился с ними на дороге.

5. /Dünən bu hadisə ``baş yolda olmuşdur// - Это произошло вчера на главней дороге.

В последнем примере выделено слово «baş», потому что в данной речевой ситуации необходимо выделить происшествия, а не констатацию совершившегося факта. Если протранскрибовать указанные выше фразы с учетом сингармонических и просодических характеристик, то они получают следующие формулы:

$$P_{10} = / \_ \Gamma + \Gamma / + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma \_ /$$

$$P_{12} = / \_ \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma / + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma + \Gamma \_ /$$

В предложении /Anar onlarla yolda rastlaşdı// так называемой зондергласный берет на себя функцию сингармонической организации, он предопределяет тембральную окраску одинаковые по небному тембру гласные. А во втором примере роль начального гласного не велика, его организующая функция заметно ослабла, так как в

предложении нарушается гармония гласных. Поэтому функция фонетической организации предложения берет на себя фразовое ударение, которое во взаимодействии с другими компонентами интонации формирует его как неразложимое целое. Однако возможна пауза после отрезков /Anar/ и /düən bu hadisə/, длительность которой может быть совсем незначительной или же достаточно большой, что зависит от конкретных условий реализации этих предложений.

Следует отметить, что система интонационных противопоставлений на материале азербайджанского языка не изучена полностью.¹ Имеющийся труды по азербайджанской интонации исходят из теоретической предпосылки, что система просодических средств включает в себя четыре интонационные единицы: интонация повествования, вопроса, побуждения и восклицания.

Ясное дело, что такой подход не удовлетворяет строгим принципам фонологического анализа интонации. Поэтому подлинно научное освещение просодики азербайджанского языка ждет своего решения.

---

¹ Первые сведения о системном характере интонационных единиц в языке мы находим у западногерманского фонетиста О.фон.Эссена. На основе слухового анализа турецкого текста. О.фон Эссен приходит к выводу, что турецкий язык пользуется тремя интонационными единицами: терминальной, прогрессивной и интеррогативной. См.: O. von Essen. Die Intonation in türkischen Lesetexten. 1956. Мы в своей работе, посвященной интонации азербайджанского языка, писали: «... тернарная классификация фразоразличительных средств Н.С.Трубецкого основывается на том, что повышение и понижение тона в конце предложения, как два активных члена корреляции, возможно потому, что есть еще и третий член, который является нейтральным или пассивным, в данном случае равным». См.: Ф.Е.Вейсалов. Некоторые вопросы интонации азербайджанского языка. Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, Баку, 1976, 3, 29, 9. См.: А.Ахундов. Azərbaycan dilinin fonetikasi, Bakı, 1984; Дж.Ахундов. Интонационные характеристики собственных вопросов в азербайджанском языке и речи. Ученые записки МГПИИЯ им. М.Горького, М., 1971, т.60; Н.Мехтиев. Побудительного предложения в современном азербайджанском языке и экспериментальное исследование его интонации. АҚД, Баку, 1973. Правда З.Ахмедова вслед за Е.А.Брызгуновой полагает наличие 5 или 7 интонационных конструкций в азербайджанском языке. См.: З.Ахмедова. Фонетическая структура основных типов интонационных конструкций азербайджанского языка. Ученые записки АГУ им.С.М.Кирова. Баку, 1977, №3.

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА¹

Известный языковед Р.О.Якобсон, рассматривая язык как систему знаков, подчеркивая, что значение знака (*signatum*) не существует без самого знака (*signum*), а под значением любого лингвистического знака, иначе говоря, вербального знака, понимал его перевод в другой знак. При чем он указал, что можно различать три способа интерпретации вербального знака:

1) Внутриязыковой перевод, переименование, передача одних знаков с помощью других знаков того же языков. Например, толковые словари или конкретный пример /subay, evlənməmiş - холост/;

2) Межъязыковой перевод или собственно перевод, когда вербальный знак одного языка интерпретируется посредством другого знака;

3) Межсемиотический перевод или трансмутация, такой перевод имеет место, когда интерпретация вербальных знаков осуществляется посредством невербальных знаков системы¹.

При первом виде перевода используется другое слово, синонимичное первому, либо парафраза. Разумеется, что синонимы не обладают полной эквивалентностью. Поэтому слова и фразеологические обороты можно интерпретировать через эквивалентные комбинации кодовых единиц.

То же самое происходит на уровне межъязыкового перевода. Русское слово /сыр/ можно передать /пендир : üzlü, üzsüz, motal и т. д/ и /qaymaq/. Разница только в степени их жирности, но при переводе с одного языка на другой мы имеем дело с целым сообщением. «Наука о языке, - пишет Р.О.Якобсон, - не может интерпретировать ни одного лингвистического явления, без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы»².

Здесь огромное значение имеют двуязычные словари. Которые должны содержать сравнительные дефиниции всех соответственных единиц с учетом их значений и сферы употребления. В качестве примера можно сослаться на двуязычный англо-русский и русско-английский словари, выпущенные под редакцией покойного Унбегауна в Лондоне. Сюда же относятся двуязычные грамматики, которые должны содержать сходные и различные грамматические категории. При переводческой деятельности нередко встречаются слу-

¹ İlk dəfə çap olunub: «Azərbaycanda xarici dillər», Bakı, 2007, s. 7-13

чай, когда мы сталкиваемся с проблемой непереводимости. И это понятно, так как еще Б.Л. Уорф писал: «Факты по разному выглядят в глазах носителей разных языков, которые дают им различное языковое выражение»³. Немцы, например, имеют слова «Geschwister» или «Eltern», оба они представляют собой плюралиатантум, как «брат и сестра», и второе – как «родители». А в азербайджанском языке им соответствуют в первом случае «bacı - qardaş», а во- втором, «valideynlər». Но у нас возможно употребление слова «valideyn» в единственном числе. Немецкое предложение /Ich bestellte einen Arbeiter/ точно перевести на русский язык не так просто. Потому, что для русского необходимо дополнительная информация о виде глагола: «заказал» или «заказывал», а также о грамматическом роде. Грамматические структуры в этих языках совершенно разные, поэтому и мы нуждаемся без контекста может привести к искажению первоначального смысла. Поэтому необходимо основательное знание о структуре контактируемых языков, а также расширение контекстного окружения.

В русском языке род имеет грамматическое противопоставление, чего нет в английском и азербайджанском языках. Поэтому персонификация и метафоризация неодушевленных предметов определяются их принадлежностью к грамматическому роду. Психологический опыт, проведенный в Москве, еще раз подтвердил справедливость этой мысли. Так, понедельник, вторник и четверг испытуемые определяли как существительные мужского, а среда, пятница и суббота – как женского рода. Наши русскоязычные студенты удивляются, почему /город/ в немецком языке относится к женскому роду.

В переводе поэзии мы часто сталкиваемся с непереводимостью. В таких случаях мы прибегаем к творческой транспозиции, либо внутри языковой – из одной поэтической формы в другую, либо межъязыковой – с одной системы знаков в другую, например, из вербального искусства – в музыку, танец, кино, живопись и др.⁴.

Относительно межъязыкового перевода достаточно обстоятельно высказался известный немецкий поэт-мыслитель И.В. фон Гете. Он выделял три этапа этого вида перевода.

I этап. Когда мы знакомимся с внешним миром и он очень выгоден для начала. В качестве примера он ссылается на перевод Библии, который был осуществлен Мартином Лютером.

На II этапе перевод характеризуется максимум адекватностью как при выборе знаков, так и при передаче смысловых оттенков на родном языке. Переводы Виланда могут быть отнесены к этому типу перевода.

И, наконец, на третьем этапе перевод характеризуется приверженностью к оригиналу. Это значит, что здесь речь идет не об употреблении одного языка за другой, а одного знака на месте другого. Многие не акцептируют этот тип перевода ввиду того, что он отделяется от национального колорита⁵.

У нас в Азербайджане достаточно много написано о переводе. Однако в большинстве из них критике подвергаются не соответствие перевода своему оригиналу в плане перевода слов, их сочетаний и фразеологических единиц и выражений. Так, например, в статье Б.Небиева, А.Ахундова, А.Алекперова анализируется переводная литература с точки зрения не точность выбранных слов и их сочетаний, редко с точки зрения несоблюдения синтактико-семантических структур⁶.

Интересно упомянуть с этой связи слова известного английского лингвиста Дж. Р. Фирса. Он писал: «Выявлять значение с помощью пословного подстрочного или буквального перевода в качестве дополнительного средства анализа разным образом не допустимо, хотя к этому часто прибегают»⁷.

В вышеназванной статье Б.Набиев очень правильно указывает на то, как переводчик нарушил синтаксическую структуру предложения при переводе рассказа М.Горького «Охотник» на азербайджанский язык.

Приводим оба варианта:

Русский язык	Азербайджанский язык.
Была ночь, когда вышел на	Gecə vaxtı idi, mən evdən
улицу из дома, где в кругу	küçəyə çıdım, çar olunmuş
близких мне людей читал свой	hekayəmi yaxın adamlarımın
напечатанный рассказ.	çevrəsində oxudum

В оригинале речь идет о том, что человек читал свой рассказ дома, тогда как в переводе получается так, будто он читал свой рассказ на улице в кругу близких ему людей⁸.

А теперь обратимся к переводу фундаментального труда Ф. де Соссюра на азербайджанский язык, осуществленный Н.Джафаровым⁹. В оригинале речь идет об **описании** (Beschreibung), а переводчик перевел его как **написание**, слово совокупность переведено как **yekun**, **цепочка** переведена то как **silsilə**, то как **zəncir**. Перевод слова единица во множественном числе как vahidlər не отвечает духу оригинала¹⁰. «Eşidilən və tələffüz edilən vahidlər» это не то, что «сумма акустической единицы и произносимой единицы» (впрочем, на немецкий переведен именно так¹¹).

Надо сказать, что интерес к переводческой деятельности возрастает по мере развития связей на международной арене. Сегодня как ни когда велик спрос к высококвалифицированным кадрам по разным аспектам перевода – письменному, устному, последовательному, синхронному и т. д. Мы находимся на этапе бурного развития новой науки, теории перевода. Задача трансляции заключается в том, чтобы достичь эквивалентности перевода с языка оригинала на язык перевода, сохранив таким образом содержание информации.

А эквивалентность можно установить, если будут проведены фронтативные исследования, которые должны выявить различие структур в сопоставляемых языках и степень их соответствия в процессе перекодирования. Необходимо учесть то, что тексты возникают в определенных коммуникативных ситуациях, где выражаются коммуникативные потребности и интересы говорящих. Более того эти тексты, транслаты отражают конкретные взгляды говорящих на различные сферы их жизни и деятельности. В зависимости от уровня знаний каждый говорящий подключается к процессу коммуникации с целью удовлетворить свои потребности в общении. Потому и тексты, с которыми имеют дело переводчики, существенно отличаются от говорящего к говорящему. Умение передать все это на переводимом языке можно назвать трансляционной компетенцией.

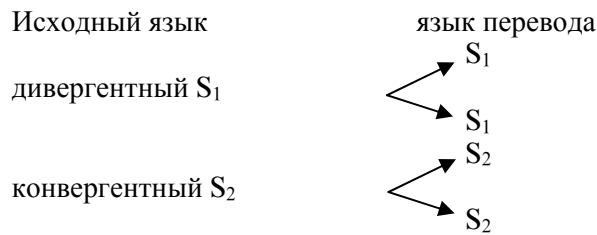
Различия смысловых структур одного языка передаются в плане выражения разными структурами, которые складываются из одновременного действия фонетических, морфологических и синтаксических средств. Уловить инвариантное как в плане выражения, так и в плане содержания, это значит, обеспечить эквивалентность переводимого на языке перевода. В результате перевода должен быть получен текст, который максимально отражает смысловые отношения, заложенные в тексте – оригинале. Например,

Исходный язык	язык перевода
Азерб. я. /çünki o xəstədir/	нем. я; /weil er krank ist/ /denn er ist krank/
Рус. я. /потому что он болен/	/так как он болен/

Этот пример показывает, что одной структуре азербайджанского языка соответствуют две структуры в русском и немецком языках при сохранении тождества на смысловом уровне. Мы видим, что коммуникативная эквивалентность на уровне содержания сохраняется, хотя с точки зрения плана выражения имеется возможность выбора

двух форм на языке перевода. Теория перевода должно учесть как формальные, так и содержательные признаки при исследовании коммуникативной и функциональной эквивалентности текстов. При этом принято различать здесь дивергентной и конвергентной функциональной эквивалентности.

Срв.:

Первая модель имеет место, когда одно выражения (S) имеет два соответствия на схеме языка перевода.

Примером этому может послужить приведенная на странице 5. А следующий пример показывает конвергентность высказываний.

Срв.:

Курить нельзя

Нельзя курить Rauchen verboten

Таким образом, конфронтативная лингвистика проливает свет на многие проблемы, с которыми сталкивается теория перевода. Лингвистика постоянно сопровождает всю переводческую деятельность, представляя хорошую научную базу для теории и практики перевода.

Литература

1. Р.О.Якобсон. О лингвистических аспектах перевода. В.кн.: Р.Якобсон. Избранные работы. М., 1985, с. 361-369.
2. Там же, с. 363.
3. Там же, с. 363.
4. Там же, с. 367.
5. J.W. von Goethe. West – östlicher Divan. Frankfurt/am Mayn, 1998, s. 262-63.
6. В.Нəbiyev. Bədii əsərlərin dilinə diqqət verək. «Dil mədəniyyəti». Bakı, 1979, s. 50-59; A.Ələkbərov. Bədii tərcümə və dil mədəniyyəti. «Dil mədəniyyəti». Bakı, 1979, s. 50-67; A.Axundov. Dil və ədəbiyyat. Bakı, 2003, s. 191-231.

7. Дж.Р.Фирс. Лингвистический анализ и перевод. В кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 26.
8. Б.Набиев. Указ. соч. с. 51.
9. F.de Sössür. Ümumi dilçilik kursu. 1977-ci il rusca nəşrindən tərcüməsi N.Cəfərovundur. Bakı, 2003.
- 10 Там же. с. 109.
11. F.de Saussure. Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft 2. Aufl. Berlin, 1967, s. 44.

V буюм

ALMAN DİLİNİN FONETİKASI
VЯ FONOLOGIYASIЗАВЕРШАЮЩАЯ ИНТОНАЦИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(экспериментально-фонетическое исследование)¹

При лингвистическом описании и классификации звуковых явлений необходимо опираться на смысловые различия, ибо фонологическая система того или иного языка базируется на смысловых ассоциациях. «Точно так же, как фонетическое сходство звуков не определяет их как оттенки одной фонемы, так и фонетическое несходство звуков само по себе не говорит о том, что они представляют разные фонемы»².

Являясь единицей плана выражения, интонация может быть выделена как таковая только потому, что она потенциально связана со смыслом. Интонация как одно из важнейших средств языка имеет определенную самостоятельность и образует автономную систему³ среди других звуковых единиц языка, хотя она сама по себе не обладает значением. Автономность интонации заключается в следующем: с одной стороны, одна и та же синтаксическая структура может выражать благодаря интонационной дифференциации законченность или незаконченность, ответ или вопрос и т. д., с другой – разные синтаксические структуры могут быть интонационно не дифференцированы. Несмотря на такую самостоятельность совершенно очевидно, что интонация сама по себе не способна выражать интеллектуальное значение. Выражение последнего осуществляется благодаря взаимодействию сегментных и суперсегментных единиц.

Если речь идет о существовании определенной интонационной системы, характеризующейся автономностью среди других уровней

¹ Впервые опубликована в: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1970. Научный руководитель: д.ф.н. проф. Л.Р.Зиндер; официальные оппоненты: д.ф.н. проф. Г.Я.Панкрац, к.ф.н. доц. М.Г.Кравченко.

² Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 50.

³ Об автономности звуковой стороны и, в частности, интонации см.: Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, стр. 6.

языка, то, естественно, возникает вопрос о наличии интонационных единиц, функционально противопоставленных друг другу в пределах одной фонологической системы. Изучение интонации под таким углом зрения позволяет ответить на вопросы: 1) каково максимальное количество интонационных единиц, используемых в языковом общении; 2) какие признаки характеризуют ту или иную интонационную единицу?

Реферируемая диссертация посвящена экспериментально-фонетическому изучению одной из интонационных единиц современного немецкого языка, выражающей законченность в самом широком смысле этого слова.

Под завершающей (терминальной)¹ подразумевается такая интонация, при реализации которой говорящий не намерен спросить о чем-нибудь или указать на продолжение своей речи, а слушающий, в свою очередь, не сомневается в законченности переданной говорящим информации и не ждет от говорящего указания на продолжение высказывания.

Задача данного исследования заключалась в том, чтобы выяснить, какие признаки в немецком языке способствуют достижению этой цели. Совершенно очевидно, что для выяснения этого следует обратиться к предложению, так как в немецком языке интонация дистинктивна только на уровне предложения.

Работа состоит из трех глав и заключения. В конце диссертации дается список проанализированных примеров и библиографических источников, рассматриваемых или упоминаемых в тексте и использованных в той или иной степени при выполнении работы.

Иллюстрации, приведенные в работе, содержат как осциллограммы, так и таблицы и графики, полученные в результате обработки экспериментального материала. Всего в основной части приводятся 51 рисунок и 24 таблицы, являющиеся результатом осциллографического анализа. Остальные рисунки, содержащие около 130 графиков движения основного тона, интенсивности и длительности гласных, даются в приложении к диссертации.

Исследованный материал включает в себя 100 одно-, двух-, трех- и четырехсинтагменных предложений (простых и сложных, побудительных, ответных, вопросительных с вопросительным словом и повествовательных со всеми синтаксическими разновидностями

---

¹ Термин заимствован у О. фон Эссена и употребляется для обозначения завершающей интонации. См.: O. von Essen. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen, 1956.

ми), в которых предполагалось появление завершающей интонации. В каждом предложении анализу подвергалась та синтагма, которая занимает последнее место в предложении. Если же предложение по величине совпадало со синтагмой, тогда исследовалось все предложение-синтагма.

Для эксперимента были привлечены четыре диктора (3 мужчин и 1 женщина), родным языком которых является немецкий.

Первая глава является теоретическим введением и содержит три раздела.

В разделе «А» рассматривается проблема интонации в современной лингвистике.

В современном языкознании нет единства во взглядах лингвистов не только на понимание самой сущности интонации, но и на ряд других вопросов, отражающих связь интонации с другими уровнями языка. Анализ германистической литературы по интонации позволяет свести всю проблему к следующим вопросам:

- а) интонация и синтаксис;
- б) интонация и фонология;
- в) интонационные единицы;
- г) возможности членения интонации.

Рассматривая существующие мнения о связи интонации с синтаксисом, автор считает более правильной и приемлемой точку зрения Л.В.Щербы и его учеников. Интонация имеет двойное отношение к синтаксису: с одной стороны, она находит свое приложение на синтаксической структуре, с другой стороны, -- синтаксическая структура становится самостоятельной коммуникативной единицей благодаря интонации. Интонация не только оформляет, но и расчленяет предложение¹.

По своей сущности интонация принадлежит к звуковым явлениям. Поэтому, совершенно очевидно, что она должна быть изучена в тесной связи с фонологией. Автор подробно анализирует взгляды фонологов на этот вопрос и приходит к выводу, что основная теоретическая предпосылка об автономности звуковой стороны (в том числе и интонации)², сформулированная Л.В.Щербой, должна лечь в основу изучения интонации.

---

¹ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1963; М. И. М а т у с е в и ч. Введение в общую фонетику. М., 1948; Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика, Л., 1960; М. Г. К р а в ч е н к о. Членение простого повествовательного предложения в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1953.

² Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912.

Известная отвлеченность интонации от грамматической структуры предложения, ее самостоятельность выражается, между прочим, и в существовании определенного количества интонационных единиц. Такая идея существует в лингвистической литературе давно, хотя она не было отчетливо сформулирована в классической фонетике.

В современном языковедении имеются разные мнения по этому вопросу. Число интонационных единиц, определяемое лингвистами, колеблется между двумя и четырьмя. Четыре интонационные единицы выделяет С.О.Карцевский¹, 2 - А.Блох². Вслед за О. фон Эссеном в немецкой фонетической литературе выделяют три интонационных типа: прогрессивный, интеррогативный и терминальный³.

Советский германист О.А.Норк полагает, что нужно ограничивать модели самих интонационных структур от моделей интонационных структур предложений⁴. При этом О.А.Норк, так же, как и О. фон Эссен и многие западные фонетисты, исходит из линейной членимости интонации, что отвергается автором настоящей работы.

Интонация не подвергается линейному членению, поскольку она сама по себе не обладает значением. Но она используется для смыслового членения потока речи, в результате которого получается синтагма, характеризующаяся семантико-синтактико-фонетическим единством⁵.

Подобно тому как фонема представляет собою далее неделимую (линейно) единицу для фонологической системы языка, синтагма является единственно возможной, далее неделимой единицей интонационного членения потока речи.

В разделе «Б» дается краткая характеристика завершающей интонации в современном немецком языке.

Отмечаются недостатки существующих представлений о завершающей интонации немецкого языка, основным из которых является следующее: некоторые исследователи фонологически релевантным считают слог, выделяемый главным ударением (у Эссена-кульминационный центр «Schwerpunkt» или «Schwerezentrum», у О.А.Норк - тонема).

¹ С. О. К а р ц е в с к и j. Sur la phonologie de la phrase. TCLP, 1931, 4.

² А. В l o c h. Intonation und Satzgefüge. "Sprachen, Zuordnung und Strukturen". (Festgabe für E.Zwimer). Nischoff, 1965.

³ О. von Essen. Allgemeine und angewandte phonetik. Berlin, 1964

⁴ О. А. Н о р к. Основные интонационные модели немецкого языка. „ИЯШ“, 1964, №3.

⁵ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1963.

Кульминационный центр может находиться в зависимости от контекста и ситуации на любом слоге, тогда как характер высказывания раскрывается лишь к концу речевого отрезка, «ибо только в этом месте возникает необходимость сигнализировать о том, завершено предложение или нет»¹.

Кроме того, нередко вершину в мелодическом движении, как показывает анализ, образует не ударный, а неударные слоги, особенно слоги, содержащие (ə).

Сомнение вызывает и то, что выводы некоторых исследователей базируются в основном на слуховых впечатлениях.

Что же касается исследования А.Исаченко и Х.Й.Шедлиха², то оно исходит из опыта с синтезированной речью, и поэтому в применении к естественной речи их результаты имеют гипотетический характер.

Следует еще отметить, что ни в работе О. фон Эссена, ни в исследованиях А.Исаченко и Х.Й.Шедлиха не учитывается действие такого фактора, как структурно-смысловая законченность высказывания, а также действие других компонентов интонации.

Авторское понимание интонации заключается в следующем.

Под интонацией подразумевается линейно неделимое фонетическое явление суперсегментного характера, выполняющее в языке синтактико-смысловые функции и представляющее собой в структурном отношении единство мелодических, динамических, временных и тембральных изменений в речи. В настоящей работе последний компонент не рассматривается, поскольку в ней изучается интеллектуальная, а не эмоциональная сторона речи.

Основной теоретической предпосылкой данного исследования служит идея о том, что интонация любого предложения выполняет две функции: внешнефразовую и внутрифразовую.

Первая служит коммуникативному оформлению предложения, вторая – его внутренней организации и синтагматическому членению. В случае отсутствия синтагматического членения, как например, в односинтагменных предложениях, внутрифразовая функция направлена только на выражение эмоциональной стороны высказывания.

Это не означает, что для выражения эмоциональной стороны существует специальное средство. Эмоциональная и интеллектуаль-

---

¹ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. TCLP, 1939, 7, s. 199.

² A. Isachenko und H. J. Schädlich. Untersuchungen über die deutsche Satzintonation. „Studia Crammatica“, 7, 1966.

ная стороны существуют нераздельно. Однако для говорящего они представляют разные аспекты. Так, например, вопрос распознается как вопрос, независимо от того, какая эмоция вкладывается говорящим в него и наоборот, эмоция распознается независимо от того, является ли предложение вопросительным или утвердительным.

Действие внутрифразовой функции интонации зависит от контекста и ситуации, тогда как внешнефразовая функция ее обусловлена коммуникативным содержанием предложения. Именно внешнефразовая функция интонационного контура терминальной синтагмы (предложения) является объектом настоящего исследования.

В разделе «В» описываются принципы подбора материала и дикторов, их характеристика и методика проведенного эксперимента и записи материала.

Глава вторая посвящена описанию результатов проведенного эксперимента. Она состоит из трех разделов, каждому из которых предшествует особый подраздел, содержащий описание методики исследования отдельных параметров терминальной интонации.

А. Мелодическая характеристика

Для составления графиков движения основного тона в предложениях была найдена средняя высота тона всего гласного и внутри него. Обработке по вычислению средней высоты основного тона подвергнуты все гласные фонемы (в общей сложности – 6138).

Для сопоставления данных разных дикторов необходимо было учитывать среднюю высоту голоса каждого диктора, которая вычислялась тремя способами: 1) по максимальным и минимальным значениям в голосовом регистре каждого диктора; 2) по безударным гласным в начале предложений; 3) по 10 гласным, взятым из всего материала наугад. Затем из средних значений, полученных в результате применения названных трех способов, выведено средне-взвешенные значения, которые позволили сравнивать движения тона в различных предложениях в произнесении разных дикторов.

Сначала рассматриваются односинтагменные предложения с разным количеством слогов: с последним ударным, одним заударным и двумя заударными слогами.

Анализ показывает, что односинтагменные предложения характеризуются максимальным понижением частоты основного тона, локализованным на последнем слове.

Если предложение кончается ударным слогом, то максимальное понижение тона приходится на этот слог. В случаях, когда в конце предложений стоит заударный слог, максимальное понижение частоты основного тона перемещается от ударного на заударный

слог. При наличии в конце предложения двух заударных слогов максимальное понижение тона может находиться либо только на последнем слоге, либо тон имеет одинаковый уровень на обоих заударных слогах. Максимальное понижение высоты основного тона наблюдается и в том случае, если в конце предложения имеется слог, носящий так называемое побочное ударение.

Уровень понижения частоты основного тона в конце односінтагменных предложений является индивидуальным для каждого диктора. В настоящем эксперименте он достигает для мужских голосов приблизительно 100 гц (очень редко ниже 100 гц), а для женского голоса – 200 гц (очень редко ниже 200 гц).

В конце терминальной синтагмы уровень понижения частоты основного тона у диктора Х. (женщина) на 72 гц меньше, чем средневзвешенное значение основного тона ее голоса, у д. М. – на 44 гц, у д. К. – на 24 гц, у д. Р. – на 31 гц.

После слога, который является последним ударным в мелодической структуре предложения, больше не наблюдается повышение тона. Тон стремится к положению, являющемуся постоянным для конца терминальной синтагмы у каждого диктора. Максимальное понижение тона в конце предложения не обусловлено его синтаксической структурой. Все повествовательные предложения характеризуются максимальным понижением частоты основного тона в конце, несмотря на разную их синтаксическую структуру. Максимальная точка в мелодической структуре может находиться в начале или середине, но общее движение тона остается понижающимся в любом случае.

Анализ мелодических структур побудительных, ответных, а также вопросительных предложений с вопросительным словом показывает, что они не имеют специфического понижения тона. У них, так же как у повествовательных предложений, максимальное понижение локализовано в конце. Правда, общая линия движения тона в побудительных предложениях несколько отличается от других типов предложений. Например, в рассмотренных побудительных предложениях мелодическая вершина находится только в начале, тогда как в других типах она не имеет стабильного положения. Это связано, очевидно, с тем, что ядро побудительных предложений расположено в начале.

В предложениях, состоящих более чем из одной синтагмы, последняя синтагма имеет такой же уровень тона, как в односінтагменных предложениях. Сравнение уровней высоты основного тона последних трех слогов прогрессивных и терминальных синтагм по-

казало, что конец первых лежит либо на уровне начала, либо чуть выше, или ниже начала терминальных синтагм, в то время как концу терминальных синтагм присущ более низкий уровень. Если конец прогредиентной синтагмы лежит на уровне, близком к среднему уровню частоты основного тона для каждого диктора, то для конца терминальной синтагмы характерно максимальное понижение тона.

Усредненные данные по последним 5-ти слогам терминальных синтагм показали, что тон понижается постепенно и наибольшее понижение локализовано на последнем слоге.

Резкое понижение тона внутри предложения свидетельствует о его синтагматическом членении. Но степень понижения не доходит до уровня максимального понижения, характерного для конца предложения. Если такой уровень понижения основного тона наблюдается внутри предложения, где при другом интонировании может проходить синтагматическая граница, то в таком случае, очевидно, мы имеем дело с двумя самостоятельными предложениями.

Особенно интересным представляется то, что лексическое наполнение не изменяет общего направления тона. Уровень понижения тона в предложениях с двумя или тремя словами такой же, как в предложениях со многими словами. Ср. /Der Tisch ist bedeckt// и /Der Tisch in der Mitte ist bedeckt//. Предложения типа /Die liebe goldene Sonne schien durch das Fenster// и /Durch das Fenster schien die liebe goldene Sonne// не отличаются друг от друга ни по фонемному составу, ни по коммуникативному назначению. Число фонем в обоих предложениях - 34, оба они повествовательные. Но они отличаются друг от друга перемещением слов и числом слогов в первой и второй синтагме и общей ритмической структурой обеих синтагм. Изменилось, как показал анализ, и мелодическое оформление предложений. Однако общая закономерность, высокий уровень конца первой синтагмы и низкий уровень конца второй осталась неизменной.

Таким образом, результаты анализа мелодического компонента показывают, что мелодическое завершение связано только с концом предложения, который характеризуется максимальным понижением частоты основного тона. В связи с этим распространенное в литературе представление об интонационной завершенности и незавершенности нуждается в уточнении.

Б. Динамическая характеристика

Анализ динамической структуры терминальной синтагмы про-

водился по средне-относительной интенсивности гласных¹. По абсолютным значениям можно судить об интенсивности только в том случае, если в динамической структуре синтагмы имеется последовательность закрытых и открытых или же одинаковых по качеству гласных. При этом можно установить следующие закономерности:

а) если в динамической структуре синтагмы встречаются закрытые + открытые гласные и интенсивность последних меньше интенсивности первых, то можно утверждать, что в динамической структуре имеется понижение;

б) если в динамической структуре синтагмы встречаются гласные одинакового качества и стоящий в конце гласный характеризуется понижением, то справедливо утверждение о том, что в конце синтагмы имеется понижение.

Гораздо труднее выяснить положение, когда в динамической структуре синтагм имеется последовательность открытых и закрытых гласных. Для этого нужно было найти средне-относительную интенсивность гласных. Сперва была вычислена собственная интенсивность гласных по данному эксперименту, затем для абсолютную интенсивность гласных на их собственную, была получена средне-относительная интенсивность. Анализ динамической структуры терминальной синтагмы проводился следующим образом:

а) сопоставлялись гласные в трех позициях: в начале, середине и конце в пределах одной синтагмы;

б) сопоставлялись гласные в начале, середине и конце терминальной синтагмы с теми же гласными в соответствующих позициях в нетерминальной синтагме.

Проведенное исследование по динамической структуре терминальной синтагмы позволяет сделать следующие выводы:

Начало терминальной синтагмы характеризуется большей интенсивностью, тогда как концу ее присуще максимальное понижение. Если максимальная интенсивность зависит от ряда факторов: а) от положения гласного в синтагме (имеется в виду дистантное), б) от качества и ударенности гласного; от относительно максимального понижения интенсивности нельзя говорить о влиянии перечисленных выше факторов.

Направление движения интенсивности остается понижающимся не только в односинтагменных повествовательных предложениях, но и в побудительных, ответных и вопросительных предложениях с

---

¹ Интенсивность гласных измерялась по положительной амплитуде речевого сигнала на осциллограммах. Единицей измерения принято условно миллиметры.

вопросительным словом.

Экспериментальные работы подчеркивают, что относительная интенсивность гласных связана с их ударенностью и консонантным окружением. Утверждается, что гласные перед сонантами и звонкими согласными сильнее, чем в других позициях. Однако настоящее исследование показывает, что не менее важную роль играет место гласного в динамической структуре предложения. В начале предложения гласные самые сильные, в середине слабее, а в конце в среднем на 0,2 или на 0,3 мм слабее, чем те же гласные в середине предложения.

Максимальное понижение интенсивности не зависит от долготы или краткости гласного, оно не обусловлено также качеством того или иного гласного, тогда как относительная интенсивность зависит от ряда факторов – от общего направления движения тона, от характера гласного, от индивидуальных особенностей говорящего и т. д.

Проведенный статистический анализ по гласному /a:/ в произнесении диктора М. показал, что понижение интенсивности в конце рассмотренных типах предложений является закономерным.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что понижение интенсивности в конце является релевантным признаком для терминальной синтагмы и, следовательно для предложения вообще.

С лингвистической точки зрения понижение интенсивности также, как и понижение тона в конце связано с коммуникативным назначением речевого отрезка, с законченностью выраженной в нем мысли, находящей свое завершение в терминальной синтагме.

В. Темпоральная характеристика

Темпоральный анализ проводился по средне-относительной длительности гласных. Сравнивались гласные в конце и не в конце синтагмы, темпоральное отношение в прогредиентных и терминальных синтагмах. Необходимо было выяснить каков темп произнесения отдельных звуков в терминальной синтагме и даже всей синтагмы по отношению к темпу произнесения отдельных элементов прогредиентной синтагмы; влияет ли на длительность отдельных элементов терминальной синтагмы наличие перед ней прогредиентной синтагмы. При этом а priori возможны три темпоральные характеристики при произнесении предложения:

- а) ускорение темпа к концу произнесения;
- б) замедление темпа к концу произнесения;
- в) неизменное положение темпа на всем произнесении.

Можно думать, что выбор того или иного рисунка обусловлен чисто лингвистически, так как физиологически нет как будто оснава-

ний для того, чтобы отдать предпочтение одному из указанных рисунков при терминальной интонации, которая связана с концом предложения.

Темпоральный анализ показал, что конец терминальной синтагмы произносится с замедленным темпом.

В результате синтагматического анализа темпа, при котором рассматривались гласные в той последовательности, в которой они выступали в звуковом облике предложения, выяснилось, что замедление темпа в конце терминальной синтагмы является закономерным.

Если в конце синтагмы имеется открытый слог, то замедление значительно больше. Но если терминальная синтагма заканчивается закрытым слогом и за гласным этого слога следуют два согласных, то замедление темпа в конце меньше, чем если в конце синтагмы стоит открытый слог.

Замедление темпа наблюдается не только в конце повествовательных, но и в конце побудительных, ответных и вопросительных предложений с вопросительным словом.

Средняя протяженность звука в последнем слове превышает среднюю длительность звука в предложении у д. Х. на 0,17 мсек, у д. М. на 0,13 мсек, у д. К. на 0,16 мсек.

Интересно было выяснить вопрос о том, замедляется ли темп только в последнем слове или во всей синтагме. Из сопоставления синтагм были получены следующие результаты.

1. Если предложение состоит из двух синтагм, причем терминальная не начинается с сочинительного союза, то прогрессивная синтагма произносится быстрее, а терминальная – медленнее. Замедление произнесения терминальной синтагмы вытекает, по-видимому, из противопоставления данного новому, которое объясняется удельным весом нового в общем смысле предложения.

2. Если предложение состоит из двух синтагм и терминальная синтагма начинается с сочинительного союза, то она произносится быстрее. Но в тех случаях, когда в предложении имеется подчинительный союз, то та синтагма произносится быстрее, которая содержит подчинительный союз.

3. Средняя длительность звуков прогрессивной синтагмы равна средней длительности звуков в терминальной синтагме т. е. имеется изохронное произнесение.

Из сопоставления темпа предложений с одинаковым лексическим составом, но с разной последовательностью их составляющих, видно, что замедлению подвергаются не только звуки последнего

слова, но и весь отрезок.

Глава третья. В этой главе описываются результаты анализа данных опыта по восприятию.

Объективные характеристики терминальной интонации показывают, что нет двух предложений, в пределах которых акустические величины оставались бы неизменными.

Вместе с тем акустическая характеристика компонентов терминальной интонации показала, что между интонациями отдельных предложений имеется определенное сходство, выраженное понижением частоты основного тона, уменьшением интенсивности и замедлением темпа к концу предложения. Однако различие и сходство, установленное по объективным характеристикам параметров интонации, недостаточны сами по себе, чтобы говорить о функциональном тождестве и нетождестве интонации, потому что акустический аспект подчинен функциональному.

Наличие функционального различия предполагает, что оно обязательно будет восприниматься носителем языка. Поэтому обращение к языковому сознанию является важным элементом фонетического исследования.

«Установление системы языка как таковой не требует непосредственного обращения к психике его носителей. Однако язык, являющийся средством общения между людьми, должен рассматриваться в лингвистике не как статистическая, а как функционирующая система, которая выявляется в речи. Это означает, что лингвисты не могут обходить вопроса о восприятии речи носителями соответствующего языка и о значении для восприятия отдельных языковых единиц»¹.

Опыт по восприятию, в котором участвовали 14 немцев в возрасте от 20 до 30-ти лет (8 мужчин и 6 женщин) – студентов и аспирантов из ФРГ ГДР, должен был ответить на вопрос, с какими акустическими различиями связана интонационная идентификация терминальной синтагмы.

Аудиторам предъявлялись 35 стимулов (целые предложения, синтагмы или части из них). Из 35-ти стимулов 20 было произнесено по объективным характеристикам с терминальной, 13 – с прогрессивной. Два стимула были сконструированы из разных предложений. Были сделаны кольца, которые давались на прослушивание с помо-

---

¹ Л. Р. З и н д е р. Фонема и восприятие. „Proceedings of the International Congress of phonetics Sciences Prague 1967“. Academia of Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences. 1970 p. 1071.

щью магнитофона МЭЗ-28. Испытуемые фиксировали ответы соответствующими знаками препинания.

Данные опыта по восприятию были подвергнуты статистическому анализу, который показал, что отрезки, произнесенные с терминальной интонацией, идентифицировались носителями немецкого языка как таковые, кроме этого общего вывода выяснилось также следующее. Процент опознаваемости отрезка, предъявляемого аудиторам, прямо пропорционален его длине. Чем длиннее отрезок, тем лучше процент опознаваемости.

В некоторых случаях точному опознаванию и различению терминальной интонации помогают семантико-синтаксические факторы. Однако при разрушении звукового облика отрезка и восстановлении синтактико-структурных особенностей, отрезки не идентифицируются.

Во втором опыте 8 аудиторам предъявлялись отрезки, взятые из предложения, произнесенного в контексте и вне контекста. Задача состояла в выяснении того, в какой мере обусловлена идентификация терминальной интонации контекстом. Оказалось, что процент опознаваемости синтагмы, взятой из предложения, произнесенного в контексте, почти совпадает с процентом идентификации синтагмы, взятой из изолированно произнесенного предложения.

Заключение. Анализ акустических параметров терминальной интонации (мелодики, интенсивности и темпа) показывает, что терминальный интонационный контур характеризуется максимальным понижением частоты основного тона, уменьшением интенсивности и замедлением темпа в конце предложения. К этим признакам можно отнести еще и появление паузы, отграничивающей одно предложение от другого.

Терминальная синтагма – это единственная синтагма, в которой происходит интонационное завершение, выраженное локализацией указанных выше признаков на последнем слове этой синтагмы. Поэтому на всех примерах обнаруживается четкое противопоставление конца середине или началу предложения.

Для выполнения внешнефразовой функции терминального интонационного контура фонологически релевантным является общая линия движения тона и интенсивности. Она не зависит от фонетических факторов и не обусловлена синтаксической структурой и синтагматическим составом, а также и лексическим наполнением. Общая линия движения основного тона и интенсивности зависит от смысловой законченности и коммуникативной направленности предложения.

Характерной чертой терминальной интонации является еще и замедление темпа к концу предложения. Однако краткие гласные в конце терминальной синтагме не удлиняются так, как это наблюдается при долгих гласных. Это вполне понятно, ибо при удлинении кратких гласных снималось бы противопоставление долгих и кратких, являющееся дифференциальным признаком для фонологической системы немецкого языка.

Учитывая слоговую структуру в заключении различаются три основных подтипа локализации интонационного завершения:

а) последний слог является ударным и, терминальность локализована именно на этом слоге:

б) последний слог является заударным и, терминальность локализована на нем;

в) последний слог является заударным, но терминальность локализована на ударном и остается неизменной на заударном слоге. Отрезки, в конце которых наличествуют все признаки терминальной интонации, идентифицируются носителями немецкого языка без особых трудностей.

Терминальный интонационный контур имеет определенную сферу действия. В назывных, ответных, побудительных, вопросительных с вопросительным словом и, наконец, в повествовательных предложениях со всеми разновидностями наблюдается манифестация терминального интонационного контура. Реализация его в каждом конкретном случае варьируется, хотя все перечисленные виды предложений имеют в принципе один и тот же интонационный контур. Это становится возможным потому, что интонация абстрагируется, обобщается в пределах немецкого языкового коллектива, как и любое другое явление в языке. Речь идет здесь о той автономности, о которой Л.В.Щерба писал более полувека назад.

Сказанное не противоречит вариативности терминального интонационного контура и различаются два вида вариативности:

1. Вариативность, связанная со структурой синтагмы;

2. Вариативность, связанная с дистрибуцией самого интонационного контура.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

1. О некоторых направлениях изучения интонации. «Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной итогам научно-исследовательских работ за 1967 год». (Азербайджанский педагогический институт языков им. М.Ф.Ахундова). Баку, 1968 г.

2. О возможностях линейного членения интонации. «Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной итогам научно-исследовательских работ за 1968 год». (АПИЯ им. М.Ф.Ахундова), Баку, 1969 г.

3. К вопросу об изучении интонации. «Уч. записки АПИЯ им. М.Ф.Ахундова». Серия языка и литературы, № 1. Баку, 1970 (за 1968 г.).

4. Возможно ли линейное членение интонации? «Уч. записки АПИЯ им. М.Ф.Ахундова». Серия языка и литературы, № 2, Баку, 1970 (за 1969 г.).

ALMAN DİLİNDƏ BITKİNLİK İNTONASIYASINA DAİR¹

İntonasiya dilin ən mühüm fonoloji vahidlərindən biri kimi nəinki nitqi gözəl və düzgün ifadə etmək, onu səlis başa düşmək üçün vacib vasitədir, o, həm də ayrı-ayrı sözlərdən tutmuş fikir ifadə etmək üçün istifadə olunan, ünsiyyətin əsas komponenti kimi sərbəst şəkildə çıxış edən hər bir cümlənin ayrılmaz atributudur. Başqa sözlə desək, intonasiya cümlənin qəlibidir. Lakin bu qəlib kommunikativ vahidi müəyyən formaya salmaqla kifayətlənmir, onu həm də fikri anlaşıqlı etməkdən ötrü kiçik məna vahidlərinə-sintaqlara bölür. Lakin buna baxmayaraq, intonasiya sərbəst bir vahid kimi, sintaktik və leksik materialdan təcrid edilmiş şəkildə fəaliyyət göstərə bilməz. Onun fəaliyyət dairəsi cümlənin sintaktik quruluşu ilə qarşılıqlı surətdə əlaqədardır. Bir tərəfdən, intonasoya öz tətbiqini sintaktik quruluşda tapır, digər tərəfdən isə sintaktik struktur intonasiya vasitəsilə formalaşır, məlumatın verilməsi və qəbul edilməsi üçün şərait yaradır. Xarici dilin öyrənilməsində bu qarşılıqlı əlaqə böyük əhəmiyyət kəsb edir. İntonasiyanın xarici dilin tədrisində nə kimi əhəmiyyətə malik olduğunu akad. L.V.Şerba "Fransız dilinin fonetikasi" kitabında xüsusilə qeyd etmişdir.

Qeyd etmək lazımdır ki, intonasiyanın tədrisi məsələsində dilçilər yekdil deyildirlər. Məsələn, Amerika deskriptiv dilçiləri təkidlə tələb edirlər ki, intonasiyanın tədrisinə dilin başqa fonetik vahidlərinə nisbətən (fonemlərə, onların dildə birləşməsi qaydalarına, ayrı-ayrı fonemlərin nitqdə işlənməsi xüsusiyyətlərinə, hecalara və s. nisbətən) birinci növbədə başlansın. Xarici dillərin sovet məktəblərində tədrisində öz yeni ideyaları ilə inqilabi çevrilişlər edən akad. L.V.Şerba intonasiyanın birinci növbədə tədris olunmasına qarşı çıxış edib, həmin ideya tərəfdarlarını məsxərəyə

¹Məqalə ilk dəfə çap olunub: "Azərbaycan məktəbi", Bakı, 1971, № 2, s.15-19.

qoyaraq yazır: “Doğrudan da, cümlənin səslərini anlaşılan tərzdə tələffüz etməyi bacarmadan həmin cümlənin intonasiyasını öyrənmək gülməlidir. Bu, səsi düzgün qoymadan opera ariyasını oxumağa bənzəyir, hətta ondan da pisdir” (L.V.Şerba. Fransız dilinin fonetikasi, M., 1963, səh 4).

İntonasiyanın öyrədilməsinə dair konkret fikir söyləməmişdən əvvəl demək lazımdır ki, intonasiya (dünyanın hansı dilində olursa-olsun) nəzəri baxımdan hələ kifayət qədər tədqiq edilməmiş sahədir. Məsələn, müasir Azərbaycan dilinin intonasiyasını nəzəri planda öyrənən, onu tədqiq edən bir elmi əsərin də adını çəkmək olmaz. Yalnız fonetikaya dair yazılmış bəzi kitablarda və metodik göstərişlərdə intonasiyadan öləri olaraq söhbət gedir. Lakin bu müşahidələr nə nəzəri, nə də praktik planda orta məktəb müəllimini, eləcə də ali məktəb tələbələrini təmin edə bilməz. Alman dilçiliyində bu mənada vəziyyət bir qədər yaxşıdır. Lakin alman dilçiliyində də intonasiyanın tədqiqi lazımi səviyyədə deyildir. Bu müəyyən dərəcədə intonasiyanın mürəkkəb hadisə olmasından irəli gəlir.

İntonasiya nədir və onu necə başa düşürlər? İntonasiyaya qısa tərif vermək çətindir. Çünki qısa tərifdə - ya akustik, ya artikulyator, ya da linqvistik xüsusiyyət ifadə olunacaqdır. Elə buna görə də dünyada intonasiyaya eyni tərif verən iki dilçi tapmaq çətindir. Böyük Danimarka alimi O.Yespersen intonasiyanı “hissiyyatın termometri”, “əhval-ruhiyyənin barometri” və “fikrin skalpeli” adlandırdı. Göründüyü kimi məşhur dilçi O.Yespersen bu yığcam tərifdə nitqin emosionallığını və müxtəlif stilistik çalarlığını üstün tutmuşdur. Lakin qeyd olunduğu kimi, intonasiya, hər şeydən əvvəl, dildə müəyyən funksiya daşıyan, fikrin ifadə olunması üçün cümləni cümlə edən fonoloji bir vasitədir. Bəzən sırf akustik zəmindən çıxış edərək intonasiyaya nitq prosesində səs tonunun qalxıb-enməsi kimi də tərif verirlər. Bu, tamamilə doğru olmayan bir fikirdir. Həmin fikir indi elektro-akustik cihazların tətbiqi ilə eksperimental-fonetik tədqiqatların əldə etdiyi nəticələrlə təkzib olunur. İntonasiya fiziki nöqtəyi- nəzərdən səs reqistrinin dəyişməsi kimi müəyyən edilə bilməz. Fiziki baxımdan, intonasiya səs tonunun qalxıb-enməsindən, nitq səslərinin kəmiyyət və keyfiyyət dəyişmələrindən (axırncı xüsusiyyəti çox vaxt tembr adlandıırırlar), səsin gücündən (intensivliyindən) və fasilədən ibarət olan mürəkkəb fonetik vasitədir.

Linqvistik baxımdan isə intonasiya cümləni təşkil edən və onu tərkib hissələrinə bölən (tərkib hissələri dedikdə cümlə üzvləri deyil, sintaqm başa düşülür) fonoloji bir vasitədir.

Hər bir dildə olduğu kimi, alman dilində də bütün fonoloji vasitələr bir sistem təşkil edir. İntonasiya bu sistemdə özünəməxsus yer tutur. İntonasiya öz fəaliyyət dairəsinə, funksiyasına və fiziki xüsusiyyətinə görə başqa dil vahidlərindən fərqlənsə də, onun şərhə digər fonoloji vahidlərin

izahı üçün irəli sürülən elmi fərziyyələr və dəlillərlə kifayətlənə bilər, çünki intonasiya da başqa vahidlər kimi bir məqsədə- ünsiyyəti həyata keçirməyə xidmət edir, çünki o da fonem kimi nitqin maddi qabığına təşkil edir.

İstər klassik, istərsə də müasir alman fonetistləri, habelə alman dilçiliyinin nəzəri problemləri ilə məşğul olan sovet germanistləri ən mühüm intonasiya tiplərini seçib tapmaqdan ötrü xeyli axtarış aparmışlar. Məsələn, məşhur sovet germanisti O.A.Nork alman dili üçün 12 modeldən ibarət intonasiya sisteminin mövcud olması müddəasını irəli sürmüşdür. Lakin sovet aliminin bu fikri digər mütəxəssislər arasında əks-səda tapmadı. Ona görə ki, eyni funksiya daşıyan iki cümlə müəllif tərəfindən əsassız olaraq ayrı-ayrı modellərə daxil edilir. Məsələn, alman dilində bir sözdən ibarət “Wer” və “Was” sual cümlələri müəllifə görə, ayrı-ayrı modellər təşkil edir. Bir qrup digər dilçilər isə belə güman edirlər ki, dildəki intonasiya tiplərinin miqdarı kommunikativ vahidlərin miqdarına bərabərdir. Həqiqətə daha çox yaxın olan bu müddəa nəzəri baxımdan özünün həllini tələb edir.

Bitkinlik intonasiyası aşağıdakı əlamətlərə görə digər intonasiya tiplərindən fərqlənir. Bitkinlik intonasiyası ilə tələffüz olunan cümlənin sonuna yaxın səs tonu aşağı düşür, cümlənin sonunda gələn saitin intensivliyi zəifləyir (saitin vurğulu və ya vurğusuz olmasının əhəmiyyəti yoxdur), nitqin ümumi sürəti ləngiyir və nitqdə bitkinlik fasiləsi meydana gəlir. Bu əlamətləri fərqləndirici (differensial) əlamətlər adlandırmaq lazım gəlir, çünki bu əlamətlərə malik olan hər cümlənin intonasiyası bitkinlik intonasiyası kimi izah edilə bilər. Bununla əlaqədar olaraq yuxarıda qeyd edilən əlamətlər üçün xüsusi göstərişlər vermək çətindir. Deyək ki, əsas tonun yüksəkliyi 100 hersə, axırıncı saitin intensivliyi 2 millimetrə, fasilənin davamlılığı 200 millisaniyəyə, nitqin ləngimə sürəti təxminən 10 millisaniyəyə bərabər olarsa, həmin intonasiya bitkinlik intonasiyası kimi çıxış edəcəkdir. Belə bir fikir söyləmək yalnız o zaman mümkündür ki, dilin ifadə imkanları tamamilə öyrənilsin. Burada intonasiya tipi dedikdə akad. Şerbanın fonoloji planda göstərdiyi bitkinlik, sual və qeyri-bitkinlik intonasiya tipləri nəzərdə tutulur. Fikrimizi izah etmək üçün aşağıdakı cümlələrin intonasiya təhlilini verək:

- (1) Dieses Gebäude ist groß.
  - (2) Dieses Gebäude ist groß?
  - (3) Dieses Gebäude ist groß!
- (aber jenes ist klein)

Yuxarıda verilmiş cümlələr eyni leksik tərkibə, eyni qrammatik quruluşa və eyni söz sırasına malik olmasına baxmayaraq, dildə müxtəlif şəkildə başa düşülür. Yalnız ona görə ki, həmin cümlələr müxtəlif

intonasiya ilə tələffüz olunur. Aydın olduğu kimi, şifahi nitq yazıda tam şəkildə əks oluna bilmir. Doğrudur bu və ya digər məqsədlə deyilmiş cümlələri bir-birindən ayırmaq üçün onların sonunda müvafiq durğu işarələrindən istifadə olunur. Amma bu, şifahi nitqi cüzi şəkildə əks etdirir. Məsələn üçün, “Moskva” sözünün deyilişinə və yazılışına diqqət yetirək. Həmin sözdə yazıda (o) qrafemi olmasına baxmayaraq, heç kəs bu sözdə |0| fonemini tələffüz etmir (ədəbi dil normasından söhbət gedir). Rus dilinin orfofopiyası tələb edir ki, vurğusuz hecəda heç vaxt (o) tələffüz olunmasın. Eləcə də yuxarıdakı cümlələr. Sözlər bir-birindən ayrı-ayrı yazılır, amma danışmada səslər bir-birinin ardınca gələrək bir kontinum təşkil edir. Ona görə də bu və ya digər cümlənin hansı intonasiya ilə tələffüz olunduğunu göstərməkdən ötrü aşağıdakı traskripsiyaya işarələrindən istifadə etmək məqsədə uyğundur. Bitkinlik intonasiyası üçün cümlənin əvvəlində (/), sonunda isə (//) işarələrini, müvafiq olaraq sual cümləsi (?-?), qeyri- bitkinlik intonasiyası üçün isə (i) işarələrini tətbiq etmək lazım gəlir.

Yuxarıda verilmiş cümlələr birsintaqlı cümlələrdir. Həmin cümlələri ikisintaqlı cümlələr kimi tələffüz etmək olar. Onda cümlənin intonasiya cəhətdən traskripsiyası aşağıdakı kimi olacaqdır:

(4) /Dieses Gebäude ist schön//

Birinci cümlədə bitkinlik intonasiyasının yuxarıda sadalanan fərqləndirici əlamətləri “Gebäude” sözündən başlayaraq göstərir, dördüncü (4) misalda isə fərqləndirici əlamətlər „ist“ sözündən başlayır və „schön“ sözünün sonunda bitkinlik fasiləsilə cümlə sona yetir. Səs tonunun aşağı düşməsi tədricən, bitkinlik sintaqlının birinci saitindən başlayır, sonuncu saitində tələffüzün sona yetməsilə əlaqədar olaraq hər bir fərdin səs tellərinin imkanına müvafiq şəkildə aşağı düşür. Birinci sintaqlm isə (I) səs tonunun yuxarı qalxması ilə xarakterizə olunur. 4-cü misalda ikinci sintaqlmın son vurğulu saitində (ö) fərqli olaraq, birinci sintaqlmın son vurğulu saitində (γ) intensivliyin zəifləməsi müşahidə olunmur. Birinci sintaqlmın tələffüz sürəti ikinci sintaqlmda olduğu kimi ləngimir və ən nəhayət, birinci sintaqlmdan sonra (//) işlənmir, amma ikinci sintaqlmdan sonra bitkinlik fasiləsi özünü göstərir. Ona görə də birinci sintaqlmı intonasiya cəhətdən qeyri-bitkinlik bildirən sintaqlm kimi izah etmək olar. (bu məqalə müəllifin Leninqrad Dövlət Universitetinin akad.Şerba adına EFL-də (eksperimental fonetika laboratoriyasında) „Alman dilində bitkinlik intonasiyası“ mövzusunda apardığı elmi-tədqiqat işinin kiçik bir hissəsini əhatə edir. İmkan olmadığı üçün cədvəllərdən, şəkillərdən və statik hesablamalardan burada istifadə edə bilmirik). Birinci sintaqlm təkcə intonasiya cəhətdən deyil, həm də məzmunca tamamlanmayıbdır. Şübhəsiz, nitq prosesində elə vəziyyət yarana bilər ki, bizim gətirdiyimiz misalda qeyri-

bitkinlik bildirən sintaqm bitkinlik sintaqmı kimi çıxış etsin. Məsələn, sual-cavabda müsahibin „hansı bina“ sualına „Dieses Gebäude“ cümləsi ilə cavab verdikdə, fikrin tam və bitkin şəkildə ifadə olunduğuna şübhə qalmır. Deməli, bitkinlik intonasiyası sintaqmın cümlədə tutduğu mövqe ilə əladədir. 4-cü misalda verilmiş sintaqmların yerini dəyişsək, sintaqmların fərqləndirici intonasiya əlamətləri bir-birilə əvəz olunacaqdır.

(5) /Schön ist dieses Gebäude//. Həm 4-cü, həm də 5-ci misalda birinci sintaqma qarşı qoyulmuşdu. Həmin cümlələrin bir və ya iki sintaqmlı tələffüz edilib-edilməməsindən asılı olmayaraq, onlar bütövlükdə bitkinlik bildirən intonasiya ilə deyilir. 5-ci cümləni mürəkkəb cümləyə çevirək:

(6) /Er sagte/ dass dieses Gebäude schön ist//

(7) /Er sagte/ dass dieses Gebäude/ schön ist//

Misallardan göründüyü kimi, cümlənin qrammatik quruluşunda dəyişiklik edilməsinə baxmayaraq, onun kommunikativ xarakterində heç bir dəyişiklik əmələ gəlmir və cümlə müvafiq bitkinlik intonasiyası ilə tələffüz olunur. Cümlənin sintaqmlara bölünməsi subyektiv şərtlərlə deyil, obyektiv dil normaları ilə əlaqədardır. Bununla əlaqədar danışıq prosesini, konteksti və şəraiti də nəzərə almaq lazımdır. Sintaqm dilin mövcud normaları əsasında qurulmuş sintaktik-semantik və fonetik vahiddir, yəni sintaqm müəyyən məna ifadə etməlidir. Məsələn: “dieses Gebäude”, “Mein Vater” vəs. Bu məna vahidi müəyyən sintaktik əlaqələr əsasında (uzlaşma) qurulu və parçalanmaz vəhdət kimi tələffüz olunur. Elə buna görə də intonasiyanın tədrisini sintaqmadan başlamaq lazımdır. Şagirdlər həm ana dili əsasında, həm də xarici dildən keçdikləri material əsasında məna qrupları yaratmaqda çətinlik çəkmirlər. Lakin onları öyrənilən fonetik qaydalara əsasən cümlədə düzgün tələffüz etməkdə şagirdlər böyük çətinliklərə rast gəlirlər.

İntonasiyaya dair təhlil zamanı aşağıdakı vəziyyətlərə fikir vermək çox faydalı olar. Hər şeydən əvvəl, intonasiyadan danışarkən onun iki funksiyasını açıb göstərmək lazımdır:

1. Cümlə intonasiyasının xarici funksiyası

2. Cümlə intonasiyasının daxili funksiyası

Təhlili bu şəkildə aparmaq üçün aşağıdakı cümləyə diqqət yetirək:

(8) /Ich gab dieses Buch/ der Schwester/meiner Bruder//

Cümlə intonasiya xarici funksiyası bu cümləni formaya salmaq və onu nəqli cümlə kimi tələffüz etməkdən ibarətdir. Kontekstdən asılı olaraq həmin cümlə iki şəkildə izah edilə bilər:

(9) /Ich gab dieses Buch/ der Schwester meines Bruders//

(9) /Ich gab dieses Buch der Schwester/meines Bruders//

9-cu misalda cümlə intonasiyasının daxili funksiyası həmin cümləni iki sintaqmaya bölür və sintaqma sərhəddi “Buch” sözündən sonra keçir. Bu halda 9-cu cümlənin məzmunu 10-cu cümlənin ümumi məzmunundan əsaslı şəkildə fərqlənir.

(9) /Mən bu kitabı/dostumun bacısına verdim//

(10) /Mən bacımın bu kitabını/dostuma verdim//

10-cu misalda da cümlə intonasiyasının daxili funksiyası həmin cümləni iki sintaqma bölür və sintaqm sərhədi “ Schwester“ sözündən sonra keçir. Cümlənin məzmunundakı dəyişiklik yalnız intonasiyanın cümlə daxilindəki fəaliyyətindən asılıdır. Başqa heç bir vasitə burada özünü göstərmir.

Maraqlı burasıdır ki, cümlə untonasiyasının xarici funksiyası dəyişilməz qalır. Hər iki halda cümlə bitkinlik intonasiyası ilə deyilir. Daxili funksiya dəyişir, xarici funksiya dəyişməz qalır. İndi cümlə intonasiyasının xarici funksiyasını dəyişək. Bunun üçün alman dilində söz sırası qaydalarına müvafiq olaraq, sözlərin düzülüşündə də dəyişiklik etmək lazımdır.

(10) ¿Gab ich dieses Buch/ der Schwester meiner Freundin?

(11) ¿Gab ich dieses Buch der Schwester/ meiner Freundin?

Göründüyü kimi, xarici funksiyanın dəyişməsilə daxili funksiya dəyişmiş və ya əksinə. Bitkinlik intonasiyası sual intonasiyasına çevrilir, lakin cümlənin sintaqmlara bölünməsi qaydası dəyişilmir.

Beləliklə, yuxarıda gətirilmiş misalların təhlili göstərir ki, cümlə intonasiyasının daxili funksiyası cümlənin sintaqmlara bölünməsinə, xarici funksiyası isə cümlənin kommunikativ tipini müəyyən etməyə xidmət edir. Cümlə bir sintaqmdan ibarət olduqda isə intonasiyanın daxili funksiyası cümlənin təşkilinə xidmət edir. Yeri gəlmişkən qeyd etmək lazımdır ki, burada intonasiyanın emosional tərəfi tamamilə təcrid edilir. Bizə elə gəlir ki, danışığın emosional tərəfinə təkcə intonasiya deyil, həm də jestlər, orqanizmin kinestetik hərəkəti də daxildir. Odur ki, nitqin bu tərəfini tədqiq etmək üslubiyyatın və psixoloji dilçiliyin mövzudur.

ФОНЕМА /Ç/ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

При определении фонемного инвентаря современного немецкого языка нередко возникают вопросы, связанные, в частности, с выяснением того, является ли /ç/ самостоятельной фонемой. На этот

¹ Впервые опубликована в: „Ученые записки“ ВМВССО Азербайджанской ССР, серия XII, № 4, 1976 г., Баку.

счет имеются две противоположные точки зрения. Согласно первой, /ç/ признается самостоятельной фонемой¹. Вторая же точка зрения восходит к Н.С.Трубецкому и защищается многими лингвистами как зарубежными, так и советскими. Она заключается в непризнании /ç/ самостоятельной фонемой². Совершенно очевидно, что каждая из этих точек зрения по своему излагает вопрос о /ç/, стремясь показать несостоятельность доводов своих противников. При этом те, кто считает /ç/ вариантом фонемы /x/, исходит из отсутствия в немецком языке минимальных пар, различающихся между собой противопоставлением /ç/ и /x/. Напротив, те исследователи, которые не видят в фонеме прямого смысловозначителя в звуковом облике так называемых квазиомонимов, считают их двумя самостоятельными фонемами.

Совершенно очевидно, что при установлении фонологического статуса того или иного звука должны быть привлечены те методы и приемы, которые выработаны теоретической фонологией, поскольку принципы установления фонемного инвентаря языка включают в себя такие частные моменты. Связь этого вопроса с общетеоретическими принципами современной фонологии заключается еще и в том, что правильное и убедительное решение его не может не быть полезным при рассмотрении подобных явлений, несомненно, имеющих место в ряде языков.

Н.С.Трубецкой был первым, кто достаточно четко высказался против самостоятельности «Ich-Laut». Он считал «Ich-Laut» комбинаторным вариантом фонемы /x/ на том основании, что оппозиция «Ich-Laut» является несмысловозначительной, что локализация щели в той или иной части неба фонологически как нерелевантный признак только потому, что она не приводит к смысловозначению. Последнее имеет место в том случае, если в языке существуют минимальные пары³. Смысловое различие в них доказывается через восприятие. Об этом свидетельствуют правила выделения фонем. Некоторые сторонники самостоятельности /ç/ в поисках смыслового критерия находили минимальные пары типа Kuchen – пирожок, Kuh-

¹ Л. Р. З и н д е р. «Ich-Laut». «Уч. зап. ЛГПИИЯ», 1940, т. 1, стр. 66-78; Л. Р. З и н д е р и Т. В. С т р о е в а. Современный немецкий язык. М., 1957; Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., 1960, с.51-56.

² N. S. T r u b e t z k o y. Grundzüge der Phonologie. TCLP, 1939; G. D i e t r i c h, Phonem und Phonologie. "Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik". 5. Jg, 1957, № 4; M. A d a m u s. Phonemtheorie und das deutsche Phoneminventar. Zur Typologie der germanischen Sprachen. Wrocław. 1970; А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

³ Н. С. Т р у б е т з к о й. Указ. соч.

chen - телятина. Однако противники самостоятельности /ç/ не соглашаются с противопоставлением пар, поскольку морфологическая структура в них совершенно разная. В слове Kuhchen – телятина, утверждают они, морфологическая граница проходит между гласной и /ç/¹. Следовательно, результаты анализа зависят и от единицы языка, исходя из которой языковой материал подвергается анализу. В этой связи возникает вопрос, из чего следует исходить: из слова, морфемы или же из языка в целом? М.А.Адамус по этому поводу пишет: «Чтобы исчерпать исследуемый материал, представляется целесообразным ограничиваться анализом односложных морфем»².

Правильность утверждения того, что «Ich-Laut» и «Ach-Laut» позиционно обусловлены, что «Ich-Laut» встречается в начале, после гласных переднего ряда и после /l/, /m/ и /n/, а также в суффиксе «chen», напротив, «Ach-Laut» в позиции после гласных заднего ряда, зависит непосредственно от единицы, привлекаемой для анализа.

Прежде чем перейти к анализу «Ich-Laut» в немецком языке, следует отметить, что правильное решение данного вопроса зависит от самого понимания фонемы и от принципов установления фонемного состава языка. Не менее важным является также и критерий членения потока речи. Обратимся к словам man-manch и попытаемся вычленил /ç/. Отняв /ç/ из manch, мы получаем «man», которое существует в немецком языке как самостоятельное слово. Появление /ç/ после /n/ дает нам совершенно новое слово. Этот факт сам по себе доказывает самостоятельность /ç/. Если понять фонему как смысло-различитель, то, естественно, что в таком случае достаточно будет сравнивать звуковые отрезки, которые отличались бы друг от друга одним звуком. В качестве примера можно привести такие пары, как /balt/ - /kalt/, которые отличаются противопоставлением /b/ - /k/. Если продолжить поиск минимальных пар, то можно найти такие квази-омонимы, как азербайджанские /pir/ - /bir/, которые будут различаться между собой только одним признаком. Таким образом, если выявить фонемный состав языка путем противопоставления минимальных пар, как это делали пражцы³ и американские дескриптивисты⁴, то мы столкнемся с двумя трудностями:

1. Фонему мы должны определить как пучок дифференциаль-

¹ L. J e l m s l e w. Neue Wege der Experimentalphonetik. "Archiv für vergleichende Phonetik". 1938.

² M. A d a m u s, Указ. соч., стр. 173.

³ N. S. T r u b e t z k o y. Указ. соч.

⁴ Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

ных признаков¹ (см. в нашем примере /balt/ - /kalt/; 2. Или как дифферензор, имеющий своим акустическим коррелятом только один признак, как в нашем примере из азербайджанского языка /bir/ - /pir/. Тем самым мы должны опуститься на уровень меризма², и тогда фонема как таковая оказывается излишней. Кроме того, за пределами анализа оказывается случай, когда ни один из сравниваемых отрезков не имеет ничего сходного в своем общем звучании: /'t_]/ - /'vant/.

Принцип противопоставления минимальных пар как метод анализа звуковой стороны языка не может быть признан теоретически правильным, поскольку он суживает объект исследования только квазиомонимами³. Для практической же цели можно пользоваться этим методом, чтобы облегчить процесс обучения языку.

В силу ограниченности определения фонемы как смысловоразличителя можно отказаться от него. Более убедительным поэтому кажется определение Л.Р.Зиндера, по которому фонемы представляют собою словоопознавательную единицу. Такое определение, разумеется, не должно исключить смысловоразличительную функцию фонемы, которая особенно важна для системы фонем в парадигматическом отношении. В фонологической системе языка каждая фонема противопоставлена другой определенными признаками, которые выявляются в речевом акте. Так, /ç/ и /x/ образуют привативную оппозицию так же, как и /d/, /d'/ в русском языке, потому что один из членов данной оппозиции отличается от другого наличием или отсутствием одного признака: /ç/ - среднеязычный, /x/ - заднеязычный, /d/ - непалатальный, /d'/ - палатальный; /ç/ - /j/ образуют также привативную оппозицию: /ç/ - глухой, /j/ - звонкий. С другой стороны, оппозиция между /ç/ и /j/ является однозначной, поскольку /ç/ и /j/ являются единственными среднеязычными щелевыми в фонологической системе немецкого языка, и отношение между /ç/ и /j/ является тождественным отношениям между /s/ и /z/ или между /f/ и /v/. Оппозиция же /ç/ и /x/ является многозначной, поскольку то общее, которое присуще этим двум фонемам (т. е. шумность), повторяется и в /s/, /f/, /j/. Таким образом, если исходить из акустического сходства и различия и принципа дополнительной дистрибуции, то мы не можем определить фонологический статус многих фонем. Акустическое сходст-

¹ Именно так определяют фонему бинаристы. Sm. R. J a k o b s o n und M. H a l l e. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960.

² Э. Б е н в е н и с т. Общая лингвистика. М., 1973.

³ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л. 1960.

во не может быть решающим для фонологического анализа. Фонология начинается там, где функциональный аспект берет вверх над акустическим. Для установления фонем важно не акустическое сходство, а различие. Без акустического различия нет функционального различия. Для того, чтобы носитель идентифицировал два стимула как относящиеся в функциональном отношении к разным фонемам, необходимо акустическое различие. Поэтому утверждение, что /ç/ и /x/ являются вариантами одной и той же фонемы на основании их акустического сходства, лишено всякого здравого смысла. С другой стороны, исходить при установлении фонем из принципа дополнительной дистрибуции представляется также неправильным, потому что анализ языкового материала показывает совершенно другое. В том же немецком языке /h/ и /2/ реализуются во взаимоисключающих позициях. Там, где встречается /h/, не встречается /2/, и наоборот. Тем не менее, вряд ли найдется фонолог, который отрицал бы их существование как двух самостоятельных фонем немецкого языка. Здесь могут возразить, что между ними нет акустического сходства, следовательно, они разные фонемы. Это возражение легко снимается, как только мы обратимся к французскому языку. Во французском языке /ε/ и /e/ представляют собой разные фонемы, несмотря на их ощутимое сходство в акустическом аспекте. Очевидно, решение нужно искать в другом.

Для установления фонемного состава языка принципиально важным представляется учет всего лексического состава языка. Так, например, нет у нас никаких оснований не считать /çarkof/¹ словом немецкого языка. По нормам литературного произношения в приведенном слове реализуется именно /ç/, а не /x/.

Заимствованное из русского языка слово Харьков подвергалось в немецком языке фонетическому изменению. Фонема /x/ заменялась в немецком варианте произношения фонемой /ç/. Если бы было невозможно появление /ç/ перед /a/, то такого в фонетическом облике данного слова, очевидно, не произошло бы. Одного этого примера достаточно для того, чтобы опровергнуть мнение, согласно которому /ç/ не встречается перед гласными заднего ряда.

Для того, чтобы убедиться в возможности употребления /ç/ в абсолютном анлауте слов, было проведено исследование по Лейпцигскому словарю немецкого произношения². Вычислены слова, в

¹ Такое произношение рекомендуется орфофоническим словарем немецкого языка. См.: Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1939, стр. 198.

² Там же.

которых фонема /ç/ реализуется в ин-, ан- и ауслауте. Интересно, что при вычислении учитывались так называемые трудные случаи для /ç/, то есть реализация ее перед гласными заднего ряда и после них. Оказалось, что 88 слов имеет в абсолютном начале /ç/, из них приблизительно 20 слов с начальным согласным /ç/, несмотря на то, что за ним непосредственно следуют гласные заднего ряда. У нас нет никаких оснований не привлекать к анализу следующие слова: /me.ça:ni/], /me:ça:niker/, /ço.ro.gra:fi/], /arça:i/], /ço.re:vs/, /berçu:m/, /εsçy:lus/, /pro.zεçym/, /ço:ri:lus/, /di.ço.to.mi:/.

Приведенный список убедительно доказывает несостоятельность утверждений некоторых авторов, будто /ç/ недопустимо перед гласными заднего ряда¹. В словах /baRçam/, /çaoke/, /kolços/, /ça.la:rə/, /εço/, /ço.re:vs/, /bεRçUm/, которые даются в Маннгеймовском словаре, по свидетельству его авторов, должна быть реализована именно /ç/. Если бы дистрибуция /ç/ с последующими гласными была чуждой для немецкого языка, то в этих словах не встречалось бы /ç/.

Когда утверждают, что пары /Kuchen-Kuhchen, Frauchen-rauchen, Aachen-Achen/ не могут быть приняты во внимание на том основании, что морфологическая структура этих слов совершенно разная, то здесь не учитывается, что для упорядочения звуковых элементов решающим является фонетическое окружение. Принцип дополнительной дистрибуции может быть сформулирован так: два звука, один из которых встречается в таком звуковом окружении, в каком никогда не встречается другой, принадлежат к одной фонеме². Следовательно, они могут быть рассмотрены как два варианта одной и той же фонемы. Тот факт, что /ç/ и /x/ встречаются в приведенных выше словах в одинаковом звуковом окружении, не подлежит никакому сомнению. Исходя из принципа дистрибуции, мы обязаны рассмотреть /ç/ и /x/ либо как факультативные варианты подобно тому, как это имеет место в [r] и [R], находящимся в отношении свободного варьирования, либо как разные фонемы. В словах /e:bən/, /li:bən/, /lo:bən/ гласные /e:/, /i:/, /o:/ тоже находятся в одинаковых фонетических окружениях, т. е. между /l/ и /b/. Тем не менее их не считают вариантами, находящимся в отношении свободного варьирования, очевидно, в силу того, что появление этих гласных связано со смысловым различием. Поскольку в парах /Kuchen-Kuhchen, Frauchen-rauchen, Aachen-Achen, Tauchen-tauchen/ и т. д. противопоставление

¹ G. Dietrich. Указ. соч., стр. 408.

² Г. Г л и с о н. Указ. соч., стр. 125.

/ç/ и /x/ связано со смысловыми различиями, нельзя считать /ç/ и /x/ факультативными вариантами. Кроме того, замена /ç/ и /x/ приводит к разрушению фонетического облика слова, и носители немецкого языка не могут идентифицировать посланные говорящим сообщение. Совершенно очевидно, что /dixt/, /lixt/, /nixt/ недопустимо так же, как и недопустимо употребление /açt/ /laçt/, хотя, как было указано выше, сочетание /ç/ с гласными заднего и переднего ряда вполне возможно¹.

При решении фонематичности того или иного звука следует исходить из синтагматики, т. е. из упорядочения фонем на синтагматической оси при развернутой речи. Фонемы немецкого языка /z/, /v/, /d/, /g/ и другие не допускают сочетания на стыке морфем и лексем с другими фонемами.

Для того, чтобы выяснить, сочетается ли /ç/ со всеми остальными фонемами немецкого языка, проводился анализ сочетаемости /ç/ с другими фонемами. В приведенном ниже списке примеров видим возможность появления /ç/ и /x/ перед и после гласных. Ср.:

/ç/ im Anlaut	/ç/ im Inlaut
Chemie, Cheops	mechanisch, Barchan
China, Chundse	Eschülus, Bacchus
Choreus, Chauke	Dichotomie, Echo
Charkow, Chorilus	Berchum, Tschehs

Сочетание /ç/+ другие фонемы немецкого языка:

Recht, nächst, rechts, Ich packe; Ich habe ein Buch; gleichgültig; Ich benehme mich gut; Ich sage...; Ich lege...; Ich würde zufrieden; Ich nehme es mit; J-en glücklich machen; Ich denke daran; Ich kriege einen Brief; Ich jammere; Ich habe mich slavisch angeeignet; Er war zugleich Chan des Großen Landes; Er hat sich tschechisch angeeignet; Ich schreibe...; Ich rauche; Ich pfeife; Ich fahre nach Moskau; Ich ziehe nicht an; Ich habe mich Chotzen nicht angesehen; Ich habe mich angezogen; Ich habe mich Aachen nicht angesehen; Ich habe mich erst heute angemeldet; Ich habe dich endlich gefunden; Ich habe mich überlegt; Ich habe mich Ulm nicht angesehen; Er konnte sich Uwe..., Ich habe dich eingeladen; Er hat gleich eure Bücher genommen; Er hat sich "O:"...; Er hat sich örtlich orientiert; Ich habe mich eben angekündigt; Er hat sich Ostamerika angesehen; Er erkältet sich immer; Dass er gleich Igel ist.

Другие фонемы +/ç/ в немецком языке:

/p/+ç/ -- Lärpchen   /l/+ç/ -- Ferkelchen /i:+/ ç/ -- riechen

¹ О недостаточности дистрибуционного критерия с теоретической точки зрения см.: Л. Р. З и н д е р. К вопросы о составе фонем в современном немецком языке. «Philologica. Исследования по языку и литературе». Л., 1973.

/f/+ç/ -- Schiffchen	/r/+ç/ -- Herrchen	/i/+ç/ -- dicht
/t/+ç/ -- Rotchina	/pf/+ç/ -- Köpfchen	/y:/+ç/ -- Bücher
/ts/+ç/--Kätzchen	/b/+ç/ -- ?	/u:/+ç/ -- Kuhchen
/s/+ç/--Häschen	/d/+ç/ -- ?	/e:/+ç/ -- Seechen
/j/+ç/--Täschchen	/g/+ç/ -- ?	/ø:/+ç/ -- Wenn im Labon
Chemie unterrichtet wird.		
/k/+ç/- Schränkchen	/ts/+ç/ -- ?	
/o:/+ç/ --Wo Chemie...		
/x/+ç/ -- Doch Chemie	/v/+ç/ -- ?	/a:/+ç/ -- Da Chemie
/n/+ç/ -- Schweinchen	/z/+ç/ -- ?	/ao/+ç/ -- Frauchen
/m/+ç/ -- Lämmchen	/j/+ç/ -- ?	
/∅ /+ç/ --heucheln		
/ŋ/+ç/ -- Jüngchen	/h/+ç/ -- ?	/ae/+ç/ --Zeichen
/ç/+ç/ -- Ich habe mich Chemie angeeignet		
/y/+ç/ -- tüchtig		
/∏/+ç/ -- ? /a/+ç/ -- ?		
/∏/+ç/ -- ?		

Оказалось, что за исключением сочетания /ç+/2/ принципиально возможно сочетание согласного /ç/ со всеми фонемами немецкого языка в комбинациях типа «/ç+/другие фонемы». Что же касается комбинации типа «другие фонемы+/ç/», то здесь нет никаких ограничений, кроме звонких согласных и некоторых кратких гласных. То, что звонкие согласные и некоторые краткие гласные, как например /v/, /b/, /a/, не допускают сочетания с последующей фонемой /ç/, не может поставить под сомнение фонологический статус фонемы /ç/. Это свидетельствует лишь о том, что /ç/ обладает несколько ограниченной дистрибуцией. Ведь фонемы /d/, /g/, /v/, /z/ тоже обладают ограниченной дистрибуцией. Из этого, однако, никогда не делается вывод, что указанные выше фонемы не являются самостоятельными.

Важно отметить, что полученные результаты базируются на сочетаемости /ç/ с другими фонемами, предшествующими ей или последующие за ней в синтагматике. При таком анализе снимается «вето», наложенное на дистрибуцию /ç/ в пределах морфем и лексем.

Таким образом, функционирование /ç/ не знает ограничений, если под этим понятием подразумевать появление фонемы в синтагматике вообще. Парадигматически противопоставляясь всем фонемам немецкого языка, в том числе и /x/, фонема /ç/ сохраняет свою самостоятельность и в синтагматике.

ДИСТРИБУЦИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА^{1*}**1. Постановка проблемы**

Одним из важнейших этапов в процессе фонологического исследования является дистрибутивный анализ фонем, который позволяет определить правила функционирования фонологических единиц и тесно связанный с последним предел варьирования фонем и все-сторонне изучить фонологическую структуру морфем и слов языка. Дистрибутивный анализ имеет важное значение также и для фонологической типологии, ибо комбинация фонем в каждом языке подчиняется определенным закономерностям, присущим только данному языку. Н.С.Трубецкой писал по этому поводу: «Сочетания фонем в каждом языке подчиняются своим *особым законам и правилам* (курсив наш – Ф.В.), которые имеют значение только для данного языка и которые необходимо устанавливать для каждого языка отдельно»². В другом месте этой же работы Н.С.Трубецкой пишет: «Правила сочетаемости характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав»³.

В настоящей работе автор подвергает дистрибутивному анализу большой языковой материал с целью установления возможных вариантов той или иной фонемы, статус которой определяется до дистрибутивного анализа. Теоретической предпосылкой работы является идея о самостоятельности звуковой стороны языка, разработанная школой Л.В. Щербы⁴.

Автор исходит из того, что в немецком языке существует 17 гласных фонем, 14 монофтонгов и 3 дифтонга⁵, при этом установление фонологического статуса каждой из этих единиц не входит в задачу настоящего исследования.

Определив дистрибуцию каждой фонемы, автор стремится к тому, чтобы сформулировать правила дистрибутивных характеристик отдельных фонем. Под дистрибуцией в настоящей работе понимается совокупность позиций, в которых допускается рассматриваемая фонема в противоположность тем позициям, где она не встречается. При этом следует подчеркнуть, что теоретически правила дист-

¹ Впервые опубликована в: „Ученые записки АПИЯ им. М.Ф. Ахундова“, серия XII, Баку, 1977, № 2.

² Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, стр. 279.

³ Там же, стр. 284.

⁴ Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

⁵ Л. Р. З и н д е р и Т. В. С т р о е в а. Современный немецкий язык. М., 1957.

рибуции сводятся к следующему: каждый из элементов, заданных нам в виде а, б и с, может быть заменен другим. Это означает, что там, где встречается элемент а, встречаются и элементы в и с, и наоборот. Немецкие гласные /o:/ и /i:/ в словах „loben“ и „lieben“ могут послужить здесь примером. Однако этот принцип верен с некоторой оговоркой. Если интерпретировать его сугубо фонологически, тогда, действительно, фонемы /o:/ и /i:/ встречаются в одинаковом окружении. Однако реализация каждой фонемы происходит в определенных позициях и окружениях. Хотя и /o:/ и /i:/ встречаются между одними и теми же фонемами, тем не менее условия их реализации совершенно разные, что определяется качеством самих гласных, влияющих в определенной степени на предшествующие и последующие согласные. В отличие от этого имеются случаи, когда элементы встречаются во взаимоисключающих позициях. /e:/ и /e:/ могут служить примером такого отношения. /e:/ встречается в открытых или условно закрытых ударных слогах в ин- и ауслауте. Напротив, в этой позиции вариант /e:/ как раз и не встречается. Если в лингвистике /o:/ и /u:/ определяются как разные фонемы, то /e:/ и /e:/ определяются как варианты одной и той же фонемы.

Дистрибутивный анализ показывает, что между фонемами имеется и следующее отношение: /n/ и /ŋ/ являются в немецком языке и взаимозаменяемыми и взаимоисключающими. В примерах *Sinn-Sang*, *sinnen-singen*, *Wanne-Wange* /n/ и /ŋ/ находятся в отношении взаимозаменяемости. Однако в конце слога перед /k/ возможно только /ŋ/, но никогда невозможно /n/. Напротив, в начале ударных слогов встречается только /n/; но никогда не встречается /ŋ/¹.

Суммируя сказанное, можно выделить следующие типы дистрибуции:

1. Все окружения для а являются окружениями для б, и наоборот. Например, *loben*, *lieben*, *leben* и т. д., где а и б являются двумя самостоятельными фонемами.

2. Ни одно окружение а не является окружением для б, и наоборот. Например, *lesen*, *Esel*, *der*, *je* и т. д. а и б находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

3. От вышеуказанных отношений отличается принцип частичной дополнительной дистрибуции. Здесь наблюдаются следующие типы:

а) некоторые окружения а являются окружениями б. Например,

¹ В пределах слов [n] может встречаться перед [k], если между [n] и [k] проходит морфологический шов. Ср. „*der Scheinkrieg*“.

/n/ и /ŋ/ в словах Sinn-Sang, sinnen-singen, но Nacht-Sang;

б) другие окружения а являются окружениями для б. Например, [e:] и [ɛ:] в словах spät- speet, Ähre-Ehre;

в) некоторые окружения а не являются окружениями б. Например, окружения гласных с кнаклаутом в анлауте не являются окружениями гласных без кнаклаута.

В современной лингвистической литературе 1 и 3 □ квалифицируются как основные критерии для идентификации фонем, тогда как 2, 3 б и 3 в принято считать критериями для определения вариантов фонем¹. Следует еще раз подчеркнуть, что здесь речь идет о дистрибутивных критериях идентификации вариантов и фонем. Исходя из того, что фонемный статус сегмента определяется до дистрибутивного анализа, мы в дальнейшем хотим показать дистрибуционные модели немецких гласных фонем.

2. Методика исследования

Исследования проводились первоначально на материале орфофонического словаря «Wörterbuch der deutschen Aussprache».

Затем стало ясно, что этого словаря недостаточно. Поэтому был использован «Der Große Duden», изданный в 1962 году в Маннгейме.

Задача заключалась в том, чтобы определить допускаемые и недопускаемые позиции для каждой из 17 гласных фонем немецкого языка. Брались ударные гласные в начале, в середине и в абсолютном конце морфем². В качестве исходного берутся все случаи реализации

¹ N. S. T r u b e t z k o y. Grundzüge der Phonologie. TCZP, 1939; H. P i l c h. Phonemtheorie, "Bibliotheca Phonetica", Basel, 1964, t. 1; N. M o r c i n i c e. Distinktive Spracheinheiten im Niederländischen und Deutschen (Zum phonologischen Identifizierungsprozeß), Wrocław, 1968.

² О фонологическом строении немецких слов имеется целый ряд работ, в которых исходными являются слова в фонетическом смысле. С другой стороны они ограничиваются правилами сочетания фонем в начале, в середине или в конце. Но в них не содержатся правила сочетаемости с учетом не только позиций, но и окружений. См.: I. E r b e n. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1964, 2. Aufl.; V. M a t h e s i u s. Zum Problem der Belastungs- und Kombinationsfähigkeit der Phoneme. TCLP, 1931, 4; W. F. T w a d d e l. Combinations of consonants in stressed syllables in German. "Acta Linguistica", 1, 1939; ı W. W i n t e r. Über eine Methode zum Narhwals struktureller Relevanz von Oppositionen distinktiver Merkmale. "Phonetica", vol. 4, 1959; P. M e n z e r a t h. Die Architektur des deutschen Wortschatzes. "Phonetische Studien". 3, 1954; W. G. M o u l t o n. Syllable Nucleus and final consonant clusters in German. V kn.: "For R. Jakobson". Den Haag, 1956; H. S e i l e r. Laut und Sinn. Zur Struktur der deutschen Ein-silbler. "Lingua", 1962, 11; F. H i n t z e. Bemerkungen zur Methodik phonologischer Un-

гласных в зависимости от предшествующего и последующего согласного или же их комбинаций.

Чешский лингвист Б.Трнка попытался разрешить проблему сочетаемости фонемы. Он установил универсально допустимые и недопустимые сочетания фонем. Из универсально допустимых сочетаний наиболее типичным он считал сочетание: согласные+гласные, поскольку логической предпосылкой такого положения вещей является существование во всех без исключения языках согласных и гласных¹. Н.С.Трубецкой утверждал позднее, что язык без сочетания типа «согласный+гласный» не мыслим².

В немецком языке имеются следующие типы слогов в составе морфем и лексем: 1) Слоги, состоящие только из одной гласной фонемы, например, (Abend, Esel, Übung, aber); 2) Слоги, состоящие из сочетания С+Г+С, т. е. полностью закрытые, например, (hin, mal, Saal; Wahl, mit); 3) Слоги, прикрытые в начале. Здесь гласному может предшествовать один или несколько согласных, например, (gehen, blau, Spreu, Straße); 4) Слоги, прикрытые в конце. Здесь за гласным может последовать один или несколько согласных. Ср. (an, in, Art, Ast, Arzt, Ernst). Только первый тип не имеет структурных подтипов, тогда как три последних имеют несколько структурных подтипов:

1. ГС 7.	СССГ
2. ГСС	8. ССССГ
3. ГССС	9. СГС
4. ГСССС	10. СГСС
5. СГ 11.	ССГС
6. ССГ	12. СССГС
13. СССГСС	15. СССГСССС
14. СССГССС	16. ССССГССС

Здесь не рассматриваются те случаи, когда ядром слога являются сонанты, так как анализ проводился на полном стиле³.

Автор в данной работе исходит из теоретической предпосылки, согласно которой каждую реализацию гласной фонемы следует принимать за вариант данной фонемы, противопоставляемый всем другим вариантам, кроме самой себе. При этом противопоставление ва-

tersuchungen der Wortstruktur. "Studia Linguistica". 1948, 2; G. A u g u s t. Über die Kombination der Phonemsequenzen bei Monemen. "Linguistische Berichte", 1971, 11.

¹ B. T r n k a. General laws of phonemic combinations. TCLP, VI.

² Н. С. Т р у б е ц к о й. Указ. соч., стр. 278.

³ Разграничение полного и разговорного стиля в советской лингвистике принадлежит акад. Л.В.Щербе. Противопоставляя полный стиль разговорному, Л.В.Щерба охарактеризовал первый стиль как ясное, отчетливое произношение. См.: Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

рианта другому обусловлено акустико-артикуляторным различием, связанным с позицией данного варианта. Эти различия называются аллофоническим варьированием фонем.

3. Результаты исследования

Здесь приводятся только результаты анализа прикрытых в начале слогов, которые имеют следующие подтипы СГ, ССГ, СССГ.

Таблица № 1

Сочетаемость гласных фонем немецкого языка по модели СГ
в анлауте*

Глас. соглас.	a:	a	o:	ɔ	u:	v	e:	ɛ	ø	œ	y:	y	i:	ɪ	æ	ɑ	ooɔ
b	'+	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
p	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
v	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
f	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
z	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
s	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
d	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
t	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
ʃ	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
j	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	+-	++	+-
ç	++	++	++	++	+-	-	++	--	-	++	++	--	++	++	--	++	-
g	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
k	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
x	++	+-	+	--	--	-	++	--	--	--	--	--	++	++	--	--	--
h	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
m	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
n	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
l	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
ŋ	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
r	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
pf	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	--	++	++	++	-

tʃ	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++
tʃ	++	6+	--	++	++	--	++	--	--	--	--	++	++	++	--	++	++

Анализ показывает, что в пределах одной и той же морфемы две гласные фонемы никогда не встречаются. Из 391 теоретически возможного сочетания в начале морфемы, т. е. $17 \times 23 = 391$, в словаре имеется всего 325 сочетаний. Из 66 недопустимых по типу СГ 17 приходится на [s]+все гласные, 17 – на [ŋ] + все гласные, 12 – на [x]+гласные [a, ʌ, i:, oe, ε, ø, oe, y:, y, oø, aø, aε], 7 – на [ç]+гласные [u:, ʊ, e, oe, y, ʌø, aε]; 2 – на [Rf]+[i:, ʌø]; 7 – на [tʃ]+[o:, ʊ, ø:, oe, y:, aε, ε]; 2 – на [j+aε, ʌø]. При этом согласные [b, p, d, t, g, f, ʊ, z, m, n, l, sʃ, r, h, tʃ] входят в сочетания со всеми гласными фонемами немецкого языка и, естественно, все гласные допускают с указанными согласными сочетания в анлаутной предвокальной позиции. Эти сочетания назовем допустимыми, в отличие от тех, которые назовем недопустимыми. Невозможность гласных сочетаться с некоторыми согласными назовем дефектными сочетаниями (см. таблицу № 1).

Начальное двухчленное сочетание согласного с последующей ударной гласной имеет несколько иную картину. Из теоретически возможных 6902 сочетаний гласных с предвокальным двухчленным сочетанием согласных фактически в словаре обнаружено 277 сочетаний. Если бы каждая из согласных фонем допустила сочетания со всеми остальными согласными, то число их составляло бы 406. Однако в немецком языке в начальной предвокальной позиции допустимо только 41 двухчленное сочетание согласных. И если все эти 32 двухчленных сочетания допустили бы сочетания со всеми 17 гласными фонемами, то число их составляло бы 697 сочетаний. Однако, как было сказано, фактически имеется лишь 277 сочетаний.

Сочетаемость гласных фонем немецкого языка по модели СГ в анлауте*.

Гласные: [a:, a, o:, ʌ, y:, y, e:, ε, ø:, oe, y:, ʌ; i:, i, aε; aø; ʌø] допускают сочетания с начальным двухчленным сочетанием согласных. В 23 случаях вторым членом является один из сонантов, или [ʌ], или [r], или [m], или [n], а именно: [ʃl, ʃr, ʃm, ʃt, kr, kl, kn; gr, gl; bl, br, pr, pl, fl, fr, dr, tr]. Гласные [a:, a, o:, ʌ, e:, ε, i:, ʌ] допускают сочетания с [ʊr, tʊ]. Гласные [y:, ʌø] не допускают сочетания с [ʃr и ʃv. [y:] s

* - (+) – обозначает наличие сочетания, (-) – обозначает отсутствие сочетания.

[m, a i: s r fl] не сочетается. Сочетание [ku] встречается только перед [a:, e:, ʊ, o:], [gn] – перед [a:, o:, ʊ, y:, e:, aɔ, aɛ:], [gm] – перед [ʊ], а [tʊ], по свидетельству словаря «Der Große Duden», встречается только в заимствованиях.

[ps] – перед [a:, a, o:, ε, y:, и:, ʊ, ʊ], а [pf] - перед [ʊ, oɛ, y, i:, ε, aɔ, aɛ] допускают сочетания. Редким является сочетание двухчленного сочетания [sts, sl, ps, pt, ʊn, ʊl, ʊj, tʃ, sk] – встречаются с последующими гласными только в заимствованиях¹. [stʃ] встречается перед [e:], [sl] перед [a:, a, e:, e, i:, ʊ, o:], а [sk] допускает сочетание только со следующими гласными [e, ʊ, o:, ʊ, a:, a, i:, y:, y] ·[t] возможно перед [e:], [pf] возможно перед [a:, a, o:], [ps] – перед [a:ʊ], [ʊn] – перед [y:], [ʊl] – перед [a, a:], [ʊj] – перед [a].

Таким образом, в начальной предвокальной позиции возможны только следующие двухчленные сочетания согласных:

ʃ+r₁+l₁+n₁+ʊ₁+m₁+p₁+t; p+r+l; ʊ+r; p+s; p+s

k+r₁+l₁+n₁+ʊ; f+r+l; s+st; ts+ʊ; s+l

g+r₁+l₁+n₁+m; d+r; v+n; t+v

b+r₁+l; t+r; s+k

Всего 32 сочетания.

¹ В названной работе Г.Аугуст не приводит их в числе возможных сочетаний. Хотя они и встречаются в заимствованных словах, тем не менее нельзя их не принимать во внимание, поскольку они часто встречаются в речи немцев.

Таблица № 2
Сочетаемость гласных фонем немецкого языка по модели ССГ и
СССГ в анлауте

ас.	aa:	aa	Oo:	öü	Uu:	yü	Ee:	εε	ö ø:	ğoe	Yy:	yü	Ii:	ii	ğae	g
	ʀr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	=+	--	--	+	++	++
ll	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ɪn	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
/v	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	--	-
ɪm	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ɔp	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	--	-
tt	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
rr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ll	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ɪn	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
/v	++	++	--	--	--	--	++	--	--	--	--	--	--	--	--	-
rr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ll	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ɪm	++	--	++	++	++	-	++	--	--	--	--	--	--	--	++	-
ɪn	--	--	--	--	--	++	--	--	--	--	=-	++	--	--	--	-
rr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ll	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	--	++	++	++	-

rr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ll	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
rr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
ll	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	/+	++	++	++	-
rr	--	--	--	++	--	--	--	++	--	++	--	++	++	++	++	-
ll	--	++	++	++	++	++	++	++	++	++	+	++	++	-	++	-
rr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
rr	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-
rr	--	++	++	++	--	--	++	++	--	--	--	--	++	++	--	-
ʀv	--	--	--	--	--	=-	--	++	--	--	--	--	++	++	--	-
/v	++	++	++	++	--	--	++	++	++	++	++	--	--	++	++	-

В начальных сочетаниях из трех согласных в предвокальной позиции могут находиться только 5 типов, а именно: [ʃtr, ʃpr, ʃl; psk, skl]. Последние встречаются исключительно в заимствованиях. Ср.: [pskov, sklet, skle·to:s] и т. д. Что касается трех первых сочетаний, то надо сказать, что последним элементом этих сочетаний является один из сонантов [r] и [l]-[kl] встречается перед [a:] и [e:] тогда как [ʃtr] не встречается только перед [y:], а [ʃpr]- только перед [o:] и [aɔ]. Гласные [a:, a, o:, ɔ, e:, ø:, œ, aɔ; i ʌ ø] не допускают сочетания с предшествующим трехчленным сочетанием согласных. Интересно отметить, что в первой предвокальной позиции встречаются только сонанты, во второй – смычно-взрывной [p], и в третьей предвокальной мы имеем двухфокусный щелевой [ʃ]. Таким образом, из 11158 теоретически возможных комбинаций мы имеем всего лишь 5 типов. Исходя из того, что теоретически возможно сочетание каждой гласной фонемы со всеми трехчленными сочетаниями согласных, число их составляло бы 189686 случаев. Однако немецкий язык допускает всего 43 сочетания гласных с предшествующим трехчленным сочетанием согласных (см. таблицу № 2).

Анализ таблицы № 2 показывает, что из возможных 32 двухчленных комбинаций согласных в ударной предвокальной позиции в анлауте в 23 вторым элементом комбинации является один из сонантов, в то время как из возможных 5 трехчленных комбинаций в этой же позиции непосредственно предшествующей гласному фонемой является или [l] или [r]¹.

¹ В цитированном уже исследовании Т.Аугуста утверждается, что в абсолютном начале морфем немецкого языка встречается всего 25 двухчленных и 3 трехчленных сочетаний. См.: G. A u g u s t. Über die Kombination von Phonemsequenzen bei Moneme n. "Linguistische Berichte". 1971, 11. Т.Аугуст не упоминает об источнике, на котором он проводил анализ. Наш же анализ показал, что двухчленных сочетаний согласных в анлауте немецких морфем не 25, а 32, а против его 3 трехчленных комбинаций мы получили 5 трехчленных комбинаций согласных в ударной предвокальной позиции в абсолютном анлауте морфем и лексем. См. таблицу № 2.

DIE PHONETISCHE WISSENSCHAFT IN DER UDSSR UND EINIGE PROBLEME DER PHONOLOGIE¹

Die Forschungen auf dem Gebiet der Phonetik gewinnen einen besonderen Wert für die Sprachwissenschaft, wenn die lautlichen Erscheinungen unter dem Gesichtspunkt der funktionellen Betrachtungsweise einer Analyse unterzogen werden. Eine rein phonetische Betrachtung an und für sich ist für Sprachwissenschaft fast bedeutungslos, so wie auch eine rein funktionelle Betrachtung für die Linguistik wenig interessant, manchmal sogar nicht günstig ist². Da die zwischenmenschliche Kommunikation ein sehr komplizierter Prozess ist, der in der Situation der gegenseitigen Verhältnisse der Sprechenden und des Hörers abläuft, wobei vorausgesetzt wird, dass sowohl der Sprechende als auch der Hörende ein und dasselbe Sprachsystem besitzen müssen³, ist die phonetische Beschreibung der sprachlichen Erscheinungen von 4 Standpunkten aus durchzuführen⁴: 1. Der physiologische Aspekt: die grundlegenden Untersuchungen von N.J. Shinkin⁵ und den Mitarbeitern des Pavlov-Institutes unter der Leitung von L.A. Čistovič haben das Ziel, den psychologischen Mechanismus des Sprechens und Verstehens zu erläutern⁶.

2. Vom Standpunkte des Hörers aus, der das vom Sprecher Übermittelte mit seinem Gehör verarbeitet, es in Bestandteile zerlegt und als informationstragende Einheiten wahrnimmt. Der sog. perzeptive Aspekt gewinnt in den letzten zwei Jahrzehnten eine erhebliche Bedeutung, da wir von der Perzeption ausgehend, auf die Frage antworten können, warum und auf Grund welcher Prinzipien akustische Verschiedenheit oft als linguistisch Identisches verstanden wird oder umgekehrt. Der perzeptiven Analyse werden nicht nur die vom Menschen erzeugten Signale, sondern auch synthetisch erzeugte Segmente unterzogen.

¹ İlk dəfə çap olunub: Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Ges.-Sprachw. R. XXVII (1978) 3

² Die Untersuchungsergebnisse auf dem Gebiet der Wissenschaft in der SU haben sich in einer Vielzahl von Monographien, Büchern, Artikeln, Dissertationen niedergeschlagen. Ausführliche Literaturangaben über die aktuellen Fragen der Phonetik und Phonologie enthalten folgende Arbeiten: Zinder, L.R.: Fonologa i fonetika. In: „Teoreticeskije problemi sovetiskovo jazykaznaniya“. 1968; Reformacki, A.A.: Iz istorii otecestvennoj fonologii. 1970.

³ Zinder, L.R.: Obšaya fonetika. Leningrad 1960.

⁴ Veyssalov, F.J.: Zaveršajušaja intonacija v nemeckom jazuke (eksperimentalno foneticeskaja isledovanije). Avtoreferat kand. diss., Leningrad 1970

⁵ Shinkin, N.J.: Mechanism reci. 1958.

⁶ Čistovič, L.A.; Koshevnikov, W.A. i drugije: Reč. Artikulacija i vosprijatiya. Moskau-Leningrad 1965

3. Der akustische Aspekt. Jedes vom Sprechenden mit der Absicht seinem Gesprächspartner etwas zu übermitteln Erzeugte besitzt bestimmte akustische Eigenschaften, mit deren Auseinandersetzung sich eigentlich der akustische Aspekt beschäftigt. Dass das vom Gesprächspartner Erzeugte als solches dekodiert wird, geschieht nur dank den Eigenschaften, die, rein akustisch betrachtet, nichts als das Kontinuum von Schallwellen sind.

Die meisten Sprachen der die SU bewohnenden Völker verfügen heute über die akustischen Beschreibungen ihrer lautlichen Struktur. Bedeutende Untersuchungen laufen in vielen Sprachen der Welt, unter denen besonders beachtenswerte Forschungen in der phonetischen Struktur der germanischen, slawischen, romanischen, türkischen und der sog. Tonsprachen u.a. zu erwähnen sind.

Der vierte Aspekt umfaßt neben der rein sprachlichen Analyse auch die Auseinandersetzungen der Anordnungsprinzipien der sprachlichen Einheiten, die abstrakt sind und von Gesprächspartnern nicht abhängen, an die sie sich aber streng halten müssen, wenn sie sich verstehen wollen. Die distributive Analyse als Bestandteil des funktionellen Aspekts stellt die Gesetzmässigkeiten der phonologischen Strukturen der sprachlichen Einheiten fest. Das phonologische Modell, unter dem die kombinatorischen Regeln der phonologischen Konstruierung der Sprache verstanden wird, ist spezifisch und darum auch außerordentlich aktuell für die Typologie- und Universalienforschung vom Standpunkte der allgemeinen Sprachtheorie aus.

Für die funktionelle Beschreibung dienen als theoretischer Ansatz zwei phonologische Schulen: die Leningrader Phonologische Schule und die Moskauer Phonologische Schule, die von verschiedenen Präsumtionen ausgehen und daher aus der Analyse ein und derselben Sprache unterschiedliche Ergebnisse bekommen.

Ohne hier ins Detail zu gehen, muss betont werden, dass L.W.Schtscherba, einer der treuesten Schüler von B. de Courtenay, immer wieder gegen die Trennung der Phonetik von der Phonologie auftrat, weil sie, nach Ansichten L.W.Schtscherbas, zwei Aspekte eines Sachverhalts sind. „Wogegen muss auf jede Weise gekämpft werden, gegen die Trennung der Phonologie von der Phonetik im engeren Sinne des Wortes, die B. de Courtenay eigentlich die Antropophonetik nannte. Es scheint manchen möglich zu sein, sich mit der Phonologie getrennt von der Phonetik zu befassen. Das ist genauso wenig möglich, wie wir uns mit der Funktion

irgendeiner Form getrennt von den konkreten Fällen ihres Gebrauchs in der Rede beschäftigen können.“¹

Alle Teilnehmer der Diskussion, die in den Jahren 1952-1953 in der Zeitschrift „Berichte der Akademie der Wissenschaften der UdSSR über Sprache und Literatur“ durchgeführt wurde, sprachen sich dafür aus, sie seien gegen die scharfe Trennung der Phonetik von der Phonologie. Aus den Materialien der Diskussion ergibt sich, dass dieser oder jener Aspekt als Untersuchungsobjekt ausgewählt werden kann. Aber um eine sprachwissenschaftlich gerichtete Forschung handelt es sich nur dann, wenn der funktionelle Aspekt berücksichtigt wird. Das Studium eines Phonetikers unterscheidet sich von dem des Physiologen oder Akustikers vor allen Dingen dadurch, dass das Phonetische immer von den linguistischen Voraussetzungen ausgeht. Die Ergebnisse, zu denen der Phonetiker infolge seiner Forschungen kommt, sind für die Sprachwissenschaft und andere Gebiete, die sich für die Phonetik interessieren, von grosser Bedeutung, wenn die phonetischen Tatsachen phonologisch beurteilt werden und zwar, wenn die phonologische Betrachtungsweise die Oberhand gewinnt.²

Das Sprechen in seiner Vielfältigkeit ist mit dem Individuum verbunden. Alle Individuen kann man der Analyse nicht unterziehen. Deswegen müssen sich die Beobachtungen auf eine bestimmte Anzahl der Sprechenden beschränken, die Informanten genannt werden. Die Zuverlässigkeit der zur Analyse herangezogen Informanten wird statistisch überprüft. Dabei geht man von der Unterscheidung in zwei Arten der Aussprachestile aus, die in der sowjetischen Linguistik auf L.W.Schtscherba zurückgeht.³

Die Untersuchungen auf dem Gebiet der Phonetik in der UdSSR können wie folgt klassifiziert werden. Grundlegend für die vorgeschlagene Klassifikationen ist die Zielstellung:

1. Die Untersuchungen, die einen allgemeinen Charakter haben. Hier sind vor allem die grundlegenden Arbeiten von L.V.Schtscherba, S.I.Bernstein; M.I.Matusewič, L.R.Zinder, R.I.Avanesov; P.S.Kusnetzov, A.N.Gvozdev, A.A.Reformatski, J.S.Maslov, L.V.Bondarko, L.V.Slatoustova, L.A.Verbitzkaja, M.V.Gordina, T.M.Nikolajeva, u.v.a. zu erwähnen.

2. Die Forschungen, die phonologische Fragen aufwerfen und dementsprechend nicht experimentell sind oder Forschungen, die phonotaktische Modelle der betreffenden Sprache fertigzustellen versuchen.

---

¹ Schtscherba, L.W.: Očerednye problemy jazykovedenija. Izv. AN OLA, 1945. Bd.IV. H. 5, S.185

² Zinder, L.R.: Obščaya fonetika. Leningrad 1960. S.136

³ Schtscherba, L.W.: Jazykovaja sistema i recevaja dejatelnost. Leningrad 1974.

3. Die Untersuchungen, die sich hauptsächlich mit den methodologischen Problemen befassen oder die phonetischen Untersuchungsmethoden präzisieren. Dazu gehören die Arbeiten von L.R.Zinder, V.A.Artjomov, L.V.Bondarko u.a.

4. Die Forschungen, die das Phoneminventar der gegebenen Sprache feststellen und die Eigenschaften der Phonemrealisierungen in verschiedenen Sprachen erörtern. Dazu kann bemerkt werden, dass die Ergebnisse oft nicht übereinstimmen, da sie Stellungnahmen bei der Betrachtung nicht identisch sind. So sind die Ergebnisse der Moskauer Phonologen und die der Leningrader Linguisten unterschiedlich.

5. Die Untersuchungen, die orthophonische und orthoepische Regeln herausstellen. Hier müssen vor allen Dingen die Arbeiten von L.A.Verbitzkaja und M.V.Gordina genannt werden.

6. Einen besonderen Platz im allgemeinen theoretischen Themenrahmen nehmen die Untersuchungen der sowjetischen Intonologen ein.

Nach diesem allgemeinen skizzenhaften Überblick über den Forschungsstand auf dem Gebiet der Phonetik in der UdSSR, kann auf die Einzelfragen der Phonem- und Variantentheorie eingegangen werden, die u.E. die Kernfrage der Phonologie ist. Um die Probleme der Phonem- und Variantentheorie zu erörtern, scheint es wichtig zu sein, von theoretischen Prinzipien der Phonologie auszugehen. Die Fragen der Phonem- und Variantentheorie müssen im engen Zusammenhang betrachtet werden, obwohl doch die Möglichkeit ihrer selbständigen Betrachtung in einzelnen Fällen nicht ausgeklammert werden kann.

Die linguistischen Ideen von B. de Courtenay bilden die theoretischen Grundlagen der Phonem- und Variantentheorie in der Sowjetunion. Beim Studium der Werke von B. de Courtenay fallen folgende Grundgedanken deutlich auf:

1. Die Unzerlegbarkeit des akustisch-artikulatorischen Kontinuums des Gesprochenen, die am russischen Sprichwort „Što napisana perom, ne vyubiš taparom“ (was mit der Feder geschrieben wird, kann mit der Axt nicht beseitigt werden) klar gemacht wird.¹ Diese Tatsache hat in der gegenwärtigen Phonetik festen Fuß gefaßt. Wenn wir uns einmal an P.Menzerath und A.de Lacerda² wenden oder uns in die Arbeiten von E.Sievers³ und H.Paul⁴ vertiefen (E.Sievers sprach, wie bekannt, von Stellungen- und Übergangslauten, H.Paul unterstricht noch stärker die Unzer-

¹ Baudouin de Courtenay. J.: Izbrannyje trudu po obšemu jazykoznaniju. 1963. Bd. 1-2

² Menzerath P. und de Lacerda A.: Koartikulation, Steuerung und Lautabgrenzung. Berlin und Bonn 1933.

³ Sievers E.: Grundzüge der Phonetik. Leipzig 1901⁵.

⁴ Paul H.: Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle 1920.

legbarkeit des Wortes), so überzeugen wir uns von der Einstimmigkeit der Sprachwissenschaftler in bezug auf die Unzerlegbarkeit des Gesprochenen in Bestandteile.

2. Das Gesprochene lässt sich nur linguistisch eingliedern. Das bedeutet, dass wir das vom Sprechenden Erzeugte nur dann zerlegen können, wenn wir der Analyse sprachliche Kriterien zu Grunde legen. Für B.de Courtenay ist es dabei sehr wichtig, ob der Laut im Mechanismus der Sprache morphologisierte oder semasiologisierte Funktion ausübt. Die Methode, die er bei der Analyse benutzt, war die der Gegenüberstellung, die später im europäischen und auch im amerikanischen Strukturalismus vorherrschend wurde. Aus Vergleich „*dom-dama*“ (Haus-Häuser) schloß er, daß das zweite Element in belegten Wortformen Divergenten eines Lautes sind, die durch die gegenwärtig funktionierenden lautlichen Gesetze bedingt sind.

Von zahlreichen Definitionen des Phonems, die wir bei B. de Courtenay finden, sind zwei hervorzuheben:

a) das Phonem ist ein unmittelbares, aber bewegliches Element des Morphems. Vgl.: „*dom-damá*“ und „*vada-vódy*“ (das Wasser-die Wasser).

b) Das Phonem ist eine immer in der Psyche des Sprechenden existierende Vorstellung des Lautes, d.h. die Vorsellung der sich simultan vollziehenden Artikulationsbewegungen und der davon wahrgenommenen Eindrücke.

Vom Standpunkt der gegenwärtigen Phonologie sind zwei weitere Definitionen sehr beachtenswert, die damit eng zusammenhängen. Das Phonem betrachtet B.de Courtenay als Gesamtheit der physiologisch-akustischen Eigenschaften-Kinemen und Akusmen. Das Phonem wird von dem hervorragenden Sprachforscher einmal mit den in der Selbständigkeit bedeutungstragenden Einheiten der Sprache in eine Reihe gestellt (Einheiten der emischen Ebene) und in eine Reihe mit den Einheiten angeordnet, die an und für sich keine Bedeutung haben (Einheiten der etischen Ebene). Hier sehen wir die Keime jener Theorie, an der sich die Prager Schule, besonders N.S.Trubetzkoy und die Vertreter der dichotomischen Klassifikationen von R.Jakobson und seinen Kollegen festgehalten haben. Die Idee, dass das Phonem ein unmittelbares bewegliches Element des Morphems ist, liegt der Moskauer Phonologischen Schule zugrunde.

L.V.Schtscherba griff den Punkt b) in der allgemesprachwissenschaftlichen Theorie seines Lehrers auf und entwickelte ihn weiter. In seiner Magisterdissertation „Die russischen Vokale im qualitativen und quantativen Verhältnisse“ (St. Petersburg, 1912) weist er seine Stellungnahme hin, daß er sich mit seiner Phonemtheorie vollkommen den Ansichten seines Lehrers anschließe, fügt aber zugleich hinzu, dass es

sein Ziel war, den Boden der sprachwissenschaftlichen Disziplin vom Psychologismus freizumachen.

Die Morphologisierung oder Semosiologisierung spielt für L.V.Schtscherba und seine Schüler bei der Aussonderung des Phonems aus dem Redestrom eine entscheidende Rolle. Bei der Aussonderung des Phonems aus dem Redestrom ist seine Gebundenheit an ein Morphem die erste und daher die notwendigste Voraussetzung für die Bearbeitung des Phonembegriffs und schließlich der Phonem- und Variantentheorie.

Schtscherbas Theorie geht davon aus, daß die lautliche Seite der Sprache autonom ist, das bedeutet: der phonologischen Ebene in der komplizierten Hierarchie der Sprachstruktur wird Selbständigkeit zugeschrieben. Die kleinste Einheit dieser Ebene, die linear diskret ist, strukturell aber aus simultan fungierenden Dimensionen besteht, ist das Phonem.

Eine wichtige Stelle in der Phonologie nimmt die Frage der Feststellung des phonologischen Status der Sprachlaute ein. Heute ist es zweifellos so, daß in der Redekette viel mehr Laute vorkommen, als das von einem Laien erwartet wird. Das, was in der Schrift als „a“ erscheint, enthält im Sprechakt viele Schattierungen. Diese nehmen auffallend von Fall zu Fall der *a-Realisierungen* zu. Für die Bezeichnung der linguistischen Identität dieser *a-Realisierungen* ist die Einführung des Phonembegriffs notwendig. Von nicht geringerer Bedeutung ist auch der Terminus Variante für die Bezeichnung der Verschiedenheiten, die linguistisch ein und denselben Wert darstellen oder gleiche Funktionen haben.

Auf der Suche nach der Antwort, auf Grund welcher Prinzipien die lautliche Mannigfaltigkeit sprachlich in einer Einheit zusammengefasst wird, für die die Sprachwissenschaftler den Ausdruck Phonem zu gebrauchen geneigt waren und andererseits, auf Grund welcher Prinzipien akustisch und artikulatorisch ähnliche Laute manchmal zu einer Einheit und manchmal zu verschiedene Einheiten gerechnet werden, kam L.V.Schtscherba zu seiner originellen und interessantesten Phonem- und Variantentheorie.

Im deutschen Satz „Ihr seht auf dem Bild ein Kind“ hebt sich das Segment /seht/ dadurch hervor, daß es ein anderes Segment mit Versehen derselben grammatischen Kategorien ersetzen kann. Es entsteht dann eine andere Aussage, wie etwa „Ihr malt hier ein Bild“. Es kommt jetzt darauf an, ob wir in diesem Satz ansatz der zweiten Person Pl. die anderen Personen gebrauchen können. Es stellt sich sofort heraus, daß diese Operation nicht möglich ist, weil das der inneren Struktur der deutschen Sprache widerspricht. Die Analyse muss noch fortgesetzt werden, da wir uns noch nicht bewusst sind, ob wir im Gliederungsprozess die letzte Stufe erreicht haben. Es lässt sich nicht bestreiten, dass die Form *seht* eine zerlegbare

ist, wenn wir *seht* mit *geht* einerseits, und *sehe* mit *seht* andererseits vergleichen: /t/ bezeichnet die zweite Person Pl, es ist hier ein selbsterständliches Morphem, abstrahiert sich wie alle grammatischen Erscheinungen von einzelnen Fällen und ist gültig für die zweite Person Pl. Ind. Präsens aller Verben im Deutschen. Durch die Gegenüberstellung der Wortformen *seht* und *saht* stellen wir eine sehr wichtige Bestätigung für die Phonologie fest, nämlich die Möglichkeit der Zerlegbarkeit des Wortes durch die Aussonderung des Sprachlautes /t/ durch die morphologische Grenzen. Durch /t/ und den Wortsamm in Wortformen *seht* und *saht* geht die morphologische Grenze. L.V.Schtscherba betonte in seiner Magisterdissertation, dass /a/ im Wort „vada“ mit der Assoziation des Subjekts und /u/ mit der des Objekts verbunden sind. Die potentielle Verbindung des Phonems mit dem Morphem ermöglicht die jegliche Aussonderung des Sprachlautes aus dem lautlichen Kontinuum. Durch die potentielle Verbindung mit der Bedeutung gewinnt das Phonem eine Selbständigkeit, die in allen übrigen Fällen bewahrt bleibt, obgleich es schwer ist, in einzelnen Fällen von einer unmittelbaren Verbindung des Phonems mit der Bedeutung zu sprechen. Sehr oft aber ist es überhaupt nicht möglich, auf eine Beziehung des Phonems mit dieser oder jener Bedeutung zu schließen. L.R.Zinder schreibt: „Die Selbständigkeit des Phonems von der Schtscherba spricht, muss man nicht in dem Sinne verstehen, dass das Phonem an und für sich ausserhalb des Wortes existieren kann, sondern in dem Sinne, dass es sich auch als einzelne Einheit in den Fällen aussondern lässt, wenn es kein Wort, kein Morphem ist oder keine morphologische Funktion hat, d.h., wenn es weder lexikalische, noch morphologische, sondern nur eine rein phonetische Einheit vorstellt“.

Kommt /t/ schon in der Wortform /te:ma/ oder /te:zən/ usw. vor, wo auf Grund der Bedeutungsverhältnisse oder der morphologischen Beziehungen die Aussonderung völlig ausgeschlossen ist, so lässt es sich doch als dasselbe /t/ erkennen. Die linguistische Identität von (t) in *seht*, von (t) in /te:ma/ und (t) in /te:zən/ beweisen wir wieder nicht durch akustisch-artikulatorische Ähnlichkeit oder Verwandtschaft dieser Laute, sondern durch eine linguistische Analyse, wenn es auch wichtig ist, zu betonen, dass die Sachverhalte nur dann linguistisch unterschiedlich sind, wenn die akustisch-artikulatorischen Unterschiede vorhanden sind.

Zweifellos sind die oben belegten t-Laute, akustisch und artikulatorisch betrachtet, vollkommen unterschiedlich. Diese Unterschiedlichkeit ist mit der Position des Phonems /t/ verbunden, denn die Aufhebung der Position führt zur Aufhebung der phonetischen Eigenschaften, die als Resultat der koartikulatorischen Einwirkungen betrachtet werden können. /t/ wird vor den Vokalen /i, i:, ε,ε:, oe, ø:,y und y:/ weich, vor anderen aber

hart, vor labialen Vokalen labialisiert, im Anlaut vor betonten Vokalen und in Auslaut aspiriert ausgesprochen. Die aufgezählten Eigenschaften sind solche, die mit der Position der /t/- Realisierungen verbunden sind und die sich in übrigen Positionen nicht wiederholen.

Die Merkmale, die einem Phonem immer eigen sind, nennt man die Differenzmerkmale oder relevante Merkmale. Im Gegensatz dazu nennt man die Merkmale irrelevant oder integral, wenn sie von dieser oder jener Realisierungsposition verursacht sind. Phonetisch verschiedene Laute werden als Varianten eines Phonems zusammengefaßt, wenn sie gleiche Differenz- und verschiedene Integralmerkmale besitzen¹. Die Integralmerkmale sind von der Position abhängig. Es muss bemerkt werden, daß gemäß der hier dargelegten Theorie die Phonemhaftigkeit eines Lautes bis zu der Variantenbestimmung festgestellt wird. Der Status eines Lautes in phonologischer Hinsicht wird durch die linguistischen, keineswegs aber durch akustisch-artikulatorische Beweismittel bestimmt. Eine enge Beziehung der Phonologie zur Phonetik drückt sich bei Vertretern der Schtscherba-Schule eindeutig in der These aus, die L.R.Zinder erarbeitet hat. Das Wesen dieser These besteht darin, dass die phonetischen Unterschiede für die linguistischen Unterschiede eine unbedingte Voraussetzung sind, aber nicht jeder phonetische Unterschied unbedingt zu phonologischen oder linguistischen Unterschieden führen.² Diese Grundlage hat eine außerordentlich wichtige Bedeutung für die Aufdeckung der inneren Beziehungen zwischen der Substanz und der Form einerseits, zwischen der Form und der Funktion andererseits.

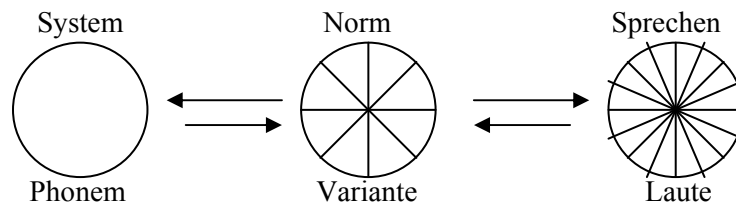
Der nächste Schritt in der phonologischen Analyse der Sprache muss auf die Frage antworten, wie dieses und jenes Phonem realisiert wird. Dazu werden die Begriffe Position und Distribution eingeführt, wodurch die Phonemvarianten näher bestimmt werden. Es gibt keine Variante, die im Vergleich mit anderen den Vorzug hat. Alle Varianten sind für den Mechanismus der Sprache gleichwichtig. Es gibt aber Varianten, die mehr oder weniger abhängig sind. In diesem Sinne sprach L.V. Schtscherba von typischen Varianten.

Laut, Variante und Phonem sind aufs engste miteinander verbunden. Die Laute (Phone oder Lautexemplare) sind die Einzelnen, in denen sich die Varianten als Besondere ausdrücken. Beide bilden für die Phoneme als Allgemeine eine Voraussetzung. Die Zusammenhänge zwischen

¹ Vejsalov (Vejsälli), F.J.: O differenzial'nyx integral'nys priznakax fonem. Ucenyje zapiski APIJa im.M.F.Axundova.:Baku 1975.

² Zinder L.R.: A.a. O.S 50.

ihnen lassen sich mit der Anlehnung auf E.Coserui und L.A.Verbitzkaya¹ schematisch folgendermassen verdeutlichen:

Die Phoneme bilden das funktionelle System, in dem ein Phonem den anderen durch Oppositionsverhältnisse gegenübersteht. Die Norm betont L.A.Verbitzkaya, ist völlig vom System abhängig. Die Veränderungen im System hängen mit denen in der Norm zusammen. Eine beliebige Veränderung in der Norm muss vom System geregelt werden. Die Varianten regeln sich nach der Norm. In der Norm gibt es kein Chaos, sie ist von dem funktionellem System zulässige Ebene. Die gegenwärtige deutsche Aussprachenorm fordert die starke Behauchung der stimmlosen Verschlussprengelaute im Anlaut vor betonten Vokalen und im Auslaut. Die Nichteinhaltung dieser Bedingungen wird als eine Abweichung von der gegenwärtigen Aussprachenorm wahrgenommen. Die Behauchung selbst aber hat keinen funktionellen Wert im deutschen phonologischen System.

ДИСТРИБУТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ²

1. В учебниках и учебных пособиях по теоретической и практической фонетике немецкого языка нет раздела, посвященного проблем комбинаторики фонем. Между тем этот вопрос имеет важное значение как для разработки общей теории языка, так и для преподавания неродного языка. Представляется целесообразным изложить

¹ Coserui E.: System, Norm und Rede. In: Sprache, Strukturen und Funktionen. Tübingen, 1972. 2. Auflage; Verbitzkaya L.A. Russkaya orfoepiya

² Впервые опубликована в: Зональное совещание преподавателей иностранных языков вузов Азербайджанской ССР, Грузинской ССР и Армянской ССР по проблеме вузовского курса иностранного языка в комплексе учебников и учебных пособий. Тезисы докладов. Баку, 10-13 октября, 1979.

некоторые результаты исследования по дистрибутивной характеристике гласных фонем современного немецкого языка. Исследование проводилось на материале орфофонического словаря немецкого языка. Задача заключалась в том, чтобы выявить возможные комбинации гласных со следующими согласными¹.

2. Из слоговых типов, известных как закрытые или как условно закрытые, в результате анализа можно выделить следующие подтипы: ГС, ГСС, ГССС, ГСССС. Само собой разумеется, что каждый из этих подтипов по характеру противопоставляется подтипу слоговых типов открытых, но прикрытых вначале. Здесь имеются следующие противопоставления:

1. ГС:СГ, 2. ГСС:ССГ, 3. ГСС:СССГ, ГСССС:0.

3. Таким образом, мы получаем 4 слоговые оппозиции, характеризующиеся конфигурацией фонем в комбинационной структуре слогов. Что касается комбинации фонем в слогах типа СГ, то качества этих сочетаний может быть определено или как долгое и закрытое, или как полудолгое и закрытое, что зависит от ударенности слога. Появление кратких гласных в таких сочетаниях теоретически исключено.

4. Дистрибутивные модели по типу ГС (ГСС, ГССС, ГСССС) характеризуются прежде всего тем, что в них теоретически обнаруживаются два варианта реализации гласных фонем, каждый из которых зависит от качества слога и от ударенности его. Речь идет здесь о долгих и полудолгих вариантах гласных. Совсем иную картину мы наблюдаем в абсолютно закрытых и ударных слогах: в них гласный всегда будет кратким. В немецком языке слогам типа ГС (ГСС, ГССС, ГСССС) присуща еще одна характерная черта. Гласные в них всегда реализуются с сильным приступом, имеющим сугубо фонетический характер и, следовательно, не обладающим фонологической значимостью. Итак, дистрибутивные модели слогового типа ГС (ГСС, ГССС, ГСССС) теоретически имеют следующие подтипы:

а) Г:С, Г:С, Г:СС, Г:СС, Г:ССС, Г:ССС, Г:СССС, Г:СССС

б) ГС, ГСС, ГССС, ГСССС, ГС, ГСС, ГССС, ГСССС.

Следует отметить, что не все приведенные модели реально представлены в языке.

5. Отмечаются допустимые с точки зрения синтагматики современной фонологической системы немецкого языка сочетания по

¹ О теоретических предпосылках, об объеме и источниках привлеченных к анализу материала, а также о результатах исследования сочетаемости по моделям СГ, ССГ и СССГ. См.: Ф.Е.Вейсалов. Дистрибуция гласных фонем современного немецкого языка. Уч. зап. АПИРЯиЛ им. М.Ф.Ахундова № 2, 1977.

модели ГС. Общей закономерностью для реализации гласных в англ-утой позиции является то, что за редким исключением краткие гласные не допускают сочетания со следующим звонким гласным. Следует однако отметить, что сонанты в этом отношении ведут себя несколько иначе.

6. Анализ показывает, что из теоретически возможных 322 (14x23) сочетаний допустимо всего 172, что на 27 комбинации меньше, чем сочетаемость по модели СГ. По модели СГ долгие гласные за исключением /a:/ обладают всегда большим числом комбинации, чем соответствующие краткие гласные. В противоположность этому по модели ГСС краткие гласные обладают большей сочетаемостью (в отдельных случаях в несколько раз больше), чем соответствующие долгие. В докладе анализируется таблица, которая содержит комбинационную силу каждого из 14 монофтонгов немецкого языка.

ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА¹ (экспериментальные данные и теоретические проблемы немецкого языка)

Актуальность темы. Исследование вариативности-одного из фундаментальных свойств языка- имеет важное теоретическое и практическое значение. Разработка коммуникативной модели, полно и адекватно отражающей варьирование языковых единиц, является одной из насущных теоретических задач современного языкознания, без решения которой не может быть решен и ряд прикладных задач.

Неудачи автоматического распознавания речевых сигналов и машинного перевода объясняются тем, что поиски ученых в этих областях базировались на неверном, с точки зрения языкознания наших дней, теоретическом положении о принципиальной возможности однозначной фонемной идентификации по одним лишь акустико-артикуляторным характеристикам данного речевого отрезка. Между тем, одних этих данных (как например, спектрального среза в опре-

---

¹ İlk dəfə çap olunub: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А.А.Жданова. Специальность 10.02.04-германские языки. Л. 1980. Официальные оппоненты: д-р ф.н. И.П.Иванова, д-р ф.н. проф. Л.В.Прокопова, д-р ф.н. проф. Г.Я.Панкрац. Ведущее научн.учр. Одесский университет № им. И.И.Мечникова.

деленный момент времени) недостаточно, ввиду их малой информативности, для решения проблемы общения человека с машиной.

Главной задачей современной лингвистики является не установление инвентаря единиц языка, хотя эта проблема полностью не решена для целого ряда языков, а выявление той сети отношений, которой характеризуются конкретные языковые единицы в потоке речи. Единственной реальностью, данной нам непосредственно, является манифестация фонем языка в виде звуковой последовательности. Поэтому совершенно оправдана попытка лингвистов найти общие закономерности функционирования фонологических единиц, выявить состав вариантов каждой фонемы, предел ее варьирования.

До сих пор сохраняют свое значение следующие слова акад. Л.В. Щербы: «... разыскание ... оттенков, на которые распадаются фонемы, а также объяснение причин появления каждого из них и являются основными задачами фонетики»¹.

Новизна исследования заключается в том, что проблема вариативности немецких гласных не была до сих пор объектом специального изучения.

Основываясь на концепции Л.В. Щербы, автор настоящей работы впервые в германистике на материале немецкого языка устанавливает состав вариантов гласных фонем, определяет взаимосвязь инварианта и вариантов в системе, отношение вариантов к норме и конкретному звуковому экспоненту, диапазону варьирования каждой фонемы, исследует акустические, физиологические, комбинаторные и перцептивные характеристики отдельных вариантов. Для этой цели необходимо было дать детальный анализ дистрибуции гласных немецкого языка, что сделано впервые в настоящей работе.

В диссертации формулируются правила, позволяющие решить проблему вариативности единиц плана выражения, проникнуть в суть сложного механизма порождения в восприятия звуковых единиц.

Настоящее исследование представляет определенный интерес для решения психолингвистических проблем, поскольку оно объясняет причины имеющегося противоречия между языковым единством фонемы и ее аллофоническим многообразием, приводящего, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, к несовпадению намерения говорящего с его реальным произношением.

Апробация работы. Результаты работы докладывались и обсуждались на Всесоюзном семинаре преподавателей иностранных языков (Ташкент, 1973), на IV Республиканской научно-

---

¹ Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность Л., 1974, стр.122.

методической конференции (Баку, 1973), на зональных совещаниях преподавателей иностранных языков Закавказских республик (Баку, 1976, 1979), на Республиканских конференциях (Баку, 1975, I,II; Алма-Ата 1978), на Всесоюзной конференции, посвященной вопросам словообразования и фразообразования (Москва, 1979), на конференции преподавателей университетов и высших школ ГДР (Берлин, 1978), на заседании секции «Информация и измерительная техника» (Дрезден, 1978), на заседаниях фонетической секции Берлинского университета (ГДР, 1978) и кафедры фонетики и грамматики Азербайджанского педагогического института иностранных языков им. 50-летия СССР (1972-1978). Кроме того по теме диссертации автором выпущена книга (12 п.л.) и опубликованы статьи объемом 6 п.л.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при создании работ по общему и частному языкознанию, по немецкой фонологии и фонетике, по конфронтативной и контрастивной лингвистике. Данная работа может быть использована также при написании учебных пособий для педагогических вузов иностранных языков.

Кроме того, результаты работы могут быть использованы при разработке теории автоматического распознавания речевых сигналов и машинного перевода.

Материал и методика исследования. Материалом послужил сотысячный орфофоический словарь немецкого языка¹ и составленная по результатам комбинаторного анализа программа из двух тысяч слов, записанных на магнитную ленту в произношении носителей немецкого языка. С нее были получены осциллограммы (осциллограф марки Н-102, скорость движения пленки 250 мм/сек) и спектрограммы типа «видимая речь» (динамический спектрограф со скоростью движения пленки 90 мм/сек). Запись материала производилась в разное время; в эксперименте принимало участие 8 дикторов в возрасте от 25 до 35 лет. В речи дикторов не было никаких резко выделяющихся индивидуальных отклонений. Они говорили внятно, артикулировали четко, в нормальном темпе. Такой вывод был сделан в результате апробации материала, в которой принимало участие 10 аудиторов (немцы-студенты АЗИНЕФТЕХИМа им. М.Азизбекова). При поведении эксперимента были соблюдены все технические правила, необходимые для надлежащего качества записи. В опыте по восприятию были использованы гласные, вырезанные из предложений, слов и синтезированные, полученные автором эксперименталь-

¹ Der Grosse Duden. Bd.6, Aussprachewörterbuch, Mannheim, 1962.

ным путем в Дрезденском университете ГДР. Всего в опыте по восприятию принимало участие 50 человек – носителей немецкого языка. Запись, расшифровка и истолкование экспериментального материала производилась в течение 1971 и 1978 гг. в Лаборатории экспериментальной фонетики Азербайджанского педагогического института иностранных языков им. 50-летия СССР, Лаборатории экспериментальной фонетики им. Акад.Л.В. Щербы Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова, при Берлинском университете им. А.Гумбольдта под руководством проф. Г.Линднера и секции «Информация и измерительная техника» Дрезденского университета под руководством проф. В.Чешнера.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка предложений и слов, используемых в работе в качестве иллюстративного материала. В конце работы дается библиография, содержащая свыше 300 наименований.

Диссертация написана на русском языке, содержит более 300 страниц машинописного текста, включает 44 таблицы и 38 рисунков, которые составлены на основе данных, полученных в результате дистрибутивного, осциллографического, спектрального анализов и опыта по восприятию.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель и задача и формулируются основные направления и методы исследования.

Вариативность фонетического строя определяется как видоизменения его единиц, допустимые данной функциональной системой и обусловленные фонетическими положениями, контекстом и ситуацией их реализации. Во введении высказывается мысль о том, что вариативность как объективная категория присуща всем уровням структуры языка, но в наиболее ярком виде она проявляет себя в единицах плана выражения, находящихся друг с другом как в контактном, так и в дистантном расположении. При этом необходимо подчеркнуть, что вариативность на одном уровне или в одном языке может быть рассмотрена как инвариантность на другом уровне или в другом языке. Ср. [t] и [t'] в немецком языке суть варианты одной фонемы, а в русском языке – две самостоятельные фонемы. В английском языке /s/ и /z/ на фонологическом уровне противопоставлены друг другу как разные фонемы, но на морфологическом уровне они представляют одну морфему. Вариативность единиц разных уровней подчиняется внутриуровневым законам и регулируется внутриязыковыми правилами. Здесь речь идет о внутривидовой вариативности, к которой относятся все варианты, обусловленные позицией,

комбинацией, а также и дистрибуцией. Варьирование фонемы, обусловленное внутривидовыми факторами, можно противопоставить варьированию, которое зависит от социолингвистических факторов (варианты, используемые членами данного языкового коллектива в различных социальных, диалектных и временных условиях).

Фонемы языка имеют разные материальные выражения, потому и образуют систему противопоставлений. Само определение фонем как конститутивных и дистинктивных единиц предполагает, что для выполнения функции различения необходимо, чтобы они сами различались. Из этого, однако, не следует, что каждая фонема должна звучать одинаково. Напротив, одной из характерных особенностей фонемы является то, что каждая обладает многообразным звуковым выражением в речи в виде различных аллофонов (оттенков, вариантов)¹.

Из факторов, вызывающих варьирование фонем (фонетические условия реализации фонем, индивидуальные особенности говорящих и сосуществование двух произношений)², следует особо выделить фонетическое положение, так как лингвистически многообразие реализации обусловлено внутриуровневыми факторами (сочетаемость гласных с разного вида согласными в разного вида слогах).

Первая глава посвящена вопросу о взаимоотношении фонемы и ее вариантов. Здесь же рассматривается состав гласных фонем немецкого языка и обсуждаются критерии сопринадлежности вариантов одной фонемы.

При исследовании вариативности фонем необходимо исходить из того, что материальный характер фонемы (равно как и других единиц языка) определяет ее отличие от всех других фонем при сохранении фонемой ее функционального тождества.

Фонемы вне своих вариантов невозможны, также как и варианты вне фонем, к которым они относятся, не существуют. В этом заключается диалектическое единство варианта и фонемы. Многообразие реализации связано не с самой фонемой и ее внутренней структурой, а с условиями, находящимся вне данной фонемы, но являющимся ингredientными для структуры данного языка.

¹ Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. М., 1979, стр.48; Ю.С.Маслов. Введение в языкознание. М., 1975, стр.53.

² Л.В.Зиндер. Указ. Соч., с.46-47. Г.П.Торусев выделяет кроме этих еще и экстралингвистические факторы, как функционально-стилистические дифференциации и диалектные различия. См. Г.П.Торусев. Константность и вариативность в фонетической системе. М., 1977, с.3-4. Эти факторы действительны, как справедливо отмечает Г.В.Степанов, для всех ярусов структуры языка. См.: Г.В.Степанов. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 1979, с.3.

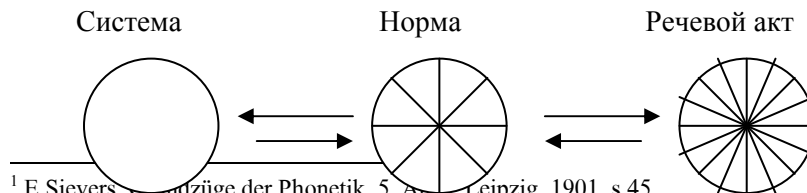
В одной из первых работ по общей фонетике Э.Сиверс высказывал мысль о необходимости изучения варьирования звуков¹. Точка зрения Э.Сиверса сохраняется и в трудах многих современных фонологов (В.Тводдел, Д.Джоунз, Э.Цвирнер, Г.Глисон и др.). В диссертации дается критический анализ основных положений этих ученых.

Остановившись на теории фонемы Н.С.Трубецкого, автор настоящей работы приходит к выводу о том, что трактовка вариантов в концепции Н.С.Трубецкого по сути дела мало чем отличается от точки зрения указанных выше лингвистов. В вопросе о соотношении фонемы и варианта Н.С.Трубецкой, исходя из учения Ф. де Соссюра о противопоставлении «langue:parole», требует разделения фонологии и фонетики, как двух самостоятельных дисциплин² и тем самым относит фонему к языку, а вариант – к речи, за исключением тех случаев, когда варианты выполняют делимитативную функцию.

Существенно новое в разработку теории вариантов внесла школа Л.В.Щербы. Как известно, Л.В.Щерба вводит троичное противопоставление: язык как система, языковой материал как совокупность всего говоримого и понимаемого с учетом понятий времени, пространства и условия реализации и речевая деятельность как сам процесс говорения и понимания.³

Автор настоящей работы придерживается щербовской теории о различении в языке трех уровней: уровень функциональной системы, уровень нормы и уровень конкретного речевого акта³. В диссертации различаются звук, вариант и фонема, которые представляют диалектическое единство. При этом в работе звук определяется как отдельное, в котором существуют варианты как «собое», а через них и фонемы как «общее». Определение фонемы как «общего» и звука как «отдельного» основывается на диалектическом материалистическом истолковании фундаментальных понятий фонологии.

Исходя из сказанного, отношения между звуком, вариантом и фонемой можно графически изобразить следующим образом:

¹ E.Sievers. Grundzüge der Phonetik. 5. Aufl., Leipzig, 1901, s.45.

² Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М., 1980, с.9.

³ Л.В.Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. В его кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.24-26.

Фонема	Вариант	Звук
--------	---------	------

Фонемы образуют функциональную систему, где одна фонема противопоставлена другой по дифференциальным признакам (ДП). Эти признаки являются системообразующими. Варианты же представляют собой совокупность дифференциальных и интегральных признаков (ИП). Последние признаки являются приобретенными на уровне нормы. Варианты как единицы нормы зависят от системы. Любое изменение в системе влечет за собой изменение в норме. Любое изменение в системе влечет за собой изменение в норме. Любое передвижение в норме регулируется системой. В норме нет хаоса, она целиком контролируется системой. Так например, известно, что все гласные немецкого языка в анлауте слов и морфем произносятся с кнаклаутом, хотя в системе фонем этот признак отсутствует. Он появляется на уровне нормы. Реализация гласных в этой позиции без кнаклаута воспринимается как отклонение от немецкой орфофонической нормы¹. Варианты фонем-это не физиологически и не акустически обусловленный феномен, а общественно отработанный элемент, необходимый для функционирования фонологической системы языка.

Поэтому нельзя согласиться с Н.С.Трубецким, который относит варианты к языку только в том случае, когда они сигнализируют о границе слов и морфем.

Л.В.Щерба отмечает, что варианты образуют непрерывную шкалу и все большее число их будет обнаруживаться по мере усовершенствования средств наблюдения. «Насколько же, однако, трудно обратить на них (варианты-Ф.В.) внимание впервые, явствует из того, что «открытие» того или иного оттенка обыкновенно вменяется в особую заслугу»².

Для Л.В.Щербы и его школы основанием для объединения вариантов в одну фонему служит смысловой критерий. Говоря о русских [e] и [E], Л.В.Щерба писал, что русского языка воспринимают эти звуки как различные оттенки одной фонемы, «так как не найдем в русском языке ни одного случая где бы дифференциация смысла была поддерживаема лишь этими двумя оттенками, и такой случай

¹ F.J.Vejssalov. Die phonetische Wissenschaft in der UdSSR und einige Probleme der Phonologie. In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Ges.-Sprachw.R., Jg. XXVII, H. 3, 1978, s.306.

² Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.112.

нельзя себе представить даже в искусственном русском слове»¹. Среди вариантов он выделяет один (называемый им типичным оттенком), находящийся в наименьшей зависимости от фонетических условий. Было бы неправильным сделать из этого вывод о том, будто только изолированно произносимый оттенок может быть основным². В диссертации доказывалась несомнительность данной точки зрения. Такое истолкование может привести к неправильному пониманию взаимоотношения фонемы и аллофонов, здесь же отмечается, что каждый оттенок репрезентирует какую-нибудь одну фонему. С другой стороны, любая фонема представлена в ряде равноправных вариантов, каждый из которых следует рассматривать как ее реализацию в данном фонетическом контексте. Путь от варианта к фонеме и от фонемы к варианту один, причем прямой, а не через другие варианты и фонемы³.

Утверждение о том, что какой-то звук не является фонемой, а вариантом, должно быть отвергнуто самым решительным образом. Из подобной формулировки вытекает, что варианты и фонемы существуют независимо друг от друга. Между тем понятие фонемы внесено в лингвистику для того, чтобы показать, что разные по акустико-артикуляторным свойствам звуки могут быть реализациями одной и той же языковой единицы. Каждый звук, каждый аллофон всегда является представителем какой-то фонемы. Если взять множество звуков $a_1, a_2, a_3, a_4, \dots, a_n$, то каждый из них есть и реализация фонемы /a/. Рассмотрение фонемы как класса звуков (Д.Джоунз, Г.Глисон и др.), базируется на неправильном понимании сущности фонемы.

Школа Л.В.Щербы исходит при установлении связи между вариантами одной фонемы из языковых критериев, которые сводятся к следующему: во-первых, варианты одной фонемы никогда не используются для различения смысловых единиц, т.е. они не противопоставлены друг другу на уровне функциональной системы как разные языковые единицы; во-вторых, два звука потому интерпретируются как варианты одной фонемы, что они связаны между собой лингвистически, то есть их дополнительная дистрибуция наблюдается в пределах одной и той же языковой единицы-морфемы. В этом заключается суть языкового критерия, которым обусловлено единст-

¹ Там же, с.117.

² Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. М., 1979. с.49.

³ С терминологической точки зрения в работе «оттенок», «вариант» и «аллофон» употребляются как абсолютно синонимичные. Ю.С.Маслов предпочитает термин «аллофонема», мотивируя это тем, что он подчеркивает принадлежность варианта к языку. См.: Ю.С.Маслов. Введение в языкознание. М., 1975, с.59.

во фонемы¹. И, наконец, единицы, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, должны обладать акустическим различием. Абсолютно одинаковые элементы не могут быть распределены элементарно.

Следующий раздел первой главы содержит принципы определения видов позиций и типов вариантов. У вариантов одной фонемы существуют определенные черты, обусловленные позицией, фонетическим положением. Поэтому позиция имеет для определения состава вариантов важное значение. Позиция используется для синтагматической, а оппозиция для парадигматической идентификации звуковых явлений. Классификация вариантов и определение их вариативного диапазона – это по существу анализ и классификация позиций, в которых выступает та или иная фонема.

В работе выделяются следующие виды позиций.

1. Одинаковое фонемное окружение, но разные фонетические условия реализации, обусловленные взаимодействием коартикулирующих звуков. Ср. фонемы /u:/, /o:/ и /a:/ в словах /tu:t/, /to:t/, /ta:t/ и другие.

2. Одинаковое фонемное окружение и тождественные фонетические условия реализации, но разные ситуации, контексты и речевые акты. Ср. индивидуальные, ситуативные или же контекстуальные варианты в следующих примерах:

1) речевая ситуация: /pɛrli:stpaen_xbu:x/

2) Речевая ситуация: /pɛR'li:st paen_obu:x/ (niçt_oænə_o "tsaetv2) //.

3. Одинаковое фонемное окружение, но равные фонетические условия реализации, обусловленные супrasegmentными характеристиками: ударность/неударность, разное место в структуре слова. Ср. гласные /e:/, /o:/ и /a:/ в следующих словах: /'le:bən/ - /le' bændiç/, /'dɔktoR/ - /dɔk'to:Rən/, /la'bo:R/ - /la-bo-'Rant/ и т.п.

4. Неидентичное фонемное окружение, следовательно и разные фонетические условия реализации (последние обусловлены самим окружением), суперсегментные условия одинаковы. Ср. гласные в следующих словах: /'kʏndə/, /'ʌba:dən/, /'lo:nən/, /'hant, tu:x/ и т.д.².

¹ Л.Р.Зиндер. К вопросу о составе фонем в современном немецком языке. В кн.: Исследования по языку и литературе. Памяти акад.В.М.Жирмунского. «Philologica», Л., 1973, с.172.

² Несколько другую классификацию позиций предлагал А.А.Реформатский. Он различает сильную и слабую позиции, каждая из которых может быть сигнификативно

Теоретически в работе типы вариантов определяются в результате анализа всех фонетических условий реализации фонем. В диссертации выделяются следующие типы вариантов:

I. Обязательные:

1. Основные,
2. Специфические:
  - а) комбинаторные;
  - б) позиционные.

II. Необязательные:

1. Индивидуальные,
2. Факультативные.

Каждый из указанных вариантов может быть рассмотрен с точки зрения эмоциональной насыщенности речи, тогда мы получим противопоставление вариантов по стилистическому признаку: «нейтральный/эмоциональный».

В работе подчеркивается значение обязательных вариантов для функционирования системы фонем. Употребление одного обязательного варианта вместо другого затрудняет понимание, в то время как факультативные варианты находятся в отношении свободного варьирования.

Анализируя основные положения дистрибутивного критерия идентификации фонем, автор показывает, что данный критерий не решает кардинальной проблемы фонологии, а именно проблемы языкового сходства и различия звуковых явлений.

В словах /Pħa:n/, /Pħu:n/ гласные /a:/ и /u:/, а в словах /Pfa:Rəp/ и /Pfa:rəp/ [R] и [r] находятся в одинаковых фонемных окружениях. Между тем, /a:/ и /u:/ определяются в современной лингвистике как разные фонемы, а согласные [R] и [r] - как факультативные варианты

и перцептивно сильной или слабой. Позиция считается перцептивно сильной, если фонемы произносятся и слышатся отчетливо. Фонетическое окружение здесь имеет наименьшее влияние на реализацию данной фонемы. В противном случае мы имеем дело с перцептивно слабой позицией. Здесь фонетическое окружение сильно влияет на реализацию фонем. Примеры перцептивно сильной позиции: гласные в ударной позиции, согласные перед ударными гласными; примеры перцептивно слабой позиции: гласные русского языка перед мягкими и между мягкими согласными. В последнем случае фонемы выступают в основном виде и вариации. По А.А.Реформатскому, в русском языке в паре /a/ - /æ/ звук /a/ является основным видом фонемы, а /æ/ - вариацией.

Позиция считается сигнификативно сильной, если в ней фонемы сохраняют противопоставление и различаясь, различают значимые единицы языка. Ср. «Vach» и «Vuch». Напротив, она будет слабой, если оппозиция нейтрализуется. Тогда возникает вариант фонемы. Ср. /дт/ и /т/ в ауслaute слов и морфем немецкого языка. См.: А.А.Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, с.215-216.

одной фонемы. Таким образом, один и тот же критерий дает на выходе разные результаты. Поэтому дистрибутивный критерий не может решить проблемы тождества и различия звуковых явлений.

В *третьем* разделе первой главы рассматриваются языковые основы членения речевого потока и парадигматической идентификации звуков немецкого языка, на основании чего устанавливается инвентарь монофтонгов.

В данном разделе автор приходит к выводу, что любой фонологический анализ должен начинаться с разложения речевого потока на отдельные звуки, экспоненты фонем.

Членение, базирующееся на акустических и физиологических критериях, не приводит к звуку как репрезентанту фонем. Этим и объясняется скептицизм некоторых ученых в отношении возможности разложения речевого континуума на отдельные звуки (П.Менцерат, А. де Лачерда, Э.Скрипчур и др.).

В противоположность этому в концепции Л.В.Щербы выделение фонемы из речевого потока вполне возможно, оно осуществляется благодаря лингвистическому анализу, через связи фонемы со значимой единицей в потенции. Данная идея является основанием для теории автономности звуковой стороны языка¹.

На основе этой теории автором производится выделение гласных немецкого языка как кратчайших звуковых единиц. Это тем более важно, что в германистике по сей день отсутствуют работы, в которых было бы проведена синтагматическая идентификация гласных фонем немецкого языка.

При определении фонемного состава языка автор основывался на анализе полного типа произнесения, позволяющего, в отличие от неполного типа, однозначно интерпретировать фонемный состав слова². Анализу подвергается весь лексический состав немецкого языка, включая ассимилированные заимствования.

Большинство современных фонологов сходятся во мнении о том, что система гласных немецкого языка включает в себя 15 монофтонгов (О,Вернер, М.Филипп, Г.Хайке и др.).

Что же касается признаков, характеризующих систему гласных, то среди них перечисляются противопоставления по долготе

---

¹ Л.В.Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912; М.И.Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959; Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. М., 1979; Л.В.Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

² Л.В.Бондарко и др. Стили произношения и типы произнесения. Вопросы языкознания. 1974, №2.

краткости, открытости/закрытости, напряженности/ненапряженности и т.д. Мнения лингвистов расходятся в отношении того, какие из указанных признаков являются релевантными для вокализма немецкого языка.

Объектом острой дискуссии является вопрос о фонематичности немецких гласных /i:/, [ɛ:] и [ə]. В ряде работ идея симметрии предопределяет исход поисков, направленных на выяснение фонологического статуса [ɛ:] (О.Вернер). Однако суть дела заключается не в том, насколько предложенное решение отражает симметрию фонологической системы, а в том, насколько оно соответствует объективному положению вещей и в какой мере оно точно и реально отражает специфику рассматриваемого языка.

Для доказательства самостоятельности [ɛ:] и [e:] в качестве единственного довода приводится факт наличия квазиомонимов типа /ɔ̃ɛ:Rə/ и /ɔ̃e:Rə/ (О.Х.Цахер и др.).

Таким образом, в результате анализа работ по вокализму немецкого языка автор приходит к выводу о том, что проблема фонологической интерпретации инвентаря немецких гласных остается по сей день нерешенной. При этом используемые методы при описании системы фонем (так же как и других единиц языка) сводятся к противопоставлению, которые включает в себя коммутацию и субституцию. При отсутствии минимальных пар, достаточно хорошо доказывающих, по мнению сторонников оппозиционной теории, выделенность и самостоятельность того или иного звука, принято апеллировать к критериям дистрибуции и акустического сходства.

В диссертации дается подробный анализ теоретических предпосылок оппозиционной теории, разработанной Н.С.Трубецким. Оппозиция, по Н.С.Трубецкому, смысловозначительна, если она базируется на различении двух слов в данном языке.

При тщательном анализе теории Н.С.Трубецкого выясняется целый ряд противоречий этой теории.

Во-первых, теория Н.С.Трубецкого предполагает, что фонемный статус звука заранее известен: фонема-это один из членов оппозиции, а оппозиция – это противопоставление двух фонем. Для иллюстрации противоречивости этого положения, обратимся к логическому аппарату анализа. Фонему и оппозицию обозначим соответственно символом X и Y, а отношения между ними символом R и тогда получим следующую формулу XRY или YRX. Таким образом, между X и Y имеется такое же отношение, как между Y и X. Но из этого

не может извлечь никаких дополнительных сведений относительно сущности X и Y.

Во-вторых, значения слов «Tuch» и «Buch» различаются между собой не поэтому, что они в своем звуковом облике имеют разные фонемы, а потому, что они отражают разные предметы действительности¹.

В-третьих, откуда нам знать, что в этих словах первые элементы являются разными, если не исходить из акустических впечатлений, которым, по утверждению самого Н.С.Трубецкого, нет места в фонологии. И, наконец, если даже согласиться с Н.С.Трубецким, что /b/ и /p/ в словах /Пва:R/ и /Пра:R/ противопоставлены как две разные фонемы, потому что они различают эти слова, то необходимо отметить, что они различаются по одному признаку – глухость/звонкость, следовательно, слова различаются между собой лишь одним признаком. Концепция Н.С.Трубецкого не способна решить вопрос о том, что является здесь смысловым различителем: фонема или же ДП.

Метод противопоставления имеет помимо этого и следующие недостатки:

Во-первых, различие в плане выражения языковых единиц не обязательно и не всегда связано с различием в плане содержания. Ярким примером тому может служить наличие в языке омонимов и синонимов. Слово *Mutter*, где имеется одинаковое расположение фонем в любом его употреблении с одинаковой конфигурацией в нем просодических особенностей, выражают разные, совершенно не соотносимые, с точки зрения семантики, значения: *Mutter*-гайка; *Mutter*-мать. Спрашивается, что является здесь смысловым различителем – ДП, фонема или же просодические признаки? Совершенно очевидно, что ни один из приведенных факторов не играет здесь дистинктивной роли. Вместе с тем ясно, что немцы без особых затруднений различают значения этих слов в соответствующих контекстах. Значит, функцию смысловым различения может выполнять также и контекст. Можно привести в подтверждение сказанного и другие примеры, так называемые абсолютные синонимы, где один и тот же денотат имеет разные названия. Ср. *Frau* и *Weib*.

Во-вторых, минимальные пары неудачны по той простой причине, что они подчас принадлежат к разным семантическим классам. Вряд ли противопоставление *Bier* и *hier* будет подходящим,

---

¹ Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. М., 1979 с.41

поскольку они входят в разные парадигматические классы, обозначая разные явления действительности.

Таким образом, исходя из одного звучания принципиально невозможно говорить о минимальных парах *Bier – hier*. Они реализуются всегда в разных контекстах.

В-третьих, в каждом языке есть слова, которые различаются между собой фонетически одним звуком, но имеют идентичное значение. Ср. в азербайджанском языке *uşaq – muşaq*, *adam – madam*, *ər – tər* и т.д. Если бы фонема различала смысл, то в этих словах мы должны были бы обнаружить явно разные значения. Однако прибавление к началу слов /m/ не выполняет никакой сигнификативной функции, оно имеет скорее всего эмоциональную нагрузку.

В-четвертых, в каждом языке так же, как и в немецком, есть звуки, которые не образуют прямой фонологической оппозиции. Противопоставление /h/ и /2/, определяемое Н.С.Трубецким как косвенно-фонологическая оппозиция, не подходит под дихотомический принцип установления фонем языка.

Для доказательства выделяемости гласных через значимые единицы в диссертации проводится синтагматический анализ языкового материала. Из противопоставления /die, der, das/ выходит, что /d/ является общим для всех артиклей, в die после него проходит морфологическая граница, где *i* выступает как самостоятельная морфема (показатель женского рода, именительного и винительного падежей в единственном и множественном числах)¹.

Согласно теории автономности звуковой стороны языка, фонема, выступая в системе языка как значимая единица (пусть даже в одном единственном случае), приобретает известную самостоятельность, выраженную в том, что она вычленяется из речевого потока благодаря своей потенциальной связи со смыслом. Следовательно, выделяется и тогда, когда не составляет звуковой облик ни слова, ни морфемы и не выполняет никакой морфологической функции.

Следующим не менее важным положением этой теории является то, что два звука, относящиеся к разным сторонам морфологической границы, не могут составлять физическую субстанцию одной фонемы. Ср. *Arbeitstag* - /'a:Rbʲtʰ t̥:s̥:t 'ta:k/ - /t/, /s/, /t/ - три самостоятельные фонемы; но *Satzteil* - /'zats̥tʰeɪl-/ts/ и /t/ - две самостоятельные фонемы*.

¹ А.Мартинет. *Synchronische Sprachwissenschaft*. Berlin, Akademie-Verlag, 1968, s.16.

* /:̥/ обозначает морфологическую границу.

В словоформах / $(\text{Pe} \cdot \text{R}) \cup ' \text{ge} : ' \text{t}$ /, / $' \text{ta} : \text{fəl} \text{Pn}$ /, / $' \text{ta} : \text{lus}$ / сегменты /t/, /n/ и /s/ оказываются за морфологическим швом, они здесь непосредственно связаны со смыслом. Эти сегменты выделяются в словоформах / $' \text{ast}$ / и / $' \text{net}$ / как таковые благодаря потенциальной связи со смыслом.

Сегменты же /a/ и /ε/ вычлняются по принципу остаточной выделяемости.

То же самое можно сказать в отношении /v/ и /y/ в словоформах / $\text{nvs-nys}' \text{ə}$ /. В словоформе / $' \text{PəRt}' \text{əR}$ / между / $' \text{əRt}$ / и / əP / проходит морфологическая граница. Согласный /t/ выделяется благодаря связи со смыслом в / $(\text{Pe-R}) \cup ' \text{ge} : ' \text{t}$, / $(\text{e}' \cdot \text{R})' \text{kəm}' \text{t}$ / и т.д. Что же касается /R/, то ее самостоятельность доказывается анализом слова / $\text{tsu}' \text{R}$ /, где перед /R/ проходит морфологический шов. Таким образом, по принципу остаточный выделяемости / ə / здесь также вычлняется как кратчайшая звуковая единица. Аналогичным способом можно вычлнить гласный / $\perp$ / в слове / $' \text{tintə}$ /.

В словоформах / $\text{tsu} : ' \text{R}$ - / $' \text{ʃuts}' \text{Pu} : \text{R}$ /, / $\text{tsv} : \text{m}$ - / $\text{kuRts} : \text{vm}$ /, / $' \text{kY} : ' \text{ə}$ — / $\text{mu} : ' \text{zi} : \text{k}' \text{Py} : \text{bu}2$ /, / $' \text{falza} \cdot$ — / $' \text{Pa} : \text{çən}$ /, / $\text{PdRe} : ' \text{bu} : \text{x}$ — / $' \text{Pe} : ' \text{bu} : \text{x}$ /, / $\text{ʌ} \text{te}' : ' \text{ʃpi} : \text{l}$ — / $' * : \text{vant}' \text{Po} : \text{fən}$ / гласные выделяются с обеих сторон при помощи морфологических швов.

Выделяемость гласных на основании их связи с грамматическим значением доказывается анализом категории числа существительных и трех основных форм сильных глаголов. Ср.

Ед.число	мн.число	инфинитив	претерит	партицип II
/ $' \text{mvtəR}$ /	— / $' \text{mYtəR}$ /	/ $' * \text{b} \perp \text{ndən}$ —/	/ $\perp$ /	— /a/ — /v/
/ $' \text{fa} : \text{təR}$ /	— / $' \text{fε} : \text{təR}$ /	/ $' * \text{bεRgən}$ —/	/ε/	— /ɔ/ — /ɔ/
/ $' \text{tɔxtəR}$ /	— / $' \text{toεçtəR}$ /	/ $' \text{kœnən}$ —/	/œ/	— /ɔ/ — /ɔ/
/ $' \text{bRu} : \text{dəR}$ —/	/ $' \text{bRy} : \text{dəR}$ /	/ $' \text{mYsən}$ —/	/Y/	— /v/ — /v/
/ $' \text{le} : \text{zən}$ —/	/e:/ — /a:/ —		/e:/	
/ $' \text{Pəpfəl}$ — / $' \text{Pεpfəl}$;		/ $' \text{fa} : \text{Rən}$ —/	/a:/	— /u:/ — /a:/
/ $' \text{ʃi} : \text{bən}$ —/	/i:/ — /o:/ — /o:/			
/ $' \text{Po} : \text{fən}$ — / $' \text{Pø} : \text{fən}$;		/ $' \text{ʃvø} : \text{Rən}$ —/	/ø:/	— /o:/ — /o:/
/ $' \text{ly} : \text{gən}$ — /y:/ — /o:/ — /o:/				

Выделение гласных как дискретных, далее линейно неделимых звуковых единиц в приведенных словах осуществляется благодаря соотносительности каждой из этих единиц с определенным значением. В этих словах гласные звуки являются единственным формальным

показателем различия как в плане выражения, так и в плане содержания, признаком разной морфологической категории данной парадигмы.

Этим же методом можно доказать выделяемость /ə/, выступающего в немецком языке единственной морфемой с полифункциональной нагрузкой: показатель I лица в ед. числе в индикативе и I и II лица ед. числа в конъюнктиве, дат. падежа в ед. числе, мн. числа существительных, словообразовательного суффикса и т.д. Ср. /'le:z:ə/, /'kɛ:m:ə/, (ich, er, sie, es), /'ta:g:ə/, /'sø:n:ə/, /'bɛrg:ə/ и т.д.

Таким образом, в результате сегментации речевого потока выделены все гласные как кратчайшие звуковые единицы, каждая из которых реализуется в разных сочетаниях, в разных фонетических условиях, в речи всех говорящих на данном языке.

Этим, однако, не исчерпывается анализ звуковых явлений по установлению фонемного репертуара. Следующий, не менее важный, этап фонологического анализа сводится к выяснению того, в каких случаях звуки относятся к одной фонеме, а когда они представляют собой разные языковые единицы. Именно анализ парадигматической идентификации позволяет ответить на этот вопрос.

Самостоятельность *i* игнорируется Н.С.Трубецким и его последователями на том основании, что оно находится с /j/ в отношении дополнительной дистрибуции. *i* не встречается перед гласными, *j*, напротив, бывает только перед гласными¹. Такое утверждение не соответствует языковой действительности. /i/ встречается во многих словах перед гласными, в особенности в онемеченных заимствованиях. Ср. /li:'a:na/ - (собственное имя). /bi.o.lo.g'i:/, /pi.a.'n¹st/, /'fe:Ri.ən/ и т.д.

В решении вопроса о статусе «*i*» автор присоединяется к точке зрения Л.Р.Зиндера, показавшего противоречивость и необоснованность доводов Н.С.Трубецкого². Анализ языкового материала показывает, что /i:/ и /j/ не связаны между собой лингвистически, не чередуются в пределах одной морфемы, как /e./ и /e:/ в словах /le.bEndiç/, /le.bən/, или же /a'/ и /[∨]a/, /u:/ и /[∨]u/b /'halp/, /hal'bi:Rən/, /ʃtu:di.·:vm/, /'ʃtu.d:ɛnt/ и т.д.

¹ N.S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Travaux du Cercle linguistique de Prague, vol. 7. 1939, str. 168.

² Л.Р.Зиндер. К вопросу о составе фонем в современном немецком языке. В кн.: Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В.М.Жирмунского «Philologica», Л., 1973, стр.169.

Здесь фонематический статус звуков определяется не акустико-артикуляторным сходством или различием, а лингвистическим критерием, т.е. через связи в осмысленных единицах языка. Такое решение вопроса мы находим у Л.В.Щербы, который еще в начале века писал следующее: «Но ввиду того, что случай, где со смысловой точки зрения *i* и *î* являются тождественными, крайне немногочисленны, - так как нет случаев чередования *i* и *î* в корнях, в противоположность разным оттенкам *e* /белый/бель, то является все таки самостоятельной фонемой, хотя, может и не в той мере как *a*, *e*, *i*, *o*, *u*»¹

Таким образом, в настоящей диссертации /i:/ и /j/ рассматриваются как самостоятельные фонемы.

К числу спорных вопросов немецкого вокализма относится фонематическая трактовка гласного [ɛ:]. Н.С.Трубецкой считал [ɛ:] самостоятельной фонемой². Следует отметить, что здесь он уже не прибегает к критериям акустического сходства и дополнительной дистрибуции, поскольку наличие минимальных пар типа *Ehre*, *Ähre* и др. удовлетворяет требованиям, сформулированным Н.С.Трубецким в первом правиле, где два звука интерпретируются как разные фонемы, если они различают значение слов в языке. Известно, что вопрос об [ɛ:] в определенной степени был «спровоцирован» Т.Зибсом, согласно которому при написании «*ä*h» или «*ä*» перед одним согласным следует произносить [ɛ:]. Между тем из истории немецкого языка известно, что *ä* возникло из *â* по вторичному умлауту. Первоначально причиной его появления была чисто фонетическая обусловленность: при окончании – *un* (древневерхненемецкое 3 лицо мн.ч. претерита индикатива) реализовался звук *â*, а при – *in* (то же лицо и число конъюктива) – *œ*. Но в результате унификации окончаний в средневерхненемецком исчезла позиционная обусловленность и *æ* стала самостоятельной фонемой, поскольку она была единственным показателем различия двух грамматических категорий. В современном немецком языке [ɛ:] по своим фонологическим и фонетическим признакам сливается с /e:/ в одной фонеме. Реальное нормативное произношение не различает [e:] и [ɛ:], как этого требовало раньше сценическое произношение. Такого мнения придерживаются, в частности, авторы нормативного словаря из серии «*Duden*»³, по мнению которых, как в разговорной речи, так и на радио, в кино и телевиде-

¹ Л.В.Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, стр.50.

² Н.С.Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр.92.

³ Der Große Duden Bd. 6, Aussprachewörterbuch. Mannheim, 1962, str. 43.

нии слова Bären – Beeren, Ehre – Ähre и т.д. в произношении не различаются.

В немецком языке на месте [ɛ:] может произноситься [e:], поэтому их следует рассматривать как варианты одной фонемы¹. Что же касается фонологической основы этого смещения, что здесь определенную роль сыграла внутренняя потребность системы, приведшая к выравниванию подсистемы гласных немецкого языка.

Остановившись на трактовке слабого [ə:] в немецком языке, автор настоящей работы отмечает, что редуцированный [ə] требует всестороннего фонологического и фонетического анализа. Его дистрибутивная ограниченность, в первую очередь недопустимость в позиции максимальной дифференциации препятствуют признанию за ним самостоятельности. Оно выступает в неударных позициях, в абсолютном конце слова и морфем, или же перед /m/, /n/, /l/, /R/, а также в префиксах be- и ge-, где не встречается /ɛ/. Исходя из этого, можно было бы принять его за вариант открытого краткого /ɛ/.

Однако этому препятствует то обстоятельство, что краткие гласные в немецком языке не выступают в ауслауте слов, морфем и слогов. Но тот факт, что в современном немецком языке преобладает тенденция к вытеснению /ɛ/, так же как и любого гласного из всякого неударного слога, и к замене его [ə]², что в конечном счете может привести реализацию любого гласного в неударной позиции к редуцированному [ə], дает основание интерпретировать [ə] и [ɛ] как варианты одной фонемы.

Таким образом, в результате синтагматического и парадигматического анализа в диссертации доказывается наличие в немецком языке 14 монофтонгов.

В четвертом разделе первой главы работы формулируются основные правила статистико-комбинаторного, осциллографического и спектрального анализа. Описываются принципы составления экспериментального материала, методика проведения записи, расшифровки и отдельные трудности интерпретации кривых осциллограмм и спектров гласных немецкого языка. На основании статистического анализа по четырем выборкам из четырех текстов с общим количеством в 35000 знаков (а. Лингвистический текст – 10000 знаков, б. Об-

¹ Л.Р.Зиндер и Т.В.Строева. Историческая фонетика немецкого языка. М., - Л., 1965, стр.145; см. также: W.Neumann. Sprachwandel und Sprachpflege. - Sprachpflege, 1961, Н, 4, str. 71.

² F.Schindler. Beiträge zur deutschen Hochlautung. Forum Phonetikum, 9, Hamburg, 1974, str. 31.

щественно-политической текст – 10000 знаков, в. Художественный текст: классика – 10 000 знаков, г. Художественный текст: современная литература – 5000 знаков), проведенного с целью определения частоты встречаемости гласных, делается вывод о том, что между сочетаемостью и частотой встречаемости существует определенная связь. Большой встречаемостью обладает тот гласный, который имеет и большую сочетаемость.

Измерение акустических параметров производилось по принятой в ЛЭФ ЛГУ методике¹. При анализе спектрограмм брались верхние и нижние границы начала, середины и конца F_1 и F_2 ибо теоретически предполагалась, что наибольшая информация варьирования сосредоточена не в стационарных, а в переходных участках фонемных сочетаний. Под стационарной частью понимается тот участок спектра, который остается более или менее стабильным на протяжении звучания этого отрезка. По F_1 и F_2 у каждого диктора по каждой реализации гласных были получены 12 цифровых значений:

	-----÷----- ÷----- ÷-----	верхняя точка
F_2	-----÷----- ÷----- ÷-----	нижняя точка
	-----÷----- ÷----- ÷-----	верхняя точка
F_1	-----÷----- ÷----- ÷-----	нижняя точка
Первый переходный участок	стационарная часть	конечный переходный

По формуле $x = \frac{\sum fx}{n} 1$, где Σ — сумма всех наблюдений, f — частота наблюдений, x_i — отдельные наблюдения, n — количество наблюдений, были получены значения средних частот для каждой точки форманты у всех дикторов. Затем, путем сложения средних данных о верхних и нижних значениях по всем трем участкам и деления полученных результатов на 2, были выделены средние значения для каждой форманты по трем участкам. Таким образом, для анализа каждого гласного было получено шесть усредненных значений, ко-

¹ Л.В.Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977; Л.Р.Зиндер. Общая фонетика. М., 1979.

торыми автор пользовался при описании результатов исследований. Материалом для комбинаторного анализа служили все словоформы слов, представленных в орфофоническом словаре Дуден.

Во второй главе диссертации исследуются комбинаторные варианты фонем современного немецкого языка. При этом автор исходит из наличия в немецком языке 40 фонем: 17 гласных (14 монофтонгов и 3 дифтонга) и 23 согласных фонем.

В результате анализа были установлены следующие структурные модели сочетаемости гласных:

1. Гласные в анлауте:

1. C	2. C
v CC	CC
Г CCC	‘f CCC
CCCC	CCCC
C...C _n	C,...C _n

II. Гласные в инлауте

3. C	v	4. C	
CC	Г	C	CC ‘f C
CCC			CCC
5. C	v	6. C	
CC	Г	CC	CC ‘f CC
CCC			CCC
7. C	v	8. C	
CC	Г	CCC	CC ‘f CC
CCC			CCC
9. C	v	10. C	
CC	Г	CCCC	CC ‘f CCCC
			CCC
			CCC

III. Гласные в ауслауте

11. C	v	12. C	CC	Г
CC			CC ‘f	
CCC				

Предполагалось, что на месте символов Г и С теоретически допустима любая из 40 фонем немецкого языка. Искомое сочетание считалось реально допустимым, если оно встречалось хотя бы в одном единственном слове. В результате анализа были выделены следующие виды сочетаний:

1. Сочетания, которые согласуются со структурными моделями немецкого языка и являются высокочастотными.

2. Сочетания, которые согласуются со структурными моделями немецкого языка, но имеют ограниченную дистрибуцию. Например, сочетания кратких гласных со следующими согласными в ан- и инлауте вполне допустимы, но недопустимы в ауслауте слов.

3. Сочетания, которые невозможны в языке, и, следовательно, не согласуются со структурными моделями немецкого языка. Например, сочетание долгих гласных с /ŋ/ недопустимо, а комбинация /s/ или /ŋ/+гласные невозможна в анлауте.

4. Сочетания, которые встречаются в немецком языке, но не подчиняются структурным моделям языка ввиду отсутствия в системе той или иной фонемы. Например, реализация носовых гласных наблюдается в речи интеллигенции в заимствованных из французского языка словах. Ср.

/ˈSä:s/, /bɔ bʊ/ и т.д. Но немцы, не знающие французского языка, произносят эти слова как /ˈSa:ns/, /bɔnˈbo:n/ и т.д.

В работе дается подробное описание результатов комбинаторного анализа каждого гласного в указанных выше моделях, проводится сравнительный анализ сочетаемости по моделям ГС:СГ; ГССС:СССГ; ГССС:0. Многочисленные матрицы сочетаний дают четкое представление не только о том, какой гласный представлен в данной комбинации, но и о том, какие конкретные согласные участвуют в сочетании. Кроме того, проведены подсчеты, показывающие количественное различие между теоретически возможными и реальными сочетаниями гласных.

Общей закономерностью реализации гласных в анлауте является то, что за редким исключением краткие гласные не сочетаются со следующими шумными звонкими согласными. Далее, в комбинациях по модели ГС большей сочетаемостью обладают долгие гласные, чем соответствующие краткие. Напротив, по модели ГСС краткие обладают большей сочетаемостью, чем соответствующие долгие гласные. Таким образом, чем больше членов согласных в поствокальной позиции, тем меньше возможности появления в этих комбинациях долгих гласных.

Результаты анализа комбинаторных возможностей с учетом позиционных и супrasegmentных характеристик позволяют в данной работе выделить следующие варианты:

1. 'f + C (зв. или сонант) ¹ ; v	2. 'f + C (гл.);
3. 'Г + C (зв./сон. или гл.);	4. C (зв./гл.) + f + C (зв.);
5. C (гл.) + f + C (гл.).	6. C (зв./гл.) + Г + C (зв./гл.);
v7. C (зв./гл.) + f /-/;	8. C (зв./гл.) + Г /-/.

Исходя из качества пре- и поствокальных согласных по признаку глухость/звонкость, а также и из супraseгментных и позиционных особенностей, можно охарактеризовать дистрибуцию этих вариантов следующим образом:

П е р в ы й в а р и а н т: реализуется в абсолютном начале слова под ударением перед одной фонемой или перед сочетанием согласных фонем, где первая поствокальная согласная является звонкой или сонантом. В моделях ГСС, ГССС, ГСССС реализуется больше всего вариант кратких гласных /a/ и /ε/. Напротив, /œ/, /ʌ/ и /γ/ встречаются в немногих словах. Этот вариант кратких гласных очень редко встречается в сочетаниях с одной поствокальной согласной, особенно когда она является звонкой.

В т о р о й в а р и а н т: имеет место в сочетании гласных с поствокальной глухой согласной фонемой или перед сочетанием согласных, где первая поствокальная согласная является глухой. Из кратких гласных /γ/, /œ/, /ʊ/ и /ʌ/ этот вариант в моделях Г+С (гл) или Г+С (гл) + С (гл/зв) или же Г+С (гл) + С (гл/зв) + С (гл/зв) – очень редко встречаются, а по ГСС, ГССС и ГСССС почти не реализуется. В этих моделях часто встречаются /a/ и /ε/.

Т р е т ь и й в а р и а н т. Он характеризуется неударностью гласного и следовательно, в количественном и качественном отношении редукцией. Этот вариант перед сочетанием согласных почти не встречается, но может находиться в первом, втором и третьем предударном слоге. Ср. /'a·bi- ' tu:R/, /'a·bi- ' tu:Rjənt/ и т.д. Поскольку редукция в немецком языке не так сильна, как, например, в азербайджанском и русском языках, ослабление гласного не приводит к полной редукции, т.е. выпадению гласного.

Гласные /γ/, /œ/ в таком варианте совсем не представлены. Остальные гласные выступают в этом варианте чрезвычайно мало. Ср. /'al' me:lɫç/, /'ɔpti. ' ma:l/, /' ʊn' mø:klɫç/, /'εR' tʂe:lən/, /' ʌnmitən/ и т.д.

¹ Символы обозначают: Г- гласные, С- согласные, зв. – звонкие, гл.-глухие, /-/ - пауза, ' -ударность, v -неударность.

Четвертый вариант. Он имеет место в интерконсонантном положении, причем согласной, стоящий справа сочетаний, является звонким, а предшествующий согласный может быть либо звонким, либо глухим. К этому варианту можно отнести реализации гласных в комбинациях по моделям СГСС, ССГСС, ССГС, СССГС, СССГСС, СССГССС. В этом варианте богато представлены долгие гласные.

Пятый вариант. Этот вариант противопоставлен четвертому варианту окружением глухих согласных, стоящих непосредственно в соседстве с гласными.

Шестой вариант. Отличается от третьего своей позицией в слове: он встречается в интерконсонантном положении. Комбинаторно этот вариант кратких гласных не имеет большого диапазона. Гласные /ø:/ и /y:/ в этом варианте не представлены. У долгих гласных он появляется в открытых предударных слогах. Ср. /ba·na·li·'te:t/, /pa·'te:t.ɫ/ и т.д. □

Седьмой вариант. Реализуется в абсолютном ауслaute слов в препаузальной позиции под ударением. Краткие гласные здесь не употребляются. Из долгих гласных /ø:/ и /y:/ в этом варианте не представлены. Редко встречается также и у других долгих гласных.

Восьмой вариант. Он имеет, так же как и седьмой вариант, низкочастотную реализацию, встречается в абсолютном исходе слов перед паузой, но в отличие от седьмого варианта, в неударной позиции. Краткие гласные в нем, естественно, не представлены. Что же касается долгих гласных, то из них только /a:/, /o:/ и /i:/ реализуются в нем. Ср.: /ga:la/, /'a:da/, /vo:/, /'Ra:di.o/, /zi:/, /ni:/ и т.д.

□Каждый из перечисленных вариантов может получить назализованную окраску в соседстве с носовыми, лабиализованную в соседстве с губными, палатализованную в соседстве с переднеязычными и веларизованную в соседстве с заднеязычными согласными.

Третья глава работы посвящена качественным и количественным характеристикам вариантов гласных фонем немецкого языка. Следует отметить, что в имеющихся работах по вокализму немецкого языка рассматриваются акустико-физиологические характеристики отдельных гласных без учета их вариативности. Это объясняется стремлением лингвистов установить систему гласных как таковую. В центре внимания находились вопросы фонематичности отдельных звуковых явлений, фонетических характеристик того или иного гласного. Представление системы гласных в виде треугольника, четырехугольника или пирамиды с различным составом фонем было

результатом поисков, направленных на выявление системы фонем. Совершенно очевидно, что при таком подходе не учитывается аллофоническое варьирование, без которого немислимо функционирование языка.

Одним из наиболее распространенных способов исследования варьирования фонем является спектральный анализ. В диссертации подробно излагаются полученные в результате спектрального анализа данные о формантных характеристиках вариантов гласных фонем немецкого языка в разных согласных окружениях. Анализ спектрограмм показал, что гласные подвергаются значительным изменениям под влиянием предшествующих согласных. При этом необходимо подчеркнуть, что акустико артикуляторные свойства гласных изменяются по таким признакам как активно действующий орган и действие мягкого неба¹. Последнее существенно изменяет стационарный участок гласных от начала до конца. Незначительные изменения претерпевает спектр гласного в сочетаниях по модели ГС. Приведенная ниже таблица содержит значения стационарных и переходных участков гласных в сочетании с предшествующим согласным по четырем дикторам.

Среднее значение частотных характеристик
F₁ и F₂ по четырем дикторам

Гл	Е.	В.	Ш.	Б.	Х.
1	2	3	4	5	6
а	ст. 640:1360 пг. 560:1250 пп. 520:1500 пз. 620:1380	740:1380 600:1250 600:1600 750:1360	780:1500 600:1150 580:1550 750:1350	720:1360 580:1180 580:1550 700:1360	720:1400 585:1200 570:1540 705:1360
а:	ст. 680:1250 пг. 600:1200 пп. 580:1450 пз. 680:1280	620:1300 580:1180 600:1410 700:1300	750:1300 600:1100 620:1460 670:1340	750:1360 580:1100 640:1400 720:1290	700:1300 580:1120 610:1430 680:1300
о	ст. 500:1200 пг. 360:980 пп. 350:1200 пз. 460:1200	500:1100 360:980 360:1300 470:1100	450:1020 400:1100 350:1200 420:1200	350:1080 420:1100 360:1300 430:1160	450:1100 480:1020 355:1240 450:1160
о:	ст. 450:1000	400:1000	460:900	350:800	420:920

¹ Исследование Л.В.Бондарко показало, что в русском языке на качество гласных кроме этих признаков существенное влияние оказывает признак мягкости согласных. Л.В.Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977, стр.88.

	пг. 390:880 пп. 350:1220 пз. 350:1150	390:890 380:1180 430:1040	410:900 350:1200 480:1000	410:920 360:1170 360:1020	400:900 370:1270 410:1030
u	ст. 410:1000 пг. 410:980 пп. 320:1250 пз. 420:1025	400:1100 410:1000 320:1200 410:1100	380:1050 420:1000 340:1200 400:1050	410:1050 420:980 340:1180 400:1000	400:1050 415:980 310:1220 400:1020
u:	ст. 380:920 пг. 350:940 пп. 320:1180 пз. 380:1020	360:890 350:940 320:1180 380:1100	320:920 380:880 340:1140 360:1040	380:915 380:880 340:1140 380:1060	360:910 365:915 330:1150 375:1055
œ	ст. 370:1375 пг. 350:1400 пп. 340:1600 пз. 380:1300	360:1200 350:1400 340:1600 370:1220	380:1525 350:1500 320:1800 350:1450	325:1500 350:1500 320:1800 340:1550	360:1400 350:1450 330:1680 365:1380
ø	ст. 460:1250 пг. 440:1300 пп. 380:1600 пз. 430:1360	360:1200 440:1260 440:1600 430:1360	450:1450 430:1320 380:1600 425:1450	530:1600 450:1300 400:1600 460:1650	450:1350 445:1300 385:1600 440:1450
ʏ	ст. 380:1400 пг. 380:1400 пп. 380:1700 пз. 390:1660	400:1400 390:1400 380:1700 400:1400	370:1620 390:1560 390:1600 420:1640	410:1820 380:1600 390:1600 400:1700	390:1560 385:1480 385:1650 400:1600
y:	ст. 380:1200 пг. 360:1280 пп. 320:1500 пз. 350:1480	360:1400 360:1400 320:1600 410:1640	380:1720 350:1520 340:1700 425:1700	320:1680 360:1520 340:1700 380:1660	360:1500 355:1400 330:1620 380:1620
ɛ	ст. 520:1630 пг. 520:1500 пп. 460:1800 пз. 480:1700	530:1900 520:1600 460:1200 490:1600	670:1800 540:1500 580:2000 510:1500	680:1870 520:1600 580:2000 520:1480	600:1800 520:1540 520:1950 500:1560
e:	ст. 530:1900 пг. 460:1700 пп. 480:2200 пз. 430:1530	430:2000 460:1700 500:2200 480:1600	550:1800 460:1700 480:2200 480:1660	570:2080 460:1650 500:2200 460:1620	520:1920 460:1620 490:2175 450:1600
ɹ	ст. 340:1760 пг. 340:1700 пп. 360:1600 пз. 350:2000	260:2250 340:1800 380:1700 350:2225	450:1930 360:1600 300:1700 380:2200	350:2040 360:1700 380:1700 380:2200	350:1980 350:1700 370:1670 365:2100
i:	ст. 280:2070	320:2250	320:2100	280:2175	300:2140

	пг. 300:1500	300:1800	310:1800	320:1900	370:1740
	пп. 300:2200	300:2300	320:2300	320:2100	310:2225
	пз. 340:2250	350:2225	375:2400	360:2250	350:1620

В таблице приняты следующие сокращения: ст. – стационарная часть; пг. – переходный участок после губных; пп. – после переднеязычных; пз. – после заднеязычных согласных.

Спектральный анализ экспериментального материала позволяет установить следующий состав вариантов гласных фонем немецкого языка:

1. Варианты, реализуемые после губных согласных. В сочетании с этими согласными на спектре гласных /a:, a, e:, ε/ обнаруживается заметный переход, выраженный в понижении F_1 и F_2 . Заметное понижение начала F_2 имеет место у гласных /i:/, /ɪ/. Лабиальные гласные такого перехода не имеют, так как они, равно как и губные согласные произносятся при активном участии губ. Следовательно, контраст между гласным и согласным в таких сочетаниях отсутствует. Реализация лабиальных гласных после губных согласных представляет собой особый случай. Одинаковые по активному органу звуки характеризуются отсутствием характерного переходного участка. А отсутствие этого признака позволяет противопоставлять лабиальные гласные в этой позиции нелабиальным, с одной стороны, и самим себе в комбинациях после переднеязычных и заднеязычных согласных, с другой. Первое противопоставление является инвариантным, а второе – вариантным. По отношению к нелабиальным гласным /o:/, /o/, /u:/, /ʊ/, /ø:/, /œ:/, /y:/, /γ/ характеризуются отсутствием контраста, а по отношению к самим себе в комбинациях после негубных согласных они имеют самое низкое положение значений F_1 и F_2 , но без заметного начального переходного участка.

2. Варианты гласных, реализуемые после переднеязычных согласных.

В сочетании с ними гласные /i:, ɪ, y:, ø:, œ, e:, ε/ не имеют на своем спектре четко выраженного участка. Это объясняется в артикуляторном отношении их гомоорганностью. Вследствие этого конфигурация речевого тракта не изменяется, поэтому на их спектре нет специального переходного участка. Однако /y, y:, ø:, œ/ обладают переходным участком ввиду участия губ при их произнесении, чего нет у переднеязычных согласных. Что же касается реализации гласных /a:/, /a/, /o:/, /ɔ/, /u:/, /ʊ/ после переднеязычных, то на их спектре наблюдается заметное повышение значений F_1 и F_2 . Причиной этого

является артикуляторная гетерогенность. Артикуляторная гетерогенность всегда вызывает определенный контраст, выраженный в своеобразном переходном участке между членами сочетания. Напротив, артикуляторная гомоорганность не вызывает контраста. Условия для реализации гласных остаются те же, что были у превокальных согласных.

3. Варианты, реализуемые после /j, ç/. В сочетании с этими согласными на спектре гласных /i, ɪ, e, ε; ø:, œ; y:, γ/ отсутствует особый переходный участок. Сходства артикуляции у обоих членов сочетания способствует постепенному изменению формы речевого тракта при переходе от согласного к гласному. В то время как гласные /a:, a, o:, ɔ, u:, ʊ / в соседстве с поствокальными /j/ и /ç/ обнаруживают переходный участок, выраженный в повышении значения F₁ и F₂.

4. Варианты гласных, реализуемые после заднеязычных согласных. В соседстве с этими согласными на спектре гласных заднего ряда нет контраста в переходе от согласных к гласным. В отличие от перечисленных выше, гласные /i:/, /ɪ/, /e:/, /ε' /, / ø:/, /ʔa/, /y:/, /γ/ в соседстве с заднеязычными согласными имеют контраста, выраженный в понижении на начальном переходном участке значения F₁ и F₂. Такое положение вещей связано с изменением формы речевого тракта при гласных переднего ряда. Спинка языка при произнесении этих гласных в соседстве с превокальными заднеязычными согласными (по сравнению с положением перед переднеязычными) оттягивается назад, вследствие чего происходит изменение конфигурации речевого тракта. Естественно, что конкретные рисунки отдельных гласных в данной позиции будут отличаться своеобразием, но общая тенденция изменения речевого тракта одинакова для всех.

5. Варианты гласных, реализуемые после назальных согласных. В этой позиции на спектре гласных имеется значительное изменение не только в переходных участках, но и в стационарной части. Назальные согласные артикуляторно характеризуются включением носового резонатора в результате опущения маленького язычка. Оказавшись в соседстве с превокальными /m/ и /n/, гласные получают оттенок назализованности, так как опущенный язычок не успевает подниматься к концу артикуляции согласного. В определенный промежуток времени он остается опущенным, а потом полностью поднимается, чтобы закрыть проходной воздушной струи в полость носа. Вся эта артикуляторная гетерогенность оставляет отпечаток на спектре гласного, описанный выше.

6. Варианты гласных, реализуемые в соседстве с согласными в зависимости от участия голосовых связок при произнесении превокальных согласных. Контраст, наблюдаемый на спектре гласных в этой позиции, можно назвать, вслед за Л.В.Бондарко, контрастом по основному тону. У гласных в соседстве с превокальными звонкими согласными такого контраста нет, а в соседстве с глухими согласными имеется контраст, выраженный в отсутствии основного тона у согласных и наличии его у гласных. Артикуляторно причиной этого является выключение действия голосовых связок. Это в равной степени относится и к сочетаниями типа ГС.

7. Варианты гласных, обусловленные супрасегментными характеристиками. Сюда можно отнести реализацию гласных в неударных позициях, в начале, середине и конце слов. Впрочем, детальное описание всех этих реализаций может быть объектом самостоятельного исследования. Здесь же отметим, что безударные характеризуются малой длительностью, вызывающей определенное отклонение от той артикуляторной программы, которую выполняет произносительный аппарат при ударных гласных. В результате этого наблюдается также ослабление интенсивности гласных. На спектре безударных гласных наблюдается значительное понижение значений F_1 у открытых и некоторое повышение значений F_2 у закрытых гласных. В целом спектры безударных гласных напоминают спектр редуцированного [ə]¹.

В следующем разделе, посвященном количественным и динамическим характеристикам вариантов гласных, отмечается, что количественное и динамическое варьирование зависит от ударности гласного. Чем дальше гласный стоит от ударного слога, тем больше он редуцируется в количественном и динамическом отношении.

Следующей закономерностью количественной вариативности является то, что она зависит от длины единицы, в пределах которой выступает данный гласный. Чем больше единица, тем короче длительность гласного. В этой связи можно выделить варианты, реализующиеся в слоге, морфеме и предложении. А в пределах слова основными факторами, определяющими количественную вариативность гласных, кроме степени отдаленности от ударного слога, являются качества соседних согласных. Здесь по принципу «от увеличения к сокращению длительности» выделяются варианты реализуе-

---

¹ Данные настоящей работы подтверждают справедливость утверждения Ф.Шиндлера о том, что в современном немецком произношении происходит редуция гласных в безударных слогах как по подъему, так и по ряду в направлении к [ə]. См.: F.Schindler. Указ.сеч.стр.31.

мые: а) перед сонантами; б) перед звонкими щелевыми; в) перед звонкими смычными согласными; г) перед глухими щелевыми; д) перед глухими смычными; е) перед сочетанием согласных. В диссертации каждый из этих вариантов находит свое подробное описание.

В последней **четвертой главе** диссертационной работы обсуждаются данные, полученные в результате проведенных опытов по восприятию вариантов гласных фонем немецкого языка. Задача заключалась в выяснении того, замечают ли носители языка различие между вариантами одной фонемы. Этот вопрос имеет для теории фонемы исключительное значение. «... лингвисты не могут обходить вопроса о восприятии речи носителями соответствующего языка и о значении для восприятия отдельных языковых единиц»¹.

В современной лингвистике существует по крайней мере две точки зрения на восприятие речи:

1. Восприятие звука и опознание его принадлежности к той или иной фонеме происходит на основе собственной характеристики данного звука.

2. Собственные характеристики сами по себе недостаточны для однозначной фонемной идентификации звуков, и носители языка используют правила варьирования фонем в соответствующих фонетических условиях.

В результате опыта по восприятию, проведенного в три серии (в первой серии были предъявлены носителям немецкого языка гласные звуки, вырезанные из предложения, во второй серии предъявлены гласные, вырезанные из слова и, наконец, в третьей серии на прослушивание давались синтезированные гласные, полученные автором на основании собственных данных), оказалось, что стимулы из предложения плохо распознаются. Более или менее лучшей опознаваемостью обладали гласные /a:/, /a/, /e:/, /ε/, в то время, как лабиальные гласные показали почти нулевой процент опознаваемости. В отличие от этого немного лучше распознавались гласные, вырезанные из состава слова. Здесь так же, как и в первой серии опытов, лучше оказались открытые гласные.

Таким образом, анализ дает основание принять вторую точку зрения. Простой носитель языка не опознает или плохо опознает гласные звуки, изолированные от позиции реализации при сохранении их собственных акустических характеристик (при сегментации

---

¹ Л.Р.Зиндер. Фонема и восприятие Proceedings of the 7-th International Congress of Phonetic Sciences. Prague, 1967, стр.1071.

это определялось на слух и на экране осциллографа). Для фонемной идентификации релевантной является не столько информация, содержащаяся в звуком экспоненте данной фонемы, сколько та, которая содержится в соседних фонемах или же в переходных участках сочетаний фонем.

Необходимость учета переходных участков при восприятии доказывалась опытом, проведенным на синтезированных гласных, которые были получены на основе формантных характеристик естественных гласных (см. таблицу). Варианты синтезированных гласных воспринимались как таковые в тех случаях, когда задавались соответствующие значения переходных участков F_1 F_2 и F_3 с длительностью в 40 м/сек.

В заключении обобщаются результаты исследования и формулируются некоторые теоретические и методические выводы, касающиеся варьирования фонем, что должно составить предмет синтагматической фонологии.

Вопрос о варьировании приобретает особенное значение, когда мы переходим от некоторого идеального представления о звуковых единицах к их реализации в естественной речи. В условиях естественной речи любая фонема характеризуется гораздо большей вариативностью, чем допускается теоретическим описанием. Причиной, вызывающей варьирование функциональных единиц фонемного уровня, является, с одной стороны, взаимовлияние их друг на друга, с другой стороны, их позиция в единицах высших уровней. Степень влияния коартикулирующих факторов на аллофоническое варьирование может различаться в зависимости от конкретных условий реализации.

Вследствие этого в условиях речевой реализации собственно звуковые характеристики оказываются менее устойчивыми и надежными, чем это необходимо для их правильной фонемной идентификации. Но и в таком случае восприятие речи человеком не нарушается, так как человек компенсирует недостаточность фонетической информации сведениями о морфологической и синтаксической структуре, а также и смыслом сообщения.

Фонетические характеристики аллофонов находятся в неоднозначной зависимости от отношений фонем в системе, от их противопоставлений и дифференциальных признаков фонем. Это свидетельствует о большей вариативности фонетических характеристик речи, чем казалось бы, это допускает организация системы фонем. Так например, в системе фонем немецкого языка нет противопоставления гласных по признаку «назальный/неназальный». Однако, в реальной речи все немцы реализуют в словах /'maŋə/, /'maŋ/ назализованное [ã]. Ока-

завшись в окружении двух носовых согласных, фонема /a/ приобретает новое, ранее отсутствовавшее свойство назализованности, выраженное на спектрограмме в понижении значений F_1 и F_2 . Этот признак является приобретенным, следовательно иррелевантным (интегральным) и отличается, скажем, от признака «задний ряд», являющегося релевантным и системообразующим.

Фонему, как известно, многие фонологи определяют как совокупность дифференциальных или релевантных признаков. С такой дефиницией можно согласиться лишь частично. Действительно, в парадигматическом плане фонему в известном смысле можно определить как пучок ДП. Но с синтагматической точки зрения такое определение будет неполным, так как оно не учитывает условия реализации.

Для естественной речи необходимы как дифференциальные, так и интегральные признаки. Последние являются прямым следствием фонетической позиции какой-либо фонемы. Благодаря релевантному признаку, обязательно существующему у всех вариантов данной фонемы, мы идентифицируем их как варианты, принадлежащие именно этой фонеме, а не другой. Иррелевантный же признак позволяет нам определить каждую реализацию той или иной фонемы как ее вариант в данном контексте.

Таким образом, полное описание функционирования системы фонем невозможно без учета их вариативности. Подход, учитывающий вариативной уровень, как бы вводит фонему в диахронический план. Этот позволяет наблюдать в синхронии отживающие и зарождающиеся характеристики фонем и их место в системе. Такой подход важен методологически, так как он позволяет увидеть систему фонем не в статике, а в динамике.

С практической точки зрения преимущество подхода, учитывающего вариативность фонем, заключается в качественном улучшении процесса обучения произношению, лечения больных с дефектом речи, а также в оптимальном решении задач автоматического распознавания речевых сигналов.

Наиболее распространенное в современной лингвистике фонологическое построение, исходящее из противопоставления языка рещ, равно как и пойроение, основывающееся на отношении между звуками, предполагает существование некой звуковой базы, обеспечивающей инвариантность этих отношений. Однако, как показали результаты качественного и количественного анализа, в условиях речевой реализации собственно фонетические характеристики сильно редуцируются, вследствие чего идентификация фонем по стационарным участкам оказывается затрудненной.

Поскольку вариативность фонем связана с позицией, одной из задач было установление дистрибуции гласных фонем немецкого языка. В результате дистрибутивного анализа были получены данные о сочетаемости гласных с согласными в пределах слова, что позволило выявить 8 моделей.

Дистрибутивно варианты одной фонемы находятся в отношении комплементарного распределения. Но для определения единства вариантов основным критерием является не акустическое сходство, а возможность вариантов чередоваться в пределах одной значимой единицы. Чередование вариантов не приводит к образованию новых слов, в то время как чередование фонем дает новое слово или же разрушает его звуковой облик.

Качественная и количественная характеристики вариантов были получены путем спектрального и осциллографического анализа, который и определил соответствующую зависимость этих характеристик от той или иной позиции.

Опыты по восприятию, поставленные с целью выяснения того, в какой мере информация, содержащаяся в объективных характеристиках варианта, достаточна для отнесения его к той или иной фонеме, показали, что для однозначной идентификации необходим более широкий контекст: необходима информация, содержащаяся в переходных участках сочетаний фонем. Характер переходных участков обуславливает и вариативность гласных фонем.

Следующим теоретическим выводом является то, что варьирование фонем регулируется системными отношениями, существующими в данном языке. Так, например, долгота/краткость является дифференциальным признаком для системы гласных фонем немецкого языка. Из этого можно было бы сделать вывод о том, что любой вариант долгого гласного всегда дольше любого варианта краткого. Такой вывод, однако, неправилен, так как в нем не учитывается позиция гласного. При прочих равных условиях реализации варианты долгих гласных будут обязательно иметь большую длительность, чем варианты соответствующих кратких. Так например, в слове «Kategorie» - /ka.te.go.'Ri:/ средне-относительная длительность долгого /a:/ в первом слоге равна 0,3. А средне-относительная длительность краткого гласного /a/ в слове «marschieren» - /maR'ʃi:Rən/ равна 0,56. Такое различие объясняется тем, что гласные взяты в разных позициях: краткий гласный /a/ реализован в первом, а долгий в третьем предударном слоге; по закону темпа, чем дальше от ударения, тем меньше длительность звука. Если мы возьмем краткий гласный в той же позиции, что и долгий, то он всегда относительно короче последнего.

И, наконец, варьирование фонем строго лимитируется внутриязыковыми отношениями.

Известно, что палатализованность согласных не является дифференциальными признаком немецкого языка, чем он резко отличается от русского языка. Казалось бы, фонологически нет никаких препятствий для реализации палатализованных согласных перед гласными переднего ряда. Палатализованное произношение согласных перед /i:, ʌ, y:, ʏ/ не подрывает фонологическую базу системы фонем. В действительности же между компонентами сочетания переднеязычных согласных с гласными /i:, ʌ, y:, ʏ/ нет переходного участка, свидетельствующего о коартикуляционном эффекте по смягчению предшествующих согласных. Таким образом, реально, произносится не /'tʰi:R/, /'tʰy:R/, /'tʰʏçtʰç/, /'tʰɪntə/, а /'ti:R/, /'ty:R/, /'tʏçtʏç/, /'tɪntə/.

Сильная палатализованность согласного, равно как и произношение без какой-либо палатализованности, будут восприниматься как отклонение от орфофонической нормы немецкого языка.

Таким образом, для адекватного отражения реального звукового строя языка необходим синтагматический анализ, опирающийся на объективные методы исследования. Подобный анализ позволит построить синтагматическую фонологию языка.

Основные содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Фонетической строй современного немецкого языка. Изд. «Маариф», Баку, 1989, 190 стр.
2. О некоторых вопросах сравнительной фонетики. Тезисы докладов Всесоюзного Ташкентского семинара по вопросам методики преподавания новых дисциплин. Ташкент, 1973, стр. 36-38.
3. Интерпретация некоторых фонетических терминов. IV Республиканская конференция по актуальным вопросам обучения русскому языку в азербайджанской аудитории. Баку, 1973, стр. 19-21.
4. Еще раз о минимальной единице членения речевого потока. «Ученые записки» (языки и литература) вузов. Министерства ВССО Азербайджанской ССР, 1974, №1, стр. 9-16.
5. Об эксперименте в фонетике и о некоторых вопросах экспериментальной фонетики. «Ученые записки» (языки и литература) вузов Министерства ВССО Азербайджанской ССР, Баку, 1975, №1, стр. 8-17.
6. О дифференциальных и интегральных признаках фонем. «Ученые записки» (языки и литература) вузов Министерства ВССО Азербайджанской ССР, Баку, 1975, №2, стр. 40-46.

7. О понятии акустического различия в фонетике и фонологии. «Ученые записки» (языки и литература) вузов Министерства ВССО Азербайджанской ССР, Баку, 1975, №3, стр. 19-23.

8. Лингвистические факторы, обуславливающие объединение вариантов в инвариантах. Материалы Республиканской конференции по актуальным вопросам современного русского языка. Баку, 1975, стр. 11-13.

9. Лингвистические основы определения вариантов гласных фонем немецкого языка. Материалы Республиканской конференции по актуальным вопросам обучения иностранному языку в национальной аудитории. Баку, 1973, стр. 19-21.

10. Фонема /ç/ в немецком языке. «Ученые записки» (языки и литература) вузов. Министерства ВССО Азербайджанской ССР, 1976, №4, стр. 51-56.

11. Дистрибуция гласных фонем немецкого языка. «Ученые записки» (языки и литература) вузов. Министерства ВССО Азербайджанской ССР, 1977, №2, стр. 40-46.

12. Варьирование фонем и проблема обучения правильному произношению. Тезисы докладов VIII Республиканской конференции «Актуальные проблемы преподавания иностранных языков, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции», Алма-Ата, 1977, стр. 52-53.

13. Рец. на книгу: Л.А.Вербицкая. Русская орфоэпия (к проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л., 1976. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 1978, Bd. 31, H. 9, стр. 442-444.

14. Фонетические науки СССР и некоторые проблемы фонологии (на нем. языке). Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Ges.-Sprachw. R., Jg. XXVII. H. 3, 1978, стр. 303-306.

15. Количественная вариация гласных фонем немецкого языка. «Ученые записки» (языки и литература) вузов. Министерства ВССО Азербайджанской ССР, Баку, 1979, №4, стр. 26-30.

16. Комбинаторика гласных фонем (на материале немецкого и азербайджанского языков). Тезисы зонального совещания преподавателей иностранных языков. Закавказских республик. Баку, 1979, стр. 45-49.

17. Программа по теоретической фонетике немецкого языка (для спецфакультетов). Азербайджанской педагогический институт иностранных языков им. 50-летия СССР. Баку, 1979, стр. 1-6.

«QƏRB – ŞƏRQ DİVANI»NI OXUYARKƏN¹

Summary. Goethe in his «West-East divan» gave information about 7 great poet sof the East (Firdousi, Enveri, Nizami, Calladdin Rumi, Sadi, Hafis, Jami). It proves that Goethe was familiar with the Eastern literature.

Although Goethe did not believe in religion, but in his works he expresse his respect toward İslam. He noted the importance of translation of Eastern literature works into European languages.

It should be noted that the translation of this great literature work into Azerbaijani will promote close ties between East and West.

1. Məlumdur ki, alman xalqının böyük mütəffəkir şairi Y.V. fon Goethe «Qərb-Şərqlə divanı»nda şərqlə 7 böyük şairindən (Firdovsi, Ənvəri, Nizami, Cəlaləddin Rumi, Sədi, Hafis, Cami) geniş məlumat verməsi və onları poeziyanın şahları adlandırması göstərir ki, şair şərqlə dünyasının sözlərini öyrənmişdir.

2. Y.V. fon Goethe divanında 6 yerdə Nizaminin adını çəkir, əvvəlcə onu eşq aləminin sirlərinə düzgün açar tapdığı üçün vəsf edir (s.30). Sonra «Züleyxanə»də Hətəmin dililə öz şerlərini təqdim edəndə sətirarəsini yazır ki, şer nə Hafizin, nə Nizaminin, nə Sədinin, nə də Camininindir, onu şair özü elə isti-isti bir gün öncə yazıb.

Y.V. fon Goethe Nizaminin həyat və yaradıcılığına xüsusi bölmə həsr edir (s.157). O, yazır: «Çox incə, son dərəcə qabiliyyətli bir ruh sahibi. Firdovsi ümumilikdə qəhrəmanlıq nümunələrini yaratdısa, Nizami daxildən gələn alovlu eşqin dəyişkən təsirlərini öz şerləri üçün obyekt seçmişdir: Leyli və Məcnun, Xosrov və Şirin, bu məhəbbət cütlərini dahiyənə şəkildə vəsf etmişdir. Bir qədər sonra eşq məhəbbət dolu hissləri, bəzən yarı əfsanələri səmimiyyətlə təsvir edə bilməmişdir».

166-cı səhifədə isə Nizaminin it cəmdəylə bağlı əfsanəni heyvət doğuracaq dərəcədə məharətlə qələmə aldığı şer parçasının təhlilini verir.

2. O, «Kabusnamə»dən söhbət açır, onu dostlarına oxumağı məsləhət görür. O təkcə Keykavusun «Kabusnaməsi» barədə deyil, həm də oğuzların atalar sözləri, Nəsrəddin Hoca (Molla Nəsrəddin), Timur və başqa qərb mütəfəkkirləri barədə dolğun məlumat əldə etmişdir. 1816-cı ildə H.F. fon Diits Molla Nəsrəddin hekayələrini almancaya tərcümə edərək şairə göndərir. Böyük şair H.F. fon Diitsin tərcüməsində «Kitabi Dədə Qorqud» dastanının «Təpəgöz» boyu ilə tanış olur¹. Goethe dünyanı tarmar edəndə, onun başına müsibətlər açan zalımları qamçılıyır, Timuru Napoleon-

¹ Müqayisəli ədəbiyyat. I Beynəlxalq elmi konfrans. Bakı Slavyan Universiteti. 29-31 oktyabr, Bakı, 2004.

la müqayisə edir və «Timurnamə» adlı uzun bir hekayə yazmağa başlayır. «Təpəgöz» boyunu ballada şəkildə ərsəyə gətirmək istəyir, lakin bu niyyətini gerçəkləşdirmək ona nəsib olmadı.

3. Böyük şairin həyat və yaradıcılığı ilə yaxından tanış olanlar bilir ki, o, hər hansı bir dinlə bağlı olmayıb, ancaq islama heyranlığını hər fürsətdə dilə gətirib. Divanda peyğəmbər və onun din mücadiləsilə bağlı çox geniş məlumat verir². Y.V. fon Goethə öz divanında peyğəmbər ə.s.-a xüsusi yer ayırır, müqəddəs «Quran»ın mahiyyətini açıb göstərməyə çalışır.

Şərqi söz xəzinəsini yüksək qiymətləndirən şair H.F. fon Diitsə öz minnətdarlığını bildirir və Şərqi dünyasının böyük söz xəzinəsinin Avropa dillərinə və alman dilinə tərcümə edilməsinin vacibliyini xüsusi qeyd edir.

4. «Qərb-Şərqi divanı»da şair tərcümə probleminə toxunur. O, tərcümənin 3 növünü qeyd edir³: Birincisi, bizi xarici aləmlə tanış edir. Burada adi-prozaik tərcümə ən yaxşıdır. Şair bu cür tərcüməni başlanğıc üçün müsbət qiymətləndirir. O, xaricinin üstünlüyünü öz evimizdə, öz həyatımızda görməyə imkan verir. Bu bizə yüksək əhval-ruhiyyə gətirir. O, yazır ki, Luterin İncili tərcüməsi hər zaman yüksək təsir bağışlayır.

Şair yazır ki, Nibelunq nəğmələrini nəsrə çevirib çap etdirsəydik, çox şey qazanardıq, onda bu nadir, ciddi, mübhəm qoxulu cəngavərlik məzmunu tam gücü ilə bizə aydın olardı. Əlbəttə, bunu gələcək həll edəcək.

İkinci növ tərcümədə söhbət xaricinin vəziyyətinə düşmək, ancaq öz anlamımızı saxlamaqla onu yenidən bərpa etmək imkanından gedir ki, bunu sözün müstəqim mənasında parodistik adlandırır. Bu cür tərcüməni son dərəcə qabiliyyətli adamlar edə bilirlər. Fransızların bu sahədə fəaliyyətini şair yüksək qiymətləndirir. Fransız hər bir sözə duyğu, anlamla yanaşır, onu öz dillərində səlissə ifadə etməyə çalışırlar. Vilandın tərcümələri buna misal ola bilər.

Üçüncü növ tərcümə isə orijinala sadıq qalmaqla edilən tərcümədir. Bu o deməkdir ki, birini digərinin əvəzinə yox, digərinin yerində işlətməkdir. Çoxları bunu qəbul etmirlər, çünki orijinala sadıqlıq öz milliliyindən uzaqlaşmaq kimi başa düşülə bilər.

Burada şair Fossun adını çəkir və qeyd edir ki, dünya söz xəzinəsinin nəhənglərini alman dilinə çevirərkən orijinala sadıqlılıqla almanlaşmış xaricilər, Məsələn, Şekspir və başqalarının ritmini gözləyərək onları bizə sevdirə bilib. Avstriyalı Hammerin şərqi dühalarını tərcümə etməkdə əməyini şair xüsusi qeyd edir. Firdovsini yaxşı tərcümə etdiyini nəzərə çarpdırır və şairi özgələşdirməyi miskinlik adlandırır.

Şair yazır ki, bu üç növ tərcümə zaman-zaman gündəmə gəlir: «ona görə də Şahnamə»nin və Nizaminin əsərlərinin prozaik tərcüməsi həmişə arzuolunandır.

Bu həmin əsərlərin məğzini açan qıraəti, onlardakı tarixi ger-

çəkliyi, ecazkarlığı və etik incəlikləri başa düşməyə, şərhin təfəkkür və düşüncə tərzini mənimsəməyə, nəhayət onlarla tam qardaşlaşmağa zəmin yaradardı. Bundan sonra isə şəri orijinalın dilinə və ruhuna uyğun nəzmə çəkməklə biz daha böyük uğurlar əldə edə bilərik. Y.V. fon Goethə bu yerdə fransızların və ingilislərin tərcümə sahəsindəki nailiyyətlərini xüsusi qeyd edir⁵. Qeyd edək ki, bu böyük sənət əsərini Azərbaycan dilinə tərcümə etməklə şərqlə qərbi bir-birinə daha da yaxınlaşdırıla bilər.

Ədəbiyyat

1. F. Yadigar (Veysəlli). Kitabı Dədə Qorqudun Avropa səfəri. «Ədəbiyyat» qəzeti, 16 may, 2003, 9 (3352).
2. Yenə orada.
3. Y.W. von Goethe. West-östlicher Divan. Frankfurt a/M., 1998, s.254.
4. Yenə orada, s.262.
5. Yenə orada, s.263.

ZUM PHONEMBESTAND DES GEGENWÄRTIGEN ASÄRBAIDSHANISCHEN (VOKALISMUS)¹

1. Problemstellung

1.0. Probleme der asärbaidshanischen Phonologie, insbesondere die der Segmenteinheiten, haben sich in den letzten Jahrzehnten in einer Reihe von Untersuchungen niedergeschlagen.¹ In theoretischen als auch experimentell-phonetischen Forschungen wurden jedoch sehr unterschiedliche Ergebnisse erzielt. Die Meinungen der Sprachwissenschaftler gehen hauptsächlich wegen der unterschiedlichen Interpretation der Vokale, der phonematischen Bewertung der Laute der Morpheme auseinander. Manche Linguisten vertreten die Ansicht, die asärbaidshanische Sprache habe 18 Vokale: 16 Monophthonge und 2 Diphthonge.² Diese Stellungnahme wird von anderen bestritten. Sehr umstritten ist auch die Frage nach der Existenz der sogenannten Geminate im Asärbaidshanischen.³ Diese und andere Fragen der asärbaidshanischen Phonologie warten auf ihre Lösung.

1.1. Die unterschiedlichen Ergebnisse, die die Linguisten aus der Analyse ein und desselben Sprachmaterials gewinnen, sind durch folgende Tatsachen zu erklären:

- a) Durch den Umfang des sprachlichen Materials, das einer phono-

¹ İlk dəfə çap olunub: Zeitschrift für Phonetik allgemeine Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. 35, H.5, 1982. (Z.N. Verdiyeva ilə şərikli)

logischen Analyse unterzogen wird. Eine Gruppe von Linguisten schliesst die Entlehnungen und Fremdwörter völlig aus und gelangt durch einen solchen phonologischen „Purismus“ zum Ergebnis eines minimalen Phonembestandes. (Es geht hier darum, ob wir das Recht haben, solche Wörter wie z. B. /kalxoz/-„kolxoz“, /kalektiv/-„kollektiv“, /kamsamol/-„komsomol“, /zuRnalistik/-„Journalistik“ u.a. im Deutschen: bei der phonologischen Analyse auszuschliessen). Die Gegner des Purismus betonen, dass eine Analyse ohne Berücksichtigung dieses Wortbestandes nicht gültig sei, da die meisten Entlehnungen sich schon fest eingebürgert haben⁴ und oft keine Möglichkeit der Ersetzung durch eigenes Wortgut mehr besteht.

b) Durch die Theorie, die der phonologischen Analyse zugrunde gelegt wird. Von der theoretischen Annahme bzw. vom Begriffsverständnis des Phonems hängt meistens das Ergebnis der Analyse ab. Fasst man das Phonem als ein bewegliches Element des Morphems auf, so ist die Prozedur der Aufstellung eines phonologischen Systems mit der Konstanz der Phonembestände von Morphemen aufs engste verbunden.⁵ Im Gegensatz dazu ist die Selbständigkeit des Phonembestandes bei der Varianz der Morpheme nicht zu fassen, wenn man den Phonemcharakter der einzelnen Laute durch ihre potentielle Verbindung mit dem Morphem feststellt.⁶

c) Durch die anzuwendenden Kriterien und Methoden. Geht man von der starken bzw. schwachen Position aus, so erhält man zwei Phonemsysteme: ein System der Phoneme, die nur in der starken Position realisiert werden und ein System anderer Phoneme, die nur in der schwachen Position erscheinen. In diesem Falle handelt es sich um die zentralen und peripheren Systeme der Phoneme.

Die vorherrschende Methode in der asärbaidshanischen Phonologie ist die der Gegenüberstellung von Quasihomonymen (Minimalpaaren), die auf I.A.Boudouin de Courtenay⁷ zurückgeht.

1.2. Einer der Begründer der Phonetik als sprachwissenschaftlicher Disziplin, E.Sievers, hat mit Recht darauf hingewiesen, dass die Aufstellung eines bloßen Lautsystems eine der elementarsten Aufgaben des Phonetikers⁸ sei. Er betonte aber gleichzeitig, welche Schwierigkeiten mit der Feststellung eines Lautes (heute des Phonems) verbunden sind: „Um überhaupt eine Übersicht über die zahllose Menge der Einzellaute, die durch jene Definition gegeben sind, zu ermöglichen, hat man stet seine Anzahl naheverwandter Laute zu einer Gruppe oder Kategorie zusammengefasst und als „Einzellaute“ betrachtet. So fasst man z.B. alle diejenigen Schälle unter der Kategorie des Lautes „a“ zusammen, welche bei einer gewissen Mundstellung und tönender Stimme hervorgebracht werden können, ohne Rücksicht auf Tonhöhe, Stärke u.s.w. oder einzelne Lautexemplare, aus deren Gesamtheit der Kategorie „a“ abstrahiert ist. Die Ver-

allgemeinerung kann nur geschehen, wenn man gewisse Faktoren der Sprachbildung als nebensächlich für die Definition ignoriert.“⁹

1.3. Nach Sievers befasste sich die Phonetik völlig mit der Systematisierung der Phoneme, wozu in jüngster Zeit die strukturelle Linguistik einen entscheidenden Beitrag geleistet hat. Den Problemen der Einzellaute-besonders in bezug auf ihre Aussonderung- wurde weniger Aufmerksamkeit geschenkt, - wenn wir von der Hokuspokusanalyse durch die Minimalpaare absehen und die akustisch-artikulatorische Beschreibung außer Acht lassen.

Die vorliegende Arbeit stellt sich das Ziel, den Status der einzelnen Vokalphoneme festzustellen, sie aus der kontinuierlichen Redekette mit Hilfe linguistischer Kriterien auszusondern. Hier muss angemerkt werden, dass die vorgeschlagene Interpretation des asärbaidshanischen Phonembestandes der Vokale nur als eine der möglichen Varianten betrachtet werden kann und aus diesem Grunde keineswegs die einzig mögliche ist.

2. Inventar der asärbaidshanischen Vokale

2.0. Eine Zerlegbarkeit des fließenden Redekontinuums, die sich auf akustische und artikulatorische Kriterien stützt, ist nicht stichhaltig. Schon H. Paul hielt sich an diese Tatsache. Er drückte sich in diesem bekannten Buch *Pinzipien der Sprachgeschichte* wie folgt aus: „Eine wirkliche Zerlegung des Wortes in seine Elemente ist nicht bloß sehr schwierig, sie ist gerade zu unmöglich. Das Wort ist nicht bloß eine Aneinandersetzung einer bestimmten Anzahl selbständiger Laute, von denen jeder durch Zeichen des Alphabets ausgedrückt werden könnte, sondern es ist im Grunde immer eine kontinuierliche Reihe von unendlich vielen Lauten...“¹⁰. Aus diesem Grunde ist die Methode der Aussonderung des Phonems aus dem Redestrom mittels der Quasihomonyme unannehmbar. Eine solche Gliederung setzt den Status des Phonems von vornherein voraus. Man geht bei der Segmentierung von /b/ und /d/ in Wörtern /b a š/ - „baş“ (der Kopf) und /d a š/ - „daş“ (der Stein) durch die mechanische Gegenüberstellung von der Annahme aus, /b/ und /d/ seien zwei selbständige, sprachlich verschiedene Sachverhalte, wobei eine der wichtigsten Stufen der phonologischen Analyse – das Beweisen der Selbständigkeit der einzelnen Phoneme – vernachlässigt wird. Aus einer Segmentierung, die auf akustisch-artikulatorischen Grundsätzen beruht, geht nicht hervor, was als Phonem definiert werden kann: denn einem Phonem entspricht auf dem akustisch-artikulatorischen Niveau eine Gesamtheit von akustischen Eindrücken und artikulatorischen Bewegungen. Daraus ergibt sich, dass die Formel, wonach eine akustische oder artikulatorische Dimension = 1 Phonem sei, haltlos ist. In der Wirklichkeit sieht die Formel

folgendermassen aus: einige akustische und artikulatorische Dimensionen sind 1 Phonem.

Noch weniger wichtig ist auch die Erwähnung des Ausgangspunktes unserer Analyse, wonach die syntagmatische Gliederung einer paradigmatischen Analyse immer vorausgehen muss.

2.1. Unter dem Phonem verstehen wir ein lautliches, linear diskretes Element, strukturell betrachtet, mit simultan fungierenden Eigenschaften, dessen Aussonderung als solches durch morphologische Kriterien zu verwirklichen ist und dessen Funktion darin besteht, die Wort- und Morphemformen zu konstruieren und zu differenzieren. Ein Phonem ist so abstrakt wie ein Morphem oder ein Lexem, unterscheidet sich von ihnen jedoch durch seine Unilateralität und tritt in der realen Rede immer in seinen Varianten auf. Die Varianten der Phoneme sind durch die Position und Kombination bedingt. Diese Varianten werden auf der höchsten Stufe der sprachlichen Abstrahierung in einem Phonem zusammengefasst. Dagegen sind die Laute der Schallwellen, die von Sprechenden hervorgebracht werden. Phoneme und Laute sind zwei Polarstufen, zwischen denen sich die Stufe der Varianz befindet. Ein Laut ist immer Repräsentant irgendeiner Variante und diese ist Vertreter irgendeines Phonems. Dieser Gedanke kann auch umgekehrt formuliert werden. Ein Phonem ist durch eine Variante, die letztere aber durch einen Laut zu realisieren. Das Phonem ist das Allgemeine, welches in der Variante als im Besonderen existiert, dieses Besondere aber findet seinen Ausdruck im Laut als im Einzelnen.

2.2. Um zu zeigen, wie die phonologische Analyse verläuft, wenden wir uns folgenden Beispielen aus dem Asärbaidshanischen, Russischen und Deutschen zu.

Asärb.	Russisch	Deutsch
I /ätá/- "ata" (Vater)	/brá/- (Wandleuchter)	/*be:t/- (Beet)
/ät/á/- ata (dem Pferd)	/vad:á/- (Wasser)	/*ze:t/- (seht)

Ein oberflächlicher Blick auf diese Wörter zeigt, dass die waagrecht angeordneten Belege sich von den senkrecht angeordneten der grammatischen Bedeutung nach unterscheiden. Dieser Unterschied ist besonders deutlich im Auslaut der gegebenen Beispiele. Die Wörter in der zweiten Reihe sind morphologisch zerlegbar. Zwischen auslautendem Element aus dem vorhergehenden Teil liegt die morphologische Grenze. Im Russischen /vada/ ist das auslautende /a/ ein Zeichen für Nominativ Singular Fem. Dasselbe /a/ mit gleicher Funktion lässt sich nicht nur in dieser Wortform erkennen, sondern in allen Feminina auf -a.

Aus der Analyse geht hervor, dass wir im Gegensatz zu den Strukturalisten vor der einfachen Gegenüberstellung, die an und für sich die Eindeutigkeit der Resultate nicht gewährleistet, eine allseitige paradigma-

tische und syntagmatische Gegenüberstellung im System der Sprache vornehmen. Erst danach kann auf die Frage, ob der gegebene Redeabschnitt zerlegbar ist, eine endgültige Antwort gegeben werden.

Andererseits stehen die unter I gegebenen Beispiele einander gegenüber vom Standpunkt ihres Gebrauchs in der Sprachsituation aus. Das aserb. *atá* (Dat. "dem Pferd") steht dem Substantiv *atá* im Nom. mit der Bedeutung "Vater" in dem Sinne gegenüber, dass sie im gleichen Kontext einander nicht ersetzen können. /*atá*/ steht außerdem noch seinem Nominativ *at* – "das Pferd" gegenüber. Dadurch beweisen wir die zweifache Morphemigkeit des Wortes *atá* "dem Pferd". Dort, wo /*atá*/ (Dat. von *at*) vorkommt, kommt nie die Wortform /*atá*/ (Nom. von *atá* "Vater") vor. Diese Bestätigung gilt auch für das Umgekehrte. Vgl.:

II /*biz atá jem veririk*/- (Wir füttern das Pferd)

/*at čämänlikdä otlajyr*/- (das Pferd weidet auf der Wiese)

/*här bir atá övladynyn gaygısıná galmalydyr*/- (jeder Vater soll für sein Kind sorgen)

/*oğul atasyna oxşajyr*/- (der Sohn ist seinem Vater ähnlich).

2.3. Die Tatsache, dass zwischen /*t*/ und /*a*/ in *atá* (Dat. von *at*) eine morphologische Grenze liegt, ist hinreichend zu behaupten, dass sie nicht als physikalische Substanz eines Phonems betrachtet werden können. Die Selbständigkeit von /*a*/ ist damit verbunden, dass es im System der aserbaidshianischen Sprache eine bestimmte grammatische Funktion haben kann. Hier ist die Koppelung des Phonems mit der Bedeutung sehr deutlich. In allen übrigen Fällen, auch wenn eine solche bedeutungsbezogene Verbindung nicht herzustellen ist, schließt sich die Möglichkeit der Aussonderung der Phoneme aus der Redekette nicht aus. /*a*/ wird auf Grund der Differenzmerkmale, die der akustische Schall beinhaltet, überall als solche identifiziert. "Wegen derselben Assoziation mit der Bedeutung gewinnen die Elemente unserer lautlichen Vorstellung eine bestimmte Selbständigkeit."¹¹

Das bedeutet, dass in der Wörtern /*b a š*/- (Kopf) und /*d a š*/- (Stern) automatisch /*a*/ ausgesondert wird, obwohl hier die unmittelbare Verbindung von /*a*/ mit der Bedeutung vorkommen ausgeschlossen ist.

Das ist machbar auf Grund der potentiellen Verbindung des Phonems /*a*/ mit der grammatischen Bedeutung. Zwischen /*y*/, /*i*/ und dem vorangehenden Teil des Wortes *ajy* (Akk. von *aj* (der Mond)) liegt die morphologische Grenze. /*y*/ ist ein selbständiges Morphem, es bezeichnet den Akkusativ der Substantive mit hinteren Stammvokalen. Daher lässt sich die Selbständigkeit von /*y*/ nicht bestreiten. Kommt /*y*/ schon in der Wortform /*ajy*/- (der Bär), /*dajy*/- (der Onkel) usw. vor, wo auf Grund der Bedeutungsverhältnisse oder der morphologischen Beziehungen die Aussonderung von /*y*/ völlig ausgeschlossen ist, lässt es sich doch als dasselbe /*y*/

erkennen wie das /y/ in /ajj/ (Akk. von *aj* -Monat). Die Identität von /y/ erkennen wir wie das /y/ in /ajj/ (Bär) und in /dajj/-(Onkel) beweisen wir weder durch akustisch-artikulatorische Ähnlichkeit, noch durch ihre Verwandtschaft, sondern durch eine linguistische Analyse, wenn es auch wichtig ist zu betonen, dass die Sachverhalte nur dann linguistisch unterschiedlich sind, wenn akustisch-artikulatorische Unterschiede vorhanden sind.

2.4. Die Aussonderung der Vokale /i/, /y/, /ə/, /o/, /u/ in Wörtern *iti* (Akk. von *it* – (Hund)), /g'yly/-“gülü”- (Akk. von gül-(Blume), /bel'ä/-“belä”- (Dat. von bel- (Rücken)=, /o/-(Nom. von Personalpronomen (er)), /duzú/- (Akk. von duz- (Salz)) stößt auf keine Schwierigkeiten, wenn die Analyse dem oben dargelegten Prinzip folgend, durchgeführt wird. Problematisch ist nur die Aussonderung von /e/ und /ö/, da sie im Asärbaidshischen nie als selbständige Morpheme auftreten. Um ihre Selbständigkeit zu beweisen, wenden wir uns der morphologischen Analyse der Wortform /užalmáq/ (sich erheben) zu. Aus der Analyse /už+a+l+máq/ geht deutlich hervor, dass vor und nach // eine morphologische Grenze liegt. // ist ein wortbildendes Element. Mit Hilfe von // bilden wir von Adjektiven die 2. Person Imperativ der Verben. Vgl.:

1 V. /goža/- (alt)- /gožal/- (werde alt!)
/uža/- (hoch)- /užal/- (erhebe dich!)

Demzufolge kann festgestellt werden, dass // im Asärbaidshischen ein selbständiges Phonem ist, was /e/ und /ö/ in der Wortform /el/- (das Land) und /ö// - (stirb) betrifft, so können sie beide nach dem Prinzip der restlichen Gliederung ohne jegliche Schwierigkeit bewiesen werden. Wenn // auszusondern ist, so sind auch /e/ und /ö/ in oben gegebenen Belegen als zerlegbare Einheiten zu betrachten.

Aber die Frage, ob die Vokale / a, y, o, u, i, ü, ö, ä / diskrete Einheiten sind, bleibt noch offen. Wenn in der Sprache innerhalb von Vokalen eine sprachliche Grenze möglich wäre, dann könnte man behaupten, dass sie noch weiter zerlegbar sind. Tatsächlich gibt es aber im Asärbaidshischen keinen solchen Fall.

2.5. Die Zerlegbarkeit des Redestroms in einzelne Laute durch die morphologische Grenze ist von grosser Bedeutung für die Fundierung einer phonologischen Theorie. Der Sinn des dargebotenen Gliederungsprinzips, welches sich auf die phonologische Theorie von L.V. Šerba und seinen Schülern stützt, besteht darin, dass Aussonderung jedes Phonems aus dem lautlichen Kontinuum durch potentielle Verbindung des Phonems mit der Bedeutung ermöglicht, die Laute als Repräsentanten der entsprechenden Phoneme zu identifizieren, obgleich es in mehreren Fällen nicht möglich ist, von einer unmittelbaren Verbindung mit der morphologischen oder lexikalischen Bedeutung zu sprechen: “Die Selbständigkeit, von der

L.V. Ščerba spricht, darf man nicht in dem Sinne verstehen, dass das Phonem an und für sich außerhalb des Wortes existieren kann, sondern in dem Sinne, dass es sich auch als einzelne Einheit in den Fällen aussondern lässt, wenn es kein Wort, kein Morphem ist oder keine morphologische Funktion hat, das heisst, wenn es weder eine lexikalische noch morphologische, sondern nur eine rein phonetische Einheit darstellt.”¹²

3. Klassifikation der Vokalphoneme

3.1. Infolge der syntagmatischen Gliederung sind folgende Vokalphoneme festgestellt: /a, e, i, o, u, ü, ö, ä, y/. Die Hauptaufgabe besteht jetzt darin, die Realisierungsmöglichkeiten dieser Vokale zu verfolgen und ein System von Varianten aufzustellen, welches auf Grund der Identifikationsprinzipien zusammengestellt werden kann: wann und unter welchen Bedingungen werden die Vokale als solche erhalten bleiben. Die Frage nach Invarianz und Varianz der Vokale ist eine der wichtigsten und schwierigsten Stufen in der phonologischen Analyse.

Die aufgestellten Vokale haben in ihrer Realisierung eine bestimmte Beschränkung, so dass manche von ihnen außer in Fremdwörtern im Auslaut nie vorkommen, z.B.: /o/, /ö/, /e/. Die anderen werden in offenen unbetonten Silben gedehnt. Das ist der Fall insbesondere in Wörtern arabischer und persischer Herkunft. Vgl.: /'a:dil/-adil- (gnädig), /'e:lán/-e'lan (Bekanntheit) u.v.a. In vorbetonten Silben werden die asärbaidshänischen Vokale stark reduziert. Vgl. /p'šik/-“pişik” (Katze), /p'čax/-“bıçaq” (Messer) usw.

Wenn wir also in unserer Analyse alle möglichen Positionen und Kombinationen mit einschliessen, so vermehrt sich die Zahl der Realisierungsmöglichkeiten auf etwa das zwölfwache. Das lässt sich annähernd am /a/ folgendermassen verdeutlichen:

[ä:] [ä .] [á] [á#]....positionsbedingte Varianten
[â] [a] [a] [a]....kombinationsbedingte Varianten.

Es muss nun die Frage erörtert werden, ob wir all diese akustisch-artikulatorisch verschiedenen *a*-Realisierungen als selbständige Phoneme behandeln können. Wichtig sind hier Kriterien, die dafür oder dagegen sind, die sich aber auf sprachliche Prinzipien stützen müssen.

3.2. Die erste Antwort, die wir in der klassischen Phonologie finden, lautet, dass all die *a*-Realisierungen ein Phonem repräsentieren, weil sie akustisch-artikulatorisch ähnlich sind und einander ausschliessen, das heisst, sie verteilen sich komplementär. Diese Ansicht könnte man akzeptieren, wenn es nicht folgenden Einwand gäbe: Die Vokale /a/, /ä/ und /i/ in Wörtern /at/- (Pferd), /it/- (Hund) schliessen in der phonetischen Umgebung einander aus. Dort, wo ein /a/ vorkommt, kommt nie ein /i/ vor.

Das lässt sich bei der phonetischen Transkription /at/-/it'/ erkennen, /a/ kommt vor hartem /t/, /i/ dagegen kommt vor palatasiertem /t'/ vor.

Eine ausführliche phonetische Beschreibung registriert das alles. Phonetisch betrachtet, sind auch die Umgebungen von /i/ nicht identisch. Aus diesem Anlass könnte man sie als Varianten ein und desselben Phonems betrachten. Deswegen scheint es wichtig zu sein, den Begriff "Umgebung" näher und strenger zu differenzieren. Wir unterscheiden phonologische und phonetische Bedingungen. In Wörtern /daš/ und /diš/ sind die Vokale /a/ und /i/ phonetisch in verschiedenen, phonologisch aber in gleichen Umgebungen. Unter phonemisch (oder phonologisch) gleichen Umgebungen verstehen wir die Umgebung von gleichen Phonemen. Unter phonetischen Bedingungen verstehen wir die Umgebungen und Positionen, die als Resultat der koartikulatorischen oder suprasegmentalen Wirkungen aufzufassen sind. Zusammenfassend können für die Feststellung der Invarianz und Varianz folgende Regeln aufgestellt werden:

1. Wenn zwei akustisch-artikulatorisch verschiedene Laute unter phonetisch gleichen oder quasigleichen Bedingungen vorkommen und dabei eine Wortdifferenzierung vorhanden ist, dann haben wir es mit zwei verschiedenen Phonemen zu tun. Vgl.: /daš/- (Stein)- /diš/- (Zahn); /bol/- (reich)- /bil/- (weiss). Die phonetischen Bedingungen sind hier verschieden, die phonemischen aber gleich. Außerdem ist die Wortdifferenzierung vorhanden.

2. Wenn die Laute phonemisch und phonetisch gleich, aber in verschiedenen Situationen und Kontexten realisiert sind, so sind diese Laute situative, kontextuelle oder individuelle Varianten ein und desselben Phonems.

///

1. Sprechsituation- / o jazy/jazyr//;

2. Sprechsituation- o j a z y azy jazyr usw.

Hier muss besonders hervorgehoben werden, dass die sogenannten fakultativen Varianten, die die klassische Phonologie als eine der Spielarten der Phoneme unterscheidet, im Rahmen eines Funktionssystems nicht existieren. Von der fakultativen Variante kann nur dann die Rede sein, wenn nicht weniger als zwei Idiolekte analysiert werden. Der native speaker realisiert entweder die eine, oder die andere. Beide sind bei einem Sprecher nicht möglich. Demzufolge ist die Beschreibung einer fakultativen Variante für die Hochlautung wenig interessant.

3. Wenn zwei oder mehrere akustisch-artikulatorisch ähnliche Laute unter phonemisch gleichen, aber phonetisch verschiedenen Verbindungen erscheinen, so können sie als Varianten ein und desselben Phonems betrachtet werden. Vgl.: ad-(Name), ada- (Insel), /adalár/- (Inseln), /adalardán/- (aus Inseln) usw.

4. Wenn zwei akustisch-artikulatorisch ähnliche laute unter phonemisch verschiedenen, dementsprechend auch phonetisch verschiedenen Bedingungen vorkommen (phonetische Verschiedenheit ist durch die phonemische bedingt), so können sie als Varianten eines Phonems betrachtet werden. Vgl.: *bir-* (eins), *bar-*(Frucht), *nar-* (Granatapfel), *qar-* (Schnee) usw.

Literatur

1. F.Kazymov, Sistema glasnyx fonem sovremennogo aserbaidžanskogo jazyka, in: O LJ, t. 1 (1952), v. 4; A.Dämirçizade, Müasir azərb. Dilinin fonetikasy, Baku, 1972; A.Achundov, Müasir asərbajğən dilinin fonemlər sistemi, Baku 1973.

2. A.Achundov, edb.

3. A.Alekperov, Fonetičeskaja sistema sovremennogo aserbaidžanskogo jazyka, Baky 1971.

4. L.R.Zinder. K voprosu o sostave fonem s sovremennom nemeckom jazyke , in: Philologica, Leningrad 1973.

5. A.A.Reformatskij. Iz istorii otečestvennoj fonologii, M., 1970.

6. L.V.Ščerba. Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost', M., 1974.

7. Die ersten weitreichenden Konsequenzen zugunsten der funktionellen Betrachtung der lautlichen Seite der Sprache vermochte I.A.Baudouin de Courtenay bereits abzusehen. Im Gegensatz zu denen, die die Sprache als ein Konglomerat von Strukturen, die den aktuellen Äußerungen zugrunde liegen, auffassen, sieht I.A.Baudouin de Courtenay die Hauptaufgabe in der Gegenüberstellung von Bezeichnetem und Bezeichnendem beim sprachlichem Zeichen. Eine Konsequenz aus dieser bilateralen Zeichenauffassung war es, dass die Kommunikationseinheiten eine lautliche, substantielle Existenzform voraussetzen, wobei die syntagmatischen und paradigmatischen Verhältnisse aufs engste miteinander verbunden sind. Die Zusammensetzung der Einheiten zu den komplexen Formen, sowie auch die Beziehungen der Elemente untereinander müssen bei der Sprachanalyse deutlich gemacht werden. Mittels der anzuwendenden Verfahren muss der Mechanismus der Zusammenfassung von Einheiten einerseits und der Mechanismus der Zuordnung der Einheiten zu dieser oder jener Klasse innerhalb des Sprachsystems andererseits verdeutlicht werden.

8. E.Sievers. Grundzüge der Phonetik, L. eipzig, 1901.

9. E.Sievers. Evda, S.43.

10. H.Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, Halle/S. 1920, S.51-52.

11. L.V.Ščerba. edb., S.115.

12. L.R.Zinder. Obščaya fonetika, L. 1960. S.36.

PROBLEME DER PHONEMVARIANTEN IN DER

GEGENWÄRTIGEN PHONOLOGIE*

ABSTRACT

This report contains the results of the investigation in the field of the phoneme variation based on the theoretical conception of L.V. Sherba and his followers. According to their presumption it's necessary to distinguish three levels of the phonological analyses: invariants, variants and sound levels. Each level is characterized by its own units and rules of their combination.

Fast ein Jahrhundert lang ist die Sprachforschung von der Frage nach Ausstellung des Sprachlautsystems und Herausstellung der Varianz und Invarianz der einzelnen Sprachlaute beherrscht¹. Die Erfolge sind dabei so suggestiv, daß kein anderer Gesichtspunkt Anspruch auf solch ein wissenschaftliches Interesse erheben kann. Diese Fragestellung wurde besonders weitreichend inspiriert durch die grundlegenden Werke von I.A. Baudouin de Courtenay² und Ferdinand de Saussure³. Diese im letzten Jahrhundert stark entwickelten zwei Gelehrten stehen am Steuer der sich den Strömungen in der Sprachwissenschaft, auf deren Basis sich die Phonem- und Variantentheorie herausbildete.

Nach Ferdinand de Saussure, der von der Dichotomie Sprache (langue)- Sprechen (parole) ausgeht, wird die Sprache als System von Zeichen bestimmt, in dem die Verbindung von Sinn und Lautzeichen wesentlich ist. Während die Sprache sich durch sozialen und konstanten Charakter kennzeichnet, ist das Sprechen immer individuell und euphemerisch. Sprache und Sprechen treten nach dem schweizerischen Gelehrten als zwei gegenüberstehende Polarstufen einer einheitlichen Erscheinung auf. Sie bilden zusammen die menschliche Rede⁴. Auf der Dichotomie beruht eigentlich der Gedanke N.S. Trubetzkoy's über die scharfe Trennung der Phonologie von der Phonetik, in dem die Phoneme Einheiten der Sprache, die Varianten aber außer den Fällen, in denen sie eine delimitative Funktion ausüben, Einheiten des Sprechens sind.

Eine Hauptschwäche der saussureanischen Dichotomie besteht darin, dass sie die Varianzebene aus der Sprachtheorie völlig ausschließt. In Wirklichkeit aber kommen in der zwischenmenschlichen Kommunikation solche Erscheinungen vor, die im Sprachsystem als solche nicht existieren und auch nicht als physikalische Dimensionen aufgefaßt werden können, aber deren Berücksichtigung für eine aufschlußreiche phonologische Theorie von großer Bedeutung ist. Es handelt sich hier um Eigenschaften, die als Ergebnis der

---

* İlk dəfə çap olunub: "Proceedings XI th ICPHS. The Eleventh International Congress of Phonetic Science. Auque 1-7, 1987, Tallin, vol.2, Se 30. 3.1, p.257-260.

segmentellen Wechselwirkung an der Lautgrenze zutage treten und die die Varianz der sprachlichen Einheiten voraussetzen.

Die gegenwärtige deutsche Aussprachenorm fordert die starke Behauchung der stimmlosen Verschlussprengelante /p, t, k/ im Anlaut vor betonten Vokalen, sowie im absoluten Auslaut der Wörter und Sätze. Außerdem ist die Realisation der deutschen Vokale im Morphem- und Lexemanlaut mit einem starken Einsatz (Knacklaut) aussprachenormgerecht. Vgl.:

/p^h 'akən, p^h vpə, t^h 'a:k, *z'ant^h, 'a:bent^h / usw.

Die Nichteinhaltung dieser Bedingungen wird als Abweichung von der gegenwärtigen Hochlautung wahrgenommen. Die Behauchung von /p, t, k/ im Anlaut vor betonten Vokalen und im Auslaut einerseits und die Aussprache der Vokale mit Knacklaut im Morphem- und Lexemanlaut andererseits haben im phonologischen System keinen funktionellen Wert. Sie sind phonetische Eigenschaften des Gesprochenen und obligatorisch für die Aufrechterhaltung der orthophonischen Norm. Diese Eigenschaften sind aber nicht im Sprachsystem integriert und daher treten sie im Deutschen nie als Differenzmerkmal auf. Es gibt im deutschen Phonemsystem keine gegenüberstehenden Phonempaare, in denen sich das eine vom anderen durch das Vorhandensein oder Nichtvorhandensein von Behauchung unterscheiden würde. Im Gegensatz dazu ist die Behauchung im griechischen Dialekt Zokanisch, im Georgischen, Amcharischen, Tibetischen u.a. ein relevantes Merkmal⁵. Daraus ergibt sich, dass die materiale Beschaffenheit nicht frei ist und ihre Gebundenheit an Relevanz und Redundanz vollkommen von den Systemverhältnissen abhängt. Daher muss sie für jede Sprache isoliert betrachtet werden. Es gibt keine Sprache, deren Einheiten immer als solche fungieren, ohne dass sie auf bestimmte Variierung hinweisen. Allerdings ist die Varianz von der Funktion her eine wichtige Ebene, denn die Systemverhältnisse und Einheiten der Sprache werden in der Varianzebene am deutlichsten ausgedrückt. Obwohl die Varianzeigenschaften als redundante Merkmale auftreten, sind sie doch wichtig für die Spracherkennung. Im Gegensatz zu Ferdinand de Saussure geht die sowjetische Sprachwissenschaft, insbesondere die Schule L.V. Schtscherbas, von der trichotomischen Sprachgliederung aus und betont die Wichtigkeit der dreiteiligen Gegenüberstellung für die Sprachtheorie und Sprachpraxis. Bei der trichotomischen Betrachtung lassen sich drei Aspekte aussondern: 1. Das sprachliche System; 2. Das sprachliche Material als Gesamtheit von Gesprochenem und Wahrgenommenem (Text) unter Berücksichtigung der Begriffe von Zeit, Ort und Realisierungsbedingungen; 3. Die sprachliche Tätigkeit als Prozess des Sprechens und Verstehens⁶. Diese Dreiteilung bezieht sich auf alle Ebenen der Sprachstruktur.

Die Varianten der Spracheinheiten können in dieser Gliederung zum sprachlichen Material gezählt werden, sie lassen sich gerade auf dieser Ebene am deutlichsten erkennen. Im sprachlichen Material (Text) greifen alle Fak-

toren der segmentellen und suprasegmentellen, sowie auch der außersprachlichen Einwirkungen auf die Phonemrealisation ineinander. Dementsprechend kann man in einer Sprachtheorie drei Ebenen auseinanderhalten, von denen die funktionelle Ebene oder Invarianzebene und die Sprechaktebene oder Lautebene zwei Polarstufen sind, zwischen denen die Normebene oder Varianzebene als Zwischenstufe existiert. Jede von diesen Ebenen kennzeichnet sich durch ihre Einheiten und Merkmale. Im Prozess des Sprechens und Verstehens treten die Laute (Phone oder Lautexemplare) als einzelne physikalische Erscheinungen auf, die sich aufgrund der Realisierungsbedingungen in bestimmte Klassen gruppieren lassen und deren allophonische Abstrahierung sich auf der Norm oder Varianzebene vollzieht. Sie werden durch verschiedene Schulen verschiedenartig bezeichnet: Allophone (nach den amerikanischen Deskriptivisten), Phonemschattierung oder Phonemvariante (nach Schtcherba und seinen Nachfolgern), Phonemvariante (nach N.S.Trubetzkoy u.a.) usw. Hier kann man auf eine tiefgreifende und ausführliche Analyse terminologischer und konzeptueller Grundlagen von den erwähnten und auch anderen Schulen verzichten. Wir gebrauchen Allophone und Varianten als Synonyme.

Die Variante tritt als Besondere auf, weil jede ihrer Erscheinungen als Verallgemeinerung unter Berücksichtigung besonderer Bedingungen (Position, Kombination, Einfluß der suprasegmentellen Einheiten usw.) aufgefaßt werden kann.

Die Variante als Besondere lassen sich auf der nächsten Abstraktionsebene in Phoneme verallgemeinern. Auf dieser Ebene bilden die Phoneme als Allgemeine ein funktionelles System, in dem ein Phonem dem anderen durch Oppositionsverhältnisse gegenübersteht. All diese drei Ebenen stehen einerseits miteinander in enger Beziehung und Wechselbeziehung, andererseits bewahrt jede von ihnen ihre autonome Selbständigkeit durch die im Sprachsystem integrierten Merkmale.

Die Laute sind solche akustischen Phänomene, die vom Sprechenden erzeugt werden, um dem Gesprächspartner etwas mitzuteilen. Der Gesprächspartner dekodiert das vom Sprechenden Übermittelte nach den akustischen Eigenschaften, die die Laute haben.

Von der Varianzebene her stehen alle möglichen Varianten nebeneinander und bilden ein Subsystem, in dem eine Variante im Vergleich mit anderen nicht hervorgehoben werden kann. Nur von der Frequenz her kann man vom Vorzug dieser oder jener Variante sprechen. Das heißt, dass irgendeine Variante in einer höheren Gebrauchsfrequenz auftreten kann und somit der Häufigkeit des Auftretens nach statisch den Vorzug haben kann. Ansonsten sind alle Varianten für den Mechanismus der Sprache gleichwichtig und die Varianten eines jeden Phonems bilden gemeinsam die Gesamtheit der Regeln, nach denen die Phoneme der gegebenen Sprache zu gebrauchen sind.

Es gibt aber Varianten, die mehr oder weniger abhängig sind. Dazu gehören die isoliert ausgesprochenen Varianten. Dasselbe beobachten wir in den Fällen, wenn das Wort ein einziges Phonem hat. Vgl. /o/- „er“ im Aserbaidshanischen oder /æ/-“Ei“ im Deutschen.

Was das Phonem anbetrifft, so besteht seine Funktion in der Konstruierung und Differenzierung von Wörtern und Wortformen. Ein Phonem ist so abstrakt wie ein Morphem oder ein Lexem und tritt im Text immer in seinen Varianten auf. Einem Phonem entspricht auf dem akustisch-artikulatorischen Niveau die Gesamtheit von akustischen Eindrücken und artikulatorischen Bewegungen. Ein Laut ist immer Repräsentant irgend einer Variante und diese ist Vertreter irgendeines Phonems. Diese Gedanke kann auch umgekehrt formuliert werden: ein Phonem ist durch Varianten, die Letzteren aber sind durch Laute zu realisieren. Zusammenfassend kann man sagen, daß die Laute, Varianten und Phoneme sich zueinander so verhalten, wie sich das Einzelne zum Besonderen und das Besondere zum Allgemeinen verhält⁷.

Die hier dargelegte Variantenauffassung steht in Übereinstimmung mit der Lehre des dialektischen Materialismus über das Einzelne, Besondere und Allgemeine. In der realen Wirklichkeit hat jedes Phonem mehr Varianten, als das von der Sprachbeschreibung zugegeben wird. Die Varianten eines Phonems bilden ein ununterbrochenes Skala und durch die Entwicklung neuer Untersuchungsmethoden werden immer mehr Typen von Varianten gefunden.

Die Varianten eines Phonems werden als solche nicht aufgrund der akustisch-artikulatorischen Verwandtschaft identifiziert, sondern auch eine linguistische Analyse, wenn es auch wichtig ist zu betonen, dass die Sachverhalte nur dann linguistisch unterschiedlich identifiziert werden, wenn akustisch-artikulatorische Unterschiede vorhanden sind. Akustisch-artikulatorisch verschiedene Laute können auch als Varianten eines Phonems zusammengefasst werden, wenn diese Varianten gleiche Differenzmerkmale aufweisen und wenn die Integralmerkmale bei ihnen unterschiedlich sind. Laute mit absolut gleichen akustisch-artikulatorischen Besonderheiten aber können nie als zwei verschiedene Phoneme aufgefaßt werden. Die Integralmerkmale hängen völlig mit Position, Kombination in und anderen suprasegmentellen Eigenschaften zusammen. Die enge Wechselbeziehung der akustisch-artikulatorischen Korrelate und der linguistischen Bewertung von lautlichen Eigenschaften ist in der von L.R.Zinder erarbeiteten These deutlich ausgedrückt. Das Wesen dieser These besteht darin, daß die phonetischen Unterschiede unbedingt eine Voraussetzung für die linguistischen oder phonologischen Unterschiede darstellen, aber nicht alle phonetischen Unterschiede unbedingt zu phonologischen oder linguistischen Unterschieden führen⁸.

Ausgehend von der Theorie der Autonomie der lautlichen Seite der Sprache muss bei der phonologischen Analyse zuerst das Phoneminventar,

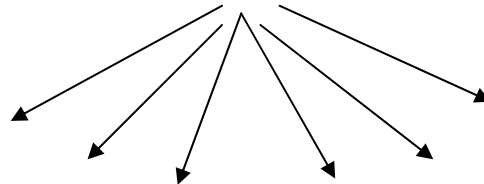
danach das Phonemsystem mit möglichen Gegenüberstellungen nach Differenzmerkmalen festgestellt werden. Der nächste Schritt muss die Beantwortung der Frage sein, wie dieses oder jenes Phonem gebraucht wird, wobei durch die eingeführten Begriffe Position und Distribution Phonemvarianten näher präzisiert werden. Es ist wichtig zu betonen, dass diese Prozedur nicht durch mechanisch ausgedachte Minimalpaare und auch nicht nach der Distinktivität, die durch mechanische Gegenüberstellung von Quasihomonymen herausgefunden ist, durchgeführt wird, sondern sich auf das morphologische Kriterium stützt, dessen Wesen in der Aussonderung und Identifikation der Segmenteinheiten durch ihre Verbindung mit der minimalen bedeutungstragenden Einheit- dem Morphem (unmittelbar oder potentiell) besteht. Einen besonderen Platz in der allgemeinen Phonemtheorie nimmt das Problem der Variantenbeschreibung ein. Die Untersuchungen der letzten Jahrzehnte weisen darauf hin, dass die sogenannten stationären Gebiete an und für sich nicht hinreichend für die Phonemidentifikation sind. Für die Phonemwahrnehmung braucht der Sprachträger außerdem die Information, die in Übergangsbereichen angegeben ist. Diese Stellungnahme führte zu tiefgreifenden Forschungen der Phonemvariierung.

Die Formulierung, nach der der Einfachheit halber unter dem Phonem im weiteren gerade die isoliert ausgesprochenen, sogenannten typischen Varianten verstanden werden (L.V.Schtscherba), rief später eine lebhafte Diskussion hervor. Man unterstellte L.V.Schtscherba die Vernachlässigung des dialektischen Zusammenhangs zwischen Phonem und Variante. Es erweist sich die Grundlosigkeit dieser Vorwürfe, da jede Realisierung des Phonems als das Phonem selbst bestimmt werden muss. Der Weg von der Variante zum Phonem und vom Phonem zu jeder seiner Varianten ist direkt, nicht aber über andere Varianten. Diese Fragestellung muss aber nicht zu Mißverständnissen führen, als sei L.V.Schtscherba in seiner Phonemtheorie von der Dialektik zurückgetreten, indem er den Phonembegriff mit dem isoliert ausgesprochenen Laut gleichsetzt und ihn als typische Variante anführt. Die Erarbeitung der Variantentheorie hat außerordentliche theoretische Bedeutung, vor allem für die Sprachperzeption, aber auch für die Sprachvermittlung. Beide Aspekte können sich erfolgreich entwickeln, wenn die Phoneme der Phonemvarianten gelöst sind. Selbstverständlich haben die meisten Sprachen heute eine Beschreibung ihres Phonembestandes, manche Sprachen besitzt sogar eine ausführliche Beschreibung der einzelnen Phoneme, des Phonemsystems. Dessen ungeachtet sind die wichtigsten Probleme der allgemeinen, angewandten, konfrontativen und kontrastiven Phonetik heutzutage nicht lösbar, weil die Variantenbeschreibung stark zurückbleibt.

Unter vielen strittigen Fragen der Phonemvarianten mögen hier einige erwähnt werden. Es handelt sich vor allem um Variantendefinition, Variantenarten, Beziehungen zwischen Phonem, Variante und Laut. Eine umfang-

reichende distributive Analyse der Phonemrealisationen ermöglicht, das Subsystem der Varianten aufzustellen, ihre Grenzwerte und Arten festzustellen. Von der traditionell zu unterscheidenden obligatorischen, stilistischen und fakultativen Varianten sind die obligatorischen für die Sprachfunktion sehr wichtig, da die Phoneme der Sprache nicht isoliert fungieren, sondern sich zueinander in enger Beziehung befinden. Daher lassen sie sich den Einflüssen der Position und Kombination und auch der suprasegmentellen Einheiten unterwerfen. Aus der distributiven Analyse ergeben sich folgende Variantentypen des Phonems /a:/.

/ a: /

/_>a: /, /_ * a. /, /_K+ 'a: +K /, /_K+ ä. +K /, /_ 'a: # /- /_ ã: / usw.

Vgl.: Abend, aber, fragen, fatal, sah, mahnen u.a.

Die Zahl der Varianten kann man vermehren, wenn alle Faktoren der Phonemvariierung berücksichtigt werden.

Die Variante ist nicht begabt, Wörter und Wortformen zu differenzieren, sie steht einerseits den anderen Varianten des Phonems, zu dem sie selbst gehört, gegenüber, andererseits den Varianten anderer Phoneme durch das Phonem selbst. Vgl.:

/a:/- /_>a: /- /_ ä. /, /_ 'a: /- /_ ã: / u.a.

/e:/- /_>e: /- /_ ě. /- /_ 'e: /- /_ ě. /

Die Varianten eines Phonems können miteinander durch die Einheiten höherer Stufe verbunden sein. /_e:/ und /_e. / stehen miteinander durch ihre Realisation in Allolexemen /'le:bən/-/le. 'bən/ (diç) in enger Wechselbeziehung. Bei der Lösung der Frage über die Zugehörigkeit der Variante zu diesem oder jenem Phonem spielt das Kriterium der komplementären Verteilung eine wichtige Rolle.

Die Klassifikation der Varianten und die Bestimmung des Variationsdiapasons sind in der Wirklichkeit von der Analyse der positionellen

und kombinatorischen Realisationsbedingungen abhängig. Im Folgenden sind einige Regeln dieser Analyse zu erwähnen.

1. Gleiche Phonemumgebung, aber verschiedene phonetische Realisationsbedingungen, die durch die Wirkung der koartikulatorischen Einflüsse zu erklären sind. Vgl. : /u:/, /o:/, /a:/ in den Wörtern /'tu:t/, /'to:t/, /'ta:t/ u.a.

2. Gleiche Phonemumgebung und identische Realisationsbedingungen, aber verschiedene Situationen, Kontexte und Sprechakte. Vgl. Individuelle, situative und kontextuelle Varianten in folgenden Belegen.

Situation A: /*zi. ˌli:st̪ ˌæn ˌbu:x//

Situation B: /*zi. ˌli:st̪ ˌæn ˌbu:x// (niçt̪ >ænə ˌtsæt̪uŋ) // u.a.

3. Gleiche Phonemumgebung, aber verschiedene phonetische Realisationsbedingungen, die durch suprasegmentelle Eigenschaften hervorgerufen sind. Vgl. akzentuierte und nicht akzentuierte Aussprache der Vokale, ihre verschiedenen Stellen in der Struktur des Wortes: /la. ˈbo:R/- /la. bo. ˈrant/, /dˈɔkto.R/-/dɔktˈo:rən/ u.a.

4. Gleiche Phonemumgebung und daraus resultierende verschiedene phonetische Realisationsbedingungen bei gleichen suprasegmentellen Faktoren. Vgl. : /a:, o:, u:/ in den Wörtern /'kʊndə, ˈ*ba:dən, ˈlo:nən, ˈtu:x/ usw. Die angeführten Regeln verdeutlichen die Wechselbeziehung von Phonem und Variante. Es gibt natürlich noch andere Regelmäßigkeiten, die sich auf Phonemvariierung beziehen. Deren Formulierung stellen weitere Aufgaben der syntagmatischen Phonologie.

Literatur

1. E.Sievers. Grundzüge der Phonetik, Leipzig, 1901.
2. I.A.Baudouin de Courtenay. Izbrannyje trudu po obšemu jazukoznaniju. M., 1963.
3. F.de Saussure. Grundlagen der allgemeinen Sprachwissenschaft. Göttingen, 1967.
4. N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939.
5. Idb, S. 46.
6. L.V.Schtscherba. O trojakom aspekte jazukavyx javlenij i ob eksreimente v jazukoznanii. V kn. : «Jazukovaja sistema i rečevaja dejatel'nost». Leningrad, 1974.
7. F.Vejšalov. Die phonetische Wissenschaft in der UdSSR und einige Probleme der gegenwärtigen Rphonologie. Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Ges.-Sprachw. Reihe, 1978, Jg.XXVII, H.3.
8. L.R.Zinder. Obšaja fonetika. M., 1979, S. 73.

ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ ФОНЕМ

В СОВРЕМЕННОЙ ФОНОЛОГИИ ¹⁺

Как известно, критерии сегментации и идентификации звуковых единиц [1-2], разработанные школой Щербы, основаны на м о р ф о л о г и ч е с к о м п р и н ц и п е: «...фонемное членение должно самым непосредственным образом зависеть от морфемного, морфологического. Иными словами, фонологическая сегментация оказывается производной от сегментации морфологической» [2, с. 22].

Что касается вопроса о парадигматическом тождестве аллофонов (вариантов, оттенков) одной фонемы [3-4], то и здесь исходным является морфологический критерий. Данное положение, во-первых, объясняется тем, что аллофоны одной фонемы никогда не используются для различения смысловых единиц. В русском языке [ɛ] и [e] являются вариантами одной фонемы, «...так как не найдем в русском языке ни одного случая, где бы дифференциация смысла была поддерживаема лишь этими двумя оттенками, и такой случай нельзя себе представить даже в искусственном р у с с к о м слове» [5, с. 117). Однако непротивопоставленность вариантов фонем на уровне функциональной системы как разных языковых единиц вовсе не исключает для них возможности образовать оппозицию на уровне аллофонов. Так, например, аллофоны немецкой фонемы /d/ -- [dʰ], [d⁰], [d] и т. д. в словах /xdi:zə/ «это», /xɔdɪn/ «тонкий» и /xda:mə/ «дама» не противопоставлены друг другу как разные фонемы, т. к. в системе немецких фонем нет противопоставления согласных по признакам «губной-негубной», «мягкий-твердый», «апикальный-дорсальный» и т. д. В этом легко убедиться, если устранить фонетические условия, вызывающие появление того или иного варианта фонемы.

Но [dʰ], [d⁰], [d] и т. д. противопоставлены друг другу на уровне вариантов, поскольку каждый член этого вариативного ряда противопоставлен соответствующим членам вариативных рядов других фонем. Ср.:

/d/ -- [dʰ] # [d⁰] # [d]
 # # # #
 /t/ -- [tʰ] # [t⁰] # [t] и т. д.

С другой стороны, два звука оказываются аллофонами одной фонемы, если они связаны между собой лингвистически, т. е. если их дополнительная дистрибуция возможна в данном языке в пределах одной и той же языковой единицы – морфемы. Так, например, [d] и [d⁰] встре-

¹ Впервые опубликована в: „Вопросы языкознания“. № 3, 1990, стр. 72-80

чаются не только в /^l*dan/ и /^l*d⁰um/, но и в /^l>endən/ /^l>end⁰π/ [6].

И, наконец, единицы, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, должны обладать акустико-артикуляторным различием. Абсолютно одинаковые элементы не могут быть распределены ком-плементарно.

Таким образом, варианты фонем – это не физиологически и акустически обусловленные фонемы, а общественно обработанный элемент, необходимый для функционирования фонологической системы языка. Варианты – это видоизменение языковых единиц, допустимое в данной функциональной системе и обусловленное контекстом и ситуацией их реализации. Вариативность является объективной категорией, присущей всем уровням структуры языка, но в наиболее ярком виде она проявляет себя в единицах плана выражения, находящихся друг с другом как в контактном, так и в дистантном расположении. При этом необходимо отметить, что вариативность на одном уровне или в одном языке может рассматриваться как инвариантность на другом уровне или в другом языке. В немецком языке [d] и [d'] суть варианты одной фонемы, а в русском – две самостоятельные фонемы.

Вариативность единиц разных уровней языка подчиняется внутривариантным законам и регулируется внутриязыковыми правилами. Речь идет о внутривариантной вариативности, к которой относятся все варианты, обусловленные позицией, комбинацией, а также дистрибуцией. Этой вариативности как внутривариантной противопоставляется варьирование, которое зависит от социолингвистических факторов (варианты, используемые членами данного языкового коллектива в различных идиолектных и временных условиях).

При наличии существенных расхождений в исходных положениях все современные фонологические теории практически выделяют одни и те же типы вариантов: обязательные и необязательные. Первые в свою очередь подразделяются на основные и специфические. К основным вариантам относятся изолированно произнесенные гласные или реализация фонем в позиции максимальной дифференциации - гласные под ударением или согласные в интервокальной позиции. Специфические типы вариантов могут быть комбинаторными и позиционными. Если комбинаторные варианты фонем обусловлены комбинацией или сочетанием (ср., например, немецкую фонему /t/ в словах /^lt'i:R/ «животное», /^lt⁰у:R/ «дверь» и т. д.), то позиционные варианты в одних языках зависят от супrasegmentных характеристик (ср., например, сильную редуцированность гласных азербайджанского языка в безударной позиции: /p^lik/ «кошка», /p^lçax/ «нож» и т. д.), в других языках от места их в структуре единиц вышестоящих ярусов (ср. реализацию гласных фонем

в немецком языке в абсолютном начале слов и морфем с сильным приступом: /^ˈaːtəm/ «дыхание», /^ˈa:bənt/ «вечер» и т.д.).

К необязательным типам вариантов относятся индивидуальные и факультативные варианты, которые обусловлены индивидуальными особенностями говорящего и возможностью их взаимозаменяемости (ср., например, шепелявые или свистящие реализации щелевых согласных, картавую реализацию фонемы /t/ и т. д.). Классическим примером факультативных вариантов являются [R] и [r] в немецком языке, где увулярный вариант все больше и больше вытесняет переднеязычный раскатистый вариант.

Следует отметить, что для функционирования фонологической системы языка обязательные варианты более значимы, чем необязательные. Подтверждением этого может служить тот факт, что употребление одного обязательного варианта вместо другого значительно затрудняет понимание смысла воспроизведенного, в то время как факультативные варианты находятся в отношении свободного варьирования. Что же касается индивидуальных вариантов, то они могут быть рассмотрены в диахроническом аспекте как один из новых возможных в языке источников появления фонем. Чисто синхронически они для механизма языка незначимы, но весьма информативны для распознавания личности говорящего. Рассмотренные выше типы вариантов могут быть описаны и с точки зрения эмоциональной насыщенности речи. В этом случае мы будем иметь дело с противопоставлением вариантов по стилистическому признаку «нейтральный/эмоциональный».

Несмотря на разработанность проблемы вариантов в фонологии, некоторые вопросы требуют дальнейшего рассмотрения. К таким вопросам относятся: выявление инвентаря вариантов фонем, исследование сети отношений между вариантами и инвариантами, установление точных критериев, определяющих диапазон варьирования отдельных единиц языка. Нет также достаточно четкого подхода к вопросу о том, можно ли пренебречь акустико-артикуляторными характеристиками при отнесении вариантов к одной фонеме. Важно иметь в виду, что существующие правила определения вариантов базируются в основном на анализе отдельных слов, что не дает возможности распространить эти правила на целые высказывания.

Совершенно очевидно, что разработка проблемы соотношения вариантов и инвариантов способствовала бы лучшему пониманию дихотомии языка и речи и связанных с нею других вопросов: проблемы социального и индивидуального в языке, системы и нормы и т. п. Практически же разработка проблемы вариантов способствовала бы оптимальному решению задач преподавания неродного языка и автоматиче-

ского распознавания устной речи.

Выявление оттенков, на которые распадаются фонемы, а также объяснение причин появления каждого из оттенков Л.В.Щерба считал основными, но вместе с тем весьма трудными задачами фонетики: «Насколько же, однако, трудно обратить на них внимание в п е р в ы е, явствует из того, что „открытие“ того или другого оттенка обыкновенно вменяется в особую заслугу» [5, с. 112].

На необходимость изучения вариативности фонем указывали в свое время также немецкие лингвисты. Еще Э.Сиверс, один из основоположников фонетической науки в Европе, говоря о деятельности фонетиста, отмечал, что установление одной только системы звуков языка (Sprachlaute), каким бы оно ни было важным, всегда является лишь элементарной задачей. Для каждого звука, в широком смысле слова, имеется определенный простор, в пределах которого проявляются его разновидности (варианты), точное определение которых, по мнению Э.Сиверса, и составляет основную задачу описательной фонетики [7].

Существенный вклад в разработку проблем варьирования фонем внесли фонометрические исследования Э. и К.Цвирнеров, по мнению которых коммуникативная функция языка ставится в зависимость от того, насколько последовательно говорящий и слушатель, принадлежащие к одному и тому же языковому коллективу, придерживаются унаследованной системы норм, устойчивых при данном состоянии языка. Из этого теоретически правильного утверждения основоположники фонометрического метода не сделали надлежащего вывода, касающегося объединения вариантов фонем. Вместе с тем этот метод достоин внимания, поскольку он позволяет критически проверить средние значимости на основе вычисленных отдельных значимостей [8].

Важность изучения вариативности фонем признается также представителями перцептивной фонетики. В отличие от бинаристов, указывающих на принципиальную важность однозначной фонемной идентификации на основе одних лишь дифференциальных признаков данного речевого отрезка, лингвисты, занимающиеся перцептивной фонетикой, доказывают, что для распознавания языковых единиц решающее значение имеет информация о данном звуке, содержащаяся не в самом звуке, а в окружающих его звуках или же в переходных участках. Это, по мнению некоторых авторов, относится особенно к гласным в их сочетании с предшествующими согласными [9]. Поэтому вполне естественно стремление многих авторов разрабатывать модель восприятия языка, исходя из единиц, больших, чем фонемы [10].

В решении вопроса о соотношении фонемы и варианта Н.С.Трубецкой, как известно, основывался на дихотомии языка и речи.

В фонологическом построении с опорой на дихотомию языка и речи нет места вариантам фонем, за исключением тех случаев, когда варианты выполняют делимитативную функцию [11]; в этом случае последние оказываются отнесенными к языку.

Вместо бинарного подхода целесообразным и научно обоснованным представляется тернарный подход, исходящий из наличия трех уровней: уровня функциональной системы, уровня нормы и уровня конкретного речевого акта [3, с. 8; 12, 13]. Все эти уровни характеризуются собственными единицами, образующими диалектическое единство. Уровень конкретного речевого акта, самый низкий в этой иерархии, представлен звуками, выступающими как «отдельное», варианты, единицы уровня нормы, представляют «особое», а фонемы, единицы функциональной системы, выступают как «общее». Определение фонемы как «общего», варианта как «особого» и звука как «отдельного» основывается на диалектико-материалистическом истолковании фундаментальных понятий фонологии [3]. Фонемы образуют функциональную систему, основывающуюся на противопоставлении дифференциальных признаков. Эти признаки являются системообразующими. Варианты же представляют собой совокупность дифференциальных и интегральных признаков, причем последние являются приобретенными на уровне нормы. Варианты как единицы нормы зависят от системы. Любое изменение в системе влечет за собой изменение в норме, любое передвижение в норме регулируется системой. В то же время отклонение от нормы приводит к перестройке единиц системы. В норме нет хаоса, она целиком контролируется системой, следовательно, является уровнем, допустимым системой. Фонема невозможна без вариантов, точно так же, как вариант невозможен без фонемы. Вариант каждой данной фонемы, кроме дифференциальных признаков, включает еще и интегральные признаки, возникающие в той или иной позиции. Варианты противопоставлены на уровне нормы. Если фонема как инвариант – единица неподвижная, ограниченная своими дифференциальными признаками, то вариант, благодаря интегральным признакам, имплицитно содержит возможность диахронических изменений. Интегральный признак – это дифференциальный признак в потенции. Варианты относятся к уровню нормы. Однако диапазон нормы шире, чем диапазон системных единиц. Так, в консонантизме немецкого языка нет противопоставления согласных по признаку «придыхательный / непридыхательный». Вместе с тем в определенных позициях, в частности, в анлауте перед ударным гласным, а также в ауслауте лексем глухие смычно-взрывные согласные /p/, /t/, /k/ произносятся с заметной аспирацией: /p^h, t^h, k^h/. Эта аспирация является обязательной для всех говорящих на немецком литературном

языке. Несоблюдение этого правила воспринимается немецким языковым обществом как акцентное отклонение от немецкой орфофонической нормы [14].

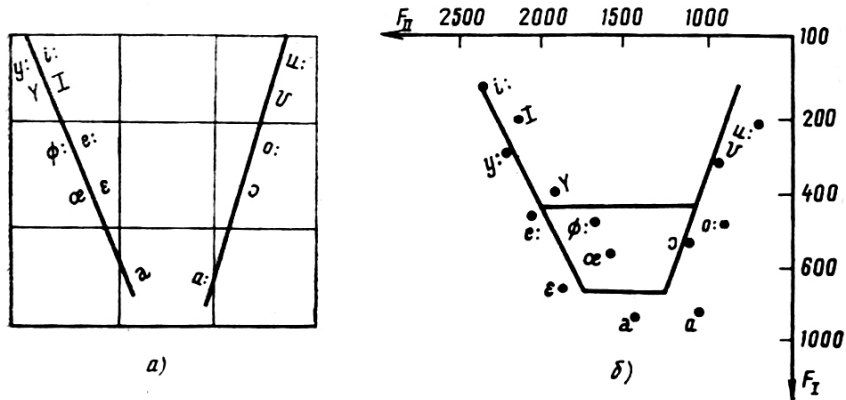

Рис. 1. а) Треугольник немецких гласных, составленный на основе таблиц Л.В.Щербы и Л.Р.Зиндера; б) Схематическое изображение гласных немецкого языка по формантным характеристикам, составленное на основе собственных данных автора.

Ниже будут проанализированы комбинаторные варианты гласных фонем немецкого языка. Исследование можно проводить как в артикуляторных, так и в акустических терминах. Исследования в области акустики речи, интенсивно проводимые в последние два десятилетия с различной целью, показывают, что между данными артикуляторной и акустической фонетики нет противоречия. Наоборот, они дополняют друг друга. В качестве примера можно сравнить классический треугольник гласных с результатами их акустических характеристик (см. рис. 1).

Рис. 1б построен на основе данных анализа формантной структуры гласных немецкого языка. С целью наглядного сравнения результатов акустического анализа с данными классической фонетики мы перевернули систему координат так, чтобы на основании системы оказались гласные /a/ и /ɔ:/. Как видно из сравнения, акустический анализ показывает правильность выводов артикуляторной фонетики. На формантном рисунке гласные расположены почти так, как они даны на треугольнике. Поэтому в дальнейшем анализ будет проводиться в акустических величинах (в соответствующих случаях тому или иному акустическому корреляту будет найдено артикуляторное соответствие). Исходным для настоящего исследования является идея возможного сочетания каждого

гласного с каждым согласным, т. е. исследование не ограничивается комбинациями в пределах слога или слова, но и охватывает предложение, поскольку именно последнее выступает в процессе общения в качестве коммуникативной единицы.

Имеющиеся исследования по акустической характеристике сочетания звуков отмечают, что на качество гласного в сочетаниях с согласными наибольшее влияние оказывают предшествующие согласные. На рис. 2 даны результаты исследования начального переходного участка гласных немецкого языка с предшествующими согласными. Согласные сгруппированы с точки зрения активно действующих органов (артикуляции).

Из рисунка видно, что после губных согласных гласные имеют довольно низкий переходный участок своей F_{11} -структуры, после переднеязычных же этот переходный участок заметно выше, чем собственная стационарная часть F-структуры. Такое положение характерно для переходных участков тех гласных, которые отличаются от предшествующих согласных по артикуляторным характеристикам. Гласные переднего ряда, например, не имеют столь ощутимого повышения в переходном участке сочетания с переднеязычными согласными, в то время как для гласных заднего ряда в сочетаниях с предшествующими переднеязычными согласными отмечается существенное повышение в переходном участке F-структур (см. рис. 2.).

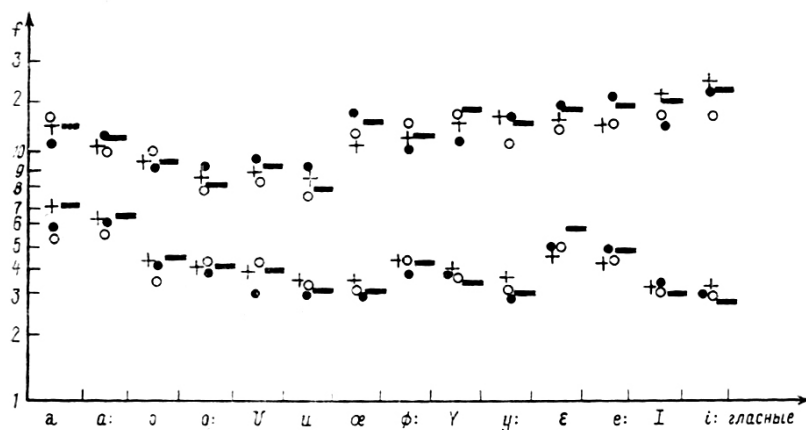

Рис. 2. Изменения в переходных участках гласных в сочетаниях СГ: о - после губных (пг); l - после переднеязычных (пп); + - после

заднеязычных (пз).

В отличие от этого нет резкого переходного участка между гласным и последующим согласным. Именно поэтому анализу подвергаются ударные гласные в комбинациях по модели СГ. Мы не привлекаем к анализу неударные гласные, потому что в неударной позиции кроме характеристик, зависящих от комбинации, необходимо принимать во внимание факторы влияния на гласные супрасегментных характеристик, что является объектом самостоятельного исследования. Исходя из сказанного, можно сгруппировать реализации гласных в сочетаниях СГ по пяти классам:

1. Гласные после губных согласных /b, p, v, f, pf, m/. Нелабиальные гласные /П:, а, е:, ε, i:, ɪ/ вступают в непосредственный контакт с губными согласными, т. к. уже конечная фаза предшествующего согласного совпадает с начальной фазой последующих нелабиальных гласных. Эти гласные артикулируются без участия губ. Но поскольку они сочетаются с превокальными губными согласными, то естественно, что губы остаются активными при переходе от согласного к гласному. В спектре гласных в сочетании с превокальными губными согласными обнаруживается своеобразный переход, выраженный в понижении F₁- и F₂-структуры. Лабиальные гласные такого перехода не имеют, потому что губы являются активными как при согласном, так и гласном. Следовательно, контраст между согласными и гласными отсутствует. Реализацию лабиальных гласных после губных согласных можно рассматривать как вариант особого типа. Одинаковые по активному органу звуки характеризуются отсутствием признака. А отсутствие признака позволяет противопоставлять лабиальные гласные в этой комбинации нелабиальным, с одной стороны, и собственным реализациям в комбинациях после переднеязычных и заднеязычных, с другой. Первое противопоставление является инвариантным, а второе – вариантным. По отношению к нелабиальным гласные /o:, ɔ, u:, ʊ, ø, ɛ, y:, ʏ/ характеризуются отсутствием контраста, а по отношению к реализациям этих гласных в комбинациях после негубных согласных они имеют самое низкое положение F₁ и F₂, но без заметного начального переходного участка (см. рис. 2).

II. Гласные после переднеязычных /d, t, z, n, s, t, l, s/. В комбинациях с этими согласными гласные /i:/, /ɪ/, /y:/, /ɪ/, /ø:/, /ɛ/, /e:/ и /ε/ не имеют в звуковом спектре четко выраженных переходных участков. Причиной этого является то, что эти гласные, как и предшествующие согласные, артикулируются при активном участии передней

части спинки языка. Конфигурация речевого тракта при переходе от согласного к гласному существенно не изменяется, поскольку они характеризуются гоморганностью, вследствие чего на спектре нет переходного участка. Однако спектры гласных /y:/, /y/, /ø:/ и /ɛ:/ обнаруживают изменение в переходном участке в силу участия губ при их произнесении, чего не отмечается в отношении согласных. Губы при образовании последующих гласных влияют на артикуляцию предшествующих согласных. Что же касается реализации гласных /a:, ɒ, o:, ɒ, u:, ɒ/ после этих согласных, то в их спектре обнаруживается значительное повышение F₁- и F₁₁-структуры. Причиной этого является артикуляторная гетероганность. Артикуляторная гетероганность всегда вызывает определенный контраст, выраженный в своеобразном переходном участке между членами сочетания. Напротив, артикуляторная гоморганность не вызывает контраста. Условия для реализации гласных остаются те же, что были у предшествующих согласных. Гласные заднего ряда в комбинациях с предшествующими переднеязычными согласными обнаруживают повышение F₁ и F₁₁ в переходном участке при реализации после переднеязычных. Это противопоставление является вариантным и отличается от противопоставления, имеющего место между ними и гласными переднего ряда, которое выступает как инвариантное (см. рис. 2).

III. Г л а с н ы е п о с л е с р е д н е я з ы ч н ы х /j, ɒ/. Отметим сразу, что согласный /ɒ/ перед /y:, ɒ, ε, ø:, ɒ/ не встречается. Перед остальными он встречается редко, причем в основном в словах иноязычного происхождения. Гласные /i:, ɪ, e:, ε, ø:, œ, ɒ:, ɒ/ не имеют после среднеязычных особого переходного участка. Близость артикуляции гласных и согласных не ведет к резкому изменению конфигурации речевого тракта при переходе от согласных к гласным. Гласные же /ɒ:, a, u:, ɒ, o:, ɒ/ обнаруживают в соседстве с поствокальными /j/ и /ç/ переходный участок, выраженный в повышении F₁- и F₁₁-структуры. Этот вариант гласных встречается редко, в особенности после /ç/. Спектрограммы показывают положение переходного участка.

IV. Г л а с н ы е п о с л е з а д н е я з ы ч н ы х могут быть охарактеризованы с точки зрения варьирования следующим образом: в соседстве с заднеязычными согласными гласные заднего ряда /ɒ:, a, o:, ɒ, u:, ɒ/ не имеют контраста в переходе от согласных к гласным. Согласный /ɒ/ не встречается перед гласными, а /x/ сочетается с гласными в этой комбинации в весьма ограниченных пределах (в основном в словах иноязычного происхождения). Гласные /i:, ɪ, e:, ε, ɒ:, u, ø:, œ/ в соседстве с заднеязычными согласными обнаруживают контраст, выраженный в ослаблении начального переходного участка в F₁ и понижении начала F₁₁. Спинка языка при артикуляции гласных переднего ряда в соседстве

с превокальными заднеязычными согласными оттягивается назад, вследствие чего происходит изменение конфигурации речевого тракта, характерной для гласных переднего ряда. Конечно, конкретные рисунки гласных отличаются здесь друг от друга так же, как и в рассмотренных выше случаях. Но общая тенденция изменения речевого тракта одинакова.

V. В а р и а н т ы г л а с н ы х п о с л е н а з а л ь н ы х с о г л а с н ы х. В этой позиции гласные получают особый оттенок, заключающийся в значительном изменении не только в переходных участках, но и в стационарной части гласных. Согласные /m/ и /n/ артикуляторно характеризуются включением носового тракта в результате опущения маленького язычка. Как известно, немецкие гласные являются чистыми. Оказавшись в соседстве с превокальными /m/ и /n/, гласные в своей начальной фазе получают назализованность в результате того, что опущенный язычок не успевает подняться к концу артикуляции согласного. В определенный промежуток времени он остается опущенным, а потом полностью поднимается, чтобы закрыть проход воздушной струи в полость носа. Такая артикуляторная гетерогенность приводит к изменению всего спектра гласного (см. рис.2).

И, наконец, реализация гласных обусловлена их соседством с согласными в зависимости от участия голосовых связок в артикуляции предшествующих согласных. Этот контраст, вслед за Л.В.Бондарко, можно назвать контрастом по основному тону. В соседстве со звонкими согласными и сонантами резкого контраста нет. Но в соседстве с глухими согласными обнаруживается контраст, выраженный в отсутствии основного тона у согласных и наличии его у гласных. Артикуляторно причиной этого является включение голосовых связок при произнесении звонких согласных, сонантов и гласных, именно поэтому в комбинациях с ними нет контраста, в то время как при произнесении глухих голосовые связки не участвуют. Поэтому возникает контраст по отсутствию/наличию основного тона. Это относится и к сочетаниям ГС. Этот контраст, как и отмеченные выше, может иметь разную картину в зависимости от конкретного положения каждого члена сочетания СГ: в одних случаях он может быть выраженным очень отчетливо, в других слабее. Необходимо принять во внимание и контрасты по длительности и интенсивности. Однако, нам думается, что эти контрасты должны быть отнесены к вариантам на уровне суперсегментной характеристики, ибо факторы, влияющие на динамическое и количественное варьирование гласных фонем, тесно связаны с суперсегментными характеристиками речи.

Суммируя все сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Проблема конкретного описания варьирования фонемы не получила должного развития. При определенной разработанности проблемы вариантов в теоретическом плане вплоть до настоящего времени нет четкого метода определения вариантов отдельных фонем.

2. Варианты фонем отражают естественные условия их реализации. Каждый вариант обусловлен тем, что он непосредственно представляет какую-то фонему через те условия, в которых он обязателен. Иной вариант в этих условиях неестествен, следовательно, он будет восприниматься как некое отклонение от нормы.

3. Функционирование фонем подчинено правилам варьирования. Любой вариант связан с артикуляторно-акустическими характеристиками, находящимися вне данной фонемы, т. е. обусловлен внешними условиями. Разные реализации одной фонемы являются акустически несходными, поскольку условия их реализации разные. Акустическое несходство имеет свою артикуляторную базу. Фонемы с различными ДП при соседстве порождают больше интегральных признаков, а фонемы с одинаковыми или же частично одинаковыми ДП порождают множество ИП.

4. Основываясь на особенностях артикуляторного взаимодействия речевых органов, можно дать описание комбинаторных вариантов фонем. Число их может быть окончательно определено в том случае, если будут изучены акустико-артикуляторные особенности всевозможных сочетаний фонем языка. По модели СГ можно ограничиться пятью вариантами: 1) гласные после губных; 2) гласные после переднеязычных; 3) гласные после среднеязычных; 4) гласные после заднеязычных; 5) гласные после носовых. Варианты, обусловленные суперсегментными характеристиками, могут описываться с учетом суперсегментных единиц, что может быть объектом самостоятельного исследования.

Список литературы

1. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
2. Касевич В. Б. Проблемы общей и восточной фонологии. М., 1983.
3. Вейсалов Ф. Е. Вариативность гласных фонем современного немецкого языка (Экспериментальные данные и теоретические проблемы). Автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1980.
4. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. М., 1979, стр.3.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
6. Зиндер Л. Р. К вопросу о системе фонем в современном немецком языке // *Philologica*. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В.

М. Жирмунского. Л., 1973, стр.172.

7. Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1901. S. 45.

8. Zwirner E., Zwirner K. Grundfragen der phonometrischen Linguistik. В., 1936.

9. Бондарко Л. В. Слоговая структура и дифференциальные признаки фонем. Автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1969.

10. Tscheschner W. Ergebnisse bei der Analyse von deutschen Sprachlauten // ZPhon. 1964. Bd 17. Hf. 2-4.

11. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

12. Coseriu E. Sprachtheorie und allgemeine Sprachwissenschaft. München, 1975.

13. Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976.

14. Vejsalov F. E. Die phonetische Wissenschaft in der UdSSR und einige Probleme der Phonologie // Wissenschaft. Zeitschr. der Humboldt-Universität zu Berlin. Ges-Sprachwiss. Reihe. 1978. Jg XXVII. Hf. 3.

PHONEM-VARIANTE-LAUT: ZUM AUFBAU DER PHONETISCH-PHONOLOGISCHEN SPRACHEBENE ¹

1. Probleme der Sprachbeschreibung

Die Beschreibung von Sprachen, insbesondere hinsichtlich ihrer Strukturgliederung, ist mit einigen Problemen verbunden. Eine wesentliche Schwierigkeiten liegt dabei in der Frage nach der Feststellung der Phonemhaftigkeit eines Lautes und der Aufstellung des Phoneminventars bzw. des Phonemsystems der entsprechenden Sprache.

Für die hier vorgeschlagene Sprachbeschreibung ist die Annahme entscheidend, dass eine allumfassende Analyse des phonologischen Systems einer Sprache unmittelbar die Auseinandersetzung mit einer wichtigen Frage voraussetzt, die nicht nur für die Phonologie, sondern auch für die allgemeine Sprachtheorie von großer Bedeutung ist, und zwar mit der Frage, ob es in der komplizierten Sprachhierarchie überhaupt eine Varianzebene gibt. Sollte es diese Ebene geben, dann ist einerseits darzustellen, wo ihre Grenzen liegen, und andererseits, welche Wechselbeziehungen zwischen Varianz- und Invarianzebene sowie zwischen ihnen und der Lautebene bestehen. Ohne eine Antwort auf diese Frage zu finden, kann das Problem der Kontraste, insbesondere der Kontraste auf der Varianzebene, weder phonologisch noch phonetisch gelöst werden.

Nach Humboldt (1949) ist die Sprache nicht Ergon, sondern Energeia. Dies bedeutet, dass die Sprache ständig Umwandlungen und Verän-

¹ İlk dəfə çap olunub: Das Wort. Germanisches Jahrbuch, DAAD, Moskau, 2004, s. 143-157

derungen unterliegt. Es bleibt jedoch festzustellen, dass bei der Betrachtung von sprachlichen Varietäten- geschichtlichen, territorialen, sozialen, beruflichen, mundartlichen, positionellen, kombinatorischen, stilistischen und vielen anderen- diese These von Humboldt leider nicht immer berücksichtigt wurde. Dennoch ist nicht zu bestreiten, dass die gegenwärtige Linguistik für die Entwicklung der Theorie über die Sprachgliederung große Verdienste geleistet hat. Die von de Saussure eingeführte dichotomische Gliederung hat in der heutigen Linguistik zwar große Wiederhall gefunden, zugleich muss aber betont werden, dass Varianten in den meisten Fällen nur am Rande behandelt werden. Somit scheinen die Worte des deutschen Linguisten Werner willkommen gerechtfertigt zu sein:

“...verschiedene Linguisten kommen zu unterschiedlichen Ergebnissen, weil sie die Varianten der gemäßigten Hochlautung oder sonstige Varianten (kursiv von mir-F.V) entweder in das Phonemsystem einzubeziehen suchen, oder gesondert behandeln“ (Werner 1972:6).

Tillmann (1980: 141) unterstreicht die Bedeutung der phonematischen Ereignisse und betrachtet sie als relevant für die Distinktivität der lautsprachlichen Zeichen. Die allophonischen Eigenschaften hält er für redundant, wenn sie zur Verdeutlichung einer Distinktion beitragen.

Jeder, der sich mit der Gliederung der Sprache beschäftigt, kann daraus die Schlussfolgerung ziehen, dass den Varianten bei der Sprachbeschreibung große Bedeutung zugewiesen werden muss. Die Feststellung der Varianzgrenzen ist nicht weniger wichtig als die Bestimmung der Phonemhaftigkeit jedes Sprachlautes. Die Differenzierung der Varianzebene und die Bestimmung ihrer Stelle in der Sprachhierarchie hängen damit zusammen, wie sich der Redestrom zerlegen lässt.

2. Minimalpaare als Segmentierungsgrundlage

Im vorigen Jahrhundert ging die Linguistik bei der Gliederung der Sprache und bei der Feststellung der Phonemhaftigkeit eines Lautes in der Regel von der Segmentierung des Phonemsystems in Minimalpaare aus. Dieser Ansatz wurde ebenso von der dichotomisch-taxonomischen Richtung in der Sprachwissenschaft de Saussures und seiner Nachfolge wie von der funktionell-strukturellen Richtung der Prager Schule sowie der dänischen und amerikanischen Strukturalisten verfolgt. Leider ergibt sich bei dieser Methode folgendes Problem: Die Analysemethode mit Quasihomonymen antwortet nicht auf die Frage, ob beliebige Wortpaare für die Analyse herangezogen werden können. Die Hauptidee ist hier die, dass diese Analyse es ermöglicht, die Minimalpaare zu finden, deren Ziel es sein muss, dem Phonem bedeutungsunterscheidende Funktion zuzuschreiben, ohne darauf zu achten, ob dies überhaupt annehmbar ist. So können

die aserbaidshianischen Minimalpaare /sa:t/ (Uhr) und /sat/ (verkauf!) zum Beispiel kaum als Minimalpaare angeführt werden, da sie zu unterschiedlichen Paradigmaklassen gehören. Das erste ist ein Substantiv mit all den für diese Wortart typischen Eigenschaften von Kasus, Numerus und Possesivität. Im Gegensatz dazu handelt es sich im zweiten Fall um einen Satz, ausgedrückt im Präsens Imperativ in der 2. Person Sg. wie alle anderen Verben. Dies zeigt, wie unplausibel diese Beschreibungsweise ist, weil sie paradigmatische und syntagmatische Beziehungen nicht voneinander trennt:

„Paradigmatische Beziehung ist keine syntagmatische Beziehung *in absentia* (zwischen einem Kontext und dem, was an einer Leerstelle von ihm stehen *könnte*), sondern die Beziehung zwischen einem für eine bestimmte Bezeichnung gewählten Ausdruck und der Klasse der sprachlichen Möglichkeiten, in der dieser Ausdruck gewählt wird. Und ein Paradigma entsteht aus dem anwesenden Ausdruck und den Ausdrücken, die durch seine Anwesenheit unmittelbar ausgeschlossen werden (Coseriu 1992: 145).

Das auf den Minimalpaaren beruhende Gliederungsprinzip müsste also schon von Anfang an scheitern, weil es ohne zu hinterfragen davon ausgegangen ist, dass /a:/ und /a/ im Deutschen z.B. zwei verschiedene Sprachwerte darstellen, noch bevor man sie durch die Gegenüberstellung solcher Wörter wie /Staat/ und /Stadt/, /Saat/ und /satt/ u.a. nachgewiesen hat. Der große Nachteil dieses Verfahrens besteht folglich darin, dass hier die Identifikation der Segmentation vorgeht. Nicht umsonst wurde dieses willkürliche Analyseverfahren in der deutschen Sprachwissenschaft daher „Hokuspokus-Analyse“ genannt (HINTZE 1948: 38).

Das hatte zur Folge, dass die auf der Betrachtungsweise ihres Objekts durch die Minimalpaare fußende Phonologie bis heute als Lehre über die Relevanz bleibt. Die Relevanz wurde aber anfänglich in der Sprachwissenschaft eingeführt, um die funktionelle Belastung einzelner Laute gesondert und ausführlich zu beschreiben. Die Hauptidee, dass die Varianzebene ein unmittelbarer Bestandteil der Sprachhierarchie ist, wurde leider dabei außer Acht gelassen. Außerdem beruht bei diesem Analyseverfahren die Herausstellung von paradigmatischen Verhältnissen auch auf der Gegenüberstellung von durch die Operation mit Minimalpaaren gewonnenen Spracheinheiten. Es sei hier an die Oppositionstheorie von Trubetzkoy (1939) erinnert, der in seinen weiteren Erläuterungen zur Entwicklung neuer Kriterien gezwungen war, um Fragen der Phonemhaftigkeit einzelner Laute zu klären, weil diese Laute seine Relevanztheorie, die durch Minimalpaare nachgewiesen werden konnte, nicht befriedigten. Es handelt sich dabei u.a. um den sogenannten „Ich-Laut“, den „Ach-

Laut“ und um andere Laute des Deutschen. Wir sehen daran, dass zwar die Phonemhaftigkeit eines jeden Lautes bei Trubetzkoy letzten Endes durch Minimalpaare nachzuweisen ist, dass jedoch trotzdem ungeklärt bleibt, welcher Sprachebene die Varianten bei seiner Analyse zuzurechnen sind-dem Sprachgebilde (langue), der Sprache (langue) oder dem Sprechen (parole). Das einzige, was in diesem Zusammenhang zu sagen ist, ist, dass weder bei den Binaristen noch bei den Funktionalisten eine Ebene in der Sprachhierarchie für die Allophone vorgesehen ist, obwohl beide Richtungen mit diesem Fachausdruck operieren.¹

Insgesamt ist festzustellen, dass bei dem auf Minimalpaaren beruhenden Analyseverfahren die Varianzebene als eine innere Antriebskraft des Sprachfunktionierens völlig außerhalb der phonologischen Beschreibungen geblieben ist. Selbst die Behauptung von Trubetzkoy, das phonologische System der Muttersprache sei bei der Konfrontation mit der Zielsprache ein Sieb, durch das nur relevante Merkmale gefiltert werden, bestätigt nochmals, dass die Varianzebene in seiner im Allgemeinen perfekt ausgearbeiteten Theorie ihre verdienstvolle Stelle nicht gefunden hat, obwohl Relevanzmerkmale den Schwerpunkt seiner phonologischen Forschungen bilden.

3. Bedeutung von Varianten für die Sprachbeschreibung

Es ergibt sich also, dass eine widerspruchsfreie, vollständige und objektnahe Beschreibung der Sprache ohne Einbeziehung von irrelevanten, nichtsystembedingten oder redundanten Merkmalen nicht möglich ist. An der Miteinbeziehung von Redundanzmerkmalen-besser gesagt, von Integrallmerkmalen- haben sowohl die angewandte Sprachwissenschaft als auch die Spracherwerbsforschung großes Interesse. Der schwedische Forscher Fant (1960) stellte fest, dass die von den Binaristen erarbeitete Theorie über die Differenzmerkmale nicht hinreichend ist, um die Probleme der maschinellen Übersetzung von Sprachzeichen zu lösen. Dieses wissenschaftliche Eingeständnis wurde von vielen Phonologen mit Erstaunen aufgenommen, weil Fant selbst einer der Mitbegründer der dichotomischen Theorie ist.

Auch bei der Erforschung des gesteuerten Spracherwerbs hat sich erwiesen, dass ohne Berücksichtigung der Varianzebene Sprachen nicht

---

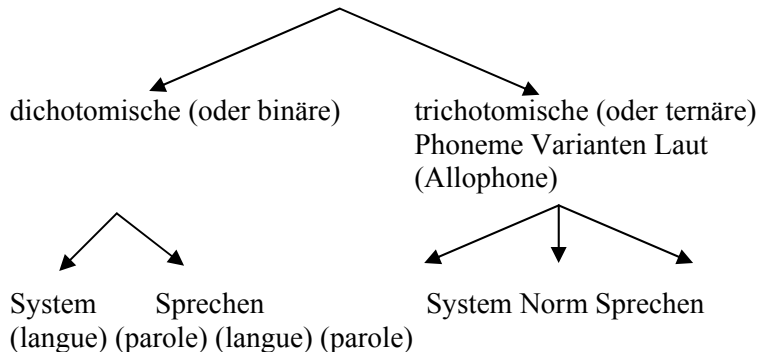
¹ In Trubetzkoy (1939) und auch in verschiedenen anderen Arbeiten findet man eine traditionell bekannte Beschreibung der deutschen Sprache, die auf Minimalpaaren beruht, wobei Streitfragen der deutschen Phonologie-etwa die nach der Phonemhaftigkeit von /ç/ und /x:/ oder nach der Mono-und Biphonemhaftigkeit von Diphthongen und Affrikaten-gewöhnlich ungelöst geblieben sind. Trubetzkoy (1939) ist vom Verfasser ins Aserbaidschanische übersetzt und veröffentlicht worden.

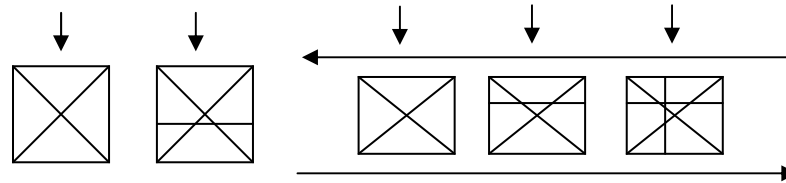
erfolgreich erlernt werden können. Die Realisierung von /t/, z.B. im Wort /t⁰y:r/, ist ohne Bezugnahme auf Labialisierung und Palatalisierung nicht nur unzulässig, sondern überhaupt unmöglich. Die Vernachlässigung dieser Integralmerkmale wäre ein deutlicher Verstoß gegen die orthophonischen Regeln der gegenwärtigen deutschen Aussprachenorm.

Diese Überlegungen führen zu dem Schluss, dass eine die Erwartungen der gegenwärtigen Linguistik befriedigende Theorie die Varianzebene bei der Gliederung mit einschließen muss. Wir greifen dabei auf die Variantentheorie von Ščerba (1974) und seinen Nachfolgern sowie auf die Dreiteilung von Coseriu (1974) zurück. Dies bedeutet, dass dem traditionellen binären Beschreibungsverfahren gegenüber ein ternäres bevorzugt und begründet wird.

Im Gegensatz zur binären Beschreibungsweise, in der es um die Gegenüberstellung von *langue* und *parole* geht und dementsprechend nur zwei Ebenen betrachtet werden müssen, haben wir es bei der ternären Betrachtung mit drei Ebenen zu tun: Die Normebene bildet eine Zwischenstufe zwischen der Sprachebene und der Sprechenebene und kann ohne diese beiden nicht existieren. Denn die Sprachebene reguliert die Grenzen phonemischer Selbständigkeit, die eine Variante nicht überschreiben darf, ohne ihr eigenes phonemisches Zugehörigkeitsgebiet zu verlassen und in ein fremdes Gebiet einzudringen, wie dies öfters in der Diachronie zu beobachten ist. Die Sprechenebene aber stellt jeder Variante einen faktisch unbegrenzten Spielraum in Form von kontextuellen, situativen oder anderen inner- und außersprachlich bedingten Merkmalen zur Verfügung. Die Varianzebene aber wird durch innersprachliche Rahmenbedingungen wie die Position oder Kombination geregelt. Folgende schematische Darstellung soll die Wechselbeziehungen zwischen den unterschiedlichen Ebenen der Sprachstruktur verdeutlichen:

Beschreibung der Sprachstruktur

Phoneme Laute

/a:/# /a/ „a:“, „a.“ /a:/# /a/ [a:],[a:] „a:“, „a.“
 „a:“, „a.“ [a],[a] „a“, „a“
 /o:/ # /6/ “o:”, “o.” /o:/ # /6/ [o:],[o.] „o:“, „o.“
 /6/# /6/ [6],[6] „o“, „o“

4.Segmentierung von Phonemen

Nach diesen allgemeinen Überlegungen können wir uns damit beschäftigen, wie und unter welchen Bedingungen das Phonem aus dem Redestrom auszusondern ist. Der Begriff „Phonem“ ist von Baudouin de Courtenay in die Sprachwissenschaft eingeführt worden, um das kleinste, nicht weiter zerlegbare Element der Sprache zu benennen. Unser Verzicht auf die Quasihomonyme als Forschungsverfahren setzt notwendigerweise voraus, dass wir eine andere Methode benennen (Vejsalov 1980), obwohl das Phoneminventar der deutschen Sprache aufgrund der oben ausgeführten Analysemethoden mehrmals dargestellt worden ist.¹

Seit Menzerath und sein Kollege de Lacerde (1934) experimentell-phonetisch festgestellt haben, dass sich der Redestrom weder akustisch noch artikulatorisch in kleinere Dimensionen zerlegen lässt, haben Linguisten auf diese Art der Analyse verzichtet und versucht, neue Segmentationskriterien auszuarbeiten, auf die hier jedoch aus Platzgründen nicht weiter eingegangen werden soll. Im Gegensatz dazu wollen wir ausführlich von einem Verfahren reden, das uns gestattet, den Redestrom in kleinste Einheiten zu gliedern. (Vejsalov 1980)

¹ Vgl. dazu etwa Heize (1961), Adamus (1967), tacher (1969), warner (1972), Meinhold (Stock (1980). In den Veröffentlichungen 24 diesem Thema, die hier leider aus Platzmangel nicht alle erwähnt werden können, findet man eine traditionell bekannte Beschreibung des deutschen Phonem systems. Sie beruht auf Minimalpaaren, wobei Streitfragen der deutschen Phonologie, wie 2. B. die phonemhaftigkeit von /ç/ und /x/, von Diphthongen und Affrikata verschieden gelöst werden. Dort, wo es keine befriedigenden Minimalpaare gibt, speubt man von der Selbstständigkeit. Das zu erwartende Ergebnis ist schon von vornherein bekannt. Das alles gibt uns Recht, die Frage erneut zu stellen. Wie lässt sich ein Laut aus dem Redestrom aussondern?

Bei diesem Verfahren ist entscheidend, dass die Aussonderung von Segmenten aus dem Redestrom dank ihrer direkten oder potentiellen Verbindung mit der kleinsten bedeutungstragenden Einheit-dem Morphem- möglich ist. Nehmen wir die deutschen Wörter /lant/, /zant/, /to:t/ und /ze:t/, in deren Auslaut der stimmlose, explosieve Vorderzungenlaut „t“ mit Aspiration gesprochen wird. Die ersten drei Lexeme lassen sich nicht in kleinere bilaterale Einheiten-Lexeme- und Morpheme gliedern. Ob sie phonetisch zerlegt werden können, kann hier außer Acht gelassen werden. Das letzte Wort aber ist strukturell segmentierbar, wie die Form des Verbs im Präsens zeigt: (ich) /*ze:ə/, (du)/*zi:st/, (er,sie,es) /*zi:t/, (wir) /*ze:ən/, (ihr) /*ze:t/, (sie) /*ze:ən/. Dieses Paradigma zeigt, dass alle Verben im Präsens in der 2. Person Sg. dieselbe Endung haben. In /*ze:t/ können wir das letzte Segment daher durch die morphologische Grenze aussondern. Aus dieser Grenze spricht für die Segmentierung seiner Verbindung mit der grammatischen Bedeutung. Von der rechten Seite ist es präpausal, von der linken Seite aber lässt es sich durch die morphologische Grenze aussondern. Jetzt ist zu prüfen, ob dieses Segment von der rechten Seite auch durch die morphologische Grenze abzutrennen ist. In /'>arbaetst,sæt/ ist das leicht zu sehen, obwohl wir im Deutschen mit /tʃa:n/, /tʃe:n/ u.a. Wörter haben, die nicht zerlegt werden können. /tʃ/ im Anlaut der zweiten Komponente der Zusammensetzung ist ein Bestandteil des Stammes, deswegen kann von der Aussonderung des Segments „t“ keine Rede sein. Um zerlegt werden zu können, muss die morphologische Grenze als linguistisches Kriterium eingesetzt werden. Phonetisch betrachtet sind [ṭ] und [t̂] nicht identisch. Das erste wird mit Behauchung, das zweite aber mit der Tilgung der Endphase ausgesprochen. Um sich davon zu vergewissern, genügt es, dieses [t] in eine andere Position zu versetzen. Die distributive Analyse zeigt, dass die Behauchung entweder im Anlaut vor betonten Vokalen oder im absoluten Auslaut in der präpausalen Position vorkommt. Die Verschmelzung der Endphase mit dem Anfang des nachfolgenden Konsonanten ist gemäss den koartikulatorischen Regeln zu bestimmen. Es muss betont werden, dass eine Gliederung dieses Segments sowohl auf der Ausdrucksebene als auch auf der Inhaltsebene möglich ist. Semantisch hat es drei Seme, es drückt Präsens, 2. Person und Plural aus. Im Aserbaidshanischen z.B. hat jede von diesen grammatischen Bedeutungen ihr eigenes Ausdrucksmittel: /gäl-ir-sin-iz/: /gäl/ ist Stamm des Verbs, /ir/ Prädikatsendung im Präsens, /sin/ zweite Person, /iz/ Pluralendung. Geschichtlich betrachtet hat sich hier eine Amalgamierung vollzogen, anstatt /siz+siz/ entstand /siniz/, heute wird nur /siz/ gebraucht. Auf der Ausdrucksebene stellt das /t/ im Deutschen die Gesamtheit von simultan fungierenden artikulatorisch-akustischen Eigenschaften dar. In der Wortform /*ze:t/ aber ist dasselbe /t/ eine Einheit,

die vom morphologischen Standpunkt vom Verbstamm getrennt werden kann.

Hier muss am Rande angemerkt werden, dass das Heranziehen des morphophonetischen Kriteriums bereits bei Werner anzutreffen ist. Er spricht über die Gleichwertigkeit von Diphthongen mit einfachen kurzen und langen Vokalen aufgrund des Phonemwechsels in Wörtern wie *leiden-litt(en)*, *saufengesoffen*, *laufen-lief(en)* usw. (Werner 1972: 34)¹

Nun bleibt die Frage zu klären, ob dieses Segment seine Selbständigkeit und Erkennbarkeit in anderen Sprechsituationen, in denen es nicht inhaltsbezogen auftritt, bewahren kann. Dieses durch die morphologische Grenze ausgesonderte Segment gewinnt im Sprachsystem durch das Angabundesein an eine grammatische Bedeutung eine Autonomie, die ihm dann gestattet, seine Selbständigkeit in allen Fällen zu bewahren, wo die Zerlegung unmöglich ist, z.B. /'fo:r,təɫ/, /'ta:t,ɔrt/ usw. Die Sprecher sind sich dank der fast unveränderlich gebliebenen Differenzmerkmale, die nur dem Phonem /t/ eigen sind, seiner Eigenständigkeit sowie seiner Verknüpfung mit dem Morphem bewusst. Erst danach bekommt dieses Segment den Status einer selbständigen sprachlichen Einheit, die wir als Phonem bezeichnen, und dementsprechend setzen wir es zwischen schräge Linien: /t/.

5. Phoneme und ihre Varianten

Die Definition des Begriffs „Phonem“ muss folglich konkretisiert werden: Unter „Phonem“ verstehen wir die vom Redestrom durch morphologische Grenze aussonderbare kleinste sprachliche Einheit, die direkt oder potentiell mit der Bedeutung verbunden ist, deren Funktion darin besteht, Wörter und Wortformen zu unterscheiden. Um diese zu unterscheiden, müssen sich die Phoneme selbst voneinander unterscheiden. Die linguistische Unterscheidung einer beliebigen Spracheinheit setzt unmittelbar das Vorhandensein eines akustischen Unterschieds voraus.

Allerdings führen nicht alle akustischen Unterschiede auch zu linguistischen Unterschieden (Zinder 1979). Im Asärbaidshanischen gibt es beispielweise in akustisch-artikulatorischer Hinsicht zwei verschiedene „l-Laute“: den harten „l-Laut“ (z.B. /lal/-stumm) und den weichen „l-Laut“

¹ Dieses als „Morphemismus“ bezeichnete Analyseverfahren unterscheidet sich gründlich vom Morphematismus der Moskauer Phonologischen Schule, nach der das Phonem aufgrund von Quasihomonymen bestimmt wird. Aber die Phonemhaftigkeit jedes Segments hängt vom Morphembestand des zu analysierenden Wortes ab. D.h. , es handelt sich hier um den Isomorphismus, durch den die phonologische Ebene durch Kriterien der morphologischen Ebene bestimmt wird. Der Phonembestand des Morphems bleibt immer unverändert. Vgl. /dom/ /d^ma/. In der Stammsilbe tritt der Vokal /o/ auf, weil er die starke Position besetzt. (Reformatckij 1967)

(z.B. /ləl/.golden oder /lil/-Schmutz). Die Unterschiede zwieschen diesen zwei „l“-Lauten sind jedoch durch die benachbarten Vokale zu erklären. Die Härte bzw. Weichheit der Konsonanten im Aserbaidshanischen ist ein der Prosodie unterordnetes Merkmal, was mit der synharmonischen Ausgsstaltung der phonetischen Wortstruktur zusammenhängt. Aus dieser Analyse ist ersichtlich, dass es tatsächlich eine Menge, manchmal sogar fast unzählbare Realisation jedes Segments gibt. Daher muss die Frage geklärt werden, auf Grundlage welcher Kriterien diese unbegrenzte Zahl von t-Realisierung einer bestimmten sprachlichen Einheit zugeordnet werden kann.

Um diese Fragen zu beantworten, wenden wir uns der Analyse-methode durch Distribution und Klassifikation zu. Denn ist das Phonem erst einmal definiert, können wir im Folgenden sene Erscheinungsmöglichkeiten in der ganzen Sprache einer tiefgreifenden Analyse unterziehen. Nehmen wir die Wörter mit /t/ in drei Spalten-in An-,In- und – Auslaut:

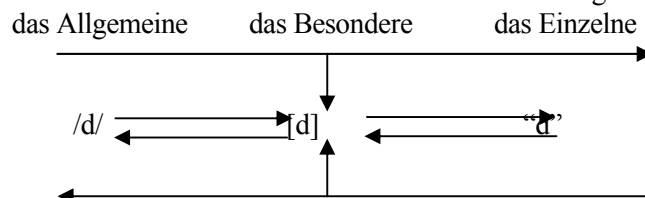
<u>Anlaut</u>	<u>Inlaut</u>	<u>Auslaut</u>
/ˈti:r/	/ˈmi:tə/	(er) /ˈ*zi:t/
/ˈty:r/	/ˈty:tə/	/ˈ*zy:t/
/ˈto:r/	/ˈRo:tə/	/ˈRo:t/
/ˈta:l/	/ˈRa:tə/	/ˈRa:t/
/ˈtu:n/	/ˈtu:tə/	/ˈtu:t/

Es ist auffällig, dass in diesen Wörtern das Phonem /t/ jedesmal mit einer neuen Schattierung auftritt, die einerseits durch seine Position, andererseits durch die Klangfarbe des vorangehenden oder nachstehenden Vokals bedingt ist. Im Anlaut tritt das Phonem etwa in einer anderen Schattierung auf als im In - oder Auslaut. Dabei bleiben die Relevantmerkmale jedoch unveränderlich. Diese unveränderlichen Merkmale sind systembedingt. Die konkrete Realisation des Phonems ist dagegen von der Norm abhängig. Diese einzelnen t-Relisationen nennen wir Varianten oder Allophone. Die Zahl der Varianten könnte noch steigen, wenn neue Methoden und Mittel herausgefunden werden, mit deren Hilfe ihre Erscheinungsmöglichkeiten präzisiert werden können. Es ist darauf hinzuweisen, dass die Variante viel reicher ist als Phonem, dessen Vertreter sie in der gegebenen Sprechsituation ist. Bezüglich des /t/-Phonems kann man z.B. labialisierte [t⁰], palatalisierte [˘t], nasalierte [t~], velarisierte [t], behauchte [t^h] und andere Varianten hervorheben. Die labialisierte Variante [t⁰] ist phonetisch betrachtet, viel größer als Phonem /t/ selbst, denn außer den

oben genannten Differenzmerkmalen hat sie zusätzlich die labialisierte Eigenschaft, die palatalisierte Variante, eine palatalisierte Schattierung usw.

Wir haben oben von der Wichtigkeit des morphologischen Kriteriums für die Gliederung des Redestroms und seine Rolle bei der Aussonderung des Phonems gesprochen. An dieser Stelle muss auf die morphophonemischen Prüfmöglichkeiten hingewiesen werden, mit deren Hilfe wir feststellen können, ob zwei gegebene Laute sich im Rahmen eines Morphems abwechseln können, wie etwa [e.] und [e:] in den Wörtern *leben* und *lebendig* usw. Das hat dann zur Folge, daß die Varianten eines Phonems miteinander durch ihre Wechselbarkeit im Rahmen ein und desselben Morphems, d.h. sprachlich, verbunden sind. (Vejsalov 1989)

Der "Weg" vom Phonem zu jeder seiner Varianten und zu den Lauten, durch die beide realisiert werden, ist direkt, so wie der Rückweg von den Lauten zu den Varianten und von diesen zum Phonem. Jeder von einem Sprecher erzeugte Laut ist die Manifestation irgendeines Phonems in einer bestimmten Sprechsituation. Darin drückt sich die Wechselbeziehung des Einzelnen, Besonderen und Allgemeinen aus. Das Besondere nimmt eine Zwischenstelle ein, ähnlich wie ein zweigesichtiger Janus, der ein Gesicht dem Laut, das andere aber dem Phonem zuwendet. All diese Dimensionen sind miteinander eng verbunden, wobei die eine ohne die beiden anderen nicht bestehen kann. Schematisch könnte man dies wie folgt darstellen:

Der Laut kann individuell, situativ, regional, stilistisch und sozial bedingt sein. Die Varianten aber umfassen all diese Schattierungen, außerdem gewinnen sie noch eine zusätzliche Eigenschaft durch die innersprachlichen Realisationsbedingungen. So wird etwa der Laut "t" von einem Sprecher X- etwa von einem Fahrer aus Bayern-im Wort /Ort/ in einer bestimmten Kommunikationssituationen anderes realisiert als von einem Sprecher Y- einem Professor aus Sachsen-in einer anderen Kommunikationssituation. In beiden Fällen findet sich in der "t"-Realisation von beiden Sprechern das, was für einen "t"-Laut im Wortauslaut nach /R/ charakteristisch ist, nämlich Vokalisierung am Anfang und Aspiration in der Endphase seiner Verlautung. Diese von uns als integral bezeichnenden Merkmale gewinnt er gerade in dieser, nicht jedoch in jeder beliebigen Position. (Vejsalov 1990). Würde der Laut zum Beispiel nach einem /n/-Phonem auftreten, dann könnten wir anstatt der Vokalisierung eine Nasalisierung beobachten.

Einen Laut mit diesen Integralmerkmalen nennen wir Variante oder Allophon des Phonems. Diese Verallgemeinerung stellt bereits eine höhere Abstraktionsstufe als die lautliche Beschreibung eines Segments dar, weil hier auch innersprachliche Faktoren berücksichtigt sind. Auf der nächsten Abstraktionsebene vollzieht sich die Identifikation aller [t]-limplaren in dem Allgemeinen, das wir terminologisch als Phonem bezeichnen können. Das /t/-Phonem ist eine systembedingte Einheit, weil es sich im System von anderen Phonemen des Deutschen durch Differenzmerkmale unterscheidet: Es ist ein Vorderzungenlaut (im Gegensatz etwa zum Lippenlaut /p/ oder zum Hinterzungenlaut /k/), ein Verschlusslaut (im Gegensatz zum Engelaute und Verschlussengelaute /s/ und /ʃ/), es ist stimmlos (im Gegensatz zum stimmhaften /d/), und es ist ein Orallaut (im Gegensatz zum Nasallaut /n/). All diese Merkmale sind nur ihm eigen und sie konstruieren ihn als simultanfungierende Merkmale. Jedes von diesen Merkmalen unterscheidet dieses Phonem von allen anderen Phonemen. Wir veranschaulichen das durch folgendes Schema:

“d“ , “d“ , “d“ , “d“ , “d“ , “d“ ,	„t“ , „t“ , „t“ , „t“ , „t“ , „t“
“d“ , “d“ , [d] , [d] , “d“ , “d“ ,	„t“ , „t“ , [t] , [t] , „t“ , „t“
“d“ , “d“ , [d] , /d/ , [d] , “d“ ,	„t“ , [t] , /t/ , [t] , „t“ , „t“
“d“ , “d“ , [d] , [d] , “d“ , “d“ ,	„t“ , „t“ , [t] , [t] , „t“ , „t“
“d“ , “d“ , “d“ , “d“ , “d“ , “d“ ,	„t“ , „t“ , „t“ , „t“ , „t“ , „t“

Aus diesem Schema geht hervor, dass sich das Phonem als Systemeinheit von seinem Oppositionspaar bzw. von allen anderen Phonemen eines Sprachsystems nicht nur durch sich selbst, sondern auch durch seine Varianten unterscheidet, deren Zahl praktisch unbegrenzt ist.

In diesem Schema ist das Phonem von seinen Varianten und diese ihrerseits von ihren Lautexemplaren umgeben. Das Phonem ist von seinen Begleitern gleichweit entfernt und ist zur gleichen Zeit in jedem Lautexemplar und in jeder Variante vertreten. Die eine Variante kann nur einen Vorzug haben, entweder nach der Gebrauchsfrequenz oder nach der isoliert gebrauchten Erscheinungsform. Ščerba (1937) bezeichnete der Einfachheit halber gerade diese isoliert gebrauchte Variante als Phonem, was später heftige Diskussionen hervorrief, deren ausführliche Darstellung das Thema eines anderen Artikels sein muss.

Literatur

1. Adamus, Marian (1967): Phonemmetheorie und das deutsche Phoneminventar. Zur Typologie der germanischen Sprachen. Wrocław.

2. Coseriu, Eugenio (1974): Synchronie, Diachronie und Geschichte. München.
3. Coseriu, Eugenio (1992): Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen.
4. Fant, Gunnar (1960): Acoustic Theorie of Speech Production. Gravenhagen.
5. Heike, Georg (1961): Das phonologische System des Deutschen als binäres Distinktionsprinzip. In: *Phonetica* 6.
6. Humbolt, Wilhelm von (1949): Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Darmstadt.
7. Meinhold, Gottfried; Stock Eberhard (1980): Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig.
8. Menzerath, Paul; Lecerda; Armando (1934): Koartikulation, Steuerung und Lautabgrenzung. Bonn.
9. Реформацкий, А.А.: Введение в языковедение. Москва, 2005.
10. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика. Москва, 1979.
11. Щерба, Л.В. Фонетика французского языка. Москва, 1957.
12. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Москва, 1974
13. Tillmann, Hans-Günther; Mansel, Phil, *Phonetik. Lautsprachliche Zeichen, Sprachsignale und lautsprachlicher Kommunikationsprozeß.* Stuttgart, 1980.
14. Trubetzkoy; Nikolaj S. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939.
15. Vejsalov, Fachreddin J. Lehrbuch der deutschen Phonetik. Baku, 1989.
16. Вейсалов, Ф.Я. Варьирование гласных фонем современного немецкого языка (теоретические проблемы и экспериментальные данные). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности: 10.02.04-Германские языки. Ленинград, 1980.
17. Вейсалов, Ф.Я. Проблема варьирования фонем в современной фонологии. // Вопросы языкознания 3: 72-80, 1990.
18. Werner, Otmar . *Phonetik des Deutschen (Sammlung Metzger 108)* Stuttgart, 1972.
19. Zacher, Oskar Ch. *Deutsche Phonetik.* Leningrad, 1969.

К КРИТИКЕ ДИХОТОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОПИСАНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА¹

1. Дихотомическая теория, разработанная Р. Якобсоном и его коллегами, не смогла однозначно решить проблему сонантов, сложность которой для традиционного языкознания было более чем очевидной, хотя она в одинаковой мере учитывала важность обоих артикуля-

---

¹ İlk dəfə çap olunub: BSU. Müasir dilçiliyin problemləri. Beynəlxalq Elmi konfrans. Bakı, 2005, S.30-32.

торного и акустического аспектов. В действительности, все 12 дифференциальных признаков (ДП), которые бинаристы получили на основе анализа звукового состава фонем при помощи спектрального исследования, полностью основывались на артикуляторных и акустических коррелятах.

2. Выделенные формантные структуры – $F_1 - F_{IV}$, при чем первые две форманты F_1 и F_{II} непосредственно характеризуют громкость (F_1) и качества (F_{II}) воспроизведенного звука, т.е. F_1 показывает открытость и закрытость гласного, а F_{II} указывает на передний и задний ряд гласного: чем переднее гласный, тем ниже F_1 и наоборот, чем заднее гласный, тем выше F_{II} . Далее чем переднее гласный, тем выше F_1 и, наоборот, чем заднее гласный, тем выше F_{II} (см. рис.). F_{III} и F_{IV} определяются как дикторские форманты, они не позволяют четко разграничивать сонанты и гласные с одной стороны, сонанты и согласные, другой. Они и гласные, так как в их структуре наблюдается периодичность колебаний источника (голосовых связок) как это характерно для вокализма. Но на их спектре имеет место понижение уровня энергии, т.е. значимая нуль, что характерно для согласных. Во избежание такой неопределенности бинаристы сразу ввели 2 признака: 1) гласные – негласные; 2) согласные – несогласные. Сонанты являются негласными и несогласными.

3. Следующим принципиальным недостатком данной теории является то, что ее создатели исходили из того, что будто речевой поток членится на единицы, называемые фонемами. На самом деле современная наука о языке не приемлет теории, согласно которой допустимо членение речевого континуума на сегментные единицы, которые принято называть фонемами. Именно потому и дихотомисты ограничиваются основными вариантами фонем. Срв. /buz/, /bez/, /baz/, и т.д.

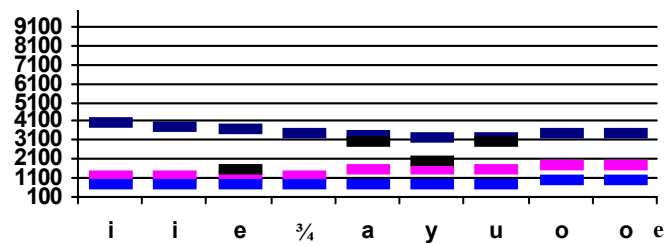
4. Дихотомическая теория не позволяет установить фонемный инвентарь языка. Более того она стороной обходит систему фонем. Именно поэтому последователи этой теории – генеративисты считают вполне допустимой описать фонетическую репрезентацию поверхностной структуры предложений в виде символов, где каждый сегмент этой репрезентации передается соответствующим знаком Международного Фонетического Алфавита.

5. Теория ДП-ов хороша, когда известен инвентарь и потому необходимо описание каждой фонемы в зависимости от ее реализации в различных комбинациях и позициях.

6. И, наконец, определить фонему как пучок ДП-ов неверно. Такое определение приемлемо, если рассмотреть фонему как раз на всегда заданную единицу. Между тем совершенно очевидно, что каждая фонема реализуется в своих вариантах через соответствующие звуковые

экспоненты. Учитывая все эти недостатки, мы считаем возможным дать фонеме следующее определение. Фонема может быть определена как совокупность релевантных и избыточных признаков, которые сильно изменяются от случая к случаю ее реализации.

Рисунок спектральных характеристик азербайджанских гласных

VI бюлмя

RESENZIYALAR

«СТАТИСТИКО – ИНФОРМАЦИОННАЯ ТИПОЛОГИ
ТЮРКСКОГО ТЕКСТА».¹

21 ноября 1975 г. на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР состоялась защита диссертации «Статистико-информационная типология тюркского текста», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим кафедрой теории вероятности и математической статистики Чимкентского педагогического института и руководителем группы статистико-лингвистических исследований и автоматизации Института языкознания Академии наук Казахской ССР Бектаевым Калдыбаем Бектаевичем.

Диссертация К. Б. Бектаева обобщает как его собственные исследования, так и результаты работ его многочисленных учеников. Она посвящена последовательному применению лингвистических приемов, вероятностных и информационных моделей к исследованию структуры тюркского текста.

Полученные таким образом данные сопоставляются диссертантом с результатами, полученными как другими учеными, так и самим автором при использовании указанной методики применительно к индоевропейским языкам. Это сопоставление позволило К. Б. Бектаеву выявить ряд количественных и статистико-информационных типологических характеристик, разграничивающих синтетические языки от аналитических, агглютинирующие языки от флективных и инкорпорирующих.

Разработанная К. Б. Бектаевым количественно - типологическая методика может быть применена и использована при решении таких типологических задач, как, например, выделение подтипов внутри языков одного типа и т. д.

---

¹ Впервые опубликована в: «Советская тюркология». Баку, 1975, №6. С.76 (Л.В.Бондарко və Ж.А.Абуовла şərikli).

Автором разработана такая важная теоретическая проблема, как создание единой методики количественно - типологических исследований различных языков.

Исследования К. Б. Бектаева существенно обогатили количественную лингвистику количественными приемами изучения явлений языка и речи (текста).

По отзывам официальных оппонентов--- д-ра филол. наук, проф. Л. Р. Зиндер (Ленинград), академика АН Казахской ССР С. К. Кенесбаева, члена- корреспондента АН Казахской ССР Г.Г. Мусабаева (Алма- Ата), д-ра технич. Наук. Проф. В.В.Налимова (Москва), внешнего оппонента (кафедра математической лингвистики факультета кибернетики Киевского государственного университета) и выступившего на защите старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР Д. М. Насилова, а также по отзывам , поступившим из многих научных центров страны и из- за рубежа, диссертация К. Б. Бектаева является первой фундаментальной лингвоматематической работой в области тюркологии.

Материал и результаты этой работы могут быть использованы для изучения ряда теоретических проблем языкознания (вопросов типологии, языка и стиля, системы- нормы - узуса), в историко- лингвистических исследованиях, а также в прикладных целях (в области лексикографии, дешифровки, аннотирования и реферирования текста, а также машинного перевода).

Ученый совет Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении К. Б. Бектаеву ученой степени доктора филологических наук по специальности « Структурная , прикладная и математическая лингвистика».

Л. А. ВЕРБИЦКАЯ. РУССКАЯ ОРФОЭПИЯ
(к проблеме экспериментально - фонетического исследования
особенностей современной произносительной нормы)
Ленинград, 1976, 134 стр ¹

Среди сложных и многообразных задач, стоящих перед советскими лингвистами, особенно выделяется изучение произносительной нормы языков Советского Союза. Настоящая работа является одним из первых исследований, посвященных экспериментально – фонетическому анализу особенностей произносительной нормы современного русского языка. Широкое и беспрепятственное общение через устойчивых языковых норм, „ разрешенных системой языка отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех носителей данного языка”(стр. 16). Л. А. Вербицкая в своей работе поставила цель выявить эти правила. Автор подчеркивает, что определение нормы невозможно без тщательного анализа взаимосвязи системы нормы с одной стороны, нормы и вариантов с другой. Последнее имеет особое значение, поскольку при наличии двух или нескольких вариантов возникает необходимость выбора одного из сосуществующих в языке вариантов.

Монография Л. А. Вербицкой состоит из трех глав. Первой главе предпослано краткое введение общего характера. В первой главе работы дается анализ вопросов нормы и произносительной нормы в частности. В разделе, где автор задается целью определить, что из себя представляет, собственно говоря, сущность нормы, дается в довольно- таки сжатой форме критический анализ существующих взглядов на проблему литературной нормы. Этот раздел не является конгломератом идей и взглядов отдельных исследователей на вопросы нормы, он представляет собой глубокий теоретический анализ лингвистической литературы как отечественных, так и зарубежных авторов. Здесь Л. А. Вербицкая выражает свое авторское отношение к обсуждаемой проблеме. Полемизируя с лингвистами, которые исходят из классического противопоставления Ф. де Соссюра языка и речи, а также рассматривая трактовки понятий системы и нормы в современном языковедении, автор приходит к выводу о том, что более или менее реальной можно считать концепцию Е. Косериу,

---

¹ Məqalə ilk dəfə çap olunub: Zeitschrift für Phonetik, allgemeine Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd.31, H.9, 1978, Akad. Verlag, Berlin, 1978, S.442-444.

хотя Л. А. Вербицкая выражает свое научно обоснованное несогласие с Е. Косериу и предлагает схему «система→норма→речь».

Определение нормы в конце раздела является теоретическим осмыслением сущности вопроса о норме. В разделе достаточно хорошо отражены взгляды А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского и др.

Автор специально останавливается на взаимосвязи нормы и вариантов и отграничивает понятие вариативности и вариантности. Под первой она понимает существование в данном синхронном срезе равноправных вариантов выражения языковой единицы, под второй же - наличие двух или нескольких вариантов, из которых один представляет отживающую норму, а другие, наоборот, возникающую и укрепляющуюся норму. Это положение автор развивает позже в подразделе, посвященном вариативности и вариантности произносительной нормы. Говоря о предпосылках выбора объекта своего исследования, автор заключает, что анализу должна быть подвергнута речь носителей языка, если она свободна от диалектных, просторечных и региональных особенностей.

Следующий раздел работы содержит анализ проблемы возникновения произносительной нормы русского языка, что очень хорошо увязывается с общим содержанием работы. Автор рассматривает русское литературное произношение как результат длительного исторического процесса, где один из диалектов приобретает норму национального языка, становится твердой нормой для всех говорящих на данном языке.

Выводы Л. А. Вербицкой в отношении различения орфоэпии и орфофонии являются логически аргументированными, теоретически и практически обоснованными. Такой подход является совершенно новым в исследовании произносительной нормы. Если орфоэпические вариантности ([р] и [в]) невозможны в словах принц и цветы) и орфофонические (очень закрытое [е] в слове лес) отступают от литературной нормы, то орфоэпические и орфофонические вариативности возможны, хотя они уже выстроились в определенный ряд. Ср. орфоэпические варианты [с] и [с'] в слове боролся и орфофонические варианты [ч'] с разной степенью палатализации.

Рассматривая взаимодействие устной и письменной формы языка, Л. А. Вербицкая утверждает, что можно говорить о влиянии написания на орфоэпию, а не на орфофонию, если она не затрагивается системными отношениями. Ср. безударное произношение [о] в словах поет, поэзия и. т. д. Однако на утверждение того или иного варианта существенное влияние оказывают системные отношения. И

примеры здесь (мягкий, громкий с [к'], так как сочетания кы, гы и хы не разрешены фонологической системой русского языка), блестящим образом доказывает правоту автора.

Первую главу завершает подраздел, посвященный методике исследования. Исследование проводилось по принятой в ЛЭФ при ЛГУ им. А. А. Жданова методике. Результаты акустического анализа сопоставляются с результатами анализа по восприятию.

Вторая глава работы содержит результаты экспериментального анализа орфоэпических и орфофонических особенностей гласных в ударной и безударной позициях, согласных и их сочетаний. Основным выводом, к которому приходит Л. А. Вербицкая, сводится к тому, что норма целиком зависит от фонологической системы русского языка. Гласные [о] и [е] не допустимы произносительной нормой русского языка в безударной позиции, где они чередуются соответственно с [а] и [и] в позиции после мягких, с [ы] после твердых согласных. Автор совершенно правильно выделяет две системы с точки зрения реализации гласных: систему максимума (6) и систему минимума (4). Учет комбинационных особенностей дает автору право подтвердить мысль о наличии в русском языке 18 гласных эталонов, высказанную ею же в кандидатской диссертации.

В области согласных реализацию мягких заднеязычных согласных, мягкого [с'] в возвратных частициях, мягкого согласного в сочетаниях C_1C_2 и т. д. автор рассматривает как результат непосредственного действия фонологической системы современного русского языка. При ослаблении давления системы возникают отклонения от нормы (стр.62).

Тщательному анализу подвергается ленинградский вариант русской произносительной нормы, который и составляет содержание 3. главы работы. Из 50 отмеченных орфоэпических и орфофонических особенностей ленинградского произношения в области отдельных гласных, согласных и их сочетаний 39 рассматриваются как особенности ленинградского варианта нормы, остальные как особенности ленинградского просторечия. Из 30 орфоэпических 7 в области вокализма, 23 консонантизма, из 9 орфофонических-5 в области вокализма, 4 в области консонантизма. Аудиторский анализ выделил всего 19-5 в области вокализма, 14 в области консонантизма, при чем все они (за исключением сочетания сч, зч и щ как [шч'] в отличие от московского [ш:]) орфоэпического характера. Опыты по восприятию, которые проводились в 4 серии, служили выяснению того, насколько оценка исследователей совпадает с оценкой носителей языка. Выводы автора следующие: а) наличие различия между гласными для ис-

следователей несущественно для auditors; б) различие, установленное исследователем, но не замечанное аудитором, возможно при отсутствии качественного отличия, так как исследователь вооружен теоретически; в) нет качественного различия, но есть количественное, не замечаемое исследователем, но существенное для auditors.

Изменения в произношении возможны только в том случае, если это разрешено фонологической системой языка. Изменения в последней приводит к изменениям произносительной нормы. Автор приходит к выводу, что в настоящее время наблюдается общая тенденция к выравниванию территориальных вариантов, к формированию общей произносительной нормы, объединяющей черты московского и ленинградского вариантов.

**Л. В. БОНДАРКО. ЗВУКОВОЙ СТРОЙ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА¹**

Москва, 1975, 175 стр.

Рецензируемая книга содержит результаты многочисленных исследований Л. В. Бондарко в области фонетики и фонологии современного русского языка. Однако её смело можно отнести к числу тех немногих работ, где читатель найдет исчерпывающий ответ на вопросы общей фонетики, связанные с теорией фонем, слога, интонации и с методами экспериментально-фонетического исследования. Одной из отличительных черт работ, принадлежащих перу Л. В. Бондарко, является приверженность автора к методологическим проблемам фонетических исследований, к углублению, разработке и внедрению новых методов исследований звучащей речи к простому и логически свободному от противоречий изложению самых сложных явлений в фонетике.

Уже в предисловии автор показывает, насколько широк тот круг вопросов, которыми занимается современная наука о звуковой стороне языка. Решение проблем, перечисленных автором в предисловии /от диагностики некоторых заболеваний до обеспечения свободного общения человека с машиной при помощи звучащей речи/ возможно при совместной работе специалистов самых разных направлений науки.

---

¹ İlk dəfə çap olunub: Zeitschrift für Phonetik, allg. Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd.34, H.2, 1981. Berlin. Akademie-Verlag, S.24-26.

Работа Л. В. Бондарко построена по принципу от звуков к их комбинациям в минимальной произносительной единице речи-слоге, от фонемной классификации к функционированию фонем в различных фонетических условиях, от акустико-артикуляторных характеристик линейных и супралинейных единиц к их взаимодействию в синтагме и предложении. Работу Л. В. Бондарко структурно можно охарактеризовать следующим образом: необходимая теоретическая предпосылка о звуковой стороне языка- экспериментальные исследования (наблюдения над сложным процессом речеобразования и восприятия преимущественно объективными методами)- акустико- артикуляторные характеристики результатов наблюдений (анализ спектрограмм и осциллограмм)- обработка данных эксперимента- проверка объективных характеристик через обращение к сознанию носителей языка- лингвистическое истолкование полученных данных. Это и есть отличительная черта настоящей работы от других работ, посвященных звуковому строю русского языка.

Отмечая для звукового общения важность воспроизводимости и воспринимаемости звуков, Л. В. Бондарко подчеркивает, что звуки должны быть прежде всего воспроизводимыми, если мы хотим, чтобы они воспринимались. А для восприятия необходимо различие между звуками, без которого нет функционального различия. В дальнейшем автор делает вывод о том, что изучение функционального различия и сходства звуков является неотъемлемой частью языковедения.

Книга посвящена выяснению вопроса, который сформулирован Л. В. Бондарко во вводной части следующим образом: «Какие именно фонетические различия являются условием функциональных различий- один из интереснейших вопросов в изучении звукового строя языка» (стр.8). Да, именно этот вопрос составляет кредо любого фонетического исследования.

Вторая глава книги посвящена принципам и методам экспериментально фонетического анализа. Она примечательна тем, что в ней мы впервые находим подробные сведения об акустических свойствах отдельных фонем, об артикуляционных характеристиках звукообразования, о возможностях разложения звукового континуума на составляющие, об осциллографических и спектральных характеристиках русских фонем, о методах измерения параметров звуковых сигналов. Автор подчеркивает, что для исследований лингвистического характера достаточно выделения FI и FII. Многочисленные рисунки, приведенные в этой главе работы, убедительно подтверждают правильность мыслей автора.

Особый интерес вызывают рекомендации автора по сегментации спектрограмм и осциллограмм, которые базируются на большом исследовательском опыте. Можно без преувеличения сказать, что книга Л. Б. Бондарко окажет большую помощь фонетисту-экспериментатору по преодолению трудностей, с которыми он сталкивается при исследовании звуковой стороны языка.

Сравнивая формантные структуры гласных в «идеализированном виде» и в окружении различных согласных, автор указывает на изменения в спектре гласных под влиянием соседних согласных. Наиболее сильным изменения подвергается /a/ в своей переходной части под влиянием предшествующих мягких согласных. Гласное /i/ остается в этой позиции почти без изменений, что объясняется артикуляционным сходством образования мягких согласных и /i/. Остальные гласные по степени изменения переходных участков расположены между /a/ и /i/. Все изменения в переходных участках формант гласных зависят от активно действующих органов при образовании предшествующих согласных и от мягкости и твердости их.

Последний подраздел второй главы посвящен методам исследования восприятия звуковых единиц.

Определив основные аллофоны фонем русского языка (позиция максимальной дифференциации), в третьей главе автор подробно останавливается на причинах изменений акустико-артикуляторных свойств звуков. Изменения эти связаны с комбинациями и с супrasegmentными характеристиками. Внешние условия (позиция в слове и предложении, стиль произношения, индивидуально-диалектные особенности и т. д.) здесь не рассматриваются.

В сочетаниях СГ, ГГ и СС первый член более зависим от второго, в то время как ГС оба члена сочетания более или менее самостоятельны. Изменения первого звука сочетания автор объясняет активностью произносительных органов, начинающих работу, необходимую для образования второго звука, уже во время произнесения первого, а изменения второго звука в сочетании-инертностью произносительных органов, не успевающих перестроиться с произнесения первого звука в сочетании на второй к моменту начала этого второго звука (стр.110).

Два фактора приводят к изменениям стационарных участков гласных в соседстве с носовыми согласными, вызывающее в спектре гласных появление дополнительной форманты, совпадающей по частоте с формантой предшествующего носового согласного и ослабление интенсивности высоких формант и реализация в безударной позиции, где спектр гласного не имеет ничего общего со звучанием со-

ответствующего ударного (стр.111). Несмотря на столь существенную изменчивость акустико-артикуляторных характеристик, носитель языка пользуется классификацией, которая основывается на функциональных свойствах звуковых единиц. Оpozнание фонемной принадлежности звука может быть описано по эталону или по признакам. При описании по признакам важное значение имеет то, что все аллафоны одной фонемы обладают одним и тем же общим признаком, благодаря которому аллофоны одной фонемы отличаются от аллофонов другой фонемы.

В разделе о слоге Л. В. Бондарко показывает, что для русского языка наиболее удобной и привычной произносительной единицей является слог СГ. Имеющиеся теории о слоге страдают тем, что они, как правило, не рассматривают слог как произносительную единицу. В них не учитывается фонетическая связь между элементами слога. Ввиду этого имеющиеся теории о слоге сталкиваются с определенными трудностями при слогоделении. При определении слоговой границы релевантной является фонетическая связь между элементами сочетания. В результате анализа большого языкового материала автор заключает, что единственной реальной произносительной единицей в русском языке является открытый слог. Отношения между элементами слога описываются в терминах контрастов (1. Контраст по Фоси.; 2. Контраст по длительности; 3. Контраст по Ф – структуре; 4. Контраст по интенсивности; 5. Контраст по ФП). Каждый из этих контрастов может иметь разные фонетические характеристики в зависимости от составляющих слога и супрасегментных свойств. Вывод о том, что контрастные характеристики самих звуков, доказываются автором убедительно.

Рассмотрение супрасегментных единиц как нечто объединяющее средство соответствует общей концепции автора. Действительно, утверждение о том, что фонетические характеристики сочетания важнее, чем характеристики самих звуков, основывается на теоретической предпосылке, согласно которой при развертывании звуковой цепочки объединяющая или же организующая роль принадлежит супрасегментным единицам. Результаты анализа дают автору право утверждать, что русское словесное ударение является обязательным фактором существования слова, что оно не связано с одним слогом в слове и перемещается с одного слога на другой при изменении формы слова. Акустическим коррелятом русского словесного ударения является большая относительная длительность ударного гласного. В качестве интегральных признаков ударения автор приводит отсутст-

вие редукции ударного гласного и невозможность реализации в неударной позиции гласных /o/ и /e/.

Последние разделы книги посвящены вопросам интонационного оформления русской звучащей речи. Автор подчеркивает, что единицей реализации интонации является синтагма, обладающая семантико-синтактико-фонетическими признаками. Каждая синтагма выделяется, как правило, паузой, а в отсутствие таковой специфическим интонационным оформлением, отчетливо, паузой, а в отсутствие таковой специфическим интонационным контуре предложения на стыке синтагм. Синтагматическое единство определяется синтагматическим ударением, находящимся на последнем слове синтагмы. В книге даются фонетические характеристики всех четырех интонационных единиц, выделенных автором в качестве самостоятельных интонационных рисунков (1. Интонация завершенности-сфера реализации в основном повествовательные предложения; 2. Интонация вопросительная-сфера реализации-вопросительные предложения; 3. Интонация незавершенности-сфера реализации в основном неоконченные синтагмы в многосинтагменных предложениях и 4. Интонация выделенности-сфера реализации эмоционально-окрашенные предложения). Все эти интонационные единицы получают в книге свое фонетическое оформление по трем параметрам: мелодике, интенсивности и длительности.

Kniqi L. V. Bondarko-gto serğezniy vklad avtora v nauku o zvukovoy storone russkoqo əzika. Mnojestvo vivodov, illöstrativnoqo materiala, a takje prostota i əsnostğ izlojeniə delaöt kniqu L. V. Bondarko dostpnoy dlə çitateley samix raznix napravleniy nauki.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ¹

ЛГУ, 1987. 280 с.

Trud avtorskoqo kollektiva LQU, vıpuhenny v svet pod redaküiey prof. L. V. Bondarko i prof. L. A. Verbiükoy, predstavläet soboy oriğinalğnoe issledovanie interferenüii, vznikaöhney v reçi nositeley raznix əzikov. On состоit iz vvedeniə, trex qılav i zaklıöçeniə.

Во введении рассматриваются вопросы взаимовлияния русского языка и языков народов СССР, а также взаимодействия русского литературного языка и народных говоров (северно-русских, южно-

---

¹ Впервые опубликована в: "Советская тюркология". АН Азерб ССР. Баку, 1990, №3. (S.T. İsmayılova şərikli).

русских, среднерусских говоров Урала), дается объяснение самого явления интерференции и его механизмов, анализируются различные аспекты интерференции на фонетическом уровне, а также методика фонетических исследований.

Говоря о взаимовлиянии русского и национальных языков, авторы подчеркивают, что в результате этого процесса «возникает «специфический» национальный вариант русского литературного языка» (с.3).

Рассматриваются во введении также специфические особенности взаимодействия звуковых систем при обучении неродному языку. Авторы отмечают связь между порождением высказывания и восприятием сообщения на неродном языке. «Владение системой звуковых средств как системой функциональных единиц предполагает автоматизирование механизмов порождения речи и максимальное использование вероятностных характеристик при восприятии» (с.5).

Речевое поведение билингва, по мнению авторов, характеризуется взаимодействием универсальных и национально-языковых свойств. К числу первых относятся фонетические средства объединения звуковых последовательностей в целые комплексы, способы создания фонетической целостности слова, а также противопоставления гласных и согласных по ряду, подъему, огубленности и активному действующему органу.

К национально-языковым свойствам относятся те, которые специфичны только для данного языка или органической группы языков.

Третий параграф введения посвящен сенсорному и моторному аспектам интерференции на фонетическом уровне.

Для наиболее полного описания интерференции звуковых систем, по мнению авторов, необходимо проанализировать не только факты интерферирующего воздействия одного языка на другой, но также и предпосылки, определяющие интерференцию.

В основу исследования легли звуковые характеристики русского литературного языка, модифицирующиеся под влиянием звуковых систем других языков или диалектов. Поэтому в первой главе приводятся сведения только о разновидностях русского литературного языка, возникающих в различных национальных зонах нашей страны (о диалектных зонах речь идет во второй главе).

Первая глава трактует вопросы межъязыковой интерференции-взаимодействия русского языка с другими языками народов СССР, которые для удобства авторами названы национальными.

Исследованию подверглись языки, генетически далекие от русского,-эстонский, азербайджанский, грузинский, армянский, молдавский, латышский, литовский, а также языки, входящие в восточную подгруппу индоевропейских языков и являющиеся генетически тесно связанными с русским языком,- белорусский и украинский.

Как известно, русский язык является языком межнационального общения, и национально-русское двуязычие глубоко укоренилось в нашей стране. Поэтому особую ценность представляет изучение специфики функционирования звуковой системы русского языка на материале речи жителей крупных городов различных национальных республик.

В работе дается краткое описание звукового строя исследуемого национального языка и фонетических особенностей русской речи носителей данного языка.

Широко используется в книге иллюстративный материал, содержащий данные об относительной распространенности и частоте встречаемости отклонений от русской произносительной нормы.

Поскольку авторы настоящей рецензии являются носителями азербайджанского языка, нет ничего удивительного, что наибольший интерес вызвал у нас параграф, описывающий взаимодействие русского и азербайджанского языков.

Параграф начинается с описания звукового строя азербайджанского языка на фонемном уровне. Авторы отмечают соответствие русских гласных азербайджанским, к тому же «в качественном отношении основные аллофоны азербайджанских гласных фонем довольно близки к русским» (с.27). То же самое можно сказать и по поводу согласных. Сравнивая реализацию фонем в слове, авторы отмечают своеобразие данного явления в азербайджанском языке, в первую очередь-касательно гласных. В отличие от русского языка, вопрос о принадлежности всех гласных слова к тому или иному ряду в азербайджанском языке решается в зависимости от качества гласного первого слова. Наблюдаются различия в правилах реализации согласных. Исследователи, проанализировав и сопоставив дифференциальные признаки обоих языков, установили, что в русской речи азербайджанцев не следует ожидать очень грубых отклонений от русской произносительной нормы. Нужно, однако, отметить, что к такому выводу авторы пришли вследствие того, что анализ проводился с привлечением факторов, для которых азербайджанский язык не был родным.

Исследовав с помощью слухового анализа отклонения от произносительной нормы, авторы рецензируемой книги выявили сле-

дующие фонетические особенности русской речи азербайджанцев, в частности жителей города Баку.

Так, в их речи наблюдается большое количество акцентных признаков, что приводит к нарушению орфоэпических и орфофонических норм.

Поскольку в азербайджанском языке отсутствует дифференциальный признак мягкости-твердости, то естественно, что наиболее яркие нарушения произносительной нормы наблюдались при реализации данного противопоставления.

В произнесении гласных отмечены такие нарушения орфофонической нормы, как слишком открытый гласный (ы) после недостаточно мягких согласных, сильно продвинутый вперед гласный (у), а также излишне долгий переходной элемент (і) гласных при произнесении достаточно мягких согласных.

Произнесение согласных также характеризуется рядом отклонений, однако значительные нарушения орфофонических норм были связаны с произнесением шипящих, что является результатом действия правил аккомодации гласных и согласных в слого.

Еще одной особенностью, присущей носителям азербайджанского языка, является произнесение недостаточно долгих согласных на месте удвоенных.

Среди акцентных черт авторами отмечаются излишне долгий гласный в сочетании [з'н'] в конце слова. Определенное количество отклонений связано с особенностями ритмики слова, что способствует созданию специфической окраски речи.

Методика анализа, проведенного авторами рецензируемой книги, может послужить основой для более углубленного исследования фонетических особенностей взаимовлияния русского и азербайджанского языков.

Третья глава посвящена изучению механизмов интерференции, показаны их различительные особенности. Авторы предлагают свою точку зрения основывающуюся на экспериментально-фонетических данных, согласно которым человек способен различать большее число звуков, чем число фонем в его родном языке. Но эта способность обусловлена фонологическими отношениями, существующими в системе фонем его родного языка.

Остановиваясь на проблеме восприятия носителями разных языков фонетически «похожих» реализаций различительных признаков, авторы акцентируют внимание на свойствах каждой системы.

Большой интерес представляют параграфы, в которых анализируется восприятие звуков неродного языка. Авторы подробно опи-

сывают всевозможные методы выявления произносительных ошибок. Несомненно, результаты исследований найдут применение на занятиях по фонетике- как практической, так и теоретической.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что рецензируемое исследование ленинградских ученых содержит обширный материал для изучения такого лингвистического явления, как интерференция русского и национальных языков.

Надеемся, что эта книга будет прочитана фонетистами с большим интересом.

ЖИЗНЬ В НАУКЕ.¹

К столетию со дня рождения Н. С. Трубецкого (1890-1990)

Николай Сергеевич Трубецкой, одна из ярких фигур в истории русской и мировой науки о языке, родился 16 апреля 1890 г. в Москве в семье профессора философии*. Отец его работал ректором Московского университета и активно сотрудничал с кадетской партией России.

Волею судьбы Н. С. Трубецкой с малых лет оказался в кругу знаменитых личностей – деятелей науки и культуры. С 13-ти лет он проявляет большой интерес к вопросам этнографии и этнологии, изучает русскую и финноугорскую фольклористику. Впоследствии он был избран чл.-кором Финноугорского общества (1993 г.). На формирование этнографических и этнологических, а также и лингвистических воззрений молодого Трубецкого сильное влияние оказало общение его с председателем Московского Этнографического Общества осетинистом В. Ф. Миллером и членом общества археологом С. Н. Кузнецовым. В 1905 году, когда Н. С. Трубецкому было 15 лет, журнал «Этнографическое обозрение» опубликовал две его статьи: в одной из них автор пытался доказать наличие в одной старин-

¹Впервые опубликована в: Русский язык и литература в азерб. школе. 12, 1990.

*Библиографические сведения почерпнуты из предисловия, которое предпослано Р. О. Якобсоном французскому изданию книги «Основы фонологии». См.: Нотес Аутобиоэрапшигуес де Н. С. Трубетзкой (ъомминигуес пар Р. Жакобсон). «Принъипес де Пшонолози». Парис, 1967, п. XV-XXIX. Автор выражает искреннюю благодарность Дж. Мамедкулиеву за эти сведения. При написании статьи автор широко пользовался данными, приведенными Н. С. Трубецким в своих письмах, адресованных Р. Жакобсону. См.: Р. Жакобсон. Н. С. Трубетской'с. Леттерс анд Нотес. Моутон, 1985.

ной финской песне следов дореалигиозной похоронной церемонии, присущей финноугорским народам, а во втором он задался целью установить следы буддизма в иконах, которым поклонялись современные якуты. Начиная с 1907 года, Н. С. Трубецкой изучает палеосибирские и южнокавказские языки, собирает материал по камчаданскому языку. Результатом этих поисков является вывод Н. С. Трубецкого и самоедского языков. Однако вскоре в связи с подготовкой к экзаменам для получения степени бакалавра он бросает это занятие и больше к нему не возвращается. Окончив в 1908 году классическую гимназию, Н. С. Трубецкой поступает на философско-психологическое отделение филологического факультета Московского университета, решив стать специалистом в области этнопсихологии, истории философии и методологии. Однако с третьего семестра он переходит на лингвистическое отделение, где под руководством В. Поржезинского занимается проблемами общего языкознания, изучает санскрит, индоевропейские языки, а также балтославянские языки. Одновременно с этим он продолжает самостоятельно заниматься кавказскими языками. В этой связи следует заметить, что в то время каждое отделение факультета имело свою собственную программу семинарских и лекционных занятий. Более того, студент имел право выбора программы, но после этого он обязан был выполнить выбранную им программу без каких-либо изменений.

В 1912 году летние каникулы Трубецкой проводит на даче В. Ф. Миллера на берегу Черного моря, где основательно изучает язык и фольклор черкезов. Спустя год он готовит диссертацию на тему «Средства выражения будущего времени в индоевропейских языках», которая была высоко оценена В. Поржезинским. Приглашая его на работу на руководимой им кафедре, В. Поржезинский, в частности, писал: «...в лице Князя Трубецкого наука и университет приобретут выдающегося работника как в области индоевропейского, так и в области кавказского языковедения, а о том, насколько желателен такой тип лингвиста, который, работая с успехом в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, применил бы выводы и методы этой же окрепшей дисциплины к изучению кавказских языков, распространяться не приходится. Из новых европейских языков Кн. Трубецкой владеет языками немецким, французским и испанским».

В 1913 году, успешно сдав госэкзамен, Н. С. Трубецкой отправляется в Тбилиси на съезд этнологов, географов и естествоиспытателей, где выступает с тремя докладами. В том же году он командирован в Лейпцигский университет в качестве аспиранта, где слу-

шает курсы лекций Бругмана, Вундта и Линднера. Здесь он глубоко изучает санскрит и авесту. По возвращении из Германии готовится к сдаче докторских экзаменов. Для этого ему необходимо было подготовить две лекции. Сами названия этих лекций («Различные тенденции в исследованиях о ведах» и «Проблема реальности первобытного языка и реконструкции современных методов») свидетельствуют о влиянии на Трубецкого младограмматиков. Прочитав их, Н. С. Трубецкой получает штат старшего преподавателя. В следующем учебном году он читает лекции и ведет семинарские занятия по санскриту, а в дальнейшем, впервые в университете, курсы по фарсидскому языку и авесте.

1916/17 учебный год стал поворотным для Н. С. Трубецкого. Дело в том, что на заседании Московской Диалектологической Комиссии Н. С. Трубецкой выступил с резкой критикой книги акад. А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Л., 1915), посвященной общеславянской и общерусской реконструкции, где А. А. Шахматов продолжал научные традиции своего любимого учителя Ф. Ф. Фортунатова- основоположника московской лингвистической школы, известной в истории лингвистики как формальной. Выступление Н. С. Трубецкого было воспринято как взрыв бомбы, оно сыграло решающую роль в дальнейшем развитии московской лингвистической школы. Исследователи постепенно приходили к заключению, что надо решительно порвать с идеями реконструкции и отмежеваться от нее в пользу синхронного подхода. Безусловно, здесь немаловажную роль сыграло появление книги Ф. де Соссюра.

В поисках новых методов исследования Н. С. Трубецкой интенсивно занимается славянскими языками, решив написать отдельную книгу о древних славянских языках.

Летом 1917 года он отправляется на Кавказ.

В марте 1918 года, странствуя по Кавказу, Н. С. Трубецкой оказывается в Баку. В письме из Софии, адресованном Р. О. Якобсону, он пишет, что это было «в тот недолгий промежуток времени, когда армяне резали татар (азербайджанцев – В. Ф.)»¹. В 1919 году Н. С. Трубецкой прибывает в Крым, откуда в феврале 1920 г. перебира-

---

Р. Якобсон. Указ соч., с. 4. В сноске к этим строкам Р. Якобсон пишет следующее: «Восстание, организованное Мусаватской партией Азербайджана, началось 29 марта и продолжалось до 1 апреля 1918 года (по новому стилю). 30 марта полувоенные отряды, принадлежащие армянской партии «Дашнакцотун» предприняли несколько рейдов против азербайджанских кварталов г. Баку».

ется в Истамбул. После этого начинается титаническая научная деятельность Трубецкого, которая продолжается до 25 июля 1938 года, когда оборвалась жизнь ученого. Все это нашло отражение в 200 письмах, которые Н.С. Трубецкой адресовал Р.О. Якобсону. Первое письмо датировано 12 декабря 1920 г. и отправлено из Софии, а последнее- 9 мая 1938 г. из Вены. Все эти письма опубликованы в 1985 году в Моутоне под названием «Письма Н. С. Трубецкого Р.О. Якобсону». Дальнейшие наши выводы базируются на этих письмах, которые являются богатейшим источником сведений о научной деятельности Н.С. Трубецкого и позволяет проследить за процессом становления его как крупнейшего теоретика- фонолога.

В Болгарии, где он работал в течение двух лет, Трубецкой выпускает первую часть трилогии, задуманной еще в 1909- 1910 гг. В ней автор подчеркивает необходимость революции в сознании людей. Разрабатывает теорию славянских языков, рассматривая общеславянский язык как отдельный период или цикл периодов, начала которого образуют диалектные особенности, которые в свою очередь образовались из протославянских языков- диалектов. А сам общеславянский язык, по мнению Н. С. Трубецкого, возник к концу индоевропейского периода. Он исходит из того, что общеславянский период охватывает 2,5 тысячи лет и доходить до XII века. Он определяет хронологию языковых явлений на основе сопоставления общеславянского языка с разными языковыми явлениями. Это помогает Н. С. Трубецкому определить хронологическую схему общерусского и общепольского языков.

В 1922 году он переезжает в г. Блед (Югославия), где занимается очень плодотворно. В письме Р. Якобсону от 1.XI. 1922 г. он пишет: «...весь был поглощен научными занятиями. На меня находят такие полосы. Хожу как одержимый. Новые мысли душат, распирают, еле успеваешь записывать»¹. Весной того же года Н. С. Трубецкой получает приглашение замещать кафедру славянской филологии вместо И. В. Ягича. Здесь он на материале шести славянских языков читает пять часов лекций в неделю и работает над историко-сравнительной фонетикой славянских языков, ведет исследования по исторической фонетике русского языка. Одновременно с этим продолжает исследования по южнокавказским языкам, серьезно изучает общезыковедческие проблемы и анализирует фонологические системы этих языков, смело критикует марризм, который грызет языкознание изнутри.

---

¹ Н. С. Трубетской'с.Леттерс..., п. 32.

В середине 30-х годов Н. С. Трубецкой очень сильно интересовался вопросами литературы, где его привлекала в высокой степени возможность применения формального метода, однако в глубине души он оставался лингвистом. После появления статьи Р. Jakobson «Заметки о фонологической эволюции» (1926 г.) Н. С. Трубецкой бесповоротно уходит в лингвистику и всю оставшуюся жизнь посвящает исследованию фонологических систем разных языков мира. Р. Jakobson показал, что любые изменения в системе фонетических средств могут быть осмыслены в свете выполняемых ими функций. В письме Р. Jakobsonу от 12. XII. 1926 года Н. С. Трубецкой, выразив согласие с концепцией ученого, подчеркнул: «Если де Соссюр не решился сделать логического вывода из своего же тезиса о том, что «язык есть система», то это в значительной мере потому, что этот вывод противоречил бы не только общепринятому представлению об истории языка, но и общепринятым понятиям об истории вообще»¹.

Н. С. Трубецкой скоро убеждается в том, что применение фонологических методов позволит пересмотреть все достижения науки о языке. На I Международном Лингвистическом съезде Р. Jakobson выступает с тезисами об исторической фонетике. Присоединяясь к его точке зрения, Трубецкой считает, что «желательно аргументацию составить как можно яснее и «разжевание», не боясь даже несколько ее удлинить».²

Воодушевленный Гаагским съездом, Н. С. Трубецкой принимает самое активное участие в работе Пражского лингвистического кружка (ПЛК). Руководствуясь его идеями, он готовит серию тезисов, посвященных Пражского съезда фонологов славянских языков. Скоро появляется труд Н. С. Трубецкого, посвященный анализу фонологической системы полабского языка (славянского, но ныне не существующего). Однако он быстро убеждается, что его усилия должны быть направлены на описание современных языков, на раскрытие их структурных законов. В письме Р. Jakobsonу от 19. IX. 1928 г. Н. С. Трубецкой писал: «...составил фонологические системы вокализма всех языков, которые помню наизусть (всего 34) и попробовал их сопоставить друг с другом. Здесь в Вене продолжил эту работу, что сейчас имею уже 46 «номеров». Буду исподволь работать и дальше, пока не наберу 100 языков»³. В действительности же он набрал много больше – ровно 200 языков. В этих исследованиях он

---

¹ Указ. соч., с. 97.

² Указ. соч., с. 109.

³ Указ. соч., с. 117.

вскрыл очень важные законы – наличие в системах гласных системобразующих принципов – симметрических закономерностей. Все эти поиски были своего рода фундаментом для обоснования той фонологической концепции, которая изложена в его великольном труде «Основы фонологии», вышедшем в свет посмертно в 1938 году. В 1930 году теория бинарной оппозиции, с которой Трубецкой выступил на Международном Фонологическом съезде в Праге, вызвал бурную дискуссию. Тем не менее это выступление было воспринято учеными с большим удовлетворением.

Н. С. Трубецкой очень бережно относился к лингвистическому наследию прошлого, тщательно изучил труды своих предшественников, неоднократно подчеркивал, что его системы продолжают дополнять существующие. Он с уважением упоминает Бодуэна и его последователей, подчеркивает свою приверженность к школе Ф. де Соссюра и отдает дань уважения многим другим ученым. Н. С. Трубецкой считал Копенгагенский Международный съезд лингвистов победой фонологии. Это было в 1936 г. После этого он целиком и полностью погружается в проблемы фонологии, интенсивно работает над книгой жизни «Основы фонологии», подготавливает фонологические описания языков, составляет картотеки, уточняет методы анализа, выводит специфические и общие законы и дает их формулы. И все это время тяжелая болезнь подтачивала его силы. Сильно страдая грудной жабой, он смеялся над теми врачами, которые предсказывали ему еще долгие годы жизни. Он часто вздыхал и был крайне раздражен. На состоянии здоровья ученого отрицательно сказалась и ситуация в Европе. Гитлер захватил Австрию. Это было трагедией для Н. С. Трубецкого. За статью, направленную против расизма, он был уволен из университета. Постоянные обыски, проводимые в его доме гестапо, конфискация архива, жестокий произвол гитлеровской власти вынуждали ученого бежать в Америку, чтобы там продолжать научную деятельность. Однако этой надежде не суждено было осуществиться. Больное сердце подвело. Летом 1938 года, на 48 году жизни, Н. С. Трубецкой скоростижно скончался в расцвете сил и творчества. До завершения его книги оставалось совсем немного.

Научное наследие великого русского ученого долго еще будет изучаться на основе его писем и заметок. Типология фонологических оппозиций, теория релевантных и иррелевантных признаков, нейтрализация фонологических противопоставлений и понятие архифонемы, комбинаторика и просодика языковых единиц, проблемы морфонологии и фонологической типологии языков и т. д. – вот далеко не полный перечень вклада Н. С. Трубецкого в современную теоре-

тическую науку о языке. К этим, а также и ко многим другим, не упомянутым здесь, теоретическим решениям Н. С. Трубецкой пришел не сразу. Выше мы убедились, что на протяжении всей своей сознательной жизни он находился в поиске, постоянно изучал неизвестные ему языки, пополняя свою картотеку, составлял хронологические схемы. Словом, для написания книги, которая принесла ему мировую славу, потребовалась длительная, кропотливая порой мучительная работа. Сегодня трудно найти отрасль науки, где бы не применялись теории Н. С. Трубецкого (теории корреляции, оппозиции, нейтрализации и т. д.). За рубежом Н. С. Трубецкого называют отцом фонологии и не без оснований. Действительно, его фундаментальный труд есть блестящий образец фонологической концепции, характеризующейся логичностью, новизной и богатством исследовательской фантазии, не говоря уже о богатстве использованных в ней языков. Вся жизнь Н. С. Трубецкого была борьбой человека за торжество правды и справедливости. Сегодня мировая лингвистическая наука благодарно вспоминает о Н. С. Трубецком как о первопроходце и перво - открывателе идей гуманитарных наук. Человек не может назвать себя филологом в широком смысле слова, если он тщательно не изучил лингвистическую концепцию Николая Сергеевича Трубецкого.

ALMAN DILININ FONETIKASI¹

Diese deutsche Phonetik für Asärbaidshaner ist als Lehrbuch im Deutschunterricht gedacht und dementsprechend- in Ermangelung eines vollständigen Lehrbuchs der deutschen Sprache für Asärbaidshaner zunächst ein wichtiger Bestandteil der Unterrichtshilfen. Zunächst finden wir einige theoretische Vorbemerkungen, so über den Gegenstand der Phonetik, über Lautstruktur (säs quruluşu) und Lautbestand (säs tärkibi), Segment und Suprasegment. Schließlich werden Laut, Phonem, Buchstabe und Graphem bestimmt, wobei der Verfasser eine ähnliche Teilung wie Meyer-Eppler vornimmt, wenn er dem Laut zwei Funktionen zuordnet, die linguistische, zur Wiedergabe der Gedanken dienende und extralinguistische, d.h. zur Erkennung anderer Information über den Sprecher, z.B. persönlich oder emotionale. Es folgt dann eine Phonemtablette des Deutschen, in die Diphthonge und Affrikate als selbständige Phoneme aufge-

---

¹ Zeitschrift für Phonetik, allgemeine Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. G.F.Meier. Band 37, 1984. Heft 1, Akademie-Verlag. Berlin.

nommen sind. Der Schüler erhält sodann einige Informationen über den Mechanismus der Stimme, der Phonation der Artikulation und einige Hinweise über die akustische Seite der Laute. Einige historische Fakten zur Entwicklung der Phonematik und des Phonembegriffs werden in den §§ 46-50 dargelegt, worauf eine Synopsis wichtiger moderner Phonem-schauungen folgt. Weiter wird der Begriff des Phonemsystems und die Beziehungen der phonemischen Ebene zu den anderen Ebenen kurz umrissen. Das deutsche Phonemsystem wird zunächst mit der Erörterung von Aussprachenormen eingeleitet, wobei flüssige (Bühnen-) Aussprache der umgangssprachlichen gegenübergestellt wird. Bei der Umschriebt stört etwas die Verwendung von u sowohl für den labiodentalen Konsonanten als für den offenen Vokal [u]. Die Aussprache jedes einzelnen Lautes (Phonems) ist erläutert und durch Labialphotographien sowie durch Röntgenskizzen illustriert. Verdienstvollerweise sind auch Lautveränderungen einbezogen, so die Umlautbildung, Ablaut und, Auslautveränderungsgesetze, Brechung. Im 5. Kapitel wird dann die Segmentierung der Redekette und die Auswirkung des Akzents auf die Aussprache sowie allgemeine deutsche Akzentregeln, Silbenstruktur, syntagmatischer Akzent, Intonation kurzer Syntagmen und Melodien (Konturen) lengerer Äußerungen, mit Abbildungen zu Satzbeispielen, sowie das Amplituden- Frequenz-Verhältnis im prosodischen Bereich behandelt. Der Verfasser legt hier eine Reihe eigener Experimentalergebnisse vor, die interessante Zusammenhänge zeigen.

**AZƏRBAYCANCA-İNGİLİSCƏ, İNGİLİSCƏ-
AZƏRBAYCANCA SÖZLÜK VƏ İFADƏLƏR KİTABÇASI.
NIKOLAS OYDI VƏ FAMIL İSMAYİLOV. HİPPOKRENE
BYKS.**

Nyu-York, 1999, 176 s.¹

Ön söz əvəzi. Müstəqilliyimiz bütün sahələrdə özünə yol açandan dünyada ölkəmizə maraqlar artır. İndi bu maraqların yalnız iqtisadi və siyasi müstəvilərlə bağlılığını güman etmək sadələvhlik olardı. Dünyanın ən qədim xalqlarından biri kimi (sübut üçün 1300 illik yaranma tarixini bu yaxınlarda qeyd etdiyimiz «Kitabi Dədə Qorqud» dastanını göstərmək kifayətdir) azəri türklərinin mədəniyyəti, tarixi və dili yaxın və uzaq qonşularımız üçün ciddi maraq doğurur. Bu yaxınlarda AFR-də tanış olduğum türkiyəli

¹ İlk dəfə çap olunub: Türk dünyası. Dil və Ədəbiyyat dərgisi, Sayı: 16. 2003

həmkarım Halis bəy Bənzər deyəndə ki, «On sənə oxuduq, amma azəri kardeşlerimiz barədə bir şey biledik» mən istər-istəməz fikrə getdim və bütün məsuliyyətimlə bir daha hiss etdim ki, müstəqilliyimiz nə deməkdir. Və doğrudan doğruya, bu müstəqilliyimizdən qürur duyduğumuz kimi, hər birimiz qollarımızı çırmalayıb onun əbədi olması üçün əlimizdən gələni etməyə hazır olmalıyıq. Müstəqilliyi qoruyub saxlamaq, bəlkə də onu qazanmaqdan qat-qat çətindir. İndi barəsində söhbət açacağımız bu kitabça da həmin çarpışmanın bir hissəsi kimi götürülə bilər. Amerikada dilimizlə bağlı çap olunan kitabçanın üz qabığında «Azərbaycan» kəlməsinin olması özlüyündə böyük nailiyyət sayılmalıdır. Ancaq eyni zamanda bu kitabça ilə tanış olduqdan sonra duyduğumuz sevinclə yanaşı bir narahatlıq hissi də keçirdiyimizi gizlədə bilmirik. Bu da ondan ibarətdir ki, bir zamanlar bizi Moskvanın meyarları ilə qiymətləndirənlərin, bizə baxıb fikir söyləməyə vərdiş edənlərin indi də istiqaməti dəyişib bizə Amerika və amerikalıların və ya avropalıların gözlərilə rusların gözləri ilə baxmaqlarından irəli gələn əndişələrdir. Biz özümüzü dünyaya tanıtmalıyıq, xüsusilə də dil və mənəviyyat sahəsində. Bundan sonra dediklərimizi oxuyanlar nə demək istədiyimizi asanlıqla başa düşəcəklər.

Kitabçanın strukturu. O, titullar, mündəricat, giriş, ən əsas qrammatik məlumatdan, tələffüz qaydalarından, latın və kirill (buna ehtiyac var idimi?) əlifbalarının cədvəllərindən azərbaycanca-İngiliscə (təxminən 2500 söz), İngiliscə-azərbaycanca (təxminən 2600 söz) sözlüklərdən və 33 mövzuda danışmaq ifadələrindən ibarətdir. Kitabçanın həcmində şişməsinə səbəb danışmaq mövzularında sahə leksikasının təkrar verilməsidir. Təkrarları çıxartsaq, kitabçanın həcmi xeyli azalar.

Kitabçanın sonunda Azərbaycanla bağlı ən mühüm mənbələrdən üçünün adı çəkilir və təəccüblüdür ki, onların hər üçü Londonda çap olunub. Özü də biri bu kitabçanın müəlliflərindən Oudiyə, ikisi isə digər əcnəbiyə məxsusdur. Təəccüb və təəssüf doğuran odur ki, Azərbaycan qaynaqlarına tam etinasızlıq göstərilir. Son səhifədə isə Azərbaycan əks olunub. Təəssüf ki, Azərbaycan xəritəsində Dağlıq Qarabağ aşağıda mötərizə arasında, onun üstündə isə «Naqorno-Karabax», bölgənin paytaxtı «H» şriftilə başlayır, halbuki elə həmin xəritədə Azərbaycan dilindəki «x» qrafeminin İngiliscə qarşılığı «kh» qrafem birləşməsilə verildiyi faktdır. Məs. Qazax və Naxçıvan sözləri /kh/ qrafem birləşməsilə verilib. Sırf linqvistik baxımdan bu iki fakt (toponimlərin transliterasiyası) bir

dilin qrafem-fonem münasibətlərinin başqa dildə düzgün verilməsi bu qəbildən olan kitablar üçün son dərəcə əhəmiyyətlidir.

Kitabçanın qarşısında duran məqsəd və vəzifələr və ünvanladığı oxucu.

Bu barədə kitabçada bir kəlmə də olsun deyilmir. Girişin son abzasından məlum olur ki, Azərbaycan əhalisi nəhayət 1991-ci ildən müstəqillik əldə etdi. Lakin Dağlıq Qarabağ (təəssüf ki, rus dilində verilib) bölgəsi üstündə ermənilərlə müharibəyə düşdü (heç olmasa yazaydılar ki, öz əzəli torpağı olan bu bölgədən ötrü müharibəyə cəlb olundu və torpaqlarının 20 faizini itirdi). İndi isə gələcəyə nikbinliklə baxaraq dünya xəritəsində öz milli yerini tutmağa çalışır və beləliklə siz (kim?) oraya gəlsəniz, həmişə ənənəvi «Xoş gəlmişsiniz» kəlməsilə qarşılaşacaqsınız.

Göründüyü kimi, müəlliflər özləri üçün axıra qədər ayırd edə bilməyiblər ki, görəsən bu «Siz» kimdir? Kitabı əldə edən hər bir kəs, Azərbaycana gələn hər bir turist, qonaq, sahibkar və s. və i.a., yoxsa kitabçanın ünvanlandığı konkret qərb oxucusu ki, bu qədim diyarın görməli yerlərini, adət-ənənələrini görsün, öyrənsin və səfər zamanı qarşıya çıxan dil çətinliklərini aradan qaldıra bilsin. Məhz buna görə də kitabçaya daha çox ümumişlək sözlər və ifadələr salınmalı, azərbaycanlı mütəxəssislərin fikir və rəyləri nəzərə alınmalı, bu sahədəki təcrübə əsas götürülməli idi. Necə deyərlər, bəlkə heç yeni velosiped kəşf etməyə ehtiyac yox idi. Fikrimizcə, mövcud danışıq kitabçalarını və sözlükləri götürüb yenu təkmilləşmiş nəşrlərini hazırlamaq daha məqsədəuyğun olardı. Axı bu cür kitabçalar yazmaq müəlliflərdən böyük təcrübə, səriştə, hər iki dili dərindən bilmək tələb edir. Burada ada və soyada görə hərəkət etmək olmaz, bu cür kitabça yazan gərək nəinki hər iki dili yaxşı bilsin, həm də bu dillər arasındakı fərqləri və oxşarlıqları görüb duya bilsin. Bu isə müəyyən linqvistik hazırlıq nəticəsində ola bilər. Əks təqdirdə söz yığımları alınar.

Müəlliflər açıq şəkildə yazmasalar da, fikrimizcə, onlar kitabça qarşısında ingilis dili daşıyıcılarına Azərbaycan dilini və azərbaycanlılara ingilis dilini danışıq dili səviyyəsində öyrətmək məqsədini qoymuşlar. Lakin diqqət mərkəzində əsasən ingilis dili daşıyıcıları durur. Danışıq mövzularına verilən ayrı-ayrı şərhlər də bunu bir daha təsdiq edir.

Kitabçaya böyük əmək sərf olunduğunu danmaq düzgün olmazdı, ancaq lap əvvəlcədən istiqamət düzgün götürülmədiyindən, onun linqvistik baxımdan səriştəsiz tərtib olunduğu tez nəzərə çarpır. Sübut üçün misallara müraciət edək.

Bu kitabçanın ön sözündə nə deyilməli idi?

Müəlliflər yazır ki, Azərbaycan nisbətən gənc millətdir, həmçinin ölkə özlüyündə çox qədimdir. Bu qədər ziddiyyətli fikir söyləmək olarmı?!. Ölkə qədimdirsə, deməli onun xalqı da qədimdir. Sonra Bakıdan danışılır, özü də ərəb və fars mənbələrinə anonim istinad edilməklə. Bəri başdan qeyd edək ki, bu kitabça elmi-tədqiqat işi olmadığından, öz mənbələrimizlə də kifayətlənmək olardı. Çünki ölkənin və onun xalqının tarixən necə adlanmasının danışmaq kitabçasına az dəxli var, həm də bu qəbildən olan kitabçaların məqsəd və məramı tamam başqadır. Kitabça Azərbaycan haqqında diaxronik oçerk deyil, çağdaş dilimizi əcnəbilərə öyrətmək və onlara adətimiz, ənənəmiz və mədəniyyətimiz haqqında məlumat verən mənbə və vasitədir. Bunun üçün dünyada bu mündəricatda çıxan kitablarla tanış olmaq kifayət edərdi. Ona görə də kitabçanı bu gün yer üzündə nə qədər adamın Azərbaycan dilində danışmasından başlamaq və bununla bağlı gətirilən rəqəmi mötəbər mənbələrlə əsaslandırmaq lazım idi. Son araşdırmalara görə bu gün planetimizdə 50 milyona yaxın adam Azərbaycan türkcəsində fəal danışır, yazır və hərtərəfli ünsiyyətdə olur.

Məqsəd aydınlığı olmadığından və oxucu mövqeyi qulaqardına vurulduğundan müəlliflər bu kitabça üçün qəti əhəmiyyət kəsb etməyən qeydsiz-şərtsiz tarixi ekskurslar edib yanlış əski bolşevik konsepsiyasını təbliğ edirlər. Bu qatı antitürk konsepsiyaya görə oğuz türkləri 1-ci minilliyin sonunda şərqdən gələrək yerli əhaliyə qaynayıb-qarıxmış türk mədəniyyəti zərdüştlik və sonra isə islam mədəniyyətlə çulğalaşmışdır. Bu elmi yozumun səhv olması barədə indi geniş danışmaq mümkün olmadığından tanınmış alimlərin adını çəkmək yerinə düşərdi: professorlar Y.Yusifov, M. Məmmədov, S. Əliyərli, C. Həsənli, M. İsmayılov, F. Məmmədova və s. Müəlliflər Ölkəmizin adının yad dilli yozumunu («od ölkəsi») əsas götürərək, onun əslində türk mənşəli toponim olduğunu sübut edən mənbələri yaxına buraxmırlar. Bununla da onlar bolşevik dönəmində və ondan əvvəl düşmən sifarişlə işlənilib hazırlanmış saxta tarixi oxuculara sırımaq istəyirlər. Necə deyərlər, yalan ayaq tutar, ancaq yeriməz. Bunu unutmaq olmaz, bəylər!

Sonra da neftdən, onun əhəmiyyətindən, Nobel qardaşlarının Bakıya təşrif buyurmasından (1875) və digər olaylardan danışılır.

XIX əsrin sonu və XX əsrin əvvəllərində Bakı neftinin dünyada 3-cü olmasından, o neftin şərq qərblə, xristianlığı islamla bağlamaqda mühüm rol oynamasından müəlliflər qürur hissilə söhbət açırlar. Digər tarixi ekskurs rus-İran müharibəsilə bağlıdır. Burada çar Rusiyanın Azərbaycanın şimalını zəbt etməsi, 1828-ci il

Türkmənçay müqaviləsinə əsasən Ölkənin Araz boyunca Quzeyə və Güneyə parçalanmasından danışılır. Daha sonra qeyd edilir ki, Quzeydə rusların təsiri altında Avropa mədəniyyəti, açıq dözümlülük və qarışıq kosmopolitik cəmiyyət formalaşdı, Güneydə isə ənənəvi ibtidai mədəniyyət şah rejiminin təsiri ilə dəyişilməz qaldı. Güclü mühakimədir və onun yoxlanılmasını mütəxəssislərin ixtiyarına veririk. Burada isə demək yerinə düşər ki, girişdə işlədilən sözlərin əksəriyyəti sözlüyə salınmayıb. Məs: ancient, towards, precise və s. Müəlliflər Arazı «Araks» kimi verməklə hidronimlərin transliterasiyasını təhrif edirlər. Digər tərəfdən isə, bu məlumatları yuxarıda azərbaycanca danışanlar haqqında söhbət gedəndə vermək lazım idi.

1920-ci ildə Azərbaycanın qazandığı ilk müstəqilliyi Qızıl Ordu qan çində boğdu və öz milli satqınlarımızın yardımını ilə Lenin rejimi Azərbaycanı yenidən Rusiyanın, 1922-ci ildən isə bic qurum olan SSRİ-nin tərkibinə qatdı. Nəticədə Ölkəmiz 70 il ərzində bolşevik boyunduruğunun altında inildəmli oldu.

Stalin repressiyaları, Azərbaycan neftçilərinin Sibir neft yataqlarının kəşfində və istismarında iştirakı, 1 milyona yaxın azərbaycanlının Rusiyanın Tümen bölgəsinə axını, sovet dönəmində k/t-nın, xüsusilə də pambıqçılığın dırnaq arası inkişafından söhbətin danışq kitabçasına nə dəxli var, görəsən? Bunların əvəzinə Azərbaycanda dil siyasətindən, müasir iqtisadi-siyasi durumdan, Azərbaycan ədəbiyyatından, mədəniyyətindən danışılırdı daha yaxşı olardı. Müstəqilliyimizin kövrək addımlarından, qanlı Qarabağ faciəsini törədənlərdən geniş danışmaq lazım idi.

Biz bilərəkdən «Giriş» üzərində belə geniş dayandıq ki, sonra söyləyəcəklərimiz subyektiv fikirlər kimi qəbul edilməsin.

«Giriş»də Azərbaycan dili haqqında ümumi məlumat, onun dünya dilləri arasında yeri, ingilis dilindən fərqli və ona oxşar məziyyətləri, az da olsa, göstərməli idi. Bu dildə yaranmış ədəbi-mədəni abidələrdən, dünyanın tanınmış şəxsiyyətlərinin (M.A. Kazımbəy, M.Y. Lermontov, A. Duma və s.) Azərbaycan xalqı, onun dili, adət və ənələri haqqında dedikləri hikmətamiz fikirləri vermək lazım idi.

Ən əsas qrammatik məlumat. Bu başlığa müəlliflər 9 səhifə həsr ediblər. Burada müəlliflər Azərbaycan dilinin Altay dilləri ailəsinə aid olması (bu qrupun digər üzvləri kimi qırğız və qazax dillərinin adı çəkilir, ancaq sonra qeyd edilir ki, Azərbaycan dilinə ən yaxın dil türk dilidir) göstərilir. Xatırladıyıq ki, dilçilik elmi dillərin genetik bölgüsünə adı çəkilənləri türk dilləri ailəsinə daxil edir (bax:

Frederik Bronder. *The Loom of Language*. London, 1997, p.179). Əslində bu kitabçada bu qədər dərinliyə getməyə heç ehtiyac da yoxdur. Altay məkan adıdır. Antitürk təbliğatı türk adının böyük bir dil ailəsinin başında getməsinə heç cür razı ola bilmirdi. Odur ki, yeni-yeni fərziyyələr uydururdular ki, təki türk olmasın. Lakin ingilis, alman, daç və s. dillərin qədim german dillərindən törədiyi kimi, Azərbaycan türkcəsi, türkmən, qaqauz, tatar və s. dillərin ulu türk dilindən şaxələndiyini bu gün hamı yekdilliklə təsdiq edir. O ki qaldı yazımıza, burada da bir qədər diqqətli olmaq lazım idi. Bu gün olanı budur ki, biz 1992-ci idən latın qrafikalı əlifbaya qayıtmışıq. Burada roman, türk və s. terminlərini işlədib məsələni mürəkkəbləşdirməyə heç bir ehtiyac yoxdur. Tarixi qaynaqlara əl atsaq, deməliyik ki, Avropaya ilk dəfə fonografik yazını gətirən İtaliyanın şimalında yaşamış, hazırda ölüb getmiş türk mənşəli etrusklar olmuşlar. Hətta run yazısının germanlara etruskların gətirdiyini Karl Vaynhold ötən əsrin ortalarında sübut etmişdi (bax: C. Jürgen Hütterer. *Die Germanischen Stämme. Ihre Geschichte in Grundzügen*. Budapest. 1975, S.9).

Daha sonra kitabçada müəlliflər süni müqayisəyə əl atırlar. Onların fikrincə Azərbaycan dilinin strukturu nisbətən sadədir. Demə bu da onda ifadə olunur ki, bu dildə fel cümlədə sonuncu yeri tutur. «Azərbaycan dili qrammatik dəyişikliklərdən azaddır» deyən müəlliflər bunu həmin dilin iltisafiliyyətlə izah edirlər, başqa sözlə desək, sözün sonuna əlavə edilən hər bir ünsür ayrılıqda məna daşıyır. Ancaq verilən misallar tamam başqa şey deyir, çünki hər iki dildə verilən misallarda fərqlərdən çox oxşarlıq vardır. Sözün kökünə əlavə edilən ünsür ayrılıqda qrammatik məna ifadə edir. Müq. et: iş-work, iş-siz-work-less, iş-siz-lik-work-less-ness və s. Əgər kitabçada ingilis dilində daxili fleksiya dair nümunə gətirsəydilər (məs. foot-feet, maus-mais və s.), onda qrammatik qaydaya dair söylənilən fikirlər anlaşılardı.

Sonra başlığa sait və samit ahəngi çıxarılır. Qeyd edilir ki, bəzi sözlərdə saitlər dəyişə bilər. Əslində isə çoxhecalı sözlərdə qalın /a, ı, o, u/ və incə /ə, e, ö, ü, i/ saitlər bir qayda olaraq bir-birini izləyir. Bu məqamda iki (dan/dən) və dörd (sız/siz/suz/süz) cür işlənən şəkilçilər qeyd edilir. Ancaq fonetik cəhətdən samitlərin, xüsusilə də /k/ və //n-ın iki variantda – qalın və incə tələffüzü (müq. et: kartof, katib, lal, ləl və s.), sözün sonunda və birinci hecasında saitlərin delabializasiyası (müq. et: Mustafa əvəzinə Mıssafa, gözü əvəzinə gözi və s.), vurğusuz hecalarda saitlərin güclü reduksiyası (müq. et: gülümsündü əvəzinə glümsündü və s.), novlu samitlərin qonşuluğunda kipləşən partlayışlıların novluya çevrilməsi (müq. et: istəkli əvəzinə issəkli,

qızlar əvəzinə qızzar və s.), söz sonunda cingiltili samitlərin və /r/, // samitlərinin qarışması (müq. et: katib əvəzinə katip, nar əvəzinə nar, kəl əvəzinə kəl, və s.) xüsusi qeyd edilməli idi. Kitabça canlı danışıqı öyrətməli olduğundan, fonetik qaydalara daha çox önəm verilməli idi.

İsimdən danışarkən müəlliflər özləri də bilmədən müəyyənlik/qeyri- müəyyənlik barədə dolaşılığa yol verirlər. Biz deyirik: /Orada bir kişi dayanıb//, /Kişinin əlində bir zənbil var//. Birinci cümlədəki «kişi» ismi ingiliscə qeyri-müəyyən, ikinci cümlədə isə müəyyən artıqla verilir. Eynilə Azərbaycan dilində də bu belədir. Birinci halda qeyri-müəyyənlik, ikincidə isə müəyyənlik ifadə olunur. Hətta birinci cümlədə «bir» işlənməsə də qeyri-müəyyənlik qalır. Buradan belə nəticə çıxır ki, müəyyənlik və qeyri-müəyyənlik ümumi bəşəri kateqoriya kimi bütün dillərdə mövcuddur. Lakin onun ifadə vasitələri müxtəlif dillərdə müxtəlifdir.

İki dilin müqayisəsi hal kateqoriyası və isimlərin sifət və miqdar sayları ilə işlənməsi baxımından ola bilərdi. Şəkilçilərin yalnız bəziləri qeyd edilir. Burada müəyyən və qeyri-müəyyən təsirlik və qeyri - müəyyən yiyəlik halından danışmaq lazım idi (müq.et: /Mən kitab oxuyuram// və /Mən kitabı oxuyuram//, sən verdiyini deyirəm və s.).

Zərflər dəyişməz olur və bəziləri cümlədə yerini dəyişə bilər deməklə müəlliflər məsələni bitmiş hesab edirlər. Halbuki onların işlənməsi qaydalarının açılmasına böyük ehtiyac duyulur.

Qoşmalarla hal şəkilçiləri qarışdırılır. Bununla bağlı sadəcə olaraq deyilməli ki, ingilis dilinin bəzi qoşmaları Azərbaycan dilində hal şəkilçisinə uyğun gəlir. Bu da ingilis dilinin analitizmilə izah olunmalıdır. Azərbaycan dilində «məktəbdən sonra» birləşməsində /-dən/ hal şəkilçisi, /sonra/ isə qoşmadır. Təbiidir ki, ingilis dilində bu, sözünün isimlə yanaşması yolu ilə düzəlir. Əvəzlərdən danışılarda deyilir ki, şəxs əvəzləri istənilən isimlərin sonuna əlavə edilir. Bu nəyə yeni kəşfə oxşayır, deyilmi? Bilirik ki, «adamsan, həkimsən» demək olur, ancaq «adammən, ya adamo, ya adambiz, adamonlar» və s. mümkün deyildir. Sonrakı səhifədə isə mənsubiyyət şəkilçiləri yiyəlik əvəzləri kimi təqdim olunur. Elə bunun nəticəsidir ki, «məktəbimdən» sözündə /-dən/ qoşma adlandırılır. Əslində isə burada dilimizdəki məlum üç növ təyini söz birləşməsindən danışılmalı idi. Birinci növ (məs.:dəmir qapı) yanaşma, ikinci növ (məs.:qapı açarı – qeyri-müəyyən yiyəlik halı və 3-cü şəxs mənsubiyyət şəkilçisi) və üçüncü növ (qapının açarı – müəyyən yiyəlik hal və 3-cü şəxsin mənsubiyyət şəkilçisi) birləşmələr isə idarə əlaqəsilə düzələn birləşmələrdir. Yeri gəlmişkən, biz azərbaycanlılar «ali televizoru» birləşməsi işlətmirik.

Fel bəhsində müəlliflər bir neçə ümumi fikir söyləyərək qeyd edirlər ki, fellərin sonuna daha kiçik sözlər və ya sadə saitlər (smaller words or single vowels: c.13) əlavə etməklə kimin, nəyi, necə və harada nə iş görməsi haqqında məlumat ala bilərsiniz. Misallardan isə məlum olur ki, söhbət 1-ci şəxsdə keçmiş (şühudi keçmiş), indiki, qeyri-qəti gələcək və qəti gələcək zaman formalarının şəkilçilərindən gedir. Sonra isə «gecikləşdirmək» adlı fel «kəşf» edilir və ona şərhlər verilir. «Görmək» felinin təqdim olunan təsrif formasını isə çap səhvi kimi qəbul etmək çətindir.

Fikrimizcə, bu kitabçada müasir Azərbaycan ədəbi dili (müəlliflər, güman ki, burada «standart» terminini işlədirlər) əsas kimi götürülməlidir. Bu mənada «Avtobus varmı?», «Siz ingiliscə danışsınız mı?», «Aldım» (götürdüm mənasında) kimi ifadələr canlı dildən yayımlar və kitab dili təsiri bağışlayır. «Avtobus varmı?» kontekstdən ayrılıqda avtovağzaldan qayıdan adama verilən sual kimi yozula bilər. Nümunə kimi cümlə ikinci şəxsdə götürülsə yaxşı olardı. «I took» dilimizə «Mən götürdüm» kimi tərcümə olunmalıdır. «Götürmək və almaq» başqa-başqa fellərdir. Azərbaycanın bir bölgəsindəki deyiliş üslubunu bu kitabçada təbliğ etmək düzgün olmazdı.

Tələffüz qaydaları. Azərbaycan qrafemlərinin ingilis dilində oxşar işarələrlə verilməsi və ya onların bir-birinin altında düzülməsi tələffüz xüsusiyyətləri demək deyildir. Bir misal gətirək. Azərbaycan dilində /i/ saiti ən azı üç variantda (uzun – «nizə», qısa – «diş») və dilin bir qədər arxaya çəkilməsilə – «ışıq» tələffüz olunur. Lakin bunlar həmin saitin fonetik xüsusiyyətləridir. Bunun əksinə olaraq ingilis dilində uzun /i/ və qısa /I/ müxtəlifdir. Məs.: /si:t/-/sit/. Elə buna görə də onları müqayisə etmək o qədər də asan deyildir. Söhbət müxtəlif səviyyələrdən gedir. Bu da kontrastiv fonologiyanın obyektidir.

Yuxarıda deyildiyi kimi, kirill əlifbasını bu kitabçada verməyə ehtiyac yox idi.

Daha sonra ingilis dilində qarışığı olmayan /i, ä, ü, ö/ dörd saiddən xüsusi bəhs olunur. Burada da qrafem və fonem münasibətləri qarışdırılır. Digər tərəfdən axırıncı üç saiti umlautlaşma kimi vermək tamam yanlış olardı və alman dilində onlar həqiqətən sözün umlaut qəbul etməsi nəticəsində müvafiq /a,o,u/ saitlərini əvəz edir. Məs. /fa:ter- fä:ter, zo:n-zö:ne, vurde-vürde/ və s. /ğ/ samiti dilçək samiti deyil, dilarxası samitidir, sözbaşında gəlmir və onu alman, fars və ya ərəb samitlərilə müqayisə etmək düzgün deyil. /x/ isə doğrudan da, alman dilindəki «Ach» – Laut-a uyğun gəlir, amma əmələ gəlmə üsuluna görə bir az ondan yumşaqdır. /r/ samiti dilimizdə söz sonunda

güclü şəkildə qarşılaşır. Apostrofu isə «qlottal stop»a bənzətmək məsələnin mahiyyətindən tamam xəbərsiz olmaq deməkdir. Azərbaycan dilində xirtəkdə partlayışla yaranan heç bir samit yoxdur və apostrof ərəb mənşəli sözlərdə uzun saitləri yazıda vermək üçün əlifbamıza gətirilmiş işarədir. Təbiidir ki, çağdaş Azərbaycan yazısında bu işarə öz əhəmiyyətini tamam itirdiyindən əlifbadan çıxardılıb.

Beləliklə, əsl tələffüz xüsusiyyətləri qalıb bir yanda, tərtibçilər başlayıblar araba üçün beşinci təkər kəşf etməyə. Saitlərin fonoloji baxımdan uzun olub-olmaması mübahisəli məsələdir. Odur ki, bu tipli kitabçada həmin məsələdən, eləcə də samitlərin geminatlığından yan keçmək olardı. Bu bölmə ilə bağlı mülahizələrimizə yekun vuraraq demək istərdik ki, əlifbanın rəsmi qəbulundan (1992-ci il) xeyli keçib. Başa düşmək olmur ki, aşağıdakı qrafem sapmalarını müəlliflər nə ilə izah edirlər?

«ş» əvəzinə «sh» «x» əvəzinə «kh»

«ə» ----- «ä» «ğ» ----- «gh»

«x» ----- «ch» «j» ----- «zh»

Ola bilsin ki, müəlliflərin istifadə etdiyi kompüterdə həmin işarələr yoxdur, onda müəlliflər bu texniki çətinliklə bağlı ən azı çıxarışda qeyd verməli idilər.

Fikrimizcə, ingilis – Azərbaycan sözlüklərində söz və ifadələr transkripsiyada verilsəydi çox uğurlu olardı. Bu, kitabçanın həcminə xələl gətirməzdi, ancaq onun dəyərini çox artırardı.

Azərbaycanca-ingiliscə və ingiliscə-azərbaycanca sözlük.

Sözlükdə ilk baxışdan nəzərə çarpan qüsurları bu çür ümumiləşdirmək olar:

1. Azərbaycan dilində sözlər və ifadələr düzgün verilməyib. Müəlliflər «ayaq xizəyi», «biz od qalaya bilərikmi?» «ehtiyac təkəri», «elektrik yanacaqlar mağazası», «Bu gün hansı gündür», «hamiləliyin qarşısını alan tədbirlər», «hekeyə», «insektisid(?)», «ishgal»-occupation, «ishghal»-invasion, «işgüzar», «itirmişmək», «kökəlmək», «Bunun qiyməti nə qədərdir?», «qəfəsdən», «lumu», «məhsul yetiştirmək», «o kimi», «Yolunuz yüngül olsun», «Günə qarşı eynək», «Seyidin məzarı?», «sürətini çıxartmaq», «tualet borusu tutulub», «təvəllüd kağızı», «dolar» (dollar mənasında), «saçımı gödək edin», «itəliyib maşını işə sala bilərsizmi?», «mina yatızdırmaq», «Naqorniy Karabax», «fotoqrafçı», «qadax» (qədəh mənasında), «kənə» (gənə mənasında), «düriz» (dürüst əvəzinə), «sustamaq», «sunkər»(?), «məməli», «qarğudalı», «həttindən artıq», «yataqlı torba» (heç olmasa «yataq torbası» olaydı), «yuro» (Avro mənasında),

«cinsiyyət» (?), «yeşik» (?), «Alışqan varmı?»(?), «Avtobus nə zaman qalxır?» (təyyarə ilə səhv salınır), «eşşək arı» və s.söz və ifadələr işlətməklə oxucunu çaş-baş salmışlar. Misallardan görüldüyü kimi, söhbət heç də tək cə orfoqrafik səhvlərdən deyil, həmçinin dilimizə yad ifadələrdən və yad deyim tərzindən gedir. Biz heç vaxt «mina yatıdırmaq» və ya «Avtobus nə vaxt qalxır» demərik. Olsa-olsa dialektlərimizdə bu cür deyim tərzinə rast gələ bilərik. F.Şiller deyirdi ki, dil millətin güzgüsüdür və biz ona baxanda, özümüzə məxsus böyük əksimizi görürük. Deməli, dil adlı güzgüyə onun yaradıcısı olan xalqın gözü ilə baxmaq lazımdır. Belədə xalqın layiqli əksini həmin güzgüdə görmək olar. Təəssüf ki, müəlliflər güzgüdə öz əkslərini verməyə çalışıblar, necə ki, cənab F.İsmayılov artıq neçə ildir ki, heç kimlə və heç şeylə hesablaşmadan Azərbaycan dilinin saf, işıqlı güzgüsünü BBC radiosundan özünəməxsus şəkildə əyri göstərməkdən utanıb qızarmır.

2.Bəzən dil realiləri təhrif olunur. Ona görə də verilən söz və ifadələri birmənalı şəkildə başa düşmək çətin olur.Məs: «azad etmə» bir neçə mənada başa düşülə bilər. «Liberation» isə mənəvi azadlığı nəzərdə tutur. «birbaşa bilet» «birtərəfli bilet» demək deyildir. Birincidə miniyi dəyişmək olmaz, ikincidə isə biletin etibarlılığı və ya qiyməti anlaşılır. İngiliscə bunların hər ikisi eyni cür verilib. Yeri gəlmişkən, «etibarlıdır» kimi mühüm söz kitabçaya daxil edilməyib. Halbuki səfərdə olanın viza müddətinin nə vaxta qədər etibarlı olduğunu bilməsi çox vacibdir. «Bağışla» və bir neçə söz və ifadənin qarşısında yazılıb ki, familiar stildə bu «sorry» deməkdir. Anlamaq olmur ki, avtobusda birisinin ayağını tapdalayanda üzr istəmək üçün «sorry» və ya «I am sorry» deyiriksə, deməli, bu familiar stil olur, eləmi ?. Dil mühitində böyüyən və ya bir neçə il bu mühitdə yaşayıb bu dili duyan adam belə səhvlərə yol verə bilməz. «Ləhcə» dilin sintopik üzvlənməsində «idiolekt-şivə-ləhcə-danışıq dili (koynə)-ədəbi dil (standart dil) » cərgəsində özünəməxsus yer tutur. Ona görə də onu dialekt kimi tərcümə etmək real gerçəklikdən çox-çox uzaq olmaq deməkdir. «Tualet borusu tutulub», «Təvəllüd sənədi», «Biz ...istiqlamətində aparın düz yoldayıq», «Yolunuz yüngül olsun » və s. kimi ifadələrə kalka yolu ilə edilən tərcümələr deyilir.

3.Müəlliflər lüğətçiliyin ümumi,əzəli leksikoqrafik kriteriyalarına məhəl qoymurlar. Belə ki, onlar bir sözü iki dəfə təkrarlayır, hər birinin qarşısında ingiliscə mənasını verirlər. Leksikoqrafiyada «çoxmənalılıq», «sinonimlik», «antonimlik» və s. kimi terminlər var. Birincini 1,2,3 rəqəmləri altında eyni sözün və ifadənin qarşısında vermək olar. Məs: «bundan başqa» -1. Also, 2.besides, «dəmir yolu stansiyası» 1. Railway station, 2. Train station. Əslində ikinci düzgün

tərcümə deyil. Bu, qatar stansiyasına uyğun gələn birləşmə kimi verilə yaxşı olardı. «İşğal» sözü də bu cür. Əvvəla, müəlliflər nədənsə «işqal» və «işğal»ı iki müxtəlif söz kimi təqdim edirlər. Halbuki bu da 1. Occupation; 2. İnvazion kimi eyni sözün çoxmənalılığı ilə verliə bilərdi. Bu qəbildən olan «xarakter, istiotlu, müdafiə etmək, mütəxəssis, üzr istəmək», ingilis dilində «after, meal, meals, birthcertificate» və s. ayrı-ayrı sözlər kimi iki yerdə verilib.

4. Bəzən sözlərin mənası açılmır, onların vasitəsilə düzələn ifadə və birləşmələrin tərkibində mənası açılır. Məs. «xoş, minnət, saxta, nəfərlik», «overtake» və s. sözlərin mənalari yalnız tərkibdə (xoş gəlmişsiniz, çox minnətdaram və s.) verilir. Halbuki lüğətçilik ənənəsinə görə əvvəl baş söz açılmalı, yalnız bundan sonra onların tərkibdə və ifadələrdəki mənalari açılmalıdır.

5. Söz düzümündə qəbul olunmuş leksikoqrafik prinsiplərin gözlənilməməsi və xalqın adət-ənənələrini əks etdirən bəzi spesifik sözlərin kitabçada öz əksini tapmaması onun qüsurlarından sayılmalıdır. Sırf milli çalarlıq ifadə edən və ya daha geniş mənada dilimizdə işlənən «Novruz, Qurban, Ramazan», hətta yas mərasimini ifadə edən «cümə axşamı» və ing. «Church, kirche, christmas» kimi dil vahidlərinin mənası geniş açılsaydı, qərb oxucusu Azərbaycanı, Azərbaycan oxucusu isə Qərb dünyasını daha yaxından tanıya bilərdi. Oxucu nədən bilməlidir ki, «Seyidin məzarı» nə məqsədlə bu kitabçaya daxil edilib. Heç bunu mən də anlaya bilmirəm. Bu minvalla gərək bütün seyidlərin, hacıların, axundların, mollaların və s. məzarları yaddan çıxmıyaydı. Bəs şeyxül-islamların məzarları? Bunların əvəzinə son illərdə dilimizə fəal şəkildə daxil olmuş «durum, öncə, özgür, ilgili, bazar iqtisadiyyatı, yatırım, özəl, özəlləşdirmə, təklif, tələb» və s. kimi onlarca sözləri kitabçaya daxil etmək lazım idi.

6. Sözlüklərdə ən böyük anlaşılmazlıq ayrı-ayrı sözlərin mənalarının müəlliflərsayağı açılışdır. Məs. «hərbi əsir» ingiliscə «P.O.W.», «Birləşmiş Millətlər Təşkilatı» «United Nations», «USA» «ABŞ», ing. «BMT-nin Qaçqınlar üzrə Komissiyası» ing. «UNHCR» kimi verilib. Əvvəla, qısaltmalarda komponentlər arasında nöqtə qoyulmaz, ikincisi də, oxucu onları necə tələffüz etməyi haradan bilsin, görəsən?

İngiliscə-azərbaycanca danışiq kitabçasında mövzular 33 başlığa bölünərək verilib. Təəssüf ki, müəlliflər rəsmi və qeyri-rəsmi danışiq üslubunu özlərinə məxsus tərzdə müəyyənləşdirirlər və bütün kitabça boyu buna əməl etməyə çalışıblar. Deyiliş üslubu təkcə müraciət olunan şəxsin sən «salam» və ya «salam ələyküm», (görəsən niyə «ələyküm»?), bu, alınma söz olsa da, dilimiz onu öz sistem və

struktur qəlibinə daxil edib və ahəng qanununa görə bu sözdə /i/ saiti tələffüz olunmalıdır) olması ilə deyil, həm də danışığ məqamı ilə müəyyənləşir. Sadəcə olaraq çox yüksək səviyyədə «Salam, hörmətli dostlar və qonaqlar» deyilsə, bu yüksək üslub norması sayılır. Əgər müəlliflər güman edirlərsə ki, burada danışan şəxs mütləq «Salam əleyküm» deyər müraciət etməlidir və bu rəsmi stilə uyğun gəlir, onda onlar yüzdə-yüz səhv edirlər. Bu cür mülahizə Azərbaycan türkcəsini bilməməkdən irəli gəlir. İkinci forma arxaikləşib, əksərən ara danışığında işlənir. Bu gün cəmiyyət «Salam» müraciət formasına daha çox meyillidir. Digər tərəfdən, ingilislər ikinci şəxsin təkini və cəmini nə qrammatik, nə də leksik cəhətdən fərqləndirmədiklərindən, müəlliflər onların Azərbaycan dilində verilməsində çəş-baş qalıblar. Burada qəribə bir şey yoxdur. Çünki söhbət dildə danışmaqdan deyil, onu duyub hiss etməkdən və ona mütəxəssis mövqeyindən yanaşmaqdan gedir. Burada Y.V. fon Qötenin bir fikrini misal gətirməyə bilmirəm. O yazırdı ki, hər kəs danışdığı üçün, elə bilir dil haqqında fikir söyləyə bilər. Dil insanların iç dünyasıdır və ondan söhbət açmaq üçün səriştə və savad lazımdır. Radiojurnalist, özü də əcənəbi dildə təhsil almış müxbir, başqa dil haqqında söhbət açmaq üçün təzədən doğulub bu dildə məktəb və dil universitetini bitirməlidir.

/I am sorry// təkə /Təəssüflər olsun ki// kimi tərcümə olunmur, bu həm də /Üzr istəyirəm//, /Bağışlayın//, /Əfv edin// deməkdir. Eyni zamanda deyiliş məqamından asılı olaraq ikinci şəxsin təkisi də müraciəti ifadə edir.

Kitabçada verilmiş bütün ifadələr danışığ etiketləri də adlandırılıla bilərlər. Ona görə də, mövzuların düzümündə daxili əlaqəni və məntiqi ardıcılığı gözləmək lazım idi. Bu o deməkdir ki, «Tanışlıq» ilk öncə verilməli idi. Yuxarıda deyildiyi kimi, bu kitabçanın dəyərini aşağı salan, söz və ifadələrin transkripsiyada verilməməsidir. Belə olsaydı ingiliscə verilmiş sözləri oxumaq və başa düşmək çox asan olardı. «Ailə» mövzusunda «Siz bir oğlanla gəzirsinizmi» ifadəsi kobuddur, çox aşağı səviyyəlidir, özü də xalq bunu belə işlətmir. Bu cür kitabçalarda azərbaycanlıların şiə və ya sünni olmasının qabarıq şəkildə göstərilməsinə ehtiyac yoxdur. Həm də «Azərbaycanlılar əsasən şiə müsəlmanlarıdır» hökmünü vermək fantaziyadır. Novruzun dini bayram olduğunu demək fantaziyaadan başqa bir şey deyildir.

/Azərbaycanda hər kəs rusca danışır// cümləsini fəxrlə başlığa çıxaran müəlliflərdən soruşmaq yerinə düşərdi ki, /Azərbaycanda hamı azərbaycanca danışırımı?//. Məlumdur ki, imperiyanın dilini hamı bilməliydi. Amma elə buna görə də sualı başqa cür qoymaq lazım idi:

azərbaycanlılar linqvistik qabiliyyətləri və dözümlülüyü ilə seçilən xalqdır. Eyni zamanda unutmaz ki, yüksək intellektli xalq həm də özünə hörmət olunmasını tələb edir. İmperiyanın süquta uğramasında ən mübariz xalq elə biz olduq. Biz hətta taksi sürücüsünə də «sən» yox, «Siz» deyə müraciət edirik.

Kitabçada hər mövzudan əvvəl və ya sonra verilən qısa məlumatın elə bir əhəmiyyəti yoxdur. Mövzularda «Lenti aydınlaşdırmaq», «Adınızı ala bilərəmmi?», «Mən yolumu itirmişəm» və s. kimi ifadələri oxuyanda adamın gülməkdən qarnı cırlır, çünki biz belə demirik.

Qəribədir, müəlliflər bu sahə ilə bağlı bir dənə də olsun mənbə və qaynaq adı çəkmirlər. Lakin cıdanı çuvalda gizlətmək olmaz. Mövcud təcrübədən gen-bol istifadə olunduğu mütəxəssislərin gözümdən qaça bilmir.

Əlbəttə, biz burada bütün səhvləri dilə gətirsək, onda bu kitabça boyda bir yazı meydana gələrdi. Ona görə də əsas məsələləri qeyd etməklə kifayətlənirik.

Sonda demək istərdik ki, müəlliflər öz missiyalarını yerinə yetirə bilməyiblər, çünki buna onların səriştəsi çatmayıb. Burada leksikoqrafiya elminin ən elementar tələblərinə belə əməl olunmayıb. Elə bu səbəbdən də kitabçanın böyük oxucu kütləsi üçün maraqlı ola biləcəyini söyləməkdə çətinlik çəkirik. Kitabçanı əlinə götürüb səfərə çıxanlara «Yolunuz düzgün olsun» deyə bilmirəm. Olsa-olsa /Yolunuz uğurlu olsun// deyərəm. Amma qorxuram ki, müəlliflər demişkən, «yolunuzu itirəsiniz», xanımlar və bəylər! Belə kitabçanın yenidən yazılmasına, özü də mütəxəssislər tərəfindən yazılmasına böyük ehtiyac hələ də qalmaqdadı.

FREMDSPRACHE DEUTSCH. BESPRECHUNG¹

Die Sondernummer der Zeitschrift "Fremdsprache Deutsch" (1998) enthält sehr wichtige und wertvolle Informationen über ein Festival, welches auf der XI. Internationalen Deutschlehrertagung in Amsterdam 1997 präsentiert und vorgestellt wurde.

¹ İlk dəfə çap olunub: IDV-Rundbrief, April 2000, Heft 64. Zeitschrift für die Praxis des Deutschunterrichts. „So seh ich dich, so erleb ich dich“. Bericht über ein Festival. Sondernummer 1998. Stuttgart: Klett International. ISBN 3-12-675539-9. Besprechung von Fachraddin Vejsalov, Baku, s.48

Besonders auffällig sind Eindrücke, die die Verfasser dieses Heftes zur allgemeinen Idee des Festivals darlegen. Das erfolgt in drei Beiträgen (S.3-4, S.5-9, S.49-54). Im ersten Artikel wird vom Präsidenten des IDV, G.Westhoff, über viele Aufgaben und Pflichten der Organisation gesprochen, im weiteren werden zwei erfolgreich durchgeführte Projekte, die Deutscholympiade und das Festival, ausführlich beschrieben.

Im Anschluss daran lesen wir mit Interesse den Artikel von Brigitte Sorger, die die Idee und Rahmenbedingungen des wirklichen Könnens jedes Deutschlehrers, seine Kreativität und Fähigkeit, die Lernenden zu aktivieren, damit sie überall Deutsch einwandfrei verwenden können, darstellt.

Hier werden die Kriterien der Auswertung von Kenntnissen und Probleme der Jury des Festivals besprochen. Nicht von minderer Bedeutung ist auch der Bericht über das Festival, auf dem junge Menschen verschiedener Nationen ihre Sprachkenntnisse demonstrierten.

Sehr interessant sind Überlegungen von Renate Ömer, die die Korrespondenz die Begleitschreiben-einer Analyse unterzieht und an Abschnitten daraus zu zeigen versucht, wie unterschiedlich eigentlich die Sichtweisen der Schreiber sind, die das Thema des Deutschlernens im Ausland von ihrem Gesichtspunkt aus widerspiegeln.

Um den Umfang und den Inhalt der Beiträge zu verstehen, reicht es einmal einen Blick auf den Artikel von P.Weiss und A.Obermaier zu werfen. Sie gruppieren die 1009 eingesandten Texte auf verschiedene Textformen, unter denen Prosatexte und Gedichte überwiegen.

In der Sondernummer werden auf den nächsten Seiten ein paar Fotos und Briefe veröffentlicht. Verallgemeinert könnte gesagt werden, man ist einfach entzückt von der reichen Fantasie und Kreativität von Deutschlernenden in der ganzen Welt.

Besonders beachtenswert sind auch die Seiten, wo verschiedene Darstellungsformen aus Chana, Slovenien und Indien ausgeführt werden. Dem Leser fällt sofort auf, wie schon und inhaltsreich die Beiträgen über Spiele in der Landeskunde, speziell das "Schweizerische Mozaik" sind. Auch der Beitrag von X. Ignatkina- ein Dialog-wird Interesse bei den Lesern finden, die sicher gern einige Ideen daraus aufnehmen werden, weil sie inhaltlich sehr zutreffend sind. Sehr gerechtfertigt findet man auch Lieder im Deutschunterricht, wovon in den Beiträgen von K.van Eunen und U.Kind gesprochen wird.

Diese Rezension wäre unvollständig, hätte man über das literarische Projekt mit Studierenden aus drei Nationen von J.Mummer nichts geschrieben, das Ergebnisse des gegenseitigen Schreibens von deutschen und polnischen Studenten enthält.

Wenn man die Sondernummer der Zeitschrift "Fremdsprache Deutsch" kurz gefasst einschätzen und ihre Bedeutung für die Ausformung von Ideen und Beschlüssen hinsichtlich der Amsterdamer XI. Internationalen Deutschlehrertagung (1997) und des Festivals darstellen wollte, so könnte man eindeutig feststellen, dass sie ihre Ziele und Aufgaben vollkommen erreicht hat.

Dieser Kurs sollte weiter fortgesetzt werden.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФ. М.Т.ТАГИЕВА В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ¹

Швейцарский исследователь Ю.Хойзерман выпустил монографию «Фразеология. Основные проблемы немецкой фразеологии на базе советских исследований». Лингвистические труды. Тюбинген, 1977, 47.

В работе дается анализ исследований советских лингвистов в области фразеологии. Автор стремится показать, что в каком направлении идет развитие фразеологической теории в советской лингвистике. В предисловии автор отмечает, что многочисленные беседы и консультации с советскими фразеологами, среди которых он особенно выделяет азербайджанского русиста доктора филологических наук, профессора М.Т.Тагиева, были очень плодотворными. Идеи, возникшие в результате этих бесед и консультаций, автор отмечает, послужили основанием для решения многих спорных вопросов современной немецкой фразеологии. Швейцарский ученый подчеркивает, что многие работы советских исследователей-фразеологов, которые внесли немалый вклад в развитие современной генеративной и структурной грамматики, а также и в разработку проблем социо- и прагмалингвистики, так называемой лингвистики текстов и т.д., почти недоступны широкому кругу исследователей на западе.

Работа Ю.Хойзермана состоит из 6-ти глав, библиографии и регистра, причем половину книги составляет главы, посвященные результатам исследований советских ученых в области фразеологии. Исходя из концепции советских фразеологов, Ю.Хойзерман вводит два термина: фразу и свободное словосочетание. Под первым он понимает готовые, существующие в языке единицы, в то время как под свободным словосочетанием в работе подразумеваются индивидуальные словосочетания, т.е. те словосочетания, которые говоря-

¹ İlk dəfə çar olunub: BSU. Tağıyev oxuları. Bakı, 2004, c.6-9

щий производит на основе синтаксических правил своего языка. Здесь Ю.Хойзерман ссылается на М.М.Тагиева, который предложил, на наш взгляд, более удачный термин «фразеологизм» (1, с. 5-6).

Дефинция фразеологии, данная Ю.Хойзерманом, как учение об устойчивых словосочетаниях, имеет как бы предварительный характер, так как по ходу всего изложения он часто возвращается к этому вопросу. В этой связи интересно отметить, что Ю.Хойзерман подробно останавливается на определении, данном М.Т.Тагиевым в своей монографии «Глагольная фразеология современного русского языка (опыт исследования фразеологических единиц по окружению. Баку, 1966)». По М.Т.Тагиеву, единицы фразеологии стоят по мере надобности в окружении, не совпадающим с тем, которое имеет омонимичное свободное словосочетание. Этим же разграничивается одинаковое множества фразм, а именно фразмы с сингулярным изменением значений (с. 8).

Фразмы часто подразделяются на фразеологические и нефразеологические. Такому разделению препятствуют тот факт, что каждое сочетание слов получает какую-то специализацию, как только оно становится «устойчивым» или наоборот. Если сочетание слов должно получить совершенно определенную задачу, то оно будет в языке устойчивой единицей. При определенных обстоятельствах нефразеологические фразмы специально не рассматриваются, как например, в работе М.Т.Тагиева.

Говоря об исследованиях американских лингвистов, автор показывает, что в советской лингвистике четко разграничиваются идиомы и устойчивые словосочетания, тогда как в американской лингвистической литературе идиомы рассматриваются как устойчивые словосочетания.

Ю.Хойзерман подробно излагает теоретические предпосылки фразеологических концепций советских ученых. Он останавливается на определении, данном разными авторами по-разному. Он специально указывает на определение М.Т.Тагиева, согласно которому общее значение фразеологических единиц не соответствует сумме значений компонентов целого. Переносное значение таких единиц доказывается М.Т.Тагиевым тем, что лексемы, входящие в состав таких единиц, могут выступать в других окружениях, как и другие единицы лексического яруса языка. Это понятно особенно в тех случаях, если речь идет о переносных отдельных лексемах.

Фразеологические цельности представляют парадный случай устойчивых словосочетаний. В теории М.Т.Тагиева, пишет автор,

они занимают центральное место и объясняется специальной дистрибуцией.

Этимологически эта группа подразделяется на выражения с мотивированным и немотивированным значением. Такой подход восходит к В.В.Виноградову. Его классификация является краеугольным камнем в учебниках и учебных планах советских высших школ.

Принципу окружения, разработанному впервые в применении к фразеологии азербайджанским русистом М.Тагиевым, в своей монографии Ю.Хойзерман посвящает особый раздел. При анализе по окружению исходным моментом является утверждение о том, что устойчивые словосочетания должны быть рассмотрены не на уровне предложения, как это часто делается, а на уровне слова. Только здесь наиболее ярко опознаются их специфические особенности. Это такие единицы, которые эквивалентны лексемам в определенных пунктах. Вместе с тем следует отметить, что они отличаются от нормальных единиц на этом уровне. Они образуются из лексем, а не из морфем и комбинируются с другими лексемами (или словосочетаниями) в ограниченных пределах. Таким образом, они имеют особо синтаксические и семантические признаки. Для М.Т.Тагиева только окружения единицы обладает надежным индикатором их значений. Поэтому он классифицирует свой материал не на основе отношений внутри фразмов (перенос значения и устойчивый контекст), а с помощью его внешних отношений. Следует отметить, что это не является продолжением метода Н.Н.Амосовой. Когда М.Т.Тагиев рассматривает дистрибуцию целой единицы и не учитывает внутренних отношений, он остается верным традициям виноградовского учения.

Фразеологизмы по М.Т.Тагиеву встречаются в таком окружении, в котором не встречаются их компоненты.

а) Der Kater hat ein dickes Fell (Кот толстокожий)

б) Tante Ruth hat ein dickes Fell (Тетя Рум толстокожая)

В (а) словосочетание употребляется в буквальном смысле слова, а в (б) фразеологическом. Ю.Хойзерман выражает здесь свое несогласие с М.Тагиевым. Он подчеркивает, что такой анализ недостоин для дефиниции фразеологии. В зависимости от контекста предложение (а) может быть хорошо фразеологичным, наоборот предложение (б) может быть нефразеологичным. Все то, что достигает фразеология при помощи окружения, является секундарным разделением. Метод окружения хорошо тогда, если при помощи других критериев разработано, что такое «фразеология».

М.Тагиев считает устойчивые словосочетания с переносным значением фразеологичными. Лексические целостности и подобные фразмы он не исследует. Ю.Хойзерман далее останавливается на принципах классификации, выдвинутых М.Т.Тагиевым. Говоря об исходном материале исследования М.Тагиева, Ю.Хойзерман показывает, что в работе азербайджанского ученого анализу подвергаются глагольные фразмы, т.е. фразмы, содержащие какую-нибудь форму глагола. Прежде всего следует различать фразеологизмы с одноместным, двухместным и трехместным окружением. В зависимости от этого фразеологизмы требуют для своего состава одного, двух и трех членов предложения как дополнения. В качестве примера он берет группу фразеологизмов с двухместным окружением. Речь идет о предложениях, в которых имеются подлежащее и дополнения. Например, *Urs und Raul haben ein Auge auf Maua geworfen.*

Mit Livia habe ich noch ein Hachchen zu rufen

Однородность этих единиц состоит в том, что обе части окружения образованы из одной и той же части речи. Не отвечающим этим требованиям фразмы относятся М.Т.Тагиевым к категории разнородного двухместного окружения. Ср.

Tobi hat sich in den Korf gesetzt, die Flasche zu leeren.

Das Diner nahm eine makabre Wendung.

Далее одно и то же место может быть занято разными дополнениями. Тогда речь идет о вариативном двухместном окружении. Ср.

Die Lore tranzt auf Edis Nase herum

Die Lore nahm Edi auf der Nase herum

Наконец, есть особые случаи параллельного зависимого двухместного окружения. Эти отличаются от предшествующих прежде всего тем, что они имеют субъект. Кроме того, ни одно дополнение в них не подчинено другому. Ср.:

In Katharinas Adern fliesst russisches Blut.

In Grossmutter's Adern fliesst das Blut Iwans des Schrecklichen.

М.Т.Тагиев не ограничивается простой классификацией. Он подразделяет отдельные группы еще дальше, причем главным образом он опирается на части речи, которые образуют окружение.

Ю.Хойзерман отмечает, что метод окружения позволяет проводить точную таксономию фразеологии и оказывает большую помощь лексикологическим (фразеологическим) целям. С другой стороны, оно затрагивает важные вопросы семантических отношений единиц. Нуждаются в исследовании контрасты к соответствующим свободным словосочетаниям. Интересно, например, настолько огра-

ничено окружение фразмы в каждом случае? Допустимы выводы о специализированных значениях. Но это практика, отмечает Ю.Хойзерман, быстро достигает их границ. К тому же почти невозможно высказаться о валентности единиц, не прибегая к экстралингвистическим факторам. Определенные трудности связаны также и с тем, что иногда невозможно проверить специализированные значения фразм, как например, формы типа *eine ...Wendung nehmen*. Какие дополнения здесь не предусмотрены, фразеологические? Ни для существительного, ни для глагола невозможно ограничивать область применения. Тогда при классификации будем вынуждены ограничиваться перечислением частей речи, падежей и модуса. При этом мы опираемся на уловимые, но слабо сформулируемые критерии. Возникает деление, которое не позволяет опознать специфические фразеологические признаки словосочетаний. Фразеология «окружения», по мнению автора, может быть убедительнее, если будут учтены кроме облигаторных вариантов еще и факультативные. На вопрос о том, что является ли данная единица фразеологической или же свободным сочетанием слов, можно ответить исходя из дальнейшего контекста. Теория окружения предполагает определенные данные знаний говорящего языка о ситуации. Вполне возможно также комбинация с методом М.М.Копыленко и З.Д.Поповой. Такое направление должно быть безо всякого сомнения успешным, если будут анализированы номинальные фразмы на основе «оружения».

Ю.Хойзерман отмечает, что методу окружения удалось избавиться проблем пословиц, не изменяя своим принципам. «Фразеологическая единица» существует как сочетание с собственной структурной дистрибуцией. Таким образом, отдельные предложения отделяются с самого начала. Пословица как функциональная единица речи не имеет окружения в смысле тагиевской дефиниции.

Таким образом, мы видим, что швейцарский ученый в целом соглашается с лингвистической концепцией М.Т.Тагиева и при анализе фактического языкового материала, который содержит следующие главы работы, он опирается наряду с другими концепциями и на учение М.Т.Тагиева.

C.CƏFƏROVUN ELMİ-PEDAQOJİ GÖRÜŞLƏRİ HAQQINDA¹
(anadan olmasının 100-illiyinə həsr olunur)
(1904-2004)

Anadan olmasının yüz illik anım tədbirinə toplaşdığımız Cəfər Mehdi oğlu Cəfərov haqqında söz demək mənim üçün son dərəcə çətin və məsuliyyətli bir işdir. İlk öncə ona görə çətin və məsuliyyətlidir ki, mən əziz müəllimimin xatirəsini əbədləşdirmək üçün ciddi bir addım və təşəbbüs göstərə bilməmişəm. Əslində qalmaqallı, gəlimli-gedimli dünyamızda, bütün həyatımızın zaman-zaman sınaqlara çəkildiyi indiki dövrdə keçəl həməzlərin Koroğlu, koroğluların keçəl Həmzə olduğu bu günümüzdə ölüb gedənləri anmağa, əbədləşdirməyə nə vaxt var, nə də həvəs. İkinci çətinlik və məsuliyyət onunla bağlıdır ki, bu gözəl insanın elmi yaradıcılığını layiqincə təhlil edib, onun elmimizə və təhsilimizə verdiyi töhfələri layiqincə qiymətləndirə bilməmişəm. Bu mənim şəxsi etirafımdır. Bəzən etiraf və səhvi boynuna almaq insanın daxilən rahatlığına səbəb olur. Mütəfəkkirlər demişkən, ən böyük insan o kəs deyil ki, heç səhv etməsin. Belə bir adam təsəvvür etmək olmaz. Ən böyük insan odur ki, səhvini başa düşüb etiraf etsin.

Biz isə müəllimimizin əziz xatirəsini əbədləşdirmək üçün onun əksini kafedramızda başımız üstündən asmışıq, bir də bir məqaləsini 2002-ci ildə hörmətli həmkarımız prof. S. Babayevin 70-illik yubileyinə həsr etdiyimiz dərgidə yenidən çap edib oxuculara çatdırmağa çalışmışıq.²

C.M.Cəfərovun kimliyini açıqlamaq bizim 1974-cü ildə onun haqqında yazdığımız məqalədən («Bilik» qəzeti, 20.12.1974) bir neçə fikri bu gün burada təkrarlamaq, bu fikri bircə fərqlə çatdırmaq istərdim.

O zaman mən 70 illik yubileyini qeyd etdiyimizdən Ona ikinci şəxs cəmdə müraciət edirdim. İndi isə təbii ki, mərhumu «o» deyər xatırlayırıq.

Beləliklə, Cəfər müəllim həyata atıldığı ilk gündən çox çətin və mürəkkəb ömür yaşayıb. O, 1904-cü ildə dekabrın 24-də anadan olub, Bakıda gimnaziyanı bitirib, Berlində və Moskvada təhsil alıb, API-nin xarici dillər fakültəsində təhsil alıb, orduda komandir vəzifəsinə qədər yüksəlib, bizim bu doğma universitetimizdə 20 ildən artıq kafedra müdiri və 10 ilə qədər fakültə dekanı vəzifələrində çalışıb. Bizim onunla bağlı xatirəmizdə qalan onun özünə və həmkarlarına qarşı tələbkar olması, tələbələrə nümunə ola biləcək bir müəllim, lektor və rəhbər işçi olması,

¹ İlk dəfə çap olunub: АДУ. «Dil və ədəbiyyat jurnalı». Bakı, 2006, s. 96-97.

² Дж.М.Джафаров. О некоторых вопросах динамики и статики. В сб.: «Ütumi dilçilik...» Bakı, 2002, s.53-59. Впервые опубликовано в «Уч.записках» АГУ, сер.языка и лит., Баку, 1968, №5.

nöqsanlara qarşı barışmaz bir mübariz olması, yaltaqlığı, ikiüzlülüüyü yaxına buraxmayan, dedi-qodu nə olduğunu bilməyən, peşəsinin ustası, mədəni, təvazökar bir insan olması idi. O, 1987-ci ildə dünyasını dəyişib.

İşlədiyi kollektivin adını və şərəfini öz adı hesab edirdi Cəfər müəllim. Ömrünün mənalı illərini o bu ali məktəbdə Şifahi Nitq Laboratoriyasını yaratmağa həsr etmişdi. Onun dilöyrənmədə seçdiyi metodlar – birbaşa, şüurlu və ana dilinə söykənmək, elmi cəhətdən sınaqdan çıxmış metodlar idi. Ona görə də mərhum Cəfər müəllimin fəaliyyəti çox yüksək qiymətləndirilir, bu gün müstəqil Azərbaycanımızın hər yerində çalışan yaşlı nəslin nümayəndələri bunu yaxşı xatırlayır – mən onlardan bir neçəsinin adını burada dilə gətirmək istəyirəm: mərhum prof. N.Ağazadə, dos. S.Pepinova, dos. İ.Məmmədov, bu gün yorulmadan gənc nəslin tərbiyəsində və təhsilində çalışan alimlərdən dos. Ə.Əliyeva, dos. T.Əhmədova, dos. Ş.Abdullayeva, prof. H.Quliyev, prof. Q.Məşədiyev, prof. İ.Məmmədov, dos. Y.Xəlilov, dos. Ə.Hüseynov, prof. S.Adullayev, prof. Ə.Qubatov, prof. Z.Quliyev, dosentlər – Ş.Şabanov, F.Aslanov, Ç.Qurbanlı, V.Hacıyev, D.Veysəlova, F.Hacıyeva, B.Həsənov, F.Əlimirzəyeva, M.Səfərov, S.Zeynalova, N.Seyidəliyev və s. və i. Biz bu gün böyük qürur hissilə prof. A.Axundovun, prof. T.Hidayətadənin, prof. S.Babayevin adını çəkirik. Onların mərhumla ünsiyyəti davamlı və səmərəli olub.

Bu gün respublikamızı uzaqda təmsil edənlərin arasında mərhum C.M.Cəfərovun keçmiş tələbələri az deyildir. Onun tələbələri arasında şair də, tərcüməçi də, yazıçı da vardır. Ə.Şirvanlı, H.Arzulu, daha kimlər və kimlər. Bu gün dünyasını dəyişmiş onlarla həmkarımız onun adını böyük fəxrlə xatırlayırlar, adı gələndə onun ruhu qarşısında təzim edirdilər. Hazırda neçə-neçə müəllim var, biz onların adlarını çəkə bilmədik, o cümlədən öz adı da etika xatirinə çəkmədim. Ancaq bizim hamımız fəxr edirik ki, nə vaxtsa mərhum müəllimimiz C.M.Cəfərovdan öyrənmişik, götürmüşük, əxz etmişik, hərəkətlərinə və mimikalarına qədər.

Allah ona qəni-qəni rəhmət etsin. Biz onun adını həmişə uca tutacağıq.

İndi isə C.M.Cəfərovun elmi fəaliyyəti haqqında bir qədər ətraflı danışmaq istərdim.

Hörmətli anım iştirakçıları, mərhum müəllimimiz C.M.Cəfərovun elmi yaradıcılığını üç istiqamət üzrə təhlil etmək olar:

Birincisi elmi metodik istiqamətdir. Bu sahədə C.M.Cəfərov 50 ildən artıq bir müddətdə çalışmışdır. Bu istiqamətdə onun fəaliyyəti praktik və nəzəri fonetikadan dövrün tələblərinə müvafiq olaraq dərs deməsi, hazırlığı, seminar və mühazirələri yüksək səviyyədə aparmaq qabiliyyətinin son dərəcə yüksək olması idi. C.M.Cəfərovun alman dilinin nəzəri fonetikasından oxuduğu çox dərin məzmunlu mühazirələr indi də mənim

qulağında cingildəyir. Onun imtahan götürməsində və dərs deməsində bir artistizm vardı, tələbənin şəxsiyyətini alçatmazdı, amma çatışmayan cəhətini üzünə deyərki ki, bu da onu gənclərin sevimlisi etmişdi. Onun geniş dünyagörüşü, dərin savadı, natiqlik qabiliyyəti ən qatı düşmənlərini tezliklə tərkişiləh edirdi. Onun qiymətindən heç kəs narazı qalmazdı, elan etdiyi qiyməti isə dəyişməzdi, çoxları onun fənnindən qiymət ala bilmədikləri üçün fakültədən çıxarılırdılar, ancaq heç zaman rektorluğa, partiya və inzibati orqanlara şikayət etməzdilər. Çünki hamıya gün kimi aydın idi, Cəfər müəllim yazdı, deməli məsələ bitdi. Cəfər müəllimin pedaqoji və metodiki ustalığı onun orta məktəblər üçün yazdığı dərsliklərdə özünü göstərirdi. O dərsliklərdə didaktik prinsiplərə ciddi əməl olunurdu. Onlardan hazırlaşmış gələnlər fakültəyə asanlıqla qəbul olunurdular. Cəfər müəllimin elmi-metodik fəaliyyətinə güzgü tutan məqalardan biri də əsrin 60-cı illərinin ortalarında azərbaycanlı tələbələrin alman dilini öyrənərkən etdikləri tipik fonetik səhvlər haqqında iri həcmli məqalə ilə çıxış etməsi sayıla bilər.¹ Bu məqaləsində o Şərba məktəbinə istinadən tələffüz səhvlərini tipik və qeyri-tipik olmaqla iki yerə bölür. Bu məqalə yazılarda konfrontativ və kontrastiv dilçilik sahəsində interferensiya və taransfer məsələləri yeni-yeni müzakirə obyektinə çevrilirdi. Müəllif bu əsərində seqment və superseqment hadisələrin tədrisində üzə çıxan səhvləri araşdırır, onların meydana gəlməsi səbəblərini və islahı yollarını açıb göstərməyə müvəffəq olur. Görün o nə yazırdı: «Tipik səhv ana dilinin artikulyasiyasının xarici dil artikulyasiyasının üstünə qoyulmasıdır»² Çox düzgün və elmi cəhətdən dəyərli ümumiləşmədir.

Cəfər müəllimin elmi yaradıcılığının ikinci istiqamətini onun tərcüməçilik və leksikoqrafik fəaliyyəti təşkil edir. Onun alman dilindən Azərbaycan dilinə, və xüsusən Azərbaycan dilindən alman dilinə tərcümə etdiyi dahi Azərbaycan yazıçısı C.Məmmədquluzadənin «Ölümlər» əsəri çox böyük rəğbətlə qarşılandı və əbədiyyatımızın alman oxucuları arasında tanınmasında əvəzsiz xidmət göstərdi. C.M.Cəfərovun redaktəsi altında hazırlanmış 40 minlik «Almanca-azərbaycanca lüğət»³ Azərbaycanda ikidilli lüğətlərin hazırlanmasında olduqca mühüm leksikoqrafik hadisəyə çevrildi. Təəssüf ki, onun tələbələri – biz bu cür nadir incini müasir tələblərə cavab verən şəkildə yenidən hazırlayıb çap etdirə bilməmişik (haşiyə: bu yaxınlarda həmin lüğətin pirat üsulu ilə çap edilərək mağazalarda 75 min manata satıldığına şahidi oldum və xeyli mənəvi sarsıntı keçirdim). Bu sahədə sonralar atılan addımlar nəinki

¹ Джафаров Д.М. О типических фонетических ошибках учащихся - азербайджанцев (на материале немецкого языка). Уч.записи. серия XII, язык и литература, №2, Баку, 1966, стр. 3-16

² Yənə orada, s.4

³ «Almanca-Azərbaycanca lüğət» C.M.Cəfərovun redaktəsi altında. Bakı, «Maarif», 1960

C.M.Cəfərovun lüğətini kölgədə qoydu, heç onun yanından ötüb keçə bilmədi.

Nəhayət, C.M.Cəfərovun 3-cü elmi istiqamətdə fəaliyyəti sırf nəzəri-elmi məsələlərlə məşğul olması və elmi ictimaiyyətə tanınmış bir alim kimi yadda qalması ilə bağlıdır. Biz Cəfər müəllimin 70 illik yubileyinə həsr olunmuş məqaləmizdə yazmışdıq ki, o fonologiyanın nəzəri və praktik məsələlərini tam aydınlığı ilə başa düşərək dərk edirdi. «Bir resenziya haqqında» məqaləsində söylədiyi mülahizələr onu Azərbaycanın müasir fonoloqları ilə bir sərəya qoymağa imkan verir»¹ Cəfər müəllim təvazökar, amma səriştəli alim idi. Elmdə qısır deyildi, qısqanc da deyildi, amma mübahisələri sevirdi. Respublikamızın görkəmli fonoloqları-fonetistləri Z.Tağızadə, F.Kazımov, A.Axundov, T.Hidayətzadə, S.Babayev və başqaları ilə saatlarla mübahisəyə girişərdi və söhbətlər edərdi. 60-cı illərdə C.M.Cəfərov fonologiya ilə yaxından məşğul olur, elmi-nəzəri ədəbiyyatı dərinlən öyrənir və respublikamızda 60-cıların önündə gedən gənclərin elmi diskussiyalarına həvəslə qoşulurdu. Buna sübut kimi o zaman gənc tədqiqatçı, indi AEA-nın müxbir üzvü A.Axundovun görkəmli alim, S.J.Bernşteynin yetişdirməsi F.Kazımovun elmi jurnallarda çap etdirdiyi məqalələrdə Azərbaycan dilçiliyi üçün yeni olan məsələlərə tədqiqatçı münasibəti bildirməsilə bağlı idi.² Məsələ burasındadır ki, F.Kazımov öz elmi əsərlərində dilimizdə uzun sait və uzun samitlərin olmasını sübut etməyə çalışırdı. A.Axundov isə öz tərəfindən bu fikirlə razılaşırdı və öz həmkarını strukturalizmə meyldə günahlandırır ki, bu da əsasən fonemi müəyyənləşdirərkən F. Kazımovun əsas vasitə kimi qarşılaşmalardan istifadə etməsi idi.³ Bütün digər məsələlər əsasən bununla bağlıdır. C.M.Cəfərov tərəflərin mübahisəsini elmi cəhətdən düzgün saysa da, son anda F.Kazımovun tərəfini tuturdu. C.M.Cəfərov güman edirdi ki, Azərbaycan dilində |b| və |v| samitləri söz sonunda şəkilçilərdə müvafiq olaraq |p| və |f| samitlərilə əvəzlənirlər. Ancaq son söz təcrübi fonetikanın ixtiyarına buraxmağı tövsiyə edirdi. Qeyd edək ki, fonemlik statusunu yalnız linqvistik kriteriyaların köməyi ilə həll etmək olar. Azərbaycan dilində samitlər güclü/zəif (fortis/lenis) əlamətinə görə qarşılaşma yaradırlar. Onların akustik korrelatları mövqedən asılı olaraq ciddi dəyişkiliyə uğraya bilər, hətta anlautda səs telləri tit-

¹ Ф.Вейсялов (Вейсялли). Бизим Тьяфяр мцяллим. «Билик», 1974, с.3.

² А.Ахундов. Рецензия на труды, опубликованные «Уч.записках» Азгоспединститута иностранных язык за 1958 г. выпуск 1. .,«Уч.записки» АГУ, серия гуманитарных наук, 1959, №6.

³ Ф.Кязымов. Система согласных фонем современново азербайджанского литературного языка. «Уч. записки» Азгоспединститутаиностранных языков. Баку, 1956, вып.1, стр.7-58.

rəmir, auslautda isə qarşılaşma intensivliyə və zamana görədir.¹ C.M.Cəfərov geminatlar məsələsinə toxunaraq çox düzgün qeyd edir ki, onları bir morfem tərkibində müəyyənləşdirmək lazımdır. «Geminat özündən kiçik hissələrə bölünmür və ayrılmaz səs kompleksi sistemində, şəkilçi əlavə edilmədən sabit qalması və bir morfemə aid olması şərtilə fonem kimi götürələ bilər»² Sonra N.K.Dmitriyeva istinadən bu misalları göstərir: (yeddi, səkkiz, doqquz, əlli, bəlli, horrranmaq, battaq, addım, addamaq, çıqqa, saqqız, çaqqal, fələkkə və s.). Ancaq məsələnin elmi həlli özünü gözləyir. Ona görə F.Kazımov [|] fonemini əlli sözündə geminat hesab edir, A.Axundov isə daha iki samiti [b] və [z] -ni yuxarıdakı geminatlar siyahısına əlavə edir. C.M.Cəfərov *amma* sözünü misal gətirir³, ancaq bu söz bu gün sadə [m] ilə tələffüz olunur.

F.Kazımovun qarşılaşmalardan istifadə etməklə strukturalizmə yuvarlanması barədə A.Axundovun iradına cavab olaraq C.M.Cəfərov yazır ki, bu metod çağdaş dilçilikdə gen-bol işlənir, hətta A.Axundov da */həzzi həzi/* cütlərini misal gətirir.⁴ Daha sonra C.M.Cəfərov yazır ki, strukturalizmin yaramazlığı onun qarşılaşmalardan istifadə etməsində deyil, fonetik kateqoriyalar arasındakı münasibətləri onların maddi əsasından ayırmasındadır. Strukturalistlər fonemlərin maddi tərəfini linqvistik kateqoriya hesab etmirlər. Çox haqlı olan bu hökmdən sonra C.M.Cəfərov yazır: «Kazımovun rəy verilən əsərində istifadə etdiyi fonoloji qarşılaşmalar tədqiq olunan fonemlərin maddi fərqləndirici əlamətlərinin ifadəsidir»⁵ C.M.Cəfərov daha sonra L.V. Şerbanın idealizmdə günahlandırılması fikri ilə razılaşmır, onu haqlı olaraq müasir dilçiliyin korifeyi hesab edir, fonemin materialist anlamının banisi kimi qiymətləndirir.

C.M.Cəfərov göstərir ki, L.V.Şerba fonemi ilk dəfə olaraq mənə fərqləndirən vahid kimi dəyərləndirib. Ancaq o subyektiv-psixologizmdən tezliklə uzaqlaşır və 1920-ci illərin ortalarından qəti şəkildə idealist psixolinqvistikadan uzaqlaşaraq materialist filologiyaya keçir.⁶

L.V.Şerba dar mənada fonologiyayı fonetikadan ayırmağın əleyhinə çıxır və göstərir ki, hər bir dilin fonem sistemini tədqiq etmək, hər bir fonemin semantikləşmiş (fonologiyalaşmış) əlamətlərini yalnız həmin dilin konkret tələffüzünün tədqiqi, bu tələffüzün elementləri arasında olan

¹ Ф.Вейсалов (Вейсалли), Р.Исаева. Акустические характеристики смычно-взрывных согласных в современном азербайджанском языке. «Советская тюркология» Баку, 1997

² Д.М.Джафаров. Об одной рецензии. Йеня орада, с.186

³ Yənə orada, s.187.

⁴ Yənə orada, s. 188.

⁵ Yənə orada, s. 188.

⁶ Л.В.Шерба. Памяти акад. Л.В.Шербы., Л., 1951, с.31

müxtəlif, heç də konkret olmayan səbəb əlaqələrinin öyrənilməsi əsasında mümkündür.¹

Q.Ələkbərlinin Şerbanı fonem məsələsində idealizmdə günahlandırılmasına gəlincə, deməli C.M.Cəfərov göstərir ki, Q.Ələkbərli alimin ilk dövrlərdəki (1912) əsərlərinə istinad edib. Halbuki L.V.Şerba sonralar psixologizmdən uzaqlaşmış, fonemi mənə məqsədlərilə işlənən səs təsəvvürləri adlandırmışdır. Yəni, Şerbada təsəvvür psixoloji deyil, səslərin kommunikativ mənasını müəyyənləşdirən linqvistik kriteriya əsasdır. C.M.Cəfərov həqiqətən düzgün fikir yürüdərək /zbor/ sözündə /z/ fonemini, /sʌbrat'/ sözündə isə /s/ foneminin ralizə olduğunu, yəni fonem əvəzlənməsi kimi təsdiqləyir. Eyni sözləri /bezoʃʌbʌnij/ və /bezʌneçny/ haqqında da demək olar. Halbuki Q.Ələkbərli onları eyni fonemin iki cür təzahürü hesab edirdi.² /suʋu'/'-/'suʋu/ və /luʋu'/' - /luʋu/ sözlərinə gəlincə isə, deməli ki, C.M.Cəfərov bu məsələdə haqlı deyildir. Faktiki olaraq burada müxtəlif səviyyələrin qarışdırılması göz qabağındadır.

Amma C.M.Cəfərov çox doğru vurğulayır ki, öz aralarında maddi cəhətdən fərqlənməyən səslər heç vaxt müxtəlif fonemlər ola bilməzlər. /smʌtat'/ - /izmʌtat'/, /ʃʌjt'i/ - /izʌjt'i/ sözlərində /s/ və /z/ müxtəlif fonemlərdir. C.M.Cəfərov isə onları eyni fonemin variantları hesab etməklə yuxarıdakı hökmünün əleyhinə getmiş olur. Q.Ələkbərli qiymətləndirərək C.M.Cəfərov yazır: „Q.Ələkbərli faktları bilmək və incə düşünmək qabiliyyətilə, şərhə kəskinlik və temperamentlə seçilirdi.“³ C.M.Cəfərovun ikinci mühüm elmi araşdırmaları dildə vurğu ilə bağlıdır.⁴ Bu əsərində o vurğunu söz və cümlələri təşkil edən dil vahidi kimi nəzərdən keçirir. Özü də sözdə vurğu statik, frazada isə dinamik kateqoriyadır. Cümlə vurğusu müxtəlif cümlədə işlənən söz vurğusunun məcmusu kimi götürülür, yəni fraza vurğusu söz vurğusu əsasında mövcud olur. Söz vurğusu həmişə bağlı olur, əsas nitq hissələri heç vaxt vurğusuz ola bilməz. Bu bütün dillərdə belədir. Rus dilində vurğunun yerini dəyişkən hesab etsə də, müəllif onu danışanın iradəsindən asılı olmadığını bildirir. Vurğu /ruka'/ - /ru'ku/ söz formalarında məcburi dəyişkənlikdir, qrammatik mənanın tələbi əsasında baş verir. Bunu sübut edən fakt odur ki, vurğunu o biri heca üzərinə keçirəndə söz öz mənasını itirir, başqa sözlə, söz vurğusu sözün daimi, dəyişməz atributudur.⁵ C.M.Cəfərov /muka'/ - /mu'ka/ qarşılaşmasını isə müxtəlif sözlər kimi götürür. Biz də onun fikri-

¹ Л.В.Шерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.58

² D.M.Djafarov. Yənə orada, s. 191

³ Yənə orada, s. 194

⁴ Дж.М.Джафаров. О некоторых вопросах динамики и статики (ударения). «Уч.записки» АГУ, серия языка и литературы, 1968, №5

⁵ Yənə orada, s.55

lə razıyıq ki, vurğunun fonematikliyindən danışmaq doğru deyildir.¹ Cümlə vurğusu isə dəyişkəndir. Dəyişkənlik qrammatik dəyişkənliyə aparmır, ancaq fonetik və məzmun dəyişkənliyi mütləq baş verir. Ona görə də bu məsələdə C.M.Cəfərovla razılaşmaq olmur. Frazə vurğusu dəyişəndə təkcə cümlənin aksent strukturunda deyil, həm də mənasında müəyyən dəyişkənlik baş verir. Cümlə vurğusunun variativliyi danışandan yox, konsituasiyadan asılıdır.² Ancaq C.M.Cəfərovun aşağıdakı fikirləri tamamilə düzdür. „Sözə edilən vurğu dinamikası mənanı pozur, onun ilkin məna substansiyasını inkar edir. Cümlə vurğusundakı dinamika isə məna dəyişən funksiya, daha doğrusu mənanı zənginləşdirən faktlar olur. Təbii ki, axırıncı birincini istisna etmir, onu özündə hopdurur.“³

C.M.Cəfərov fraza vurğusundan danışır, o, düzgün söz sırasında axıra, əks söz sırasında isə bir qayda olaraq başlanğıca qoyulur. O, cümlə vurğusunu intonasiyanın tərkib hissəsi sayır və onu sintaqm vurğusundan fərqləndirməyi vacib bilir. Fiziki parametrlərə intensivliyi, tonu, kəmiyyəti və gərginliyi daxil edir. Özü də onlar müxtəlif dillər üçün müxtəlif kombinasiyada çıxış edə bilər. Məsələn, alman dilində intensivlik səs tonunun yüklənməsi, rus dilində intensivlik zamanla, Azərbaycan dilində isə dəyişkən intensivlik güc fərqlə bağlıdır. Çin dilində isə o musiqilidir. Onların hamısı gərginliksiz mümkün deyildir, bu da enerjinin cəmləşməsi deməkdir. Ancaq nüvə kimi hər səviyyədə heca çıxış edir.

Məqalədə müəllif ümumi və xüsusi dilçilik üçün son dərəcə əhəmiyyət daşıyan bir sıra fikirlər söyləyir. Biz bu gün qürurla deyə bilərik ki, C.M.Cəfərovun sayca az görünən elmi-metodiki yaradıcılığında bir sıra qiymətli fikirlər var ki, onları daim öyrənməli və praktik işimizdə tətbiq etməliyik.

Allah Cəfər müəllimə rəhmət eləsin. Onun ruhu qarşısında baş əyirik.

---

¹ Yənə orada, s.55

² Ф. Вейсәлли. Einführung in die Phonologie. Baku, 2004.

³ Dj.M.Djafarov. Yənə orada, s.56

ВЫЫ бюлмя

VARIA

BÖLÜNMÜŞ VƏTƏNİN BÖLÜNMƏZ DİLİ¹

«Vətənsiz yaşamaq mümkün olsa da,
Dilsiz, bir böyük xalq gedəcək bada».

Əziz Möhsüni.

Bu gün dünyada elə bir dil tapmaq çətindir ki, o, Azərbaycan dili qədər «parçala və hökm sür» kimi yırtıcı siyasətin qurbanı olsun. İki yerə parçalanmış bir xalqın dili olmazın müsibətlərə və təqiblərə məruz qalıb, hər iki tərəfdə rejmə xidmət edən ideoloqların əlində oyuncağa çevrilib. Düşmənlərimiz elə bir nəzəriyyə hazırlamaq fikirindədirlər ki, guya Azərbaycan dili bizim ilkin dilimiz olmayıb, onu sonralar zor gücünə bizə qəbul etdiriblər. Əlbəttə, düşmən öz hiyləgər məqsədinə nail olmaq üçün hər cür vasitələrə əl atır, lakin tarixin ulu yaddaşı düşmənin bu hiylələrini alt-üst edir. «Kitabi-Dədə Qorqud» kimi bir abidəsi olan xalqın dilinə şübhə ilə yanaşmaq tarixə xəyanət deməkdir.

Öz qədimliyini gözə soxmağa çalışan qonşular və onların dəyirmanına su tökənlər heç fikirləşirlərmi ki, Dədə-Qorqud abidəsi qabağına çıxsa biləsi bir mənbələri yoxdur. Düşmənlərimizdən soruşmaq gərək: bizim dədə-babadan bu yerlərin sakinləri olduğumuza, soyumuza və dilimizə görə türklüyümüzə şübhə edirsinizsə, eramızın əvvəlində yaranmış bir eposda sizlərə məxsus kiçik bir ünsür də olsa tapa bilərsinizmi? Türk dilinin guya yerli fars mənşəli xalqlara zorla qəbul etdirilməsini sübut edən kəsrəviçilərə və onların nökrələrinə cavab olaraq demək lazımdır ki, cənablar tarixi saxtalaşdırmaqla qədimliyinizi sübut edə bilməzsiniz. Ona görə ki, faktlar lazımdır. Faktlar isə nadan iddiaçının sərsəm xülyələrini alt-üst edir. Bu baxımdan «Azərbaycan dili xaricdə» toplusunun əhəmiyyəti xüsusilə qeyd olunmalıdır. Habelə, həmin topluda M. Müsəddiqin «Azərbaycan dili haqqında bəhslər» kitabı «nə istəyir» məqaləsinin üzərində ayrıca dayanmaq lazım gəlir. Adı çəkilən məqalədə M. Müsəddiq tarixi faktları səbr və təmkinlə təhlil edərək belə bir məntiqi nəticəyə gəlir ki, Səlcuqların 161 illik ağalığı dövründə (1036-1197) fars dilli «Azərilər» (guya bizim soydaşlarımız farsca danışblar) türklə-

¹ İlk dəfə çap olunub: «Ana sözü», 1991, № 6.

şibə bəs niyə səlcuqların təsiri altında olan digər rayonların əhalisi türkləşmədi? Söhbət Fars, Gilan, Mazandaran, Talışbasar və s.-dən gedir. Məgər Şiraz, İsfahan, Yəzd, Girman və başqaları səlcuqlara tabe deyildir? M. Müsəddiq daha irəllərə gedərək öz məntiqi mülahizələrini davam etdirir. Çox doğru olaraq müəllif dilimizin tarixinə böhtan atanlara belə bir sual verir: necə oldu ki, 600 ilə qədər ərəb xilafətinin hökümranlığı altında yaşayan farslar və digər xalqlar bu dili qəbul etmədilər, ancaq azərilər türkləşdilər? Bu və bu kimi suallara üzdən iraq dil nəzəriyyəçiləri cavab verməkdə acizdirlər. 1990-cı ildə «elm» nəşriyatında çapdan çıxmış «Azərbaycan dili xaricdə» məqalələr toplusu geniş oxucu kütlələrinin marağına səbəb olacaqdır. Bu topluda gedən məqalələr öz məzmunu və əhatə dairəsinə görə də maraqsız deyildir. Burada Azərbaycan dilinin xaricdə tədqiqindən tutmuş dilçiliyimizin dünya miqyasına çıxmasına qədər müxtəlif səpkili məqalələr verilmişdir. Bu toplusun biz Quzey azərbaycanlılarının xoşuna gələn cəhəti odur ki, burada verilmiş məqalələrin bir qisminə Güney Azərbaycanında dilimizin işlənməsi, tədqiqi və yayılması sahəsində son dövrlərdə görülmüş işlər və bunların önündə qürurla addımlayan «Varlıq» jurnalının fəaliyyəti işıqlandırılır.

Dilimizin Arazın o tayındakı vəziyyəti bizi narahat etməyə bilməz. Güney Azərbaycanında yaşayan soydaşlarımızın danışığına fars dilinin təsiri göz qabağındadır. Oradan gələnlərin danışığına qulaq asanda fonetik (yad intonasiya və vurğudan tutmuş səslərin və səs ardıcılığındakı qeyri-türk tələffüz məxrəcinə qədər), leksik (danışıqda işlədilən fars və ərəb mənşəli sözlər) və sintaktik (söz sırası və cümlə quruluşu) səviyyədə yayımları görmək və tutmaq o qədər də çətin deyildir. Bütün bunlara baxmayaraq dilin türklüyü özünü qoruyub saxlaya bilib. Başqa sözlə desək, fars şovinistlərinin bu gün də Azərbaycan dilini məktəbə, ictimai və siyasi həyata buraxmamaq üçün dəridən, qabıqdan çıxmalarına baxmayaraq, rəsmi dairələr bunun üçün nə qədər canfəşanlıq etsələr də 35 milyonluq xalqın dilini əlindən ala bilməyiblər. Güney Azərbaycanında heç bir şey yazılmasaydı belə, 60-cı illərin əvvəlində yaranmış «Heydər babaya salam» əsəri o tayda dilimizin böyük hünərlə durum gətirdiyinə və fəaliyyət göstərdiyinə aydın sübutdur.

Açığını deyək ki, bizim dilçilərimizin yaradıcılığında o tayın dil problemləri, o taydakı soydaşlarımızın dilimizə həsr etdikləri tədqiqatlar isə bizdə geniş təbliğ olunmayıb. Bu baxımdan adını çəkdiyimiz toplusun dəyəri misilsizdir.

«Azərbaycan dili xaricdə» toplusunda gedən məqalələri öz mündəricatına və məzmununa görə üç yerə bölmək olar. 1. İttifaqda və xaricdə Azərbaycan dilinin vəziyyəti, öyrənilməsi, tədrisi və tətbiqi məsələləri, bu dilə dair araşdırmalar. Buraya topludakı giriş məqaləsi (müəllifləri mərhum Z. Budaqova və M. Mahmudovdur), Türkiyədə və ABŞ-da

Azərbaycan dilinə dair araşdırmalardan bəhs edən iki məqalə (birinci məqalənin müəllifi Ə. Quliyev, ikinci məqalənin müəllifi isə Q. Paşayevdir) daxildir. 2. İttifaqda və xaricdə dilimiz və dilçilərimiz haqda çap olunmuş məqalə və kitabların xülasəsi (buraya Ə. Məmmədovun, Ə. Qluyevin və S. Mehtiyevanın) məqalələri aiddir. 3. Cənubi Azərbaycanda çap olunan kitab və jurnallarda dilimiz haqqında son dərəcə maraqlı mənbələrin təhlili. Topulun sonunda doktor Həmid Nitqinin «Biz və dilimiz» məqaləsi verilmişdir. Güman edirik ki, bu toplu haqqında rəylər mətbuatda çap olunacaq. Biz isə burada üçüncü qrupa aid məqalələrdən bir qədər ətraflı danışmaq istərdik, çünki Arazın o tayında son dövrlər dilimiz haqda araşdırmaların sayı nəzərəcarpacaq dərəcədə artmış, lakin geniş oxucu kütlələrinin bu barədə məlumatı təəssüf doğuracaq qədər azdır.

Bu baxımdan V. Aslanovun «Azərbaycan dilinə dair xarici ölkələrdə çap olunmuş bir neçə kitab haqqında» məqaləsi ciddi maraq doğurur. V. Aslanov öz məqaləsində İranda çap olunmuş üç əsər üzərində geniş dayanır. Bunlardan biri M. Ə. Fərzaninin «Azərbaycan dili qanununun əsasları», digəri isə Məhəmmədağlı Zəhtabının «Müasir Azərbaycan dilinin sərfi» kitabıdır. Hər iki əsərə yüksək qiymət verərək V. Aslanov onları dilçiliyimiz üçün əlamətdar hadisə hesab edir. M. Ə. Fərzanənin dil haqqında mülahizələrini, ana dilinə verdiyi qiyməti bütövlükdə qəbul edən dilçi alim V. Aslanov göstərir ki, M. Ə. Fərzanə ərəb əlifbasının naqisliyini elmi mövqedən çox açıqlayır, dilimizdə 9 sait və 23 samit olması haqqında fikrini bəyənir, onların təsnifi də narazılıq doğurmur. Bununla yanaşı, M. Ə. Fərzanə dilimiz üçün ahəng qanununun rolunu açıb göstərməyə çalışır, saitlərin və samitlərin işlənmə xüsusiyyətlərini də geniş şərh edir. Əsərdə şerimiz üçün dərin elmi ümumiləşmələr verilir, hecalarda səs ölçüsünün bərabərliyi milli şerimizdə heca vəzninin təbibliyini sübut edir, hecalarda səs ölçüsünün bərabər olmadığı fars və ərəb dillərində isə şerin vəzni əruzdur. M. Ə. Fərzanənin kitabını fəsillər və bölmələr üzrə təhlil edərək V. Aslanov öz həmkarının tədqiqat metodunu və dil materialından gen-bol faydalandığını təqdir edir, onun digər mənbələrə yanaşı Şimali Azərbaycan dilçilərinin də əsərlərinə yaxından bələd olduğunu xüsusi qeyd edir. M. Ə. Fərzanənin kitabında sözlərin, bu zaman həmin sözlərdə Azərbaycan dilinin daxili qanunauyğunluğuna əsasən məruz qaldığı dəyişikliklər, sözün morfoloji xüsusiyyətləri geniş şərh olunur, felin, adların və sifətlərin bölgüsü təklif olunur. Azərbaycan dilinin qanunlarını açanda M. Ə. Fərzanə bir qədər başqa terminlər işlətsə də, bütövlükdə onun əsəri yüksək elmi nəzəriyyə səviyəsində yazılmışdır.

V. Aslanov yuxarıda adı çəkilən məqaləsində cənublu həmkarlarından daha iki müəllifin əsərini təhlil edir. Onlardan biri ərəb ədəbiyyatı

mütəxəssisi doktor Məhəmmədağlı Zəhtabinin «Azərbaycan dilinin sərfi», digəri isə soykökünə görə 1982-ci ildə çap etdirdiyi «Gəlin türkcə danışmaq» kitablarıdır.

Məhəmmədağlı Zəhtabinin kitabının maraqlı cəhəti müəllifin həmyerlilərinə öz dillərini bilmədikləri üçün ürəyi yana-yana söylədiyi iradlardır. O, Seyid Cəfər Pişəvərinin dil haqqında kəlamlarını yada salır. M. Şəbüstərinin iki misrasını kitabına epiqraf seçir:

Su deyibdir mənə əvvəldə anam, ab ki yox,
Yuxu öyrətdi uşaqlıqda mənə, xab ki yox.

Məlumdur ki, 1945-ci ilin dekabrında Cənubi Azərbaycanda qurulan milli demokratik hökumət Azərbaycan dilini dövlət dili elan etmişdi. Lakin bir ildən sonra tüğyan edən irticaçı şah rejimi xalqın arzusunu gözündə qoydu və Azərbaycan dilində danışmağı belə bizim soydaşlarımıza qadağan etdi. Məhəmmədağlı Zəhtabidən V. Aslanovun gətirdiyi aşağıdakı fikir cənublu soydaşlarımızın öz ana dillərini unuduğunu və ya pis bildiyini çox gözəl açıb göstərir. Doğma kənddə və qəsəbədə öyrəndikləri dili azərbaycanlılar böyük şəhərlərə düşdükdə fars dili ilə əvəz etməli olurlar, İrandan xaricə getdikdə isə ana dili üçüncü dərəcəli dilə çevrilir. Ana dilinin sözləri və ifadələri, şirin-şirin təbirləri və təşbihləri, hafizənin və fikrin dərinliyində ilişir, təzə dillərin təsiri altında qalıb fəaliyyətdən düşür. Əslində isə bu sözlər heç vaxt unudulmur. «Lakin bu sözlər işlənməmək nəticəsində paslanır, inkişafdan qalır, həyatda meydana gələn yeni məfhumlarla əlaqədar təzə-təzə sözlər, ifadələr, istilahlər yaratmır. Bu cəhətdən ana dilimizi dərin köklü bir ağaca bənzətmək olar ki, suvarılmaq, müvazibət və qayğı görməmək nəticəsində qurumasa da, qol-budaq atmaz, yaşllaşmış çiçəklənməz, boy atıb böyüməz, meyvə verməz...» Məhəmmədağlı Zəhtabinin bir fikri də çox yeni səslənir. Onun fikrincə türk ziyalılarından çıxan şair, ədib və alimlər uşaqlıqdan öyrəndikləri folklor sərvəti ilə fars ədəbiyyatını bəzəyib gözəlləşdirirlər. «Bu isə elm və mədəniyyət istismarının dil və ədəbiyyat sahəsindəki təzahür şəklinin müəyyən hissəsidir». Bu cür qiymətli fikirləri gətirəndən sonra V. Aslanov Məhəmmədağlı Zəhtabinin fonetika və morfologiyayı şərh edən kitabının ümumi təhlilini verir və bu kitabın o taylı-bu taylı dilçiliyimiz üçün misilsiz əhəmiyyətə malik olduğunu açıb göstərir. Bu gün Güney Azərbaycanda dildən söhbət gedəndə istər-istəməz ədəbi dil məsələsi ortalığa çıxır. Bununla bağlı cənublu həmkarlarımızın bu tayda dilçilik sahəsindəki ənənələrimizdən qeydsiz-şərtsiz qidalanmalarına dair çoxlu söz-söhbət gəzir. Məhəmmədağlı Zəhtabi isə tərəddüd göstərmədən bu tərəfdəki irsdən gen-bol istifadə etməyi öz soydaşlarına məsləhət görür. V. Aslanov öz cənublu həmkarının aşağıdakı sözlərini xüsusi qeyd edir. Bugünkü ağır şəraitdə Quzey Azərbaycanı alimlərinin əsərləri «İran türklərinin (azərbaycanlıların-F. Y.) ana dillərini öyrənmək sahə-

sindəki uzaq yollarını yaxın, çətin işlərini isə asan etmişlər». Başqa sözlə desək, yeni velosiped düzəltməyə ehtiyac olmadığını Məhəmmədağa Zəhtabi çox doğru qeyd edir.

V. Aslanovun məqaləsində nəzərdən keçirilən üçüncü mənbə Səminə Bağçabanın «Gəlin türkcə danışmaq» kitabıdır. Səminə xanım Azərbaycan dilinə yüksək qiymət verərək yazır: «Unutmayın ki, qədimlərdən demişlər: fars dili şəkərdir, türk dili hünər». Səminə xanım 30 dərindən ibarət olan kitabında M.Füzulidən, M.Şəhriyardan nümunələr gətirir, Azərbaycan xalq mahnıları ilə bağlı mətnlər verir və həmvətənlilərinə Azərbaycan dilini canlı bir ünsiyyət vasitəsi kimi öyrətmək üçün didaktik priyomlardan istifadə edir. Ən maraqlısı odur ki, kitabın girişində Azərbaycan dilinə xas olan 6 əlaməti sadalayır. Biz V. Aslanovun şərhinə əsaslanaraq həmin əlamətləri burada təkrər etməyi lazım bildik: iltisacılıyi, sözdəyişdirici şəkilçilərin sözdüzəldicilərdən sonra gəlməsi, ahəng qanununa tabeliyi, saıtlərin qısalığı, isimlərin cümlədə hala görə dəyişməsi, fellərin zənginliyi və onların ümumi qaydalara tabe olması.

Fikrimizə, V. Aslanov öz məqaləsində araşdırdığı əsərləri çap etdirib bu taydakı oxuculara çatdırsa, çox xeyirxah iş görmüş olardı. Bunlarda, doğrudan da, yeni söz və yeni baxım az deyildir. Bu isə, təbii ki, dilçimizin yeni səpkidə tədqiqi üçün güclü təkan olardı. İranda şah rejmi devrildikdən sonra söz və mətbuat azadlığı olacağına inananlar tezliklə yanıldıqlarını başa düşdülər. Xomeyni rejmi İranda Azərbaycan dilinə qarşı güclü hücumlar təşkil etdi. Hazırda orada görkəmli maarifpərvər doktor Cavad Heyətin çap etdirdiyi «Varlıq» məcmuəsindən başqa, Azərbaycan dilində bir neçə jurnal və qəzet çap olunur. «Azərbaycan dili xaricdə» toplusunda Ə. Tahirzadənin Y. Məmmədovla şərikli məqaləsində «Varlıq» da ana dilimizə göstərilən qayğıdan bəhs olunur. Yarındığı gündən dilimizin, ədəbiyyatımızın, tariximizin və mədəniyyətimizin qaranlıq səhifələri bu məcmuədə əsl vətənpərvərlik mövqeyindən açılırlar, yuxarıda adını çəkdiyimiz M. Ə. Fərzanənin «Varlıq» ın səhifələrində «Ana dilimiz və milli varlığımız uğrunda xatirələr» başlığı altında silsilə məqalələri təqdir olunur, bu jurnalın işıq üzü görməsində yorulmadan çalışan ziyalılardan Həmid Natiqinin, Qulamhüseyn Beqdelinin, hüquqçu Əli Kəmalinin və başqalarının xidmətlərindən danışılır. Bir sözlə, «Varlıq» jurnalının çoxşaxəli fəaliyyətindən bəhs edən müəlliflər belə qənaətə gəlirlər ki, cənubdakı soydaşlarımızın «milli varlıq duyğularının yetkinləşməsinə» bu jurnalın çəkdiyi əməyin boş getməyəcəyinə inanırlar.

«Varlıq» da «Azərbaycan dilçiliyi məsələləri» ndən bəhs edən Firuzə Pənci yazır ki, bu jurnalda gedən məqalələri iki qismə bölmək olar: 1. Azərbaycan dilinin tarixi, mənşəyi, türk dilləri arasında yeri və s. kimi mühüm məsələlərin müzakirəsi, şovinist paniranizmin ifşası. 2.

Azərbaycan dilinin öyrənilməsi, işlənməsi ilə əlaqədar çətinliklərin aradan qaldırılması, bu dilin leksik, qrammatik və fonetik aspektlərinin tədqiqi. Qeyd edək ki, bu məsələlər eynilə Quzey Azərbaycanı dilçilərini də az narahat etmir. Ona görə də Güney Azərbaycanında həmkarlarımızın bu səpkidə yazdıqları bizim üçün son dərəcə maraqlıdır. Odur ki, Firuzə Parəncinin məqaləsi həvəslə qarşılır və bu baxımdan rast gəldiyimiz hər bir dilçinin imzasını və yazısını görəndə sevinirik. Bu təydağı alimlərimizin belə yazılara böyük ehtiyacı lduğunu söyləsək, səhv etmərik. «Azərbaycan dili xaricdə» toplusunda N. Nəsibzadə və V. Mustafayevin «İranda Azərbaycan dili: dövlət siyasəti və ona müqavimət» adlı birgə məqaləsi də maraqla oxunur. Burada İran hakim dairələrinin hər vəchlə Azərbaycan dilini sıxışdırmağa yönətdikləri mənfur irqçi siyasət açılıb göstərilir, Bonnda nəşr olunan «Ana dili» qəzetindən danışılr. Qəzetin ilk nömrəsi 1984-cü ildə çapdan çıxmışdır. Bu qəzetin səhifələrində ana dilinin ağırları və acıları heç bir siyasi quruma meyl göstərmədən açıqlanır. Müəlliflər bütün nömrələri geniş şərh edəndən sonra son illərdə dilimiz və dilçiliyimiz haqqında o təyda çapdan çıxmış çoxlu ədəbiyyat sıyahısı verirlər. Dilimizin çiçəklənəcəyinə ümid bəsləyən xalqın dil uğrunda mübarizəsini rejmin heç vaxt dayandıra bilməyəcəyi ümidi yaratdığına görə onların bu məqaləsi yaddaqalandır. Kəsrəviçiləri böhtanlarına görə rüsvey etmək üçün müəlliflər birinci növbədə xalq yaradıcılığına, sonra isə «Heydərbabaya salam» kimi ölməz əsərlərdən çıxış edirlər. Bu cür əsərlər yaradan bir xalqın dilinə kor baxmağın qeyri-mümkünlüyünü müəlliflər faktlarla və dəlillərlə sübut edirlər.

Güney Azərbaycanında dilimizin bugünkü işlək dairəsini və funksional çəkisini aydın göstərən məqalələrdən biri də doktor Həmid Nitqinin «Biz və dilimiz» məqaləsidir. Bu məqalə toplusunun sonunda getməsinə baxmayaraq, çox məzmunlu və əhatəlidir. O, dilimiz haqda məlumat verir, türk dilləri arasında onun yerini müəyyənləşdirir. Bu məqalədə qədim tarixi abidələrimiz sadalanır, onların dil xüsusiyyətləri araşdırılır. Maraqlı burasıdır ki, Həmid Nitqi Quzey Azərbaycanı dilçilərindən, xüsusilə Ə. Dəmirçizadənin əsərlərindən faydalandığını dönə-dönə qeyd edir. Məqalədə dilimizin bir neçə sözünün və ifadəsinin hansı anlamda işlənməsini göstərən H. Nitqi qədim türk dilli qəbilə və tayfaların adını çəkir, professor Faruq Qədri Timurtaşın son dərəcə dəyərlı əsərindən yüzlərcə sözün mənasını açmaqla geniş şəkildə işləndiyini göstərir. Həmid Nitqinin məqaləsinin son dolayımı olduğı kimi götürüb oxuculara təqdim edirik: «Dilimizə sahib çıxmanın son və iftixarlı mərhələsi onu səhih metodla öyrənmək və öyrətmək, bu dildə elmi, fəlsəfi, dini, əxlaqi, ədəbi və... gözəl və ölməz əsərlər yaratmaqdır. Bu da əziz ata-analar, möhtərəm müəllimlər, hörmətli ruhanilər, qüdrətli yazıçı və şairlərin diqqət və əlaqə ilə məşğul olacaqları xüsuslardır». Əslinə baxsan, bu söz-

lər eynilə bizə də aid edilə bilər. Biz ola bilsin ki, qəzet və jurnallarımızın, mətbuat orqanlarımızın, çap olunan kitablarımızın sayı ilə qürurlanıırıq, özümüzdə təsəlli veririk ki, bəli, bizdə vəziyyət oradakından yaxşıdır. Ancaq dərinə gedəndə aydın olur ki, elə bizim özümüzdə də öyünməli cəhətlərimiz azdır. Axı elmi, fəlsəfi, əxlaqi və s. əsərlərimizi biz öz dilimizdə yazmırıdıq. Məhz ona görə də dilimizin elmi üslubunun zəifliyindən şikayət, kargüzarlığın bu dildə aparılmadığından narazılıq edirik. Nədənsə, biz bu yaxınlara qədər dilimizin o taydakı vəziyyəti ilə az maraqlanmışıq. Bu səhvi tezliklə aradan qaldırmalıyıq. Vətən bölünübə də, onun dili bütövdür və bunu sübut edən maddi-mənəvi amillərin öncəsi dilimizdir, vəhid Azərbaycan dilidir. Bu ideyanı həyata keçirmək yollarında haqqında danışdığımız toplu ilk qaranquşdur.

Əlbəttə, biz burada toplumun məqalələrinin hamsının təhlili üzərində ətraflı dayana bilmədik. Ancaq onu oxuyanda diqqətimizi cəlb edən bir neçə qüsuru göstərməyi lazım bildik. Öncə onu deyək ki, topluya daxil edilmiş məqalələrin bəzisindən durğunluq dövrünün qoxusu gəlir. (səh. 5-16, 19, 143) Bu, xüsusilə toplumun əvvəlində gedən yazılara aiddir. Topluda bəzi korrektə xarakterli səhvlər də az deyil. Məqalələrin bəzisində sxematiklik, bəsitlik nəzərə çarpır. Burada istifadə olunmuş ədəbiyyatın siyahısını vermək də pis olmazdı. Bütün bunlara baxmayaraq, toplu dəyərli bir mənbədir və Güney Azərbaycanında dilimiz uğrunda gedən mübarizəni dolğun əks etdirir.

Р.О.ЯКОБСОН. ДЕТСКИЙ ЯЗЫК, АФАЗИЯ И ОБЩИЕ ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ¹

Posleslovie

**Р.О.Якобсон: несколько слов
о его лингвистической деятельности**

Роман Осипович Якобсон, выдающийся лингвист современности, родился в 1896 году в Москве. Уже в молодости он живо интересуется вопросами фольклора, поэзии и лингвистики. Во время учебы в гимназии он испытал влияние известного фольклориста Вс. Ф. Миллера (1848-1913). Он принимает активное участие в диалектологическом кружке под руководством проф. МГУ М.Н.Петерсона (1896-1953), который позднее вспоминал, что Р.Якобсона и некоторых молодых студентов историко-филологического факультета, где учился и Р.О.Якобсон, называли «ушаковскими мальчиками», так как Д.Н.Ушаков (1873-1943), возглавляющий тогда диалектическую ко-

¹ Almandan tərcüməsi prof. F.Yadigarındır (Veysəllindir). Bakı, 1993, s. 88-96.

миссию, поддерживал молодежное лингвистическое движение в Москве. На базе этой комиссии впоследствии был создан в марте 1915 г. Московский лингвистический кружок, первым председателем и душой которого был Р.О.Якобсон.

Он был очень дружески связан с Н.Ф.Яковлевым (1892-1974) и П.Г.Богатыревым (1893-1971). Впоследствии первый из них стал одним из основоположников Московской фонологической школы, а второй- соавтором Р.О.Якобсона по важнейшим работам в области фольклора.

На формирование научно- теоретических взглядов Р.О.Якобсона большое влияние оказали феноменология Э.Гуссерля (1859-1938) и лингвистические труды И.А.Бодуена де Куртене (1845-1929) и Ф.де Соссюра (1857-1913) .Фундаментальные положения их творчества Р.Якобсон основательно изучал всю жизнь.

Р.Якобсон был активным членом ОПОЯЗа (Общество по изучению поэтического языка), созданного в 1916 году в Петрограде. Данное общество выпустило среди первых монографий книгу Р.Якобсона в 1923 г.в Берлине, посвященную чешскому стиху в сопоставлении с русским.

Начиная с 1920 г.Р.Якобсон живет в Праге.Здесь он быстро входит в научную жизнь Праги, поддерживает идею создания общества лингвистов.И в 1926 году при его активном участии создается Пражский лингвистический кружок(ПЛК), который способствовал углубленной разработке теоретических проблем фонологии и структурной лингвистики, популяризации идей синхронного описания языка¹.

Во втором томе трудов кружок (до оккупации Гитлером Праги вышло 8 томов)² Р.О.Якобсон поместил свою оригинальную работу, посвященную истории фонологических систем русского и славян-

---

¹ В октябре 1926 г. известный чешский англист В.Матезиус (1882-1945) пригласил участников кружка на доклад К.Ф.Бекера (1875-1949), посвященный сходству языков европейского культурного круга. Этот день и вошел в историю языкознания как день создания Пражского лингвистического кружка. Позднее, вспоминая об Р.О.Якобсоне, основоположник ПЛК В.Матезиус писал: «Этот очень хорошо осведомленный о ходе научных дел и поразительно умный молодой русский привез с собой из Москвы живой интерес к тем самым лингвистическим проблемам, которые были в центре внимания, и он весьма поощрял мои лингвистические усилия, доставляя мне свидетельства того, что такими же проблемами постоянно занимаются и в других местах». Вяч. Вс. Иванов. Лингвистический путь Р.О.Якобсона. В. кн.: Р.Якобсон. Избранные работы. М., 1985, с. 9. Отметим, что при создании ПЛК кроме Р.О.Якобсона активное участие принимали два других русских ученых: С.О.Карцевский (1884-1955) и Н.С.Трубецкой (1890-1938).

² Траваух ду Ёерле лингвистигуе де Праэуе. Вол. 1-8, 1929-1939.

ских языков, где он развивает фонологические идеи И.А.Бодуена де Куртене и теорию структурной лингвистики, разработанной Ф.де Соссюром. Здесь он блестящим образом доказывает принципиальную возможность применения системного подхода к диахроническому аспекту исследования языка. Собственно говоря, эти два направления были ведущими в трудах ПЛК.

После захвата гитлеровцами Чехии Р.О.Якобсон в течение года был вынужден жить на нелегальном положении, продолжая печататься под псевдонимом в парижских изданиях.

В 1939 году Р.О.Якобсон переезжает в Данию, где и живет несколько месяцев. Здесь он знакомится с известным датским лингвистом Л.Ельмелевом (1899-1965), основоположником Копенгагенского лингвистического кружка. С ним Р.О.Якобсон часто вступал в споры.

В Копенгагене Р.О.Якобсон заканчивает свой доклад о звуковых законах детского языка, который он должен был прочитать на Международном съезде лингвистов в Брюсселе. Однако съезд не состоялся из-за начала Второй мировой войны. Текст этого доклада лег в основу предлагаемой вниманию читателей в русском переводе книги, издававшейся в 1944 г. в Упсале на немецком языке¹.

Сразу после начала Второй мировой войны Р.О.Якобсон переезжает в Норвегию, где он знакомится с известным ученым Альфом Соммерфельтом (1892-1965). Однако скоро он был вынужден покинуть и эту страну, пройдя по снежным нагорьям к шведской границе.

4 июня 1941 года Р.О.Якобсон на пароходе «Remmaren» приплывает из Гетеборга в Нью-Йорк, где он устраивается на работу в Вольной школе высших исследований. За время работы в этой школе он подружился с италянцем Дж. Бонфанте (1904), немецким философом Э.Кассирером, швейцарским историком по культуре А.Грегуаром, антропологом Леви-Стросе, математиком Адамаром и мн.др.

На протяжении почти 10 лет Р.О.Якобсон работал в Массачусетском Технологическом институте. Именно в этом институте в 1952 году он в соавторстве с швейцарцем Г.Фантом и американцем М.Халле написал книгу, которая явилась принципиально новой страницей в истории фонологии. В ней Р.О.Якобсон осуществил давнюю свою мечту, описав фонологическую систему языка в терминах аку-

---

¹ Книга Р.О.Якобсона о детском языке, афазии и звуковых законах является первой попыткой раскрыть причины усвоения ребенком языка, разрушения его системы у афатиков, и показать на их основе общие законы эволюции языка. При работе над этой книгой Р.О.Якобсон очень много консультировался у известных лингвистов, врачей-физиологов, психологов во время своего пребывания в Швеции в 1941 году.

стической фонетики, исходя из дихотомического принципа классификации звуковых единиц языка.

Р.О.Якобсона связывала большая дружба с Н.С.Трубецким. Многие фонологические идеи, разработанные ими после совместного обсуждения, впоследствии принимались на вооружение сторонниками ПЛК. Отличительной чертой их фонологической концепции было рассмотрение звуков с точки зрения выполняемой ими в языке функции, что выгодно отличало эту концепцию от классической фонетики, исследовавшей звуки сами по себе вне зависимости с другими единицами, входящими в данную систему. Пражцы же старались установить системные отношения между фонемами данного языка, выявляя их взаимосвязь и взаимоотношения. Пражская лингвистическая школа вошла в историю лингвистики как функционально-структурная, поскольку она за каждой структурной единицей предусматривала определенную функцию.

В середине февраля 1938 года он приезжает в Вену к Н.С.Трубецкому для обсуждения новых мыслей о разложении согласных на оппозиции на основе двоичных различительных признаков. В это время обстоятельства в Европе были трагическими. Европе грозила опасность войны, которую готовила гитлеровская Германия. Они работали два дня. А 23 марта того же года Р.О.Якобсон доложил Пражскому кружку свой опыт сведения фонем (согласных) к сочетаниям нескольких двоичных различительных признаков. Он выступил на III Международном фонетическом съезде с докладом, который был опубликован в 1939 г. В этой работе Р.О.Якобсон приходит к выводу, что квантами (элементарными единицами) являются не фонемы, а различительные признаки (акусмы и кинемы И.А.Бодуена де Куртене.-Ф.В.) Тем самым Р.О.Якобсон обосновал бинарный характер оппозиций и дихотомическое отношение в фонологической и морфологической системе.

В 1951 году Р.О.Якобсон со своими коллегами разрабатывает основы дихотомической классификации различительных признаков гласных и согласных, используя выводы электроакустических исследований.

Развитию этой идеи помогло его сотрудничество со специалистами по теории информации и кибернетике. Он доказывает, что новые в математике способы описания важнее, чем обыкновенные количественные методы. Р.О.Якобсон обосновал установленную им же иерархию признаков на материале детского языка, которые он сопоставлял с закономерностями распада оппозиций при афазии и с универсальными законами звукового развития.

После выхода известного труда Р.О.Якобсона и его коллег о дихотомической классификации систем фонем языков многие лингвисты выступали с критикой в адрес этой теории. В частности, известный французский лингвист А.Мартине (1908) ставил под сомнение принципиальную возможность описания языков в терминах двоячных противопоставлений.

В 1929 года Р.О.Якобсон применяет системный подход к диахроническим изменениям русского и славянского языков, который позволяет устоявить между единицами каждого диахронического среза системные отношения, выступающие в качестве главной причины расщепления (дивергенции) и слияния (конвергенции) фонем. Здесь Р.О.Якобсон явно следовал традициям школы И.А.Бодуена де Куртене, но вводил совершенно новые термины и понятия.

В 1949 году на VIII Международном лингвистическом съезде в Осло Р.О.Якобсон выступил с докладом, в котором резкой критике подверг идею реконструкции, господствовавшую в сравнительно-историческом языкознании на протяжении более века. Развитие этой идеи привело к основательному пересмотру точки зрения компаративистов. Известно, что тирологическое (сравнительно) языкознание изучает сходства между географически близкими языками независимо от их генеалогического родства, что в конечном счете привело к идее о евроазиатском союзе. Высказывание Р.О.Якобсона о мягкостной корреляции (палатализации) о языках, начиная с японского на востоке до литовского на западе, остается по сей день бесспорным. Типология, считал Р.О.Якобсон, это мощный инструмент для изучения как синхронии, так и диахронии.

Дихотомический принцип описания Р.О.Якобсон применял также к русскому глаголу (1913 г.), выявляя бинарный характер противопоставлений (совершенный вид-признаковый; несовершенный вид-беспризнаковый), тем самым Р.О.Якобсон заложил основы нового направления в грамматических учениях.

В общеграмматической теории Р.О.Якобсона важное место занимают его исследования 1937-1939 гг., касающиеся нулевой формы (им.п. муж.р. - бог, муж или что делал он на работе? Читал).

В 1948 году он написал небольшую работу о русском спряжении, где впервые были введены понятия полной и усеченной основы и сформулированы правила преобразования основ при присоединении к ним гласных и согласных. Этой работой он заложил основы порождающей грамматики. Исходя из инвариативного значения каждого падежа., Р.О.Якобсон обосновал систему грамматических зна-

чений падежей русского языка, а к вариантам он относил отдельные частные значения.

Важное место в творчестве Р.О.Якобсона занимают исследования его в установлении языковых функций. В частности, (передача эмоции говорящего), он выделял эмотивную метаязыковую (установка на систему), конативную (установка на получателя информации), поэтическую (установка на сообщение), референтивную или денотативную или когнитивную (установка на действительность) и фатическую (установка на контакт) функции.

Р.О.Якобсон очень много работал в области выявления междисциплинарных связей, устанавливая место лингвистики среди других наук.

После 1956 года Р.О.Якобсон неоднократно приезжал в бывший СССР, последний раз был в Тбилиси в 1979 г. за три года до своей смерти.

Р.О.Якобсон сделал для современного языкознания столько, сколько не смогли сделать его предшественники в течение всего столетия. Благодарное молодое поколение сохранит светлую память о великом ученом современности.

Комментарии Карл Бюлер (1879-1963) – известный австрийский философ, психолог-лингвист, вошел в историю языкознания прежде всего как один из основоположников знаковой теории. В языковом знаке он выделяет три функции: 1) Экспрессивную, когда выражается состояние говорящего; 2) Апеллятивную, когда выражается обращение к слушателю; 3) Репрезентативную или экспликативную, когда выражается сообщение, т.е. то, что о чем говорится. Следует отметить, что все эти функции выражаются одновременно. Данную концепцию он изложил в своей книге «Теория языка», вышедшей на немецком языке в 1934 г. в Вене.

Вильгельм Вундт (1832-1920) – видный немецкий философ-психолог. Его философия языка строится на базе психологии. Объектом психологии народов он считает язык, мифы и обычаи. Последние соответствуют трем областям индивидуальной психологии – представлениям, чувствам и воле. Язык, по Вундту, содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений, рассматриваемых им как психофонетическая деятельность. Развитие языка истолковывается В.Вундтом как психологическое развитие.

Рудольф Мерингер (1859-1931) – выдвигает идею о тесной связи названий с атрибутами материальной культуры.

Антуан Грегуар - известный бельгийский историк культуры конца XIX и начала XX веков, автор одного из первых трудов в области детского языка.

Альф Соммерфельт (1892-1965) – норвежский специалист по общему языкознанию и кельтологии, долго и последовательно занимался общими проблемами языкознания.

Имеется в виду франко-швейцарский ученый – один из основоположников современной лингвистики Фердинанд де Соссюр (1857-1946).

Морис Граммон (1866-1946) – выдающийся французский фonetист, автор оригинального труда по фонетике (1933).

Пол Пасси – известный французский фonetист конца XIX – начала XX веков, один из основоположников первого в мире журнала по фонетике. В 1886 году была основана Международная фонетическая ассоциация (МФА), которая в 1888 г. разработала основу фонетической транскрипции – единого фонетического алфавита, на котором издавался журнал «Maitre phonetique».

Р.О.Якобсон особое значение придает смыслоразличительной функции фонемы. Между тем различение слова, о котором он говорит дальше, вовсе не означает различение смысла.

Ф.Ф.Фортунатов (1848-1914) – видный русский лингвист, основоположник Московской лингвистической школы.

Немецкий термин звук языка - «Sprachlaut» - соответствует термину «фонема».

В некоторых фонологических описаниях классификация согласных осуществляется по активному органу. Мы тоже придерживаемся такой точки зрения. В тексте мы предпочли сохранить авторское толкование терминов, учитывая, что они здесь не носят принципиальный характер. В этой работе для нас важнее было добиться адекватного перевода, который бы однозначно передал общую концепцию Р.Якобсона.

Н.С.Трубецкой (1890-1938) - - один из крупнейших лингвистов современности, выходец из России, эмигрировал за границу в канун Октябрьских событий, жил и творил в Австрии. Главный его труд «Основы фонологии» содержит результаты исследования Н.С.Трубецкого на материале свыше 200 языков мира.

Аббат Жан Пьер Русло, основатель экспериментальной фонетики в Европе, в 1891 году впервые применяет кимограф, который графически обозначает вибрации воздуха при произнесении звуков.

Эмиль Бенвенист (1902) –известный французский лингвист, занимается теоретическими проблемами общего языкозна-

ния, почетный член академий и обществ, автор множества статей и монографий в области индоевропеистики и общего языкознания.

А.А.Гвоздеев (1892-1959) – известный русский ученый, автор целого ряда исследований русской фонетики и фонологии, орфографии и стилистики. Его перу принадлежат работы в области детской речи. В частности работа «Дневник по развитию речи Жени Гвоздева»-400стр.(в рукописи) и «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка». ч. I, М, 1949, 267стр; ч ; II, М, 1949, 192стр.

Луи Ельмслев (1899-1965)- датский лингвист, основоположник Копенгагенской школы, один из теоретиков датского структурализма.

85. Леонард Блумфильд (1887-1949) – американский лингвист, один из основателей американской школы дескриптивистов, автор знаменитой книги ”Язык”, переведенной на русский язык в 1968 г.

FİLOLOQ – ALİMLƏRİMİZ:

AĞAMUSA AXUNDOV¹

Bir vaxtlar orta məktəbi medalla qurtaranlar ali məktəbə imtahan-sız qəbul olunurdular. Hamı elə bilirdiki, orta məktəbi medalla bitirən Ağamusa ya riyaziyyatçı, ya mühəndis, ya da həkim olacaq. 50-ci illərdə o bölgənin gəncləri orta məktəbi bitirdikdən sonra ya Azərbaycan Sənaye İnstitutuna (indiki Neft Akademiyasına), ya da ki, Tibb İnstitutuna oxumağa gəlirdilər. Ağamusanın da arzusu əksər həmyaşıdları kimi mühəndis olmaq idi. Lakin adi bir təsadüf onu filoloq ixtisasını seçməyə vadar etmişdi. Alim özü bu barədə belə deyir: «Qatara minəndə mənimdə fikirim mühəndis olmaq idi. Vaqonda ali məktəbə gələnlərlə söhbət zamanı fikrimi dəyişdim. Qazaxdan uşaqlarını Bakıya ali məktəbə sənəd vermək üçün gətirən ədəbiyyat müəllimləri filologiya fakultəsinə girməyimi israrla məsləhət görüb məni «yoldan çıxardılar». Fikrimi dəyişdim. Mənimlə qatarda bir yerdə gələn sinif yoldaşlarımdan ayrılıb sənədlərimi Bakı Dövlət Universitetinin filologiya fakultəsinə verdim.»

Oxuculara təqdim etdiyimiz bu sətirlərin müəllifi filologiya elmləri doktoru, AMEA-nın həqiqi üzvü professor Ağamusa Ağası oğlu Axundov 1932-ci ildə fevral ayının 2-də Azərbaycanın Kürdəmir şəhərində

¹ İlk dəfə çap olunub: “Dil və Ədəbiyyat”. 1997, №2 (19), (S.Babayev və F.Zeynalovla şərikli).

dünyaya göz açmışdır. O, elə oradaca 36 nömrəli dəmir yolu beynəlmiləl orta məktəbdə oxumuş və 1950-ci ildə həmin məktəbi medalla, axşam dəmir yolu fəhlə-gənclər rus natamam orta məktəbini isə əla qiymətlərlə bitirmişdir. Elə həmin ildə Bakı Dövlət Universitetinin filologiya fakültəsinin Azərbaycan dili və Ədəbiyyatı şöbəsinə daxil olmuşdur. Lakin uşaqlıq və yeniyetmə illərində olduğu kimi, gənclik illərində də ikinci ixtisas almaq həvəsi onu tərk etmir. Elə buna görə də o, 1955-ci ildə Bakı Dövlət Universitetini Nizami təqaüdü ilə bitirdikdən sonra Azərbaycan Dövlət Dillər İnstitutuna daxil olur və 1965-ci ildə oranı fərqlənmə diplomu ilə bitirərək ingilis dili müəllimi ixtisasına yiyələnir.

Ağamusa müəllimin tələbəlik illəri xoş, yaddaqalan hadisələrlə və təəssüratlarla zəngindir. O, 1951-ci ildə BDU-nun filologiya fakültəsi Tələbə elmi cəmiyyətinin sədri seçilmişdir. O, dördüncü kurs tələbəsi olarkən qədim yunan, ərəb, fars, gürcü, erməni, alban və udin dillərinin materialları əsasında «Kür» sözünün etimologiyası mövzusunda Elmi Cəmiyyətin konfransında məruzə etmişdir. Bakı ali məktəbləri üzrə keçirilən müsabiqədə birinci dərəcəli mükafata layiq görülən məruzənin mətni universitetin elmi əsərində çap olunur.

Mehriban və unudulmaz tələbəlik illərini xatırlayarkən Ağamusa müəllim deyir: «Bizim nəsildən olanların bəxti gətirmişdi. Təhsil illərimiz filologiya fakültəsinin qızıl dövrünə düşmüşdür. Ədəbiyyatdan bizə kimlər dərs deyirdi? Əli Sultanlı, Mikayıl Rəfili, Həmid Araslı, Feyzulla Qasımsadə, Məmməd Arif, Məmməd Cəfər, Cəfər Cəfərov, Cəfər Xəndan, Mir Cəlal, Məmməd Hüseyn Təhmasib, Mirzağa Quluzadə. Dildən dərs deyənlər: Muxtar Hüseynzadə, Əkrəm Cəfərov, Məmmədəğa Şirəliyev, Əzəl Dəmirçizadə, Hadi Mirzəzadə, Əhəd Muxtarov və qeyriləri».

Tələbəlik illərində Ağamusa Axundova uzun illər dərs demiş sevimli müəllimi prof. Muxtar Hüseynzadə ona böyük rəğbət bəsləyir və Ağamusanın elm sahəsində çalışıb xeyirli işlər görəcəyinə inanırdı. «Muxtar müəllimin mənəvi övladları içərisində ən çox sevdiyi Ağamusa müəllim idi. Ağamusa müəllimin dilçilik təfəkkürü, gözəl araşdırma bacarığı, yüksək elmi nəzəri hazırlığı Muxtar müəllim üçün onu hamıdan əziz etmişdir».

«Çoxları çalışdı ki, Ağamusa ədəbiyyatşünas olsun, di gəl ki, heç nə çıxmadı. Sağ olsun, görünür mənim sözümlü eşitdi, dilçiliyi seçdi. Özü də elə-belə yox, elminə güvənilişi dilçi oldu. Onun kimisi hələ ki bizim aramızda yoxdur». Bu sözlər Azərbaycan dilçiliyinin ağsaqqalının öz istedadlı tələbəsinə verdiyi qiymət, xeyir-duası idi. Ağamusa müəllim sevimli və əziz müəllimini-professor Muxtar Hüseynzadənin qayğıkeşliyini belə xatırlayır: «Kurs işimin planından çox xoşu gəldiyinə görə, filologiya elmləri doktoru, professor, Əməkdar Elm Xadimi, Respublika Dövlət Mükafatı laureatı, kafedra müdiri, müxtəlif illərdə dekan vəzifəsində iş-

ləyən unudulmaz müəllimim bütün tələbəlik, aspirantlıq, müəllimlik illərində məndən qayğısını əsirgəməzdi».

1955-ci ildə BDU-nu bitirdikdən sonra Ağamusa Axundov müəllimlərin razılığı ilə Universitetdə aspirant saxlanılır. O, 1958-ci ildə aspiranturunu vaxtından altı ay qabaq qurtararaq «Felin zaman kateqoriyası (Azərbaycan dili materialı əsasında)» mövzusunda yazdığı namizədlik dissertasiyasını müdafiə edir və BDU-nun ümum dilçilik kafedrasında müəllim, 1959-cu ildə isə baş müəllim vəzifəsinə seçilir. O, 1962-ci ildə dosent elmi adını alır və BDU-da dosent vəzifəsində işləyə-işləyə Azərbaycan Dövlət Dillər İnstitutunda tələbə olur. 1965-ci ildə isə həmin institutun Qərbi Avropa dilləri fakültəsinin ingilis dili şöbəsini fərqlənmə diplomu ilə bitirir. 1964-cü ildə Ağamusa Axundov «Azərbaycan dilinin fonemlər sistemi (fizioloji, akustik, statistik, fonoloji tədqiqat təcrübəsi)» mövzusunda doktorluq dissertasiyası müdafiə edir və 32 yaşında o zamanı ittifaq miqyasında filologiya sahəsində ən gənc elmlər doktoru olur. SSRİ Elmlər Akademiyasının baş elmi işçisi, filologiya elmləri doktoru professor N. A. Baskakov Ağamusa Axundovun doktorluq dissertasiyasını «bütün sovet türkologiyası üçün mühüm hadisə» kimi qiymətləndirmişdir.

1965-1966-cı illərdə Ağamusa Axundov Misir Ərəb Respublikasının paytaxtı Qahirənin məşhur Eyn-Şəms Unversitetində Azərbaycan dili və Ədəbiyyatından ingilis dilində mühazirə oxuyur. Elə həmin dövrdə o, 35 yaşında ikən professor elmi adını alır.

Ağamusa Axundovun elmi fəaliyyəti geniş diapazonlu, çoxcəhətli-dir, maraq dairəsi isə geniş və rəngarəngdir. Dilçiliyin elə bir sahəsi yoxdur ki, Ağamusa Axundov orada öz elmi nəzəri düşüncələrini və mülahizələrini həmkarları ilə bölüşdürməsin və münasibətini bildirməsin. Fonetika-fonologiya, qrammatika, leksikologiya (etimologiya), semantika, üslubiyyat, riyazi dilçilik, poetika, tərcümə, semiotika, kosmos dilçiliyi və s. onun maraq dairəsinə daxil olan sahələrdir. Belə ki, Ağamusa Axundov riyazi dilçilik, statistik dilçilik, nəzəri poetika sahəsində türkologiyada ilk araşdırmalar müəllifi kimi tanınmışdır. İndiyə kimi o, ayrı-ayrı illərdə ölkə və xarici mətbuat səhifələrində və nəşriyyatlarda 323 dəfə çap olunmuşdur. Onun «Məktəbimiz yaşllaşır» adlı ilk yazısı «Azərbaycan Pioneri» qəzetində dördüncü sinifdə oxuyarkən dərc edilmişdir. İndi Ağamusa müəllimin kitablarının sayı 15-ə çatıb. O, 8 monoqrafiyanın, 13 dərslik və dərs vəsaitinin, 200-ə kimi çap olunmuş məqalələrin müəllifidir. Görkəmli alim ömrü boyu Azərbaycan dilçiliyinin fonetikasını, fonemlər sistemi, estetikası, dilçiliyin tarixi, nəzəriyyəsi, metodları və başqa sahələri ilə məşğul olub. Ağamusa Axundovun dilçilik yaradıcılığında qrammatikaya aid tədqiqatları da mühüm yer tutur. Onun qrammatikaya xüsusilə felin zamanlarına, mürəkkəb cümlə bəhsinə dair

marahlı fikirləri, çoxsaylı məqalələri və monoqrafiyaları vardır. Onun «Felin zaman kateqoriyası» adlı namizədlik dissertasiyası çox aktual bir mövzu olduğundan kitab şəkilində çap edilmişdir və həmin əsərlərlə Vaşinqtonun Harvard Universiteti də maraqlanmışdır. Həmin Universitet Bakıya məktub yazaraq kitabın bir nüsxəsini onlara göndərməyi xahiş etmişdir.

Ağamusa Axundovun çoxşaxəli dilçilik yaradıcılığında fonetika-fonologiyaya aid tədqiqatları xüsusi yer tutur. O, 1960-cı illərin əvvəlindən başlayaraq fonetika-fonologiyaya sahəsində axtarışlar, tədqiqatlar aparmağa başlamış və bu günə kimi bu sahədə öz axtarışlarından ayrılmamışdır. Ağamusa Axundovun fonetika-fonologiyaya dair problemlər barədə düşüncə və müşahidələri, habelə eksperimental tədqiqatları onun Respublikamızda, keçmiş İttifaqda və xaricdə çap olunmuş çoxsaylı məqalələrində, yerli və beynəlxalq konfrans və simpoziumlardakı məruzələrinə, dərslük və monoqrafiyalarında əks olunmuşdur.

Ağamusa Axundovun elmi araşdırmaları və əsərləri dünyanın müxtəlif ölkələrində tanınır. Onların səsi, sədası Respublikamızdan uzaqlarda da eşidilir. O, müxtəlif illərdə keçmiş İttifaqda və xarici ölkələrdə dilçiliyin nəzəri və tətbiqi problemləri ilə bağlı keçirilən konfrans və simpoziumlara dəvət olunmuş və onların toplantılarında 60-dan çox məruzə ilə çıxış etmişdir. Onun dilçiliyin problemləri ilə bağlı məqalələri Almaniyada, Çexoslovakiyada, Türkiyədə, Fransada, Macarıstanda çap olunmuşdur. Ağamusa Axundov Berlində nəşr olunan «Fonetika, Ümumi Dilçilik və Kommunikativ Tədqiqatlar», jurnalının redaksiya heyətinin üzvü olub. Onun Praqada, Ankarada, Belqradada, Budapeştdə, Kayserdə keçirilən beynəlxalq konqreslərdə, habelə Moskvada, Leninqradada, Daşkənddə, Alma-Atada, Düşənbədə, Bişkəkdə, Tbilisidə, Minskdə, başqa sözlə keçmiş İttifaqın daha neçə-neçə şəhərlərində keçirilən elmi konfranslardakı məruzələri maraqla qarşılanmışdır. 1995-ci ildə Ağamusa Axundov Yaponiya «Elmə Yardım» Cəmiyyətinin dəvətilə bir ay Yaponiyada olmuş, Tokio, Kobe və Osaka Universitetlərində türk dilinin tədrisi və türkoloji tədqiqatlar haqqında arayış hazırlamış, Kobe Universitetində və Tokioda Tuyo Bulko elmi kitabxanasında «Azərbaycan dili: dünən və bu gün» mövzusunda məruzə ilə çıxış etmişdir.

Ağamusa müəllim orta məktəbin V, V-VI, VI-VII sinifləri üçün «Azərbaycan dili» dərslüklərinin iki müəllifindən biridir. O, uzun illərdir ki, Azərbaycan dilinin tarixi-etimoloji lüğəti üzərində işləyir və lüğətin bir hissəsi məqalələr şəklində çap olunub. Alimin elmi fəaliyyəti Azərbaycan Təhsil Nazirliyi, Azərbaycan Dövləti və digər elmi dairələr tərəfindən yüksək qiymətləndirilmişdir. Belə ki, o, 1973-cü ildə 5-6-cı siniflər üçün «Azərbaycan dili» dərsliyinə görə Azərbaycan SSR Maarif Nazirliyinin, 1986-cı ildə «Azərbaycan dilinin fonetikasi» monoqrafiyası

üçün «Təhsil» cəmiyyətinin Z. Tağıyev Mükafatını almışdır. Bunlardan əlavə o, müxtəlif illərdə neçə-neçə fəxri fərman və medallarla təltif edilmişdir.

Ağamusa Axundovun elmi fəaliyyəti kimi pedoqoji və ictimai fəaliyyəti də çoxcəhətli və rəngarəngdir. O, 1958-ci ildən Bakı Dövlət Universitetinin Ümumi Dİçilik kafedrasında müəllimlikdən professora və kafedra müdiri vəzifəsinə qədər ucalmışdır. Bu müddət ərzində filologiya fakultəsində saysız-hesabsız pedoqoji və neçə-neçə elmi kadrların yetişməsində, alim kimi formalaşmasında Ağamusa Axundovun böyük əməyi və zəhməti olmuşdur. O, 20-dən çox namizədlik və doktorluq dissertasiyalarına rəhbərlik etmiş, Respublikamızda və keçmiş ittifaqda 62-dən çox namizədlik və doktorluq dissertasiyalarının rəsmi opponenti olmuş, müxtəlif sistemli dillərin materialı əsasında yazılan 34 kitabı redaktə etmişdir.

Ağamusa Axundov 1967-ci ildən üzü bəri dörd dəfə BDU-nun filologiya fakultəsinin dekan vəzifəsinə seçilmişdir və 1968-ci ildə BDU-nun filologiya elmləri üzrə Müdafiə Şurasının Sədri təsdiq edilmişdir. Respublikada elmin inkişafında və yüksək ixtisaslı kadrların hazırlanmasında xidmətlərinə görə o, 1990-cı ildə Əməkdar Elm Xadimi kimi yüksək fəxri ada layiq görülmüşdür. Ağamusa Axundov görkəmli türkoloq, beynəlxalq miqyaslı dilçi-alim olmaqla yanaşı, o həm də respublikamızda və onun hüdudlarından çox-çox uzaqlarda tanınmış bir ictimaiyyətdir. O, dostluq cəmiyyətinin xətti ilə bir çox xarici ölkələrdə olmuş, xalqlar arasında dostluq münasibətlərinin yaranması və inkişafı sahəsində faydalı işlər görmüşdür. Xalqlar dostluğu sahəsində mühüm xidmətlərinə görə o, ABŞ-ın «Frendşip Fosis» (Dostluq Qüvvələri) ictimai təşkilatının fəxri fərmanını almışdır. Ağamusa Axundov 1987-ci ildə ABŞ-ın Nyu-Orlean şəhərinin fəxri vətəndaşı adını almış və Luiziana ştatının (ABŞ) paytaxtı Baton Rups şəhər Bələdiyyə Şurasının Fəxri üzvü seçilmişdir.

Ağamusa Axundovun elmi, pedoqoji və ictimai fəaliyyəti ayrı-ayrı illərdə müxtəlif mətbuat səhifələrində və nəşr olunan kitablarda elm adamları və ictimaiyyət tərəfindən qiymətləndirilmişdir. Belə ki, Ağamusa müəllimin özü və əsərləri barədə Azərbaycan dilində 70 müəllif, başqa dillərdə isə 27 müəllif yazı və qeydlər vermişdir. Bütövlükdə Ağamusa Axundovun özü və əsərləri barədə 150 dəfə mətbuat səhifələrində və kitablarda yazı və qeydlər vardır.

Ağamusa müəllim 1990-cı ildən üzü bəri Azərbaycan EA-nın Nəsimi adına Dilçilik İnstitutunun direktoru vəzifəsində işləyir. O, Dilçilik üzrə Respublika Əlaqələndirmə Şurasının Sədri və Azərbaycan Respublikası AAK-nın Rəyasət heyətinin üzvüdür. Bu gün Ağamusa müəllim Dİçilik İnstitutuna rəhbərlik etsə də, o, yenə də onun üçün doğma olan Bakı Dövlət Universitetilə bağlıdır. O, Universitetdə indi də dərs deyir.

Və ümumən filoloqların müdafiə şurasını Ağamusa Axundovsuz təsəvvür etmək çox çətindir. Ağamusa müəllim indi 65 yaşının içindədir. Onun yaradıcılıq planları və cərəyəyi işlər hələ çoxdur. Biz görkəmli türkoloqumuzu, dilçi-alimimizi ürəkdən təbrik edir, ona uzun ömür, möhkəm can sağlığı və işlərində yeni-yeni uğurlar arzulayırıq.

ÜMUMORTAQ TÜRK DİLİ: GERÇƏKLİK VƏ REALLIQ¹

Azərbaycan nəinki qonşu ölkələrin, həmçinin tarixi baxımdan ortaq mədəniyyəti, dil və gen qohumluğu olan türk xalqlarının ciddi marağına səbəb olmuşdur. Azərbaycan dünyanın diqqətini zəngin yeraltı sərvətləri və rəngarəng ulu mədəniyyəti ilə cəlb edir. Çağdaş alimlər və ziyalılarımız müstəqilliyin ilk günlərindən gündəmə üç mühüm məsələ çıxartmışlar:

I. Latin qrafikasının bərpası;

II. Tarixi faktları və şəxsiyyətləri gerçək reallıq və suverenlik işığında nəzərdən keçirmək;

III. Türkdilli xalqlar arasında qarşılıqlı anlaşma üçün ortaq türk dili məsələsini müzakirə etmək.

Xalqımız öz tarixində 4 növ fonografik yazıdan istifadə etmişdir.

1. Ərəb istilasına qədər mövcud olan qədim türk runik əlifbası. Təəssüf ki, o dövrün yazılı abidələrindən əlimizə gəlib çatan bir mənbə yoxdur, çünki istilaçı ərəb tayfaları qabaqlarına çıxan sivilizasiyanı məhv etmişlər. Ərəb xəlifələrindən birinin fikrini burada iqtibas etmək yerinə düşərdi: yeni ərazilər zəbt edildikdə ələ keçən yazılı nə varsa hər iki halda-birincisi, onlardan bizdə olanlar, ikincisi, onlardan bizə yad olanlar-məhv edilməlidir, çünki onlar hər iki halda ideologiyamıza zərər vura bilərlər. Lakin buna baxmayaraq, bəzi qaynaqlarda qədim türk runi əlifbasından istifadə etməyimizə işarələr tapırıq.

2. Ərəb istilasından sonra əsrimizin 20-ci illərinə qədər işlətdiyimiz yazı sistemi. Çoxdan sübut edilmişdir ki, ərəb yazı sistemi türk dillərini fonetik və texniki baxımdan təmin etmirdi. Bu bərdə bizim görkəmli maarifçilərimiz və alimlərimiz çox yazıblar. M. F. Axundov bunu «Əlifbəyi cədid» əsərində kəskin tənqid atəşinə tutmuşdu. Latin əlifbasına keçid uğrunda mübarizə əsrin əvvəllərində geniş vüsət aldı. M. Şaxtaxlı, B. Çobanzadə və digər aydınlarımız ərəb yazı sistemindən yaxa qurtarmağımız üçün əllərindən gələni etdilər və 1926-cı ildə Bakıda keçirilən I Türkoloji qurultay bu fikri nəzəri cəhətdən müdafiə etdi və praktiki ola-

¹ İlk dəfə çap olunub: "Leyli" jurnalı. 1998, №1.

raq onun həyata keçirilməsinə yol açdı. Bu qurultayda iştirak edən görkəmli alimlərdən Köprülüzadə (Türkiyə), Şerba (Rusiya) və başqalarının çıxışları latın qrafikasına keçməyimizə təkan verdi. Elə bunun nəticəsi olaraq 1928-ci ildə latın qrafikasına keçməyimiz qanuni şəkildə rəsmiləşdi. Ancaq təəssüflər olsun ki, bu əlifba 1939-cu ilə kimi istifadə edildi.

3. 1939-cu ildən 1992-ci ilə qədər isə biz məcburən kirill əlifbasına keçməli olduq. Bu əlifba bizə əl vermədiyindən onda dəyişikliklər edir, dilimiz üçün yaralı hala salmağa çalışırdıq.

4. Nəhayət, müstəqilliyimizin ilk əlamətlərindən biri olan latın qrafikalı əlifbanı 1992-ci ildə xalqa qaytara bildik.

Azərbaycan xalqı müstəqillik əldə edəndən sonra öz tarixinə yeni baxımdan yanaşmaq şansı qazandı və bundan istifadə etməyə başladı. Tarixi şəxsiyyətlərimizin reabilitasiyası başlandı, qəhrəmanlıq eposumuz «Kitabi Dədə Qorqud» yeni səpkidə tədqiq olunmağa başladı. Alman alimi Q. Ditsin alman dilinə tərcümə etdiyi variant 18-ci əsrdə Drezdendə tapılandan sonra ona indiki kimi müstəqil və sərbəst yanaşmaq mümkün olmamışdı. İndi dünya qorqudsünəsləri dastanın 1300 il öncə meydana gəldiyini sübut etmək üçün elmi axtarışlar aparırlar. Xalq tarixini özü öyrənməlidir. Odur ki, indi Füzulinin 500 illiyi geniş ümumtürk kontekstində aparılan tədqiqatlar işığında keçirilir. Bağdadda yaşayıb yaratmış Füzuli bütün türk dünyasına məxsus olsa da, o, Azərbaycan dilində yazıb yaratmışdır. Eynilə digər qardaş türk xalqlarının maddi-mənəvi dəyərləri bizim üçün ciddi əhəmiyyət kəsb edir. Bu gün «Koroğlu» eposunun hansı türk xalqına məxsus olduğunu sübut etmək olduqca çətindir. Dahi Ü. Hacıbəyov bu əsərə opera bəstələmişdir.

Türkdilli xalqlar arasında qarşılıqlı anlaşma üçün ortaq türk dilinin formalaşması bu gün reallıqdır. Biz türklər və türkmənlərlə problemlə ünsiyyətə girə bilirik. Ən böyük fərq fonetik qurumda və söz ehtiyatında özünü büruzə verir. Ancaq fellərimiz, saylarımız və sifətlərimiz ümumidir və az dərəcədə dəyişikliyə məruz qalıblar. Bu gün Bakıda nəşr olunan «Türkologiya» jurnalı bu fərqləri öyrənib sistemləşdirmək sahəsində önəmli işlər görür. Suverenliyimiz bu sahədəki uğurlarımızdan xəbər verir. Hər halda ümumtürk ortaq dili dünya xəritəsində yaranmış yeni müstəqil dövlətlər üçün geniş üfüqlər açır. İsmayıl bəy Qaspralının «Fikirdə, dildə, əməldə bilirik» ideyası real gerçəkliyə çevrilməkdədir.

ULU KEÇMİŞƏ GÜZGÜ TUTAN KİTAB¹

Keçmişə, xalqın və tarixin yaddaşına müraciət, onun dərin qatlarına nüfuz xalqın yüksəlişinin və inkişafının rəhni kimi baxılır və bu günün dialektik anlamında bu, xüsusi əhəmiyyət kəsb edir. M. Baxtinə görə, «irəliyə ancaq yaddaş gedə bilər, unudulma yox. Yaddaş başlanğıca qayıdır və onu təzələyir». Qədim Roma filosofu Seneka yazırdı ki, «Nə üçün balaları maarifləndiririk? İş təkcə onda deyildir ki, onlar ləyaqətli adamlar olsunlar, məqsəd bir ondan ibarətdir ki, onlar öz varlıqlarını dərk olunmaq üçün hazırlasınlar». Fikrimizcə, öz varlığını dərk etməyin başlıca və işıqlı yolu keçmişə, tarixin və xalqın yaddaşına daima müraciət, onu öyrənmək və dərin qatlarına nüfuz etməkdir. İnsan özünü, kökünü dərk etdikcə, özünə qayıdıqca, bu gün daha da güclü olur və gələcəyin səmtini müyyənləşdirə bilər. İngilislərin inamına görə, keçmiş, məlumat kitabı rolunu oynamalıdır ki, hal-hazırkı səmti seçə bilsən. Deyirlər ki, tarix müasirliyin anasıdır. Bu baxımdan akademik A. Mirzəcanzadənin bu fikri maraqlıdır: «Keçmiş müasirliyə daxildir, gələcək isə yaddaşın köməyi ilə-zaman və ölümə üstün gələrək keçmişlə birləşmiş indiylə proqnozlaşdırılır. Tarixin yaddaşı möhkəm olmalıdır ki, onun lap cüzi ədalətsizliyi belə gələcəkdə təkrar olunmasın».

Oxuculara təqdim olunan iri həcmli «Əcdad» kitabının müəllifi Tariyel Vəli Nüvədilidir. Kitabın məzmununa keçməzdən əvvəl, oxucuları onun müəllifi ilə bir qədər yaxından tanış etməyi məqsəduyğun hesab edirik. Tariyel Vəli 1942-ci ildə indi erməni işğalı altında olan Nüvədili kəndində doğulmuşdur, azərbaycanlıdır, tibb elmləri namizədidir. 1991-ci ildən ABŞ-da yaşayır. O, 60-cı illərdən başlayaraq Şumer-Azərbaycan-Türk əlaqələri problemləri ilə məşğul olur. Hal-hazırda Tariyel Vəli Nüvədili uzun illərdən bəri maraqlandığı və tədqiq etdiyi problem «Şumer dili Azərbaycan Türksüdür» mövzusu üzrə Amerika Birləşmiş Ştatları Konqres Kitabxanasının müəlliflik hüquqları ofisinin (United States Copyright Office, The Library of Congress) təqdim etdiyi şəhadətnaməyə malikdir. O, ABŞ-da nəşr olunan «Türk dünyası» (The Turkic world- yeni adı isə «Babylon-Azerbaijan») Beynəlxalq dərgisinin təsisçisi və baş redaktorudur. Tariyel Vəli Nüvədili Şumer-Azərbaycan-Türk əlaqələri üzrə apardığı araşdırmaların, xüsusilə, gil lövhələrdə qazılmış Şumer yazılı abidələrindən etdiyi tərcümələri və onlara verdiyi yeni izahları ingilis və türk dillərinə çevirərək «Türk dünyası» Beynəlxalq dərginin vasitəsilə bütün dünyaya yayımlayır.

¹ İlk dəfə çap olunub: «Dil və ədəbiyyat». Bakı, 2000, №2 (27), (F.Hüsənoğlu ilə şərikli).

Gil lövhələrdə qazılmış qədim şumer yazılarının tədqiqi, oxunuşu və gil lövhələrdən edilən yeni tərcümələr, bu xalq və onun dili barədə yeni faktik dil materialları şumerşünaslıqda yeni bir mərhələnin başlanğıcından xəbər verir.

Şumer mixi yazıları mətnlərindən müəyyən parçaların tədqiqinə, oxunuşuna, yeni tərcüməsinə, sözlərin leksik-semantik baxımdan şərhinə və şumerşünaslığın digər probleminə, xüsusilə Şumer-Azərbaycan-Türk ilgililə bağlı məsələlərə həsr edilmiş «Əcdad» kitabı öz yeniliyi, araşdırma üsulu və problemlərin həllinə yanaşma metodu ilə diqqəti cəlb edir.

«Əcdad» kitabı 1996-cı ilin sonunda ABŞ-ın Sietl şəhərində nəşr edilmişdir. Kitabda gil lövhələrdən edilən tərcümə mətnləri və mətnlərin sözlərinə verilən leksik-semantik izahlar dörd dildə türk, Azərbaycan, ingilis və rus dillərində verilmişdir. Tərcümə mətnləri həmin dillərin mütəxəssisləri tərəfindən redaktə edilmişdir. Türk dilinə tərcümə edilmiş mətn parçalarının redaktoru professor Qurtuluş Öztöpcü, ingilis dilinə edilmiş mətn parçalarının redaktorları Brayn Konul, Lesli Osborn, Barbara Braun, rus dilində olan mətn parçalarının redaktoru isə müəllifin qızı Tamella Tariyel Vəlidir.

Həcmi 472 səhifədən ibarət olan geniş formatda və nəfis şəkildə çap olunmuş «Əcdad» kitabı 19 bölmədən, ədəbiyyatdan və illüstrativ materiallardan (şəkillər və xəritələrdən) ibarətdir.

Birinci bölmə əsasən elmi-nəzəri məsələlərə həsr edilmişdir. Odu ki, birinci bölməni kitabda qoyulan və araşdırılan problemin bir növ elmi-nəzəri əsasları kimi də götürmək olar. Belə ki, bu bölmədə şumerşünas alimlərin, o cümlədən amerikan, ingilis, rus, polyak, alman və s. şumerlərin kimliyi, mədəniyyəti, müasir əcdadları barədə fikirləri və mülahizələri xülasə edilir və onların (alimlərin) bir-birindən xəbərsiz söylədikləri fikir və mülahizələrin bir nöqtədə qovuşduğu göstərilir («Əcdad», s.15). Bu bölmədə eləcə də şumerlərin dili və onun qohumluğu məsələlərinə geniş yer verilir («Əcdad, s.16»). Qeyd edilir ki, Şumer mətnlərinə açar tapdı. O, mətnləri oxuyub, onlardan bir tərəfdən Semit-Babil mənşəli sözlərin, digər tərəfdən də naməlum dil sözlərinin qarşılığı olduğu qərarına gəlmiş və onu «Akad», yaxud «Skif» və ya «Turan» dili adlandırmışdır.

Kitabın ikinci bölməsində şumer mixi yazılarının quruluşundan, onun oxunuşu qaydalarından, gil lövhələrdəki mətlərin oxunuşu və tərcüməsi ilə qarşıya çıxan çətinliklərdən bəhs edilir. Burada qeyd edilir ki, şumer gil yazılarını düzgün oxusalar da, onu düzgün tərcümə edə bilməmişlər. Müəllifin fikrincə, bu ondan irəli gəlir ki, ilkin yazı sistemini icad edən şumerlər çox mürəkkəb bir yolla getmişlər. Onlar təqribən 8 min il bundan əvvəl piktoqramlardan vaz keçib, civi yazıları icad edəndə, hər

heca üçün indiki anlamda dörd mıxı, yaxud oxu müxtəlif bucaq altında düzərək 600 işarə yaratmışlar və bu işarənin soldan sağa oxumuşlar ki, bunu da şumerşünaslar yazıda inqilab adlandırmışlar («Əcdad, s.26»).

Digər bir məsələ, görünür, ondadır ki, ilkin yazı sistemində durğu işarələrindən istifadə edilməyib və bu «səhv» Bisutun yazılarında aradan qaldırılıb. Belə ki, burada hər söz ayrı-ayrı yazılır və hər bir cümlənin sonunda dairənin içərisində verilən mıx nöqtə rolunu oynayır. İlk yazı sistemində durğu işarəsi olmadığından, şumeroqlar lövhənin əvvəlindən sonuna kimi gedən bir xətti (soldan sağa) cümlə hesab edir, sözlərin isə səddinin haradan başlayıb harada qurtardığını müəyyənləşdirə bilmirlər. Odur ki, bəzən iki, bəzən də üç Şumer - Azəri sözü birlikdə oxunduğu halda, bəzən yuxarıdakı xətdən aşağıya keçirilmiş söz sonluqları ayrı-ayrı söz vahidi kimi, adam adı, yer adı, hələ istəsəniz Allah adı kimi qəbul edilir («Əcdad, s.27»).

Bu bölmədə belə bir cəhət də xüsusilə vurğulanır ki, şumer mətnlərini oxuyan və tədqiq edən ilk tədqiqatçılar arasında türk və ya türkdilli alimlər olmayıb.

Görünür, bu səbəbdən də gil lövhələrdən oxunan sözlər əcnəbilər tərəfindən anlaşılmadığından parçalanıb, sözün hecası və ya səsi kökdən ayrılıb, tanınmaz şəkllə düşüb. Belə yazıtmar ənənə də bu şəkildə davam edib gəlib («Əcdad, s.18»).

Nəinki şumer yazılarında, hətta bugünkü yazılarda da Azərbaycan-türk sözlərinin səddini müəyyənləşdirməkdə qeyri-dəqiqliyə yol verir. Məsələn, «Dədə Qorqud» un dilində erməni sözü axtaran R. A. Baqramyan «Şu» əvəzliyinin yönük halındakı formasını (şu-na) tərkib hissələrə (Şun-a) şəkildə ayırır və bu nəticəyə gəlir ki, sözün kökü «şun»-dur və bu da erməni dilindəki «İt» sözüdür. Yaxud, tanınmış alim A. P. Pose-luyevski iltisafı quruluşdakı texnikanı nəzərə almadığından (şol, belə, mana) sözlərində anlautdakı elementləri (ş, b, m) ön şəkiçi adlandırmış və morfem səddini düzgün ayırmamışdır (F. Cəlilov Azərbaycan dilinin morfonologiyası, Bakı, 198. S.32-33). Verilmiş misalda dilin morfoloji quruluşu nəzərə alınmadığından, Azərbaycan-türk sözlərində kök və şəkilçi arasında sədd düzgün ayrılmamış və nəticədə tərcümə də düzgün alınmamışdır. Deməli, sözlərin, morfemlərin səddi düzgün ayrılmaqda edilən tərcümələr də düzgün olmur.

Kitabın sonrakı üç bölməsində (3,4,5) Enlil İsmə Dağanın bir şair, riyaziyyatçı, astronom və filosof kimi yaradıcılığından bəhs edilir. Burada gil lövhədən yenidən oxunub tərcümə edilmiş üç şerin üç dildə-Şumer, Azərbaycan-türk, ingilis-mətni və mətndəki sözlərin leksik-semantik izahı verilmişdir. İtaliyada nəşr edilən «Orentaliya» jurnalında V. Remerin alman dilində çap edilmiş tərcümə mətnində «Enlil» Allah adı kimi verilir, şer isə 6500 il bundan əvvəl Şumeriyanın ilkin hökmdarı olmuş İsmə-

nin şərəfinə yazılmış himn hesab edilir. («Die Hymnen des İsmə Dakan Bon İsin») və bu himni yazan əski müəllif Enlilə müraciətlə İsmənin qüdrətini və məharətinin daha da artmasını arzulayır («Əcdad», s. 42).

Lakin Tariyel Vəli Nüvədili etdiyi yeni tərcümələrin məzmunundan çıxış edərək belə qənaətə gəlir ki, «bu şerlər dünyanın, xüsusən də, Azərbaycan dünyasının ən əzəli, ən qədim qəzəlidir. Təbiətlə insanın münasibətinin, Enlil İsmə Dağının alov dolu təbiətinin müəyyən mənada təsvirinin, onun daxili aləminin fəlsəfi rəsmidir». Tariyel Vəlinin fikrincə, Enlil İsmə şairin adı «Dağın» isə (dağı aldırən anlamında) onun ləqəbidir. Müəllif iddia edir ki, Enlil İsmə Dağının qəzəlləri tarın, udun müşayiətilə oxunmuş. Belə ki, Enlilin şerlərinin birində elə uddan, udçudan söhbət açılır. E. Əlibəyzadənin fikrincə, «Bilçamis» dastanında təsvir olunan bir sahə bu fikri təsdiq edir: Şaxmat Elgüdünü çəkib mərkəzə-Ura gətirir:

«U yerdə ki adamlar şux geyimlə öyünür,
U yerdə ki hər günü toy bayrama dönür,
U yerdə ki ucalır arfanın sincin səsi,
Şahvələtli qadınların sonsuzdur əyləncəsi»
(«Əcdad», s.17-18).

Üçüncü bölmədə daha sonra müəllifin «Ulu Türkə (Şumerə) necə gedib çıxdım» məqaləsi və Enlil İsmə Dağının iri həcmli şerinin (poemasının) son hissəsindən edilən parçanın tərgüməsi və mətnin sözlərinin leksik-semantik baxımından izahı verilir. Tariyel Vəlinin yenidən tərcümə etdiyi bu şer parçası da «Orentaliya» jurnalında almanca Verner, R. Mayerin tərcüməsində çap olunub. Müəllifin öz yeni tərcüməsi əsasında gəldiyi qənaət belədir ki, alman dilinə tərcümə edilmiş bu şer məzmunu orjinaldakı məzmunundan uzaqdır. Tariyel Vəlinin fikrincə, bu poema dahi şair və astronomun-Enlil İsmə Dağının anasının ölümünə yazdığı mərsiyədir və şer in ağır anda sızıltısı, haradasa ona Şəhriyarın «Ey Vay Anam» poemasının dünyəvi dərini, bəşəri kədərini andırır («Əcdad», s.64).

Kitabın dördüncü və beşinci bölmələrində gil lövhədən götürülmüş vurma cədvəlini xatırladan bir riyazi material da verilib. Burada Enlil İsmə Dağının astronomik müşahidələrindən, onun astroloji və fəlsəfi deyimlərdən bəhs edilir. Müəllif gil lövhələrdən etdiyi tərcümə mətnlərin məzmunundan belə qənaətə gəlir ki, Ulduzların, Səyyarələrin, Bürclərin bir-birinə nisbətdə hərəkətləri, qarşılıqlı münasibətləri, çox hallarda fiziki xassələri, onların əsasında yerin tərkində baş alıb gedən və baş verəcək hadisələr barədə fikir və bu cür qanunauyğunluqlar toplusunu yazmağın mümkünlüyünü bir adamın adı gözlə müşahidəsi əsasında yazılmasını düşünmək sadəcə ağılasıqmazdır və çətin ki, inandırıcı ola. Müəllifin fikrincə, Enlil İsmə də digər yaxın ulu babamız Nəsrəddin Tusi

kimi dövrün güclü rəsədxanasına sahib olur və orada müasir elmi metodlar səviyyəsində müşahidələr aparılır, tədqiq edilir və gil lövhələrə yazılırmış («Əcdad», s.119). Bütün şumeroloqlar Enlil ilk yaradıcı allah hesab edirlər. Lakin gil lövhələrdən etdiyi yeni tərcümə mətnlərinin məzmununa əsaslanan Tariyel Vəli iddia edir ki, Enlil yer adamıydı, insanlar arasında gəzirdi, yaşayırdı, nəfəs alırdı, tədqiq edirdi, düşünürdü və əldə etdikləri inciləri gil lövhələrə yazırdı. Dahilik zirvəsini fəth etmiş bu insana Allah kimi də səcdə etməyə dəyər. Sözsüz, O, nəzərimizdə Allah kimi yaşayacaq, lakin bununla belə, O, uzaq müdrik əcdadımız da, bizim kimi ölümə düçar olan üçölçülü «cism» idi, damarında Azəri türklərinin qanı axan, Adəm babamızdan aldığı yaşarı genlərlə fəaliyyət göstərən bioloji varlıq idi. Yer oğlu, torpaq oğluydu. O, bütün əsrləri yarib keçən, hamını heyrətdə qoya biləcək elmi əsərlərin müəllifi görkəmli Azərbaycan alimi idi. Buna şübhə yoxdur («Əcdad», s.67).

Kitabın altıncı bölməsində Hun qızı Bidanın (Bida-yeganə anlamında) «Həmədən kuku» adlı şerinin dörd dildə (şumer, Azərbaycan-türk, ingilis, rus) verilmiş tərcümə mətnlərindən və şerin sözlərinin leksik-semantik izahından, habelə həmin şerin başlığını «Ersəhunqa duaçısı» kimi verən Pyotr Mikolovskinin tərcüməsinə bildirilən münasibətdən bəhs edilir. «Həmədən Kuku» şerində Kür və Araz çaylarının adı çəkilir və Bida adlı bir şairənin Həmədanda Ququ quşu ilə söhbətindən bəhs edilir. ABŞ-ın Kaliforniya Universitetinin Azəri-Türk dili müəllimi prof. Qurtuluş Öztörçünün dediklərindən: «Qadın şairəmiz Hun qızı Bida «Həmədən Kuku» şeri ilə Vətən ayrılığının ağır dərini gil lövhələrdə qazıyır. Araz dərdi və Kür kədəri onun şerinin əsas mövzudur və bizim bu Nehir adalarına ilk dəfə bu şerdə rastlaşmağımız da təsadüfi deyildir» («Əcdad», s.408).

Tariyel Vəli Nüvədili şer parçasında adı çəkilən və təsvir olunan rəqsi bütün bədənini örtülmüş, gen ətəkli və gen uzunqollu, ağ əbaya bürünmüş, başında qırmızı türk fəsi olan fanatik dərvişlərin qədimlər qədimi uzun-uzadı türk muğamatı üstündə sızlayan naləsi altında saatlarla yerində fırlanma ilə ifadə edilən və hal-hazırda Türkiyədə də mövcud olan «Dönər rəqsi» nə oxşadığını və onun əlamətləri ilə eyni olan bir rəqs olduğunu göstərir («Əcdad», s.179). Bu bölmədə daha sonra gil lövhələrdə ən çox rast gəlinən gün adı Şabatdan (Şənbə) söhbət açılır. Tariyel Vəli Nüvədili yazır ki, məşhur Şumeroloq N. S. Karmərə görə, Şabat şumerlərdə dini bayram günü kimi qeyd edilib və mütləq bazar gününə uyğundur və, heç şübhəsiz, yəhudilər özlərinin Şabat sözünü onlardan iqtibas ediblər («Əcdad», s.185). Lakin Tariyel Vəlinin fikrincə, bütün faktlar şumerşünas alimlərin Şabatın şumerlərdə bazar günü kimi qeyd edilməsi fikrini təkzib edir. O, Enlil İsmədən etdiyi tərcümələrdə rastlaşdığı faktlara əsaslanaraq göstərir ki, Şabat (şənbə) şumerlərin ən çox

qiymət verdikləri bir gün idi və o, həftənin başlanğıc günü sayılırdı. Müəllif dil faktorlarına əsaslanaraq göstərir ki, nəinki yəhudilərə işlənən həftənin günləri (Yom Şabat, Yom Şaniç, Yom Şləəşn, Yom Şəəşi), farsların işlətdiyi həftənin günləri (Yekşənbə, Düşənbə, Səşənbə, Çaharşənbə), ermənilərin də işlətdikləri həftənin günlərinin adları (şapat, Erquşabat, İrekşabat, Çurekşabat, Hinkşabat), habelə ərəblərdə işlənən «Assebet»-şənbə, ruslarda işlənən «subbotə» sözləri şumerlərdən iqtibas edilmişdir («Əcdad», s.185).

Səkkizinci bölmədə gil lövhələrin tədqiqi jurnalında (Journal of Cuniform studies, cild 42, №1, 1990) Viktor Horovits və Qudnik Vostonholzun gil lövhələrdən ingilis dilinə edilmiş tərcüməsindən və bu tərcümə əsasında Tariyel Nüvədilinini etdiyi yeni tərcümə mətninin məzmunundan və ona verilən izahatdan bəhs edilir. Müəllif qeyd edir ki, ingilis dilinə çevrilmiş bu kiçik həcmli şerlərin kimə-Tiqlət, Piləssərə, yoxsa Hərəm Sinə həsr edildiyi aşkarlamaq çətindir. Tariyel Vəli yeni tərcüməsində bu kiçik həcmli şerlərin Rübailər olduğunu və onların çar Sarqonun nəvəsi hökmdar Hərəm Sinə məxsus olması qənaətinə gəlir. Şerlərin məzmununa və «nər», «sin» sözlərinin mənşəyinə və semantikasına (azman sinli, nər yaşlı) əsaslanan müəllif Hərəm Sinin Şumer-Azərbaycan şairi olmasına iddia edir («Əcdad», s. 20).

Doqquzuncu bölmədə Şəmsi Ədəd Abinin gil lövhələrə qazdığı (yazdığı) mərsiyədən, hetitlərin ərəblər tərəfindən soyqırırma məruz qalmasından bəhs edilir. Şəmsi Ədədin bu əsəri Yorqan Laosse və Torkid Yakobsonun «Bir daha Şik-Şabbum barədə» adı ilə «Gil lövhələrin tədqiqi» (Journal of Cuniform studies, cild 42/2 1990) çap edilmiş məqaləsi əsasında yenidən tərcümə edilmişdir. Şəmsi-Ədəd Abidən etdiyi yeni tərcümə mətninin məzmununa əsaslanaraq Tariyel Vəli yazır: «Biz ilk dəfə «türk» adına Azəri türkünə gil lövhələrdə hələlik Şəmsi Ədəd Abinin yaradıcılığında rast gəlirik. Mixi yazılı bu iri əsər bizim üçün qiymətsiz olan elə bir tarixi reallığı əmanət qoyub ki, onun vastəsilə biz öz kokümüzü dəqiq müəyyən etmiş oluruq. Mən əski müəllifin «Şanutamaşum vardı, Kas Atəşpuram»- I have had glory, but it's melted, I'm fire lightning- an- aydın deyilən kəlamın nəzərdə tutur və qeyd edirəm ki, müqəddəs Babil, Türkü torpaqlarında minillərlə inandığı «Od» söznü öz Adər, Azər, Odəri adlı nüvəsində qoruyub saxlaya bilib. Və bu inam da min illərlə onun həm fiziki, həm də mənəvi soyqırırma məruz qalması üçün əsaslardan biri olub. Bu əsərdə də öz əksini tapmış genosid öz başlanğıcını, yəqin ki, 3000-3500 il əvvəl başlayıb və minillər boyu da davam edib» («Əcdad», s.211).

Onuncu bölmədə naməlum müəllifin İraq dilçisi Fərrux Əl-Ravinin «D'Assyrologie et D'Archeologie Orientale» jurnalında çap edilmiş «A new Hymn to Marduk from Sinnap» adlı məqaləsinin yenidən incələnməsinə

məsindən bəhs edilir. İraq dilçisi bu şerin məzmununu Marduk allahına söylənən himn kimi başa düşür. Lakin Tariyel Vəli göstərir ki, şeri məzmununa görə «Mardukun himni» kimi deyil, «Mardukun qəzəbi» (The page of Marduk) adlandırmaq daha məntiqlidir. Çünki bu şerdə söhbət Hetit elində (indiki Orta Anadolu) vulkan püskürməsinin elmi təsvirindən gedir («Əcdad», s.277).

Onbirinci bölmədə naməlum müəllifin gil lövhələrə qazdığı «Atda sulu qabar xəstəliyi» dən, baytar məsləhətindən və bu xəstəliyə qarşı o dövrdə işlənən məlhəmlərdən bəhs edilir. Gil lövhələrdən etdiyi tərcümə mətlərinin məzmununa müəllif öz təəssüratını belə ifadə edir: «Öz orijinallığı, elmi səviyyəsi və müasirliyi ilə fərqlənən mətn adamı valeh etməyə bilmir. İnanmaq olmur ki, bütün bunlar 4-5 min öncə gil lövhələrə qazılıb. Baytarlıq elmini bu dərəcədə yüksək mərtəbəyə çatması adamın matını-mutunu qurudur. Burada həkim çoxlu dərman bitkilərinin adını çəkir, onlardan necə istifadə etmək yollarını səbrlə göstərir. Onların təsiri olmadan ata necə cərrahi yardım göstərmək metodunu da dəqiq qeyd edir. Mətnə sap xəstəliyinə tutulmuş ata gigiyenik və dəqiq pəhriz qulluğundan daha çox söhbət gedir ki, bu da öz-özlüyündə təəccüb doğurur. Mətnə indi də tibbidə və baytarlıqda istifadə edilən Zəncinin (misbulfatın-göydaş), səlisl turşusunun-aspirin preparatlarının adı çəkilir və müasir formakologiyanın gigiyenanın, fiziologiyanın, cərrahlığın bütün tələbləri və mexanizmləri ilə dolu olan informasiyalara rast gəlinir» («Əcdad», s.293).

On ikinci bölmədə «Müqəddəs İncildə (Şumer) Azəri-Türk ulularımız barədə» rast gəlinən və söylənilən fikirlərin təhlilindən, on üçüncü bölmədə isə, gil lövhələrdən edilən tərcümələrdən və kitabdan çıxan praktik nəticələrdən bəhs edilir.

On dördüncü bölmədə Tariyel Vəli Nüvədilinin özünün yazdığı «Ader beyt an-Azərbaycan» adlı poemasının mətni və məzmununa dair bəzi qeydlər verilmişdir. Məzmununu xalq şairi Səməd Vurğunun «Böyük bir keçmiş vardır», «Bilinməyir yaşın sənin», «Nələr çəkmiş başın sənin» misraları ilə həmahəng səslənən, qəlbləri rıqqətə gətirən, ürəkləri sızıldadan bu poema, müəllifin dediyi kimi, Şumer deyilən Azəri Türkünün yüz minlərlə Gil yazılı sap namələri ilə dolu olan, ucu-bucağı görünməyən şanlı tarixinə, min illərlə sinəsinə çəkdirilmiş çalın-çarpaz dağlar nəticəsində özünə yadlaşdırılan, başı min bəlalər çəkən, lakin öz torpağına daima sədaqət bəsləmiş Güneyli, Qüzeyli Azəri türklüyünə ithaf edilir.

Kitabın sonrakı bölmələrində XIV-XV əsrdə yaşamış böyük Azərbaycan şairi Nəsiminin, habelə müasir ziyalılarımızın Azərbaycan xalqının ulu və dərin kökləri barədə fikirləri, kitabdan çıxarılan praktik

təkliflər, müəllif barədə informasiya və kitabın məzmunu barədə türk ingilis və rus dillərində qısa xülasələr verilmişdir.

Beləliklə, Tariyel Vəli Nüvədilinin gil lövhələrdən etdiyi yeni tərcümələr əsasında Şumer-Azərbaycan-türk dillərinin ilgilərini qeyd etmək olar.

Şumerlərin müasir sələfləri və dili barədə dünya ictimai-elmi fikirlərin vahid istiqamətə yan alan müddəalara və nəticələrə malik olması («Əcdad», s.18), şumer dilinin yalnız və yalnız türk dilləri ilə müqayisə edilə bilməsi və bu dilin tipinə və quruluşuna görə türk dilləri ilə oxşar olması («Əcdad», s.16), Şumer gil yazıları mətnlərinin tədqiq edən ilk tədqiqatçılar arasında türk və türk mənşəli alimlərin olmaması qeyd olunur («Əcdad», s.18). Belə ki, Şumer gil yazılarında sözlərin və cümlələrin səddini göstərən işarələrin olmaması, bu yazı sisteminin oxunuşu, sözlərin və cümlələrin səddinin müəyyənləşdirilməsi bir növ xətti kros-vorddakı sözlərin oxunuşunu xatırladır, yəni bir-birinin ardınca zəncir kimi düzülmüş seqmentləri (fonemləri) istənilən seqment kəmiyyətində sözə və şəkilçiyə (prefiks, suffiks) bölüb oxumaq olar. Belə bölgü prinsipində, şübhəsiz, subyektiv amillər istisna edilmir. Madam ki, dilçi alimlər (şumerşünaslar) şumer dilinin yalnız türk dilləri ilə (rus alimi L. Reder və b. «Əcdad», s.16) müqayisə edilə bilməsini vurğulayırsa, deməli, bu halda şumer gil yazılarında sözlərin və cümlələrin səddi, kök və şəkilçilərə ayrılması mexanizmi də türk dillərinin morfoloji qanun-qaydalarına uyğun aparılmalıdır. Çünki sözlərin kök və şəkilçi səddi düzgün ayrıldıqda, alınan nəticə, o cümlədən edilən tərcümə də doğru olmayacaq. Məsələn, «Şu» işarə əvəzliyinin «şun-a» formasında olduğu kimi.

Tariyel Vəli məhz belə bir məntiqi nəticədən çıxış edərək, ondan əvvəl gil lövhələrdən edilmiş tərcümə mətnlərini «Azərbaycan-türk qəlbinə salaraq, onları yenidən tərcümə mətnləri arasında olan ciddi məzmun fərqlərini aşkara çıxarmışdır. Bu barədə E. Əlibəyzadə yazır: «Tariyel Vəlinin tədqiqatlarında diqqəti cəlb kədən işıqlı cəhət «mətnlərin qəlibə salınması» və yalnız bunun sayəsində onlarda ulularımızın qazdıqları fikri, ifadələri, təfəkkür tərzlərinin açılışına yanaşmaqdir. O, əvvəlcə mətnin sözlərini müvafiq «Azərbaycan qəlbinə» salıb, sonra bunların, doğurdan da, bizim sözlər olduğunu, Azərbaycan, müasir və qədim türk, Orxon-Yenisey lüğət fondlarında onların varlıqlarını müəyyən etdikdən sonra açılışına çalışıb, mənalarını tapıb. Və o sözlərin hamsında dünya şumerşünaslarına isbat etmək üçün ingiliscəyə çevirərək hər qəzəldən sonra şumerçə-azəricə-ingiliscə lüğət verib. Bu cür yanaşma isə mətnlərin düzgün olmasını və ayrı-ayrı sözlərin quruluşunu müəyyən etmək və mənasını dəqiqləşdirmək işində çox böyük nailiyyətdir, cəsarətlə demək olar ki, bu kəşfdir» («Əcdad», s.18).

Tariyel Vəlinin tədqiq etdiyi, araşdırdığı problem və onun gəlidiyi nəticələr, irəli sürdüyü mülahizələr digər elmi sahələrin mütəxəssislərinin araşdırmaları ilə onların gəldikləri nəticə və mülahizələrlə bir növ üst-üstə düşür və onlarla həmahəng səslənir. Belə ki, Tariyel Vəli Nüvədilin fikir və mülahizələri və gəlidiyi nəticələr Xudu Məmmədovun və onun tələbələrinin «Naxışların yaddaşı», Nurəddin Rzanın «Xudu açarı», Baloğlan Şəfizadənin «Zərdüş, Avesta, Azərbaycan», E. Əlibəyadənin «Ana kitablar», Oljas Süleymanovun «Az mən», Mirəli Seyidovun «Azərbaycan xalqının soykökünü düşünərkən», Qiyasədin Qeybullayevin «Azərbaycan türklərinin təşəkkül tarixindən», Rafiq İmraninin «Azərbaycan muğan janrının yaranması və inkişaf tarixi», İsa Musayevin «Dil yaddaş vətən vətəndaş» kitablarında, habelə «Uzaq yaxın Şumerdə» (Aydın Məmmədov), 4-9 əsrlərin gürcü-erməni qaynaqlarında (Voroşil Quqasyan), memarlıq incilərində (Davud Axundov), Qədim şərqin miflərində (Ağayar Şükürov), Qobustan qayalarında (Cəfər Cəfərov), gənc Camal Abdullayev, məşhur Norveç səyyahı (Tur Heyerdal), Qərb Azərbaycan ərazisində Bakıya gətirilən Ulu Türkün daş runi yazılarında (Həmzə Əliyev), bütün dünya dillərinin Ulu Türk dilində birləşdiyində (Məhər Aşurov), tətbiqi sənət əsərlərinin ulu ornamentlərində (Kubra Ulusoy, Mətanət Abdullayeva) özünə söykək və dəstək tapır (Bax-«Babilon-Azərbaycan» vol. 1 N1, USA, Seattle, 13.

СУВЕРЕНИТЕТ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА¹

1.С приобретением независимости Азербайджана возникла острая необходимость пересмотра языковой политики в нашей республике. В годы советской власти азербайджанскому народу была навязана идея о том, что народ является двуязычным и что у него имеется два родных языка, что вызывало возражение у многих азербайджанцев, так как сама идея о том, что народ исторически характеризуется большой толерантностью в языковом отношении, хотя азербайджанский язык, не будучи языком империи, широко применялся на огромной территории южного Кавказа. Достаточно вспомнить в этой связи европейских и русских писателей и просветителей (М.Ю.Лермонтов. Полное собрание соч. Т.4, ч.2.-Л., 1940, с.524; А.фон Гакстхаузен. Т.2. – СПб., 1857, с.52 и т.д.).

¹Впервые опубликована в: Сборник тезисов конференции «Языки России в Европейском измерении». Москва, 2001, с. 22-24

2. Совершенно очевидно, что сегодня та языковая политика, при которой народу навязывалось два родных языка, никого не устраивает в Азербайджане. Поэтому с первых дней суверенитета, можно сказать, даже задолго до этого, среди азербайджанской интеллигенции развернулась живая дискуссия относительно той политики, которая должна была проводиться в молодом независимом государстве. Результатом первой реакции тогдашней власти в Республике было создание комиссии по изучению общественного мнения о возможности восстановления алфавита на латинской основе, о целесообразности перехода на который говорил еще Л.В.Щерба на первом тюркологическом съезде, проходившем в Баку в 1926 году и который был заменен в годы Сталинской репрессии. В 1992 году по предложению Государственной Комиссии по алфавиту Парламент республики принял решение о восстановлении алфавита на латинской основе. Следует отметить, что этим актом было заложено начало новой языковой политики в АР. Основное кредо ее сводится к тому, что язык как сокровище является одним из идентификационных признаков самого народа, должен быть признан первым и основным средством общения во всех уголках страны. Такая постановка вопроса ни в коем случае не должна ущемлять права других языков, в первую очередь, языков этнических меньшинств.

3. Учитывая экономическую, правовую, политическую и культурную интеграцию Азербайджана в европейские структуры, мы предлагаем такую языковую концепцию Азербайджана в европейские структуры, мы предлагаем такую языковую концепцию, в которой обосновывается новый подход к языковой политике в нашей Республике (см.: Ф.Ядигяр. Суверенитет и иностранный язык: теории и проблемы». «Теоретические и практические проблемы преподавания иностранных языков». Материалы конференции, проводимой 20 мая 1995 г. в университет Хазар г. Баку. 1995. с.67-69). Суть этой концепции вкратце сводится к следующему: а) каждый гражданин нашей республики должен знать теоретический минимум пять языков. Первое место среди них занимает, естественно, родной, который используется в качестве средства общения с окружающими и близкими в пределах конкретного региона, где он родился и вырос. Азербайджанцы, компактно проживающие на своей исторической родине в Грузии (Борчалинская низменность) или в России (г.Дербент) первым овладевают азербайджанским языком, так как именно этот язык удовлетворяет их коммуникативную потребность. Обучение в начальной школе должно вестись на этом языке. Этот язык можно называть языком обихода; б) второе место в языковой концепции при-

надлежит государственному языку. Каждое государство имеет определенные атрибуты, среди которых важнейшим является язык. В нашей Республике таковым является азербайджанский язык, который прошел длительный исторический процесс формирования, являясь носителем огромной информации, на этом языке творили свои всемирно известные сочинения многие мыслители азербайджанского народа. Каждый гражданин республики должен знать этот язык. Все законодательные акты государственных структур, теле-, радиовещание, обучение и т.д. должно вестись на этом языке; в) третий язык в этой концепции можно было бы назвать фундаментальным языком, который должен быть включен в учебный план всех средних и высших школ. Его обучение можно начать с пятого класса. Большинство населения республики не пользуется языком обихода, так как у него понятие родного языка совпадает с государственным.

Фундаментальным у нас может быть или русский или английский язык. Если сфера деятельности человека или общества выходит за пределы СНГ, тогда, пожалуй, необходимо изучение английского языка. Его преимущество заключается в том, что современный человек обменивается потоком информации и язык этой информации должен быть изучен основательно; г) в реальной деятельности человек оказывается в таких ситуациях, где знание вышеуказанных языков недостаточно. Например, оказавшись на юге Италии, автор этих строк не мог общаться с местным населением, хотя были бесполезно. Надо было прибегнуть либо к итальянскому, либо к французскому, либо к испанскому. Таким образом ввиду незнания этих языков взаимодействие было достигнуто паралингвистическими средствами. Мы называем это языком экстренного общения и, наконец, в отдельных случаях необходимо знание еще одного языка, который связан с профессиональной деятельностью человека. Этот язык можно было бы называть профессиональным или узкопрофессиональным. Например, если человек ставил перед собой задачу исследовать особенности творчества великого азербайджанского писателя Низами, то ему необходимо изучить персидский язык, так как без знания этого языка данный исследователь Низами в оригинале читать не сможет. Таковым может быть любой другой язык, если по определенным причинам наши сограждане выезжают за пределы республики, где они будут жить постоянно. Таким образом, языковая политика должна базироваться на сбалансированном многоязычии, которое включает в себя теоретически знание минимум пяти языков, среди которых довольно-таки длительное время важное место должно быть отведено русскому языку, так как для многих граждан республики

единственным источником получения информации пока является именно русский язык.

SƏYADULLA MUSA OĞLU BABAYEV¹

I. 1939-cu ildə Şimali Azərbaycanın cənub bölgəsinin bağlı-bağatlı guşəsində dünyaya göz açmış balaca Səyadın valideynlərinin, heç özünün də, ağına belə gəlməzdi ki, o gələcəkdə professor olacaq nəinki doğma kəndinin, rayonun, bölgənin, həm də respublikanın sayılıb seçilən adamlarından biri olacaq. Uşaqılıq və gənclik illərində çətinliklə üzleşən Səyad müəllim inamla həyatın keşməkeşli yolları ilə irəliləmişdir. Doğma məktəbdə pioner baş dəstə rəhbəri kimi çalışan, orda hərbi xidmətə gedən, sonra da Bakıda Neft mədənlərində fəhlə kimi müstəqil həyata atılan Səyad müəllim bir an belə ingilis dili müəllimi olmaq arzusundan ayrıla bilmirdi. Elə bu istək onu Azərbaycan Pedaqoji Dillər İnstitutuna gətirir. 50-ci illərin sonu və 60-cı illərin əvvəllərində təşkil olunmuş bu institut Azərbaycan ali məktəbləri içərisində o zamankı gənclərin ən sevimlisi idi desək, yanılmırıq. Həmin dövrdə bu institutda öz sözüünün ağası olan, dərin biliyi və saf əxlaqi-mənəvi keyfiyyətləri ilə gənclərə hər zaman örnək olan sanballı ziyalı alimlər, ustad müəllimlər-pedaqoqlar çalışırdılar. Q.Bağirov, H.Bayramov, C.Cəfərov, Q.Məmmədli, S.Vəliyev, İ.Cabbarzadə, A.Yusifzadə və başqaları o zamankı institut həyatında dərin iz buraxmış, seminar və mühazirələri yüksək səviyyədə təşkil etmiş, xalqımızın balalarına təmənnəsiz bilik vermişlər. Başqa amalı olmayan bu cür müəllimlərin ağır zəhmətinin bəhrəsi Səyadulla müəllim və onun həmyaşıdlarının yaradıcılığında özünü aydın bürüzə verirdi. Ümumiyyətlə, 50-60-cı illərin gəncləri institutumuzun tarixində parlaq səhifə təşkil edir. Həmin illərdə APDİ-ni əla qiymətlərlə bitirən S.Babayev İnstitut Elmi Şurasının qərarı ilə ingilis dilinin fonetikasi kafedrasında müəllim kimi saxlanılır. Əslində o dövrdə ali məktəbi bitirən hər bir məzun üçün belə bir qərar ən böyük etimad idi. O dövrdə ADPI Səyad müəllimin özü kimi gənc idi. Bu ali məktəbdə milli kadrlar yox dərəcəsinə idi. Həm də institutun elmi potensialı zəif idi. Xarici dillər üzrə elmi dərəcəsi olan müəllimlər demək olar ki, yox idi. Elə buna görə də institutun o zamankı rəhbərliyi (dos. Q.K.Məmmədli rektor idi, Allah ona qəni-qəni rəhmət eləsin) bacarıqlı gəncləri irəli çəkməklə kadr problemini həll etməyə çalışırdı. Məlumdur ki, o dövrdə xarici dillərin öyrənilməsində elmi-nəzəri konsepsiya ana dilini dilöyrənmənin

¹ İlk dəfə çap olunub: „Ümumi dilçilik, Azərbaycan dilçiliyi, fonologiya“. Bakı, 2002.

mərkəzinə qoymaqla şüurluluq və müqayisə metodlarına önəm verirdi. Elə bizim nəsil də o dövrdə yürüdülmüş düzgün kadr siyasətinin nəticəsində yetişib, ərsəyə çatmışdır.

Aspiranturanı uğurla başa vuran S.Babayev sintaksis və fonetikanın qovuşugunda olan məsələnin-“İngilis və Azərbaycan dillərində feli bağlama tərkibli sadə cümlələrin intonasiya xüsusiyyətlər” adlı namizədlik dissertasiyasını uğurla müdafiə edərək, xarici dillər üzrə ilk elmlər namizədlərindən biri oldu. Elə Səyadulla müəllimin ilk elmi məqalələri də 60-cı illərin ortalarında işıq üzünə görməyə başlayır.

Kəçən əsrin 60-cı illəri bütün Azərbaycanda olduğu kimi, bu balaca ali məktəbdə də elmin və təhsilin çiçəklənməsi dövrü idi. Dilçilik elmində fonem nəzəriyyəsi inqilab yaratmışdı. Dilin sistem və struktur xüsusiyyətlərini ən mütərəqqi tədqiqat metodları ilə öyrənilməyə başlanırdı. Mərhum professor N.Ağazadə, Z.Tağızadə, A.Abdullayev, M.Tağıyev, H.Bayramov, N.Məmmədov və başqalarının yeni düşüncə tərzini, o zamankı fonetika və fonologiya sahəsində fundamental tədqiqatları ilə şan-şöhrət qazanmış, hazırda AEA-nın müxbir üzvü, əməkdar elm xadimi A.Axundov, tələbələrlə elmi müzakirələrdən qaçmayan alimlərdən AEA-nın müxbir üzvü T.Hacıyev, prof. Y.Seyidov bu ali məktəbin inkişafında və kadr hazırlığında əvəzsiz xidmətləri olan alimlərdəndir. İlk dəfə bu ali məktəbdə mərhum professor Z.Tağızadənin rəhbərliyi və C.Cəfərovun yaxından köməkliyi ilə eksperimental fonetika laboratoriyası yaradıldı. Səyadulla müəllim fanatikcəsinə bu sahəyə vurulmuş həmkarları ilə birlikdə sintaksis və fonetikanın bağlılığına sübut ola biləcək yeni-yeni tədqiqatlara başladı. O öz rəhbərlik etdiyi ingilis dilinin fonetikasi kafedrası ilə birlikdə son dərəcə səmərəli elmi fəaliyyətə başlayır və bunun nəticəsi olaraq bu elm ocağında onlarla dissertant və aspirant namizədlik dissertasiyalarını yazıb uğurla müdafiə edirlər. Uzun illər institutun rektoru olmuş AEA-nın müxbir üzvü Z.Verdiyevanın yüksək təşkilatçılıq qabiliyyətilə rəhbərlik etdiyi APXDİ-də prorektor vəzifəsində çalışan S.Babayev (1973-92) bir an belə öz yaradıcılığını dayandırmadı və məhz o elmi fəaliyyətin nəticəsidir ki, prof. S.Babayev Yenidən ADU-dakı doğma kafedrasının rəhbərliyinə qayıtdı. İndi Səyadulla müəllim öz yetirmələri ilə (onların içərisində xeyli filologiya elmləri namizədi, hətta filologiya elmləri doktoru da var) çiyin-çiyinə verərək, müstəqil Azərbaycanımızın bu günü və sabahı üçün layiqli kadr hazırlığı ilə məşğul olur.

II.Professor S.Babayevin elmi yaradıcılığı çoxşaxəli və rəngarəngdir. İlk məqalələrini müqayisəli dilçilik aspektində çap etdirən S.Babayev müxtəlif sistemli dillərin intonasiya sahəsindəki axtarışlarını həvəslə və maraqla davam etdirir. S.Babayev bu poblema həsr etdiyi

namizədlik dissertasiyasını tamamlayır və onu uğurla müdafiə edərək, respublikamızda sintaktik fonetika sahəsində ilk kövrək addımlarını atır. Sonralar onun bütün elmi yaradıcılığında şifahi nitqin tədqiqi mühüm yerlərdən birini tutur. O, bir-birinin ardınca danışıqın fizioloji-akustik cəhətlərindən bəhs edən məqalələr yazır, sintaqmanın melodik səciyyəsinə verməyə çalışır. Danışq aktının formalaşmasında iştirak edən ən mühüm intonasiya parametrlərindən olan müxtəlif ton hərəkətlərinin relevantlığını açıb-göstərməyə çalışır. Səyadulla müəllim dilin seqment və superseqment vasitələrinin vəhdətini əsas götürür, onlardan hər birinin ayrılıqda tədqiqinə xeyli yer ayırır. Müasir ingilis və Azərbaycan dillərində melodik konturların xüsusiyyətlərini araşdıraraq S.Babayev eşitmə-anlama sahəsində tələffüz vərdişlərinin aşılmasına, onların yerinə yetirdiyi funksiyaları eksperimental-fonetik tədqiqat metodlarının köməyi ilə açıb-göstərməyə nail olur. O, bu sahədə apardığı tədqiqatların nəticələrini Daşkənddə (1981), Moskvada (1982) və Təbrizdə (1992) keçirilən konfrans və simpoziumlardakı məruzələrində geniş işıqlandırmışdır.

70-ci illərdən sonra Səyad müəllimin yaradıcılığında tipoloji tədqiqatlar mühüm yer tutur. O, müxtəlif sistemli dillərin fonetik qurumunu quraşdıraraq, kontrastları müəyyənləşdirməyə çalışır ki, bu da bilavasitə tətbiqi dilçiliyin problemlərindən sayılır. Bütün tədqiqatlarını və elmi axtarışlarını, habelə pedoqoji fəaliyyətini ümumiləşdirərək S.Babayev həmkarı M.Qarayeva ilə Azərbaycan auditoriyasının tələblərini nəzərə alan “İngilis dilinin fonetikasi” (1983) dərsliyini yazır. Həmin dərslik müəllim və tələbə kollektivi tərəfindən maraqla qarşılır və ona görə də təxminən 15 ildən sonra yenidən çap edilərək oxucuların istifadəsinə verilir.

S.Babayev təhsilin müxtəlif səviyyələri üzrə vəsait, proqram və dərsliklər hazırlamışdır. Məsələn magistr pilləsi üçün hazırladığı fonologiya fənnindən proqram öz yeniliyi ilə diqqəti cəlb edir. Bundan başqa S.Babayev respublikamızın görkəmli alimlərinin yaradıcılığından bəhs edən bir sıra məqalələrin müəllifidir. O, bədii ədəbiyyatın tərcüməsi sahəsində də öz qələmini sınamışdır. Belə ki, S.Babayev C.Cabbarlının “Firuzə” hekayəsini ingilis dilinə tərcümə etmiş, S.Vurğunun “Vaqif” dramı haqqında ingilis dilində məqalə çap etdirmişdir.

Biz, professor Səyadulla Musa oğlu Babayevin anadan olmasının 70 illiyini təbrik edir, elmi və pedoqoji fəaliyyətində ona uğurlar arzu edirik.

PROFESSOR, DOCTOR
FAKHRADDIN YADIGAR (VEYSALLI) – 60¹

Professor FAKHRADDIN YADIGAR oğlu VEYSALOV was born in 1943 in city of Kurdamir of the Azerbaijan Republic. After graduated his native high school in Kurdamir he entered in Azerbaijan State Pedagogical University of Foreign Languages and graduated from there with honor's diploma.

In 1973 he maintained the thesis of candidacy and immediately became to work in own University as an assistant of professor. Since 1974 he made his career working as chief of the Department of Phonetics, Dean of the German Language and Rector of the Azerbaijan Pedagogical University of Foreign Languages. At present he is the Chief of the Department of Phonetics, Grammar and History of German Language.

In the years of 1977-1978 he was detachment to the Germany where he worked out and completed his Doctoral Thesis in Berlin and maintained it in Leningrad (S.Petersburg) in 1981. Dr. Yadigar became the first and the only Philosophy Doctor by Germanic Languages in his Republic.

He is professor from 1983 and prepared 25 candidates of philology. He is the author of 8 books and more than 50 articles dedicated to the global problems of Germanic Languages, which have been published in popular journals of the world. He has translated two books from German into Russian and Azeri Turkish whose authors are recognized all over the world as outstanding linguistics. One of them is Roman Jakobson's book „Kindersprache, Aphasie und Allgemeine Lautgesetze“ was translated into Russian in 1993 and the other is N.S.Trubetzkoy's book „Grundzuge der Phonologie“, which has been translated into Azeri Turkish in recent years.

Being Full Member of International Phonetic Association he participated and gave talk at the Congress of the Society. Besides, he participated and gave lectures at the World Congress of German Teachers by the problems of bilinguals. At present Prof. Yadigar is the Chairman of the Section of European Literature and Languages. As a membership of International Journal “Babylon-Azerbaijan” he encourages it and helps in creation of each its new number.

Some books on linguistics has been appeared since the Azerbaijan Republic gained her sovereignty. On these works Prof. Yadigar's book

---

¹Илк дѣя чар olunmuşdu: Babylon-Azerbaijan. Seattle, USA. Vol. 3., № 1 [3], 2003

“An Introduction To Germanic Linguistics” (Baku, Qizil Sherq, 2001, 291pp.) attracted the attention of most linguists.

The purpose of the book is to present an introduction to the problems of up-to-date linguistic study of the Germanic Languages on systemic-structural basis, sustained by demonstrations of applying modern analytical techniques to various linguistic phenomena. The immediate aim of the author is to supply the students with such linguistic information, which will enable them to independently improve their linguistic qualifications through reading the available works on linguistic qualifications as well as materials in linguistic journals.

The book, containing a short theoretical outline of the Germanic languages, it is meant that as a value manual it is intended for departments of the Foreign Languages, Faculties in Teachers Training Colleges and Universities. It is intended for students, teachers, postgraduate students, bachelors and masters who are interested and explored in the Germanic languages.

The book contains seven chapters and about 300 pages including diagrams, pictures of geometric figures in linguistic, anatomic structures of speech organs of human body, spectrograms and sonograms of many Germanic words and charts. The first chapter deals with the aims and tasks on the manual and its role in training high educated national specialists.

The second chapter contains short historical descriptions of the Germanic languages. The following five chapters are devoted to descriptions of lexical, phonetic-phonological and grammatical (morphology and syntax) peculiarities of the Germanic languages where the systemic-structural and other peculiarities of the Germanic languages are described in the light of modern linguistic theories, methods and experiments of the different researchers including the authors’.

From the name of all our readers, his students and his friends and colleagues we are congratulating Professor, Doctor Fakhraddin Yadigar with his 60 years birthday and wish him big healthy and a great success.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПРОФЕССОРА М.Т.ТАГИЕВА¹

История лингвистики знает много известных ученых, имена которых теснейшим образом связаны с развитием науки о языке. Мамед Тагиевич Тагиев относится к числу таких ученых. Он порадовал своих учеников одаренностью, неустанной работоспособностью, обаянием и скромностью. Выходец из отдаленного Самухского района, М.Т.Тагиев часто рассказывал, что в годы молодости он и его сверстники думали только о том, как выйти из тяжелого материального положения и воплатить в жизнь мечты о построении на родине счастливого общества, о котором говорила советская власть.

В детстве М.Т.Тагиев слышал от своих родителей, родных и близких песни, баяты, крылатые слова и выражения, которые впоследствии дали ему толчок к познанию системы и структуры языка, сопоставительному изучению азербайджанского и русского языков.

Несмотря на трудные годы молодости, он ни минуту не отошел от своего главного жизненного устремления-быть хорошим специалистом в области языкознания. В интервью, данном им сразу после своего семидесятилетнего юбилея для газеты «Бакы», он говорил, что таким бы талантливый человек ни был, одним талантом многого достичь нельзя. Талант реализуется только благодаря неустанному труду и через неустанный труд. «Если мои работы хоть немного послужат тому, чтобы о нас знали больше, чем до сих пор, то я буду считать себя счастливым человеком». Это говарил исключительно скромный человек, который, как и в годы молодости, думал о своем народе, счастливом будущем своей Родины.

Еще будучу совсем молодым, он отправился на фронт, где до 1946 года воевал против фашистов, дошел до Калининграда (Кёнигсберга). На фронте погиб его старший брат Садыг, а многие односельчане или пропали без вести, или погибли на полях сражений.

Прошли годы. Распалась и ушла в прошлое единая страна, начались межнациональные конфликты. Армянскими оккупантами был захвачен Гарабаг, но, к сожалению, мало кто из бывших советских республик поддержал в трудную минуту азербайджанский народ.

---

¹ İlk dəfə çap olunub:Azərbaycanda rus dili və ədəbiyyatı (русский язык и литература в Азербайджане) elmi metodiki və ictimai-publisistik jurnal. Bakı Slavyan Universitetinin nəşri. Bakı, 2004, №2.

Мамед Тагиевич тяжело переживал эту трагедию, не мог понять, почему молчат многие из старых друзей.

После окончания Второй мировой войны Мамед Тагиевич решил получить образование. Вначале он поступил в двухгодичный заочный институт, а потом перешел на очное обучение, которое завершил с отличием. Учиться было нелегко. Приходилось ходить на занятия в солдатской форме и не всегда сытым. Но это не останавливало будущего ученого. Впоследствии Мамед Тагиевич, обращаясь к молодежи, говорил, что надо много заниматься, потому что будущее Азербайджана зависит от высококвалифицированных специалистов во всех областях.

Мамеду Тагиевичу Тагиеву пришлось много трудиться, чтобы создать азербайджанскую школу русистики. Предметом гордости ученого было большое количество талантливых ученых-лингвистов. Когда же времена изменились, Мамеду Тагиевич был крайне обеспокоен отсутствием среди молодежи перспективных, талантливых студентов и аспирантов. Он говорил: «Понятно, что ценности в обществе изменились, но народ без настоящих ученых обречен на гибель». Он искренне надеялся, что молодежь сможет выйти на передовые позиции в мировой науке.

Профессор М.Т.Тагиев олицетворял собой образцовый тип ученого. Будучи высококультурным человеком, он создал в республике школу по русистике, своими глубокими исследованиями заложил основу лексикологии и лексикографии.

М.Т.Тагиев известен как автор ряда монографий, учебных пособий. Под его редакцией вышел многотомный двуязычный словарь. Перу М.Т.Тагиева принадлежит огромное количество статей; ученый много выступал на различных конференциях и симпозиумах. Он не скрывал сложности работы, которой посвятил себя. Мамеду Тагиевич Тагиев говорил: «Язык- это сложная система. Для того чтобы вникнуть в его систему, языковед должен делать многое. Он должен регулярно читать и перечитывать. В-третьих, он должен пропускать весь исследуемый материал через призму родного языка с тем, чтобы найти сходства и различия между родным и сопоставляемыми языками. Если приплюсовать к этому профессиональную подготовку и желание трудиться, то можно легко увидеть источники наших успехов».

Создавая научную школу, М.Т.Тагиев исходил из следующих соображений:

1. Формулировка и разработка насущных проблем теории языка возможны на базе изучения разных языков, причем не только родст-

венных. Достаточно в этой связи вспомнить Л.В.Щербу, Р.О.Якобсона, Н.С.Трубецкого, А.В.Исаченко и многих других.

2. Научные школы и направления, созданные на базе других языков, имеют зеркальное отражение для родного языка исследователя. Исходя из результатов анализа другого языка, он имеет реальную возможность взглянуть на глубинные и поверхностные пласты своего родного языка, обнаружить сходные и отличительные черты родного и изучаемого языка, что чрезвычайно важно для конфронтативной и контрастивной лингвистики. В этом смысле огромен вклад М.Т.Тагиева в разработку теоретических проблем сопоставительно-типологического языкознания.

Таким образом, в лице М.Т.Тагиева, исследовавшего неродной язык, соединены культурно-исторические ценности двух народов, через языки которых он сближал две культуры, две цивилизации, два психологически-философских мира. Помимо теоретического значения, исследования М.Т.Тагиева открывают совершенно новые горизонты для практического овладения неродным языком. При этом ученый исходил из того, что ни один народ не сможет достичь вершины культурного и технического прогресса, оставаясь в пределах своего языка, своей культуры.

Теория окружения, разработанная М.Т.Тагиевым на основе исследования фразологизмов, была воспринята в современной лингвистике с пониманием (В.Л.Архангельский, А.В.Кунин, Р.Н.Попов, М.И.Сидоренко и др.). Швейцарский ученый Й.Хойзерман посвятил теории окружения М.Т.Тагиев целый раздел своей монографии. Метод окружения, по словам Й.Хойзермана, позволяет определить токсонимию фразеологии и оказывает конкретную помощь в решении лексикографических вопросов. Здесь швейцарский ученый ссылается на двуязычный азербайджанско-русский словарь, созданный группой ученых под руководством М.Т.Тагиева. Кроме того, данный метод способствует раскрытию семантических связей языковых единиц. Самое ценное в труде Й.Хойзермана заключается в том, что он широко пользуется методом окружения при описании немецких фразеологических единиц.

По словам швейцарского ученого, который консультировался у М.Т.Тагиева, работая над книгой,¹ многие спорные вопросы немецкой фразеологии он смог решить благодаря теории, разработанной профессором М.Т.Тагиевым. Он отмечал, что труды М.Т.Тагиева

---

¹ J.Heusermann. Phraseologie. Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf Grund sowjetischer Forschungen. Linguistische Reihe. Tübingen, 1977, S. 47-58.

внесли огромный вклад в развитие современной генеративной и структурной грамматики, содействовали разработке многих насущных проблем прагмалингвистики и лингвистики текста. С чувством сожаления писал Й.Хойзерман о недоступности трудов азербайджанского ученого для западного читателя.

Говоря о фразеологической концепции М.Т.Тагиева, Й.Хойзерман подчеркивал, что азербайджанский ученый старался отделить фраземы от свободных словосочетаний. Фраземы существуют в языке в готовом виде, свободные же словосочетания являются индивидуальными сочетаниями. Иначе говоря, это такие сочетания, которые носители языка образуют на основе синтаксических правил своего языка. Й.Хойзерман подробно описал принципы классификации, предложенные М.Т.Тагиевым, подчеркивая его мысль о том, что фразеологические единицы в нужной ситуации встречаются в таких окружениях, которые не похожи на окружения, в которых встречаются омонимичные свободные словосочетания. Таким образом, многие фраземы подразделяются на фраземы, которые подвергаются отдельным смысловым изменениям. Сравнивая исследования М.Т.Тагиева с американскими исследованиями, Й.Хойзерман указывает, что М.Т.Тагиев четко разграничивает идиомы и устойчивые словосочетания. У американцев же они идентифицируются.

Преимущество концепции азербайджанского ученого швейцарский лингвист видел в том, что общее значение фразеологических единиц не вытекает из значения совокупности отдельных компонентов. Переносное значение таких единиц М.Т.Тагиев доказывал тем, что лексемы, входящие в целое, выступают в других окружениях как самостоятельные единицы лексического яруса. Это возможно, когда речь идет о переносе отдельных лексем. Все эти единицы занимают в учении М.Т.Тагиева особое место и объясняются особой дистрибуцией.

Таким образом, теория окружения, разработанная М.Т.Тагиевым на материале фразеологических единиц, занимает особое место в монографии Й.Хойзермана. Исходным является здесь то, что устойчивые словосочетания рассматриваются не на уровне предложения, а на уровне слова, потому что именно здесь они проявляют свои специфические особенности. В отдельных случаях они рассматриваются как эквивалентные единицы лексем, хотя на этом уровне они отличаются от лексических единиц.

Они образуются не из морфем, а из лексем и вступают в ограниченную дистрибуцию с другим лексемами и словосочетаниями.

М.Т.Тагиев берет только значение как надежный индикатор и потому описывает материал по внешним признакам. Й.Хойзерман отмечал, что это вовсе не продолжение методики, выдвинутой Н.Н.Амосовой. Это свидетельствует о верности ученого традициям своего учителя В.В.Виноградова. Затем швейцарский ученый подробно останавливается на классификации М.Т.Тагиева. Причем, по словам Й.Хойзермана, это не только классификация, но и раздробление до самых мелких частей, вплоть до частей речи, образующих окружение.

Й.Хойзерман также отмечал, что метод окружения позволяет определить таксономию фразеологии, способствует выполнению лексикографических работ. Он высоко отзывался о словарной работе, которую проводила группа азербайджанских ученых под руководством М.Т.Тагиева.

Таким образом, швейцарский ученый высоко оценил лингвистическую концепцию покойного профессора М.Т.Тагиева и широко пользовался ею при разработке немецкой фразеологии в своей монографии.¹

Последние годы своей жизни профессор Тагиев интенсивно занимался проблемами лексикографии и преподавания языка. На вопрос о том, подходит ли он ко всему этому с единой научной концепцией, он ответил так: «Конечно, составление словарей есть неотъемлемая часть преподавания языка. Без хороших двуязычных словарей вряд ли можно добиться успеха в преподавании неродного языка. Я очень сожалею, что мы поздно начали составлять словари. Тем не менее у нас уже готовы два тома, третий том сдан в печать, а четвертый том находится в стадии завершения. Думается, что этим мы удовлетворим потребности изучающих русский язык».

Энтузиазмом и жизнерадостностью ученого можно было только восхищаться. Он никогда не смотрел свысока на своих коллег и учеников, которые с согласия М.Т.Тагиева отметили его 70-летие. Я говорю «с его согласия», потому что ученый не хотел торжеств, так как был скромным человеком.

Р.С. За многолетнюю совместную работу в университете автор этой статьи многому научился у профессора М.Т.Тагиева. Три встречи с ним надолго врезались в память. Первая встреча состоялась сразу после моего приезда из Ленинграда. Профессор был тогда нашим ректором. Я зашел в его кабинет и дал ему свой автореферат, добавив, что для выезда в Ленинград на защиту диссертации меня с

¹ Об этом см: F.Yadigar. Dilimiz, qeyr?timiz, qayğılarımız. Bakı, 1993.

работы не отпускают. Он внимательно посмотрел на меня, изучил мой автореферат и с удивлением спросил: «В чем дело? Почему Вас не отпускают выехать на защиту? Удивительно». Мамед Тагиевич взял мое заявление и размашистым почерком наложил резолюцию: «Разрешить с оплатой дороги и месячных командировочных расходов».

Вторая моя встреча с М.Т.Тагиевым была в его кабинете во время обсуждения учебников и учебных пособий для нашего университета. Эти слова, произнесенные им на открытии совещания, запомнились мне навсегда: «Дайте мне хорошую программу, и я напишу отличный учебник в короткий срок».

Третья встреча состоялась, когда я брал интервью у ученого для передача азербайджанского радио «Ana dili» (Родной язык), ведущим которой я был в течение трех лет.

Воспоминания о встречах с этим замечательным человеком никогда не уйдут из моей памяти.

ÖN SÖZ – 100 IL CƏFƏR CƏFƏROV ¹ (1904-2004)

Azərbaycan Dillər Universitetinin tarixində görkəmli alimlər, adlı-sanlı dilçilər, işinin mahir ustası olan pedaqoqlar az olmamışdı. Bu gün anadan olmasının 100 illiyini qeyud etdiyimiz Cəfər Mehdi oğlu Cəfərov (1904-2004) da onlardan biridir. Bu işıqlı ziyalı nəinki, Respublikamızda, həm də onun həudlarından kənarında tanınmış bir müəllim, ölkəmizdə xarici dillərin tədrisində və tədqiqində öz orijinal fəaliyyəti və yadda qalan fikir və mülahizələri ilə sevilən və seçilən müəllimlərimizdən biri olmuşdur.

Bu gün biz bu böyük pedaqoq C.M.Cəfərovun anadan olmasının 100-illiyini qeyd edirik. Tanıtım tədbirinə həsr edilmiş bu topluda alimlərimiz və pedaqoqlarımız C.M.Cəfərovun xatirəsini yad edirlər, onun çoxşaxəli fəaliyyətini müxtəlif bucaqdan işıqlandırmağa çalışırlar. Mən bu topluda çap olunan bütün məqalə və yazıların məzmununu danışmaq istəmirəm. 100 illik yubilyarın həyat və yaradıcılığı f.e.d. prof. F.Veysəllinin məqaləsində öz geniş təhlilini tapmışdır. Yerdə qalan digər məqalə və yazıları 4 qrupda birləşdirmək düzgün olardı:

Buraya ilk növbədə f.e.d. prof. Z.Ağayevin, f.e.d. prof. S.Abdullayevin, f.e.d. prof. A.Babayevin məqalələrini aid etmək olar.

---

¹ İlk dəfə çap olunub: C.Cəfərov: 100. Bakı, 2004, s. 1-5

Bilavasitə mərhum C.M.Cəfərovla bağlı olmasa da onun həmkarları və şagirdlərinin elmi mühazirələridir. Buraya f.e.d. prof. O.İbrahimovun (Türksevərin), f.e.d. dos. B.Həsənovun, f.e.d. prof. F.Hüsənoğlu (Zeynallının), f.e.d. dos. F.Aslanovun və b/m C.Ə.Abdullayevanın məqalələrini aid etmək olar.

Bu qrupa mərhum C.M.Cəfərov haqqında onun tələbələrinin xatirələri və deyimlərini aid etmək olar. Buraya f.e.d. prof. S.Babayev, f.e.d. prof. Ə.Qubatov, p.e.n. prof. Z.Quliyev, f.e.n. dos. Ə.Hüseynov, f.e.n. dos. U.Aslanova və b/m H.Manquliyevanın yazıları aiddir.

Nəhayət, redaksiya şurası mərhum C.M.Cəfərovun elmi ictimaiyyət tərəfindən çox yaxşı qarşılanan, hazırda biblioqrafik inciyə çevrilmiş 3 məqaləsini bu məcmuədə çap etməyi qərara alıb. Ümid edirik ki, bu toplu dilin müxtəlif aspektləri ilə məşğul olan aspirant və dissertantlar, habelə xarici dillərin tədrisi metodikası ilə maraqlananlar üçün maraqlıdır.

İRLANDIYA SƏFƏRİNDƏN QEYDLƏR*

Mən 1972-ci ildən bəri Avropaya səfərlər edirəm. Rəsmi nümayəndə heyətinin tərkibində (1972-ci il Almaniyaya), 1990-cı il Almaniyada, 1977-78-ci illərdə Berlin universitetində təkmilləşmədə olmuşam, 1987-ci ildə kruiz səyahətilə Şotlandiya, Almaniyaya və Fransada, 1995, 1998 və 2000-ci illərdə AAMK-nin tədqiqat qrantının qalibi kimi Frayburq, Boxum və Münhen universitetlərində, 1995-ci ildə Stokholmda Dünya Fonetika Elmləri Konqresində və sonralar da bir neçə dəfə şəxsi və ailə səfərlərilə bağlı İngiltərəyə getmişəm, Almaniyaya – Avstriya – İtaliya – Yunanıstan – Türkiyə – Gürcüstan ölkələrini gəzərək çoxlu miqdarda mənzərələr görmüş və unudulmaz təəssüratlarım olmuşdur.

Amma bu dəfəki səfərim qeyri – adiliylə yadda qaldı. Elə bu bərədə yazmaq istədim. Əvvəllər də yol qeydlərim olub, onların bir qismini mətbuatda çap etdirmişəm. Çalışacağam ki, budəfəki qeydlərim də əvvəlki kimi canlı, cəlbedici və maraqlı olsun.

Hə keçək mətləbə. 2007-ci ilin isti, küləkli-tozlu, səs-küylü Bakı-sını tərki edib sakit bir guşəyə çəkilib istirahət etmək istəyirdim. Mənim yay günlərində istirahətim gəzinti, kitab oxumaq, il boyu çatdıra bilmədiyimi ümumiləşdirmək mərhələsiqdə olan fikirlərimi bir daha beynimdən keçirmək, maraqlı olanları yazmaq və tarixin öhdəsinə büraxmaq kimi məşguliyyət təşkil edir.

* İlk dəfə çap olunub: "Bizim yol", 2008, 18-20 fevral

Bu il də əvvəlki illərimin təkrarı kimi bir şey olacaqdı. Bu il Londona – nəvələrim Nərgizlə Dənizin görüşünə getməyi planlaşdırmışdım. Ancaq Nərgizlə Dəniz Bakıya gəlsələr də, mən planımda israrlı idim və 2007-ci ilin avqustun 4-də təyyarədə Londona uçurdum. Londonun Hitro hava limanında sevimli qızım BBC-i Azərbaycan xidmətinin prodüseri f.e.n-i Vəfa Fəxri məni qarşılayanda ilk təklif bu oldu ki, o, İrlandiyaya səfər planlaşdırır və məni də bu səfərə dəvət edir. Sözün düzü, bu təklif əvvəlcə ürəyimcə olmadı, amma Vəfa xanım məni inandırdı ki, səfər çox maraqlı olacaq və mən bu səfərdən məmnun qalacağam.

Etiraz etməyə yeri yox idi. Nərgizlə və Dənizlə Bakıda görüşmüşdük, onların şirin gülüşlərini və mehriban baxışlarını heç unutmamaqları! Vəfa da Bakıda olanda gəlinimiz Aynurla və Vüqarla doyunca danışib gülmüşdük. Dilşad xanım da bağ evimizdə dadlı xörəklərlə bizi xeyli feyziyab etmişdi. İndi əsl gəzintiyə çıxmaq vaxtı idi.

Mən də bunları götür-qoy edirdim ki, maşını axşam saatlarında təyyarə limanından Londonun füsunkar guşələrindən olan Riçmonda səliqə – səhmanla sürən Vəfanın dünyanın BBC-i dalğalarında heyran qoyan mələhətli səsi məni bu fikirlərimdən ayırdı:

- Hə, nə deyirsən, ata?

- Nə deyirəm ki, qızım bir halda ki, sən məsləhət bilirsən, gedək.

Hiss elədim ki, təklifi qəbul etməyim Vəfani çox razı saldı. Sən demə, o hər şeyi planlaşdırıbmiş, Belfasta uçuş gününü, vaxtını və reysini, İrlandiyada harada qalacağımızı, ta geri qayıdacağımıza qədər hər şeyi incəliyinə qədər düşünüb plan tutmuşmuş.

Avqustun 15-i səhər tezdən dörd nəfərlik qrupumuz Londonun Qətvik təyyarə limanına çatdıq. Uçuşumuz səhər saat 6⁵⁵-də idi. Təyyarə limanının 4 tərəfində qısa və uzun müddətə maşınları saxlama meydançaları var. Maşınımızı F8 dayanacağına saxladıq. Meydançalarda pulsuz xidmət edən avtobuslardan birinə minib, uçma zalının qarşısında düşdük. İçəri daxil olanda insanların uzun sıra ilə növbəyə durduqlarını gördük. Biz növbəyə durub gözləmək qərarını vermək istəyəndə Vəfa qəfildən o biri qeydiyyat masasına yaxınlaşıb soruşanda ona bildirdilər ki, qeydiyyat qurtarıb, amma tez 2-ci masaya yaxınlaşsanız bəlkə qeydiyyata aldılar. Doğrudan da, Vəfanın çevikliyi olmasaydı, biz səhər reysindən qala bilərdik.

Qeydiyyat aparan xidmətçi pasportlarımızı alınca bizi sorğu –suala tutur, “yanan, partlayan, zəhərli bir şey aparırıqmı”, sualına «yox-yox» cavabını veririk. Sonra bu xidmətçi mənim pasportumu götürüb o üzə – bu üzə çevirib soruşur ki, bu nə pasportdur belə. Avropalılarda pasportun rəngi bir qayda olaraq qırmızı olur. Digər tərəfdən, bu cavan oğlan heç Azərbaycan adında məmləkət olduğundan bixəbərdir. Ancaq mən ona izahat verəndə pasportumdakı İngiltərə hökumətinin Azərbaycandakı sə-

firliyin viza qeydini görüb xeyli sakitləşdi. Vizadakı şəkli, pasportun üzərindəki şəkli və mənim canlı görünüşümü bir anlığa tutuşdurub bunun həqiqətən mən olduğuma əminlik hasil edəndən sonra təyyarəyə minik üçün hüquq verən kağızları bizə ötürüb tez minik yoluna getməyimizi xahiş etdi. Ayaqqabılarımızı, kəmər və telefonlarımızı, üstümüzdəki digər şeyləri yığıb diyirlənən dəmir millərin üzərinə qoyub özümüz təhlükəsizlik qapısından keçirik. Sonra təzədən ayaqqabılarımızı geyinib, kəmərlərimizi taxıb, telefon və digər aksesuarlarımızı götürüb təyyarəyə gedirik. Təyyarə salonunda boş olan yerdə oturmağı bildirən stüardesslər və stüardessalar bizə xidmət eləyincə təyyarəmizin necə qalxıb necə endiyini bilmədik. Bir saatlıq uçuşumuz başa çatmışdı, artıq biz Belfastda idik.

Haşiyə: Belfast Şimali İrlandiyanın paytaxtıdır. O, İrlandiyanın şimal-şərqində təpəliklər üzərində şərqdəki İrlandiya gölünə tökülən Laqau çayının mənsəbində yerləşir. Aydın havada şərqdə 30 km aralıda Şotlandiyanı görmək mümkündür. Bütövlükdə adalarda olan İrlandiyanın ərazisinin 171-ni Şimali İrlandiya təşkil edir. Belfast sözünə eradan əvvəl 800-cü illərdə kelt dilində «Beal Feirste» kimi (qumlu sahilə yol, keçid) mənasında rast gəlinir. Ancaq tarixi mənbələrdə ilk dəfə 666-cı ildə bu ərazidə gedən Krutin və Uerad tayfaları arasında gedən döyüşlərlə bağlı təsadüf olunur. İqlim burada yayda 18–30 u, gecələr 11 u, qışda isə minimum 2 u olur. Tez-tez yağış yağır. 1,2 milyon Şimali İrlandiya əhalisinin 1/5 -indən çoxu Belfastda yaşayır. Əhalisinin 2/5-si protestant, qalanları isə katoliklərdir. 4000-ə yaxın çin əsilli əhali restoranlarda və barlarda çalışır. Ötən əsrin 70 – 90-cı illərində Belfast daha çox bomba partlayışları və güllə səsləri ilə yadda qalıb. Hazırda həyat nisbətən sakitdir. Belfast müasir ticarət, sənaye və balıqçılığın inkişaf etdiyi şəhərlərdəndir. Məşhur Titanik gəmisi 1912-ci ildə burada inşa edilib dənizə salınmışdı.

1919–21-ci illərdə ingilis–irland müharibəsinin nəticəsi olaraq razılıq əldə edildi ki, Olster ətrafında 9 vilayətdən 6-sı Britaniyanın (Antirm, Armaq, Derri, Doun, Fermanaqn və Tiron) tərkibinə daxil olsun. İllər uzununu davam edən qarşıdurma daha da gücləndi. Rəsmi İngiltərə hökuməti Şimali İrlandiyada diskriminasiyanı inkar edir, münaqişənin kökündə katolik – protestant dini ayrışikliyi olduğunu bəyan edir. Ancaq yunionistlər Belfastı paytaxt elan edəndən sonra Şin feyn müharibəni davam etdirmək və bütün İrlandiyanı vahid görmək istəyirdi.

2005-ci il seçkilərində tərəflər arasında barışıq elan edildi, nisbi sakitlik yarandı, ancaq qılgıncım hər zaman alışa bilər. Belfastın mərkəzi çox balacadır. Ancaq burada həyat qaynayır. Hazırda şəhərə giriş yolu iki dəfə genişləndirilir. Şəhərin mərkəzində bir neçə çoxmərtəbəli avtomobil dayanacaqları tikilib. Küçələrdə maşın saxlamaq olmaz, kim alver etmək, bar və ya kafeyə getmək, gəzintiyə çıxmaq istəyirsə mütləq maşın

nını dayanacaqda saxlamalıdır. Necə də yaxşı qaydadır, bəlkə biz bakılırlar da bunlardan öyrənək. Yeri düşmüşkən, heç bir sürücü cəsarət edib qaydanı pozmaz, şəhərdə və şəhər ətrafında yol hərəkəti qaydalarına sistemli şəkildə işarələr vasitəsilə əməl olunur. Ümumiyyətlə, 4 gün ərzində nə şəhərlərdə, nə də magistrallarda yol hərəkəti qaydalarının pozulmasının və avtoqəza hallarının şahidi olmadıq.

Belfast aeroportunda uçaqdan çıxan kimi gülürüz insanlarla qarşılaşırıq. Bizim əl çantamızı özümüzlə götürməyə məsləhət bilmişdilər. Ona görə yük almağı gözləmədən şəhərə çıxmaq istədik. Ümumiyyətlə, günün hansı vaxtında gəlibsənsə gəl, Avropa hava limanlarında bizim Bakı limanındakı kimi özbaşınalıq yoxdur. Düşən kimi, yük konveyerdə hazır fırlanır. Şəhərə çıxanda də adamın yükünü yoxlamırlar. Bizimkilər bunu bəhanə edib Qarabağ müharibəsilə əlaqələndirirlər. Ancaq Olster qanlı toqquşmaları da balaca hadisə olmayıb. Lakin burada təyarədən sonra adamı yoxlamazlar. Pasport yoxlanışı da çox formal olur. Daha bizdəki kimi, hansısa məmurun, ya polisin əlində 5 – 6 pasport gəlib yoxlanış məntəqəsinə müdaxilə etməsi heç vaxt mümkün olan şey deyil. Yükdən sonra dilənçi kimi adamın üstünə «məşin lazımdır?» deyib cuman da yoxdur. Təyyarə limanından bütün nəqliyyat vasitələri şəhərin və ölkənin müxtəlif yerlərinə gedir. Seçim qonağın öz işidir. Bizdə isə bahalı aeroport taksiləri adama elə qiymət oxuyurlar ki, gəldiyin ölkəyə qayıdıb getmək istəyirsən.

Belfastın təyyarə limanında sürücülük vəsiqəsini göstərib 4 gün üçün 57 fund (110 ABŞ dolları) ödəyib 2007-ci il buraxılışı «Qolf» (BMW) maşınını kirayəyə götürüb şimal-qərbə İrlandiya respublikasına doğru yola düşürük. Çox səliqəli ikitərəfli avtomobil yolları ilə irəliləyirik. Sağ – solda yaşıl təpəlik və yamaclar uzanıb gedir. Sahələr xırda çəpər və ya ağac kolları ilə bölünüb, hərdən otlaqlarda qoyun və qaramal görünür. Bir kimsəsiz. Bütün yol boyu sakitlikdir. Sükutu ancaq ciddi sürət məhdudiyətilə saatda (40 - 50 mil) hərəkət edən maşınların səsi pozur. Bu texniki müdaxilə olmasaydı, səfərimizi H.Haynenin «Harsa səfəri»n-dəki təsvirlərlə müqayisə edərdim.

Birdən Vəfa xanım piknik yerini ötüb keçdiyimizi deyir. O, əlində xəritə öz iş yoldaşının sürücülüynə köməklik edirdi. Biz geri döndük. Səhər saat 11 radələrində H.Hayne demişkən, balaca çayın sahilində «de joneur de natuar» eləyib yenidən yola düzəldik. Təxminən 75 km aralıda yerləşən Londonderry şəhərinə doğru irəliləyirdik.

İngilislər bu ölkəni özlərinə tabe edəndən sonra iki inzibati – siyasi ərazinin arasında yerləşən Derri şəhərini Londonderry adlandırdılar. Ancaq yol boyu magistral yol işarələrində lövhələrdəki Londonderry sözündəki London sözü silinib. Elə İrlandiya Respublikasında da bu şəhəri sadəcə olaraq Derri adlandırdılar.

Bu şəhərə yaxınlaşanda vaxtilə sovetlər birliyi əyyamında Moskva televiziyasında idman şərhçisi mərhum Nikolay Ozerovun səsi qulagımda cingildəyirdi. O zamanlar o ittifaq futbol komandasının ya UEFA, ya FİFA seçmə yarışlarında bu şəhərin futbol komandası ilə keçirdiyi matçda tez – tez pafosla dediyi Londonderri sözü indi nəinki xəyalda, lap gerçəklikdə gözümlə qarşısında idi. Bir azdan Fayle çayının üzərindəki körpüdən Böyük Britaniya və Şimali İrlandiya İttifaqının dövlət sərhədini keçib 1973-cü ildən Avropa İttifaqının üzvü olan İrlandiya Respublikasının ərazisinə daxil olacağam.

İrlandiya

Haşiyə: İrlandiya Respublikası Qərbi Avropada balaca müstəqil dövlətdir. Rəsmi adı İrlandiya Respublikasıdır. Tarixdə çox şəhərlər əfsanəvi, möcüzəli şəkildə yox olub (Atlantis, Babil və s.-ləri). Ancaq əbədi Rom və Rio, heç vaxt boşalmayan Nyu York kimi şəhərlər də var. Bəziləri sivilizasiyanın inkişafı və tənəzlü simvolu kimi qalır. Kolonial Kəltür, kapitalizmin beşiyi Mançestr və ya öz avtosənayesi əvvəl çiçəklənən, sonra solan ABŞ-in Detroyt şəhəri. Şərqdə tez zamanda liderlər şəhərinə çevrilən Şanxay, Mumbai və daha hansı şəhərlər. Elə Honq – Konqu götürək, əvvəl istehsalın zirvəsi, sonra ticarətin mərkəzi, indi də bank və kommunikasiyalar mərkəzidir bu şəhər.

İndi dünya başqa dövrünü yaşayır, əhalinin böyük əksəriyyəti şəhərlərdə məskunlaşır. XXI əsrin urbanizasiya əsri olacağı heç şübhə doğurmur. Hər iki şəhərlidən biri ən azı 500.000 əhalisi olan metropoliyada yaşayır. Ancaq indi yeni şəhərlər köhnə paytaxtları sıxışdırır. İndi Los Anjelesdən çox Fransisko, Madriddən çox Barselona, Berlindən çox Hamburg seçilir. İndi firmalar və iş adamları meqa–şəhərlərdən qaçırlar. İkinci dərəcəli şəhərlər daha cazibədar və hərtərəfli sərfəlidir.

Ekspertlər hesablayıblar ki, 6 milyon əhalisi olan şəhərlərdə kirayə haqları bahalaşır, giriş yolları tutulur və digər problemləri vəziyyəti kritik həddə çatdırır. San Paulo, Mexiko buna misal ola bilər.

İkinci dərəcəli şəhərlərdə yaradıcı sinif üçün hər cür şərait var. Buraya yenilikçilər (mühəndislər, təbiətşünaslar və informatiklər), orta zümrə (sahibkarlar, dizaynerlər və sənətkarlar) və üçüncü qrup (musiqiçilər, artistlər, rəssamlar) aiddir. Onların sayəsində yeni iş yerləri açılır. Bu şəhərlərdə üç «T» qarşılaşır: texnologiya, talant, tolerans. Bu şəhərlərdə yeni Bill Gates-lər və Steve Job-lar yarana bilər.

Deməli, indi Hamburg, Kopenhagen, Barselona, Amsterdam, Dublin, Tallin bu üç TTT-nin tələblərinə uyğun gələn Avropa şəhərləridir.

Dublində 500.000 əhali yaşayır, əhalinin artımı müsbət 7% təşkil edir (1997 - 2004). 2004-cü ildə adam başına UMD 48.000 € olmuş, talant və elmi müəssisələrdə məşğulluq 36,9%-dir.

İrlandiya kasıb bir ölkədən Aİ-da adam başına düşən gəlirə görə ikinci yerdə durur. Əslində İrlandiya Dublindən (kelt tiqlərindən ibarətdir. 30 il bundan qabaq Dublin limanından ancaq qaramalı gəmiyə yükləyib Avropaya satmağa aparırdılar. Keçmişdə çirkli olan bu şəhər indi bişmiş körpiclərdən tikilərək bərpa edilib, müasir arxitekturası ilə Avropanın metropollarından birinə sevrilib. O, J.Joysun bir zaman çirkli, iyli – qoxulu kimi təsvir etdiyi şəhərdən bu gün yeni hotelləri və restoranları ilə göz qamaşdıran şəhərə çevrilib. Bu gün İrlandiyada kapitalizmin məkanı sayılan ABŞ-dakı gədən milyoner vardır. 1973-cü ildən bu yana İrlandiya iqtisadiyyatına milyonlar xərclənib. 1987-ci ildə hökumət həmkarlar təşkilatları və sahibkarlarla sosial paket sənətini imzalayandan sonra əhalinin vəziyyəti günü – gündən yaxşılaşır. Bu gün korporativ dövlət iqtisadi möcüzələrə yollar açır. İndi dünyanın hər yerindən buraya iş adamları axışır (Intel, Microsoft, JBM və Dell və s.). Firmaların çoxu Dublində Avropa bazarına körpü kimi baxır.

Ölkədə indi 1100 xarici firma, 45.000-ə qədər xaricilər ölkənin bölgələrdə işləyirlər. 10 ildə bu ölkədə 250.000 yeni iş yeri açılıb. Sinqapur və Belçikadan sonra İR 3-cü ən böyük eksport ölkəsidir. Burada şagirdlərin 90%-i ali məktəbi bitirir. Almaniyada isə bu 37%-dir. Onlar paytaxtın 5 ali məktəbində təhsil alırlar. Əhalinin dördüdə biri ingilis və kelt dillərindən biri olan uels dillərində danışa bilir. Şotlandlar gəlik dilinin şotland variantında danışirlar. Şimali İrlandiyada yaşayanlar gəlik dilinin İrland variantında danışirlar.

Ərazisi 70233 km², əhalisi 1985-ci ilə 3,597, paytaxt Dublindir, dili rəsmi olaraq ingilis və gəlikdir, ən uzun sərhədi şimaldan cənubadır – 465 km, şərqdən qərbə 285 km., sahilədən sahilə 2,797 km. Ən böyük səhəri Dublindir, ərazinin 1/6-ni Böyük Britaniyanın tərkibində olan Şimali İrlandiya təşkil edir.

Gəlik dilində bu Eire (Airuh – tələffüz olunur) sözüdəndir. Uzun illər Erin pætik adı idə tanınıb. Erin go bragh İreland forever deməkdir.

İrlandiyanı yaşıl mənzərələrinə görə Emerald adası adlandırırlar. Yaşıl dərələri və yamacları, çıpraq tæpəcikləri və sahil boyu uzanan dağları ilə ölkə 26 vilayətə bölünür. Hər bölgənin öz xüsusiyyəti var. Məsələn, Kerri dağları və göllərilə cəlbedicidir.

1921-ci ildə İrlandiya müstəqillik qazanana qədər əsrlərlə Böyük Britaniya burada ağalıq edib. İrlandiya pnezidial, baş nazir və parlamenti olan respublikadır.

Pul vahidi avrodur, çünki Avropa İttifaqının üzvüdür.

Prezidentin səlahiyyətləri məhduddur. O, dövlətin rəsmi başçısıdır, 7 ilə xarq tərəfindən yalnız iki müddətə seçilə bilər. O, parlamenti çağırma bilər, baş naziri təyin edir və parlamentin qəbul etdiyi qanunları təsdiq edir.

Dövlətin real başçısı olan baş naziri parlament seçir. Onu prezident təsdiq edir. Bir qayda olaraq Parlamentin Deputatlar palatasında çoxluq təşkil edən partiyanın lideridir. Parlament prezident, deputatlar palatası və senatdan idarətdir. Xalq tərəfindən 5 illiyə seçilmiş 148 üzvü var. 43 deputat müxtəlif sahələr üzrə seçilir – 1 kəndli, 2 biznes və sənaye, 3 mədəniyyət və təhsil, 4 fəhlə, 5 ictimai idarə etmədən və s.

İqlimi mülayimdir: qışda 4°, yayda 16°-dir. Şimali Atlantika cərəyanları təsir edir, şimalda Britaniya adalarından keçərək isti hava gətirir. Qış isti olur.

Londondərri şəhərinə çatanda məni daxildən həyəcan bürüdü. Bu avropalıların idarəetmə texnikasına heyran qalmamaq olmur. Biz rəsmi olaraq bir siyasi – inzibati ərazidən – Böyük Britaniya və Şimali İrlandiya Birləşmiş Krallığından Avropa İttifaqının 1973-cü ildən üzvü İrlandiya Respublikasının ərazisinə daxil olurduq. Lakin nə sərhəd var, nə kömrük yoxlayıcıları. Sadəcə kağız üzərində göstərilən dövlətlərin sərhədlərini keçirik və mənim pasportumda bu ölkə üçün viza olmadığı halda mən rahatca maşınla bu ölkənin ərazisinə daxil oluram. Mənim səfər yoldaşlarım zarafatca məni qeyri – legal adlandırırlar. Mən isə etiraz edə bilmirəm. Ancaq başqa ölkədə olduğumu yalnız İrlandiya Respublikasında avro pulunun işləndiyi və bir də yollardakı işarələrdə «mil» əvəzinə «km» göstərilməsi sübut edir. Qalan bütün hallarda milli eynilik müşahidə olunur: dil, ərazi, mədəniyyət sahələrində eynilik.

İndi mənə aydın olur ki, şimaldakı irlandlar imperiyanın diqtəsi və hökmü ilə öz din, dil və qan qardaşlarından ayrı düşməyə məcbur olurlar. Şimali irlandlar nifrətin təzahürü olaraq onların doğma Dərri şəhərinə London sözünün əlavəsinə niyə etiraz edirlər, çünki London əlavəsi zorakılığın, istilanın rəmzi olduğu üçün irlandlar buna dözməyir, yüksək səviyyədə olmasa əlləri çatdığı yerlərdə buna etirazlarını bildirirlər, lövhələrdən «London» əlavəsini silib atırlar.

Yadıma Xankəndi əhvalatı düşür. Ermənilər də ötən əsrin iyirminci illərində Moskvanın qaygısı və köməyilə Qarabağda rəsmi status alandan sonra tarixi ərazi adlarını dəyişdirib erməniləşdirdilər, hətta Xankəndini də dəyişdirib özünüküləşdirdilər.

Ancaq biz bu iki hadisə və münaqişə arasında paralellər apara bilmərik. Qarabağ qədim türk torpağıdır. Bunun ermənilərə heç bir dəxli yoxdur. Onlar sadəcə olaraq Rus – İran müharibələri (1813, 1828) nəticəsində buraya köçürülmüş əhalidir. Əslində elə indiki Ermənistan deyilən ərazidə də bu respublika elan edilənə qədər rəsmi erməni dövləti

olmayıb. Ancaq qəribə oxşarlıqlar var. 1921-ci ildə İrlandiya bölüşdürülür, elə həmin ildə də Qarabağa muxtariyyət verilir.

Rəsmi London bütün dünyaya cəzə verir ki, Şimali İrlandiyada konflikt dini xarakter daşıyır, katoliklərlə protestantların barışmaz mövqelərdə durması bu münaqişənin əsas səbəbidir. Ancaq bu heç də belə deyil. Məsələ burasındadır ki, bütövlükdə İrlandiya əhalisi katoliklərdir, onlar Roma katolik kilsəsinin təsiri altındadırlar. Katoliklər tarixən çalışırlar ki, vətən bir olsun, uşaqları katolik dininə riayət edərək, irland dilinə və mədəniyyətinə yiyələnsinlər. Protestantlar isə Londonun istiqamətləndirdiyi dini azlıqda olanlardırlar, onlar Britaniya mədəniyyətinə və ingilis dilinə üstünlük verirlər. Katoliklər vətən, ölkə, dil və din davasına qalxıblar. Özü də bu dava əsrlərdir davam edir. İngiltərə hökuməti 1919 – 1921-ci illər müharibəsində İrlandiya Respublikasının yaranması faktı ilə barışmalı oldu, amma o zamandan şimali irlandiyalıların ədalətli mübarizəsini hər vəchlə pozur, onun istiqamətini dəyişir və ölkəni birləşməyə qoymur. İngiltərədən baronessa Kok kimiləri isə gəlib Qarabağda təxribatla məşğul olur, ona bir dəyən yoxdur ki, Azərbaycan İngiltərə kimi Uelsi, Şotlandiyanı və s. kimi ölkələri zəbt etməyib, onların xalqlarını əsarətdə saxlamır, İrlandiya İngiltərənin özü kimi qədim tarixə malikdir və bütün əsrlərdə canlı müharibələr aparıb, indi də bu mübarizədən əl çəkmir, vahid dövlət uğrunda ədalətli mübarizə aparır.

Ermənilər isə bütün beynəlxalq qınağa baxmayaraq doğma torpağımızı zəbt edib, Kok kimi şərəfsiz insanların köməyinə arxalanaraq Qarabağı öz əraziləri hesab edirlər. Tarixə göz yummaq olmaz. Çox təəssüf ki, bu gün biz sox aciz qalmışıq. Məsələni beynəlmilləşdirməklə biz hansısa riyakarın toruna düşmüşük. Özümüzə qalsaydı, bəlkə də Qarabağ düyünü çoxdan açılardı. Ancaq beynəlxalq aləm qəsdən bu məsələni uzadır, həllinə imkan verməməklə özlərindəki konfliktlərdən ictimaiyyətin diqqətini yayındırmağa çalışırlar.

İndi İrlandiya həm Şimali, həm də Cənubi hissələrində sanki vahid dövlətdir, gediş – gəliş azad, sərhəd yoxdur, bütövlüyə mane olan Şimali İrlandiyada funt, İrlandiya Respublikasında isə avro işləyir, bir də dediyimiz kimi yol nişanlarındakı fərqli ölçü vahidləri.

Xalqın mübarizlik əzmini bu qədər əyani və təsiredici şəkildə qələmə alan rəssam Moris Harronun «Hasarlar şəhəri» adlı rəsm əsəri mənə çox təsir elədi. Bu şəkildə Derrini iki yerə bölən Foyle çayının üzərindən bu üzdə qız o üzdən isə oğlan bir-birinə əl uzadaraq nəinki çayın iki sahilini, həmçinin iki tərəfi, gələcəkdə gəncliyi birləşdirmək rəmzidir. Çox təsiredici bir əsərdir. Biz Arazımızla bağlı çox şer yazmışıq, ancaq xalqı iki yerə bölən bu tarixi hadisəni lənətləyən və gələcəyə nikbin ruhla baxmağa çağıran belə əsərlər görməmişik hələ.

Ümumiyyətlə, xalqın dini onun istiqlal mübarizəsində qılınca və qalxana çevrilir. Necə ki, irlandların və almanların kilsələri onları vahid amal uğrunda birləşməyə çağırır. Bizdə isə dinimizin mübarizəmizə arxa olduğunu görənlər olmayıb. Biri şimala (Moskvaya), biri cənuba (Tehrana), biri də həccə (Əl Riyad) baxır, ortada da hərraca qoyulmuş torpağımız, bütövlüyümüz və milli varlığımız. İrlandiya xalqı dünyaya böyük şəxsiyyətlər bəxş etmişdir. Bu Oskar nominasiyalarının qalibi artist Kenet Branağ, boksçu B.Makguigan, 1972-ci il Olimpiya çempionu M.Peters və s.-nin vətənidir.

Bəli, Foyle çayı üzərindən körpünü keçdik və güclü sənaye və təsərrüfat potensialı olan İrlandiya Respublikasının ərazisinə daxil olduq. Yolun solundakı sürət məhdudiyətini göstərən rəqəm mənim diqqətimi cəlb etdi: saatda 100 km. Ancaq körpüyə qədər bu millə göstərilirdi. Maşınlar burada da yolun solu ilə hərəkət edir, sükan da sağdadır. Ötmə zamanı irəlidəkinin sağından keçmək lazımdır. Avropada olduğumun ikinci əsası kiçik bir qəsəbədə düşərkən su almaq istəyəndə bizdən avro istəməkləri oldu. Deməli, körpüdən bu yana fund işləmir.

Dil eynidir.

Həşiyə: Hər iki İrlandiyanın rəsmi dilləri ingilis və irland dilləridir. İrland dilinə bu dildə gəllik deyirlər. K. Kasnerin 8 dəfə yenidən nəşr olunmuş «Dünya dilləri» adlı məşhur əsərində yazıldığına görə gaelic (gəlik) dili həm İrlandiyanın, həm də Şotlandiyanın iki variantda (irland gəllik və şotland gəlik) işlətdiyi dildir. Uels dili kimi o da kelt dillərindən olmaqla hind-Avropa dilləri ailəsinə aiddir.

İrland gəlik dili adətən sadəcə olaraq irland dili adlanır və İrlandiya Respublikasının ingilis dililə birlikdə rəsmi dilidir. Bu dildə 1,250.000, yəni bu Respublika əhalisinin 3/1-i danışır, dövlət idarələrində onun işlənməsi və məktəblərdə keçilməsi məcburidir. Şimali İrlandiyada əhalini 100.000 nəfəri, yəni 6%-i bu dildə danışır. Həm İrlandiyada, həm də Şotlandiyada bütün gəlik dilində danışanlar ingilis dilində də səlilə danışirlər.

Ənənəvi olaraq gəlik dilində V əsrdə roman əlifbasından götürülmüş sait üçün 5, samit üçün isə 13 işarə vardır. Bu əlifbada j, k, q, v, w, x, y və z yoxdur. Sait üzərində akut işarə onun uzunluğunu, samit üzərində sadə nöqtə isə onun nəfəsli tələffüz olunduğunu göstərir. Yeni orfoqrafiyaya görə nöqtələr ləğv edilmiş və nəfəslilik üçün samitdən sonra «h» yazılır. Məsələn, «c» əvəzinə «ch».

Təxmin edilir ki, gəlik dili İrlandiyadan Şotlandiyaya keçmişdir. Burada bu dilin rəsmi statusu yoxdur və Şotlandiyanın şimal-qərbində 75.000-ə qədər adam bu dildə danışır. Spesifik şotland gəlik dialektində olan, loch və pırmıqan kimi sözlər vardır.

Ancaq gəlik dilindən ingilis dilinə keçmə sözlər vardır: bard, glen, bog, slogan, whiskey, blarney, shillelagh, shamrosk, brogue və galore.

Çay fasiləsini etməyə hazırlaşırıq. Amma cibimizdə avro yoxdur. Avropanın bizdən fərqi ondadır ki, bank hər zaman müştərilərinə xidmət edir. Bizim bank isə “balansda pul yoxdur” deyib kartı qaytarır özünə. Balansa pul keçirt, sonra alarsan. Bizim işbazlar bu sistemə etiraz edəndə deyirlər ki, gərək kredit kartı olsun ki, bank pul versin. Məsələnin bu cür texniki həlli məni qəti maraqlandırmır. Mən vətəndaşam və müəyyən bankda mənə xidmət göstərilməlidir. İndi necə olmalıdır, hansı qaydada olmalıdır, bunu hökumət və aidi təşkilatlar həll etməlidirlər.

Nə isə, pul məsələlərini tezliklə həll edirik, ancaq çay içməkdən vaz keçirik, çünkü 3 gecə qalacağımız mehmanxananı xəritədə tapdıq. Bu bizim indi dayandığımız yerdən uzaq olmayan Letterkenni şəhərinin yaxınlığında meşənin ortasında gölün sahilində ikimərtəbəli mehmanxanaya çatdıq. Yerləşdik və bir qədər istirahətdən sonra Atlantik okeanın sahilinə yola düşdük. Bir saatlıq yoldan sonra Doneqalda məşinimizi təpəlikdə saxlayıb bu okeanın seyrinə dalırıq. İlahi nə qədər gözəl mənzərələrdir! Okeanın içərilərində təpəliklər arasındakı saysız-hesabsız göllər kiçik bir boğaz vasitəsilə okeanla birləşir. Eyni mənzərənin biz şimalda Ratmullanda şahidi olduq. Yoldan gəldiyimizə və yorğunluğumuza baxmayaraq, bu ecazkar mənzərələri seyr etməkdən doymaq olmurdu. Ya yolun qırağında, ya da bir az içəridə tək-tək eyni tipli ağ rəngə bürünmüş evlər görünür və sahələrdə otlayan iri yelini sallanan cins inəklər və qoyun-quzular otlamaqdan həzz alırlarmış kimi heç ətraf aləmə çevrilib baxmırlar.

Şimalda okeanın sahillərində gəzişən və ayaqlarını suya salıb ləz-zət alan ingilis dostlarımız bizi də okean sularına girməyə çağırırdılar. Ancaq hava küləkli və soyuq idi. Bizim üçün bu havada suya girmək təsəvvürə gəlməzdir, ancaq ingilislər suda oynamaqdan doymurdular. Sahilə məşinlə getmək qadağandır. Hamı bu qaydaya əməl edir. Sahildən okeanın suyuna qədər 200 m qumluq sahə nəmişlikdir, ancaq burada heç bir kağız, butulka və s. qırıntılara və onların qalıqlarına rast gəlmək olmur. İnsanlar dəstə-dəstə məşini müəyyən edilmiş yerdə saxlayıb okean havası almaq üçün buraya axışırlar.

Bizim ingilis müşayiətçilərimiz Mark və onun 11 yaşlı qızı Marsi geri qayıdırlar, onlar çox xoşbəxt idilər. Biz yenidən məşinə oturub bu qeyri-adi gözəlliyi olan məmləkətin okean sahilində şimal-qərb istiqamətində Ratmullanda kafeyə girib nəsə içmək istəyirik. Mən Ginnes pivişi sifariş verirəm, mənim yol yoldaşlarım isə kola içirlər. Avro ilə hesabı ödəyib mehmanxanaya qayıdırıq.

Bir az rahatlandıqdan sonra mehmanxananın 1-ci mərtəbəsində axşam yeməyinə getməliyik.

Mən öz otağımıza qalxanda içərisindən keçib getdiyim otaqların birində keçmiş aristokrat üslubunda düzəldilmiş otaqda kitab şkaflarını görçək Vəfa xanıma bildirirəm ki, sən get hazırlaş, mən bu kitablara baxım. Bu şkaflarda dünyanın və Böyük Britaniyanın tarixinə, bu gününə və həyatın müxtəlif sahələrinə aid nə qədər kitab var ilahi! Bu tərəfdə hər hərfi əks etdirən çoxcildli dünya ensiklopediyası, o tərəfdə U.Çörçilin 5 cildliyi, daha nələr və nələr?!

Vəfanın «Ata, gedək axşam yeməyinə» sözləri məni öz sevimli məşğələmdən ayırdı. Vəfa gəlməseydi, yemək yaddan çıxacaqdı. Biz 1-ci mərtəbədəki restorana daxil olanda ofisiantlardan biri nəzakətlə xahiş elədi ki, tələsməyin, qarşıdakı otaqda oturub gözləyin, ofisiant gəlib sizdən sifarişi qəbul edəcək, yalnız sonra sizi içəri dəvət edəcəklər. Keçib oturmuşduq ki, ofisiant əlində dörd menyu bizə yaxınlaşdı, hərəmizə bir menyu verib uzaqlaşdı. O bizə seçməyə vaxt vermişdi. Menyuda göstərilmişdi ki, isti yeməklərdən başqa əvvəl, və sonra nə sifariş versək adam başına yemək 55 €-ya (70 \$) başa gəlir. Biz öz aramızda məsləhətləşib razılaşdıq ki, hər növdən birini seçək və bununla da bizim yeməyimiz bir az ucuz başa gəlsin. Ancaq bunu ofisiantdan soruşub razılaşdırmaq lazım idi. Bir azdan ofisiant gəldi, biz arzumuzu ona çatdırdıq və o sifarişi qəbul edib getdi, 10 dəqiqədən sonra geri qayıtdı, bizi restorana dəvət edib, qarşıdakı stolda oturmağa işarə etdi. Restoranın meşənin içərisində və şəhər mərkəzindən xeyli aralı olmasına baxmayaraq iri bir zal az müddətdə mehmanxanada yaşayan qonaqlar və ətraf yaşayış yerlərindən gələnlərlə doldu. İnsanlar gülüşür, yeyir-içir və nəisə canlı müzakirə edirdilər.

Yeməklər dadlı və bol idi. Boşqablarda gətirilən xörəkləri yeyib qurtarmaq olmurdu. Mən adəti üzrə Gines pivəsi içdim, Vəfa və Mark 330 q-lıq italyan şərabından içib feyziyab olurdular. Marsi isə qazlı suya girişmişdi: axşam yeməyi hər birimizə 35 €-ya (40\$) başa gəldi.

Bu cür yeməkdən sonra meşədə gölün qırağında gəzintiyə çıxmaq qeyri-mümkün idi. 15-18 dərəcəli havada 45-60 dəqiqə gəzdik, oradan-buradan danışdıq və geri qayıdıb yatmaq üçün ayrıldıq. Mən uzun müddət gün ərzində aldığım təəssüratlardan ayrılıb yuxuya gedə bilmirdim. Doğrudan da, bu ölkə bizim anlamımızda əmin-amanlıqda, rahatlıqda işləyir və yaşayır, onun yeganə problemi bütöv İrlandiyanın azadlığıdır, onu da onlar qismən əldə ediblər.

Səhər oyanan kimi Vəfa xanım 16.08.07-si günü səfər planı ilə məni tanış etdi: Səhər yeməyi, Letterkenni şəhərinə ekskursiya, İrlandiya Respublikasının Milli Parkına, oradan Doneqal şəhərində cənub-qərbdən Atlantik okean sahilinə gəzintiyə çıxmaq və qayıdıb axşam yeməyinə çatmaq.

Mehmanxanada səhər yeməyi qalma xərclərinə daxildir. Biz çox ləzzətli səhər yeməyini yeyib Letterkennin mərkəzinə yola düşdük. Şə-

hərdə pulsuz maşın qoyub getmək olmaz. Bu balaca şəhəri tez dolaşib kitab mağazasından keçib üz tutduq Glenvaq Milli Parkına. Okeanın şimal-qərbində yerləşən bu park 16 ha sahəni əhatə edir. Buraya dünyanın hər yerindən turistlər axışır. Parka daxil olmaq və maşın saxlamaq pulsuzdur. Ancaq gölün sahilində lap parkın qurtaracağı yerdə olan 18-ci əsr qəsriyə ekskursiya 3 avroyadır. Oraya piyada və avtobusla getmək olar. Piyada gedib-gələnlər qəsrə daxil olmaq üçün 2 avroya giriş biletini almalıdırlar, avtobusla gedənlər isə qəsrə bilet aldıkları halda pulsuz gedib-gələ bilərlər. Bura təbiətin bir əsrarəngiz guşəsidir: yaşıl yamaqlar, çıpaq təpəliklər və onların arası ilə uzanıb gedən göl. Qəsrin ətrafı əsl nəbatət bağıdır, burada hər cür bitkiyə rast gəlmək olur. Buranı gəzəndə Bakıdakı Dendrarı yadıma düşdü. Biz nə qədər fərdiyyətçiyik. Bakı ətrafında elə villalar var ki, onların həyəti əsl cənnəti xatırladır. Ancaq sahibləri üçün. Xalqın istirahət və əyləncə, həm də tamaşa yeri olan Mərdəkandakı botanika bağımıza turist cəlb edə bilmirik.

Parka gəzəndə magistralda yol tikintisi ilə rastlaşdıq. Bu avropalıların pulu qədrini necə də bilirlər. Yolun bir hissəsi tikilir. O biri hissəsində tikinti başladığı yerdə bir svetoфор, qurtaran yerdə bir svetoфор, onlar bu məsafədə hərəkəti nizamlayır. Tikinti gedən hissə 80 sm dərinlikdə qazılır, əvvəl qum, sonra iri çınqıl, sonra beton, sonra xırda çınqıl, nazik beton və üstündən də asfalt. Bu cür tikilən yol dağlarıdır? Heç vaxt! Biz isə ipək yolu tikdik, o qədər vəsait göyə sovruldu, yox sovrulmadı, vəsaitin hesabına xaricdə və ölkədə villalar tikildi, yol isə istifadəyə verilməmiş dağıldı. Bu yeyintiyə və məsuliyyətsizliyə görə kimsə cəzalandımı? Ancaq jurnalist həqiqəti yazarsa, o tutulmalı, həbs edilməli, susdurulmalıdır.

Milli parkı gəzib qurtarmaq olmur. Nəyisə ixtisara salıb kiçik çay fasiləsi edəndən sonra Letermakavard şəhərindən sahilə çıxdıq. Atlantik okeanı coşmuşdu. Biz düz sahilə qədər irəliləyib maşın dayanacağına maşını saxlayıb sahilə çıxdıq. 200 m-ə qədər sahil nəmiş idi, ancaq güclü külək əsirdi, bir azdan isə şiddətli yağış başladı. Vəfa xanım heç nə baş verməyibmiş kimi Marsilə əl-ələ verib düz okeanın sahil sularının içərisinə getdilər. Ancaq burada təkcə onlar deyildi. Xeyli gənc buraya istirahətə gəlmişdi. Hətta bir maşının yanında elektrik sobası yandırılıb xörək bişirirdilər.

Saat 5 radələrində sahilə uzaqlaşdıq və Klentiesdən keçib ölkənin qərbiyə cənuba doğru sahil boyunca irəlilədik. Yolda marağımı cəlb edən bir hadisəni yazmaya bilmirəm. Maşında irland musiqisinin qulaq asırıq. Melodiya əsl Asiya musiqisi, rəqslərin ritmləri bizimkilərə çox oxşayır. Bu tərəfdən də toponimiya adları məni lap çaş-baş qoydu. Görünür, Vəfa da elə bu fikirlərdə idi. Maşını o sürürdü. Qəfildən dedi ki, ata, bax Narın yer adına. Bir az irəliləmişdik ki, Ardara, sonra Kelli-bey adında yer adları bizdə çox sıcaq assosiasiya yaratdı. Mən ani olaraq

«Ardara» və «Kellibey» adlarında nəşə yaxın bir şey axtarırdım. Hətta bir qədər gedəndən sonra qarşımıza çıxan «Doneqal» sözünü etimoloji cəhətdən «Dön qal» birləşməsilə bağlayıram. İrland dilinin toponimikasında və mədəniyyətində türk elementlərinin olmasını deyə bilmərəm, hər halda bu assosiasiya düşünməyə əsas verir. Mən Kellibeydə maşından düşüb çox ziyalı bir qadıncıdan soruşdum ki, bu yerlərdə türklər yaşayırmı, «bəli» cavabını alandan sonra şübhələrim daha da artdı. Kim bilir, bəlkə etrusların İtaliyanın şimalından bu yerlərə gəlməsi tarixi faktıdır.

Biz Kellibeyə çatanda yolda döngələrin birində iri hərflərlə yazılmışdı: ötən 3 il ərzində bu yolda 70-ə qədər adam avtoqəzaya düşüb həlak olmuşdur. Nə gözəl, psixoloji təsir, sürücüyə hədə-qorxu yox, polis dəyənəyini göydə fırladan yekə gövdəli hərəkət nizamlayıcısı roluna girmiş məmur yox, süüraltı təsir oyadan psixoloji metod.

Ümumiyyətlə, Avropanın hər yerində olduğu kimi, burada da yol polisi görünür. Ancaq yollarda işarələr sistemi elə qurulub ki, sürücü yol boyu o işarələrin içindədir, onları oxuyur, onlara əməl edir. Ona görə də qaydanı pozan yoxdur, ola da bilməz. Bizdə isə hamıya yaxşı məlumdur. Sürücülük vəsiqəsi tanışlıq və pulla verilir. Sükan tutmaq hələ sürücülük demək deyildir. Sürücünün intellekti, mədəniyyəti, məsuliyyəti və nəhayət, vicdanı olmalıdır. Bunları da cəmiyyət aşılmalıdır. Adam anadangəlmə sürücü ola bilməz axı! Yollarımızda işarə sistemləri Nuh əyyamından qalmadı, yollar dardır. Bunlar avtoqəzaya səbəb olan subyektiv amillərdir. Obyektiv amil isə sürücünün sağlam olub-olmaması, maşın sürmək üçün ən azı şablonları bilməsi, maşının texniki sazlığı və əsasən sürücülük vəsiqəsinin həqiqi imtahanından sonra alınması. Bizdə ANS yol hərəkəti qaydaları ilə bağlı iri çinli məmurlara intervyü verir, onlar yol hadisələrinə heç vaxt obyektiv qiymət vermirlər. Elə efirə və ekrana ötürülən informasiya da mənasız və diqqəti yayındırmaq üçündür. Məsələn, deyilir ki, Xaçmaz yolunda avtoqəza hadisəsi baş verib. 5 nəfər ölüb, üç nəfər ağır yaralıdır. Xaçmaz r-nu polis idarəsində həmin hadisə ilə bağlı cinayət işi qaldırılıb.

Bu nə informasiyadır. Görək deyilsin, sürücü kimdir, sənədi var idimi, maşın sürməyə rəsmi icazəsi var idimi? Bunlar ictimaiyyətdən gizlədilir. Ona görə də əsil baskar cəzalandırılmır. Hadisələrin bizdə bu cür inkişafının səbəbi məhz yuxarıda göstərdiklərimizdir. Görəsən son illərdə neçə nəfər avtoqəzada ölüb. Polis tədqiqat institutu və ya mərkəzi yaradılmalıdır.

Burada isə avtoqəza fəvqəladə hal hesab olunur.

Elə bu cür düşüncələrə qərq olmuşdum ki, dağın döşündə hündür dirəklərdə fırlanan külək pəlpələlərini gördüm. Bu Avropa üçün adi bir şeydir. Burada, təbii enerji mənbələrindən (külək, günəş) istifadə çox aktual məsələdir. Vəfaya təklif edirəm ki, maşınqayırma sənayesində külək

enerji mənbəi kimi yaramazmı? Burada doğrudan çox küləklidir. Təsvür edərkən ki, avtomobil saatda 50-dən yuxarı sürətlə gedir ki, mühərrikin yanacaq təminatı avtomatik olaraq onun qabaq hissəsində quraşdırılmış külək qurğusuna keçir, o da avtomobilin enerji təchizatını dayanaq qədər öz üzərinə götürür. Mühəndislərə yaxşı ideya veririk.

Radioda irland melodiyalarına qulaq asırıq və irlandların bu musiqiyə görə hind – avropalı olmalarına inanmırıq. Kellibeydə dayanıb balaca qəlyanaltı etmək istəyirik. İçəri girib salam veririk. Qəşəng ofisiyanın xanım bizə yaxınlaşır, yemək və ya içmək istədiyimizi soruşub öyrəndəndən sonra pəncərənin qabağındakı boş stolda oturmağımızı xahiş edir. Provinsial olsa da kafedə yüksək müasirlik duyulur. Həmin xanım tez hərrəyə bir menyu gətirir. Seçirik və sifariş etdiyimiz yemək – içmək gələndə qədər Vəfa xanımla söhbət edirik.

– Görürsən də, ata?

– Bəli, qızım, görürəm. Bilirəm hara işarə edirsən. Bizdə bu məsələ nə qədər ki, mafianın əlindən çıxmayıb, düzəlməz. Bakıda, ya harada olursa – olsun, kafeyə və ya yeməkxanaya girirsən, hər tərəf çirkə, çirkəb içində, rayon yerlərində isə milçək əlindən tərpnəmək olmur. Kafeyə girən kimi bığburma bir kişi yanaşır sadalayır: - yeməyə yaxşı tikə, lülə, içalat və salat. İraq olsun, ayaqyolu da nə gündə!

Yadıma bir əhvalat düşdü: Bir dəfə bir alman professoru Bakıya qonaq gəlir, onu aparırlar qonaq. Bəli, erkək kəsilir, yemək – içmək başlayır. Professorun da mədəsi belə şeylərə vərmiş kimi axır. Bir az yağlı kababdan yeyib üstündən soyuq su içən kimi bioloji tələbat onu dəng edir. Onu səfərdə müşayiət eləyən bir nəfərdən soruşur ki, rahatxana hardadır, deyirlər ki, qaranlıqdır, ver özünü istənilən ağacın altına.

Sonralar mən Berlində doktoranturada oxuyarkən (1977 – 78) həmin professor G.F.Mayer, indi dünyasını dəyişib, allah rəhmət eləsin, ironiya ilə mənə danışdı ki, siz necə millətsiz. İmarətləriniz, bağ – bağçanız, gəbə – xalçanız, hər şeyiniz var, ancaq nədənsə insana lazım olan ən əsas məsələ – rahatxananız yoxdur. Qışın şaxtasında qoca arvad və kişi ağacın altında, uzaqbaşı yanı qarğı ilə hörülmüş ayaqyolunda dizi bükülmüş halda necə dözə bilər. Haqlı iraddır! Gərək infrastrukturda bu element mütləq nəzərə alınsın. Təzə ipək yolu çəkilib, amma bu vacib elementi nəzərdən qaçırdılar. Belə olanda bizə turist gələrmimi?! Bakıda avropalılar mənzil tutmaq istəyəndə onların iradəsinin ifadəçisi olanlar birinci soruşurlar, təmir Avropa üslubundadırmı? İnandırırım sizi, bu anlayış haqqında onları birinci növbədə tualetin və hamamın vəziyyəti maraqlandırır.

Mən yenə bir parçə Ginnes piyvəsi içdim və səfər yoldaşlarım toyuq kotletlə kartof qızartmasını ləzzətlə yeyib mehmanxanaya yola düzəldik. Yenə radioda irland musiqisi və irland dilində əyləncəli proqram. Ancaq

2 saatlıq yol qət edəndə həmin radio dalğalarında klassik musiqidən də parçalar və konsertlər verirdilər. Elə P.Çaykovskinin «Sonalar gölü» baletindən kiçik sonaların rəqsi Marsinin çox xoşuna gəlirdi. Təəssüf ki, bizdə vurğunluq o qədər çoxdur ki, biz radio dalğalarında heç klassik musiqiyə rast gəlmirik. Hər halda mən hər gün saat 10-dan 11-ə, axşam da 4-dən 5-ə kimi yolda oluram. Hələ bir dəfə də olsun belə bir şeyin şahidi olmamışam.

Artıq qaş qaralırdı. Biz mehmanxanaya çatdıq. Maşınımızı dayanacaq meydançasında saxlamaq üçün mən açarı Markdan alıb «Golf» markalı maşını sürmək istədim. Mark zarafatla dedi ki, burda sizə bu maşını sürmək olar, çünki sizdən burada icazə sertifikatı tələb olunmur. Hamımız gülüsdük. Mən sükanın arxasına keçib 50 m-lik yolu sürdüm. Fikirlərimdə «Сеер» həsrətində olan həmyerlilərimlə mübahisəyə girişdim. İnsan nə qədər ağılsız olar ki, bu cür kompakt, səliqəli və az yanacaq yandıran avtomobilləri qoyub ceeplərə meyl edə. Axı ceeplərin qarbariti, yanacağı, saxlanması da sərfəli deyil. Nə olsun ki, biz yalnız bir ideya ilə yaşayırıq: qonşuya baxaram, özümü oda yaxaram. Vəssalam. Qayıdıb gələndən sonra Vəfaya deyirəm ki, Vəfa, sağlıq olsun, Bakıya qayıdandan kəmi «Golf» alacağam: ucuz, sərfəli və rahat. İnsana bundan başqa nə lazımdır ki. 16. 08. 07 axşam yeməyini yeyib (yemək proseduru yuxarıdakı kimi idi) yatmağa getdik.

17.08.07 səhər yeməyini yeyib, mehmanxana sahibi və xidmətçilərlə sağollaşıb Belfasta üz tuturuq. Bu gün axşam 18⁵⁰ reysilə Londona qayıtmalıyıq.

Xırda – xırda yağış yağır, bizim Mark inamla alman maşını «Golf»-u idarə edir. Omağ şəhərindən keçib Armağa doğru irəliləyirik. Mark təklif edir ki, çay fasiləsi edək. Bu həm də gunorta yeməyi idi. Maşını meşəlikdə bir kafenin qarşısında saxlayıb içəri girdik, əllərimizi yuyub oturan kimi gözəl bir qız ofisiant yaxınlaşıb menyunu bizə uzatdı. Naharımız çox çəkmədi. Qabaqda bizi Belfast gözləyirdi. Xudahafizləşib yola düşdük. Saat 14⁰⁰- da Belfasta daxil olduq. Maşınımızı çoxmərtəbəli dayanacaq yerində saxlayıb, şəhərə qayıtdıq. Balaca bir şəhər, ancaq həyat burda qaynayır. Hər bina bir abidə, hər abidə bir tarix. Bunları öyrənmək çox vaxt tələb edir. Ancaq Şimali İrlandiyanın iki ali məktəbindən biri olan Queen universitetinə baxmamaq olmazdı. Universitet əvvəlcə gənc Viktoriyanın adına Queen's kolleç kimi 1845-ci ildə yaranıb. İndi burada tələbə şəhərciyi, universitetin sərgi salonu, Olster orkestrinin çıxış elədiyi səhnə, kitab mağazaları və digər əzəmətli binalar yerləşir.

Yağış güclənir, bizsə gəzməkdən yorulmuruq və baxmaqdan doymuruq. Məşhur Dobenhams mağazasının ikinci mərtəbəsinə qalxıb çay və kofe fasiləsi edirik. Bundan sonra qayıdıb avtomobilimizə oturub

təyyarə İrmanına tərəsirik. Aeroport yolunda təmir işləri getdiyi üçün bizə xeyli vaxt lazım gələcəkdə.

Aeroporta yaxınlaşıb maşını təhvil veririk. Açarı bizdən götürən şəxs avtomobilə baxır, yanacaq doldurduğumuzu görüb bizə təşəkkürünü bildirib «gedə bilərsiniz» deyir. 4 gün ərzində işlətdiyimiz maşını dolu benzin baki ilə götürmüşdük, dolu bakla da təhvil verdik. Yeri gəlmişkən, Aİ benzini 1,22 €-dur, bu təxminən bizdən iki dəfə bahadır, Londondan isə 0,40 cent ucuzdur.

Təyyarə limanına daxil olub qeydiyyatdan keçirik və yalnız bircə yerdə təhlükəsizlik xidməti diqqətlə hər şeyi yoxlayır. Bir saatdan sonra Londona çatıb heç bir yoxlamaya məruz qalmadan yükümüzü götürüb evimizə yollanırıq. Mən isə Vəfa xanıma, çox böyük diqqətlə maşınımızı idarə edən Mark bəyə və Marsiyə bu gözəl səfər üçün təşəkkür edirəm.

Belfast-London-Baki

Böyük Britaniya və Şimali İrlandiya İttifaqı Birləşmiş Krallığı dünyanın 2% ərazisini təşkil edən ölkə məhz rəsmi olaraq Böyük Britaniya və Şimali İrlandiya Birləşmiş Krallığı adlanır. (The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland). Çoxları bu ölkəni Böyük Britaniya, (Great Britain -GB), Birləşmiş Krallıq (United Kingdom – UK) və ya sadəcə olaraq Britaniya (Britain) adlandırırlar. Son zamanlar isə mətbuatda İngiltərə kimi işlənir. Rəsmi olaraq buraya İngiltərə, Şimali İrlandiya (paytaxtı Belfast), Şotlandiya (paytaxtı Solinqburq) və Uels (paytaxtı Kardiiff Siti). Ərazisi. 224,100 kv km-dir. Şimaldan cənuba 970 km, şərqdən qərbdə 480 km, Coastline eni 4,057 km-dir.

Paytaxtı London, dili ingilis, dövlət forması konstitusional monarxiyadır. Hökumətin başçısı baş nazirdir, adətən aparıcı partiyanın lideridir.

Parlament. Lordlar palatası, 1000 üzvü var, common hoas – nümayəndələr palatasında isə xalqın seçdiyi 635 üzv var.

Siyasi bölgüsü. İngiltərə və böyük London 45, Şimali İrlandiya 6, Şotlandiya 12, Uels olmaqla 8 dairəyə bölünüb. Yüksəkliyi 1343 metr, ən alçaq yeri 4,6 m dəniz səviyyəsindən yuxarıdadır.

1895-ci il siyahıyalmasına görə əhalisi 55,681 milyon nəfərdir, əhalisinin 92%-i şəhərlərdə, 8%-i isə kəndlərdə yaşayır. Hər km²-ə 591 nəfər düşür.

İstehsal. k/t məhsulları, maşınqayırma, neft – qaz, balıqçılıq. Pul vahidi funtdur.

Dəniz ticarətində aparıcı ölkələrdəndir. 1900-cu illərdə imperiya yaratdı və dünyanın ərazisinin və əhalisinin ¼-nə ağalığı edirdi. XIX əsrin əvvəllərində imperiya dağılmağa başladı. Bu gün Britaniya sənaye və

ticarət ölkələri arasında liderdir. 1707-ci ildə İngiltərə ilə Uels Şotlandiya ilə birləşib Böyük Britaniyanı yaratdılar.

Böyük Britaniya konstitusiyasıdır. Dövlətin başçısı kraliçadır (II Yelizavet). Kraliçə tacın daşıyıcısıdır, ancaq idarə etmir. Faktiki olaraq ölkəni baş nazir idarə edir (Gorden Braun). Nazirlərin çoxu baş nazirin təmsil etdiyi aparıcı partiyanın üzvləridir. Baş nazir parlamentə, parlament isə xalq qarşısında cavabdehdir.

BB ABŞ kimi konstitusiyaya malik deyildir. Britaniya konsultasiyasının çox hissəsi yazıda mövcud deyil, Ölkə açıq konstitusiyaya vərdiş edib. Yazılı hissənin bəzisi parlamentdən gəlir, bəzisi isə kralın səlahiyyətlərini məhdudlaşdıran kartadan gəlir. 1000 ildən artıqdır ki, Britaniyanın konstitusiyası dəyişir və təkmilləşir. O çox çevikdir. Onda hər zaman dəyişə bilər.

Monarxiya bu ölkədə 1000 ildir yaşayır. Tac kralın oğluna ötürülür, oğlu olmadıqda isə onun böyük qızı taxt – taca sahib olur. Tac monarxiyanın gücünün simvoludur. Bu gün tac səlahiyyətləri kralın razılığı ilə müxtəlif cür paylanır. Onun nazirləri, parlamenti və s. əlahəzrətə tabedir.

Xalqın mübarizlik əzmini bu qədər əyani və təsiredici şəkildə qələmə alan rəssam Moris Harronun «Hasarlar şəhəri» adlı rəsm əsəri mənə çox təsir elədi. Bu şəkildə Derrini iki yerə bölən Foyle çayının üzərindən bu üzdə qız o üzdən isə oğlan bir-birinə əl uzadaraq nəinki çayın iki sahilini, həmçinin iki tərəfi, gələcəyə gəncliyi birləşdirmək rəmzidir. Çox təsiredici bir əsərdir. Biz Arazımızla bağlı çox şer yazmışıq, ancaq xalqı iki yerə bölən bu tarixi hadisəni lənətləyən və gələcəyə pessimist ruhla baxmağa çağıran belə əsərlər görməmişik hələ.

Ümumiyyətlə, xalqın dili onun istiqlal mübarizəsində qılınca və qalxana çevrilir. Necə ki, irlandların və almanların kişiləri onları vahid əməl uğrunda birləşməyə çağırır. Bizdə isə dinimizin mübarizəmizə arxa olduğunu görənlər olmayıb. Biri şimala (Moskvaya), biri cənuba (Tehrana), biri də həcə (Əl Riyad) baxır, ortada da hərəracə qoyulmuş torpağımız, bütövlüyümüz və milli varlığımız. İrlandiya xalqı dünyaya böyük şəxsiyyətlər bəxş etmişdir. Bu Oskar nominasiyalarının gerbi artist Kennet Branağ, boksçu B.Makquigan, 1972-ci il Olimpiya çempionu M.Peters və s.vətənidir.

Bəli, Foyle çayı üzərindən körpünü keçdik və güclü sənaye və təsərrüfat potensialı olan İrlandiya Respublikasının ərazisinə daxil olduq. Yolun solundakı sürət məhdudiyyətini göstərən rəqəm mənim diqqətimi cəlb etdi. Saatda 100 km. Ancaq körpüyə qədər bu Millə göstərilirdi. Maşınlar burada da yolun solu ilə hərəkət edir, sükan da sağdadır. Ötmə zamanı irəliləyənin sağından keçmək lazımdır. Avropada olduğumun ikinci əsası kiçik bir qəsəbədə düşərkən su almaq istəyəndə bizdən avro istəməkləri oldu. Deməli, körpüdən bu yana fund işləmir.

Dil eynidir.

Haşiyə: Hər iki İrlandiyanın rəsmi dilləri ingilis və irland dilləridir. İrland dilinə bu dildə gəlik deyirlər. Kasnerin 8 dəfə yenidən nəşr olunmuş «Dünya dilləri» adlı məşhur əsərində yazıldığına görə gaelic (gəlik) dili həm İrlandiyanın həm də Şotlandiyanın iki variantda (irland gəlik və şotland gəlik) işlətdiyi dildir. Uels dili kimi o da kelt dillərindən olmaqla hind-Avropa dilləri ailəsinə aiddir.

İrland gəlik dili adətən sadəcə olaraq irland dili adlanır və İrlandiya Respublikasının ingilis dililə birlikdə rəsmi dilidir. Bu dildə 1,250.000 nəfər, yəni bu Respublika əhalisinin 3/1-i danışır, dövlət idarələrində onun işlənməsi və məktəblərdə keçilməsi məcburidir. Şimali İrlandiyada əhalinin 100.000 nəfəri, yəni 6%-i bu dildə danışır. Həm İrlandiyada, həm də Şotlandiyada bütün gəlik dilində danışanlar ingilis dilində səlislə danışirlər.

Ənənəvi olaraq gəlik dilində 5-əsrə roman əlifbasından götürülmüş sait üçün 5, samit üçün isə 13 işarə vardır. Bu əlifbada j, k, q, v, w, x, y və z yoxdur. Sait üzərində akut işarə onun uzunluğunu, samit üzərində sadə nöqtə isə onun nəfəsli tələffüz olduğunu göstərir. Yeni orfoqrafiyaya görə nöqtələr ləğv edilmiş və nəfəslilik üçün samitdən sonra «h» yazılır. Məsələn, «c» əvəzinə «ch».

Təxminən gəlik İrlandiyadan Şotlandiyaya keçmişdir. Burada bu dilin rəsmi statusu yoxdur və Şotlandiyanın şimal-qərbində 75.000-ə qədər adam bu dildə danışır. Spesifik şotland gəlik dialektində olan, loch və pərməqan kimi sözlər vardır.

Ancaq gəlik dilindən ingilis dilinə keçmə sözlər vardır: bard, glen, bog, slogan, whiskey, blarney, shillelagh, shamrosk, brogue və galore.

Çay fasiləsini etməyə hazırlaşırıq. Amma cibimizdə avro yoxdur. Avropanın bizdən fərqi ondadır ki, bank hər zaman müştərilərinə xidmət edir. Bizim bank isə balansda pul yoxdur deyib kartı qaytarır özünə. Balansa pul keçirt, sonra alarsan. Bizim işbazlar bu sistemə etiraz edəndə deyirlər ki, gərək kredit kartı olsun, bank pul versin. Məsələnin bu cür texniki həlli məni qəti maraqlandırmır. Mən vətəndaşam və müəyyən bankda mənə xidmət göstərməlidir. İndi necə olmalıdır, hansı qaydada olmalıdır, bunu hökumət və aidi təşkilatlar həll etməlidirlər.

Nə isə pul məsələlərini tezliklə həll edirik, ancaq çay içməkdən vaz keçirik, çünki 2 gecəlik qalacağımız mehmanxanayı xəritədə tapdıq. Bu bizim indi dayandığımız yerdən uzaq olmayan Leterkenni şəhərinin yaxınlığında meşənin ortasında gölün sahilində iki mərtəbəli mehmanxanaya çatdıq. Yerləşdik və bir qədər istirahətdən sonra Atlantik okeanın sahilinə yola düşdük. Bir saatlıq yoldan sonra Doneqalda məşinimizi təpəlikdə saxlayıb bu okeanın seyrinə daldıq. İlahi nə qədər gözəl mənzərələrdir! Okeanın içərilərində arasındakı saysız-hesabsız gillər kiçik bir

boğaz vasitəsilə okeanla birləşir. Eyni mənzərəni biz şimalda Ratmullanda şahidi olduq. Yoldan gəldiyimizə və yorğunluğumuza baxmayaraq bu ecazkar mənzərələri seyr etməkdən doymaq olmur. Ya yolun qırağında, ya da bir az içəridə tək-tək eyni tipli ağ rəngə bürünmüş evlər və sahələrdə otlayan iri yelini sallanan cins inəklər və qoyun-quzular otlamaqdan həzz alırlarmış kimi heç ətraf aləmə çevrilib baxırlar.

Şimalda okeanın sahillərində gəzişən və ayaqlarını suya salıb ləzzət alan ingilis dostlarımız bizi də okean sularına girməyə çağırırdılar. Ancaq hava küləkli və soyuq idi. Bizim üçün bu havada suya girmək təsəvvürə gəlməzdir, ancaq ingilislər suda ounamaqdan doymurdular. Sahilə maşınla getmək qadağandır. Hamı bu qaydaya əməl edir. Sahildən okeanın suyuna qədər 200 m qumluq sahə nəmişlikdir, ancaq burada heç bir kağız, butulka və s. qırıntıların və qalıqlarına rast gəlmək olmur. İnsanlar dəstə-dəstə maşını müəyyən edilmiş yerdə saxlayıb okean havası almaq üçün buraya axışırlar.

Bizim ingilis müşayətçilərimiz Mark və onun 11 yaşlı qızı Marsi geri qayıdırlar, onlar çox xoşbəxt idilər. Biz yenidən maşına oturub bu qeyri-adi gözəlliyi olan məmləkətin okean sahilində şimal-qərb nöqtəsində Ratmullanda kafeyə girib nəşə içmək istəyirik. Mən Ginnes pivəsi sifariş verirəm, mənim yol yoldaşlarım isə kola içirlər. Avro ilə hesabı ödəyib mehmanxanaya qayıdırıq.

Bir az rahatlandıqdan sonra mehmanxananın 1-ci mərtəbəsində axşam yeməyinə getməliyik. Mən öz otağımıza qalxanda içərisindən keçib getdiyim otaqların birində kncmiş aristokrat üslubunda düzəldilmiş otaqda kitab şkaflarını görcək Vəfa xanıma bildirirəm ki, sən get hazırlaş mən bu kitablara baxım. Bu şkaflarda dünyanın və Böyük Britaniyanın tarixinə, bu gününə həyatın müxtəlif sahələrinə aid nə qədər kitab var ilahi. Bu tərəfdə hər hərfi əks etdirən çoxcilidli dünya ensiklopediyası, o tərəfdə U.Çörçilin 5 cilidliyi, daha nələr və nələr?!

Vəfanın «Papa gedək axşam yeməyinə» sözləri məni öz sevimli məşğələmdən ayırdı. Vəfa gəlməsəydi, yemək çıxacaqdı. Biz 1-ci mərtəbədəki restorana daxil olanda ofisiantlardan biri nəzakətlə xahiş elədi ki, tələməyin, qarşıdakı otaqda oturub gözləyin, ofisiant gəlib sizdən sifərişi qəbul edəcək, yalnız sonra sizi içəri dəvət edəcəklər. Keçib oturmuşduq ki, ofisiant əlində dörd menyu bizə yaxınlaşdı, hərəməzə bir menyu verib uzaqlaşdı. O bizə seçməyə vaxt vermişdi. Menyuda göstərilmişdi ki, isti yeməklərdən başqa əvvəl, və sonra nə sifəriş versək adam başına yemək 55 €-ya (70 \$) başa gəlir. Biz öz aramızda məsləhətləşib razılaşdıq ki, hər növdən birini seçək və bununla da bizim yeməyimiz az ucuz başa gəlsin. Ancaq bunu ofisiantdan soruşub razılaşdırmaq lazım idi. Bir azdan ofisiant gəldi, biz arzumuzu ona çatdırdıq və o sifərişi qəbul edib getdi, 10 dəqiqədən geri qayıdıb bizi restorana dəvət edib qarşıdakı stolda

oturmağa işarə etdi. Restoranın meşənin içərisində və şəhər mərkəzindən xeyli aralı olmasına baxmayaraq iri bir zal az müddətdə mehmanxanada yaşayan qonaqlar və ətraf yaşayış yerlərindən gələnlərlə doldu. İnsanlar gülüşür, yeyir-icir və nəisə canlı müzakirə edirdilər.

Yeməklər dadlı və bol idi. Boşqablarda gətirilən xörəkləri yeyib qurtarmaq olmurdu. Mən adəti üzrə Gines pivəsi içdim, Vəfa və Mark 330 q-lıq italyan şərabından içib feyziyab olurdular. Marsi isə qazı suya girişmişdi: axşam yeməyi hər birimizə 35 €-ya (40\$) avroya başa gəlirdi.

Bu cür yeməkdən sonra meşədə gölün qırağında gəzintiyə çıxmaq qeyri-mümkün idi. 15-18 dərəcəli havada 45-60 dəqiqə gəzdik, oradan-buradan danışdıq və geri qayıdıb yatmaq üçün ayrıldıq. Mən uzun müddət gün ərzində olduğum təəssürlərdən ayrılıb yuxuya gedə bilmirdim. Döğrudan da bu ölkə bizimi anlamımızda əmin-amanlıqda, rahatlıqda, işləyir və yaşayır, onun yeganə problemi bütöv İrlandiyanın azadlığıdır, onu da onlar qismən əldə ediblər.

Şəhər oyanan kimi Vəfa xanım 16.08.07-si günü səfər planı ilə məni tanış etdi: Şəhər yeməyi, Letterkenni şəhərinə ekskursiya, İrlandiya Respublikasının Milli Parkına, oradan Doneqal şəhərində cənub-qərbdən Atlantik okean sahilinə gəzintiyə çıxmaq və qayıdıb axşam yeməyinə çatmaq.

Mehmanxanada şəhər yeməyi qalma xərclərinə daxildir. Biz çox ləzətli şəhər yeməyini yeyib Letterkennin mərkəzinə yola düşdük. Şəhərdə pulsuz maşın qoyub getmək olmaz. Bu balaca şəhəri tez dolaşmaq kitab mağazasından keçib üz tutduq Glenvaq Milli Parkına. Okeanın şimal-qərbində yerləşən bu park 16 ha sahəni əhatə edir. Buraya dünyanın hər yerindən turistlər axışır. Parka daxil olmaq və maşın saxlamaq pulsuzdur. Ancaq gölün sahilində lap parkın qurtaracağı yerdə olan 18-ci əsr qəsriyə ekskursiya 3 avrodur. Oraya piyada və avtobusla getmək olar. Piyada gedib-gələnlər qəsrə daxil olmaq 2 avroya giriş biletini almalı, avtobusla gedənlər isə qəsrə bilet aldıkları halda pulsuz gedib-gələ bilərlər. Bura təbiətin bir əsrarəngiz guşəsidir, yaşıl yamaqlar, çılpaq təpəliklər və onların arası ilə uzanıb gedən göl. Qəsrin ətrafında əsl nəbatət bağıdır, burada hər cür bitkiyə rast gəlmək olur. Buranı gəzəndə Bakıdakı Dendrarıy yadına düşdü. Biz nə qədər fərdriyyətçiyik. Bakı ətrafında elə villalar var ki, onların həyəti əsl cənnəti xatırladır. Ancaq sahibləri üçün. Xalqın istirahət və əyləncə, həm də tamaşa yeri olan Mərdəkandakı botanika bağımıza turist cəlb edə bilmirik.

Parka gedəndə magistralda yol tikintisi ilə rastlaşdıq. Bu avropalılar pulun qədrini necə də bilirlər. Yolun bir hissəsi tikilir. O biri hissəsində tikinti başladığı yerdə bir svetofor, qurtaran yerdə bir svetofor, onlar bu məsafədə hərəkəti nizamlayır. Tikinti gedən hissə 80 sm dərinlikdə qazı-

lır, əvvəl qumm, sonra iri sinqıl, sonra beton, sonra xırda çinqıl, nazik beton və üstündən də asfalt. Bu cür tikilən yol dağılarmı? Heç vaxt! Biz isə ipək yolu tikdik, o qədər vəsait göyə soruldu, yox sovurulmadı, vəsaitin hesabına xaricdə və ölkədə villalar tikildi, yol isə istifadəyə verilməmiş dağıldı. Bu yeyintiyyə və məsuliyyətsizliyə görə kimsə cəzalandımı? Ancaq jurnalist həqiqəti yazırsa, o tutulmalı, həbs edilməli, susdurulmalıdır.

Milli parkı gəzib qurtarmaq olmur. Nəyisə ixtisara sahib kiçik çay fasiləsi edib Leterm şəhərindən sahilə çıxdıq. Atlantik okeanı coşmuşdu. Biz düz sahilə qədər irəliləyib maşın dayanacağında maşını saxlayıb sahilə çıxdıq. 200 m-ə qədər sahil nəmiş idi, ancaq güclü külək əsirdi, bir azdan isə şiddətli yağış başladı. Vəfa xanım heç nə baş verməyibmiş kimi Marsilə əl-ələ verib düz okeanın sahil sularının içərisinə getdilər. Ancaq burada təkcə onlar deyildi. Xeyli gənc buraya istirahətə gəlmişdi. Hətta bir maşının yanında elektrik sobası yandırılıb xörək bişirirdilər.

Saat 5 radələrində sahilə uzaqlaşdıq və Kuntiesdən keçib ölkəni qərblə cənuba doğru sahil boyuna irəliləyirdik. Yolda marağımı cəlb edən bir hadisənin yazmaya bilmirəm. Maşında irland musiqisinin qulaq asırıq. Melodiya əsl Asiya musiqisi, rəqslərin ritmləri bizimkilər çox oxşayır. Bu tərəfdən də toponimiya adları məni lap çaş-baş qoydu. Görünür, Vəfa da elə bu fikirlərdə idi. Maşını o sürürdü. Qəfildən, dedi ki, ata, bax Narın yer adına. Bir az irəliləmişdik ki, Ardara, sonra Kilibəy adında yer adları bizdə çox sıcaq assosiasiya yaratdı. Mən Ani olaraq «Ardara» və «Kalyboys» adlarında nəşə yaxın bir şey axtarırdım. Hətta bir qədər gəndən sonra qarşımıza çıxan «Doneqal» sözünü etimoloji cəhətdən «Don qal» birləşməsilə bağlayıram. İrland dilində toponimikasında və mədəniyyətində türk elementlərinin olmasını deyə bilmərəm, hər halda bu assosiasiya düşünməyə əsas verir. Mən Killiybegsdə maşından düşüb çox ziyalı bir qadından soruşdum ki, bu yerlərdə türklər yaşayırmı, «bəli» cavabını alandan sonra şübhələrim daha da artdı. Kim bilir, bəlkə etrusların İtaliyanın şimalından bu yerlərə gəlməsi tarixi faktır.

Biz Kileybeqsdə çatanda yolda döngələrin birində iri hərflərlə yazılmışdı: ötən 3 il ərzində bu yolda 70-ə qədər adam avtoqəzaya düşüb həlak olmuşdur. Nə gözəl, psixoloji təsir, sürücüyə hədə-qorxu yox, polis dəyənəyini göydə fırladan yekə gövdəli hərəkət nizamlayıcısı roluna girmiş məmur yox, süüraltı təsir oyadan psixoloji metod.

Ümumiyyətlə, Avropanın hər yerində olduğu kimi burada da yol polisi görünür. Ancaq yollarda işarələr sistemi elə qurulub ki, sürücü yol boyu o işarələrin içindədir, onları oxuyur, onlara əməl edir. Ona görə də qaydanı pozan yoxdur, ola da bilməz. Bizdə isə hamıya yaxşı məlumdur. Sürücülük vəsiqəsi tanışlıq və pulla verilir. Sükan tutmaq hələ sürücülük demək deyildir. Sürücünün intellekti, mədəniyyəti, məsuliyyəti və nəhayət, vicdanı olmalıdır. Bunları da cəmiyyət aşılmalıdır. Adam ana-

dangəlmə sürücü ola bilməz axı. Yollarımızda işarə sistemləri Nuh əyyamından qalmadır, yollar dardır. Bunlar avtoqəzaya səbəb olan subyektiv amillərdir. Obyektiv amil isə sürücünün sağlam olub-olmaması, maşın sürmək üçün ən azı şablonları bilməsi, maşının texniki sazlığı və əsasən sürücülük vəsiqəsinin həqiqi imtahandan sonra alınması. Bizdə ANS yol hərəkəti qaydaları ilə bağlı iri çinli məmurlarına intervü verir, onlar yol hadisələrinə heç vaxt obyektiv qiymət vermirlər. Elə efiyə və ekrana ötürülən informasiya da mənasız və diqqəti yayındırmaq üçündür. Məsələn, deyilir ki, Xaçmaz yolunda avtoqəza hadisəsi baş verib. 5 nəfər ölüb, üç nəfər ağır yaralıdır. Xaçmaz r-nu polis idarəsində həmin hadisə ilə bağlı cinayət işi qaldırılıb.

Bu nə informasiyadır. Gərək deyilsin, sürücü kimdir, sənədi var idimi, maşın sürməyə rəsmi icazəsi var idimi? Bunlar ictimaiyyətdən gizlədilir. Ona görə də əsil baskar cəzalandırılmır. Hadisələrin bizdə bu cür inkişafının səbəbi məhz yuxarıda göstərdiklərimizdir. Görəsən son illərdə neçə nəfər avtoqəzada olub. Polis tədqiqat institutu və ya mərkəzi yaranarlardandır.

Burada isə avtoqəza fəvqəladə hal hesab olunur.

Elə bu cür düşüncələrə qərğ olmuşdum, dağın döşündə hündür dirəklərdə fırlanan külək pəlpələrini gördüm. Bu Avropa üçün adi bir şeydir. Burada, təbii enerji mənbələrindən (külək, günəş) istifadə çox aktual məsələdir. Vəfaya təklif edirəm ki, maşınqayırma sənayesində külək enerji mənbəi kimi yaramazmı?!

Britaniyada təhsil

Britaniyada 3 təhsil sistemi var: 1-i İngiltərə və Uels, biri şimali İrlandiya, biri də Şotlandiya üçün. Hər bir yerdə əhalinin təhsililə məşğulluq olan təhsil müəssisələri vasitəsilə həyata keçirilir. Bu üç sistem məktəblərin təşkilində daxil olmaqla bir-birindən fərqlənir. Müəllimlər tədris kursunu, tədrisin inkişafı metodlarını seçməkdə çox müstəqildilər.

5 yaşından 16 yaşına qədər bütün uşaqlar məktəbə getmək hüququna malikdirlər. Bir qayda olaraq 11 yaşında ibtidai məktəbi (elementary school) bitirirlər, sonra onlar yuxarı siniflərə gedirlər. Bu, Britaniyada müxtəlif cürdür. Bir qismi qrammar school adlanır. Bu məktəb kollec üçün hazırlayır. Digərləri isə daha çox ümumi, texniki və vocational təhsil verən məktəblərə gedirlər. Gənclərin çoxu bütün ali məktəbi tipləri üzrə hazırlıq apararı hərtərəfli məktəblərə gedir.

Müxtəlif sistemlərdə məktəblər azaddır, ancaq bəzi məktəblərdə pul ödəyə bilərlər. Şagirdlərin 95%-i fondun hesabına oxuyur (ilk və sonrakı mərhələdə). Qalanları azad məktəblərə gedirlər, bunlar da özəl məktəblərdir, ya da ianə hesabına fəaliyyət göstərir. Onların bir qismi inglis

public schools adlanır. Özəl məktəblərin çoxu oğlanlar boarding məktəbləridir. Bu məktəblər xarakter aşılayır, yaxşı təlim verir. Onların nüfuzu çox yüksəkdir. İngilis elitasında təmsil olunanların çoxu bu məktəblərdə oxuyublar və ingilis valideynləri hazırda həvəslə uşaqlarını bu məktəblərə göndərirlər. Britaniyanın ən qədim universitetləri olan Oksford və Kembridge universitetlərinin tələbələrinin çoxu belə məktəblərin məzunlarıdır.

BB-nin təxminən 45 universiteti var. Hökumət universitetlərə güclü yardım göstərir. Tələbələrin çoxu öz təhsillərini ictimai və özəl fondların hesabına alırlar. Onlardan 25-i 1950-ci ildən sonra yaranıb, əla elmi proqramları, sosial və digər sahələri əhatə edirlər. Oksford unisi 1100-cü, Kembridge isə 1200-cü illərdə təsis edilib. Onların nüfuzu çox yüksəkdir, əhəmiyyəti var və yüksək tələblərə cavab verirlər. Çoxları inanır ki, bu universitetlərin diplomları həyatda və biznesdə qərantıya verir.

ADLAR

A

Adullayev A.
 Abdullayev C.
 Abdullayeva C.
 Abdullayeva M.
 Adullayev S.
 Abdullayeva Ş.
 Abdurrəhmanov K.-
 Abuov J.A. (Ж.Абуова)
 Adamar
 Adamus M.-
 Avanesov R.İ.
 Abi Ş.Ə.
 Ağayev M.-
 Ağayev Z.
 Ağazadə N.
 Amosov N.N (Н.Н.Амасов)
 Araslı H.
 Məmməd Arif
 Artyomov V.A (В.А.Артемов)-
 Arxanqelskiy V.L.
 (В.Л.Архангельский)
 Arzulu H.
 Axundov A.A.(А.А.Ахундов)
 Axundov D.
 Axundov M. F.-
 Axundov S.(Ахундов С.)
 Aslanova U.
 Aslanov F.
 Aslanov V. –
 Aşiq Əhməd-
 Aşiq Şakir-
 Aşurov M.
 A u g u s t Q. (Г.Август)-
 Şəmsi Ədəd Abi

B

Babayev A.
 Babayev S.
 Baqramyan R. A.
 Bağçabani S.
 Bağırov Q. –
 Bayramov H.
 Baxtin M.

Baranov A.N. (А.Н.Баранов)-
 Baskakov N.A.(Баскаков Н. А)
 Beqdeli Q.
 Beker K.F. (К.Ф.Бекер)
 Bektaev K.V.(К.Б.Бектаев)
 Bellert İ.(И.Беллерт)-
 Benvenist E. (Э.Бенвенист)-
 Bernşteyn S.N. (С.Н.Бернштейн)-
 Bilfeld H.
 Biola
 Blox A. (А.Блох)
 Blumfeld L. (L.Bloomfield)
 Braun B.
 Bruqman (Бругман)
 Brizqunova E.A.(Е.А.Брызгунова)
 Boduen de Kurtene İ.A. (И.А. Бодуен
 де Куртене)-
 Boqatirov P.Q. (П.Г.Богатыров)
 Bondarko L.V. (Л.В.Бондарко)-
 Bonfant C.
 Borbotko V.Q.(В.Т.Борботько)-
 Boost K.-
 Budaqova Z.
 Bülbül-
 Büler Karl (К.Бюлер)

C

Cabbarlı C.
 Cabbarzadə İ.
 Cami
 Cəbrayilov Eynulla-
 Məmməd Cəfər
 Cəfərov C.-
 Cəfərov M. (М.Джафаров)-
 Cəlilov F.
 Conson S.-
 Counz D. (Д.Джоунз)

Ç

Çaxer O.X. (O.X.Zaxer, O.X.Чaxep)
 Çvirner E. (Э.Цвирнер)
 Çvirner K. (К.Цвирнер)
 Çvirnerov E. (E.Zvirner,
 Э.Цвирнер)-

Çvirnerov K.
 Çistoviç L.A. (Л.А.Чистович)-
 Çernyauevskaya
 V.E.(В.Е.Черняевская)-
 Çerner V.(В.Чернер)-
 Çarli Çarlinn
 Çeyf U. (У.Чейф)-
 Çobanzadə B.
 Çunusbekov A. (А.Джунисбеков)

D

Dağan E. İ.
 Dəmirçizadə Ə.-
 Fon Denis H.F.
 van Deyk T. (Т.ван Дейк)-
 Dietrix C.(C.Dietrich)-
 fon Diits H.F.
 Dits O.
 Dmitriyev H.R.
 Dressler V. (В.Дресслер)-
 Duden K.-
 Dübua D. (Д.Дюбуа)-
 A.Düma

E

Eberhard Stock
 Enveri
 E r b e n Y.-
 fon Essen O.(О.фон Эссен)-

Ə

Əhmədova T.
 Əhmədova Z. (З.Ахмедова)
 Ələkbərov A. (А.Алекперов)
 Ələkbərli Q.
 Əliyarlı S.
 Əliyev H.
 Əliyeva Ə.
 Əliyeva M. -
 Əlibəyzadə E.
 Əlimirzəyeva F.
 Əl-Ravi F.
 Ənvəri
 Əzizbəyov M.(М.Азизбеков) -

F

Fant Q.
 Ferqusions X.A.(Ch.Fergusons)-
 Fərzani M. Ə.
 Flipp M. (М.Филипп)
 Firdovsi
 Firs C. R. (Дж.Р.Фирс)
 Fortunatov F.F.(Ф.Ф.Фортунатов)
 Foss
 Fuko M.(М.Фуко)-
 Füzuli M.-

H

Hacıbəyov Ü.
 Hacıyeva F.
 Hacıyev V.
 Hacıyev T.
 Hafis
 Hayke Q. (G.Heike, Г.Хайке)
 H a l l e M.-
 Hammer-
 Harris Z. (З.Харрис)-
 Hassan I. Jouse-
 Herder Y.Q. -
 Helbig G.-
 Heyerdal T.
 Heyət C.
 Hənzəliyeva B.(Б.Гамзалиева) -
 Həsənov B.
 Həsənli C.
 Həsərət-
 Hidayətzadə T.
 Hi n z e F.
 Hitler A.(А.Гитлер)
 Horovits V.
 Hoyzerman İ.(И.Хойзерман)
 fon Humboldt V. (W.von Humboldt)-
 Hüseyinov Ə.
 Hüseyinov F.
 Hüseyinzadə M.-
 Hüsənoğlu F.(Zeynallı)
 Hyelmslev L. (L.Hjelmslev)

X

Xasıyev Ziyad-

Xəlilov Y.
Xəndan Cəfər
Xətai –
Xomeyni
Xomski N. (H.Xомский)-

İ
İbrahimoglu O. (Türksever)
Ignatkina X.
İmrani R.
Isačenko A.V.(A.B.Исаченко) –
İsmayılov F.
İsmayılov M.
İsmayılova S.T.
İvanov V.V.(B.B.Иванов)

J
Jirmunskiy V.M.
(B.M.Жирмунский)-
Jdanova A. A (a.A.Жданова)-
Jinkin N.L. (H.Л.Жинкин)-

K
Kaşğari Mahmud -
Kazım-Bey M.A. –
Kazımov E.
Kazımov F.A. (Ф.А.Казимов)
Krasik V.İ. (B.И.Красик)-
Karmer N. S.
Karsevskiy O.S. (C.O.Карцевский)-
Kaseviç V.B. (B.Б.Касевич)
Kassirer E.
Kenesbaev S.K. (C.K.Кенесбаев)
Keşkafus
Kəmalı Ə.
Kind U.
Kreydlin Q.E.
Krauçenko M.Q. (M.Г.Кравченко)-
Kolşanskiy Q.V. (Г.В.Колшанский)-
Konul B.
Koseriu E. (Э.Косериу)-
Koshevnikov V.F.(Кошевников
B.A.)-
Kox V.A.(B.A.Кох)-
Kuçmina Q.-

Kunin A.V. (A.B.Кунин)
Kupayev T.
Kuznesov P.S.(C.H.Кузнецов)-
Kuznesov S.N.-

Q
Qalperin İ.R. (И.Р.Галперин)-
Qarayeva M.
Qasımzadə F.
Qeybullayev Q.
Qikasyan V.
Qivon T. (T.Гивон)-
Qlisson H.(Г.Глисон, H-Gleason) –
Qrammon M. (M.Граммон)
Qraums C. (Дж.Граймс)-
Qrenbek K. (K.Гренбек)
Qreğuar A. (A.Греғуар)
Qriçanov A.A. (Гричанов А.)-
Qrimm Y.
Qordina M.V. (M.B.Гордина)-
Qorki Maksim
Gottfried
fon Qöte Y.V.-
Qvozdev A.A. (A.A.Гвоздев)-
Qubatov Ə.
Quqasyan Voroşil
Quliyev Ə.
Quliyev H.
Quliyev Z.
Quluzadə M.
Qurbanlı Ç.
Qusseril E. (Э.Гуссериль)

L
Labov U. (У.Лабов)-
Lado R. (P.Ладó)-
Laoss Y.
de Laçerda A. (A.de. Lacerda, A.де
Лачерда)-
Layzinger F. (Ф.Лайзингер,
F.Leisinger)-
Layonz C.(Дж.Лайонз)-

Lermontov M.Y.
(M.I.O.Лермантов)-
Lindner Q.(Г.Линднер)-
Lonqeykr R. (P.Лонгейкр)-
Lüter M.

M

Mahmudov M.
Manquliyeva H.
Manzius V. (B.Манзиус)
Martine A. (A.Мартине)-
Mayer R.
Maynhold Q. (G.Meinhold)
Maslov Y.S.(Ю.С.Маслов)-
Matezius V.
Matuseviç M.İ. (M.И.Матусевич)-
Mehdiyeva S.
Mehdiyev.N. (H.Мехтиев)
Mençerat P. (P. Menzerath,
П.Менцерат)-
Mentçel V. (B.Менцель, W.Menzel)-
Meringer R. (P.Мерингер)
Məmmədli Q.
Məmmədəliyev V.
Məmmədquliyev C. Q.
(Дж.Г.Мамедкулиев)
Məmmədquluzadə C.
Məmmədova F.
Məmmədov A.
Məmmədov Ə.
Məmmədov X.
Məmmədov N.
Məmmədov İ.
Məşədiyev Q.
Mikolovski P.
Miller V.F.(B.Ф.Миллер)
Mir Cəlal Məmməd Hüseyn
Mirzəcanzadə A.
Mirzəyev R.
Mirzəzadə H.
Moulton Q. (B.Моултон)-
Möhsüni Əziz
Muradov Cavanşir
Muxtarov Ə.
Musabaev Q.Q.(Г.Г.Мусабаев)

Musayev İsa
Musayev O. -
Musayev İ.
Mustafayev V.
Mummer J.
Müsəddiy M.

N

Nalimov V.V. (B.B.Налимов)
Napoleon
Natiqi Həmid
Nasilaov D.M. (Д.М.Насилов)
Nəbiyev B. (B.Небиев)
Nərimanov N. -
Nəsimi -
Nəсібzadə
Molla Nəsrəddin
Nikkel Q. (Г.Никель, G.Nickel)-
Nikolayeva T.M. (Т.М.Николаева)-
Nitqi H.
Nizami -
Nork O.A. (O.A.Норк)-
Noymann B. (B.Neumann)
Nüvədili T.V.

O

Obermayer A. (A.Obermeier)
Orlova Q.A. (Г.А.Орлова)-
Orucov Ə.-
Oydi Nikolas
van Oynen K.
Osborn L.

Ö

Ömer Renate
Öztopçu Q.

P

Raduçeva E.V. (E.B.Подучева)-
Parənci F.
Passi P. (П.Пасси)
Paşayev Q.
Paul H. (Г.Паул)-

Penzl H.
 Pepinova S.
 Peşkovski A.M. (А.М.Пешковский)
 Petefi Y. (Я.Петефи)-
 Peterson M.N. (М.Н.Петерсон)
 Pilx H. (H.Pilch)-
Pişəvəri Seyid Cəfər
 Ponkrau Q.Y. (Г.Я.Понкрау)-
 Popov R.N. (Р.Н.Попов)
 Popova Z.D. (З.Д.Попова)
 Porsiq V.-
 Potseluyevski A. P.

R

Reder L.
 Reformatski A.A.
 (A.A.Реформатский)-
 Remer V.
 Rəfilı M.
 Jan Pier Ruslo A.
 Rumi Cəlaləddin
 Russo P. (П.Руссо)
 Rza N.

S

Sabir-
 Sadi
 Sadıxov S.-
 Sanders M.-
 Sapir E. (E.Сапир)-
 Seyidov F.
 Seyidov Y.
 Seyidov M.
 Seyidəliyev N.
 Seneka
 Serio P. (Серпио П)-
 Sədi
 Səfərov M.
 Sidorenko M.I. (М.И.Сидоренко)
 Sievers E. (Э.Сиверс)-
 Skrupçur E. (Э.Скрипчур)-
 Slatoustova L.V.-
 Sommerfelt A. (А.Соммерфельт)
 de Sössür F. (Ф.де Соссюр)-
 Sperber D.-

Stepanov Q.V. (Г.В.Степанов)-
 Stepanov Y.S. (Ю.С.Степанов)-
 Stroeve T.V. (Т.В.Строева)-
 Svetozarova N.D. (Н.Д.Светозарова)
 Sultanlı Əli
 Süleymanov O.-

Ş

Şabanov Ş.
 Şaxmatova A. A. (A.A.Шахматова)
 Шахтахтілі М. А. –
 Şedlix X.Y. (X.Й.Шедлих)-
 Şekspir
 Şerba L.V. (Л.В.Щерба) –
 Şerbak A.M. (A.M.Щербак)
 Şəfizadə B.
 Şəhriyar
 Şiller F.
 Şindler O.
 Sin H.
 Şinkin W.A.
 Şirəliyev M.
 Şirvanlı Ə.
 Şuxardt T. (Т.Шухардт) –
 Şükürov A.
 Ştok E. (E.Stock)

T

Tahirzadə Ə.
 Tağıyev M.T. (M.T.Тагиев)-
 Tağızadə Z.
 Tarasova D.V. (Д.Тарасова)-
 Ternes Fant Elmar
 Tenyer L.-
 Təhmasib M.H.
 Tillmann H. G.
 Timur
 Timurtaş F.Q.
 Triir Y.-
 Trink B.
 Trubeskoy N.S. (Н.С.Трубецкой) -
 Tolstoj L. (Л.Толстой)-
 Torsutv Q.P. (Г.П.Торсуев)
 Turayeva Z.Y. (З.Я.Тураева)-
 Tusi N.

Tvoddel V.F.(W.F.Twaddel,
B.Тводдел)-

U

Ulusoy K.
Unbeqaun (Унбегаун)
Unqehoyer Q.
Uorf B. (Б.Уорф)
Uşakov D.N. (Д.Н.Ушаков)
Uşiniski K. D. -

V

Molla Pənah Vaqif –
Vagner Karl/Найни (Karl/Heiny
Wagner)-
Vaunrayx U.(У.Вайнрайх,
U.Weinreich) –
Vays P.(P. Weiss)
Vaysgerber L.-
Vebster N. -
Verbiskaya L.A. (Л.А.Вербицкая)
Verdiyeva Z.N. (З.Н.Вердиева)
Verner O. (O.Werner, O.Вернер)
Vesthof Q.(G.Westhof)
Veysəlov F. (F.Veysəlli (Yadigar),
Ф.Я.Вейсалов) –
Veysəlova D.
Vəliyev S.
Tamella Tariyel Vəli
Viqotskiy L.S. (Л.С.Виготский)-
Viland (Виланд)
Villet Z.-
Wilson D.(D.Wilson)-
Vinoqradov V.V. (В.В.Виноградов)
Vinter. V.
Vostonholz Q.
Vundt (В.Вундт)
Vurğun S.

Y

Yadigar F. (Veysəlli)-
Yaqiç İ.V.(И.В.Ягич)
Yakobson R.O. (Р.О.Якобсон) –
Yakovlev N.F. (М.Ф.Яковлев)

Yelmslev L. (Л.Ельмслев)-
Yespersen O.-
Yusifov Y.
Yusifzadə A.
Yürqen C.

Z

Zakir Q. B. -
Zamenhof L. -
Zayler H.
Zeynalova S.
Zeynalov. F. H.
Zəhtabi M.
Zibs T. (Т.Зибс)-
Zinder L.R. (Л.Р.Зиндер)-
Zorqer B. (B.Sorger)
Zülfüqar (balabançı)-

ÖZƏK SÖZLƏR

Аа

абсолютный ауслаут-
 абстрактный-
 автономная система-
 автономность-
 ~ автономность интонации-
 автосемантическая морфема-
 автоматическое распознавание-
 ~ распознавание речи-
 ~ распознавание речевых сигналов-
 агглютинация-
 агглютинативные языки-
 адресат-
 адеквативная функция-
 азербайджанский язык-
 ~ ая фонология-
 ~ ые гласные-
 ~ ое слово-
 активно действующий орган-
 акусм-
 акустико-артикуляторные характе-
 ристики-
 акустико-артикуляторное различие-
 ~ сходство
 ~ родство
 акустический аспект-
 ~ корелят-
 ~ параметр-
 ~ ие средство-
 акустические параметры терми-
 нальной интонации-
 акустическая характеристика-
 ~ воена-
 ~ природа-
 ~ ое различие-
 ~ ое сходство-
 акцент родного языка-
 акцентологические ошибки
 признаки-
 ~ характеристики-
 албанский язык-
 аллофон-
 аллофоническое варьирование
 ~ фонем-
 аллофонема-

Алфавит-

амбигуитность-
 анализ-
 английский-
 английский язык-
 анлаут-
 ~ слова-
 ~ морфемы-
 антропология-
 апеллятивная функция-
 арабский-
 артикуляция-
 артикуляторная фонетика-
 ~ гетероченность
 артикуляторные корреляты-
 акустическая фонетика-
 аспект языка-
 ~ нормы-
 асперация-
 ассимилированные заимствования-
 атрибут-
 атрибутивная флексия-
 ~ функция-
 ауслаут-
 аффикс-
 ~ предикативности-
 ~ отречения-

Бб

безударный-
 билингвизм-
 бинаристы-
 бинарный-
 болгарский язык-
 буквальный перевод-

Вв

вариант-
 вариант фонемы-
 ~ особого типа-
 вариантный-
 вариантность-
 вариативный-
 ~ уровень-
 вариативность-

- вариация-
 варьирование-
 ~ фонем-
 велеризованный-
 вербальная артикуляция-
 ~ ый знак
 вербальности-
 вершинообразующая функция-
 взаименность-
 внутренфразовая функция-
 внешняя флексия-
 внешнефразовая функция-
 внутренняя флексия-
 внутренний организация предло-
 жения-
 внутривербальная вариативность –
 внутриязыковой перевод-
 видимая речь-
 вокализм-
 вокализм немецкого языка-
 вопрос-
 вопросительная частица-
 восприятие звуковых единиц-
 восприятие языка-
 ~ речи-
 встречаемость-
 выделение фонемы -
 ~ из речевого потока-
 выделяемость гласных-
 высказывание-
 высокочастотный-
 вышестоящий ярус-
- Гг**
 гармония гласных-
 ~ согласных-
 генератив-
 генеративная грамматик-
 германские языки-
 гласные-
 ~ немецкого языка-
 ~ после губных-
 ~ после переднеязычных-
 ~ после носовых-
 ~ после среднеязычных-
- ~ преднего ряда-
 ~ заднеязычных-
 ~ фонемы-
 ~ фонемы немецкого языка-
 гласный основы-
 глухой-
 ~ согласный-
 глухие-
 глухие смычна взрывные соглас-
 ние-
 ~ щелевые-
 ~ смычные-
 говорящий-
 голосовые связки-
 гоморгонности-
 грамматика-
 грамматическая-
 ~ структура-
 ~ функция-
 грамматические ошибки-
 ~ ое значение-
 громкость-
 губные-
 губные согласные-
- Дд**
 данное-
 декодирован-
 делимитативная функция-
 денотат-
 деривация-
 дескриптивности-
 дефект речи –
 дефиниция-
 движение основного тона-
 ~ тона
 двугленность-
 двуморфемность слова-
 двусторонность знака-
 двуязычие-
 диалог-
 диалектическое единство-
 диапазон-
 диапазон варьирования-

диахронический-	единицы коммуникации-
динамика-	единство мелодических, динамиче-
динамическая структура-	ских, временных и тембральных
~ ие характеристики	изменений в речи-
дискретный-	единство фонемы-
дискретность-	естественная речь-
дистинктивный-	~ ие гласные-
дискурс-	
дискурсивный анализ-	Жж
дистантное расположение-	жанр-
дистрибутивно-	
дистрибутивный анализ-	Зз
дистрибуция-	завершающая (терминальная) ин-
~ гласных фонем немецкого языка-	тонация-
дистрибуционный критерий-	завершенность-
~ анализ-	заднеязычные-
дифтонг-	~ ий согласный-
дифтонгоидный аттенек-	заимствование-
дифференсор-	законченность-
дифференцировать-	закрытые гласные-
дифференциальный признак-	закрытый слог-
~ фонем-	залог-
дифференциальный признак фоно-	замедление интенсивности-
логической системы-	~ темпа-
дифференциация смысла-	заударный слог-
дифтонг-	звонкий-
дихотомия языка и речи-	звонкие согласные-
дихотомисты-	~ смычные
дихотомическое противопоставле-	~ шелевые
ние языка и речи нормы	звук-
дихотомический принцип устанав-	~ языка-
ление фонем языка-	звуки-
~ ая теория-	звуковой стороны-
длительность-	~ континуум-
~ звука-	~ облик-
долгие гласные-	~ ая база-
долгота / краткость-	~ ая материальная форма-
дополнительная дистрибуция-	звуковые экслоненты-
ДП-	~ единицы-
	звучание-
Ее	знак-
единица плана выражения-	значение-
~ конститутивная-	~ знака-
~ дистинктивная-	значимая единица в потенции-
~ языка	

зондергласный-

Ии

идентификация-

идентификация фонем-

~ звуковых единиц

идентичный-

идентичное значение-

~ ые условия-

идентифицироваться-

иерархия-

избыточный признак-

индивидуальное-

индивидуальный вариант-

инвариант-

инвариантное-

инвариантный-

инвариантность-

инвентарь единиц языка-

инвентарь монофтонгов-

~ азербайджанских фонем-

~ немецких гласных-

~ вариантов фонем-

ингерентный-

индикатив-

интегральный признак-

ин- и ауслаут-

интеллектуальные значение-

интеллектуальная сторона речи-

интенция-

интенсивность-

интерконсонантное положение-

интерференция-

интерференционная ошибка-

интерпретация-

интеррогативный-

интонация-

~ вопроса (интеррогативная)-

~ побуждения-

~ повествования-

~ прогрессивная-

~ (терминальная)-

интонационная единица-

~ завершенность-

~ идентификация терминальной

интонации-144

~ структура-

~ система

~ синтагмы-

интонационный контур-

информация-

~ варьирования-

иррелевантный (интегральный)

искусственный интеллект-101

Кк

казахский язык-

каличественное отношение-

~ ие характеристики-

~ ая вариативность-

каличественное отношение-

~ характеристики-

картовая реализация /r/-

квазиидентичные-

квазиомонимы (минимальная па-

ра)-

кинем-

киргизский язык-

клауза-

класс звуков-

классическая фонология-

классификация-

~ гласных фонем-

кнаклаут-

коартикуляционный-

~ ые условия-

коартикулирующие факторы-

когезия-

когерентный текст-

когнитивная психология-

~ антропология-

комбинаторика-

комбинаторные варианты-

~ гласных фонем немецкого языка-

комбинация-

комбинаторный-

~ анализ-

~ вариант-

комбинационные характеристики-

~ варианты-
 коммуникант-
 коммуникативное оформление
 предложение-
 ~ ие единици-
 коммуникативная функция-
 коммуникация-
 компетенция-
 компененти интонации-
 комбинация-
 конвергентный-
 конплементарно-
 конситуация-
 консонантизм немецкого языка-
 константный-
 консонантные окружение-
 контактное расположение-
 контекст-
 контекстуальный вариант-
 континиум-
 контрасты-
 контрастив-
 контрастивное языкознание-
 контрастивная фонология-
 ~ грамматика-
 конфигурация-
 ~ просодических особенностей-
 ~ речевого тракта-
 конфигурация речевого тракта-
 конфрантатив-
 конфрантативная лингвистика-
 конфрантация-
 концепт-
 коньюктив-
 координативное двуязычие-
 корневой гласный-
 корреляция-
 косвенно-фонологическая оппозиция-
 краткие гласные-
 кратчайшая звуковая единица-
 креативность-
 критерий акустического сходства-
 кульминативная функция-
 кульминационный центр-

Лл
 лабиализованный-
 лабиальные-
 ~ гласные-
 ~ согласные-
 langue-
 лексема-
 лексемный уровень-
 лексическая-
 ~ единица-
 ~ ое функция-
 лингвистика-
 лингвистически-
 лингвистическая социология-
 ~ идентичность-
 ~ ое различие-
 лингвистический аспект перевода-
 линейное членение-
 литературоведение-
 литературный язык-
 логическая-

Мм
 македонский язык-
 макроструктура-
 максимальное понижение интенсивност-
 манифестация фонем языка-
 машинный перевод-
 мелодическое завершение-
 мелодическая характеристика-
 ~ структура предложения-
 ~ вершина-
 меризм-
 метауровень-
 метафаризация-
 метъязыковой перевод-
 метсемиотический перевод-
 механизм языка-
 минимальные пары-
 ~ фонемный состав-
 модель-
 монофтонг-
 морфема-

~ с полифункциональной нагрузкой-
 морфемный (морфологический)-
 морфология-
 морфологические системы-
 ~ ая единица-
 ~ ая структура-
 ~ ая граница-
 ~ ая функция-
 ~ ая сегментация-
 ~ ое значение-
 морфемное тождество-
 морфологический критерий-
 ~ принцип-
 ~ уровень-
 ~ шов-
 манифестация фонем языка-
 мутация-
 мягкие-

Нн

надсегментные средство-
 недопустимые сочитание-
 назальные согласные-
 назализованный-
 ~ ность-
 назализованная окраска-
 назализованность-
 незаконченность-
 носитель информации-
 нейтральный / эмоциональный-
 нелабиальные гласные-
 немецкий язык-
 ~ вокализм-
 немецкие гласные-
 необязательные варианты-
 неогубленный-
 неполный тип произнесения-
 нерелевантный-
 неродной язык-
 неударная позиция-
 неударный слог-
 неударность-
 низкочастотная позиция-
 новогреческий язык-
 новое-

новышение тона-
 номинативные единицы-
 ноньжение -
 норма-
 нормативное произнашение-
 носитель языка-
 носитель информации-
 ~ просодических характеристик-
 носовой-
 носовые дистрибуция-

Оо

обязательные вариант-
 общее-
 односинтагменные предложения-
 ограниченная дистрибуция-
 огубленности-
 огубленный-
 окружение-
 омоним-
 опыт по восприятию-
 опознование-
 опознание-
 опознаванность-
 оппозиция-
 описательная фонетика-
 организующая функция-
 орфоэпия-
 орфоэпический-
 орфофония-
 орфофонические особенности-
 ~ ая норма особенности-
 ~ ая норма немецкого языка-
 ~ ая описание-
 основной вид-
 ~ тон-
 основные вврианты-
 ответ-
 ~ по восприятию вариантов-
 отдельное-
 отдельный звук-
 отклонение от нормы-
 открытые гласные-
 ~ безударные слоги-

открытость / закрытость гласно-
го-
отношение свободного варьирова-
ния-
оттенки-
оттенок-
~ назализованности-
особое-
осциллограмма-
осциллографический анализ-

Пп

parole-
палатализованное-
палатализованность
~ согласных-
парадигма-
парадигматическая сходство-
~ идентификация-
парадигматический-
~ анализ-
парадигматические отношения-
~ классы
~ ое тождество аллофонов (аттен-
ков, вариантов)-
~ ое отншение-
~ ое противопоставление
парафраза-
пауза-
перевод-
переднеязычный-
перекадирование-
переходный участок-
перечислительная интонация-
персидский-
персонификация-
перцептивно-
перцептивный аспект-
перцептивная фонемка-
периферейная система фонем-
писменный перевод-
план вырождения-
~ языковых единиц-
~ содержания-
плюралитантум-

поверхностная структура-
повышение тона-
подсистема гласных немецкого
языка-
подстранный перевод-
позиция-
~ максимальной дифференциации-
позиционной-
позиционные характеристики-
~ варианты-
~ супrasegmentные характери-
сти-
~ особенности-
полный тип произнесения-
полость носа-
понимание (анализ) дискурса-
понижение тона-
понижение части основного тона-
порождения (синтез) дискурса-
порождения звуковых единиц-
порядок слов-
последованный перевод-
поствокальный-
поствокальные согласные-
~ ая позиция-
~ ая глухая согласная-
постмодерниза-
потенция-
потенциальная связь-
поток речи-
прагматика-
предикат-
превокальный согласные-
~ ая позиция-
предложение-
предлог-
преднеязычный раскатистый вари-
ант-
~ согласный-
предшествующие согласные-
препаузальная позиция-
префикс-
префиксальная морфема-
предикация-
прекрытый слог-

преударный слог-
 признак глухость / звонкость-
 ~ назальный / неназальный-
 принцип остаточной гнимости-
 противопоставление-
 противопоставление по долготе /
 краткости-
 ~ открытости / закрытости-
 ~ напряженности / ненапряженно-
 сти-
 ~ согласных по признакам
 просодика-
 просодика азербайджанского сло-
 во-
 ~ языка-
 просодический признак-
 ~ контур-
 ~ ая организация-
 ~ ая структура-
 ~ ая организация слово-
 ~ ая двувршинность-
 ~ ие средство-
 ~ ие характеристики-
 привативная оппозиция-
 прикладная лингвистика-
 принцип дополнительной дистри-
 буции-
 принцип остоточной гленимости-
 принцип частичной дистрибуции-
 признак глухости / звонкости-
 ~ «придыхательный / непредыха-
 тельный»-
 прождение (синтез) -
 продуцент-
 прогредиентный-
 пропозиция-
 противопоставление минималных
 пар-
 психоллингвистика-
 психологический аспект-
 пуризм-
 пучок дифференциальных призна-
 ков-

Рр

различие-
 различение-
 ~ смысловых единиц-
 разложение речевого потока-
 ~ словоформа-
 рамочная конструкция-
 рассказывание-
 распознавания личности говоряще-
 го-
 распознавание языковых единиц-
 реализация-
 ~ гласных-
 ~ палатализованных согласных-
 редукция-
 ~ в немецком языке-
 редистрибуция-
 редуцированный-
 резонатор-
 релевантный-
 репрезентант фонемы-
 речевой акт-
 ~ поток-
 ~ континуум-
 ~ тракт-
 релевантный-
 ~ признак-
 речь-
 рисинк-
 ритмическая группа-
 риторика-
 родной язык-
 романские языки-
 руминский язык-
 русский язык-

Сс

самостительная фонема-
 ~ морфема-
 самостоятельность-
 свободное варьирование-
 свободное варьирование-
 связь-
 связности-
 свистящие согласные-
 сегмент-

сегментный-	синтаксис-
сегментация-	синтаксическая структура-
~ актуализованных высказываний-	~ граница-
~ звуковых единиц-	синтаксические системы-
~ речевого потока-	~ конструкции-
сегментная единица-	синтагматические отнeшения-
свободное варьирование-	синтаксические описание-
сигнификативно-	синтаксический уровень-
сигнификативная функция-	синтаксическое членение-
~ смысловразличения-	синтезированная речь-
силовой (экспираторный)-	~ ие гласные-
сильная позиция-	синтактика-семантическая структу-
~ редуцированность гласных азер-	ра-
байджанский языка-	синхрония-
сильные глаголы-	синхронный перевод-
сильный приступ-	синхронический-
семантика-	система-
семантико-синтактико-	~ азербайджанского языка-
фонетическое единство-	~ вариант-
семантическая интерференция вы-	~ знаков-
сказывания-	~ противопоставления-
~ ий класс-	~ языка-
семиотика-	~ оппозиций-
символ-	~ фонем-
симметрия-	~ фонем немецкого языка-
симультанно-	~ гласных немецкого языка-
сингармонизм-	~ интонационных противопостав-
сингармония-	лений-
сингармоническая вершина-	системные отношения-
~ ие характеристики-	системно-структурные особенно-
синоним-	сти-
синонимичности-	системообразующий признак-
синсемантическая морфема-	системный подход-
синтагма-	ситуация-
синтагматика-	ситуативный вариант-
синтагматический-	скентицизм-
~ анализ-	сконструировать-
синтагматическая идентификация	слабая позиция-
фонем-	славянские языки-
~ цель высказываний-	словесное ударение-
~ фонология-	слово-
~ ое отнeшение-	словоизминительный рисинк-
~ ое противo поставление-	словообразование-
~ ое расчленение	словообразовательный суффикс-
~ ое членение-	словоопознавательная единица-

словоформа-	спектральный анализ-
словоуменьшение-	спектрограмма-
слог-	специфические варианты-
слоговая структура-	среднее значение частотных характеристик-
слушатель-	средне-отношенная интенсивность-
смещение языков	средне-относительная длительность-
смысл-	среднеязычные-
смыслоразличитель-	средство языка-
смыслоразличительная оппозиция-	средняя высота тона-
смысловая связь-	статика-
~ ое различие-	статико комбинаторный анализ-
смысловое членение потока речи-	статус... гласных фонем
смыслоразличитель-	~ фонемы-
~ ная функция-	стационарная часть-
смочная структура-	~ ый участок-
согласные-	структура-
~ в интервокальной позиции-	~ дискурса-
~ ое окружение-	~ слова-
согласный-	~ языка-
согласные-	структуральная лингвистика-
сомостоятельная фонема-	структурализм-
сонант-	структурна лингвистика текста-
сонтание-	структурно-смысловая законченность высказывания-
сообщение-	структурные модели сочетаемости гласных-
соотношение варианта и фонемы-	~ немецкого языка-
состав вариантов-	стилистика-
~ варианты гласных фонем-	стилистическая-
~ гласных фонем немецкого языка-	стилистический-
~ фонем азербайджанского языка-	субординативное двуязычие-
составляющие-	субституция-
социальное-	суперсегментная единица -
социология-	суперсегментные характеристики-
социалингвистика-	супрасегментные характеристики-
социокультурный контекст-	~ особенности-
~ процесс-	~ ие условия-
сочитаемость-	субъект-
сочитаемость фонем-	суффикс-
сочетание-	
~ гласных с согласными-	Тт
~ гласных фонем	таксонимическая грамматика-
~ фонем-	~ лингвистика-
~ согласных-	
спектр-	
~ гласного-	
спектральный-	

таксономический структрализм-
 теория о двувершинности-
 ~ автономности звуковой стороны
 языка-
 ~ дискурса-
 текст-
 теристик-
 тернерная классификация-
 тема (тоник)-
 тембр-
 темп-
 темпоральная характеристика-
 тернарный нормы-
 терминальность-
 терминальная интонация-
 ~ синтагма-
 твердая основа-
 типы вариантов-
 ~ обязательные-
 ~ основные-
 ~ комбинаторные
 ~ позиционные-
 ~ индивидуальные-
 ~ факультативные-
 ~ нейтральный-
 ~ эмоциональный-
 типичный-
 токсиномическая лингвистика-
 тон-
 тональные языки-
 тональный контур-
 тонема-
 тождество-
 тождественные-
 трансляция-
 транслаты-
 трансяционная компетенция-
 трансмутация-
 транспозиция-
 трехугольник-
 тувинский язык-
 тунгуссо-матрурские языки-
 туранские языки-
 турецкий язык-
 туркменский язык-

тюркские языки-
 тюркское слово-
 Уу
 увульерный вариант-
 ударение-
 ударный слог-
 ударность / неударность-
 ударенность-
 ударный аффикс-
 ~ гласный-
 уменьшение интенсивности-
 умлаут-
 умлаутизация-
 унилатериальность-
 унификация-
 уровень-
 ~ высказывания-
 ~ конкретного речевого акта-
 ~ нормы-
 ~ синтактических конструкций-
 ~ слова-
 ~ структуры-
 ~ структуры языка-
 ~ функциональной системы-
 ~ языка-
 условно слог-
 усный перевод-
 Фф
 факультативный вариант-
 фаза-
 философия-
 физическая субстанция-
 флективная морфема-
 фонема-
 фонематичность-
 фонематичность немецких глас-
 ных-
 фонеметрически-
 фонемка-
 фонемная идентификация-
 фонемный инвентарь-
 ~ репертуар-
 ~ состав слова-

~ статус-
 ~ состав
 ~ ая идентификация звука-
 фонемческий-
 ~ такт-
 ~ характеристики-
 фонемческая репрезентация-
 ~ структура-
 фонемное тождество-
 фонема-
 фонематичность-
 фонемии с ограниченност дистрибу-
 цист-
 фонемное окружение-
 фонемный состав-
 фонемное тождество-
 фонема-
 фонематически (фонологически)-
 фонематичность-
 фонемии с ограниченност дистрибу-
 цист-
 фонемическая лингвистика-
 фонетика-
 фонетически-
 фонетическая единица-
 ~ транскрипция-
 ~ ое окружение-
 ~ ие условия-
 фонолог-
 фонология-
 ~ сегментных единиц-
 фонологическая система-
 ~ аспекта языка-
 ~ база-
 ~ единица-
 ~ иррелевантность-
 ~ сегментация-
 ~ структура
 фонологические системы-
 ~ ое единицы-
 ~ ое ностроение-
 ~ ое описание-
 ~ ое окружение-
 ~ ое признаки-
 ~ ие условия-

фонологический-
 ~ уровень-
 ~ звуков-
 ~ статус-
 фонотактика-
 форма слова-
 форманта-
 формантные структуры
 ~ ие характеристики-
 формантная структура гласных не-
 мецкого языка-
 французский язык-
 фраза-
 фразовая интонация-
 ~ ое ударение-
 фразиологические обороты-
 функция различения-
 ~ обозначения-
 ~ ударения
 функциональная система-
 функциональный уровень-
 функциональное тождество-
 функционирование фонологиче-
 ской системы языка-
 ~ система языка-
 ~ языка-

Цц

целостность-
 центр сингармонических характе-
 ристик-
 центральная система фонем-

Чч

частота встречаемости гласных-
 чередование-
 ~ вариантов звуковой облик-
 чешский-
 член вариативного ряда-
 членение потока речи-
 ~ речевого континуума-
 чутой язык-

Шш

шепеляевые согласные-
шумные звонкие согласные-

Ээ
эквивалентность-
эксонент фонемы-
экскурсия –
экспликация-
эмический уровень-
эмоциональная нагрузка-
эмоционально насыщенная речь-
эмоциональные стороны речи-
эскимосский язык-
этический уровень-
этнография-

Яя
язык-
~ оригинала-
~ перевода-
языковые контакты-
~ единицы-
языковое сознание-
~ ая система-
язычок-

Çapa imzalanıb: 17.09.2009.
Format: 60x84 1/16. Qarnitur: Times.
Həcmi: 25,75 ç.v. Tiraj: 200. Sifariş № 85.
Qiyməti müqavilə ilə.

**TƏRCÜMƏ
VƏ NƏŞRİYYAT-POLİQRAFİYA
MƏRKƏZİ**

**Az 1014, Bakı, Rəsul Rza küç., 125
596 21 44; 497 06 25; (055) 715 63 99
e-mail: mutarjim@mail.ru**